

КОЛОКОЛЪ

VIVOS VOCO!

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ.
Цѣна 6 пенсовъ. Получается въ Вольной
Русской Типографіи, 136 & 138 Caledonian
Road, N

ЛИСТЪ 118.

1 ЯНВАРЯ 1862.

У Трюбнера & Со. въ книжной лавкѣ,
60, Paternoster Row, и у Tchorzewski,
1, Macclesfield Street, (Gerrard Street),
Soho, London. Price six-pence.

(WITH SUPPLEMENT NO. 1.)

ОГЛАВЛЕНІЕ—MORTUOS PLANGO—Н. П. Пироговъ Смѣсь : Гонимыя евреи въ Литвѣ—Московскіе студенты—Продъ Панинъ—

Пятицъ какъ ораторъ—Академикъ Шуваловъ—Упорная Волянка—М. А. Бакунинъ въ Лондонѣ.

MORTUOS PLANGO...

Поминать, такъ поминать!
Пушкинъ.

I.

Новый годъ, какъ верстовой столбъ, всякій разъ заставляетъ подумать скоро-ли доѣдешь, и вспомнить какова была дорога... плоха и очень плоха была, а вотъ и доѣхали до 1862 года, и на русской душѣ нашей словно легче и свѣтлѣе...

Когда я сравню теперичное время съ тѣмъ что было десять лѣтъ тому назадъ, морозъ пробѣгаетъ по кожѣ—нѣтъ, не все что прошло будетъ мило... Тогда было такъ тяжело, такъ тяжело, что одно желаніе и оставалось: "Бѣжать, уйги куда-нибудь, уничтожиться безслѣдно, безсознательно, лишь-бы отдохнуть, лишь-бы не видать что дѣлается вокругъ";* такъ тяжело, что когда разразился *последній ударъ*, невольно вырвался изъ груди радостный крикъ *Vive la mort!*

Съ этимъ крикомъ вступили мы въ новый 1852 годъ.

Слишкомъ много было страданій, стонровъ вокругъ, какая-то духота. Похороны все лучше.

Что было потомъ—трудно сказать. Какая-то нравственная холера, нервы опустились, мысли потускли, тамъ-сямъ спасались люди, кто въ Англію, кто въ Америку; впрочемъ свирѣпыхъ гоненій, ужасныхъ казней и огвагъ, этой последней поэзии мрачныхъ эпохъ, не было. Люди изнашивались, затомлялись какъ-то исподволь, пошлыми непріятностями, мелкими лишеніями, они старѣли не вынося съ собой—выкупомъ за страданія—тѣхъ страшныхъ образовъ бурь и урагановъ, которыми тѣшится морякъ сидя на берегу. Объ этомъ времени *нѣтъ воспоминаній*.

... Хорошили Велингтона.

... Пруссійскій король сошелъ съ ума...

... А возмѣ хоронили цѣлый міръ идей и стремленій не замѣчая того, и цѣлый міръ если не слонилъ съ ума, то съуживался въ умѣ. Легкомысленное непониманіе того что совершалось, надменное самодовольство передовыхъ людей, передовыхъ журналовъ, общественнаго мнѣнія наводило тоску и ужасъ. На откровенныя слова, указывавшія грядущія бѣды, отвѣчали свистомъ и насмѣшками. У насъ въ Россіи разные доктринеры тоже нагналивали на себя западную тупость, это

* Письма изъ Франціи. Пис. XIV, 31 дек. 1851 и съ того берега, Эпистога 1849 года

явленіе вызванное негодованиемъ, оппозиціей—у насъ не имѣло корней; но видѣть на мѣстѣ, дома, обтерханныхъ людей, которые съ надменностью Донъ-Сезарь де Базанъ а величественно завертываются въ грязный, продыравленный плащъ съ полной увѣренностью, что ихъ дѣла завтра пойдутъ блестящимъ образомъ, и знать, что они завтра пойдутъ еще хуже и все хуже—это ужасно!

Годы шли и шли... все больше дрогъ, распушенныхъ шляпъ, факетовъ... мало по малу мы стали догадываться, что это все хоронятъ *чужихъ*, или дальнихъ родственниковъ, отъ которыхъ мы получаемъ въ наслѣдство все — за исключеніемъ горести объ умершемъ, мы — осмѣлившіеся надѣяться, когда ночь кругомъ становилась темнѣе, мы — вѣровавшие въ Россію тогда, когда вѣра въ нее была безуміемъ, когда Россія была однимъ обширнымъ острогомъ, къ обмерзшимъ дверямъ котораго былъ приваленъ Николай.

II.

А не пощадила Донъ-Сезарь де Базанъ а судьба, не обошла его ни одной каплей горечи, ни однимъ униженіемъ, ни однимъ ударомъ.

Была у гордаго старика одна мечта, одна надежда... казалось въ самомъ дѣлѣ событочная, онъ утѣшался какъ король Лиръ мыслью, что у него вдали есть дочь—богатая и вольная, которой онъ при жизни завѣщалъ свое лучшее достояніе, она то, думалъ онъ, исполнитъ его послѣднюю волю. И въ тѣ минуты, когда старикъ дома становилось тяжело, онъ мечталъ объ ней и собирался къ ней перебраться.

Мы сами были увлечены и вѣрили въ нее.

Но не Кордеген оказалась и эта дочь.

... Разверните лѣтописи міра, отъ потопа, отъ Мелхиседека до вчерашняго дня, и найдите на Югѣ, на Востокѣ, идѣ хотите, знамя и крестъ того, на которомъ написано: *Рабство или Смерть!* Было-ли что-нибудь чудовищнѣе въ библейскихъ бояняхъ, въ уничтоженіи Альбигойцевъ, во времена инквизиціи, Исламизма... Что передъ этимъ *самодержавіе*, во имя котораго убивали народы Николай, что передъ этимъ сумасшедшій бредъ *умнаго* прусскаго короля въ Кенигсбергѣ, отбросившаго Германію за Вестфальскій миръ?

Война за рабство! "За наше *святое дѣло!*" Какъ выразился южный президентъ въ рѣчи своей.

До Сѣверо и Юго-Американскихъ Штатовъ было рабство и крѣпостное состояніе, неправая война и неправое стяжаніе, но этотъ цинизмъ, эта наглость, эта преступная простота, это безстыдное обнаженіе—это ново и принадлежитъ Америкѣ.

— “Та-ли эта Америка? Та-ли Франція? Какъ онѣ могли такъ измѣниться?”

— Онѣ не измѣнились, только мы ихъ не знали прежде. Мы смотрѣли картинки, читали вывѣски... Революція пробѣжала какъ императрица, картонныя избы упали, декораціи сельскаго благосостоянія сняты, новые кафтанъ обобрали. Что-же осталось?—Истина.

Страна Уильберфорса снаряжаетъ корабли, нехотя становясь за рабство; рѣками можетъ политься кровь въ Атлантическій океанъ, корабли погружены на его дно, “святая основа” южныхъ республикъ будетъ принята всей Европой.

А въ это время развѣ онъ будетъ сидѣть сложа руки?

... Римъ, Рейнъ, Белгія, Востокъ—Ave Cæsar!

Ужъ не въ самомъ-ли дѣлѣ это пятое дѣйствіе—трагедіи, начавшейся въ 1789?

— Если-же такъ, куда послѣ театра?

— Не знаемъ куда актеры, а мы ко дворамъ.

III.

У насъ въ старыя годы, все перекладывали французскіе водевили на русскіе нравы. Какъ-бы не случилось теперь того-же съ европейской трагедіей!

Она выйдетъ у насъ грубѣе, но гораздо проще. У насъ *старое* то *ново* и не пустило корней; у насъ морщины на кожѣ, но кровь молода.

Упорная живучесть всего существующаго въ Европѣ прочно основана на всемъ быломъ ея. Ея многосложный бытъ сложился самъ по себѣ, выработался въ длинной и тяжелой борьбѣ; онъ ей естествененъ, у ней есть другіе *идеалы*, но другаго *быта* нѣтъ. Къ тому-жъ, въ обвѣтшалахъ и узкихъ формахъ ея захвачено бездна изящнаго и хорошаго. Оно то и утратилось при *переложеніи на наши нравы*, удивляться этому нельзя.

Европейскій бытъ и цивилизація были надѣты на насъ въ томъ родѣ, какъ въ Лондонѣ мальчишки зашиваютъ, для продажи, плебейскаго происхожденія щенка въ волнистую шкуру аристократической собаченки; щеночекъ, вымытый и расчесанный, бѣгаетъ въ своемъ *болонскомъ* кафтанѣ по гостиннымъ, спитъ на диванахъ—но увы, онъ растеть, и чужая шубенка лопаетъ по швамъ.

Какъ-бы то ни было, но теперь вопросъ собственно вотъ въ чемъ: имѣя западную фасаду и формы, безъ лучшей стороны содержанія, что намъ придется—разбить-ли чужія формы или усвоить чужое содержаніе?

То что въ Европѣ есть общечеловѣческаго—т. е. наука и больше ничего,—само собою принадлежитъ всѣмъ, какъ воздухъ принадлежитъ каждому имѣющему легкія. Стало быть рѣчь не о наукѣ, а о томъ, могутъ-ли другіе результаты западнаго развитія усвоиться нами, не мѣшая нашему собственному росту, или мы разовьемъ какія-нибудь иные историческіе элементы?

Конечно было-бы лучше воспользоваться тѣмъ и другимъ. Человѣкъ скупъ, стяжатемень, ему жаль терять, онъ завистливъ, ему хотѣлось-бы всего—всего. Но силъ нѣтъ на обладанье, нельзя-же въ самомъ дѣлѣ быть разомъ средне-

вѣковымъ монахомъ и Алкивиадомъ, кастильскимъ грандомъ въ шипѣ и Якобинцемъ въ красной шапкѣ; такъ какъ нельзя, переѣзжая изъ города въ деревню, захватить съ собой всѣ городскія удобства,—довольно того, что въ городѣ вмѣстѣ съ ними останется и зараженный воздухъ, и пыль, и прогивная толкотня.

Не все юное и свѣтлое изъ жизни Еллады перешло въ Римъ, не все изящное античнаго міра осталось въ христіанствѣ, и не все граціозное аристократической Европы сохранилось въ мѣщанской. И въ этомъ лежитъ великая печать личной самобытности каждой эпохи и ея художественная замкнутость.

Природа постоянно идетъ этими путями—развиваясь въ разныя стороны лучами, діагоналями, кривыми. Молча благоухаетъ роза, славно поетъ соловей, но совсѣмъ не пахнетъ. Не смѣйтесь падъ этимъ примѣромъ. Дѣло въ томъ, что все *удавшееся* въ природѣ—сохраняетъ свои особенности съ упорнымъ консерватизмомъ побѣдителя, поддерживая свои династическія интересы и предоставляя новымъ *racvenus* доискиваться иныхъ завоеваній и формъ. На этомъ-то и основано страшное множество видовъ и родовъ. Въ природѣ нѣтъ табели о рангахъ, ни перевода изъ класса въ классъ, иначе давнымъ давно всѣ животныя дослужились-бы до человѣческихъ чиновъ и на островѣ Цейлонѣ или на берегахъ Евфрата цвѣла-бы демократическая и социальная Атлантида.

Иными словами—переходъ отъ менѣ совершенныхъ видовъ къ болѣе совершеннымъ, вообще не дѣлается развитіемъ *наименѣе несовершеннаго* вида въ болѣе развитой. Онъ и такъ хорошъ, и такъ дорого стоялъ, пусть-же онъ и остается самъ по себѣ, въ то время какъ ряды другихъ попытокъ, на право, на лѣво, со всѣхъ сторонъ, тиснутъ, гибнутъ, отстаютъ, *обходятъ, забываютъ* существующій видъ.

Каждый видъ представляетъ поступательное развитіе съ одной стороны, и съ другой предѣлъ, т. е. препятствія, на которыя онъ натолкнулся съ *стремленіемъ ихъ перейти*. Это безсилъе нисколько не мѣшаетъ другому виду, можетъ бѣднѣе организованному въ чемъ-нибудь иномъ, перешагнуть именно это препятствіе.

— “Мы понимаемъ, но гдѣ-же предѣлъ европейскаго развитія, гдѣ препятствія за которыя оно запынулось?”

Во-первыхъ въ сознании необходимости кореннаго переворота, въ сознании нецѣлости государственной, юридической и экономической жизни, отставшей вѣками отъ общественной и научной. Во-вторыхъ *въ немогутъ, не только совершить этотъ социальный переворотъ, но даже формулировать его*.

Вотъ на чемъ оборвались реформаціи и революціи, республики и конституціи, вотъ пороги за которыя запнулись смѣлыи бѣгъ Запада, и смутившись бросился въ цезаризмъ, націонализмъ и въ тупой смѣхъ надъ социальными вопросами, напоминающій намъ тупой смѣхъ римскихъ патриціевъ и доктринеровъ надъ Назаряями. Плакать надобно, а не смѣяться. Мы ждали четырнадцать лѣтъ. Слово, если и было сковано, мысль не была скована, да и есть слова и мысли, которыхъ не скуешь ни смертію на Голгоѣ, ни погребеніемъ въ Алексѣевскомъ равелинѣ. Гдѣ это слово? Гдѣ эта мысль? Что прибавилось къ торжественному протесту противъ общественной лжи и несправды, сдѣланному Сенъ-Симонистами и ихъ товарищами, что къ грозному обличенію, раздавшемуся середь кровавой бури Юльскихъ дней?

Социализмъ стоитъ тѣмъ-же гнѣвнымъ Даниюломъ, указывая страшныя, огненные буквы, которыхъ полнаго смысла мы не знаемъ, которыя пророчагъ бѣду и молчать объ искупленіи...

Вотъ предѣль...

IV.

Но предѣль-ли это для насъ пріемышей, пасынковъ западной цивилизаціи?

Прошедшее Запада обязываетъ его—не насъ. Его живыя силы скованы круговой порукой съ тѣнями прошедшаго, съ тѣнями дорогими ему, не намъ. Свѣтлыя, человѣческія стороны современной европейской жизни выросли въ тѣсныхъ средневѣковыхъ переулкахъ и учрежденіяхъ; онѣ срослись съ старыми доспѣхами, рясами и жилыми, рассчитанными совсѣмъ для другого быта—рознить ихъ опасно, тѣже артеріи пробѣгаютъ по нимъ. Западъ—въ неудобствахъ наслѣдственныхъ формъ, уважаетъ свои воспоминанія, волю своихъ отцовъ. Ходу его впередъ мѣшаютъ камни—но камни эти памятники гражданскихъ побѣдъ или надгробныя плиты.

У насъ ничего подобнаго. Наши преданія впереди. На нашихъ старинныхъ зданіяхъ извѣсть не обсохла, наши развалины—состарѣлись не отъ лѣтъ, а отъ того что фундамента нѣтъ. Мы еще не обстроивались, и это превосходно. Военныя поселенія ужасно легко переходятъ опять въ деревню.

Въ самомъ дѣлѣ, какой камень, какую улицу намъ жалѣть? Тотъ-ли, изъ котораго построены зимній дворецъ, или тотъ который повѣлъ на петропавловскую крѣпость? Царицынъ лугъ—гдѣ полтора года ежедневно били палками солдатъ, или Старую Русу—гдѣ ихъ засѣкали десятками? Не съѣзжіе-ли господскіе дома—эти омуты, эти паутины, въ которыхъ выбитись изъ силъ, зачахли цѣлыя поколѣнія, гдѣ засѣкали старцевъ и насиловали дѣтей годъ тому назадъ—а можетъ и ближе?

Нѣтъ, уже объ нашу-то Европу, мы не запиемся; мы слишкомъ дорого заплатили за науку, чтобъ такъ малымъ довольствоваться.

Полтора года лѣтъ безчеловѣчнѣйшихъ истязаній, униженіи, веселыхъ въ лѣтнихъ міра, полтора года лѣтъ пытки, застѣнка—и все это только для того, чтобъ стать на краю пропасти, на которой стоятъ всѣ западныя государства и дѣлать ихъ судьбу, не имѣя въ замѣнъ ни логическаго оправданія въ прошедшемъ, ни удобствъ настоящаго... Нѣтъ, или съченье не стоило шницрутеное!

— “И будто вамъ не жалъ?”

— Жалъ?... Кому и что?

Насъ двое, разнѣе взрожденныхъ. По воспитанію можно судить о степени нашей чувствительности.

Мы, на примѣръ, внуки людей, издѣвавшихся надъ своими отцами когда ихъ насильно брили, людей, собственными руками пытавшихъ по застѣнкамъ, казнившихъ стрѣльцовъ, людей представлявшихъ разомъ гаеровъ, холоповъ, вельможъ и доносчиковъ—мы выросли возлѣ конюшенъ, гдѣ наши отцы и дѣды сѣкли дворовыхъ, и возлѣ дѣвичьихъ, гдѣ они отдыхали отъ трудовъ. Они тоже въ свое время были палачами солдатъ, грабили цѣлыя губерніи и безропотно ссылали на каторгу своихъ дѣтей и чужихъ, въ угоду коронованному звѣрю... И вы воображаете, что если у кого нибудь изъ дѣтей ихъ уцѣлѣла живая душа, такъ онъ не будетъ сухими глазами

смотрѣть какъ смиренный домъ нашего просвѣщеннаго загорится со всѣхъ четырехъ сторонъ? У дѣтей, у которыхъ съ первымъ пробужденіемъ человѣческаго, святаго чувства любви къ ближнему и слабому, сочеталась ненависть къ отцу, матери и ко всей семьѣ—не ищите сожалѣнія въ эту сторону, они слишкомъ жалѣли въ другую.

... А другой—тотъ, котораго дѣда и отца сѣкли, которому брили лобъ, котораго брали во дворъ, котораго жена, сестра, дочь были обесчещены—какъ вы думаете—пожалѣть?

Можетъ вамъ страшно?... ну такъ переходите къ намъ, мѣсто есть. Съ народомъ не погибнете, народъ приметъ васъ и стараго не помянетъ.... оставте мертвымъ хоронить мертвыхъ... ихъ не воскресите... ихъ можно только оплакивать, звать надобно живыхъ, мы и зовемъ васъ... Откликайтесь-же—есть-ли въ полѣ живъ человѣкъ?

VIVOS VOSO!

И—гъ.

31 Декабря 1861.

Н. И. ПИРОГОВЪ.*

Мы, русскіе не сомнѣваемся въ томъ, что за границей извѣстно имя нашего славнаго оператора, Пирогова; но навѣрное, не многіе у васъ слышали, что этотъ ученый представляетъ собою немелкую знаменитость и какъ общественный дѣтель.

Чтобы дать нѣкоторыя понятіе о значеніи Пирогова въ этомъ отношеніи, скажемъ нѣсколько предварительныхъ словъ о характерѣ общественной дѣятельности въ нашемъ отечествѣ, которое иностранцы знаютъ весьма смутно и до сихъ поръ.

Въ послѣдній разъ мы встрѣтились съ Европою въ крымскую кампанію; надо сказать искренно, что эта война, покрывшая васъ славою, принесла и намъ огромную пользу. Тогда-же, ощущая недавнія потери, отложивъ въ сторону ложное національное самолюбіе, болѣе образованные изъ васъ готовы были отнестись къ вамъ со словами: благодаримъ васъ за то, что вы насъ побѣдили! благодаримъ, вы разувѣрили народъ въ его ненужности, правительство наше въ политическомъ могуществѣ, къ которому оно исключительно стремилось; вы еще разъ подорвали ту связь, которая держалась еще у большинства съ правительствомъ, которое наружнымъ благосостояніемъ обольщало своихъ безсильныхъ подданныхъ. Дѣлая народъ и общество средствомъ для достиженія своихъ тщеславныхъ цѣлей, правительство гораздо болѣе наслаждалось собственною силою, чѣмъ думало объ обществѣ благосостояніи. Да и какое тутъ общее благосостояніе? Правительство одно жило самостоятельно; гражданскаго общества русскаго, собственно говоря, не существовало; обширнѣйшій край похожъ былъ на военный лагерь. Впередъ всѣхъ, по сторонамъ шли солдаты; преданные одному лицу, оневѣжественные, развращенные, они назначены были не столько для огражденія насъ отъ неприятелей виѣшнихъ, сколько для подавленія всякой свободной мысли внутри, всякаго движенія на нашу-же общественную пользу.

Очень понятно, что всѣ, приносившіе какую-нибудь пользу въ Россіи, служили не обществу, а правительству, были, въ прямомъ смыслѣ, то—что у насъ называется

* Необходимо сказать, что статья эта писана не для нашей публики, она была назначена въ Journal des Debats. Мы съ радостью помѣщаемъ ее, особенно въ нынѣшнемъ листѣ. Пусть она заключитъ прошлый и начнетъ нынѣшній годъ добрымъ словомъ и благороднымъ образомъ.

чиновники, т. е. буквальные исполнители приказаний старших начальниковъ, вполне зависящихъ отъ безотчетнаго произвола одного верховнаго лица. Люди-же, независимые болѣе другихъ, свободно чувствующие и свободно мыслящие, люди шире другихъ понимавшіе службу обществу, отстрапаяли отъ себя мысли объ общественной дѣятельности въ собственномъ отечествѣ, избѣгая безсовѣстной лжи *ex officio*; они, и это случалось всего чаще, или просто проводили жизнь въ тоскливой, тяжелой праздности, или съ грѣхомъ по поламъ пускались въ изысканію литературы, довольствуясь секретной пропагандой соціальныхъ убѣжденій, или предавались невозмутимымъ занятіямъ естественными науками, такъ какъ отъ соціальныхъ крѣпко берегли насъ офиціальныя блюстители общественной нравственности.

Такъ было вообще до 1855—1856 года. Но съ этого времени правительство наше, волей неволею, должно было замѣтить собственное обольщеніе, и оно увидѣло мало по малу, что могущество его принадлежитъ болѣе къ счастливымъ иллюзіямъ, чѣмъ къ печальному дѣйствительному міру. Съ грустью оглянулось оно на крайне фальшивой путь прошедшаго царствованія и увидѣло слабость даже въ той части государственной машины, которая составлена предметъ любимой исключительной заботы правленія. Правительство сознало, что сила, къ которой постепенно охлаждалось русское общество, въ дѣйствительности оказалась весьма слабою, что войско безсильно защищать его не только отъ внѣшнихъ да и отъ внутреннихъ враговъ, которыхъ оно само себѣ систематически приготавливало, число которыхъ выросло въ продолженіи тридцати послѣднихъ лѣтъ.

И кто-же, вы думаете, оказались эти враги стараго правительства? Одни тревожные революционеры, нарушители общаго спокойствія? Нѣтъ, это прямые друзья общества, это тѣ люди, которые поневоли удалялись отъ общественныхъ, отъ самыхъ дорогихъ душъ ихъ дѣла. Какъ хотите, подобное позднее сознаніе должно было отозваться слишкомъ грустно на сердца тѣхъ, которые взялись самолично вести общество къ благу, а между тѣмъ замѣтили, что какъ-то проходягъ времена, когда можно взять и устроить что хочешь одною грубою физическою силою. Такимъ-то образомъ, разувѣряясь въ своей силѣ, замѣчая страшный разладъ между обществомъ и собою, правительство должно было наконецъ нѣсколько взяться за умъ; чувствуя общее моральное паденіе, принесенное долговременнымъ гнетомъ, оно обратилось наконецъ къ массѣ и къ обществу образованному и вздумало усиленно эмансипировать ихъ.

Само правительство ужаснулось того, что бросилось въ глаза на первыхъ порахъ, едва оно замѣтило до какой крайней деморализаціи доходить безгласное общество.

До настоящаго царствованія преимущественно, всякое распоряженіе правительства могло оставаться тайною, пожеланію одного лица, общество не имѣло права ни порицать, ни даже одобрять этихъ распоряженій; оно должно было молча и безусловно соглашаться съ нами, жить и дѣйствовать по нимъ, не вникая въ мотивы, произведшіе извѣстное постановленіе; мало того, какъ ни приходило жутко подчасъ, мы не смѣли роптать, мы были обязаны казаться благоденствующими вѣропоподанными. Какъ дѣтей, водили насъ на помочахъ, и заставляли вѣрить, что все дѣлается для нашего блага, что если что-нибудь и выпадаетъ на нашу жалкую

долю видимо тяжелое, (какъ на пр. содержаніе безмѣрнаго числа войска, слишкомъ ощутительное насиліе мѣстныхъ властей и т. п.) такъ это просто намъ кажется, потому что мы, какъ дѣти, не понимаемъ собственной пользы.

Вамъ, французамъ, отчасти знакомы печальныя слѣдствія такого порядка вещей въ гражданскомъ обществѣ, когда правительство считаетъ себя негрѣшимымъ руководителемъ къ общему благу. Но вы не можете представить, какъ все они оказались у насъ, гдѣ уровень образованія гораздо ниже, гдѣ самовластіе вещь не новая и не случайная. Само правительство наше, не привыкшее къ уступкамъ, почувствовало необходимость въ нѣкоторой эмансипаціи своихъ подданныхъ. нѣкоторой перемены въ порядкѣ общественныхъ дѣлъ, и должно было заняться серьезнѣе и добросовѣстнѣе внутреннимъ благосостояніемъ. Отвѣтственность за прошедшее пала главнымъ образомъ на правительство, и при такомъ порядкѣ или, лучше сказать, безпорядкѣ дѣлъ, какой нашло новое правительство, реформы внутреннія требовались необходимо, даже для личныхъ выгодъ правителя, для того, чтобы оно почувствовало себя нѣсколько ближе къ обществу, чѣмъ было старое правительство. А чтобы удовлетворить хоть нѣсколько первымъ потребностямъ общества, чтобы сколько-нибудь измѣнить ветхій порядокъ, необходимо было войти въ сознаніе самого общества, дать ему нѣкоторую самостоятельность голоса.

И вотъ менѣе эгоистическій, болѣе образованный царь началъ съ того, что великодушно, хотя издалика, разрѣшилъ по крайней мѣрѣ не считать совершенствомъ всего, что дѣлано было въ государствѣ его предшественникомъ, чѣмъ такъ тяготилось наконецъ наше терпѣливое общество.

Подъ рукою, если не прямымъ уставомъ, онъ ослабилъ прежнюю варварскую строгость цензуры—и наше прошедшее мало по малу ярко освѣнилось для всѣхъ, чуть только развязали наши языки, дотогѣ пребывавшіе въ почтительномъ, благоговѣнномъ молчаніи, удержанномъ насильственно. Русская словесность съ 1856 года представляетъ явленіе чрезвычайно замѣчательное для всякаго мыслящаго и наблюдательнаго человека. Знаете-ли вы, что два-три года, во всѣхъ періодическихъ изданіяхъ, во всякомъ, мало-мальски серьезномъ сочиненіи, мы дѣлали одно главное дѣло—мы осмѣивали, мы обличали самихъ себя; искусство, наука отошли на второй планъ; надо всѣмъ возвысился такъ называемая обличительная литература. Благодаря ей-то, правительство вдругъ узнало многое изъ того, что ему давно слѣдовало знать, много дурнаго узнало оно въ два-три года, постигло бездну злоупотребленія чиновничества, т. е. того класса людей, которые составили у насъ государство въ государствѣ, которые, служа представителями правительства, сдѣлались скорѣе врагами, чѣмъ помощниками, друзьями общества; узнало правительство, что только гласностью, только открытымъ сужденіемъ общества о своихъ-же дѣлахъ можно ограничить тѣ несправедливости, которыя терпѣтъ оно отъ чиновниковъ, или управляющихъ безотчетно; стало наконецъ правительство подозрѣвать и то, что едва-ли не напрасно гнало оно такъ называемыхъ *вольнодумцевъ*, которыхъ, искренно и нарочно, называло людьми, положительно вредными обществу; поняло оно, можетъ быть отчасти даже и то, что большая часть этихъ вольнодумцевъ

едва-ли не самые полезные ему люди, стоять только в самом дѣлѣ правительству попробовать по меньше думать о себѣ, а побольше хлопотать о благѣ общества, т. е. о томъ, чего хочетъ для себя само общество.

Тогда-то явилась возможность выдти впередъ, на общественное дѣло личностямъ, которыя по совѣсти указывали недостатки обществу, и за то, вмѣсто благодарности, подвергались преслѣдованіямъ правительства и самого общества, какъ люди безпокойные, *мѣшающіеся не въ свое дѣло, умники*, нарушающіе общее благосостояніе, или лучше бы сказать, страхъ всего новаго, всегда внушаемый продолжительнымъ бездѣйствіемъ и вкоренившеюся лѣностью. На этихъ-то *умниковъ* пора была взглянуть съ настоящей точки зрѣнія; общество и правительство стали ихъ по пемножку оцѣнять.

И вотъ въ это-то, болѣе свободное время для русской мысли, когда позволено было, съ извѣстной осторожностью, печатать о необходимости общественного мнѣнія, о самоуправленіи, о гласности суда, о недостаткахъ нашего превратнаго воспитанія и т. д., въ это время появилась воспитательная статья нашего знаменитаго оператора, Пирогова, подъ заглавіемъ: *Вопросы жизни*.

Статья сразу обратила на себя общее и усиленное вниманіе; мы слышали такое умное и энергическое слово, какое намъ рѣдко удавалось слышать. Сочинитель въ *Вопросахъ жизни* затрогивалъ дѣйствительно существенные вопросы русской жизни; онъ говорилъ о томъ, что образованіе должно быть цѣлью само себѣ — и такимъ образомъ нападалъ на одно изъ основныхъ стремленій, къ которому привыкло необразованное общество — пользоваться образованіемъ не для образованія, а для тѣхъ привилегій, которое оно даетъ на государственной службѣ. Съ особенною силою убѣжденія, авторъ доказывалъ, что образованіе прежде всего должно сдѣлать изъ дитяти *человѣка*, а не специалиста, не чиновника, не одностороннюю слугу государства. Жалко было видѣть на пр., что въ военныхъ корпусахъ десятилѣтніе дѣти уже получали свое специальное назначеніе, а предметы общечеловѣческаго образованія, въ самомъ скудномъ объемѣ, составляли для нихъ что то придаточное и почти не нужное *чуждому* развитію.

На первыхъ порахъ у насъ поговаривали, что статья Пирогова заставила было подумать правительство даже объ уничтоженіи военныхъ специальныхъ заведеній, устроивъ изъ нихъ спеціальныя факультеты при университетахъ, а универсальное образованіе предоставить гимназіямъ, общимъ для всѣхъ дѣтей, какое-бы ни было призваніе каждаго порознь. Такая самоотверженная рѣшимость правительства на счетъ кадетъ, на счетъ вѣрнѣйшихъ слугъ его, разумѣется, оказалась чистымъ предположеніемъ общества, безчуждо обрадовавшася началу реформъ. Но какъ-бы то ни было, статья Пирогова обратила на себя вниманіе самого правительства, и вскорѣ хирургъ назначенъ былъ попечителемъ одесскаго учебнаго округа; года черезъ два переведенъ въ Кіевъ, гдѣ и оставался въ той же должности по настоящую весну — когда уволенъ отъ службы, будто-бы по *разстроенному здоровью*, какъ значится въ оффиціальной бумагѣ.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о томъ, какимъ попе-

чителемъ былъ Пироговъ, что сдѣлалъ онъ для общества и почему наконецъ потерялъ благосклонность правительства.

Ставъ попечителемъ, Пироговъ имѣлъ въ виду не однѣ частныя улучшенія, а измѣненіе духа нашихъ устарѣлыхъ учебныхъ заведеній; онъ задумалъ эмансипировать школу, т. е. основать ее на тѣхъ нравственныхъ принципахъ, которыхъ именно она была лишена, которыхъ недостаетъ и нашему обществу, и по его собственному неразвитію и въ слѣдствіе столь долговременнаго гнета, который оно выдержало.

А коренные недостатки нашего общества какъ и всякаго маюразвитаго, слѣдующіе: неуваженіе къ себѣ и къ другому, служеніе лицу, а не дѣлу, произволъ намѣсто закона, короче, господство не праваго, а сильнаго.

Всматриваясь во внутреннюю жизнь школы, новый попечитель встрѣтился съ тѣмъ-же, только, конечно, еще въ сильнѣйшей степени, такъ какъ у насъ рѣдко кому понятно какое-бы то ни было уваженіе къ самому младшему члену общества, къ дитяти. И вотъ законное ограниченіе господства сильнаго, Пироговъ поставилъ главною цѣлью своихъ административныхъ мѣръ.

Начальство нашихъ *среднихъ* учебныхъ заведеній, директоры совершенно взяли въ руки своихъ подчиненныхъ учителей, не понимая того, что они лишь сослуживцы. Хотя каждая педагогическая мѣра должна была, по уставу, проходить коллегіальнымъ путемъ, но такой порядокъ дѣлъ у насъ существуетъ только въ уставѣ, только на бумагѣ. Въ дѣйствительности-же директоры, назначаемые отъ короны, а не по выбору учителей, (часто не знакомые съ дѣломъ, военные) успѣли сдѣлать совѣтъ безгласно покорнымъ себѣ, соотвѣтственно общему духу правленія; такъ что коллегіальная форма управления оставалась пустою фразою. Директоры аттестовали учителей, давали произвольную отставку, которая, хотя прямо и не отъ нихъ зависѣла, но не составляла большого затрудненія, такъ какъ въ глазахъ высшаго начальства, во всѣхъ жалобахъ, несогласіяхъ, старшій непремѣнно и всегда долженъ былъ выходить правъ, въ силу мудраго монархическаго правила, чтобы не подрывать авторитетъ начальства, каково-бы оно ни было на дѣлѣ. Начальникъ-де долженъ быть непогрѣшимъ, если его опредѣлило еще высшее начальство, уже самое непогрѣшимое.

Благодаря настойчивымъ стараніямъ Пирогова, этотъ неразумный ходъ дѣлъ измѣнился было въ нашемъ учебномъ округѣ; деспотическимъ директорамъ указаны настоящія границы ихъ власти, и всѣ дѣла совѣта стали рѣшаться сообща.

Такимъ рѣшеніемъ первый подчинялся попечитель — безпримѣрная рѣдкость въ русскомъ начальникѣ, котораго повиновеніе и случайная кротость на службѣ основываются на страхѣ передъ высшимъ лицомъ, а не на уваженіи къ высшему закону.

Не только положеніе учителей на службѣ, самое назначеніе учительскаго мѣста измѣнено Пироговымъ. Прежде оно болѣе всего зависѣло отъ одного центрального мѣста, отъ такъ называемой попечительской канцеляріи, состоящей изъ примыхъ чиновниковъ, у которыхъ надо было заискивать протекцію, выпрашивать, а чаще всего подкупать. Получившій мѣсто, постоянно оставался въ ка-

кихъ-то васальскихъ отношеній къ канцеляріи, обязанъ былъ *являться* съ почтеніемъ, проѣздомъ черезъ центральный городъ, правителю канцеляріи и даже его письмоводителю, а иногда напоминать о себѣ кое-какими подарками. Къ Пирогову лично никто не являлся безъ дѣла; а взятку канцеляріи давать было не къ чему, уже потому что онъ устранилъ всѣ протекціи и подкуны, открывши *конкурсы*, предоставляя мѣсто болѣе знающему способнѣйшему, т. е. тому, кому оно слѣдуетъ по прямому праву. Давъ извѣстную служебную самостоятельность учителямъ, Пироговъ освободилъ преподаваніе отъ слишкомъ стѣснительныхъ программъ и одобренныхъ учебниковъ, которые правительство выбрало какъ лучшее средство къ недопущенію столь страшнаго у насъ вездѣ *вольнаго духа*. Предоставивши возможную свободу преподавателямъ, Пироговъ съ одной стороны, способныхъ заставилъ трудиться самостоятельно, а съ другой, избавилъ отъ необходимости официальной лжи противъ убѣжденія и отучалъ отъ привычки буквального слѣдованія нашимъ плохимъ учебникамъ, которые очень потворствовали лѣности учителей. Отношеніе учащихся къ учащимся, т. е. къ самымъ младшимъ, тоже измѣнилось нѣсколько при Пироговѣ. Нужно сказать вообще, что если у насъ съ одной стороны (со стороны старшихъ) господствуетъ грубый произволъ, то съ другой, (со стороны всѣхъ младшихъ относительно) этотъ произволъ вызываетъ не менѣе грубое своеволие; старшіе требуютъ уваженія, желая внушить его страхомъ и не считая дѣломъ достойнымъ себя его заслуживать; оттого младшіе или насильственно обращаются наконецъ въ рабовъ, пріучаются къ такому уваженію, которое показывается лицемѣрно, а тайно надувается начальство, или постоянный глухой протестъ мало помалу развиваетъ наконецъ въ мальчишкѣ дикіе, необузданные незаконные порывы; по реакціи, мальчишкѣ считаетъ молодечествомъ всякое непослушаніе, всякую грубость начальству, и дѣлается иногда на всю жизнь отчаяннымъ забіякою, бесполезнымъ и даже вреднымъ членомъ общества. Что мы не сочиняемъ теоретически такое положеніе дѣлъ и даже не преувеличиваемъ его, доказательствомъ тому могутъ служить два типа нашего великаго художника, Гоголя, (въ его *Мертвыхъ Душахъ*) типъ *Чичикова* и *Ноздрева*, которыхъ главнымъ образомъ производитъ наша деспотическая школа и общество. Это отсутствіе взаимнаго довѣрія и уваженія между старшими и младшими, по возрасту и по положенію въ обществѣ, отсутствіе законныхъ требованій съ одной стороны и законнаго исполненія съ другой, словомъ, отсутствіе законности въ обѣихъ сторонахъ — есть давно замѣчательное нравственное явленіе не только школы, но общества нашего. Старшіе вообще позволяютъ себѣ требовать исполненія малѣйшихъ прихотей своихъ, прикрывая свои требованія именемъ закона, который они считаютъ синонимомъ своей воли, своего произвола. Младшіе по неволѣ исполняютъ личныя требованія старшихъ, считая ихъ неизбѣжнымъ зломъ, и вовсе не вѣрятъ тому, что старшіе, по мимо злоупотребленія власти, могутъ стремиться ко благу младшихъ-же. Такимъ-то образомъ заранее, еще въ школѣ, въ лицѣ дѣйствительной власти, которая берется быть единственнымъ и полнѣйшимъ представителемъ закона, пріучаются не уважать нравственный авторитетъ, или самый законъ, который изъ общаго неизмѣннаго правила, требуемаго совѣстью каждаго, въ

глазахъ исполнителей получаетъ видъ личнаго, случайнаго требованія. Такимъ образомъ большинство наше (или старшіе члены) какъ-бы намѣренно убиваютъ въ младшихъ самоуваженіе, заставляя слѣпо исполнять *внѣшній* законъ, оно пользуется лишь правомъ сильнаго и тѣмъ деморализируетъ слабѣйшаго. Это иначе и не можетъ быть, да и на долго останется тамъ, гдѣ законъ вообще прилагается произвольно, гдѣ не уважается личность, для огражденія которой и пишутся законы.

Такія-то ненормальныя отношенія старшихъ къ младшимъ, ихъ взаимно деморализирующія, Пироговъ старался исправить на каждомъ шагѣ; глядя на вопіющую дѣйствительность, онъ понялъ наглядно крайнюю необходимость приведенія въ жизнь нашу одного изъ самыхъ истинныхъ, самыхъ гуманныхъ стремленій нашего времени — эмансипаціи младшихъ членовъ общества отъ внѣшняго авторитета, который больше подавляетъ нравственную силу человѣка, чѣмъ поддерживаетъ ее.

Для уничтоженія враждебности въ ученикахъ къ начальникамъ, а слѣдовательно и къ закону, для распространенія законности между младшими членами школы и ограниченія произвола старшихъ, Пироговъ составилъ *Правила о проступкахъ и наказаніяхъ*, которые до сихъ поръ опредѣляются по фантазіи начальства; онъ — же вводилъ самосудъ между учениками для того, чтобы ученики сами на себѣ привыкли постепенно къ мысли, что не всякое требованіе начальства есть дурь и блажь, что наказаніе не есть мщеніе, что оно непосредственно вызывается дурнымъ дѣломъ, что самый проступокъ, по необходимости, унижаетъ личность виновную, а не неразумная воля разсерженнаго, недоброжелательнаго начальника. Разумѣется, такое необходимое у насъ, и такое мудрое учрежденіе, какъ судъ товарищей, восстанавлиющій законныя права младшихъ, просуществовалъ недолго и при Пироговѣ; правительство поспѣшило тотчасъ потушить это богопротивное нововведеніе, на томъ общемъ основаніи, что младшимъ разсуждать не полагается, что ученики мальчишки, что допустить ихъ судить самихъ себя, такъ они потомъ громко станутъ судить своихъ непосредственныхъ начальниковъ, а тамъ чего добраго, дерзнутъ пойдти выше, выше, и доберутся наконецъ до обсужденія, а пожалуй и до осужденія такихъ верховныхъ распоряженій, которыя вовсе не дѣло *мелкаго* и *темнаго* разума, и забудется окончательно, что всякая власть отъ бога слѣдовательно, по божьему, справедлива всегда и вездѣ. Надо прибавить, что и въ правительствѣ, и въ семьѣ и вообще въ большинствѣ нашемъ преобладаютъ личныя интересы, и начальствующій требуетъ исполненія закона прежде всего потому, что онъ выгоденъ или приятенъ для него лично. По этому у насъ, пока держится еще крѣпкая вѣра въ нравственную силу внѣшняго ограниченія воли младшаго поколѣнія, начальство, старшіе думаютъ, что въ исполненіи ихъ формальныхъ предписаній долженъ заключаться весь священный кодексъ нравственности; они знаютъ не хотятъ, чѣмъ остается юноша самъ для себя, чѣмъ онъ сдѣлается внутренно, лишь-бы исполнялъ предписанія и казался нравственнымъ, т. е. *послушнымъ*. Рѣдко кто понимаетъ, что всего важнѣе собственныя намѣренія, личныя стремленія къ добру, что добро по *приказанію* непрочно; что есть единое добро само-дѣйтельное, свободное, что по этому юношеству нужно дать свободу, что въ немъ всячески слѣдуетъ развивать способность самоограниченія, она-то, по здравому и образованному,

убѣжденію Пирогова, и составляетъ главную, единственно надежную основу для выработыванія нравственной силы въ молодомъ человѣкѣ. Но свобода—у насъ самая страшная вещь, и подобнымъ убѣжденіямъ пока нѣтъ простора, благодаря попечительному начальству. Мало того, не только непосредственное начальство, да и всякое преимущественно военное, которому главнымъ образомъ поручается охраненіе такъ называемаго общаго спокойствія, мѣшается во всѣ самыя невинныя отступленія молодыхъ людей отъ формальныхъ предписаній и, преслѣдуя во имя закона, только роняетъ само себя и раздражаетъ юношество, всегда враждебное всякому пераціональному взысканію, еще не приобрѣвшее навыка къ слѣпому повиновенію.

Пироговъ, на сколько это возможно у насъ, пошелъ и противъ этихъ постороннихъ, полицейскихъ вліяній; а въ своемъ же вѣдомствѣ никому не позволялъ мелочныя формальности смѣшивать съ серьезными требованіями нравственности. При этомъ, само собою, онъ смотрѣлъ на шалости, какъ на шалости а не какъ на возмущенія; онъ умѣлъ выжидать, пока восстанавливаются нормальныя отношенія между старшими и младшими, и терпѣливо сносилъ иногда даже рѣзкое непослушаніе, видя въ немъ лишь большіе проценты на прошедшее зло, вызванное повсемѣстнымъ крайнимъ произволомъ. Не такъ поступали другіе, прежніе попечители, и это особенно вредно сказалося на университетахъ.

Университетовъ, главныхъ хранительницъ опаснаго вольнодумства, всегда боялось правительство, чему краснорѣчивымъ доказательствомъ служить столь хитро изобрѣтенный когда-то комплектъ студентовъ. Но и теперь оно не довѣряетъ студенту, строго взвѣшиваетъ каждое необдуманное слово и, вспомоществуемое усердіемъ мѣстныхъ властей, готово при первомъ случаѣ произвести любого въ такъ называемые государственные преступники... Эта несчастная, болѣзненная страсть всякаго монархическаго правительства, подозрѣвать вездѣ заговоры и злоумышленные оскорбленія величества, никому такъ солоно не обошлось, какъ нашему бѣдному университету, находящемуся въ краѣ польскомъ, или по крайней мѣрѣ среди враждебной намъ національности, у которой скажемъ мимоходомъ отняты кременецкій лицей и виленскій университетъ, и такимъ образомъ въ русскій городъ, въ Кіевъ искусственно совлечены представители чужихъ національных интересовъ. По этому попечители кіевского университета, равно какъ и всѣ старшіе чиновники западнаго края, прежде всего обязаны были брать на себя болѣе или менѣе должность шпионовъ; они во имя спокойствія русскаго края, обязывались ревниво преслѣдовать поляковъ, а черезъ поляковъ доставалось жутко и русскимъ. Отсюда-то пошли разныя особыя распоряженія и тайныя инструкціи, стѣснительныя и для русскихъ студентовъ, такъ на пр. школьныя упражненія въ сочиненіяхъ на русскомъ языкѣ, вѣроятно для того, чтобы легче обрусить поляковъ, чтеніе богословія въ продолженіе трехъ лѣтъ, чтобы утвердить въ вѣрѣ безпкойный край. Последнее даже не совсѣмъ понятно; но не всѣ въ этомъ виноваты, равно какъ и въ введеніи въ кіевскій университетъ такихъ мелочей, которыя вездѣ казались лишними самому правительству.

Пироговъ былъ слишкомъ высокъ для роли шпиона и не могъ оправдывать подлостей государственными соображеніями. Какъ человѣкъ истинно гуманный, онъ политически не раз-

лагалъ національностей; какъ ученый попечитель университета, онъ обращалъ главное вниманіе на интересы научныя, оставляя въ сторонѣ политическія; признавая конечно, известную долю правоты въ польскихъ стремленіяхъ къ самобытности политической, онъ считалъ неблагороднымъ сдерживать ихъ грубою силою, пользоваться властью, данною однимъ положительнымъ закономъ.

Но все, что могъ сдѣлать попечитель безукоризненно законнаго, это стараться усилить корпорацію русскихъ студентовъ въ противудѣйствіе польской, и онъ какъ мы знаемъ, имѣлъ это въ виду...

Выражая всякому учителю свое личное уваженіе, посредствомъ педагогическихъ совѣтовъ, наконецъ, помощью періодическаго изданія (*циркуляръ*) гдѣ попечитель судился гласно съ подчиненными, какъ съ равными, Пироговъ пробудилъ было уже этотъ корпоративный духъ въ сословіи педагоговъ. Это заслуга немаловажная тамъ, гдѣ намѣренно подавляется такъ называемый общественный духъ, гдѣ властью высшею парализируется всякая корпорація, гдѣ самое выраженіе *составить общество* есть нѣчто прогнужаконное, къ которому всякій разъ подозрительно присматриваются наши цензоры общественной нравственности.

И все-таки Пирогову удалось положить начало учебной корпораціи. Что-же до укрѣпленія корпораціи студентовъ, то это, при всей доброй волѣ, врядъ-ли бы ему удалось! всегда подозрительное око правительства, увидѣло-бы и тутъ какіе-нибудь противуправительственные замыслы. Но и пока оно увидѣло эти небывалыя вещи, Пироговъ отъ насъ удаленъ за тѣмъ, какъ можемъ предполагать, что князь Васильчиковъ допесъ императору, будто Пироговъ *распустилъ* студентовъ, что дескать генералъ-губернаторъ не отвѣчаетъ за спокойствіе края, пока Пироговъ будетъ оставаться въ Кіевѣ.

Подобная исторія, замѣтите, случилась уже въ другой разъ: одесскій генералъ-губернаторъ надобѣ было Пирогову до того, что онъ оставилъ Одессу. Удивительна ревность слугъ правительства нашего; въ южномъ краѣ, кажется, вовсе нѣтъ поводовъ для столь усиленной заботливости о такъ называемомъ общемъ спокойствіи, мастеръ-же одесскій генералъ-губернаторъ! Какъ-бы то ни было, а Пироговъ уволенъ, уволенъ такой начальникъ, котораго смѣло можно назвать первымъ *согражданиномъ* нашимъ. Онъ въ полномъ смыслѣ былъ слугою общества, а не русскимъ начальникомъ, душѣ котораго далеки интересы общества, который служитъ видамъ правительства, лишь за казенное жалованье, и служить такъ спокойно, какъ будто самимъ жалованьемъ не обязанъ обществу, которое онъ топчетъ охотно въ угоду одного лица.

Но этого мало, что Пироговъ вѣрно служилъ обществу своему: по счастливому стеченію обстоятельствъ, онъ не обманывалъ и правительства; зная Пирогова, мы думаемъ, что при самомъ поставленіи своемъ на попечительство, онъ гласно объявилъ свои принципы, но знаемъ навѣрное, что бывши уже попечителемъ, онъ двумъ министрамъ предъявлялъ программу своего управленія. Это замѣчательно рѣдкое явленіе на Руси, гдѣ большая часть отставныхъ людей жметъ общество, чтобы праведно служить правительству, а меньшинство, или такъ называемые либераты служатъ двумъ богамъ, надувая то правительство, то общество, попеременно. Не таковъ былъ Пироговъ; не обманывая правительства, онъ исключительно и самоотверженно служилъ обществу,

чему явнымъ подтвержденіемъ можетъ послужить и настоящая его отставка. Служа обществу дѣломъ, Пироговъ служилъ ему открыто, не дѣлая канцелярской гайны изъ своихъ распоряженій; онъ всегда готовъ былъ отдать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ не только независимому обществу, но и своимъ подчиненнымъ, передъ которыми могъ-бы безпрерывно казаться непогрѣшимымъ, еслибы слѣдовалъ не убѣжденіямъ своимъ, а положительному закону. Итъ, и въ самыхъ благихъ, явно полезныхъ мѣрахъ онъ не позволялъ себѣ никогда генеральскаго, деспотическаго либерализма, который такъ ловко пробирается въ цивилизаторскія стремленія, которые намъ уже опротивѣли, которые однакожь теперь въ такой модѣ у нашихъ, да и у нашихъ извѣстныхъ либераловъ.

Словомъ, Пироговъ, какъ вы отчасти могли видѣть изъ всего предыдущаго, былъ такимъ начальникомъ, которая громко можно назвать представителемъ идеи меньшинства, въ которомъ заключены были наши лучшія желанія, наши лучшія надежды. А это явленіе исключительное, гдѣ сплошь да рядомъ начальникъ служить представителемъ остатковъ идей большинства и положительно враждебенъ меньшинству. Не говорю уже о высокой личности Пирогова, о его терпимости и энергій, какъ общественнаго дѣятеля, это въ свою очередь свойства исключительныя у насъ, гдѣ лучшіе люди слабовольные, усталые, желчныя, раздраженные правительствомъ и всею окружающею средою, какъ это вы можете видѣть по нашимъ литературнымъ глупостямъ.

Таковъ-то былъ нашъ *миссіонеръ*, какъ справедливо называлъ онъ самъ себя, нашъ первый истинный попечитель, слишкомъ далекій отъ тѣхъ военныхъ генералъ-губернаторовъ, которыхъ въ нашей военной странѣ еще недавно дѣлали импровизированными попечителями университетовъ. Видно для нихъ опять настаетъ короткое время! И то удивительно, что около пяти лѣтъ высшее правительство могло терпѣть такого истиннаго эманципатора, какъ Пироговъ, такого высокаго идеалиста, который съ глубокою вѣрою въ святость принципа и безъ всякихъ практическихъ, двуличныхъ уступочекъ дѣйствительности, шелъ смѣло путемъ прогресса, путемъ конституціоннаго порядка...

На верху говорить, начинается полная реакція... а мы думаемъ, что тамъ никогда и не было истинно либеральныхъ стремленій, потому что верховные либеральные принципы никогда не были не только *тверды*, но даже ясны.

С М Ъ С Ъ.

— *Гоненія Евреевъ въ Литвѣ.* — “Едва Шавланская община отдѣлалась отъ интригъ помѣщика *Шеліота* — оклеветавшаго ее въ кражѣ и убійствѣ младенца (старая и пелѣная сказка, являющаяся время отъ времени, въ родѣ придирокъ къ Евреямъ для того, чтобъ дѣлать полицейскія *razzias*) — какъ пришелъ чередъ Лейтварова, небольшого городка, въ двухъ миляхъ отъ Вильно, принадлежащаго графу *Тишкевичу*. Мая 8,* 1861 года, графъ обвинилъ еврейское общество въ покражѣ трехъ аршинъ ювра. Собравши евреевъ, онъ принялъ ихъ въ пальн, мужчинъ и женщинъ колотилъ безпощадно. Между прочимъ графъ предводительствовалъ экспедиціей, велѣлъ беременную еврейку колотить по животу и повисевъ внизъ головой бить по ягодицамъ.

* За чѣмъ-же такъ долго ждали съ обнаруженіемъ этого факта? — Ред.

“Когда избитые въ кровь евреи погацились домой, они наши путь къ городу отрѣзаннымъ такими графа. Имъ оставалось одно — идти въ Вильно. Часть ихъ была прията въ еврейскую больницу, другие пошли съ своими старѣйшими просить защиты у Назимова, *который велѣлъ ихъ прогнать.*”

Гнусная вѣсть эта намъ доставлена изъ очень вѣрнаго источника; если ея подробности преувеличены, мы помѣстимъ возраженіе, если же это правда, то скажите чѣмъ подѣе — эта злыбкая паточная аристократія, или мирво ящее ея правительство съ своими кондотьерами?

— *Правда-ли, что трое студентовъ московскаго университета, бывшихъ въ Петербургѣ съ адресомъ къ государю — исключены изъ университета, не смотря на то, что государь велѣлъ имъ сказать, что онъ ихъ прощаетъ по молодости?*

— *Продъ Панинъ.* — Государь боясь необузданной доброты своего мягкаго сердца поручилъ Панину составить обвинительный актъ противъ студентовъ. *Нордъ* — говоритъ, что Панинъ такую хватилъ промеморію, что самъ государь испугался. Какон шутникъ Александръ Николаевичъ!

— *Путятинъ какъ ораторъ.* — “*Times*” отъ 27 помѣстилъ въ чрезвычайно интересной корреспонденціи изъ Москвы, (отъ 11 Декабря), слѣдующую рѣчь нашего Пентуна посвященны въ московскимъ профессорамъ:

“Господа! Я пріѣхалъ сюда благодарить васъ. Я не рѣшился-бы сдѣлать этого отъ себя, но я приставъ государемъ. Е. в. благодаритъ васъ за то, что вы влияемъ вашимъ возстановленію порядокъ въ Университетѣ. Дурные люди (*bad people*) распространяли слухъ, что власти (*начальство?* во англійскіи *the authorities*) враги просвѣщенія, *но я прошу васъ не вѣрить этому.*”

Каковъ презубецъ краснорѣчія у адмирала?... “*прошу васъ не вѣрить!*”... Если любите такъ повѣрь!... Отчего-же это петербургскихъ профессоровъ не благодарили?

Бѣдные петербургскіе профессора!

— *Новѣйшія открытія академика Шувалова и смертная казнь тифомъ* — “*Times*” отъ 25 Декабря, говоритъ объ открытіи *Ко голола* у морскихъ офицеровъ въ Кронштадтѣ, объ ихъ арестѣ (мы предупреждали Константина Николаевича — о появленіи индюковъ въ Кронштадтѣ). “*Independence*” отъ 23 Дек. рассказываетъ объ открытіи издателя *Великорусса*... А студенческое дѣло идетъ своимъ чередомъ. Студентовъ начинаютъ убивать тифомъ... *Nord* 25 извѣщаетъ о кончинѣ Спаскаго.

— *Уморная болѣзнь.* Путятинъ по послѣднимъ извѣстіямъ ЕЩЕ министръ народнаго просвѣщенія! Не скоро сдвинешь это судно съ мѣли!

— М. А. БАКУНИНЪ ПРИѢХАЛЪ 27 ДЕКАБРЯ ВЪ ЛОНДОНЪ.

— *Съ 1 Января 1862 года, Колоколъ будетъ выходить по прежнему два раза въ мѣсяцъ (1 и 15 числа); по всякій разъ, когда редакция найдетъ необходимымъ, она будетъ издавать Колоколъ еженедѣльно.*

ПЕЧАТАЮТСЯ:

СБОРНИКЪ О РАСКОЛНИКАХЪ, Выпускъ III (о Скопцахъ). ПОЛЯРНАЯ ЗВѢЗДА, кн. IV Второе изданіе.

Отпечатано въ Вольномъ Русскомъ Типографіи—136 & 138 Caledonian Road, London, N.

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM,

КОЛОКОЛЪ

VIVOS VOCO!

ЛИСТЪ 119 & 120.

15 ЯНВАРЯ 1862.

(WITH SUPPLEMENT No. 2.)

Выходить два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ.
Цѣна (за двойной листъ) 1 ш. Получается въ
Вольной Русской Типографіи—136 & 138,
Caledonian Road, N.

У Трибнера & Со., въ книжной лавкѣ,
60, Paternoster Row, и у Tchorzewski,
1, Macclesfield Street, (Gerrard Street),
Soho, London. Price One shilling.

ОГЛАВЛЕНІЕ—М. А. БАКУНИНЪ—Головининъ министръ просвѣщенія—МАТЕРІАЛЫ для исторіи гонимыхъ студентовъ при
Александрѣ II. (VIII и IX)—Защита московскихъ профессоровъ—Памяти Добролюбова (стихотвореніе)—Еще о дремучемъ дѣлѣ (окончаніе).
Смѣсь: Профессоръ Шаповъ—Литературный вечеръ—Похищеніе студента—Политическія гонимыя—Процессъ кн. П. В. Долгорукова—
Злодѣй капитанъ русскаго корабля—Извѣщеніе—Мухомовъ и студентское дѣло (прибавеніе).

М. А. БАКУНИНЪ.

Бакунинъ въ Лондонѣ!... Бакунинъ погребенный въ казематахъ, потерянный въ восточной Сибири—является бодрый и свѣжій среди насъ—*Redivivus et Ultor*, сказали бы мы въ подражаніе Емельяну Пугачеву... но ни Бакунину, ни намъ не до месги, слишкомъ много дѣла. Бакунинъ приходитъ къ намъ съ удвоенной любовью къ народу русскому, съ несокрушимой энергіей надеждъ и силъ, закаленныхъ здоровымъ, свѣжимъ, молодымъ воздухомъ Сибири.

Видно скоро весна, коли старые знакомые прилетаютъ изъ за Тихаго Океана!

Съ Бакунинымъ невольно оживаютъ стаи тѣней и образовъ *бурнаго года*... и мы съ вновь разбуженнымъ ожиданіемъ смотримъ на соплеменный намъ Востокъ Европы, и снова будто слышится какъ разсѣдается и трещитъ штучная, вѣнская имперія, какъ двигается и закипаетъ славянскій міръ, какъ четвертованная Польша, сростаясь около независимой Варшавы—протягиваетъ руку забвенія и братства русскому народу....

Мечты 1848 года! Да, мечты... но “еще одно сказанье”... и мечты 1848 года, обогнувъ трехъ гордыхъ стариковъ цивилизаціи—осуществятся отъ мессинскаго пролива до Дуная и Вислы—до Волги и Урала... 1848 годъ не умеръ, онъ переѣхалъ на другую квартиру.

Дѣятельность Бакунина до кенигштейнской цитадели была сначала отвлеченно-философская, потомъ вообще соціально-революционная, теперь она будетъ, надѣемся мы, исключительно славяно русская. Объ этомъ мы поговоримъ въ другое время, теперь напомнимъ самымъ сжатымъ образомъ происхожденіе его службы, его *формулярный списокъ*.

Бакунинъ оставилъ Россію въ 1841 году; въ 1845, онъ подалъ въ Швейцарскій процессъ социалистовъ; Бланчи указалъ на него русскому правительству. Ему велѣли немедленно возвратиться,—онъ не поѣхалъ. Николай велѣлъ его судить. Сенатъ лишилъ его офицерскаго чина, дворянства и пр. Онъ уѣхалъ въ Парижъ.

Тамъ въ 1847 году, 29 Ноября, Бакунинъ произнесъ свою извѣстную рѣчь, на польской трибунѣ, въ день годовщины варшавскаго возстанія. Въ первый разъ увидѣли русскаго, открыто протягивавшаго братскую руку полякамъ и всенародно отрѣкавшагося отъ петербургскаго правительства.

Годъ VI.

Вліяніе его рѣчи было огромно. Гизо его выслалъ изъ Парижа, но едва Бакунинъ осмотрѣлся въ Брюсселѣ, Парижъ въ свою очередь выслалъ Гизо и Людвика Филиппа изъ Франціи. Бакунинъ возвратился въ Парижъ, и бросился съ увлеченіемъ въ раскрывшуюся тогда политическую жизнь. Ламартини - Марастовское правительство косо смотрѣло на людей, припавшихъ республику за слишкомъ серьезную правду, и охотно сплавляло ихъ, на право и на лѣво, лишь-бы вонъ изъ Франціи. Оно обрадовалось, что Бакунинъ уѣхалъ. Въ затишьи славянскаго міра закипала тогда новая жизнь, въ Бреславлѣ собирався польско-славянскій съѣздъ. На немъ и еще болѣе на пражскомъ конгрессѣ, Бакунинъ уже является сильнымъ дѣятелемъ, тамъ написалъ онъ свою соціально-славянскую программу, которую до сихъ поръ Чехи не забыли, и дѣйствовалъ заодно съ славянами,* до тѣхъ поръ, пока Виндишгрецъ не разогналъ конгресса австрійскими пушками. Оставивъ Прагу, Бакунинъ сдѣлалъ опытъ въ противность Палацкому соединить славянскихъ демократовъ съ Венгерцами, искавшими независимости, и съ нѣмецкими революціонерами. Союзъ этотъ былъ составленъ съ многими поляками, на него отъ венгровъ приѣзжалъ графъ Л. Телеки. Бакунинъ желая скрѣпить собственнымъ примѣромъ союзъ, принялъ главное управленіе въ защитѣ Дрездена, тамъ онъ покрылъ себя славой, которую никогда не отрицали его враги; послѣ взятія Дрездена пруссаками, Бакунинъ отступилъ. Въ Хемницѣ онъ былъ предательски схваченъ, съ двумя изъ своихъ товарищей и отправленъ въ Кенигштейнъ. Отсюда начинается его длинный мученичество.

Замѣтимъ мимоходомъ, что Бакунинъ такъ страшно запла- тилъ за благородную ошибку, за несбыточную мечту общаго дѣйствія съ нѣмецкими демократами. У большей части нѣмцевъ слишкомъ развита племенная ненависть къ намъ. Мы знаемъ, что нѣмецкій общественный дѣятель, работаетъ въ пользу нѣмецкаго народа, не удивляемся этому и уважаемъ его. Но нѣмецъ ждетъ отъ русскаго и славянина, чтобы онъ прези- ралъ свой народъ и несъ бы нѣмецкую цивилизацію своимъ дикарямъ, забывая, что у насъ на это, сверхъ Петербурга, есть Кур-Эстъ и Лифляндія, а у Чеховъ и Западныхъ Славянъ Австрія.

* На конгрессѣ въ Прагѣ Бакунинъ не былъ одинъ русскій, съ нимъ вмѣстѣ участвовалъ въ немъ одинъ старовѣрческій иннокъ.

Въ то самое время какъ Саксонскій король держалъ въ рукахъ перо, чтобъ подписать смертный приговоръ Бакунину, Гейбнеру и Риккелю, нѣмецкіе публицисты, писали въ журналахъ, что Бакунинъ русскій агентъ, т. е. агентъ русскаго правительства. Король приостановился и измѣнилъ плаху, на вѣчную тюрьму, Umwalzungsmänner'ы, не оставились и тогда черезъ два-три, повторяли свои обвиненія.

Въ Маѣ 1850, Бакунинъ былъ отправленъ скованный въ Прагу. Австрійское правительство хотѣло отъ осужденнаго на вѣчную тюрьму узнать танны славянскаго движенія. Бакунинъ отказался отвѣчать, его около года оставили въ Грациѣ, ничего не спрашивая. Въ Мартѣ 1851, испугавшись слуха, что Бакунина хотѣтъ освободить, его перевели въ Ольмюцъ, тамъ онъ просидѣлъ шесть мѣсяцевъ *прикованный къ стѣнѣ*. За тѣмъ австрійское правительство выдало его русскому. Носился слухъ, что Бакунина привезено скованнымъ по рукамъ и ногамъ на русскую границу, расковать. Тамъ нѣжпостен Николай не дѣлалъ. Австрійскіи цѣпи были сняты съ него, какъ имперская собственность и замѣнены отечественными вдвое тяжелѣйшими жѣлѣзными.

Три томныхъ года просидѣлъ Бакунинъ въ Алексѣевскомъ равенинѣ и вышелъ изъ него въ 1854 году для того, чтобъ ѣхать въ Шлюссельбургъ: Николай боялся какъ-бы Чарльсъ Непиръ не освободилъ узника...

Возарился Александръ II, разныя амнистии, половинныя и целовкіи были обнародованы. О Бакунинѣ ни слова. Государь его самъ вымаралъ изъ списка; мать Бакунина улучила мину и подала просьбу государю. Онъ принялъ ее и благодушно сказалъ: "*tant que votre fils vivra, madame, il ne sera jamais libre*". Въ 1857 году Бакунинъ былъ отправленъ на житье въ восточную Сибирь.

Въ 1860 бытъ сдѣланъ еще разъ опытъ выпросить Бакунину разрѣшеніе переѣхать въ Россію; государь снова отказалъ, прибавивъ, указывая на его письмо, *писанное къ Николаю въ 1851* "я не вижу въ немъ раскаянія!" Но не разрѣшая ему возвратиться, государь даровалъ ему право *вступить въ службу канцелярскимъ чиновникомъ 4-ю разряда*. Это какая-то особенная категорія писцовъ, выдуманная для нежинскихъ грековъ и цыганъ. Бакунинъ не нашелъ себя способнымъ воспользоваться этой царской милостью 4-го разряда.

Ему послѣ восьмилѣтнихъ казематъ и четырехлѣтней ссылки, предстояла послѣ отказа мрачная анфилада лѣтъ въ Сибирь.

Трепетъ новой жизни пробѣгалъ по Россіи: разбитая Австрія отступила, итальянское знамя развивалось въ Миланѣ, Бакунинъ рассказывалъ намъ жадность, съ которой онъ въ Иркутскѣ слѣдилъ за Гарибальди, за полуостровомъ выступавшимъ ярче и ярче на свѣтъ свободы. Обрѣвъ себя на эту роль страдательнаго зрителя въ дальней ссылкѣ, въ 47 лѣтъ отъ роду и чувствуя полный путь, было тяжело. Довольно заплатилъ онъ за молодыя увлеченія, за вѣру въ возможность союза съ нѣмецкими демократами... Онъ рѣшился тайно оставить Сибирь.

Подъ предлогомъ торговаго дѣла, онъ пробрался на Амуръ, сѣлъ на американскій клиперъ и приплылъ въ Юкатану въ Японію. Чуть-ли онъ не первый социалистъ, первый политическій изгнанныкъ, искавшій убѣжища у японцевъ.

Изъ Японіи онъ приплылъ въ С. Франциско и перелетѣлъ черезъ панамериканскіе перелетскіе въ Сѣверные Штаты. Изъ Нью-Йорка онъ 26 Декабря приплылъ въ Ливерпуль и 27 былъ встрѣченъ нами въ Лондонѣ.

Но чтобъ ничего не недоставао, человекъ этотъ выходя послѣ 14 лѣтъ сгратаній, со знаками отъ цѣпей, которые не прошли еще, утомленный путемъ кругъ свѣта, не только былъ встрѣченъ старыми друзьями, но и обвиненіями одной радикальной нѣмецкой газеты наминавшей, что онъ *ein verdächtiger Character*.

А впротѣмъ пожалуй нѣмцы и правы! Бакунинъ и мы агенты *русскаго народа* мы работаемъ для него, ему принадлежатъ наши силы, наша вѣра, и никакому народу развѣ его. Жаль только, что нѣмцы забываютъ, что петербургское правительство нѣмецкое.

На первый случай довольно. Заклучимъ наши строки искреннимъ желаніемъ, чтобъ пророчество сдѣланное императоромъ Александромъ крестьянамъ, *что имъ не будетъ другой воли*, также быстро не сбылось какъ его пророчество о нашемъ другѣ Бакунинѣ.

И—ръ.

ГОЛОВНИНЪ МИНИСТРЪ ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Головинъ приобрѣлъ извѣстность человека благонамѣреннаго, образованнаго, современнаго. что-то онъ сдѣлаетъ министромъ? Наслѣднику преступнаго и безобразнаго министерства Путятина, призваннаго на то, чтобъ по японски морскимъ кортикомъ разрѣзать животъ университетамъ—легко сдѣлать много пользы и еще легче бездну вреда. Желаніи-бы мы съ надеждой встрѣтить появленіе Головина въ министерствѣ, но мы застрашены и предпочитаемъ молча ждать, что онъ сдѣлаетъ.

На первый случай минуй его "пуще всѣхъ печалей", гряды эндемическія въ нашемъ министерствѣ просвѣщенія: *святскіе попы, русскіе нѣмцы* и блудные дѣти ихъ *доктринеры*—доктринеры бюрократы, полисократы, централизаторы, цивилизаторы, теоретическіе Арачьевы, поклонники инциртеновъ, Панины въ новомъ изданіи въ восьмю и пр. и пр. Пусть грозная тѣнь морскаго очара Путятина, какъ тѣнь Банко всплываетъ изъ тины и грязи передъ Головиннымъ всякой разъ, когда онъ будетъ садится за министерской столъ свой.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ ГОНЕНІЯ СТУДЕНТОВЪ ПРИ

АЛЕКСАНДРЪ II.

VIII.

(Зависка объ университетскомъ дѣлѣ, о которой упомянуто въ 116 л. Колокола).

Самыя прискорбныя событія произошли въ С. Петербургскомъ университетѣ. Шумныя сходбища студентовъ, съ рѣчами, воззваніями и легкомысленными предложеніями кончились прекращеніемъ лекцій. За тѣмъ послѣдовали дѣйствія внѣ университета, запрещенныя закономъ и подвергающія массу молодыхъ людей отвѣтственности, а университетъ погибелю.

Уличныя происшествія извѣстны. Они были лишь неизбѣжнымъ послѣдствіемъ совокупнаго дѣйствія многихъ отдаленныхъ и ближайшихъ причинъ, разъяснить которыя теперь стало болѣе настоятельною потребностью, чѣмъ когда-либо.

Съ тѣхъ поръ, какъ началось постепенное обновленіе Россіи

послѣ крымской войны, университетскій уставъ 1835 г. не могъ долѣе дѣйствовать. Онъ держалъ студентовъ на степи гимназистовъ, предоставлялъ огромную власть надъ ними полицейскому чинovníку — инспектору, систематически удалялъ профессоровъ отъ студентовъ и отъ участія въ университетскихъ дѣлахъ. Потребность кореннаго преобразования университетовъ чувствовалась всѣми понимающими дѣло. Исключительно полицейскій характеръ университетскихъ учрежденій не могъ болѣе обеспечивать тишины и порядка; напротивъ, онъ служилъ только поводомъ къ безпрестаннымъ столкновениямъ между студентами и университетскимъ начальствомъ. Необходима стала для молодыхъ людей вѣда болѣе прочная, нравственная, основанная на разумныхъ началахъ, на довѣрїи юношества къ просвѣщенному и разсудительному начальству и профессорамъ. Только такая нравственная и разумная связь дѣлала возможной строгость и энергію университетскихъ властей, необходимую въ чрезвычайныхъ случаяхъ для поддержания порядка между молодыми людьми, склонными по возрасту ко всякаго рода увлеченіямъ.

Не смотря на то, что эта мысль была выражаема много разъ словесно, письменно и даже печатно, никакихъ существенныхъ преобразованій въ университетскомъ уставѣ 1835 г. сдѣлано не было. Новые понятія и требованія вторгались постепенно въ старыя формы и разрушали ихъ, а на мѣсто ихъ ничего новаго поставлено не было. Вслѣдствіе этого анархія и хаосъ возгорались мало-по-малу между студентами. Безурядицы устранить не было никакой возможности; для этого уставъ 1835 г. не представлялъ никакихъ средствъ.

Бывшій министръ народнаго просвѣщенія дѣйств. тайный совѣтъ. Норовъ, кажется, чувствовалъ это. Ему хотѣлось поднять студентовъ нравственно, дать имъ молодымъ силамъ и умамъ направленіе, достойное учащагося юношества. Съ этой цѣлью разрѣшены были студентамъ литературныя бесѣды и изданіе сборника, которые должны были соединять молодыхъ людей для научныхъ занятій. Эти собранія и завѣщаніе студенческой кассой, собираемой для поддержанія бѣдныхъ студентовъ, послужили первымъ основаніемъ студенческихъ сходокъ.

Противъ сходокъ студентовъ многіе возражаютъ, и съ различныхъ точекъ зрѣнія. Говорятъ, что онѣ — школы празности и лѣни, отвлекающія молодые умы отъ серьезныхъ занятій; сходки, по замѣчанію другихъ, поощряютъ юношескіе къ пустословію и театральнымъ эффектамъ, къ чему и безъ того множество людей къ несчастію слишкомъ рано приучается въ дѣйствительной жизни. Наконецъ, третій видъ въ такихъ сходкахъ зародыши политическихъ и революціонныхъ клубовъ, вредные для государства и губительные для юношества.

Всѣ эти и подобныя имъ разсужденія — нѣтъ важныхъ недоразумѣній, которыя необходимо разъяснить, чтобъ правильно смотрѣть на дѣло. Не только молодые люди, но даже дѣти — тѣ же люди какъ и взрослые, только кругъ ихъ дѣйствій, сфера занятій очерчены тѣснѣе и иначе. Оттого вездѣ и всегда учебныя заведенія, въ особенности-же университеты, устроялись по образцу современныхъ имъ общественныхъ учрежденій. Средневѣковые университеты въ Европѣ были такая-же корпорация и цехъ, какъ и тогдашнія го-

родскія общины. У насъ такихъ общинъ нѣтъ и не было; наше національное общественное устройство есть міръ и мірская сходка. Студенческія собранія поразительно ихъ напоминаютъ не только по самомъ дѣлу, но и по имѣнїю повторяя собою, въ маломъ видѣ, всѣ достоинства и недостатки этихъ учреждений. На эту сторону вопроса, кажется не было еще обращено должнаго вниманія, а между тѣмъ она чрезвычайно важна. Признавъ ее, нельзя не убѣдиться, что искоренить сходки сейчасъ есть какая-нибудь возможность, и легко понять почему студенты такъ упорно ихъ отстаиваютъ. Закрытіе ихъ въ университѣ повлечетъ за собою открытіе ихъ внѣ университета, по домамъ, а преслѣдованіе всюду обратитъ ихъ изъ явныхъ собраній въ тайныя, что гораздо хуже и опаснѣе.

Сходки дѣйствительно вредны для студентовъ и ихъ занятій, но не сами по себѣ, а потому, что все новое и въ особенности запрещенное имѣетъ въ юномъ возрастѣ большую занимательность. Еслибъ правительство рѣшилось не только дозволить ихъ, но устроить и дать имъ опредѣленный законный кругъ дѣятельности, онѣ безъ сомнѣнія, потеряли-бы половину теперешней своей заманчивости. Студенты привыкли-бы къ нимъ, и стали-бы на нихъ смотрѣть какъ на одно изъ самыхъ обыкновенныхъ прозаическихъ занятій. Получивъ этотъ характеръ, студенскія сходки принесли-бы и молодымъ людямъ и правительству и обществу несомнѣнную, существенную пользу; онѣ приучили бы молодыхъ людей, до вступленія ихъ въ дѣйствительную жизнь, къ строгой отчетности и отвѣтственности, къ чему такъ мало приучены мы теперь даже въ зрѣломъ возрастѣ. Если учрежденіе столь полезное для молодыхъ людей, вскорѣ послѣ своего возникновенія приметъ дурное и вредное направленіе, то и причины должно искать въ разныхъ постороннихъ обстоятельствахъ: во всеобщемъ броженіи умовъ, всеобщей неясности понятій, естественной спутницѣ коренныхъ общественныхъ реформъ, а болѣе всего въ томъ, что сходки, съ самаго-же начала, не были правильно устроены самимъ правительствомъ. При господствующей внутри университетовъ анархїи и хаосѣ, студенты были предоставлены самимъ себѣ, не имѣли руководителей, не знали какъ и за что взяться. Послѣдствія этого какъ и сѣгодня оцѣнить были губительны для университетскаго юношества.

Какъ-бы то ни было, но при самомъ первомъ своемъ появленіи сходки были мирны и безвредны. Студенты собирались, читали свои статьи, разсуждали о кассѣ, о средствахъ ее увеличить, присуждали вспомоществованія товарищамъ; мало-по-малу они становились шумнѣе и нестройнѣе. Здѣсь и тамъ прорывались рѣзкія фразы и осужденія, произносились рѣчи съ какою-то невинностью, но приучавшія юношей къ ораторству и фразамъ. Сходки считались частнымъ дѣломъ студентовъ, и потому онѣ происходили безъ чьего-либо вѣдома и разрѣшенія и безо всякаго контроля. Положеніе это было необыкновенно странное: военнымъ образомъ, сходки были, какъ сказано, разрѣшены правительствомъ; а между тѣмъ, онѣ не были позволены. Когда студенты толпами ходили просить о чемъ-нибудь, имъ говорили: «выбирайте изъ себя депутатовъ и посылайте ихъ»; лица, принадлежавшія къ университету и близкіе сто-

являя къ университетской администраціи, очень ясно понимали невозможность совсѣмъ уничтожить студентскія сходки, а между тѣмъ правительство ни за что не согласилось прямо признать ихъ и устроить: ихъ терпѣли и какъ будто не замѣчали. При такомъ порядкѣ дѣлъ, никто не смѣлъ взяться за ихъ устройство и водворить въ нихъ какой-нибудь порядокъ. Всѣ старались только смазывать прорывавшіяся по временамъ крайности и рѣзкости, а безпорядки и хаосъ росли и крѣпли. Полицейская университетская власть разумѣется не въ состояніи была съ ними бороться. Нѣсколько разъ, люди, понимавшіе дѣло, напоминали о необходимости устроить сходки, и тѣмъ отвратить грозившую опасность, но имъ отвѣчали, что этого вопроса и подымать невозможно, потому что правительство и слышать не хочетъ о сходкахъ. Такъ проходило время.

Въ началѣ нынѣшняго года, два обстоятельства показывали, что болѣзнь приняла уже большіе размѣры. На университетскомъ актѣ 8 Февраля былъ шумъ и безпорядки по тому случаю, что профессоръ Костомаровъ не читалъ рѣчи, которую студенты ожидали съ нетерпѣніемъ; вскорѣ послѣ того слухъ, распространившійся между студентами, будто-бы слѣдственная коммиссія, по дѣлу о панихидѣ по убитыхъ въ Варшавѣ, перенесетъ свои засѣданія въ стѣны университета, возбудилъ такіе неурядицы, что надобно было серьезно подумать о мѣрахъ къ ихъ прекращенію на будущее время. Бывшій попечитель с. петербургскаго учебнаго округа, тайный совѣтъ. Деляновъ, потребовалъ по этому предмету мнѣнія отъ нѣкоторыхъ изъ профессоровъ. Послѣдніе подвергнули дѣло подробному изслѣдованію, собрали свѣденія отъ студентовъ и представили цѣлый проектъ правилъ, касавшихся устройства студентскихъ сходокъ и полицейскаго устройства въ университетѣ. Исходя изъ той мысли, что внѣшній полицейскій надзоръ надъ студентами безсиленъ возстановить порядокъ въ университетѣ, они находили необходимымъ замѣнить его авторитетомъ и мнѣніемъ профессоровъ и потому предлагали: дать сходкамъ правильное устройство, ограничивъ ихъ занятія исключительно дѣлами студентской кассы, библіотеки и редакціи сборника подъ руководствомъ профессора; устроить изъ профессоровъ университетскій судъ надъ студентами, замѣнить инспектора—проректоромъ, выбраннымъ изъ среди профессоровъ-же.

Эти предположенія остались безъ послѣдствій, и вскорѣ послѣ того правительство издало новыя правила, измѣнившія весь порядокъ дѣлъ въ университетѣ. Правилами этими (31 Мая) между прочимъ отмѣнены свидѣтельства о бѣдности, освобождавшія студентовъ и вольнослушателей недостаточнаго состоянія отъ платы 50 р. и запрещены всякія сходки безъ разрѣшенія начальства. Въ одно время съ изданіемъ этихъ правилъ, мѣсто бывшего министра народнаго просвѣщенія дѣйств. тайнаго совѣта. Ковалевскаго заступилъ генералъ-адъютантъ графъ Путятинъ, который испросилъ соизволеніе государя императора на мѣры еще болѣе строгія (21 Іюля) а именно: сходки запрещены вообще, положительно; студентъ не выдержавшій экзамена подлежалъ исключенію изъ университета, тогда какъ до того времени онъ могъ пребыть на одномъ курсѣ два года; для завѣдыванія студенческой кассой, библіотекой и т. п. студенты должны избираться въ извѣстномъ числѣ отъ

каждаго факультета и разряда не студентами какъ до сихъ поръ было, а правленіемъ университета; присужденія денежныхъ выдачъ должны были подлежать утвержденію ректора или инспектора. Предлагая эти правила для исполненія университетскимъ совѣтамъ и требуя мнѣнія по нѣкоторымъ ихъ пунктамъ, министръ прибавилъ: “что имѣя въ виду матеріальное улучшеніе положенія университетскихъ преподавателей и освобожденіе ихъ отъ труда пріемныхъ испытаній, правительство тѣмъ болѣе въ правѣ ожидать отъ нихъ усиленія дѣятельности и направленія оной всецѣло къ истинной пользѣ обучающейся въ университетахъ молодежи.” Графъ Путятинъ между прочимъ изъяснялъ увѣренность: “что профессоры направятъ свою дѣятельность къ указанной цѣли и не примутъ на себя тяжелой отвѣтственности уклоненіемъ отъ своего долга,” а ректоры и деканы помогутъ правительству “предотвращать то легкомысленное небреженіе или превратное пониманіе своихъ обязанностей, которыя были уже причиною несчастія многихъ молодыхъ людей.” Съ тѣмъ вмѣстѣ гр. Путятинъ предложилъ университетскимъ совѣтамъ обсудить вопросъ не полезнѣе-ли будетъ возлагать званіе инспектора студентовъ на одного изъ профессоровъ или адъюнктовъ, по выбору ректора.

Извѣстно какія впечатленія новыя правила произвели въ цѣлой Россіи. Въ нихъ видѣли возвращеніе къ мысли ограничить число студентовъ и снова сдѣлать университеты недоступными для большинства публики, тогда какъ въ послѣднее время они были открыты для всякаго желающаго. Множество молодыхъ людей, которымъ университетскій дипломъ давалъ въ службѣ и обществѣ положеніе и кусокъ хлѣба, лишены возможности слушать университетскіе курсы. Бѣдные дворяне и чиновники, готовившіе своихъ сыновей въ университетъ, были въ негодованіи; негодовали и всѣ, которымъ дорого просвѣщеніе такъ много распространенное въ Россіи и составляющее нашу насущную потребность. На студентовъ и слушателей университетовъ впечатленіе этихъ мѣръ было тоже самое тяжелое.

Не встрѣтивъ ни въ комъ сочувствія, эти правила могли быть введены безъ волненій развѣ только весьма искусной рукой, обычной въ обращеніи съ университетами и студентами и при помощи значительныхъ смягченій по крайней мѣрѣ на первое время. Въ этомъ отношеніи оставленъ необходимый просторъ; въ высочайшемъ повелѣніи 31 Мая было сказано, что новыя правила должны вводиться постепенно и по мѣрѣ возможности; слѣдственно предоставлены средства сгладить въ началѣ ихъ рѣзкость, дать время остынуть первому непріятному впечатленію, и за тѣмъ еслибъ правительство признало нужнымъ неуклонно слѣдовать предначертанному пути, мало по малу достигнуть точнаго ихъ приложенія. Но уже въ дополнительныхъ правилахъ 21 Іюля новымъ началамъ придана еще большая строгость и благо-разумная постепенность забыта.

За мѣсяцъ до изданія этихъ дополнительныхъ правилъ, въ началѣ Іюня, совѣту с. петербургскаго университета предложено было озаботиться немедленнымъ составленіемъ для студентовъ правилъ относительно точнаго посѣщенія лекцій, также изыскать и начертать мѣры для неуклоннаго исполненія правилъ о взиманіи съ посѣщающихъ университетъ установленнаго денежнаго взноса. Вслѣдствіе этого университетскій

совѣтъ въ засѣданіи 16 Іюня образовалъ временную комиссію изъ семи профессоровъ, которой поручено между прочимъ составить проектъ правилъ объ обязанностяхъ студентовъ и вольнослушателей во время нахождения ихъ въ стѣнахъ университета, о дѣятельности ректора и проректора, какъ начальниковъ полицейско-инспекторскаго надзора за студентами и вольнослушателями, и объ ограниченіи полицейско-инспекторскаго надзора непосредственно подчиненнаго проректору и ректору.

Задача комиссіи была крайне трудная; основныя начала были ей даны; оставалось примѣнить ихъ такъ, чтобы переходъ къ новому порядку дѣлъ не былъ слишкомъ крутъ и могъ совершиться съ необходимою постепенностью. Для этого комиссія предположила учредить должность проректора избраннаго совѣтомъ изъ числа профессоровъ; установить университетскій судъ изъ профессоровъ-же; чтобы внушить къ этому суду болѣе довѣрія со стороны студентовъ комиссія предоставляла каждому подсудимому студенту, для подтвержденія его показаній, приглашать въ судъ двухъ изъ своихъ товарищей. Сверхъ того комиссія предположила оставить студенческую кассу, библіотеку и редакцію сборника въ завѣдываніи студентовъ, выбранныхъ по факультетамъ и курсамъ. Послѣдній пунктъ конечно косвенно допускалъ сходки; но во 1^х онѣ не были общія, а частныя, раздробленныя; во 2^х онѣ оставлены только для избранія студентовъ которымъ ввѣрялась касса, библіотека и редакція сборника; для шумныхъ демонстрацій и разглагольствованіи тутъ не было повода; въ 3^х онѣ должны были происходить подъ надзоромъ и руководствомъ профессора, слѣдственно согласно съ первоначальнымъ высочайшимъ повелѣніемъ 31 Мая съ разрѣшенія начальства. За совершенною невозможностію прекратить сходки, члены комиссіи должны были по необходимости избрать средній путь, который-бы согласился строгія требованія правительства съ возможностью ихъ исполненія. Кромѣ того комиссія предложила матрикулы, которыя должны были содержать въ себѣ всѣ университетскія правила, относящіяся къ студентамъ, и какъ-бы формулярный списокъ каждаго изъ нихъ. Наконецъ, противъ предположенія объ исключеніи студентовъ невыдержавшихъ экзамена, комиссія возражала, что такое правило должно непременно повести къ болѣе снисходительности со стороны экзаменаторовъ и слѣдственно къ ослабленію самого значенія экзаменовъ, а противъ выбора студентовъ правленіемъ—что оно не можетъ руководствоваться никакими данными при этомъ избраніи и должно будетъ избирать случайно, по фамиліямъ только. Въ заключеніе комиссія положила просить попечителя засвидѣтельствовать министру, что члены совѣта, т. е. профессора с. петербургскаго университета никогда и ни въ чемъ не подавали повода думать, что они уклоняются отъ своего долга, или не знаютъ той нравственной отвѣтственности, которая лежитъ на каждомъ преподавателѣ, и что членамъ совѣта вовсе неизвѣстны случаи легкомысленнаго небреженія и превратнаго пониманія своихъ обязанностей, бывшихъ причиною несчастія молодыхъ людей.

Совѣтъ университета одобрилъ работы комиссіи и представилъ ихъ попечителю. Вопросъ о введеніи билетовъ для посѣщенія лекцій былъ поднятъ, но не пущенъ на голоса потому, что очевидно было, что большинство членовъ совѣта не желало этой мѣры. Не смотря на то, исправляющій

должность ректора, счелъ нужнымъ сказать въ представленіи попечителю, что многіе профессора признаютъ необходимымъ и полезнымъ допускать постороннія лица въ университетъ не иначе, какъ по билетамъ, съ платою за каждый по 10 коп. серебромъ.

Всѣ спасительныя смягчающія мѣры, предложенныя комиссіей, были отвергнуты министерствомъ: Новый попечитель с. петербургскаго учебнаго округа, генераль-лейтенантъ Филиппсонъ сначала собралъ университетскій совѣтъ подъ своимъ предсѣдательствомъ и объявилъ ему, что министръ утвердилъ правила составленныя комиссіей съ нѣкоторыми *незначительными* измѣненіями, а потомъ, въ официальной бумагѣ отъ 2 Сентября, уведомилъ исправляющаго должность ректора, что министръ разрѣшилъ привести въ дѣйствіе проектъ организациіи полицейско-инспекторскаго надзора за студентами на одинъ годъ въ видѣ опыта, съ измѣненіями, которыя лично указаны ему, попечителю, г. министромъ. Къ этому генераль-лейтенантъ Филиппсонъ между прочимъ прибавилъ, что входъ въ университетъ долженъ быть дозволенъ только тѣмъ лицамъ, которыя получаютъ отъ исправляющаго должность проректора билеты на право посѣщенія лекцій, съ платою какая будетъ за билетъ назначена.

Незначительныя, по мнѣнію генераль-лейтенанта Филиппсона, измѣненія въ правилахъ, составленныхъ въ университетскомъ совѣтѣ, на самомъ дѣлѣ были чрезвычайно важны. Министерство безусловно отвергло выборы студентовъ и поручило избраніе ихъ деканамъ; отвергло свидѣтелей въ судѣ; подчинило студенческую библіотеку и кассу распоряженію университетскаго начальства и библиотечаря; требовало немедленнаго введенія билетовъ; отвергло возраженія противъ исключенія студентовъ, невыдержавшихъ экзамена и пробывшихъ въ университетѣ болѣе года. Въ частномъ письмѣ на имя попечителя, предназначенномъ для приватнаго сообщенія профессорамъ, министръ сдѣлалъ имъ замѣчаніе за рѣзкость тона комиссіи; о послабленіи на экзаменахъ отзывался какъ о нарушеніи обязанностей службы; циркулярное-же обвиненіе профессоровъ въ распространеніи вредныхъ мыслей между студентами объяснялъ какъ предостереженіе, на которое никто претендовать не вправе. За тѣмъ министръ требовалъ, чтобы совѣтъ указалъ на профессора, который-бы могъ на основаніи новыхъ правилъ, занять должность проректора временно, на годъ.

Совѣтъ былъ поставленъ въ крайне затруднительное положеніе. Распоряженія министерства отняли у новыхъ правилъ все смягчающее, что одно могло обезпечить постепенное, спокойное ихъ введеніе. Отсутствіе спасительнаго клапана представляло серьезныя опасности. На послабленія, смягченія, необходимые обходы крайней строгости правилъ при новомъ министерствѣ, послѣ всего изложеннаго, нельзя было рассчитывать, а съ другой стороны, обратить на себя, какъ на вводителя новыхъ порядковъ, негодованіе студентовъ, лишиться чрезъ это ихъ уваженія, и вмѣстѣ съ тѣмъ потерять всякій нравственный авторитетъ надъ ними, словомъ пожертвовать собою безъ всякой надежды принести тѣмъ пользу университету и дѣлу никто изъ профессоровъ не хотѣлъ. Всякій изъ нихъ предчувствовалъ бѣду и боялся тяжелой отвѣтственности передъ правительствомъ, университетомъ и общественнымъ мнѣніемъ, если не управится съ дѣломъ, которое на себя бралъ, а управится не было никакихъ средствъ: это видѣлъ всякій.

Положеніе проректора само по себѣ крайне трудное и деликатное, еще затруднено министерскими распоряженіями и сдѣлано совершенно невозможнымъ. Никакая прибавка жалованья, никакія заботы министерства объ улучшеніи содержанія, не выкупали безвыходнаго положенія профессора, который-бы рѣшился принять званіе проректора. Вслѣдствіе этого профессорамъ оставалось одно: откровенно, добросовѣстно представлять начальству при каждомъ удобномъ случаѣ, крайнюю трудность положенія, неудобство новыхъ правилъ и отказаться отъ опасной чести быть проректоромъ. Съ полною откровенностью они выразили попечителю въ совѣтѣ свои сомнѣнія относительно самыхъ важныхъ пунктовъ новыхъ правилъ, но не были услышаны и въ этотъ разъ. Отъ нихъ требовалось безусловнаго ихъ выполнения и выбора проректора.

Въ бывшемъ, вслѣдствіе того, особомъ совѣщаніи профессоровъ въ залѣ совѣта, продолжавшемся четыре часа, былъ подробно обсуждаемъ вопросъ о проректорѣ. Послѣ продолжительныхъ преній, положено было представить попечителю, что "совѣтъ не можетъ указать ни на одного изъ своихъ членовъ для исправленія должности проректора, по тѣмъ трудностямъ, которыя представляетъ эта должность на основаніи утвержденныхъ правилъ."

Совѣту не легко было рѣшиться на такой шагъ. Если онъ на него рѣшился, даже съ указаніемъ побудительныхъ причинъ, то это доказывало, что положеніе въ самомъ дѣлѣ было чрезвычайно трудное. Не исполнить повтореннаго требованія начальства, дѣло слишкомъ рискованное и мало полезное въ служебномъ отношеніи, чтобъ на него можно было пойти легкомысленно безъ самыхъ важныхъ побудительныхъ причинъ. Но министерство не хотѣло обратить на это вниманія. Въмѣсто того, чтобъ увидѣть въ отзывѣ профессоровъ добросовѣстное отправленіе служебныхъ обязанностей и важное предостереженіе, оно приняло ихъ отзывъ какъ сопротивленіе распоряженіямъ правительства и отвѣтило назначеніемъ въ должность проректора инспектора студентовъ, человека неуважаемаго ни профессорами, ни студентами, недѣятельнаго и трусливаго.

Съ этой минуты дѣла пошли быстро къ окончательной прискорбной развязкѣ. Къ распоряженіямъ министерства присоединились еще не понятныя упущенія ближайшаго университетскаго начальства. Никакой мѣры для ознакомленія студентовъ съ новымъ порядкомъ дѣлъ въ университетѣ принято не было. Новыя постановленія правительства студентамъ объявлены не были, и стали нѣкоторымъ изъ нихъ извѣстны изъ газетъ, а большинству изъ самыхъ нелѣпыхъ и противурѣчивыхъ слуховъ. Какъ только открылись лекціи (18 Сентября), начались опять сходки, съ рѣчами и разными манифестаціями, никто ихъ не останавливалъ, никто, даже тогда, не позаботился объявить студентамъ, что онѣ безусловно запрещены. Воззваніе самое легкомысленное было прибито въ университетѣ и не было снято въ теченіи шести часовъ сряду: каждый могъ читать свободно, сколько хотѣлъ. Безпорядки по выдачѣ студентамъ билетовъ на жительство поджигали и распаляли ихъ съ каждымъ днемъ болѣе. Еще въ Пятницу 22 Сентября, совѣтъ единогласно просилъ объ отмѣнѣ билетовъ, но напрасно.

Послѣдняя шумная сходка была въ университетѣ въ Субботу, 23 Сентября, послѣ чего лекціи были прекращены.

Своевременно и благоразумно-ли было это распоряженіе—трудно сказать. При прежнемъ порядкѣ дѣлъ, студентовъ конечно можно было успокоить, не прибѣгая къ такой крутой мѣрѣ; но при новыхъ правилахъ и вызванномъ ими настроеніи, университетъ рано или поздно пришлось-бы закрыть, потому, что онѣ именно и поддерживали волненіе.

На другой день 24 Сентября, министръ народнаго просвѣщенія въ первый разъ по вступленіи своемъ въ министерство принялъ профессоровъ и преподавателей университета. Представленіе было официальное. Графъ Путятинъ повторилъ профессорамъ, что правительство заботится объ увеличеніи ихъ содержанія, просилъ содѣйствовать ему въ успокоеніи студентовъ, объяснял справедливость и необходимость взиманія съ нихъ платы за слушаніе лекцій и выразилъ готовность правительства оказать въ этомъ отношеніи снисхожденіе достойнымъ, но бѣднымъ молодымъ людямъ. Тутъ-же профессоры въ-первые узнали о прекращеніи лекцій не изъ устъ министра, а отъ исправляющаго должность ректора.

На слѣдующій день 25 Сентября, по утру, была по поводу закрытія лекцій, уличная демонстрація студентовъ, а ввечеру происходило засѣданіе университетскаго совѣта подъ предѣтельствомъ попечителя. Министерство стало въ самое затруднительное положеніе. Оно теперь только кажется замѣтило, что ошибалось и принимало не тѣ мѣры, какія слѣдовало, но отступить отъ нихъ послѣ того, что произошло, было разумѣется невозможно. Для умиротворенія университета министерство придумало новыя полицейскія мѣры. Предположено по открытіи университета раздавать матрикулы не тѣмъ порядкомъ, какой предписанъ въ правилахъ, самимъ-же министерствомъ утвержденныхъ, т. е. не проректоромъ и его секретаремъ, а съ особенною торжественностію въ факультетскихъ засѣданіяхъ; присутствие при этомъ профессоровъ уважаемыхъ студентами, говорилъ попечитель, будетъ имѣть моральное вліяніе на молодыхъ людей и придастъ въ ихъ глазахъ матрикуламъ желаемый авторитетъ. Это говорилось въ то время, когда студенты, до послѣдней степени раздраженные распоряженіями министерства и университетскаго начальства, рѣшились на самыя крайнія мѣры. Профессоры, тщетно предостерегавшіе столько разъ и министерство и университетское начальство, должны были теперь своимъ нравственнымъ авторитетомъ и вліяніемъ поддерживать то, чего они по совѣсти не могли одобрить, и тѣмъ лишить себя на всегда возможности имѣть на студентовъ какое-нибудь нравственное вліяніе, имѣть въ ихъ глазахъ какой-нибудь авторитетъ, столько необходимый въ ближайшемъ будущемъ для возстановленія въ университетѣ тишины и порядка. Спрошенные попечителемъ, какъ они объ этомъ думаютъ, профессора, большинствомъ 15 голосовъ противъ 14 отвергли эту мѣру какъ неудобную, не ведущую къ цѣли и противную правиламъ. Министерство опять увидѣло въ этомъ не иное что, какъ сопротивленіе высочайшимъ повелѣніямъ и потребовало отъ профессоровъ письменныхъ отзывовъ, по этому предмету, вѣроятно предполагая, что они не рѣшатся изложить свои мнѣнія на бумагѣ. Оказалось, что въ письменныхъ отзывахъ неудобство раздачи матрикулъ въ факультетахъ было признано даже многими изъ тѣхъ профессоровъ, которые, при словесной подачѣ голосовъ, были въ пользу предложенія генералъ-лейтенанта Филипсона, или не были въ засѣданіи совѣта, такъ что значительное большинство голосовъ выразилось противъ этой

мѣры. Она и была оставлена. Съ своей стороны профессора, желая всячески содѣйствовать правительству въ успокоеніи студентовъ мѣрами дѣйствительными, предложили: во-первыхъ произвести посредствомъ коммисіи, выбранной университетскимъ совѣтомъ изъ своей среды, подробное изслѣдованіе о бывшихъ въ университетѣ безпокойствахъ и о ихъ причинахъ; во-вторыхъ облегчить способы уплаты денегъ за слушаніе лекцій для молодыхъ людей недостаточнаго состоянія. Оба предложенія приняты совѣтомъ единогласно, но изъ нихъ одобрено попечителемъ только второе, а первое отвергнуто, безъ объясненій причинъ.

Изъ предыдущаго изложенія видно, что причины волненій и безпорядковъ между студентами, приведеніе къ такимъ прискорбнымъ результатамъ, заключались главнымъ образомъ:

Въ совершенной неудовлетворительности университетскаго устава 1835 г., настоятельно требующаго коренныхъ преобразованій:

Въ неосторожныхъ распоряженіяхъ министерства; въ неустройствѣ и бездѣйствіи университетскаго начальства.

На учащихъ молодыхъ людей, по возрасту своему расположенныхъ къ преувеличеніямъ и крайностямъ, болѣею частью по самымъ благороднымъ побужденіямъ, могутъ съ успѣхомъ дѣйствовать не внѣшнія полицейскія мѣры, а нравственное вліяніе профессоровъ, къ которымъ они привыкли, которыхъ знаютъ, изъ которыхъ многихъ глубоко уважаютъ. Какъ-же поставлены профессора? Содержаніе ихъ самое жалкое, участіе въ управленіи университетомъ самое ничтожное, отъ студентовъ они систематически устранены.

Съ другой стороны полицейскій характеръ университетскаго устава 1835 г., смягченный въ примѣненіи въ послѣднее время новыми мѣрами правительства, вдругъ оживленъ и восстановленъ еще съ болѣею силою, чѣмъ когда-либо; безусловно запрещены студентскія собранія, тогда какъ они, при извѣстныхъ условіяхъ и обстановкѣ, могли-бы быть не только безвредны, но даже полезны; доступъ въ университетъ бѣднымъ молодымъ людямъ закрытъ вовсе, тогда какъ для большинства учащихся университетскій дипломъ есть патентъ на право кормиться честнымъ трудомъ. Едва-ли теперь настало время ограничивать число университетскихъ воспитанниковъ, когда запросъ на нихъ по всѣмъ отраслямъ управленія такъ великъ, а въ ближайшемъ будущемъ съ предстоящими преобразованіями долженъ сдѣлаться гораздо болѣе. Дѣйствіе этихъ коренныхъ причинъ усилили еще болѣе чрезмѣрно строгія распоряженія министерства, которое, дѣйствуя круто и рѣзко, не допуская никакихъ переходныхъ мѣръ, обезсилило и охладило профессоровъ и довело студентовъ до сосредоточеннаго отчаянія. Безурядицы и хаосъ университетской администраціи довершили остальное.

Чтобъ поправить зло и утишить волненіе въ университетахъ необходимо:

1) Преобразовать университетскій уставъ 1835 года на широкихъ началахъ, предоставляя профессорамъ гораздо болѣе значеніе въ университетскомъ управленіи чѣмъ теперь, и обезпечивъ имъ безбѣдное матеріальное существованіе. Вообще университеты должны получить болѣе самостоятельности, чѣмъ до сихъ поръ имѣли.

2) Ректоры должны быть выборные и облечены болѣею властью; поднять ихъ значеніе необходимо.

3) Если правительство не признаетъ возможнымъ уменьшать плату за слушаніе лекцій, то необходимо по крайней мѣрѣ, освободить отъ нея дѣйствительно бѣдныхъ молодыхъ людей, и значительно облегчить взносъ денегъ для лицъ недостаточнаго состоянія.

4) Надлежитъ отмѣнить вовсе различіе между студентами и вольнослушателями, безъ нужды путающее дѣло и университетскій надзоръ. Слѣдуетъ ли уничтожить вовсе званіе студента или-же отмѣнить разрядъ вольнослушателей. Въ

пользу и противъ того и другого можно сказать многое и потому вопросъ этотъ требуетъ внимательнаго обсужденія.

5) Дозволить собранія студентовъ подъ надзоромъ университетскаго начальства и профессоровъ; разрѣшить имъ имѣть въ своемъ распоряженіи, посредствомъ выборныхъ, но также подъ наблюденіемъ университета, (студенческую кассу, библиотеку и т. п.; кругъ занятій собраній и наблюденія за ними должны быть очень зрѣло обдуманы, чтобъ съ одной стороны не стѣснять безъ нужды молодыхъ людей, а съ другой не дать имъ уклониться по этому поводу съ прямаго пути.

и 6) Подробно и самымъ тщательнымъ образомъ пересмотрѣть всѣ относящіяся къ студентамъ правила и выключить изъ нихъ все то, что безъ крайпей необходимости дразнитъ ихъ и вызываетъ на волненіе. Такія правила есть, и онѣ много вредятъ дѣлу.

Въ заключеніе нельзя не замѣтить, что строгому и добросовѣстному надзору надъ студентами, много мѣшаетъ чрезмѣрная жестокость нашихъ уголовныхъ законовъ и заключающаяся въ нихъ склонность придать государственной и политической характеръ такимъ проступкамъ молодежи, которые на самомъ дѣлѣ не болѣе какъ бредъ молодости. Еслибъ этого не было, еслибъ такъ называемыя политическія преступленія учащагося юношества наказывались слабѣе, на пр. по большой мѣрѣ заключеніемъ на полгода, то не было-бы причины скрывать такіе проступки и уменьшать ихъ важность, какъ дѣлается по необходимости теперь, даже людьми добросовѣстными, неодобряющими крайностей, въ которыя вдаются молодые люди. Теперь всякій боится принять на свою душу тяжкую отвѣтственность за гибель юноши; всякій знаетъ часто по опыту, что придя въ зрѣлый возрастъ, юноша будетъ думать и поступать иначе, и потому скрывая его проступки—раждается мысль о безнаказанности, которая поощряетъ молодыхъ людей на этомъ пути, и наконецъ доводитъ ихъ до дѣйствительныхъ политическихъ и государственныхъ преступленій.

IX.

УНИВЕРСИТЕТСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

(Побитый Шмидтъ—Сраженіе 30 Ноября—Соборъ декановъ—Щаповъ).

Ноября 28 [Декабря 10]. Одинъ студентъ прочелъ письмо изъ крѣпости отъ товарищей тамъ содержащихся, они убѣждали студентовъ не ходить на лекціи. Профессоръ *Воскресенскій* счелъ священнымъ долгомъ сообщить объ этомъ субъ-инспектору Шмидту, Шмидтъ счелъ священной обязанностью схватить студента *за шиворотъ*, за что и получилъ нѣсколько пиньковъ. По этому дѣлу наряженъ университетскій судъ.

Ноября 30 [Декабря 12]. Храбрый генералъ Филиппсонъ узнавъ отъ лазутчиковъ, что въ аудиторіяхъ есть непріятельскіе студенты, не вооруженные матрикулами, снова послалъ за храбрымъ генераломъ Паткулемъ. При рекогносцировкѣ непріятельской позиціи, захваченъ въ плѣнъ и увезенъ одинъ технологъ *Червоискій* не смотря на то, что онъ ссылаясь на условіе перемирія, по которому въ продолженіе двухъ недѣль дозволялось ходить безъ матрикулъ. По отъѣздѣ генерала Паткуля, студенты окружили храбраго генерала Филиппсона и стали требовать уничтоженія стѣснительныхъ правилъ. Генералъ прибѣгнулъ къ череской хитрости и дозволилъ студентамъ *домашнее совѣщаніе* подъ предсѣдательствомъ профессоровъ *Сухомлинова* и *Бекетова*, за что впрочемъ генералъ непреминулъ получить сильный выговоръ отъ адмирала, при чемъ генералъ съ большою твердостью духа отперся отъ своихъ словъ. Въ этотъ достопримѣчательный день будочники были требованы со всѣхъ частей по телеграфу къ университету и вблизи лежащихъ дефилеяхъ были спрятаны жаңдармы.

На канунѣ, преосвященный адмиралъ созывалъ соборнѣ

всѣхъ декановъ и чель имъ (съ благоприличными пропусками) донесеніе изъ разныхъ университетовъ, изъ которыхъ видно, что все обстоитъ благополучно (*Особенно въ Казани!*). Потомъ съ особенной похвалой отнесся морякъ о штиль въ московскомъ университетѣ и въ кievскомъ, и сообщилъ объ истинно-вѣрнопопдадническихъ ввншеніяхъ сдѣланныхъ самими профессорами студентамъ. Руководствуясь такими примѣрами мореплавателей требовалъ содѣйствія отъ здѣшнихъ декановъ и профессоровъ, для обращенія студентовъ къ поклоненію матрикулъ. Припоминая изъ времени неудачной дипломатической карьеры своей, что пушки *ultima ratio*, адмиралъ и богословъ просвѣщенія заключилъ свою рѣчь словами: “молодые люди упрекаютъ правительство, что оно поступаетъ слишкомъ строго, напротивъ, правительство дѣйствуетъ очень снисходительно, слѣдовало бы поставить пушки и дѣйствовать картечью не разбирая *праваго и виноватаго*”.

Поистинѣ высокая и христіанская мысль, не только сопоставить грѣшника съ праведнымъ, но поднять грѣшника до праведнаго и обоихъ казнить соотечественной картечью, во имя на вѣки нерушимыхъ матрикулъ!

изъ москвы.

Выписываемъ изъ двухъ полученныхъ нами писемъ разныя подробности о студентскомъ побоищѣ въ Москвѣ и о пр.

Изъ перваго. “Чернь была натравлена на избіеніе студентовъ и на цѣлый рядъ неистовствъ, всего больше полицмейстеромъ Огаревымъ. Агитаторъ этотъ, при всей толпѣ кричалъ: “братцы обижаютъ нашихъ, помогите!” Изъ толпы выступилъ какой-то здоровенный изъ тверской ямской мушайки, и говоритъ Огареву: “А что ваше в-дѣе, отвѣчать не будемъ, если студентовъ поколотимъ?” — “За что отвѣчать, васъ еще начальство поблагодаритъ”. Тогда этотъ мотадоръ, закрутивъ у поддевки рукава, пошолъ хлестать кулачищами по чѣмъ попало бѣдныхъ студентовъ, а вслѣдъ за нимъ бросилась и толпа лавочниковъ и другихъ невѣжественныхъ дураковъ. Между тѣмъ до начала избіенія шныряли между толпою неизвѣстные люди, вѣроятно агенты полиціи, которые появляясь и исчезая на разныхъ пунктахъ площади, говорили простому народу: “Чего вы смотрите на эту сволочь студентовъ, всѣ они бунтуютъ противу начальства, а теперь пришли только къ Тучкову требовать чрезъ него у государя уничтоженія вольности крестьянъ; вы видите, это все почти дѣти дворянъ, такъ вотъ отцы ихъ и научили затѣять бунтъ, генералъ-губернаторъ вовсе не противъ студентовъ, онъ даже дѣлалъ представленіе въ ихъ пользу государю”.

— Странно, да развѣ не Тучковъ управлялъ городомъ во время бойни студентовъ, развѣ бойня не была передъ глазами его дома и развѣ не вдали его жену и Исакова у окна въ самое время преступленій? Далѣе, если писанное корреспондентомъ объ полицмейстерѣ Огаревѣ справедливо, что-же Тучковъ, отдалъ его подъ судъ?...—*Изд.*

Изъ втораго. “У насъ снова подняли споръ о тѣлесныхъ наказаніяхъ, на этотъ разъ говорятъ не о крестьянахъ, имъ князь Черкасскій обезпечилъ право быть сѣченными—но о солдатахъ. Нельзя было ожидать какіе пламенные защитники палокъ и шпицрутеновъ нашлись въ средѣ нашей. Пока эти институты стояли прочно и неприкосновенно, нельзя было догадаться какъ глубоко любимы тѣлесныя наказанія въ образованныхъ слояхъ нашего общества, но когда дерзкое вольнодумство проникло не только въ мраморный дворецъ, но и во дворецъ наслѣдника, самыя противоположныя мнѣнія соединились, передъ опасностью избавленія защитниковъ нашего отечества отъ палокъ. Ю. Самаринъ славянофилъ-ѳеологъ, и противникъ славянофиловъ профессоръ Тичеринъ, защищаютъ ихъ. Самаринъ

писалъ объ этомъ изъ деревни, и копій съ его письма ходили по рукамъ, Тичеринъ говорилъ въ здѣшнихъ салонахъ*.

ЗАЩИТА МОСКОВСКИХЪ ПРОФЕССОРОВЪ.

(Письмо къ издателю).

М. Г.

Только въ Берлинѣ удалось мнѣ прочесть описаніе вашихъ корреспондентовъ такъ называемой “бойни” студентовъ. Многое въ этихъ описаніяхъ очень вѣрно и характеристично; но многое въ значительной степени искажено. Видно, что послѣднее, т. е. невѣрное, писано съ слуховъ; а м. г., хотя vox populi, vox dei, по и онъ, этотъ “гласъ божій”, въ минуты общей агитаціи, сильно коверкаетъ факты, стущаетъ общій тонъ освѣщенія и—главное—плетъ несправедливыя нарѣканія лицамъ, невиннымъ какъ говорится, ни словомъ, ни дѣломъ. Я взялъ на себя смѣлость возстановить кое-какіе факты.

Прежде всего позволю себѣ увѣрить васъ, что кровопусканія, къ счастью, не были такъ велики, какъ вамъ сообщили о нихъ. И въ Петербургѣ и въ Москвѣ дѣйствительно ранены два-три человека. Смерть-же многимъ грозитъ не отъ кровопусканій, а отъ тяжелыхъ, удушливыхъ стѣнъ россійскихъ крѣпостей. Въ нихъ-то заболѣли очень опасно нѣкоторые изъ студентовъ (тифомъ). Ради крѣпости умеръ въ день моего отъѣзда изъ Петербурга, одинъ изъ моихъ университетскихъ товарищей (г. Спасскій).

Замѣчу далѣе, что списокъ студентовъ сидящихъ въ казематахъ, далеко не полный,† ихъ значительно больше. Въ списокѣ, на примѣръ, я не встрѣтилъ именъ гг. Владимира Яворскаго и Ѳедора фонъ Берга, которыхъ посѣщалъ я въ арестантской больницѣ при второмъ сухонутномъ госпиталѣ.

Третья неточность та, что г-жа Корсини и Блюмеръ (моя сестра) взяты въ III Отдѣленіе, ни г-жа Богданова высѣчена—не были: по день моего отъѣзда онѣ были совершенно свободны, и совершенно свободно давали уроки въ воскресныхъ школахъ.

Наконецъ, обвиненіе московскихъ профессоровъ совершенно несправедливо, и о нихъ—если позволите—я разскажу нѣсколько подробнѣе, такъ какъ считаю ложное обвиненіе дѣломъ далеко нечестнымъ.

Московскихъ профессоровъ ваши корреспонденты обвиняютъ въ индиферентизмѣ въ студентскомъ дѣлѣ, и чуть не въ вымогательствѣ тѣхъ плачевныхъ мѣръ, которыя приняты нашею администраціею.

Какъ кандидатъ московскаго университета, выпуска 1861 г. смѣю васъ увѣрить, что хотя, дѣйствительно, они и не были такъ энергичны, какъ составлявшіе матрикулы почтенные профессора университета петербургскаго—то были далеко не индиферентны къ участи своихъ слушателей. Дѣло только въ томъ, что въ Москвѣ волненія были начаты не всею массою студентовъ, какъ это было въ Петербургѣ, а только частью 1 и 2 курсовъ юридическаго факультета, да господами, непонятыми въ число студентовъ на послѣднихъ вступительныхъ экзаменахъ; начаты не неудовольствіями противъ матрикулъ, а выраженіями недовольства—едва-ли осмысленнаго—нѣкоторыми профессорами. Это обстоятельство очень важное, такъ какъ, естественно, что московскіе профессора не могли стать за одно съ собственными антагонистами.

Когда-же волненія перешли въ серьезное дѣло, когда въ жалобахъ слышались вещи и здравыя и основательныя; наконецъ, когда дошло до бойни на улицахъ, то московскіе профессора, говорю смѣло дѣйствовали, какъ честные люди, были рѣшительно со студентами и за студентовъ. С. М. Соловьевъ, о которомъ ваши корреспонденты говорятъ, какъ

* Неужели правда?... Въ другомъ письмѣ намъ пишутъ, что есть циркуляръ по ценсурному вѣдомству, воспрещающій печатать возраженія на вступительную лекцію профессора Тичерина. Просимъ его прислать. *Изд.*

† У насъ былъ помѣщенъ оффиціальныи списокъ до числа. Аресты продолжались и послѣ.—*Ред.*

о молодѣ, просившемъ солдатъ у Тучкова, первый въ засѣданіи совѣта сказалъ, что “наука подъ защитой штыка, быть не можетъ!” А его нельзя упрекнуть въ двоедушіи, въ служебни и богу и мамонѣ. М. Н. Капустинъ и М. Дмитріевъ взяли на свое поручительство едва-ли не цѣлую сотню студентовъ, захваченныхъ полиціею. Г. Ешевскій едва-ли довольствовался простымъ выраженіемъ, что “со студентами поступаютъ скверно” — этими пустыми словами едва-ли можно заслужить ту глубокую любовь студентовъ, которая обращена на этого превосходнаго профессора... С. П. Баршевъ, какъ членъ слѣдственной комиссіи, дѣйствовалъ такъ добросовѣстно, что, благодаря ему, черезъ нѣсколько дней послѣ бойни, студентовъ уже не было въ арестантскихъ. Судите, милостивый государь, сами.

Прибавлю еще слѣдующее : за долго еще до всякихъ исторій, когда гр. Путятинъ предложилъ московскимъ профессорамъ увеличить ихъ жалованье изъ суммъ, собираемыхъ за слушанье лекцій, они указали на неудобоваримость этой мѣры. Сколько я знаю, о самыхъ матрикулахъ они предполагали, по *спокойномъ* истеченіи въкотораго времени, отнестись какъ о мѣрѣ *безполезной*.

Эти факты, достовѣрности которыхъ, если вы сочтете не лишнимъ опубликовать ихъ, я свидѣтельствую моею подписью, которую прошу васъ выставить *en toutes lettres*.

Прошу васъ, М. Г. и пр.

Берлинъ, 8/20 Декабря 1861.

Леонидъ Блюммеръ.

ПАМЯТИ ДОБРОЛЮБОВА.

Вѣчный врагъ всего живаго,
Тупоумень дикъ и зомъ,
Нашу жизнь за мысль и слово
Топчетъ произволь.

И чѣмъ жизнь честнѣй и чище,
Тѣмъ нещаднѣе судьба;
Раздвигайся ты кладбище—
Принимай гроба!

Гробъ вчера и гробъ сегодня,
Завтра гробъ... А мы стоимъ
Средь могилъ и... “власть господня”
Какъ рабы твердимъ.

Вотъ и твой смолкъ голосъ честный
И смежился честный взглядъ,
И уложенъ въ гробъ ты тѣсный,
Огстрадавшій братъ.

Жаждой правды изнывалъ,
Въ темномъ царствѣ лжи и зла
Жизнь зачала молодая,
Гнѣта не снесла.

Ты умолкъ, но намъ изъ гроба
Скорбный ликъ твой говорить—
Чтожъ молчить въ васъ, братья злоба?
Что любовь молчить?

Иль въ любви у васъ лишь слезы
Есть для вашихъ кровныхъ бѣдъ?
Или силъ и для угрозы
Въ вашей злобѣ нѣтъ?

Братья пусть любовь васъ тѣсно
Сдвинетъ въ дружный ратный строй,
Пусть ведетъ васъ злоба въ честный
И открытый бой!

Мы стоимъ, не слыша зова,—
Пликуя, звѣрски зомъ,
Тризну мысли, тризну слова
Править произволь.

ЕЩЕ О ДРЕМУЧЕМЪ ДѢЛѢ.

(Оковчаніе).

23) По доставкѣ лѣснаго материала къ берегамъ рѣкъ, оный долженъ быть заблаговременно освидѣтельствованъ лѣснымъ начальствомъ, но затѣмъ уже со стороны мѣстнаго пачальства не должно быть дѣлаемо ни малѣйшаго замедленія въ выдачѣ сплавныхъ билетовъ съ тѣмъ, чтобы лѣсъ могъ отплыть съ первою водою, вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы тѣ-же мѣстные чиновники не дѣлали покупателю неосновательныхъ и мелочныхъ притязаній.

24) Въ случаѣ доноса о злоупотребленіяхъ промышленника поступать согласно 934 ст. Св. Зак. Т. XV. изд. 1842 г.(!)

25) Мѣра длины и толщины вырубленнаго лѣса считается на російскія сажени, аршины и вершки, при чемъ приняты будутъ въ расчетъ дробы сихъ мѣръ на такомъ основаніи, что если дробъ составляетъ $\frac{1}{2}$ или болѣе, то она прилагается къ размѣру въ видѣ цѣлой единицы; дробы-же менѣе половины отбрасываются; за деревья-же рубленныя менѣе 7^м вершковъ въ верхнемъ отрубѣ, взимать попенныя деньги какъ за 7^м вершковые.

26) Еслибы Гродненская Палата Госуд. Имущ. въ теченіи времени до полученія извѣщенія о заключеніи сего контракта, паче чаянія (?) часть изъ поврежденнаго въ Бѣловѣжской пущѣ лѣса окончательно продала кому-либо, то на это Бугенгагенъ никакого притязанія имѣть не долженъ.

27) Полагая, что покупаемые по сему контракту 60,000 деревьевъ по примѣрному расчету попенныхъ денегъ имѣютъ стоимость до 60,000 руб. сер., контрактъ сей сообразно упомянутой суммѣ заключить на гербовой бумагѣ узаконеннаго достоинства, а ежели по окончаніи расчета сумма попенныхъ денегъ будетъ превышать сумму гербоваго листа, то причитающіяся добавочныя деньги за гербовую бумагу покупщикъ лѣса обязывается внести для отсылки куда слѣдуетъ; настоящій-же контрактъ, какъ со стороны казны, такъ и покупателя содержать свято и не нарушимо; подлинный контрактъ хранить казенному лѣсному управленію, а покупщику выдать копію. — Къ подлинному контракту руку приложили: К. Ф. Л. Бугенгагенъ и Директоръ Лѣснаго Д-та Ген. Майоръ и кавалеръ *Норовъ*. Скрѣпилъ пачальникъ IV отдѣленія Лѣснаго Д-та подполковникъ *Арнольдъ*.

Зимою 1855/6 Бугенгагенъ пачалъ рубку деревьевъ и заготовилъ множество большемѣрныхъ деревьевъ лучшаго качества, въ томъ числѣ и мачтъ. Объ этомъ поданъ былъ доносъ отъ иностранца Трай* и бывшій министръ Госуд. Им. графъ Киселевъ послалъ для изслѣдованія подполковника корпуса лѣсничихъ Мальгина, который донесъ поточъ, что не нашелъ тамъ никакихъ злоупотребленій. Противъ этого показанія протестовалъ бывшій начальникъ Гродненской губерніи Фонъ-дѣръ-Ховенъ и справедливо доказывалъ, что Бугенгагенъ рубилъ корабельныя деревья.

Въ Мартѣ 1857 г. графъ Киселевъ назначилъ комиссію изъ подполковника корпуса лѣсничихъ Войнюкова и чиновниковъ отъ корпуса жандармовъ, (полковника Прасолова) отъ гродненскаго и ковенскаго генералъ-губер. (Родзевича) и отъ гродненскаго губернатора (Тегрукасова и Гацкевича) для осмотра вырубленныхъ Бугенгагеномъ деревьевъ и приказалъ департаменту корабельныхъ лѣсовъ командировать комиссіонера для заклеянія изъ заготовленныхъ Бугенгагеномъ лѣсовъ, *годныхъ на кораблестроеніе деревьевъ*. Лѣсные плоты Бугенгагена сплавились уже тогда по рѣкамъ и комиссіонеръ *Полюскій*, согласно предложенію слѣдственной комиссіи, началъ отбирать у Бугенгагена только мачты; но членъ комиссіи отъ гродненскаго губернатора

* Трай прислалъ письмо изъ Кенигсберга въ Январѣ 1860 г. на имя генералъ-адъютанта князя Орлова. Послѣ оказалось, что доносъ его справедливъ, по фамилія—вымыслена.

потребовалъ отъ Погоскаго объясненія—почему онъ отбираетъ только мачты, когда приказано клеймить деревья годныя на кораблестроеніе. Погосскій представилъ о томъ въ департаментъ корабельныхъ лѣсовъ, который руководствуясь точнымъ смысломъ приказанія гр. Киселева и высочайшимъ указомъ 27 Февраля 1799 г., согласно которому воспрещена вообще продажа сосновыхъ деревьевъ бѣи и больше сажень длины, для оставленія таковыхъ деревьевъ въ пользу флота, уведомилъ Погоскаго, что всѣ хорошія сосновыя деревья бѣи и больше сажень длины слѣдуетъ считать корабельными. Вслѣдствіе сего Погосскій и чиновникъ губернатора начали отбирать изъ лѣсныхъ плотовъ Бугенгагена всѣ болѣе бѣи сосновыя бревна. Генералъ-губернаторъ Пазимовъ жаловался на это графу Киселеву. Вслѣдствіе этого товарищъ мин. г. и. тайный совѣтникъ Гамалея написалъ д-ту корабельныхъ лѣсовъ, что онъ (т. е. д-тъ) вмѣшивается не въ свое дѣло и будетъ отвѣчать за всѣ убытки Бугенгагену. Тогда д-тъ велѣлъ прекратить разборку плотовъ и возвратитъ всѣ отобранныя у Бугенгагена сосновыя деревья, кромѣ мачтъ. Такимъ образомъ отобранныя 19 мачтъ остались, а огромное количество мачтовыхъ деревьевъ въ другихъ нетронутыхъ плотяхъ было вывезено Бугенгагеномъ за границу.

Коммисіонеръ Погосскій при рапортѣ отъ 26 Ноября 1856 г. за №. 151. представилъ описаніе Бѣловѣжской пуши. Вотъ нѣкоторые выписки изъ этого описанія:

Въ Бѣловѣжской пушѣ числятся подъ лѣсомъ и угодьями лѣснаго вѣдомства 106,568 десятинъ. Въ ней протекаютъ двѣ сплавыя рѣки Наревка и Лѣска. Близъ пуши протекаетъ р. Ясельза, соединяющаяся съ Ильменомъ, посредствомъ р. Шары. Сравнивая настоящее состояніе пуши съ состояніемъ ея за 7 лѣтъ назадъ, нельзя не замѣтить быстрого перехода недавней свѣжести, густоты и мѣстами роскоши насажденій къ изрѣженію, обнаженности болѣе прогалинъ, засоренно и истощенно участковъ лучшаго лѣса. Цѣни, частію подожженные, не убранные сучья, вершины и шена во многихъ участкахъ засоряютъ почву и замѣтно мѣшаютъ возникать новой поросли. Вслѣдствіе неразчетливой вырубкѣ и изрѣженія лѣса, почти повсемѣстно и преимущественно на старыхъ соснахъ распространилась губка—вѣрный признакъ болѣзни дерева, порчи и внутренняго гниенія ствола. Болѣзнь эта есть прямое слѣдствіе изрѣженія лѣса и угрожаетъ порчею здоровымъ, дозрѣвающимъ деревьямъ. Кромѣ того въ лучшихъ сосновыхъ насажденіяхъ замѣчается распространенная искусственная порча деревьевъ выемкою кусковъ древесины изъ кожной части ствола.

Въ рапортѣ отъ 24 Декабря 1857 г., Погосскій объясняетъ слѣдующее: Въ черномъ лѣсу есть мѣста неудобнопроходимыя и даже есть образчики искусственнаго валежника для прикрытія пней дубовой порубки. Въ отчетѣ генералъ-маіора Бульмеринга исчисленъ съ 1838 по 1857 г. отпускъ строевого лѣса безденежно и за деньги, всего 195,338 деревьевъ на 87,964 десятинъ 800 саж. лѣпой почвы, т. е. по одному строевому дереву съ девяти десятинъ въ годъ. Весь этотъ расчетъ невѣренъ. Гражданская палата госуд. им. нынѣ подсчитала для однихъ казенныхъ крестьянъ до 10,000 деревьевъ, въ годъ, слѣдственно вышеозначенное количество удвоится. Да изъ 87,000 десятинъ лѣсной почвы, если исключить черный лѣсъ, болота и неудобную почву, подъ сосновымъ насажденіемъ, изъ котораго дѣйствительно производилась вырубка, едва ли окажется болѣе 35,000 десятинъ; значить пропорція вырубки увеличится почти въ пять разъ противъ приведеннаго расчета; къ этому надо еще прибавить вырубимый, иногда очень значительный излишекъ.

Состояніе и содержаніе всей стражи кажется совершенно обеспечено, кромѣ конныхъ обѣзчиковъ, семейныхъ и заслуженныхъ людей, при скудномъ содержаніи не имѣющихъ даже постоянныхъ жилищъ.

Контрактъ, заключенный съ Бугенгагеномъ самъ по себѣ неопредѣленный двусмысленный, исполняется произвольно. Въ осмотровыхъ Погосскимъ кварталахъ по крайней мѣрѣ на третьей части пней, клеймъ или вовсе нѣтъ или есть сомнительныя затески, частію обозрѣныя. Впрочемъ лѣсы не обеспечиваютъ лѣсъ отъ излишней вырубки: можно очень правильно клеймить и произвольно вырубать, потому что нѣтъ причѣра и даже возможности повѣрки всѣхъ вырубленныхъ пней. Вѣдомости составляются исправно, но невѣрно; по этому и обозначеніе на планѣ по кварталамъ рубки изображеніемъ топора невѣрно, слѣдовательно и послѣднее распоряженіе, о заклеиваніи по этому плану деревьевъ въ тѣхъ кварталахъ, въ которыхъ будто-бы не было рубки, не совсѣмъ дѣйствительно. Лѣсъ, какъ видно по пнямъ и прогалинамъ, рубился какъ прежними контрагентами, такъ и Бугенгагеномъ, безъ всякихъ правилъ на присѣкъ почти по всему пространству лучшихъ сосновыхъ насажденій, а порядокъ рубки соблюдался только въ отчетахъ. Срубка деревьевъ для Бугенгагена производится топоромъ, что не совсѣмъ согласно съ 9 пунктомъ контракта. При не возможности точной повѣрки въ натурѣ количества срубаемаго лѣса, при не твердой честности стражи и при удобствѣ злоупотребленій, нельзя не допустить значительной перерубки: въ 1856 г. Погосскій имѣлъ случай повѣрить только одинъ транспортъ сплаваемого Бугенгагеномъ лѣса и въ немъ оказалась почти $\frac{1}{3}$ часть лишняго противъ сплаваго билета, именно 680 бревенъ излишка, что и засвидѣтельствовано надлежащимъ документомъ.

За первый проданный въ Данцигъ транспортъ бѣловѣжскаго лѣса въ 100 деревьевъ Бугенгагенъ получилъ 70,000 талеровъ,* слѣдовательно это были не простыя строевыя бревна.

Заготовка лѣса безъ сомнѣнія пугаетъ зубровъ, писалъ Погосскій, но это неизбежное и не большое неудобство. Важнѣйшія же причины уменьшенія и разбѣда этого животнаго могутъ быть: если его бьютъ, не кормятъ зимою и тревожатъ частыми охотами, особенно съ гончими собаками. Не сомнѣваясь въ существованіи послѣдней причины, надобно допустить и то, что сѣна для зубровъ заготавливается очень мало, а мѣстами и вовсе не заготавливается. Можно положительно сказать, что зубровъ на лицо гораздо менѣе нежели показано въ отчетѣ; не только въ сосѣднихъ съ пушей дачахъ, но даже въ Сокольскомъ уѣздѣ нынѣ встрѣчаются исхудалые зубры, которыхъ тамъ никогда прежде не видали. Если допустить, какъ предполагается въ отчетѣ ген.-маіора Бульмеринга, убивать 2 или 3 одынца, мѣшающихъ приплоду, то можетъ повториться слѣдующій достовѣрный случай: нѣсколько лѣтъ тому назадъ разрѣшено было убить двухъ самцовъ для Мюнхенскаго музея; охота на нихъ была предоставлена двумъ значительнымъ лицамъ, (въ дѣлѣ не упоминается, кто были эти лица) которые убили по ошибкѣ двухъ зубрицъ, для исправленія ошибки убито два зубра, изъ которыхъ одинъ оказался безъ хвоста; взявъ его убили еще одною и при томъ ранили другую; итого уничтожено шесть головъ. Для приплода зубровъ кажется удобнѣе предоставить ихъ самимъ себѣ, приготовляя имъ сѣно. А повѣрку наличнаго количества ихъ неудобно поручать тѣмъ, которые отвѣчаютъ за ихъ неприкосновенность. Ока-

* По этому можно судить какия громадныя выгоды получалъ Бугенгагенъ. По контракту за 60,000 деревьевъ онъ долженъ заплатить 60,000 руб. сер., положимъ, что онъ употребилъ 20,000 р. с. на подкупъ лѣснаго д-та, съ которымъ заключалъ контрактъ, лѣсничихъ и стражи, провозъ и т. д.; вообще всѣ расходы не превышаютъ 300,000 р. с. Получилъ же онъ только за 100 деревьевъ — 70,000 талеровъ; потомъ продалъ морскому министерству 15,000 строевыхъ и корабельныхъ деревьевъ за 390,000 р. с. ! Если же считать всѣ 60,000 деревьевъ, изъ которыхъ значительное число было корабельныхъ, да прибавить къ нимъ краденныя деревья, то навѣрное поистинѣ Бугенгагенъ выручилъ 2 милліона, если не болѣе.

залось, что бѣднѣйшихъ крестьянъ обременяли нарядами на работы по сплаву лѣсовъ для пополненія податныхъ недоимокъ, крестьяне не умѣющие справляться съ плотами на быстринахъ и поворотахъ подвергаются иногда побоямъ, ибо надзирающие за ними нѣмцы смотрятъ на нихъ, какъ на запродажныхъ работниковъ. (На рѣкѣ Наревѣ находили иногда тѣла казенныхъ крестьянъ, причину смерти, которыхъ можно было-бы узнать при внимательномъ разслѣдованіи). Главное-же неудобство состоитъ въ томъ, что такъ какъ недоимки происходятъ чаще всего отъ недостатка рабочихъ рукъ въ семьѣ, слѣдовательно отъ бѣдности, которой всегда почти сопутствуетъ развратъ, то, отнимая изъ бѣдной семьи иногда единственнаго работника, который обыкновенно пропиваетъ на обратномъ пути свой небольшой заработокъ, этотъ нарядъ окончательно разстроиваетъ хозяйство бѣдняка, одновременно пополняя безконечную недоимку. Между тѣмъ ближайшее начальство крестьянъ за нарядъ ихъ къ лѣсопромышленному получаетъ благодарности, вычитаемыя безъ сомнѣнія изъ рабочей платы. Вообще бѣдный крестьянинъ есть всегдашній работникъ за богатаго и за себя; по этому жалобы бѣдняковъ никогда не подтверждаются всѣмъ обществомъ и должны-бы быть разслѣдуемы частными допросами. Вредное вліяніе на нравственность крестьянъ въ пущѣ и вообще въ западныхъ губерніяхъ имѣетъ сильное развитіе корчемства, тѣмъ болѣе, что въ корчмахъ продаютъ вино одуряющаго свойства и не утоляющее жажды.

Изъ этого рапорта Погосскаго видно такимъ образомъ, что Бѣловѣжская пуща, приведенная въ послѣднее время въ весьма неудовлетворительное состояніе, а операція Бугенгагена почти окончательно истощила ее, такъ какъ Бугенгагенъ умышленно повреждалъ деревья и вырубалъ, даже имѣющія до 13 саж. длины. Новый министръ Г. Им. Муравьевъ послалъ новую комиссію подъ предѣлательствомъ генералъ-маіора Бульчерица, который нашелъ, что *со стороны Бугенгагена условія контракта свято исполнены и при томъ выгодно для казны и благотворительно для крестьянъ!* Но Погосскій доказалъ всю невѣрность взгляда г. Бульчерица. Однако по настояніямъ прусскаго правительства, со стороны министерства госуд. им. сдѣланы были всевозможныя снисхожденія Бугенгагену, даже болѣе того на что онъ имѣлъ право по контракту. Не смотря на то, Бугенгагенъ прислалъ изъ Берлина на имя министра госуд. им. прошеніе, отъ 30 Сентября 1857 г., о выдачѣ ему 81,240 р. с. за понесенные буди-бы имъ убытки отъ остановки въ 1856 г. его плотовъ для отобранія корабельныхъ деревьевъ и доказывалъ, что мачтъ въ пущѣ онъ не рубилъ. Но, сообразивъ всѣ вышеизложенныя обстоятельства, общее присутствіе депар. коронныхъ лѣсовъ, а за нимъ и совѣтъ министра госуд. им. признали просьбу Бугенгагена не заслуживающею вниманія. Тогда, въ Мартѣ 1858 г., довѣренный Бугенгагена, юристконсультъ королевской прусской миссіи, Штаркъ подалъ жалобу въ сенатъ и по этому поводу снова началась переписка.

Между тѣмъ были командированы для доставки въ Петербургъ упомянутыхъ 19 мачтъ, землемѣръ Деп. Кор. Лѣсовъ Гарликовскій, который доносилъ, что сплавляемой Бугенгагеномъ по рѣкѣ Наревѣ лѣсъ имѣетъ гигантскіе размѣры и гораздо лучше отобранныхъ 19 мачтъ. Когда доложили объ этомъ тов. м. г. и. Гамалѣя, то послѣдній приказалъ оставить дѣло безъ послѣдствій, такъ какъ оно не основано на официальныхъ фактахъ. Въ Ноябрь 1858 г. Гарликовскій прислалъ изъ Данцига генералъ-адмиралу предварительныя условія, предложенныя купцомъ Ракицкимъ и засвидѣствованныя въ Данцигскомъ полицейскомъ управленіи при покупке у Ракицкаго для нашего флота 2,275 сосновыхъ мачтъ, длиною отъ 50 до 80 англ. футовъ. Въ 1 пунктѣ этихъ условій объясняется, что означенныя 2,275 мачтъ куплены Ракицкимъ у Бугенгагена по контракту 5 Февраля 1856 г. на мѣстѣ въ Бѣловѣжской пущѣ, гдѣ мачты и сру-

блены. Кроме того Гарликовскій прислалъ объявленіе при Давицкой газетѣ отъ тамошнихъ маклеровъ о назначеніи въ Данцигъ 27 Октября 1857 г. аукціонной продажи вырубленныхъ въ Бѣловѣжской пущѣ 488 мачтъ длиною отъ 60 до 90 футовъ и 259 мачтъ отъ 48 до 59 фут. 22 Ноября 1858 г. деп. кор. лѣсовъ докладывалъ министру г. и., что покупка мачтъ у Ракицкаго невыгодна для казны. Но такъ какъ Бугенгагенъ въ прошеніи въ сенатъ объясняетъ, что онъ не рубилъ въ пущѣ мачтъ, между тѣмъ вышеприведенныя факты говорятъ противное, то деп. испрашивалъ разрѣшенія, чтобы просить управляющаго морскимъ министерствомъ г. адмирала Метина о командированіи отъ морскаго вѣдомства въ Данцигъ на счетъ суммъ деп. кор. лѣсовъ, корабельнаго инженера подполковника Дмитріева, предоставивъ сему послѣднему при содѣйствіи нашего генеральнаго консульства прислать судно для доставки 19 мачтъ изъ Данцига въ Кронштадтъ и собрать факты къ обвиненію Бугенгагена. Гарликовскаго-же по случаю болѣзни его, отозвать въ С. Петербургъ*. Узнавъ объ этомъ, нашъ консулъ въ Данцигѣ Аделунгъ просилъ директора Деп. Кор. Лѣсовъ не посылать новаго чиновника, а поручить доставку мачтъ въ Петербургъ русскому консульству въ Данцигѣ, такъ какъ это избавитъ казну отъ лишнихъ издержекъ. Департаментъ Кор. Лѣсовъ согласился на это, принявъ въ соображеніе слѣдующіе пункты:

1) Д-тъ узналъ, что Бугенгагенъ подалъ въ сенатъ новое прошеніе, въ которомъ отказывался отъ всѣхъ своихъ претензій на министерство гос. имущ. Сдѣлавъ это Бугенгагенъ вѣроятно вслѣдствіе собранныхъ уже Гарликовскимъ фактовъ, доказывающихъ неправильныя дѣйствія Симундта и желая прекратить изслѣдованія.

2) Предложеніе генеральнаго консула Аделунга принять на себя доставку 19 мачтъ изъ Данцига въ Кронштадтъ по видимому выражаетъ также желаніе, чтобы отъ министерства не былъ посылаемъ чиновникъ, на котораго, какъ консульство вѣроятно предвидитъ, будетъ возложено и собраніе фактовъ къ обвиненію Бугенгагена.

3) Печальное объявленіе на продажу въ 1857 г. въ Данцигѣ съ аукціона 747 мачтъ, вырубленныхъ въ Бѣловѣжской пущѣ и официальное предложеніе Каницкаго на покупку 2275 мачтъ, заготовленныхъ изъ тѣхъ-же лѣсовъ, есть уже доказательство рубки корабельныхъ деревьевъ.

4) Безъ искренняго участія нашего консульства, и за выѣздомъ Гарликовскаго, офицеръ, который будетъ посланъ въ Данцигъ, едва-ли будетъ имѣть возможность собрать болѣе точныя доказательства къ обвиненію Бугенгагена, чѣмъ тѣ, о которыхъ сказано выше.

5) Издержки на доставленіе 19 мачтъ будутъ чрезвычайно высоки противъ цѣны, по которымъ прежде обходились мачты казнѣ.

Съ этимъ мнѣніемъ 1-та корабельныхъ лѣсовъ согласился министръ государственныхъ имуществъ, такимъ образомъ

* Гарликовскій, доставя мачты изъ Тыкацина въ Данцигъ, началъ хлопотать тамъ о доставкѣ ихъ въ Петербургъ, но агенты Бугенгагена дѣлали ему непріятности на каждомъ шагѣ и Гарликовскій началъ бояться, чтобы его не убили. Изъ его рапортовъ и депешъ видно, что у него начались признаки помѣшательства. Такъ между прочимъ 3 Декабря (21 Ноября) 1858 года, онъ прислалъ на имя государя слѣдующую депешу. "Департаментъ коронныхъ лѣсовъ отвѣчалъ на первую депешу нижеподписавшагося, вторую оставилъ безъ вниманія опасаясь обнаруженія (узнанія) тайны, колькопрѣклонно всеподданнѣйше прошу объ уполномоченіи къ официальному принятію курьеровъ". Государь отвѣчалъ, что изъ этой депеши ничего не понимаетъ. 2 Декабря (20 Ноября) 1858 г., онъ послалъ депешу въ кораблестроительный деп. "Ошибка. Довѣряющій (откровенный) срочный рапортъ подалъ (послалъ) его императорскому величеству Константину 2 (числа). Прошу скорѣйшаго отвѣта: имѣетъ-ли императорскій интересъ пѣхду въ дополненіи". Вслѣдствіе этого ему запретили посылать депеши и вскорѣ отозвали въ Петербургъ.

командировка подполковника Дмитриева была отложена и *Аделунг* доставил мачты въ Кронштадтъ.

Этимъ и кончается вышеупомянутое дѣло. Изъ него видно, что Бугенгагенъ, ограбившій и раззорившій Бѣловѣжскую пушу, получилъ громадныя выгоды и *ублагодворилъ* всѣхъ кого только могъ, начиная съ мѣстныхъ лѣсничихъ, до директора лѣснаго Д-та *Арнольда* и Ко., съ которыми заключилъ противузаконный контрактъ. Нельзя не обратить вниманія на сомнительныя дѣйствія гродненскаго, ковенскаго и виленскаго генералъ-губернатора *Назимова*, товарища министра гос. им. *Гамалеи*, генералъ-майора *Бульмеринга*, русскаго генералнаго консула въ Данцигѣ *Аделунга* и гродненской палаты гос. имущ., не говоря уже о дѣйствіяхъ лѣсничихъ, окружныхъ начальниковъ и прочаго начальства Бѣловѣжской пуши.

Лѣсной Д-тъ заключилъ съ Бугенгагеномъ контрактъ, тогда какъ были другія болѣе выгодныя предложенія: такъ купецъ *Якоби* предлагалъ надбавки 45%. *Гродненская палата госуд. имущ.* въ 1840 г. не пустила осмотрѣть чиновника командированнаго государемъ, дачи 1 и 2 лѣсничества и значительныя части 3 и 4 лѣсничества, говоря, что *тамъ обитаютъ зубры и предполагается учредить образцовое хозяйство*. Теперь же палата не обратила вниманія ни на зубровъ, ни на хозяйство и дозволила Бугенгагену рубить лѣсъ во *всѣхъ* кварталахъ пуши.

Генералъ-адъютантъ *Назимовъ*, не смотря на явныя улики Бугенгагена въ противозаконной вырубкѣ корабельныхъ деревьевъ, оправдывалъ его, говорилъ что онъ, по контракту, можетъ рубить всякаго рода строевой лѣсъ, что губернаторъ гродненской губернии баронъ *Ховенъ* и чиновникъ *Погоскій* интригуютъ противъ него и покровительствуютъ мѣстнымъ евреямъ, что Бугенгагенъ производитъ порубку лѣса съ безпримѣрною добросовѣстностью, и что должно прекратить дальнѣйшее производство начатаго дѣла. Товарищъ министра тайный совѣтникъ *Гамалѣя* старался тоже замѣть дѣло и придирался къ *Погоскому* и *Гарликовскому*.

Генералъ-майоръ *Бульмерингъ* дѣйствовалъ тоже недобросовѣстно и донесъ, что со стороны Бугенгагена *условія контракта свято соблюдены и притомъ съ выгодною для казны и благотворительно для крестьянъ*.

Такимъ образомъ Бугенгагенъ нашелъ покровительство у весьма многихъ лицъ, но тѣмъ не менѣе нашлись честные люди, которые не смотря на стѣсненія, употребляли всѣ средства раскрыть истину. Съ особеннымъ удовольствіемъ можно назвать фамиліи гродненскаго губернатора (нынѣ сенатора) барона *фонъ деръ Ховена*, коллежскихъ ассессоровъ *Терукасова*, *Погоскаго* и *Гарликовскаго*, и подполковника *Польде*, который также какъ и *Погоскій* составилъ описаніе Бѣловѣжской пуши. Хорошо въ этомъ дѣлѣ дѣйствовалъ также Д-тъ корабельныхъ лѣсовъ.

Просьбу *Шарка*, поданную въ Мартѣ 1858 г., сенатъ нашелъ голословною и не согласился удовлетворить Бугенгагена. Но министръ госуд. имущ. *Муравьевъ* выхлопоталъ высочайшее разрѣшеніе отпустить Бугенгагену изъ Бѣловѣжской пуши, бесплатно, 10,000 (десять тысячъ) деревьевъ, за *устройство путей сплава*.*

Въ Октябрѣ, 1860 года, его императорское величество охотился въ пушѣ и, по представленіи товарища министра государственныхъ имуществъ, наградилъ Бугенгагена орденомъ Станислава 3 степени, за *правильность производимыхъ имъ лѣсныхъ операций*(!!)

Интересно заключеніе сената по дѣлу Бугенгагена: за все это слѣдовало бы подвергнуть ответственности бывшаго министра государственныхъ имуществъ *Киселева*, но такъ какъ онъ занимаетъ теперь постъ русскаго посланника въ Парижѣ, то это сдѣлать неудобно и потому сенатъ полагаетъ прекратить дѣло о злоупотребленіяхъ Бугенгагена. Мнѣніе

* Эти пути были необходимы для самого Бугенгагена и по окончаніи его операций сдѣлались почти никуда негодными.

это было утверждено не позже середины 1859 года; слѣдственно правительству были извѣстны злоупотребленія Бугенгагена; не смотря на это уже въ 1860 году Бугенгагенъ былъ награжденъ орденомъ Станислава за *правильность* производства лѣсныхъ операций!—

Чего не достаетъ у правительства—памяти или совѣсти?

СМѢСЬ.

— **ПРОФЕССОРЪ ЩАПОВЪ.** — Только и недоставало намъ къ свѣтскому третьему отдѣленію, прибавить духовное. Синодъ кажется хочетъ восполнить этотъ недостатокъ къ тысячелѣтію Россіи. Щаповъ, только что выпущенный изъ временной тюрьмы, приговоренъ духовнымъ вѣдомствомъ на *пожизненное заключеніе въ Соловецкій монастырь*. Ангельскій чинъ полагаетъ, что его мало наказали за нѣсколько словъ участія къ памяти несчастнаго мученика Антонія, убіеннаго царскимъ опричникомъ Апраксинымъ; ангельскій чинъ догоняетъ его выходящаго изъ тюрьмы, чтобъ ввергнуть на всю жизнь въ пещеру бого-вепрей соловецкихъ.

Поднимите-же гонимую, унижаемую голову вашу старовѣры и всѣ раскольники! Посмотрите на новообрядческую съѣзжую церковь, и на полицейскихъ иерарховъ—и благодарите судьбу, что вы не къ ней принадлежите.

— **Литературный вечеръ 7/19 Декабря.** — Княжевичъ читалъ лирическое произведеніе "Плачь министра... надъ гибнущими финансами". Государь былъ такъ тронутъ, что въ тотъ-же день приказалъ назначить большія суммы для поправки дворцовъ.

— **Похищеніе студента!** — Говорятъ, что многие, бывшіе на вечерѣ у Албертини и выданные каимъ-то шпиономъ за политическихъ заговорщиковъ, не могутъ найти студента *Варшавскаго*; нѣтъ его между арестованными, нѣтъ его между свободными. Другіе прибавляютъ, что Паткуль похитилъ его.

— **Политическія гоненія.** — *Боковъ, Обручевъ, Даненбергъ, Лобановъ и Сваричевскій* отданы подъ судъ сената по дѣлу Великорусса. Помѣщикъ могилевской губ. *Богушко* также отданъ подъ судъ, за представленіе государю адреса за подписомъ 50 человекъ о возстановленіи въ Лигвѣ правъ признанныхъ государственными актами.

— **Процессъ князя П. В. Доморукова.** — До насъ доходятъ крики радости русской аристократической сволочи, живущей въ Парижѣ о томъ, что натащивши всевозможныя вліянія, имъ удалось получить какое-то безсмысленное осужденіе кн. Доморукова. Не знаемъ на сколько прилична или неприлична эта радость, нравы передней намъ мало знакомы. Но что французскимъ юристамъ не до смѣха отъ такого приговора, въ этомъ мы увѣрены. Процессъ этотъ дѣлаетъ своего рода черту въ ихъ традиціи. *Независимые* отъ положительныхъ доказательствъ судъ рѣдко поступаетъ—въ той страны, въ которой судьи избираются изъ русской аристократической сволочи, живущей въ Россіи.

— **Злодѣй капитанъ русскаго корабля.** — Times отъ 10 Января извѣщаетъ, что русскій посолъ въ Лондонѣ былъ увѣдомленъ изъ Гуллы, что какой-то капитанъ звѣрски изтязалъ мальчика 11-лѣтъ. Что сдѣлаетъ Бруновъ мы не знаемъ. Вѣроятно ничего. Мы-же съ своей стороны просимъ русскихъ находящихся въ Англіи, сообщить намъ имя корабля и кому онъ принадлежитъ—а лучше всего фамилію капитана для того, чтобъ ее помѣстить въ число *практическихъ* защитниковъ тѣлесныхъ наказаній и съ тѣмъ вмѣстѣ выставить къ позорному столбу.

— Считаемо полезнымъ извѣстить нашихъ читателей о чрезвычайномъ увеличеніи *тайныхъ членовъ у спб. почтоваго вѣдомства*. Мы ожидаемъ ихъ списка для того, чтобъ скромная дѣятельность подпечатыванія не осталась подъ спудомъ.

МИХАЙЛОВУ.

Сонъ былъ нарушенъ. Здѣсь и тамъ
Молва бродила по устамъ,
Вспыхала мысль, шепталась рѣчь—
Грядущихъ подвиговъ предтечь;
Но, робко зыблясь, подлый страхъ
Привычно жилъ еще въ сердцахъ,
И надо было жертвы вновь—
Разжечь ихъ немогущую кровь.
Такъ, цѣпенѣя, ратный строй
Стоитъ и не вступаетъ въ бой;
Но вражій выстрѣлъ просвисталъ—
Въ рядахъ одинъ изъ нашихъ палъ!..
И гнѣва трепеть боевой
Объемлетъ вдохновенный строй.
Впередъ, впередъ! разрушенъ страхъ—
И гордый врагъ падѣтъ во прахъ.
Ты эта жертва. За тобой
Сомкнется грозно юный строй,
Не побоятся палачей,
Ни тюрьмъ, ни ссылокъ, ни смертей.
Твой подвигъ даромъ не пропасть—
Онъ чары страха разорвалъ;
Иди-жъ на каторгу бодрѣй,
Ты дѣло сдѣлалъ—не жалѣй!

Царь не посмѣлъ тебя казнить...
Вѣдь ты изъ фрачныхъ... Можетъ быть
Въ средѣ господъ себѣ отпоръ
Нашелъ бы смертный приговоръ...
Вотъ еслибы тебя нашли
Въ поддѣвкѣ, въ трудовой пыли—
Тебя велѣлъ бы онъ схватить
И, какъ собаку, пристрѣлить.
Онъ слово : казнь—не произнесъ,
Но до пощады не доросъ,
Мозгъ узокъ и душа мелка—
Мысль милосердыя далека.

Но ты пройдеши чрезъ тѣ мѣста,
Гдѣ безъ могилы и креста
Недавно брошенъ свѣжій трупъ
Бойца, носившаго тулупъ.
Нашъ старшій братъ изъ мужиковъ,
Онъ первый всталъ противъ враговъ
И волей царскою былъ онъ
За волю русскую казнѣнъ.
Ты тихо голову сложи
И имя брата помани.

Закованъ въ желѣзы съ тяжелою цѣпью,
Идешь ты, изгнанникъ, въ холодную даль,
Идешь безконечною, снѣжною степью,
Идешь въ рудокопы на трудъ и печаль.
Иди безъ унынья, иди безъ роптанья,
Твой подвигъ прекрасенъ и святы страданья.

И вѣрь неослабно, мой мученикъ ссыльный,
Иной рудоконъ не исчезъ, не потухъ—
Незримый, но слышимый, повсюдный, всепланный
Народной свободы таинственный духъ.
Иди-жъ безъ унынья, иди безъ роптанья,
Твой подвигъ прекрасенъ и святы страданья.

Онъ роется мыслью, работаетъ словомъ,
Онъ юношей будить въ безмолвыя ночи,

Пророчить о племени сильномъ и новомъ,
Хоронить безжалостно ветхихъ людей.
Иди-жъ безъ унынья, иди безъ роптанья,
Твой подвигъ прекрасенъ и святы страданья.

Онъ создалъ тебя и въ плѣну не покинетъ,
Онъ стражу разгонитъ и цѣпи раскуетъ,
Онъ камень отъ входа темницы отвинтитъ,
На праздникъ народный тебя призоветъ.

Иди-жъ безъ унынья, иди безъ роптанья,
Твой подвигъ прекрасенъ и святы страданья.
Н. Огаревъ.

УЗНИКУ.

Изъ стѣнъ тюрьмы, изъ стѣнъ неволи,
Мы братскій шлемъ тебѣ привѣтъ,
Пусть облегчитъ въ часъ злобной доли
Тебя онъ, нашъ родной поэтъ!

Проклятымъ гнетомъ самовластья
Намъ не дано тебя обнять,
И данъ любви, и данъ участія
Тебѣ, учитель нашъ, воздать.

Но день придетъ, и на свободѣ
Мы про тебя расскажемъ все,
Расскажемъ въ русскомъ мы народѣ,
Какъ ты страдалъ изъ за него.

Да, сѣялъ доброе ты сѣмя,
Вѣшалъ ты слово правды намъ,
Вѣрь, плодъ взойдетъ и наше племя
Отмститъ сторицею врагамъ.

И разорветъ позора цѣпи,
Сорветъ съ чела ярмо раба,
И призоветъ изъ снѣжной степи
Сыновъ народа и тебя.

ОТВѢТЪ.

Крѣпко, дружно васъ въ объятія
Всѣхъ бы, братья, заключилъ
И надежды и проклятія
Съ вами, братья, раздѣлилъ.

Но тупая сила злобы
Вонъ изъ братскаго кружка
Гонитъ въ снѣжные сугробы,
Въ тьму и холодъ рудника.

Но и тамъ, на зло гоненью,
Вѣру лучшую мою
Въ молодое поколѣнье
Свято въ сердцѣ сохраняю.

Въ безотрадной мглѣ изгнанья
Твердо буду свѣта ждать,
И души одно желанье,
Какъ молитву, повторять :

Будь борьба успѣшнѣй ваша,
Встрѣтъ въ бою побѣда васъ,
И мигуй васъ эта чаша,
Отравляющая пасть

Спасибо вамъ за тѣ слезы, которыя вызвалъ у меня вашъ братскій привѣтъ. Съ кровью приходится мнѣ отрывать отъ сердца все, что дорого, чѣмъ свѣтла жизнь! Дай богъ лучшаго времени, хоть можетъ мнѣ уже и не суждено воротиться

ГОДОВЩИНА ЧЕТЫРНАДЦАТАГО ДЕКАБРЯ въ С. ПЕТЕРБУРГѢ.

Утромъ четырнадцатаго Декабря (26) прочли передъ Сытнымъ рынкомъ приговоръ *Михайлову*, онъ осужденъ *отъ рудники на 6 лѣтъ*, и государь утвердилъ *каторжную* работу, за нѣсколько независимыхъ словъ... На сколько ступеней сошелъ онъ внизъ къ Николаю съ тѣхъ поръ какъ, краснѣя, велѣлъ выпустить изъ крѣпости невинно посаженного туда Огрыску? Сенаторъ Бутурлинъ хотѣлъ еще полнѣе отпраздновать годовщину, онъ предлагалъ Михайлова повѣсить.

Шесть лѣтъ каторжной работы за то, что изъ груди переполненной любви и негодованія, вырвалась страстная рѣчь... а впрочемъ—лишь-бы физическія силы выдержали.

Иди-же съ упованьемъ, молодой страдалецъ, въ могилу рудниковъ, въ подземной ночи ихъ между ударами молота и скрипомъ тачки; ты еще ближе услышишь стонъ народа русскаго, а иной разъ долетятъ до тебя и голоса твоихъ друзей—ихъ благословеніе, ихъ слезы, ихъ любовь, ихъ гордость тобою. А тамъ... мало-ли, что можетъ быть въ шесть лѣтъ! —И—ръ.

УНИВЕРСИТЕТЫ ЗАКРЫВАЮТЪ!

Петербургскій университетъ закрыть. Профессора, по предложенію Путятина, распущены; студенты, безъ вины наказанные, частью сосланы въ дальнія губерніи, частью вынуждены разбѣжаться по домамъ, т. е. тоже по губерніямъ, или вступать въ другіе университеты по матрикуламъ...

Зачѣмъ вступать въ университеты? Пускай ихъ закроютъ. Учиться подъ надзоромъ шпионства нельзя. Университетъ, доступный только для богатыхъ, университетъ исключительно дворянскій, въ Россіи невозможенъ. Каждый богатый, каждый дворянинъ, вступая въ храмъ науки, запертой для бѣдныхъ и недворянъ,—почувствовалъ бы себя подлецомъ. Никто, не пойдеть незапятнанно, въ этотъ сословный храмъ науки III отдѣленія. Пускай его закроютъ. Настоящая наука, свободная наука,—отъ этого не пропадетъ.

Университетская молодежь разбѣдется по губерніямъ. Каждый, сколько-нибудь способный человѣкъ куда прѣдетъ—туда и принесетъ съ собой науку. Не ту казенную науку, которой цѣль—чинъ, не ту школьную науку, которой цѣль—дипломъ; а ту человѣческую науку, которой цѣль—образование, ту живую науку, которой цѣль—образование народное, безсословное, повсемѣстное.

Намъ надо было странствующихъ учителей. Апостолы науки, какъ и апостолы религіи, не могутъ сидѣть, запершись въ нарочито построенныхъ молельняхъ. Ихъ дѣло—проповѣдь, ихъ мѣсто всюду. У насъ ихъ не было; правительство ихъ создаетъ—невольно, нечаянно, бессмысленно. Умѣйте-же пользоваться случаемъ!

Не ходите въ университеты, пускай ихъ закроютъ. Университетская молодежь, разсыпавшись по Россіи, послужитъ соединительнымъ мостомъ между сословіями. Она, обиженная шпионствомъ, изувѣченная полиціей, сосланная императоромъ,—она скажетъ своимъ отцамъ и братьямъ изъ дворянъ, имѣющимъ смутное попятное зрѣніе на гражданскую свободу,—что дворянинъ въ Россіи ничто иное какъ чиновникъ нѣмецкаго правительства, что ему для того, чтобъ сдѣлаться свободнымъ человѣкомъ, надо перенести въ народъ, что дворянской свободы не существуетъ, что свобода только одна, общая, народная; что для того, чтобъ достичь себя

свободы, они должны отдать народу народную землю, что въ этомъ спасеніе ихъ жизни, ихъ совѣсти, спасеніе русскаго богатства и основа русскаго самоуправленія.

Молодежь скажетъ народу, что земля ему отдается, что пришла пора соединиться, чтобъ учредить всюду свое управленіе, выборное и отвѣтственное—на мѣсто казеннаго, чиновничьяго, самовластнаго. Молодежь скажетъ народу, что она приноситъ ему въ помощь всѣ средства, которыя дала ей наука и не пощадитъ для него ни трудовъ, ни жизни.

Чего-жъ вы испугались, что университеты закрываютъ? Развѣ вы нашли бы науку тамъ, гдѣ учителя проповѣдуютъ необходимость чина и за такое гражданское мужество получаютъ одобрительную улыбку Потанова о благоволеніе самого верховнаго шефа жандармовъ—императора? Развѣ вы нашли бы науку тамъ, гдѣ учителя вызываютъ противъ васъ штыки и нагайки? Цѣтъ! Гдѣ это могло случиться—тамъ нѣтъ науки, тамъ только книжничество, способное на все презрѣнное. Наука уже потому не сходна съ книжничествомъ, что наука нравственна.

Чего вы испугались, что закрываютъ богадельни казенной науки? Найдите въ своемъ искреннемъ служеніи истинѣ, найдите въ силѣ своего мозга и силѣ своего труда способность докопаться до своего образованія—гдѣ бы вы ни были, и при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ.

У васъ не будетъ книгъ—просите у общества, въ которое судьба внесетъ васъ. Найдите въ себѣ силу слова—создайте около себя публичныя бібліотеки.

У васъ не будетъ инструментовъ—создайте около себя публичные музеи.

Заводите школы.

Заводите больницы, зовите къ себѣ старшихъ товарищей, создайте около себя клиники.

Пускай закрываютъ университеты!

Устройте кафедры въ городскихъ залахъ и въ волостныхъ избахъ, въ своей комнатѣ и на базарной площади.

У васъ была устроена касса для бѣдныхъ студентовъ,—продолжайте сборъ для помощи ссыльнымъ товарищамъ; теперь никакой педель не помѣшаетъ вамъ въ ея учрежденіи.

А пуще всего—судьба васъ толкаетъ въ губерніи, т. е. въ селы, въ жизнь сельскую, въ жизнь народную; взгляните въ нее, поймите основанія, изъ которыхъ она складывается, поймите складъ будущей русской, свободной общественности, который изъ нихъ разовьется и разовьется при пособіи вашего слова и вашего дѣла.

Ничтожный случай, появленіе какого-то японскаго адмирала—разрубило запутанный узелъ и указываетъ русскому юношеству его великое назначеніе—создать всюду свободныя школы, гдѣ каждый, безъ различія пола и сословія, можетъ быть ученикомъ и проповѣдникомъ.

Впередъ юное поколѣніе! Изъ душевныхъ аудиторій схоластики въ ширь свободного пониманія и общественной дѣятельности! Оставь мертвую букву и создай живую мысль. Иди воиномъ во имя общей истины и народной свободы!

Пускай закроютъ университеты, и да возникнетъ живая, повсюдная наука!

Н. Огаревъ.

СТУДЕНТСКОЕ ДѢЛО.

Старое, грязное пятно на царскомъ мундирѣ снова выступило, и Путятинъ не обманулъ его — Папинъ явился во

всей мачтовой красотѣ своей, въ дѣлѣ студентовъ. Его мнѣніе восторжествовало. Ни Волянский, предсѣдатель одной изъ комиссій, ни князь Суворовъ, ничего не могли сдѣлать. Случайности нѣтъ въ его торжествѣ: благодушный монархъ, *хотѣлъ этого*, иначе онъ отстранилъ-бы Панина отъ сужденія въ собственномъ дѣлѣ. Рядъ мѣръ, которыми жабы олигархія хотѣли сломить, обезчестить юношество Россіи и на приведеніе которыхъ въ дѣйствіе выписали Путятина, придуманъ Строгоновымъ, Долгоруковымъ и Панинымъ. Доказательствомъ закулисной стачки государя съ Панинымъ служить засѣданіе въ совѣтѣ министровъ. Большинство было противъ предложенія Панина, съ нимъ согласились только заявленные тормазы—Строгоновъ, Муравьевъ, Анненковъ, Чевкинъ и самъ бенефициантъ Путятинъ. Во все время мягкосердый монархъ молчалъ, да и утвердилъ мнѣніе *меньшинства*... вотъ и польза совѣта.

ПРИКАЗЪ ПО С. П.-БУРГСКОЙ ПОЛИЦІИ.

(13 Декабря 1861 года, No. 347).

Государь императоръ, по рассмотрѣніи въ совѣтѣ министровъ, какъ представленныхъ особо назначенными для сего комиссіями дознаній о безпорядкахъ, происходившихъ между студентами с. п.-бургскаго университета и другими лицами, такъ и всеподданнѣйшаго доклада министра юстиціи по сему предмету, въ 4 день сего Декабря высочайше повелѣтъ соизволилъ:

1. Участвовавшихъ въ безпорядкахъ между студентами с. п.-бургскаго университета, дворянина Филистера Орлова и кончившаго курсъ въ 1860-году въ здѣшнемъ университетѣ Михаила Покровскаго выслать: перваго въ пермскую, а втораго въ архангельскую губерніи.

2. Изобличенныхъ дознаніями, или сознавшихъ въ дѣйствіяхъ, обнаруживающихъ намѣреніе не исполнить предписаній начальства, студентовъ с. п.-бургскаго университета: Евгенія Михаэлиса, Константина Гена, Адольфа Герике, Александра Френкеля и Марка Новосилицкаго, исключивъ изъ университета, выслать въ разные уѣздные города отдаленныхъ губерній(1).

3. Изъ числа прочихъ студентовъ с. п.-бургскаго университета, участвовавшихъ въ безпорядкахъ, но въ дѣйствіяхъ коихъ не обнаружено предумышленного намѣренія сопротивляться распоряженіямъ правительства, студентовъ старшаго IV курса (по прилагаемому при семъ списку подъ N 1, 32 человекъ), кои болѣе другихъ могли ознакомиться съ обязанностями и правами студентовъ и должны были служить примѣромъ прочимъ, исключить изъ университета, и тѣхъ изъ нихъ которые имѣютъ родителей или близкихъ родственниковъ, отдать родителям или родственникамъ на поруки въ ихъ добродѣльному поведеніи; тѣхъ-же, кои не имѣютъ ни родителей, ни родственниковъ, принимающихъ на себя поручительство въ ихъ благонадежности, выслать въ разные уѣздные города губерній Вятской, Вологодской и Олонекской(2). Затѣмъ студентамъ младшихъ III. II. I. курсовъ, (по прилагаемымъ спискамъ подъ NN, 2, 3 и 4. 192 человекъ), сдѣлавъ строгое внушеніе за участіе въ безпорядкахъ и объяснивъ имъ какъ важность ихъ

(1) Мы находимъ новую мѣру ссылки въ уѣздные города чрезвычайно благодѣтельною и ставимъ это на видъ гг. ссыльнымъ: дѣйствительно наши уѣздные города гораздо больше нуждаются въ благородныхъ дѣятеляхъ, чѣмъ города губернскіе. Основа общественной жизни въ уѣздахъ, слѣдственно непосредственное сношеніе съ уѣзднымъ населеніемъ всего важнѣе. Въ уѣздный городъ непрерывно прѣзжаетъ и помѣщикъ и крестьянинъ; да и самъ городничій только издали побивается губернатора и очень хорошо знаетъ, какъ все удобства его жизни, зависятъ отъ расположенія къ нему публики.

(2) Какое отеческое сродоболіе о сиротствѣ! Однако, оставя шутки, развѣ можно наказывать человека за то, что у него отецъ съ матерью померли?

проступковъ, такъ и мѣру наказанія, коей они подвергались-бы по суду, даровать всемилостивѣйшее прощеніе и дозволить, въ двухъ недѣльный срокъ или принять матрикулы, или возвратиться на родину(3); тѣмъ-же, которые имѣютъ здѣсь родителей, близкихъ родственниковъ, или недвижимую собственность, дозволить остаться въ С. П.-бургѣ, но подъ надзоромъ полиціи и съ объявленіемъ имъ, что за малѣйшее нарушеніе полицейскихъ правилъ, они будутъ высланы въ отдаленныя губерніи, что должно быть объявлено и всѣмъ тѣмъ, кои воспользуются двухъ недѣльнымъ срокомъ для вступленія въ университетъ или возвращенія на родину. При чемъ всѣмъ имъ, отнынѣ впредь окончательно, воспретить ношеніе студентской формы и возобновить запрещеніе носить такъ называемыя національныя одежды или другіе общіе признаки, отличающіе отъ прочихъ гражданъ, съ предвареніемъ, что полиція имѣетъ право и обязанность каждаго нарушающаго сіи правила немедленно арестовать(4).

4. Изъ числа задержанныхъ въ сборищахъ предъ университетомъ, за неисполненіе приказанія полиціи разойтись, служащаго въ канцеляріи военного министерства, колл. секр. Михаила Островскаго, обнаружившаго ложный образъ мыслей относительно распоряженій правительства(5), удалить отъ службы, съ тѣмъ чтобы впредь въ оную не опредѣлять и выслать на родину, если у него нѣтъ здѣсь родителей или родственниковъ, которые-бы приняли его на поруки. Прочихъ за тѣмъ постороннихъ лицъ, показанныхъ въ спискѣ подъ N. 6 (62 человекъ), выслать на родину, буде у нихъ нѣтъ здѣсь родителей или родственниковъ, которые-бы ихъ приняли подъ свое поручительство.

5. Прикосновенныхъ къ сему дѣлу: студента медико-хирургической академіи Петра Соболева и прибывшаго для поступленія въ означенную академію, бывшаго студента московскаго университета Николая Лимонова выслать: перваго въ Архангельскъ, гдѣ проживаетъ его отецъ, а втораго въ Уфу.

О такомъ высочайшемъ повелѣніи, объявленномъ мнѣ въ предложеніи господина с. п.-бургскаго военного генералъ-губернатора, отъ 6 сего Декабря за N. 13,807, давая знать с. п.-бургской полиціи и прилагая при семъ помянутые списки подъ NN. 1, 2, 3, 4, и 6 съ обозначеніемъ въ оныхъ мѣсть жительства, показанныхъ въ нихъ лицъ, предписываю гг. приставамъ исполнительныхъ дѣлъ:

(3) Отнынѣ ясно, что все матрикулованные, вступающіе въ оныя императорскіе университеты, кладутъ на себя неизгладимую печать подлости. Хорошо, по крайней мѣрѣ, что благородное юношество можетъ немедленно отличить своихъ отъ чужихъ; это полезно для счета. Да неужели-же бѣдность заставить идти въ университеты ради чина и служебнаго поприща? Развѣ нельзя служить по торговымъ дѣламъ, по частному хозяйству? Безъ сомнѣнія, не только выгоды, но чести, чинѣ, благородіи служить русской промышленности, чѣмъ этому правительству.

(4) Что-же это такое за такъ называемыя національныя одежды, отличающія отъ прочихъ гражданъ? Тутъ два понятія національности и отличія отъ прочихъ гражданъ. На примѣръ, военный и штатскій мундиръ и вицъ-мундиръ, фракъ и сюртукъ—не національная одежда, а отличается отъ прочихъ гражданъ; а поддевка или полушубокъ національная одежда, но не отличается человека отъ прочихъ гражданъ, купцовъ, мѣщанъ, крестьянъ. Не надо забывать, что по "Уложенію" крестьянинъ признанъ за юридическое лицо и слѣдственно гражданинъ. Какъ-же тутъ быть несчастному студенту? Надѣвъ фракъ—скажутъ, что отличается отъ прочихъ гражданъ; надѣвъ поддевку—скажутъ, что это "такъ называемая національная одежда." Да почему-же "такъ называемая"? Она въ самомъ дѣлѣ національная для русскаго, такъ какъ купчуга или венгерка для поляка. Ну, а если студентъ изъ Грузинъ, надѣнетъ архагуль и чекмень? Въ кандалы его что-ли за такъ называемую національную одежду? Носить-же императорская фамилья пѣмецкій мундиръ, который для нея и національная и отличающая отъ прочихъ гражданъ одежда, и прочіе граждане за это не въ претензіи;—Отъ чего-же не потерпѣть въ гражданахъ то, что граждане терпятъ въ императорской фамильи? Долгъ платежей красенъ.

(5) Въ цѣломъ XV томѣ свода законовъ не значится преступленія "ложнаго образа мыслей относительно распоряженій правительства."

а) За поименованными въ 1, 2, и 5 пунктахъ сего дополненія лицами, до высылки ихъ, учредить строгій полицейскій надзоръ, принявъ мѣры, что-бы они не выѣхали изъ С. П.-бурга самовольно. Лица эти освобождены, и изъ нихъ отданы на поручительство: Орловъ родному брату его и служащему въ Азіятскомъ департаментѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, титулярному совѣтнику барону Дмитрію Федоровичу Стурту, самъ Орловъ будетъ жить въ б. Мѣщанской улицѣ, на углу Гороховой, домъ Брунста, въ квартирѣ Залѣскаго, N. 50; Покровский отцу его, проживающему на углу Надеждинской улицы и Сапернаго переулка, въ домѣ Кокушкиной; Френкеля отцу его, купцу Самуилу Френкелю, проживающему у Харломова моста, въ домѣ Чистякова, N. 15; Герике родному брату, отставному подпоручику Герике, проживающему въ Измайловскомъ полку, по 8 ротѣ, въ домѣ Далецкаго; Гейль служащему въ государственной канцеляріи колл. сов. Бѣлозерскому, живущему противъ Круглаго рынка въ домѣ принца Ольденбургскаго и Новоселицкій стат. сов. Труссопу, проживающему на Повоевасиновской улицѣ въ собственномъ домѣ; самъ-же Новоселицкій будетъ жить на В. О. по 6 линіи, въ домѣ Костерева.

б) Поименованныхъ въ спискѣ подъ N. 1, бывшихъ студентовъ IV курса обязать представить по себѣ поручителей (родителей или близкихъ родственниковъ) непременно въ 2 недѣльный срокъ, считая со дня освобожденія т. е. къ 20 сего Декабря и за тѣмъ отдать ихъ на поруки, съ подписками на прилагаемыхъ при семъ бланкахъ(6); до того-же времени имѣть за ними строгій полицейскій надзоръ, объявивъ имъ, что какъ въ сіе время, такъ и впослѣдствіи за малѣйшее нарушение правилъ, тѣ, кои остаются въ столицѣ, будутъ высланы изъ оной въ отдаленные города.

в) Упомянутыхъ въ спискахъ подъ NN 2, 3, и 4, лицъ которые имѣютъ здѣсь родителей или близкихъ родственниковъ, а также недвижимую собственность, оставивъ въ С. П.-бургѣ, подъ надзоромъ полиціи и съ объявленіемъ имъ, что за малѣйшее нарушение полицейскихъ правилъ, они будутъ высланы въ отдаленные города; что должно бытъ объявлено и всѣмъ тѣмъ, кои воспользуются двухъ недѣльнымъ срокомъ для вступленія въ университетъ, или возвращенія на родину; тѣхъ-же, изъ этихъ лицъ, кои не имѣютъ въ здѣшней столицѣ ни родителей, ни близкихъ родственниковъ, ни движимой собственности и не изъявляютъ желанія принять матрикулы, обязать выѣхать отсюда въ мѣста ихъ родины, непременно къ 20 Декабря, за исполненіемъ чего строго паблюсти, а для безпреткновеннаго проѣзда ихъ будутъ выдаваться отъ меня особыя свидѣтельства.

При чемъ всѣмъ изъ поименованныхъ студентовъ, согласно высочайшему повелѣнію отнынѣ впредь, окончательно воспретить ношеніе студентской формы, и такъ называемой національной одежды и другихъ общихъ признаковъ, отличающихъ ихъ отъ прочихъ гражданъ; въ чемъ и обязать ихъ подписками, предваривъ при томъ, что полиція на основаніи того-же высочайшаго повелѣнія имѣетъ право и обязанность, каждаго нарушающаго сіи правила, немедленно арестовать.

г) Поименованныхъ въ 4 пунктѣ сего дополненія и въ спискѣ подъ No. 6, лицъ отдать въ тотъ-же срокъ, на поручительство, если они имѣютъ здѣсь родителей или близкихъ родственниковъ, которые припиали-бы ихъ на поруки; за тѣмъ остальные, согласно высочайшему повелѣнію, подлежатъ высылкѣ на родину.

д) Безотлагательно доставить мнѣ, по формѣ вышеупомянутыхъ списковъ, именныя списки: 1) с студентахъ IV курса, объяснивъ, между прочимъ, кто изъ нихъ не имѣетъ ни родныхъ, ни родственниковъ, принимающихъ ихъ на поручительство, такъ какъ сіи студенты, на основаніи прописан-

(6) Редакція Козокола убѣдительно проситъ прислать ей бланкъ для напечатанія.

наго высочайшаго повелѣнія, должны быть высланы въ уѣздные города Вятской, Вологодской и Олонецкой губерній; 2) студентамъ III, II и I курсовъ, которые изъявляли желаніе принять матрикулы въ теченіи двухъ недѣль или возвратиться на родину(7), а также кто изъ нихъ имѣетъ здѣсь родителей, близкихъ родственниковъ или недвижимую собственность и 3), кто изъ лицъ, поименованныхъ въ предъидущемъ пунктѣ подъ лит. Г, имѣетъ здѣсь родителей, или родственниковъ, которые принимаютъ на свое поручительство и кто изъ нихъ, по неимѣнію таковыхъ, долженъ быть высланъ на родину.

е) Такъ какъ между лицами, подлежащими удаленію изъ здѣшней столицы, могутъ оказаться такіе, которымъ, по неимѣнію родителей и средствъ къ жизни на родинѣ, необходимо предоставить возможность обезпечить свое существованіе поступленіемъ на службу въ губерніяхъ, то о таковыхъ лицахъ доставить мнѣ, въ самомъ непродолжительномъ времени, особыя списки(8).

ж) Изъявившему желаніе принять матрикулу, возвратившемуся нынѣ изъ отпуска, студенту Алексѣю Венецкому объявить, что съ просьбою объ увольненіи его вновь въ отпускъ, въ Казанскую губернію, для приведенія въ порядокъ дѣлъ послѣ смерти матери его, ему слѣдуетъ обратиться къ университетскому начальству, такъ какъ онъ долженъ принять матрикулу не позже двухъ недѣльного срока.

з) Принимая во вниманіе крайне недостаточное состояніе нѣкоторыхъ изъ освобожденныхъ изъ подъ стражи студентовъ, которые не имѣютъ средствъ тотъ часъ-же пріобрѣсти себѣ необходимую одежду, общественнаго покроя(9), дозволить имъ, въ продолженіе двухъ недѣль, носить форменную студентскую одежду, но огнюдь не венгерки и не конфедератки, ношеніе которыхъ имъ строго воспрещено по высочайшему повелѣнію, за исполненіемъ чего и имѣть наблюденіе.

и) Доставить мнѣ особыя именныя списки тѣмъ изъ бывшихъ студентовъ с. п.-бург. университета, исключеннымъ за участіе въ происходившихъ въ университетѣ безпорядкахъ, которые изъявили желаніе отправиться на родину въ Царство Польское, но не имѣютъ къ тому средствъ и дѣйствительно находятся въ затруднительномъ положеніи, показавъ въ спискахъ, въ какихъ именнѣ губерніяхъ и уѣздахъ мѣста ихъ родины.

к) Если кого-либо не окажется въ указанномъ въ спискахъ мѣстѣ жительства, то строго(10) розыскать настоящее мѣсто пребыванія его, равно розыскать и тѣхъ, жителей которыхъ неизвѣстно по спискамъ.

Подписалъ: С. Петербургскій оберъ-полицеймейстеръ,
Генералъ адъютантъ—Паткуль.

12 Декабря 1861.

Во всемъ этомъ уродливомъ приговорѣ благодушный монархъ согласился съ мнѣніемъ меньшинства. Его величество гораздо радикальнѣе Козокола. Мы признавали единогогласіе рѣшеній, слѣдственно не исключали права меньшинства на голосъ, по рѣшенію по меньшинству голосовъ—это такъ громадно, что его ни въ какой странѣ не сыщешь, и никакой мозгъ человѣческій не въ состояніи понять. Это дѣйствительно дѣлаетъ честь государственнымъ способностямъ и человѣколюбію Александра II.

(7) Редакція проситъ сообщить, на сколько малочисленіе взявшихъ матрикулы послужило (помимо предложенія Путаина) въ закрытію петербургскаго университета?

(8) Очевидно правительство считаетъ службу замѣною отца и матери и близкихъ родственниковъ потому, что тѣмъ, у кого есть отецъ и мать и родственники—не гонорится о разрѣшеніи поступить на службу.

(9) Это, что за одежда “общественнаго покроя-ли”? Ужъ не придерживается Паткуль социализма?

(10) “Строго” розыскать. Да когда-же они выучатся по русски? Розыскивать можно внимательно, прилежно; а въ чему тутъ строгость? Въ этомъ смыслъ нѣтъ.

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи—136 & 138 Caledonian Road, London, N.

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM,

КОЛОКОЛЪ

VIVOS VOCO!

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ.
Цѣна 6 пенсовъ. Получается въ Вольной
Русской Типографіи, 136 & 138 Caledonian
Road, N.

ЛИСТЪ 121.

1 ФЕВРАЛЯ 1862

(WITH SUPPLEMENT No. 3.)

У Трибнера & Со. въ книжной лавкѣ,
60, Paternoster Row, и у Tchorzewski,
1, Macclesfield Street, (Gerrard Street),
Soho, London. Price six-pence.

ОГЛАВЛЕНІЕ—Мясо освобожденія—Юбилей—Материалы для исторіи голенія студентовъ при Александрѣ II, (X—XI)—Смоленское

дворянство. Смѣсь. Апология изъ русскихъ газетъ—Еще о "Генералъ-Адмиралъ"—Можно-ли съѣсть тѣхъ, кого нельзя съѣсть—

Подписные давали объѣдъ—Второй разъ о злодѣй-капитанѣ—Объявленіе кн. П. Долгорукова—Объѣдъ журнала.

МЯСО ОСВОБОЖДЕНІЯ.

Отъ русскихъ доктринеровъ и прогрессивныхъ консерваторовъ, отъ очень молодыхъ людей, пшущихъ для скороспелыхъ авторитетовъ и отъ очень лѣнивыхъ людей, любящихъ готовый хлѣбъ, слышали мы много разъ упрекъ, зачѣмъ вѣсто разбора существующаго, у насъ нѣтъ программы будущаго, за чѣмъ мы порицаемъ то что есть, а не поучаемъ тому, что должно быть. Словомъ, зачѣмъ мы рупимъ, не созидая. Косвенно мы отвѣчали нѣсколько разъ на эти нападки и вовсе не готовились говорить объ нихъ теперь. Но упреки переѣхали за границу. Аугсбургская, подслѣпая, сѣдая старушенка, съ качающейся головой и вѣпскимъ бѣльмомъ на глазу, начала ворчать о томъ-же; за ней близорукій листъ, скроенный пѣмцами работниками, по французскимъ выкройкамъ, зеленѣющий близъ лабораторіи, въ которой Johann Maria Farina тропгъ для вселенной свою воду—стали намъ чигать выговоры; а тутъ, черезъ естественную границу Франціи, вѣсти дошли до Парижа и тамъ подхватили кельнскую воду съ аугсбургскимъ букетомъ и давай насъ кропить да поливать, поливать да присказывать, что "мы правственноломая старья императорскія учрежденія и нападая на нихъ, не предлагаемъ никакихъ новыхъ порядковъ, которыми-бы народъ повиновался и уважалъ-бы и пр."*

Особеннаго вниманія мы и на это не обратили-бы, не потому что-бы мы не дорожили мнѣніемъ на Западѣ, но потому, что мы убѣдились, что журналисты не знаютъ ничего о Россіи и не хотятъ серьезно знать,† къ тому-жъ у насъ есть интересы гораздо ближе, родиѣ намъ, чѣмъ желаніе оправдываться передъ ними.

Когда еще намъ были новы
Парижъ и Кельнъ и шумъ дубровы,

въ которой общественное мнѣніе шелеститъ печатными
листами—отвѣчали и мы, воображая, что наше призваніе
поучать Россію.

* Steele, 8 Jan. 1862.

† Мы говоримъ всего больше о журналахъ псевдо-республиканской декламации, правительственныхъ демократій, пѣмцкой руссоболыни. Въ серьезныхъ періодическихъ изданіяхъ бывають замѣчательныя статьи о Россіи. Не далѣе какъ во 2 январской книжкѣ Revue des deux Mondes помѣщена очень интересная статья Charles de Mazade: La Russie sous le règne d'Alexandre II. Мы поговоримъ объ пей въ одномъ изъ слѣдующихъ листовъ.

Годъ VI.

Helas, ce temps n'est plus,
Il reviendra, peut être,
En attendant...

мы будемъ говорить съ своими, и для нихъ теперь начинаемъ рѣчь. Путешествующій упрекъ, скоро воротится изъ Парижа домой, удесятеренной силой верженія. Мы видали, какъ гордо возвращается домой изъ Англіи отправляемая туда изъ Архангельска русская щетина—и продается уже въ четверо дороже. Въ отклоненіе такого усиленнаго рикшетнаго удара, мы рѣшились сказать нѣсколько словъ.

Упрекъ этотъ во-первыхъ, несправедливъ, передъ вами два тома *За Пять Лѣтъ*, передъ вами *Колоколъ* за прошлый годъ, въ нихъ нѣтъ законодательныхъ диссертаций, нѣтъ доктринерской схоластики—но вы найдете въ нихъ наше мнѣніе о томъ: что нужно народу, войску, помѣщикамъ и пр.

— Да нѣтъ, это все не то. Отчего вы *просто* не предлагаете проэктъ цѣлаго уложенія, ну по крайней мѣрѣ Code penal, уголовный сводъ.

— Душей-бы рады, да не знаемъ ни того, ни другаго.

— Ну, а не знаете такъ и не критикуйте существующаго, нельзя-же шестидесяти милліонамъ жить безъ учреждений, безъ суда, въ ожиданіи будущихъ благъ.

— И то... вотъ поляки въ XVIII столѣтіи дѣйствительно хорошо догадались, дома неурядица, согласиться не могутъ, они взяли да и пошли къ Жанъ Жаку Руссо, потрудитесь моль написать намъ конституцію. Ну Жанъ Жакъ и написалъ.

— И что-же?

— То же, что поляки *прочитали*, т. е. не всѣ поляки, а тѣ, которые знали по французски.

... Нѣгъ господа, полно намъ изъ себя представлять громовержцевъ и Моисеевъ возвѣщающихъ молніей и трескомъ волю божью, полно представлять пастырей мудрыхъ стадъ людскихъ! Метода—*просвѣщеній* и *освобожденій*, придуманныхъ за спиною народа, и вѣсняющихъ ему *его неотъемлемыя* права и *его* благосостояніе—топоромъ и кнутомъ, исчерпаны Петромъ I и французскимъ терроромъ.

Манна не падаетъ съ неба—это дѣтская сказка—она вырастаетъ изъ почвы; вызывайте ее, умѣйте слушать какъ растетъ трава и не учите ее *колосу*, а помогите ему развиться, отстраните препятствія, вотъ все, что можетъ сдѣлать человѣкъ, и это за глаза довольно. Скромнѣе надо быть, полно воспи-

тивать цѣлые народы, полно кичится *просвѣщеннымъ* умомъ и абстрактнымъ пониманіемъ. Много сдѣлала Франція своими указами равенства и свободы, много Германія апріоричнымъ построениемъ государства и доктринерскою догматикой права?

Намъ досталось печальное богатство, но богатство; горькимъ, чужимъ опытомъ—мы богаты, тяжело нажитой мудростью старшихъ, ихъ бѣдами—мы богаты. Это юбилейная выгода бѣдныхъ народовъ, вступающихъ послѣ жнитва на историческую ниву. Въ этомъ вся сущность преемственно-круговаго поученія народовъ, пазываемаго совершенствованіемъ. Не спасетъ никакая опытъ и никакая мудрость, вступающие въ полную жизнь народы, отъ увлеченій, отъ отклоненій, отъ всякихъ глупостей — но пусть-же глупости эти будутъ *не тѣ-же самыя*; если намъ суждено разбиться объ утесъ, такъ не о тотъ-же, о которой разбился цѣлый рядъ шкунь, барокъ, линейныхъ кораблей.

Общественный договоръ, объявленіе человѣческихъ правъ, уложение III года, VII года, опыты всеобщаго гражданскаго устройства и пр., имѣютъ совсѣмъ иное историческое значеніе, чѣмъ отвлеченная схоластика нѣмцевъ. Но вовсе не въ практическомъ примѣненіи. Сознаніе людское отрѣшалось ими отъ религіозно-обязательной, несвободной традиции, отъ роковаго, безапелляціоннаго государственнаго быта. Значеніе Contrat social только и было важно какъ великій фактъ освобожденія мысли, совѣсти въ сознаніи человѣческомъ, какъ утренняя заря освѣтившая вершины... Человѣку видящему свѣтъ, страшно тяжело оставить другихъ во тьмѣ. Проповѣдь тиха, изученіе медленно, а власть быстра, и передовые люди, съ полной любовью и вѣрой, *приказали* другимъ видѣть въ темнотѣ, утѣшаясь, какъ наши предки, тѣмъ что “поживутъ вмѣстѣ—слюбятся”. Великая основная мысль революціи, не смотря ни на философскія опредѣленія, ни на римско-спартанскіе орпаменты своихъ декретовъ, быстро перегнула въ полнцію, инквизицію, терроръ; желая *возстановить* свободу народа и признать его совершеннотѣ, для скорости обращались съ нимъ какъ съ материаломъ благосостоянія, какъ съ *мясомъ освобожденія*, *chaîne au bonheur public*, въ родѣ наполеоновскаго пушечнаго мяса.

А тутъ по несчастію оказалось, что у народа именно мяса то на костяхъ мало, да до того мало, что онъ на всѣ реформы, революціи, объявленія правъ, отвѣчалъ:

Голодно, страннечекъ, голодно!

Холодно, родименькой, холодно!

А вѣдь законодатели не только ломали, но и строили, не только обичали, но и поучали, да мало что поучали, заставляли учиться, и что можетъ всего печальнѣе въ бѣднѣхъ случаяхъ, они были правы...

За собственнымъ шумомъ и собственными рѣчами, добрые кварталные правъ человѣческихъ и Петры I — свободы, равенства и братства, долго не слыхали, что говорить *государь-народъ*; потомъ разсердились за павуходопосоровскій матеріализмъ его... Однако и тутъ не спросили его въ чемъ дѣло.

Они были убѣждены, что лучше народъ поучать, чѣмъ учиться у него, что лучше строить, чѣмъ ломать, что лучше писать у себя въ кабинетѣ съчетъ безъ хозяина, чѣмъ его спрашивать у него... Не только Сіесъ и Сперанскій писали всякаго рода бѣдныя конституціи, но нѣмцы-то, нѣмцы что ихъ написали и что возвели въ науку!? А пропасть между ними и народомъ, не только не уменьшалась, но увеличивалась, и это вслѣдствие

трагической, неотвратимой необходимости. Всякой успѣхъ, всякой шагъ впередъ увлекаетъ свѣтлый берегъ, онъ двигается быстрѣе, быстрѣе и становится дальше и дальше отъ темнаго берега и темнаго люда. Чѣмъ тутъ наполнишь пропасть—какимъ доктринерскимъ схоластицизмомъ тутъ поможешь, какая догматическая регламентация, какое академическое упражненіе хватить черезъ нее? Сдѣланъ былъ опытъ, не удался, и опять-таки по тому, что социалисты учили прежде чѣмъ знали, устраивали фаланстеры, не отыскавъ нигдѣ такой породы людей, которая хотѣла-бы жить въ рабочихъ домахъ.

И вотъ изъ этой-то пропасти выходятъ, выплываютъ гильотины, красныя шапки на пикахъ, Наполеоны, арміи, арміи, легитимисты, орлеанисты, другая республика и наконецъ *Юньскіе дни*. Дни ничего не создавшие, ничего не уложившіе, дни, въ которые самыя лучшіе и самыя несчастныя изъ народа, гонимые пуждой и огчаяніемъ, вышли безумно, безъ плана, безъ цѣли, отъ отчаянія и сказали своимъ опекунамъ законодателямъ и воспитателямъ: *Мы васъ не знаемъ!* Мы были голодны—вы намъ дали парламентскую болтовню, мы были наги—вы насъ послали на границу убивать другихъ голодныхъ и нагихъ, мы просили совѣта, мы просили научить насъ какъ выйти изъ нашего положенія—вы научили насъ риторикѣ; мы возвращаемся въ тѣмъ сырыхъ поцѣловъ нашихъ, часть насъ ляжетъ въ перовномъ бою—но прежде мы *вамъ*, книжники революціи, скажемъ громко и ясно:

Народъ не съ вами!

И—рѣ.

ЮБИЛЕЙ.

... Юбилей Княжевича — Юбилей Вяземскаго — Юбилей Адлерберга — Юбилей Сухозанета и наконецъ Юбилей Россіи! Какъ ни смѣшна сама-по-себѣ мысль праздновать день въ день зачатіе какого-нибудь государства, особенно когда это зачатіе совершилось въ такой тиши и въ такой глуши, что знающие люди спорятъ до сихъ поръ—кто былъ и кто не былъ отцомъ;* по напасть на это мы не станемъ, какъ на дѣло невинное. Можно было-бы возразить, что всякаго рода излишнія траты теперь неумѣстны, но взявъ въ соображеніе, что юбилей — какого-нибудь безполезнѣйшаго, ничтожнѣйшаго человѣка, котораго всѣ заслуги состоятъ à la Maniloff въ нѣжной дружбѣ къ Пиколоаю, стоитъ дороже десяти памятниковъ, мы готовы примириться и со тратой. Насъ обижаетъ продолженіе лжи въ прошедшемъ, насъ обижаютъ барельефные обманы. Есть что-то малодушное и тупоумное въ преднамѣренномъ искаженіи исторіи — по высочайшему повелѣнію. Скрылъ-ли Николай участіе Ермолова и Толя въ Бородинскомъ сраженіи тѣмъ, что выпустилъ на памятникъ ихъ имена, скрылъ-ли онъ отъ потомства, что Варшаву взялъ Толь, а не Паскевичъ? Для чего-же это возведение во *временно-великіе люди*—Ртищева, Бецкаго, Потемкина, Кочубея, Воронцова, Паскевича, Лазарева, Корнилова, Пахимова и пр. и пр.

Мы ужъ не говоримъ о томъ всякаго рода архіереевъ, названныхъ *просвѣтителями*, и которыхъ каменостѣпныя обличія явятся въ числѣ историческихъ знаменитостей. Въ ихъ числѣ есть лица, о которыхъ никто не слыхивалъ, Гурій, Варсонофій; и есть такіе, о которыхъ мы привыкли слышать съ дурной стороны, въ родѣ интриганта Θεοφана Прокоповича.

* Пользуясь вѣроятію тѣмъ, что у насъ la recherche de la paternité не воспрещена, какъ въ французскомъ кодексѣ.

Если дѣло сдѣлано и каменосѣчные облиція заказаны, то мы предлагаемъ дѣлать барельефы для временно-великихъ людей на подвижныхъ досечкахъ, такъ, чтобъ по мѣрѣ надобности и отшествія къ праотцамъ новыхъ знаменитостей, замѣнять ихъ.

Тихона Задонскаго постыжпа—*Адлербергомъ* отцомъ.

Митрофана Воронежскаго дѣйствительнаго—*Барятинскимъ*.

Бездарнѣйшаго изъ военныхъ *Паскевича* — еще болѣе бездарнымъ изъ статскихъ *Нанинымъ*.

Гурія и Влссонфійа—*Путятинымъ* и *Аскочинскимъ*.

Ртищева, устроившаго въ 1648 году общество переводовъ съ греческаго—*Похитоновымъ*, устроившимъ въ 1858 году общество переводовъ со всѣхъ языковъ.

Лѣтъ черезъ пять и этихъ выбросить, и вставить новыя досечки... да такъ и мѣнять до осѣдлости мѣнѣй и утвержденія законной мѣры для великихъ людей, тогда народъ русскій въ свою очередь окончательно прокричитъ:

Лобъ или Затылокъ!* И—ръ.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ ГОПЕНІЯ СТУДЕНТОВЪ ПРИ
АЛЕКСАНДРѢ II.

X.

*Официальная записка по дѣлу о безпорядкахъ
въ С. Петербургскомъ Университетѣ.*

Въ 1857 году, съ высочайшаго соизволенія разрѣшены въ с. петербургскомъ университетѣ два учрежденія: “касса, для вспоможенія бѣднымъ студентамъ” и “литературный (студенческій) сборникъ”.

Учрежденія эти необходимо требовали, чтобы студенты между собою совѣщались и изъ этихъ совѣщаній образовались сходки студентовъ въ аудиторіяхъ и залахъ университета.

Сходки эти, хотя и дурно организованныя, первоначально были довольно спокойны, но впоследствии, когда съ 1860 г. число студентовъ увеличилось до 1500 постоянныхъ слушателей, сходки обратились въ шумныя сборища, гдѣ неурядица и нескончаемые споры поглощали здравыя сужденія меньшинства.

Ближайшее университетское начальство (совѣтъ профессоровъ) сочувствуя студенческимъ учрежденіямъ и признавая, что сходки даже необходимы (какъ предохранительный клапанъ для перваго котла), представляли высшему началству объ организаціи этихъ сходокъ подъ руководствомъ профессоровъ, но г. министръ народнаго просвѣщенія, испросивъ первоначально высочайшее повелѣніе объ ограниченіи сходокъ, вскорѣ за тѣмъ испросилъ соизволеніе о безусловномъ запрещеніи оныхъ. Въ это-же время для студентовъ были составлены новыя правила, которыми вводились преобразованія въ университетѣ. 16 Сентября, съ окончаніемъ вакацій, было открытіе университета. Студенты, собравшись въ оный, ожидали, что имъ объявятъ новыя правила, о которыхъ ходили самыя разнорѣчивыя и преувеличенные слухи; но матрикулы не были еще изготовлены и

* Форма памятникъ намъ очень польстила, огромный Колоколъ, поставленный такъ, чтобъ звонить нельзя было. Все-же колоколъ! Но какой? Вечевой-ли, Новогородскій, или нашъ Лондонскій? Намъ кажется, что ни тотъ, ни другой, а колоколъ очень сладкій, его обѣщало видимо не видимо всякихъ фигурокъ, въ томъ числѣ одна прилеплась крыльями и такъ пламенно рвется прочь, что даже на готовѣ загорѣлась какая-то плешка. (Зри Спб. Мѣсяцесловъ на 1862 годъ).

никакого объявленія о вновь вводимыхъ правилахъ не послѣдовало. Г. попечитель учебнаго округа, предшественники котораго, съ наступленіемъ каждаго учебнаго года, держали къ студентамъ сердечное слово поощренія, не только не признавъ нужнымъ сказать имъ, что-либо о матрикулахъ, но даже не выразилъ привѣтствія, и студенты, оставшись въ недоумѣніи, естественно стали разсуждать о томъ, что ихъ ожидаетъ.

Это натянутое положеніе продолжалось до 25 Сентября. Въ теченіи этого времени студенты, хотя и посѣщали лекціи, но настроеніе умовъ увлекло ихъ на сходки. Сходки собиравались 18, 20 и 23 Сентября; на нихъ обсуждались вновь издаваемые правила, предполагались мѣры противудѣйствія онымъ, иныя легальныя, другія иллегальныя; вывѣщивались прокламаціи, призывавшія студентовъ къ единодушію и къ противудѣйствію дисциплинарнымъ правиламъ, но рѣшенія никакого приняты не было. 25 Сентября утромъ, когда студенты по обыкновенію пришли въ университетъ, чтобы слушать лекціи, они нашли двери въ оный запертыми и на дверяхъ прибитое объявленіе, что на время въ университетѣ прерываются лекціи, а также узнали, что входъ воспрещенъ въ собственную ихъ библіотеку, физическій кабинетъ и химическую лабораторію, которые и во время вакацій бывають открыты. Недоумѣвая почему закрытъ университетъ и на долго-ли, студенты, увлеченные примѣромъ и рѣчами нѣкоторыхъ товарищей, отправились, хотя и гурьбою, но въ совершенномъ порядкѣ, въ Колокольную улицу, къ попечителю просить объясненія. Генерала Филипсона дома не было и студенты остались на улицѣ его ожидать. Г. военный генералъ-губернаторъ узнавъ, что студенты въ большомъ числѣ собрались на улицѣ, распорядился, чтобы полицейскія команды приняли должныя мѣры къ охраненію порядка. Въ это время прибыли на мѣсто сборища студентовъ, генералъ Филипсонъ и управляющій III отдѣленіемъ собственной его императорскаго величества канцеляріи, графъ Шуваловъ, который, остановивъ взводъ линейныхъ войскъ, шедшій на смѣну караула въ крѣпость, повелъ его съ собою въ Колокольную улицу. Генералъ Филипсонъ, оглушенный возгласами и безчисленными вопросами, предложилъ студентамъ отправиться обратно въ университетъ и избрать изъ среды своей депутатовъ для объясненія съ нимъ. Студенты согласились на это, но съ тѣмъ, чтобы генералъ Филипсонъ и графъ Шуваловъ дали честное слово, что студенты, избранные депутатами, не будутъ арестованы, и когда оба генерала дали въ томъ честное слово, то студенты спокойно, въ томъ-же порядкѣ возвратились въ университетъ, избрали депутатовъ, объяснились съ попечителемъ и разошлись по домамъ. Между тѣмъ агенты III отдѣленія получили приказаніе отъ графа Шувалова разспрашивать зачинщиковъ безпорядковъ. Зачинщиковъ по удостовѣренію сыщиковъ, оказалось 42 человека. По соглашенію съ министромъ народнаго просвѣщенія имъ положено было арестовать. Графъ Шуваловъ, прибывъ почью съ 25 на 26 Сентября къ г. оберъ-полицмейстеру, гдѣ были собраны пристава и нѣкоторые изъ надзирателей, на которыхъ было возложено арестованіе студентовъ, объяснилъ имъ способъ заарестованія и спокойствіе болѣе полусотни домовъ было нарушено въ эту ночь.

Аресты производились по запискамъ и указаніямъ управляющаго III отдѣленіемъ, и ни одинъ арестъ не былъ произ-

веденъ на законномъ основаніи. Никому изъ арестованныхъ не предъявлено предписанія начальства о заарестованіи, никому не объявлена причина ареста; напротивъ того, арестованіе нѣкоторыхъ лицъ показываетъ полное самоуправство, даже низшихъ полицейскихъ властей.*

Депутаты, личности которыхъ, согласно данному честному слову графомъ Шуваловымъ и Филипсономъ, была неприкосновенна, подверглись также аресту подъ именемъ зачинщиковъ. Студенты, пораженные ночными арестами и не постигая причины таковыхъ, собрались 27 Сентября къ университету и обратились къ попечителю съ просьбою заступиться за товарищей. Генераль Филипсонъ въ отвѣтъ на то потребовалъ, чтобы они немедленно разошлись, и когда они этого не исполнили, то онъ официально отпесся къ военному генераль-губернатору, прося его прекратить безпорядки средствами городской полици. Генераль-адъютантъ Игнатьевъ, прибывъ въ университетъ, убѣдилъ толпу разойтись, и въ 10 минутъ все разошлось, пославъ г. министру народного просвѣщенія депутацию, которую онъ однако не принялъ. За тѣмъ студенты собрались около университета 2 Октября и нѣкоторые изъ нихъ вмѣстѣ съ лицами принадлежащими университету (въ числѣ 30 человекъ) были арестованы.

Въ тоже время были арестованы на квартирахъ еще нѣсколько студентовъ и другія лица не принадлежащія университету, нѣкоторые за то, что они собрались депутатами отъ неизвѣстныхъ кружковъ своихъ товарищей, толковать о новыхъ правилахъ; другие по причинамъ никому неизвѣстнымъ (какъ это видно изъ официальныхъ бумагъ).

Такимъ образомъ, въ казематы с. петербургской крѣпости были препровождены подъ арестъ 97 человекъ. Для изслѣдованія безпорядковъ, происшедшихъ въ здѣшнемъ университетѣ назначена была слѣдственная коммиссія.

Коммиссія, приступивъ къ изслѣдованію, приняла въ руководство, существующія законоположенія и потребовала отъ г. оберъ-полицеймейстера и управляющаго III отдѣленіемъ доказательствъ виновности студентовъ, подвергнутыхъ аресту. Доказательствъ этихъ сообщено коммиссіи не было, и вмѣсто того, предписаніемъ даннымъ г. с. петербургскимъ военнымъ генераль-губернаторомъ, на имя предсѣдательствующаго въ коммиссіи, измѣнено свойство возложеннаго на коммиссію порученія, а именно: слѣдственный характеръ изслѣдованія отмѣненъ и коммиссіи поручено только распредѣлить арестованныхъ по категориямъ, по степени виновности.

Для такого распредѣленія по категориямъ, коммиссіи слѣдовало изыскать степень виновности арестованныхъ лицъ. Данными въ этомъ случаѣ представлялись:

- а) Обвиненія вводимыя правительствомъ.
- б) Собственные показанія арестованныхъ и
- в) Отзывъ университетскаго начальства.

Правительство обвиняло студентовъ: 1) что они противузаконно собирались на сходки въ университетѣ и внѣ стѣнъ

* Въ дѣлѣ коммиссіи находится актъ о заарестованіи студента Колениченко. Приставъ Выборгской части Фабри, арестовавшій его, выразился въ официальномъ актѣ, слѣдующимъ образомъ, "хотя въ спискѣ студентовъ подлежащихъ аресту Колениченко и не значится, но онъ приставъ, счетъ не лишнимъ и его арестовать". Колениченко жилъ въ отдельной квартирѣ, одинъ, и у него никто не проживалъ изъ лицъ подлежащихъ аресту. Такимъ-же образомъ одинъ изъ надзирателей 3 части арестовалъ одного гимназиста за то, что онъ по мнѣнію его, надзирателя, раздѣляетъ образъ мыслей студентовъ.

онаго, и когда ихъ приглашали разойтись, не расходились. 2) что на этихъ сходкахъ были вывѣшены и читались возмутительныя прокламаціи, 3) что для одной изъ своихъ сходокъ (23 Сентября) они силою вошли въ актовую залу, которой дверь была заперта, 4) что они, собравшись въ толпу, не разѣялись, когда ихъ къ тому приглашали и 5) что нѣкоторые изъ студентовъ принадлежатъ къ тайнымъ обществамъ. Доказательствъ или уликъ по всемъ этимъ обвиненіямъ правительство никакихъ сообщить не могло.

Студенты объяснили, что они дѣйствительно собирались на сходки, но что это не было противузаконно, потому, что сходки были необходимы, университетское начальство объ этомъ знало и не воспрещало, что на одной изъ сходокъ присутствовалъ даже самъ ректоръ, который не приглашалъ студентовъ разойтись (какъ это удостовѣряетъ правительство); равно начальство не объявляло, что послѣдовало высочайшее повелѣніе о безусловномъ запрещеніи сходокъ. 2) Что возмутительныхъ прокламацій и рѣчей никто изъ студентовъ не произносилъ, что-же касается до 2хъ прокламацій, которыя были вывѣшены въ одной изъ университетскихъ комнатъ, то они ихъ не одобряютъ и кто ихъ составлялъ не знаютъ. 3) Что 23 Сентября они дѣйствительно собрались на сходку въ актовую залу, чрезъ боковую дверь, но что дверь эта не была заперта и они никакой двери не ломали. 4) Студенты, обвиняемые въ участіи въ тайныхъ обществахъ, показали, что они ни къ какимъ таковымъ обществамъ не принадлежатъ. 5) Лица, арестованные въ толпѣ 2 Октября, удостовѣряютъ, что они попали въ оную случайно и не слышали приглашенія полици разойтись.

Университетское начальство въ лицѣ исправлявшаго должность ректора Срезневскаго и въ лицѣ ректора Плетнева объяснило: 1) Что студентамъ не было объявлено высочайшаго повелѣнія о безусловномъ запрещеніи сходокъ 2), что 23 Сентября, когда студенты собрались на сходку въ актовую залу, дверь въ оную не была сломана, 3) что студентамъ не было предложено разойтись со сходки и 4), что были-ли читаны и вывѣшены въ университетѣ какія-либо прокламаціи, университетскому начальству неизвѣстно.

Между тѣмъ матрикулы для студентовъ были изготовлены, правительство объявило чрезъ газеты, что желающіе принять оныя могутъ подать прошеніе, тѣ-же которые не подадутъ прошенія, въ недѣльный срокъ со дня объявленія, будутъ считаться уволенными изъ университета. Желающихъ принять матрикулы оказалось болѣе 600 человекъ; не принявшихъ же матрикулы правительство пригласило оставить столицу въ 48 часовъ.

Такое разьединеніе студентовъ было причиною сборища около университета, 12 Октября. Студенты, не принявшие матрикулъ, прибыли въ университетъ съ цѣлію воспрепятствовать своимъ товарищамъ слушать лекціи. Полицейское начальство распорядилось о заарестованіи этихъ студентовъ, и когда воинскія команды выводили арестованныхъ со двора университета, то другая толпа студентовъ бросилась отбивать товарищей. Толпу эту также заарестовали и, вмѣстѣ съ первыми, препроводили сперва въ крѣпость, потомъ въ Кронштадтъ, для содержанія подъ арестомъ. Разборъ виновности сихъ послѣднихъ студентовъ, порученъ особой коммиссіи.

МИНИСТЕРСТВО
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ,
ПОПЕЧИТЕЛЬ
С. ПЕТЕРБУРГСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА.
27 Сентября 1861, № 5161
10 ч. 35 м. утра

Г. С.-Петербургскому
Военному Генералъ-Губернатору

Имѣю честь донести вашему высокопревосходительству, что съ 9½ часовъ утра студенты университета начали сходиться по одиночкѣ въ сѣни университета, гдѣ имъ раздаются швенцаромъ полученныя съ почты письма, и отсюда ходъ въ совѣтъ и правленіе университета. Въ 10 часовъ ваше высокопревосходительство изволило видѣть уже 150 — 200 студентовъ. Тогда эта все болѣе увеличивается и на двукратныя требованія мои, не расходится, а шумитъ.

Нашъ университетъ закрытъ и начальство оного не имѣетъ никакихъ средствъ къ претворенію безпорядка, происходящаго въ сѣняхъ и на дворѣ, то я имѣю честь покорнѣйше просить ваше высокопревосходительство о возложеніи этихъ распоряженій исключительно на градскую полицію, впредь до отъѣзда университета.

Объ этомъ представленіи моемъ я вмѣстѣ съ тѣмъ донесъ г. министру народнаго просвѣщенія.

Попечитель С. Петербургскаго Округа Григорій Филипповъ.

(Вся бумага написана собственною рукою Филиппова, вѣроятно для сохраненія большей тайны).

*Списокъ студентовъ, содержащихся въ крѣпости,
распределенныхъ комиссіей по категориямъ.*

I. *Исвинные.* Бабинскій, Трохановичъ, Ходоковичъ, Френкель (Леоній), Охановъ (младшій), Капиченко, Пахомовъ

II. *Винновыя меньше.* Рѣпинскій, Южакъ, Пжевусскій, Штакенштейндеръ, Шведовъ, Сперанскій, Зотовъ, Городецкій, Залесскій (Александръ), Моховковъ, Чечулинъ (Леонидъ), Неклюдовъ, Подосскій, Збровевскій, Браховичъ, Сорокинъ, Смоленскій, Ершовъ, Веневскій, Фонъ-деръ-Флатъ, Мельниковъ, Левентавъ, Студентской, Утинъ 2, Залесскій (Сигизмундъ), Праховъ, Лобановъ, Жуковъ, Пападопуло Стефановичъ, Хомяскій, Моравскій, Арнольдъ, Спасскій (Николай), Сулинковскій, Спасскій (Петръ), Яворскій. (Всего въ этомъ спискѣ 64 человекъ)

III. *Винновыя больше.* Рождественскій, Хорошевскій, Пантеевъ, Утинъ 1, Охановъ 1, Герике, Френкель (старшій), Мещерскій, Асонарь, Веннертъ, Козловъ, Моравскій (Петръ).

IV. *Наиболѣе виновныя.* Генъ, Михайласъ, Давенбергъ, Орловъ, Покровскій.

V. *Внѣ разрядовъ.* Кванъ, Альбертини (въ крѣпости не содержится, а сидѣлъ одинъ сутки въ части), Соболевъ (Петръ), Анноновъ.

Не знаю по чему въ спискѣ, который я видѣлъ не было остальныхъ

XI.

АДРЕССЪ МОСКОВСКИХЪ СТУДЕНТОВЪ.

Нашъ пишутъ изъ Москвы, что текстъ адреса, помѣщенный въ 117 л. Колокола—не тотъ, который трое студентовъ передали черезъ флигель-адъютанта государю. Нашъ корреспондентъ прибавляетъ, что текстъ у насъ помѣщенный, дѣйствительно былъ предложенъ, но замѣненъ слѣдующимъ при отправленіи депутатовъ :

В. П. В.

Всемилостивѣйшій государь.

Непознѣнная благосклонность ваша къ студентамъ Моск. унив., высокое покровительство, которымъ удостоивали вы ихъ постоянно, даетъ намъ смѣлость обратиться съ этою просьбой прямо къ в. в. государь! Тяжело было-бы для насъ, еслибы событія, происшедшія въ послѣднее время въ средѣ нашей, могли набросить неблагоприятную тѣнь на Моск. унив. въ мѣстѣ в. в. Но совѣсти утверждаемъ, государь, что между нами не найдется никого, кто не считалъ-бы священнѣйшимъ долгомъ своимъ строгое соблюденіе порядка и разумное повиновеніе закону.

Мы не думали измѣнить этому долгу, когда вознамѣрились обратиться на себя милостивое вниманіе в. в. и вполнѣ полагаясь на извѣстное вамъ великодушіе ваше, рѣшились высказать вамъ наши нужды

Мы осмѣливаемся ходатайствовать передъ лицомъ в. в. объ отѣненіи вповѣ установленной платы за слушаніе лекцій. Государь! эта мѣра легла тяжелымъ гнетомъ на нашихъ немущихъ товарищей и въ тоже время заградила путь къ образованію всѣмъ бѣднымъ молодымъ людямъ.

Потомъ мы осмѣливаемся просить у в. в. дозволенія имѣть правильно организованную кассу, при существованіи которой мы могли-бы прямо и открыто помогать нашимъ бѣднымъ собратамъ. Наконецъ, желая противудѣйствовать безпорядкамъ, часто возникающимъ при сношеніи массы студентовъ съ начальствомъ, мы рѣшились просить в. в. о дозволеніи избрать изъ среды своей товарищей, которые, служа посредниками между нами и нашимъ начальствомъ, объясняли-бы законнымъ порядкомъ наши потребности.

Вотъ наши нужды, государь, о которыхъ мы рѣшились всеносдавнѣйше просить в. в. Желаніе найти законный путь, дабы высказать эти нужды привело насъ къ неожиданнымъ горькимъ для насъ послѣдствіямъ.

Всѣ наши поступки были къ несчастію перетолкованы въ дурную сторону, нашимъ намѣреніямъ придали такой смыслъ, какой никогда не могли они и не должны имѣть.

Дѣло объ общенъ просьбѣ в. в. не было еще окончательное рѣшено нами, когда, вдругъ, нѣсколько студентовъ были арестованы. Пораженные этимъ внезапнымъ и безпричиннымъ дѣйствіемъ полиціи, многие изъ насъ рѣшились отправиться къ дому г. ген.-губерн. съ тою цѣлю, чтобы черезъ трехъ товарищей почтительно ходатайствовать объ участіи задержанныхъ наравнѣ студентовъ, и въ тоже время убѣдиться въ справедливости распространеннаго слуха, что г. ген.-губерн. соглашается передать в. в. вашу всеподданнѣйшую просьбу.

На площади, передъ домомъ ген.-губерн. насъ ожидали позоръ и незаслуженное насиліе. Намъ не дали времени заявить какой-либо просьбы, насъ не спросили о причинѣ нашего прихода и безъ всякаго предварительнаго приглашенія разошлись, захватили вооруженною силою, подвергая при этомъ самымъ грубымъ истязаніямъ. Нѣкоторые изъ насъ не бывшіе на площади испытали такое-же, если не болѣе насиліе въ отдаленныхъ частяхъ города, въ то время, какъ отправлялись по частнымъ своимъ дѣламъ. Очень много изъ нашихъ товарищей неоправданы еще и теперь отъ поучительныхъ или ударовъ.

Все общество, вся Москва, государь, могут заявить вамъ, что въ незапамятное утро 12 Окт. форменная одежда студентов навлекла на посящихъ ее, невыносимыя, дотошъ неслыханныя и ничѣмъ не вызванныя оскорбленія. Всюду, на всѣхъ улицахъ студенческой мундиръ служилъ уже достаточнымъ поводомъ, чтобы быть избитымъ палашемъ жандарма или раздавленнымъ его лошадыю.

Государь! мы прибѣгаемъ къ вашему справедливому суду! даруйте намъ защиту отъ оскорбительнаго и грубаго насилія вызвапнаго неумѣстною и обидною для насъ подозрительностію. Дайте намъ возможность опровергнуть упизительныя для чести нашей слухи, изустно и печатно* про насъ распространенныя. Обратите милостивое вниманіе на тѣхъ изъ насъ, которые будучи захвачены передъ домомъ ген.-губерн. какъ просители, избитые и потому больные, содержатся и судятся теперь какъ преступники. В. в. въ насъ крѣпка вѣра въ великодушіе вашего сердца. Мы твердо надѣемся, что просьба эта будетъ благосклонно принята вами и найдетъ отголосокъ въ сердцахъ в. в.

Студенты московскаго университета.

СМОЛЕНСКОЕ ДВОРЯНСТВО.

Намъ пишутъ о дворянскихъ выборахъ въ Смоленскѣ, что тамъ куча проэктвъ: “Утѣшительно то, что всѣ эти проэкты, какъ ни различны по достоинству и содержанию, проникнуты однимъ общимъ убѣжденіемъ въ необходимости дѣйствовать рѣшительно противъ настоящаго, печальнаго положенія дѣлъ въ Россіи. Мысль объ областномъ самоуправленіи особенно серьезно занимаетъ всѣхъ.

“Изъ прочтанныхъ проэктвъ, самый лучший принадлежитъ князю Петру Петровичу Гурькѣ,† который очень умно изложилъ всю побудительность причинъ просить государя о дарованіи равенства правъ крестьянству и дворянству. Его предложеніе было принято съ горячимъ сочувствіемъ, при громѣ рукоплесканій; за тѣмъ рѣшено—просить государя, о чемъ 11 Декабря состоялся уже журналъ”.

Съ глубокой радостью печатаемъ мы эти строки, желая пайти въ движеніи дворянства залогомъ великаго спокойнаго развитія. Мы убѣдительно просимъ поскорѣе извѣстить насъ въ чемъ именно заключается проэктъ, въ чемъ состоитъ уравненіе правъ крестьянства и дворянства. Мы не можемъ не сочувствовать и тому, что смоленское дворянство воздержалось отъ прошенія себѣ какихъ нибудь особыхъ дворянскихъ сословныхъ правъ, потому что твердо убѣждены, что русская свобода можетъ быть основана только на одномъ общемъ, безсословномъ правѣ, что правительство легко откажетъ въ особыхъ правахъ одному сословію, опираясь на другое, или говоря просто: легко откажетъ дворянству, имѣя возможность возбудить противъ него крестьянство; но отказать въ общемъ правѣ всему русскому народу—оно не въ силахъ.

Но еще насъ бережетъ раздумье: какъ-же проэктъ смоленскаго дворянства рѣшаетъ поземельный вопросъ? Отданы-ли земли крестьянамъ? Вѣдь это главное; безъ этого юридическое уравненіе передъ закономъ останется голословіемъ.

Нетерпѣливо ожидаемъ дальнѣйшихъ извѣстій.

* Въ Полн. Вѣд. было напечатано, что студенты съ палками напали на жандармовъ, что они были вооружены палками и кинжалами. Рассказывали гораздо хуже этого.

† Мы оставляемъ на отвѣтственности независимаго корреспондента правдивость фактовъ и вѣрность извѣстій.

СМѢСЬ.

АНТОЛОГІЯ ИЗЪ РУССКИХЪ ГАЗЕТЪ.

Генералъ-майоръ, князь М. Друцкой Соколинскій въ качествѣ волынскаго губернатора отличился замѣчательно краснорѣчивымъ циркуляромъ, котораго окончаніе мы перепечатываемъ:

“Въ настоящее время, до моего свѣденія доходитъ, что со стороны польскаго населенія и, даже, со стороны лицъ, занимающихъ высшее мѣсто въ обществѣ, г. полицейскіе чиновники подвергаются упрекамъ за донесенія по начальству о противу-правительственныхъ дѣйствіяхъ, совершаемыхъ неблагонамѣренными, легкомысленными лицами; вслѣдствіе чего, я нужнымъ считаю сообщить вамъ, для передачи подчиненнымъ вамъ гг. полицейскимъ чиновникамъ, что если кто изъ нихъ получитъ упрекъ за исполненіе ихъ обязанностей, то, не входя ни въ какія пренія съ лицами позволившими себѣ относиться съ упреками, отвѣчать:

“Милостивый государь, вамъ гораздо легче, удобнѣе и полезнѣе для края прекратить неимѣющія смысла и противузаконныя дѣйствія, нежели намъ, служащимъ чиновникамъ, въ угожденіе вамъ, нарушить присягу, долгъ службы и еще подвергнуться отвѣтственности и, даже, лишиться службы. Нарушить законныя порядки, и требовать, чтобы официальные лица, обязанные охранять его подъ личною отвѣтственностію, смотрѣли на то сквозь пальцы—неблагородно. Прекратите ваши противу-правительственныя, неимѣющія смысла манифестаціи, и мы не будемъ поставлены въ прискорбное положеніе представлять о васъ начальству”.

Генералъ-майоръ, князь М. Друцкой Соколинскій

(Бѣв. Тел.)

Этотъ chef d'oeuvre напомнилъ намъ другое художественное произведеніе, величайшаго мастера десногическихъ дѣлъ и изобрѣтателя разныхъ полицій—императора Николая Павловича. По счастью мы нашли его между старыми бумагами. На николаевскую тему, вотъ какія варіаціи компоновалъ Бенкендорфъ (Premier violon имперіи).

Исправляющій должность московскаго военнаго генералъ-губернатора объявилъ жителямъ Москвы 27 Мая 1839 года.

“Во исполненіе Высочайшей Государя Императора воли сообщенной мнѣ г. генералъ-адъютантомъ графомъ Бенкендорфомъ, честь имѣю объявить во всеобщее свѣденіе жителямъ московской столицы слѣдующее:

“При съѣздахъ и стеченіи народа на парадахъ, публичныхъ гуляньяхъ, у театровъ и другихъ случаяхъ, гдѣ наряжаются жандармы для соблюденія порядка, не смотря на всѣ строгія подтвержденія полиціи, нерѣдко случается, что лакеи, кучера и форейторы, будучи остапавливаемы жандармами, позволяютъ себѣ дерзкое противъ нихъ обращеніе, не столько изъ намѣренія оскорблять ихъ, какъ отъ незнанія, *какую заключаетъ въ себѣ важность жандармъ*, поставленный на опредѣленное мѣсто. Для отвращенія сего, Государь Императоръ *Высочайше повелѣть соизволилъ*, чтобы жандарма, поставленнаго начальствомъ для сохраненія порядка, считать отпущеннымъ часовымъ и какъ строгость военныхъ законовъ означаетъ въ часовомъ лицѣ неприкосновенное, то малѣйшее ослушаніе противъ жандармовъ, или другихъ чиновъ полиціи, которые поставлены на своихъ мѣстахъ по распоряженію

высшаго начальства, будет подвергнуто строжайшему взысканію; а лакеи, кучера и форейторы въ случаѣ неповиновения, отдаваемы будутъ безъ зачета въ рекруты.”

— *Позднее раскаяніе и грозный советъ.* — Въ 82 N. Виленьскаго Вѣстника помѣщена статья изъ *Каменца Подольскаго*, въ которой находится слѣдующее чрезвычайно интересное мѣсто:

“Мы много виноваты передъ нашими крестьянами, т. е. нашими младшими братьями, особенно въ томъ, что не позаботились нисколько объ ихъ нравственномъ образованіи, имѣя къ тому всѣ средства. не постарались съ ними сблизиться и заслужить ихъ довѣріе—послѣдняго мы теперь и не имѣемъ другъ другу, а потому вынуждены и надлежало искать другой дороги, соотвѣтственно обстоятельствамъ, чтобы согласиться съ ними.

“Не смотря на то, что свобода дана правительствомъ крестьянамъ, вслѣдствіе единодушнаго желанія всѣхъ почти литовскихъ помѣщиковъ, однако крестьяне наши, по большей части убѣждены, что въ интересѣ помѣщиковъ было и есть удержать ихъ въ крѣпостномъ состояніи: убѣжденіе это есть естественное слѣдствіе стариннаго недовѣрія.

“Съ этой точки зрѣнія крестьяне смотрятъ на все, что для нихъ ни дѣлается въ настоящую пору, подозрѣвая въ каждомъ хорошемъ для нихъ распоряженіи участіе правительства, и притомъ думаютъ, что это распоряженіе едва на меньшую половину исполняется, а въ большей части оно остается скрытымъ для пользы помѣщиковъ.

“Все, что мы не сдѣлаемъ для матеріальнаго улучшенія быта крестьянъ, особенно при нынѣшнихъ отношеніяхъ, именно прежде, чѣмъ эти отношенія будутъ установлены уставными грамотами всѣ эти пожертвованія въ пользу ихъ—будутъ сочтены ими за неизбежную необходимость, которой мы уступаемъ поневолѣ, а не добровольно”.

За то въ той-же газетѣ г. *Надалица* возбуждаетъ такимъ образомъ вниманіе бдительнаго начальства на кievскую молодежь.

“Есть мѣстности, въ которыхъ нацѣются окончить это дѣло, (написаніе уставныхъ грамотъ и переводъ крестьянъ на оброкъ) понововно, но есть и такія, въ которыхъ крестьяне не хотятъ приступать рѣшительно ни къ какимъ обязательствамъ, и удерживаютъ другъ друга отъ подписки уставныхъ грамотъ. Между ними ходитъ молва, будто-бы, по истеченіи двухъ лѣтъ, выйдетъ новое положеніе, въ силу котораго они получатъ безусловное право на владѣніе землею и такое-же право на пользованіе лѣсами. По этому, они не хотятъ приступать къ какимъ-либо условіямъ; они убѣждены, что подписка условій спутааетъ ихъ, и что, потомъ, подписавшіе будутъ лишены тѣхъ правъ, какія будутъ предоставлены впоследствии, и что даже они могутъ быть обращены снова въ крѣпостное состояніе. Бывали такіе случаи, въ которыхъ проглядывали коммунистическія начала. Такъ, на примѣръ, въ одномъ помѣстьи, находящемся въ кievскомъ уѣздѣ, крестьяне не хотѣли подписать уставной грамоты, поставляя на видъ то обстоятельство, что было-бы несправедливо оставить помѣщику половину всего количества земли, потому, что у него въ семействѣ находится только четыре души. Вслѣдствіе такого упорства, губернское присутствіе вынуждено было издать постановленіе о введеніи *либстными властями* уставныхъ грамотъ тамъ, гдѣ нѣтъ на это согласія со стороны крестьянъ.

“Обстоятельство это указываетъ на необходимость скорѣйшаго прекращенія обязательныхъ отношеній, потому, что они раздражаютъ обѣ стороны, мѣшаютъ прочному устройству хозяйства на основаніяхъ вольнаго труда, замедляютъ исходъ крестьянскаго дѣла и даютъ возможность извращать понятія однихъ людей другими, которые сами не знаютъ куда идутъ, воплывая близинныхъ разными идеями. Мы никогда не поддавались постороннему влиянію, мы всегда стояли за уничтоженіе крѣпостнаго права, которое, въ современномъ строѣ общества, было позорнымъ пятномъ. Нельзя не признать той готовности и тѣхъ пожертвованій, которыми отличались здѣшніе помѣщики, при устройствѣ крестьянскаго быта на нынѣшнихъ основаніяхъ. Помѣщики сдѣлали значительныя уступки, они отдали почти половину своего имущества. до сихъ поръ многие изъ нихъ продолжаютъ пожертвованія, а многие пришли уже въ упадокъ, безъ надежды поправиться когда-нибудь. Почему-же отыскиваются такіе люди, которые все это считаютъ ничѣмъ, и подбиваютъ крестьянъ къ мстительности и къ домогательствамъ, превосходящимъ всякую справедливость? Во всемъ этомъ нѣтъ никакого смысла, есть только много злобы. Мы не одобряемъ въ особенности тѣхъ средствъ и путей, которыя избираются пропагандой. Если уже противудѣйствовать, то надобно противудѣйствовать открыто и благородно. Мы обращаемся въ особенности, къ кievской молодежи и тѣмъ исключительнымъ личностямъ, которыя такъ далеко зашли въ своихъ убѣжденіяхъ, что мы не можемъ пзмѣрить пропасти, разделяющей насъ съ ними. Напоминаемъ имъ, чтобы они не вели съ нами скрытой борьбы. Она не принесетъ никому чести, въ особенности она недостойна молодаго сердца. Долгъ каждого—примирять, сблизжать и соединять.”

— *Свѣтская и духовная дѣятельность пермскаго губернатора.*— “Г. Начальникъ пермской губерніи присугствію пермскаго губернскаго правленія изволилъ отозваться, что имъ замѣчено, что многие гражданскіе чиновники дозволяютъ себѣ ношеніе усовъ и бороды, одни изъ нихъ отзываются неувѣденіемъ закона, воспрепятствующаго ношенію усовъ и бороды, а другіе отвергаютъ его существованіе. Между тѣмъ въ приложеніи къ статьѣ 975 положенія о форменной одеждѣ гражданскихъ чиновъ имперіи, въ статьѣ 71-и сказано: гражданскимъ чиновникамъ вообще воспрещается носить усы и бороду. Почему его превосходительство и предложилъ губернскому правленію, сдѣлать распоряженіе о точномъ исполненіи вышеизложеннаго закона гражданскими чиновниками. Вслѣдствіе настоящаго предложенія г. начальника губерніи, губернское правленіе постановленіемъ составившимъ 10-го Октября, опредѣлило, о точномъ соблюденіи гражданскими чиновниками 71 ст. сказаннаго узаконенія, припечатать въ Пермскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ для всеобщаго свѣденія.

— “По случаю предстоящаго, 3го Октября, 25ти лѣтняго юбилея высокопреосвященнаго Иеофита, въ Архіерейскомъ санѣ, имѣютъ быть слѣдующія *духовныя торжества*:

“30-го Сентября, въ Крестовой церкви, въ 5 часовъ по полудни, подносима являть купцами Каменскими съ ихъ родственникомъ, икоца Пверской Божіей Матери, копия съ находящейся въ Москвѣ, будетъ внесена въ храмъ и послѣ малой вечерни, окропится Его Высокопреосвященствомъ св. водою; такъ-же, за всепощною, будетъ акаѣнствъ Божіей Матери.

“1-го Октября и на другой день икона останется въ крестовой церкви, для поклоненія.

“2-го Октября — Торжественная всепопная, съ службою святителямъ: Арсенію Тверскому, Николаю Чудотворцу и Стефану Великопермскому, преемственно покровительствовавшимъ Архіерейскому служению нашего архипастыря въ Твери, Вяткѣ и Перми.

“3-го Октября, въ день юбилея, предъ литургіею, будетъ торжественно перенесена икона Иверской Божіей Матери изъ Крестовой церкви въ теплый соборъ. При этомъ понесутся богатое евангеліе, приносимое самимъ преосвященнымъ мѣстному собору въ даръ, mitra, къ этому времени приготовленная, архіерейское облачение и панагій — жертва благодарности Богу отъ мѣстныхъ жителей за пастыря доброго и на память событія. Преосвященный будетъ шествовать въ новый мантии, подносимой усердіемъ духовенства и семинаріи.

“Послѣ литургіи — благодарственный молебень, съ многослѣтнемъ благополучно царствующему государю императору Александру Николаевичу и молитвами за въ бозѣ почивающаго императора Николая I, повелѣніемъ коего преосвященный Неофитъ призываетъ на высокое архипастырское служеніе.

“За тѣмъ, присутствующими принесено будетъ преосвященному поздравленіе въ его покояхъ. Гг. служащие приглашаются быть въ чинахъ.

“О семъ по приказанію г. военного губернатора, объявляется, съ тѣмъ, чтобы желающие выразить чувства уваженія къ достойному Архипастырю и высокому служенію его въ теченіи четверти столѣтія на архіерейской кафедрѣ, могли быть при означенныхъ торжествахъ.”

Исправ. долж. полицій-мейстера А. Кузнецовъ.

— *Еще о Генералъ-Адмиралѣ.* — Намъ очень жаль, но мы должны отказаться отъ помѣщенія послѣднихъ свѣдѣній, о Генералъ-Адмиралѣ, о поведеніи *Шестакова, Штофрегена* и пр. Факты приводимые въ письмахъ, не выходятъ изъ общаго уровня безчеловѣчнаго обращенія съ низшими чинами и грубаго съ офицерами. Мы говорили объ нихъ, нашіе защитники Шестакова, защитники вызвали рядъ писемъ еще болѣе обличительныхъ, мы упомянули и объ нихъ. Если морское вѣдомство хотѣло обратить вниманіе, оно могло; для большинства читателей интересъ исчерпанъ.

Кореспондентамъ нашимъ со стороны истязаемыхъ, мы можемъ сказать въ утѣшеніе, что слухъ объ уничтоженіи тѣлесныхъ наказаній въ войскахъ и во флотѣ подтверждается. Не только Константинъ Николаевичъ, но и послѣдніе говорятъ за отмену ихъ.

— *Можно-ли спѣчь тѣхъ, кого нельзя спѣчь?* Этотъ трудный юридическій вопросъ очень усильно повельно высочайше разъяснить въ главномъ комитетѣ объ устр. сел. с. 27 Ноября такимъ образомъ: “что мировые посредники не могутъ, на основаніи ст. 32 полож. о учрежд. по крест. дѣл., присуждать къ тѣлесному наказанію мѣщанъ, а также вообще тѣхъ лицъ податнаго состоянія, которыя отъ сего изъяты, въ силу правъ, въ общемъ законѣ установленныхъ. Въ случаѣ виновности мѣщанъ и упомянутыхъ лицъ по дѣламъ, подсуднымъ мировымъ посредникамъ, они присуждаются къ денежному взысканію или аресту, въ предѣлахъ указанныхъ въ 32 ст. полож. о учрежд. по крест. дѣл.”

А видно до 27 Ноября продолжались счастливыя времена равенства передъ розгой, и драли всѣхъ безъ разбора!

— “*Подчиненные* давали обѣдъ своему прежнему начальнику.” — Такъ говорятъ *Спб. Вѣдомости* объ обѣдѣ, который давали Остзейцы князю Суворову. Не дурно было бы, чтобы къ тысячелѣтнему возрасту нашъ печатный языкъ не такъ рѣзко напоминалъ-бы намъ учтивость передней и почтительность повѣты. Журналъ, такъ хорошо понимающій тысячелѣтіе какъ *Спб. Вѣдом.*, долженъ подавать примѣръ. Что значитъ слово *подчиненный* въ отношеніи къ неслужащему гражданину? Подчиненный неслужащій значитъ *покоренный*. Такъ *Золотоордынскія Вѣдомости* могли сказать, что такого-то числа “подчиненные великіе князья россійскіе давали попойку Батыю при его отъѣздѣ въ столицу.” Вообразите на минуту, что было-бы въ Лондонѣ, еслибы послѣ какого-нибудь обѣда, даннаго Лордомъ-майоромъ и обществомъ — Гладстону или Росселю, *Times* сказалъ бы. “что графской готова и другіе подчиненные министра давали ему прощальный обѣдъ.” Ну вообразите!... Или почему, по поводу Суворовскаго обѣда, не сказать съ военной откровенностью — “*Покоренные* остзейцы давали главноначальствовавшему непріятельской арміей въ ихъ краѣ обѣдъ въ благодарность, что онъ не такъ изрядно воевалъ *Лифляндю* какъ графъ Шереметевъ при Петрѣ I.”

Неужели наши отцы-учители нѣмцы не протестовали противъ подлаго слова подчиненныхъ?

— *Второй разъ.* — Въ прошломъ листѣ мы просили русскихъ живущихъ въ Англіи сообщить намъ имя злодѣя-капитана какого-то русскаго судна, истязавшаго ребенка въ Гулль. Неужели его поступокъ находить или такое сочувствіе или такое равнодушіе, что никто не далъ себѣ труда исполнить нашу просьбу. — *Ред.*

— **ОБЪЯВЛЕНИЕ.** — Въ концѣ 1860 года, тогдашній владѣлецъ книжнаго магазина А. Франка, г. Фивегъ, основатель журнала *Будущность*, кою я былъ редакторомъ; нынѣ книжный магазинъ А. Франка поступилъ во владѣніе г. Герольда, который объявилъ мнѣ, что не можетъ издавать журнала, непріятнаго русскому правительству. Не раздѣляя ничало вѣрнопопдавиическихъ чувствъ швейцарскаго гражданина Герольда къ Голштейнъ-Готторпской фамилии, я отвѣчалъ ему, что онъ можетъ искать себѣ другаго редактора. а я черезъ нѣсколько времени, буду издавать другой журналъ, о чемъ и будетъ объявлено при выходѣ перваго Но. Теперь съ изданіемъ 25 Но. *Будущности*, прекращаю свое участіе въ ея изданіи, прерываю всякія сношенія съ г. Герольдомъ и прошу моихъ пріятелей и корреспондентовъ не пересылать мнѣ черезъ книжный магазинъ А. Франка, ни писемъ ни статей.

Могу увѣрить петербургское правительство, что оно меня не запугаетъ и молчать не заставитъ ни подъ какимъ видомъ.

Парижъ, rue Miromesnil, 12,
15 Января 1862 года.

Князь Петръ Долгоруковъ.

— *Обмѣнъ журнала.* — Съ нынѣшняго года мы будемъ посылать постоянно въ редакцію *Сѣверной Почты Колоколъ*; благоволитъ оная редакция, въ обмѣнъ высылать *Сѣверную Почту* въ Русскую Типографію въ Лондонѣ, 136 & 138 Caledonian Road, N.

У С. Тхоржевскаго, 1, Macclesfield Street, Gerrard Str, Soho, W., и Н. Трибнера, 60, Paternoster Row. Е. С., продается фотографическій портретъ М. А. БАКУНИНА, работы Мейяля.

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи — 136 & 138 Caledonian Road, London, N.

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM,

КОЛОКОЛЪ

VIVOS VOCO!

Выходить два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ.
Цѣна (за двойной листъ) 1 ш. Получается въ
Вольной Русской Типографіи—136 & 138,
Caledonian Road, N.

Листъ 122 & 123.

15 Февраля 1862.

(WITH SUPPLEMENT NO. 4.)

У Трибнера & Со., въ книжной лавкѣ,
60, Paternoster Row, и у Tchorzowski,
1, Macclesfield Street, (Gerrard Street),
Soho, London. Price One shilling.

ОГЛАВЛЕНІЕ—ХОДЪ СУДЕБЪ—Сказаніе о безднѣнскомъ побойщѣ. Смысь. Капитанъ-папачъ—Письмо Ф. И. Лезбера—Политическое преслѣдованіе въ Пруссіи—
Дворянская Крамола—Придворныя извѣстія—Князь-внучъ—Олигархъ Павловъ—Тонъ русскихъ газетъ—О считаніи Н. И. Огарева вѣчнымъ изгнанникомъ—
Не будь ни А—Целесовъ ни Павловъ—Возобновленіе клеѣма—Полтавская битва за уставную грамоту—Помѣщикъ Ревуть—Статья М. А. Бакунина.

ХОДЪ СУДЕБЪ.

Народъ стоялъ въ недоумѣніи: въ “Положеніи” сказано, что земля есть собственность помѣщика, а усадьба и надѣлы давы крестьянамъ въ безсрочное пользованіе. Что-же это такое? Если человѣкъ пользуется чѣмъ-нибудь, то-есть владѣть вещью безсрочно, навсегда и никто у него не можетъ ее отнять—вѣдь это-то и значить собственность. Померъ человѣкъ—вещь переходитъ въ семью, а нѣтъ семьи—переходитъ въ міръ. А земля, какъ достояніе мірское, всегда переходитъ въ міръ. Отъ этого, пока человѣкъ живъ и несетъ тягло, то-есть владѣть землей, онъ несетъ и мірскую тягу, то-есть платитъ подать. Теперь, земля усадебная и полевая, которою міръ и прѣжъ сею всегда владѣлъ, какъ своимъ мірскимъ дѣдовскимъ наслѣдіемъ, отдана міру въ безсрочное пользованіе, чтобъ онъ и владѣлъ ею навсегда, стало она его собственностью. А такъ какъ эта земля русская, то міръ и долженъ за нее нести тягу на общую нужду всего русскаго народа, стало и долженъ платитъ подать въ казну, наравнѣ со всѣмъ крестьянствомъ и людемъ русскимъ. Съ чего-же выдумали, будто за землю, которая міру дана во владѣніе навсегда, надо еще оббывать барщину, да платитъ оброки, да еще и землю урѣжутъ въ пользу помѣщика, да еще и оброкъ повысятъ; а тамъ твою-же усадьбу, которая была у тебя въ пользованіи за всегда, покупай въ три дорого особо, и надѣлы, который вѣчно были мірской, міромъ покупай особо. Были-же они у крестьянъ во владѣніи за всегда и оставлены имъ въ угодье безсрочно: стало это тоже что собственность, а не наемъ какой, гдѣ ты нанялъ на срокъ, а послѣ срока и отдай хозяину, или хочешь купить, такъ торгуйся съ хозяиномъ и покупай какъ знаешь. Нѣтъ! Это не настоящая воля. Настоящая воля: владѣй всей землей какою владѣлъ, управляйся міромъ да мірскими выборными, а подать міромъ и взыскивай съ кого слѣдуетъ по тяглу и плати въ казну на общіе расходы цѣлой Россіи. Царь хотѣлъ дать настоящую волю, а это дворяне выдумали, что земля ихъ собственность и подавали имъ барщину да оброки, да еще большой выкупъ за усадьбу особо, да за надѣлы особо, да еще земли у міра урѣжутъ. Чтожъ? думаетъ народъ, тутъ что-нибудь да не ладно. Потерпимъ, подождемъ,

царь увидитъ правду, возметъ дворянъ себѣ на жалованье, а народу сельскому дастъ другую волю, настоящую.

Первымъ отвѣтомъ на эту вѣру народную въ царя было то, что въ Казани царскій генералъ, съ солдатами, мужика Антона Петрова застрѣлилъ, да съ нимъ больше сотни человѣкъ перестрѣлилъ; въ Пензѣ ни вѣсть сколько народу войскомъ перегубили и вездѣ по всей Россіи—гдѣ перестрѣляли безоружныхъ крестьянъ, а гдѣ перепороли. Палачество да и только!

Задумался народъ, а все вѣры въ правду царскую не теряетъ. Потерпимъ, говорить, подождемъ; все-же въ сдѣлкахъ ни въ какія съ дворянами не пойдемъ; а будемъ отстаивать себя чѣмъ богъ послалъ, гдѣ волюстнымъ сходомъ, гдѣ мировымъ посредствомъ; придетъ время—царь дастъ другую волю, настоящую.

Стали дворяне роптать, что все чѣмъ хорошаго помѣщикъ придумаетъ—народъ говорить, что это правительство захотѣло; а чѣмъ дурнаго произойдетъ отъ властей—народъ говорить, что помѣщикъ виноватъ.

Разсердился государь. Лѣтомъ самъ поѣхалъ, собиралъ въ разныхъ мѣстахъ старшинъ мірскихъ и говорилъ, что никакой другой воли народу не дастъ кромѣ того полу-рабства, чѣмъ въ “Положеніи” придумано. Мало того, зимою приказалъ министру написать всѣмъ губернаторамъ, чтобъ велѣли сказать народу и пропечатать-бы, что никакой другой, настоящей воли народу не будетъ. Вотъ что писалъ министр:

“ЦИРКУЛЯРЪ Г. МИНИСТРА ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ ГГ. НАЧАЛЬНИКАМЪ ГУБЕРНІИ, ОТЪ 2-ГО ДЕКАБРЯ 1861 ГОДА NO. 70.”

“Изъ доходящихъ до министерства внутреннихъ дѣлъ свѣдѣній о Положеніи крестьянскаго дѣла видно, что дальнѣйшему успѣшному ходу его, и въ особенности составленію уставныхъ грамотъ, во многихъ мѣстахъ, препятствуютъ распространившіеся между крестьянами превратныя толки и укоренившіяся въ нихъ ложныя надежды.—Они ожидаютъ такъ-называемой ими, новой воли, съ объявленіемъ которой, по истеченіи двухъ лѣтъ, они получаютъ будто-бы какія-го новыя льготы, въ “Положеніяхъ” 19-го Февраля неуказанныя и отъ пользованія коими будто-бы будутъ устранены крестьяне, заключившіе добровольныя сдѣлки съ помѣщиками и подписавшія уставныя грамоты. Для прекращенія такихъ ложныхъ ожиданій, государю императору благоугодно было, во время путешествія въ Крымъ, неоднократно, и въ разныхъ мѣстахъ, гдѣ его императорскому величеству были представляемы старшины обществъ временно обязанныхъ крестьянъ, лично разъяснять имъ сущность дѣла, и напоминать о лежащихъ на нихъ обязанностяхъ. Государь императоръ, въ такихъ случаяхъ, соизволяетъ говорить крестьянамъ что никакой другой

воли не будетъ, кромѣ той, которая дана, и потому крестьяне должны исполнять то, чего требуютъ отъ нихъ общезаконны и Положенія 19-го Февраля.

По высочайшему повелѣнію, покорнѣйше прошу ваше превосходительство сообщить всѣмъ мировымъ посредникамъ, чтобы они объявили о таковыхъ высочайшихъ отзывахъ волостнымъ правленіямъ, и, при всякомъ случаѣ, въ своихъ объясненіяхъ съ крестьянами, положительно указывали на слова, которыя крестьяне некоторыхъ губерній имѣли счастье непосредственно слышать отъ государя императора.

Настоящій циркуляръ вы, кромѣ-того, не оставите напечатать въ "Губернскихъ Ведомостяхъ".

Пуще прежняго народъ призадумался. Стало и въ правду царскую вѣрять не приходится. Не даромъ въ писаніи сказано: не надѣйтесь на князеви. Видно царь не народный царь, а дворянскій царь. Какъ-же тутъ быть? Не скоро ума приложитъ.

А между тѣмъ и дворянамъ туго пришлось. Хотя и сказали царь въ своей рѣчи ко дворянству, что онъ "самъ первый дворянинъ въ государствѣ", стало заявилъ себя какъ есть, что онъ хочетъ быть главою дворянскою, а не народною; а все-же онъ первый сталъ отмѣнять крѣпостную кабалу. Правда отмѣнилъ онъ ее такъ, что никто не знаетъ ни чѣмъ теперь дѣлать, ни чѣмъ впередъ будетъ; а выходить все-же, что крѣпостному рабству отнынѣ на Руси не бывать и сызнова во вѣки вѣковъ не возвращаться. Задумалось и дворянство, стало смекать; чѣмъ оно теперь такое значить? Чѣмъ это такое за сословіе дворянское? Стало смекать и пошло въ разнополосицу.

Старые бары осердчали; мы, говорятъ, вѣкъ свой и предки наши царямъ службу служили, и кровь свою за нихъ и за отечество—вогъ хотя въ 12-омъ году—проливали; нельзя нашихъ правъ отнять, нельзя нашей земли отдать мужикамъ необразованнымъ. Одакихъ старыхъ господъ, народу лихо-дѣевъ, число не малое. Что-же, говорятъ они, мы теперь станемъ безъ крѣпостныхъ? Если уже у насъ людей и землю отнимаютъ, то давай намъ право однимъ заправлять всѣмъ государствомъ.

Другіе молодые—правда не много ихъ, но со дня на день понаберется и побольше—тоже осердчали, только не за дворянъ а за народъ и говорятъ старымъ барамъ: куда вамъ заправлять государствомъ? Вы только думаете, что вы образованные, потому что въ военныхъ да въ штатскихъ мундирахъ ходите, а на дѣлѣ то у мужика, котораго вы необразованнымъ называете, смыслу по больше чѣмъ у васъ. Чѣмъ вы кичитесь, что цари вамъ и предкамъ вашимъ народную землю пораздавали и самый народъ вамъ въ крѣпость отдали, за то, чтобы вы народныя трудовыя деньги долею себѣ брали, а больше бы въ царскую казну доставляли? Чѣмъ вы кичитесь, что вы въ 12-омъ году жертвовали? Правда жертвовали вы и своей кровью, а еще больше кровью своихъ крѣпостныхъ людей, да деньгами съ крестьянъ собранными. Какая честь въ томъ, что вы до сихъ поръ только и дѣлали, что по милости царской народъ обирали? Какая честь въ томъ, что васъ называли дворянами, то есть царскими дворовыми людьми, иначе опричниками, а по просту сказать чиновниками? Что за честь, что когда цари стали называться по нѣмецки императорами, то и васъ одѣли въ нѣмецкое платье, для различія—что въ нѣмецкомъ платьѣ человекъ баринъ, его жалуютъ и жалованьемъ и помѣстьями; а въ чепанѣ человекъ рабъ, его сѣкутъ, обираютъ и отдаютъ въ крѣпость? Чѣмъ-бы васъ ни жаловали, жалованьемъ или помѣстьями, все равно вы чиновники. Вы и до сихъ поръ одни всѣмъ заправляли и грабили и довели

русскую землю до раззоренія. Пора перестать управляться чиновниками, а начать управляться всему народу русскому своими выборными людьми, какъ встарь было то татарь и до царей. Пора жить по человѣчески—землю народную обратно народу и отдайте и сами за одно съ народомъ трудитесь, и что вашъ голосъ на волостныхъ сходахъ, что крестьянскій голосъ все одну-бы силу имѣлъ, ни больше ни меньше, и чтобы названье дворянина исчезло-бы на вѣки и быть-бы только одинъ народъ рускій, одно земство, и управлялся-бы сообща по селамъ и городамъ своимъ миромъ, и сѣзжался-бы по волостямъ, гдѣ пайдетъ нужнымъ, обсуждать чего ему надо, чѣмъ переменить, чѣмъ оставить по старому. Чтобы каждый человекъ свободно молился-бы своей вѣрѣ; свободно учился-бы всякому ремеслу и всякой грамотѣ въ какой школѣ захочетъ, судился-бы одинакимъ судомъ, не крестьянскимъ или дворянскимъ, а единымъ для всѣхъ равнымъ; торговалъ-бы чѣмъ кто захочетъ безъ запрѣга и подать всѣ-бы платили паравѣ. Да чтобы подать эту назначалъ не царскій дворянинъ и чиновникъ, не министръ какой, а была-бы она опредѣлена на сходахъ народныхъ, по нуждѣ общей и по мнѣнію мірскому.

Такихъ изъ дворянъ не много, которые такъ думаютъ. А все-же есть, и все-же ихъ прибываетъ и народъ мало по малу узнаетъ, что это его люди, сердцемъ искренніе и мыслью праведные. А по большей части во дворянствѣ люди жедоумны. Они и къ старымъ барамъ не тянутъ, потому что видятъ ихъ дѣло и несправедливо и не разумно; начался народъ освобождаться—останавливать его, задерживать въ крѣпости, не отдать ему его земли и не дать ему управляться по своему—какъ-бы самимъ голову не сложить. А отъ людей праведныхъ они тоже поотстали, ужъ больно своего богатства да приволья жалко. Такихъ междоумковъ во дворянствѣ всего больше. Только не знаютъ они какъ имъ быть и куда пристать. Приволье то дворянское съ каждымъ днемъ все меньше и меньше становится. Прежде можно было кой-какъ землю обрабатывать барщиной или оброкомъ жить; теперь народъ на барщину идетъ плохо, на оброкъ неидетъ вовсе, уставныхъ грамотъ, т. е. кабальныхъ записей, не подписываетъ. Прежде можно было помѣщику помѣстье заложить и перезаложить въ казенныя опекунскіе совѣты и приказы; а теперь казна перестала ссужать. Царскіе министры придумали: депыи, что въ совѣтахъ и въ приказахъ лежатъ взять въ займы въ казну и выдать вкладчикамъ, тѣхъ денегъ хозяевамъ, казенныя заемныя расписки, облигаціи; а для ссуды помѣщикамъ пусть богатые люди сберутся промежь себя въ компаніи и выдають свои деньги подъ залогъ какъ знаютъ. А про ссуды крестьянамъ царь съ министрами не подумали. Только оказалось, что и людей то съ большими деньгами нѣтъ; а у которыхъ, у немногихъ онѣ и водятся, то тѣ, подъ помѣщичьи залогъ, не разкошелятся: дѣло невѣрное, доходовъ у помѣщичьихъ пѣгъ, работы остановились; свои мужики на работу неидутъ, потому что все-же вольные, а чужихъ нанять нельзя, потому что все-же всѣ крѣпостные. никто свободно на заработокъ идти не можетъ. Видятъ междоумки-дворяне ихъ дѣло плохо; что они не бары—это они поняли. Поняли, что они всѣ были чиновниками, только не на жалованьи, а на помѣстьяхъ, вѣсто жалованья получили помѣстья за то, чтобы управлять народомъ. Теперь у нихъ помѣстья отходятъ, стало все равно они чѣмъ чиновники въ отставкѣ, безъ мѣста. Что-же они такое? Все тоже чѣмъ всякій человекъ, который не

чиновникъ—они то-же что народъ. По неволѣ придется и междоумкамъ пристать къ людямъ искреннимъ и просто стать наравнѣ и за одно съ народомъ. Только какъ-же это сдѣлать?

А царь испугался, что дворянство думаетъ, что переставши быть барами, оно перестанетъ быть особымъ сословіемъ, дворянскимъ. Велѣлъ министру ихъ утѣшать. Министръ въ своей газетѣ, въ “Сѣверной почтѣ”—и велѣлъ напечатать слѣдующее:

“По случаю происходящихъ въ разныхъ губерніяхъ дворянскихъ губернскихъ выборовъ, въ нѣкоторыхъ газетахъ напечатаны статьи, въ которыхъ обсуживаются вопросы о значеніи дворянства послѣ изданія положенія 19-го Февраля, и о тѣхъ предположеніяхъ, которые по сему поводу могли-бы быть представляемы губернскими дворянскими собраниями на усмотрѣніе правительства. Въ нѣкоторыхъ статьяхъ развивается мысль, что съ отмѣною крѣпостнаго права, русское дворянство утратило отдѣльное значеніе въ ряду государственныхъ сословій, и само должно заявить объ этой утратѣ. Подобныя статьи не выражаютъ мысли правительства, не согласны съ точнымъ смысломъ новыхъ узаконеній, и не соотвѣтствуютъ правильному развитію происходящихъ отъ нихъ послѣдствій. Высочайше утвержденнымъ положеніемъ 19-го Февраля только отмѣнено, согласно съ желаніемъ самого дворянства и при его содѣйствіи, крѣпостное право на дворовыхъ людей и на крестьянъ, водворенныхъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ. Русское дворянство, сохраняя вѣковечную память о своихъ подвигахъ на полѣ войны и на поприщѣ гражданскихъ заслугъ, не могло и не можетъ признавать крѣпостнаго права кореннымъ условіемъ своего существованія. Оно приняло, согласно съ указаніями высочайшей воли государя императора, ревностное участіе въ дѣлѣ отмѣны этого права, и нынѣ конечно не забудетъ, что оно призвано не къ самоуничтоженію, но къ дальнѣйшему непосредственному участию при введеніи въ дѣйствіе тѣхъ законоположеній, которыми означенное право навсегда отмѣнено.

Стало царь хочетъ, чтобъ дворянство осталось особо отъ народа, потому что дворянскіе предки отличались заслугами на царской службѣ. А какія-же это были заслуги? Кромѣ рѣдкихъ людей, которые отличались на защитѣ отечества, гдѣ они? Да и тѣ не всѣ изъ дворянъ: если были въ старые времена Пожарскій изъ князей, то рядомъ съ нимъ стоитъ и Мининъ изъ мѣщанъ. Если были въ новыя времена изъ государственныхъ людей умные люди — то кого ни возьми—Меньшиковъ, при Петрѣ первомъ, изъ блинниковъ, Сперанскій при Александрѣ Павловичѣ—изъ поповичей. А большая то часть пала во дворянство разжившись на службѣ, то есть грабежомъ. Инымъ роздали помѣстья за убійство Петра III. По этимъ-ли по заслугамъ надо дворянству оставаться особымъ сословіемъ? И чего-же царь испугался, что дворянство перестанетъ быть особымъ сословіемъ? Попятно чего — перестанетъ человекъ быть дворяниномъ, перестанетъ быть и чиновникомъ. Кѣмъ-же народомъ то заправлять? Придется народу позволить управляться самому собою—а этого то властямъ и не хочется.

Да можетъ и позновато принялись петербургскія власти утѣшать русское дворянство. Не туда его тянетъ. Перестаетъ быть лестнымъ дѣло чиновничье, подвластное и нечестное; перестаетъ быть лестнымъ прозвище дворянское, прозвище царскаго двороваго человека. Всѣмъ хочется стать на свои ноги, жить хозяиномъ, управляться съ общимъ промѣжъ себя согласія, а не по приказу начальства. Только по разногласію, однимъ хочется стать вровень съ народомъ и управляться всѣмъ вмѣстѣ, безсословно; а другимъ хочется стать выше народа и управляться особо. И тѣмъ и другимъ въ нищету впасть страшно и просятъ они только какого-нибудь вознагражденія, а земли, которыми народъ владѣть согласенъ ему отдать и всякія барщины и оброки прекратить, чтобъ былъ народъ воленъ и землей владѣть. Всѣ говорятъ, что это время, гдѣ ни то ни сѣ, и ихъ и самихъ крестьянъ въ раззоръ раззоряетъ.

Во многихъ губерніяхъ просить дворянство — развязать дѣло на прямки; иные просятъ, чтобъ имъ изъ дворянъ въ крестьяне приписаться; другіе просятъ, чтобъ у всѣхъ права были одинаковы, что у дворянъ, что у крестьянъ; третьи просятъ себѣ особыхъ правъ.

Смоленской губерніи дворянство просило, въ прошломъ Августѣ, дѣло на прямки развязать, земли крестьянамъ отдать, выкупъ отъ казны положить. А въ Декабрѣ, на своихъ выборахъ дворянскихъ, рѣшило царя просить объ уравнианіи дворянскихъ и крестьянскихъ правъ.

Въ Тверской губерніи дворянство также просило дѣло на прямки развязать. Да просило еще, чтобъ народъ могъ самъ выбирать мировыхъ посредниковъ; такъ большинствомъ голосовъ и положило. Дворянинъ Унковскій, по выбору крестьянъ, пошелъ въ сельскіе старшины. Еще одинъ дворянинъ просилъ о зачисленіи его въ временно-обязанные крестьяне, къ другому дворянину.

Симбирской губерніи дворянинъ Мясоѣдовъ, женившись на дочери государственнаго крестьянина села Покровскаго, Мензелинскаго уѣзда, Оренбургской губерніи, просилъ въ ономъ селѣ приписаться въ государственные крестьяне. Присутственное мѣсто ему отказало: дворянина молъ сѣчь нельзя, а мужика сѣчь надо — стало какъ-же будетъ мужикъ, а сѣчь его нельзя? Это чиновникамъ не по нутру.

Московское дворянство, на выборахъ, въ нынѣшнемъ Январѣ мѣсяцѣ, рѣшило просить царя: 1) Чтобы управленіе по губерніи было больше выборное, а не казенное и чтобъ каждый чиновникъ за свои дѣйствія отвѣчалъ передъ судомъ и закономъ, а не передъ начальствомъ; 2) Чтобы права личныя и по имуществу для всѣхъ гражданъ (то есть всѣхъ людей) въ государствѣ, были ограждены тѣмъ, что судъ творился-бы не втихомолку, не на бумагѣ, въ присутственныхъ мѣстахъ, а происходилъ-бы судъ словесно, чтобъ всякій могъ въ судъ придти и слушать, какъ судьи судятъ право или неправо, чтобъ при всякомъ судѣ судья полагался не на то, что подъячій на бумагѣ настрочилъ, а на то, что скажутъ свидѣтели, присягнувшіе, что станутъ говорить правду, потому что судѣ мудро покривить душой, когда народъ слышитъ какъ онъ судитъ; 3) чтобъ развязать наконецъ крестьянъ съ помѣщиками и, чтобъ казна на себя взяла всякіе оброки и выкупы, выдѣливъ немедленно крестьянамъ землю по уставнымъ грамотамъ; 4) чтобъ правительство печатало, сколько у него долгу, сколько какихъ доходовъ и сколько расходовъ, чтобы каждый человекъ про то зналъ и совѣтъ подать, потому что казна не сегодня-завтра въ прахъ раззорится; 5) чтобъ обо всѣхъ перемѣнахъ въ государствѣ позволено было каждому свое мнѣніе печатать въ книгахъ и газетахъ и такимъ образомъ въ общемъ дѣлѣ свой голосъ подать и свой совѣтъ заявить. А за тѣмъ московское дворянство и говорить государю: Вы, ваше величество, сказали что своему вѣрному дворянству вѣрите, то прикажите дворянству, изъ среды себя, выбрать людей, чтобъ они совѣщались и разсудили—какимъ способомъ впредь должностныхъ въ управленіе выбирать, какъ землю для раскладки податей цѣнить, какъ заемныя поземельныя банки завести и какъ сельскіе суды устроить.

Видно, что вездѣ дворянство сильно двигается. Только какъ же это разсудить? Вѣдь вотъ московское дворянство все о чемъ просить, все дѣло требуетъ; а устроить его, говорить

намъ дворянамъ однимъ своими выборными. Это стало — и уставныя то грамоты и оцѣнку земель на выкупъ крестьянамъ, все они одни устроятъ; а выгодно ли, невыгодно ли — народъ только поклонись да скажи спасибо. Хорошо — царь вѣрить дворянству, да народу то довѣрить дворянству не съ чего.

Вотъ Смоленское дворянство хочетъ вровнень стать съ крестьянами, только какъ? — неизвѣстно, въ газетахъ печатать не смѣютъ. Вотъ Тверское дворянство хочетъ, чтобъ народъ вмѣстѣ съ нимъ посредниковъ выбиралъ, будто хочетъ примириться съ народомъ. Иной просится въ крестьяне; хорошо, который изъ бѣдныхъ, самъ пахать привыкъ, онъ и взаправду въ крестьянство просится, своимъ дворянствомъ только тяготится. А которые не изъ бѣдныхъ, они съ чего? Развѣ царю на зло, что вотъ у дворянъ крѣпостныхъ людей отнимаютъ, то мы лучше сами въ крестьяне пойдемъ? Гдѣ народу повѣрить, что они въ самомъ дѣлѣ съ нимъ за одно по братски жить хотятъ? Мудрено повѣрить! Вѣка рубцами на народной спинѣ выпечатались, откуда же вѣру взять? Какъ узнать кто изъ дворянъ до народа искреннѣйшій человѣкъ, кто неискреннѣйшій?

Положимъ, что искреннаго человѣка чутье узнаешь, да не въ искренности ихъ дѣло. Лишь бы они свои чины покидали, да перестали бы управлять, а управлялись бы сообща съ народомъ: выберутъ крестьянина въ старшины по волости — крестьянина бы слушались, выберутъ крестьянина въ судьи — къ нему бы и шли на судъ, чтобъ различія въ правахъ и выборахъ никакого не было. А тамъ, согласятся они на это по любви къ народу, или царю на зло — это дѣло ихъ совѣсти, а на дѣлѣ міру все равно.

Вотъ самый тяжелый вопросъ въ землѣ. Трудно имъ землей поступиться; жить привыкли по бѣлому. Тутъ, по самой правдѣ, слѣдовало бы всѣ земли къ селамъ прирѣзать и выдавать дворянамъ тягловой пай; но до сущей правды дойти мудрено; если — грѣхъ по поламъ — на мировую пойти, то пусть оставятъ крестьянамъ всю землю, какой они теперь владѣютъ, а если, гдѣ помѣщикъ по корысти мало давалъ, то по общему сосѣдскому присуду изъ помѣщичей земли къ крестьянской прирѣзать; а за то, что земля за ними считалась не будутъ, пусть казна изъ податей выдастъ имъ по сколько они съ казной условятся, сколько кому промежъ себя разберутся, и сколько дѣтъ изъ податей имъ выплачивать съ казною порѣшать. Это будетъ имъ въ пособіе, или въ вознагражденіе, въ мировую съ народомъ. А тамъ, когда подать съ подушной будетъ переведена на поземельную и они съ своихъ земель подать платять станутъ, выйдетъ, что они другъ другу станутъ выплачивать вознагражденіе вмѣстѣ съ остальнымъ народомъ. Лѣтъ черезъ тридцать семь уплата кончится и подать обратится на общія нужды. А покамѣстъ пускай они приписываются къ селамъ и волостямъ и несутъ земскую повинность по раскладкѣ. Иные изъ нихъ и пораспродадутъ земли то селамъ въ міръ, то другимъ крестьянамъ, или купцамъ, такъ что — если не мы — то дѣти наши промежъ себя такъ перемѣшаются, что и не узнаешь кто изъ дворянъ, кто изъ крестьянъ, кто изъ разночинцевъ. Только что ипой будетъ по богаче, другой по бѣднѣе, а все-же единый народъ русской; его мирское дѣло смотрѣть за тѣмъ, чтобъ богатство бѣдности не задало и у каждаго человѣка была бы земля и пристанище.

Видя все это движеніе и сомнѣніе въ дворянствѣ и въ

народѣ, самъ царь призадумался. Еслибъ онъ былъ до народа искреннѣйшій человѣкъ, онъ бы помогъ сословіямъ во едино соединиться и однимъ міромъ управляться; онъ бы началъ съ того, что уничтожилъ бы чины и допустилъ бы всѣхъ любаго въ должности выбирать, безъ различія сословій. Чужо бы сталъ дворянинъ безъ чина? Чужо чѣмъ безъ помѣстья со всѣмъ бы остальнымъ людомъ сровнялся.

Да нѣтъ въ царяхъ искренности до народа, какъ и пророкъ Самуилъ сказалъ Израилю, когда царя выбирали. Не хочется царю разстаться съ чиновничествомъ, не хочется, чтобъ народъ управлялся своими выборными, которые во всѣхъ своихъ дѣлахъ отчетъ давали бы. Хочется царю заправлять народомъ черезъ своихъ чиновниковъ; они хотъ и рабятъ, да за то ни то ни въ чемъ народу отчета не дають, а только начальству, а оно всѣму мирволить лишь бы нажива была. А чужо кто изъ народа скажетъ, что дѣло несправедливо — въ острогъ его; а если кто напишетъ да напечатаетъ, что дѣло несправедливо — и того чужо, въ Сибирь его, на каторгу его. Дѣло все идетъ на бумагѣ, все шито да крыто, никто и незамѣтитъ; а замѣтилъ, то и цикнуть противу начальства не смѣй.

Не хочется царю разстаться съ чиновничествомъ. А что такое чиновничество? Оно то и есть дворянство. Всѣ и стали въ такую ложь, что не знаютъ какъ повернуться. Если царь дастъ народу права, онъ дворянства лишится, значить чиновничества лишится; народъ самъ міромъ управляться станетъ, значить у царя такой слѣпой власти не будетъ — и начинается царь дворянству мирволить. Дворянство хочетъ само собой управляться, значить царскую власть ограничить; отъ царя отстать, значить перестать быть чиновникомъ. Перестать быть чиновникомъ — значить съ народомъ пристать, потому что народъ отъ царя еще терпѣлъ, а ужъ если чиновники по мимо царя управлять захотятъ, то народъ ихъ не вытерпитъ, съ лица земли сотретъ. Выходитъ въ самомъ то дѣлѣ, что у дворянства-чиновничества поддержка — царь; а у царя поддержка дворянство-чиновничество. А народу то при этомъ плохо.

Да и всѣмъ плохо. Не хочется царю растаться съ чиновничествомъ, а между тѣмъ и съ чиновничествомъ дѣло неидетъ. Вездѣ безденежье да безсудье, казна опомала и по сосѣдніе пароды на смѣхъ поднимаютъ. Отъ этого царь и началъ все перемѣнять по новому, только неискренно, стало и перѣшительно; и выходитъ все ни то ни се, такъ что кажется — назначена перемѣна, а на дѣлѣ остается по старому.

Такъ крѣпостное состояніе уничтожили, а безъ помѣщика село управляться не можетъ; землю отдали крестьянамъ въ пользованіе, да урѣзали; отдали ее безсрочно, то есть на вѣки вѣковъ, а сказали что земля помѣщичья; крестьянъ, хотя-бы и съ землей, продавать запретили, а землю съ крестьянами продавать позволили.

Учредили комитетъ для того, чтобъ подвести подъ одно права всѣхъ крестьянъ разныхъ управленій — государственныхъ, удѣльныхъ, бывшихъ крѣпостныхъ помѣщичьихъ. Вотъ ужъ годъ прошелъ, а комитетъ ничего не сдѣлалъ, и приходится вышесшимъ изъ крѣпости селамъ и деревнямъ составлять волости черезполосныя, потому что лишь съ государственными или удѣльными въ одну волость соединяться нельзя — за глѣмъ что у нихъ разное начальство.

Суды не хороши. Комиссію назначили какъ перепланировать.

Коммиссія нашла, что хорошо суть только гласный, всеяродный; а оставила его по прежнему по чернильному, только явных подъячих-повѣренных придумала, чтобъ по мимо этихъ казенныхъ повѣренныхъ никто бы по своему выбору повѣреннаго не бралъ.

Сказали что мѣщанству жить тяжело. Назначили коммиссію. Нашла коммиссія, что точно тяжело мѣщанству, и порѣшила, чтобъ льготы дать, чтобъ въ купечество, въ гильдію легко было приписываться, да чтобъ мѣщанинъ, если 435 руб. сер. внесетъ, отъ рекрутства былъ бы избавленъ, (какъ будто легко мѣщанину 435 руб. сер. внести!) а подати по прежнему оставили, только лавочную и всякую торговую пошлину еще мудренѣе распредѣлили.

Сказали, что земская повинность тяжела. Назначили царь коммиссію. Коммиссія нашла, что точно земская повинность тяжела, что надо чтобъ земство само своимъ сходомъ рѣшало что ему нужно и на какіе расходы собирать повинность, а натуральную повинность рѣшила перевести на денежную. Только коммиссія нашла, что есть земскія повинности, которыя не то что земскія, а государственныя повинности, стало ихъ надо перечислить въ подати, о которой земству не приходится разсуждать нужна ли она или нѣтъ, а платить ее безъ всякихъ разсужденій. Къ этому разряду относятъ и натуральныя повинности, которыя стало перевести на деньги и обратятъ въ подати; такимъ образомъ четыре пятыхъ доль изъ денежныхъ земскихъ повинностей, причисляютъ къ государственной подати. Стало разсуждать земству можно будетъ только объ одной пятой доль теперешнихъ земскихъ повинностей. И выйдетъ, что станетъ земская повинность еще тяжелѣе чѣмъ была.

Объ устройствѣ для крестьянства ссудной казны и беззапретной для крестьянства и мѣщанства торговли никто не позаботится; а только за что царь съ своими чиновными коммиссіями ни приметъ—ничто не свернется. Немогути круглая!

Говорятъ людей у него нѣтъ! Была бы искренность до народа—нашлись бы и люди. Да искренности нѣту и выходить немогутъ.

Чѣмъ же все это кончится?

Если народъ въ земѣ пойдетъ на мировую, какъ мы сказали, да если дворянство сложить съ себя чины, да на равныхъ правахъ съ крестьянствомъ, безъ всякаго различія, пойдетъ на сходы и станетъ управляться и судиться общими выборными безсловно, да если царь откажется отъ заправленія народа своими чиновниками какъ вздумается, а дастъ народу управляться своимъ миромъ и мірское рѣшеніе уважать славить, и будетъ—не то что нѣмецкимъ ханомъ какому то, солдатами по народу стрѣляющимъ, да палачами народъ сѣкущимъ—а мирнымъ старшиною всѣхъ русскихъ областей, уважающимъ волю народную,—пу тогда спокойно и достойно будетъ расти свобода и могущество единаго, безсловнаго русскаго народа.

Ну, а если ни царь отъ чиновничества и безсуднаго управления народомъ не откажется, ни дворянство не захочетъ безсловно слиться къ народомъ,—тогда что? Тогда—я повторю, что въ 1820 году господинъ Каразинъ писалъ императору Александру I:

“Я вижу императорскій престолъ потонувшимъ въ крови дворянства.”

Передъ тѣмъ какъ Христосъ былъ схваченъ воинами кесаревыми, онъ молился: Господи! да мимо ми иду чапа сѣя.

Молимся и мы съ народомъ русскимъ: да мимо иду чаша крови!

А пройдетъ она мимо или пѣтъ—кто знаетъ! Ходъ судебъ вырастаетъ изъ дѣлъ людскихъ и обстоятельствъ. Его не остановишь!

И. Огаревъ.

СКАЗАНИЕ

*О бездвинскомъ побоищѣ въ казанской губерніи по случаю освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ**

письмо къ редактору.

М. Г.

Ваша газета и всегда имѣла для насъ огромное значеніе, но въ настоящее время, быть можетъ больше, нежели когда нибудь. Допущенная въ нашия гуземныя вѣдомостишкахъ полугласность, хотя и не достигла цѣли, но все-таки возбудила во многихъ страсть опубликовывать факты, черезчуръ уже выходящіе изъ ряда обыкновенныхъ; мы, съ этой оригинальной гласностью, похожи на человѣка, которому дали сильныя возбуждающія средства, но не дали возможности удовлетворить желаніямъ. Въ самое послѣднее время, послѣ чтенія въ церквахъ манифеста о свободѣ крѣпостныхъ, несчастную нашу гласность обратили въ крѣпостное состояніе. Но причинѣ смутъ между крѣпостными въ разныхъ губерніяхъ, которыхъ необходимо было ожидать, такъ какъ свободу, по непривычкѣ, дали очень пеловко,—правительству вздумалось опять усилить надзоръ за ценсурой, что всею страшнѣе, правительство какъ-то особенно зорко слѣдитъ, чтобы не были задѣты въ литуратурѣ помѣщики. Казань, преимущественно предъ другими городами, возбуждаетъ подозрительность правительства, и на это, разумѣется, есть особенныя причины. Ни въ одной губерніи не убито столько временно-обязанныхъ крестьянъ по случаю освобожденія, какъ въ казанской губерніи; ни въ какомъ другомъ городѣ не служили публично панихиды по убитымъ временно-обязаннымъ крестьянамъ; по этому-то въ вашей газетѣ нынче особенно часто стали встрѣчаться извѣстія о Казани.

Къ несчастно извѣстія эти передаютъ большею частию или люди пристрастные къ извѣстнымъ личностямъ, либо, просто недобросовѣстные. Это пристрастие и недобросовѣстность особенно замѣтны въ описаніяхъ бездвинскаго побоища. Тамъ, неизвѣстно по какимъ причинамъ нападаютъ на Казанскаго губернатора Козинкина, тогда какъ всѣмъ и каждому въ городѣ извѣстно, что не прїѣзжан изъ Петербурга графъ Апраксинъ, то все-бы дѣло имѣло очень мирный исходъ, и что губернатору никогда-бы не вздумалось стрѣлять народъ для удовольствія. Это мы не предполагаемъ только, а просто выводимъ изъ фактовъ. Безпокойства отъ неправильнаго толкованія “Положеній” были не въ одной Бездвинѣ, а во многихъ имѣніяхъ казанской и другихъ губерній, потому что не въ одной только Бездвинѣ, но и въ большей части имѣній, помѣщики нарочно поддерживали народъ въ непреходимомъ невѣжествѣ; но всѣ эти безпокойства имѣли очень мирный исходъ. Такъ въ имѣніи Львова, Юлусовъ, Казанской-же губерніи, благодаря робости управителя и сельскаго

* Эти въ высшей степени любопытные материалы, полученные нами мѣсяца два тому назадъ, мы не имѣли мѣста, чтобъ ихъ прежде напечатать.

начальства, началось было такое возмущение, что Апраксинъ навѣрное перестрѣлялъ-бы тамъ человѣкъ двѣсти: но къ счастью, Апраксина тогда въ Казани еще не было, и одного прѣзда губернаторскаго адъютанта было вполне достаточно для того, чтобы крестьяне сами выдали и связали пьянаго разстригу дьячка, выдававшего себя за царскаго посланника. Не смотря однако-же на значительное количество осязательныхъ фактовъ изъ которыхъ ясно было, видно, что губернаторъ, не употребляя жестокихъ мѣръ, могъ справиться съ народнымъ волненіемъ, шайка казанскихъ плантаторовъ была имъ очень недовольна, хотя казалось, весь ихъ интересъ долженъ былъ сосредоточиться на томъ, чтобы волненія между крестьянами прекратились тѣми, или другими мѣрами. Они жестоко обижались, почему губернаторъ не стрѣляетъ и не деретъ ихъ бывшихъ мужиковъ, хотя ни въ драбѣ, ни въ стрѣльбѣ не было никакой надобности. Они начали выдумывать на губернатора разныя небывлицы, прикрывая клевету дешевенькимъ либерализмомъ, который состоитъ въ томъ, чтобы въ громкихъ фразахъ нападать на деспотизмъ административныхъ лицъ, а самимъ-бы, поды шумокъ драть своихъ крестьянъ, да дворовыхъ людей, хотя и временно-обязанныхъ, но безгласныхъ и безсловесныхъ. Придумали нелѣпую исторію о сѣнѣ, закуземомъ казанскою полиціею и о пьяной кунеческой головѣ Подуревѣ и напечатали всю эту исторію въ *Будущности*. Злоба помѣщика на губернатора имѣла причиною то обстоятельство, что онъ не слишкомъ церемонно обращался съ тѣми изъ нихъ, которые безсовѣстно выжимали изъ крещеной собственности послѣднюю копейку; потомъ, поставили ему въ преступленіе, что онъ не заискивалъ расположенія разныхъ гвардейскихъ отставныхъ подпрапорщиковъ, избранныхъ казанскимъ дворянствомъ въ предводители за то, что они имѣли таланты владѣть тысячами суконщиковъ; а главная-то злоба все-таки была за то, что онъ мало дралъ и поролъ.

Желанія шайки казанскихъ плантаторовъ, наконецъ, осуществились. Изъ Петербурга прѣхалъ графъ Апраксинъ. Безумная стрѣльба въ безоружныхъ мужиковъ произвела на казанскихъ плантаторовъ такое-же впечатлѣніе, какое нѣкогда Вареевская ночь произвела на испанскаго короля и на всѣхъ вообще узколобыхъ фанатиковъ-католиковъ; роль-же гугенотовъ привелось разыгрывать студентамъ университета и академіи. Они отслужили торжественную панихиду, желая этимъ выразить предъ правительствомъ все свое негодованіе къ убійцѣ Апраксину. Какъ только панихида кончилась и телеграфъ передалъ извѣстіе о ней въ Петербургъ, такъ открылось слѣдствіе надъ тѣми, кто въ ней участвовалъ. Изъ Петербурга привезли дряхлаго Бибикова—а ужъ извѣстно, что Бибиковыхъ возятъ изъ Петербурга въ Казань только въ случаяхъ крайней опасности. Ясно оказалось, что правительство петербургское посмотрѣло на казанскія происшествія, какъ на начало пугачевщины, или еще на нѣчто похуже. Бибикова, конечно съ чѣмъ привезли, съ тѣмъ и увезли изъ Казани, то есть онъ ровно ничего не узналъ. Оказалось, что старика привозили въ Казань единственно только затѣмъ, чтобы онъ сказалъ нѣсколько дряхлыхъ рѣчей разнымъ сословіямъ. Казанскимъ ученымъ онъ признался, что хотя, какъ старый артиллеристъ, онъ привыкъ все больше разрушать, а не созидать, но все таки онъ очень любитъ ученое сословіе; въ доказательство-же своей любви къ ученому сословію, онъ

немедленно выслалъ адъютанта Шапова изъ казанскаго университета въ III отдѣленіе собственной его величества канцеляріи за то, что Шаповъ сказалъ на панихидѣ какую-то рѣчь. Представителей благороднаго дворянства онъ принялъ еще лучше: оказалось, что званія артиллериста и помѣщика не такъ рѣзко расходятся, какъ званія профессора и артиллериста. Съ губернаторомъ обошелся онъ тоже очень хорошо, такъ, что всѣ остались довольны Бибиковымъ и казалось, что Бибиковъ всѣми остался доволенъ...

Но все это такъ только казалось. Послѣдствія показали, что и правительству не очень, какъ будто правилась неуступчивость губернатора предъ дворянствомъ и его принципами. Правительству, кажется, хотѣлось-бы понаблюдать такихъ губернаторовъ, которые, исполняя его циркуляры, строго-бы преслѣдовали жадныхъ плантаторовъ и отраждали-бы народъ отъ притѣсненій ихъ; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣлали-бы все это такъ, какъ будто они защищаютъ только однихъ помѣщиковъ. Не странное-ли дѣло? Наше мудрое правительство дѣйствуетъ теперь такъ, чтобы всѣмъ сословіямъ, всѣмъ лицамъ угодить, и между-тѣмъ, нѣтъ ни одного человѣка на Руси, который-бы имъ вполне былъ доволенъ! Подумали-бы: Да развѣ можно въ одно и то-же время угодить и народу, которому даются человѣческія права, и плантаторамъ, у которыхъ хотя и совершенно справедливо, но все-таки отнимаются милыя имъ привилегіи? Неужели не ясно, что, чѣмъ лучше какое-нибудь административное лицо исполняетъ свои обязанности предъ правительствомъ, тѣмъ въ большую вражду, при настоящихъ условіяхъ, становится оно къ плантатору? Конечно, если правительство по чаще станетъ тѣснить людей преданныхъ себѣ, то есть людей стоящихъ, какъ говорится, поперегъ горла у плантаторовъ, то плантаторы будутъ рады; но развѣ отъ этого измѣнится ихъ основное убѣжденіе, что правительство ихъ ограбило, въ одной рубашкѣ оставило? Что бы, кажется, съ ними церемониться-то?

Лишь только казанское благородное плантаторство замѣтило, что правительство начинаетъ гладить его по шерsti, оно съ злобной радостью отправило въ Петербургъ на губернатора жалобу, обвиняя его въ томъ, что онъ бунтуетъ крестьянъ; жалоба эта, хотя высказана и робко, безъ всякихъ причинъ и доказательствъ; но развѣ требуются какия-нибудь причины и доказательства, когда одинъ другого непременно хочетъ погладить по шерsti?

Желая быть послѣдовательнымъ, хотя въ теченіи недѣли, правительство недавно, совершенно неожиданно и безъ объясненія причинъ, уволило отъ службы одного изъ адъютантовъ губернатора — Половцева. Неудержимая, злобная радость шайки казанскихъ плантаторовъ ясно указываетъ на эти причины. Дѣло въ томъ, что на слѣдствіяхъ о притѣсненіяхъ крестьянъ помѣщиками, этотъ офицеръ никогда не стѣснялся дворянскимъ правиломъ, которое гласитъ, что дворянинъ непременно долженъ стоять за другого дворянина, хотя - бы видѣлъ въ немъ и вора и убійцу.

Такъ, какъ цвѣтъ казанскаго дворянства всегда отличался особенною злокачественностью и негодностію, то правительство, не имѣя достаточно смѣлости, чтобы повѣрить прямо губернатору, не повѣрило однако-же и дворянству. Въ Казани открылась цѣлая шайка шпионовъ, обязанныхъ слѣдить за всѣми и за всѣмъ, а надъ ними слѣдятъ вѣроятно, еще шпионы. Эти господа шляются по кандиторскимъ и тракти-

рамъ, выводя на настроеніе мыслей у доверчивой молодежи, но дѣло по большей части кончается тѣмъ, что эти господа, поѣвши, уходятъ домой спать. Не мѣшало-бы посоветовать правительству посылать съ этой цѣлью не такихъ слонообразныхъ людей, которыхъ, если за версту увидишь, то невольно явится подозрѣніе. Для тапыхъ правительственныхъ цѣлей, не мѣшало-бы выбирать людей тощихъ и мелкихъ, такъ чтобы при встрѣчѣ съ ними никому не пришло въ голову спросить: "А это еще что такое?"

Въ такіа-то тяжкія времена, когда всѣ мы, безъ исключенія, находимся въ постоянной опасности улетѣть по вѣтру, который неизвѣстно съ которой стороны подуетъ, становимся мы подъ вѣсъ вечевой Колоколъ, подъ который подходили и древніе новгородцы въ дни опасности. Иногда очень становятся подозрительнымъ, что и плантаторы, скрываясь въ толпѣ, становятся и звонать въ вашъ колоколъ. Они вѣдь нынче у насъ не то, что прежде были; всѣ они послѣ манифеста объ освобожденіи крестьянъ, такими сдѣлались либералами, что просто божье угасеніе! У нихъ теперь ужъ не знаю право, что такое на умѣ; но съ языка такъ и не выходитъ слово конституція, хотя нѣсколько и оригинальная съ палками и розгами.

Да, бюрократизмъ дѣйствительно непамятенъ, но едва-ли еще не непамятнѣе эта желаемая плангаторами дикая конституція съ палками и розгами, въ которой тысячедушные господа хотѣли-бы подавать голоса, а прочіе голосили-бы подъ ударами палокъ избирателей: а такой-то именно конституціи и жаждутъ наши, дѣморощенные, отѣбшые на крѣпостномъ правѣ либералы, къ счастью очень слабые и ничтожные, способные только литься на всѣхъ и на все, которыхъ и существованіе безъ поддержки нашего робкаго, непослѣдательнаго правительства, давно - бы сдѣлалось апакронизмомъ.

Три мѣсяца прошло уже со времени знаменитаго Безднинскаго побоища, а между тѣмъ нигдѣ еще не встрѣчалось видѣть сколько-нибудь правдиваго и подробнаго описанія этого гнуснаго дѣла; такъ какъ оно весьма замѣчательно, какъ само по себѣ, такъ и по вліянію, какое оно оставило на крестьянъ Казанской и окрестныхъ губерній, то намъ кажется совсѣмъ не лишнимъ изложить его со всѣми подробностями, тѣмъ болѣе, что мы имѣемъ въ рукахъ всѣ средства узнать эти подробности. По счастью графъ Апраксинъ, не позаботился даже уничтожить, или скрыть черновую рукопись рапорта о Безднинскомъ дѣлѣ, который онъ послалъ къ императору. Черновой рапортъ, написанный большею частью имъ собственноручно, онъ просто бросилъ и забылъ объ его существованіи, никакъ не полагая, что найдутся охотники, которые не пожалѣютъ трудовъ, чтобы только приобрѣсть эту знаменитую рукопись. Мы хотѣли было въ подлинникъ отослать еѣ въ Лондонъ, въ редакцію *Колокола*, но побоялись потерять такую драгоценность; а вотому и посылаемъ списокъ, сохраняя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ строки, вычеркнутыя Апраксинимъ, потому, что эти вычеркнутыя строки часто лучше и правдивѣе невычеркнутыхъ. Хотя этотъ рапортъ уже и самъ по себѣ, какъ нельзя лучше, говоритъ противъ Апраксина, но мы находимъ нужнымъ сдѣлать коментаріи на нѣкоторые его мѣста. Коментаріи составлены на основаніи показаній людей, близко знакомыхъ со всѣми подробностями Безднинскаго дѣла.

(Окончаніе въ слѣдующемъ листѣ).

СМѢСЬ.

— *Капитанъ-Паламъ.*— Второй запросъ нашъ не остался безъ отвѣта. Мы получили имя корабля шедшаго изъ Риги въ Гуль, на которомъ капитанъ до того варварски драгъ мальчика, что англичанинъ кормчій довѣлъ объ этомъ до свѣденія гульскихъ властей:

Корабль—называется Урго (Urgo)

Капитанъ—*Бренцъ* (Brentz)

Посоль въ Лондонѣ, которому объ этомъ писано, называется—*Бруновъ*. Въ Гуль есть русскій консулъ, очень любопытно знать, что сдѣлали посоль и консулъ?

ПИСЬМО

Къ сельскимъ хозяевамъ (помѣщикамъ), купцамъ, фабрикантамъ, промышленникамъ и т. д. въ Россійской Имперіи, Ф. Н. ГЕЗБЕРА.

"Почти во всѣхъ Европейскихъ государствахъ измѣнились отношенія государственныя и общественныя, и можно надѣяться, что скоро явятся требованія, чтобы каждый, въ какой-бы то землѣ онъ ни искалъ занятія, кромѣ извѣстныхъ специальныхъ свѣдѣній, зналъ и языкъ той страны, въ которой онъ намѣренъ жить; — чего до сего времени не существовало.— Въ образованной Чехіи (Богеміи), при руководствѣ умныхъ педагоговъ, постоянно распространяются реальныя и другія практическія заведенія въ такой мѣрѣ, что скоро не будетъ возможности дать занятія многимъ лицамъ, оставляющимъ эти заведенія, такъ что они принуждены будутъ искать занятій и средствъ къ жизни внѣ своего отечества, что уже и дѣлаютъ музыканты, художники и другія лица. Хорошо понимая положеніе Славянскихъ народовъ, я вижу ясно, что именно въ настоящее время исходить благодать Божія на плодородныя земли православныхъ Славянъ: Русскихъ, Болгаръ и Сербовъ — нашихъ единоплеменниковъ, и что въ этихъ земляхъ, а особенно въ неувѣримой Россіи уже чувствуется потребность въ производительныхъ нравственныхъ силахъ по разнымъ отраслямъ дѣятельности. Обсудивъ это, я началъ усердно распространять теоретически и практически славянскую письменность и преимущественно знаніе русскаго языка между западными Славянами. Мысль мою одобрили опытные лица въ дѣлѣ техническаго образованія и другіе просвѣщенные, практическіе люди въ Чешскомъ народѣ, хорошо понимая, что знаніе русскаго языка можетъ принести пользу нашимъ техникамъ и промышленникамъ.

Декретомъ императорскаго, королевскаго намѣстничества было мнѣ объявлено, что имп. корол. государственное министерство позволяетъ мнѣ преподаваніе русскаго языка въ королевскомъ, земскомъ, политехническомъ институтѣ въ Прагѣ. Русскому языку уже учатся у меня не только техники по разнымъ отраслямъ, какъ то: агрономы, химики, архитекторы, а также филологи, учителя, купцы, промышленники, кандидаты медицины, правъ и прочіе.

По этому-то я счелъ моею обязанностию обратиться къ Вамъ публично съ просьбою, чтобы Вы, подобно Болгарамъ, Сербамъ и Хрватамъ, при недостаткѣ домашнихъ силъ не забывали своихъ братьевъ, Славянъ-Чеховъ (самаго образованнаго племени въ австрійской имперіи), которые начинаютъ усердно изучать языкъ могучаго русскаго народа, желая предложить Вамъ свои услуги и служить Вамъ честно, честию всякихъ другихъ иностранцевъ, которые не зная русскаго языка и не желая его знать, уже по этому одному не могутъ принести никакой пользы русскому народу.

Языкъ есть ключъ къ познанію духовнаго и матеріальнаго состоянія народа — и по этому, кто желаетъ быть полезнымъ народу, долженъ необходимо знать его языкъ.

Если Русскіе примутъ мое предложеніе, то многіе изъ моихъ соотечественниковъ не будутъ вынуждены искать занятій въ другихъ странахъ, гдѣ со временемъ ихъ поколѣніе погибнетъ для Славянскаго міра. Что касается рекомендаціи нужныхъ Вамъ людей, то это по моей просьбѣ припили на себя компетентныя (опытныя) лица, пользующіяся довѣріемъ чешскаго народа. Желаю Вамъ и всѣмъ благомыслящимъ Славянамъ всякаго благополучія, — да взойдетъ солнце истинной христіанской любви и свободы надъ всѣми народами иселевной!

Прага, мѣсяца Ноября, 1861 года.

— *Политическое преслѣдованіе въ Пруссіи.*— Людвикъ Ягельскій, издатель *Познанскаго дневника*, отданъ подъ судъ за перепечатаніе какой-то статьи изъ *Колокола*. Вотъ что значитъ родство и кумовство. Ждемъ съ нетерпѣніемъ какъ себя окажетъ либеральная Пруссія.

— **ДВОРЯНСКАЯ КРАМОЛА.** — Намъ пишутъ, что московское дворянство осмѣлилось по предложению извѣстнаго *бланкиста* Безобразова, *разсуждать объ отрѣченіи государя въ пользу своего сына.* Предложение было отвергнуто большинствомъ 183 гол. противъ 165. Неужели и тутъ повязка не падетъ съ глазъ царскихъ и онъ еще будетъ хвастаться не тѣмъ, что онъ *первый русскій*, а тѣмъ что онъ *первый дворянинъ*? Неужели царская слѣпота хуже куриной?

Когда Михайловъ напечаталъ слово къ юношеству, призывая его на соединеніе съ народомъ—его послали въ каторжную работу. Когда Безобразовъ, съ плантаторскою точкою зрѣнія, предлагаетъ—отрѣченіе отъ престола—государь ничего не находитъ иного, какъ сѣздать въ тихомолку на бологовскую станцію* пошептаться съ московскимъ генералъ-губернаторомъ. Что это доказываетъ? Это доказываетъ безсиліе власти. А что доказываетъ отвергнутое безобразовскаго предложенія большинствомъ голосовъ? Это доказываетъ безсиліе дворянства. Гдѣ-же сила? Сила въ соединеніи съ народомъ!

— **Придворныя извѣстія.** — Въ зимнемъ дворцѣ царить какая-то угрюмая тишина. Караулъ увеличенъ. Въ экзерциргаузѣ всегда почуетъ батальонъ солдатъ.

— **Въ министерствѣ финансовъ свой Пулятинъ.**—Только онъ тамъ называется Княжевпчъ, 18/30 Января распухнутъ технологическій институтъ за то, что воспитанники отказались подчиниться какому-то княжевичнымъ, нелѣпымъ правиламъ.

Сей старецъ погибнетъ въ *противъ*?

— **Столбовой олигархъ нашего времени.**—Рынартствующій побѣдитель Мурмина, замѣчаетъ въ 1 Но. своего журнала, что “образованнаго человѣка, въ точномъ значеніи этого слова, можно встрѣтить *только* между дворянами и что образованный человѣкъ или родится дворяниномъ или дѣлается имъ”.

По всему видно, что наше время *Павловское*, а не современное.

— **Ернический тонъ русскихъ газетъ.**—Рядомъ съ *цикорнымъ* аристократизмомъ Н. Ф. Павлова, не мѣшаетъ указывать на неслѣбную дерзость благородныхъ разночинцевъ издающихъ у насъ журналы. Въ 16 Но. Сѣв. Пчелы мы читаемъ:

“Типъ русской женщины купеческаго быта. Изъ Волоколамска (Моск. губ.), отъ 6-го Ноября, пишутъ, что въ двухъ верстахъ отъ красиковской мельницы замерзла на дорогѣ въ городъ, гомонящая купчиха Анна Ивановна Смирдина, вывалившись изъ саней въ нетрезвомъ видѣ, при возвращеніи со свадьбы съ дочерью и кучеромъ, которые, бывъ также въ нетрезвомъ видѣ ее оставили”. (Сѣв. Почта).

Кто далъ это грубое, дикое заглавіе? *Оффиціозная пчела* или *Оффиціальная почта*? А мы еще недавно дивились, что какой-нибудь *Чевкинъ* не пускаетъ въ казенный садъ — кучковъ! Патура — то чиновничья, шляхетская — нѣтъ, нѣтъ, да какъ старый сифилисъ—и высыпять.

— **О считаніи отставнаго Коллежскаго Регистратора изъ дворянъ Николая Платонова Огарева вѣчнымъ изгнанникомъ изъ предѣловъ отечества.**—(Изъ русскихъ газетъ) Высочайше кофирмованнымъ мѣстномъ государственнымъ совѣту, отставной коллежскій регистраторъ изъ дворянъ Николай Платоновъ Огаревъ, 46 лѣтъ, за неисполненіе объявленнаго ему высочайшаго повелѣнія о возвращеніи изъ Англіи въ отечество, на основ. 24 и 358 ст. XV т. Зак. Угол. 1 кн., лишень всѣхъ правъ состоянія и подвергнутъ вѣчному изгнанію изъ предѣловъ государства, о чемъ и объявлено ему въ Лондонѣ чрезъ русское посольство.

* Indépendance.

— *Не будь ни А—пелесовъ, ни Павловъ.* (Посл. къ Кериву.) “И не вводи во искушеніе Головинна” — прибавимъ мы. Говорятъ, что онъ далъ первый напругай московской ценсурѣ за *День*.... лиха бѣда первый шагъ, увлекательно.... очень жаль, что онъ его сдѣлалъ. И добро-бы онъ вступился за бѣдную Польшу, которую любить пошколить *великорусская* повременница. Въ самомъ дѣлѣ что-нибудь одно, или падо дагъ право полякамъ отвѣчать, или отнять право у заносчивыхъ побѣдителей добивать несчастный народъ патристическимъ словоненствствомъ. Осадное положеніе *face da se*—и не имѣетъ необходимости въ *осадной* журналистикѣ.

Но *Indépendance Belge* говоритъ, что дѣло стало не изъ поляковъ, а изъ календаря и вышло изъ того, что *День* не совпадаетъ съ *нашимъ временемъ*. Коллринъ Павловъ Мурманскій, такъ-же князь Суворовъ Римникскій любятъ аристокрацію и оба защищаютъ ее, Боляринъ Павловъ въ “*Нашемъ времени*”, Суворовъ въ своемъ городѣ. Оба, какъ римскій помѣщикъ Катонъ “любятъ побѣжденныхъ”. А потому и не удивительно, что одинъ изъ сановниковъ, именно Павловъ сталъ ихъ отстаивать противъ *дневнаго свѣта*. Само правительство видя несчастное положеніе сего главнаго въ имперіи сословія, предоставило ему на дняхъ въ неотъемлемое владѣніе — право *воспоминанія о великихъ дѣяніяхъ его предковъ*. Но Павловъ не можетъ на это согласиться. до *Нашего времени* ему нечего вспоминать; хорошо демократничать челоуку, у котораго есть *семейная хроника* (и нѣтъ на душѣ мурминскаго усмиренья)... Все это можетъ быть и такъ, но Головинну-то зачѣмъ было мѣшаться.... Подождаль-бы еще *день другой*, можетъ и такъ обошлось-бы.

— **Возобновленіе клеймъ.**—Забоятся о сохраненіи историческихъ воспоминаній нашего дворянства, правительство не упускаетъ изъ вида сохранять ихъ и на лицахъ податнаго состоянія. На дняхъ русскія газеты сообщили намъ высочайше одобренныя правила о томъ въ какихъ случаяхъ *возобновлять* клейма на лицахъ преступниковъ, которыя отъ времени изглаживаются. Ноздри рвать радикальнѣе, перегородка никогда не вырастаетъ.. Пусть Мамай радуется въ вѣчномъ кочевьи своемъ: если “Русскіе князья, бояре, воеводы, пришедшіе за Донъ отыскивать свободы”, его и побѣдили, по сдѣлались сами за то на вѣки вѣковы истыми монгольскими таграмми, да еще не золотой, а византийской орды. Вотъ кстати и примѣръ:

— **Полтавская битва—за уставную грамоту.** — Еще викторія! Намъ пишутъ, что въ селѣ Митаевкѣ, Пирятинскаго уѣзда, князи *Жевагова* крестьяне осмѣлились не быть добровольно согласными на подписаніе уставной грамоты. Явился мировой сѣздъ и съ нимъ пирятинскій предводитель *Катериничъ*. Онъ потребовалъ выдать *зачинщиковъ*, гренада разумѣется не выдала. Болѣе снисходительное военное начальство, выдало сей-часъ, по просьбѣ сѣзда, шайку сѣкущихъ солдатъ, тѣ и стали сѣчь. Семерыхъ крестьянъ отдали подъ судъ... Что, въ Полтавѣ развѣ нѣтъ губернатора, что въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ развѣ нѣтъ Валуева?

— Намъ пишутъ, что у *витебскаго помѣщика РЕУТА*, мировой посредникъ нашелъ мужика содержавшагося на цѣпи въ заключеніи *больше года*, въ продолженіи этого времени его нѣсколько разъ подвергали пыткамъ. Управляющій взялъ на себя дѣло и уѣхалъ въ чужіе края, вслѣдъ за тѣмъ и помѣщикъ. Правда-ли?

СТАТЬЯ М. А. БАКУНИНА.

Мы печатаемъ въ прибавочномъ листѣ, первую статью Бакунина; *Колоколу* по праву принадлежить его слово, молчавшее такъ долго... и неутратившее своей крѣпости и энергіи—ни въ казематахъ ни въ сибирскихъ пустыняхъ.

РУССКИМЪ, ПОЛЬСКИМЪ

И

ВСѢМЪ СЛАВЯНСКИМЪ ДРУЗЬЯМЪ

М. А. БАКУНИНА.

Послѣ восьмилѣтняго заключенія въ разныхъ крѣпостяхъ и четырехъ лѣтней ссылки въ Сибирь, мнѣ удалось освободиться. Я сталъ старше годами, потерялъ много здоровья, утратилъ ту бодрую эластичность членовъ, которая вооружаетъ счастливую юность силою непобѣдимою. Но сохранилъ за то отвагу всепобѣждающей мысли, и сердцемъ, волею, страстью остался вѣренъ друзьямъ, великому общему дѣлу, себѣ. Въ другое время, въ краткихъ запискахъ, я расскажу свою прошедшую жизнь, участіе которое я принималъ въ дѣлахъ 1848 и 1849 года, мое плѣненіе, заключеніе, заточеніе и наконецъ освобожденіе. Теперь являюсь къ вамъ, старые испытанные друзья, и вы, друзья молодые, живущіе одною мыслию, одною волею, съ нами, и прошу васъ : примите меня снова въ вашу среду, и да будетъ мнѣ позволено между вами и вмѣстѣ съ вами положить всю остальную жизнь мою, *на борьбу за русскую волю, за польскую волю, за свободу, и независимость всѣхъ Славянъ.*

Не даромъ прошли тринадцать послѣднихъ годовъ, послѣ катастрофы 1848 и 1849 года. Міръ отдохнулъ, какъ-бы пришелъ въ себя, и вновь воспрянулъ къ новому движенію. Воскресла всѣми-любимая красавица Италия, поникло еще ниже ненавистное зданіе абсбурго-лотарингской монархіи—камень на груди живыхъ народовъ, и кажется въ непродолжительное время рушится совершенно подъ ударами пылѣ соединенныхъ италіянцовъ, мажаръ и славянъ. Вмѣстѣ съ австрійскою имперіей падеть безъ сомнѣнія—иногда ея врагъ, нынѣ ея сообщникъ—товарищъ по старости, страху и горю, ея единственный другъ, не менѣе варварская, но можетъ быть болѣе честная чѣмъ она, имперія турецкая—и изъ развалинъ двухъ чудовищныхъ государствъ возникнутъ къ новой жизни, къ широкой свободѣ, призванники новой цивилизаціи : италіянцы, греки, румыны, мажары, и все великое, братски соединенное славянское племя. Ожила Польша. Воскресаетъ теперь и Россія.

Да, время великое. Какъ будто-бы новый духъ пробѣжалъ по спящимъ народамъ, призывая живыхъ къ дѣлу, а мертвымъ возвѣщая могилу. Я чувствовалъ себя живымъ и бѣжалъ изъ Сибири. Чтожъ буду я теперь дѣлать? Что должны мы всѣ дѣлать?

Всякому человеку естественное поле для дѣйствія—родина. Плохо быть дѣтелемъ на чужой сторонѣ. И это слишкомъ

хорошо испыталъ въ революціонныхъ годахъ : ни во Франціи, ни въ Германіи я не могъ пустить корня. Инакъ, сохраняя всю горячую симпатію прежнихъ лѣтъ къ прогрессивному движенію цѣлаго міра—для того, чтобъ не растратить по пустому остатокъ моей жизни, я долженъ ограничить отнынѣ свою прямую дѣятельность Россіею, Польшею, Славянами. Эти три отдѣльные міра въ любви и въ вѣрѣ мои нераздѣльны.

Россія явно находится на канунѣ важныхъ переворотовъ. Послѣ несчастно-счастливой крымской кампаніи, повѣяло какъ будто весеннимъ воздухомъ по всему оледенѣлому пространству ея, даже до самыхъ крайнихъ предѣловъ восточной Сибири. Россія оттаяла, вздохнула впервые послѣ тридцатилѣтняго николаевского мороза, и съ молодою энергіею заговорила о необходимости возобновленія. Это была прекрасная минута : все ожило, все воскресло—даже ненависти къ прошедшему не было въ сердцахъ, все смотрѣло впередъ, все было проникнуто вѣрою, да любовью. Но такія минуты непродолжительны. Отъ чувства должно было перейти къ дѣлу. Что дѣлать? Куда идти? Чего желать, требовать? Возникло вдругъ тысяча вопросовъ, и на нихъ тысяча разнородныхъ отгѣнковъ. Оказалось, что если во время царствования императора Николая говорить перестали, то не переставали думать, и мысль сильная, окрѣпшая въ безмолвномъ уединеніи, вооруженная живою наукою, живымъ, полусвободившимся словомъ, вступила на арену. И какъ всегда, мнѣнія были различныя : всѣ соглашались въ томъ, что оставаться въ старомъ положеніи было невозможно; печальный исходъ николаевского царствования обнаружилъ ложь его правительственной системы—онъ довелъ государство до края гибели. Надо было возстановить силу и славу Россіи. Того требовало царское честолюбіе, того требовала народная гордость. Но какими средствами ее возстановить? Когда ясно поставился этотъ вопросъ, общественное мнѣніе, дробившееся сначала на множество различныхъ отгѣнковъ, создало двѣ главныя, другъ другу противоположныя партіи : *партію реформъ, и партію кореннаго переворота.*

Первая полагала, что, не трогая основъ государства, достаточно будетъ предпринять преобразования, впрочемъ, довольно значительныя, въ порядкѣ административномъ, финансовомъ, военномъ, судебномъ, равно какъ и въ системѣ

публичнаго воспитанія, для того, чтобъ вполне возстановить силы поникшаго государства. Партия эта позабыла одно: Въ нашихъ постановленіяхъ, регламентахъ, въ сводѣ законовъ разбросано множество золотыхъ правилъ, человѣколюбивыхъ и мудрыхъ сентенцій, которыя сѣдали-бы честь любому философу и филантропу; но что все это — мертвая буква, потому что въ официальной, Петромъ созданной Россіи, гдѣ все естественное извращено, гдѣ никому нѣтъ ни самостоятельнаго движенія, ни свободнаго мѣста, гдѣ все внутреннее и живое пожертвовано въ пользу вѣншей государственной силы, исполненіе ихъ невозможно. Они позабыли, что главный недостатокъ нашего государства то, что точить и губить его, есть отсутствіе правды вездѣ, что всегда и во всемъ ложь, и что такая повсемѣстная, радикальная ложь не можетъ быть на поверхности, но должна корениться въ глубинѣ, въ самомъ началѣ государственной системы. Позабыли, что гдѣ нѣтъ жизни, тамъ не можетъ быть и правды, на что русская жизнь, ушедшая въ глубь со временъ насильственныхъ петровскихъ реформъ, никогда не оживляла собою петровскаго созданія. Болѣе полутора столѣтій, русскій народъ несъ на своихъ здоровыхъ плечахъ неуклюжую, на скоро сколоченную петербургскую имперію, какъ-бы предчувствуя, что она выдвинетъ его на историческое европейское поприще и наконецъ распадется для того, чтобъ уступить мѣсто ему самому; онъ тратилъ на нее лучшія силы, но никогда ее не любилъ, страдалъ отъ нея, да ненавидѣлъ ее, и теперь когда она дѣйствительно близка къ распаденію, не отъ него должна она ждать себѣ помощи. Онъ сброситъ ее съ себя чтобъ вздохнуть, наконецъ и проявится свободно. Реформаторы наши не поняли, что вмѣстѣ съ крымскою катастрофою и съ смертію Николая, пробилъ послѣдній часъ и для петровскаго государства.

“Россійская имперія, этотъ колосъ на глиняныхъ подставахъ, рушится!” Начинаютъ говорить съ восторгомъ враги Россіи. Да, онъ рушится, но погоди же радоваться. Распаденіе этой имперіи не будетъ похоже на одновременно готовящееся разрушеніе австрійской и турецкой имперіи. Послѣ нихъ не останется ничего, кромѣ разнородныхъ племенъ, которые съ негодованьемъ и ненавистью отвергнутъ ихъ имя — на развалинахъ-же русской имперіи заживетъ русскій народъ. Отнимите у Россіи Польшу, Литву, Бѣлоруссію и Малороссію. Отдѣлите отъ нея Финляндію, Остзейскія губерніи, Грузію и весь Кавказъ: останется огромное *великорусское* племя въ сорокъ милліоновъ, племя бодрое, умное, широкоспособное, еле-еле тронутое, а потому и не истощенное исторіею, и которое, можно сказать, до сихъ поръ только готовилось къ своей исторической жизни. Все его прошедшее имѣетъ лишь одинъ этотъ смыслъ великаго приготовленія. Побуждаемый можетъ быть инстинктомъ великихъ будущихъ судебъ, великорусскій народъ хранилъ себя, свою цѣлостъ, свое первобытное чисто славянское общественное и экономическое устройство, отъ всякихъ вѣншихъ и внутреннихъ натисковъ и вліяній. Со времени образованія московскаго царства и до сихъ поръ онъ жилъ можно сказать, только вѣншею государственною жизнью. Какъ не было тяжело его положеніе внутри, доведенный до крайняго раззоренія и рабства, онъ все таки дорожилъ единствомъ, силою, величіемъ Россіи, и для нихъ былъ готовъ на всѣ жертвы. Такимъ способомъ образовался въ великорусскомъ народѣ государственный смыслъ и патріо-

тизмъ безъ фразъ, а на дѣлѣ. Такимъ образомъ онъ одинъ уцѣлѣлъ между славянскими племенами, одинъ удержался въ Европѣ и далъ себѣ почувствовать всѣмъ какъ сила.

Но въ тоже время какъ онъ послушно и терпѣливо несъ службу царскую противъ всѣхъ вѣншихъ враговъ Россіи, онъ внутри отстаивалъ свою вѣру и свою самобытность. Онъ доказалъ тѣмъ, что послушаніе и долготерпѣніе его имѣютъ границы, что онъ умѣетъ постоять за свои убѣжденія и что воля царя для него далеко не безусловный законъ. Борьба эта вся высказалась въ одномъ словѣ: *Расколъ*. Сначала оно выражало протестъ исключительно религіозный противъ насилія религіознаго, противъ сѣншенія власти духовной и свѣтской, противъ притязанія царей стоять во главѣ церкви. Въ послѣдствіи и очень скоро оно получило значеніе политическое и общественное. Въ немъ выразилось раздѣленіе Россіи на *официальную* и на *народную*. Въ государствѣ и въ обществѣ созданномъ Петромъ I все было чуждо народу: законы, классы, порядки, нравы, обычаи, языкъ, самая вѣра — даже самъ царь, назвавшійся императоромъ, котораго народъ называлъ слугою ангихриста, но который и среди этого отчужденія продолжалъ еще быть для него символомъ единства Россіи. И вотъ, отдавъ царю свою службу, свои деньги, свою кровь и свой потъ, всю свою матеріальную силу, народъ унесъ свою душу, свою заветную жизнь, свою социальную вѣру въ расколъ. Тщетно боролись противъ него всѣ цари, начиная отъ Алексѣя Михайловича и до Александра II; тщетно старались задушить его въ крови мучениковъ. Чѣмъ безпощаднѣе становились преслѣдованія, тѣмъ могущественнѣе развивался расколъ. Онъ разлился по Россіи какъ широкое море. Такъ что подъ конецъ своего долготѣпнаго царствованія, самъ Николай долженъ былъ сознаться, что онъ противъ раскола безсидель.

Въ расколѣ продолжилась и сохранилась для народа прерванная Петромъ исторія народной Россіи. Въ расколѣ — его мученики, святые герои, его заветныя мечты и надежды, въ немъ пророческія утѣшенія народа. Расколъ двинулъ впередъ его социальное воспитаніе, далъ ему тайную, но тѣмъ неменѣе могущественную политическую организацію сплотивъ его въ силу. Расколъ подыметъ его во имя свободы на спасеніе Россіи.

“Времена приближаются” такъ говорятъ Раскольники. Освобожденія ждетъ теперь народъ отъ царя, и горе царю, горе дворянамъ, монополистамъ, офицерамъ, чиновникамъ казеннымъ понамъ, всей казенной Россіи, если народу не дастся теперь *полная свобода съ полнымъ обладаніемъ землею*.

Указомъ царскимъ, всею силою предшествовавшихъ обстоятельствъ, которыхъ этотъ указъ былъ только необходимымъ послѣдствіемъ, этотъ народъ призванъ теперь къ участию въ русской политической жизни, въ русской исторіи. И что-бы не дѣлали, какими бы доктринерскими преградами и насильственными препятствіями не вздумали-бы заложить ему дорогу впередъ, онъ отъ этого призванія теперь не отступится. Къ тому-же безъ его живаго участія и обойтись нельзя. Нѣмецкія подставы петровскаго государства сгнили, самъ кнутъ потерялъ свою силу. Въ имперіи нѣтъ даже и николаевскаго порядка. Все разстроено: финансы, армія, администрація, и что еще плачевнѣе, въ правительствѣ нѣтъ смысла, нѣтъ воли, нѣтъ вѣры въ себя. Его никто не

уважаешь. Въ одно и тоже время, какъ всѣ существа слабыя, оно мягко и жестко, никто не любитъ его за мягкость, никто жестокости его не боится. Оно сердится, грозитъ, ссылаетъ въ Сибирь, стрѣляетъ въ народъ, а надъ нимъ смѣются. Оно само надъ собою смѣется, противурѣча себѣ безпрестанно, приказывая сегодня то, за что вчера наказывало, такъ что всѣ сбились съ толку. Анархія, недоверіе къ себѣ и взаимное недоверіе, сознаніе не только своего безправія, но и своего безсилія, сомнѣніе и страхъ передъ завтрашнимъ днемъ, безурядица вопіющая въ намѣреніяхъ, въ рѣчахъ и поступкахъ, однимъ словомъ, совершеннѣйшая дезорганизація, несомнѣнный признакъ неминуемаго распада, овладѣли всѣми слоями, всѣми властями, всѣми чинами officialнаго государства. Старый императорскій міръ валится, съ нимъ вмѣстѣ валится вся казенная Россія: дворянство, чиновничество, казенная армія, кабакъ, острогъ и казенная церковь или въ старомъ николаевскомъ смыслѣ: народность, самодержавіе и православіе — всѣ эти выродки чудовищаго сочетанія татарскаго варварства съ нѣмецкою политическою наукою, обречены на несомнѣнную и скорую гибель. Чтожъ остается живымъ? — Одинъ только народъ.

Въ началѣ нынѣшняго царствованія правительство хотѣло было опереться исключительно на *чиновниковъ*, съ ихъ помощью произвести реформы казавшіяся ему необходимыми. Вся Россія возопила противъ него. Чиновничество еще болѣе ненавистно народу чѣмъ самое дворянство, къ тому же оно вѣчно иное какъ тоже дворянство, только въ государственной службѣ, т. е. въ отвратительнѣйшемъ изъ своихъ проявленій. Чиновникъ, это та палка въ рукахъ царей, которою они безпощадно били народъ въ продолженіи двухъ цѣлыхъ вѣковъ, это-та длинная рука, которая раззорила народъ и разграбила государство, — всякій, кто знаетъ Россію, понимаетъ очень хорошо, что честный, народолюбивый, государственнымъ интересамъ преданный чиновникъ, возможенъ въ ней только какъ уродливое исключеніе, какъ логическая нелѣпость, и и что такая нелѣпость, противъ напора русской officialной дѣйствительности, необходимо влекущей къ воровству и къ обману, никогда долго удержаться не могла и не можетъ. Вездѣ бюрократія мертвитъ, а не живитъ государства. Въ Россіи-же они все развратили — и отъ чиновничества ждуть спасенія Россіи! Только одному Петербургу могла прійти въ голову подобная глупость, — къ тому же чиновникъ теперь далеко не вѣрный слуга царю самодержцу. Онъ потерялъ вѣру въ паря, онъ не полагается безусловно на царскую силу, онъ ищетъ для себя опоры болѣе надежной въ общественномъ мнѣніи, съ которымъ кокетничаетъ изъ чувства самосохраненія, въ ущербъ и на счетъ царской власти. И наконецъ дѣятель русскаго чиновничества состоитъ исключительно изъ дворянъ, столбовыхъ или вестолбовыхъ, уже все равно, у нихъ права одинаковыя. Къ дворянству принадлежитъ вся чиновная жизнь, всѣ люди съ вліяніемъ и силою. Какимъ-же образомъ, въ вопросахъ, поднятыхъ нынѣ правительствомъ, въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ и уничтоженія помѣщичьей власти, чиновникъ-дворянинъ станеть дѣйствовать противъ дворянина-помѣщика, т. е. противъ самаго себя? вѣдь римскіи добродѣтели у насъ не въ модѣ, самопожертвованіе для officialнаго человека слово пустое, а страхъ царя нынѣ не дѣйствуетъ. И мы видѣли, какъ за исключеніемъ немногихъ истинно-благородныхъ примѣровъ, огромнѣйшее большинство

дворянъ-чиновниковъ, министры, вельможи, губернаторы, вся бюрократическая знать, а за нею и чиновная сволочь, обратились противъ паря, за помѣщиковъ. Для вразумленія нашего officialнаго міра нуженъ другой страхъ — страхъ народа. Но отъ этого страха видно самому парю становится неловко, что потерявъ надежду спастись черезъ чиновниковъ, онъ ищетъ теперь спасенія въ дворянствѣ.

Да, сцена теперь перемѣнилась. При Ростовцовѣ, при Милютинѣ дворянству грозили во имя народа. Теперь въ немъ открылись баснословныя доблести и называютъ дворянъ старшими сынами Россіи, оборою престола, красю отечества. Откроютъ безъ сомнѣнія скоро, что они были благодѣтелями своихъ крѣпостныхъ мужиковъ и что народъ обожающій ихъ не хочетъ освобожденія. Если вѣрить рѣчамъ, произнесеннымъ недавно с.-петербургскимъ генералъ-губернаторомъ. дворянству отданы въ руки судьба и будущее устройство Россіи. Губернскимъ дворянскимъ собраніямъ поручено обсудить реформы финансовыя, судебныя, административныя, и пожалуй кончатъ тѣмъ, что дадутъ *дворянскую конституцію*.

Чтожъ такое русское дворянство?

Во-первыхъ, это дѣти тѣхъ московскихъ бояръ, служилыхъ людей, которыхъ царь Іоанъ Васильевичъ грозный казнилъ, а народный герой Стенька Разинъ сотнями вѣшалъ за то, что они притѣсняли и грабили русскій народъ. Дѣти тѣхъ домогательныхъ аристократовъ, лишенныхъ всякой тѣни личнаго достоинства, которые, когда писали просьбы къ царю, называли себя его рабами, подписываясь "Ваньками" да "Кондрашками"; и которыхъ московскіе цари били и велѣли бить сколько и когда имъ было угодно. Это — то, неподвижное, бессмысленное, давно согнившее, и во всѣхъ отношеніяхъ тягостное и вредное для государства сословіе, которое Петръ великій сломалъ, превративъ его окончательно въ служебную касту и вознаградивъ его тѣмъ что, отдалъ ему половину сельскаго населенія въ полное рабство. Это — то подловато-воровское сословіе которое со временъ Петра и до нашего времени, подъ именемъ чиновниковъ и офицеровъ наполняло всѣ полки и всѣ канцеляріи, и безсовѣстно набивая свои бездонные карманы, служило болѣе полутора вѣка безстыднымъ и безчеловѣчнымъ орудіемъ самому гнуснѣйшему деспотизму; которое въ то-же самое время грабило, мучило, насиловало, ссылало въ Сибирь, мѣняло, продавало, проигрывало своихъ крѣпостныхъ, и раззоряло народъ, не умѣло даже сохранить себя отъ совершеннаго раззоренія. Это, наконецъ — то блудно-преступное сословіе, которое въ послѣднее время, какъ чиновничество, подъ руководствомъ самаго императора Николая довело Россію до края гибели, а какъ помѣщичій классъ, стало предметомъ презрѣнія и ненависти для всего, что есть умнаго и живаго въ Россіи.

Нѣтъ сомнѣнія, что между дворянами были и есть люди, которые своимъ умомъ, образованностью, чистотою характера и благородствомъ стремленій заслуживали и заслуживаютъ всякаго уваженія. Но такіе люди всегда составляли лишь исключеніе и никогда не выражали сословія. Напротивъ, они шли, жили и дѣйствовали па перекоръ привычкамъ и интересамъ той касты, къ которой принадлежали по рожденію. Западная образованность, коснувшись дворянства, произвела два различные результата. На большинство она подѣйствовала развратительно: давъ ему новыя привычки, новыя

вкусы и познакомивъ его съ европейскою вѣщностью, она не измѣнила ни его бояро-татарской души, ни его рабски-деспотическаго направленія. Оторвавъ его такимъ образомъ отъ народа, она заставила его презирать народъ и превратила его окончательно въ врага народнаго. Иначе она подѣйствовала на меньшинство русскаго дворянства, въ началѣ безконечно-малое, состоявшее изъ какого-нибудь десятка людей избранныхъ. Она пробудила въ нихъ новую духовную жизнь, зажгла въ нихъ искру обще-человѣческой любви и благородныхъ помысловъ, создала міръ идеальный, прекрасный, но беспомощный и неспособный къ осуществленію, бессильный потому, что и онъ, развившись подъ исключительнымъ вліяніемъ запада, вѣтъ русской дѣйствительности, не имѣлъ ничего общаго съ жизнью русскаго народа, не имѣлъ земли подъ ногами для дѣйствія. При такихъ неблагоприятныхъ условіяхъ, міръ этотъ однако не палъ, но сталъ развиваться съ неимоверною скоростью, вмѣстѣ съ развитіемъ нашей литературы и съ образованіемъ нашихъ университетовъ, между которыми университетъ московскій присвоилъ себѣ какъ-бы особенную привилегію хранителя и распространителя священнаго огня между неисторченными дѣлами развратно-дикаго дворянскаго рода. При Александрѣ дворян-идеалистовъ было ужъ не десять, а нѣсколько сотенъ. Они высказали въ декабрьской революціонерной попыткѣ все благородство, всю возвышенность своихъ стремленій, но вмѣстѣ и безсилъ свое. Между ними были люди гениальные, какъ на примѣръ Пестель который первый провидѣлъ историческую необходимость социальной, экономической революціи въ Россіи, распаденія русской имперіи и вольно-независимой федераціи славянскихъ племенъ, онъ все предсказалъ, но ничего сдѣлать не могъ, потому, что дѣйствовать какъ дворянинъ, въ Россіи, гдѣ большинство дворянства за старые и новые грѣхи обречено на вѣрную гибель, а меньшинство должно слиться съ народомъ, потеряться въ народѣ, для того, чтобъ жить и дѣйствовать вмѣстѣ съ народомъ, или обречь себя на постыдное бездѣйствіе и на отвѣтственность за грѣхи большинства.

И теперь уже не сотни, а тысячи дворянъ, все, что есть въ дворянствѣ съ мыслью истинно благородною и живою, требуютъ уничтоженія дворянскаго сословія. Еслибъ большинство было умнѣе, оно поняло-бы, что сила теперь не въ царѣ, а въ народѣ, что народъ никогда не примирится съ дворянствомъ, что ненависть къ дворянскому племени въ немъ равно сильна съ любовью къ вождю, къ землѣ, и что въ грозной намъ внутренней буре, нѣтъ для дворянъ другаго спасенія какъ въ совершенномъ уничтоженіи не только всѣхъ привилегій дворянства, привилегій смѣшанныхъ и нынѣ совершенно вѣдѣмыхъ, но и всѣхъ вѣдѣмыхъ условій и знаменъ дворянскаго существованія, даже до дворянскаго имени.

Большинство русскаго дворянства не понимаетъ этого. Пойметъ, когда блеснетъ топоръ... Неужели для полноты историческаго развитія нашего, нужно трагическое его окончаніе. И вотъ вмѣсто того, чтобъ мириться съ народомъ оно требуетъ у царя сохраненія своихъ правъ и привилегій, въ замѣнъ чего обѣщаютъ ему свою опору. Но гдѣ его сила? Въ народѣ?—народъ его ненавидитъ. Итакъ только въ царѣ. Но царь, чувствуя свое безсиліе, самъ хочетъ опереться на свое вѣрное въ блудѣ дворянствѣ. Безсиліе будетъ поддерживать безсиліе. Да это просто пелѣность. Чтожъ дѣлать,

помиримся и съ нею на время, но только на короткое время. Намъ ждать придется не долго. А покажѣтъ пусть тѣпуть себя теперь дворянскими конституціями, пусть поиграютъ немного въ игру парламентскую, пусть перепутають все въ этомъ и безъ того страшно запутанномъ мірѣ официальной немочи и безсмыслия, пусть окончательно собьютъ съ пути бѣдное петровское государство. Пробужденіе близко и будетъ ужасно.

Въ Россіи нѣтъ живыхъ сословій. Ни дворянство, ни духовенство, ни купечество—все вырожденіе петровской системы, не въ силахъ жить своею жизнью. Есть только одинъ *живой народъ*. Въ немъ сила и будущность нашей родины. И такъ да здравствуетъ *крестьянская Россія*!

Въ Россіи есть еще другая сила: не сословная, ибо она основана на отрицаніи всѣхъ сословныхъ различій, незримая, но тѣмъ не менѣе дѣйствительная; не слившаяся еще съ народомъ, живущая вѣтъ его, но только для него, и страстно желающая полнаго съ нимъ соединенія. Эта сила есть общество всѣхъ людей живой мысли и доброй воли въ Россіи, соединенныхъ безграничною любовью къ свободѣ, вѣрою въ русскій народъ, въ будущность всего славянскаго племени. Оно состоитъ изъ безчисленнаго множества лицъ всѣхъ сословій: дворянства, чиновничества, духовенства, купечества, мѣщанства, крестьянства—но душою и мыслію, а часомъ и самою жизнью, оторвавшаяся отъ сословій и отъ всѣхъ признанныхъ положеній въ Россіи, ненавидящихъ настоящее, готовыхъ отдать жизнь свою за будущее, живущихъ завтрашнимъ днемъ и такъ сказать на воздухѣ, бездомная, странствующая перковь свободы, разбросанная и за границу и по цѣлой Россіи, но живущихъ въ тысячу разъ дѣйствительнѣе чѣмъ всѣ такъ называемые полевые люди. Ихъ общественное вліяніе сильнѣе, чѣмъ вліяніе самой власти въ имперіи. Инстинкты народа имъ не чужды. Они подслушиваютъ и живутъ въ нихъ какъ мысль, какъ страсть сознательная, какъ воля. Къ нимъ притягиваетъ все сильное, молодое, все что носитъ въ себѣ сѣмя будущаго, все что тяжело страдаетъ и жаждетъ спасенія, все что бодро хочетъ въ Россіи, начиная отъ дворянъ и до мужиковъ, отъ мыслителей до раскольниковъ. Живое слово ихъ оружіе. У нихъ нѣтъ штыковъ, но есть слова, которыя стоятъ штыковъ. Они порождаютъ дѣла и пробуждаютъ народы.

Къ этимъ людямъ, знакомымъ и незнакомымъ, обращаюсь я теперь, какъ къ братьямъ, и вмѣстѣ съ ними спрашиваю: *что должны мы дѣлать?*

Мнѣ кажется, что мы должны *во-первыхъ*, оставаясь посторонними зрителями всего, что дѣлается и пробуются нынѣ въ официальномъ и въ собственно дворянскомъ мірѣ, всѣхъ этихъ конституціонныхъ и полуконституціонныхъ попытокъ, которыя разумѣется кончатся ничѣмъ, прибавить только безпорядка къ существующему безпорядку и можетъ быть усюрють неминуемый разгромъ имперіи народною силою, мы должны прежде всего *крѣпко между собою соединиться*, дабы образовать *народную партію* и *силу сознательную*, плесообразую, дѣйствительную, *внѣ и противъ официальной силы*. Должны организоваться и образовать *кружки*, должны искать и узнавать людей, чтобы знать на кого рассчитывать, когда время придетъ для открытаго дѣйствія. Должны *сбирать деньги*, для того чтобъ имѣть возможность посылать друзей въ Россію и выписывать ихъ оттуда, для того, чтобъ

публиковать и распространять по имперіи какъ можно болѣе брошюръ и другихъ сочиненій, для того наконецъ, чтобъ создать безчисленное множество дѣятельныхъ кружковъ по цѣлой Россіи и связать ихъ въ единое общество.

Во-вторыхъ, мы должны громко и ясно выговорить *цѣль* общества. Но можетъ-ли быть у насъ иная цѣль и другое желаніе кромѣ *пришествія народнаго царства*. Мы любимъ только народъ, вѣримъ только въ народъ, и хотимъ только того чего хочетъ народъ. Но что нужно народу? Повторю съ *Колоколомъ*: *земля да воля*. Ему нужна не часть земли, *но вся русская земля*, какъ принадлежность и неотъемлемая собственность *всего русскаго народа*, съ выкупомъ или безъ выкупа, все равно. Выкупъ былъ-бы возможенъ, еслибъ дворянство было умно и мирно отказалось-бы оттого чего держать невозможно, т. е. отъ своего особеннаго существованія. Выкупа не будетъ, если народъ принужденъ будетъ взять насильно то, что ему принадлежитъ по самому смыслу его коренныхъ убѣжденій. Дворянство будетъ раззорено, богъ съ нимъ! Оно будетъ счастливо, если за всѣ грѣхи старые, да за новую глупость заплатится только однимъ раззореніемъ. Такъ или иначе и вънепродолжительное время, вся земля должна сдѣлаться собственностью всего народа, съ рѣшительнымъ уничтоженіемъ личнаго поземельнаго права, чтобъ не было на ней ни большихъ, ни малыхъ помѣщиковъ, собственниковъ-помѣщиковъ, но чтобъ *всякій русскій человѣкъ*, по одному праву рожденія, *могъ-бы владѣть ею сообща съ другими*. Чтобъ на основаніи этого права, всякая выселяющаяся община могла бы безпрепятственно брать любое пустое мѣсто въ цѣлой Россіи въ вѣчное общинное владѣніе; но чтобъ владѣніе личное такими-же мѣстами было ограничено срокомъ. Чтобъ наконецъ на томъ-же основаніи, каждое отдѣльное лицо, къ какому-бы прежде оно ни принадлежало сословію, могло-бы по праву или приписаться къ существующей общинѣ, или соединившись съ нѣсколькими такими-же лицами, образовать новую.

Я думаю, что исключительное присвоеніе народу права собственности надъ всею землею, и общинное владѣніе ею, есть именно то коренное общеславянское начало, полное осуществленіе котораго, со всѣми вытекающими изъ него послѣдствіями и богатыми примѣненіями, составляетъ историческое призваніе славянъ. Я думаю, что его одного достаточно будетъ, чтобъ связать всѣ славянскія племена въ братское единство.

Народу нужна *свобода*; но не выкроенная по узкой мѣрѣ нашихъ доктринеровъ ученыхъ и бюрократовъ. Ему нужна *вся свобода*, и прежде всего безизыятная и безконтрольная *свобода движенія*. Всякій русскій человѣкъ долженъ идти куда хочетъ, заниматься и дѣлаться чѣмъ хочетъ, не отдавая никому отчета. Право выхода для лица изъ того общества, по реди котораго онъ живетъ, мѣщанина изъ города, селянина изъ общины, должно быть безусловное и непрекословное. Такъ что въ русскомъ мѣрѣ останутся только два сословія: горожанинъ и селянинъ; даже и не сословія, а только различія и различія неокрашенныя, какъ на Западѣ, но переливающиеся другъ въ друга свободнымъ передвиженіемъ крестьянъ въ городское общество, а горожанъ въ сельскую общину.

Ему нужна полная и безграничная свобода вѣры и слова, свобода торговли и промысла, и наконецъ свобода собираться публично для политическихъ и не политическихъ

цѣлей. Однимъ словомъ, ему нужны всѣ свободы, всѣ разнородныя проявленія одной свободы. А для того, чтобъ свобода стала для него дѣйствительностью, ему нужно *Самоуправленіе*, устройство котораго дай богъ чтобъ произошло не по велѣнію диктатора, и не порѣшенію верховнаго парламента, точно никогда не выражающаго волю народную; не сверху къ низу, какъ это дѣлалось по сію пору въ Европѣ; но органически, снизу въ верхъ, чрезъ вольное соглашеніе самостоятельныхъ обществъ въ одно цѣлое, начиная отъ общины,—соціальной и политической единицы, краеугольнаго камня всего русскаго міра,—до областнаго, государственнаго, пожалуй до федеральнаго обще-славянскаго управленія.

Вотъ что, по моему мнѣнію, вполне соотвѣтствуетъ сознательнымъ и безсознательнымъ желаніямъ народа. Основанія просты и такъ достаточны, что на нихъ можетъ построиться цѣлый міръ. Онѣ не разъ прямо и косвенно были высказаны въ “Колоколѣ” и кажется взяты прямо изъ жизни народа. Остается обдумать ихъ со всѣхъ сторонъ, изслѣдовать ихъ во всѣхъ возможныхъ практическихъ примѣненіяхъ, уяснить условія ихъ развитія и осуществленія, наконецъ распространять ихъ какъ для пропаганды, такъ и для того, чтобъ сдѣлать ихъ предметомъ публичнаго обсужденія. Изучая ихъ, мы сблизимся больше съ народомъ, и такъ пусть каждый изъ насъ по мѣрѣ силъ своихъ займется этимъ дѣломъ серьезно. Но боже избави насъ отъ одной ошибки: не будемъ доктринерами, не станемъ сочинять конституцій и напередъ предписывать законы народу. Вспомнимъ, что наше призваніе иное; что мы не учителя, а только предтечи народа; что мы должны разчистить передъ нимъ дорогу, и что наше дѣло по преимуществу не теоретическое, а *практическое*.

Мы должны въ-*третьихъ* подать братскую руку всѣмъ *Славянамъ*, но прежде всего, и во что-бы ни стало, нашимъ оскорбленнымъ братьямъ *Полякамъ*, примиреніе съ которыми для насъ столь-же необходимо, какъ и сблизженіе наше съ своимъ народомъ. Поляки наши ближайше сосѣди. История до такой степени связала ихъ съ нами, что судьбы обоихъ народовъ стали нераздѣльны: ихъ бѣда—наша бѣда, ихъ порабоженіе—наше рабство, ихъ независимость и свобода—наша свобода. До тѣхъ поръ, пока мы насильственно владѣемъ Польшею, мы должны содержать огромную военную силу, раззорительную для народа, и которая, научившись въ Польшѣ безчеловѣчно рѣзать народъ, сдѣлается потомъ самымъ лучшимъ орудіемъ для домашняго притѣсненія. Пока мы владѣемъ Польшею, мы должны оставаться рабами нѣмцовъ, невольными союзниками Австріи и Пруссіи, съ которыми мы ее преступнымъ образомъ раздѣлили. Только соединенныя усилія трехъ нѣмецкихъ державъ могутъ ее удерживать подъ ненавистнымъ игомъ, вѣнскимъ, берлинскимъ и петербургскимъ. Отступись одна отъ воровскаго союза и Польша свободна. Нѣмцы не отступятся, но мы должны отступить, мы должны перестать быть с.-петербургскими нѣмцами. Мы должны во-первыхъ по справедливости, и потому, что пора намъ наконецъ снять съ себя постыдныя, смертный грѣхъ противъ великой славянской мученицы, пора намъ перестать убивать самихъ себя, свой единственный исходъ, свою будущность въ Польшѣ. Пока мы тѣсимъ ее, намъ нѣтъ дороги къ славянскому міру.

Противъ необходимости польскаго освобожденія мало кто теперь споритъ въ Россіи. Во время и послѣ крымской кампа-

ни, она сдѣлалась очевидною для всякаго сколько-нибудь разсудительнаго человѣка. Всякій понялъ, что равно какъ и нѣмецкая дружба, польское рабство, нисколько не прибавляя намъ силы, парализируетъ насъ во всѣхъ отношеніяхъ. Говорятъ даже, что самъ императоръ Николай передъ смертью, готовясь объявить войну Австріи, хотѣлъ позвать всѣхъ австрійскихъ и турецкихъ славянъ, мажаръ, италянцевъ къ общему возстанію. Онъ вызвалъ самъ противъ себя восточную бурю, и, чтобъ защититься отъ нея, изъ императора-деспота хотѣлъ было превратиться въ императора-революціонера. Говорятъ, что возванія къ славянамъ были имъ ужъ подписаны, и между ними возваніе къ Польшѣ. Какъ ни ненавидѣлъ онъ Польшу, онъ понялъ, что безъ нея славянское возстаніе невозможно, и опъ, будто-бы вынужденный необходимостью, побѣдилъ себя до такой степени, что готовъ былъ признать независимое существованіе Польши, но съ свойственною ему оригинальностью произвола, только по ту сторону Вислы. Однако видно, и это показалось ему слишкомъ много : Онъ умеръ. Но съ тѣхъ поръ, мысль о необходимости освобожденія Польши въ Россіи не умираетъ. Теперь она овладѣла всѣми умами. Вопросъ состоитъ только въ томъ *какъ освободить ее?* Поляки потребуютъ можетъ быть слишкомъ много. Они неудовольствуются однимъ Царствомъ Польскимъ, изъявлять историческія притязанія на Литву Бѣлоруссію, даже включая Смоленскъ, на Лифляндію, Курляндію и на всю Украину, включая Кіевъ. Однимъ словомъ, захотятъ возстановить все Польское Королевство въ древнихъ предѣлахъ.

Я думаю, что поляки дѣлаютъ большую ошибку, ставя вопросъ такимъ образомъ. Ошибка впрочемъ понятная и простибельная : они лишены своей національности, они страдаютъ подъ страшнымъ и унижительнымъ гнетомъ, они съ страстною грустью смотрятъ на свое прошедшее, которое не то, что наше прошедшее : Намъ жалѣтъ нечего, у насъ все позади отвратительно-гадко, наша жизнь вся впереди. Въ прошедшей жизни поляковъ, такъ много прекраснаго и благороднаго, что есть о чемъ пожалѣтъ и чѣмъ погордиться. Но какъ-бы оно прекрасно ни было, прошедшее все-таки прошедшее, для него нѣтъ возврата. И точно также какъ лицамъ, горе тѣмъ народамъ, которые слишкомъ долго и много смотрятъ назадъ : они безсилы свое настоящее и свое будущее. Ретроспективность эта особенно тѣмъ вредна, что она сбиваетъ начала : что она въ пользу минувшаго отвлекаетъ вниманіе отъ жизненныхъ современныхъ вопросовъ, и въ пользу изсякшихъ источниковъ прошедшей славы и силы, жертвуетъ тѣми живыми началами, изъ которыхъ единственно можетъ возникнуть настоящая сила и жизнь. Напримѣръ, католицизмъ былъ во время оно душою рыцарской Польши. Впослѣдствіи, превратившись въ іезуитизмъ, онъ ей повредилъ много, оттолкнувъ отъ нея Украину. Но послѣ того, онъ снова сдѣлался ей полезенъ, отдѣляя ея національность и мѣшая ей слиться съ николаевскою Россіею. Слѣдуетъ-ли однако изъ этого, чтобъ онъ могъ быть въ настоящее время живительнымъ началомъ для Польши? Многіе поляки такъ думаютъ ; но я увѣренъ, что они жестоко ошибаются и, что эта ошибка приносить положительный вредъ самой Польшѣ. Изъ дряхлаго, отжившаго, умирающаго міра, жизнь новая не можетъ возникнуть. Другой примѣръ : Старинное Польское Королевство было по преимуществу рыцарскимъ, аристократическимъ государствомъ. Скажемъ, пожалуй демократическимъ,

только въ античномъ смыслѣ—тогда вельможъ-магнатовъ мы назовемъ аристократіею, вольную шляхту демократіею, а собственный народъ, хлоповъ, тѣми рабами, черная работа которыхъ, была по древнему понятію необходима для существованія гражданской свободы. Согласно съ этимъ, въ старинное время достаточно было, чтобъ въ какой-нибудь странѣ, вельможи и шляхта были поляками, для того, чтобъ и вся страна считалась Польскою, къ какой-бы впрочемъ черный народъ не принадлежалъ національности. Тогда это было естественно, потому что въ то время, собственно народъ считался ни во что ; онъ не имѣлъ голоса, ни права имѣть свою волю. Но теперь, когда вездѣ народъ громко требуетъ воли, возможно-ли это ? Аристократическая Польша будетъ-ли въ состояніи противустать крестьянской Россіи? Возможно-ли будетъ воссоединеніе Литвы, Бѣлоруссіи, Лифляндіи, Курляндіи и Украины къ Польшѣ, если крестьяне литовские, бѣлорускіе, лифляндскіе, курляндскіе и украинскіе того не захотятъ? Къ чему-жъ говорить объ историческихъ, стратегическихъ и экономическихъ границахъ? Развѣ ими можно тронуть и убѣдить народы? Что имъ до историческихъ воспоминаній? Они имъ чужды ; вѣдь они знаютъ, что они всегда были рабами и остаются рабами. Нѣтъ, имъ нужно другое. Точно также какъ и народу русскому, имъ нужны *земля да воля*, въ томъ-же широкомъ смыслѣ, въ какомъ ихъ требуетъ русскій народъ. Обернитесь спиною къ прошедшей исторіи, объявите *Хлопскую Польшу*, тогда многие изъ этихъ племенъ, а если отъ васъ Россія отстанетъ, пожалуй и всѣ пойдутъ за вами.

Я думаю, что поляки ошибаются. Но мы не имѣемъ права на нихъ сердиться. Мы слишкомъ грѣшны передъ ними. И да будетъ опозоренъ тотъ изъ русскихъ, у кого въ настоящую минуту, когда русскія войска рѣжутъ польскій народъ, топчутъ польскихъ дѣтей и женщинъ, достанетъ духу сказать хоть одно слово упрека героическимъ и благороднымъ дѣтямъ этой мученической, но далеко не подавленной страны. Не подавленной, нѣтъ : *Jeszcze Polska nie zginęła!* И мы съ восторгомъ и съ умиленіемъ приветствуемъ дивное возрожденіе великаго славянскаго народа, безъ котораго славянскій міръ былъ-бы не полонъ, ощутилъ-бы ничѣмъ не замѣстимую пустоту, былъ-бы лишенъ своего вѣнка. Да, мы любимъ поляковъ, мы удивляемся имъ, мы вѣримъ въ ихъ высокую будущность, неразрывно связанную съ будущностью всѣхъ славянъ, мы вѣримъ въ ихъ братство съ нами. Что за дѣло, что они теперь къ намъ холодны и недовѣрчивы, что даже близко сходясь съ ними, мы встрѣчали до сихъ поръ болѣе дипломатической осторожности и любезности, чѣмъ братскаго чувства. Мы виноваты, и какъ еще виноваты ! Мы должны все перенести отъ нихъ и доназвать имъ на дѣлѣ, а не на словахъ только, наше право на братство съ ними. Терпѣніемъ, любовью, вѣрою въ нихъ, дѣлами справедливости и свободы, мы побѣдимъ ихъ холодность и ихъ недовѣріе. И станемъ мы братьями, потому что братство наше необходимо для обще-славянскаго дѣла.

Мы слишкомъ горячо желаемъ ихъ дружбы и слишкомъ увѣрены въ томъ, что откровенность полная есть первое условіе всякой истинной дружбы, чтобъ скрыть отъ нихъ наши мысли даже когда онѣ расходятся съ ихъ убѣжденіями, и я еще разъ повторяю ; я думаю поляки ошибаются, когда, не спрашивая украинскій народъ, они вперёдъ присваиваютъ себѣ Украину, лишь на одномъ основаніи

исторического права. Мнѣ кажется, что Украина польская вмѣстѣ съ русскими галиційскими, вмѣстѣ съ нашею Малороссією,—страна въ пятнадцать миллионовъ говорящихъ однимъ языкомъ, исповѣдующихъ одну вѣру, *будетъ не Польшею, и не Россією, а сама собою.* Я думаю, что вся Украина, также какъ и Бѣлоруссія,—также какъ и Чухонно-Латышскія, отнюдь-же не нѣмецкія, Курляндія и Лифляндія, а можетъ быть также какъ и сама Литва, вмѣстѣ съ Польшею и Россією, вмѣстѣ со всеми другими славянскими племенами населяющими Австрію и Турцію, будетъ самостоятельнымъ членомъ обще-славянскаго союза. Такъ я думаю, но можетъ быть я и ошибаюсь—я выговариваю мысль, но не требованіе, даже не абсолютное убѣжденіе. Я требую только одного: чтобъ всякому народу, всякому малому и великому племени, были вполнѣ предоставлены возможность и право поступить по волѣ: хотеть оны сдѣлаться съ Россією или съ Польшею, пусть сливается. Хотеть быть самостоятельнымъ членомъ: Польскою или Русскою или Общеславянскою федераціею? Пусть будетъ имъ. Наконецъ, хотеть-ли оны вполнѣ отъ всѣхъ отдѣлиться и жить на основаніяхъ, совсѣмъ отдѣльнаго государства? Богъ съ нимъ, пусть отдѣляется. Кажется ясно, и если Литва, Курляндія, Лифляндія, Бѣлоруссія съ Смоленскомъ, Украина съ Кіевомъ, не насильемъ и не интригою а прямымъ и явнымъ рѣшеніемъ народовъ, потянутъ къ Польшѣ, мы ни слова не скажемъ противъ этого. Все будетъ зависеть отъ степени самостоятельности этихъ странъ, отъ ихъ способности или неспособности жить собою. А между Россією и Польшею должна существовать отнынѣ только одна борьба, борьба притягательной силы той и другой, на живущіе между ними народы. Чье духовное обаяніе возьметъ верхъ, гдѣ народамъ будетъ жить привольнѣе, туда они и пойдутъ. Итакъ, весь вопросъ о границахъ возвращается къ тому-жъ: что прежде осуществится: *Хлопская Польша*, или *Крестыанская Россія*? Дай богъ чтобъ оны осуществились вмѣстѣ, и чтобъ между нами было не Апеллесово и не Павлово, а Христово, т. е. *Обще-Славянское Дѣло.*

Я знаю, что противъ меня возстанутъ въ Россіи всѣ панслависты - централизаторы, всѣ класные николаевскіе патриоты. Какъ, скажутъ они, вы отдаете Польшѣ Литву, Бѣлоруссію, Украину? Что-жъ намъ останется? Не я отдаю, я не достаточно силенъ, чтобъ распоряжаться судьбою народовъ, да и вообще не признаю ни за кѣмъ права располагать ими безъ ихъ согласія. Я говорю только, что для меня и для всѣхъ единомышленниковъ моихъ, а насъ много, верховный законъ—это воля самихъ народовъ. Если эти провинціи дѣйствительно захотятъ быть интегральными частями польскаго государства, по какому праву вы имъ почѣщаете? Я понимаю, что для поклонниковъ николаевскаго насилія вопросъ о правѣ не существуетъ. Имъ я задамъ другой вопросъ: какими средствами думаютъ они удержать въ петербургскомъ подданствѣ народы, которые не захотятъ быть петербургскими подданными? Ужъ не надорванною-ли петербургскою силою? Но для насъ поборониковъ свободы, вопросъ о правѣ—вопросъ существенный. Мы понимаемъ, что гдѣ право, тамъ и настоящая сила. Мы понимаемъ, что уродливо, нелѣпо, преступно, смѣшно, *практически невозможно*, въ одно и тоже время, возстать во имя свободы и притѣснять сосѣдніе народы. Эту мудреную логику, мы оставимъ ужъ нѣмцамъ, нашимъ учителямъ логики и какъ извѣстно, первымъ практикамъ въ

мнѣ; ихъ сердце такъ широко, что въ одно и тоже время оно можетъ вмѣстить и негодование противъ датчанъ за то, что они шлезвигъ-гольштейнскихъ нѣмцовъ хотятъ одатчапить, и негодование противъ познанскихъ и чешскихъ славянъ за то, что они не поддаются насильственному овѣмеченію. Намъ такая ширина не идетъ. Она губитъ ихъ, зачѣмъ-же намъ гибнуть? И я опять спрашиваю: какимъ правомъ станемъ мы насильно удерживать Литву, Бѣлоруссію, Украину и всѣ другія провинціи намъ теперь подчиненныя, если оны захотятъ присоединиться къ Польшѣ? Мнѣ скажутъ, по праву самосохраненія: если весь западъ нынѣшней російской имперіи, отдѣлится отъ Россіи, Россія будетъ опять отброшена въ Азію. Полно такъ-ли? Будто Азія, въ этомъ смыслѣ, опредѣляется географическою, а не нравственною чертою? И чѣмъ на-примѣръ сибирскій народъ живущій по ту сторону Уральскаго Хребта, слѣдовательно по понятіямъ географическимъ, въ Азій, чѣмъ оны хуже народа европейской Россіи? Не покрѣче-ли оны напротивъ, и безъ сомнѣнія свободнѣе? Въ смыслѣ нравственномъ, общественно-политическомъ, Азія начинается тамъ, гдѣ царствуетъ произволъ и насиліе. Если такъ, то не теперь-ли мы въ Азій, или вѣрнѣе, не теперь-ли Азія царствуетъ во всей російской имперіи? Что нашъ официальный мнѣ, что вся наша дѣйствительность, какъ не сочетание татарскаго содержания съ германскими формами. Отошлемъ-же татаръ своихъ въ Азію, своихъ нѣмцовъ въ Германію, будемъ свободнымъ, чисто русскимъ народомъ, и тогда не бойтесь, никто не будетъ въ силахъ, да никто и не захочетъ выбросить насъ изъ Европы. Мы не будемъ отдѣлены отъ нея, потому, что между нами и ею будутъ во всякомъ случаѣ жить дружественные народы, болѣе или менѣе съ нами связанные и племеннымъ родствомъ, и языкомъ своимъ столь близкимъ къ нашему, понятіями нравственными и матеріальными интересами, наконецъ, всѣмъ общественнымъ устройствомъ и направленіемъ своимъ, которыя ни въ какомъ случаѣ не будутъ различны отъ нашего. Но скажутъ, Польша опять организуется въ сильное аристократическое или пожалуй даже монархическое государство и, по старой ненависти къ намъ, возобновитъ пагубную борьбу противъ Россіи. Пожалуй, Польша вольна дѣлать что хочетъ; но неужели вы думаете, *во-первыхъ*, что въ самомъ дѣлѣ можетъ возстановиться аристократическая, шляхетская или даже королевская Польша? Неужели вы не видите, что возможна только одна *Хлопская Польша*. Вѣдь панскими программами ни одного хлопа не разшевелишь.

Когда-жъ хлопамъ придетъ вѣсть изъ Россіи о томъ, что русскій народъ всталъ за свободу и за землю, неужели думаете вы, что украинцы, бѣлоруссы, литовцы и даже народъ польскій пойдутъ противъ Россіи, если-бъ даже панамъ и вздумалось ихъ вести противъ насъ. И чего-жъ вы наконецъ страшитесь за сорокомилліонный крѣпкій великорусскій народъ? Не бойтесь, не маленькій, его не обидятъ, оны постоитъ за себя. Не бойтесь даже, чтобъ оны потерялъ свое законное обаяніе и ту политическую силу, которая выработалась въ немъ трехъ-вѣковымъ подвигомъ мученическаго самоотреченія въ пользу своей государственной цѣлости. Дѣло въ томъ, что намъ остается выбирать между двумя: или оставаясь сами рабами, мы будемъ напрягать послѣднія силы, чтобъ удержать еще на нѣсколько лѣтъ въ рабствѣ Польшу, Литву, Украину: то есть, убьемъ самихъ себя окон-

чательно, чтобъ въ послѣдствіи быть дѣйствительно выброшенными въ Азію негодующими на насъ славянскими племенами. Да это и невозможно; народу великорусскому нѣтъ дѣла до вашихъ честолюбивыхъ замысловъ. Какая ему надобность въ томъ, чтобъ тѣ-же чиновники, которые грабятъ его, ѣли и грабили малороссіянъ, литовцевъ, поляковъ? А вѣдь въ этомъ только и состоитъ ваше всероссійское государственное единство. Народу нужна своя земля, да своя воля. Онъ ихъ скоро возьметъ, а чужой земли и чужой воли ему не надо. Итакъ, хотите, не хотите, а надо будетъ отказаться отъ всякихъ насильственныхъ удержаній и присоединеній. И остается одно: признать добровольно полную независимость и свободу всѣхъ окружающихъ насъ славянскихъ и неславянскихъ племенъ. И будьте увѣрены, что лишь только мы сдѣлаемъ это, всѣ наши сосѣди несравненно ближе и крѣпче соединятся съ нами, чѣмъ они связаны съ нами теперь. Мы будемъ нужны славянамъ, мы будемъ нужны самимъ полякамъ. Они сами позовутъ насъ на помощь, когда пробьетъ часъ обще-славянской борьбы; когда нужно будетъ отстаивать славянскія земли въ западной Пруссіи, въ Познанѣ, въ Шлезіи, въ Буковинѣ, въ Галиціи, въ Великой Чешской Землѣ, во всей Австріи, и въ цѣлой Турціи. Итакъ, господа, не бойтесь за Россію, и не клеветайте на нее, увѣряя, что для благосостоянія и славы ея, необходимо уничтоженіе и рабство сосѣднихъ народовъ. Освобожденный русской народъ, чуждый вашимъ тѣснымъ страхамъ и вашему капральскому честолюбію, протянетъ братскую руку всѣмъ освободившимся вмѣстѣ съ нимъ племенамъ, и прежде всего полякамъ.

А мы друзья, вѣрующіе въ русскій народъ, пойдемъ впередъ дружно и смѣло. Вѣрные ему до конца, не оста-

новимся ни передъ какими угрозами, ни передъ какими препятствіями, ни даже передъ всеподавляющимъ равнодушіемъ, которое часто встрѣтимъ на нашей трудной стезѣ. Не предаваясь унынію и не обольщая себя пустыми надеждами, съ терпѣніемъ, безъ честолюбія, исполнимъ свое скромное, но необходимое дѣло. Мы должны очистить дорогу передъ великимъ призванникомъ: да приблизится часъ его торжества, и тогда, да будетъ воля его.

Обращаюсь теперь къ Польскимъ братьямъ. Не говорю къ друзьямъ. У насъ нѣтъ еще Польскихъ друзей. Между нами и ими, рѣки мученической крови проливаемой въ продолженіи цѣлаго вѣка и недавно еще пролитой русскими войсками. Между нами, пропасть отвратительнаго, звѣрскаго безчинія совершаемаго ежедневно по цѣлой Польшѣ, правда, петербургскою волею, но русскими руками. Они въ правѣ намъ недовѣрять и насъ ненавидѣть. Мы, всѣ русскіе, отъ малаго до великаго, въ ихъ и въ нашихъ собственныхъ глазахъ, отвѣтственны за подлые дѣла, за черныя преступления русскихъ жандармовъ и генераловъ, русскихъ чиновниковъ и офицеровъ, за безобразно-дикое насиліе нашихъ пьяныхъ отъ водки и палокъ солдатъ. Словъ мало, какъ-бы искренни и горячи онѣ не были, для того чтобъ снять съ насъ такую отвѣтственность. Для этого нужны дѣла, и къ дѣлу мы готовимся. Не мы одни, вся Россія съ нами готовится. Вопросъ состоитъ въ томъ: *подастъ-ли намъ Польша руку на дѣло.*

Чтобъ дѣйствовать сильно противъ общихъ враговъ, надо дѣйствовать вмѣстѣ. А для того, чтобъ дѣйствовать дружно, *надо говориться.*

Обращаюсь теперь къ братьямъ Австрійскимъ и Турецкимъ Славянамъ.

(Продолженіе въ слѣдующемъ листѣ).

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM,

КОЛОКОЛЪ

VIVOS VOCO!

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ.
Цѣна 6 пенсовъ. Получается въ Вольной
Русской Типографіи, 136 & 138 Caledonian
Road, N.

ЛИСТЪ 124.

1 МАРТА 1862.

(WITH SUPPLEMENT No. 5.)

У Трюбнера & Со. въ книжной лавкѣ,
60, Paternoster Row, и у Tchoizewski,
1, Macclesfield Street, (Gerrard Street),
Soho, London. Price six-pence.

О Г Л А В Л Е Н І Е. — А Д Р Е С С Ъ П Е Т Е Р Б У Р Г С К О Г О Д В О Р Я Н С Т В А — О К А З А К А Х ъ Н Е К Р А С О В Ц А Х ъ — С К А З А Н І Е О Б Е З Д И Ч И Н С К О М ъ П О В О И Щ Е В ъ К А З А Н С К О Й
Г У Б Е Р Н І И (П р о д о л ж е н і е) — М и р о в о й п о с р е д н и к ѣ и н е м и р н ы е п л а н т а т о р ы — Р У С С К А Я З А Г Р А Н И Ч Н А Я Л И Т Е Р А Т У Р А .

АДРЕССЪ

*который петербургское дворянство составило,
но побоялось подать государю.*

Ваше императорское величество!

Въ первый разъ послѣ изданія манифеста 19 Февраля, дворянству с.-петербургской губернии предстоитъ возможность заявить предъ правительствомъ о пользахъ и пуждахъ своихъ.

Во все время разсмотрѣнія крестьянскаго вопроса, мы имѣли неоднократно случай доказать наше сочувствіе къ мысли совершившагося преобразования и всегдашнюю готовность дворянства забывать объ одностороннихъ своихъ интересахъ въ виду общей пользы отечества. Мы не допускаемъ и нынѣ мысли о возможности ограниченія уже предоставленныхъ крестьянамъ правъ. Мы ходатайствуемъ лишь о принятіи мѣръ необходимыхъ, по нашему убѣжденію, для правильнаго развитія нашей гражданской и общественной жизни. Ходатайство ваше обнимаетъ четыре главные предмета:

1) Устраненіе главныхъ препятствій къ осуществленію дѣйствительной свободы крестьянъ.

2) Устраненіе затрудненій къ осуществленію перехода временно-обязанныхъ крестьянъ въ крестьянъ собственниковъ.

3) Приобщеніе самостоятельныхъ землевладѣльцевъ всѣхъ сословій къ составу и правамъ нашего собранія и

4) Соединеніе всѣхъ сословій губерніи въ одно учрежденіе для непосредственнаго завѣдыванія мѣстными хозяйственными пользами.

I.

а) Указанія 19 Февраля, установивъ хозяйственный бытъ крестьянъ и распространяя на нихъ права свободныхъ сословій, оставляютъ крестьянъ еще на 9 лѣтъ прикрѣпленными къ землѣ. Таковое прикрѣпленіе, необходимое для спокойнаго введенія новаго порядка, становится бесполезнымъ стѣсненіемъ, коль скоро законныя отношенія крестьянъ къ землевладѣльцамъ уже установились, даетъ имъ отпечатокъ спорности и насилія и уничтожаетъ возможность взаимнаго довѣрія, основаннаго на обоюдныхъ выгодахъ. По этому мы ходатайствуемъ о томъ, чтобы по введеніи въ каждомъ имѣніи въ дѣйствіе уставной грамоты, крестьяне немедленно

Годъ VI.

вступили въ то гражданское состояніе, которое имъ предназначается по истеченіи 9ти лѣтняго срока.

б) Кромѣ того прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ, въ которомъ они должны оставаться въ теченіи 9 лѣтъ, дѣйствительное и окончательное осуществленіе ихъ личной свободы затрудняется въ сильной мѣрѣ существующимъ подушнымъ окладомъ податей и повинностей. Это стѣсненіе весьма тяжкое могло-бы быть устранено обращеніемъ всѣхъ подушныхъ податей и повинностей въ поземельныя. Но чтобы узаконенныя нынѣ обоюдныя имущественныя права помѣщиковъ и крестьянъ оставались-бы безъ измѣненій, то выше упомянутое обращеніе повинностей предлагаемъ установить на слѣдующихъ основаніяхъ: во-первыхъ, подати и повинности, какъ денежныя, такъ и натуральныя, распредѣлить по каждому имѣнію между душевыми надѣлами такимъ образомъ, чтобы подать оставалась неразрывно связанною съ каждымъ участкомъ при передачѣ онаго другимъ лицамъ и въ случаѣ возврата его помѣщику; и во-вторыхъ, существующій нынѣ поземельный сборъ и всѣ будущія повинности распредѣлять съ наступашаго трехъ-лѣтія на всѣ земли губерніи, согласно проекту составленному Мая прошедшаго года соединеннымъ собраніемъ гг. предводителей дворянства и губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія.

II.

Для перехода крестьянъ временно-обязанныхъ въ крестьянъ собственниковъ указанъ путь къ выкупной операци; по положенію 19 Февраля, содержитъ правила препятствующія совершенію этой операци: а) по положенію выкупъ производится ежегодными платежами крестьянъ въ теченіи 49 лѣтъ, срокъ этотъ слишкомъ отдаленный, не представляетъ крестьянамъ ничего привлекательнаго и потому добровольнаго пхъ на то согласія ожидать нельзя; б) помѣщикъ при требованіи выкупа съ своей стороны лишается 20% капитальной цѣнности и ежегодно одинъ процентъ дохода съ остальной части капитальной цѣнности, всего - же теряетъ $\frac{1}{3}$ своего дохода. Явная потеря эта останавливаетъ помѣщиковъ отъ выкупа, особенно - же по имѣніямъ, заложеннымъ въ кредитныхъ учрежденіяхъ, такъ-какъ, на основаніи положенія, долги сіи отчисляются въ полной суммѣ изъ выкупной оцѣнки и только на остальную сумму выдаются процентныя бумаги: оборотъ

злотъ невозвратно инааетъ помѣщика почин половины капита-
льной цѣнности, а кредитныя учреждения получаютъ уплату
долга своего вдругъ, вопреки условно займа, объ уплатѣ оного
ежегодными платежами въ теченіи опредѣленнаго срока.

Выкупная оцѣнка правительствомъ самимъ признана
правильною и потому полагаемъ, что складку съ оной 20%
должно признать болѣе чѣмъ достаточною страховою преміею
правительству въ исправномъ поступленіи ежегодныхъ пла-
тежей съ остальныхъ 80%. При такомъ положеніи дѣла
не представляется надобности образовывать еще запасный
капиталъ и съ тою $\frac{1}{2}$ %, который съ крестьянъ взыскивается
сверхъ $5\frac{1}{2}$ %, обращаемыхъ собственно на выкупную опе-
рацію. На эти $\frac{1}{2}$ % обращены тоже расходы управленія, по-
они не могутъ быть значительны и ни въ какомъ случаѣ
равнятся этому проценту, который по рѣсчету сложныхъ
процентовъ составитъ въ теченіи 49 лѣтъ сумму, равняю-
щуюся выкупному капиталу, т. е. правительство получить
два выкупныхъ капитала. Кредитныя учреждения, лишаясь
выкупомъ крестьянскаго надѣла, частью даже можетъ быть
самой цѣлой части своего обезпеченія, имѣютъ неотъемлемое
право требовать взаимнѣ того другое равноцѣнное обезпе-
ченіе, но даѣе сего права это нейдетъ.

По сему мы полагаемъ-бы справедливымъ и соответствен-
нымъ цѣли правительства :

1) Сократить срокъ уплаты процентныхъ бумагъ по
выкупной операціи въ соразмѣрности взыскиваемыхъ съ
крестьянъ ежегодныхъ платежей безъ отчисленія части оныхъ
въ запасный капиталъ.

2) Въ обезпеченіе долговъ кредитныхъ учрежденій отсылать
въ оныя сумму выкупныхъ бумагъ, проценты съ которой
равнялись-бы ежегоднымъ платежамъ причитающимся тѣмъ
учрежденіямъ, по первоначальнымъ условіямъ займа, съ тѣмъ
чтобы по уплатѣ такимъ образомъ долговъ кредитнымъ
учрежденіямъ, выкупныя бумаги были возвращены помѣ-
щикамъ.

III.

Переходя за симъ къ другому существенному послѣдствію
уничтоженія крѣпостной зависимости, мы не можемъ не
предвидѣть, что подъ вліяніемъ новаго законодательства,
значительная часть поземельной собственности, сосредото-
ченной нынѣ въ рукахъ дворянства, будетъ приобретаема
лицами другихъ сословій. Приобрѣтеніе поземельной соб-
ственности лицами другихъ сословій даетъ имъ, на равнѣ съ
дворянами-землевладѣльцами, несомнѣнное право участвовать
въ дѣлахъ, имѣющихъ предметомъ общія всѣмъ землевла-
дѣльцамъ пужды. Исключеніе сихъ землевладѣльцевъ изъ
совѣщаній нашихъ было-бы не только оскорбительною
несправедливостію, но и отняло-бы въ скоромъ времени у
дворянскихъ собраній то существенное политическое значеніе,
которое неминуемо принадлежитъ во всякомъ государствѣ
собранію всѣхъ самостоятельныхъ представителей поземельной
собственности.

Для согласованія настоящаго ходатайства нашего съ суще-
ствующими законами, казалось-бы возможнымъ : 1) участіе
въ собраніяхъ непосредственно или черезъ полномочныхъ
предоставить лицамъ всѣхъ сословій, владѣющимъ внѣ черты
городовъ поземельною собственностію, для обсужденія на
одинаковыхъ правахъ всѣхъ вопросовъ подлежащихъ обсуж-
денію дворянскихъ собраній, исключая вопросовъ чисто

сословныхъ; право голоса приобретается поземельною соб-
ственностію, размѣръ которой имѣетъ быть опредѣленъ. Для
соглашенія сихъ главныхъ началъ съ общими законами, для
опредѣленія вопросовъ, которые должно признавать чисто
сословными и для указанія порядка разсмотрѣнія сихъ
вопросовъ исключительно дворянствомъ, испросить разрѣ-
шеніе на составленіе особой комиссіи по выбору дворянства
на уѣздныхъ сѣздахъ; 2) при общинномъ владѣніи крес-
тьянъ землею на правѣ собственности, волость признается
юридическимъ лицомъ имѣющимъ право участвовать въ
собраніи черезъ представителя, который избирается или изъ
среды чиновъ волости или изъ лицъ другихъ сословій,
имѣющихъ уже сами по себѣ право голоса въ собраніи; 3)
должности замѣщаемыя по выбору собранія сдѣлать
доступными для всѣхъ землевладѣльцевъ, имѣющихъ участие
въ собраніяхъ и 4) переименовать собраніе дворянства въ
собраніе землевладѣльцевъ, съ сохраненіемъ всѣхъ правъ,
предоставленныхъ законами дворянскимъ собраніямъ, за
исключеніемъ разсмотрѣнія, какъ выше сказано, вопросовъ
сословныхъ; губернскихъ-же и уѣздныхъ предводителей дво-
рянства называть губернскими и уѣздными предводителями.

IV.

Въ заключеніе мы считаемъ долгомъ возобновить свое хода-
тайство о возможно скорой организаціи мѣстнаго губернскаго
учрежденія изъ выборныхъ отъ собранія землевладѣльцевъ
и городскихъ обществъ, для непосредственнаго завѣдыванія
мѣстными хозяйственными пользами и приходомъ и упо-
требленіемъ всѣхъ мѣстныхъ повинностей.

Дворянству с.-петербургской губерніи, съ высочайшаго
соизволенія, было уже предоставлено составленіе предвари-
тельнаго по сему предмету проекта, но проектъ предста-
вленный высшему правительству, по разрѣшенія крестьянскаго
вопроса, не соответствуетъ нѣкоторымъ изъ возникшихъ
впослѣдствіи потребностей. Согласно сему мы полагаемъ
въ высшей степени полезнымъ учрежденіе новой комиссіи
изъ лицъ избранныхъ отъ дворянства и городскихъ обществъ,
для представленія высшему правительству дополнительныхъ
по сему предмету соображеній.

О КАЗАКАХЪ НЕКРАСОВЦАХЪ.

Печатаемъ съ искреннимъ удовольствіемъ полученную
нами небольшую статью о *Некрасовцахъ*, писанную однимъ
изъ казаковъ. Пусть этотъ опытъ найдетъ подражателей. Мы
предлагаемъ братски наши услуги всѣмъ, не принадлежащимъ
къ господствующей церкви; полная свобода вѣроисповѣданій
—одинъ изъ святѣйшихъ догматовъ нашихъ.—Изд.

“Казаки, названные Некрасовцы по *Иванію Некрасову*,
россійскіе уроженцы, жили надъ рѣкою Кубань. Но когда
покойная россійская царица Екатерина начала насъ къ своей
вѣрѣ принуждать, то нашъ полководецъ Игнатъ Некрасовъ не
согласился на то. Она издала приказъ разгромить насъ; но
наши старшины сказали : вотъ вамъ, россіяне, владѣйте
нашимъ имѣніемъ; пусть, вамъ Богъ отпущаетъ, что вы насъ
силою грабите. Мы пошли прямо въ азіатскую сторону къ
черкесамъ и поселились на Хатиби : черкесы закона не
знаютъ, а милости намъ болѣе оказали, нежели Россія, назы-
ваемая христіанская. Потому Россія начала и тамъ насъ
раззорять; тогда мы опять вынуждены были переселиться въ
Турцію, Анаголію возлѣ Самсона, въ округъ Шаршанба назы-

ваемыи, за султана Магомета, и онъ насъ принялъ съ великою честью, и даровалъ намъ права и свободы, и нашему духовенству полное право по нашей религiи. Но когда мы тамъ поселились, вѣтеръ тамъ сильно дѣтворный свирѣпствовалъ, наши старшие всѣ померли и рѣдко кто остался въ живыхъ: мы послѣдніе вынуждены были переселиться на Дунаецъ къ Дунаю. Россiя въ 1809 году насъ разорила—и такъ мы всю жизнь свою горько проводимъ; но только мы надѣемся на Бога.

Хотя былъ Петръ великій гонитель и Павелъ Петровичъ, но не было таковыхъ мучителей, яко пророкъ вопіеть: “изскочи яко левъ изъ Васана на всю вселенну” а коими паче на нашу православную христіанскую вѣру: сей мучитель подобенъ антихристу*—первый наскочилъ въ 1834 году. Саратовской губернии Иргизскіе монастыри всѣ вѣнепъ разорилъ; которые мужественно за церковь стояли—онъ приказалъ своей арміи лошадьми давить и многіе на мѣру смерть получили, а бѣдныхъ иноковъ старыхъ лѣтъ, которые по 90 лѣтъ жили, только богу молились, всѣхъ сослалъ въ закавказскіе провинціи. Потомъ бросился на дремучіе лѣса, на Керженцы и тамъ были скиты лѣтъ по триста, и никто ихъ не трогалъ, а безбожный Николай все разорилъ и разогналъ всѣхъ безъ извѣстья. А потомъ бросился въ Стародубскіе предѣлы Черниговской, Могилевской губерній, тамъ всѣ монастыри были возлѣ Гомли, въ имѣніяхъ князя Чарторыжскаго. Окаянный Николай не боялся суда божьяго и не устрашился часа смертнаго, все разорилъ: наконецъ выслалъ на разореніе генерала Алябьева, и онъ всю святыню ограбилъ, что было собрано лѣтъ въ 80, а иноковъ всѣхъ разогналъ; прочіе въ Турцію къ намъ пришли. Много Николай нашей казанкой крови пролилъ, твердыхъ людей, которые законъ держали, разослалъ по Сибири и крѣпостямъ, разлучилъ на вѣки отъ женъ и дѣтей. Въ Стародубщинѣ, въ селеніи Добрянкѣ, былъ купецъ Полянскій прозываемый, у коего покойный царь Александръ на квартирѣ становился. Николай, когда проѣзжалъ, также у него на квартирѣ становился. Старикъ отъ роду было лѣтъ 80. пріѣхалъ къ нему Николай на квартиру и сказалъ ему грозно: “я пріѣхалъ къ тебѣ объ вѣрѣ поговорить. или вѣру принять или въ Сибирь сослать”. Старикъ къ свѣту и жизнь свою окончилъ. Николай поутру сказалъ: “такъ ему и надо было”. Московскаго перваго вставщика и купца Федора Васильева Жигарева въ десятомъ часу дня схватили, въ темную коляску и посадили въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ сидѣлъ онъ четыре года, а потомъ перенесли его въ Суздальскую крѣпость, и тамъ сидѣлъ онъ 7 лѣтъ и свою жизнь окончилъ. Геронтій, бѣлокрыницкаго монастыря Архимандритъ и ученикъ его Діонисій ѣздили въ Москву для покупки: и онъ, Николай, приказалъ ихъ взять и посадить въ Петропавловскую крѣпость, и тамъ они 7 лѣтъ сидѣли, а потомъ приказалъ взять ихъ оттуда, Архимандрита Геронтія посадить въ Санктпетербургскую крѣпость, а ученика его Діонисія отвести въ Костромскую губернію Спаскую пустыню въ Никольскій монастырь, отъ Костромы 140 верстъ; до сихъ поръ сидятъ. Въ Киевской губернии, въ Богославскомъ уѣздѣ взяли епископа Конона, и посадили его Владимірской губернии въ Суздальской крѣпости Спасо-Евфимьевскомъ монастырѣ; уже шестой годъ сидитъ безъ всякой причины. А еще Бессарабской области Кишиневской губернии изъ города Измаилова взяли

и онъ тамъ сидѣлъ четыре года, и пачальство взяло отъ купца Бѣлева, и посадилъ его въ Петропавловской крѣпости, него двадцать тысячей рублей серебромъ; а причина вогъ какал: его пріятель Гончаровъ ему партикулярное письмо прислалъ изъ-за границы, только написать одинъ поклонъ. А когда русскіе войска вступили въ 1854 г. въ турецкіе предѣлы въ городъ Тульчу, тогда тамъ были нашихъ двое: архіепископъ Аркадій и епископъ Олимпій, и священникъ Федоръ, и онъ приказалъ генералу Ушакову тотчасъ ихъ взять, и въ темную коляску посадить и отправить въ Владимірскую губернію въ Суздальскую крѣпость въ Спасо Евфимьевскій монастырь, уже восьмой годъ сидитъ; Олимпій уже тамъ померъ, архіепископъ и священникъ еще живы. Смотри, Европа—что Россія дѣлаетъ, своихъ подданныхъ своей крови—заставила страдать по аинтеснымъ сторонамъ: но намъ хотя и горько проживать въ Азии, однакожъ мы имѣемъ свои селенія, имѣемъ своихъ женъ и дѣтей; хотя и горько намъ, что удалены мы сто пятьдесятъ лѣтъ отъ своего отечества: но не такое имѣемъ горе какъ бѣдные поляки, что не имѣютъ своего пристанища, растерялись по всему шару земному.

“Умилосердися, Европа, и взмилуйся на насъ Некрасовцовъ, и спроси Россію, чтобы она показала причину, что мы ей противнаго сдѣлали? пусть подастъ объясненіе. Сколько было царей на свѣтѣ идолопоклонническихъ, Діоклетіаны и Траяны, и Максимилианы и Юліаны-Отступники и Константины-Копровимы, но не было такихъ, какъ Николай-Россійской.

“Теперь ты, Николай, великую честь отъ людей заслужилъ: люди и нынѣ живутъ, а тебя поминуютъ и мертвого тебя проклипаютъ. И когда Николай на престолъ на царство садится, и тогда его престолъ кровью гварденскою обитиса, и господь повѣшалъ: нынѣ ихъ вся вселенная узнала, и за мучениковъ ихъ почитаетъ, и память имъ творятъ, и Бога молятъ, а Николая помять и душу его вѣчно проклипаютъ.

Сочинилъ Некрасовецъ Казакъ
въ Турціи живущій.

1 Декабря 1861 г

СКАЗАНИЕ

О бездннскомъ побойцѣ въ казанской губернии по случаю
освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ
(Продолженіе)

(коня)

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ, СВЯТЫ ЕГО
ВЕЛИЧЕСТВА ГЕНЕРАЛЪ-МАЮРА АНРАКСИНА

Въ собственныя руки

РАПОРТЪ

“Со дня обнародованія манифеста и до полученія Положенія въ Казанской губернии, все казалося спокойнымъ, хотя помѣщики уже нѣсколько жаловались на лѣнивое производство работъ крестьянами, говоря, что это замѣчено ими еще съ самаго пачала вопроса объ уничтоженіи крѣпостнаго права. Общая безграмотность помѣщичьихъ крестьянъ такъ велика, что людей, хорошо читающихъ и понимающихъ смыслъ печатныхъ статей, между ними можно сказать, что нѣтъ, и большая часть такихъ, которые едва читаютъ по складамъ. Получивъ Положеніе они сначала обратились для объясненій къ помѣщикамъ, дворовымъ людямъ, священникамъ и мѣстнымъ начальникамъ: по видя, что мечтаемой ими воли въ Положеніи никто не

* Опять такъ нашъ незабвенный!

вычитывается, т. е., что барщина не уничтожена и земля должна оставаться во владѣніи помѣщиковъ, они стали не довѣрять *образованному сословію* и искали чтецовъ между грамотными крестьянами; эти толкователи, получая за это отъ крестьянъ деньги, и изъ видовъ корыстолюбия(?), нѣкоторые же, какъ можно предполагать изъ ненависти противу помѣщиковъ, поняли, что могутъ при настоящихъ обстоятельствахъ, воспользоваться невѣжествомъ крестьянъ, начали дѣлать самыя пелѣвыя толкованія новаго узаконенія, одинъ изъ главныхъ такихъ толкователей села Бездны Спасскаго уѣзда крестьянинъ Антонъ Петровъ (дѣлался у нихъ какимъ-то пророкомъ, возбудилъ даже фанатизмъ, увлекавъ крестьянъ разсказами, сообразуясь съ господствующею въ умахъ ихъ идеею и понятіемъ о волѣ, подкрѣплялъ всѣ доводы свои именемъ вашего величества и всемогущаго Бога, даровавшаго ему право объявлять крестьянамъ свободу и избавленіе отъ помѣщиковъ, къ чему сдѣлалъ примѣненіе одного изъ пунктовъ образца уставной грамоты, въ которомъ сказано: послѣ 100^й ревизіи отпущено на волю столько-то, онъ имъ растолковалъ, что это значитъ, что государь далъ вамъ волю уже съ 1858 года, но помѣщики это скрывали; поэтому, вся земля вамъ принадлежитъ и весь хлѣбъ, собранный и проданный въ продолженіе двухъ прежнихъ лѣтъ должно взыскать съ помѣщиковъ. Другой примѣръ подобнаго-же объясненія относится къ правиламъ о порядкѣ приведенія въ дѣйствіе Положеній о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, гдѣ сказано, что со дня обнародованія Положеній прекращаются: и затѣмъ, не читая, что далѣе слѣдовало, онъ объяснялъ имъ эту статью такъ, что слово “прекращаются”, значитъ все прекращается—чистая воля,—выраженіе, подъ которымъ они понимали совершенную свободу отъ всѣхъ повинностей и обязанностей и правъ на всю землю. Кромѣ этихъ двухъ примѣровъ было множество другихъ, которыхъ всѣхъ исчислить невозможно, но которые произвели совершенное неповиновеніе крестьянъ къ учрежденнымъ отъ правительства властямъ и лицамъ могущимъ имѣть на нихъ вліяніе”.

Не только въ Спасскомъ уѣздѣ въ с. Безднѣ, но и по всей безъ исключенія Россіи, чтеніе манифеста, а потомъ Положенія повергло бѣдныхъ крестьянъ въ совершенное уныніе. Крестьяне никакъ не могли представить себѣ свободу безъ куска земли, съ сохраненіемъ барщины. Обратиться за объясненіями нѣтъ было не къ кому. Къ помѣщику они и не смѣли сунуться, да, конечно, и не вѣрнѣ, подотрѣвая, что тотъ можетъ имъ и наврѣть чего нибудь, въ свою пользу. Образованное сословіе дворовыхъ людей и само-то ничего не понимало въ Положеніи, да еще жестоко и само было обижено статьею о своемъ устройствѣ, по которой помѣщики могли драть ихъ чрезъ полицію до истеченія срока обязательныхъ работъ. Дьячковъ и пономарей напугали, что разстригутъ, если будутъ читать Положенія, а пономарь, которые готовы ноги лизать у помѣщиковъ изъ за рюмки водки, крестьяне довѣряли столько-же, сколько и самимъ помѣщикамъ. И такъ, къ кому-же имъ было и обратиться какъ не къ грамотному человѣку изъ своей среды? Что на Антона Петрова не смотрѣли, какъ на пророка, и, что онъ не возбуждалъ фанатизма, это не трудно доказать. Въ Казани живетъ богатый татаринъ кузнецъ Юнусовъ, котораго чуть было не вткнули въ Безднинское дѣло и вотъ по какому случаю. Будучи человѣкомъ богатымъ и вмѣстѣ добрымъ, онъ никогда не отказывалъ въ помощи сельскимъ татарамъ, чѣмъ и приобрѣлъ между ними большую популярность. Видя, что Безднинскіе крестьяне сильно озабочены непонятной волею, одинъ татаринъ, соседъ нн шабра по деревнѣ, предложилъ имъ послать къ Юнусову въ Казань депутатовъ съ Положеніемъ, увѣряя, что тотъ имъ все ужъ объяснитъ, какъ слѣдуетъ, безъ всякаго обмана. Если-бы въ Антона Петрова вѣровали, какъ въ пророка, то конечно, татарину-бы не повѣрили, а между тѣмъ они немедленно собрали по копѣйкѣ съ души, всего рублей 8, чтобы на эти деньги отправить депутатовъ къ Юнусову. Апраксинъ, неизвѣстно почему, не пустилъ крестьянъ къ Юнусову, вѣроятно изъ зависти, что самъ равно ничего не могъ объяснить, а потомъ, самымъ сборъ проигранныхъ денегъ, которыя пошлѣ въ міръ, онъ посѣ выставилъ, какъ доказательство жадности Антона Петрова.

Далѣе, даже въ рапортѣ Апраксина нигдѣ не сказано, чтобы Безднинскіе крестьяне взяли хотя-бы горсть помѣщичьяго хлѣба: а развѣ можно ожидать подобной воздержности, если-бы они увлеклись фанатизмомъ къ Антону, который будто-бы толковалъ, что съ 58-го года, подобно съ помѣщиковъ взыскать и проданный ими хлѣбъ? Кромѣ этихъ двухъ пелѣвыхъ, ничѣмъ не доказанныхъ примѣровъ, Апраксинъ самъ говоритъ, что нѣтъ еще “множество другихъ, которыхъ всѣхъ исчислить невозможно”!!

“Жалобы помѣщиковъ объ отказѣ крестьянами исполнять работы, начали безпрестанно поступать отъ предводителей дворянства въ губернатору, такъ что, по совѣщанію съ нимъ 8 Апрѣля, я отправился въ Спасскій уѣздъ, гдѣ предводитель жаловался на важныя нарушенія порядка. Приѣхавъ въ Спасскъ 9го числа, я послалъ просить къ себѣ предводителя и исправника, которые находились тогда въ одномъ изъ самыхъ большихъ имѣній Спасскаго уѣзда, с. Безднѣ, помѣщика Мусина Пушкина, состоящаго въ числѣ 831 души, при 10,000 десятинъ. Крестьяне-же этого селенія всѣ вообще весьма зажиточны. Въ 5 часовъ утра 10го числа приѣхалъ ко мнѣ въ Спасскъ предводитель и передалъ слѣдующее: въ с. Безднѣ явился толкователь изъ крестьянъ той-же вотчины, Антонъ Петровъ, который отыскалъ въ Положеніи чистую волю и началъ проповѣдывать объ этомъ во всѣхъ окрестностяхъ. Къ нему съѣзжались крестьяне со всѣхъ сторонъ, даже изъ довольно дальнихъ селеній: днемъ и ночью охраняли его домъ и никого туда не пускали, такъ что, не имѣя никакой силы, невозможно было взять проповѣдника, ни пророка, какъ они его почитали.*

“Въ Спасскомъ уѣздѣ считается около 23,000 душъ помѣщичьихъ крестьянъ. Войскъ резервной дивизіи въ этомъ уѣздѣ не расположено, и только въ г. Спасскѣ находится одна инвалидная команда. Къ тому-же Волга и Кама отдѣляютъ этотъ уѣздъ отъ другихъ той-же губерніи и препятствуютъ въ скорымъ сообщеніямъ, въ особенности во время распутицы.† Предводитель передалъ мнѣ, что никакія увѣщанія, даже священника, не послужили къ убѣжденію жителей Бездны, и какъ только кто начиналъ вразумлять крестьянъ, толпа поднимала крики: воля! воля! желая уничтожить этимъ всякую возможность привести къ повиновенію даже тѣхъ изъ нихъ, которые могли-бы понять и образумиться.

“Видя такое положеніе дѣлъ, я немедленно написалъ предписаніе командиру 4ой роты Тарутинскаго полка, расположеннаго въ Теплошахъ, прислать роту въ с. Никольское, отстоящее отъ Бездны въ 7 верстахъ, самъ-же съ уѣзднымъ предводителемъ отправился въ Бездну, чтобы испробовать мѣры кротости и увѣщанія. Приѣхавъ въ контору, я послалъ исправника сказать собравшимся въ деревнѣ толпѣ, чтобы она пришла въ контору селенія, куда приѣхалъ адъютантъ императора, обязанный разъяснить имъ всѣ встрѣтившіяся недоразумѣнія, на что они отвѣчали: “не пойдемъ, пусть сюда идетъ самъ”, а потомъ, по обыкновенію, начали общий крикъ: воля! Послѣ чего отправился къ нимъ предводитель и также убѣждать ихъ безъ сопротивленія идти за нимъ для объясненій къ приѣхавшему адъютанту государя, представляя имъ всѣ ужасныя послѣдствія ихъ неповиновенія властямъ и средства, къ которымъ

* Удивительныя вещи донесъ Апраксину Спасскин дворянскій предводитель! Антонъ Петровъ началъ проповѣдывать по всѣмъ окрестностямъ, къ нему съѣзжались со всѣхъ сторонъ и, вмѣстѣ съ этимъ, къ нему никого не пускали, слѣдовательно никто его не видалъ и нигде онъ не ходилъ и безъ всякой силы не было взять проповѣдника, какъ будто не-проповѣдника можно взять безъ всякой силы!

† Апраксинъ позабылъ о существованіи села Кокради, по ту же сторону рѣкъ, на которой и онъ былъ. Въ этомъ селѣ находилась рота солдатъ.

должно будет прибѣгнуть правительству, для приведенія ихъ въ повиновеніе, но, получивъ отъ крестьянъ тотъ-же отвѣтъ, что они не пойдутъ, предводитель объявилъ имъ, что адъютантъ государя Апраксинъ, будетъ ихъ ждать еще полчаса и, если они не одумаются [*зачеркнуто* : то онъ уѣдетъ и пріѣдетъ возвратиться назадъ только назадъ для] то онъ приметъ строгія мѣры непослушанія. Отвѣтомъ на это было повтореніе [неистоваго] крика воля! Прждавъ безуспѣшно [пол]болѣе часа времени, я поѣхалъ [*зачеркнуто* : но я уѣхалъ навстрѣчу переправившейся черезъ Волгу 13 ротѣ Тарут. п. п. и направленной въ с. Никольское]* рѣшившись не предпринимать ничего противу крестьянъ с. Бездны до прибытія требуемаго войска”.

Прежде, чѣмъ Апраксинъ написать это извѣстіе, у него находится цѣлая зачеркнутая страница, исписанная выраженіями : “послѣ чего предводитель дворянства потерявъ надежду въ убѣжденіяхъ, предводителемъ дворянства дасть мнѣ знать, имъ было объявлено, что отвѣтъ былъ крестьянъ, имъ было объявлено, что”..... и проч].

“Между тѣмъ, какъ изъ полученныхъ мною извѣстій я узналъ, что въ селѣ Бездна собралось и собирается еще огромное число крестьянъ изъ окрестныхъ деревень, почему, для усиленія двухъ ротъ, я сей-часъ послалъ предписание къ командиру инвалидной команды Спасска привести въ с. Никольское, 11 ч. вечеромъ, всѣхъ свободныхъ отъ служебныхъ занятій людей. Собравъ такимъ образомъ 11 числа 231 ч. войска, я рѣшился дѣйствовать съ ними на другой день, потому, что скопище людей въ Безднѣ возрастало съ неимоверной быстротою, а прибытіе еще двухъ ротъ изъ Чистополя я не могъ ожидать ранѣе четырехъ или пяти дней, оставлять же въ такомъ положеніи дѣло было опасно. Властей никакихъ уже не существовало и, назначивъ своихъ распорядителей по указанію Антона Петрова изъ крестьянъ, хвалились, что выгнали изъ деревни исправника и предводителя и въ продолженіи всей ночи 12 числа толпы крестьянъ конныя и пѣшія напавъ являлись въ Бездну, гдѣ тотъ-же Антонъ Петровъ давалъ волю, землю, назначалъ начальствующихъ лицъ, говоря, что онъ въ скоромъ времени освободитъ 34 губерніи. 12 утромъ въ его толпѣ были уже люди, пріѣхавшіе даже изъ Симбирской и Самарской губерніи изъ казенныхъ крестьянъ и нѣсколько татаръ. [Видя это, я не могъ дожидаться 2 ротъ, посланныхъ по распоряженію военнаго губернатора, которыя должны были прибыть, одна къ 15, а другая къ 16 числу] и потому двинулъ собранную мною команду въ 5½ часовъ утра въ с. Бездну. При мнѣ находились въ это время предводитель, исправникъ и двое адъютантовъ : Половцевъ и Золотницкій. Во все время перехода войска толпы народа продолжали собираться въ Бездну, [прибавлено—“видны были толпы народа, наблюдающаго за нашими движеніями и направляющіися”...—но зачеркнуто потому, что ровно ничего не было видно”!]

“При входѣ въ началѣ селенія, мы увидѣли небольшой столъ съ хлѣбомъ и солью и двухъ стариковъ, стоявшихъ безъ шапокъ, которыхъ я спросилъ : для кого эта соль и хлѣбъ приготавливаются? на что и отвѣтили [смутившись] нерѣшительно : для васъ, по приказанію начальства; начальство-же было назначено бунтовщиками; но между тѣмъ, въ послѣдствіи объяснилось, что это было сдѣлано для встрѣчи всѣхъ пріѣзжающихъ

* Цѣль зачеркнуть это—очевидна. Желая чѣмъ-нибудь оправдаться въ ненужной стрѣльбѣ, онъ говоритъ, что войска у него было мало : Волга препятствовала; а тутъ поѣхалъ встрѣчать заволажскую роту!

записаться въ соучастники Антона Петрова. Я [строго] приказалъ убрать столъ и старикамъ идти домой, [продолжая двигаться по деревни, встрѣчались небольшія скопища, которыя снимали предъ войскомъ шапки]. Дойдя до церкви, стоявшей въ серединѣ села, я призвалъ священника, чтобы еще разъ испытать мѣры кротости, при чемъ онъ объявилъ мнѣ, что онъ неоднократно увѣщалъ народъ, но безуспѣшно, потому, что упорство возбужденное въ немъ такъ сильно, что едва-ли остается какая-нибудь надежда къ вразумленію его словами и убѣжденіемъ, но я хотѣлъ испытать еще разъ такіа мѣры и лично убѣдиться въ бесполезности этихъ средствъ, рассчитывая въ пастоящемъ случаѣ на моральное дѣйствіе и присутствіе войска, почему и просилъ его идти съ отрядомъ [въ облаченіи и съ крестомъ для увѣщанія сборища]. Впереди насъ, почти что на концѣ улицы, [на разстояніи 100 сажень, 180 сажень, 100 шаговъ] около дома Антона Петрова, во всю ширину улицы стояла сплошная масса [около 5 тысячъ, до 5000 и болѣе]. Подожди на разстояніе [180] 170 шаговъ поставилъ команду. Для перваго увѣщанія я послалъ двухъ адъютантовъ губернатора, которыхъ слова толпа старалась заглушить криками : воля! Адъютанты возвратились, предупредивъ крестьянъ, что если они не выдадутъ Антона Петрова, и не разойдутся по домамъ, то по нимъ будутъ стрѣлять. Тогда послалъ я священника съ крестомъ, онъ увѣщевалъ ихъ долго и говорилъ, что если не повинуются, то чтобы разходились, иначе будутъ стрѣлять; они и послѣ священника продолжали свои крики, тогда я самъ подѣхалъ къ толпѣ, объяснилъ имъ возложенное на меня порученіе и приказывалъ выдать Антона Петрова или разойтись, но ничто не могло подѣйствовать на ужасное упорство и убѣжденіе этихъ людей, они кричали : “намъ не нужно посланнаго отъ царя, но самаго царя давай намъ, стрѣляйте—но стрѣлять вы будете не въ насъ, а въ Александра Николаевича. Тогда я заставилъ ихъ замолчать”.

Въ черновомъ рапортѣ Апраксина находится нѣсколько экземпляровъ рѣчи, будто-бы сказанной имъ народу. Ясно, что онъ сочинялъ послѣ эту рѣчь, которую вовсе не говорилъ. Привожу ихъ здѣсь.

Но. 1. [“и сказалъ имъ, что начальство, которому они подчинены и ввѣрены самимъ государемъ, истощило уже всѣ способы и мѣры кротости, прибѣгая къ увѣщанію ихъ и стараясь вразумить и вывести ихъ изъ заблужденія, въ какомъ они находятся, подчиняясь обману, разсѣваемому между ними изъ своихъ выгодъ Антономъ Петровымъ(!), а потому ежели они не послушаются и теперь еще сдѣланныхъ имъ наставленій, то вынудятъ меня прибѣгнуть къ послѣднему средству, на которое дано мнѣ право государемъ, и я прикажу войску стрѣлять”, но на мои слова отвѣтомъ было повтореніе криковъ воля! Возвратясь къ войскамъ, я еще *знаками и голосомъ* уговаривалъ ихъ разойтись, но никто не тронулся”].

Но. 2. [“И сказалъ имъ : вы уничтожили, какое у васъ повиновеніе къ царю, когда вы не признаете властей, имъ установленныхъ, при чемъ напомнилъ, что мнѣ дана власть силою принудить ихъ подчиниться узаконеніямъ вашего величества”].

Но. 3 [“И послѣдній разъ старался ихъ вразумить и сказалъ, что буду въ нихъ стрѣлять, и наконецъ объявилъ, что буду стрѣлять и чтобъ тѣ, которые не чувствуютъ себя виновными, уходили—отопли”].

Но. 4. [“И сказалъ имъ : жаль мнѣ ребята васъ, но я буду стрѣлять, тѣ, которые чувствуютъ невинными—удалитесь”].

Но видя, что никто не уходит и толпа продолжает кричать и упорствовать, я приказал одной шеренгѣ сдѣлать взалпъ*. Послѣ котораго снова было сдѣлано увѣщаніе, но толпа все неистовствовала, тогда я вынужденъ былъ сдѣлать нѣсколько взалповъ, къ этому побуждало меня болѣе, что крестьяне, замѣтивъ значительный промежутокъ между залпами, начали [продолжали произносить крики] въ большемъ количествѣ выходить изъ дворовъ съ крикомъ : за колыями ! И угрожали оружіемъ насъ [и угрожали окруженіемъ и давленіемъ нашу команду] [это заставило меня еще повторить нѣсколько залповъ шеренгами одинъ за другимъ].

“Они разсѣялись и послышались крики о выдачѣ Антона Петрова, который, между тѣмъ, хотѣлъ скрыться изъ селенія задами, но былъ предупрежденъ казаками, захватившими приготовленную для него лошадь. Тогда Антонъ Петровъ вышелъ изъ дома передъ войско, неся положеніе о крестьянахъ надъ головою и тутъ былъ взятъ вмѣстѣ съ выданными имъ сообщниками и отправленъ въ острогъ города Спасска. Послѣ выдачи Петрова приступлено было къ уборкѣ тѣлъ и подавню помощи раненымъ. Но повѣркѣ оказалось убитыхъ 51, раненыхъ 77

“Рѣшительность эта принята мною по малочисленности войска и ежеминутно возрастающаго возмущенія [доходящаго до неистовства] принимающаго огромныя размѣры. Она была необходима для водворенія спокойствія не только въ этой деревнѣ, но и во всемъ населеніи нѣсколькихъ уѣздовъ Казанской губерніи, вышедшихъ изъ повиновенія всякой власти и дошедшаго до такой степени, что пріѣхавшаго въ свою деревню Щербетъ помѣщика штабъ-ротмистра лейбъ-гвардіи Молоствова крестьянинъ на сходкѣ схватилъ за грудь и сказалъ ему : убирайся отсюда, тебѣ здѣсь нечего дѣлать !”. Въ селахъ Пикольскомъ и Трехъ-озерахъ, при разговорѣ моемъ съ крестьянами, гдѣ я объяснялъ, что посланъ отъ государя для разрѣшенія недоразумѣній и водворенія порядка, отходя отъ меня нѣсколько шаговъ, толпа говорила, что я не настоящий адъютантъ вашего величества, а переодѣтый въ мундиръ помѣщиками въ серебрѣ. Вообще могло произойти общее возстаніе въ Казанской губерніи (??!).

“Нынѣ волненіе нѣсколько подавлено, за работы принялись, прежнія власти восстановлены, но злонамѣренные люди распускаютъ еще слухи, что освобожденіе крестьянъ с. Бездны совершенно окончено и, что посланный отъ государя графъ, потрепавъ по плечу пророка Антона, надѣлъ на него золотое платье и шпагу и отправился къ государю, откуда онъ скоро возвратится уже съ совершенною волею.

“По моему мнѣнію для водворенія совершеннаго спокойствія, необходимо нѣсколько усилить число войскъ и примѣрно казнить главныхъ виновниковъ, надъ которыми вмѣстѣ съ симъ учреждается военно-судная коммиссія”.

15 Апрѣля 1861 г. Казань.

Вѣрно : графъ Апраксинъ.

Вотъ и весь этотъ знаменитый рапортъ, въ которомъ безднинское дѣло, описано какъ будто правильно, а въ сущности въ немъ — игра разгоряченнаго воображенія. Апраксинъ слышитъ крики, которыхъ не было слышно; народъ собрался въ Бездну, чтобы узнать отъ царскаго посла объясненіе Положенія — а Апраксину чудится, что его хотятъ убить: его встрѣчаютъ при вѣздѣ въ Бездну два старика, безъ

шапокъ, съ хлѣбомъ и солью, — а онъ думаетъ, что въ коровняхъ хлѣба запечена адская какая-нибудь машина.

Вотъ какъ происходило все дѣло; не довѣря помѣщикамъ и попамъ, крестьяне обратились къ Антону Петрову съ просьбою : объяснить имъ Положеніе. Кромѣ графа Апраксина пророкомъ никто его не называлъ, а просто считали его за умнаго, честнаго и грамотнаго крестьянина. Не пріѣзжай Апраксинъ изъ Петербурга — навѣрное можно сказать, что никакого бунта не было-бы. Даже изъ рапорта Апраксинскаго сочиненія не видно, чтобы крестьяне предпринимали какія нибудь противозаконныя дѣйствія. Исправника никто и пальцемъ не тронулъ, изъ помѣщичьихъ амбаровъ не взяли ни зерна хлѣба, самому помѣщику Бездны, Пушкину тоже никакого оскорбленія сдѣлано не было. Когда въ Бездну пріѣхалъ губернаторскій адъютантъ, то всѣ предъ нимъ снимали шапки и, когда ямщикъ его уронилъ кнутъ на улицѣ, столпившіеся крестьяне подали кнутъ ямщику, вѣжливо раскланявшись съ адъютантомъ. Всѣ эти, по видимому ничтожные факты, какъ нельзя лучше доказываютъ, что озлобленія между крестьянами никакого не было. Когда разнеслась молва, что въ Бездну ѣдетъ царской посоль, то крестьяне собрались на улицѣ въ надеждѣ узнать о волѣ изъ этого вѣрнаго источника, но когда царскій посоль изъ грусти, никакъ не рѣшился выглянуть изъ конторы, а началъ требовать крестьянъ къ себѣ, чрезъ исправника, тогда въ крестьянахъ зародилось сильное недовѣріе. Они подумали, что царскаго посланника вѣрно никакого и нѣтъ, иначе онъ-бы показался; а что это просто исправникъ хочетъ заманить ихъ въ ловушку, чтобы отогнать въ конторѣ. Вслѣдъ за исправникомъ, Апраксинъ послалъ къ народу уѣзднаго дворянскаго предводителя, который передалъ народу что “царскій посоль будетъ ждать еще полчаса, а потомъ уѣдетъ и съ солдатами возвратится назадъ”. Галиматія эта конечно, нисколько не убѣдила крестьянъ. Она, напротивъ окончательно убѣдила ихъ, что никакого царскаго посла въ конторѣ вовсе нѣтъ, иначе зачѣмъ бы онъ сталъ отъ нихъ скрываться? Народъ въ недоумѣніи толпился по улицамъ, а Апраксинъ уѣхалъ изъ Бездны, не видавшись съ народомъ, съ намѣреніемъ поскорѣ набрать войска и явиться съ нимъ въ Бездну душировать народъ, неизвѣстно зачѣмъ и за что. Ему показалось, что Безднинскіе бунтовщики имѣютъ сношенія съ Симбирской и Самарской губерніями; поводомъ-же къ сочиненію этой нелѣпой басни послужило то обстоятельство, что къ Безднинскому мужику пришелъ погостить родственникъ изъ Самарской губерніи. Крестьянамъ, какъ видно, наскучило толпиться по улицамъ Бездны безъ всякаго толку: они начали расходиться, такъ что наканунѣ стрѣляннаго народу было вдвое болѣе, нежели въ самый день побоища. Можно съ увѣренностью сказать, что при медленныхъ, разумныхъ мѣрахъ всѣ бы и сами разошлись и принялись бы за свое дѣло. Еще за версту отъ Бездны, Апраксинъ приказалъ солдатамъ зарядить ружья, изъ опасенія засады. Встрѣча, впрочемъ, была ему сдѣлана очень мирнаго свойства. Около небольшого стола, на которомъ былъ хлѣбъ съ солью, стояли два старика съ явнымъ намѣреніемъ встрѣтить царскаго посла съ хлѣбомъ и солью. Графъ послалъ адъютанта съ приказаніемъ, что-бы старики взяли хлѣбъ и убрались-бы домой. Возвратившись въ Бездну съ солдатами, Апраксинъ все таки не показался народу, послалъ пона, который уже и

* Все это такъ точно написано рукою его сиятельства,

прежде доказать свою неспособность въ искусствѣ проповѣдованія, три раза гонялъ онъ бѣднаго попа съ крестомъ и съ отрядомъ солдатъ, чтобы произвести моральное дѣйствіе на народъ, но, не смотря на крестъ и солдатъ, поплъ все-таки не произвелъ никакого моральнаго дѣйствія. Потомъ послалъ онъ губернаторскаго адъютанта и, наконецъ, явился самъ съ своей прекрасной рѣчью, въ которой сказалъ, что стрѣлять сей-часъ будетъ; крестьяне стояли, сложа руки, они никакъ не могли повѣрить, что государь прислалъ къ нимъ человека съ такимъ приказомъ. Они все болѣе убѣждались, что это не адъютантъ, а какой нибудь агентъ помѣщиковъ. Они полагали, что стрѣлять въ нихъ не посмѣютъ тѣмъ болѣе, что и не за что было. Апраксинъ расположилъ свою армию такимъ образомъ, что ее легко было захватить голыми руками, если-бы крестьяне дѣйствительно вздумали бунтовать. Впереди стояла толпа изъ нѣсколькихъ тысячъ человекъ, сзади и сбоку улица, съ другого бока прудъ и огороды, изъ которыхъ можно было дѣйствовать камнями, крестьянамъ очень было легко окружить и задавить 230 человекъ Апраксинскаго войска. Апраксинъ велѣлъ стрѣлять.

Крестьяне видя, что ихъ бьютъ не на шутку, въ ужасѣ ударились бѣжать, Апраксинъ приказалъ бить въ догонку. Въ числѣ тяжело раненыхъ человекъ до десяти получили раны въ спину. Антонъ Петровъ не думалъ никуда скрываться, а что на задахъ наши лошади—тутъ ничего нѣтъ мудренаго: лошади постоянно падаютъ на задахъ. Апраксину хотѣлось было показать убитыми человекъ пять-шесть, но офицеръ сообщилъ, что здѣсь не Кавказъ—скрывать невозможно. Однако-же все таки цифры сообщенныя—не вѣрныя. Вотъ настоящія:

Убитыхъ на мѣстѣ	51 человекъ
Умершихъ отъ ранъ до прибытія врача	32
Раненыхъ	89
Изъ нихъ умерло и безнадежныхъ	25

Легко раненыхъ сосчитать невозможно. потому что изъ опасенія подвергнуться наказанію, многие скрывали раны. Не смотря на донесеніе Апраксина, будто онъ тотчасъ послѣ стрѣльбы приступилъ къ подаванію помощи раненымъ, помощи никакой въ сущности не было. Разстрѣливанье мужиковъ производилось 12-го, а врачъ, командированный врачебною управою, по случаю распутицы, прибылъ только 15-го числа, да и то не могъ оказывать серьезной помощи, потому что хирургическіе инструменты привезены изъ Казани черезъ долъ не въ томъ послѣ стрѣльбы. Нѣкоторые изъ помѣщиковъ оказываютъ своимъ раненымъ крестьянамъ очень оригинальное пособіе. Такъ помѣщица *Дворникова* лечитъ крестьянина на свои счетъ, съ нѣбольшою примѣрно его наказавъ по излеченіи. Она часто навѣщала больного и упрекала его въ неблагодарности. Я тебѣ, говоритъ, домъ построила, лошадь купила—а ты бунтовать вздумалъ, бестія! Вотъ я задамъ тебѣ баню выздоравливай только. При подобныхъ условіяхъ разумѣется больныхъ нѣтъ особеннаго желанія поскорѣе выздороветь. Хладнокровіе къ смерти у нихъ изумительное. Рассказываютъ, что Бездинскій помѣщикъ Мусинъ Пушкинъ обрадовался, когда узналъ, что убито человекъ сто и стало больше земли останется. Не имѣя никакихъ основаній говорить будто Апраксинъ дѣйствительно принималъ какия нибудь мѣры къ подаванію помощи раненымъ, мы отдадимъ ему справедливость въ другомъ отношеніи. Очень быстро заходящи въ яму тѣла застрѣленныхъ мужиковъ, онъ казалось, желалъ

сдѣлать что нибудь пріятное для остальныхъ жителей селенія. Такъ какъ на мѣстѣ боины скопился большія лужи крови, то онъ распорядился, чтобы бабы таскали воду изъ пруда и вымыли бы улицу. Когда бабы смыли съ улицы мужицкую кровь, тогда графъ принялся за Антона Петрова.

(Окончаніе въ слѣдующемъ листѣ).

мировой посредникъ и немирные плантаторы.

Письмо къ посреднику г. Милыницкому.*

М. Г. Димитрій Николаевичъ!

Со вступленіемъ Вашимъ въ должность Мироваго Посредника, дѣятельность Ваша была вѣздѣ такъ односторонняя и такъ постоянно направлена ко вреду Помѣщиковъ, что во всѣхъ мѣстѣхъ, на которыя она распространилась, повела только къ неповиновенію крестьянъ и въ слѣдствіе того къ растроянству хозяйства, какъ Помѣщиковъ, такъ и ихъ собственнаго. У однихъ остановились всѣ полевые работы и онѣ понесли невозвратный убытокъ. У другихъ за небылые дни и недаѣлы накопились неоплатныя взысканія. Последнее изслѣдованіе Мироваго Съѣзда безпорядковъ въ вотчинѣ Г. Осиповой въ Селѣ Тригорскомъ обличило въ такой степени пристрастіе, ваше что остальные гг. Посредники вынуждены были прекратить общее съ Вами разбирательство; мы-же не желая чрезъ то потерять ихъ благородную и общепользую дѣятельность и защитить себя отъ Вашей, предосудительной и для всѣхъ вредной(?), просимъ Васъ сложить съ себя должность Мироваго Посредника, на которую Вы доказали, что не имѣете никакого права, на основаніи чего подлинное подписали: *Графъ Сиверсъ, Александръ Лихаровъ, Іосифъ Лавровъ, Ст. Фамилицынъ, А. Семеновъ, Н. Травинъ, П. Пленъ, Андрей Карловъ, В. Ваксель, А. Ордыловскій*, душою преданный(?) *А. Кузнецовъ, А. Прецкій, А. Балунтъ, А. Верхманъ*. 4 Декабря 1861 Года. Г. Опочка.†

ОТВѢТЪ ПОСРЕДНИКА.

М. Г. Графъ Яковъ Карловичъ!

Письмо, переданное Вами мнѣ за подписью 14 человекъ гг. Дворянъ (отъ 4 Декабря), въ числѣ которыхъ стоятъ и Ваше имя, вызываетъ меня, по долгу вѣжливости, къ отвѣту, который начну съ того, что сдѣлаю выписку изъ этого же письма, чтобы по прочтеніи обвиненій вводимыхъ на меня, и по ихъ разъясненіи, возможно было оцѣнить: кто болѣе руководимъ былъ справедливостью, здравымъ смысломъ и уваженіемъ къ законамъ—этими необходимыми помощниками, чтобы сдѣлать что нибудь разумное.

(Слѣдуетъ текстъ).

Дѣятельность мою я дѣйствительно направлялъ всегда на одну сторону—на сторону справедливости и законныхъ указаній, и если я, руководясь ими, рѣшалъ возникавшія недоразумѣнія между крестьянами и ихъ прежними владѣльцами не въ пользу помѣщиковъ, къ числу которыхъ принадлежу и я, то это было тогда, когда того требовала справедливость.

Поставте Вы Графъ себя, и всѣхъ подписавшихъ письмо, на мое мѣсто, если бы къ Вамъ явился съ жалобою, какъ явились ко мнѣ дворовые люди Г. Фамилицына, чуть не въ одеждѣ праотца нашего Адама, неужели бы Вы не подумали, какъ думалъ я въ то время, что мы живемъ не въ Южной Америкѣ, гдѣ и климатъ и убѣжденія плантаторовъ, допускаютъ подобныя явленія съ неграми—и, на основаніи Положенія, убѣдили бы владѣльца улучшить бытъ дворовыхъ людей! Разумѣется слѣдствіемъ этого былъ ущербъ кошельку помѣщика. Но могъ ли кто либо, дорожа именемъ честнаго человека, поступить другимъ образомъ? и потому благородно ли съ его стороны враждовать за это и возбуждать другихъ?

* Въ опоченскомъ уѣздѣ, псковской губерніи.

Русскія газеты, помѣщающія чрезвычайно интересныя подробности о мировыхъ посредникахъ и разныхъ крѣпостникахъ, какъ-то пропустили эту переписку, случайно попавшуюся намъ.—Ред.

† Мы оставили орфографію кони.

Или, кто изъ Васъ, имѣя прямую обязанность, не разъяснилъ бы крестьянину, имѣющему семейство, которое могло остаться безъ куска хлѣба, что онъ имѣетъ право на надѣлъ земли, которой ем. — изъ челоѣколюбивыхъ началъ — старались не дать? Я разъяснилъ крестьянину его новыя права, и результатомъ этого было, что я заслужилъ неприязнь молодого Г. Карпова, такъ много говорящаго о челоѣколюбии и прогрессѣ! Но когда ему самому пришлось, во имя того же челоѣколюбия и на основаніи закона, надѣлать крестьянина землею, поступокъ его показалъ всю великость челоѣколюбия и наклонность къ прогрессу!

Рѣшеніе мое по мнѣнію Мироваго Посредника В. П. Вакселя сдѣлано въ пользу крестьянъ, потому что онъ былъ неправъ, требуя съ крестьянъ болѣе чѣмъ слѣдовало, по добровольно заключенному съ ними письменному условію, а потому также не подлежитъ нареканію и неудовольствію съ его стороны.

Но я не стану изчислять всѣхъ случаевъ. Скажу одно: если бы я не былъ правъ въ рѣшеніяхъ моихъ, кто же мѣшалъ приносить на меня жалобы?

Неповиновенія крестьянъ, будто бы возбуждаемаго моею дѣятельностію, въ моемъ участкѣ не было, что Вамъ Графъ какъ Предводителю Дворянства и Предсѣдателю Мироваго Съѣзда извѣстно; а доказывается еще тѣмъ: что не только военная Команда, но и земская полиція ни разу приглашаемы не были.

Если же у помѣщиковъ полевые работы шли не такъ успѣшно какъ прежде, то нельзя считать причиною тому меня, а уменьшеніе рабочихъ рукъ, согласно указанія Положенія, не допускающаго произвола. Разстройство же хозяйства крестьянъ, я во время непрерывныхъ моихъ поѣздокъ по участку, не замѣтилъ. Напротивъ того: поля и полосы крестьянскія были убраны необыкновенно рано.

Далѣе въ письмѣ сказано: “Послѣднее изслѣдованіе Мироваго Съѣзда безпорядковъ въ вотчинѣ Г. Осиповой въ Селѣ Тригорскомъ обличило въ такой степени пристрастіе Ваше, что остальные гг. Посредники вынуждены были прекратить общее съ Вами разбирательство; мы же не желая чрезъ то потерять ихъ благородную и общепользную дѣятельность защитить себя отъ Вашей, предосудительной и для всѣхъ вредной просимъ Васъ сложить съ себя должность Мироваго Посредника на которую Вы доказали, что не имѣете никакого права”.

Такъ ли было дѣло Графъ? Я не участвовалъ въ разбирательствѣ съ другими гг. Посредниками, какъ лице на которое принесена жалоба, слѣдовательно: могъ ли я проявить пристрастіе? Да еслибы я и проявилъ его, то что же мѣшало восхваляемымъ Посредникамъ при ихъ благородной и общепользной дѣятельности, какъ написалъ въ письмѣ ко мнѣ, уличить меня въ пристрастіи, а не оставлять, видя невозможность обвинить меня, такимъ страннымъ образомъ Мировой Съѣздъ, какъ было сдѣлано ими!

Собственное изслѣдованіе Ваше Графъ въ С. Тригорскомъ показало: что изъ 7000 показанныхъ въ жалобѣ владѣльца за прогулъ и недодѣлъ, Вами признана только $\frac{1}{4}$ часть; но признается-ли это изслѣдованіе правильнымъ, это еще вопросъ?

По прочтеніи всего этого, Вы Графъ, какъ благородный челоѣкъ и заслуживающій уваженіе за многія прекрасныя качества, но иногда увлекающійся разсказами людей — не заслуживающихъ довѣрія, хладнокровно разсудя, поймите, въ какой степени я правъ, и что всѣмъ намъ помѣщикамъ необходимо, для собственной пользы, забыть прошедшія привычки и права, и покориться новымъ условіямъ, изложеннымъ въ Положеніи.

Не забывайте и того Графъ, что не все, что говорится — правда, и что правило это особенно надо примѣнять, если будутъ говорить люди, съ руки которыхъ снимались кольца имъ не принадлежащія и попавшія къ нимъ какимъ-то страннымъ образомъ; или хвастающіе, съ безстыдствомъ, своимъ

умѣньемъ дѣйствовать (по ихъ выраженію) на зеленомъ полѣ, на которомъ они дѣйствительно себя прославили. Помните-ли Вы Графъ проходившаго начальника Дружины, проигравшаго деньги въ Опочкѣ? возвращеніе проигранныхъ ему денегъ и отправленіе изъ города до счастливаго соперника? а еще многіе подобные случаи? или къ такимъ людямъ, которые имѣвъ паглотъ сказать: что плюютъ на общество и считаютъ за стыдъ принадлежать къ нему, а послѣ ищутъ въ этомъ самомъ обществѣ, чтобы уснѣть въ неправономъ сохраненіи пустыхъ денегъ! Какъ это благородно съ ихъ стороны и сколько надеждъ въ будущемъ на ихъ чистую дѣятельность!

Еще я долженъ сказать Вамъ Графъ, что въ качествѣ Предводителя, Вы не должны были дозволить увлечь себя въ демонстрацію, въ которой участвовали люди, руководимые сознаніемъ опасности, что я по должности своей, если возникнутъ жалобы отъ крестьянъ, не допущу ихъ до произвола по управленію имѣніемъ; остальные-же, даже не состоящіе въ моемъ участкѣ, которыхъ и жалобъ я не могъ разбирать, увлечены просьбою увеличить число подписчиковъ. Вотъ подъ влияніемъ какихъ началъ составилось письмо ко мнѣ; надобно признаться, начала — какъ вы видите, благородныя! Въ то-же подписаніи письма, въ которомъ, незаслуженными упреками и просьбою оставить службу, желали оскорбить меня, поступавшаго и по совѣсти и по закону, было-бы гораздо лучше и достойнѣе Васъ, если-бы Вы замѣтивъ въ комъ-либо поступки, подобные тѣмъ, какъ мною описаны, показали-бы имъ заслуженное презрѣніе.

По случилось иначе. Письмо мною получено отъ Васъ 28 Декабря, и я доказалъ вамъ, что все въ немъ написанное не имѣетъ никакого основанія и правды, и принимаясь писать такое письмо, Вы и всѣ подписавшіе его, не имѣли никакого права, какъ и я не имѣлъ бы права написать вамъ: “Прощу Васъ и тѣхъ изъ подписавшихъ кто служить, оставить службу; а кто жаждетъ скорѣе вступить въ нее, что весьма замѣтно, то подождать; потому, что при несправедливости законовъ и неуваженіи къ нимъ, ясно понимать своихъ обязанностей — нельзя.”

Въ заключеніе письма моего, я прошу Васъ Графъ и всѣхъ подписавшихъ письмо ко мнѣ, привести на меня жалобу, если я поступалъ въ чемъ-либо несправедливо и доказать это. Тогда не Вы, а тѣ, кому закономъ предоставлено контролировать мои дѣйствія могутъ осудить ихъ. Если-же доказательства не будетъ, то я и всѣ другіе вправѣ письмо это, наполненное не только вымысломъ, но и орфографическими ошибками, назвать его настоящимъ именемъ.

Покорнѣйше прошу Ваше Сіятельство письмо мое сообщить всѣмъ подписавшимся, которыхъ о просьбѣ моей постараюсь извѣстить.

Больно мнѣ было высказывать нѣкоторыя истины, но выхода гг. подписавшихся въ письмѣ ко мнѣ, вынудила меня къ тому. При всемъ томъ, я не перестану отдавать должную справедливость личнымъ Вашимъ качествамъ и прошу вѣрить искреннему уваженію къ Вашему Сіятельству

Покорнѣйшаго слуги — Дмитрій мильницкій.

Г. Опочка, 4 Января 1862 года.

Р. С. Нужнымъ считаю присовокупить, что копія съ письма ко мнѣ и моего отвѣта будутъ разосланы къ нѣкоторымъ изъ гг. дворянъ не участвовавшихъ въ подписаніи.

— *Русская заграничная литература.* — Въ Берлинѣ вышла 1-ая книжка новаго русскаго журнала *Свободное Слово*. Программа написана въ духѣ примирительно-прогрессивномъ и независимомъ. Успѣхъ такого органа намъ кажется несомнительнымъ. Издатель *Свободнаго Слова* г. Шпейдеръ, редакторъ Л. Блюммеръ.

Тамъ-же вышла III Часть превосходно составленныхъ *Матеріаловъ*, для исторіи освобожденія крестьянъ.

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи, 136 & 138 Calcutt Road, London N.

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM,

КОЛОКОЛЪ

VIVOS VOCO!

Выходить два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ.
Цѣна 6 пенсовъ. Получается въ Вольной
Русской Типографіи, 136 & 138 Caledonian
Road, N.

ЛИСТЬ 125.

15 МАРТА 1862.

У Трибнера & Со. въ книжной лавкѣ,
60, Paternoster Row, и у Tchorzewski,
1, Macclesfield Street, (Gerrard Street),
Soho, London. Price six-pence.

(WITH SUPPLEMENT NO. 6.)

О ГЛАВЛЕНІИ. — Императорская ложа и отмороженная рука солдата — Ученая Москва — Исторія въ Петербургской Духов. Академіи — Сказаніе о Бездвинскомъ побойщѣ (Окончаніе). Слѣсъ : Филаретъ, митрополитъ московскій — Ятаганъ убитый аукціономъ ! — Еще русскій журналъ — Безъ масокъ — Прогрессъ.

И еще помолмся о христолоубивомъ воинствѣ нашемъ !

Господу помолмся !

Мы получили письмо, которое обдало насъ какой-то своего рода безвыходной тоской. Мы напечатаемъ его (содержаніе, но выйдетъ-ли изъ этого толкъ, сомнѣваемся. Еслибъ въ фактъ, который мы укажемъ, былъ умыселъ, злоупотребленіе, можетъ кто-нибудь и вступился-бы, но тутъ чистая ненужность и чистое помѣшательство. Говорятъ, что военный министръ, умный и хорошій человекъ, просимъ его прочитатъ слѣдующія строки : “Съ 6 на 7 Января 1862, въ Москвѣ морозъ доходилъ до 28° — солдатъ стоявшій нѣсколько часовъ, часовымъ въ театрѣ при пустой императорской ложѣ (запертой на ключъ и запечатанной директорской печатью). Возвращаясь съ караула, отморозилъ себѣ руку, между прочимъ и оттого, что рукавица была худая. Солдатъ этотъ находится въ госпиталѣ; *ему отпилили всю кисть руки*”.

“Солдаты должны приходиться за часъ до начала спектакля, т. е. въ 6 часовъ, и простоятъ подъ ружьемъ, передъ запертыми дверями ложи до конца спектакля, т. е. до 12 часовъ. Изъ казармъ солдаты идутъ въ 5 часовъ безъ ужина, и возвращаются послѣ ужина, т. е. остаются голодными”.

За чѣмъ эта ненужная, бессмысленная пытка ?

УЧЕНАЯ МОСКВА.

Мы получили еще три письма о московскомъ университетѣ, черпая, печальныя письма . . . Пусть насъ опять осмѣютъ за то, что у насъ есть человѣческое сердце, но мы не скроемъ глубокой боли, съ которой мы читали эти письма. Мы не лжемъ на себя ни чувствъ, ни безчувствія. Намъ дорога память о московскомъ университетѣ и о московскомъ кругѣ нашемъ. Мы хранимъ пѣтеть къ друзьямъ юности и къ московской alma Mater, въ ея аудиторіяхъ провели мы святѣйшія минуты юности и вынесли безъ ранъ на спинѣ всѣ оскорбленія николаевского деспотизма, тамъ сужилась, окрѣпла та мысль борьбы, которой мы остались вѣрны; отсюда мы разсѣялись по ссылкамъ и тамъ собрались черезъ нѣсколько лѣтъ около кафедры Грановскаго — *Грановскаго*... какъ тяжело становится при его имени... Теперь нашъ чередъ сказать о немъ то, что онъ сказалъ о Бѣлинскомъ “благо умершему во

время!”* Въ 1849 году гнетъ былъ внѣшній, тамъ куда не достигаю ни ухо жандарма, ни рука квартальнаго, тамъ было чисто... а теперь?...

И будто въ этихъ гнусностяхъ участвовали друзья, товарищи, ставленники Грановскаго ?

Кто они?... Тѣ которые покраснѣютъ, читая наши строки, тѣ которые почувствуютъ, что какъ ни кричи, а что-то неладное на совѣсти не перекричишь !

А если и такихъ нѣтъ ?

Благо умершему во время !

И — рѣ.

Письма, о которыхъ идетъ рѣчь очень опоздали. Одно изъ нихъ представляетъ полную исторію университетскаго дѣла, оно будетъ помѣщено въ слѣдующемъ листѣ, изъ двухъ остальныхъ мы выписываемъ нѣсколько небольшихъ отрывковъ.

Надѣмся, что писавшіе ихъ увѣрены въ фактахъ, которые они намъ сообщаютъ. И снова напомнимъ нашимъ корреспондентамъ, что *всякій разъ, когда они доставляютъ намъ невѣрные слухи, новости взятые съ улицы, приуменьшенныя духомъ партіи* (какъ это было весьма недавно) — *они намъ дѣлаютъ гораздо больше вреда, чѣмъ всѣ Шуваловы съ своими вольными и временно-обязанными слушателями.*

Изъ перваго письма.

“.... На дняхъ я читалъ отзывъ московскихъ профессоровъ по дѣлу студентскаго адреса. Мысль проведенная въ немъ такова : Само правительство виновато въ томъ, что подобныя исторіи, какъ исторія съ адресомъ возможны въ университетѣ, слѣдовало-бы при первыхъ-же университетскихъ волненіяхъ, обращать больше вниманія на своеволие студентовъ и строго наказывать зачинщиковъ”.†

Изъ втораго письма.

“.... Наконецъ дошелъ до насъ *Колоколъ*, въ которомъ говорится объ университетской исторіи. Не все вѣрно въ вами помѣщенномъ разсказѣ и многихъ подробностей не достаетъ. Вашъ корреспондентъ на пр. похвалилъ профессора *Ешевскаго*, а онъ 11 Октября, когда студенты входили въ профессорскую комнату для объясненія съ попечителемъ, загоразивалъ имъ дорогу, толковалъ о разладѣ студентовъ съ

* Поларная Звѣзда на 1859, стр. 216.

† въ слѣдующемъ листѣ мы помѣстимъ этотъ отзывъ à la Liprandi.

профессорами и на замѣчаніе студентовъ, что они пришли вовсе не къ профессорамъ, а къ Исакову, отвѣчалъ: “Пока Исаковъ здѣсь, мы не должны выдавать его!”

“Вообще наши профессора отличаются. Ленцъ и Никитенко, генералы петербургскаго университета были поражены усердіемъ къ порядку *Соловьева* и *Бабста*, призвавшихъ въ комиссію для пересмотра университетскаго устава.

“Вступительную лекцію Чичерина вы знаете, вы знаете вѣроятно его философію рабства, т. е. повиновенія дурнымъ законамъ и обиду нанесенную имъ студентамъ тогда сидѣвшимъ подъ арестомъ. Все это сначала сошло ему съ рукъ. Но когда содержащихся студентовъ выпустили, они рѣшились освистать его 9 Декабря. Узнавъ это, та часть слушателей, которая сочувствовала ученому профессору, послала студентовъ *Соловьева* и *Суходольскаго* предупредить его. Чичеринъ явился на лекцію въ сопровожденіи *И. Ф. Павлова* и *Корша* (въ одномъ письмѣ названъ редакторъ *Мос. Вѣд.*, въ другомъ *его братъ*). Когда часть студентовъ стала свистать, другая подъ предводительствомъ *Соловьева* закричала “вонъ свистуновъ!” Крикъ этотъ увлекъ даже почтеннаго гостя г. Корша, который съ полнымъ самоотверженіемъ тоже кричалъ “вонъ свистуновъ!”

“На слѣдующей лекціи студенты въ числѣ двадцати пяти просили г. Чичерина выслушать нѣсколько словъ. Ученый профессоръ сказалъ, что онъ во время лекцій остановиться не можетъ, а что послѣ лекціи онъ попроситъ у инспектора позволеніе говорить со студентами. Вѣроятно инспекторъ позволилъ, потому что ученый профессоръ возвратился въ аудиторію. Тутъ началось длинное объясненіе, кончившееся тѣмъ, что профессоръ безбоязненно сказалъ: “Я стою за форму неограниченнаго монархическаго правленія. Я держусь тѣхъ убѣжденій, которыя считаю истинными и не виноватъ, что они у меня не такія какія правятся вамъ”... Какія мнѣнія правятся ученому профессору, объ этомъ вы можете прочитать въ “Нашемъ Времени”.

Къ этому не совсѣмъ благоприятному отзыву второе письмо прибавляетъ болѣе утѣшительное извѣстіе для консервативнаго профессора и его друзей. “Вступительная лекція г. Чичерина была встрѣчена громкимъ одобреніемъ въ правительственныхъ кругахъ. 30 Ноября Путятинъ пріѣзжавшій отъ имени государя благодарить московскихъ профессоровъ за то, что они себя вели такъ умно, въ то время какъ петербургскіе шалили, благодарилъ особенно г. Чичерина. Послѣ чего было запрещено ценсурѣ пропускать что-либо противъ его лекцій!”

(Окончаніе въ слѣдующемъ листѣ).

ИСТОРИЯ ВЪ ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

Статья эта въ высшей степени занимательная, прислана намъ съ письмомъ такъ начинающимся:

М. Г.

Присылаю вамъ при этомъ рассказъ объ исторіи въ петербургской Духовной Академіи. Въ то время, какъ низшее духовенство наше стремится къ обновленію и возрожденію, возможны еще такіе факты со стороны духовенства высшаго. Это послѣднее, кажется, начинаетъ становиться еще въ болѣе злобныя отношенія къ первому, видя благородные его порывы. Утѣшаемъ себя надеждою, что это послѣднія искры истлѣвающаго монашества и пр...

— Въ то время, какъ въ Петербургѣ всѣ заняты были дѣломъ студентовъ университета, въ одномъ изъ уголковъ этого-же Петербурга, въ петербургской Духовной Академіи разыгрывалась своя ужасная драма. Дѣло началось такъ: въ среду 20го Сентября, на классъ греческаго языка въ XXV курсѣ, пришли, какъ бывало обыкновенно(1) не всѣ студенты, а только 13 человѣкъ. Баккалавръ общей гражданской исторіи Предтеченскій, ходившій на греческіе классы только за не имѣніемъ дѣйствительнаго наставника этого языка, равнодушный прежде еще къ меньшимъ собраніямъ на классы не только греческаго языка, но и собственнаго своего предмета, на этотъ разъ вознегодовалъ противъ “безпорядка” и написалъ въ *классическомъ журналѣ* своею рукою, что “въ классѣ было только 13 человѣкъ”. Поступокъ, какой въ Академіи, можетъ быть, никогда не бывалъ, какого не позволяютъ себѣ не только молодые наставники, какъ Предтеченскій, а и достопочтенные старцы въ родѣ профессора Карпова, поступокъ въ высшей степени грубый, которымъ студенты были ужасно компрометированы и унижены. Студенты не могли не оскорбиться имъ и не захотѣли дать себѣ въ обиду; рѣшено было, чтобы на слѣдующій греческій классъ въ Среду 27го Сентября никто не ходилъ. Измѣнили этому рѣшенію только двое, Пенковскій и Кириловскій, да еще два монаха; они только и были въ классѣ. По это меньшинство ничего не значило; небывшихъ въ классѣ было около 50, и они уже почти торжествовали свою побѣду надъ Предтеченскимъ. Предтеченскій хотѣлъ выдержать себя и 27го и опять черкнулъ въ журналѣ, что “въ классѣ было только четыре человѣка”, а тотчасъ послѣ класса пошелъ къ ректору Академіи *Іоанникію* и довелъ о случившемся. *Іоанникій*, который по прежней записи Предтеченскаго сказалъ только студентамъ, что слѣдуетъ ходить въ классъ, на этотъ разъ повелъ себя иначе. Онъ призвалъ дежурнаго студента, и вмѣсто того, чтобы выслушать и студенческий голосъ о дѣлѣ, пустился въ грубую брань, назвалъ это дѣло бунтомъ, который уложить его въ постель по крайней мѣрѣ на два дня и за который изъ “бунтующаго” курса слѣдуетъ непременно исключить одного-пятого, десятого и т. д. Студентъ хотѣлъ было защищаться, но его не стали слушать, и онъ успѣлъ только сказать, что студенты XXVго курса не пойдутъ на греческій классъ до тѣхъ поръ, пока этотъ языкъ не будетъ переданъ какому-либо другому наставнику, по той причинѣ, что между ними и Предтеченскимъ прервана теперь всякая нравственная связь, что слѣдственно они не могутъ теперь и заниматься съ нимъ. Ректоръ не сказалъ на это ни слова, только въ тотъ-же день довелъ обо всемъ митрополиту, а потомъ и прокурору синода. Неизвѣстно, какъ они отзывались на первый докладъ *Іоанникія*. Если онъ не успѣлъ еще въ этотъ разъ настроить ихъ противъ студентовъ, такъ несомнѣнно по крайней мѣрѣ то, что онъ рѣшилъ во что-бы то ни стало сдѣлать это рано или поздно. Говоримъ несомнѣнно, потому что дальнѣйшее его поведеніе устраниваетъ всякое сомнѣніе на счетъ этого. Предтеченскій, какъ услы-

(1) Греческій языкъ студенты уже болѣе или менѣе знаютъ и изъ академическихъ классовъ этого языка они не выносятъ ничего, особенно, если самъ наставникъ, какъ Предтеченскій, знаетъ его хуже многихъ студентовъ. Вообще въ Академіи посѣщаются всѣми студентами только тѣ лекціи, которыя стоятъ того. Въ противномъ случаѣ, студенты считаютъ лучшимъ заниматься чѣмъ нибудь другимъ, болѣе полезнымъ вѣдѣніемъ. *Іоанникій* худо читаетъ догматическое Богословіе, и къ нему, не смотря на то, что онъ ректоръ, являлось по 18 (изъ 50) человѣкъ.

наль о дикой угрозе Иоанникия исключить 5го 10го, почувствовали свою вину и перестали упорствовать. Не желая быть причиной гибели певчих, он предложил ректору прекратить дело увольнением его от преподавания греческого языка. Что оставалось человеку сделать после этого? Студенты просят, чтобы греческий язык читал им не Предтеченский, Предтеченский просит, чтобы ему позволили не читать этот язык. Оби противные стороны сошлись в своих просьбах. Уже законы божеские и человеческие не сильны были заставить "преосвященного духом божим" Иоанникия исполнить просьбы и тем удовлетворить той и другой стороне и положить делу мирный конец? Трудно поверить, но он отказал Предтеченскому и строго подтвердил ему непременно ходить на греческий класс. Ему было твердо и решительно объявлено дежурным студентом, что студенты не пойдут. Заставляя Предтеченского идти в класс, Иоанникий хотел, чтобы студенты не пошли, ему это было пужно и для того, чтобы сгубить студентов!...

Но этой одной вины, ему было мало. Ему хотелось обвинить студентов в чем-нибудь, поужасить. С этой целью он начал, разумеется, незаконными путями, через шпионов(2), прислушиваться к студентам гораздо внимательнее, чем когда-либо.

Дела студентов Университета слишком соблазняли его, чтобы не поставить в связи с ними дело студентов своей Академии. Но высказать это св. отцам было неудобно; потребовали бы факта, а его-то и нет. О таком-то факте и начал хлопотать Иоанникий. На ловца и зверь бежит. В четверг 28го Сентября, присесы были из города в Академию кое-какие известия об университетских делах и составившемся тогда адресе государю. Разсказчика окружили и, выслушав от него новости, начали толковать о них. Разумеется, было заявлено полное и общее сочувствие делу студентов университета, высказаны приличные мнения о мѣрах против них. Не был оставлен без обсуждения и адрес и, после одобрительных толков о нем, было возгласлено: "Господа! не мѣшало бы собраться всем нам для разсуждения об этом предмете; не худо бы было, если бы мы заявили свое сочувствие адресу не на словах только, но и на деле. Почему бы и нам не послать своих подписей к адресу?". Не знаем, состоялась ли бы эта сходка при благоприятных обстоятельствах и какие были бы результаты ее... Как бы то ни было, только Иоанникий предупредил ее. Благодаря шпионству, он узнал о всех толках студентов. Для приличия он хотел вынудить у студентов официальное признание. Студент Владиславлев, которого академическое правление позвало для объяснений, как старшего той комнаты, в которой были разсуждения, выдержал себя с полным достоинством. На вопросы о сходках и толках на этих сходках он отвечал, что он не может указать времени, когда бы у студентов не было сходки, так как они живут все вместе, что они часто говорят и

(2) Студенты вообще весьма либеральны и клеймят шпионство. Но в семье не без уродов. И в это время подозревали двух студентов в шпионстве, но по одному подозрению, без прямых улик, выставить фамилии их было бы не совсем справедливо. Что же касается до служителей, то при Иоанникии они все сделались опасными для студентов. Что ни подслунают у студентов, все передают шесту своему—эконому монаху Антонию, а этот передает уже Иоанникию.

разсуждают и о современных обстоятельствах, но что они не имеют никакой надобности передавать начальству что именно высказывается по поводу этих обстоятельств. Но адрес был главным пунктом, для объяснения которого призвали Владиславлева. Оказалось, по глаголу Иоанникия, что подписи у студентов к адресу почти уже готовы. Отрицательный ответ Владиславлева, разумеется, не был принят во внимание. И самое объяснение, как мы сказали, было сделано только для приличия. Для Иоанникия довольно было и того, что он уже слышал и знает; законным ли путем и верный ли дошел до него слух, до этого ему не было никакого дела. Может спросить, что же предосудительного было бы, если бы даже студенты отослали свои подписи? "Ведь это не заговор, не бунт, не тайный какой-либо умысел, а открытое, тихое и спокойное обращение к государю". Так думают обыкновенные смертные по посмотрите, что делает преосвященный Иоанникий. Он уже прямо докладывает теперь митрополиту и прокурору, что дело студентов относительно греческого языка решительно пахнет в связи с университетским делом, что это известно ему из несомненных данных, что "его мнение" принять против студентов строгия мѣры. Но синод и теперь еще посматривал на дело не совсем согласно с Иоанникием.

В конце Сентября пропущен слух, что в Воскресенье 1го Октября у студентов университета назначена сходка у Казанского Собора тотчас после обѣда. "Движимый пастырскою бдительностью о своих овцах", Иоанникий запрещает им уходить в город в этот день раньше трех часов по полудни. Такое посягновение не только на свободу студентов, но и на законное их право(3), тотчас разумеется встретило отпор. Тот же студент, которому было объявлено это, сказал Иоанникию, что такое распоряжение напрасно, что студенты не послушают его и все пойдут в город, что по этому лучше бы было его преосвященству взять его назад. "Пойдете вы или не пойдете, мне до этого нет дела. Мое дело объявить вам распоряжение высшего начальства". Таков был ответ Иоанникия. Как и следовало, студенты не задумались над этим ответом и в город пошли все, одни в Воскресную школу, другие в библиотеки, третьи по другим соображениям; только на сходку никто не был, потому что и самая сходка не состоялась. Обрадовался Иоанникий, когда узнал об этом (от того же дежурного), и в то же как бы оскорбленного самолюбия воскликнул: "кто же после этого начальник в Академии—я или студенты?"—И так теперь уже все свершилось. Иоанникий высказал предъ синодом уже прямо и решительно свое мнение о мѣрах против студентов. "Нужно, говорил он, непременно исключить их из Академии. Если мы их помилуем теперь, в таком случае—день, два, три, и они явно станут в ряды студентов университета, открыто возстанут вместе с ними против правительства. А тогда беда и нам от правительства"(4). Клевета Иоанникия на студентов произвела свое действие. Никому из синодалов не пришла в голову

(3) Право ходить в город по праздникам тотчас после обѣда дано студентам и допотопный устав духовных училищ.

(4) Как мы знаем, что именно говорил Иоанникий? От тех же самых лиц, которым было говорено. Это от графа Толстого, от князя Урусова, разумеется, не непосредственно, но чрез благонадежное посредство.

исмотрѣться по внимательнѣе въ это дѣло, войти въ объясненія съ студентами, выслушать *et alteram partem*. Иоанникій напугалъ ихъ словами: “правительство”... “намъ бѣда отъ правительства”, и они тотчасъ повѣрили ему и “вознегодовали” противъ студентовъ. Въстѣ съ антѣльскимъ чиномъ какъ называютъ себя наши монахи, ополчились противъ студентовъ и свѣтскіе, власть имѣющіе въ синодѣ. Графъ Толстой, прокуроръ синода, говорятъ, ѣздилъ къ адмиралу просвѣщенія, совѣтоваться о мѣрахъ противъ студентовъ. Намъ жалко, что и князь Урусовъ, на которомъ лежатъ еще надежды меньшей духовной братіи, тоже на слово повѣрилъ Иоанникію и примкнулъ къ студенто-гонителямъ.

Половина дѣла была сдѣлана, всѣ единодушно были противъ студентовъ. Довершить остальное уже легко было Иоанникію. Послѣ того какъ синодъ призналъ студентовъ политическими преступниками, Иоанникію уже ничего не стоило убѣдить его въ необходимости строгихъ мѣръ противъ этихъ преступниковъ. Поговоривъ съ инспекторомъ и Толстымъ, онъ уже имѣлъ въ своемъ клубѣ согласіе ихъ на исключеніе студентовъ. Но кого исключить? и подѣ какимъ предлогомъ? Эти вопросы тоже очень удачно были разрѣшены Иоанникіемъ. Исключать студентовъ за политическое преступленіе да еще такое, въ справедливости котораго онъ успѣлъ только другихъ убѣдить, а самъ насколько не былъ убѣжденъ, было не выгодно для него. “Это значило-бы компрометировать свою начальственную предупредительность и бдительность о студентахъ”, онъ и рѣшилъ кончить дѣло тѣмъ-же, чѣмъ оно началось, самая безвредная вещь для него. Онъ зналъ, что и въ слѣдующій разъ, если не всѣ, если даже и не многіе, такъ по крайней мѣрѣ кто-нибудь да не пойдетъ на греческій классъ, и послѣ такого соображенія предложилъ синоду исключить тѣхъ, кто въ среду 4 Октября не будетъ на греческомъ классѣ. Согласіе было дано. Тотчасъ, разумѣется, Иоанникій сообщилъ объ этомъ рѣшеніи синода Предтеченскому и приказалъ ему переписать всѣхъ, кто не будетъ въ классѣ. Предтеченскій, говорятъ, опять обратился при этомъ съ прежней просьбой къ Иоанникію. Рассказывающіе прибавляютъ, что Предтеченскій въ этотъ разъ заплакалъ и говорилъ Иоанникію въ такомъ родѣ — “я дескать разбить физически и нравственно и рѣшительно не могу итти въ классъ. Боли мои еще болѣе увеличиваются отъ представленія того, что будетъ, сколько студентовъ погибнетъ, если я пойду въ классъ”... Иоанникія ни мало не тронуло это воззваніе, да и Предтеченскій какъ-будто вдругъ выздоровѣлъ, когда прозвучало Иоанникіевское “нельзя”, и... и... и пошелъ въ классъ(5). Отъ студентовъ Иоанникій скрывалъ синодское рѣшеніе до самой той минуты, которою начнется время греческаго класса. Уже бьютъ звономъ, и теперь только онъ позвалъ дежурнаго студента. Объясненіе было самое короткое. “Оъявите студентамъ, сказалъ онъ, что только тѣ, которые не будутъ въ классѣ, будутъ исключены,

(5) Г. Предтеченскій! Вы были больны, чего-жъ больше вамъ нужно было, чтобы не ходить въ классъ? Зачѣмъ вы ходили къ Иоанникію просить на это позволенія? Наконецъ—зачѣмъ вы не ослушались Иоанникія, зачѣмъ дозволили себѣ быть иудой въ его рукахъ, орудіемъ для его гнусныхъ цѣлей? Или ваши просьбы объ увольненіи отъ обязанности читать греческій языкъ были вритворны? Тогда другое дѣло, тогда и вы, значитъ, желали гибели студентамъ. Да такъ и должно быть, иначе вы не сдѣлали-бы того, что сдѣлали; иначе вы стыдились-бы послѣ студентовъ, а этого въ васъ не замѣтно. — А еще старались прежде держаться на либеральной ногѣ!...

что-если всѣ не будутъ въ классѣ,—всѣ будутъ исключены”. Предупредительность какая, подумаешь! — Студенты до возвращенія дежурнаго отъ ректора оставались въ комнатахъ своихъ. Толковъ, объясненій между ними уже не было, все было переговорено прежде. Рѣшившіеся во всякомъ случаѣ не итти были спокойны, лица перѣшителныхъ, боязливыхъ покрыты были очень замѣтной блѣдностію. Дежурный пришелъ передать слова ректора, — первые остались въ прежнемъ положеніи и только усмѣхнулись межъ-собой; — послѣдніе-же начали взывать къ нимъ, спрашивать ихъ, что дѣлать, итти или нѣтъ? — Разумѣется, не итти, раздался отрывистый голосъ. По... но... но съ этимъ “но” половина пошла въ классъ. Нѣтъ сомнѣнія, такая измѣна товарищамъ не дѣлаетъ чести студентамъ, пошедшимъ въ классъ, но не будемъ слишкомъ обвинять ихъ. Для большей части студентовъ духовной Академіи вопросъ объ окончаніи курса совершенно равносильнъ вопросу о кускѣ хлѣба часто не только для себя, а и для старика—отца, для матери, для родныхъ. Но отъ этого еще болѣе возвышаются тѣ, которые не обратили вниманія на такіе соображенія и въ классъ не пошли.

Исцѣленный Иоанникіемъ въ едино мгновеніе ока, Предтеченскій переписалъ не бывшихъ въ классѣ и представилъ перепись своему исцѣлителю. Слово исключенія, выпрошенное у синода безпрепятственно вылетѣло изъ устъ Иоанникія. Утромъ на другой день оно было объявлено студентамъ официально чрезъ профессора Доложскаго, исправлявшаго должность инспектора, и исключеннымъ былъ закрытъ доступъ въ классы. Кажется-бы и конецъ дѣлу. Но читатель ошибется, если предположитъ это. Иоанникій созвалъ еще академическую конференцію для того, чтобы и она положила свою санкцію на дѣло. Нашему Иоанникію виднѣлось не важной вещи—сказать только, по подражанію Пилату, что самъ онъ не повиненъ въ крови сихъ праведныхъ, что дѣло рѣшали синодъ и конференція, между которыми онъ былъ только простымъ посредникомъ, что слѣд. они-же и виновники гибели студентовъ. Но хитрость эта была не оцѣмъ удачна. Всѣ знали что академическая конференція(6), не смѣетъ и пикнуть не только противъ того, что скажетъ синодъ, но даже и противъ того, что скажетъ Иоанникій; мы знаемъ, что ея нельзя принимать за что-нибудь самостоятельное. Иоанникій на конференцію дѣйствовалъ отъ имени синода и этимъ способомъ вынуждалъ у нея санкцію даже и на такіе вещи, о которыхъ синодъ и не думалъ, потомъ относился къ синоду съ этими вещами, какъ уже утвержденными конференціею и слѣдов. необходимыми, вслѣдствіе чего наконецъ вынуждалъ на нихъ согласіе и у самого синода. Такъ Иоанникій въ это время выпросилъ у синода для конференціи право исключать студентовъ по ея собственному усмотрѣнію, безъ предварительныхъ сношеній съ синодомъ. Конференція, не желала себѣ такого права и синоду не хотѣлось дать его конференціи, а Иоанникій однакожъ обдѣлалъ дѣло.

6 или 7 Октября, не помнимъ хорошенько, должно было быть засѣданіе конференціи. Студенты, которымъ самостоятельность конференціи, разумѣется, извѣстна, на этотъ разъ

(6) Конференція состоитъ изъ всѣхъ ординарныхъ и экстраординарныхъ профессоровъ академіи и нѣсколькихъ протоіереевъ городскихъ. Нѣкоторые изъ членовъ протоіереевъ осмѣливаются иногда имѣть независимое мнѣніе и свой голосъ. По этой, вѣроятно, причинѣ никто изъ протоіереевъ и не былъ приглашенъ въ настоящемъ случаѣ для совѣщаній.

измѣнили свои мнѣнія о ней и отношенія къ ней. Отъ нѣкоторыхъ членовъ ея они слышали полное осужденіе дѣйствій Іоаннікія и полное-же одобреніе себѣ. Это подало имъ надежды, и они рѣшили приготовить для конференціи два объясненія, одно отъ небывшихъ на послѣднемъ (4. Октя.) греческомъ классѣ съ подробнымъ изложеніемъ причинъ, по которымъ они не ходили на него(7), а другое отъ бывшихъ въ классѣ съ такого рода содержаніемъ, что они пошли 4 Октября въ классъ ничуть не по убѣжденію, а по страху, котораго не успѣли разсѣять въ двухминутный срокъ, оставившись на размышленіе, что они глубоко разкаяваются въ своемъ необдуманномъ поступкѣ, и что наконецъ на слѣдующій греческой классъ и они не пойдутъ. Рѣшено было подать Іоаннікію эти прошенія не иначе, какъ въ присутствіи хоть кого-нибудь изъ членовъ конференціи; въ противномъ случаѣ не было бы надежды, чтобъ онъ представилъ ихъ конференціи. Такъ и было сдѣлано. Студенты отдали ихъ въ корридоръ; тогда Іоаннікій съ нѣкоторыми изъ профессоровъ шелъ изъ своей квартиры въ правленіе, гдѣ предполагено было совѣщаться. И при этомъ случаѣ онъ не преминулъ обнаружить себя, онъ не хотѣлъ брать объясненій. “За чѣмъ придавать дѣлу официальный характеръ? говорилъ онъ; мы потолкуемъ и рѣшимъ дѣло домашнимъ образомъ”. На второе и третье предложеніе студентовъ принять объясненія,—онъ отвѣчалъ въ томъ же родѣ; только- настоятельное наконецъ требованіе студентовъ принудило его исполнить волю ихъ.

Не знаемъ, кто, что и какъ говорили на конференціи. Мы лично крѣпко сомнѣвались въ томъ, чтобы она что-нибудь сдѣлала для студентовъ, чтобы она рѣшилась возглаголить вопреки синоду. Представьте-же наше удивленіе, когда вечеромъ въ тотъ-же день дошелъ до насъ слухъ, что на конференціи большинствомъ голосовъ было поддерживаемо то мнѣніе, что исключеннымъ студентамъ слѣдуетъ позволить подавать прошенія о поступленіи снова въ Академію. Мы терялись, да и теперь еще теряемся въ догадкахъ, кому принадлежитъ инициатива этого мнѣнія. Синоду? но это было-бы ужъ слишкомъ нѣжно со стороны синода послѣ того, какъ онъ призналъ политическими преступниками исключенныхъ. Конференція? не думаемъ. Можетъ быть впрочемъ, что, зная всю невинность студентовъ и видя приготовленную имъ Іоаннікіемъ участь, она на этотъ разъ устыдилась не измѣнить обычному своему поведенію. У насъ даже было предположеніе, не Іоаннікій-ли провелъ эту мысль? Объясненія студентовъ слишкомъ ясно говорили конференціи о недобросовѣстномъ участіи его въ дѣлѣ ихъ съ Предеченскимъ. Можетъ быть, онъ не нашелся — что сдѣлать для своего очищенія въ глазахъ конференціи и въ попыткахъ обратился къ этой мѣрѣ. Если это такъ, то онъ все-таки не думалъ еще такъ легко раздѣлаться съ студентами.

Какъ-бы то ни было, кому-бы ни принадлежала мысль о позволеніи студентамъ проситься въ Академію,—это позволеніе прошло чрезъ синодъ и было объявлено студентамъ черезъ день послѣ конференціи—въ качествѣ синодскаго рѣшенія. Но отъ этого не легче было студентамъ. Они

(7) Студентамъ официально не было извѣстно, что Іоаннікій обвиняетъ ихъ въ политической преступности, потому они ничего и не говорили на счетъ этого въ своемъ объясненіи. По слухамъ они знали это, но основываясь на однихъ слухахъ считали не удобнымъ. Кроме того у многихъ еще было сомнѣніе относительно правдивости этихъ слуховъ.

были поставлены теперь между двухъ огней. Съ одной стороны — однимъ изъ нихъ приводилось встрѣтиться со слезами, а пожалуй даже и проклятіями отца и матери, другимъ-же немѣющимъ родителей — предстояло, быть можетъ, остаться совершенно безъ пріюта. По другую сторону стояла Академія съ Іоаннікіемъ и слѣд. со всѣми мерзостями и гадостями. Во всякомъ случаѣ представлялась имъ крайне-неутѣшительная перспектива въ будущемъ. Горько было студентамъ, они плакали въ это время. Нѣкоторые изъ молодыхъ бакалавровъ—не членовъ конференціи обнаруживали къ нимъ подлѣйшее сочувствіе, но—понимая ихъ положеніе, не рѣшались подать имъ какой-либо совѣтъ(8); какъ утопающіе хватаются за соломенку, и наши студенты въ своемъ безнадежномъ положеніи ухватились за совѣтъ донесшійся до нихъ откуда-то изъ города. По этому совѣту они должны были теперь подать прошенія о поступленіи въ Академію, а за тѣмъ высматривать изъ нея и пріискивать себѣ возможность гдѣ-нибудь пріютиться. Человѣкъ 18 поддались этой надеждѣ, съ проклятіями себѣ написали и подали прошенія. Оставалось еще 5 неподавшихъ. Это были Владиславлевъ, Ждановъ, Абрамовичъ, Николай Соколовъ и Спрогисъ. Первые трое рѣшительно отказались отъ гнусной милости начальства. Тоже хотѣлъ сдѣлать и Соколовъ. Но товарищи, видя совершенно безвыходное его положеніе, всѣмъ курсомъ начали убѣждать его подать прошеніе. Долго онъ отказывался, но любовь къ нему товарищей заставила его уступить. Жалко было смотрѣть на него, когда онъ подписывалъ свое прошеніе. Спрогисъ землякъ его послѣдовалъ его примѣру. Оба они вмѣстѣ отправились къ Іоаннікію съ прошеніями, но оказалось, что лучше-бы было, если-бы они этого не дѣлали. Судьба ихъ уже рѣшена была Іоаннікіемъ. Онъ замѣтилъ имъ, что просьбы ихъ “едвали будутъ удовлетворены, такъ какъ начальству извѣстно, что они и еще Константинъ Соколовъ ходили въ городъ 1 Октября раньше 3 часовъ по полудни.”

Разсматривать прошенія студентовъ, принимать или окончательно увольнять ихъ поручено было, по настоянію Іоаннікія, конференціи, которая и созвана была опять для этого 10 или 11 Октября. Видите, Іоаннікій тотчасъ нашелъ приложение для права конференціи исключать по одному съ усмотрѣнію. На этотъ разъ конференція оказала полную вѣрно-поподданническую вѣрность синоду и Іоаннікію. Послѣднему хотѣлось исключить Николая Соколова, Спрогиса и Константина Соколова, такъ и случилось. Конференція не посмѣла противиться Іоаннікію, а синодъ утвердилъ рѣшеніе его, какъ рѣшеніе яко-бы конференціи. И такъ 6 человѣкъ Владиславлевъ, Николай Соколовъ, Ждановъ, Абрамовичъ, Спрогисъ и Константинъ Соколовъ были исключены, остальные приняты снова въ Академію(9). Значь, синодъ не совѣмъ-то былъ

(8) Одинъ бакалавръ въ такомъ родѣ писалъ студенту, просившему его прислать совѣтъ сегодня или завтра, — “ни сегодня ни завтра я не скажу вамъ ничего. Самый лучший другъ вашъ удержится отъ совѣта вамъ при вашихъ обстоятельствахъ, чтобы не встрѣтиться отъ васъ послѣ упрека за свой совѣтъ”. Фамилію этого бакалавра мы не скажемъ. Сказать ее значило-бы выдать его на съѣденіе Іоаннікію. Потому-же соображенію, не скажемъ и фамилію того протоіерея, который предлагалъ у себя и помѣщеніе и столъ кому-либо-двумъ изъ исключенныхъ студентовъ. Многие изъ городскихъ духовныхъ заявляли свое сочувствіе и одобреніе студентамъ.

(9) У нѣкоторыхъ студентовъ прошенія написаны были не по формѣ. Конференція призвала ихъ и подвергала такого рода истязаніямъ. Флеонскаго на пр. Іоаннікій спрашиваетъ:

— Желаете-ли вы быть принятымъ въ академію?

увѣренъ въ политической преступности студентовъ, если позволилъ принимать ихъ въ Академію. А въ такомъ случаѣ зачѣмъ было приказывать исключать ихъ? О вѣчно дремлющіе св. отцы!! А какой буйный произволъ въ Іоанникіѣ! Ему официально было извѣстно отъ самыхъ студентовъ, что весь XXV курсъ ходилъ въ городъ раньше 3 часовъ по полудни. Большая часть курса свободна отъ наказанія за это, по какому-же праву онъ подвергаетъ тяжкому наказанію троихъ? Какое идолопоклонство Іоанникію въ конференціи! Она знала также, что всѣ были въ городѣ, и однакожь молчала, когда Іоанникій присуждалъ наказаніе троимъ. И эти синоды, конференціи, Іоанникій смѣютъ еще называть себя — “блюстителями правосудія”, “непогрѣшимыми” “помазанными духомъ Божиимъ” “Ангельскимъ чиномъ”!!... Какой вы ангельскій чинъ? Спросите-ка, какъ васъ называетъ Петербургъ.... Вы смѣете называть себя пастырями церкви, вѣрными слугами ея! Нѣтъ! Вы первые и самые злые враги церкви! Иначе вы между прочими вашими дѣйствіями на вредъ ей, не отнимали бы у нея лучшихъ ея дѣтелей!...

Опять еще не конецъ дѣла! Іоанникію мало было того, что онъ исключилъ шестерыхъ, онъ еще воздвигъ на нихъ гоненіе православною церкви. Расскажемъ по порядку, что было дальше. Владиславлевъ, Ждановъ и Абрамовичъ 12 Октября пошли къ оберъ-прокурору синода съ прошеніями объ увольненіи изъ духовнаго званія. Сначала они пошли къ князю Урусову, но онъ уже не могъ принять прошеній ихъ, такъ какъ въ это время были сданы уже имъ прокурорскія обязанности графу Толстому. Мы сдѣлаемъ не большую выдержку изъ его рѣчи къ студентамъ, чтобы показать, что паговорилъ о студентскомъ дѣлѣ высшему начальству Іоанникій. “Что вы съ нами сдѣлали? восклицалъ Урусовъ. Въ университетѣ теперь безпорядки; мы думали, что у насъ въ Академіи все спокойно, мы радовались, глядя на свою Академію. А теперь, что вы съ нами сдѣлали?” Графъ Толстой, думая что студенты хотятъ у него просить возвращенія въ Академію, началъ объявлять имъ, что дескать теперь уже все кончено, что онъ ничего не можетъ сдѣлать для нихъ. Но когда студенты сказали ему, что они просятъ себя увольненія изъ духовнаго званія, “съ удовольствіемъ” — отвѣчалъ онъ. Успокоившись, графъ прочиталъ имъ назиданіе въ такомъ родѣ. “Я, гг.! говорилъ онъ, читалъ ваше объясненіе. Ваше объясненіе и оскорбило и огорчило меня. Я былъ самъ за-границей, я видѣлъ тамъ возмущеніе университетовъ, но тамъ совсѣмъ не то было, что здѣсь. Здѣсь задумали подражать германскимъ университетамъ; и вышелъ самый неудачный переводъ; а вы задумали подражать еще этому переводу. Нынѣшній міръ подобенъ евангельской собацѣ, которая возвращается на свою блевотину, а вы послѣдовали за этой собакой. Я вамъ откровенно говорю, что считаю васъ язычниками. Вотъ въ объясненіи своемъ вы поставили на первомъ мѣстѣ честь. Вѣдь, это чувство язычес-

кое, а христіанское иго, вѣдь, благочестіе.” Воспользовавшись лестнымъ мнѣніемъ о себѣ графа, студенты повторяютъ свою просьбу, высказывая при этомъ, что священниками они уже не могутъ быть и въ дѣячьи не годятся за неимѣніемъ голоса, что слѣд. въ духовномъ званіи имъ ничего не остается дѣлать. “Да—отвѣчалъ графъ, въ священники васъ опредѣлить нельзя, и я васъ съ большимъ удовольствіемъ уволю въ свѣтское званіе”. Обнадеженные словомъ графа, студенты успокоились. Пусть графъ и называлъ ихъ язычниками, но и въ немъ и въ князѣ Урусовѣ они видѣли хоть какое-нибудь участіе къ себѣ, чего не нашли въ Іоанникіѣ; говоримъ, они успокоились, но не на долго...

(Окончаніе въ слѣдующемъ листѣ).

СКАЗАНІЕ

о безднискѣ побойщѣ въ казанской губерніи.

Рапортъ графа Апраксина о казни А. Петрова.

(Окончаніе).

“Казанскій военный губернаторъ, отпосланиемъ отъ 15 сего Апрѣля, за №. 744 сообщилъ мнѣ повелѣніе в. в. судить преступника возмущенія Антона Петрова по полемому уложенію и приговоръ привести въ исполненіе немедленно.

“Вслѣдствіе сего 16 Апрѣля учрежденъ былъ мною при отрядной квартирѣ въ с. Безднѣ надъ Антономъ Петровымъ полевой военный судъ, которому вмѣнено было въ обязанность окончить военно-судное дѣло въ 24 часа.

“По суду Антонъ Петровъ признанъ виновнымъ въ возмущеніи нѣсколькихъ тысячъ крестьянъ, превратнымъ толкованіемъ Положеній, въ распространеніи ложныхъ слуховъ о свободѣ, въ склоненіи крестьянъ къ явному неповиновенію противъ владѣльцевъ и сопротивленію мѣстнымъ властямъ и въ вооруженной силѣ,* послѣдствіемъ чего было то, что при усмиреніи крестьянъ с. Бездны убито 51 и ранено 77 человекъ. Посему полевой военный судъ, принимая въ соображеніе важность произведеннаго подсудимымъ волненія и гибельныя его слѣдствія, на основаніи 98, 608 и 609 ст. военно-угол. уст. приговорилъ крестьянина Антона Петрова казнить смертію—разстрѣлять.

“Приговоръ военного суда, состоявшійся 17 Апрѣля, утвержденъ того-же числа, и 19 приведенъ въ исполненіе по правиламъ, изложеннымъ въ 545 ст. при собраніи жителей с. Бездны. Въ дополненіе перваго рапорта нужнымъ считаю изложить обстоятельства, принятыя въ соображеніе, какъ военнымъ судомъ, такъ и мною.

“По полученіи въ деревняхъ Положеній, подсудимый Антонъ Петровъ былъ приглашенъ въ с. Болковку, для прочитанія Положеній, превратно толкуя и искажая смыслъ его. Онъ, въ теченіи двухъ дней успѣлъ совершенно подчинить своему вліянію жителей этой деревни и, вмѣстѣ съ ними, прибывъ въ с. Бездну, обратился къ сельскому священнику съ требованіемъ дать имъ присягу въ томъ, что они совершенно свободны; когда-же священникъ отказался исполнить

* Если-бы Апраксинъ просто сказалъ, что Антона необходимо подстрѣлить по нѣкоторымъ соображеніямъ, было-бы лучше, чѣмъ придумывать и вводить небылицы на беззащитнаго мужика. Антонъ по невѣжеству, неправильно понималъ “Положеніи”, вотъ и вся его вина, всѣ-же прочія фразы просто придуманы Апраксинымъ въ 24 часа, для собственнаго своего оправданія. Откуда, на-примѣръ, это сопротивленіе вооруженной силѣ? Если стоять съ голыми руками противъ заряженныхъ ружей значитъ сопротивленіе—то, каждая дикая утка, въ которую охотникъ цѣлится мѣ-за куста, виновата въ томъ-же!

— Я подалъ, отвѣчаетъ тотъ, прошеніе и этикъ показалъ, что желаю.

— Да - нѣтъ, у васъ прошеніе какъ-то неискренно написано.

За тѣмъ вмѣшиваются члены и предлагаютъ такіе вопросы:

Карповъ. Сознаете - ли вы, что вы можете быть приняты въ академію единственно по милости начальства?

Чельцовъ. Признаете - ли вы рѣшеніе св. синода совершенно справедливымъ?

Пусть еще Карповъ говоритъ такъ, онъ уже выжилъ изъ ума, а вы то г. Чельцовъ—еще не глупый человекъ, а такъ говорите!

Впрочемъ свою добросовѣстность вы достаточно зарекомендовали еще на экзопомскомъ мѣстѣ въ академіи!!

его требованіе, онъ предложилъ своимъ сообщникамъ собственными силами отыскивать свободу, понимая подъ этимъ словомъ совершенную независимость, не только отъ помѣщиковъ, но и отъ мѣстныхъ властей. Внушалъ крестьянамъ, чтобъ они не ходили на барщину, не платили оброка, не давали подводъ и даже не препятствовали кражѣ помѣщичьей собственности и не оказывать никакой помощи въ случаѣ собственныхъ бѣдствій, какъ-то: пожаровъ, наводненій, прорыва плотинъ и проч.*

“Такими разказами Антонъ Петровъ въ самое непродолжительное время успѣлъ привлечь на свою сторону почти всѣхъ крестьянъ с. Бездны и окрестныхъ деревень, и чтобы болѣе увеличить число своихъ приверженцевъ, разослалъ по разнымъ отдаленнымъ деревнямъ и даже другимъ уѣздамъ Казанской губ. эмиссаровъ, распускалъ слухи, на-пр., что будто-бы великій князь Константинъ Николаевичъ содержится въ оковахъ въ с. Безднѣ и просить крестьянъ освободить его, и дабы болѣе увеличить ненависть крестьянъ къ помѣщикамъ, обвинялъ послѣднихъ въ смерти Николая Павловича и въ неисполненіи воли в. и. в.

“Такимъ образомъ онъ успѣлъ собрать около Бездны до 10,000 человѣкъ† и изъ другихъ деревень сбѣгались толпами, такъ-какъ было объявлено, что кто не соберется, тѣ останутся въ вѣчномъ рабствѣ. Буйство доходило до того, что въ нѣкоторыхъ селеніяхъ крестьяне прибили своихъ сельскихъ начальниковъ, выбрали новыхъ и отобрали книги отъ конторъ, требуя отчеты.” (Въ какихъ-же это нѣкоторыхъ?).

“Принявъ всю крайность положенія, и видя, что малѣйшее промедленіе могло имѣть гибельныя послѣдствія, я долженъ былъ прибѣгнуть къ рѣшительнымъ мѣрамъ, о которыхъ было всеподданѣйше донесено в. в.”

“Кромѣ возмущенія огромной массы народа и склоненія ихъ къ явному неповиновенію, къ числу главныхъ обвиненій Антона относятся еще то, что онъ во время ружейнаго огня находился самъ въ опасности и имѣя на нее огромное влияние не только не останавливался, но даже подстрѣкалъ ее къ упорству и невыдавать его до послѣдней крайности, говоря, что послѣ трехъ залповъ стрѣльба прекратится и объявлена будетъ совершенная свобода; послѣдствіемъ такого упорства была большая потеря въ людяхъ”‡.

“Свѣденія эти извлечены частію изъ собственнаго сознанія подсудимаго, а частію изъ вѣрныхъ фактовъ, обнаруженныхъ мною и военнымъ судомъ (задержнуто : по окончаніи суда, такъ какъ подробнаго слѣдствія, по краткости времени, про-извести было невозможно).§ Изложивъ всѣ эти обстоятельства, считаю обязанностью довести до свѣденія вашего велич., что строгость рѣшенія падъ подсудимымъ была необходима для возстановленія общаго спокойствія”.

* Все только фразы, да фразы! Извѣстно, что во все время, такъ называемаго возмущенія, крестьяне не взяли ни одного зерна изъ помѣщичьихъ магазиновъ; на работы могли не ходить потому, что на пятой недѣли великаго поста не бываетъ никакихъ работъ; на счетъ неуплаты оброка въ рапортахъ не сказано ничего; все это доказываетъ либо то, что Антонъ не пользовался особеннымъ довѣріемъ, или Апраксинъ самъ все это придумалъ.

† А въ первомъ рапортѣ сказано, что 12 числа было въ Безднѣ въ день стрѣльбы, до 5,000? Значитъ народу становилось все меньше да меньше? Зачѣмъ-же Апраксинъ такъ медлилъ стрѣлять, что не подождать даже двухъ-трехъ дней, когда должны были подѣйти еще 10 ротъ, посланные по распоряженію губернатора?

‡ А это тоже Антонъ Петровъ виноватъ, что стрѣляли въ спины бѣгущимъ?

§ И такъ ясно, что сначала застрѣлили человѣка, а потомъ начали собирать причины, по которымъ его застрѣлили!

“Исполненіе приговора, въ присутствіи огромной массы народа имѣло огромное нравственное влияние и положило конецъ нелѣпымъ толкамъ. Участь Петрова не возбудила никакого сочувствія; народъ, сознавая всю важность его преступленій, выразилъ это полнымъ разскаиваніемъ и криками: по дѣломъ ему, онъ виною всѣхъ нашихъ бѣдствій.”

Огромной массы народа на убійство Антона Петрова не сходилось. Было, правда, человѣкъ около сотни, но и тѣ были согнаны силой. Крики радости при убійствѣ слышны были только одному Апраксину, никто другой ихъ не слышалъ. На Антона Петрова крестьяне смотрѣли, какъ на лучшаго человѣка въ селеніи; они отзывались о немъ, какъ о человѣкѣ смирномъ до крайности; онъ всегда убѣгалъ отъ дракъ и горячихъ споровъ и этимъ пріобрѣлъ общую любовь, не доходящую впрочемъ до неистовства, какъ любилъ выражаться Апраксинъ. Всѣ раненые, при вѣсти о неожиданномъ убійствѣ Петрова, плакали о немъ и крестились. Моральное дѣйствіе убійства дѣйствительно было огромно, но вовсе не такое. Крестьяне по всей вообще губерніи сначала были убѣждены, что ихъ били по подкупу помѣщиковъ, противъ воли царя. Когда-же убѣдились, что бить ихъ приказалъ дѣйствительно царь, то они, не сознавая за собой равно никакой вины, начали думать о своемъ батюшкѣ царѣ совсѣмъ по другому. При взглядѣ на телеграфъ, по которому передавалась апраксинская депеша, крестьяне говорятъ: такъ эти палки-то за тѣмъ поставлены, чтобы народъ стрѣлять? Вообще, если правительство по-чаще будетъ посылать по губерніямъ Апраксиныхъ, то телеграммъ нашимъ долго не устоять; да и другому чему-нибудь тоже, пожалуй не устоять долго-то!

Окончаніе рапорта.—“Въ настоящее время край покоенъ, но я предполагаю, что для окончательнаго водворенія порядка, особенно теперь, при началѣ полевыхъ работъ, необходимо имѣть въ продолженіи лѣта одинъ баталіонъ въ сборѣ при г. Спасскѣ, а другой, расположенный по ротно въ болѣе значительныхъ мѣстностяхъ. Ротъ нахожу нужнымъ не оставлять постоянно на одномъ мѣстѣ, но переводить изъ одного мѣста въ другое, такъ, чтобъ не слишкомъ обременять жителей продовольствіемъ и постоемъ”.

Солдатскія экзекуціи въ конецъ раззорили пѣлый край. До чего доходили неистовства солдатъ и офицеровъ, можетъ служить доказательствомъ одинъ изъ множества подобныхъ случаевъ. Въ селѣ Юркулѣ солдаты до смерти забили бабу за то, что она не дала имъ хлѣба. Впрочемъ солдаты оказались все таки лучше, нежели большинство офицеровъ. Когда при разстрѣливаніи Антона Петрова одному солдату сдѣлалось дурно, то офицеры никакъ не могли сознаться, что это въ немъ заговорило человѣческое чувство; они съ улыбкою объясняли, что солдатъ этотъ ничего не ѣлъ, потому ему и дурно сдѣлалось.

Наканунѣ убійства Антона, одинъ ротный командиръ собралъ, въ присутствіи безднскихъ крестьянъ, свою роту и началъ ей показывать, какіе улучшеніе способы употребляютъ при разстрѣливаніи человѣка. Наука, впрочемъ не пошла въ прокъ. Двѣнадцать пуль такъ дурно были направлены, что не могли убить тощаго мужика, и только пуля почти въ упоръ прекратила его бѣдную жизнь. По окончаніи убійства, полководецъ Апраксинъ предъ крыльцомъ конторы поставилъ двѣ, привезенныя изъ Казани пушки и

съ немовѣрною важностью судилъ оробѣвшихъ крестьянъ. Онъ заставлялъ стоять ихъ по цѣлымъ часамъ на колѣнахъ и и все ругалъ. Теперь рѣчь его лилась уже несравненно свободнѣе. Вѣроятно это обстоятельство и дало случай написать въ рапортѣ, что участь Петрова, не только не возбудила никакого сочувствія, но что народъ, сознавая всю важность его преступленія, выразилъ это полнымъ раскаяніемъ". Еще бы не сознать, когда передъ носомъ стоятъ двѣ пушки, тысячи ружей, и все это въ распоряженіяхъ чловѣка, который вдругъ, ни съ сего ни съ того, прикажетъ стрѣлять!

С М Ъ С Ъ

— *Филаретъ, митрополитъ московской сошелъ съ ума* — и разослалъ московскимъ священникамъ въ запечатанныхъ конвертахъ съ надписью *секретно* слѣдующую цидулку:

"Повеже умножеша грѣхи наша и наипаче требуется покаянная и умиленная Молитва, сего ради на вечерни, утрени и Литургіи при окончаніи сугубой ектеніи глаголы сїи:

"Еще молимся о еже милостивому и благоувѣливному Богу нашему, отвратити всякій гнѣвъ, на ны движемы и избавити ны отъ надлѣжащаго и праведнаго прещенія и простити намъ всякое согрѣшеніе вольное и невольное и помиловати насъ недостойныхъ рабовъ своихъ въ сердцѣ сокрушенныхъ даруемъ вси, Молимтися услыши и помилуй".

Отъ Его Высокопр. Митрополита Моск. къ исполненію въ церквахъ московскихъ, Ноября 17, 1861.

(Списана съ оригинала).

Молитвы эти читаются, съ 24 Ноября, только въ одной Москвѣ по личному распоряженію Филарета, и на запросъ ему отъ синода, почему онъ нашелъ нужнымъ прибавить эти молитвы, онъ отвѣчалъ, что причины побудившія его, беспокойствіе вообще умовъ, которое происходитъ отъ умножившихся согрѣшеній, что выражается не повиновеніемъ самодержавной власти Царя и Его правительства. Отвѣтъ этотъ переданъ синодомъ государю.

Говорятъ, что больного будутъ свидѣтельствовать въ московскомъ губернскомъ правленіи.

— *Атаманъ убитъ аукціономъ!* Последняя цѣны на *Павловыхъ въ Москвѣ* не слишкомъ дороги — "Свободное слово", въ первомъ выпускѣ печатаетъ слѣдующее торговое извѣстіе о покупке правительствомъ за 25,000 р. *Павлова, Николая Филиповича*. "Павловъ самъ накупился, т. е. предложилъ свои услуги. Ему даже было отказано одинъ разъ; такъ онъ съѣзжалъ въ Петербургъ, побывалъ у Вяземскаго и Долгорукова и получилъ вспоможеніе на изданіе своей полезной газеты. Какого Вяземскаго?" — Спрашиваетъ наивно редакторъ "Свободнаго слова". "Неужели Петра Андреевича?" Что-же тутъ удивительнаго? Вы "уважаете остатки чловѣческой личности во всякомъ чловѣкѣ" — это хорошо, но не дурило также и знать личности чловѣковъ.

— *Еще русскій журналъ.* — Въ Лейпцигѣ Волфгангъ Гергардъ, будетъ съ конца нынѣшняго мѣсяца, издавать новый журналъ подъ названіемъ *Правдивый*. Редакторомъ его будетъ князь П. В. Долгорукий.

— Насъ просятъ узнать, точно-ли петербургскіе студенты *Бутчикъ*, нѣкогда судимый товарищами своими, его адвокатъ *Неловъ* и вольный слушатель *Назаревскій*, поступили на служебное поприще, и на какое именно?

— *БЕЗЪ МАСОКЪ.* — "Я публикую мой проэктъ подъ своимъ именемъ, потому, что думаю, что пора намъ перестать бояться... потому, что желая, чтобы съ нами перестали обращаться какъ съ дѣтьми, мы должны перестать дѣйствовать по дѣтски, потому, что тотъ, кто хочетъ правды и справедливости, долженъ умѣть безбоязненно стоять за нихъ".

Когда мы прочли эти слова, исполненныя героической простоты *Н. Серно-Соловьевича*, въ предисловіи къ его замѣчательной брошюрѣ о *крестьянскомъ дѣлѣ*, изданной въ Берлинѣ, мы были увѣрены, что отъ нихъ начнется новая эпоха заграничнаго русскаго слова, эпоха съ открытымъ забраломъ. Это огромный шагъ впередъ. И вотъ *А. Кошелевъ* издаетъ въ Лейпцигѣ свое рѣшеніе, земскаго вопроса. Не можемъ себѣ отказать въ удовольствіи, передать нашимъ читателямъ его предисловіе:

"Мы представили въ цензуру нашу статью: Что такое русское дворянство и чѣмъ оно быть должно? и не получили разрѣшенія на ея напечатаніе, подъ предлогомъ, что статья можетъ раздражить дворянство. Дворянинъ пишетъ о дворянствѣ и обращается къ своимъ собратьямъ — дворянамъ; пишетъ онъ не воззваніе, а разсужденіе умѣренное, и притомъ съ соблюденіемъ всякихъ цензурныхъ приличій (таиъ по крайней мѣрѣ казалось); и такую статью цензура не пропускаетъ! Мы пошли дальше; но и тамъ — отказъ. Послѣ этого нельзя было и думать о напечатаніи въ Россіи записки: Какой исходъ для Россіи изъ нынѣшняго ея положенія? Чужь — молчать или печатать за границею?"

При нынѣшнемъ положеніи Россіи, таиъ слово утѣшенія, ободренія или совѣта грѣшно. Мы можемъ ошибаться, увлекаться, на счетъ достоинства нашихъ мыслей заблуждаться; на то мѣръ, чтобы дѣло обсудить. Но молчать — мы не имеемъ права.

Когда въ древнія времена, не позволяли христіанамъ молиться Богу по ихъ вѣрѣ и они отправляли свои службы ночью и въ подземельяхъ; хорошо-ли поступалъ тотъ, именующій себя христіаниномъ, который удалялся отъ такихъ собраній?

Солнце свободы встало для Россіи, не вслѣдствіе, слава богу, кровавой борьбы, а по мудрому, благовременному, свыше внушенному царскому слову: а бюрократія между тѣмъ не перестаетъ хлопотать о томъ, какъ-бы заградить потоки свѣта на нашу страну; не обязанность-ли наждаго русскаго доказать, что онъ достоинъ смотрѣть на свѣтъ божій, и что для него свобода слова необходима, какъ хлѣбъ насущный?

Мы печатаемъ наши мѣтлы гдѣ можемъ — за-границею; не скрываемъ имени и не уклоняемся отъ отвѣтственности за высказанное. Знаемъ, что всполошится бюрократія, что нѣмѣ воспышетъ съ доносами, многіе съ изъясненіями негодованія, и нѣкоторые даже съ предложеніемъ мѣръ строгихъ; но мы покойны и останемся таковыми, ибо исполнили долгъ совѣсти, что поначету не можетъ быть сочтено за преступленіе въ царствованіе Александра II".

Дрезденъ, 2 Января 1862.

— *ПРОГРЕССЪ ВЪ РОССІИ.* — "Тринадцать лицъ, принадлежавшихъ къ составу мировыхъ учрежденій тверской губерніи, (членъ губернскаго присутствія Бакуиниъ, предсѣдатели мировыхъ съѣздовъ, уѣздные предводители дворянства: Бакуиниъ и Балкашинъ, мировые посредники: Кудрявцевъ, Полторацкій, Глазенацъ, Харламовъ. Лаваревъ, Кисляинскій, Невѣдомскій и Лихачевъ, и кандидаты мировыхъ посредниковъ: Ширококовъ и Демьяновъ), позволили себѣ письменно заявить мѣстному губернскому по крестьянскому дѣлу присутствію, что они впредь намѣрены руководствоваться, въ своихъ дѣйствіяхъ, возрѣніями и убѣжденіями не согласными съ положеніями 19-го Февраля 1861 года, и что всякій другой образъ дѣйствій они признаютъ враждебнымъ обществу.

"Вслѣдствіе сего сдѣлаво распоряженіе объ арестованіи означенныхъ лицъ и преданіи ихъ суду 1-го отдѣленія 5-го департамента правительствующаго сената, коему подвѣдомственна Тверская Губернія". — (Свѣд. Почта).

— Въ Тверь посланъ генераль-адъютантъ Анненковъ съ толпой жандармовъ, производить слѣдствіе по дѣлу адреса, который дворянство предполагало послать государю.

— *Прогрессъ въ Польшѣ.* Генрихъ и Александръ Краевскіе, Еренбергъ, Токаржевскій, недавно возвратившіеся въ Польшу изъ Восточ. Сибири, опять посланы въ внутреннія губерніи. (Przegląd Rzeczy Polskich).

— Статьи подъ заглавіемъ "Русь православная", мы не получали.

— Корреспондента, предлагающаго замѣтки о монастыряхъ и церквахъ, усерднѣе просимъ прислать рукописи. — Ред.

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи, 136 & 138 Caledonian Road, London N.

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM,

КОЛОКОЛЪ

VIVOS VOCO!

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ.
Цена 6 пенсовъ. Получается въ Вольной
Русской Типографіи, 136 & 138 Caledonian
Road, N.

ЛИСТЪ 126.

22 МАРТА 1862.

У Трибнера & Со. въ книжной лавкѣ,
60, Paternoster Row, и у Tchorzewski,
1, Macclesfield Street, (Gerrard Street),
Soho, London. Price six-pence.

(WITH SUPPLEMENT NO. 7.)

ОГЛАВЛЕНІЕ.—Адресъ тверскаго дворянства.—Донесеніе московскихъ профессоровъ.—Исторія въ Петербургской духовной Академіи (Окончаніе).

СМѢСЬ: Циркуляры мин. в. д. Валуева.—Мировые посредники тверской губерніи.—Прогрессъ въ Россіи.

АДРЕСЪ ТВЕРСКАГО ДВОРЯНСТВА.

ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО.

Всемилоуивѣйшій Государь!

Собравшись въ первый разъ послѣ онародованія законоположеній 19 Февраля 1861 г., тверское дворянство привѣтствуетъ русскаго царя, который приступилъ къ освобожденію крестьянъ и къ искорененію всякой неправды на землѣ русской. Тверское дворянство объявляетъ торжественно, что оно искренно сочувствуетъ добрымъ начинаніямъ в. и. в. и готово слѣдовать за Вами путемъ, ведущимъ къ благоденствію русскаго народа. Въ доказательство нашей готовности и полного довѣрія къ лицу в. н. в., мы рѣшаемся представить на Ваше благоумотрѣніе откровенное изложеніе нашихъ мыслей безъ всякой лжи и утайки.

Манифестъ 19 Февраля, объявившій волю народу, улучшилъ, нѣсколько материальное благосостояніе крестьянъ, но не освободилъ ихъ отъ крѣпостной зависимости и не уничтожилъ всѣхъ незаконій, порожденныхъ крѣпостнымъ правомъ. Здравый смыслъ народа не можетъ согласиться объявленной в. в. воли съ существующими обязательными отношеніями къ помѣщикамъ и съ искусственнымъ раздѣленіемъ сословій.

Народъ видитъ, что онъ со временемъ можетъ освободиться только отъ обязательнаго труда, но долженъ оставаться вѣчнымъ оброчникомъ, преданнымъ во власть тѣхъ-же помѣщиковъ, названныхъ мировыми посредниками.

Государь! мы признаемся откровенно, что сами не понимаемъ этого положенія. Такое громадное недоразумѣніе ставить все общество въ безвыходное положеніе, грозящее гибелью государству.

Что-же мѣшаетъ устранить его?

Въ обязательномъ предоставленіи земли въ собственность крестьянъ, мы не только не видимъ нарушенія нашихъ правъ, но считаемъ это единственнымъ средствомъ обезпечить спокойствіе страны и наши собственные имущественные интересы.

Мы просимъ, привести эту мѣру въ исполненіе общими силами государства, не полагая всей тяжести ея на однихъ крестьянъ, которые менѣе другихъ виновны въ существованіи этого права.

Годъ VI.

Дворяне въ силу сословныхъ преимуществъ избавлялись до сихъ поръ отъ исполненія важнѣйшихъ общественныхъ повинностей. Государь! мы считаемъ кровнымъ грѣхомъ жить и пользоваться благами общественнаго порядка на счетъ другихъ сословій. Неправеденъ тотъ порядокъ вещей, при которомъ бѣдный платитъ рубль, а богатый не платитъ и копейки. Это могло быть терпимо при крѣпостномъ правѣ, но теперь ставить насъ въ положеніе тунеядцевъ, совершенно бесполезныхъ своей родинѣ.

Мы не желаемъ пользоваться такимъ позорнымъ преимуществомъ и дальнѣйшее существованіе его не принимаемъ на свою отвѣтственность. Мы всеподданнѣйше просимъ в. в. разрѣшить намъ принять на себя часть государственныхъ податей и повинностей, соотвѣтственно состоянію каждаго.

Кромѣ имущественныхъ привилегій мы пользуемся исключительнымъ правомъ поставять людей для управленія народомъ. Въ настоящее время мы считаемъ незаконнымъ исключительность этого права и просимъ распространить его на всѣ сословія.

Всемилоуивѣйшій Государь! мы твердо увѣрены, что Вы искренно желаете блага Россіи и потому считаете священнымъ долгомъ высказать откровенно, что между нами и правительствомъ в. в. существуетъ страшное недоразумѣніе, которое препятствуетъ осуществленію Вашихъ благихъ намѣреній. Въмѣсто дѣйствительнаго осуществленія обѣщанной воли, сановники изобрѣли временно-обязанное положеніе, невыносимое какъ для крестьянъ, такъ и для помѣщиковъ. Въмѣсто одновременнаго обязательнаго обращенія крестьянъ въ свободныхъ поземельныхъ собственниковъ, они изобрѣли систему добровольныхъ соглашеній, которая грозитъ довести до крайняго раззорѣнія и крестьянъ и помѣщиковъ; нынѣ они находятъ необходимымъ сохраненіе дворянскихъ привилегій, тогда какъ мы сами, болѣе всѣхъ заинтересованные въ этомъ дѣлѣ, желаемъ ихъ отмены.

Этотъ всеобщій разладъ служить лучшимъ доказательствомъ, что преобразованія, требующіяся нынѣ крайнею необходимостью, не могутъ быть совершены бюрократическимъ порядкомъ. Мы сами не беремся говорить за все въ народъ, не смотря на то, что мы стоимъ къ нему ближе, и твердо увѣрены, что недостаточно одной благонамѣренности, не

только для удовлетворенія, но даже и для указанія народных потребностей.

Мы увѣрены, что всѣ преобразованія остаются безъ-успѣшными потому, что предпринимаются безъ спроса воли народа. Созваніе выборныхъ всей земли русской представляетъ единственное средство къ удовлетворительному разрѣшенію вопросовъ, возбужденныхъ, но не разрѣшенныхъ положеніемъ 19 Февраля.

Представляя на разсмотрѣніе в. в. всеподданнѣйшее прошеніе о созваніи земскаго собранія, мы надѣемся, что искреннее желаніе общаго блага, одушевляющее тверское дворянство, не подвергнется превратному толкованію.

Съ чувствомъ глубочайшаго благоговѣнія имѣемъ счастье именовать,

В. И. В. вѣриподданные,
(Слѣдуетъ 112 подписей.)

Февраля 2 дня 1862.

1862 года Февраля 2 дня чрезвычайное тверское губернское дворянское собраніе, по всестороннему обсужденію вопроса объ устройствѣ земскаго банка, пришло къ слѣдующимъ соображеніямъ :

1) Необходимость поземельнаго кредита въ настоящее время обуславливается только уничтоженіемъ обязательныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами, потому что въ кредитъ нуждаются только одни помѣщичьи хозяйства, а съ уничтоженіемъ всякихъ обязательныхъ отношеній, дворянство получить капиталы, которые устранивъ на долгое время потребность въ поземельномъ кредитѣ для поддержанія существующихъ хозяйствъ !

2) Дворянство убѣждено въ несостоятельности обязательныхъ отношеній съ крестьянами, и въ крайней необходимости прекратить ихъ посредствомъ предоставленія крестьянамъ поземельныхъ надѣловъ въ полную ихъ собственность при содѣйствіи всего государства ;

3) Для возрожденія кредита необходимы слѣдующія реформы : а) Преобразование финансовой системы управленія въ томъ смыслѣ, чтобы оно зависѣло отъ народа, а не отъ произвола ; б) Учрежденіе независимаго гласнаго суда, безъ котораго невозможенъ не только частный кредитъ, но и государственный, и в) Введеніе полной гласности во всѣхъ отрасляхъ государственнаго и общественнаго управленія. Безъ этой гласности не можетъ быть никакого довѣрія къ правительству и къ прочности общественнаго порядка ;

4) Кромѣ всѣхъ этихъ реформъ нужно уничтоженіе тѣхъ враждебныхъ отношеній между сословіями, которыя являются слѣдствіемъ законоположеній 19 Февраля 1861 г., возбуждавшихъ только вопросъ объ освобожденіи крестьянъ, но не рѣшившихъ его окончательно. Уничтоженіе антагонизма сословій можетъ быть произведено не иначе какъ ихъ полнымъ сліяніемъ. Дворянство, будучи глубоко проникнуто сознаніемъ безысцѣльной необходимости выйти изъ этого антагонизма и желая уничтожить всякую возможность упрека въ томъ, что оно составляетъ преграду на пути общаго блага, объявляетъ передъ лицомъ всей Россіи, что оно отказывается отъ всѣхъ своихъ сословныхъ привилегій согласно протокола собранія 2 Февраля, и не считаетъ нарушеніемъ своихъ правъ обязательное предоставленіе крестьянамъ земли въ собственность, согласно того-же протокола, съ вознагражденіемъ помѣщиковъ при содѣйствіи всего государства ;

5) Осуществленіе этихъ реформъ невозможно тѣмъ путемъ правительственныхъ мѣръ, которыми до сихъ поръ двигалась наша общественная жизнь. Предполагая даже полную готовность правительства произвести реформы, дворянство глубоко проникнуто тѣмъ убѣжденіемъ, что правительство не въ состояніи ихъ совершить. Свободныя учрежденія къ которымъ ведутъ эти реформы могутъ выдти только изъ народа, а иначе будутъ одною только мертвою буквою и поставятъ общество въ еще болѣе натянутое положеніе. По сему дворянство и обращается къ правительству съ просьбою о совершеніи этихъ реформъ ; но, признавая свою несостоятельность въ этомъ дѣлѣ, ограничивается указаніемъ того пути, на которомъ оно должно служить для спасенія себя и общества. Этотъ путь есть собраніе выборныхъ отъ всего народа безъ различія сословій.

Эта выписка изъ протокола и адресъ ходятъ здѣсь по рукамъ. Результатъ былъ, какъ и слѣдовало ожидать, благой. Въ тверскую губернію послали генерала Анненкова, сколько-то полковниковъ и эскадронъ жандармовъ для арестованія всѣхъ 112 человекъ, подписавшихъ адресъ. Говорятъ, что уже болѣе 12 сидятъ въ крѣпости.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА,

*составленная университетской комиссіей, по поводу происшедшихъ въ Сентябрь и Октябрь, 1861 г., безпорядковъ между студентами московскаго университета и представленная университетскимъ совѣтомъ чрезъ его превосход. и. полечителя м. округа.**

Его в. п. г. министру народнаго просвѣщенія,

Ваше сіятельство !

Воленіе и безпорядки, которыхъ университетъ былъ зрѣлищемъ въ послѣднее время, побуждаютъ совѣтъ моск. университета обратиться къ вамъ съ донесеніемъ объ этихъ горестныхъ событіяхъ. Совѣтъ имѣетъ въ виду изложить в. с. весь ходъ дѣла, связать настоящія событія съ предъидущими, указать на разнородныя причины, которыя тутъ дѣйствовали и возратить каждому принадлежащую ему долю отвѣтственности. Послѣднія происшествія могутъ подать поводъ къ мысли, что моск. университетъ сдѣлался центромъ уличныхъ волненій и революціонныхъ идей. Сознавая съ глубокою скорбію всю незаконность поступковъ моск. студентовъ, совѣтъ полагаетъ однако, что безпристрастное изложеніе дѣла должно устранить подобное нареканіе. Совѣтъ смѣетъ увѣрить в. с., что не смотря на временныя студенческія увлеченія, основной духъ моск. университета остался неиспорченнымъ. Поддержанный правительствомъ, университетъ сумѣетъ совладать съ настоящими смутами и сохранить свое высокое призваніе просвѣтителя русскаго юношества. Донося в. с. о всемъ происшедшемъ и излагая причины волненій, совѣтъ считаетъ необходимымъ говорить со всевозможною откровенностію. Трудное положеніе, въ которомъ находятся нынѣ наши университеты, настоятельная потребность разумныхъ мѣръ для установленія прочнаго порядка, дѣлаютъ неумѣстнымъ всякое утаеніе истины, или косвенныя уловки и оговорки. Совѣтъ въ своемъ донесеніи старался не выходить изъ предѣловъ, вѣренной ему власти. Но если в. с. усмот-

* Подписана : Соловьевымъ, Бодяскимъ, Леонтьевымъ, Ешевскимъ и Чичеринымъ.

рить здѣсь мысли и сужденія, которыя могутъ казаться несовмѣстными съ тѣснымъ кругомъ дѣятельности, представленнымъ подчиненному мѣсту, то совѣтъ покорнѣе проситъ в. с. принять ихъ не за неуваженіе къ высшимъ властямъ, а за чистосердечное желаніе содѣйствовать, по мѣрѣ силъ, успѣхамъ драгоцѣннаго намъ отечественнаго просвѣщенія.

Первоначальныя причины, которыя произвели настоящія волненія между студентами, коренятся не въ университетѣ. Нынѣшнія событія суть послѣдствія и отголосокъ того общаго движенія, которое охватило Россію съ 1855 г. Совѣтъ не считаетъ умѣстнымъ входить здѣсь въ сужденіе объ этомъ направленіи русскаго общества. Онъ указываетъ на него какъ на несомнѣнный фактъ, который имѣетъ свои хорошія и дурныя стороны. Для массы русскаго общества это движеніе новое; оно вовсе было къ нему не приготовлено. Оно развилось внезапно, вслѣдствіе бѣдствій послѣдней войны. Понятно, что новое направленіе не скоро можетъ войти въ надлежащую, разумную и законную колею. Оно естественно колеблется, пока не найдетъ для себя твердыхъ точекъ опоры. Только жизненный опытъ можетъ показать границы, гдѣ свобода становится анархическою и вредною для государства. Пока видны однѣ лишь невыгоды сѣшеній, либеральное направленіе необходимо вдается въ крайности и эти крайности отражаются прежде всего на молодыхъ умахъ.

Студенты нашихъ университетовъ не состоятъ въ закрытомъ заведеніи, подъ вліяніемъ однихъ начальниковъ и преподавателей: они живутъ среди общества и заражаются его стремленіями, его страстями, его предрасудками. Русское общество внушило студенту такое понятіе о его достоинствѣ, какое едва-ли существуетъ въ другой странѣ. Тамъ, гдѣ образованіе разлито въ народъ и пустило прочныя корни, тамъ учащіеся получаютъ естественно принадлежащее имъ мѣсто въ общественныхъ рядахъ. Въ Россіи учащійся становится представителемъ образованія, а въ настоящее время, всякій русскій челоѣкъ, глубоко чувствуетъ потребность образованія, какъ единственнаго выхода изъ гнетущихъ его общественныхъ золъ. Сверхъ того, вслѣдствіе выравшейся у насъ отъ бездѣйствія привычки возлагать по возможности всѣ обязанности на другихъ, у насъ призванными къ дѣятельности постоянно считаются подрастающія поколѣнія, тогда какъ поколѣнія зрѣющія начинаютъ уже спокойно наслаждаться жизнью. Оттого молодые люди исполняются сознаниемъ своего высокаго значенія. Студентъ въ Россіи является уже не учащимся, а учителемъ общества. Послѣднее смотритъ на него съ нѣкоторою гордостью и съ нѣкоторымъ уваженіемъ. Въ глазахъ многихъ студентъ представляетъ будущую надежду Россіи. При всѣхъ превратныхъ послѣдствіяхъ, которыя можетъ повлечь за собою такое преувеличенное понятіе о своемъ достоинствѣ, оно имѣетъ однако хорошую сторону. Пстекая изъ уваженія къ образованію, оно даетъ челоѣку нравственныя силы, которыя на дальнѣйшемъ поприщѣ охраняютъ его отъ тѣхъ искушеній, которыми слишкомъ часто подвергаются у насъ не только чиновники, но и люди всѣхъ званій. Прискорбно здѣсь особенно то, что этимъ понятіямъ не соотвѣтствуетъ степень подготовленія студентовъ. Вслѣдствіе мѣръ, принятыхъ съ 1848 г. значительно понизился уровень, какъ университетскихъ запятій, такъ и гимназическихъ преподаваній. Въ университетѣ

стали стекаться молодые люди, менѣе прѣжняго приготовленные къ научнымъ трудамъ, и когда открылась для нихъ большая свобода дѣйствій, они естественно стали заниматься общими вопросами, которые требовали отъ нихъ меньшей работы.

Такое общественное состояніе умовъ въ Россіи возбудило въ студентахъ настроеніе, которое нельзя считать нормальнымъ. Обстоятельства, независіяція отъ университета, значительно уилили этотъ духъ. До конца 57 г. въ студентахъ моск. университета не было замѣтно никакого особеннаго движенія. Въ это время случилась извѣстная в. с. исторія съ моск. полиціей. Студенты были оскорблены. Судъ и высочайшая воля рѣшила дѣло въ ихъ пользу. Виновные были наказаны по закону.

Это событіе въ первой разъ вызвало въ студентахъ мысль о своемъ единствѣ. До тѣхъ поръ у нихъ не было общихъ дѣлъ, а потому не было ни сходокъ, ни депутатовъ. Студенты не думали считать себя корпораціей, но у нихъ всегда былъ, какъ и всегда будетъ духъ товарищества, который естественно вытекаетъ изъ ихъ положенія и составляетъ самую жизнь университета. Насиліе, совершенное надъ товарищами, почувствовалось какъ оскорбленіе всѣхъ. Такъ какъ первоначально не было принято мѣръ для нарядженія слѣдствія и все дѣло грозило кончиться ничѣмъ, то весь университетъ взволновался. Каждый день собирались сходки. Тогда г. попечитель предложилъ студентамъ выбрать съ каждаго курса по 2 депутата, которые могли-бы постоянно сносятся съ начальствомъ для наблюденія за ходомъ дѣла.

Это первое студентское движеніе увѣчалось полнымъ успѣхомъ. Студенты видѣли, что назначеніе слѣдственной комиссіи было вызвано тѣми требованіями, которыя они предъявляли массою. Съ этихъ поръ у нихъ укоренилась привычка къ сходкамъ и депутациямъ. Вскорѣ къ тому присоединилось основаніе студентской кассы, которая управлялась выборными.

Все это однакожь могло-бы остаться безъ вредныхъ послѣдствій, если-бы съ новымъ духомъ, который распространился между студентами съ новыми правами имъ предоставленными, была усилена и дѣятельность университетской полиціи, наблюдающей за безпорядками. Къ несчастію послѣдовало совершенно обратное: карцеръ былъ уничтоженъ и университетская полиція лишилась всякихъ исправительныхъ средствъ. Гдѣ есть полиція, тамъ должно быть и полицейское наказаніе. Университетъ-же былъ поставленъ въ такое положеніе, что онъ не иначе могъ прекращать безпорядки, какъ исключеніемъ виновныхъ изъ своей среды, наказаніе слишкомъ жестокое, ибо оно за простую шалость, за легкомысленное увлеченіе портитъ всю карьеру молодаго челоѣка. Можно сказать, что съ этого времени университетская полиція фактически прекратила свое существованіе. Долго она была даже вовсе не видна; только въ недавнее время она показалась снова, хотя и лишена всякаго средства дѣйствовать на студентовъ.

Послѣдствіемъ всего этого былъ рядъ нарушеній университетскаго порядка. Эти проступки, совершаемые тою-то, оставались безнаказанными, и по крайпей мѣрѣ кончались удачею студентовъ.

Первымъ дѣломъ такого рода была исторія съ профессоромъ Майковымъ. Онъ былъ освястанъ своими слушателями.

Студенты, представили начальству маленькое извинение въ своемъ поступкѣ, но они были освобождены отъ экзамена г. Майковъ вышелъ изъ университета. Затѣмъ тоже самое повторилось съ профессоромъ Варнекомъ. Здѣсь исторія была серьезнѣе и совѣтъ былъ призванъ къ принятію нужныхъ мѣръ для прекращенія безпорядковъ. Наряженная имъ коммиссія, получивши отъ студентовъ отзывъ, что они дали другъ другу слово выжить профессора Варнека изъ университета, рѣшила весь курсъ подвергнуть болѣе или менѣе строгому взысканію, раздѣливъ виновныхъ на различныя категоріи. Г. мин. народнаго просвѣщенія ограничилъ наказаніе исключеніемъ изъ университета 12 человѣкъ. Остальные были допущены къ изъясненію разсканія, — при чемъ однако профессоръ Варнекъ принужденъ былъ оставить университетъ.

Точно также и профессоръ Орнатскій долженъ былъ выйти въ отставку, потому что студенты отказались ходить къ нему на лекціи. Въ исторіи съ профессоромъ Леонтьевымъ и преподавателемъ Клиномъ студенты потерпѣли неудачу. Оба профессора остались на своихъ мѣстахъ и нѣсколько человѣкъ студентовъ были исключены изъ университета; однако остальнымъ были сдѣланы нѣкоторыя снисхожденія, не совсѣмъ согласныя съ университетскими правилами.

Съ этихъ поръ прекращаются исторіи съ профессорами. Но прошедшею весною студенты дозволяли себѣ призывать къ суду г. ректора за мнимое оскорбленіе, нанесенное имъ студенту, который никогда и не думалъ жаловаться; происходившія по этому случаю ссоры и движенія остались совершенно безнаказанными; здѣсь въ первый разъ студенты начали громко толковать о своихъ правахъ, какъ корпораціи. Здѣсь слышались тѣ неумѣренныя и противныя университетскому порядку требованія, которыя повторялись съ большею силою въ настоящихъ смутахъ. Студенты болѣе и болѣе убѣждались, что они призваны быть дѣятелями общественными. Нѣкоторые изъ нихъ ревностно занимались дѣлами, которыя не имѣли никакого отношенія къ университетскимъ занятіямъ. В. с. извѣстно, что литографіи лекцій послужили поводомъ къ распространенію недозволенныхъ сочиненій. Это совершалось довольно открытымъ образомъ, а между тѣмъ долго оставалось безнаказаннымъ. На панихидѣ по убитымъ въ Варшавѣ полякамъ были произнесены студентами нѣкоторыя весьма неумѣренныя рѣчи, но ораторы не подверглись за то никакому взысканію. Всѣ эти удачі, которыя повторялись въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, утвердили студентовъ въ мысли, что они своею массою составляютъ силу, противъ которой начальство боится дѣйствовать рѣшительно. Совѣтъ и преподаватели моск. университета не могутъ принять на себя отвѣтственности за послабленія, которыя повели къ развитію этого духа. Совѣтъ осмѣливается изъяснить в. с. свое крайнее убѣжденіе, что одна изъ главныхъ причинъ, возникшихъ безпорядковъ, заключается въ недостаткѣ твердой, послѣдовательной и основанной на ясномъ пониманіи университетскихъ нуждъ—системы управленія университетами въ продолженіи послѣднихъ 13 лѣтъ.

Въ нынѣшнемъ году послѣдовали совершенныя перемѣны въ принятой до того времени системѣ. Совѣтъ не имѣетъ права подвергать обсужденію присланныхъ ему для исполненія высочайшихъ повелѣній; но онъ не считаетъ возможнымъ умолчать о тѣхъ причинахъ, которые произвели въ студентахъ

общее неудовольствіе, привели къ настоящимъ безпорядкамъ. В. с. оцѣнить на сколько эти причины могутъ служить извиненіемъ незаконнымъ дѣйствіямъ студентовъ.

Всякому, кто занимается воспитаніемъ извѣстно, какъ неохотно вообще молодые люди подвергаются вѣншимъ мелочнымъ стѣсненіямъ. Избѣгнуть въ этомъ отношеніи бдительнаго взора начальства, становится даже признакомъ удалства, которое всякій, нѣсколько бойкій студентъ вмѣняетъ себѣ въ честь. Это всегда было и будетъ, потому, что это вѣчное свойство юности. При господствѣ, такъ сказать, патріархальныхъ отношеній между студентами и начальствомъ, какъ это было до 1848 г., это напращиваніе остается совершенно безвреднымъ. Въ то время студенты безпрерывно нарушали форму; инспекція, то смотрѣла на это сквозь пальцы, то ласково ихъ побранивала, но наконецъ, въ крайнихъ случаяхъ сажала ихъ въ карцеръ, и все обходилось очень благополучно. Въ настоящее время, при томъ духѣ, который вслѣдствіе изложенныхъ причинъ вселенъ въ студентовъ, при томъ высокомъ понятіи, которое они получили о себѣ, всякое мелкое стѣсненіе кажется имъ оскорбительнымъ. Они ропщутъ на примѣръ на обязанность всегда имѣть при себѣ билеты и объявлять ихъ при входѣ въ университетъ, гдѣ онѣ привыкли считать себя дома, и пользоваться полной свободой движенія. Опасенія-же, которыя проглядываютъ въ этихъ мѣрахъ, еще болѣе утверждаютъ ихъ въ мысли, что онѣ составляютъ дѣйствительную силу, отъ которой надобно ограждать разными и юбрѣтеньями.

Въ послѣдніе годы студенты приобрѣли также привычку, къ постояннымъ совѣщаніямъ объ общихъ дѣлахъ и къ выбору депутатовъ. Это дѣлалось не только съ разрѣшенія, но иногда даже по распоряженію начальства. Студенты стали считать эти сходы и выборы естественно принадлежащимъ имъ правомъ. Не сдержанные полицейскою властію, они это право перѣдко употребляли во зло. Предыдущія событія внушили имъ мысль, что они этими способами могутъ принимать участіе въ самомъ управленіи университетомъ, чего разумѣется допустить невозможно. Совѣтъ полагаетъ, что въ этой мысли заключается главное зло, происходящее отъ сходовъ и депутацій. Что касается до другаго рода совѣщаній, то совѣтъ имѣлъ уже честь объяснить в. с., что студенты, не образуя даже юридически организованной корпораціи, всегда составляли и будутъ составлять товарищество; это естественное условіе и послѣдствіе университетской жизни. Между тѣмъ, по видимому, эти двѣ вещи, не достаточно различаются, какъ студентами, такъ и высшимъ начальствомъ. Товарищамъ свойственно сходиться и толковать между собою. Въ случаѣ какого-либо общаго дѣла они естественно посылаютъ отъ себя кого-нибудь для объясненія съ начальствомъ. Тутъ нѣтъ официального представительства, какъ въ корпораціи. Это совершается частнымъ домашнимъ образомъ, и въ прежнія времена само начальство находило въ этомъ наилучшее средство для объясненія съ студентами для возможности дѣйствій на нихъ. Новыя постановленія положительно запрещаютъ всякія сходы и всякія объясненія съ начальствомъ сборищемъ или посредствомъ депутатовъ. В. с. нойметъ, что студентамъ это должно было показаться внезапнымъ отнятіемъ права, которое они привыкли считать своимъ.

Но главнымъ предлогомъ къ безпорядкамъ послужила мѣра объ обязательной платѣ 50 р. Здѣсь уже студенты опирались

на нравственное чувство состраданія къ бѣднымъ товарищамъ. Въ этой точкѣ, они находили постоянную поддержку въ сочувствіи общества, а потому въ рукахъ агитаторовъ, которые желали произвести волненіе въ университетѣ, это было наилучшее орудіе для возбужденія массы.

В. с. вѣроятно не извѣстно, въ какой бѣдности живутъ многіе изъ студентовъ моск. университета. Молодые люди перѣдко лишаютъ себя послѣдняго куска хлѣба, чтобы воспользоваться университетскимъ образованіемъ. При томъ недостаткѣ средствъ и пособій, который господствуетъ у насъ, они находятъ здѣсь единственный путь къ просвѣщенію. Отсюда неодолимое стремленіе русскаго юношества къ университетамъ.

В. с. извѣстно и то, что въ Россіи промышленное и ремесленное поприще до сихъ поръ носитъ характеръ преимущественно сословный; молодому человѣку, не принадлежащему къ купечеству, или мѣщанству, нужно посвятить себя ремеслу. Если у него есть кое-какія духовныя стремленія, единственный исходъ для него университетъ. Здѣсь только онъ пріобрѣтаетъ возможность получить хоть маленькое образованіе, пробить себѣ дорогу и занять себѣ какое-нибудь положеніе въ жизни. Изъ университета выходятъ чиновники, медики, учителя, литераторы. Отцы семействъ готовы жертвовать послѣднею копѣйкою, чтобы дать сыновьямъ своимъ средство пройти чрезъ университетъ.

Съ такими побужденіями, многіе молодые люди пріѣхали въ Москву, для поступленія въ университетъ. Здѣсь имъ было объявлено, что немнѣе могутъ вступить, какъ съ платою 50 р. въ годъ. Этого они вовсе не ожидали. Бѣднѣйшіе изъ нихъ, тѣ, которые рѣшительно не въ состояніи были заплатить, съ сокрушеннымъ сердцемъ уѣхали домой. Тѣ-же, которые имѣли кое-какія средства, внесли требуемую плату, но подверглись всѣмъ бѣдствіямъ бѣдности и, разумѣется, значительно усилили массу недовольныхъ. Этому отчасти можно приписать то обстоятельство, что главными дѣятелями въ безпорядкахъ были студенты первыхъ курсовъ. Другіе-же, видя бѣдственное положеніе товарищей, естественно увлеклись желаніемъ избавить ихъ отъ тягостнаго патоса. Самое общество приняло дѣятельное участіе въ бѣдныхъ студентахъ, вездѣ открылись подписки въ ихъ пользу. Русское общество, которое сдѣлало изъ студентовъ представителей образованія, всегда готово за нихъ вступить и дать имъ нравственную поддержку. Совѣтъ имѣлъ уже честь объявить в. с., что потребность образованія, какъ перваго необходимаго условія, для успѣховъ гражданской жизни, для возвышенія нравственныхъ силъ народа, наконецъ для самой силы Россіи, вотъ чувство, которое упрочилось глубоко въ русскомъ обществѣ. Совѣтъ полагаетъ, что онъ не выйдетъ за предѣлы предоставленнаго ему права сужденія, если онъ изъяснитъ в. с., что въ настоящее время всякая мѣра, какимъ-бы то ни было образомъ ограничивающая образованіе, будетъ крайне не популярна и пріобрѣтетъ общее сочувствіе всякому противъ нея протесту, законному или незаконному. Совѣтъ даже считаетъ обязаннымъ высказать это в. с. по тому, что по его крайнему убѣжденію это обстоятельство должно служить однимъ изъ важнѣйшихъ предметовъ для соображеній, какъ при оцѣнкѣ нынѣшнихъ безпорядковъ, такъ и при дальнѣйшихъ мѣрахъ, которыя могутъ быть приняты относительно русскаго университета.

Между тѣмъ новыя постановленія на первыхъ порахъ не

вызвали въ студентахъ моск. университета явнаго сопротивленія. Преподаваніе шло своимъ чередомъ, когда происшествіе въ спб. университетѣ и послѣдовавшее за тѣмъ закрытіе этого заведенія, отразились и на моск. студентахъ. Положительно извѣстно, что въ Москву прибыли посланные отъ спб. студентовъ съ цѣлю, возбудить движеніе и здѣсь, и тѣмъ побудить правительство къ закрытію всѣхъ русскаго университетовъ. Надѣялись, что такая сильная и еще небывалая мѣра возбудитъ всеобщее неудовольствіе и заставитъ правительство отступить отъ своихъ требованій. Подстрекаемые иногородними товарищами, горячіе головы изъ моск. столицы ревностно принялись за дѣло. Первая сходка произошла въ аудиторіи 1-го и 2-го курсовъ юрид. факультета, гдѣ читалось письмо отъ спб. студентовъ. Инспекторъ два раза дѣлалъ предостереженіе, объясняя, что сходки формально запрещены. Студенты не только не повиновались, но и освистали инспектора.

Вскорѣ однако, изъ опасенія подвергнуть отвѣтственности курсъ, въ аудиторіи котораго случатся безпорядки, они перенесли собраніе въ университетскій садъ, гдѣ опять получили предостереженіе отъ инспектора и опять не оказали повиновенія. Инспекторъ, лишенный всякихъ средствъ, дѣйствовалъ на толпу, не имѣя ни полицейской силы, ни права наказанія, могъ только донести правленію о случившихся безпорядкахъ. Правленіе прилагая законъ, закрыло оба курса юрид. факультета, впредь до дальнѣйшихъ распоряженій, при чемъ у г. инспектора были открыты особые листы для тѣхъ студентовъ, которые желали заявить свое неучастіе въ безпорядкахъ. Сверхъ того, получивши извѣстіе, что сходки собираются для подписанія адреса гос. императору, и имѣя ввиду правило, которымъ формально воспрещаются какія-бы то ни были сходки и объясненія съ начальствомъ собраніемъ, или посредствомъ депутатовъ, правленіе постановило, что оно адреса принять не въ правѣ.

Совѣтъ не могъ не одобрить вполне образа дѣйствій правленія. При явномъ неповиновеніи властямъ, при отсутствіи всякой матеріальной силы, начальству остается только твердо стоять на почвѣ законности и не отступать отъ нея ни на шагъ. Совѣтъ убѣжденъ, что въ обыкновенное время, особенно при возстановленіи полицейскихъ наказаній, для охраненія порядка въ стѣнахъ университета достаточно весьма небольшого состава университетской полиціи. Но въ случаяхъ чрезвычайныхъ, когда волнуетъ вся университетъ и инспекція встрѣчаетъ явное сопротивленіе со стороны студентовъ, никакая университетская полиція достаточно быть не можетъ. 20 и 30 субинспекторовъ не въ состояніи справиться съ толпою изъ 5 или 6 сотъ человѣкъ, когда послѣдняя рѣшилась не повиноваться. Въ этихъ случаяхъ остается только обратиться къ содѣйствію городской полиціи. Но существующимъ правиламъ университета, начальство не имѣетъ права требовать полицейской команды въ свое распоряженіе; слѣдовательно, въ случаѣ смуты, охраненіе или возстановленіе порядка въ университетѣ совершенно зависитъ отъ благоусмотрѣнія городскихъ властей. Это именно и произошло въ настоящемъ случаѣ. Занесявши свои рѣшенія въ протоколъ, правленіе истощило всѣ средства, которые состояли въ его распоряженіи.

Совѣту неизвѣстно, какого рода переговоры происходили между г. помощ. попечителя и г. моск. воен. ген.-губ., но изъ донесенія г. инспектора явствуетъ, что ему въ присут-

ствий г. помощ. попечителя и другихъ лицъ, было формально объявлено приказаніе г. воен. ген.-губ. не вмѣшиваться въ университетскія безпорядки. Кромѣ того, депутація отъ студентовъ такъ называемой "умѣренной партіи", которая желала менѣе рѣзкаго адреса, частнымъ образомъ являлась къ воен. ген.-губ. Студенты утверждаютъ, что воен. ген.-губ. прямо разрѣшилъ сходки въ стѣнахъ университета, неоднократно обнадеживалъ ихъ принятіемъ адреса и самъ даже исправилъ ихъ редакцію.

Совѣтъ не считаетъ себя въ правѣ обсуждать дѣйствія начальника столицы. Совѣтъ увѣренъ, что воен. ген.-губ. руководствовался при этомъ однимъ только желаніемъ миролюбиво окончить непріятную исторію и кроткимъ способомъ успокоить взволнованные умы. Но совѣтъ не можетъ не представить в. с. въ извиненіе студентовъ моск. университета, что когда молодые люди поставлены между двумя властями, изъ которыхъ одна разрѣшаетъ то, что запрещаетъ другая, то всѣ понятія о власти и о законѣ, должны у нихъ перепутаться, что имъ становится невозможнымъ различить что дозволено и чего нельзя, и что самое неповиновеніе начальству получаетъ для нихъ законный характеръ. Въ глазахъ моск. студентовъ университетское начальство явилось защитникомъ притѣсненій и г. моск. воен. ген.-губ. сдѣлался представителемъ либерализма.

(Окончаніе въ слѣдующемъ листѣ.)

ИСТОРИЯ ВЪ ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

(Окончаніе.)

На другой день 13 Октября студенты пошли въ синодъ просить контромарки на прожительство въ Петербургъ, во время производства дѣла по увольненію ихъ изъ духовнаго званія. И. С. Гаевскій, директоръ или вице-директоръ какого-то управленія въ синодѣ отвѣчалъ имъ, что они не имѣютъ права имѣть надобность жить здѣсь. Къ вечеру того-же дня въ академіи получена изъ синода бумага съ такимъ содержаніемъ: "просителямъ объ увольненіи изъ духовнаго званія отказать въ просьбахъ и выдать немедленно прогоны для проѣзда въ епархіи". Въ академіи кое-какъ позволили имъ переночевать ночи двѣ, а потомъ экономя и вахтеръ ходили по комнатамъ и искали, не остался-ли кто-нибудь изъ нихъ. Говорятъ, будто-бы приѣзжалъ курьеръ отъ прокурора справиться, выѣхали-ли студенты изъ города, а оберъ-полицмейстеромъ данъ былъ приказъ по своему вѣдомству, наблюдать за выѣздомъ ихъ изъ города. Имъ не только не дали денегъ на теплую одежду для дороги, а даже не позволили приостановиться въ Петербургѣ, чтобы самимъ найти денегъ и обзавестись ей. Для отеческаго сердца синода и Иоанникія мало было дѣла до этого; какъ хочешь такъ и поѣзжай; и простудись и замерзши, мало горя. Николай Соколовъ(10) поѣхалъ въ Ригу въ холодномъ пальто. Замѣтите, была половина сѣвернаго Октября. Особенно жалко было Жданова(11); онъ долженъ былъ ѣхать въ свой Архангельскъ въ холодную и сырую погоду въ одной академической "подбитой воздухомъ" шинели. И все это дѣлаетъ высшее духовенство, олицетворяющее въ себѣ заповѣданныя Иисусомъ Христомъ человеколюбіе и милосердіе!!! На епархіяхъ, разумѣется,

(10) Ему какъ особенно бѣдному, студенты товарищи собрали 45 руб. сереб., но онъ не успѣлъ воспользоваться ими для дороги.

(11) Этотъ нашелъ себѣ въ Петербургѣ частное мѣсто съ 600 рубл. сер. годового жалованья и готовымъ содержаніемъ; вырвали у человека кусокъ хлѣба!

встрѣтили несчастныхъ тысячи оскорбленій отъ архіереевъ и другихъ духовныхъ сатраповъ. Архіереямъ посланы были приличныя наставленія изъ синода, и они разумѣется, рады стараться... Итакъ, лишили несчастныхъ всѣхъ правъ, даже самыхъ неотъемлемыхъ отъ человѣка; въ своемъ званіи никуда не опредѣляютъ, въ другое не пускаютъ и даже жить въ столицѣ, гдѣ-бы они могли совершенствоваться и добывать себѣ трудовой кусокъ, не позволяютъ!..

За что-же все это? за какое уголовное преступленіе? Напрасно-бы, читатель, мы съ вами стали трудиться надъ разрѣшеніемъ этихъ вопросовъ. Послушаемъ лучше, что скажетъ на это самъ Иоанникій. Спустя нѣсколько времени по окончаніи дѣла, студентъ Миротворцевъ приходитъ къ Иоанникію просить себѣ позволенія ходить въ университетъ на лекціи монгольскаго языка.

— А ничего тамъ не будете затѣвать?—спросилъ его Иоанникій.

— Нѣтъ никакого интереса затѣвать тамъ дѣло, отвѣчалъ Миротворцевъ.

— А здѣсь былъ интересъ?

— Былъ, потому что мы были оскорблены г. Предтеченскимъ, на что о. Иоанникій и извоилъ замѣтить—"конечно, дѣло было не важное, но видите, какъ посмотрѣло начальство".

Св. синодъ! Вотъ вамъ вѣрное изложеніе дѣла, за которое такъ жестоко, такъ безчеловѣчно покарали вы студентовъ! Цѣль нашей статьи заставить васъ одуматься, пересмотрѣть дѣло, облегчить участь покаранныхъ вами. Вызовите ихъ изъ трущобъ, въ которыя вы ихъ загнали, предоставьте имъ свободный доступъ въ академію и непремѣнно удалите изъ нея Иоанникія. Ужели вы до-сихъ-поръ не можете убѣдиться что инстинкты у этого господина самые кровожадные, что у него страсть вредить подчиненному ему міру, что онъ не можетъ жить въ Академіяхъ безъ того, чтобы не исключать? Ужели не обращаетъ на себя вашего вниманія то очень рельефное обстоятельство, что при другихъ ректорахъ, въ академіяхъ всегда болѣе или менѣе спокойно, а при Иоанникіѣ, въ какой-бы академіи онъ ни былъ, на какомъ-бы постѣ онъ ни стоялъ въ ней, всегда неурядицы, безпорядки, "бунты"? Былъ онъ инспекторомъ кievской академіи, былъ потомъ ректоромъ этой-же академіи, и въ обѣ эти эпохи онъ вызывалъ вопіющія жалобы на себя со стороны студентовъ, вызывалъ студенческія движенія (такъ-же губительно для студентовъ оканчивавшіяся). Ужели двухъ этихъ случаевъ не достаточно было для васъ, чтобы при такомъ-же третьемъ остановиться на немъ и присмотрѣться повнимательнѣе, какъ дѣйствуетъ Иоанникій. Въ настоящемъ случаѣ, особенно рекомендуя Иоанникія, онъ прежде всего постарался раздражить студентовъ противъ Предтеченскаго, поддерживая въ то-же время Предтеченскаго противъ нихъ, потомъ своими клеветами и ложными доносами на студентовъ вооружилъ васъ противъ нихъ, ввелъ васъ въ ужасныя преступленія, вынудивъ у васъ не человѣческія кары на невинныхъ и наконецъ васъ-же самихъ и обвиняетъ во всѣхъ злодѣяніяхъ! Ужели послѣ такихъ архіерейскихъ подвиговъ его, вы еще оставите его не только въ академіи, а даже на какомъ-нибудь начальственномъ постѣ? О проснитесь, проснитесь, св. отцы! давно пора... время приближается... а вы еще далеко не готовы... Или и

еще продолжите дремать и спать?.. Подождемъ, а потомъ за нами дѣло не станетъ, найдемъ опять какую-нибудь возможность отзвонить еще...

Р. S. Вотъ вамъ еще нѣсколько мелкихъ фактовъ.

Въ послѣднее время моего житія въ Петербургѣ, мнѣ рассказывали такой случай. Какой-то (фамилія не знаю) студентъ петербургскаго университета пришелъ (во время университетскаго дѣла) въ петербургскую Семинарію къ брату своему, воспитаннику, для свиданія; инспекторъ семин., архимандритъ Іосифъ, узнавъ объ этомъ, созвалъ служителей нагрянулъ съ ними на гостя и приказалъ имъ отправить его въ часть (нолицейскій домъ). И полиція дескать удивилась!

Ректоръ духовнаго училища, архимандритъ Поликарпъ, не могшій терпѣть, чтобы гуверниръ надзиратель Θεопемитовъ (исключенъ полтора года тому назадъ изъ петерб. Дух. Акад., за неуваженіе къ начальству; онъ не снялъ фуражки предъ окномъ инспектора Павла, который, когда проходилъ Θεопемитовъ, сидѣлъ у этого окна) носилъ бороду, напелъ таки въ послѣднее время случай наказать несноснаго. Разъ Θεопемитовъ пріютилъ у себя на ночь студента университета (фамилія тоже не знаю). Поликарпъ узналъ объ этомъ и тотчасъ къ митрополиту, который и рѣшилъ отказать преступнику отъ занимаемой имъ должности. Тотъ, разумѣется, плюнулъ да и ушелъ. Объ этомъ сообщили мнѣ въ письмѣ.

Пишутъ также, что есть крѣпкія основанія подозрѣвать Іоанникія (ректора сиб. Д. Академіи) въ распечатываніи, перечитываніи и похищеніи студенческихъ писемъ. Чуть-кто напишетъ объ академическихъ дѣлахъ въ тонѣ не благопріятномъ для Іоанникія, глядишь, письмо и пропадетъ. Не разъ видали дескать, что служитель, обязанный носить студенческія письма на почту, заходитъ съ ними прежде къ Іоанникію.

*Въ видѣ дополненія къ сказанію объ Іоанникіи
и добродѣтеляхъ его.*

Года два или полтора назадъ тому, синодъ опредѣлилъ—приглашать къ духовно-учебнымъ заведеніямъ попечителей изъ купцовъ или вообще богатыхъ людей. Давая попечителямъ мундиры и общія награды. Синодъ имѣлъ при этомъ въ виду пожертвованія съ ихъ стороны въ пользу нашихъ учебныхъ заведеній. Но смотрите, какъ вблизи-же синода злоупотребляютъ его предначертаніями. Въ Іоанникіевской академіи, пожертвованія попечителя купца Королева направляются главнымъ, кажется, образомъ въ пользу начальства, только ни чуть не въ пользу студентовъ. Первыми пожертвованіями его были бархатъ на рясу Іоанникію, атласъ или что-то въ этомъ родѣ эконому и другимъ. За тѣмъ вытянули съ него—якобы необходимыя для церкви,—архіерейское облаченіе и митру. За тѣмъ еще тянули что-то для церкви не на одну, какъ былъ слухъ, тысячу рублей. Досадно стало студентамъ. Они идутъ къ Іоанникію, объясняютъ ему виды синода при введеніи попечительства, докладываютъ, что церковь академическая вовсе не бѣдна, что между тѣмъ бібліотеки у студентовъ нѣтъ (академическая бібліотека есть, но—уввы!—что это за бібліотека!—Все хорошее растеряно!! то Макаріемъ, то Кириломъ, то другими ректорами и инспекторами; оставшееся порядочное—точно также, какъ и все вновь пріобрѣтаемое,—на рукахъ у наставниковъ; студентамъ же остается только что-нибудь въ родѣ догматики Макарія),

что платье и столъ у нихъ очень и очень не завидны, что наконецъ для пожертвованій въ пользу церкви существуетъ староста. Чтожъ—Іоанникій урезонился? ничуть. Стыдно ему стало напрямикъ отказать студентамъ, такъ онъ предложилъ имъ такого рода совѣтъ—“ступайте—дескать къ Королеву и просите о своихъ нуждахъ—сами”. Но Королевъ узналъ объ этомъ обстоятельстве и объяснилъ ректору, что дѣйствительно съ его стороны благоразумнѣе покрывать существенные недостатки въ средѣ студенческой, чѣмъ бросать деньги на совершенно ненужныя для церкви вещи. Королевъ уничтожилъ Іоанникія и пошилъ студентамъ лѣтнія пальто. Издержка была довольно большая, и Королеву естественно было думать, что съ одной стороны—не будутъ ужъ скоро тянуть опять у него, и что—съ другой—начальство академическое похлопочетъ предъ синодомъ о какой-либо наградѣ для него. Но—уввы! и въ томъ и въ другомъ расчетѣ онъ ошибся. Іоанникію не пришлось, что онъ перешелъ на сторону демократіи,—и синоду не представлено о награжденіи жертвователя. А новыми потягиваньями не замедлили.... когда-жъ Королевъ спросилъ вновь потягивавшаго у него эконома (монахъ Антоній, вѣрное орудіе Іоанникія по всѣмъ статьямъ,—и правая рука и правый глазъ его и все, что хотите....) “чтожъ я только и долженъ буду жертвовать и жертвовать?”—экономъ понялъ и очень серьезно началъ разъяснять ему, что въ пользу студентовъ не слѣдуетъ жертвовать, такъ какъ они не дали, да и впередъ не дадутъ ему ни медали, ни ордена, что слѣдуетъ жертвовать въ пользу начальства, такъ какъ оно можетъ выхлопотать и медаль и орденъ, что наконецъ, дабы былъ приличный предлогъ къ награжденіямъ, слѣдуетъ жертвовать и на церковь. Г. Королевъ замѣтилъ—дескать, что дѣйствительно такъ-то будетъ еще поблагоразумнѣе. И вотъ—являются въ церкви серебряные сосуды для архіерейскаго служенія, а 4-го Ноября (1861-го года)—въ день тезоименитства Іоанникія явились великолѣпные ковры въ церкви и, можетъ быть, что-нибудь еще повеличольнѣе въ комнатахъ Іоанникія. Мы не знаемъ, можетъ, комнаты Іоанникія и нуждаются въ чемъ-нибудь великолѣпномъ, только церковь съ большимъ-бы удовольствіемъ согласилась, если-бы выѣсто ковровъ и сосудовъ студенческія шинели были подбиты для нынѣшней 30 градусной зимы не воздухомъ, а ватой, и если-бы на остатки отъ этого покрѣпче протапливаемы были занятыя и особенно спальныя студенческія комнаты. А то—на улицѣ холодно, въ комнатахъ (и подъ шинелью даже) холодно, въ классѣ холодно, вездѣ холодно. Но что станешь дѣлать, если Іоанникій заставляетъ опять просить—кого угодно, а г. Королевъ сдѣлался еще благоразумнѣе. Тутъ ужъ и самая церковь безгласна.... А замѣтите—давать теплыя шинели студентамъ уже входило было въ обычай академіи. Два года назадъ тому при ректорѣ Нектаріѣ студентамъ XXIV курса пошиты были теплыя шинели даже на академическія суммы, и при этомъ было предположено тогда—шить такіе-же шинели и всѣмъ слѣдующихъ курсамъ при переходѣ ихъ въ старшій классъ. Вотъ XXV курсъ перешелъ, а Іоанникій говорилъ ему, что XXIV курсу теплыя шинели даны не въ примѣръ для прочихъ курсовъ (за что же?), что теперь и денегъ нѣтъ. Куда-же онѣ скрылись? Какъ-же прежде-то находили ихъ? Тоже “денегъ нѣтъ”, постоянно слышится, когда студенты на-

помянуть Иоанникию или эконому, что при Нектаріѣ и столь былъ гораздо лучше. И Богъ знаетъ, куда это деньги нынѣ дѣваются!...

С М Ъ С Ъ.

Секретно, циркулярно.

М. В. Д.

Особенная
канцелярія,

9 ноября 1861 г.

No. 1290.

Г. НАЧАЛЬНИКУ ГУБЕРНІИ.

До свѣденія министра внутреннихъ дѣлъ дошло, что нѣкоторые исключенные изъ Университета студенты вступаютъ или намѣрены поступить въ волостные и сельскіе писаря.

Признавая неудобнымъ допустить ихъ къ занятію означенныхъ должностей, имѣю честь покорнѣйше просить ваше превосходительство, обратить особенное вниманіе на то, чтобы лица, въ послѣднее время исключенные изъ университетовъ и другихъ учебныхъ заведеній, отнюдь не были допускаемы къ должностямъ волостныхъ и сельскихъ писарей, а гдѣ окажутся въ оныхъ, были отъ нихъ немедленно увольняемы.

Подписалъ: *М. В. Д. статсъ-секретарь* Валуевъ.Скрѣпилъ: *Правитель канцеляріи*

М. Шидловскій.

Вѣрно: *За секретаря*

Рудавскій.

Совершенно секретно циркулярно.

М. В. Д.

Особенная
канцелярія,

21 декабря 1861 г.

No. 1628.

Г. НАЧАЛЬНИКУ ГУБЕРНІИ.

По всеподданнѣйшему докладу государю императору возбужденнаго вопроса о томъ, слѣдуетъ-ли допускать студентамъ с.-петербургскаго и другихъ Университетовъ отлучаться за границу, его величество, въ 15 день сего Декабря, высочайше соизволилъ:

1) Увольнять за границу тѣхъ только студентовъ, которые подчинились университетскимъ правиламъ, взяли матрикулы и не участвовали ни въ какихъ университетскихъ безпорядкахъ.

2) Не выдавать заграничныхъ паспортовъ всѣмъ тѣмъ студентамъ, которые, подчинившись новымъ правиламъ или взявши матрикулы, нѣкогда приняли какое-либо участие въ университетскихъ безпорядкахъ нынѣшняго года, а равно и тѣхъ, которые отказались отъ принятія матрикулъ и въ слѣдствіе этого уволены изъ университетовъ, хотя и неприкосновенны къ помянутымъ безпорядкамъ.

3) Исключенія для нѣкоторыхъ изъ нихъ допускаемы быть могутъ только по тяжкому, несомнѣнно засвидѣтельствуемому, болѣзненному состоянію, или другимъ какимъ либо особенно уважительнымъ причинамъ и, каждый разъ, не иначе, какъ съ особаго высочайшаго разрѣшенія по представленіямъ, основаннымъ на ходатайствѣ губернскаго начальства той губерніи, гдѣ люди эти будутъ находиться на жительствѣ.

О таковой высочайшей волѣ имѣю честь сообщить вашему превосходительству для руководства и надлежащаго исполненія.

Подписалъ: *М. В. Д. статсъ-секретарь* Валуевъ.Скрѣпилъ: *Правитель канцеляріи*

М. Шидловскій.

Вѣрно: *Секретарь*

Перфильевъ.

ПО ТВЕРСКОМУ ДѢЛУ.

12 Декабря 1861 года, мировые посредники тверской губерніи, высказали правительству и отечеству, что единственный исходъ изъ настоящаго положенія дѣла—обязательный выкупъ и установление общественнаго порядка на взаимномъ довѣріи между правящими и управляемыми.

Не считая себя въ правѣ принять это убѣжденіе за руководство своей дѣятельности, пока само общество не подтвердитъ, правильно-ли они сознали его потребности,—посредники продолжали употреблять всѣ усилія для приведенія въ дѣйствіе законовъ 19го Февраля.

Тверское дворянство на чрезвычайномъ собраніи 1, 2 и 3го Февраля, въ прошеніи государю императору, заявило: 1) несостоятельность законовъ 19го Февраля; 2) необходимость предоставленія крестьянамъ земли въ собственность; 3) несостоятельность сословныхъ привилегій и 4) несостоятельность правительства удовлетворить общественнымъ требованіямъ, и указало единственный, неизбѣжный путь: *собраніе представителей народа безъ различія сословій.*

Такое заявленіе среди общества, которое одно имѣло какую нибудь возможность обсудить и высказать правительству свои потребности, подтверждая вѣрность личныхъ убѣжденій, вынесенныхъ посредниками изъ прямаго сношенія съ другимъ сословіемъ—крестьянами—дѣлается для посредниковъ, какъ слугъ общества, нравственно обязательнымъ, и потому мы считаемъ долгомъ принять это убѣжденіе руководствомъ нашей дѣятельности и заявляемъ, что всякій образъ дѣйствія, противный этому убѣжденію, признаемъ враждебнымъ обществу.—*Февраля 5, 1862.*

Членъ губернскаго присутствія *Бакунинъ.*

Посредники: *Глазенапъ, Харламовъ, Полторацкій, Лазаревъ, Лихачевъ, Невдомскій, Кудрявцевъ*, кандидатъ *Широбоковъ*. Предводители: новоторжскій *Бакунинъ*, корчевскій *Балкашинъ*.

Намъ пишутъ, что правительство въ особенности было раздражено на тверскихъ посредниковъ за то, что они *крестьянамъ на волостныхъ сходкахъ* читали адресъ дворянства, поясняя имъ, что дворяне просятъ, чтобы ихъ соединить съ крестьянами въ одно общее сословіе землевладѣльцевъ—*inde itae!*

Если такъ пойдетъ, то *первый русскій дворянинъ* скоро прибавитъ къ своему титулу и *последній*.

— *Прогрессъ въ Россіи.* Петербургскій профессоръ *Павловъ* за какую-то лекцію высланъ на жительство въ губернскій городъ подъ надзоръ полиціи.

Въ газетахъ мы прочли съ удовольствіемъ расширеніе привилегій долгоруковскаго застѣнка. Журналы и альманахи должны посылаться въ эту шпіонницу также, какъ въ цензуру.

Не безъ радости такъ же узнали мы, что старшій чиновникъ III отдѣленія *Туруновъ* сдѣланъ членомъ (вѣроятно тайнымъ) министерства внутреннихъ дѣлъ. Мы очень благодарны, что русскія газеты обличаютъ имена доблестныхъ людей, служащихъ отечеству и чести въ III отдѣленіи.

ПЕЧАТАЕТСЯ:

ESSAI SUR LA SITUATION RUSSE,
par N. OGAREFF.

— Следующій листъ выйдетъ черезъ недѣлю, 1 апрѣля

Отпечатано въ Вольной Русской типографіи, 136 & 138 Caledonian Road, London N.

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM,

КОЛОКОЛЪ

VIVOS VOCO!

ЛИСТЬ 127.

1 АПРѢЛЯ 1862.

(WITH SUPPLEMENT NO. 8.)

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ.
Цѣна 6 пенсовъ. Получается въ Вольной
Русской Типографіи, 136 & 138 Caledonian
Road, N.

У Трюбнера & Со. въ книжной лавкѣ,
60, Paternoster Row, и у Tchorzewski,
1, Macclesfield Street, (Gerrard Street),
Soho, London. Price six-pence.

О Г Л А В Л Е Н І Е.—Изъ Смоленска—Тѣлесныя наказанія—Донесъ московскихъ профессоровъ (Окончаніе)—Еще о московскомъ
университетѣ. Смѣсь : Взглядъ на дѣла Россіи—Письма, ответы и проч.—Прогрессъ въ почтѣ—Александръ Замоискій.

ИЗЪ СМОЛЕНСКА.

Въ 121^{мъ} листѣ *Колокола*, статья : “Смоленское дворянство,” оканчивается словами : “нетерпѣливо ожидаемъ дальнѣйшихъ извѣстій”. Вотъ они :

Смоленское дворянство, выслушавъ записку князя П. П. Гурко,* предполагало изложить ее въ адрессѣ къ государю.

Гурко первый заявилъ предъ губернскимъ собраніемъ, что участь адреса можетъ быть такая-же, какъ и многихъ адресовъ и проектовъ въ Россіи, не соответствующихъ желаніямъ правительства, т. е. адрессъ отправится подъ сукно. Онъ предложилъ дворянству поручить тѣмъ депутатамъ, которые обыкновенно избираются, послѣ выборовъ, для поднесенія государю, какой-то и за что-то благодарности, изложить лично и словесно желаніе смоленскаго дворянства, сравняться въ правахъ со всѣми сословіями государства, полагая въ тоже время дать депутатамъ подробную инструкцію отъ всего губернскаго собранія. Дворянство согласилось на это и въ число депутатовъ единогласно выбрало Гурко. Но и Гурко и все дворянство ошиблись.

По закрытіи губернскаго собранія, жандармскій полковникъ отобралъ записки, и П. П. Гурко, и С. С. Иванова,† для представленія князю Долгорукову. Вслѣдъ за тѣмъ министръ в. д. попросилъ депутатовъ не беспокоиться прѣзжать въ Петербургъ.

Тѣмъ казалось дѣло и кончилось, но слава богу не совсѣмъ : въ настоящее время тверское дворянство поправило ошибку смоленскаго, адрессъ его къ государю вѣроятно извѣстенъ *Колоколу*.

Корреспондентъ прибавляетъ, что въ смоленской губерніи большая часть мировыхъ посредниковъ назначена и назначается губернаторами, по протекціи, просьбамъ и интригамъ ; а потому въ средѣ дѣйствительно достойныхъ людей, много бездарныхъ молодцовъ.

Сельскіе старосты, волостные старшины и судьи, большею частью, безукоризненно хороши.

* Князь Петръ Петровичъ Гурко—Рамеико-Друцкій-Соколинскій. Въ фамиліи-же “Гурько”, дѣйствительно можно было сомнѣваться, потому, что тамъ б замѣшанъ ошибочно.

† Корреспондентъ не говоритъ какой это Ивановъ, но кажется бывший, до помѣщичьихъ выборовъ, исправляющимъ должность губернскаго предводителя.

Годъ VI.

ТѢЛЕСНЫЯ НАКАЗАНІЯ.

(Письмо къ Издателю.)

Послѣ нѣсколькихъ выигранныхъ сраженій, сѣверо-американское войско вступило наконецъ въ тѣ южныя области, въ которыхъ существуетъ рабство негровъ. Видя приближеніе непріятеля, владѣльцы сихъ послѣднихъ разбѣжались далѣе на югъ. Негры, по крайней мѣрѣ большая часть изъ нихъ, которыхъ не успѣли угнать на югъ, остались въ тѣхъ имѣніяхъ или усадьбахъ, въ которыхъ они жили доселѣ. Какъ для сохраненія порядка, такъ и для обеспеченія бѣдныхъ невольниковъ, сѣверо-американское правительство опредѣлило въ различныхъ мѣстахъ особыхъ комиссаровъ. Сіи комиссары приняли надлежащія мѣры для того, чтобы полевая работа, коими доселѣ занимались негры, продолжались по прежнему, но съ лучшимъ и болѣе справедливымъ устройствомъ.

Для сего они назначили неграмъ извѣстную работную плату. Новое устройство весьма нравится неграмъ и они ничего болѣе не желаютъ какъ увѣренности, что они не будутъ никогда подвергнуты произволу прежнихъ своихъ владѣльцевъ. Понеченіе правительственныхъ комиссаровъ не ограничивается въ отношеніи къ неграмъ одною пользою матеріальною : они обратили особенное вниманіе на ихъ нравственное и религіозное образованіе. Для сего учителя и проповѣдники явились между неграми. Какъ взрослые негры, такъ въ особенности малолѣтныя обою пола учатся грамотѣ подъ руководствомъ учителей или учительницъ, добровольно посвятившихъ себя сему честному и благородному труду. Какъ сіи учителя, такъ въ особенности духовные проповѣдники, наставляютъ негровъ въ законѣ христовомъ, читаютъ имъ различные мѣста изъ библіи, особенно приличныя ихъ положенію.

Но я въ особенности желаю-бы обратить вниманіе русскихъ читателей на слѣдующія слова донесенія главнаго комиссара, который я встрѣчаю въ американскомъ журналѣ “Anti-Slavery Standard,” (Марта 1го) :

“Добродушіе и здравый смыслъ мѣстнаго начальника и его помощника въ опредѣленіи дисциплины сильно меня поразили. Кнютъ, благодаря имъ, наконецъ былъ отвергнутъ. Никакихъ грубыхъ и непристойныхъ выраженій не употре-

блается въ отношеніи къ неграмъ. Случай наказаній встрѣчаются менѣе одного раза въ недѣлю и тогда виновнаго, если онъ мужчина, заставляютъ стоять на бочкѣ, или, если женщина, то сажаютъ въ темную комнату; и такая дисциплина оказалась совершенно удовлетворительною.”

Напомнивъ, что негры стоятъ на несравненно низшей степени общей человѣческой образованности, нежели наши освобожденные крестьяне, я спрашиваю: Какимъ образомъ сіи послѣдніе продолжаютъ по “новымъ положеніямъ о крестьянахъ” подлежать тѣлеснымъ наказаніямъ, тогда какъ для негровъ сіи наказанія были отвергнуты?

Отвѣта, какъ мнѣ кажется, можно искать только въ слѣдующемъ изъясненіи:

“Новыя положенія” были начертаны людьми, жившими дотолѣ въ атмосферѣ беззаконія и неправды, то есть, въ атмосферѣ рабства—и по сему, не смотря на ихъ здоровое и честное пониманіе дѣла освобожденія, они естественно какъ бы свыкнулись съ мыслию о необходимости тѣлесныхъ наказаній.

Если-бы, вопреки всѣмъ вѣроятностямъ, южные владѣльцы негровъ, рѣшились улучшить бытъ сихъ несчастныхъ, то, при дарованіи имъ личной свободы, они также, не обинуясь, могли-бы сохранить употребленіе тѣлесныхъ наказаній. Но въ настоящемъ случаѣ дисциплина для негровъ опредѣлялась людьми свѣжими, жившими всегда въ атмосферѣ свѣжей и свободной, непричастными, ни въ какомъ отношеніи, рабству. Естественно, что и по складу ихъ разсудка и мышленія, и по ихъ правамъ и привычкамъ, они не только не могли и думать о необходимости тѣлесныхъ наказаній, но и должны были, въ случаѣ вопроса объ оныхъ, немедленно ихъ отвергнуть. Такимъ образомъ мы должны придти къ заключенію, что сохраненіе тѣлесныхъ наказаній въ “Новыхъ Положеніяхъ” есть не что иное, какъ одно изъ тѣхъ пагубныхъ послѣдствій самаго рабства, которое, унижая рабовъ, не щадитъ и тѣхъ, кои дышатъ одною съ ними атмосферою.

Въ томъ-же журналѣ мы читаемъ, что въ Нью-Йоркѣ составилось общество для покровительства неграмъ, освобождаемыхъ по мѣрѣ занятія южныхъ областей сѣверо американскими войсками. Цѣлю дѣйствій сего общества должно быть между прочимъ: внушеніе неграмъ понятія о порядкѣ, трудолюбіи, бережливости и самостоятельности, и вмѣстѣ возвыситъ ихъ на лѣстницѣ человѣчества, вселяя въ нихъ чувство собственнаго уваженія (self-respect). Одинъ изъ основателей сего общества изъ Нью-Йорка возвращался къ неграмъ (въ Port-Royal), въ сопровожденіи пятнадцати или двадцати дамъ, которыя должны помогать ему въ обученіи негровъ, въ раздачѣ имъ одежды и пр. Онъ будетъ содѣйствовать правительственному комиссару въ образованіи для негровъ работъ по планамъ утвержденнымъ правительствомъ.

Согласитесь, г. редакторъ, что внушеніе неграмъ уваженія къ самимъ себѣ также отзывается свѣжимъ духомъ свободы и законности.

ДОНОСЪ МОСКОВСКИХЪ ПРОФЕССОРОВЪ.

(Окончаніе.)

Этими распоряженіями были парализованы не только дѣйствія университетскаго начальства, но и всѣ усилія профессоръ возстановить спокойствіе въ умахъ. В. с. въ недавнемъ циркулярѣ выражали требованіе нравственнаго вліянія профессоръ на студентовъ. На сколько подобное требованіе исполнимо, объ этомъ здѣсь не мѣсто говорить. Во всякомъ случаѣ, это вліяніе возможно только тогда, когда профессоръ

относится къ студентамъ не какъ официальное лицо, не какъ профессоръ съ кафедры, а какъ человѣкъ съ искренними убѣжденіями, сочувствующій нуждамъ молодыхъ людей. Здѣсь нужно прежде всего, чтобы студенты имѣли полное довѣріе къ искренности и добросовѣстности преподавателя. Въ пасторальномъ случаѣ профессора были поставлены въ самое затруднительное положеніе: имъ невозможно было употреблять единственный доводъ, который могъ имѣть нравственное вліяніе на студентовъ, именно: уяснить пользу новыхъ мѣръ. Положеніе профессоръ было тѣмъ болѣе щекотливо, что въ томъ-же самомъ высоч. повелѣніи, которымъ установлена обязательная плата для всѣхъ студентовъ, сказано, что эти деньги идутъ между тѣмъ на увеличеніе жалованія профессорамъ. Вслѣдствіе этого, студенты были убѣждены, что послѣдніе сами выхлопотали себѣ эти выгоды на ихъ счетъ. Когда начались волненія, многіе изъ профессоръ употребили всѣ усилія для того, чтобы удержать своихъ слушателей отъ участія въ беспорядкахъ. Но они принуждены были ограничиться увѣщаніями, что закону слѣдуетъ безусловно повиноваться, потому что это распоряженіе верховной власти и что профессора, какъ-бы ни сочувствовали нуждамъ студентовъ, не могутъ сочувствовать тѣмъ незаконнымъ средствамъ, къ которымъ послѣдніе прибѣгаютъ для достиженія своихъ цѣлей. Подобнымъ увѣщаніямъ у студентовъ умѣренной партіи былъ готовый отвѣтъ: “Мы не хотимъ ни буйства, ни беспорядковъ; мы желаемъ только поднести государю прошеніе о своихъ нуждахъ. Законныя пути къ объясненію съ начальствомъ намъ всѣ преграждены. Мы поневолѣ должны прибѣгать къ нарушенію правилъ. А что правительство смотритъ на это даже благосклонно, въ томъ намъ порукой г. моск. воен. ген.-губер., который обѣщалъ намъ принять наше прошеніе.”

В. с. усмотритъ, что на подобныя возраженія отвѣчать было не легко. Профессора могли только ограничиться предсказаніями, что покровительство, оказанное городскою властію, кончится не совсѣмъ благополучно. Это и сбылось въ послѣдствіи. Не смотря на то, усилія профессоръ не остались безъ успѣха: 4ой курсъ юрид. фак., пришедши на сходку прямо объявилъ, что онъ этихъ демонстрацій не одобряетъ, и не желаетъ принимать въ нихъ участія. При товарищескихъ отношеніяхъ подобный поступокъ можетъ назваться весьма смѣлымъ. По свидѣтельству профессоръ и инспектора высшіе курсы другихъ факультетовъ, точно также не принимали участія въ беспорядкахъ. Студенты 3хъ курсовъ, не отставшіе отъ товарищей, старались однако по возможности воздерживать ихъ отъ безразсудныхъ увлеченій. Они образовали зерно, такъ называемой умѣренной партіи. Многіе изъ нихъ приходили къ профессорамъ и просили у нихъ совѣта, что имъ дѣлать, не одобряя беспорядковъ и объясняя свое затруднительное положеніе. Вообще главными участниками въ беспорядкахъ были студенты 1хъ курсовъ и затѣмъ вторыхъ. Пылкія головы, разумѣется есть вездѣ; на всѣхъ курсахъ найдется нѣсколько человѣкъ, готовыхъ на разныя крайности. Но здѣсь дѣло идетъ объ общемъ направленіи массы. Совѣтъ покорнѣе просить в. с. обратить особенное вниманіе на это обстоятельство, оно до очевидности доказываетъ благотворное вліяніе университета на огромную массу стекающихся въ него молодыхъ людей. Чѣмъ болѣе студентъ проникается университетскимъ духомъ

и поддается влиянію преподавателей, тѣмъ разумнѣе онъ смотритъ на вещи, и тѣмъ менѣе въ немъ готовности принимать участіе во всякаго рода буйствахъ и движеніяхъ.

Послѣдствія даннаго г. ген.-губерн. приказанія не препятствовать сходкамъ, не замедлили обнаружиться. На слѣдующій день толпы студентовъ ворвались въ новое зданіе университета, сломали устроенную въ передней рѣшетку и въ одной изъ аудиторій переломали нѣсколько мебели. Правленіе получивши объ этомъ донесеніе, немедленно обратилось къ помощнику попечителя съ просьбою ходатайствовать о содѣйствіи мѣстнаго начальства къ прекращенію возникшаго въ университетѣ безчинія; г. помощникъ попечителя не счелъ однакожъ нужнымъ исполнить эту просьбу и вмѣсто того учредилъ комиссію для произведенія слѣдствія о происшедшихъ беспорядкахъ. Единственный результатъ работы комиссіи было удостовѣреніе, что рѣшетка сломана съ умысломъ неизвѣстно именно кѣмъ.

Нѣсколько дней спустя студенты рѣшились сдѣлать демонстрацію на могилѣ покойнаго Грановскаго. Память Грановскаго остается для университета священной.* Ежегодно въ день его смерти нѣкоторые профессора, студенты, частныя лица, знавшіе его лично, служатъ по немъ панихиду на пятницкомъ кладбищѣ. Въ первый разъ эта тризна сдѣлалась предлогомъ студенческихъ манифестацій. Толпа, составленная изъ 300 студентовъ двинулась изъ университетскаго сада на мѣсто погребенія. Полиція была предупреждена, около кладбища стояли казаки, жандармы, полицейская команда. Студенты пришли поздно по окончаніи панихиды. Профессора немедленно уѣхали, чтобы не подать видъ, что они участвуютъ въ демонстраціи. Полицейскіе начальники стали отговаривать студентовъ отъ всякихъ изъясненій, въ особенности отъ произношенія рѣчей. Самъ оберъ-полицмейстеръ явился посреди толпы, но долженъ былъ немедленно удалиться. Рѣчи были произнесены, нѣкоторыя весьма неумѣренны, и студенты не смотря на убѣжденія полицмейстера, такую-же сплошную массою возвратились въ университетъ.

Все здѣсь было противно правиламъ отъ начала до конца. Все это совершилось на улицахъ Москвы, въ публичныхъ мѣстахъ, въ виду полицейской силы и все проходило безнаказанно. Не должно-ли все это было вселить въ студентахъ совершенную увѣренность, что они своею массою составляютъ силу, къ которой начальство боится приступить.

Между-тѣмъ сходки продолжались, но умѣренная партія и крайняя не могли придти къ соглашенію на счетъ адреса; волненіе видимо слабѣло. Приѣздъ попечителя послужилъ поводомъ къ новой вспышкѣ. 11 Октября толпа студентовъ ворвалась на лекцію къ профессору Ешевскому и стала убѣждать его слушателей, что теперь не до лекцій, что есть общее дѣло, которое требуетъ участія всѣхъ. Но многочисленная аудитория профессора Ешевскаго, не только не послѣдовала внушенію, но вытѣснила вошедшихъ изъ залы и заперла за ними дверь. Между тѣмъ въ профессорской комнатѣ депутаты отъ студентовъ предъявляли попечителю самыя неумѣренныя и неумѣстныя требованія. Встрѣтивши формальной отказъ, они возвратились къ товарищамъ. Вскорѣ цѣлая толпа ворвалась въ профессорскую. Положительно извѣстно, что многихъ студентовъ заставляли вѣти даже силою. Разумѣется,

* Долго-ли-же будутъ эти люди позорить память Грановскаго своимъ языкомъ!—Прим. Ред.

сюда примкнула и масса любопытныхъ, которая находясь въ университетскомъ зданіи, желала видѣть, что происходитъ. Предводители толпы снова и еще съ большею настойчивостію приступили къ попечителю. Шумъ продолжался 3 часа, но всѣ требованія студентовъ, какъ въ попечителѣ, такъ и въ находившихся тутъ профессорахъ нашли полный и совершенный отпоръ. Въ слѣдующую ночь, по приказанію городскихъ властей, было арестовано нѣсколько человѣкъ студентовъ. Какъ скоро утромъ эта вѣсть разнеслась по университету, толпа снова приступила къ попечителю, требуя освобожденія товарищей, и опять потерпѣла неудачу. Видя, что отъ университетскаго начальства добиться нечего, всѣ студенты отправились къ в. ген.-губ. Толпа была многочисленна, но часть ея отдѣлилась, и на Тверскую площадь прибыло около 300 человѣкъ. Можно полагать, что здѣсь были всѣ, принимавшіе дѣятельное участіе въ беспорядкахъ и даже многіе просто любопытные, которые воображали, на основаніи предшествовавшихъ событій, что въ подобной демонстраціи нѣтъ ничего противузаконнаго или опаснаго. В. с. извѣстно, что предъ домомъ в. ген.-губ. между студентами и полиціей произошла схватка и что пришедшая на площадь толпа студентовъ была арестована. Совѣтъ, не имѣя достаточнаго свѣдѣнія о томъ, что тамъ происходило и не считая себя въ правѣ объ этомъ говорить. Одно судебное слѣдствіе можетъ раскрыть истину и опредѣлить степень виновности каждаго. Но между студентами распространились слухи о насиліи полиціи такъ, что даже самые умѣренные изъ нихъ взволновались на счетъ судьбы товарищей. На слѣдующій день послѣ происшествія на тверской площади, большая толпа студентовъ собралась на университетскомъ дворѣ. Желая успокоить умы и въ послѣдній разъ употребить мирныя средства, университетское начальство въ сопровожденіи профессоровъ вошло на крыльцо и объявило: во 1-хъ, что при слѣдствіи надъ арестованными студентами будетъ депутатъ отъ университета. Во 2-хъ, что если толпа немедленно не разойдется, то будетъ уже распоряженіе не университетскаго начальства, а полиціи. Студенты спокойно разошлись и съ тѣхъ поръ не было сколько-нибудь значительныхъ сборищъ.

Однако волненіе этимъ не прекратилось, но оно приняло другой характеръ. Не довѣря такому судопроизводству, помня, сверхъ того, прежнюю исторію съ полиціею, гдѣ они своею настойчивостію вытребовали себѣ правосудіе, студенты положили не ходить на лекціи, пока не рѣшится участь ихъ товарищей. По достовѣрнымъ свѣдѣніямъ вожаки дѣйствовали въ этомъ смыслѣ даже угрозами и устрашеніемъ прилежныхъ студентовъ. Однако и эта попытка не удалась. Большинство студентовъ медицинскаго факультета объявило своимъ профессорамъ, что оно желаетъ слушать ихъ чтенія. Высшіе курсы другихъ факультетовъ также предложили ходить на лекціи; мало по малу за ними слѣдуютъ и остальные; благоразумье видимо беретъ верхъ. Донося в. с. о всѣхъ этихъ прискорбныхъ событіяхъ, совѣтъ полагаетъ, что внимательное разсмотрѣніе обстоятельствъ и соображеніе причинъ, которыя тутъ дѣйствовали, должно привести къ убѣжденію, что безпорядки, происшедшіе въ моск. университетѣ, не имѣютъ того характера общности, упорства и опасности, который могъ-бы вызывать необходимость какихъ-либо чрезвычайныхъ мѣръ.

Въ университетѣ безъ сомнѣнія есть много пылкихъ головъ, готовыхъ на безразсудные поступки. Таковыя всегда

найдутся въ массѣ болѣе нежели 2,000 молодыхъ, людей отъ 17—20-лѣтняго возраста. Въ обыкновенное время ихъ прежде всего, удерживаетъ увѣренность, что нарушение закона не останется безнаказаннымъ, и что начальство всегда обладаетъ достаточною силою, чтобы прекратить въ корнѣ какое-бы то ни было движеніе. Въ настоящемъ-же случаѣ состояніе и духъ русскаго общества, *недостатокъ полицейскихъ средствъ* въ рукахъ университетскаго начальства, безнаказанность прежнихъ попытокъ, наконецъ *ослабленіе городскихъ властей* явному нарушенію правилъ, все это должно было привести ихъ къ убѣжденію, что имъ все дозволено, что начальство ихъ боится в общество ихъ поддерживаетъ. Эти пылкія головы составляютъ первую категорію участниковъ въ безпорядкахъ. В. с. вводитъ, что это вина молодости, при стеченіи разныхъ, независимыхъ отъ университета, неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Ко второй категоріи можно отнести массу студентовъ умѣренныхъ, которые не желаютъ ничего другаго, какъ только возможности законнымъ путемъ заявлять начальству о своихъ нуждахъ и облегченіи участи бѣдныхъ своихъ товарищей. Съ этою просьбою они хотѣли обратиться къ государю императору, какъ къ своему естественному защитнику и покровителю. *Русскому человеку не легко растолковать, что подобное обращеніе можетъ быть незаконнымъ.* Масса умѣренныхъ студентовъ была вовлечена въ движеніе именно тѣми нравственными предлогами, на которые опирались коноводы. При такихъ условіяхъ духъ товарищества не позволялъ имъ отдѣляться отъ другихъ. При томъ они видѣли, что городское начальство не смотритъ неблагосклонно на ихъ дѣйствія и въ окружающемъ ихъ обществѣ, какъ совѣтъ имѣлъ уже честь объяснить выше в. с., они встрѣчали такую нравственную поддержку, которая не только подстрѣкала ихъ къ движенію, но и заставляла ихъ стыдиться равнодушія къ общему дѣлу.

Къ этому должно присоединить и ту терроризацію, которую дѣятельное и шумное меньшинство всегда производитъ надъ большинствомъ, какъ скоро толпѣ дозволяется *безнаказанно преступать законы и нѣтъ власти, отражающей слабыхъ отъ притѣсненія.* Вожаки прибѣгали къ угрозамъ, даже иногда къ физической силѣ, чтобы заставить равнодушныхъ присоединиться къ движенію. Но въ товарищескомъ кругу, подобныя средства бывають обыкновенно излишними: однихъ упрековъ, насмѣшекъ и стыда предъ товарищами достаточно, чтобъ молодой человекъ не отказался отъ общаго дѣла. Оттого многіе соглашались подписать адрессъ, рѣшительно не участвуя ни въ какихъ безпорядкахъ.

Наконецъ совѣтъ не можетъ скрыть отъ в. с., что изъ донесеній г. инспектора видно, что значительное участіе въ смутахъ принимали *польскіе студенты.* Однако справедливость требуетъ замѣтить, какъ на основаніи тѣхъ-же показаній г. инспектора, такъ и по общимъ отзывамъ студентовъ, что поляки въ этомъ дѣлѣ болѣею частью вели себя очень осторожно, не выставясь на первый планъ, пуская впередъ преимущественно коноводовъ изъ русскихъ и поддерживая только своею массою общія рѣшенія.

При всемъ томъ всѣ эти элементы, вмѣстѣ взятые, составляютъ весьма значительное меньшинство студентовъ моск. университета. Какъ совѣтъ имѣлъ уже случай изъяснить в. с. изъ числа болѣе 2,000 студентовъ нынѣ учащихъ въ университетѣ, дѣятельное участіе въ безпорядкахъ принимала масса

не болѣе 300 человекъ. Это оказывалось всякій разъ, какъ нужно было сдѣлать демонстрацію внѣ университета.

Въ университетскихъ-же стѣнахъ толпа увеличивалась всѣми любопытными, которые видя безпрестанное повтореніе сходовъ, естественно примыкали къ другимъ, желая знать, что происходитъ, а часто и въ надеждѣ удержать товарищей отъ безразсудныхъ дѣйствій, даже на 1^х и 2^х курсахъ юрид. фак., откуда началось волненіе, число своевременно заявившихъ свое неучастіе въ безпорядкахъ значительно превосходитъ количество остальныхъ. Записываться на открытыхъ у инспектора листахъ съ выдачею ему своихъ билетовъ, на первыхъ порахъ было не совсѣмъ безопасно. Толпа неоднократно приходила къ инспектору требовать этихъ списковъ, чтобы предать товарищей позору, какъ они выражались. А между тѣмъ студентовъ, своевременно заявившихъ свое неучастіе въ безпорядкахъ, оказывается 210, кромѣ 28 стороннихъ слушателей, тогда какъ число незаписавшихся у инспектора простирается только до 92 человекъ.

Совѣтъ смѣетъ увѣрить в. с., что большинство студентовъ моск. университета желаетъ прежде всего возможности мирно продолжать свои занятія. *Только отсутствіе власти, имѣющей въ рукахъ матеріальную силу,* дало возможность меньшинству пылкихъ головъ выставиться на первый планъ, увлечь за собою болѣе спокойныхъ товарищей, заглушить голосъ благоразумныхъ и дѣйствовать какъ-бы отъ имени всѣхъ студентовъ.

Совѣтъ убѣжденъ, что матеріальное спокойствіе университета установится прочнымъ образомъ, какъ скоро студенты убѣдятся, что законъ всегда будетъ непремѣнно исполненъ, что нельзя безнаказанно нарушать университетскій порядокъ и что *всякая демонстрація можетъ послужить единственно къ ихъ собственному вреду.* А это убѣжденіе можетъ утвердиться въ нихъ только въ томъ случаѣ, если университетское начальство будетъ *снабжено достаточными средствами* для исполненія своихъ предписаній, и если въ обстоятельствахъ чрезвычайныхъ оно будетъ *въ правѣ рассчитывать на содѣйствіе городской полиціи.*

Что-же касается до возстановленія нравственнаго вліянія начальства на студентовъ, то совѣтъ полагаетъ, что оно можетъ послѣдовать только при устраненіи тѣхъ причинъ, которыя даютъ нравственные предлоги для движенія, парализируютъ вліяніе преподавателей и доставляютъ недовольнымъ постоянную опору въ сочувствіи общества. Совѣтъ не считаетъ себя въ правѣ предлагать въ этомъ отношеніи какія-бы то ни были мѣры. Но онъ не можетъ не выразить в. с. своего глубокаго убѣжденія, что одно изъ главныхъ условій для возстановленія нравственнаго значенія университета состоитъ въ бесплатномъ приѣмѣ въ студенты бѣднѣйшихъ людей, жаждущихъ просвѣщенія.

Есть конечно основаніе опасаться, что отиѣна новыхъ университетскихъ правилъ, прежде совершеннаго прекращенія безпорядковъ, будетъ сочтена за уступку незаконнымъ требованіямъ студентовъ. Но всѣ изложенныя выше обстоятельства, по видимому, ясно указываютъ на потребность новыхъ уставовъ для нашихъ университетовъ. Опытъ послѣднихъ лѣтъ, настоящие прискорбные безпорядки, измѣнившійся духъ русскаго общества и студентовъ, наконецъ самая шаткость многихъ правилъ, неоднократно

подвергавшихся переменамъ, все это доказываетъ необходимость зрѣло обдуманной, послѣдовательной и основанной на современныхъ потребностяхъ системы университетскихъ правилъ. Все дальнѣйшее развитіе университетовъ зависитъ отъ введенія подобной системы.

Представляя всѣ эти соображенія на усмотрѣніе в. с., совѣтъ остается при твердомъ убѣжденіи, что настоящія временныя смуты не въ силахъ поколебать вѣковаго зданія старѣйшаго изъ русскихъ университетовъ.

Подлинную записку подписали :

О. Пр. Соловьевъ
Орд. Пр. Бодянский
И. Д. Ор. Пр. П. Леонтьевъ
И. Д. Э. Пр. С. Ешевскій
И. Д. Э. Пр. Б. Чичеринъ.

Записка эта напечатана въ пяти экземплярахъ и содержится въ величайшей тайнѣ.

— Студенты, вѣроятно не забудутъ историческія имена подписавшихся.

ЕЩЕ О МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Студенческая исторія 12 Октября, которую я изложу ниже, непонятна безъ исторіи московскаго университета за послѣднее время и потому я скажу предварительно нѣсколько словъ о ней.

Съ 1848 года до самой смерти Николая, Россія представляла трупъ, на которомъ совершали свой гнѣтъ отвратительные вампиры — безумный императоръ и его холопы. Литература, образованное общество, народъ — глухо, почти безмолвно стонали въ предсмертной агоніи, и если гдѣ теплилась слабая искра жизни, такъ это только въ университетахъ и около нихъ.

Въ печальные шесть лѣтъ съ 1848 — 1855 московскій университетъ записалъ одну изъ достопамятныхъ страницъ своей исторіи. Лучшіе изъ профессоровъ его, съ Грановскимъ въ головѣ, связанные по рукамъ и ногамъ полицейскимъ надзоромъ, фельдфебельскимъ самоуправствомъ Назимова и оппозиціей своихъ отсталыхъ товарищей въ родѣ Орпадскаго, ясно понимали свою историческую задачу — спасти для лучшаго будущаго зародыши живой и свободной мысли въ груди молодаго поколѣнія. Задача была не легкая, когда за каждое неосторожное слово, намекъ, профессоръ подвергался, по малой мѣрѣ, высылкѣ вонъ изъ Москвы и такимъ образомъ могъ навлечь непріятности себѣ и, что самое главное, лишить своей помощи университетъ. Всякую живую мысль пришлось закутывать въ тяжелыя научныя формы, представлять студентамъ массы фактовъ, не смѣя обобщить ихъ и сдѣлать выводъ — представляя это на догадливостъ слушателей. Въ историческихъ лекціяхъ ставились на видъ слушателямъ свободныя формы древней греческой жизни, какъ бы для контраста съ домашними; при изложеніи религіознаго сознанія древняго языческаго міра, покойный Кудрявцевъ, въ формѣ скучныхъ археологическихъ изслѣдованій, сводилъ религію на одну изъ случайныхъ сторонъ жизни человѣческой, развивающихся и измѣняющихся вмѣстѣ съ общимъ развитіемъ человѣка, пока наконецъ она не будетъ замѣнена простой наукой. Даже лекціи философіи въ то время не рѣдко служили проводниками идей, въ которыхъ заключался протестъ противъ окружающаго безобразія. По воскресеньямъ

къ Грановскому ходило много студентовъ за книгами; и каждый выходилъ изъ его кабинета съ мыслию, пробуждающею въ немъ желаніе къ дѣятельности, приличной человѣку и гражданину въ широкомъ смыслѣ этого слова. Въ нѣсколькихъ словахъ, сказанныхъ по поводу книги, въ анекдотѣ, рассказанномъ Грановскимъ, его гости всегда могли прочесть протестъ и непримиримую вражду къ рабству, лжи, произволу, вообще всему тому, отъ чего въ то время было невыносимо жить всякому, хотя немного живому человѣку. По примѣру Грановскаго поступали другіе профессора; и дѣятельность ихъ не пропала даромъ. Лучшая часть молодого поколѣнія не впала въ апатію и готовилась при первомъ удобномъ случаѣ отдать всю свою дѣятельность и жизнь будущему освобожденію родины; она готовилась на борьбу непримиримую, безъ сдѣлокъ, безъ уступокъ, а пока занималась наукой, которую любила, потому что отъ ея представителей слышала свободное слово, протестъ противъ самодержавнаго безобразія. Разумѣется, старшіе и талантливіишіе изъ учениковъ Грановскаго и его товарищей вліяли на младшихъ и слабѣйшихъ такъ, что къ началу новаго царствованія студенчество московскаго университета представляло лучшія кадры будущей революціонной арміи. Между тѣмъ совершались событія, которыя заставляли Россію въ годъ переживать то, что у другихъ народовъ переживалось десятками лѣтъ. За границей возшла *Полярная Звѣзда* и зазвонилъ *Колоколъ*, умеръ Николай, за нимъ сошелъ въ могилу Грановскій, успѣвшій основать “Русскій Вѣстникъ”; запищала наппа доморощенная гласность, появились разныя полумѣры и полуреформы, наконецъ съ неба свалился крестьянскій вопросъ. Какъ отнесся ко всему этому московскій университетъ? съ пол-года онъ въ полномъ своемъ составѣ, т. е. профессора и студенты, былъ въ какомъ-то опьяненіи, какъ и все, что оставалось еще живаго послѣ Николая. Масса университетской молодежи добродушно смѣшивала “Русскій Вѣстникъ”, органъ московскихъ профессоровъ и ихъ друзей, съ *Полярной Звѣздой* и *Колоколомъ*, думая что первый говоритъ цензурно тоже, что вторые безъ цензуры. Да и легко можно было впасть въ эту ошибку, во главѣ “Русскаго Вѣстника” стояли старые друзья и пріятели издателя “*Полярной Звѣзды*”; “Русскій Вѣстникъ” началъ съ того-же, съ чего и *Колоколъ*, съ обличенія, только одинъ въ обличеніяхъ дальше губернатора крутогорской губерніи не ходилъ, а другой былъ первые четыре класса табели о рангахъ; на разницу въ статьяхъ теоритическаго характера на первое время не обращали вниманія. Правда, нѣкоторымъ молодымъ скептикамъ казались иногда подозрительными дифирамбы, которые пѣли профессора и ихъ друзья правительству, но они скоро успокоивались объясненіемъ; что эти дифирамбы служили только для усыпленія врага, чтобы изъ за нихъ удобнѣе поразить его пропагандою свободы. И дѣйствительно “Русскій Вѣстникъ” сталъ напирать на свободную Англію, съ каедръ тоже запахло Англіей подъ разными соусами. Между тѣмъ молодые представители московскаго университета въ области теоріи пошли по тому направленію, куда ихъ влекла живая, страстная натура, здравый смыслъ, не затемненный научною схоластикою, тридцатыхъ годовъ, построенною на Гегелѣ и другихъ идеалистахъ, куда наконецъ влекло ихъ историческое чутье. Для нихъ скоро обнаружили непримиримая разница между лондонскими изданіями и

“Русскимъ Вѣстникомъ;” и молодежь года черезъ два по смерти Николая стала мало по малу отдѣляться отъ своихъ прежнихъ руководителей. Чтобы не ввести читателей въ недоразумѣніе, я долженъ сказать, что, говоря о “Русскомъ Вѣстникѣ”, я говорю о московскихъ профессорахъ, разумѣется лучшихъ и всѣмъ извѣстныхъ. Если нѣкоторые изъ нихъ и находятся въ холодныхъ отношеніяхъ съ издателями Вѣстника, разходясь съ ними въ незначительныхъ отгнѣкахъ, то эта микроскопическая разница не существенна по отношенію къ текущей исторіи Россіи и вовсе не имѣетъ значенія въ отношеніи профессоръ къ студентамъ. Рѣшительнымъ моментомъ отдѣленія студентовъ отъ профессоръ было то время, когда всякому стало ясно, что правительство не хочетъ и не можетъ дать свободныхъ учреждений Россіи. Этотъ моментъ не можетъ быть точно опредѣленъ, потому что для однихъ онъ тянулся долѣе, для другихъ менѣе; есть такіе, для которыхъ его никогда не было, т. е. которые никогда не питали надеждъ на правительство. Во всякомъ случаѣ для самыхъ близорукихъ этотъ моментъ не могъ продолжаться долѣе 3 лѣтъ съ 1857—1860. Всѣмъ извѣстны дѣянія правительства въ это время, которыя могли раскрыть глаза всякому, исключая слѣпорожденныхъ: запрещеніе литературѣ разсуждать о крестьянскомъ дѣлѣ, ссылка Уиковскаго и пр. и пр. и пр. Чтобы обобщить исторію отношеній студентовъ и профессоръ въ указанный 3-лѣтній періодъ, я придамъ имъ слѣдующую діалогическую форму.

— Слушайтесь насъ, дѣти, говорили профессора, будьте спокойны и учитесь. Правительство, окончивъ свои важныя реформы: крестьянскій вопросъ и пр. непременно дастъ конституцію, къ которой мы литературно будемъ готовить общество. Впушеній изъ Лондона не слушайте, иначе бесполезное броженіе произведетъ реакцію, и мы возвратимся во времена николаевского террора.

— Мы согласны учиться, отвѣчало студенчество, разумѣется только не той мертвечинѣ, которую вы проповѣдуете съ кафедръ. Хотя конституція на манеръ англійской не приложима къ Россіи и не удовлетворяетъ нашихъ желаній, однако мы и ей, какъ движенію вообще, были бы рады и согласны вести себя смирно, рассчитывая потомъ дѣйствовать рѣшительно. Но мы не вѣримъ, чтобы правительство согласилось на конституцію. Все что оно ни дѣлаетъ, запечатлѣно духомъ произвола, устраняющаго всякую попытку общества вмѣшаться въ его дѣла. Самыя реформы свои оно совершаетъ старымъ бюрократическимъ порядкомъ, посредствомъ чиновниковъ и полиціи. Да, мы думаемъ, что вы ошибаетесь, но все-таки не теряемъ къ вамъ довѣрія, потому что убѣждены, что вамъ дорога свобода, хотя и не въ той формѣ, какую мы считаемъ разумною и историческою. Но если вы поймете, что ошибаетесь, что надѣяться на правительство безумно, то пойдете-ли путемъ революціоннымъ?

— Никогда! Мы не вѣримъ въ революцію. Если правительство не дастъ само конституцію, то это значить, что общество не доросло до нея. Такъ слѣдуетъ по теоріи *умлренной прогресса и историко-органическаго процесса. Каковъ приходъ, таковъ и полъ. Каковъ народъ, таково и правительство.* Мы употребимъ всѣ наши силы на воспитаніе общества и вы должны намъ помогать въ этомъ. А чтобы быть воспитателями общества, учитесь — вотъ вамъ

томы нѣмецкихъ ученыхъ, вызубрите ихъ отъ доски до доски и тогда только осмѣливайтесь судить и желать чего нибудь. Чтобы имѣть правильное понятіе о правахъ человѣка гражданскихъ, политическихъ, экономическихъ надобно прочесть тысячи томовъ, ѣхать за границу года на три, въ германскіе университеты, выдержать магистерской экзаменъ, получить мѣсто профессора, однимъ словомъ, походить на насъ. А иначе вы останетесь мальчиками, которые только и способны увлекаться бреднями разныхъ социалистовъ, педерогориковъ такихъ невѣждъ, какъ Герцень, Прудонъ, Фенербахъ, Фохтъ, Моешотъ и пр. и пр.

— И такъ вы отказываетесь отъ революціоннаго пути. Вы хотите дожидаться пока историко-органическимъ процессомъ всѣ 70-ть миллионовъ русскаго народа будутъ способны выдержать у васъ магистерскій экзаменъ. Мы, съ своей стороны думаемъ, что въ Россіи такъ много воюющихъ потребностей, которыя должны быть удовлетворены сей часъ же, что идти объ руку съ правительствомъ и ждать чего нибудь отъ него, было-бы не только безуміемъ, но даже преступленіемъ. Это значило бы оставаться спокойнымъ зрителемъ того, какъ правительство, задушивъ всѣ истинныя свободы въ народѣ, заставить его отупѣть до того, что онъ превратится въ неподвижную массу китайцевъ и сдѣлается добычею перваго завоевательнаго движенія съ Запада или даже Востока, или наоборотъ, самъ возставшій народъ безъ руководителей, безъ яснаго сознанія, уничтожитъ всѣ зародыши мыслей, образованія, перерѣзавъ все, что не ходитъ въ лаптяхъ и зипунѣ и потомъ, усноконившись, подпадетъ снова подъ деспотизмъ, перемѣнивши голштейнъ-готторнскихъ нѣмцевъ на Стеньку Разина, Пугачева, какого нибудь фельдфеоеля, растрпгу-попа. Наконецъ мы на столько живые люди, что молчаніе, ожиданіе, однимъ словомъ, вашъ медленный органическій процессъ равняется для насъ смерти, небытію. Революціонерами насъ дѣлаютъ не только убѣжденія, но сама натура. Мы согласны, что у насъ нѣтъ опытности, выдержанности и потому готовы принять васъ руководителями, только ведите насъ по революціонной дорогѣ. Мы пойдемъ за вами даже хоть для конституціи, т. е. освобожденія одного образованнаго класса и оставимъ на время свою задачу освобожденія цѣлаго народа: только одной уступки не можемъ вамъ сдѣлать—это сидѣть сло- живши руки и читать ваши томы, т. е. справочные лексиконы фактовъ, приправленные Гегелевскою схоластикою. И такъ выбирайте: или революціонная дорога съ нами; или мы станемъ считать васъ императорскими чиновниками и одни пробивать свою дорогу.

— Пробивайте путь къ своей гибели, пустоголовые мальчишки! Мы слишкомъ учены и слишкомъ хорошо знаемъ теорію историко-органическаго процесса, чтобы компрометировать свое солидное общественное положеніе для идеи безпорядка и анархіи. Умремъ за порядокъ, каковъ-бы онъ ни-былъ, отстоимъ государство, какое-бы оно ни-было: *въ немъ-бо спасеніе.* Пусть глушѣетъ народъ подъ штыками солдатъ, подъ палкою будочниковъ и пагайкою казаковъ, пусть правительство и его чиновники пожираютъ народное благосостояніе, нлодъ его кроваваго труда, пусть будетъ голодъ, пусть разразится надъ Россіею промышленный и финансовый кризисъ, пусть всѣ образованные люди управляются III отдѣленіемъ и жандармами, пусть наконецъ все

государство распадется при малѣйшемъ напорѣ внѣшнихъ силъ, пусть оно распадется другимъ способомъ въ слѣдствіе Пугачевщины, мы все-таки будемъ поддерживать его, пока оно еще государство, надѣясь что провидѣніе (иначе : законъ прогрессивнаго развитія) приведетъ насъ къ своимъ цѣлямъ, скрытымъ въ безднѣ его премудрости. Помните, неразумныя дѣти, что всѣ историческія бѣдствія не суть ничто существенное, это только призраки, пугающіе воображеніе толпы. Въ исторіи важно логическое развитіе абсолютной идеи, совершающееся по невѣдомымъ намъ, но необходимымъ законамъ, которыхъ воля человѣческая переменить не можетъ: отсюда все, что дѣйствительно, то есть ничто иное какъ моментъ въ развитіи абсолютной идеи, слѣдовательно разумно. И такъ не мѣшайте вашими страданіями и порывами сладкой игрѣ абсолютнаго духа, который въ исторіи снимаетъ свою посредственность и возвращается въ себя. Берите примѣръ съ насъ, дѣти, и будьте спокойны, хотя-бы міръ вокругъ васъ рушился. Да не изъ чего и горячиться, потому что абсолютная идея будетъ все-таки жива, да и вы не похудѣете.

Что оставалось отвѣчать молодежи на такое достойное браминовъ самопогруженіе въ абсолютное. Она отвѣчаетъ фактомъ, литографіей Бюхнера, Фейербаха и лондонскихъ изданій.

Такимъ образомъ въ 1860 году, все было порвано между студентами и профессорами, которые скоро перешли на сторону жандармовъ. Чтобъ оставаться на кафедрахъ имъ нужно было слушателей. Добровольными-же слушателями ихъ могли быть только юноши изъ богатыхъ семействъ, наиболѣе способные принять браминскую точку зрѣнія на міръ : голодный пролетарій, какъ элементъ волнующійся, долженъ быть изгнанъ изъ храма абсолютнаго.

Такимъ образомъ профессора устраиваютъ строгіе экзамены, черезъ которые проходятъ только благовоспитанные юноши, сочувствуютъ правительственному распоряженію не принимать студентовъ, которые не въ состояніи платить плату въ 50 рублей и т. д.

Когда въ Сентябрѣ нынѣшняго 1861 года, студенты собрались къ началу лекцій, ихъ взволновалъ законъ о платѣ, обнародованный лѣтомъ. Они, по примѣру петербургскаго университета, начали сходить и толковать о подачѣ адреса государю. Понятно, что юношество, привыкши до сихъ поръ дѣйствовать подъ руководствомъ и вліяніемъ людей, къ которымъ имѣло довѣріе, вдругъ не нашлось и не могло составить для себя послѣдовательнаго и опредѣленнаго плана дѣйствій. Студенты раздѣлились на партіи : одни хотѣли подать прошеніе государю, другіе министру, третьи хотѣли дѣйствовать черезъ генералъ-губернатора, который сочувствовалъ подачѣ адреса и даже одна изъ редакцій его, разумѣется, наиподданѣйшая, вышла изъ губернаторской канцеляріи. Кромѣ того, долго не могли сойтись въ редакціи адреса : одна была очень умѣренна, другая красна, третья заключала такія требованія, которыя выходили изъ сферы студенческихъ отношеній ; ясно было, что студенты еще не сошлись. Что-же дѣлали въ это время профессора? Слабѣйшихъ и бездарнѣйшихъ они умѣли уговорить въ томъ, что подача адреса государю, сходки и совѣщанія запрещены сводомъ законовъ, что все это относится къ анархіи и что надобно благовоспитаннымъ юношамъ составить особый листъ, на которомъ-бы записывались всѣ, которые не хотятъ

участвовать въ общемъ движеніи.* Несговорчивому-же большинству профессора грозили жандармами и черезъ попечителя постоянно совѣтовали Тучкову разогнать сходки военной силой, но почтенный николаевскій генералъ оказался человѣчище защитниковъ умѣреннаго прогресса. Недѣли двѣ безпрепятственно сходились студенты и наконецъ порѣшили просить : 1) о дозволеніи всѣмъ бѣднымъ студентамъ слушать лекціи бесплатно, 2) о дозволеніи учредить студенческую кассу для вспоможенія бѣднымъ студентамъ ; вотъ главные пункты адреса, который хотѣли подать государю.

Слѣдующій рассказъ переданъ очевидцемъ событія :

Одипадцатаго Октября, студенты отправили отъ себя депутатовъ къ попечителю московскаго учебнаго округа Исакову, съ просьбою, быть посредникомъ между ними и государемъ и передать адресъ. Г. Исаковъ, очень рѣшительно объявилъ, что онъ не хочетъ знать никакихъ депутатовъ и ни въ какія сношенія съ студентами входить не будетъ. На этотъ отвѣтъ, выраженный со всѣмъ марціальнымъ нахальствомъ, на какое способны русскіе генералы, послѣдовало достойное возраженіе : студенты вошли всей толпой въ профессорскую комнату и стали просить Исакова о томъ-же, о чемъ просили депутаты. Тогда, должно быть, почувствовавъ себя не совсѣмъ въ безопасномъ положеніи, онъ послалъ за оберъ-полицмейстеромъ графомъ Крейцомъ. Этотъ послѣдній явился въ университетъ, поболталъ съ Исаковымъ и уѣхалъ тотчасъ-же, напутствуемый свистками оскорбленной молодежи. И дѣйствительно, не было кажется примѣра, чтобы въ московскій университетъ введена была полиція. Попечитель-же не считая ни на какія просьбы студентовъ, объявилъ имъ еще разъ, что онъ *не хочетъ и не будетъ* входить ни въ какія съ ними сношенія ; тогда студенты вышли изъ профессорской ; а ночью съ 11 на 12 Октября, двадцать пять человѣкъ студентовъ были взяты полиціею на ихъ квартирахъ. Взяты были они, какъ оказалось, по распоряженію попечителя. Утромъ 12го Октября эта вѣсть разнеслась между студентами, и они собрались на дворъ новаго университета для обсужденія, что имъ предпринять. Послали депутатовъ къ генералъ-губернатору, но онъ ихъ не принялъ. Вѣсть была не радостная ; толпа зашумѣла и наконецъ порѣшила еще разъ идти депутатамъ къ Исакову и просить его отъ имени всего университета : чтобы онъ сталъ посредникомъ между студентами и городской властью, чтобы онъ узналъ и ходатайствовалъ о студентахъ, взятыхъ въ ночь. Депутаты ушли въ университетъ, но скоро воротились, объявивъ, что г. Исаковъ рѣшительно отказался быть посредникомъ между студентами и губернаторомъ, прибавивъ, что онъ больше принимать никакихъ депутатовъ не намѣренъ, что если студенты хотятъ просить за товарищей, то сами могутъ адресоваться съ этимъ къ губернатору. Депутатовъ губернаторъ не принялъ, попечитель совершенно отказался сдѣлать что-либо для студентовъ. Что оставалось дѣлать?

— Оставалось два средства : или спокойно разойтись, предоставивъ товарищей на волю судьбы, жить въ сибиркахъ частныхъ домовъ, или идти всѣмъ къ губернатору и просить его о взятыхъ. Студенты рѣшились на послѣднее. Толпа студентовъ въ числѣ 800—900 человѣкъ, тронулась изъ университета, сопровождаемая удивленными зрителями, лѣвая

* Листъ этотъ дѣйствительно составленъ у инспектора студентовъ.

сторона улицы была занята идущими студентами, правая не меньшим числом посторонних зрителей. Многие в настоящее время осуждают это движение, говоря, что в нем не было ни логики, ни законности, а было только одно увлечение. А между тем эти господа если бы были на месте студентов, сдѣлали-бы тоже самое. Смѣшно упрекать людей въ незаконности, когда всѣ законно-формальныя средства у нихъ отняты. Какъ теперь студенты могутъ заявлять свои нужды, когда: 1) депутаты запрещены, 2) одинъ пойдешь объ чемъ-нибудь заявлять, тебѣ сейчасъ куда-нибудь упрячуть, 3) всѣ заразъ пойдутъ, подымется крикъ: бунтъ, мятежъ! вѣдь на этия слова наше правительство куда какъ ловко. Никакого нѣтъ сомнѣнія, что большинство студентовъ шло вовсе не съ надеждою на то, что его превосходительство сейчасъ выйдетъ къ нимъ, и давай съ ними разсуждать, такой галантерейности отъ нашего правительства долго еще не дожидаться! А шли они потому, что были еще молоды, вѣрили въ правоту дѣла и ужъ никакъ не думали, что совершенно свободныхъ людей начнутъ бить среди бѣлаго дня; шли они еще съ цѣлью показать, что эти несчастные двадцать пять человѣкъ виноваты на столько-же, на сколько виноваты всѣ студентъ Моск. университета. Да и при томъ, главною-то ихъ мыслью въ этомъ движеніи было то, что выручатъ-ли, не выручатъ-ли своихъ товарищей, все таки это движеніе будетъ заявленіемъ сочувствія къ взятымъ, и протестомъ противъ грубыхъ мѣръ, предпринятыхъ полиціею.

(Окончаніе въ слѣдующемъ листѣ.)

С М Ъ С Ь.

— *Взглядъ на дѣла Россіи* Н. Тургенева, Лейпцигъ, 1862.

Николай Ивановичъ Тургеневъ, старѣйшій и самый неуголимый врагъ крѣпостнаго состоянія, сорокъ три года тому назадъ, въ 1819 году, подавалъ императору Александру I записку объ ограниченіи помѣщичьей власти, рѣзко и благородно высказывая свое мнѣніе о крѣпостномъ правѣ. Александръ, какъ всегда, былъ тронутъ, хотѣлъ сдѣлать многое и не сдѣлалъ ничего. Прошло сорокъ лѣтъ и что-нибудь сдѣлалъ другой государь — мои надежды меня не обманули: мнѣ дано было дожить — такъ заключаетъ Николай Ивановичъ свое предисловіе — и быть свидѣлемъ святаго дѣла освобожденія русскихъ крестьянъ: я надѣюсь также дожить и до уничтоженія въ Россіи тѣлесныхъ наказаній, и увидѣть, что и это позыдное пятно будетъ смыто съ моей родной земли.

Съ уваженіемъ прочтуть, всѣ люди любящіе Россію, послѣднюю тетрадь «Заграничнаго сборника».

— *Письма, отзывы, поправки и пр.* (Реутъ, Латышевъ). —

Одинъ корреспондентъ упрекаетъ насъ въ непослѣдовательности, основываясь на томъ, что мнѣніе *Огарева*, о закрытіи университетовъ, во все не сходится съ мнѣніемъ составителя полу-официальной записки, помѣщенной нами въ *Колоколъ*. Корреспондентъ нашъ еще больше разсердится, увидя доносъ московскихъ профессоровъ на студентовъ и Тучкова, не только не согласный съ мнѣніемъ нашимъ, но и совершенно противоположный имъ. Какъ-же почтенный корреспондентъ не подумалъ, что мнѣніе высказанное Огаревымъ, мнѣніе *наше*, мнѣніе нашихъ друзей, *Колокола*, а въ статьяхъ подъ заглавіемъ *Матеріалы для составленія исторіи ювенія студентовъ при Александрѣ II*, входятъ весьма разные документы. Изъ двухъ помѣщенныхъ записокъ, одна была читана въ комитетѣ

министровъ и отличается необыкновенно умнымъ и яснымъ изложеніемъ, ее приписываютъ Кавелину; мы ее считаемъ очень замѣчательнымъ матеріаломъ, особенно если ее сравнить съ *Липрандіадою*, московскихъ жандармовъ науки и квартальныхъ просвѣщенія.

Въ блаженные времена, когда за литературой, наравнѣ съ публичными женщинами, смотрѣлъ оберъ-полицмейстеръ и этотъ оберъ-полицмейстеръ былъ извѣстный своею простотою Рыльевъ, какой-то мартинистъ, написалъ «назидательную бесѣду христіанина съ аеемъ», само собою разумѣется, что аеей былъ дуракъ, христіанинъ умный, и еще болѣе разумѣется, что онъ разбилъ его на поваѣ. Рукопись свою благочестивый препинатель отдалъ Рыльеву. Рыльевъ прочиталъ, былъ очень доволенъ, что религія восторжествовала, но подписалъ: «все, что говорить аеей богопротивно, а потому выпустить, остальное-же къ печати дозволяется».

Мы не согласны съ методой Рыльева, и въ доказательство упомянемъ еще о двухъ письмахъ.

Одно написано въ защиту *Реута*, или лучше, въ отвѣтъ на нашъ вопросъ. Правда-ли, что онъ держалъ въ тюрьмѣ больше года, своего крестьянина? Корреспондентъ говоритъ, что дѣло было не такъ, что мировой посредникъ Молодзиневскій, былъ не въ ладахъ съ Реутомъ, что крестьянинъ имѣнія Варково, фольварка Ксаверинова, по имени Бернъ, былъ одержимъ падучей болѣзнію, которая въ послѣдствіи стала переходить въ бѣшенство, отъ котораго его лечилъ докторъ *Шукевичъ*. Крестьяне фольварка тяготысь больнымъ, сковали его и подбросили въ контору; пока спрашивали что съ нимъ дѣлать у главнаго управляющаго, нахалъ мировой посредникъ и пр.

Другое письмо о г. *Латышевъ* мы оставляемъ до слѣд. листа.

— *Прогрессъ въ почтѣ*. — Письмо изъ Петербурга съ деньгами посланное 9 Октября, пришло въ Варшаву 18 числа. Отчего изъ Мадрита въ Варшаву письма приходятъ скорѣе, чѣмъ изъ Петербурга? Отъ Варшавы до Петербурга 1075 верстъ, 500 верстъ (до Динабурга) желѣзная дорога.

Правда-ли, что *посылки* изъ Петербурга на одну изъ подмосковныхъ станцій, лежащихъ по направленіи желѣзной дороги, доходятъ по адресу недѣли черезъ двѣ?

Къ этимъ домашнимъ дѣламъ почтоваго прогресса, мы прибавимъ шутку его, выходящую изъ границы не только имперіи, но и вриличій. *Франкированные* письма въ Лондонъ, очень часто не вѣрятъ въ свое освобожденіе, и являются здѣсь снова *обязанными* платить оброкъ почтовому вѣдомству.

Милая разсѣянность!

Это намъ напоминаетъ купальню въ одномъ французскомъ городѣ, на одной половинѣ было написано *для дамъ*, на другой *для мужчинъ*, а въ серединѣ на досчечкѣ: *on ne reçoit pas de distractions!*

Чтобы почтовому вѣдомству, завести марки, или вывести воровъ?

— Что значитъ, что вслѣдъ за правительственнымъ отрицаніемъ пытокъ *Александра Замойскаго*, газеты извѣщаютъ о его кончинѣ отъ истязаній? Не скажетъ-ли намъ этого юный и обильный надеждами Кривановскій?

КОЛОКОЛЪ СНОВА БУДЕТЪ ВЫХОДИТЬ ВСЯКУЮ НЕДѢЛЮ.

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи, 136 & 138 Caledonian Road, London N.

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM,

КОЛОКОЛЪ

VIVOS VOCO!

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ.
Цѣна 6 пенсовъ. Получается въ Вольной
Русской Типографіи, 136 & 138 Caledonian
Road, N.

ЛИСТЪ 128.

8 АПРѢЛЯ 1862.

(WITH SUPPLEMENT No. 9.)

У Трюбнера & Со. въ книжной лавкѣ,
60, Paternoster Row, и у Tchorzewski,
1, Macclesfield Street, (Gerrard Street),
Soho, London. Price six-pence.

ОГЛАВЛЕНІЕ.—ФИНАНСОВАЯ РЕФОРМА ВЪ РОССИИ—ЕЩЕ О МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ (Окончаніе)—ИЗЪ ВИТЕБСКА ДО КОВНА.

СМѢСЬ: ЛАТЫШЕВЪ—НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ЮЖНЫМЪ СЛАВЯНАМЪ—СОЛИДАРНОСТЬ СЪ ИВЦАМИ—МАЛЬЧИШКИ ВЪ ТВЕРИ—БРОШЮРА ШЕДО-ФЕРОТТІ—ИЗВѢЩЕНІЕ.

ФИНАНСОВАЯ РЕФОРМА ВЪ РОССИИ.

Отрывокъ изъ находящагося въ печати сочиненія:

"ESSAI SUR LA SITUATION RUSSE,"

(Lettres à un anglais).

Реформа состояла въ централизаціи финансовыхъ учрежденій въ одинъ государственный банкъ.....

Заемный банкъ, сохранныя казны и приказы общественнаго призрѣнія въ сущности составляли одинъ родъ банковъ, которыхъ обороты заключались въ безотговорочномъ принятіи крупныхъ и мелкихъ вкладовъ за 4 сложныхъ процента, съ обязательствомъ возврата капиталовъ съ процентами по предъявленіи, и въ приложеніи вкладовъ преимущественно къ долгосрочному поземельному кредиту, т. е. въ употребленіи оныхъ на ссуды подъ залогъ недвижимыхъ наследственныхъ имѣній, обычно на 37 лѣтъ по 6 или (5+1) % годовыхъ взносовъ. Одинъ лишній процентъ за ссуду противъ процентовъ платимыхъ по вкладамъ и единовременный 1% преміи при ссудѣ—шли на содержаніе воспитательныхъ домовъ и самихъ кредитныхъ учрежденій и на покрытіе вѣроятностей немедленнаго востребованія доли вкладовъ.* Эти кредитныя учрежденія можно уподобить англійскимъ joint-stock banks (банкамъ соединенныхъ вкладовъ), или еще вѣрнѣе—огромнымъ сберегательнымъ кассамъ (saving-banks), готовымъ принять и пустить въ обращеніе деньги, сбереженные каждымъ, большія и малыя, безъ ограниченія суммы.

Новый "государственный банкъ" соединилъ въ себѣ: "Экспедицію кредитныхъ билетовъ, заемный банкъ, коммерческій банкъ и с. петербургскую сохранную казну;" остальные сберегательные банки (saving-banks) поступили подъ его вѣденіе, приводясь въ постепенную ликвидацію. Еще до основанія государственнаго банка, правительство, въ 1857 году, уменьшило проценты по вкладамъ съ 4 на 3 сложныхъ

* Кроме поземельнаго кредита, сохранныя казны производили ссуды подъ залогъ движимыхъ имуществъ, ссуды сравнительно съ поземельнымъ кредитомъ чрезвычайно незначительныя (въ отношеніи къ поземельному кредиту какъ 1 къ 117). Причина такой ничтожности движимаго кредита, конечно, заключалась въ ограниченіи оного только для двухъ столицъ; но и въ томъ же замѣтитъ въ этомъ фактѣ господствующей потребности поземельнаго кредита въ странѣ преимущественно земледѣльческой.

Годъ VI.

процента; а въ послѣдствіи на 2% простыхъ и учредило 4-хъ процентные и черезъ шесть мѣсяцевъ 5-ти процентные непрерывно-доходные банковые билеты (погасимые въ 41 и 37 лѣтъ) для выкупа вкладовъ изъ сберегательныхъ банковъ. Съ учрежденіемъ государственнаго банка поземельный кредитъ былъ удержанъ (на 37 лѣтъ по 6 % годовыхъ взносовъ) до выплаты уже занятыхъ суммъ; всякій-же дальнѣйшій поземельный кредитъ былъ прекращенъ. Коммерческій учетъ, бывший дѣломъ коммерческаго банка, долженъ былъ сдѣлаться одной изъ главныхъ операций государственнаго банка. "Коммиссія погашенія государственнаго долга" осталась въ администраціи государственнаго банка, относясь къ нему какъ равный къ равному, свыше руководимые "совѣтомъ финансовыхъ учрежденій" подъ предсѣдательствомъ министра финансовъ. Управление государственнаго банка было поручено барону Штиглицу, который—вслѣдствіе непріязненныхъ отношеній къ министру и двору—закрывъ было свой собственный банкъ, первый торговый домъ въ имперіи и одинъ изъ первыхъ въ Европѣ; но вскорѣ—когда лондонскій заемъ вполнину не удался—былъ обласканъ министромъ и дворомъ, заключилъ миръ, получилъ орденъ и посвятилъ себя благоденствію Россіи.

Прежде чѣмъ я выскажу вамъ нѣкоторыя замѣтки о финансовой реформѣ, я поставлю вамъ на видъ хронологическій порядокъ кой-какихъ цифръ, взятыхъ съ официальныхъ документовъ.

СОСТОЯНІЕ ГОСУДАРСТВЕННАГО ДОЛГА въ 1856 г.*

Долговъ срочныхъ внѣшнихъ, голландскими гульденами	53,448,000
Долговъ внутреннихъ срочныхъ, сер. рублей	145,338,045
Долговъ безсрочныхъ (внѣшнихъ и внутреннихъ), с. рублей	267,990,012
Долговъ безсрочныхъ (по займу для окончанія Спб. - моск. дороги) фунтовъ стерл.	5,060,000†
Всего на серебро рублей	476,615,039

* Къ 1 Января, слѣдственно цифры относятся къ истекшему году.

† Я беру цифры какъ онѣ показаны въ академическихъ мѣсяцесловахъ и въ отчетахъ министра финансовъ.

Въ 1859.

Голландскій заемъ, гульденовъ . . .	45,187,000
Внутренній срочный, сер. руб. . .	154,116,786
Безсрочный, сер. руб. . .	306,147,068
Заемъ для желѣз. дороги, фунтовъ стерл. . .	4,620,000

Всего на серебро рублей	515,988,012
Въ капиталѣ выкупа состояло къ 1858 . .	57,336,628
Особо отложеннаго капитала . . .	4,285,714

Въ 1860.

Долгъ виѣшній, срочный, голл. гульд. . .	42,921,000
„ „ 4½ % . . .	4,510,000 ф. ст.
„ „ 4 % . . .	44,166,000 р. с.
„ „ 5 % . . .	16,978,000
„ безсрочный : 5 % . . .	168,126,700
„ „ 3 % . . .	7,000,000 ф. ст.
Долгъ внутрѣнный, срочный, занятый у сохранн. казенъ. . .	129,759,452* р. с.
„ безсрочный 6 % . . .	73,993,847
„ „ 4 % . . .	22,863,658

Всего на серебро рублей	555,012,127
Въ капиталѣ выкупа . . .	60,262,009
Особо отложеннаго капитала . . .	4,285,714
	65,546,723

Въ 1861.

Долгъ виѣшній, срочный . . .	40,567,000 г. гул.
„ „ 4½ % . . .	9,400,000 ф. ст.
„ безсрочный 5 % . . .	168,126,700 р. с.
„ „ 3 % . . .	7,000,000 ф. ст.
Долгъ внутр., безсрочн. 6 % . . .	50,874,412 р. с.
„ „ 4 % . . .	115,542,163†

Всего рублей сер. . .	520,484,275
Въ капиталѣ выкупа . . .	4,215,577‡

КРЕДИТНЫЕ БИЛЕТЫ.

(Бумажныя деньги.)

Въ 1856 г.

Кредитн. билетовъ въ обращеніи . . .	356,337,021 руб. с.
--------------------------------------	---------------------

* Долгъ казны сберегательнымъ банкамъ былъ переведенъ въ продолженіи 1860 года, изъ “Коммиссіи погашенія долговъ” на “государственный банкъ” и значился въ суммѣ 129,304,763 руб. сер.

† Въ этомъ числѣ переведено 92 милліона особыхъ вкладовъ въ сохранныя казны, принадлежащихъ разнымъ благотворительнымъ введеніямъ.

‡ Въ “Коммиссію погашенія долговъ” поступило изъ государственныхъ доходовъ :

Въ 1859 г.	34,462,826 руб. сер.
1860	34,527,852

Это по отчету министра финансовъ; но по государственному бюджету отпущено въ “Коммиссію погашенія долговъ” :

Въ 1859 г.	49,547,433 руб. сер.
1860	54,605,912

Назначено въ 1862 54,296,187

Кто правъ—отчетъ министра финансовъ или бюджетъ—этого я не могу рѣшить. Замѣчательно, что средняя сложность процентовъ по государственному долгу не превышаетъ 4½ % и сумма ихъ въ 1860 г. была-бы около 25 милліоновъ рублей. Судя по отчету министра, изъ 34,527,852 руб. можно было вачислѣтъ въ погашеніе 9,527,852 руб. сверхъ того было употреблено (такъ какъ въ капиталѣ выкупа остался только особо отложенный капиталъ) на погашеніе 60,312,146 руб. Вообще было употреблено около 70 милліоновъ рублей для погашенія (въ 1861 г. сравнительно съ 1860) долга на сумму около 35 милліоновъ, не считая того, что 129,304,763 руб. только переведены изъ Коммиссіи въ банкъ.

Размѣнный фондъ :

а) Звонк. монета и слитки . . .	123,170,553
б) Публичн. фондовъ . . .	27,208,104
в) Суммъ отъ продажи фондовъ . . .	2,412,328

Въ 1859.

Кредитн. билетовъ въ обращеніи . . .	735,297,006*
--------------------------------------	--------------

Размѣнный фондъ :

а) Звонк. мон. и слитки . . .	119,140,921
б) Публич. фондовъ . . .	22,319,850

Въ 1860.

Кредитн. билетовъ въ обращеніи . . .	679,877,853
--------------------------------------	-------------

Размѣнный фондъ :

а) Звонк. монета и слитки . . .	99,338,743
б) Публич. фондовъ . . .	11,473,740

Въ 1861.

Кредитн. билетовъ въ обращеніи . . .	712,976,569
--------------------------------------	-------------

Размѣнный фондъ :

а) Звонк. монета и слитки . . .	84,335,007
б) Публич. фондовъ . . .	8,571,994

Въ 1862 (Февраль.)

Кредитн. билетовъ въ обращеніи . . .	710,176,293
--------------------------------------	-------------

Размѣнный фондъ :

а) Звонк. монета и слитки . . .	82,244,703
б) Публич. фондовъ . . .	15,600,000†

КРЕДИТНЫЯ УЧРЕЖДЕНІЯ,

Въ 1856 г.

Основныхъ капиталовъ	109,645,076 руб. с.
Вкладовъ	872,988,241
Ссуды	1,081,639,542

Въ 1859.

Основныхъ капиталовъ	116,696,846
Вкладовъ	1,070,740,261
Ссуды	1,081,604,958‡

Въ 1860.

Основныхъ капиталовъ	111,541,277
Вкладовъ	801,425,226*
Ссуды (включая учетъ векс. и товар.) . . .	1,068,481,293

* Было сожжено на 60 милліоновъ и выкуто изъ обращенія на 30,648,287 рублей всего выкупа изъ обращенія въ 1858 г. на 90,648,287 руб.

† Съ 1856 по 1859 г., въ теченіи трехъ лѣтъ, бумажныхъ денегъ увеличилось на 378,968,025 рублей, потомъ уменьшилось на 55,419,153 р. и со времени учрежденія государственнаго банка снова увеличилось на 30,278,440 рублей. Вообще съ 1856 по 1862 г., въ шесть лѣтъ бумажныхъ денегъ увеличилось на 353,839,272 рублей, т. е. почти вдвое, а металлическаго размѣннаго фонда уменьшилось на 40,928,850 рублей, т. е. болѣе чѣмъ на одну-треть. Металлическій фондъ къ бумажнымъ деньгамъ нынѣ находится въ отношеніи 11,6 %.

‡ Удивительная вещь : только въ 1859 году сумма капиталовъ (основные капиталы + вклады) превышаетъ сумму ссудъ на 95,833,149 рублей ; всѣ прочіе года сумма ссудъ превышаетъ сумму ссудныхъ капиталовъ. Песообразности такого явленія доказываетъ, что отчеты что-нибудь пропускаютъ, не смотря на рискъ явиться передъ публикой въ подозрѣніи умышленнаго утаиванія. Откуда взялась эта загадка, мнѣ никакъ не удалось разгадать.

* Въ числѣ вкладовъ переведено :

На 5 % билеты	189,560,380 руб. с.
4 % „	24,257,048

213,817,428

Въ 1861.

Основной капиталъ государ. банка .	15,000,000
Вклады по 2 %	200,647,248
Вклады переведен. на 4-хъ и 5 %	
непрерывно-доходные билеты .	420,700,000
Ссуды (включая учеты)	773,268,539*

Изъ этихъ цифръ, равно какъ и изъ отчетовъ министра финансовъ, можно придти только къ слѣдующимъ заключеніямъ :

1) Реформа поставила себѣ цѣлью спасти правительство отъ внезапнаго востребованія вкладовъ, помѣщенныхъ по сложнымъ процентамъ въ прежнія кредитныя учрежденія; она приступила къ исполненію своей задачи именно въ то время, когда въ кредитныхъ учрежденіяхъ, вмѣсто востребованія, былъ наплывъ капиталовъ, превышавшій мѣру кредита, возможнаго въ узкихъ границахъ ипотечнаго регламента. Понизивъ проценты, реформа создала востребованіе вкладовъ и выкупила ихъ 4-хъ и 5% банковыми билетами. Г-нъ министр финансовъ выразилъ свое удовольствіе, что чрезъ это были вынуты изъ обращенія сложно-процентные билеты прежнихъ кредитныхъ учреждений, замѣнявшіе мѣновыя знаки и ходившіе какъ деньги. Дѣйствительно, новые 4-хъ и 5% билеты не пополняютъ недостатка мѣновыхъ знаковъ и не ходятъ какъ деньги; ихъ даже трудно размѣнять, хотя бы ниже нарицательнаго достоинства (по 97 за 100), потому что въ государствѣ недостатокъ мѣновыхъ знаковъ.

2) Реформа поставила себѣ цѣлью выкупить бумажныя деньги изъ обращенія, или увеличить размѣнный фондъ.

* Есть еще цифры, которыхъ я не могу разобрать. На примѣръ: въ отчетѣ министра (25 Окт. 1861) мы находимъ переводъ въ государственный банкъ основнаго капитала заемнаго банка въ 15,213,701 рублей и въ отдѣлѣ Приказовъ помѣченъ ихъ основной капиталъ въ 14,759,180 рублей. Но не видать нигдѣ основныхъ капиталовъ московской и с. петербургской сохранныхъ казенъ, капиталовъ принадлежащихъ воспитательнымъ домамъ и составлявшихъ въ 1860 году 80,438,647 рублей. Въ которую изъ цифръ отчета попала эта сумма, я никакъ не могу услѣдить.

Также я не могу понять: сумма 129,304,763 рублей переведенная изъ Комиссіи погашенія на государственный банкъ—заключается-ли въ суммѣ 167,759,844 рублей, значащейся, по активу счетовъ государственнаго банка къ 1 Ноября 1861 г. и по активу Февраля 1862 г. въ 158,931,268 руб., долгомъ казначейства въ банкъ? Вѣроятно, это одна и та-же сумма, потому что она прежде значилась: "долгомъ казначейства въ сохранныя казны"; но откуда, за чѣмъ, какъ и когда она увеличилась?... Сверхъ того, по трехмѣсячному счету въ Февраль 1862 года, по активу банка значатся поземельнымъ кредитомъ на частныхъ лицахъ 395,955,071 рублей (ссуды прежнихъ кредитныхъ учреждений). Стало другая доля кредита (изъ итога въ 773,268,539 руб.) падаетъ на ссуды разнымъ правительственнымъ учрежденіямъ, что, вѣроятно, опять долгъ казначейства; какое иное правительственное учрежденіе могло нуждаться въ займѣ суммъ, которыя, въ 1860 году, по счетамъ только одного "заемнаго банка" значатся въ 335,922,071 рублей? Откуда слѣдуетъ, что государственные доходы, поступая въ казначейство, дѣлятся на: суммы, препровождаемыя въ "Комиссію погашенія" и суммы, которыя казначейство признаетъ своимъ личнымъ долгомъ. Какъ ни разсуждай, а нельзя не признать обоихъ разрядовъ за одинъ разрядъ государственнаго долга, который, такимъ образомъ, является въ слѣдующемъ видѣ:

По "Комиссіи погашенія"	520,484,275 руб. с.
Казначейству	158,931,268
Правительственнымъ учрежденіямъ .	335,922,000

Итого 1,015,337,543

И здѣсь только ставлю вопросы и сомнѣнія, на разъясненіе вещей я не имѣю средствъ. Редакція отчетовъ такова, что сбиваетъ съ толку самыхъ опытныхъ специалистовъ-счетоводовъ. Министерство финансовъ хвастается гласностью и даже публиковало бюджетъ 1862 года; но цензура и тайна, витающая надъ отчетами, надъ источниками доходовъ и дѣйствительностью расходовъ—сведутъ печатную критику на очень маленькіе результаты, а гласность поможетъ публикѣ пребывать въ постоянномъ волненіи сомнѣнія и недоумѣнія, но не приведетъ къ ясному уразумѣнію положенія государственныхъ финансовъ.

Для этого, частью,* она приступила къ займу 12 милліоновъ въ Лондонѣ, изъ которыхъ выручила только 7 милліоновъ, и достигла въ результатѣ до увеличенія числа бумажныхъ денегъ и до уменьшенія размѣннаго фонда.

3) Положительнымъ результатомъ реформы было расширеніе дѣятельности коммерческаго учета. Она достигла въ 1860 году учетнаго оборота въ 72 милліона рублей, цифра, до которой бывшій "коммерческій банкъ" никогда не достигалъ.†

4) Ограничивъ поземельный кредитъ, дѣлаемый сберегательными банками (государствомъ), тѣми суммами, которыя уже были въ ссудѣ,—реформа хотѣла создать частный поземельный кредитъ; она не создала его, а только убила существовавшій поземельный кредитъ и слѣдственно ослабила народную производительность, и именно въ ту минуту, когда дѣло освобожденія крестьянъ требовало расширенія поземельнаго кредита. Вмѣсто помощи крестьянскому вопросу, реформа пришла, въ 1862 году, только къ необходимости увеличить подать. Такимъ образомъ, въ сущности реформа никому не пособила, ни даже самому правительству; а разстроила всѣхъ.

Я вамъ покажу нить этого процесса.

Во время оно, у кормы финансовой ладьи сажались рутинисты, которые дѣлали сегодня тоже что вчера, безъ цѣли и безъ размышленія. Реформа приставила къ кормѣ—людей, специально изучившихъ финансы, но не изучившихъ экономическихъ условій Россіи. К несчастью, во главу финансоваго управленія, такимъ образомъ, попалъ экономическій доктринаризмъ, который въ Россіи сливался, самъ не замѣчая, съ бюрократическимъ доктринаризмомъ и потому соединилъ во единое противурѣчіе принциповъ—*невмѣшательства* (*laissez faire, laissez passer*) и *правительственной регламентаціи*.

Экономическій доктринаризмъ прежде всего задалъ себѣ вопросъ: "возможенъ-ли банкъ, платящій сложные проценты безсрочно на капиталы, которые онъ обязанъ возвратить по первому востребованію,—между тѣмъ какъ самъ банкъ даетъ ссуды по расчету годовыхъ взносовъ и слѣдственно не располагаетъ разомъ суммами, которыя могутъ быть у него разомъ потребованы? Такого банка не видать въ Европѣ, гдѣ банки платятъ только простой процентъ на капиталы, если капиталы имъ въ данное время нужны; иначе банки сами берутъ плату за храненіе вкладовъ. Что-же касается до кредита—то только краткосрочный, опредѣленный кредитъ входитъ въ расчетъ банка, котораго собственное дѣйствительное дѣло, дѣло оживляющее торговлю и движеніе капиталовъ,—это учетъ, учетъ въ тоже время составляющій настоящій, огромный барышъ банка. Далѣе—съ чего государству вмѣшиваться въ частный кредитъ? Частный кредитъ прямое дѣло самаго общества, дѣло частныхъ людей и компаній—будь то компаніи за круговой порукой должниковъ (примѣръ—поземельный кредитъ землевладѣльцевъ въ Германіи), будь то компаніи акціонеровъ (примѣръ повсюдный).

* Рѣчь министра финансовъ, 13 Сентября 1860 года.

† Но мы, к сожалѣнію, должны прибавить, что на Нижегородской ярмаркѣ купцы жаловались на классификацію учета по гильдіямъ: 1-я гильдія имѣла право на учетъ прежде второй, 2-я вытѣсняла третью. Что-же касается до петербургскихъ купцовъ, то они жалуются теперь, что право на учетъ имѣютъ только особо покровительствуемыя лица, остальнымъ банкъ отказываетъ, если у нихъ вексель больше чѣмъ на 40,000 рублей. Но тогда являются капиталысты, заинтересованные въ управленіи банкомъ, и предлагаютъ частный учетъ изъ собственнаго вармана, и въ этомъ случаѣ учетъ обходится въ 17%. Такимъ образомъ чиновничество, вмѣшавшись въ торговлю, производитъ взяточничество новаго рода.

Результатъ экономической науки—развитіе частнаго кредита, помѣщеніе капиталовъ въ промышленныя и торговыя предпріятія, ихъ движеніе на биржѣ, — а не ихъ вклады за сложные проценты подѣ отвѣтственностью правительства, вклады, гдѣ капиталъ лежитъ внѣ рыночнаго движенія и гдѣ его обладатель смотритъ на его двойное и тройное приращеніе, сложа руки, совершеннымъ трутнемъ въ промышленномъ мірѣ. Вотъ гдѣ причина застоя нашей промышленности, нашего рынка, нашей биржи. И такъ надо, вслѣдствіе науки выработанной вѣками, преобразовать систему банковъ, уничтожить долгосрочныя ссуды, прекратить пріемъ вкладовъ за сложные проценты, и вмѣстѣ съ тѣмъ расширить коммерческій учетъ. Надо уничтожить кредитъ подѣ отвѣтственностью государства, и не выѣщиваться—laissez faire — оставить частный кредитъ образоваться самъ-собою.

До сихъ поръ это только экономическій доктринаризмъ; по внезапно яркая мысль озадачила его: “ну! а если изъ нашихъ сберегательныхъ банковъ вдругъ потребуютъ возврата вкладовъ? Что тутъ дѣлать? Чѣмъ-мы заплатимъ?”

При этой мысли экономическій доктринаризмъ бросился въ бюрократическій доктринаризмъ: “Скорѣй, скорѣй! надо превратить вклады въ государственныя обязательства по простымъ процентамъ! Это вдобавокъ даетъ новый толчекъ капиталамъ, живой исходъ рынку, да оно-же и единственное средство во власти правительства выдержать внезапное требованіе возврата вкладовъ. Надо объявить вымѣнъ вкладовъ на непрерывно доходные билеты, погасимые въ долгіе сроки и выдаваемые центральнымъ учрежденіемъ. Надо создать одинъ государственный банкъ, централизующій всѣ финансовыя операціи и объявить существующіе банки или въ положеніи постепенной ликвидаціи, или прицѣпить ихъ за отдѣльныя конторы центрального банка.”

Вслѣдъ за симъ экономическій доктринаризмъ былъ приведенъ въ исполненіе бюрократическимъ доктринаризмомъ.

П. Огаревъ.

(Продолженіе впереди).

ЕЩЕ О МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ

(Окончаніе).

По Тверской, шагахъ въ пятидесяти позади студентовъ, тянулась длинная вереница пѣшихъ, вооруженныхъ жандармовъ. Студенты оглядывались и перекликивались, глядя на московскую армаду, и наконецъ подошли къ дому губернатора, остановились и, только-что четыре депутата вошли въ домъ, какъ тотчасъ-же придвинулись жандармы, и одинъ эскадронъ пошелъ въ тылъ и обогнулъ толпу.

Насъ обходятъ, насъ обходятъ! закричала толпа, раздались свистки; въ простотѣ своего молодого, неиспорченнаго сердца, студенты думали свистками поколебать этихъ бойцовъ—противъ безоружныхъ! Толпа инстинктивно прижалась ближе къ дому губернатора и въ тоже время, другому эскадрону, шедшему въ слѣдъ за первымъ, приказано было стать передъ домомъ.

— “Не останавливаться!.. проходи, пробивайся, бей ихъ, бей!” кричалъ какой-то частный приставъ изъ военныхъ, когда жандармы остановились передъ толпой, плотно прижавшейся къ дому. Жандармы ретиво взялись за дѣло, и, грудью впередъ, бросились на студентовъ. Студенты, стоявшіе впе-

реди, кричали заднимъ, чтобъ они подвинулись, задние не могли отодвинуться, тѣснимые жандармами, зашедшими съ тыла; тогда передовые жандармы, предводительствуемые офицерами, начали, не тратя по пустому времени, бить по лицу близъ стоящихъ студентовъ; эти не стерпѣли и отвѣчали тѣмъ-же;—жандармы разсвирѣпѣли, нахлынула еще толпа новыхъ сермяжныхъ рыцарей, и доблестное воинство пошло чесать безоружныхъ гражданъ, и кулаками, и рукоятками палашей, и ножнами. Справа, слева, слева били студентовъ какъ звѣрей, загнаныхъ въ западню; минуты черезъ двѣ студенты побѣжали, жандармы за ними и, понимавши, гвоздили ихъ до сыта и въ спину, и въ шею и куда попало. На студента, который защищался, набрасывались сразу челоѣкъ пять на одного, и ужъ тутъ не проси пощады! Другихъ только милостиво били по шее, но большинство побѣжало, преслѣдуемое жандармами, а потомъ даже простымъ народомъ, мастеровыми и лавочниками. Студенты бѣжали, ихъ ловили, били, душили, и въ заключеніе отводили на Тверской частный дворъ. Между тѣмъ въ университетъ мало по малу приходили бѣжавшіе съ поля сраженія; многіе студенты плакали, рассказывая другимъ о случившемся. И дѣйствительно, тяжело встрѣтиться съ такимъ наглымъ насиліемъ среди огромнаго города, въ двѣнадцать часовъ дня. Жандармы, конечно, дрались молодцами; они, вѣдь, вообще мастера воевать съ безоружными, да и при томъ, въ этомъ подавалъ прекрасный примѣръ главный распорядитель всего этого побоища, полицмейстеръ Сечинскій, собственноручно таская за воротъ студентовъ, бѣжавшихъ изъ толпы. Шедшій впередъ 2го эскадрона полковникъ Воейковъ командовалъ—“бей ихъ!” близъ стоявшій студентъ умоляющимъ голосомъ началъ говорить Воейкову, что они пришли просить губернатора, что это недоразумѣніе. — Воейковъ храбро отвѣчалъ ему: “держите этого мерзавца!” и самъ схватилъ за шиворотъ умолявшаго его студента, но этотъ послѣдній былъ малый здоровый, онъ такъ ловко задалъ Воейкову въ лицо, что тотъ отлѣтѣлъ съ улицы на тротуаръ. Какой-то казачій офицеръ, въ порывѣ усердія, даже обнажилъ шашку. На него наскочило челоѣкъ пять студентовъ, одни вырвали шашку, другіе сорвали эполеты, и порядкомъ расквасили ему лицо. А между тѣмъ, многіе изъ спасшихся студентовъ прибѣжали въ университетъ къ попечителю и объявили ему о случившемся; но Исаковъ только и наладилъ одно: “не можетъ быть, я этому не вѣрю!” ему показывали боевые знаки, изорванные сюртуки,—но онъ задалъ свое—не вѣрю, и, на просьбы вступить за студентовъ опять отвѣчалъ отказомъ. Между тѣмъ полиція хватала всякаго проходившаго студента и на всѣхъ другихъ улицахъ; одни откупались, другіе были приводимы въ Тверской частный домъ. И все это совершалось въ государствѣ, каждый членъ котораго долженствуетъ спокойно почивать подѣ сѣнію благихъ законовъ, подѣ недремлющими очами царя! И вотъ плоды нашего государственнаго управленія, вотъ исходы управленія Адлерберговъ, Папиныхъ, Барановыхъ и прочей сволочи. Пугай ихъ пожалуй исторіей, судомъ потомства, да имъ то что за дѣло до всего этого! Они вертятъ государемъ какъ имъ вздумается, грабятъ народъ, властвуютъ въ нашемъ *европейскомъ* государствѣ какъ татарскіе ханы властвовали въ Сарай.

Поклоченныхъ студентовъ потащили въ Тверскую часть. И тамъ 350 челоѣкъ, скученные на тѣсномъ грязномъ дворѣ,

среди различных зловоній, исходящихъ изъ чулановъ и конюшенъ, окруженные несмѣтнымъ количествомъ жандармовъ и вооруженныхъ солдатъ, простояли на открытомъ воздухѣ съ двѣнадцати часовъ утра до десяти часовъ вечера; только тогда попечительное пачальство очнулось и поразсудивъ, что слишкомъ 300 человекъ въ сибиркахъ Тверскаго частнаго дома никакъ умѣститься не могутъ, порѣшили развести ихъ по другимъ частямъ. У нѣкоторыхъ арестованныхъ не было даже и пальто, потому что жандармы, въ своемъ яромъ преслѣдованіи бѣгущихъ, не заботились о сохраненіи одежды студентовъ, и нѣсколько пальто совершенно стигнули, а нѣсколько оказались безъ рукавовъ, или были разорваны съ верху до низу. Больные, сильно избитые, раненые студенты лежали, такъ-же какъ и прочіе, все время на дворѣ.

Въ шесть часовъ вечера громадной массѣ зрителей, нахлынувшей въ Тверскую площадь, дозволено было передавать арестованнымъ съѣстное, и то черезъ три шеринги солдатъ, протянутыхъ черезъ всю площадь, передъ частнымъ домомъ. До 100 каточекъ было раздѣлено между 300 человекъ, и это было почти все что был арестованные въ этотъ день. А между тѣмъ коммиссія, наряженная по этому дѣлу, начала призывать студентовъ къ допросу. Истомленнымъ физически и нравственно студентамъ, въ коммиссіи, даже не предлагали сѣсть. Понятное дѣло, что простоявши часовъ восемь на открытомъ воздухѣ, почти ничего не ѣвши, подъ влияніемъ тяжкихъ, оскорбительныхъ сценъ, какія случились на площади, по неволѣ озлобились противъ этихъ дикихъ людей. Наконецъ студентамъ надобно эта переключка и они объявили, что по одиночкѣ въ коммиссію не пойдутъ. Полиція и это обратила въ свою пользу. Было уже болѣе половины десятаго, положеніе заключенныхъ становилось все хуже и хуже, холодъ и сырость начали пробираться къ костямъ, усталость все болѣе овладѣвала ими, (на частномъ дворѣ не было ни одной скамейки, на которую можно было бы положить больныхъ) и студенты рѣшительно теряли послѣднюю бодрость, когда, въ половинѣ десятаго, на частный дворъ вошелъ субъ-инспекторъ Арсеньевъ и очень любезнымъ тономъ попросилъ въ коммиссію заразъ 20 человекъ. Студенты обрадовались, думая что ихъ заключеніе придетъ скоро къ концу и признали г. Арсеньева въ нѣкоторомъ родѣ за ангела благовѣстника. Черезъ полчаса онъ позвалъ еще 20 человекъ и т. д. Оказалось вотъ что: полиція разсудила, что студентовъ надо развести по частямъ, а что бы они не воспротивились этому, избрала своимъ орудіемъ г. Арсеньева, который въ душѣ самый ярый полицейскій чиновникъ, не смотря на свои наружно благородныя манеры, и какъ ихъ вели! самыхъ тяжкихъ преступниковъ, зачатыхъ убійцъ и то не такъ водятъ! 20 человекъ студентовъ провожало 80 человекъ солдатъ съ ружьями и съ полною боевою принадлежностію, 6 конныхъ жандармовъ и 4 офицера. Наконецъ ихъ привели въ частные дома и съ большимъ трудомъ размѣстили по маленькимъ каморкамъ называемымъ сибирками. Такъ напримѣръ въ Мясницкой части, въ комнату длиною 4 аршина и шириною 2 аршина, помѣщено по 4-5 человекъ. Всевозможная грязь, нечистота, миллионы насѣкомыхъ, голый полъ и одинъ матрасъ, въ видѣ блина, на 5 человекъ,—вогъ что представили частные дома своимъ арестантамъ. Кормили

ихъ тухлыми щами и кашей; правда въ двухъ частяхъ Мясницкой и Городской, частные пристава, отъ себя при-стали арестантамъ и чаю и кой-чего изъ съѣстнаго, что нашлось на ихъ кухнѣ. Между тѣмъ, на другой день, т. е. 13 Октября, на сходкѣ на дворѣ новаго университета въ пользу арестованныхъ набрали 139 руб., которые сей-часъ-же взяли, нѣсколько студентовъ, развести по частямъ; развозивше эти деньги, во всѣхъ частяхъ получали одинъ отвѣтъ что здѣсь студентовъ нѣтъ; а полицмейстеръ Сечинскій клялся и божился на всевозможныя манеры, что арестованные ни въ чемъ не нуждаются.

Коммиссія, состоявшая изъ чиновника особыхъ порученій Савельева, жандармскаго полковника, инспектора студентовъ Шестакова и субъ-инспектора Боброва, начала ѣздить по частямъ, на другой день, и допрашивать студентовъ. Вопросы студентамъ предлагались слѣдующіе:

- 1) Участвовали-ли въ составленіи прошенія государю?
- 2) Были-ли на сходкахъ въ университетскомъ саду?
- 3) Говорили-ли тамъ рѣчи?
- 4) Сочувствуютъ-ли подачѣ прошенія?
- 5) Зачѣмъ шли къ дому губернатора?
- 6) Сочувствовали-ли этому движенію?
- 7) Случайно или не случайно попали на площадь?
- 8) По убѣжденію шли на площадь или по увлеченію?

Особенно безобразно, нахально велъ себя Савельевъ: онъ допрашивалъ студентовъ такимъ тономъ, какимъ николаевскій генералъ разговаривалъ бывало съ своими солдатами, угощая ихъ по временамъ въ усь да въ рыло, этого послѣдняго только и не доставало въ допросѣ Савельева.

Не смотря на крючковатые допросы Савельева, дѣло однако окончилось тѣмъ, что всѣхъ вятыхъ студентовъ выпустили, продержавши человекъ 30 три недѣли.

Для характеристики профессоровъ прибавляю слѣдующее. Пока правительственная коммиссія судила студентовъ, судомъ надъ ними занималась другая тайная добровольная коммиссія изъ профессоровъ и заранѣе рѣшила однихъ исключить совсѣмъ изъ университета, другихъ на годъ и т. д. Студенты оправданные правительствомъ, понесли наказанія отъ попечителя, которому профессора-инквизиторы подали списокъ приговоренныхъ ими жертвъ. Кажется, прибавлять къ этому еще ничего. Въ сравненіи съ профессорами, Тучковъ оказывается героемъ, жандармы увѣвающимиися юношами, профессора логически пришли къ послѣднему выводу теоріи историко-органическаго процесса, т. е. сдѣлались жандармами.

Одинъ изъ читателей *Колокола*.

ИЗЪ ВІТЕБСКА ДО КОВНА.*

(1861.)

Варшавскія событія, положившія такое клеймо и на приказывающихъ и на исполняющихъ, моментально потрясли все пространство отъ Одера до Днѣпра, отъ западной Двины до степей Малороссіи. Не будемъ говорить о сочувствіи, объ участіи, которыя нашлись всюду—не только въ родныхъ сердцахъ, разбросанныхъ и разсѣянныхъ по всему свѣту—но и въ душахъ чужихъ, а прослѣдимъ только вкратцѣ какъ оразились эти происшествія въ старой Литвѣ, которую

* Письмо это, такъ живо представляющее состояніе края, писано полякомъ по русски; мы не хотѣли измѣнить оригинальный слогъ автора, не смотря на то, что мѣстами онъ неправиленъ.—Ред.

правительство при своей вѣчной системѣ усыпленія невольно разбудило и подняло на новую жизнь, какъ потомъ это правительство стало поправлять свою ошибку и преслѣдовать чувства оскорбленной религіи и человѣческаго права и опишемъ по возможности всю эту драму, очень легко могущую перейти въ страшную трагедію....

На третьей или четвертой станціи за Смоленскомъ на западъ, перерывается разомъ все, что напоминаетъ русскую народность. Вамъ торжественно объявить станціонный смотритель, что вы вѣзжаете въ Польшу; даже не услышите смолкнувшее за полчаса “съ горки на горку, баринъ дастъ на водку,” и новый ямщикъ вашъ, грустно покачиваясь на тряскихъ козлахъ перекладной, развѣ мурлыкнетъ изрѣдка какую-то, русскому незнакомую потку, потку грустную—потому, что ему грустно, а пріѣхавши на станцію апатично попросить у вась не на чай—а на водку, потому, что дѣйствительно лечить горе сивухой! Рѣже встрѣчаются православныя церкви, да и тѣ по большей части, старательной рукой св. синода, передѣланныя изъ костеловъ, чаще встрѣчаются какія-то развалины вмѣсто жилищъ человѣческихъ, корчмы, т. е. шинки гдѣ корчмарь насильно поить, словомъ сказать картина пустынная, грустная!

Это Бѣлорусь подъ властію русскаго правительства и подъ властію своихъ добрыхъ помѣщиковъ, это та страна, которою любовалась Екатерина, когда изволила проѣзжать чрезъ вновь приобрѣтенныя земли.

Не представлю вамъ полную картину того, что теперь дѣлается, чтобы по невѣденію не впасть въ ошибку, а буду говорить о томъ, что или самъ видѣлъ или знаю изъ источниковъ вѣрныхъ....

И такъ мы начали отъ Бѣлоруссіи и постепенно будемъ приближаться къ теперешнимъ границамъ Царства Польскаго. Первый городъ на нашей дорогѣ будетъ Витебскъ. Нужно сказать, что это такая “смѣсь одеждъ и лицъ,” что во всѣ времена прошлыя и будущія, едва-ли что можно ожидать отъ этого города. Это безцвѣтная личность, безъ своего мнѣнія и голоса, это хаосъ, въ которомъ милые, зимніе романы развязываются лѣтомъ, гдѣ судятъ и рядятъ, гдѣ рѣшаютъ, при билліардѣ и картахъ, европейскіе вопросы не останавливаясь. Половина жителей поляковъ,—но вѣдь страшно потерять ласку у начальника и показаться полякомъ! Впрочемъ и тамъ нашлось нѣсколько людей помнящихъ народность и обязанности выходящія изъ круга ежедневныхъ. При первыхъ жертвахъ варшавскихъ и тамъ нашлись нѣкоторые—которые заговорили о несправедливости, даже рѣшились помолиться за жертвы безначалія и тираніи, за жертвы добрыхъ, благородныхъ чувствъ! Торжественное служеніе совершилось въ костелѣ, но вотъ ксендза потребовали въ Петербургъ, чиновникамъ дало начальство выговоръ и, на другой день, по прежнему закрипѣли въ канцеляріяхъ перья, по прежнему стали вечеромъ веселиться... А намъ не довеселя—поѣдемъ далѣе....

Вотъ на дорогѣ уѣздный городъ Орша. Если захотимъ съѣздить въ губернский городъ Могилевъ, то 5 час. дороги—да лучше съ дороги сворачивать не будемъ; а если хотите, чтобы Могилевъ представить—извольте! Это въ послѣднее время сталъ весьма хорошенекій городокъ.* Много костеловъ,

* При названіи этого города должно вспомнить русскому своего мученика Муравьева-Апостола: Когда его скованнаго привели передъ Остенъ-Сакена, и когда Сакенъ сталъ бѣсноваться, вышывая красныя слова, то Муравьевъ потрѣсъ оковы отъ сдержаннаго волненія, плюнулъ на Сакена и повернулся къ выходу.

[Изъ разсказа стараго капитана конвоированнаго Муравьева до Петербурга.]

въ которыхъ не забываютъ молиться о братьяхъ, много начальства, которое не забываетъ за это тиснуть, много артиллеріи въ городѣ и въ сѣдствіяхъ, въ которой большая часть сочувствуетъ бѣдѣ общей, превосходно думаетъ, но неизвѣстно какова будетъ еще при развязкѣ! Впрочемъ думаю, что такъ какъ это все молодежь воспитанная въ идеяхъ новыхъ (все сослуживцы, за половину которыхъ головой можно поручиться), то и будетъ вѣрна новому поколѣнію и доброму поколѣнію старому, которымъ хомутъ ужъ поватеръ плечи!...

Такъ мы остановились въ Оршѣ.

Въ одно прекрасное утро съѣхалось все сѣдство для выбора посредниковъ. Было воскресенье, масса народу собралась въ костелъ. Кстати пріѣхало челоѣкъ сорокъ студентовъ изъ Горы-Горекъ, института расположеннаго верстъ 50 отъ Орши. Было роздано народу множество экземпляровъ патріотическаго гимна—и вотъ, въ извѣстную минуту, почти всѣ пали на колѣна и гимнъ этотъ зазвучалъ подъ сводами храма. Кто не умѣлъ читать, помогалъ безсловной потой; кто не имѣлъ въ рукахъ экземпляра, смотрѣлъ въ тетрадку сосѣда. Все это сдѣлалось такъ неожиданно, что городничій растерялся и не зналъ что дѣлать. Думалъ, думалъ, и вотъ что придумалъ: окружилъ костелъ инвалидными солдатами, изъ которыхъ половина, какъ католики, была въ костелѣ и велѣлъ никого не выпускать послѣ служенія. Видно было какъ конфузились солдаты, однако подѣ строгимъ взглядомъ городничаго приступили къ исполненію приказанія.

Тогда одинъ офицеръ (не назовемъ его) вышелъ изъ костела, крикнулъ на солдатъ, и велѣлъ имъ разойтись, что сей часъ-же и было исполнено—а сконфуженный городничій остался на мѣстѣ одинъ, однако не упалъ духомъ. Подозрѣвая, что всему виною студенты, отправился на паромъ, которымъ нужно переправляться на дорогу въ Горы-Горки и сталъ дожидаться. Конечно, студенты не торопились, имѣя дѣла въ городѣ, но вотъ наконецъ къ вечеру собрались у паромъ. Никто не могъ переѣхать не объявивъ фамилію и вотъ въ записочкѣ городничаго явились всевозможные Абдуль-Меджиды, али, башни-абдулы, и пр., пр., словомъ цѣлый магометанскій міръ, о которомъ и пошло донесеніе къ губернатору. Конечно, магометанъ не наши, надъ городничимъ посмѣялись, потому что онъ былъ вовсе не злой челоѣкъ, а ошалѣлъ бѣдникъ, офицера скомаиновавшаго въ суматохѣ не примѣтили, такъ и кончилось!

По кони готовы, ѣдемъ въ Борисовъ, первый на границѣ Литвы городъ. На дорогѣ поговоримъ съ мужичкомъ:

— Какой ты братецъ вѣры, католикъ или православный?...

Мужичекъ почешетъ за ухомъ, да и скажетъ:

— Отецъ-то мой католикъ, да я-то православный!...

— А развѣ не стыдно вѣру перемѣнять?...

— Такъ, что-же, панъ, дѣлать? Упирался, такъ становой забилъ въ колодки, да и отослалъ въ острогъ въ городъ! И тамъ упирался,—дали 100 лозъ... ну сила соломѣ ломить....

Но вотъ и Борисовъ. Оглянемся теперь немного назадъ. Что предприняло правительство, когда узнало, что и мекинка бѣлорусская начинаетъ шевелиться?

Хоть половину правды не узнало, однако подумавши, за-благоразсудило молчать и велѣло только примѣчать, чтобы не скомпроментироваться, что страна, которую оно привыкло считать такою тихою и раболѣпною, не хочетъ съ нимъ

согласиться въ мнѣніи. Однако молчаніе не помогло, потому что всѣмъ извѣстно какъ помѣщикъ Богушко, за свой адресъ къ царю, скрѣпленный не однимъ подписомъ, отдавъ подъ судъ и къ горю добрыхъ людей вѣрно побѣдетъ туда-куда Макаръ телятъ не гонялъ! Вѣдь у петербургскихъ нѣмцевъ все такъ живо дѣлается, что и есть ихъ отличительная черта отъ нѣмцевъ вѣнскихъ!.....

Но между тѣмъ мы такъ заболтались, что не видимъ какъ привѣтливо запрашиваетъ трактирная вывѣска Юзефа Борисовскаго, метръ-дотеля, немного отдохнуть послѣ дороги.

... Ну а что-же въ окрестностяхъ Борисова дѣлается?

О, тамъ не очень боятся, даже не смотрятъ на исправника Борисовскаго, сбившаго денгу, какъ на примѣръ слѣдующимъ манеромъ. Пользуясь правомъ по прихоти забивать въ колодки, въ одинъ прекрасный день взялъ съ одного старовѣра, невишно осужденнаго, 800 руб. сер. за то, чтобы не вести его въ колодки до губернскаго города! Конечно старовѣръ дорожилъ собою и могъ заплатить, а сколько бѣдныхъ, дыравыхъ шкуръ на этой исправницкой совѣсти!... Въ Борисовѣ, въ уѣздѣ оособенно встрѣтитесь уже со всевозможными складами въ пользу пострадавшихъ, увидите вездѣ прибитыя объявленія объ отобраніи оружія съ прибавленіемъ дружескихъ наставленій, и невольно подумаешь:

“Ага, тутъ уже тусу празднуетъ правительство! Чего-же оно такъ боится, если оно такъ свято, какъ проповѣдуетъ? Вѣдь сумашедшими могутъ быть 2, 3, а не цѣлая масса, тутъ что-то не чисто, нужно хорошенько рассмотреть это! а для того наденемъ свитку (мужицкій кафтанъ) и пойдемъ въ корчму посмотрѣть что тамъ дѣлается!”

Вотъ поодаль сидятъ трое мужичковъ за пивомъ, подсядемъ ближе да послушаемъ о чемъ бесѣда идетъ. Переведемъ эту бесѣду на русскій языкъ:

— А что Франкъ, отдалъ ты свое ружье? спрашиваетъ старичекъ.

— Гдѣ тамъ, зарылъ; вѣдь 3 руб. заплатилъ, жалко, ну да и часъ такой что пригодится.....

— Что тамъ пригодится! говорить съ недовѣрчивостію другой молодой.

— Э братъ, не говори такъ! перерываетъ старичекъ; вотъ я слышалъ, что весной придетъ какой-то заморскій Галибардій, чтобъ намъ волю дать, а то ладу нѣтъ съ панами, ни съ начальствомъ.

— Я слышалъ, говорить Франкъ, что и паны его ждутъ! чтобъ не было тутъ какого обмана!

— По какому обману, все свой человекъ панъ, все легче поладить чѣмъ съ начальствомъ. Поклонимся, можегъ быть и сдѣлаютъ; не сдѣлаютъ, такъ ихъ мало—насъ много!...

— Оно хорошо, перерываетъ другой молодой, да какъ прійдугъ потомъ наказывать за это.....

— Ге! что тамъ наказывать! такъ и имъ можно свадьбу справить, а то больно ужъ разумничаютъ. Эхъ! не тѣ стали паны—что въ польскія времена были, что-то ужъ больно туги дѣлаются! А все свое, жалъ обижать—потерпимъ!

— Да плохи, времена! отзывается молодой, бѣда сущая, не знаешь куда тянуть!.....

Въ это время входитъ какой-то незнакомый съ узелкомъ за плечами и садится въ кружокъ мужичковъ у огня. Всѣ поглядываютъ съ недовѣріемъ.....

(Окончаніе въ слѣдующемъ листѣ.)

С М Ъ С Ъ.

— *Латышевъ* (см. кол. л. 127).— Мы получили письмо въ защиту г. *Латышева* противъ письма объ немъ помѣщеннаго въ 24 листѣ “Будущности”. Мы передавая существенную часть письма, находимся въ необходимости отбросить всю полемику, которая дѣлу не помогаетъ, а мѣста беретъ много.

Въ 24 Но. “Будущности” помѣщено письмо херсонскаго помѣщика, въ которомъ онъ говоритъ, что товарищъ предсѣдателя херсонской гражданской палаты Латышевъ, лишилъ Криличевскаго вліянія на гражданскую палату, а вмѣсто его сошелся съ Зеленскимъ, у котораго квартируетъ, и Вейсбинымъ—изъ коихъ первый взявъ въ палатѣ списокъ лицъ, имѣющихъ дѣла, отправился въ Одессу и заключилъ съ нѣкоторыми весьма выгодныя для себя и слѣдовательно для Латышева условія.

Мы не будемъ опровергать того, что Зеленскій бывшій въ Одессѣ, нѣкоторымъ лицамъ, имѣющимъ дѣла въ палатѣ предлагалъ свои услуги, и что эти лица заключили съ Зеленскимъ выгодныя для него условія, но не понимаемъ, что за польза Латышеву изъ выгодныхъ условій Зеленскаго и кромѣ сего по собраннымъ нами вѣрнѣйшимъ свѣдѣніямъ оказывается, что Зеленскій со времени назначенія Латышева въ палату, въ продолженіи 1860 и 1861 годовъ ходатайствовалъ по слѣдующимъ дѣламъ: 1) О взысканіи одесскимъ мѣщаниномъ Кирилломъ Мясновымъ съ архитектора Торичелли за произведенныя въ домѣ послѣдняго работы 1,304 р. с. и 2) по претензіи жены коллежскаго секретаря Кодрянова, одесскаго купца Якова Черепеникова за невыдѣлъ ей наслѣдственной части изъ имѣнія дяди ея Александра Черепеникова. По первому дѣлу Зеленскій ходатайствовалъ по уполномочію повѣреннаго Торичелли купца Серебряннаго, дѣло рѣшено въ пользу Мяснова и по объявленіи другою стороною неудовольствія, Зеленскому выдано изъ палаты апелляціонное свидѣтельство. Въ настоящее время дѣло въ сенатѣ по апелляціи Серебряннаго; по второму дѣлу рѣшеніемъ палаты остался недоволенъ повѣренный Черепеникова тотъ-же Зеленскій. Дѣло это еще въ палатѣ. Кромѣ этихъ двухъ дѣлъ Зеленскій ходатайствовалъ въ канцеляріи, по безъ уполномочія, по дѣламъ: одесскаго купца Герценштейна съ еврейскимъ казеннымъ училищемъ о 480 руб. Это дѣло рѣшено въ пользу Герценштейна, со стороны коего хлопотали Зеленскій и купецъ Фихтенгольцъ. Въ послѣднемъ дѣлѣ разрѣшался вопросъ: подлежитъ-ли оно рассмотрѣнію коммерческаго суда или обыкновенныхъ судебныхъ мѣстъ. Палата признала дѣло это подлежащимъ коммерческому суду и сенатъ утвердилъ рѣшеніе палаты.

Вотъ не голословное, по фактическое изобличеніе въ клеветѣ херсонскаго помѣщика. На чемъ основывался онъ, выводя такое обидное для Латышева заключеніе?

Что Латышевъ лишилъ еврея Криличевскаго, какъ выражается херсонскій обличитель, вліянія на гражданскую палату, это дѣлаетъ ему честь. Криличевскій при бывшемъ предсѣдателѣ гражданской палаты Геро, бралъ съ лицъ имѣющихъ дѣла въ палатѣ деньги. Такимъ образомъ составила репутація Криличевскаго какъ адвоката, хотя онъ столько-же знакомъ съ гражданскими законами, сколько съ законами небесной механики.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ЮЖНЫМЪ СЛАВЯНАМЪ.

Намъ пишутъ : “ Русское правительство опять выслало къ южнымъ славянамъ цѣлую ватагу агентовъ, дипломатическихъ, духовныхъ и военныхъ. Число ихъ простирается отъ 26 до 32 человекъ. Они проѣхали черезъ Яссы въ 22, 24 и 25 числахъ Февраля, по старому стилю, отправились всѣ въ Бухарестъ, откуда одни должны были направиться на Видинъ, другіе на Травникъ и на Сливну. О дальнѣйшемъ ихъ назначеніи, мы до сихъ поръ ничего не знаемъ.”

И такъ русское правительство опять принялось за старую, измѣническую игру, противъ которой мы должны предупредить нашихъ братьевъ славянъ, какъ южныхъ такъ и западныхъ. Мутить славянъ во имя единовѣрія и единоплеменности, увлекать ихъ лъстивыми обѣщаніями всеильнаго покровительства и помощи, а потомъ безжалостно предавать ихъ на произволъ жестокихъ враговъ, было со временъ Петра I-го, и по сей день, любимую забавою петербургскаго двора. Мы русские, идущіе воли, приверженцы народа русскаго, а потому самому враги русскаго, или вѣрнѣе нѣмецкаго правительства въ Россіи, мы, дѣйствительно желающіе свободы и независимости всѣхъ славянскихъ племенъ, и вѣрующіе въ ихъ будущую свободную федерацію, считаемъ себя обязанными сказать во услышаніе всѣхъ славянъ, что они сдѣлаютъ огромную ошибку, погубятъ себя, если вѣрятся вновь попеченіямъ петербургскаго правительства. Нѣмецкій Петербургъ также гибеленъ для славянъ, какъ Берлинъ и Вѣна. Петербургъ связанъ неразрывно съ нѣмцами, раздѣленіемъ и притѣсненіемъ Польши. И такъ, пока мы русскіе подчиняемся этому правительству, пока не подадимъ руку примиренія и братской любви возстановленному народу польскому, пока не пойдемъ дружно съ поляками на освобожденіе славянъ, до тѣхъ поръ ничего добраго не ждите отъ Россіи. Сама раба и жертва нѣмецкаго обмана, она вамъ теперь, кромѣ обмана и рабства ничего дать не можетъ. Прійдетъ время, и кажется скоро, вы услышите о вольномъ русскомъ народѣ, тогда вѣрьте въ его несомнѣнную дружбу и въ его крѣпкую помощь. А до тѣхъ поръ, уповайте болѣе всего на себя, на непреклонность несломленнаго духа вашего и на свою отважную рѣшимость. Ищите силы въ твердомъ и вѣрномъ союзѣ всѣхъ сосѣднихъ славянскихъ племенъ, страдающихъ нынѣ равно съ вами подъ гнѣтомъ турецкимъ и австрійскимъ. Булгары, босняки, черногорцы, сербы, хорваты, словены, далматы, сплотитесь въ одну фалангу, да не сломиетъ васъ никакая турецкая сила и никакая австрійская подлость. Вамъ нужны союзники? Подайте руку сосѣдамъ вашимъ румынамъ, армянамъ, нынѣ также возставшимъ за свою самобытность, даже грекамъ, пангелленскія стремленія которыхъ ни чуть не страшны.

А вамъ дайте сначала освободиться у себя дома. Потомъ не станетъ дѣло и за нашею помощью.

М. Бакунинъ.

— *Солидарность съ нѣмцами.* — Русское войско было опозорено образчиками, высланными на похороны славянскаго палача *Виндишгреца*... Бѣдное русское войско! Отчего Англія, отчего Франція не посылаютъ никакихъ депутатовъ хоронить Гейнау, Виндишгреца и подобныхъ имъ изверговъ въ бѣломъ мундирѣ, а русскій Кейзеръ посылаетъ!

— *Преступные мальчишки въ Твери.* — Въ Тверской гимназій былъ 16 Февраля спектакль и танцевальный вечеръ. Между танцующими была жена капельмейстера, который дирижировалъ оркестромъ. Жены—подьячихъ и разночинцовъ, помѣщицы и офицерши, нашли несомнѣннымъ съ ихъ высокимъ общественнымъ положеніемъ участіе въ балѣ жены капельмейстера. Мерзавцы, школьники благороднаго шляхетскаго происхожденія, “ подошли къ дамѣ и требовали, чтобы она вышла вонъ. Бѣдная женщина, униженная и испуганная ими, со слезами на глазахъ поспѣшила показать имъ билетъ въ свое оправданіе и, конечно, мало помогла дѣлу : ее грозили вывести, если она не выйдетъ добровольно. Скандалъ обратилъ на себя общее вниманіе и въ то время, когда дама съ своей сестрой выходила изъ залы, пансионеры закричали : “ Браво” !..*

Этотъ отвратительный фактъ, сдѣланный именно въ теперичную эпоху, не долженъ пройти, не оставивъ позорнаго клейма на мерзкихъ мальчишкахъ и на еще больше мерзкихъ воспитателяхъ ихъ.

Кто были эти *будущіе* — воры-чиновники, крѣпостники-помѣщики, которые подошли къ дамѣ съ наглой рѣчью? кто кричали “браво”, слезамъ обиженной женщины? Несовершенство нисколько не покрываетъ ихъ, они поступили очень сознательно. Пусть-же ихъ какъ ядро каторжника провожаетъ укоръ и порицаніе. Это облегчить однимъ изъ нихъ очиститься искусомъ и покаяніемъ, другимъ скорѣе попасть въ чиновники III отдѣленія, сдѣлаться тиранами-помѣщиками или варварами-офицерами.

Мы просимъ списокъ негодяевъ.

— Брошюра вышедшая въ Берлинѣ у Бера подъ заглавіемъ *Письмо А. И. Герцена къ русскому послу въ Лондонъ съ отвѣтомъ и пр.*, дозволена въ Россіи и говорятъ, сильно расходуется. За такую услугу нашему дѣлу, и лично мнѣ, можно охотно подвергнуться гониміямъ автора письма А. Герцена “съ отвѣтомъ и нѣкоторыми примѣчаніями”. Снять виноградный листъ цензуры съ имени человека—это полвозвращенія правъ гражданства; перестать быть намекомъ, крѣпкимъ словомъ, котораго въ печати не употребляютъ—равняется побѣдѣ.

— Второй выпускъ *Полярной Звѣзды на 1862*, выйдетъ въ Маѣ мѣсяцѣ, въ немъ будутъ помѣщены *Отрывки изъ Записокъ Н. А. и М. А. Бестужевыхъ; Выдержки изъ Записокъ одного Недекабриста; Императоръ Александръ I и В. И. Каразинъ (Искандеръ)*, и проч.

— *Отъ издателей.*—Сорокъ одинъ фунтъ, пять шиллин. для извѣстнаго назначенія съ величайшей благодарностью получили.

— Намъ просить напечатать, у какихъ книгопродавцевъ въ Англіи можно получать *Колоколъ*. Вотъ нѣкоторыя имена: CH. MUQUARDT, Bruxelles; FERD. CLASSEN, Bruxelles; ALBERT DETKEN, Naples; CH. SCHIERATTI, Turin; G. DAELLI, Milan; F. SCHIMPF & Co., Constantinople; H. GEORG, Gèneve; PERTHES, BESSER & MAUKE, Hamburg; FR. ASSCHENFELD, Lubeck; CH. JUGLA, Nice.

* М. Тетеръ, Тверь, 17 Февраля. (Изъ письма въ Редакцію Моск. вѣд.)

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM,

КОЛОКОЛЪ

VIVOS VOCO!

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ.
Цѣна 6 пенсовъ. Получается въ Вольной
Русской Типографіи, 136 & 138 Caledonian
Road, N.

ЛИСТЬ 129.

15 АПРѢЛЯ 1862.

У Триюбера & Со. въ книжной лавкѣ,
60, Paternoster Row, и у Tchorzewski,
1, Macclesfield Street, (Gerrard Street),
Soho, London. Price six-pence.

(WITH SUPPLEMENT NO. 10.)

О ГЛАВЛЕНІИ.—ПРОФЕССОРА ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА И ПАВЛОВА—ПРОТОКОЛЫ ТВЕРСКАГО ДВОРЯНСТВА—ФИНАНСОВАЯ РЕФОРМА
въ Россіи (Окончаніе)—Изъ Витебска до Ковна (Продолженіе). Смѣсь : Земной шаръ и Мерзевичъ—Отъ Редакции.

АДРЕССЪ,

ПОДАННЫЙ ПРОФЕССОРАМИ ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА
МИНИСТРУ ПРОСВѢЩЕНІЯ.

В. П.

Объявленіе въ “Сѣверной Почтѣ” высылка г. Павлова, бывшаго товарищемъ нашимъ по чтенію публичныхъ лекцій и многихъ изъ насъ по университетской службѣ, глубоко насъ поразила и огорчила. Обращаемся къ в. пр. Насъ побуждаетъ съ одной стороны чувство любви и уваженія лично къ г. Павлову, а съ другой наша собственная безопасность и потребность, касающаяся важнаго общественнаго дѣла. Мы знаемъ г. Павлова, какъ человѣка болѣзненнаго, онъ нуждается въ попеченіи близкихъ лицъ. Это одно уже обязываетъ насъ быть къ нему внимательными. Сверхъ того не только намъ, но и всей образованной Россіи, г. Павловъ извѣстенъ какъ личность, достойная уваженія, по своей прошедшей профессорской дѣятельности и по той инициативѣ, которую онъ принималъ въ устройствѣ воскресныхъ школъ. Мы просимъ в. пр. исходатайствовать ему немедленное перемѣщеніе изъ Ветлуги къ Нижній Новгородъ, гдѣ у него находятся родные и способствовать зависящими отъ васъ средствами къ скорѣйшему освобожденію его изъ подъ надзора полиціи.

Затѣмъ считаемъ долгомъ обратить вниманіе ваше на другую сторону вопроса о г. Павловѣ, которая касается уже не одной его личности.

Г. Павловъ наказанъ безъ суда и слѣдствія. “Сѣверная Почта” объявила, что онъ наказанъ за то, что съ цѣлью возбудить неудовольствіе противъ правительства, дозволилъ себѣ на публичномъ чтеніи выраженія и возгласы, не пропущенныя цензурою. Если, быть можетъ, онъ употребилъ въ чтеніи лишнія слова и обороты, но односмысленные съ тѣми, которые падалились въ рукописи, то это было неизбежно при изустномъ изложеніи мысли.

Только безпристрастный судъ могъ бы раскрыть дѣйствительно-ли отклонился г. Павловъ отъ смысла того, что было ему пропущено цензурою въ рукописи, и если отклонился, то въ какой степени и по какимъ побужденіямъ.

Мѣра-же избранная правительствомъ и опубликованная въ “Сѣверной Почтѣ”, по нашему мнѣнію, безусловно оправдываетъ его въ глазахъ общества и клонится именно къ тому, въ чемъ обвиняется г. Павловъ—къ возбужденію неудовольствія

Годъ VI.

противъ правительства. Происшествіе съ г. Павловымъ ставить въ опасное положеніе всѣхъ, кто только рѣшится читать какое-нибудь сочиненіе въ публичномъ собраніи. Человѣкъ, самый благонамѣренный, можетъ каждую минуту опасаться, что сказанное имъ публично будетъ перетолковано въ смыслъ возбужденія неудовольствія противъ правительства, иногда по неразумію, иногда-же по личной враждѣ къ нему, и онъ безъ суда и слѣдствія будетъ разлученъ съ семьей и мѣстомъ жительства и отправленъ въ ссылку. По этому не удивительно, что публичныя чтенія, должны у насъ представлять величайшія затрудненія для читающихъ, и какое-нибудь постороннее обстоятельство въ состояніи нарушить правильное ихъ теченіе, какъ это случилось въ послѣднее время.

Мы желаемъ, чтобы намъ дозволили спокойно и безопасно служить наукѣ и дѣлу общественнаго образованія, а потому считаемъ себя вправе просить в. пр. исходатайствовать, чтобы обвиняемые въ намѣреніи возбудить неудовольствіе противъ правительства посредствомъ публичныхъ чтеній, не иначе подвергались-бы наказаніямъ, какъ по приговору суда. В. пр. принявъ на себя управленіе ходомъ русскаго просвѣщенія, конечно присоедините вашъ голосъ, къ нашему справедливому желанію.

Отъ Ред. Говорятъ, что Павловъ переведенъ въ Нижній.

ПРОТОКОЛЫ

ЗАСѢДАНІЙ ТВЕРСКАГО ДВОРЯНСКАГО СОБРАНІЯ.

1862 года Февраля 1-го дня, въ засѣданіи Тверскаго чрезвычайнаго губернскаго собранія дворянства, обсуждалось слѣдующее предложеніе: обязательное предоставленіе крестьянамъ земли въ собственность, съ вознагражденіемъ помещиковъ при содѣйствіи правительства, *не можетъ считаться нарушеніемъ права собственности*, а представляетъ единственное средство обезпеченія общественныхъ и имущественныхъ интересовъ дворянства. Предложеніе это, подвергнутое баллотировкѣ, было принято большинствомъ 113 голосовъ противъ 22.

Февраля 2-го. Дворянство признаетъ необходимымъ созваніе выборныхъ отъ всего народа, безъ различія сословій, для рѣшенія всѣхъ частныхъ и государственныхъ вопросовъ, вызываемыхъ настоящимъ критическимъ положеніемъ дѣла. Приято большинствомъ 126 голосовъ противъ 27.

Послѣ разсужденія о цифрѣ, какая можетъ быть опредѣлена за выкупаемыя крестьянами, вышедшими изъ крѣпостной зависимости, въ собственность полевыхъ угодья, былъ подвергнутъ балотировкѣ вопросъ: слѣдуетъ-ли въ настоящихъ засѣданіяхъ балотировать цифру, положительно опредѣляющую выкупную сумму за полевые угодья, приобретаемыя крестьянами въ собственность? Вопросъ принятъ отрицательно 106 голосами противъ 42.

Послѣ разсужденія о сословныхъ правахъ и преимуществахъ, которыми дворянство пользовалось до приведенія въ исполненіе высоч. утв. 19 Февраля 1861 года положенія о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, были возбуждены два вопроса: 1-ый о томъ, не слѣдуетъ-ли отказаться отъ сословныхъ правъ и обязанностей, предоставленныхъ дворянству въ отношеніи сбора и расхода денежныхъ и отпущенія натуральныхъ земскихъ повинностей, съ обращеніемъ послѣднихъ въ денежную? 2-ой о томъ, слѣдуетъ-ли дворянству теперь-же отказаться отъ сословныхъ дворянскихъ выборовъ или не слѣдуетъ, при предстоящемъ измѣненіи законоположеній, относительно существовавшихъ донныхъ правъ и преимуществъ дворянства. Приняты положительно большинствомъ: 1-ый 111 голосами противъ 38; 2-ой 123 противъ 22.

Февралъ 3-ю. По всестороннему обсужденію вопроса объ устройствѣ земскаго банка, собраніе пришло къ слѣдующимъ соображеніямъ: 1) Необходимость поземельнаго кредита въ настоящее время обуславливается только сохраненіемъ обязательныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами, потому что въ кредитъ нуждаются одни помѣщичьи хозяйства, а съ уничтоженіемъ всякихъ обязательныхъ отношеній, дворянство получить капиталы, которые устроятъ на долгое время потребность въ поземельномъ кредитѣ, для поддержанія существующихъ хозяйствъ. 2) Дворянство убѣждено въ несостоятельности обязательныхъ отношеній съ крестьянами и въ крайней необходимости прекратить ихъ, посредствомъ предоставленія крестьянамъ поземельныхъ надѣловъ въ полную ихъ собственность, при содѣйствіи всего государства. 3) Для возрожденія кредита необходимы слѣдующія реформы: а) преобразование финансово-управленія въ томъ смыслѣ, чтобы оно зависѣло отъ народа, а не отъ произвола; б) учрежденіе независимаго и гласнаго суда, безъ котораго невозможенъ не только частный кредитъ, но и государственныи и в) введеніе полной гласности во всѣхъ отрасляхъ государственнаго и общественнаго управленія. Безъ этой гласности не можетъ быть никакого довѣрія къ правительству и слѣдовательно и къ прочности общественнаго порядка. 4) Кромѣ всѣхъ этихъ реформъ, нужно уничтоженіе тѣхъ враждебныхъ отношеній между сословіями, которыя являются слѣдствіемъ законоположеній 19 Февраля 1861 года, возбуждавшихъ только вопросъ объ освобожденіи крестьянъ, но не рѣшившихъ его окончательно. Уничтоженіе антагонизма сословій можетъ быть произведено не иначе, какъ ихъ полнымъ сліяніемъ. Дворянство, будучи глубоко проникнуто сознаниемъ безотлагательной необходимости выйти изъ этого антагонизма и желая уничтожить всякую возможность упрека въ томъ, что оно составляетъ преграду на пути общаго блага, объявляетъ предъ лицомъ всей Россіи, что оно отказывается отъ всѣхъ своихъ сословныхъ привилегій, согласно протоколу отъ 2 Февраля чрезвычайнаго собранія, и не считаетъ

нарушеніемъ правъ обязательное предоставленіе крестьянамъ земли въ собственность, согласно означенному протоколу, съ вознагражденіемъ помѣщиковъ при содѣйствіи государства. б) Осуществленіе этихъ реформъ невозможно тѣмъ путемъ правительственныхъ мѣръ, которыми до сихъ поръ двигалась наша общественная жизнь. Предполагая даже полную готовность правительства произвести реформы, дворянство глубоко проникнуто тѣмъ убѣжденіемъ, что правительство не въ состояніи ихъ совершить. Свободныя учрежденія, къ которымъ ведутъ эти реформы, могутъ выйги только изъ самаго народа, а иначе будутъ одною только мертвою буквою и поставятъ общество въ еще болѣе натянутое положеніе. Посему дворянство не обращается съ просьбою къ правительству о совершеніи этихъ реформъ, но признавая его несостоятельность въ этомъ дѣлѣ, ограничивается указаніемъ того пути, на который оно должно ступить, для спасенія себя и общества. Этотъ путь есть—собраніе выборныхъ отъ всего народа, безъ различія сословій.

Протоколъ и адрессъ поручено составить комиссіи, состоящей изъ *Унковскаго, Бакунина, Европеуса, Кудрявцева и Кислинскаго* и рѣшившей дѣло единогласно.

Милые Трубникова, принятое единогласно: опубликованіе адреса и всѣхъ протоколовъ въ официальной части губернскихъ вѣдомостей, черезъ губернскаго предводителя и официальная передача этого адреса губернскимъ предводителямъ всей Россіи.

Предложеніе Глинки. Почетный попечитель тверской гимназіи и благороднаго при ней пансіона, содержимыхъ на счетъ дворянскихъ суммъ, жаловался на различныя упущенія директора и инспектора ихъ. Посему дворянство составило протоколъ (единогласно) о передачѣ этой жалобы мп. народ. просв. Посланный съ нею уполномоченъ всѣмъ дворянствомъ единогласно, на случай неисполненія просьбы дворянъ, подать жалобу объ этомъ въ сенатъ на министра народнаго просвѣщенія.

Если бы государь потребовалъ объясненій на поданный тверскимъ дворянствомъ адрессъ, то таковы объясненія будутъ даны отъ единогласно-уполномоченныхъ дворянствомъ слѣдующихъ лицъ: *Бровцына, Унковскаго и Бакунина*.

Мировые посредники Тверской губ. высказали правительству и обществу, что единственный исходъ изъ настоящаго положенія дѣлъ: обязательный выкупъ и установленіе общественного порядка на взаимномъ довѣріи между управляющими и управляемыми. Не считая себя вправе принять это убѣжденіе за руководство своей дѣятельности, пока само общество не подтвердитъ правильно-ли они сознали его потребности, посредники продолжали употреблять всѣ усилія для приведенія въ дѣйствіе закона 19 Февраля.

Тверское Дворянство въ собраніи 1862 г. 1 Февраля прошеніемъ къ государю заявило: 1) несостоятельность закона 19 Февраля; 2) необходимость предоставленія крестьянамъ земли въ собственность; 3) несостоятельность сословныхъ привилегій; 4) несостоятельность правительства удовлетворить общественнымъ потребностямъ и указало единственный, неизбежный къ тому путь: собраніе представителей отъ всего народа безъ различія сословій.

— Такое заявленіе среды общества, которая одна имѣетъ какую-либо возможность обсудить и высказать правительству свои потребности, подтверждающія вѣрность личнаго убѣжде-

нія, вынесеннаго посредниками изъ прямаго сношенія съ другой средой—крестьянами, дѣлается для посредниковъ, какъ слугъ общества, нравственно обязательнымъ, а потому мы считаемъ долгомъ принять эти убѣжденія за единственное руководство нашей дѣятельности и заявляемъ: что всякій образъ дѣйствій, противный этимъ убѣжденіямъ, признаемъ враждебнымъ обществу. Тверь, 5 Февраля 1862.

Членъ губернскаго присутствія, *Бакунинъ* .
Корчевскій предводитель дворянства, *Балкашинъ*.

ФИНАНСОВАЯ РЕФОРМА ВЪ РОССИИ.

Отрывокъ изъ находящагося въ печати сочиненія:

“ESSAI SUR LA SITUATION RUSSE,”

(Lettres à un anglais).

(Окончаніе).

Еслибы новое министерство финансовъ не держалось напередъ придуманной теоріи, оно разглядѣло бы фактъ, что система нашихъ сберегательныхъ банковъ, система кредита, преимущественно поземельнаго, за поручительствомъ государства,—существовала около столѣтія, не производя безпорядка въ нашемъ промышленномъ мѣрѣ; первый выводъ изъ этого наблюденія былъ бы покрайней мѣрѣ тотъ, что слѣдуетъ остановиться передъ фактомъ и разузнать его. Далѣе оно могло бы подвести фактъ подъ настоящую теорію, теорію математическую, и тогда оно пришло бы къ выводу, что, вслѣдствіе уравненія формулы сложнаго процента и формулы годовыхъ взносовъ (annuités),—всякій успѣхъ въ развитіи производительныхъ силъ, увеличивая запросъ на кредитъ, увеличивалъ бы вклады капиталовъ, не парушая уравненія, слѣдственно отнюдь не колебля состоятельность банковъ—этихъ посредниковъ между годовымъ взносомъ и сложнымъ процентомъ. Новое министерство могло бы увидать, что въ дѣйствительности, не только не было востребованія капиталовъ, помѣщеныхъ въ банки, но напротивъ того, число вкладовъ постоянно увеличивалось, такъ что ихъ сумма стала значительно превышать сумму ссудъ. Если это заставляло опасаться, что получения по ссудамъ не будутъ въ состояніи уравновѣшивать платежей по вкладамъ, то представлялось два способа помочь дѣлу: приостановить временно приемъ новыхъ вкладовъ, пока новыя ссуды не приведутъ дѣла въ равновѣсіе, или немедленно расширить кредитъ.* Послѣдній способъ былъ бы, конечно, самый рациональный, потому что онъ бы въ тоже время допустилъ большее приложеніе капитала къ производительности. Недостаткомъ въ системѣ банковъ была

* Около миллиарда ссуды, дававшей, кромѣ погашенія, 1% сверхъ процентовъ по вкладамъ, составляли около десяти милліоновъ годового дохода банковъ. Положимъ (не имѣя официальныхъ документовъ) что воспитательные дома содержали десять тысячъ воспитанниковъ, и что ежегоднаго расхода на каждого, было по 400 руб. (высшая плата за ученика въ частныхъ пансіонахъ), стало это составляетъ 4 милліона; да положимъ столько-же на содержаніе чиновниковъ, зданій и прочіе расходы самихъ банковъ, и того 8 милліоновъ руб. сер. въ годъ. Кромѣ, десяти милліоновъ премій, у банковъ оставалось около двухъ милліоновъ чистаго барыша. Мы видимъ, что отъ 1856 по 1859 годъ основные капиталы банковъ, возросли отъ 109,645,076 до 116,696,846, то есть на 7,051,770 р., или по 2,350,590 руб. въ годъ, и, слѣдственно никакого лишняго востребованія вкладовъ противъ полученій по ссудамъ не было; напротивъ вклады прирастали около 70 милліоновъ въ годъ. А priori—вѣроятности востребованія вкладовъ могли быть невыгодны для банковъ только въ томъ случаѣ, если потребность въ поземельномъ кредитѣ, т. е. возможность обратить вклады въ ссуды—уменьшалась бы, или уничтожалась. Опытъ доказываетъ, что вѣроятности востребованій были совершенно отрицательныя—до финансовой реформы, и здравый смыслъ указывалъ, что противъ опасности увеличенія вкладовъ единственною мѣрою было увеличеніе ссудъ, т. е. облегченіе условій кредита.

излишняя осторожность въ принятіи залоговъ; банки не давали въ ссуду даже половины стоимости залоговъ. Слѣдственно было средство облегчить употребленія капиталовъ, вмѣсто того, чтобъ прибѣгать къ пониженію процентовъ,—это средство состояло въ установленіи оцѣнки залоговъ болѣе правильной и болѣе сообразной съ дѣйствительностью.

Освобожденіе крестьянъ представляло удобный случай для рѣшенія задачи. Положимъ, что общинныя земли были-бы возвращены освобожденнымъ крестьянамъ, подъ условіемъ платить подать на равнѣ со всѣмъ остальнымъ крестьянствомъ; положимъ, что вознагражденіе помѣщикамъ, около миллиарда рублей, было-бы имъ выдано государственными обязательствами, приносящими проценты и погашеніе, подъ огибтственностью подати, равной годовымъ взносамъ; эти обязательства, основанныя на круговой поруцѣ податей, могли-бы служить новыми залогами по ссудамъ сберегательныхъ банковъ. Такое расширеніе поземельнаго кредита, гдѣ сберегательные банки могли бы безъ опасенія выдавать ссуду до трехъ-четвертей стоимости залоговъ, возвысили-бы поземельный кредитъ до его настоящаго, логичнаго значенія, до значенія учета стоимости производительныхъ силъ цѣлой страны. 1% лишній по ссудамъ противъ вкладовъ, по прежнему, покрывалъ-бы вѣроятности возврата по представленію—капиталовъ, помѣщаемыхъ безсрочно, и внезапный случай значительныхъ востребованій былъ-бы невозможенъ. Землевладѣльцы имѣли-бы деньги для земледѣлія. Ихъ прежній долгъ въ сберегательные банки могъ-бы быть уплачиваемъ годовыми взносами подъ залогъ земель, оставшихся въ ихъ владѣніи, или за поручительствомъ обществъ между ними составленныхъ, или вычитаемъ изъ поступившихъ къ залогу (поземельному учету), имъ принадлежащихъ государственныхъ обязательствъ,—смотря по мѣстнымъ и личнымъ удобствамъ. Крестьяне были-бы освобождены отъ всякой барщины и оброковъ; землевладѣльцы не обязанные, какъ теперь, употреблять на работу полу рабовъ, вошли-бы съ свободными общинами въ обоюдновыгодные договоры, которые естественно установили-бы способъ и цѣнность свободнаго труда. Наконецъ сберегательные банки могли-бы расширить кредитъ до выдачи ссуды крестьянскимъ общинамъ подъ круговую поруку, что не мало помогло-бы успѣхамъ земледѣлія. Отсюда, увеличенная производительность и слѣдственно увеличенный запросъ на кредитъ вызвали-бы увеличеніе вкладовъ въ сберегательные банки, а не востребованіе оныхъ, и только тогда уже, если-бы наплывъ вкладовъ все еще превосходилъ потребность ссуды, банки были-бы вынуждены понизить процентъ, потому что это доказывало-бы, что капиталъ сталъ дешевле.

Съ увеличеніемъ производительности, увеличился-бы вывозъ, и торговый балансъ не угрожалъ-бы обнищаніемъ края звонкою монетою, не смотря на увеличеніе ввоза, долею обусловленное пониженіемъ тарифа.

Операнія сберегательныхъ банковъ, состоявшія въ посредничествѣ между сложнымъ процентомъ и годовыми взносами, между капиталомъ и производительностью, происходили внутри государства, по прежнему употребили-бы бумажныя деньги какъ мѣповой знакъ, и кредитные билеты не упали-бы. Не было-бы никакой пужды извлекать ихъ изъ обращенія посредствомъ иностранныхъ займовъ. Сберегательные банки были естественною порукою въ цѣпности бумажныхъ

денегъ; они принимали вклады, получали уплаты и сами уплачивали бумажными деньгами. Ни одинъ человекъ не сомнѣвался, что сберегая столько-то рублей бумажными деньгами, онъ накопляетъ капиталъ, принимаемый сберегательными банками рубль за рубль. Съ возрастаніемъ производительности, не только нельзя было опасаться упадка кредитныхъ билетовъ, но новый выпускъ ихъ въ обращеніе сдѣлался-бы необходимостью. Мы видимъ какъ въ Англіи число бумажныхъ денегъ (bank - notes) увеличивается, не производя дурныхъ послѣдствій; одинъ банкъ Англіи (bank of England), не считая другихъ банковъ, пускаетъ въ обращеніе бумажныхъ денегъ на 29,588,845 фунтовъ стерлинговъ для народонаселенія около 30 милліоновъ жителей. Конечно, не металлическій фондъ, болѣе чѣмъ пужный (въ 54%) обуславливаетъ приращеніе бумажныхъ денегъ, но возрастаніе производительности и торговли въ Англіи, требующее увеличенія мѣновыхъ знаковъ. Обращеніе звонкой монеты всегда было значительнѣе въ Англіи чѣмъ въ Россіи, и количество бумажныхъ денегъ, для удовлетворенія потребности мѣновыхъ знаковъ, не могло не быть больше въ Россіи чѣмъ въ Англіи.* Слѣдственно семь сотъ милліоновъ кредитными билетами на народонаселеніе въ 64 милліона жителей, около одиннадцати рублей на человека, еще не подвигали страну подъ неправильныя условія чрезмѣрнаго количества мѣновыхъ знаковъ, и пока сберегательные банки обезпечивали цѣнность бумажныхъ денегъ, принимая ихъ рубль въ рубль, и пуская ихъ въ обращеніе посредствомъ поземельнаго кредита, пока нарицательная цѣнность бумажныхъ денегъ была дѣйствительною мѣною цѣнностью,—до тѣхъ поръ металлическій размѣнный фондъ казначейства (около 12% итога бумажныхъ денегъ) оказывался достаточнымъ для удовлетворенія запроса на обмѣнъ кредитныхъ билетовъ на звонкую монету. Съ расширеніемъ кредита и увеличеніемъ народной производительности не только не предстояло опасности внезапнаго востребованія вкладовъ, или паденія бумажныхъ денегъ, или уменьшенія металлическаго размѣннаго фонда; но можно было-бы ожидать наплыва вкладовъ, увеличенія металлическаго фонда и необходимости новаго выпуска бумажныхъ денегъ.

Реформа не поняла, что финансовая судьба Россіи неразрывно связана съ освобожденіемъ крестьянъ и утвержденіемъ ихъ поземельнаго владѣнія. Реформа взяла за идеаль—не развитіе поземельнаго кредита, а биржевое благосостояніе банка. Въ этомъ случаѣ экономическій доктринаризмъ даже былъ ниже своего союзника доктринаризма бюро-демократическаго, онъ былъ просто доктринаризмомъ буржуазнымъ. По этому, можно было предсказать его паденіе въ сграницѣ, гдѣ буржуазія равна ничему, или составляетъ едва замѣтную долю народонаселенія съ его земледѣльческой производительностью. Къ крайнему несчастію, начало финансовой реформы совпадаетъ съ окончаніемъ крымской войны и началомъ освобожденія крѣпостнаго населенія; слѣдственно реформа шла вслѣдъ за изпурненіемъ производительныхъ силъ земледѣлія—истощенныхъ рекрутствомъ, денежными расходами и прерванностію работъ—и немедленно передъ обновленіемъ

производительныхъ силъ земледѣлія, которое необходимо потребовало-бы какъ можно большаго расширенія поземельнаго кредита. Сверхъ того, начало финансовой реформы совпадало съ невыгоднымъ торговымъ балансомъ, обусловившимъ вывозъ звонкой монеты, фактъ, который я беру со словъ министра финансовъ (рѣчь 1860 года) не имѣя никакого иного документа о заграничной торговлѣ послѣ 1857 года.* По документу-же 1857 года, общій вывозъ товаровъ превышалъ ввозъ на 21,153,463 руб. сер.; а вывозъ собственно звонкой монеты (золота и серебра) превышалъ ввозъ на 14,085,349 рублей. Замѣчательное обстоятельство: съ давнихъ поръ† общій вывозъ товаровъ превышалъ ввозъ отъ 9 до 17%, а вывозъ собственно звонкой монеты превышалъ ввозъ отъ полутора до восьми милліоновъ руб. сер. (кромѣ періода отъ 1847 до 1851, гдѣ ввозъ монеты превышалъ вывозъ на 1,179,700 рублей. Если министерство боялось, что застой въ внутренней производительности и увеличеніе ввоза производятъ удвоеніе вывоза звонкой монеты, то оно легко могло предвидѣть, что реформа, т. е. пониженіе банковыхъ процентовъ по вкладамъ, вызоветъ помѣшеніе не малаго числа капиталовъ за границу и будетъ одною изъ главныхъ причинъ вывоза звонкой монеты, одною изъ гораздо болѣе очевидныхъ причинъ, чѣмъ причины приводимыя министромъ финансовъ: увеличеніе ввоза заграничныхъ машинъ и умноженіе числа путешествующихъ за границу. Замѣтьте еще одно важное и трудно объяснимое обстоятельство: не смотря на усиленный вывозъ звонкой монеты, мы имѣли торговый балансъ въ нашу пользу и бумажныя деньги обращались рубль за рубль, до, во время и тотчасъ послѣ крымской войны. Кризисъ начинается только съ финансовой реформы въ 1859 году, съ пониженіемъ банковыхъ процентовъ на 2% простыхъ и съ прекращеніемъ дальнѣйшаго поземельнаго кредита. До 1859 года пониженіе процентовъ по вкладамъ съ 4 на 3% не вызывало востребованій; одновременно проценты по ссудамъ были понижены на $5\frac{1}{2}$ или $(4 + 1\frac{1}{2})\%$ въ 33 года (вмѣсто 6% въ 37 лѣтъ)—и мы видимъ что къ первому Январю 1859 года все увеличилось—и вклады и ссуды, и бумажныя деньги, не смотря на ихъ умноженіе, не падали въ цѣнѣ. Министерство видя, что пониженіе процентовъ на 3% сложныхъ, можетъ быть, подходило къ настоящей оцѣнкѣ капиталовъ и слѣдственно не довольно быстро понуждало къ востребованію вкладовъ, понизило проценты на 2% простыхъ и прекратило всякія ссуды вновь. Разумѣется, вкладчикамъ, которые не могли обратно получить вклады деньгами, болѣе ничего не оставалось дѣлать, какъ обмѣнять вклады на банковые 4% и 5% билеты.‡ Это было насильственное востребованіе, потому, что капиталъ стоилъ дороже 2% простыхъ процентовъ и оставлять его по этой оцѣнкѣ было невозможно. Стало 4% и 5% билеты первоначала были приняты какъ горькая необходимость, по насильственному курсу, и падо было ожидать, что они скоро упадутъ ниже нарицательной цѣны. Капиталисты и сберегатели копѣйки на черный день—были вынуждены искать куда бы помѣстить капиталы повыгоднѣе. Акціонерныя компаніи стали возникать со дня на день, и со дня на день исчезали; управляемые духомъ и вліяніемъ чиновничества, онѣ привели

* Прибавьте къ этому, что отсутствіе переводовъ на торговые дома въ провинціяхъ, обуславливало посылки денегъ по почтѣ, что опять увеличивало потребность въ бумажныхъ деньгахъ, которыхъ посылка стоила несравненно дешевле посылки звонкой монеты. Налоги уплачивались также бумажными деньгами.

* Государственная внѣшняя торговля въ разныхъ ея видахъ за 1857 годъ. С. Петербургъ, въ типографіи департам. внѣшней торговли. 1858.

† Теигоборскій (Etudes sur les forces productives de la Russie T. IV) приводитъ цифры торговаго баланса съ 1822 года.

‡ Въ отчетѣ за 1861 годъ, министръ излагаетъ опредѣленія цифры 4-хъ и 5% билетовъ особо и помѣщаетъ ихъ гуртомъ.

къ однимъ убыткамъ. Только *акціонерныя компаніи, поддерживаемыя на счетъ казначейства, на счетъ налога, и тѣмъ* доказывающія свою пенужность, остались невредимы. Большая часть капиталовъ помѣстилась за границею и въ акціонныхъ желѣзныхъ дорогахъ, подписка на которыя въ Россіи была не много больше, чѣмъ на третью общей суммы, а почти на двѣ трети производились за границею. Въ какомъ-бы видѣ ни являлся капиталъ—въ видѣ бумажныхъ денегъ, или въ видѣ 4% и 5% билетовъ, ему надо было вымѣняться на звонкую монету, чтобъ участвовать въ акціяхъ желѣзныхъ дорогъ или другихъ заграничныхъ фондахъ. Рубль кредитнаго билета, который не давно считалъ себя равнымъ серебряному рублю, осиротѣлъ. Поземельный кредитъ не смѣлъ болѣе требовать его у сберегательныхъ банковъ, и слѣдственно банки уже не могли принять его. Человѣкъ, который работалъ чтобы сберечь заработокъ получаемый бумажными рублями, увидалъ, что ему уже некуда помѣстить ихъ. Бумажныя деньги упали въ цѣнѣ. Оборотъ около миллиарда рублей бумажными деньгами, не имѣлъ болѣе исхода; этотъ миллиардъ не могъ быть ни вымѣненъ на звонкую монету, которой не хватило бы для обмѣна, ни пущенъ въ поземельный кредитъ, который уже не существовалъ. Результатомъ было уродливое явленіе, которое не смотря на свое внутреннее противурѣчіе, все же фактъ, а именно: бумажныя деньги упали въ цѣнѣ въ то время, когда въ народномъ обращеніи не доставало мѣновыхъ знаковъ. Бумажный рубль, непринимаемый болѣе поземельнымъ кредитомъ, сталъ терять при размѣнѣ и всѣ товары вздорожали; въ то-же время золото уѣхало за границу и осталось только въ количествѣ, приносящемъ 17% размѣна. Водворилось отсутствіе звонкой монеты и недостатокъ мѣновыхъ знаковъ, пропорціональный вздорожанію товаровъ и упадку бумажныхъ денегъ. Жизнь стала страшно дорога, и недостатокъ въ мѣновыхъ знакахъ такъ великъ, что даже нельзя размѣнять 4% и 5% билетовъ на бумажныя деньги, и обладатель оныхъ билетовъ не можетъ удовлетворять своимъ платежамъ, за недостаткомъ размѣна. Въ то самое время, какъ экономическій доктринаризмъ достигалъ до этого результата, бюро-демократическій доктринаризмъ, становясь болѣе бюрократическимъ чѣмъ демократическимъ, налагалъ, вмѣсто освобожденія, новую регламентацію крѣпостнаго права; переходное состояніе крѣпостнаго населенія равнялось осажденному положенію. Производительность остановилась, земледѣльскія работы оплошали или прерывались. Недостатокъ произведеній присовокупился къ отсутствію поземельнаго кредита; цѣна на рожь удвоилась*. Общій заграничный вывозъ не могъ не уменьшиться, вывозъ звонкой монеты долженъ былъ увеличиться. Мелкіе деньги исчезли. Правительство надѣлало мелкой монеты ниже нарицательной цѣны, мѣра не нова со времени министерства герцога Ноаля при Лудвигѣ XV и никогда не удачная; взяточничество сдѣлало ее еще меньше удачною, чѣмъ бы она могла быть; новая монета пошла въ руки людей, особо покровительствуемыхъ властями, и тоже исчезла. Частные люди пополняли недостатокъ мелкой монеты росписками за своей подписью и отвѣтственностью; правительство запретило большинству этотъ родъ частныхъ бумажныхъ мелкихъ денегъ и дало на выдачу ихъ право только нѣсколькимъ откупщикамъ, покровительствуемымъ

* Въ приволжскихъ губерніяхъ, гдѣ рожь обычно едва доходитъ до 3-хъ руб. четверть, цѣна поднялась до 6 руб. 50. коп.

министерствомъ. Государственный банкъ, котораго учетъ былъ дешевле учета частныхъ конторъ, предоставилъ выгоду только небольшому числу изъ богачей торговаго міра, имѣвшихъ счастье состоять подъ особымъ покровительствомъ банка.

Вообще реформа не замѣтила, что она, вмѣсто поощренія промышленности, отвлекла отъ нея капиталы и пустила ихъ въ биржевую игру, мало развитую въ странѣ земледѣльческой и неимѣющей буржуазіи, и гдѣ слѣдственно биржевая игра едва-ли можетъ принести. Реформа не замѣтила, что капиталы, играющіе на биржѣ, не меньше тунеядцы, чѣмъ капиталы, остающіе свой капиталъ расти по сложнымъ процентамъ, съ тою разницею, что послѣдній пускаетъ сбереженный барышъ или заработокъ въ немедленное приложеніе къ производительности страны (а у насъ потребность этого приложенія удвоилась съ измѣненіемъ крѣпостнаго права), между тѣмъ какъ биржевой игрокъ обращаетъ въ неслыханно честной азартной игрѣ, капиталы, которые большей частью относятся къ правительственнымъ долгамъ, падающимъ палогомъ на народонаселеніе и предпріятіямъ съ цѣлями совершенно чуждыми промышленной производительности края. Окончательнымъ результатомъ реформы было уничтоженіе поземельнаго кредита, исчезновеніе звонкой монеты, упадокъ бумажныхъ денегъ и приближеніе правительства къ финансовому кризису.

Что же—этотъ кризисъ неизбеженъ? спросите вы.—Нѣтъ! не неизбеженъ. Можетъ еще есть время предотвратить его, если поспѣшатъ откровенно развязать узелъ крѣпостничества и возстановить поземельный кредитъ, который служитъ обезпеченіемъ (security) цѣности бумажныхъ денегъ, гораздо болѣе дѣйствительнымъ чѣмъ металлическій фондъ. Въ такомъ случаѣ мѣновые знаки снова придутъ къ настоящему курсу, а въ то-же время прямое освобожденіе крестьянъ воскреситъ производительность и слѣдственно приведетъ въ равновѣсіе торговый балансъ.

Но я полагаю окончательный кризисъ возможнымъ, даже вѣроятнымъ—вслѣдствіе правительственной неспособности. Вовлеченіе въ ложный путь экономическаго доктринаризма, неприменимаго въ Россіи, правительство—недовольно разумное и слѣдственно недовольно великодушное, чтобы сознаться въ ошибкѣ, да сверхъ того опутанное взяточничествомъ чиновничества, правительство не способно рѣшить ни одного поднятаго имъ вопроса. Оно не будетъ имѣть силы возстановить поземельный кредитъ и окончательно обанкротится. Страна возстановится—въ этомъ я не сомнѣваюсь. Народъ, не смотря на настоящее, хаотическое положеніе всѣхъ интересовъ, можетъ производить болѣе чѣмъ потребляетъ, слѣдственно можетъ образовывать капиталы, и при помощи своихъ элементовъ общественнаго (соціального) кредита, необходимо возстановить и поземельный кредитъ и торговое равновѣсіе; но что *это правительство* обанкротится—тутъ ничего не будетъ удивительнаго. Еще правительственныя бумаги ходятъ за границей по хорошему курсу; по достаточномъ одномъ году переходнаго положенія, то есть одного года земледѣльческаго застою, чтобы понизить ихъ курсъ, сдѣлать внутри государства звонкую монету дѣломъ еще болѣе рѣдкимъ, уронить еще болѣе бумажныя деньги, подточить возможность сбора податей,—и тогда дефицитъ бюджета будетъ несправимъ и приведетъ къ полному упадку правительственнаго кредита и за границей и въ Россіи.

Всѣ остальные финансовыя реформы, проектированныя правительствомъ, не могутъ принести никакой пользы, потому что правительство всюду постановило *неразрѣшимыя* задачи. Вотъ вамъ ихъ краткій перечень.

Реформа винныхъ откуповъ. Это налогъ, составляющій около половины правительственнаго дохода; онъ доходитъ до 123,022,580 руб. сер., а общій доходъ по бюджету 1862 года—279,352,509 рублей.* *Вино*, котораго средняя заводская стоимость 60 коп. ведро, продается по 4 руб. въ оптовой продажѣ и по 7 руб. въ розничной, что составляетъ налогъ въ 666 и до 1166%. Конечно, это налогъ самый непосѣдливый и играющій въ Россіи роль чуть-ли не болѣе чѣмъ налогъ на соль (*gabelle*) во Франціи до 1789 года. Замѣтите, что народъ, т. е. крестьянина производятъ хлѣбъ, идущій на винокурение средней цѣной по 3 руб. четверть ржи, и получаетъ изъ этой четверти семь ведеръ вина за которыя платитъ 49 рублей, слѣдственно платитъ налога за винокурение 1633%, и сверхъ того получаетъ испорченный подмѣсю папирокъ; да если бы онъ и не былъ испорченъ, все-же такое отношеніе невыносимо. Предложенная реформа состоитъ въ замѣнѣ откупа акцизомъ, котораго главное условіе, чтобы продажная цѣна на вино осталась прежняя. Подъ предлогомъ боязни, чтобы народъ не спился, правительство не хочетъ ни копѣйки уступить изъ налога. Очевидно—задача, такимъ образомъ поставленная, неразрѣшима, и реформа на дѣлѣ будетъ состоять въ томъ, что болѣе большая доля грабежа—выѣсто рукъ откупщика—пойдетъ въ руки чиновничества.

Реформа городскихъ податей. Послѣ очень вѣрнаго и любопытнаго разбора вопроса, коммисія, его разсматривавшая, пришла къ проекту, который оставляетъ его безъ измѣненія.

Реформа земскихъ повинностей. Таже метода, — превосходный разборъ существующаго и проектъ, ничего не измѣняющій.

Со всѣми своими проектами реформъ, клонящихся къ облегченію платящихъ налоговъ, правительство пришло къ увеличенію подати, по высочайшему указу 30 Декабря 1861 года. Увеличеніе падаетъ: 1) на подушныя — 1 коп. съ души, 2) на оброчныя (поземельныя или справедливейше тѣже подушныя)—3 коп. съ души и 3) на гербовую бумагу 33%. Вообще, это увеличеніе податей притѣснительно для народа, а въ сущности не выручитъ никакого пособія правительству. Все это очень напоминаетъ Францію 1789 года.

Кромѣ увеличенія податей, правительство захотѣло сократить свои расходы. Въ бюджетѣ 1862 года, траты на высочайшій дворъ, сравнительно съ бюджетомъ 1860, уменьшены на 486,462 руб. По издержки на армію и флотъ увеличены болѣе чѣмъ на семь милліоновъ. Общее сокращеніе расходовъ едва достигаетъ 4хъ милліоновъ, но превосходитъ бюджетъ 1859 года милліоновъ на тридцать.†

Бюджетъ 1862 года, въ числѣ доходовъ, ставитъ чрезвычайную сумму, вырученную изъ послѣдняго 4% займа—14,757,900 рублей. При современномъ положеніи дѣлъ, чрезвычайно сомнительно, чтобы дефицитъ ограничивался

* Содержаніе арміи и флота назначено въ 132,229,412 рублей; очевидно что весь налогъ на вино уходитъ на военную.

	бюджетъ 1860	бюджетъ 1862 года.
Императорскій дворъ	8,443,267.	7,957,905 руб. сер.
Армія и флотъ	125,376,503.	133,229,412
Общій итогъ	298,307,388.	294,110,709
Общій итогъ 1859 года 260,201,177 руб. сер.		

этой цифрой, не смотря на увеличеніе налоговъ. Вообще, изъ всѣхъ реформъ и всего управленія финансовъ, мудро заключить, чтобы правительство было способно возстановить поземельный кредитъ и слѣдственно обновить финансовое положеніе государства. Гораздо вѣроятнѣе, что мы достигли того времени, когда общество, имѣющее достаточно силъ чтобы не погибнуть, возстановится само собою. Въ такомъ случаѣ, мы охотно вѣримъ въ необходимость союзнаго (федеральнаго) банка, который возникнулъ бы изъ отношеній областныхъ банковъ между собою. Здѣсь, какъ и во всемъ остальномъ, федерализация естественное послѣдствіе нашихъ географическихъ и общественныхъ условій; но возможность банка, который былъ бы центромъ финансовой администраціи, откуда предписывались бы всѣ дѣйствія, необходимыя на берегахъ Невы и Волги, Чернаго и Бѣлаго моря и Тихаго океана—возможность такого банка невѣроятна...

Н. Огаревъ.

ИЗЪ ВИТЕБСКА ДО КОВНА.

(1861).

(Продолженіе).

— Не нужно-ли картинъ какихъ, славныхъ и отдамъ дешево! говорить незнакомый.

— Ну, покажи, если имѣешь, говорятъ нѣсколько голосовъ.

— Покажу, покажу! дайте обогрѣться только..... Ну, что у васъ новаго?

— А ничего, говорить одинъ; а ты откуда братецъ?

— Да, вотъ изъ одного мѣста; былъ утромъ въ костелѣ въ Логойскѣ; ну пѣли паны разные. Послушалъ, послушалъ да и плюнулъ... Просто противъ насъ и царя идутъ! Царь хочетъ волю дать, а они просятъ Бога чтобы папшизну воротилъ, да и васъ учатъ на свою голову пѣть тоже!...

— Ну, что ты говоришь? отзывается одинъ.

— Ей Богу, правда!...

— Слышишь Франкъ что говорятъ? отзывается старичекъ.

— Ну вреть просто! я дѣло разумѣю! Паны о Польшѣ молятся, да вотъ и многие говорятъ, что скоро Польша вернется!...

— Да ужъ нетарабарь! Не чета ты видно прохожему, посмотри какъ умно разговариваетъ!...

Но вотъ незнакомый встаетъ.....

— Пора говорить! заболтался. Такъ хотите картинки купить, и развязывая узелокъ, вынимаетъ нѣсколько картинъ суздальской работы.

Всѣ окружаютъ и разсматриваютъ...

Какія-то отрѣзанные головы, руки, ноги; дымъ; мужики съ топорами и бородами. Спрашиваютъ что это такое?...

— А это вотъ видите, говорить прохожій, представляетъ какъ въ Галиціи мужички обиженные—господамъ платятъ! За 2 копѣйки, картины хорошія!...

Нѣкоторые купили, а прохожій пошелъ далѣе продавать картины... Удивительно только то, что мину онъ имѣлъ такую безстрашную, что не только какъ будто никого не боялся, но что ему море по колѣно!

А вотъ въ уголку сидятъ двое солдатиковъ, покачиваясь не много на лавкѣ послѣ маленькой выпивки.

— Мнѣ самому, отзывается одинъ, деньщикъ Провинъ говорилъ, что вчера собралось у его барина почти все офицерство и что читали какую-то бумагу, неизвѣстно откуда полученную. Что дескать мы ужъ больно слушаемся всего

того что приказываютъ, что мы, если захотимъ, можемъ сдѣлать что-то доброе, что въ Варшавѣ, помнишь Варшаву? наши товарищи что-то худо сдѣлали!...

— Ну да и подѣломъ полякамъ!

— Э братъ, неговори такъ, я жену съ Польши имѣю; а ужъ если кто пишетъ, то вѣрно умнѣ насъ... и правду говоритъ!..

— Ну можетъ быть и дѣло! соглашается другой.

Но бросимъ корчму и поѣдемъ черезъ Логойскъ въ Минскъ, самую короткою дорогою.... Вѣрно въ Логойскѣ застанемъ мирового посредника, потому что по неизвѣстнымъ причинамъ въ Логойскѣ всегда недоразумѣіе между графомъ и крестьянами. Впрочемъ что изъ этого? графу хорошо! близко Минскъ, въ случаѣ нужды можно попросить роту солдатъ; да не хорошо посреднику кататься по 50 верстъ, а крестьянамъ вѣрно еще непріятнѣе.....

Наконецъ вдали Минскъ! Гдѣ-бы остановиться? думаемъ. Въ Европейской гостинницѣ всѣ порядочные люди останавливаются, да теперь тамъ живетъ генералъ Мейеръ, присланный для изслѣдованія "преступленія молитвъ", какъ выразился *Колоколъ*, описывая ковенскую процессію. Безпрестанныя комиссіи, звонъ жандармскихъ шпоръ не дадутъ все равно покоя, поищемъ другую квартиру!

А кто этотъ Мейеръ? О! это личность совершенно во вкусѣ нѣмецкаго петербургскаго правительства, это братъ, по оружію, виленскаго Галлера и отличается отъ него тѣмъ, что послѣдній немного умнѣ и вдвое, болѣе *экономъ*; пріѣхалъ этотъ Мейеръ розыскивать какія-то списки готовящагося бунта. Безъ разбора таскаютъ въ комиссію и мушницъ и жепницъ всѣхъ сословій, потомъ вничего не узнавши и посадивши половину въ тюрьму, сразу перенесли со всею своею сволочью въ другое какое-нибудь мѣсто, на пр. въ Гайну—и тамъ безъ разбора таскаетъ всѣхъ и жидовъ и мужиковъ, чтобы добиться истины. Потомъ совершенно исчезаетъ—и снова является какъ какое-нибудь пугало. Келлеръ, минскій губернаторъ, мало о чемъ допосилъ, чтобы не прислать въ помощники ему начальника военнаго, потому что тогда его гражданская звѣзда должна была-бы потухнуть, а Келлеръ не любитъ дѣлаться властію...

Но вотъ царскій день, народъ повыбилъ окна, гдѣ была иллюминація и попрокидывалъ плашки на улицахъ; вотъ разнесся слухъ, что въ одно село подъ Минскомъ подвезли оружіе и что нѣсколько новозокъ, начиненныхъ вооруженными людьми, пріѣхало изъ Царства Польскаго. Отрядъ казаковъ сейчасъ поскакалъ разузнать о непріятелѣ, но нашелъ только простыхъ два большихъ фургона съ товарами. Наконецъ всевозможныя происшествія, страшная для начальствующихъ "ночь св. Сатурниа 17/29 Ноября, (годовщина начала 1831), когда имъ представилось что назначено въ эту ночь всѣхъ ихъ вырѣзать и цѣлый городъ былъ наполненъ разбѣдами съ заряженными ружьями, а войска готовы по всякому первому знаку начать милую расправу; всевозможныя злоухищренія Мейера, все вмѣстѣ было причиною тому что въ одинъ прекрасный день закрыли гимназію, студентовъ разогнали, послали тайныя предписанія мировымъ посредникамъ не припимать въ волостные писаря и секретари студентовъ изъ разныхъ закрытыхъ заведеній, только - что вышедшихъ изъ службы и пр.; а на другой прекрасный день явился въ городъ военный начальникъ и сразу объявилъ, что шутить не будетъ!

Ну были и разныя занимательныя интрижки!

Всѣмъ уже извѣстно конечно, какъ предводителя дворянства Лапу, по милости Келлера, которому не понравилась высказанная ему Лапою правда, потребовали въ Петербургъ. Какъ министръ Валуевъ принялъ его вѣжливо, объявилъ, что самъ ведетъ родъ свой изъ Литвы, что для этого края постарается сдѣлать все что можетъ и какъ просилъ Лапу, возражаясь, частнымъ письмомъ увѣдомить его не какъ министра, а какъ Валуева, о всѣхъ нуждахъ и желаніяхъ края, и пр. Какъ потомъ Лана, возвращаясь, былъ въ Борисовѣ у великаго князя Николая Николаевича, который далъ ему Лапѣ строгій выговоръ за прикрываніе и поощреніе демонстраціямъ и совѣтовалъ о всемъ подобномъ доносить!... Какъ Лана отвѣтилъ, что черезъ чуръ дорожитъ мнѣніемъ и любовію соотечественниковъ, чтобы класть такое пятно и на свою фамилію и на свою сѣдую голову, какъ это очень не поправилось князю и пр. Какъ Келлеръ узнавши что министръ милостиво принялъ Лапу, струсилъ и сталъ чрезвычайно предупредителемъ; какъ жандармы и шпионы старались узнать, что напишутъ въ адрессѣ къ министру и ничего не узнали, какъ потомъ адрессъ этотъ поѣхалъ къ мѣсту назначенія и какой наконецъ дали на него отвѣтъ: Что дескать не о томъ спрашивали предводителя Лапу и что за такие адреса отъ правительства петербургскаго не трудно дожидаться катаплазмы! Ну да довольно о Минскѣ, страшно далѣе оставаться; вѣдь военный начальникъ объявилъ, что шутить не будетъ—и хотъ въ Вильнѣ еще страшнѣй—да ужъ возьмемъ жидка и поѣдемъ!....

— А что Гирша, плохи времена? спрашиваю отъ скуки жидка. Что ваши поговариваютъ?

— А очень не хорошо! жидовскимъ акцентомъ отзывается Гирша, вотъ нашего рабина посадили въ Варшавѣ!... говорятъ, что очень много шпионовъ.

— Ну а вы что думаете?...

— А что-же, слава Богу, тихо пока! За то мендзы нами шпеговъ нема!* кончаетъ Гирша съ гордостію.

Что было у насъ на дорогѣ, всего не расскажешь; а вотъ, на примѣръ, проѣзжая черезъ казенныя деревни, вспомнимъ какъ мужички отвѣтили чиновникамъ прислапнымъ продать землю: Что дескать не хотимъ покупать, а лучше ужъ подождемъ немного; что царъ не свое продаетъ, что земля панская и ксендзовская, что какъ вернется Польша, то и землю чего добраго назадъ возьметъ, чтобы не покупали заранѣе!....

А вотъ недалеко отъ Вилейки въ одной волости, (замѣтимъ мимоходомъ) есть одинъ человѣчекъ, простаго происхожденія, прошедшій много горя и радостей и котораго половина простаго народа виленской губерніи за земнаго Бога считаетъ—что самъ онъ знаетъ!.... Скажи онъ слово, все сдѣлаютъ! Правда не любитъ онъ немного помѣщиковъ, потому что за нихъ потерпѣлъ много, да это человѣкъ черезъ чуръ развитый для своего положенія. Вотъ бы его перетянуть на свою сторонку. Что скажете на это господа, виленскіе помѣщики? Вѣдь очень многіе изъ васъ его хорошо знаютъ, а кто не знаетъ, то вѣрно слышалъ о немъ. Мнѣ кажется, что это немѣшало бы на усть намотать; да вникнуть въ это хорошенько... А еще недалеко тамъ - же священникъ уніатъ; многіе изъ васъ тоже знаютъ, что

* Шпегъ (шпионъ), мендзы (между), нема (нѣтъ).

это не изъ простыхъ головъ... и что служить онъ душой Богу старому! Развѣ не знаете какъ его унѣять любить... А прогос о духовенствѣ. Конечно, каждый согласится, что никто не имѣетъ такого вліянія на простой народъ, какъ духовенство и хотъ попы па Литвѣ вовсе никуда не годятся, развѣ въ гвардейскій корпусъ, однако нужно поправиться и духовенству католическому! Не говорю о городскомъ духовенствѣ и значительной цифрѣ деревенскаго, которыя безъ ропота несутъ всю тяжесть преслѣдованій, однако многихъ зналъ самъ въ родѣ того ксендза, о которомъ раскажу сейчасъ. Въ одно село около Долгиново прѣѣхалъ я въ воскресенье и, пока жидъ кормилъ лошадей, пошелъ въ костелъ послушагъ, о чемъ ксендзъ будетъ говорить народу. Послѣ мши (обѣдин) собралась у входа значительная масса крестьянъ. Выходя, ксендзъ остановился, поздоровался и обведши всѣхъ глазами молвилъ, потрепавъ одного по бородѣ: “а вотъ и вы наконецъ люди, вотъ и вамъ далъ государь волю! Вы теперь такіе-же папы, еще лучше ихъ! нужно поблагодарить Бога и привести ему какую-нибудь жертву (ofiarować się) чтобы онъ видѣлъ вашу благодарность! Вотъ па примѣръ прѣйдите завтра собирать хлѣбъ съ моего поля...”

Мужички поклонились и общались, хотъ на другой день и должны были собирать хлѣбъ господскій! не знаю чѣмъ это кончилось.....

Но вотъ ужъ и послѣдняя гора и хотъ вы еще не видите Вильны, за то можете насладиться липезрѣніемъ красивой опущенной рогатки и взвода солдатъ съ ружьями и примкнутиыми штыками. Требуютъ вашъ паспортъ и пропускаютъ, если вы не академикъ или не студентъ!

Что за жизнь, что за движеніе! любо! мило!..... что ни секунда—звонъ копытъ обѣзда, что ни брошенный въ сторону взглядъ—штыкъ мѣрно шагающаго обхода, что ни мѣсто пошире, какъ Антоколь. Слѣпишки па пр.—цѣлый лагерь солдатскихъ палатокъ! Роскошь, да здравствуютъ безсмертные вожди Назимовъ, Васильевъ и компанія, имъ и Тотлебеновъ не нужно, сами укрѣпились!..... Вотъ бы Пелисье попробовалъ снова счастья—да нѣтъ, гдѣ тутъ, развѣ Галлеръ помогъ бы. Въ отелѣ снова спрашиваютъ паспортъ... Остановился бы у родственника, да тѣсно. Онъ самъ, жена, дѣти, да трое солдатъ съ ними—ну гдѣ-же, тамъ еще всунуться? итакъ 10 душъ въ 2-хъ комнатахъ! кому милость впрочемъ, у того солдаты въ передней; а иногда и на кухнѣ, у кого кухня есть!

(Окончаніе въ слѣдующемъ листѣ).

С М Ъ С Ъ.

Движеніе земнаго шара и движеніе канцелярское во 2 артиллер. дивизіи.

(Въ назиданіе Михаилу Николаевичу).

Статья помѣщенная въ *Колоколъ* 15 Декабря 1860 г. подъ заглавіемъ “Шейдеманъ - Ньютонъ, Шейдеманъ - Кеплеръ,” надѣлала много тревоги, суеты и шуму въ служебной іерархіи I-ой арміи; князь Горчаковъ передалъ этотъ Но. начальнику артиллеріи арміи Мерхелевичу, приказавъ, по правилу, всосавшемуся въ плоть и кровь питомцевъ Незабвеннаго, отыскать сочинителя этой статьи; Мерхелевичъ, передалъ и Но. *Колокола* и приказаніе для исполненія Шейдеману-же. Шейдеманъ поднялъ всю артиллерію на ноги; по нѣкоторымъ словамъ и оборотамъ въ статьѣ, опредѣлено имъ, что ее писалъ молодой офицеръ и полякъ. Полковники—Бороздинъ,

Богаевичъ, Вилькентъ; капитаны—Савельевъ, Туношпенскій и братья Добродѣевы, начали рыскать во всѣ стороны, отыскивая сочинителя; пошли къ командирамъ бригадъ и батарей спросы и вопросы, съ подписью *секретно*, о подозрѣваемыхъ въ этомъ государственномъ преступленіи офицерахъ; покаместъ-же Шейдеманъ, съ причтомъ своихъ клевретовъ сочинилъ, для пересылки въ редакцію *Колокола* и припечатанія въ немъ, отвѣтъ на эту статью, доказывая въ немъ все-таки, что *кругообращеніе* земли имѣетъ вліяніе па полетъ снаряда. Горчаковъ, разсердившись, вскрикнулъ на докладчиковъ отвѣта, Шейдемана и Мерхелевича: “Что за вздоръ, правду намъ сказали, а мы будемъ врать отвѣтъ, чтобы новаго дурака намъ напечатали! Оставить, не нужно отвѣта, виновнаго отыскать только непременно.” Однако иные говорятъ, что Шейдеманъ послалъ въ редакцію *Колокола* этотъ отвѣтъ, (правда-ли это? и не получено-ли чего нибудь подобнаго?*)—а другіе, что послано только объясненіе по этой статьѣ къ великому князю Михаилу Николаевичу, какъ генералъ-фельдцеймекстеру; но слѣдствіемъ розысканія было то, что виновныхъ фактически не открыто, а только, по подозрѣніямъ обвинили: Каспревича, Напиковича и Рудовскаго; чиновъ не помню, но первый русскій, а послѣдніе по происхожденію поляки; по общему мнѣнію сослуживцевъ ихъ, первый, одинъ изъ лучшихъ и подававшихъ много надеждъ молодой офицеръ, готовился для поступленія въ академію; второй очепъ также способенъ, но слишкомъ занятъ былъ свѣтскою жизнью; а послѣдній не пользуется особой репутаціей вмѣстѣ съ Голиковымъ командиромъ крѣпостной артиллеріи варшавской александровской цитадели; “всѣхъ трехъ по неблагонадежности и подозрѣнію” въ сношеніяхъ съ Герценымъ—такъ въ представленіи сказано—сослали въ глушь Саратовской губерніи, въ 16 артиллерійскую бригаду; тѣмъ прекратились судорги у Шейдемана и перевела духъ спокойно 2 артилл. дивизія и штабъ управленія. Между тѣмъ сочинитель статьи, не только не полякъ, но быть можетъ и не русскій, не молодой, а слишкомъ старъ, не только не обижаетъ Варшавы, но даже не принадлежитъ къ составу I-ой арміи; проѣзжая и слыша, вплоть до Варшавы объ этихъ нарѣзныхъ орудіяхъ и о томъ знаменитомъ открытіи, т. е. безсовѣстной пошлости извѣстнаго въ арміи Шейдемана, слыша объ этихъ распадавшихся на лету пуляхъ, о подрядѣ Френкеля и удостовѣрившись какъ отъ самаго-же Шейдемана, такъ тѣмъ больше отъ его-же клевретовъ, что все это правда—счелъ священнымъ долгомъ, при томящей насъ безгласности въ Россіи, довести все это до всеобщаго свѣденія, безъ всякихъ прибавокъ, путемъ теперешней полной гласности, т. е. *Колокола*. Затѣмъ какъ-же можно, Ваше Высочество, по подозрѣніямъ, губить молодыхъ людей? И какъ не совѣстно вамъ, что вы до сихъ поръ не знаете вашихъ подчиненныхъ, въ родѣ Шейдемана и Мерхелевича, Баранцева и пр.?

— *Отъ Ред.* — Восемьдесятъ талеровъ съ извѣстнымъ назначеніемъ, мы получили, и благодаримъ.

ПЕЧАТАЕТСЯ:

ESSAI SUR LA SITUATION RUSSE,
par N. OGAREFF.

• Мы не получали.—Ред.

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи, 136 & 138 Caledonian Road, London N.

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM,

КОЛОКОЛЪ

VIVOS VOCO!

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ.
Получается въ Вольной Русской Типографіи
—136 & 138, Caledonian Road, N. Цѣна
1 шил., съ тринадцатымъ листомъ—
ПОДЪ СУДЪ!

ЛИСТЪ 130.

22 АПРѢЛЯ 1862.

(WITH SUPPLEMENT NO. 11).

У Гривера & Co., въ чинжной лавкѣ,
60, Paternoster Row, и у Tchorzewski,
1, Macclesfield Street, (Gerrard Street),
Soho, London. Price One shilling, with
Supplement: ПОДЪ СУДЪ!

О ГЛАВЛѢНІИ К.—СЕНАТОРАМЪ И ТАЙНЫМЪ СОВѢТНИКАМЪ ЖУРНАЛИЗМА.—Имя Ордона и Филарета митрополиты.—Изъ Витебска до Ковна (Окончаніе).

Смѣсь: Нѣмецкій Филаретъ и русскіе офицеры.—Валуевъ и протоколъ.—Писмо Г. Е... по дѣлу мѣрзвыхъ послѣдствій.—

Independence.—Выборы Волынской губ. отложены.—Дѣтскіе дворы дѣтскихъ дн. Суворова.—Объявленія.

СЕНАТОРАМЪ И ТАЙНЫМЪ СОВѢТНИКАМЪ ЖУРНАЛИЗМА.

Studiate la matematica, e lasciate
le donne!

Совѣтъ данный Ж. Ж. Руссо маленькой итальянкой.

Вы, господа, не призваны въ *живой жизни*, вамъ не понятенъ ея странный, нестройный голосъ; вы слишкомъ хорошо знаете генераль-басъ, чтобы вынести ея диссонансы и умно дѣлаете, что не бросаетесь въ море закипающее около васъ; но за чѣмъ-же вы другихъ смущаете? Книжники почти всегда, вездѣ держатся въ сторонѣ отъ тревоженій житейскихъ; не они дѣлаютъ исторію, они ее только пишутъ и являются послѣ битвы съ своимъ фонаремъ осмотрѣть раны падшихъ, сдѣлать опись покинутого имущества и мудро разсудить—отчего побитые побиты, а побѣдители взяли верхъ, будущимъ поколѣніямъ въ наученіе, современнымъ въ назиданіе. Исторія, это Молюеровъ мѣщанинъ, говорящій живо, краснорѣчиво иногда, но не знающій, что онъ говоритъ прозой; ученые историки не поворачиваютъ въ этомъ шумѣ и гамѣ, похожемъ на извѣстную рыночную сцену въ "Севильскомъ Цирюльникѣ", но знаютъ, что Журденъ говорилъ прозой. Все это въ порядкѣ вещей, но надобно честь знать. Нельзя-же позволить книжникамъ, какими-бы сановниками они ни были, сбивать съ толку своей школьной контроверзой и общественное мнѣніе и людей идущихъ на жизнь и смерть, людей готовыхъ на казематы и Сибирь; нельзя имъ позволить праздно таскаться по лагерю валленштейновымъ капуциномъ, нагоняя схоластической дичью тоску и недоумѣніе на ратниковъ. Подъ руку человѣку, сосредоточенному на одномъ дѣйстви, можетъ говорить или личный врагъ его, или врагъ дѣла—или человѣкъ до того занятый собой, что не въ состояніи думать о другомъ. Крикните Блондину, когда онъ середь каната, крикните ему изъ чистѣйшаго желанія показать, что вы знаете лучше его статистику, а Блондинъ-то все-таки упадетъ.

Годъ VI.

Такой силы наши лузы журнализма не имѣютъ, но вредъ приносимый ими значителенъ. Въ личной жизни человѣка, и въ извѣстныя эпохи народной жизни, есть кризисы и переломы, есть торжественныя минуты усилій и увлеченій, въ которыя нервы до того подняты и натянуты, что неумѣстно сказанное слово разстроиваетъ гармонію, разрушаетъ строй, бросаетъ подъ ноги полѣно.

— Но, такое-ли время теперь для Россіи?

— Нѣтъ... этого вопроса не сдѣлаетъ, не можетъ сдѣлать ни одинъ русскій въ самомъ дѣлѣ! Каждый внутри своей груди, въ своей крови, въ волненіи, въ которомъ онъ живетъ, въ мучительномъ ожиданіи, чувствуетъ, знаетъ—мыслью, любовью, ненавистью знаетъ. Замерзшій мозгъ на панинской вершинѣ и изсушенные, подъ бѣлымъ клубкомъ, мозги Филарета, *знаютъ и боятся*. Неужели-же найдутся—не Панины, не вѣмцы, а литераторы, журналисты, публицисты, до того *выучившіеся* вонъ изъ всякаго сочувствія съ поднимающей ихъ волной, что они не могутъ изъ за случайностей, брызговъ, шероховатостей, безпорядка морскихъ зыбей—разглядѣть величавый потокъ захватившій и влекущій все: волостное правленіе, расколъ, университетъ, крестьянъ, дворянъ, суды, дворцы, царя?

Нѣтъ, это невозможно, до этого они не забыли родину. Вѣдь и Филарету съ дѣтства надобно было изуродовать душу, надобно было семьдесятъ лѣтъ отучать его отъ всего живаго, естественнаго, радостнаго, скоромнаго, чтобъ довести его—николаевского іерарха—до слезнаго сѣтованія и духовной защиты тѣлеснаго стяганія.

За чѣмъ-же берутъ на себя люди скучную до безвѣчности роль: резонеровъ старыхъ комедій, trouble fête, мухъ въ бокалѣ съ виномъ, тяжелыхъ гостей въ дружеской бесѣдѣ?

Зачѣмъ эта натянутая брюзгливость, эта начальническая раздражительность? Зачѣмъ они такъ распускаются—наши почетные попечители общественнаго мнѣнія, наши Гизо леонтьевскаго переулка и гнействующие Кузени? Зачѣмъ это важничаніе нѣмецкихъ гувернеровъ, свысока смотрящихъ на

молодежь въ пансіонахъ, потому что она молода и потому что она состоитъ изъ русскихъ?

Добрѣйше педели нашего просвѣщенія, оберъ-нахъ-инейдеры нѣмечной науки, подумайте, нельзя-же вносить всѣхъ привычекъ и всѣхъ пріемовъ нѣмечнаго учителя въ окружающую васъ жизнь. Знаемъ мы, что каедральныя занятія цевольно передаютъ человѣку что-то дидактическое и назидательное, поучающее съ властью и внушающее со строгостью, въ формахъ и рѣчахъ. Купаясь въ рѣкѣ, можно узнать учительствующаго ученаго, такъ-же легко, какъ военнаго фрунговика, статскаго чиновника, и соединяющаго въ себѣ обѣ службы—военнаго и партикулярнаго портнаго.

Учитель по должности, потому, что онъ сидитъ на кафедрѣ, потому, что ему платятъ за это, долженъ не говорить, а поучать, долженъ больше знать чѣмъ ученики и не только не скрывать что больше знаетъ ихъ, но застрашивать своимъ непогрѣпительнымъ вѣдѣніемъ и безапелляціоннымъ авторитетомъ.

Впѣ школы этого тона вынести нельзя, особенно когда къ нему примѣшивается снисходительное, но вмѣстѣ съ тѣмъ и сладострастное сознаніе своего превосходства. Этотъ тонъ рѣшительно больше возбуждаетъ отпора и озлобленія, чѣмъ всякая жгучая выходка и всякая злая иронія. Тамъ предполагается, что человѣкъ сердится, что онъ разраженъ, можетъ быть страдаетъ, можетъ ему больно—это примиряетъ. А тутъ совсѣмъ напротивъ, въ каждомъ словѣ сквозитъ спокойное, олимпийское чувство самодовольства, готовое даже перегнуть въ скромность схимника, считающаго себя ниже червя и выше фельдмаршала. Это какое-то платоническое наслажденіе самимъ собою, эпикурейское душевничество, глядящее съ сожалѣніемъ на насъ смертныхъ, съ аттическою солю шпыняющее надъ милліонами мелюзги, готовое и жалѣть се и журить и поплакать объ ней, какъ плакалъ умирающій Перонъ, думая—какого тенора лишится въ немъ Римская имперія.

Къ этому фондъ, присоединяется еще берлинское нѣмцопоклопство тридцатыхъ годовъ, вердеревскихъ временъ и фатство графа Нулина, *патріотически* радующагося, “что умы у насъ ужъ развиваться начинаютъ” и душевно желающаго, чтобъ à la fin des fins и мы “просвѣтились”.

“Если со временемъ”—внушаютъ сенаторы—“разовьется у насъ политическая жизнь и образуются партіи”, тогда мы съ вами поговоримъ. До тѣхъ поръ извините, великъ инструментъ, не по вашему мозгу.

“У насъ ничего нѣтъ похожего на политическую жизнь. У насъ есть слова и нѣтъ дѣла. Наши кружки, наши партіи, ихъ борьба и ихъ сдѣлки, ихъ статьи и ихъ журналы—все это явленія воздушныя, все это чистѣйшій обманъ, призракъ, пустота”.

“Что пріятнѣ нашей жизни? Постоянная вѣчвая игра! Прежде (вѣроятно во времена Станкевича, Бѣлинскаго, Бакунина), играли въ философскія партіи, теперь играютъ въ

политическія партіи” (Михайловъ? Обручевъ? высланные студенты? убитый Лебедевъ? 13 мировыхъ посредниковъ въ казематахъ?... Впрочемъ и прежде были шалуны, 14 Декабря доигрались они до висѣлицы...)

“Мы никогда не искали чести принадлежать къ какой нибудь изъ нашихъ партій, не только къ этимъ шутовскимъ партіямъ, но и къ партіямъ серьезнымъ, еслибы они когда нибудь образовались у насъ, мы не могли бы примкнуть”.

И это было сказано въ 1862, когда Михайловъ скованный шелъ въ Иркутскъ, когда дворянство нѣсколькихъ губерній порывается сбросить съ себя сословныя привилегіи, когда весь народъ русскій заявилъ еще разъ, спокойно и твердо, свое право на землю, когда московскіе профессора подали свой благородный протестъ противъ ссылки Павлова—т. е. я ошибся московскіе профессора послали доносъ Иутигину, это петербургскіе профессора,—когда вся Русь поднимается съ тяжелаго сна и идетъ на совершение судебъ, которыхъ главныя черты начинаютъ прорѣзываться изъ за несущихся тучъ, стѣсняющихся облаковъ, когда даже зимній дворецъ пріоснановился и сталъ думать—Думу.

Господа, *Studiate la matematica e lasciate le donne!*

Ни микроскопъ, ни телескопъ вамъ не помогутъ, тутъ надобно имѣть *простые* глаза, а вы ихъ то и испортили сбронъ вѣмецкой печатью. Лучше ужъ и не выходить изъ аулы, да изъ кабинета, а то какъ-бы вамъ не пришлось опростоволоситься, какъ это случилось съ вашими предпественниками, іерусалимскими профессорами богословскаго факультета—и не услышитъ грозный упрекъ:

“Я былъ среди васъ, и вы меня не узнали!”

— Да гдѣ? когда? Помилуйте!

Въ томъ-то и дѣло, что не узнали. Вы еще ждете Мессію по *писаніямъ*, въ церковномъ облаченіи, въ сіяніи и торжествѣ, въ сопровожденіи самаго Молинарп... а онъ родился опять въ *овчарнѣ*. Мы согласны съ вами, что за мѣсто для потомка царя Давида—въ ясляхъ?

— Да чтожъ дѣлать!

И—рѣ.

КНЯЗЬ ОРЛОВЪ И ФИЛАРЕТЪ МИТРОПОЛИТЪ.

Князь Орловъ, белгійскій посланникъ, извѣстный своей книгой и своей отвагой подъ Силистріей, поднялъ благородный голосъ противъ тѣлесныхъ наказаній. Ему казалось, что къ предстоящему празднеству тысячелѣтія, было-бы возможно уничтожить *накожное* исправленіе людей. Выписываемъ все существенное изъ превосходной записки князя Орлова.

“Въ большей части, говоритъ кн. Орловъ, европейскіхъ государствъ, тѣлесныя наказанія совершенно уничтожены, или употребляются какъ рѣдкія исключенія. Напротивъ того, въ Россіи и Польшѣ, эти наказанія служатъ основаніемъ всей исправительной и карательной системы.

“Въ христіанскомъ, нравственномъ и общественномъ отношеніи законъ милосердія и кротости безусловно осуждаетъ всякія насильства и истязанія. Святители всѣхъ вѣровиспо-

вѣданій постоянно защищали личность существа, созданнаго по образу и по подобию божію. Нѣтъ христіанскаго равенства, нѣтъ христіанскаго братства тамъ, гдѣ рядомъ, въ одномъ храмѣ, могутъ стоять два человѣка, совершившіе одинъ и тотъ-же проступокъ, но наказанные—однимъ легкимъ арестомъ, а другой, розгами. Въ христіанскомъ государствѣ не можетъ быть лицепріятій, а правосудіе верховной власти должно быть подобно правосудію божію, т. е. равнымъ для всѣхъ.

“Философы, юристы, государственные люди всѣхъ временъ, единодушно признавали тѣлесныя наказанія безправственными и бесполезными наказаніями. Посмотрѣвъ вокругъ себя, мы легко убѣдимся въ этой истинѣ: у насъ быють всякаго, кто только даетъ себя бить.* Это поддерживаетъ грубость правовъ и сильно мѣшаетъ правильному развитію человѣческой личности; отсюда, прежде всего, рождается скрытность и лицемеріе. Поговорите съ незнакомымъ вамъ мужикомъ, съ мѣщаниномъ, солдатомъ, и увидите какъ трудно узнать истинныя ихъ чувства и мысли. Простолыдинъ пристально смотритъ на васъ и при малѣйшемъ несогласіи безпокойно озирается, опасаясь побоевъ. Писатель гениально постигшій духъ русскаго народа, (Ив. Сер. Тургеневъ) не однократно говаривалъ мнѣ, что самый обыкновенный разговоръ двухъ крестьянъ между собою, внезапно принимаетъ иной характеръ, при появленіи человѣка въ нѣмецкомъ платьѣ. Замѣчаніе это не относится къ однимъ крѣпостнымъ. Это признакъ общій, выражающій, сколь сословія, подверженные побоямъ, недовѣрчиво смотрятъ на всѣ остальные.

“Для общества русскаго существованіе тѣлесныхъ наказаній есть не только зло, но и великая опасность. Просвѣщеніе, болѣе, чѣмъ думаютъ, проникло во всѣ слои общества и мы не далеки отъ времени, когда наказанія тѣлесныя будутъ приводить къ открытому сопротивленію, или къ самоубійству. Это страшная, но неминуемая крайность.

“Доселѣ у многихъ помѣщиковъ, наказанія тѣлесныя вовсе не употреблялись. Теперь по общему положенію о крестьянѣхъ (ст. 25 постановлено, что освобожденные крестьяне подлежатъ тѣлесному наказанію, “по законному распоряженію поставленныхъ надъ ними правительственныхъ и общественныхъ властей.” Это постановленіе *узаконяетъ* произволъ земской полиціи. Свобода и право собственности только тогда дѣйствительны, когда обладающій ими вполне огражденъ въ своей чести и личномъ достоинствѣ.

“Если въ Россіи тѣлесное наказаніе должно признать зломъ, то, что-же сказать о немъ въ Царствѣ Польскомъ, управляемомъ долгое время законами, вполне сообразными требованіямъ челоѣчества и юридической правды. Польша мало по малу, подпала подъ дѣйствіе временныхъ административныхъ правилъ, въ коихъ тѣлесныя наказанія заняли довольно значительное мѣсто. Часто наказанія эти опредѣлялись вопреки всякимъ правиламъ: ибо въ Польшѣ, по недостатку административнаго контроля, многое рѣшалось по произволу. Вкрались престранные обычаи, на-пр. въ смиренныхъ домахъ польскихъ приказано *слѣчь по пятницамъ*, провинившихся въ теченіи недѣли. Вслѣдствіе того, окрестности исправительныхъ заведеній каждую пятницу оглашаются воплями наказываемыхъ. Это производитъ сильное и справедливое озлобленіе противъ властей, употребляющихъ подобныя способы исправленія.

* Извозчики, ямщики и т. п. живое свидѣтельство нашихъ словъ.

“Защитники карательной системы говорятъ, что лучше подвергнуть преступника тѣлесному наказанію, нежели лишать его жизни. Они правы: но кажется, въ Россіи, можно обойтись и безъ плетей и безъ смертной казни. Уголовное наказаніе имѣетъ только двѣ цѣли:

“1) Поставить преступника въ невозможность совершать новыя преступленія; и

“2) Страхомъ наказанія спасительно дѣйствовать на тѣхъ, которые были-бы склонны къ совершенію преступленія.*

“Ссылка на каторжную работу, вполнѣ удовлетворяетъ обоимъ условіямъ. Преступникъ навсегда отлученъ отъ общества и конечно, Нерчинскіе рудники страшнѣе всякой гильотины. Между тѣмъ преступникъ можетъ еще раскаяться и смыть свое преступленіе примѣрнымъ поведеніемъ. Ему еще не все закрыто въ жизни. Тому-же кто высѣченъ плетями и изуродованъ клеймами не остается ничего болѣе въ семь мірѣ. Онъ навсегда отверженъ изъ общества.

“Конечно, трудно однимъ почеркомъ пера измѣнить всю исправительную систему. Мнѣ кажется, что можно-бы замѣнить розги денежными пенями; но эта мысль требуетъ разработки и зрѣлаго обсужденія. Въ настоящее время, стараются изъ челоѣколюбія, уменьшать въ приговорахъ число ударовъ розгами. Этимъ не достигаютъ хорошихъ результатовъ. Розги не внушаютъ прежняго страха, а по прежнему уничтожаютъ достоинство челоѣка и подавляютъ въ немъ чувство чести. Нельзя не упомянуть, что у насъ существуетъ табель, или прейскурантъ проступковъ и преступленій, съ показаніемъ цѣны ихъ ударами розогъ. За кражу трехъ рублей, столько-то ударовъ и т. д. Это верхъ изобрѣтательности русской бюрократіи.

“Прогнаніе преступниковъ, по приговору военныхъ судовъ, сквозь строй шпирутенами, есть такая-же квалифицированная смертная казнь, какъ четвертованіе и колесованіе. При вскрываніи тѣлъ, наказанныхъ шпирутенами, постоянно оказываются продольныя кровоизліянія въ легкихъ, соответствующія, если не всѣмъ, то по большей части полученнымъ ударамъ. Сердце содрагается при мысли, что по буквѣ закона, если преступникъ лишится силъ идти по фронту, то его должно нести вдоль онаго и если онъ испустилъ духъ, то тѣло его должно еще получить опредѣленное приговоромъ число ударовъ. На дѣлѣ кажется этого нынѣ не исполняютъ. Солдатамъ давно стала отвратительна роль палачей, и при каждой экзекуціи начальство вынуждено повторять офицерамъ: *господа! смотрите, чтобы люди были крѣпче*. Между тѣмъ въ гвардіи, шпирутенъ часто только поверхностно касается преступника. Было-бы и челоѣколюбивѣе и дѣльнѣе ссылатъ военныхъ преступниковъ на каторжную работу, чѣмъ подвергать ихъ прогнанію сквозь строй.”

Князь Орловъ заключаетъ такъ:

“1) Тѣлесныя наказанія—зло.

“2) Наказанія плетями, шпирутенами и наложеніе клеймъ могутъ быть тотчасъ отмѣнены.

“3) Слѣдуетъ замѣнить нынѣ существующія исправительныя тѣлесныя наказанія другими способами взысканія.

* Некоторые полагаютъ, что уголовное наказаніе должно быть мщеніемъ общества, за вредъ наносимый членамъ его. Подобной мысли нельзя допустить въ христіанскомъ государствѣ

“Приближается тысячелѣтіе Россіи: Крѣпостное право уже уничтожено. Остается дополнить спасительное преобразование совершенною отмѣною тѣлесныхъ наказаній въ Россійской имперіи и въ Царствѣ Польскомъ”.

Таковъ голосъ *мірянина*, посмотримъ, что на это скавала нѣмотствующая церковь мудростію своего вѣтхаго вертоградаря *Филарета* московскаго и воломенскаго.

Вотъ какъ словоназидаетъ этотъ монахъ :

I. Попеченіе о устройствѣ такой системы наказаній, которая была-бы направлена къ цѣли исправлять виновныхъ и противодѣйствовать поползновеніямъ къ проступкамъ и преступленіямъ и которая-бы съ тѣмъ вмѣстѣ умягчала правосудіе крѣпостію, коснувшись предѣловъ духовнаго вѣдомства породило вопросъ :

“Какое можетъ быть правильное воззрѣніе на тѣлесныя наказанія со стороны христіанства?”

II. При разсмотрѣніи сего вопроса, прежде всего надобно имѣть въ виду, что Христосъ Спаситель созидалъ церковь, а не государство. Силою внутренняго благодатнаго закона, Онъ благоустраиваетъ внутреннюю и внѣшнюю жизнь чело-вѣковъ. Государство старается силою внѣшняго закона поставить въ порядокъ и охранить въ порядкѣ частную жизнь чело-вѣка и общественную жизнь государства.

III. II. по сему государство не всегда можетъ слѣдовать высокимъ правиламъ христіанства и имѣть свои правила, не становясь чрезъ то недостойнымъ христіанству. На пр. христіанство говоритъ : “Хотящему судитися съ тобою и (по средствомъ неправды въ судѣ) ризу твою взять, отпусти ему и срачицу.”—Матв. V, 40. Но государство не можетъ сказать ограбленному отдай грабителю и то, что еще не отнято у тебя. Съ такимъ правиломъ не могло-бы устоять государство, въ которомъ есть и добрые и злые. Оно по необходимости говоритъ ограбленному : “Иди въ судъ;” по суду грабитель (хитрый или наглый) долженъ возвратить отнятое и быть обличенъ и наказанъ.

IV. Вотъ изреченіе Христа Спасителя, касающееся наказаній, опредѣленныхъ въ законѣ Мойсея : “Слышасте, яко рѣчено бысть : око за око и зубъ за зубъ. Азъ же глаголю вамъ не противитися злу,” (Матв. 38, 39), т. е. по закону Мойсея, выколотивъ у другаго глазъ долженъ быть наказанъ выколотивъ глаза, выбившій зубъ—выбитіемъ зуба; но вы не противоборствуйте дѣлающему вамъ зло, не воздавайте обидою за обиду, терпите великодушно, предоставляйте Богу отмщеніе. И вотъ опять правило, которому не можетъ слѣдовать законодательство государственное. Спаситель не кодексъ уголовный исправляетъ; не о томъ говоритъ, чтобы измѣнить родъ и степень наказанія; Онъ преподаетъ духовный законъ : терпѣть и не домогаться наказаній за обиду.

V. И такъ вопросъ : О употребленіи или неупотребленіи тѣлеснаго наказанія въ государствѣ стоитъ въ сторонѣ отъ христіанства. Если государство можетъ отказаться отъ сего рода наказанія, находя достаточнымъ болѣе кроткіе роды онаго—христіанство одобрить сію кротость. Если государство найдетъ неизбѣжнымъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ употребить тѣлесное наказаніе, христіанство не осудитъ сей строгости—только-бы наказаніе было справедливо и не чрезмѣрно.

VI. Нѣкоторые полагаютъ, что тѣлесныя наказанія дѣйствуютъ разрушительно на народную нравственность. Нельзя думать, чтобы Господь Богъ, чрезъ Мойсея, узаконилъ тѣлесное наказаніе виновному (четыредесятъ ранъ да наложить ему—Втор. XXV, 3) съ тѣмъ, чтобы это разрушительно дѣйствовало на нравственность европейскаго народа.

VII. Полагаютъ, что тѣлесное наказаніе поражаетъ, въ наказываемомъ, всякое чувство чести. Въ силѣ сего возраженія противъ тѣлесныхъ наказаній, многое препятствуетъ убѣдиться.

Преступникъ убилъ чувство чести тогда, когда рѣшился на преступленіе; поздно падать въ немъ сіе чувство во время наказанія.

Тюремное заключеніе виновнаго менѣе-ли поражаетъ въ немъ чувство чести, нежели тѣлесное наказаніе? Можно-ли признать правильнымъ такое сужденіе, что виновный изъ подъ розогъ идетъ съ безчестіемъ, а изъ тюрьмы съ честію?

Если какое сознаніе поставяетъ виновнаго въ безвыходное положеніе, производитъ въ немъ упадокъ духа, и тѣмъ препятствуетъ ему возвыситься къ исправленію : то это сознаніе сдѣланнаго преступленія, а не понесеннаго наказанія. Имѣющіе случай обращаться съ совѣстію такихъ людей, замѣчаютъ иногда, что они чувствуютъ внутреннее облегченіе, понеся унижительное наказаніе, симъ удовлетвореніемъ правосудію укрѣпляются въ надеждѣ небснаго прощенія. Прежде, когда тѣлесныя наказанія были суровѣе, приѣзжающіе въ Сибирь, со страхомъ встрѣчались съ людьми, имѣющими клеймо на лбу и не имѣющими позорей; но тамошніе увѣряли, что это люди честные и достойные полнаго довѣрія. Видно тѣлесное наказаніе не препятствовало имъ изъ бездны преступленія возвыситься до совершенной честности. Не извѣстно, такъ-ли теперь : можетъ быть не бывшіе подъ наказаніемъ, не такой, какъ прежде, примѣръ подають наказаннымъ. Но да возвратится слово на христіанскую точку зрѣнія. Апостолы претерпѣвъ отъ Сипедріона безвинно тѣлесное наказаніе, *идящу радуящеся отъ лица Собора, яко за имя Господа Иисуса сподобившася безчестіе пріити.* (Дѣян. V, 41.) Апостолъ Павелъ пишетъ къ Коринѣянамъ : “Трижды палищами биевъ быхъ” (2 Кор. XI, 25), не думая, что тѣмъ унижаетъ себя предъ ними. И такъ по христіанскому сужденію, тѣлесное наказаніе само въ себѣ не безчестно, а безчестно только преступленіе.

VIII. Нѣкоторые полагаютъ-бы совсѣмъ уничтожить тѣлесное наказаніе, и замѣнить его тюремнымъ заключеніемъ. Для сего, при много-людномъ городѣ, потребовалось-бы построить и содержать почти городъ тюремный. Для сего потребовались-бы огромныя издержки, единовременныя. Изъ какихъ суммъ? Изъ государственныхъ доходовъ. Откуда государственныя доходы? Изъ налоговъ на народъ. И такъ чтобы облегчить истинную или мнимую тягость виновныхъ, надобно положить новую тягость на невинныхъ. На сей случай и христіанское и просто чело-вѣческое милосердіе можетъ сказать : Хорошо миловать виновныхъ, но еще нужнѣе не отягощать невинныхъ.

IX. Указано, въ направленіи противъ тѣлесныхъ наказаній слѣдующее изреченіе : “Святители всѣхъ вѣроисповѣданій, постоянно защищали личность чувства, созданнаго по образу и подобію Божію.”

Много указано святителей : жаль, что ни одинъ не понималъ и не показано хотя о пѣкоторыхъ, что именно говорятъ они. Указаны даже и несуществующіе. То, что мы называемъ *святителями*, въ пѣкоторыхъ исповѣданіяхъ не признается и не существуетъ. Изъ того, что святители защищаютъ личность существа, созданнаго по образу и подобию Божію, нельзя вывести никакого заключенія противъ тѣлесныхъ наказаній. Защищать личность существа, созданнаго по образу Божію, не значить защищать личность преступника.

И что значить защищать личность человѣка? Не значить-ли сдѣлать ее не прикосновенною? Но если можно сдѣлать личность виновнаго неприкосновенною для розогъ, можно-ли сдѣлать личность всякаго виновнаго неприкосновеннаго для оковъ?

Богородицѣ писатели защищаютъ личность, созданную по образу Божію не отъ тѣлеснаго наказанія, а отъ порока и его послѣдствій, “*Ты побѣдиши его жезломъ : душу же его избавити отъ смерти.*” (Прит. XXIII, 14.)

X. Есть мысли блещущія правдивою красотою такъ, что въ нихъ, какъ въ солнцѣ, не вдругъ можно усмотрѣть темное пятно, хотя оно и есть. Таково слѣдующее изреченіе : “Законъ милосердія и кротости безусловно осуждаетъ всякія насильства и истязанія.” Прекрасно; однако, если разсмотримъ внимательно, то въ семъ блистательномъ изреченіи найдется пѣкоторое пятно, то есть, нечто не истинное. Нельзя осудить *всякое* насильство *безусловно*. Если надобно поймать и задержать преступника, вора, разбойника; онъ, конечно не допустить сего добровольно, а надобно употребить *насилие*, чтобы его схватить и сковать. Такимъ образомъ мысль блистательная, но не строго вѣрная не обѣщаетъ надежныхъ заключеній въ отношеніи къ вопросу о наказаніяхъ.

XI. *Слышно*, что не давно въ Англіи, разсматриваемъ былъ вопросъ о уничтоженіи тѣлесныхъ наказаній въ военномъ званіи, и что тамошніе военновачальники, подали голосъ сохранить оное, не опасаясь разрушить въ войнахъ чувство чести, особенно для нихъ важное, и даже признались, что безъ сего имъ трудно сохранить дисциплину въ нижнихъ воинскихъ чинахъ.

Но слово уже выходитъ изъ предѣловъ предложеннаго вопроса : *время молчать.*

..... Во истину, о возлюбленные братіе, всякое стужаніе ослабить сіе архипастырское розгословіе, и не токмо стужаніе, но если ты побѣдиши жезломъ, прутіемъ, палицей (о которой оповѣщаетъ апостолъ Павелъ), брадоизраніемъ и власоисхищеніемъ огорчишь, то и тогда душу фарисействующую отъ смерти не избавиши (какъ благовѣщено въ Прит. XXIII, 14); да и неизбавиши отъ нея—и самую церковь—отъ вѣка смиренно грядущую, рука въ руку, съ палачемъ, истязателемъ, грабителемъ и всею спирою кесаревою триединаго отдѣленія.....

ИЗЪ ВИТЕБСКА ДО КОВНА.

(1861).

(Окончаніе).

— Что новаго? спрашиваешь и узнаешь между прочимъ такую исторію, что въ полѣ въ 2-хъ верстахъ отъ Вильно было сложено сено, ну и сторожъ старикъ стоялъ. Пріѣхали ночью казаки воровать сѣно, сторожъ сталъ кричать, казаки ускакали. На другую ночь пріѣхало за то побольше, изувѣчили старика и повѣсили неприличнымъ для описанія способомъ, чтобы дать примѣръ какъ худо тѣмъ, кто имъ воровать мѣшаетъ!...

Пойдемъ немного погулять по городу!..... Вотъ дворецъ героя Назимова, съ замкнутыми воротами и съ блестящими изъ за решетки штыками, а вотъ и острогъ, т. е. казематъ окруженный валами, а на валахъ пушки и все это прикрыто зеленью бульвара-сада, по которому запрещено гулять! А сколько людей въ этомъ казематѣ грызутъ стѣны отъ голоду и досады? Жалю что не посидѣлъ въ немъ, чтобы описать подробно внутреннюю жизнь... впрочемъ чуръ меня чуръ, чтобы бѣды не накликать...

Нужно осмотрѣться хорошенько, совсѣмъ-ли прилично одѣтъ я, потому что вопъ ѣдетъ Васильевъ и какого-то молодого человѣка поташили куда-то, за то, что шелъ въ гарибальдійской шляпѣ, а вотъ дамъ за то, что идетъ въ черномъ платьи, какой-то джентельменъ съ голубымъ воротникомъ оборвалъ его немного, такъ что дама волей неволей продолжаетъ шествіе далѣе въ совершенномъ траурѣ, въ бѣломъ съ чернымъ!

Хорошо, что пришло на мысль захватить съ собой фонарикъ, потому что начищаетъ вечерять, а будь ночь такъ свѣтла что видно было-бы фабру на усахъ Васильева, все равно пришлось-бы почевать въ полоціи или отправится еще куда нибудь подальше...

Пойдемъ-же лучше почевать домой, чѣмъ добровольно лезть въ непріятность и подумаемъ о томъ что дѣлается. А вотъ что на пр. назначены комиссіи, гдѣ уже окончательно судятъ что сдѣлать съ человѣкомъ. Наказанія существуютъ разнаго рода и моральныя и матеріальныя. Съ кого содрать можно—сдираютъ, съ кого нельзя—сажаютъ, а чаще сдираютъ, сажаютъ и отсылаютъ—куда? Половину—имъ да Богъ извѣстно, половину—по старой, извѣстной, уже выбитой дорогѣ!

По возможности стараюсь избѣгать повтореній того, что уже было гдѣ-нибудь въ газетахъ, спрошу однако у русскаго читателя, знакомо-ли ему то, что было въ Вильнѣ въ началѣ Августа? Должно быть нѣтъ, потому что развѣ только можно было почерпнуть какія-нибудь свѣденія въ “Курьерѣ Виленьскомъ”, гдѣ было упомянуто о какой-то пьяной толпѣ! Расскажемъ для незнающихъ правды.

Въ день воспоминанія соединенія Литвы съ Польшей, собралось очень много народу къ Остробрамской Божіей Матери. Послѣ обѣдни и пропѣтаго патріотическаго гимна, народъ сталъ расходиться. Тогда кто-то крикнулъ : “На Бельмонтъ господи пойдѣмъ!” и вся масса повернула въ сказанное мѣсто. Это очень не далеко отъ Вильно, и вотъ скоро собралась большая масса народа. День прошелъ очень хорошо, веселились, было сказано нѣсколько рѣчей, въ томъ числѣ обратила на себя вниманіе рѣчь одного мастераго.

Въ вступленіи давши всѣмъ рабочимъ выговоръ за то, что чрезъ ихъ нерадѣніе къ судьбѣ своихъ дѣтей и чрезъ распущенную жизнь упадаютъ всѣ ремесла перешелъ онъ къ другимъ вопросамъ, вызвавшимъ общее одобреніе и кончить надеждой, что скоро будемъ праздновать этотъ день не тихо и подъ пыткой, а спокойно и весело. Вечеромъ всѣ разошлись пѣвши, до городскихъ воротъ, разныя народныя и патріотическія пѣсни. Никто не мѣшалъ и все было спокойно. Но полиція и ея предводители уже думали какъ бы это отплатить за такую вольность—и разомъ дать острастку, чтобы не было другой разъ повтореній такихъ прогулокъ. Думали, думали, и вотъ что придумали. Рѣшились вызвать народъ на какую-нибудь вспышку и придравшись что это бунтъ, воспользоваться случаемъ, чтобы показать всю свою звѣриную суровость и успокоивши ею народъ, получить какой-нибудь крестикъ.

Задумано, сдѣлано!

Стали распускать слухъ, что процессія идетъ изъ Царства Польскаго и Ковна къ Остробрамѣ,—и что нужно идти встрѣчать. Васильевъ даже чуть не подня таскалъ съ собою по городу какого-то господина въ польскомъ платьѣ, а квартирки громко говорили между собой въ кондитерскихъ и отеляхъ, что это поймали одного изъ процессіи, прѣхавшаго приглашать идти на встрѣчу.

Отъ ранняго утра стали собираться массы народа къ рогаткамъ на Ковенскую дорогу, но видя что стоитъ войско и не пускаетъ, стали отходить. Цѣлый день какъ волны, народъ то прибывалъ, то убывалъ, но вотъ наконецъ вечеромъ какъ молнія пробѣжала вѣсть, что процессія остановилась въ пѣ-склькихъ верстахъ отъ Вильно и ждѣтъ. Тогда всѣ почти хлынули къ заставѣ, чтобы выйти изъ города. Поднялась суматоха; того-то и ждали наши герои. Васильевъ скопировалъ казакамъ *уульть* — и пошла валка. Передовые, тѣспимые съзади, невольно лезли на рогатку, гдѣ ихъ ждали приклады—а подѣ часъ и штыкъ! Народъ разгорячился, и еслибъ не свои, которые удерживали, то могло-бы очень не хорошо кончиться, потому что многіе стали уже разбирать частоколь. Впрочемъ и такъ не хорошо кончилось!...

Казаки пагулялись въ доволь. Вѣрно на другой день пришлось перемѣнить не одну пагайку, да скажемъ по секрету и не одну пику!...

Въ перели было много дамъ—а потому многимъ изъ нихъ досталось весьма чувствительно, такъ напр. г-жу Ольгебрандову казакъ ударилъ такъ по лицу, что вышибъ глазъ.

Кого ранили, и по слабости не могъ скрыться, для дальнѣйшей расправы забирали жандармы, а съ тѣми которые на мѣстѣ Богу душу отдали* неизвѣстно что сдѣлали. Масса невооруженная не могла конечно долго удержаться и преслѣдуемая казаками съ опущенными въ атаку пиками, разбѣжалась и разошлась! Такъ кончился этотъ день, за который впрочемъ не знаю получили-ли командующіе награду!

Простимся съ Вильной припомнивъ только какъ во время пѣнія Гимна таскали людей изъ костела и какъ Васильевъ, изловивши кучера Тышкевича въ краковскомъ платьѣ, не смотря на то, что кучеръ огговаривался, что онъ одѣтъ такъ по приказанію барина, (что и было правда) далъ ему въ полиціи 100 розогъ!... Ужъ лучше, по крайней мѣрѣ благо-роднѣе-бы сдѣлалъ, еслибы далъ 200 какому-нибудь мнимому

аристократу поляку, который видя что кругомъ его слезы и кровь — раздупленный шаркаетъ на вечерахъ Назимова! Нѣтъ доброе Вильно! черезъ чуръ ты терпѣливо, что сносишь такихъ висѣльниковъ, плюющихъ на твое кровное чело.

До свиданія! пора ѣхать въ Ковно, въ свое доброе Ковно, гдѣ каждый кустикъ дышетъ скрытой жизнью!...

Вотъ уже и Пѣманъ видно! Здравствуй старый Пѣманъ! О давнихъ временахъ шепчутъ твои синія воды,—вотъ я снова ѣду въ свою квартирку надъ твоимъ крутымъ берегомъ слушать въ плескахъ твоихъ валовъ звуки родныхъ пѣсень старины, и смогрѣть въ твои зеркала, когда тихое утро съ лазурнымъ небомъ сорветъ покровъ ночи съ твоихъ пучинъ! Но довольно! что то лиризмъ не удался!...

Вотъ уже почти 3 мѣсяца не былъ я въ Ковнѣ, т. е. съ послѣдней процессіи 31 Іюля, [12 Августа]. Не стану ее снова описывать, потому что можно прочесть объ этомъ въ *Колоколѣ* за Августъ мѣсяць, но повторимъ въ кратцѣ что было послѣ.

Во первыхъ не стало уже множества шпионовъ, прогрессъ.

Предводители дворянства уѣздный и губерніскій за добрыя чувства—подъ слѣдствіемъ въ Вильнѣ, и никто не хочетъ занять ихъ мѣсто! прогрессъ снова!

Кулаковскіи, инженеръ заведующій мостомъ, за хорошую нотацію полицмейстеру Васильеву, во время процессіи,* такъ-же подѣ судомъ.

Хотя ихъ помирили тогда, и было дано честное слово Васильевымъ, что все кончено, но у Васильева—долгъ и доносъ прежде всего.

Прогрессъ!

Вездѣ набито политическими преступниками; считая преступниками и 9^{ти} лѣтнихъ дѣтей—сажаютъ уже въ острогъ съ клейменными каторжниками!

Въ концѣ Ноября или въ началѣ Декабря (числа не могу вспомнить) часѣ въ 10 ночью дѣлали ревизію въ костелѣ и вывозили 3^{хъ} ксендзовъ въ Вильно. Собрался народъ чтобы проводить...

Начали снова бить; дамъ гнать съ балконовъ—угрожая что иначе жандармы стащатъ, а казаки въ потемкахъ скакали нарочно въ карьеръ въ толпѣ и не одному разбили голову.

Не одну уже сотню стащили въ комисіи изъ тѣхъ которые пѣли. Прогрессъ и въ хозяйствѣ! Казну уже обворовали, въ казнѣ больше нѣтъ денегъ, давай воровать у частныхъ лицъ. Говорю объ воровствѣ, потому что это чистое воровство, сказать кому-нибудь безъ доказательствъ, что онъ то-то и то-то сдѣлалъ,—и давай деньги! Сворцовъ, пачальникъ жандармовъ обратилъ свое вниманіе на уѣздъ и жиновъ, которыхъ безпрестанно ревизуетъ. Не давно нашелъ кучу разныхъ патріотическихъ медалей.

Нѣкоторые офицеры подаютъ въ отставку или переводятся въ глубь Россіи по приказанію, полиція пачинаетъ покровительствовать воровству явно, потому что воры представленныя пойманными, исчезаютъ.

Вотъ и все кажется пока. До свиданія! Маленькое первое путешествіе кончено, дай богъ за вторымъ встрѣтить другое что-нибудь болѣе утѣшительное!...

* Насчитываютъ по фамиліямъ 11 человекъ.

* О чемъ тогда нарочно выпустилъ въ письмѣ въ *Колоколѣ* (листъ 107).

Дай Богъ добрымъ людямъ перенести все это и не упасть въ силахъ и надеждѣ — а что разъ начато съ сильной вѣрой не заложить Богъ дать.

Р. S.—Ничего не говорю о Гродненской губерніи потому что не знаю ее.

С М Ъ С Ь.

Нѣмецкій Филаретъ и русскіе офицеры.

[Г. редактору "Военнаго Сборника" отъ 106 офицеровъ разнаго рода оружія.]

Къ издателю *Сверной Целы*,

М. Г.! Во 2-мъ номерѣ редактируемаго вами журнала напечатана статья "Кавалерійскіе очерки," соч. флигель-адъютанта князя Эмилія Витгенштейна. Между многими странными взглядами его сіятельства мы встрѣчаемъ также и защиту тѣлесныхъ наказаній, которыя, по словамъ князя, "по своей непродолжительности и удобству исполненія, представляютъ неспасимыя выгоды;" "ихъ," говорятъ его сіятельство, "можно назначать и на бивуакахъ, при кратковременной остановкѣ, и подъ самымъ непріятельскимъ огнемъ, избѣгая слишкомъ медленной процедуры и проволочекъ."

Князь Эмилій Витгенштейнъ обдумывалъ, написалъ и напечаталъ свои взгляды по нѣмцамъ. До него слѣдовательно намъ дѣла нѣтъ; но намъ непріятно видѣть, что дикія сужденія иностранцевъ о томъ, что нужно и чего не нужно русскому офицеру и солдату, переводятся и находятъ мѣсто въ журналѣ, котораго редація ввѣрена вамъ, милостивый государь, конечно не для того, чтобы распространять въ нашемъ военномъ сословіи невѣжество и проводить взгляды, доказывающіе возмутительное непониманіе духа русскаго солдата и потребностей общества.

(Подписано : 106-ю офицерами.)

— Въ слѣдующемъ Н. С. П. издатель Военнаго Сборника обороняется всѣми средствами отъ подозрѣнія, что онъ дѣлаетъ возрѣнію князя Эмилія. Это отрѣченіе отъ всякой солидарности съ нимъ, еще рельефнѣе выставляетъ нѣмецкаго любителя тѣлесныхъ наказаній.

— *Валуевъ и Проволка.*—Министръ в. д. подалъ слѣдующую записку :

"Въ наше время о всякомъ сколько-нибудь замѣчательномъ фактѣ, въ какой-бы отдаленной странѣ онъ не совершился, тотчасъ являются въ европейскихъ газетахъ, телеграфическія свѣденія, даже съ объясненіемъ значенія факта; эти свѣденія журналисты получаютъ чрезъ своихъ корреспондентовъ, которыхъ они имѣютъ въ разныхъ странахъ и которые въ свою очередь пріобрѣтаютъ извѣстія не рѣдко отъ самихъ правительствъ. Для этой цѣли въ Лондонѣ образовалось даже особое телеграфическое агенство Рейтера. Денеші этого агенства помѣщаются въ извѣстной англійской газетѣ Times и одновременно въ лучшихъ газетахъ : Брюсселя, Парижа, Кельна, Гамбурга, Берлина, и Вѣны. Такія денеші, преимущественно правительственныя, отличаясь правдивостію содержанія, пользуются большимъ вѣсомъ въ печати и довѣріемъ въ общественномъ мнѣніи, и предупреждаютъ собою появленіе искаженныхъ извѣстій и статей о тѣхъ-же самыхъ фактахъ, а въ тоже время служатъ исходною точкою для оцѣнки статей, получаемыхъ другими путями. Одна Россія составляетъ въ этомъ отношеніи исключеніе. По

условіямъ нашего государственнаго устройства иностранныя журналы и газеты не могутъ имѣть у насъ своихъ корреспондентовъ ex-officio. По этому относительно самыхъ знаменательныхъ фактовъ они вынуждены довольствоваться источниками скудными, а чаще не вѣрными. Обыкновенно они почерпаютъ свои свѣденія или изъ частной корреспонденціи, всегда осторожной и не рѣдко двусмысленной, вызывающей догадки, или изъ рассказовъ путешественниковъ, или наконецъ изъ газетъ : польскихъ, бреставскихъ и сиезекскихъ, въ статьяхъ которыхъ всегда проглядываетъ непріязнь къ Россіи и умышленное искаженіе событій. Необходимое послѣдствіе такого исключительнаго положенія Россіи уже обнаружилось : почти ежедневно въ газетахъ иностранныхъ появляются статьи, наполненные не только ложными извѣстіями о небывавшихъ событіяхъ, но и самыми презрительными сужденіями о томъ, что у насъ происходитъ,—и всегда въ духѣ враждебномъ нашему правительству. Къ сожалѣнію, подобныя статьи рѣдко встрѣчаютъ отпоръ въ нашихъ газетахъ и журналахъ, такъ какъ и самыя послѣднія не всегда доступны необходимыя для того данныя и самый процессъ напечатанія возраженій затруднителенъ для журналистовъ, которые должны имѣть въ этомъ случаѣ особое разрѣшеніе, часто не своевременно получаемое, отъ чего и самыя статьи теряютъ свой интересъ.

"Въ такихъ обстоятельствахъ необходимо было-бы : 1) предупреждать появленіе въ иностранныхъ изданіяхъ искаженныхъ и враждебныхъ русскому правительству статей; 2) опровергать такія статьи въ лучшихъ заграничныхъ изданіяхъ. На первый разъ довольно было-бы ограничиться приведеніемъ въ исполненіе перваго предложенія. Наилучшимъ къ сему средствомъ была бы передача по телеграфу въ агенство Рейтера всякаго рода свѣденій, самыхъ достовѣрныхъ и категорически объясненныхъ, о всѣхъ важныхъ явленіяхъ нашей жизни государственной и общественной, равно и о тѣхъ, которыя при нынѣшнемъ порядкѣ вещей интересуютъ общественное мнѣніе, хотя бы это касалось отдѣльныхъ личностей. Рейтеръ охотно будетъ принимать подобныя извѣстія безплатно такъ какъ вознагражденіе въ этихъ случаяхъ онъ получаетъ отъ издателей газетъ. Два или три мѣсяца опыта покажутъ, какую вѣру будутъ давать подобнымъ извѣщеніямъ, и безошибочно можно сказать, что съ появленіемъ этихъ телеграммъ въ лучшихъ газетахъ, редакторы прочихъ изданій будутъ съ болѣею осмотрительностію принимать другимъ путемъ доходящіе до нихъ извѣстія и помѣщать ихъ у себя не иначе, какъ соображаясь съ самыми телеграммами.

"Нѣтъ сомнѣнія, что подобная мѣра отзовется и на тѣхъ русскихъ изданіяхъ, выходящихъ за границу, въ которыхъ помѣщаются статьи о современныхъ фактахъ въ русской жизни : статьи эти послѣ появленія телеграфическихъ денешъ потеряютъ свой *соблазнительный** интересъ.

"За симъ представляется вопросъ : какимъ образомъ и гдѣ формулировать упомянутыя телеграммы ? По разнообразію явленій жизни государственной и общественной, свѣденія о нихъ конечно должны быть заимствуемы въ большей или меньшей степени изъ всѣхъ управленій и вѣдомствъ; но выборъ предметовъ и самую обработку телеграммъ ближе всего было бы возложить на министерство иностранныхъ

* Это уже по части любимой.—Ред.

дѣлѣ, такъ какъ въ обязанность его не сомнѣнно входитъ сообщеніе своимъ дипломатическимъ агентамъ данныхъ о томъ, что у насъ дѣйствительно происходитъ или произошло. Само собою разумѣется, что телеграммы, такимъ образомъ составляемыя, и самое соглашеніе о напечатаніи ихъ въ иностранныхъ газетахъ не должны имѣть никакого официального характера, а необходимо устройство этого дѣла поручить частному лицу."

Въ силу этой записки дещи уже посылаются Рейтеру.

къ тверскому дѣлу.

*Письмо Г. Б. . . къ предводителю дворянства
по делу мировыхъ посредниковъ.*

Милостивый государь,

Въ газетахъ прошедшихъ дней было отпечатано, что принадлежать человѣкъ потомственныхъ дворянъ и помѣщиковъ, принадлежащихъ къ составу мирового учрежденія тверской губерніи, объявилъ губернскому присутствію по крестьянскимъ дѣламъ, что они имѣютъ нѣкоторые убѣжденія, несогласныя съ положеніемъ 19 Февраля объ освобожденіи крестьянъ, что они признаютъ возможнымъ дѣйствовать только согласно съ своимъ убѣжденіемъ, и всякій другой образъ дѣйствій находятъ противнымъ общественному благу. Къ этому было присовокуплено въ газетахъ, что за такой поступокъ они были взяты подъ арестъ и преданы суду пр. сената.

На основаніи закона дворянинъ можетъ быть взятъ подъ арестъ до окончанія надъ нимъ суда и слѣдствія только въ такомъ случаѣ, когда онъ совершилъ преступленіе, подвергающее его лишенію всякихъ правъ состоянія, а суду сената, въ первой инстанціи, подлежатъ только преступленія государственныя. Кромѣ того, мнѣ достоверно извѣстно, что поступокъ помянутыхъ тверскихъ дворянъ подводится подъ ст. 358 Ул. о пак., въ которой сказано: "Когда должностное лицо не исполнило высоч. указа или повелѣнія съ намѣреніемъ, для какихъ-либо корыстныхъ или иныхъ видовъ, то оно подвергается: лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылки въ каторжныя работы въ крѣпостяхъ на время отъ десяти до двѣнадцати лѣтъ."

Если примѣнять законы такимъ образомъ, то ни одинъ изъ насъ, дворянъ, ни въ одну минуту своей жизни, не можетъ быть увѣренъ, что не будетъ взятъ подъ арестъ, лишенъ правъ и сосланъ въ Сибирь. Я закурилъ сигару въ вагонѣ на желѣзной дорогѣ. По высоч. повелѣнію въ вагонахъ курить запрещено, я не исполнилъ высоч. повелѣнія, я долженъ быть лишенъ правъ и сосланъ въ каторжную работу.

Со стороны тверскихъ дворянъ никакого неисполненія высоч. повелѣнія не было, они не только не сдѣлали ничего противозаконнаго, но исполнили прямую свою обязанность. Они благородно и откровенно заявили въ качествѣ должностныхъ лицъ, правительству о своихъ убѣжденіяхъ и о томъ образѣ дѣйствій, который они считаютъ исключительно согласнымъ съ общественнымъ благомъ и сдѣлали это не прежде, какъ убѣдившись въ томъ, что значительное число дворянъ раздѣляетъ ихъ мнѣніе. Во всѣхъ цивилизованныхъ государствахъ, гдѣ должностное лицо не считается рабомъ своего начальства, а благороднымъ и самостоятельнымъ человѣкомъ (русскаго дворянина неприлично и невозможно считать чѣмъ-нибудь другимъ), во всѣхъ подобныхъ цивилизованныхъ государствахъ, говорю я должностное лицо не только

можетъ, но часто обязано заявлять о своихъ убѣжденіяхъ и если убѣжденія эти найдены будутъ правильными, то согласно съ ними иногда измѣняются законы, если же нѣтъ, то должностное лицо увольняется. Такое заявленіе убѣжденій, во многихъ случаяхъ, конечно не обходится безъ рѣзкихъ выраженій. Въ настоящее время вполне доказано, что существованіе самостоятельнаго и благороднаго высшаго сословія возможно только при такомъ образѣ дѣйствія. Мы имѣемъ всѣ основанія желать, чтобы съ нами поступали такимъ-же образомъ и не подвергали насъ рабскому униженію и притѣсненію.

Посему я, въ качествѣ потомственнаго русскаго дворянина и помѣщика имѣю честь покорнѣйше просить Васъ, милостивый государь, предъявить сословію, которое избрало васъ своимъ представителемъ мое письмо и пригласить дворянство ходатайствовать передъ государемъ императоромъ объ огражденіи насъ на будущее время, отъ такого произвола, который подвергаетъ опасности честь всего нашего сословія. Къ сему долгомъ считаю присовокупить, что мною сдѣлано подобное же заявленіе и приглашеніе дворянству той губерніи, къ которому я имѣю честь принадлежать, а равно и всѣхъ прочихъ губерній Россійской имперіи, независимо отъ всеподданнѣйшаго прошенія, поданнаго по сему предмету, 23 Февраля 1862 года.

Съ чувствами и пр.

— Independence говоритъ, что не смотря на всѣ усилія Горчакова, большинство министровъ не хочетъ признавать Италіи. Кто-же составляетъ это большинство за Бурбоновъ, за Австрію—интересно знать имена. Нѣмцы-то, нѣмцы-то—дядя, сватья, шурины, да девери—какъ гиря стягиваютъ петербургское правительство.

— Дворянскіе выборы въ Волынской губерніи отложены по высочайшему повелѣнію.

— Изъ Петербурга пишутъ, что дворянъ окружающая государя интригуетъ противъ князя Суворова, *имѣ жалъ Цинатьева*; не воротить-ли его?

ПОЛЯРНАЯ ЗВѢЗДА НА 1862.

Выпускъ первый: Изъ записокъ И. Д. Якушкина; Отрывокъ изъ мнѣнія дѣйствительнаго статскаго совѣтника Липранди; Къ предыдущей статьѣ: Примѣчанія, Приложенія, Выписки; Разказы о временахъ Николая: Колѣсниковы и его товарищи въ Оренбургѣ, Братья Критскіе и ихъ товарищи въ Москвѣ, Братья Раевскіе; "Былое и Думы" Искандера; (изъ 30-хъ годовъ).

Второй выпускъ; (выйдетъ въ Маѣ); въ немъ будутъ помѣщены: Отрывки изъ записокъ Н. А. и М. А. Бестужевыхъ; Императоръ Александръ I и В. Н. Каразинъ, (Искандера); Выдержки изъ записокъ одного Недекабриста, Два процесса изъ послѣдней части *Былое и Думы* и пр.

БЫЛОЕ И ДУМЫ, ТОМЪ ТРЕТІЙ.

Между четвертой и пятой частью: Записки одного молодого человѣка; Лицдиній и Вильямъ Пенъ; Капризы и Раздумье; Статьи полемическія; Станція Едрово; Нѣсколько замѣчаній объ историческомъ развитіи чести и пр.

ESSAI SUR LA SITUATION RUSSE,
par N. OGAREFF.

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи—136 & 138 Caledonian Road, London, N.

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM,

КОЛОКОЛЪ

VIVOS VOCO!

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ.
Цена 6 пенса. Получается въ Вольной
Русской Типографіи, 136 & 138 Caledonian
Road, N.

ЛИСТЪ 131.

1 МАЯ 1862.

У Трибнера & Со. въ книжной лавкѣ,
60, Paternoster Row, и у Tchorzewski,
1, Macclesfield Street, (Gerrard Street),
Soho, London. Price six-pence.

(WITH SUPPLEMENT NO. 12).

ОГЛАВЛЕНІЕ.—Отвѣты М. М. Михайлова—Голосъ въ Народъ (письма помѣщика)—Отъ гражданскихъ чиновниковъ—

Изъ Сибири. Смѣсь: Загадки и вопросы—Чудотворное дѣйствіе императора—Similia Similibus—Объясненіе.

ОТВѢТЫ М. М. МИХАЙЛОВА.

Сенаторы и вообще сановники были до настоящаго времени мало рѣчисты, они представляли молчаливый хоръ, обон, почетную обстановку самодержца всероссійскаго, безсловесныя орудія, которыми онъ дрался. Въ его присутствіи они не смѣли говорить; въ его отсутствіи съ ними не смѣли говорить, никто кромѣ равныхъ по чину, а тѣмъ нечего было сказать.

Но времена двигаются впередъ, а съ ними двигаются впередъ и наши сенаторы. И вотъ намъ удалось на sea side встрѣтить усовершенствованнаго сенатора съ даромъ слова, съ *repetitiцей*. Послѣдній русскій сановникъ, котораго я видѣлъ лѣтъ двѣнадцать тому назадъ, сановникъ первой величины, былъ Викторъ Панинъ, сидѣвшій согнувшись въ *каретѣ* на пароходѣ. Прогрессъ огромный, Панинъ все молчалъ въ каретѣ, сенаторъ постоянно говорилъ въ вагонѣ.

Замѣтивъ его наклонность къ велерѣчію, я вдругъ спросилъ его: Вы были въ Петербургѣ во время суда Михайлова?

— Какъ-же.

— Тутъ не смотря на восхваляемый прогрессъ, ваши товарищи поступали не лучше николаевскихъ палачей и инквизиторовъ, разныхъ Бибиковыхъ и Гагариныхъ.

— Позвольте, перебилъ меня сенаторъ, я по счастью не былъ въ числѣ его судей, стало я не себя защищаю, по человѣчеству мнѣ его жаль, я видѣлъ его; болезненный; худой, —но съ тѣмъ вмѣстѣ я вамъ долженъ сказать, что такой закоснѣлой дежзости, какую показалъ Михайловъ, я не видывалъ, c'est du Robespierre... Вы не имѣете идеи что такое. Прежде по крайней мѣрѣ люди отпирались, чувствовали ужасъ своего положенія, а этотъ господинъ щедушій, въ очкахъ, прямо говорить такъ и такъ. Я помню нѣкоторые изъ его отвѣтовъ.... въ Англіи, сидя вдвоемъ въ вагонѣ страшно повторить. Что-же правительству дѣлать, что дѣлать судьямъ?

— Да вы припомните что-нибудь?

— Такия вещи не часто удается слышать, я у себя въ памятную книжку записалъ.

— Это чрезвычайно любопытно.

— Да-съ, я думаю. Вотъ постойте, она у меня тутъ въ сакѣ, онъ порылся и досталъ книжку, потомъ добавилъ. — Посудите сами.

Годъ VI.

Тутъ онъ началъ читать — пропуская, останавливаясь, повторяя.

На вопросъ: *Какихъ вы убѣжденій относительно русскаго правительства?* Михайловъ отвѣчалъ.

— Я давно уже имѣлъ случай ознакомиться съ принципами нашего правительства и нахожу ихъ таковыми, что честный человѣкъ не только не можетъ раздѣлять, но и одобрять ихъ.

Напрасно уничтоженіемъ крѣпостнаго права, на бумагѣ, вы хотите включить Россію въ число умѣренно-либеральныхъ, цивилизованныхъ державъ. Она теперь ничто иное, какъ огромное имѣніе разстроенное распутствомъ богатаго своего помѣщика.

Напрасно въ “Сводѣ Законовъ” вы помѣстили слово гражданъ, потому что гдѣ нѣтъ гражданскихъ правъ, тамъ это слово мертвая буква. У насъ вмѣсто правъ существуютъ сословныя привилегіи и преимущества, выросшія на почвѣ личнаго произвола.

Не выражали-ли вы вашихъ убѣжденій публично?

— За неимѣніемъ публичной общественной мысли, и при нынѣшнемъ положеніи прессы, которое дѣйствительнымъ гнетомъ лежитъ на дорогѣ нашего національнаго развитія, писателю невозможно высказаться передъ народомъ, а народу невозможно высказаться въ писателѣ. Уничтожьте цензурный комитетъ если васъ интересуетъ взглядъ мыслящаго общества на правительство. Вы только откройте инструментъ, а музыка будетъ.

Не дѣйствовали-ли вы противъ правительства и какъ именно?

— Вы дошли наконецъ до такого вопроса, на который привыкли получать отрицательный отвѣтъ. Но на этотъ разъ откровенность взяла верхъ. Я не буду спорить съ вами. — Да, я дѣйствовалъ противъ правительства путемъ пропаганды, тѣмъ послѣднимъ путемъ, который вы стараетесь запереть легіонами вашихъ сыщиковъ. А кстаті по какому праву эта подлая сволочь, спрошу я васъ, содержится на счетъ правительства, а не государя? Кому нужно, тотъ пусть и оберегаетъ и холитъ это нѣжное, боящееся свѣта растеніе нашей отечественной флоры, возвращенное въ жандармски-полицейскомъ цвѣтникѣ.

Вы хотите знать, въ чемъ состояла эта пропаганда? я въ этомъ случаѣ поспѣшу, какъ я умѣю, удовлетворить вашей любознательности. Я старался сообщить народной массѣ тѣ идеи, при пониманіи которыхъ невозможенъ существующій порядокъ вещей. Будьте увѣрены, что еслибы все общество получило хоть какое-нибудь социальное образованіе, въ Россіи была-бы конституція. Министры и весь этотъ штатъ вельможно-лакейскихъ воровъ, прихлебателей, съ расширенными золотомъ воротниками были-бы стерты съ лица земли. Зимній-бы дворецъ опустѣлъ. Памятникъ Николая незабвеннаго не обезображивалъ-бы больше Исакиевскую площадь.

— Насколько вѣрны записки сенатора, я не знаю, но общій характеръ кажется сохраненъ.

ГОЛОСЪ ЗА НАРОДЪ

(Письма помѣщика)

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

... Вотъ моя точка отправленія :

1) Освобожденіе крестьянъ съ землею, которою они владѣли и при крѣпости, безъ всякаго вознагражденія помѣщику, — и пользованіе всѣмъ, чѣмъ они до новаго крѣпостнаго права располагали ;

2) Товарищество или *артель земледѣльческая*, для обработыванія земель оставшихся у помѣщика. Вознагражденіе отъ второй, третьей части собраннаго продукта, или вообще какое вздумаютъ положить обѣ заинтересованныя стороны, т. е. *помѣщикъ*, какъ владѣтель земли, орудій или всего того что необходимо для производства, — и *крестьянинъ*, какъ представитель рабочей силы. Вся сумма полученнаго продукта, будетъ-ли она измѣрена снопами или чѣмъ другимъ, въ невымолотомъ хлѣбѣ, или всѣмъ въ вымолотомъ, раздѣлится между артельщиками-крестьянами и помѣщикомъ сообразно договору на 2, 3 или тамъ сколько положится частей, но приходящаяся доля на крестьянъ распределится не поровну между ними, а соотвѣтственно рабочей единицѣ мѣры (будетъ ли это часъ или день).* Такъ на примѣръ, положимъ получено 400 пудовъ, рабочихъ дней что-ли 200,—значитъ стоимость рабочаго дня 2 пуда; но рабочихъ 20. Разумѣется, еслибы они по ровну работали, т. е. по 10 дней каждый, то и получили-бы по ровну, т. е. по 20 пудовъ; но такъ какъ вѣрнѣе придется на одного больше 10 дней, а на другаго меньше, или какъ-нибудь иначе, т. е. однимъ словомъ — все число, какъ въ нашемъ примѣрѣ 200 рабочихъ дней, распределится не одинаково между 20 рабочими, то и вся плата 400 пудовъ распределится соотвѣтственно — кому досталось 9 дней работы, то получить 9 на 2 = 18 пудовъ, кому 15, то 30 пудовъ и т. д. Нечего и говорить въ выгоду крестьянина артельщика возможно больше сработать, а слѣдовательно въ общей суммѣ подойти къ тому что получить другой, третій его собратъ... Нельзя не видѣть новаго начала вводимаго здѣсь подобной уплатой за трудъ. Оцѣнка его не колеблется, ибо она не подлежитъ конкуренціи, ибо она изъята отъ рыночной, мѣстной, отъ времени года зависящей цѣфры; нѣтъ того, что бываетъ съ подневнымъ трудомъ. Работнику не говорятъ, что ты вотъ $\frac{1}{2}$ года, или тамъ $\frac{1}{3}$ года долженъ получить меньше, потому что запросу

* Едва-ли дѣйствительная мѣра, какъ по обычаю такъ и по гуманности, не заключается въ тѣлѣ. — Прим. Ред.

меньше, или *васъ тамъ много*. Онъ не тратится на проходы, на исканіе работы — она у него есть, онъ за годъ запасенъ ею на цѣлый почти годъ. По его смыслу когда онъ наработалъ, если только онъ работаетъ одинаковое количество времени, — подавай ему соотвѣтственно поту или труду и вознагражденіе. Его естественный складъ, здравый — не понимаетъ скрупулезныхъ тонкостей вознагражденія по расчетамъ экономистовъ гармоніи.

При системѣ артельной обработки каждый себѣ панъ. Работа его легко спорится; онъ знаетъ: больше положить труда, усилій, — соотвѣтственно и на часть его придется больше продукта. Наглая прихоть, власть не заправляетъ имъ. Правда, зоркій глазъ этого собирательнаго блага, въ которомъ онъ является единицей, не оставляетъ его; но это не тяготитъ его. Это онъ-же самый взятый что-ли 10, 20 или сколько-бы тамъ ни былъ разъ. Этотъ-то зоркій глазъ — общинный, артельный духъ — его природа, лучший управитель, распорядитель, двигатель. *Его* интересъ, — интересъ каждаго. Возмите еще, какъ необходимый результатъ всего предъидущаго — свободу отношеній къ помѣщику, какъ къ артельщику-же, къ пайщику, хоть и большому. Кромѣ того выгоды ихъ обоюдны; ссоръ и насилій и помину нѣтъ, возможность столкновений отнята самымъ артельнымъ, на свободѣ основанномъ, отношеніемъ.

Но главное и самое трудное въ нашемъ вопросѣ — это разграничить гдѣ начинается интересъ помѣщика, и стало быть гдѣ кончается интересъ крестьянина артельщика-работника. Правда, что мы опредѣлили полюбовной сдѣлкой этотъ дѣлежъ воловаго дохода, т. е. продукта въ хлѣбѣ; но гдѣ начало, которое хоть приблизительно позволяло-бы назначить грань, на одной сторонѣ — вознагражденіе за орудія, скотъ, капиталъ и т. д., а на другой работа. Разсѣките этотъ гордиевъ узелъ, и вы получите безобидныя доли.

Посмотримъ, что выйдетъ изъ совмѣстнаго бытія *общины*, какъ собственника и работника вмѣстѣ и *артели земледѣльческой*, какъ ассоціаціи, только рабочей.

Мало по малу, временемъ, отъ увеличенія благосостоянія, отъ сбереженія, обратившагося въ общественный капиталъ, *иниціатива* помѣщика, какъ капиталиста уйдетъ изъ его рукъ, сходя въ среду крестьянъ артельщиковъ. Понятно, что въ первый моментъ увеличенія силъ матеріальныхъ, общественныхъ средствъ производства, расходы производства — помимо труда, остающагося за крестьянами — распределится между всѣми участниками (крестьянами и помѣщикомъ) очень еще не равномерно: доли вклада капитала со стороны крупнаго землевладѣльца будутъ еще очень перевѣшивать, а потому и продуктъ, какъ слѣдствие львиной части, уйдетъ къ помѣщику. Но потомъ по мѣрѣ роста сбереженія крестьянскаго — эта доля будетъ тянуть къ возможному равенству. Помѣщикъ, упавшій, какъ сказано было, съ роли заправителя и орудователя, — спустится на однопашника, на однопашника, на такого-же равноправнаго члена. Онъ не будетъ ужъ, какъ сначала, первый между равными, а просто равный между равными.

Сначала навѣрное, мысль — что земля, на которой крестьяне работаютъ артелью — еще его собственность, *его* преимущество, за что онъ и получаетъ больше; но по времени сравненія вкладовъ, когда вся сила производства сойдетъ на трудъ личный, когда крестьяне увидятъ что, помимо ихъ

артельной работы, нѣтъ помѣщику возможности что-либо получить съ земли, а возможное уравненіе дѣлежя продуктовъ растётъ къ исходу, крестьяне неминуемо подойдутъ, что и земля, которую они обрабатывали сообща, не одного помѣщика, а равно и ихъ, т. е. что вся артель, вотъ кто собственникъ. Спорить нельзя—они правы будутъ. Какъ теперь не убѣдишь крестьянина, хоть вколачивай пулями и казни на пропащую,—что земля на которой онъ и его дѣды сидѣли—не его, такъ и артельщики скажутъ—жди, прады и мы артельную работали, а потому она наша... Дѣйствительно, со временемъ, разграниченіе, которое будетъ существовать для крестьянина въ началѣ—вотъ это десятъ общая земля, наша, а это помѣщичья, сгладится совсѣмъ, чему также поможетъ артельная обработка и своей земли, которая вся всецѣло отдаетъ имъ свой продуктъ; а идя съ нимъ рука объ руку, артельная обработка помѣщичьихъ земель, имѣющая тенденцію къ концу все болѣе и болѣе подводить къ одной величинѣ доли,—дастъ намъ, можетъ быть и не въ далекомъ будущемъ, собственность не личную, а мірскую; капиталъ не личный, а общественный; инициативу въ дѣлахъ не одного лица, а собора. Не будетъ крупнаго собственника, капиталиста помѣщика. Земли ушли, капиталъ тоже и помѣщикъ ушелъ въ массу. Волей или неволей подавай личный трудъ, скажетъ ему міръ или громада. Земля и капиталъ всѣхъ и никого въ частности. Средства мы тебѣ дадимъ, вотъ и земля на твою долю и деньги пожалуй на разживу, работай ка самъ: нѣтъ тебѣ больше того что самъ заработаешь...

И такъ концемъ развитія артели земледѣльской—міръ во всѣхъ его проявленіяхъ, т. е. то, что народъ признаетъ за свое кровное начало, *право*, да еще въ полномъ развитіи съ *артелью*.

Изъ всего сказаннаго ясно, какъ существенно необходимо для нашего всеобщаго освобожденія—показать народу въ чемъ его сила, его мощь,—подвинуть къ развитію то, что его смыслъ выработалъ тысячу лѣтъ назадъ: соединеніе *артели* съ *землею*.

Нельзя-ли именно, на вопросъ—чѣмъ жить помѣщикамъ, на какія деньги нанимать рабочихъ?—отвѣчать: *земледѣльскою артелью*. Тутъ и плата хлѣбомъ, по оцѣнкѣ общей и для крестьянина и для помѣщика, тутъ и отношеній нѣтъ батрака къ хозяину—интересы больше слиты, чѣмъ при какой-бы то ни было другой формѣ работы, обеспеченія больше и солидарности тоже, основанной на свободѣ отношеній. Если мысль допускающая только артельную обработку земель помѣщика вкоренится сильно, то произволу уже не можетъ быть со стороны крупнаго землевладѣльца, а возможность корысти парализована силой громады, безъ которой ему останется безъ куска хлѣба.

Такъ какъ мы разсматриваемъ выгоды обеихъ сторонъ, стремящихся согласиться на справедливыхъ началахъ, то при артели земледѣльской всѣ выигрываютъ, или иначе никто не теряетъ. Помѣщику нечего стеречься—вотъ, вотъ надуютъ, вотъ не сработаютъ. Страхъ можетъ быть сначала по непривычкѣ. Его нелѣпо и допускать. Развѣ при такомъ порядкѣ крестьянинъ-артельщикъ можетъ не обдывая себя, надуть помѣщика?

Спрашивается кто будетъ въ потерѣ?

Никто и не крестьяне и не помѣщики! Что казалось бы послѣдній потерялъ на оброкѣ, отказавшись отъ него, то не

съ лихвой-ли возвратитъ онъ допустивши обрабатываніе своихъ земель крестьянамъ-артельщикамъ? А развѣ-бы онъ въ самомъ дѣлѣ получилъ, хоть даже половинную часть сулимаго ему оброка новымъ крѣпостнымъ актомъ? Кто-жъ этому повѣритъ! Помощь правительства съ его листами, даже еслибъ и дала половину или четверть того, что снимала-бы съ крестьянъ, за оказанную какъ-бы милость избавленія ихъ отъ помѣщичьяго обязательства—государственнымъ, т. е. чиповничьимъ; что на этомъ выиграетъ помѣщикъ? Въ перспективѣ у него хотя и вольный трудъ, но безсильный, сломленный. А крестьянинъ? Что-жъ, что онъ свободенъ? и въ Англіи свобода не спасаетъ отъ голода сотни тысячъ людей.... и въ Англіи свободный трудъ, но безсильный, потому что онъ подѣнный, батрачный, который не мѣшаетъ быть *лишнимъ людьми*.

..... Наконецъ, предполагая возможность въ самомъ дѣлѣ развязать крестьянъ съ землею отъ помѣщиковъ и дать послѣднимъ предполагаемый выкупъ, сравнивая крестьянъ въ податяхъ съ государственными, и капитализируя оброкъ по 6 процентовъ, то ошибка, мнѣ кажется, была-бы громадна, если-бы тотчасъ-же, при распайкѣ барщины, образовавшійся свободный трудъ не принялъ-бы артельную форму. Не будетъ ли это поворотъ опять къ столь нами ненавидимымъ условіямъ—подѣнной платы, конкуренціи, обращенія работника въ какого-то механическаго двигателя. Проработалъ день—давай, какъ опредѣлилась въ данное время цѣна,—15, 20 или тамъ 25 коп. сер. Что ему заботиться успѣшно-ли шла у него работа? Онъ знаетъ, что больше этихъ нѣсколькихъ десятковъ копѣекъ ему не получить, хоть работай въ два раза усерднѣе. Всякій излишекъ рвенія падетъ излишкомъ продукта помѣщику. Поджигающаго-то начала нѣтъ, какъ въ артельной работѣ. При ней чѣмъ больше потратилъ усилій, тѣмъ болѣе и ему придется. Каждая строка ему въ лыко. А подѣнная цѣна въ деньгахъ, постоянно измѣняющаяся, развѣ справедлива? Особенно вначалѣ освобожденія, наконецъ и послѣ, ея колебаніе будетъ подвержено самымъ разнообразнымъ, прихотливымъ, нелѣпымъ въ сущности своей причинамъ. А пужда въ хлѣбѣ, не пропадая, а возростая, возвысилась-бы при артельной заработкѣ, стоимость единицы артельнаго труда; внесла-бы прибыль существенную, капитальную въ хлѣбѣ, первой необходимой потребности желудка.

А кромѣ того артель собирая силы народа и направляя ихъ къ производительному труду—разовьетъ интересъ личный, самоуваженіе, духъ общительности, предприимчивости. Усилія одного, почти всегда безплодные для одиночнаго работника, въ ассоціаціи вознаграждаются съ лихвой. Личность, подталкиваемая частной своей выгодой, связанной необходимо при такомъ устройствѣ съ общимъ интересомъ—мужаетъ, растетъ и вырабатывается. А самоуправленіе міромъ подступая къ нему на помощь, неизгладимо вырѣзываетъ на немъ печать человека свободнаго, у котораго черта, гдѣ кончается его произволъ и начинается самоограниченіе и власть надъ нимъ общества—опредѣлена точно, вѣрно...

Если согласно съ *Колоколомъ*—объявить, что крестьяне свободны съ той землей, которою теперь владеютъ (*Колоколъ* Іюль, 1861 года), выйдетъ само собой, что въ имѣніяхъ оброчныхъ вся земля считавшаяся при крѣпости за помѣщикомъ (но которая вся обрабатывалась крестьянами, съ которой

они и дѣлили между собою весь полученный продукт, за исключеніемъ части шедшей въ уплату оброка) — идетъ въ міръ безраздѣльно, безъ всякаго вычета на долю помѣщика. Этимъ самымъ въ оброчныхъ имѣніяхъ, которыхъ не мало, крестьянинъ разомъ становится и собственникомъ - общинникомъ и господиномъ работникомъ, но никакъ не подельщикомъ, какимъ онъ является въ имѣніяхъ необрочныхъ, — гдѣ рядомъ съ его землею сидитъ на своей львиной части бывший его баринъ, панъ, у котораго отъ неблагопріятнаго распределенія условій для крестьянъ, да еще введеніемъ хотя свободнаго, но поденнаго, а не *артельнаго* труда, на который мы наираемъ — вся сила, вся *иниціатива*. Поденный, а не артельный трудъ, не поведетъ за собой, какъ послѣдній, слитія выдѣленныхъ на долю помѣщика земель съ землями крестьянскими, а напротивъ, въ самомъ корнѣ, подрѣжетъ начала, изъ развитія которыхъ непремѣннымъ слѣдствіемъ вытечетъ возможно лучшее распределеніе продуктовъ и поднятіе стоимости труда, какъ единственнаго наследника всего благосостоянія, которымъ теперь пользуется меньшинство, эксплуатируя работающее человѣчество. А отнимая возможность у большинства земледѣльческаго населенія и въ будущемъ обратиться въ хозяина работника, имѣющаго право на весь свой прибытокъ, мы вносимъ разладъ въ экономическія силы нашего народа, сохраняя однимъ, какъ въ бывшихъ оброчныхъ имѣніяхъ, истинныя начала разумнаго употребленія силъ, а другимъ, въ бывшихъ барщинныхъ имѣніяхъ, спутываемъ эти начала внося къ нимъ чуждые элементы.

... Къ чѣму-жъ это поведетъ?.. Зачѣмъ мы будемъ строить, предвидя, что скоро придется ломать? Вѣдь севастопольскія доки труднѣе теперь возстановить изъ мусору и развалинъ, чѣмъ если-бъ приходилось вновь строить, на чистомъ грунтѣ. А въ жизни ломка отдается и кровью и слезами подъ часъ очень, очень горькими... Если Милю рисуются ассоціаціи фабричныя, рабочныя, раскинувшіяся мелкою сѣтью и половившія единичные крупные капиталы, какъ возможно счастливый выходъ къ новымъ экономическимъ порядкамъ — то за чѣмъ мы нашу родную, кровную ассоціацію-артель подорвемъ, когда ужъ она соткалась и на практикѣ и въ народномъ пониманіи. Что англійскій экономистъ только предугадываетъ у себя, гдѣ есть только слабый намекъ, одинъ едва замѣтный штрихъ, у насъ въ яркой дѣйствительности: почва готова, дасть зрѣлый цвѣтъ и плодъ, уничтожьте только плевелы, дайте только просторъ и ширь, а жатва будетъ богатая.

Если стоять за начала народныхъ, то стоять за всѣ ихъ стороны, иначе напутавши и настроивши своего, выйдетъ такой хаосъ, что и не сведешь концы съ концами, затемняя практикой въ жизни разумное пониманіе дѣла.

Нельзя не прибавить ко всему этому одно замѣчаніе, еслибъ выкупъ на основаніяхъ *Колокола* порѣшился, или лучше сказать, правительство въ продолженіи 37 лѣтъ отказалось-бы брать эти 5 р. 60 копѣекъ съ крестьянъ, то можно было бы ихъ обратить въ общественный капиталъ, заложить банкъ, что дало-бы разомъ возможность подняться артели.

Необходимыя орудія земледѣльческія добылись-бы этимъ путемъ общиной для обрабатыванія своихъ собственныхъ земель. Это развязало-бы руки крестьянамъ, ставъ ихъ разомъ, съ перваго момента, полными собственниками-

хозяевами, *сильными числомъ* и средствами производства. Съ каждымъ годомъ увеличивающійся фондъ банка позволилъ-бы имъ къ концу 37 лѣтъ, а можетъ и ранѣе подойти къ однородности дѣла воловаго продукта, о которомъ мы упоминали, говоря о развитіи артели. Наконецъ предполагая, что и не всѣ 5 р. 60 копѣекъ пошли въ *общее хранилище*, а тамъ какая-нибудь часть всего, и то ладно. Главное тутъ въ томъ, чтобъ былъ грунтъ, а общее прибіжище и распределеніе податной суммы между *сельской казной* и помѣщикомъ возможно безобидно.

Если считать всѣ высказанныя начала правильными и единственно пригодными для введенія въ Россію новаго порядка вещей, то нельзя забыть, что они имѣютъ только основу въ великорусскомъ бытѣ; въ Малороссіи другіе элементы, другой пока складъ жизни. Какъ извѣсно, вмѣсто общиннаго землевладѣнія — личное, а артели и нѣтъ. Положенія новаго *крѣпостнаго права* укрѣпляютъ за Малороссіей эти личные начала, разбивая въ тоже время общину въ Великороссіи. Мы, защитники и артели и общины, спрашиваю я, должны-ли набивать ихъ Малороссіи? Конечно нѣтъ! Предоставимъ ихъ развитію самой жизни, требуя только свободы для ея проявленій. Одно очень важное условіе говорить въ нашу пользу — это *обычай* въ Малороссіи отдавать въ казакія общества землю за извѣстную часть собраннаго продукта. Крестьяне, освободясь, будутъ такими-же казаками ибо *теперь* слово *казакъ* — значитъ просто: свободной земледѣлецъ...

.... Пусть *отношенія наши* сведутся на ясныя и вѣрныя, на сколько это возможно, разумѣется, при безпутствѣ всѣхъ другихъ условій, равно тягостныхъ и крестьянамъ и помѣщикамъ.

Лично, я употреблю весь трудъ мой на то, чтобъ доказать фактомъ какая это сила — *земледѣльская артель*: Мое послѣднее слово: за народъ и въ народъ!

ОТЪ ГРАЖДАНСКИХЪ ЧИНОВНИКОВЪ

(въ редакцію Колокола).

Съ удовольствіемъ прочли мы въ No. 114, издаваемаго вами журнала, адресъ гражданскихъ чиновниковъ. Мы чрезвычайно благодарны за напечатаніе его, ибо однимъ этимъ способомъ онъ сдѣлался гласнымъ и обращаетъ на себя особенное вниманіе предисловіемъ, въ которомъ весьма справедливо сказано, что мы чиновники, "чуть-ли не самые несчастные послѣ крестьянъ," но мы прибавимъ къ этому, что мы гораздо несчастнѣе крестьянъ.

Мы желали поблагодарить васъ м. г. за гласность о насъ, явившуюся едва-ли не впервые, и вмѣстѣ съ тѣмъ покорнѣйше просимъ дополнить статью вашу слѣдующимъ, что напечатанное въ этомъ No. прошеніе дѣйствительно *предполагалось* подать г. министру внутр. дѣлъ; но по случаю предстоявшаго приѣзда государя императора въ Новороссійскій край, мы надѣялись, что графъ Строгоновъ будетъ къ намъ милостивъ, и доложить о насъ государю, а потому прошеніе это *подано графу Строгонову въ началѣ Августа мѣсяца 111 человекъ*; но онъ оставилъ его безъ *всякаго вниманія* и въ *безгласности* такъ, что о немъ никто не знаетъ. Между тѣмъ у насъ есть убѣжденіе, что если бы прошеніе это было доложено государю, то онъ, или бы уважилъ нашу просьбу исполнѣ или въ нѣкоторой

степени—или наконецъ сдѣлалъ бы какое-либо *единожды* навсегда распоряженіе къ обезпеченію нашей будущности. А это необходимо потому, что изъ отчета одного министра государственныхъ имуществъ, (№. 8—10 журнала Сѣверная Почта) видно, что съ 1857 по 1860 г. оставлено за штатомъ около 13 тысячъ чиновниковъ—не говоря уже о другихъ вѣдомствахъ, гдѣ сокращено уже въ послѣдніе два года не менѣе этого числа—а въ продолженіи будущихъ 2 лѣтъ, по предположеннымъ реформамъ, эта цифра увеличится на 20 разъ. Надобно обратить вниманіе, что всѣ, или почти всѣ эти остающіеся за штатомъ чиновники самые бѣдняки, существовали только служебными средствами. Въ настоящее время эти несчастные побираются, и, вѣроятно въ виду голодной смерти, должны будутъ рѣшиться на что-нибудь ужасное.

Вы, можетъ быть, скажете что они обязаны броситься къ другому труду; но можете-ли повѣрить, что для нихъ кромѣ службы, ничего болѣе не существуетъ. По крайнему предубѣжденію противъ дворянъ и чиновниковъ въ особенности, въ Россіи,—ни чиновникъ, ни военный офицеръ нигдѣ не можетъ имѣть мѣста, его никто не пріиметъ: помѣщикъ въ прикащики, купецъ въ повѣренныя, мастеръ въ подмастерье, и никто въ кучера и дворники—однимъ словомъ, если чиновникъ или военный лишился службы, то положеніе его становится безвыходнымъ—ему грозитъ голодъ и нищета. По этому, *единственный* способъ въ настоящее время дать желающимъ земли и они сдѣлаются и себѣ и ближнему полезными.

Въ Россіи находится земли несмѣтное количество—цѣлый вновь завоеванный Кавказъ, самарская и саратовская губерніи не имѣютъ копѣйки, не говоря уже о Новороссійскомъ краѣ, гдѣ за падѣломъ бывшихъ военныхъ поселеній, остались сотни тысячъ десятинъ, которые продавались, но никто не купилъ и не купить.

Въ два послѣдніе года государь подарилъ болѣе 40 тысячъ десятинъ земли знатымъ и богатымъ сановникамъ за заслуги.

Мы не можемъ опровергать того, что эти господа заслужили такую милость. Хотя мы не вправѣ рассчитывать на такое пожертвованіе; но не менѣе того мы также не бесполезны были, за то мы и просимъ не дарить намъ, а *обезпечить* наши семейства и насъ, *продажею* намъ земли на выплату за нее въ продолжительный срокъ. Это будетъ въ высшей степени для насъ милость—и само государство избавится отъ нищихъ и пролетаріевъ. Мы пойдемъ и на Кавказъ и въ самарскую губернію, продайте только намъ земли. Между тѣмъ мѣра эта будетъ въ числѣ происходящихъ реформъ въ Россіи, и *разъ навсегда* несчастные чиновники и военные офицеры будутъ въ настоящее время пристроены—а новое поколѣніе, воспитанное въ духѣ современныхъ требованій, найдетъ другіе способы къ своему существованію, и такого количества чиновниковъ никогда болѣе не будетъ. Притомъ-же самое преобразованіе въ Россіи уничтожаетъ эту касту, по этому и не будетъ болѣе надобности въ заботливости правительства о будущихъ чиновникахъ.

Размноженіе чиновниковъ и военныхъ офицеровъ произошло, какъ извѣстно, не по волѣ народа, а по волѣ правительства.

Съ одной стороны стѣсненіе въ образованіи вообще, а съ другой принужденіе къ службѣ—такъ тянулись вѣка, и вотъ теперь только все это разрушается и кажется навсегда—по

этому-то правительству и слѣдуетъ обезпечить ихъ будущность, при дѣлаемомъ имъ-же переворотѣ.

Говоря объ обезпеченіи участи чиновниковъ, мы должны сказать, что отъ этого выиграетъ и самое правительство—не говоря уже о ежегодной платѣ за землю, объ избавленіи отъ воплей и стонѣвъ, а можетъ чего-нибудь и болѣе этого,—въ странахъ обильныхъ и богатыхъ, но необитаемыхъ возникнутъ села и города, разовьется торговля и проч.

Кому не извѣстны богатства Кавказа? но онъ находится въ первобытномъ состояніи, тамъ нѣтъ рабочихъ рукъ—а мы бы, и многіе проливавшіе на Кавказѣ кровь выкопали-бы всѣ эти сокровища.

Вы, м. г., много писали и говорили въ пользу крестьянъ въ Россіи—благодаря бога они освобождены и положеніе ихъ улучшается, и близко уже то время, когда они будутъ совершенно счастливы. Подымите голосъ и въ пользу дѣйствительно и истинно несчастныхъ чиновниковъ—сдѣлайте гласнымъ всѣ наши бѣдствія, выставьте правительству нашему весь ужасъ нашего положенія, можетъ быть посредствомъ вашего журнала все это дойдетъ до государя императора и онъ вѣроятно сжалятся надъ нами и спасетъ насъ—потому что до него мало что доходитъ, передъ нимъ все скрываютъ, какъ это доказываютъ прошенія скрытыя гр. Строгоновымъ, которыя если-бы были доложены, можетъ быть, были-бы уважены; или по-крайней мѣрѣ онъ бы подумалъ, что сотни тысячъ своихъ подданныхъ уморить голодомъ невозможно, въ особенности въ то время, когда сотни тысячъ иностранцевъ пользуются и землею со всѣми возможными льготами и милостями; наконецъ пусть узнаетъ, что мы готовы подчиниться всѣмъ тѣмъ правиламъ, какимъ подчинены всѣ иностранные поселенцы въ Россіи, состоящіе подъ особымъ покровительствомъ попечительнаго комитета—или-же новымъ, какія будутъ установлены правительствомъ, если намъ будутъ даны земли на тѣхъ правахъ какія изложены въ припечатанномъ вами прошеніи.

ИЗЪ СИБИРИ.

(Отрывки изъ писемъ къ издателю).

Алтайскіе заводы принадлежатъ кабинету е. в. Населеніе всего заводскаго округа простирается до 140,000 душъ, которыя, за отправленіе извѣстныхъ работъ по заводамъ, освобождены отъ всѣхъ податей и повинностей, кромѣ рекрутской. Но не угодно-ли знать, по-чѣмъ они платятъ дѣйствительно—не въ казну, конечно, а въ пользу начальствъ?—По 30 и 40 руб. сер. съ души, т. е. больше, чѣмъ голландцы, самый богатый народъ въ Европѣ. Вы скажете: какъ это?—А вотъ какъ.

Кабинетъ отпускаетъ ежегодно до 800,000 р. с. на содержаніе заводовъ и рудниковъ, жалованье мастерамъ, офицерамъ, чиновникамъ и т. п. За это онъ получаетъ въ видѣ серебра, золота и пр. до 2,200,000. И такъ его доходъ достигаетъ до 170% сверхъ возврата капитала. Но ошибся-бы тотъ, кто сказалъ бы, что это весь барышъ съ Алтая; серебро напр. съ зырянскаго рудника (конечно самаго богатаго и обильнаго) обходится съ выплавки на-чисто лишь въ полтинникъ за фунтъ. Другіе промыслы, особенно золотой, не менѣе выгодны. Если вспомнить, что серебро въ Петербургѣ цѣнится до 25 р. с. за фунтъ, то легко понять, какіе громадные барыши остаются въ рукахъ офицеровъ и чиновниковъ алтайскаго горнаго вѣдомства.

Но отчего-же такая дешевизна добычи? Дѣло очень простое. Руда напр. содержитъ 8 золотниковъ въ пудѣ, а въ смѣтахъ годовыхъ расходовъ показывается только два. Очевидно, при этомъ въ смѣту записаны вчетверо больше противъ настоящаго, всѣхъ матеріаловъ и работъ. По утверждению смѣты государемъ, съ крестьянъ однакоже требуютъ всѣхъ повинностей по раскладкѣ сполна и натурою, а это при отдаленности перевозки руды и угля обходится страшно дорого. Крестьяне поспѣшаютъ откупаться и получаютъ контръ-марки за исполненные будто бы уроки, внося на самомъ дѣлѣ только чистыя деньги. Всѣ эти деньги остаются отчасти въ алтайскомъ горномъ правленіи, отчасти идутъ въ кабинетъ, и въ д-тъ горныхъ и соляныхъ дѣлъ, гдѣ ревизуютъ отчеты.

Теперь, чтобъ объяснить, почему крестьянину приходится платить дорого, расскажемъ вкратцѣ, какъ производится ими исполненіе уроковъ. Мужичекъ пріѣхалъ версты за 100 на 2-3-хъ подводахъ въ рудникъ за рудою, которую нужно отвезти на Иртышъ для сплава. Его заставить прождать по крайней мѣрѣ недѣлю для насыпки руды, если онъ немедленно не заплатитъ по цѣлковому съ воза. Тоже дѣлается и въ мѣстахъ пріема руды, гдѣ сверхъ того берутъ за раструску. Соверши мужичекъ два-три такихъ рейса верстахъ на 200-хъ, и онъ разоренъ. Понятно, что каждый предпочитаетъ заплатить по 10 р. с. съ воза и даже болѣе, чтобы только отъ него отвязались. Богатства края дѣлаютъ возможною уплату такой непомерной контрибуціи и начальство находитъ къ этому прямую возможность, ибо ему вовсе не нужно столько руды, сколько назначено въ смѣтахъ. Но впрочемъ крестьяне давно уже стонутъ подъ этимъ бременемъ, и ждали съ нетерпѣніемъ послѣдней реформы, освободившей ихъ отъ обязательнаго труда.

Другая статья доходовъ горнаго правленія въ Барнаулѣ — золотые сибирскіе прииски, принадлежащіе частнымъ лицамъ. Все золото, дабываемое въ Сибири, переплавляется въ куски въ барнаульской лабораторіи, причемъ на немъ ставится проба, а промышленнику выдается квитанція, по которой можетъ онъ получить въ банкѣ часть денегъ. По принятому изстари обычаю, каждый пудъ золота (а его добывается въ Сибири до 1,500 пуд.) окупается въ Барнаулѣ 160 руб. сер., изъ коихъ 50 идутъ завѣдывающему плавильнею,* 50 горному начальнику въ Барнаулѣ, а 60 за квитанцію на чиновниковъ горнаго правленія. Если-бы кто вздумалъ покупиться и не доплатить, то ему во 1-хъ подмѣнятъ золото низшей пробы, во 2-хъ просто на просто положить его въ плохой тигель, который лопнетъ, отъ чего и придется платить 1000 р. с. за передѣлку печи, которую тогда ломаютъ, чтобъ вымыть вновь расплавленное по ней золото. И такъ эта статья доставляетъ Барнаулу не менѣе 230,000 р. с., которые и расходятся въ самомъ тѣсномъ кружку. Изъ нихъ-то и изъ другихъ доходовъ по барнаульскому заводу составилъ себѣ состояніе въ 400,000 р. с. Гернгросъ, который пріѣхалъ на Алтай человекомъ бѣднымъ, а потомъ такъ роскошно жилъ въ Барнаулѣ, что жена его батистовое свое бѣлье посылала на мытье по почтѣ въ Парижъ.(?)

* И такъ начальникъ плавильни имѣетъ до 7,500 р. с. въ годъ... быть можетъ и больше. Рассказываютъ слѣдующій любопытный анекдотъ объ одномъ лицѣ, исполнявшемъ эту должность. Ему приходилась очередь быть произведеннымъ въ подполковники и съ тѣмъ вмѣстѣ лишиться мѣста, которое полагается въ капитанскомъ чинѣ. Онъ не затруднился немедленно послать 2,500 р. въ штабъ горныхъ инженеровъ, чтобы его на годъ обошли производствомъ.

Что частные золотопромышленники играютъ въ Барнаулѣ роль овецъ, которыхъ тамъ немилосердно стригутъ—это понятно. Частнаго человека на Руси подстригаютъ вездѣ. По какъ-же терпятъ это казна, правительство, которое не можетъ-же не знать всѣхъ гадостей и безчисленныхъ плутней? Какъ-бы напр. не уличить ей въ мошенничествѣ горныхъ офицеровъ по добычѣ руды? Стоило-бы, кажется, ревизору пріѣхать на заводъ, потребовать выплавленную часть серебра и осмотрѣть за тѣмъ руды и уголь. Да, какъ бы не такъ! Когда бы ревизоръ ни пріѣхалъ на заводъ, онъ ни руды, ни угля тамъ не найдетъ, а серебро за весь годовой нарядъ на лицо. Начальники заводовъ хлопчутъ о томъ, чтобы у нихъ былъ достаточный запасъ серебряныхъ слитковъ отъ работъ прежнихъ лѣтъ, чтобъ было что показать пріѣзжему ревизору. А за тѣмъ руда и уголь показываются ужъ употребленными въ дѣло, и искать ихъ, значило бы искать вчерашняго дня.

Огромное процентное содержаніе алтайскихъ рудъ уже указано выше. Оно, какъ мы сказали, служитъ причиною, что руды всегда добывается втрое и вчетверо меньше, чѣмъ показывается по смѣтамъ. Оно-же послужило основаніемъ на пр. тому, что Озерскій принялъ отъ Бекмана недочетъ въ 1,000,000 пудовъ не сморщившись. Это дескать намъ дѣло плевое.

Кстати о Бекманѣ. Это былъ тиранъ, какихъ Европа не знаетъ уже со временъ инквизиціи. Онъ перѣдко пыталъ людей и даже находилъ въ этомъ наслажденіе. Обыкновенный его пріемъ состоялъ въ засовываніи несчастному допрашиваемому лицу мокраго платка въ ротъ, пока не начиналъ человекъ задыхаться и кровь не показывалась изъ горла. Но бывали пріемы и лучше. Нѣкоторыхъ онъ раздѣвалъ и приказывалъ бить перушкомъ по такимъ частямъ тѣла, которыя быстро отъ того распухали, производя ощущение невыносимой боли*.

Скажемъ кстати и о другихъ обыкновенныхъ продѣлкахъ по горной части. Извѣстно, что золотопромышленники обложены податью въ 1 р. с. съ рабочаго въ пользу горныхъ исправниковъ и по столько-же въ пользу горныхъ ревизоровъ. Первые за это позволяютъ имъ всякія безчинства и несправедливости съ рабочими, а вторые сквозъ пальцы смотрятъ на кражу золота. Замѣтимъ, что на пр. на сѣверной енисейской системѣ еще недавно бывало по 20,000 рабочихъ въ годъ.

Наконецъ упомянемъ и о способахъ, которыми поддерживается вся изложенная система въ неизмѣнности, не смотря на попытки многихъ частныхъ лицъ ее опрокинуть. Главное въ этомъ дѣлѣ—единодушіе всего горнаго вѣдомства. Первое, съ чего начинаютъ въ Барнаулѣ напр. съ каждымъ новопріѣзжимъ молодымъ офицеромъ, это пріученіе его къ роскоши, такъ чтобы онъ почувствовалъ нужду въ деньгахъ.

* Мы не предполагали въ этихъ замѣткахъ вообще касаться судьбы преступниковъ въ Сибири, страдающихъ отъ истязаній въ тюрьмахъ, арестантскихъ ротахъ и рудникахъ. Нѣсколько познакомили съ ихъ бытомъ русскую публику гг. Достоевскій (записки изъ Мертв. Дома) и Елисеєвъ Грицько. Но для образчика вотъ факты, которые, между прочимъ, могутъ занять нѣсколько видныхъ строкъ въ биографіи Незабвеннаго.

Извѣстный Лукинъ долго сидѣлъ въ разныхъ тюрьмахъ верхнеиского округа вмѣстѣ съ разными разбойниками, артистами большихъ дорогъ и проч. Получая хорошее содержаніе отъ родимыхъ, онъ многимъ помогалъ, многимъ поддѣлочнымъ преступникамъ давалъ пособія на выѣздъ изъ Сибири, когда ихъ прощали и проч. Но мщеніе Незабвеннаго недовольствовалось этимъ заключеніемъ въ общей наморѣ арестантовъ, Лукинъ былъ посаженъ подъ концы на цѣпь въ отдельную комнату (въ Акатуевскомъ рудникѣ).

Стараются особенно молодого человека женить, чтобы настоятельнее потребовались средства к жизни. Потом, если такіе продѣлки не удаются, посылаютъ рыпаго юношу на какое-нибудь казусное изслѣдованіе, въ которомъ онъ по неопытности запутывается, и тогда его запугиваютъ судомъ. Большею частью въ этомъ дѣлѣ помогаютъ старымъ капитанамъ и штабсъ-офицерамъ штейгера и уставщики, отъявленные мошенники, которыхъ обыкновенно посылаютъ съ молодежью будто-бы для помощи въ дѣлѣ. Даже это красивое сѣмь наживается на сибирскихъ заводахъ изрядные капиталы.

Вотъ вамъ Алтай!

Теперь хоть о Киргизской степи. Извѣстно, что киргизы Средней орды платятъ ясакъ, т. е. опредѣленную часть своихъ стадъ, причемъ впрочемъ натуральная уплата лошадьми, баранами и проч. давно уже замѣнена денежною. Это, по видимому, самый рациональный налогъ, нѣчто въ родѣ *income-tax* въ Англіи, потому что распределяется пропорціонально имуществу. Но увы! на дѣлѣ оказывается совсѣмъ не то. Прежде чѣмъ собирать этотъ налогъ, надобно сосчитать весь скотъ, а это дѣлается такимъ образомъ. Каждые три года члены приказовъ ѣздятъ по ауламъ со списками, въ которыхъ заранѣе поставлены огромныя цифры скота; кто хочетъ откупиться отъ непомернаго ясака, долженъ бываетъ дать чиновнику, чтобы онъ уменьшилъ показанное число головъ, которыхъ сосчитать въ сущности невозможно. Изъ этого составляютъ себѣ состояніе не только члены приказовъ, но и первоприсутствующія лица областныхъ правленій, особенно омскаго. (Про семипалатинскаго губернатора Панова, сказать худаго нельзя, онъ человѣкъ вполне честный?). Давно говорилось уже, чтобы замѣнить ясакъ кибиточнымъ сборомъ, т. е. платою съ юрты, но омскія власти находятъ это невыгоднымъ, хотя на пр. вся Малая Орда т. е. киргизы оренбургскіе уплачиваютъ подати по этой системѣ.

Впрочемъ и въ Малой Ордѣ, штуки совершаются недурныя. Въ 1858 г., когда собирався въ степь Катенинъ, не смотря на его запрещеніе дѣлать ему торжественныя встрѣчи, болѣе 60,000 р. с. было собрано подъ этимъ предлогомъ съ одного западнаго отдѣленія орды. Деньги эти, какъ говорятъ, пошли въ оренбургское областное правленіе и любопытно было-бы получить обстоятельныя о томъ свѣденія на пр. отъ *биографа ориенталиста*, который теперь стоитъ въ главѣ управленія оренбургскими киргизами.

Перешагнувъ въ Оренбургъ, невольно скажешь о другомъ полукочевомъ, полусѣдомомъ бѣдномъ народѣ башкирахъ. Извѣстно, что это самые бѣдные люди изъ всѣхъ въ европейской Россіи, кромѣ развѣ витебскихъ и бѣлорусскихъ крестьянъ. Раззореніе ихъ приписываютъ Обручеву, но это неправда. Обручевъ былъ честный старикъ, и если заваливалъ башкиръ подводами, то лишь дополнялъ ихъ раззореніе, а вовсе не начиналъ его. Раззоряютъ ихъ кантонные начальники да войсковое правленіе. Въ тѣхъ округахъ, гдѣ на пр. жгутъ поташъ, башкиръ бываетъ обязанъ, сверхъ податей, заплатить еще по 1 р. с. съ cadaго боченка этого вещества, а есть кантоны, гдѣ выжигаютъ отъ 15 до 20,000 боченковъ.

Но вернемся опять въ Киргизскую степь, о которой можно было-бы сказать очень и очень много. Вторую причиною ея раззоренія служатъ казаки. Это разбойничье населеніе пока-

зало себя вездѣ, кромѣ Кавказа (линейное войско) и Забайкала, гдѣ оно сформировано изъ крестьянъ. Знаете-ли, какъ казакъ обходится съ киргизомъ? До крайности просто. Вся его собственность кажется казаку своей собственностью и отнять у киргиза барана, украсть у него быка или лошадь считается молодечествомъ и ничѣмъ больше; такъ что офицеры даже не дѣлаютъ выговоровъ за это нижнимъ чинамъ, а частенько и сами опустошаютъ аулы. Есть даже господа, которые составили этимъ себѣ знаменитость; на пр. есаулъ Бутаковъ, подполковникъ Аббакумовъ* и проч. и проч. и проч. Можно было-бы сказать, что на счетъ киргизовъ живетъ все сибирское войско.

Большая орда податей не платитъ, но и она уже начинаетъ поговаривать, чтобы русскіе ее "научили закону", т. е. почснули, на какомъ основаніи они берутъ на пр. быковъ и верблюдовъ для работъ и не только не платятъ за наемъ, но даже оставляютъ этотъ скотъ за собою. Г. Валихановъ очень комически и совершенно вѣрно изобразилъ это въ печатной статьѣ, помѣщенной имъ въ Зап. Геогр. Общ., гдѣ даже упомянуты и нѣкоторые лица, какъ на пр. Тургеневъ, бывший помощникомъ начальника орды и переводчикъ Бардашевъ, которые лежали цѣлую зиму на Каратанѣ, гдѣ утаили убійство. Впрочемъ о Большой ордѣ, лично намъ неизвѣстной, мы болѣе пока ничего не скажемъ.

Многимъ и многимъ людямъ, пылкимъ и неопытнымъ, покажется необходимою ревизія Сибири и ревизія строгая, не похожая на пр. на прогулку Толстова въ Восточной Сибири. Она, конечно, и не будетъ совсѣмъ бесполезною, чтобы удалить такіе вредныя лица, какъ на пр. Будогоскій, Свасскій и проч., или такихъ неспособныхъ людей, какъ Корсаковъ, Виноградскій, Буссе, Бабковъ и т. п. Но корня зла ревизія не исправитъ. Для этой послѣдней цѣли нужно иное средство и его то мы требуемъ всѣми силами: *выборными властями по всемъ судебнымъ и хозяйственнымъ управленіямъ, выборными не изъ дворянъ* (которыхъ и нѣтъ въ Сибири), *а изъ той-же массы податныхъ, но свободныхъ сословій, которая тамъ обитаетъ*. Это одно можетъ избавить Сибирь отъ "россійскаго" чиновничества, которое ѣздитъ туда наживаться и составлять карьеру всѣми правдами и неправдами. Это будетъ и превосходнѣйшею мѣрою для развитія въ странѣ тѣхъ началъ самоуправленія, которыя такъ нужны ей и особенно будутъ нужны тогда, когда чувство самостоятельности достигнетъ въ сибирякѣ большей зрѣлости и онъ захочетъ расклиниться съ петербургской опекою. Да кромѣ того очень и очень полезно было-бы въ замѣнъ двухъ существующихъ большихъ частей Сибири раздѣлить ее на три. Иначе нѣтъ возможности на пр. иркутскому генералъ-губернатору управлять съ успѣхомъ страной, которая больше Европы, или

* Подполковникъ Аббакумовъ ограбилъ копальскій округъ до того, что почетнѣйшіе старшины въ ордѣ задли наконецъ на единственныхъ клячонкахъ, имѣя всего скота 8—10 барановъ. Гасфордъ, долго ему покровительствовавшій за его расторопность въ степныхъ походахъ, наконецъ столкнулъ его съ мѣста полковаго командира и начальника копальскихъ киргизовъ. Карьеру свою Аббакумовъ началъ еще въ знаменитыя времена Кенисары, когда русскіе отряды долго преслѣдовали по степи этого агитатора. Она дѣлала это нарочно, ибо начальству было выгодно нѣсколько лѣтъ сразу кормить войско дорогимъ провіантомъ и фуражемъ. Неоднократно эти господа дѣлали Кенисаръ возможность вырваться изъ самой, по видимому тугой, западни. Наконецъ дышащими киргизы, убившіе Кенисару, лишили ихъ этого легкаго источника доходовъ. Тогда наиболѣе нажившіеся, на пр. Карбышевъ, Волховъ и др. удалились на дикую и тамъ занялись устройствомъ разныхъ заводовъ, торговлей скотомъ и проч., а Аббакумовъ, остался въ степи.

омскимъ властямъ вѣдать Алтай, березовскихъ остяковъ и дикокаменныхъ киргизовъ. Вообще степи было-бы полезно соединить подъ одно управленіе, Тобольскую губернію вовсе исключить изъ состава генераль-губернаторствъ, а Томскую, Енисейскую, сѣверную часть Забайкалья, Якутскую и Иркутскую губерніи (горнопромышленныя) соединить въ другую группу, оставивъ затѣмъ Даурію, Амуръ и приморскій край для третьяго генераль-губернатора.

... Мы знаемъ, что эти *ria desideria* покажутся нашему правительству утопіей, пожалуй даже революціоннымъ замысломъ, и князь Долгорукій вѣроятно приметъ мѣры къ отысканію автора. Но посовѣтуемъ искренно правительству нашему не волноваться напрасно и *ко вреду своему*. Оно уже записало въ исторію Сибири двѣ позорныя для себя страницы отказами завести въ Сибирь университетъ и позволить американцамъ построить желѣзную дорогу отъ Читы до Байкала; да остережется-же записывать третью... Желаемъ ему сидѣть крѣпко на столѣ дѣднѣ и отчнѣ, но пусть оно помнитъ также, что вѣтерокъ, враждебной ему, гражданской свободы скоро проникнетъ чрезъ Амуръ во всю Сибирь, и тогда ему придется разстаться съ зауральскими владѣніями еще вѣрнѣе, чѣмъ оно теперь разстанется съ Польшей.

СМѢСЬ.

ЗАГАДКИ, ВОПРОСЫ И ПР.

Какое самое выродное ремесло въ Россіи?

Быть дурнымъ министромъ! Хорошій работай и получай жалованіе, а худой... выгонять — распишутъ въ рескриптѣ благодѣтелемъ края, и самого осыпятъ золотомъ.

Любопытно было-бы вычислить сколько всѣ выгнанные министры и главноуправляющіе получали въ годъ, а потомъ сколько каждый изъ нихъ получалъ со дня отставки по день смерти? и подвести потомъ итогъ того, что они всѣ переберутъ съ казны до смерти. Еслибы государь велѣлъ составить себѣ подобный списокъ, онъ его очень порадовалъ-бы.

Недавно увеличены подушныя подати—если взять увеличеніе по рублю на душу, то сколько надобно крестьянскихъ душъ, чтобы выплачивать жалованное дурнымъ, выгнаннымъ министрамъ?

Для сохраненія финансовъ государства уменьшаютъ количество мелкихъ чиновниковъ и войска,—если взять, что стоитъ жалованье мелкаго чиновника и стоимость простаго солдата, то сколько надобно уничтожить ихъ, чтобы покрыть этимъ жалованное выгнаннымъ министрамъ?

Если взять стоимость телеграфа на версту, то на какое бы пространство можно было протянуть проволоку на жалованье этимъ выгнаннымъ министрамъ?

— *Чудотворное дѣйствіе императора*. Извѣстно, что въ средніе вѣка французскіе короли были очень полезны отъ золотухи, больныхъ дѣтей клали на камни при входѣ въ Соборъ, король прикасался и золотуха проходила. Свойство это утратилось у нихъ вѣроятно потому, что золотуха всего королевства перешла въ бурбоискую кровь, въ силу чего пошли всѣ эти не свѣжіе Людовиги XV, рыхлые и прожорливые Людовиги XVI, таскающіе ноги Людовиги XVIII, подагрики съ колыбели Генрихи V.

Александръ Николаевичъ, лечитъ у насъ больныхъ отъ духовной золотухи съ необычайнымъ успѣхомъ. *Второе*

излеченіе стоитъ перваго. Модеста Корфа государь радикально излѣчилъ отъ “восшествія Николая на престолъ”, давши ему случай выкупаться въ уничтоженіи тѣлесныхъ наказаній: “Independence” говорить, что онъ составилъ проэктъ и притомъ очень хорошій.

Не нужно-ли еще кого выстирать уничтоженіемъ цензуры. Панина-бы хорошо, да нельзя, корыта нѣтъ въ цѣлой имперіи, въ которомъ Виктора Никитича можно было бы промыть до затылка. Кого-же? Адлерберга, отца и сына или обоихъ вмѣстѣ, а коли нестыдно, то и съ Бутковымъ? Все равно, только поскорѣ ихъ въ стирку.

— *Similia Similibus*. Законы природы умилительно постоянны, однородныя силы всегда, вездѣ отталкиваютъ другъ друга. Съ истиннымъ удовольствіемъ извѣщаемъ о вослѣдовавшей размолвкѣ двухъ государственныхъ людей третьяго отдѣленія, *in partibus infidelium*, *Тимашева и Шувалова*.

— Фельетонъ “Сѣверной Пчелы” отъ 11 Апрѣля напомнилъ намъ ошибку, сдѣланную нами и слѣдственно нашу обязанность ее поправить.

Оскорбленные грубымъ выраженіемъ о женщинахъ купческаго сословія въ странѣ, въ которой дворянская свѣсь на пѣмецкій манеръ, доходитъ до того, что дамъ не дворянскаго званія обижаютъ въ собраньяхъ и гимназіяхъ, не пускаютъ въ сады открытые для шляхты и пр., мы спросили (*Колоколъ* листъ 122 & 123), кто назвалъ пьяную купчиху бѣжавшую со свадьбы *типомъ* женщины купческаго сословія, *оффиціальная почта или оффиціозная пчела*.... и попали въ тотъ-же самый грѣхъ. Слово *оффиціозная* убѣждаемся мы больше и больше къ пчелѣ идетъ такъ же мало, какъ типическое значеніе бѣдной замерзшей купчихѣ, къ цѣлому сословію.

Благородное направленіе “Сѣверной Пчелы” наиболѣе независимой газеты русской, вмѣняетъ намъ въ обязанность извиниться въ нашемъ выраженіи. Мы сдѣлали-бы это прежде, но дѣло вышло изъ головы. Сердитый тонъ фельетона напомнилъ нашу обязанность. Мы ее исполняемъ отъ чистаго сердца.

И—ръ.

ПОЛЯРНАЯ ЗВѢЗДА НА 1862.

Выпускъ первый: Изъ записокъ И. Д. Якушкина; Отрывокъ изъ мнѣнія дѣйствительнаго статскаго совѣтника Липранди; Къ предыдущей статьѣ: Примѣчанія, Приложенія, Выписки; Разказы о временахъ Николая: Колѣсниковъ и его товарищи въ Оренбургѣ, братья Критскіе и ихъ товарищи въ Москвѣ, братья Раевскіе; “Былое и Думы” Искандера; (изъ 30-хъ годовъ).

Второй выпускъ; (выйдетъ въ Маѣ); въ немъ будутъ помѣщены: Отрывки изъ записокъ Н. А. и М. А. Бестужевыхъ; Императоръ Александръ I и В. Н. Каразинъ, (Искандера); Выдержки изъ записокъ одного Недекабриста; Два процесса изъ послѣдней части *Былое и Думы* и пр.

БЫЛОЕ И ДУМЫ, ТОМЪ ТРЕТІЙ.

Между четвертой и пятой частью: Записки одного молодого человѣка; Лициній и Вильямъ Пенъ; Капризы и Раздумье; Статьи полемическія; Станція Едрово; Нѣсколько замѣчаній объ историческомъ развитіи чести и пр.

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM,

КОЛОКОЛЪ

VIVOS VOCO!

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ.
Цѣна 6 пенсовъ. Получается въ Вольной
Русской Типографіи, 136 & 138 Caledonian
Road, N.

ЛИСТЬ 132.

8 Мая 1862.

У Грюбнера & Co. въ книжной лавкѣ,
60, Paternoster Row, и у Tchorzewski,
1, Macclesfield Street, (Gerrard Street),
Soho, London. Price six-pence.

(WITH SUPPLEMENT No. 13).

ОГЛАВЛЕНІЕ.—Письмо П. Мартынова—Голосъ за Народъ (письма помѣщика)—Суворовскіе походы по грѣзамъ петербургскимъ.

ПИСЬМО КЪ АЛЕКСАНДРУ II.*

П. МАРТЫНОВА.

Государь,

Мы ждемъ отъ Васъ великихъ мѣръ въ годовщину тысячелѣтія Россіи, мы ждемъ рѣшительнаго признанія правъ земства въ отношеніяхъ его къ государству, мы ждемъ осужденія недостойнаго предразсудка о незрѣлости крестьянъ для участія въ дѣлахъ общественныхъ, ждемъ возвращенія имъ права выборовъ безъ всякаго ограниченія, ждемъ созванія Великой Земской Думы, для обсужденія и рѣшенія дѣлъ народныхъ, ждемъ поворота внѣшней политики Вашего правительства съ позорной колѣи священнаго союза 1815 года.

* Письмо это совершившійся фактъ, оно было послано, и врядъ оно не первое-ли письмо, писанное человѣкомъ испытывшемъ на себѣ всю тягость крѣпостнаго состоянія. Если Александръ Николаевичъ прочелъ это письмо и сравнилъ народный идеалъ земскаго царя съ царемъ зиняго дворца, то онъ провелъ печальную минуту—угрызений и боли. Возможность такого идеала свидѣтельствуетъ о юности просыпающагося народа. Мы слишкомъ стары, чтобъ пить его. Но охотно передаемъ нашимъ читателямъ это письмо, “Колоколъ” никогда не хотѣлъ быть одной нотой роговой музыки. Мы получили его при слѣдующемъ письмѣ:

“Мѣсяцъ тому назадъ я написалъ, помѣщика послалъ письмо къ Александру Николаевичу. Цѣль письма ясна: кто пойметъ, для того рассказывать не нужно; кто не пойметъ, для того—напрасно. Прочитайте, и если не мѣшаетъ, напечатайте его въ Колоколѣ. А то, кто знаетъ, дойдетъ-ли съ почтой по назначенію; да и то хорошо, что въ Звонѣ Колоколъ помѣ, для позѣрки, по народу разоидется.

“..... Я не врагъ Александру Николаевичу. Наши страданія, наши муки, нашу скитальческую жизнь по свѣту бѣлому мы относимъ къ императорскому безправію, а не къ личности. Варвары-помѣщики, разорившіе насъ, сбившіе насъ съ ногъ, погубившіе, сокрушившіе жизнь нашу, прикрываются и ослѣняются императорскимъ самодержавіемъ, по милости его недоступны законамъ правды, не признаютъ насъ и въ виду страданій нашихъ живутъ внѣ страха ответственности за грабежъ и насилія, и все-таки мы ждемъ и Александру Николаевичу не враги. Народъ не врагъ ему даже за кровь мученика, ходатая и первого во чистотѣ своихъ нахѣреній и убѣжденій, по искренности чувствъ, —подвижника всего крестьянства, Антопа казанскаго, и всѣхъ убитыхъ съ нимъ. Пусть кровь ихъ; ихъ смерть вопіетъ къ престолу Бога вышняго и проситъ объ отмщеніи—кому отмстить, кого простить—Богъ знаетъ. Не мести просимъ мы,—правды!

“Кровавое пятно бездѣйскаго убійства и пепельскихъ побойщъ—дѣло страшное. Ни одинъ изъ насъ не подумаетъ, что Александръ II хотѣлъ крови, за то всѣ мы думаемъ, раздумываемъ и знать хотимъ—отъ чего, зачѣмъ, кто допустилъ, кто разрѣшилъ пролить ее? Развѣ убитые не выдали въ Александрѣ, какъ мы хотимъ видѣть, царя земснаго?... Царь земскій не велитъ за воевать стрѣлять въ земство, онъ сердцемъ пойметъ его, любовью обниметъ, не съ штыками пойдетъ къ нему на встрѣчу!...

Годъ VI.

Исторія неумолима, Государь, исторія безпристрастна. Цари въ Россіи—не завоеватели и самодержавны, они не по праву оружія, народъ-же имъ самодержавія не подносилъ, стало—сами взяли. У Васъ завидная возможность искупить грѣхъ предшественниковъ Вашихъ, отдать народу долгъ за нихъ и не быть самому должникомъ его. Мы конституціи дворянской не хотимъ, конституціи лично-землевладѣльческой тоже, мы хотимъ монархіи народной, рука объ руку союзной съ земствомъ, выражающей земство. Мы хотимъ, чтобъ земство было постоянно при Царѣ въ лицѣ лучшихъ членовъ его по выбору всей земли. Не думайте Государь, что народъ русскій не готовъ еще къ принятію правъ своихъ и обязанностей, не думайте, что не пойметъ онъ ихъ и не сдѣлаетъ хорошихъ выборовъ. По праву крови, текущей въ жилахъ моихъ, по праву знанія пріобрѣтеннаго жизнію въ народѣ, я свидѣтельствую и говорю за народъ: онъ выберетъ представителей своихъ лучше всѣхъ другихъ сословій.

Но слово безъ доказательствъ ничего не значитъ, на слово вѣрить никому не обязаны. Вотъ они доказательства:

Пусть, Государь, укажутъ Вамъ другую страну, въ которой было бы больше мѣстныхъ, областныхъ, святыхъ заступниковъ и ходатаевъ за народъ предъ Богомъ—это нашъ парламентъ, наши выборные за неимѣніемъ выхода въ дѣйствительности. Пусть укажутъ гдѣ было-бы столько популярныхъ людей въ каждой мѣстности отдѣльно, въ деревнѣ свой человекъ, въ селѣ свой, въ уѣздномъ городѣ человекъ народный

“Въ народъ стрѣляло государство,—опричники, наслѣдники монгольскаго самоуправства, враги, и пепавистники народа русскаго на смерть и жизнь!

“Кто далъ право стрѣлять этому государству?

“Мы подождемъ, букву пропустимъ. Самъ Александръ II отвѣтитъ на этотъ вопросъ,—народъ повѣритъ безусловно, отвѣтъ будетъ ясенъ...

“Александръ не создалъ государственный строй; онъ наслѣдовалъ его. Мы думали, что, отмѣняя крѣпостное право, онъ хотѣлъ-бы отмѣнить и дворянство, да не можетъ, не въ силахъ, ждетъ времени; теперь ждать нечего, дворянство само себя отмѣнило; оно не существуетъ.

“Государство держалось дворянствомъ; дворянство уничтожило само себя; государство влилось въ земство, фактъ совершился.

“Вотъ и отвѣтъ: Если царь не возобновитъ государства, не захочетъ создать новаго дворянства, не будетъ величать трупъ его живымъ человѣкомъ, онъ не виноватъ въ убійствѣ Антопа,—народъ оправдаетъ его и исторія ему отпуститъ. Если не такъ, если съ государствомъ онъ не разстанется, изъ дворянства создастъ мумію (воскреситъ, въ самомъ дѣлѣ, не можетъ, время чудесъ прошло), и велитъ чтить какъ мощи, выдавая за святиню,—если, слѣдовательно, признаетъ себя государемъ государства, онъ приметъ кровь Антопа—мученика на себя. Мы этого не хотимъ, это народу было-бы горько”...

извѣстѣи всему уѣзду, въ губернскомъ всей губерніи. Есть люди, которыхъ знаетъ народъ отъ края и до края всего Царства Русскаго, которые заживо дѣлаются мѣрами, кумирами, идолами для народа. Не будь никоновской реформы переконной и Петра великаго гражданской, и теперь народъ признавалъ-бы вновь усопшихъ заступниковъ и угодниковъ и прославлялъ-бы память ихъ. А люди живые, люди народа выражаютъ народъ, они его представители въ жизни общественной, они-же будутъ его представителями, его выборными и въ совѣтахъ всей земли, въ Великой Земской Думѣ. Могутъ-ли быть ими по своимъ знаніямъ, своему пониманію обязанностей представителей, вопросъ излишній. Народъ знаетъ бога знаетъ и они знаютъ за-что народъ ихъ знаетъ. Это главное. Остальное-же знаніе вѣшнихъ условій, знакомство съ общими политическими отношеніями, значеніемъ и интересами народа дома и за границей пріобрѣтутся очень скоро опытомъ и сознаніемъ своего новаго положенія, своего великаго призванія и отвѣтственности. Да объ этомъ и говорить нечего. Отрицать такую разумность людей, ставшихъ народными и уже тѣмъ какъ будто предъизбранными, значило бы ложно и бездоказательно оскорблять въ лицѣ ихъ весь народъ нашъ и въ сущности указывать только на ту оторванность, которая цѣлой бездной незнанія и взаимнаго непониманія отдѣлитъ отъ народа самаго такого отрицателя, если бы онъ въ самомъ дѣлѣ нашелся. Неужели въ настоящее время умомъ своимъ русскій народъ не равняется предкамъ, представители которыхъ собирались, при Іоаннѣ грозномъ, на одной изъ Земскихъ Думъ разсуждать о томъ, продолжать-ли войну съ врагами или нѣтъ; и обсудивъ выгоды и невыгоды ея, возможность и необходимость, рѣшили продолжать. Пропуская всѣ другія Думы, я спросилъ-бы такого отрицателя, неужели народъ русскій выродился, измельчалъ и не можетъ болѣе достойно представить себя въ совѣтѣ съ тѣхъ поръ, какъ сознавъ необходимость борьбы народной, выдвинулъ Кузьму Минина, пригласилъ князя Пожарскаго и, управившись съ врагами вѣшними, порѣшилъ дѣла домашнія всѣмъ міромъ. Нѣтъ, народъ нашъ слишкомъ добръ до христіанскаго отрицанія личнаго блага въ пользу общую и терпѣливъ, и только. А когда приходитъ время постоять за дѣло общее, народъ является красой-баготыремъ русскимъ во всеоружіи разума и силы.

Теперь процессъ выборовъ. Каждая община (я говорю о главныхъ выборахъ въ Земскую Думу) выбираетъ извѣстное число старшинъ-избирателей, тѣхъ, которымъ народъ вѣритъ, кого дома знаетъ, кого любитъ. Эти старшины собираются для предварительныхъ совѣщаній въ волости, и потомъ съѣзжаясь въ мѣстный областной городъ, избираютъ кандидатовъ въ тройномъ количествѣ противъ представителей; возвращаются домой, сообщаютъ народу имена кандидатовъ, народъ поголовно избираетъ любого изъ нихъ. Но чтобы всякій поводъ, всякая возможность недоразумѣнія, недобросовѣстности, происковъ были устранимы, нужно чтобы между тѣми первыми выборами кандидатовъ, которые были произведены старшинами-избирателями и окончательнымъ избраніемъ самимъ народомъ депутатовъ изъ числа объявленныхъ ему кандидатовъ, послѣ объявленія ему именъ послѣднихъ, было дапо время и устроена была возможность областной сходы въ областномъ городѣ для всего народа, кто захочетъ быть тамъ. На этой сходкѣ народъ можетъ заявить рѣшительное недо-

вольствіе на выборъ кандидатовъ и заставить старшинъ избрать еще разъ кандидатовъ—другихъ, если изъ прежнихъ народу ни одинъ не нравится. На дѣлѣ такихъ явленій переизбранія будетъ мало, но самое право протеста со стороны народа послужитъ побудительной причиной для старшинъ непременно руководиться въ выборѣ кандидатовъ заранѣе извѣстной имъ волей народа. Процессъ простъ, а между тѣмъ тутъ нѣтъ никакой возможности чего-нибудь подобнаго подкунамъ и тѣмъ незаконнымъ вліяніямъ, которыя мы видимъ въ парламентскихъ системахъ другихъ странъ; онъ соответствуетъ духу народа—какъ продуктъ его жизни, его понятій. Представители избираются безъ различія ихъ занятій, состоянія, общественнаго положенія (кромѣ, разумѣется, осужденныхъ и судимыхъ) и національности. Для вступленія въ званіе представителя нужно одно условіе—кого народъ захочетъ. Вознагражденіе назначается изъ общихъ доходовъ, срокъ служенія земскому дѣлу отъ 3 до 5 лѣтъ. Засѣданія Земской Думы постоянныя, за исключеніемъ трехъ-четырехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ необходимыхъ представителямъ для непосредственнаго сношенія съ народомъ и ознакомленія съ его текущими насущными потребностями, съ его мѣстными, областными, бытовыми интересами, съ его мнѣніями; для передачи ему собственныхъ свѣдѣній, видовъ и убѣжденій, вынесенныхъ изъ общаго собранія представителей, и вообще для отданія отчета народу на областныхъ сходкахъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Я ничего не говорю о правахъ и обязанностяхъ Земской Думы вообще, здѣсь рѣчь идетъ только о процессѣ выборовъ и о нѣкоторыхъ общихъ чертахъ отношеній выборныхъ къ избирателямъ. Относительное число представителей соображается съ общими правилами, принятыми исключительно по этому предмету въ другихъ парламентскихъ странахъ.

Изложивъ соображенія по вопросу о новыхъ выборахъ, второстепенные—обхожу; духъ ихъ одинъ и они похожи на первые, только съ уменьшеніемъ обширности, проще.

“Лучше всѣхъ другихъ сословій,” я сказалъ выше. Да и сословій-то другихъ, розни въ самомъ себѣ народъ не хочетъ больше. Отреченіе русскаго дворянства отъ сословныхъ правъ и привилегій своихъ, выраженное тверскими членами его въ постановленіи дворянскаго собранія и—поднесенномъ Вашему Величеству адрессѣ—мы признаемъ совершившимся фактомъ; съ самаго начала крестьянскаго освобожденія, принятаго лично Вами, всѣ симпатіи наши и любовь стремились къ Вамъ; въ такой-же мѣрѣ мы враждебно отпосились къ дворянству, видя въ немъ противниковъ освобожденія и сторонниковъ началъ неравноправія, сословности и привилегій. Но съ той поры, какъ бывшее дворянство наше само уничтожило свою сословность, мы отъ всей души и всего сердца нашего готовы подать ему руку въ лицѣ тѣхъ членовъ его, гражданская доблесть которыхъ высоко возведетъ въ исторіи духъ бывшаго дворянства русскаго, добровольно, искренно и самоотверженно отказавшагося все-таки отъ правъ, долго по распоряженію государственной власти принадлежавшихъ ему, и привлечетъ къ нимъ всѣ благородныя сердца въ Россіи, точно также какъ привлекли ихъ Вы началомъ крестьянскаго освобожденія. Мы каемся, мы винимся, мы признаемся всенародно,—мы не ожидали что дворянство наше рѣшится на такой гражданскій подвигъ; надѣяться не смѣли, тѣмъ искреннѣе, тѣмъ болѣе отъ всѣхъ

чувствъ нашихъ спѣшимъ поздравить его и засидѣтельствовать, что подвигъ бывшаго дворянства нашего мы признаемъ безсмертнымъ.

Такъ называемое высшее сословіе съ его подраздѣленіями во всякой странѣ представляетъ и олицетворяетъ собою государство, стремящееся господствовать надъ народомъ. По законамъ социальнымъ и политико-экономическимъ интересы двухъ сосѣднихъ и несосѣднихъ, сколько-нибудь цивилизованныхъ *народовъ* столкнуться между собою не могутъ, а напротивъ интересы и потребности одного обуславливаются, дополняются, сохраняются и удовлетворяются интересами и потребностями другаго. Не то бываетъ съ *государствами*. Интересы государствъ, вслѣдствіе не нормальныхъ ихъ отношеній къ народамъ, сталкиваются между собою, борются, возникаютъ государственныя войны, несправедливо, по тѣмъ не менѣе по страшной необходимости лежащимъ на народѣ и гнетущія его всей своей тяжестью. Наконецъ, одно государство слабѣетъ, уступаетъ, и если почему-нибудь невозможно мировая сдѣлка, подпадаетъ господству другаго вѣдшаго верхъ государства, причемъ послѣднее исключаетъ для побѣжденнаго исключительное государственное правленіе надъ страной, т. е. право высшаго сословія эксплуатировать и вообще угнетать сословія низшія, присваивая, преемственно, по праву силы и побѣды, значительную долю этого права себѣ. Точно такое столкновение произошло между государствами русскимъ и польскимъ. Государство русское одолѣло, польское подпало подъ владычество русскаго.

Русское государство не имѣетъ довѣрія къ польскому и должно постоянно употреблять насилие противъ всегдашней вѣроятности возстанія. Польское государство, естественно, сохраняетъ чувство непримиримой вражды къ русскому и только покоряясь силѣ, терпитъ его преобладаніе. А народу, непричастному враждѣ государствъ, грозитъ настоящая опасность принимать въ чужомъ пиру похмѣлье, своею кровью и головами, принимая главное участіе въ борьбѣ, успѣхъ и неудача которой равно для него вредны, въ борьбѣ незаконной, противуестественной, противуродственной, противуродовой. А пока нѣтъ борьбы, для постоянной къ ней готовности государства, народъ несетъ тяготу излишней поставкой рекрутъ на усиленіе армій, увеличеніемъ податей на содержаніе ихъ, трудится, выбивается, забивается. Народъ поработеннаго государства польскаго несетъ всѣ тягости въ такой-же степени съ усиленной только горечью, что сыны его мрутъ водъ знамена чуждыя, что своими кровными деньгами, съ изъятиемъ и потомъ зарабатываемыми по копѣйкамъ, онъ удовлетворяетъ не только нановъ польскихъ, но и чиновниковъ москалей и казну государства московскаго. И такъ отношенія зану-таны, натянуты, неестественны.

Гдѣ-же выходъ? Мы слишкомъ высокаго мнѣнія о нашихъ польскихъ братьяхъ соотечественникахъ, мы слишкомъ хорошо чувствуемъ, что въ великихъ бытовыхъ вопросахъ, рѣшающихъ быть или не быть единому, нераздѣльному, свободному славянскому народу—сердце ихъ бьется въ одинъ тактъ съ сердцемъ нашимъ и всѣхъ Славянъ, чтобы сомнѣваться, что польскіе благородные намы, шляхта и вся аристократія ни на минуту не задумаются надъ великимъ актомъ самоуничтоженія, надъ отреченіемъ отъ сословныхъ правъ и привилегій, надъ признаніемъ равенства правъ всего народа, и хлопотъ собственниками земли. Тѣмъ болѣе чести. тѣмъ болѣе

славы за подвигъ ихъ, чѣмъ старѣй, чѣмъ блестящей исторіи и воспоминанія дворянства польскаго, воспоминанія, которыя не изгладятся, но укрѣплятся и глубже втиснутся въ памяти народной чрезъ сословную жертву ихъ ходу судебъ человечества, справедливости, ихъ собственному пониманію правъ народныхъ и логически слѣдующему изъ того воззрѣнію на права *человѣка*. Мы думаемъ, мы надѣемся, что благородное дворянство польское само произнесетъ рѣшеніе и сойдетъ съ народомъ своимъ, со всѣмъ хлопотствомъ безразлично; мы увѣрены, что оно убѣдится, что изъ вражды государственной нѣтъ выхода, кромѣ взаимнаго самоуничтоженія государствъ русскаго и польскаго и признанія на мѣсто ихъ единого безсословнаго народнаго царства славянскаго съ равенствомъ, федераціей и самоуправленіемъ областей.

Неужели-же освободитель крестьянства явится защитникомъ сословной розни вопреки волѣ даже того сословія, котораго отжившія, недостойныя взрослога человечества привилегіи онъ сталъ бы сохранять. Мы этому не вѣримъ, не хотимъ вѣрить; это противно чувству, оскорбляетъ разумъ. мы думаемъ, мы увѣрены, убѣждены, что Александръ II видитъ перстъ божій, призывающій его; что не противудѣйствовать, а содѣйствовать станетъ онъ мирному слиянію, насильственно или случайно, и во всякомъ случаѣ противуестественно разорваннаго на сословія народа въ одно цѣлое, общее, нераздѣльное.

Вѣка пройдутъ, и на землѣ другаго случая не будетъ сдѣлать столько добра ближнимъ, даже борьбой и подвигами цѣлой жизни сколько можете сдѣлать Вы, Государь, однимъ почеркомъ пера. Да мало можете, Вы должны это сдѣлать, Вы обязаны передъ лицомъ Бога и человечества, если не хотите отвѣчать передъ нимъ и передъ потомствомъ.

Да снидегъ-же на Васъ благодать Бога вышняго, да благославятъ Онъ Васъ на все доброе и поможетъ въ силахъ на благо народное! Мы Васъ любимъ, Государь, очень любимъ, подумайте-же, каково намъ было-бы вырвать любовь эту съ кровью изъ сердца во имя разума и правды.

Обстапоика ваша народу не нравится, Государь! Илья Муромецъ встаетъ на ноги, и время Харлафовъ и Фальстафовъ, прошло безвозвратно, взятки сладострастныхъ рыцарей позорятъ вѣкъ вашъ, раздача мѣстъ служебныхъ въ имперіи любовницами ихъ—оскорбляетъ общество. Откупъ съ таксой и безъ таксы, съ торганами и съ переторжниками, и безъ торговъ и безъ переторжекъ, съ платой впередъ и съ ежегодными взносами платежей отъ 50 до 100—500—1000—2—3—4—5 тысячъ и т. д. и т. д., откупъ должностей съ главными конторами его въ Петербургѣ и съ агентствами въ городахъ, все это приводитъ народъ въ ужасъ и изумленіе и заставляетъ его видѣть въ чиновникахъ правительства грабителей и служителей тьмы, проклятыхъ и въ сей жизни и въ будущей и на самомъ правительствѣ (царь отдѣленъ, понятіе объ немъ отвлечено) печать антихриста и сатаны. Всѣ эти люди, окружающіе васъ, неужели выведутъ они наконецъ народъ изъ терпѣнія, сдѣлаютъ его неблагодарнымъ и подернутъ личность вашу грустнымъ флеромъ для исторіи? Неужели система государственнаго управленія, допускающая возможность такихъ несообразностей и личностей, будетъ самими Вами долѣе и долѣе терпима и сохраняема.

Искра производитъ пожаръ, а при порохѣ взрывы. Въ чѣмъ умѣ родилась мысль разогнать студентовъ изъ университетовъ, возмутительнымъ требованіемъ денегъ за науку и

съ тѣхъ, у кого нѣтъ ихъ ни копѣйки, чьи отцы съ горемъ и нуждой честно жили въ обществѣ, не грабили денегъ для обеспеченія семьи своей, и вдовы ихъ, перебиваясь со дня на день, обливая слезами всякую корку хлѣба, которой они сыты, съ утра до вечера жили одной надеждой увидѣть наконецъ сына кончившаго курсъ въ университетѣ и имѣющаго какую нибудь возможность улучшить сколько нибудь горькій бытъ ихъ подъ старость, и вдругъ, Ваши старцы, владѣющіе майоратами, утопившіе душу и сердце въ черпильницѣ, гонять дѣтей съ приговоромъ смерти—отъ горя для матери, отъ нищеты и загубленной, разорванной жизни для сына, за то что отцы ихъ, ихъ мужья, не грабили народа русскаго, не завасались благопріобрѣтеннымъ, не имѣли капиталовъ въ банкахъ, ни пенсій, ни протекцій. Боже мой, Боже мой! Чернѣ пятна не можетъ быть на всемъ царствованіи Вашемъ. Наказаны-ли скареды ума и духа, опозорившіе Васъ, вооружившіе противъ Васъ все образованное общество, или Вы ждете Государь когда народъ потребуетъ ихъ у Васъ, какъ у царя Алексѣя тѣхъ беззаконниковъ, которыхъ съ проклятіями и неистовствомъ на части изорвалъ на площадяхъ Московскихъ? Съ науки берутъ деньги; въ университетѣ, какъ въ питейномъ откупѣ, считаютъ выручку. Да гдѣ Вы Государь! куда Вы зашли? оглянитесь, ради Бога и святыхъ силъ его!

Правительство, говорятъ, хочетъ принять проэктъ выкупа земли въ собственность государственными крестьянами. Въ Америкѣ система продажи государственныхъ земель, можетъ быть, очень хороша, но мы знаемъ, что правительство Соединенныхъ Штатовъ открывало и занимало, открываетъ и занимаетъ, покупало и покупаетъ земли не населенныя или оставляемыя туземцами; правительство поступаетъ справедливо, продавая такія земли переселенцамъ. А у насъ, въ Россіи, народъ владѣетъ землей изстари, съ везапамятныхъ временъ, онъ занялъ и населилъ ее за долго до того, какъ создалъ себѣ правительство. Земля составляетъ, и въ сущности и по понятіямъ народа, его неотъемлемую, неотчуждаемую, неимѣющую въ отношеніи къ общинамъ владѣющимъ ею селеніямъ и деревнямъ поселеннымъ на ней, никакой продажной цѣнности, наследственную собственность. Такъ какъ-же правительство-то будетъ продавать народу его-же народную, не продажную землю? Въ этомъ смысла нѣтъ; а если есть, такъ очень плохой, это будетъ похоже на того господина въ “венеціанскомъ купцѣ”, который добивался вырѣзать кусокъ мяса изъ тѣла живаго человѣка, только здѣсь не за долги будетъ вырѣзано мясо, а просто съ цѣлью взять деньги за операцію вырѣзки и приращенія вырѣзаннаго куска къ большому мѣсту. Народъ представить себѣ дѣло проще: въ его глазахъ это будетъ все равно, что вытащить у человѣка рукавицы изъ за пазухи и отдать ихъ за деньги тому-же, кому принадлежать. Если слухъ о продажѣ земли государственнымъ крестьянамъ справедливъ, то, если-бъ я не боялся быть невѣжливымъ, не зная притомъ, къ кому лично относятся мои слова, и сказалъ-бы, что можно подумать, что составители проэкта чужеземцы, или русскіе, забывшіе исторію въ бюро и о народѣ и жизни его, объ отношеніяхъ его къ землѣ, запомнившіе по рассказамъ наставника француза. Да это сигналъ для всеобщаго возстанія.

Вотъ отъ того-же, отъ ложнаго возрѣнія правительства на отношенія его къ землѣ и народу,—неидетъ, и если неизмѣнится возрѣніе это, то не пойдетъ и крестьянско-помѣщичье дѣло.

Призовите “Землю” и сравняйте ее въ совѣтѣ съ государствомъ, иначе, слейте ихъ въ одно общее, сдѣлайтесь сами земскимъ государемъ, тогда, въ одинъ годъ вопросъ крестьянской разрѣшится, денегъ будетъ много и всѣ финансовыя операціи обеспечены прочно.

За что страдаютъ старообрядцы, за что отрываютъ ихъ отъ работъ въ дорогое для крестьянина лѣтнее время и гоняютъ въ губернскіе города гуртомъ, сотнями человѣкъ, изъ за сотней верстъ, разные взяточники въ образѣ полицейскихъ и поповъ къ взяточникамъ консисторскаго и губернскаго грабленій? къ чему народъ озлобляется безтолковыми, бессмысленными—осмысленными съ одной точки зрѣнія всякаго обирая,—раззорительными мѣрами, прижимками и изтязаніями? Да такихъ беззаконій, насилій и губительствъ монголы не совершали надъ русскимъ народомъ въ Турціи въ дѣлахъ вѣры ничего подобнаго не видимъ. Вы, говорятъ, не хотите гнать старообрядцевъ, да имъ то развѣ легче отъ того? развѣ Вы въ силахъ привести въ исполненіе волю свою, пока Вы не царь земли русской, а императоръ и самодержецъ? развѣ любой блюститель порядка, опираясь на законы императорскаго самодержавія, любой становой и исправникъ, стаскинувшись съ попомъ и не стаскинувшись, не могутъ усмотрѣть, что вотъ эти беззубыя старухи собираются на свои мирныя богомолья съ цѣлью составленія тайныхъ обществъ, заговоровъ, съ возмутительными памфлетными противъ правительства, съ цѣлью распространенія вреднаго ученія о неповиновеніи властямъ. Ну, вотъ властито, какъ шайка разбойниковъ, и нападаютъ на несчастныхъ и грабятъ что попало подъ руку, и книги и иконы въ дорогихъ окладахъ и безъ дорогихъ, и молитвенники, и лестовки и свѣчи, и ладонъ и масло, все въ квартиру станового да благочинному въ сундукъ. Мелочи: да ими жизнь народа отравляется. Нѣтъ, не мелочи, а крупныя и наглыя злодѣяства мелкой власти. Подъ чьимъ-же, подъ какимъ высокимъ принципомъ та власть совершаетъ ихъ? на комъ лежитъ позоръ ея насилій? гдѣ власть другая, крупная, которая даетъ существованіе мелкой, паглой власти?*

Власти, власти, не людямъ. Люди, представители ея, эти жалкіе становые, исправники сами жертвы системы, несчастные мученики и невольники преступленій, втиснутые силой нужды и необходимостью дарить въ восходящихъ линіяхъ чиновначалія, въ душную, растлѣвающую атмосферу взяточничества, а тутъ жена, дѣти, семья, исключительность воспитанія, недопускающая другой дѣятельности кромѣ службы. Мы людей не винимъ, система виновата, а не люди.

Потомъ допросы, допросы на мѣстѣ, допросы въ уѣздномъ городѣ, допросы въ губернскомъ,—насмѣшки, оскорбленія, изтязанія, грабительство, побои.... Боже мой! Боже мой! Да гдѣ мы? что мы? сонъ это бредимъ или живемъ!!!—Государь! Правительство хлопочетъ о привлеченіи американскихъ чеховъ на берега Амура, а не хочетъ или не можетъ

* я на себѣ испыталъ сладость самодержавнаго безправія и—возвратія государства на человѣка: я былъ крестьянинъ дѣйств. т. с. графа Александра Гурьева; графъ находя, что лимонъ достаточно соарѣлъ и ходившій рескриптомъ объ улучшеніи быта крестьянъ, ограбилъ и до тѣхъ раззорилъ меня іезуитски-насилъственнымъ мѣрами. Да объ этомъ послѣ,—я не хотѣлъ говорить, къ слову пришлось. Я поговорю объ этомъ, когда въ Россіи будетъ гласный судъ,—а до той поры правосудіе у насъ представляется развѣ статуей на углу какого нибудь памятника, да и то по мелочи—съ безіевомъ.

Грабитель встѣдаетъ въ государственномъ совѣтѣ и “въ судахъ да царствуетъ Правда!...”

прекратить гонений заставлявших народъ изстари бѣжать въ Турцію, бѣжать въ Австрію, бѣжать въ Пруссію, въ Польшу, пока была свободна,—въ Швецію и Англію съ одной стороны, въ Персію съ другой. Неужели старообрядцы изверги какіе нибудь, или просто гадяны, они отверженные Богомъ и человѣчествомъ? Неужели они хуже магометанъ, евреевъ, буддистовъ, шамановъ и другихъ, что не позволяютъ имъ жить по крайней мѣрѣ также неприкосновенно въ дѣлѣ вѣры, какъ послѣднимъ? Отъ чего въ другихъ странахъ Европы и въ Америкѣ религіозныя секты свободны, а у насъ нѣтъ? Вѣдь не отъ того-же только, что тамъ нѣтъ филаретовъ, защитниковъ розогъ, плетей и кнута для народа, проповѣдниковъ и истолкователей христіанства въ пользу ссылокъ, каторжной работы, клейменія, рванья носовъ, и пр. и пр., и тѣлеснаго наказанія всякаго свойства для христолюбиваго воинства. Да и кто даетъ возможность существованія у насъ такимъ филаретамъ, кто обращается за совѣтами къ нимъ, кто первымъ слушатель и послѣдователь проповѣди ихъ на скорбь и горе всего народа русскаго?... вѣдь есть-же кто нибудь.

Въ судахъ нѣтъ правды, въ народѣ денегъ, кредитъ уничтоженъ, уваженія къ церкви не существуетъ, свободы въ дѣлѣ вѣры нѣтъ, народъ въ недоумѣніи. Всѣ предтечи революціи на лицо!

Русской землѣ грозитъ волненіе, электричество рѣветъ въ воздухѣ, гроза собирается со всѣхъ сторонъ, у Васъ въ рукахъ снарядъ громоотвода. Связанъ-ли онъ проводниками съ почвой, мы не видимъ, не видимъ!!

Противуестественная, варварская, губительная система рекрутскихъ наборовъ, такимъ проводникомъ быть не можетъ. Вспомните Государь, что рекрутчина — жертвоприношеніе народа государству, насильственно требуемое и потребляемое въ страшной пропорціи. Кто попалъ въ солдаты—погибъ челоѣкъ, выходу какъ отъ кроваваго божества для обреченной на всеожженіе жертвы—нѣтъ, да и сожженіе-то совершается мучительнымъ, пожизненно-медленнымъ, томительнымъ огнемъ. Охотно-ли народъ приноситъ эту жертву и насколько она полезна для него самого, отвѣтомъ служить вопль и плачь, съ которыми народъ провожаетъ дѣтей своихъ и братьевъ въ рекрутскія присутствія. А развѣ нѣтъ другой системы?

Кто-жъ поддерживаетъ, что обусловливаетъ развѣдающую и разлагающую жизненные соки народа рутину? Бюрократія, окружающая Васъ, чиновначіе, канцелярское управленіе Россіей, заключающееся въ накопленіи и очисткѣ безчисленнаго множества NN. текущихъ бумагъ, сношеній, отношеній, выравокъ, справокъ, предписаній и донесеній и проявляющееся въ страшныхъ безжизненныхъ отношеніяхъ государства къ народу и въ полномъ взаимномъ непониманіи одного другимъ. Вотъ она, чѣмъ заглушаетъ, вотъ она чѣмъ морится, измучивается и замучивается жизнь народная, вотъ она хроническая проказа, поражающая организмъ общества во всѣхъ составахъ его... плохой проводникъ!

Тѣлесное наказаніе, розги, (женщинъ сѣкутъ!) къ стыду Вашего царствованія, неотмѣненные еще въ Россіи и которыми всякая чиновная сволочь орудуетъ сколько душъ угодно; проводникъ не лучшій.

Вотъ крестьянскія цѣпи на рукахъ и ногахъ ослаблены до возможности сбросить ихъ; но крестьянину сказано, что

цѣпи эти не есть цѣпи, что они непремѣнное условіе его жизни пока не... умреть. И эти цѣпи-не цѣпи приказано носить по-прежнему; проводникъ не надежный, испорченъ. — Губернаторы?....

Государство смотритъ на народъ, какъ на массу, изъ которой въ правѣ выдѣлывать шарики и фигурки по усмотрѣнію, такое положеніе дѣлъ должно прекратиться.

Какъ?!!

Государь! я говорю голосомъ народа... моя обязанность — свобода, мое право, кровь и страданія... Миѣ повѣрка народъ и его люди,—мы ждемъ отъ Васъ собранія Великой Земской Думы, для постоянныхъ совѣщаній, во кругъ Васъ Тысячелѣтіе....

Съ глубокимъ уваженіемъ и великой преданностью, честь имѣю быть

*Вашею Императорскаго Величества
Покорнѣйшій Слуга.*

П. Мартыановъ.

Лондонъ, 2 Апрѣля 1862 г.

ГОЛОСЪ ЗА НАРОДЪ

(Письма помѣщика)

письмо второе.*

Вы спрашиваете: Не перейдетъ-ли половничество въ барщину?..... Прежде всего дайте оговориться. Я беру обстоятельства, какъ они теперь поставлены, т. е. при допущеніи закономъ помѣщику права на собственность земель сверхъ надѣловъ. Если-бы можно было *сей часъ* устранить помѣщика отъ земельной собственности, или свести на пай въ общинномъ землевладѣніи, равный крестьянскому, то какимъ-бы способомъ оно ни было произведено—это было-бы всего проще и слѣдовательно лучше; но въ настоящемъ положеніи вещей, когда право на отдѣльную землю предоставлено помѣщику, мы, не проповѣдая помѣщикамъ артельного половничества и не вызывая крестьянъ на артельный трудъ, готовимъ громадную бѣду въ будущемъ.

....Невозможность существованія общиннаго землевладѣнія при частной собственности (по самому существу своему, въ противоположность общинному началу, имѣющей свойство движимой собственности—наслѣдство, купля, продажа, сѣмъ, залогъ, и т. д.), доказывается въ *экономическомъ отношеніи* слѣдующими непремѣнными послѣдствіями, возникающими изъ совмѣстнаго быта этихъ двухъ разныхъ полюсовъ, взаимно поглощающихъ себя, или вносящихъ хаосъ и безурядицу—тѣмъ, что когда отдѣльные члены крестьянскаго общества, богатѣя, будутъ покупать у помѣщиковъ въ свою собственность *земли* и устраивать тамъ единичное хозяйство; то временемъ увеличившаяся масса такихъ землевладѣльцевъ на ряду съ богатыми помѣщиками укрѣпится и вдвинетъ въ жизнь самымъ натуральнымъ образомъ начало частной собственности, въ полныхъ ея размѣрахъ, со всѣми ея послѣдствіями. Стягивая мало по малу къ этому началу всѣхъ кулаковъ, позволитъ составить плотно сплоченную массу, около болѣе крупныхъ землевладѣльцевъ,—что дастъ огромное преимущество или оружіе послѣднимъ, какъ представителямъ и хранителямъ этого чисто личнаго элемента въ *землѣ*. Такимъ образомъ общинное землевладѣніе, которое мы пыта-

* Помѣстивъ адресъ къ государю отъ благороднаго челоѣка изъ крестьянъ и письмо благороднаго челоѣка изъ помѣщиковъ, редакція Колокола предоставляетъ себѣ право въ непродолжительномъ времени, высказать свою собственную точку зрѣнія.

лись всецѣло сохранить въ народѣ и для народа, будетъ существовать на дѣлѣ только для общаго человечества, для немогущихъ скопить себѣ излишка отъ куска чернаго хлѣба. Значитъ необходимымъ результатомъ такого порядка вещей будетъ, что посредствомъ покупки или другимъ какимъ способомъ, богатыми крестьянами приобретенная частная земельная собственность сдѣлается уже *привилегіей, мѣркой благосостоянія, широтой правъ*, допускающихъ всевозможныя операціи и всякаго рода сдѣлки на землю, на которую уже община или остальные его собратья крестьяне не имѣютъ никакой претензіи. И эту привилегію, частную собственность, *скупщики* — крестьяне раздѣлятъ съ крупнымъ землевладельцемъ. И тутъ, вслѣдъ за приобщеніемъ такихъ правъ, явится у нихъ круговая порука помещичьихъ *интересовъ*, стремленій и всевозможнаго рода — рука руку моетъ... И въ концѣ концовъ вырастаетъ сила и притомъ враждебная по своей *бытовой* сторонѣ другому началу, выразителемъ котораго *общинное крестьянство*, какъ-бы запертое немогущей въ общинномъ землевладѣніи... Постоянный уходъ крестьянъ изъ общины, совсѣмъ или только на нѣкоторое определенное время, въ частную собственность не позволить общинному землевладѣнію оставаться *такимъ и оно* разобьется на мелкія, потерявшія связь между собой части.

Такимъ образомъ защитники общиннаго начала, допустивъ частную собственность возлѣ общинной, не построивъ между ними никакого моста, все равно что сказали-бы общинѣ: живи! и тутъ-же дали-бы ей всѣ средства смерти. Вѣдь подобная пассивность равна преступленію! И такъ, если мы не въ силахъ сразу отстранить частную собственность, намъ надо найти мостъ, черезъ который частная собственность перешла-бы въ общинную. Я другаго не вижу какъ артельное половничество.

Теперь позволютъ начать *ab ovo*.

Непосредственныя основы быта Великороссіи, какъ намъ извѣстно, *артель работниковъ и общинное землевладѣніе*. Эти два элемента имѣютъ за собой цѣлыя и цѣлыя вѣка, обычай и наконецъ фактъ. Они теперь у насъ на лицо живы и цѣлы какъ зародыши будущаго великаго развитія экономическаго, имѣющаго мѣсто и возможность не надломаннаго, а рационально-разумнаго проявленія только при сохраненіи другихъ началъ, то-же крѣпко сидящихъ въ мозгу народа, какъ мірское самоуправленіе, выборное начало. Безъ послѣднихъ двухъ прочное устройство и сохраненіе, а всего болѣе возможность широкаго роста артели и общины — немыслимы. Это условіе *sine qua non*... Но тутъ рождается вопросъ — общинное землевладѣніе, такое какъ оно теперь существуетъ, основанное на раздѣлѣ полей, — можетъ-ли не принимая формы артельнаго труда, получить то развитіе, которое сохраняя возможно совершенное вознагражденіе за трудъ, давало-бы возможность улучшенія способовъ производства, а слѣдовательно и успѣхія качества и количества продукта? Иначе — можемъ-ли мы ждать такихъ хорошихъ результатовъ отъ общиннаго землевладѣнія при дѣлѣжѣ полей, какія предвидятся при дѣлѣжѣ по ровну (т. е. соответственно каждому положенному труду) прибытковъ, получаемыхъ съ земли при артельной обработкѣ? Словомъ, не есть-ли *артель*, стоящая пока особнякомъ отъ земли, являющаяся какъ форма работы только въ мастерствахъ, — не есть-ли она сдѣлательно неизвѣстная величина въ нашей общественной формулѣ общиннаго землевладѣнія?

Нельзя-ли даже предположить что германское, кельтическое общинное землевладѣніе разбилось, свелось на частную собственность отъ несуществованія, отъ невыработки *артельной* обработки, при которой личною собственностью является *только продуктъ земли*, а не самая земля? Не ведетъ-ли свое начало частная собственность, личная, съ того момента когда передѣлъ полей прекратился, когда каждый работникъ закрѣпилъ въ вѣчное свое владѣніе, въ вѣчное пользованіе ту землю, которая досталась ему въ послѣдній дѣлежъ, т. е. не есть-ли личное землевладѣніе не послѣдній фазисъ, не обособленіе, выдѣленіе, не физиологическое развитіе органа въ особь, получившую возможность отдѣльнаго существованія, по мимо матери-кормилицы, а искаженіе, уродливый недоносокъ, выкидышъ? *Целормальныя роды* — отсутствіе *артели*.

Потому невольно приходитъ на мысль, чтобъ и наше общинное землевладѣніе не выгорѣло-бы въ частное, застраховать артелью, ибо съ нею только возможно признаніе собственностью — продуктъ земли, результатъ труда, а не землю — средство производства, которое всѣмъ и никому въ отдѣльности не принадлежитъ, даже и на *определенное время*, чтобъ какъ-нибудь побывавши въ рукахъ, хоть и короткое время, не явилась-бы охота превратить ее во что-то определенное, вѣчное, а потому *частное, насльдственное*.

Тѣмъ желательнѣе является выходъ въ артели, что на виду мы имѣемъ земельную общину въ Индіи, съ раздѣломъ-же полей. Но она заморозилась, остановилась, не пошла въ ростъ, а стоитъ тысячелѣтія въ своей грубой формѣ и можетъ быть еще долго простоять, не имѣя другаго-чего, чѣмъ бы ее свело — или на частную собственность, какъ это сдѣлалось въ Европѣ, или, сохранивъ ту-же форму (общинной земли), подвинуло-бы на безмѣрный ростъ и ту степень развитія, которая чудится намъ въ радостномъ будущемъ для нашего народа.... Вѣдь какое-то зерно... чуть-ли не пшеницы... можетъ тысячу лѣтъ лежало въ саркофагѣ египетскомъ, сохраняя въ себѣ возможность развитія, а развилось только и сдѣлалось возможнымъ произвести цѣлое растеніе, привести миллиарды зеренъ, перенесенное на чистый воздухъ, на сродную ему почву, въ свой элементъ... Не есть-ли *артель* этотъ живительный элементъ, эта почва, этотъ пробный камень, о которой стучится наша земледѣльческая община, боясь частной собственности Запада или застоя Индіи?

.... И такъ, по моему, артель необходима для сохраненія общиннаго землевладѣнія. И посмотрите какъ *она* легко мирится съ нимъ, безъ всякихъ натяжекъ, ходулей. Теперь община говоритъ: вотъ тебѣ и тебѣ кусочекъ землицы по ровну. Дѣлай съ нимъ какъ и что знаешь, ты ему хозяинъ и работникъ. Что положишь, то и возмешь. — Вотъ сколько нужно платить тебѣ на общественныя нужды, а остальное твое. Меньше сработалъ чѣмъ эти нужды требуютъ не можешь, на то и землю получишь, а больше твое дѣло. На то и смыслъ въ головѣ и руки болтаются... Значитъ вотъ сопоставленіе общественныхъ нуждъ съ частными, коллективнаго интереса съ личнымъ. Вотъ это *долженъ*, а это какъ *знаешь*. Даютъ средства по ровну каждому, а кто что сдумаетъ взять, выпотѣть изъ земли, то и получить.... А тогда община скажетъ: ни тебѣ, ни ему землицы не нужно; *она* наша общая кормилица, сосцы ея всѣмъ открыты, молока вдоволь. Общей силой, дружно возмемся за плугъ, засѣмъ,

пожнемъ и соберемъ въ житницу, изъ которой всякій возьметъ что ему за трудъ по расчету приходится.

Гдѣ нужно унавозить, унавозимъ, каналъ провести—проведемъ..... что вообще потребуетъ земля—дадимъ. Иструменты, хоть-бы соху, или борону,—чѣмъ-бы каждому обзаводиться отдѣльно—міромъ и волюйѣ и потраты меньше, благо что на общее дѣло идти... И приневолить тебя больше сработать чѣмъ на расходы всѣхъ, на общія нужды, на судъ на расправу и т. д. требуется, что порѣшено общимъ голосомъ, никто не посмѣетъ. А тяга какая приходится на твою часть—долженъ отдать, на то и къ общинѣ принадлежишь, за то и охрана тебѣ и средства дають въ землѣ. А захочешь сытнѣе поѣсть, да слаше поспать—отъ тебя зависить: орудіе есть, отъ земли никто не отгоняетъ, хоть ночью возись около нея, лишь-бы толкъ былъ, да прочная работа, а еще если доможишься какъ что лучше сдѣлать, чтобы земля больше хлѣба давала, то отъ міра спасибо, да поклонъ хлѣбомъ и солью... Хорониться талантомъ нечего. Что одинъ смекнулъ, почувалъ, другой гляднѣи и развернулъ, да раскусилъ, а міръ-то послушалъ, послушалъ, намоталъ на усь, да ходъ дѣлу и далъ, да... не Петру и Ивану, а всему обществу на пользу. Вотъ и круговая порука труда и разума.

Спрашивается, что тутъ сходнаго и несходнаго съ первой формой общиннаго землевладѣнія? Сходнаго то, что *артель* общиннаго землевладѣнія относится къ ней, какъ образовавшійся цѣль къ почкѣ, какъ нормально развившійся человѣкъ въ зрѣломъ возрастѣ, къ младенчеству. Всѣ начала одинаковы, всѣ природой данныя стремления неподточены, а имъ даво мѣсто. Какъ тамъ, и здѣсь земля общая; право на обезпеченіе, какъ тамъ, и здѣсь; *личныя и мірскія отношенія* ярко разграничены, антагонизмъ между членами немыслимъ, —интересъ частный плотно соприкасается съ интересомъ общимъ; невозможность *голутвы*, возможность выхода изъ общины, отсутствіе наслѣдства (недвижимаго); какъ тамъ, и здѣсь, міръ орудователь. Несходнаго.... несходность зародыша, куколки съ бабочкой. Тамъ возможность на рѣшеніе, здѣсь самое рѣшеніе. Тамъ общинное землевладѣніе можетъ, какъ сказочный герой, пойти по тремъ дорогамъ: окочевнѣть въ первоначальной формѣ, кинуться подъ топоръ частной собственности или развиться; здѣсь самому остаться цѣлымъ, невредимымъ, съ здоровой головой, идти вѣрными, скорыми шагами къ цѣли.

Остается въ зародышномъ состояніи—не совершенствовать земледѣльческое хозяйство, (какъ утверждаютъ Гастгаузенъ и прочіе). Связаться съ артелью—*разчистить* огромное поле дѣятельности для общаго труда, подогрѣть интересъ cadaго, для общаго или собирательнымъ образомъ увеличить богатство cadaго, *отстранить* дробный, мелкій дележъ, чрезвычайно затруднительный и вредящій не только землѣ, но не позволяющій вести правильной обработки не только трехпольной, но никакой другой.

И такъ въ концѣ концовъ, артельная обработка общинныхъ земель, съ дѣлежомъ продукта—соразмѣрно труда, усилій, таланта положенныхъ каждымъ *артельщикомъ-общинникомъ*.

Понятно, что разомъ этотъ порядокъ можетъ быть введенъ въ оброчныхъ имѣніяхъ, гдѣ вся земля гуртомъ уступается безраздѣльно міру; въ имѣніяхъ-же барщинныхъ только на земляхъ выдѣленныхъ отъ помѣщика—въ полное, вѣчное владѣніе крестьянскому обществу. Какъ и уже сказали въ

первомъ письмѣ, при сопоставленіи оброчныхъ имѣній съ барщинными, является разладъ экономическихъ началъ. Въ первыхъ (оброчныхъ)—*общинная собственность*, съ раздѣломъ полей въ началѣ или раздѣломъ прибытка въ концѣ, причемъ каждый хозяинъ и работникъ, и ни въ какомъ случаѣ не батракъ... А во-вторыхъ (барщинныхъ)—смѣшеніе общиннаго землевладѣнія съ частнымъ (съ наслѣдственнымъ), гдѣ крестьянинъ является разомъ и хозяиномъ работникомъ на мірскихъ земляхъ и батракомъ-подѣнщикомъ на помѣщичьихъ.

Тутъ вопросъ: какъ помирить эти + и —землевладѣнія, общинное съ частнымъ, безнаслѣдство съ наслѣдствомъ; какъ привести крупнаго землевладѣльца-помѣщика въ *добрый*, *отбирая* то, что исторія оставила за нимъ, обобравъ младшую братью, но большую по количеству? словомъ гдѣ лежитъ возможность, чтобы исторія поворотила свой + на сторону народа, закрѣпила-бы *de facto* то, что *они de jure*, по справедливости, считалъ за собой, какъ свое достоиніе, заработанное и кровью и потомъ, и каторгой и висѣлицей. Возможность, по моему, лежитъ все-таки въ *артели*, исходной точкой, которой нужно считать *половинничество*. Не знаю, удастся-ли мнѣ извлечь корень, подонти наведеніемъ, слѣдъ шагъ за шагомъ, безъ пробѣловъ до слитія помѣщичьихъ земель съ крестьянскими, до спайки ихъ въ общее кольцо, гдѣ центромъ является міръ... Попытаюсь.

И такъ представьте себѣ съ одной стороны общинное землевладѣніе съ артельной обработкой, съ раздѣломъ прибытка; крестьянъ артельщиковъ-общинниковъ, а съ другой —помѣщика, отдающаго землю съ орудіями производства въ обработку *тѣмъ-же* крестьянамъ на условіяхъ *половинничества*.

Въ началѣ и нѣсколько потомъ крестьяне - половники будутъ довольствоваться той меньшей частью, которая имъ будетъ слѣдовать при выдѣлѣ зерна, пока они не оперятся, пока работа товариществомъ еще не успѣетъ въ нихъ создать сознаніе силы, пока *они* еще будутъ нуждаться въ помощи крупнаго землевладѣльца.

Но когда *они* путемъ сбереженія—не личнаго, частнаго, а общиннаго, путемъ выборнаго начала и міра выработаютъ изъ себя такое *собирательное цѣлое*, у котораго мощь въ рукахъ, сила въ головѣ, а *опора* на землѣ общинной, гарантирующей крестьянскому обществу самый первый, насущный кусокъ хлѣба, тогда крестьянамъ явится возможность держаться, *стоять* крѣпко на своемъ требованіи, хоть на примѣръ, на увеличеніи доли прибытка (въ стремленіи крестьянъ увеличить стоимость своего труда вы сомнѣваться не будете), потому что помѣщику работа крестьянъ болѣе чѣмъ пужна: безъ нея онъ пропасть, земля его будетъ стоять, еслибъ онъ не поладилъ съ общинниками своей деревни, которымъ нечего его бояться, *они* не такъ страшны у нихъ, безъ его земли есть свои, могущая дать все назойливо требуемое жизнью.... Крестьяне имѣя подъ ногами свои общинныя земли, застраховывающія ихъ отъ голода и мірской каниталъ, отъ времени разросшійся въ порядочный *кушъ*, могутъ спорить, отстаивать большее вознагражденіе за свой трудъ, требуя перевѣса своей доли надъ долею помѣщика. Тутъ собственно говоря, со стороны крупнаго землевладѣльца не можетъ быть и особенной упорности, даже и сознанія своего права на львиную часть. Ну, найдутся такіе, которые, надѣясь на свой капиталъ, *рискутъ*, при несогласіи крестьянъ на сдѣлку, которой ему желательно, оставить *ихъ* пробавляться одной общинной землей.

(Окончаніе въ слѣдующемъ листѣ).

сувоговскіе походы по грязямъ петербургскимъ.

“... Вы не знаете Петербурга, это произведеніе громадное и совершенно искусственное. Петръ I построилъ его на сваяхъ цѣною жизни нѣсколькихъ тысячъ челоѣкъ, погибшихъ въ этой трясинѣ. Съ нѣкотораго времени сваи уходятъ, почва подается. Городъ разрѣзанъ каналами и подземными водопроводами. *Они не были чищены* со временъ императрицы Анны, т. е. болѣе вѣка, отсюда поднимаются по временамъ зловонныя испаренія. Чтобы помочь бѣдѣ сзывали инженеровъ, они согласны, что слѣдуетъ немедленно приняться за работу, но прибавляютъ въ тихомолку, что работы эти могутъ сдѣлать совершенно невозможной жизнь въ Петербургѣ, такъ заражена будетъ атмосфера”...

“... Пѣтъ-ли,—прибавляетъ авторъ статьи о Россіи въ *Revue des Deux Mondes* (15 Janv. 1862),—разительнаго сходства между городомъ и обществомъ, созданнымъ гигантскимъ куштикомъ Петра I (*artifice gigantesque*), не подкапывается ли оно зломъ, которое требуетъ быстрой помощи?”

Это совершенно справедливо, нравственный Петербургъ скоро также будетъ невозможенъ для легкихъ, какъ и физическій.

Боясь задохнуться или провалиться à la Кокошкинъ, государь ввѣрилъ князю Суворову дренажъ Петербурга... вѣроятно имѣя въ виду успѣшныя кампаніи его дѣда противъ Пугачева, Костюшки, французской республики — словомъ противъ всего освобождающагося, возставающаго за челоѣческія права. Но тутъ вѣдь не Альпы переходить, не съ Масеной имѣть дѣло, тутъ не “Везувій пламя изрыгаетъ”... воѣвать въ петербургскихъ сточныхъ ямахъ надобно вдвое больше отваги, умѣнія и самоотверженія. При первыхъ ударахъ застѣна поднялась вмѣстѣ съ мѣфитической вонью мѣфитическій ропотъ. “На Кавказъ его, на Кавказъ его!” кричали духи гнили, тучныя черви зимняго дворца. Пусть онъ отсюда управляетъ Петербургомъ; нашъ фельдмаршалъ можетъ же изъ Египта управлять Кавказомъ и отсюда *продолжать* войну, которую кончилъ *три года* тому назадъ.

Выдержитъ онъ или нѣтъ?

Суворовъ онъ или нѣтъ?

Пока вы держите пари, мы вамъ сообщимъ нѣсколько комочковъ петербургской грязи—самой грязнѣйшей воды—dans l'embarras du choix, мы пропускаемъ—до новаго назначенія главнаго виновника—длинное, драматическое сказаніе о Паткулѣ, Крычевскомъ, мнимыхъ золотыхъ прискахъ, и дѣйствительномъ золотопромышленникѣ Рышковѣ и переходимъ прямо въ Адлербергскіе мареммы.

Случаевъ подобныхъ послѣднимъ подвигамъ Паткуля, пишеть намъ нашъ корреспондентъ можно насчитать десятками, сотнями. Наглость лицъ управляющихъ Россіею достигаетъ апогея. Видя, что настаютъ послѣднія минуты самодержавія—челядь и холопы его спѣшатъ красть и грабить что могутъ, въ конецъ разоряя бѣдную Россію; ежедневно повторяются самыя возмутительныя факты, совершаемые—камариллой. Вотъ нѣсколько образчиковъ: Игнатьевъ дарить наслѣднику портретъ Петра, осыпанный брилліантами: государь узнаетъ въ немъ вещь принадлежащую кабинету; по справкамъ оказывается что ее тамъ нѣтъ и что ее заложилъ другъ государя Адлербергъ. (*Ей богу невѣроятно—правда-ли?*)

Суворовъ, вступивъ въ управленіе, нашелъ, что всѣ дѣла о взысканіяхъ на Адлерберга лежать въ полицейскихъ мѣстахъ безъ движенія по нѣсколькимъ лѣтъ. Причиною этого выставили невозможность отобрать отъ Адлерберга требуемый закономъ отзывъ о принадлежности ему представленныхъ къ взысканію заемныхъ писемъ. Камердинеръ Адлерберга не допускаетъ квартальнаго до барина. Суворовъ приказалъ квартальному взять съ собою двухъ жапдармовъ, и въ случаѣ упорства *камердинера* арестовать его. Это подѣйствовало. Адлербергъ принялъ квартальнаго, призналъ правильность взысканій, далъ подписку объ уплатѣ писемъ черезъ три недѣли (срокъ платежа наступилъ уже нѣсколько лѣтъ назадъ) и разумѣется не заплатилъ. Суворовъ доложилъ государю, государь далъ своему другу деньги на уплату долговъ (говорятъ 50,000 р.) Другъ не уплатилъ долговъ. Суворовъ вторично доложилъ и тогда государь отдалъ деньги Суворову, на руки.

Какое-то имущество Барятинскаго должны были описать за долги. Для этого необходимъ былъ депутатъ отъ военнаго вѣдомства, но Барановъ объявилъ, что онъ *не дастъ* депутата и дѣйствительно не далъ. Полиція прождала 4 часа и не могла выполнить своей обязанности.

Фельдмаршалъ Барятинскій управляетъ Кавказомъ изъ *Египта* съ самодержавною властью. Громадныя суммы расходуются не извѣстно какъ и на что, Милютинъ “страдаетъ”, отъ творящихся тамъ злоупотребленій, слишкомъ хорошо ему извѣстныхъ и—не *смететъ* ничего сдѣлать.

Государственный контролеръ Анненковъ получилъ за тверское дѣло 5,000 р. с. Этотъ государственный мужъ, (мнѣніе котораго, раздѣляемое только Панинымъ, объ ограниченіи правъ с.-петербургской Думы, было утверждено государемъ, *противъ мнѣнія всѣхъ остальныхъ членовъ* государственнаго совѣта), недавно заявлялъ слѣдующій голосъ въ комитетѣ объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія: “въ настоящее время, когда во всѣ концы имперіи разосланы возмутительныя воззванія, возбуждающія къ бунту и мятежу, когда четверть государства находится на военномъ положеніи, уничтоженіе тѣлеснаго наказанія было-бы равносильно содѣйствію революціи”.

Вотъ первыя попавшіеся въ голову факты, имъ конца не будетъ, если только задать себѣ трудъ немного покопаться помойныя ямы, называющіяся у насъ дворомъ и правительствомъ. О, какъ часто повторяешь за, *Колоколомъ*. И эту сволочь плутовъ... и разбойниковъ мы должны считать за правительство! Когда-то ты повторишь ее вмѣстѣ съ нами, ты бѣдный, ограбленный, забитый народъ, ты изъ котораго эта сволочь ежедневно высасываетъ кровь?

Отъ Изд.—Мы съ большимъ удовольствіемъ узнали, что государь обратилъ наконецъ вниманіе на необходимость своихъ приближенныхъ прибѣгать къ беззаконнымъ мѣрамъ, чтобы не платить долговъ и желая узаконить то, что допускалось какъ самовольное нарушеніе всякаго юридическаго смысла, дозволилъ кн. Меншикову Алмскому, обратить въ видахъ *неплатежа долговъ* его дѣтей, внучатъ и правнучатъ, его имѣніе въ заповѣдное. Одни говорятъ, что это за крымскую кампанію, другіе за кампанію противъ освобожденія крестьянъ—все равно, по дѣти и внучатъ будутъ *законно* не платить долговъ. Умно и послѣдовательно,—вотъ и земской царь!

Продается: ESSAI SUR LA SITUATION RUSSE, par N. OGAREFF

Отпечатано въ Вольной Русской типографіи—136 & 138 Caledonian Road, London, N.

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM,

КОЛОКОЛЪ

VIVOS VOCO!

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ.
Цѣна 6 пенсовъ. Получается въ Вольной
Русской Типографіи, 136 & 138 Caledonian
Road, N.

ЛИСТЬ 133.

15 Мая 1862.

У Трибнера & Со. въ книжной лавкѣ,
60, Paternoster Row, и у Tchorzewski,
1, Macclesfield Street, (Gerrard Street),
Soho, London. Price six-pence.

(WITH SUPPLEMENT NO. 14).

ОГЛАВЛЕНІЕ.—Отъ Издателей—Ультиматум—Голосъ за Народъ (Окончаніе)—Преображенскій Барятинскій и братья Шуваловы—
Въ защиту Баранцова. Смѣсь: Высочайшее освобожденіе отъ уплаты долговъ—Прокламація Офицерамъ—Смерть Пютровскаго.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЕЙ.

Въ отвѣтъ на нѣсколько писемъ, полученныхъ изъ Россіи, мы считаемъ нашей обязанностью сказать, что мы готовы учредить при редакціи Колокола сборъ денегъ, предназна-чаемыхъ на общее наше русское дѣло; мы беремъ на себя не только обязанность храненія денегъ, но и тяжелую ответственность употребленія ихъ. Что мы поступимъ съ полной чистотой и полнымъ вниманіемъ, въ этомъ, вѣроятно, предлагающіе прислать деньги не сомнѣваются. Само собою разумѣется, что мы будемъ вести строгую отчетность и отдадимъ гласный отчетъ тогда, когда онъ будетъ возможенъ.

Александръ Герценъ

12 мая 1862.

Николай Огаревъ.

Orsett House, Westbourne Terrace.

ULTIMATUM.

p. p. c.

Потлую клевету, выдуманную еще въ 1848, что Бакунинъ агентъ русскаго правительства, и распространенную теперь на насъ, снова подогрѣли мелкіе англійскіе и нѣмецкіе листы.

Для русскихъ намъ не нужно опровергать это вранье. Въ Россіи не найдется ни одного человѣка достаточно глупаго чтобъ повѣрить, достаточно подлаго чтобъ повторить это.

Такого рода нелѣпости осѣдаютъ только въ грязномъ, тинястомъ отстой послѣднихъ политическихъ броженій — тридцати шести германскихъ отечествъ и всплываютъ въ тропутомъ мозгу неузнанныхъ государственныхъ мужей Великобританіи, несчастныхъ жениховъ власти, сошедшихъ съ ума и съ совѣсти, отъ неудовлетворенной любви къ ней и корчащихся роль тонкихъ, глубокихъ дипломатовъ передъ тощей и тупоумной толпой уѣздныхъ поклонниковъ и клубныхъ second rate политиковъ.

Жалкое стадо, принимая зависть за призваніе и желчь за гнѣвъ, качаетъ своей глупой головой, повторяя: "одинъ человѣкъ и есть, который все знаетъ, все можетъ... и онъ-то, именно онъ-то не у дѣла!" За эту скромную награду, неудавшіеся министры готовы клеветать не только на какихъ либо русскихъ выходцевъ, но на Гарибальди и Маццини.

Гдѣ уі.

Мы протестовали, такъ какъ протестовали въ 1848 и въ 1854. Они продолжаютъ нести свою галиматью. Наконецъ это надоѣло. Впредь ни за себя, ни за друзей мы вступаться не будемъ!

Истина этимъ людямъ равнодушна.

Россію они ненавидятъ, и притомъ вовсе не правительство, а вообще все русское и всѣхъ русскихъ. Разбирать что мы проповѣдуемъ, чего мы хотимъ, почему мы работаемъ въ пользу русскаго народа и противъ нѣмецкаго правительства въ Петербургѣ, что мы толкуемъ о правѣ на землю, о сельской общинѣ, о сельскомъ самоуправленіи, объ уничтоженіи сословныхъ правъ, почему мы русскіе хотимъ полной независимости Польши и не только отъ Петербурга, но и отъ Вѣны и Берлина, все это разбирать имъ недосугъ, скучно, да и при общемъ невѣжествѣ образованія не легко. Гораздо проще—людей, которыхъ вся жизнь, фактъ за фактомъ, была посвящена народному дѣлу, которые съ первой юности до сѣдыхъ волосъ боролись съ русскимъ самодержавіемъ, которые лучшіе годы жизни провели въ ссылкахъ и тюрьмахъ, въ насильственномъ или добровольномъ изгнаніи,—выдавать за агентовъ русскаго правительства.

Тактика эта вовсе не новая,—руководствуясь ею, свели на гильотину Апархасиса Клоца и обвинили Томаса Пена.

Протестъ нашъ былъ послѣднимъ знакомъ уваженія къ честнымъ людямъ среды, въ которой мы живемъ... Что касается до мнѣнія о насъ всякихъ Кауницевъ безъ мѣста и Метерниховъ безъ портфеля, намъ до него дѣла нѣтъ.

Мы—чужіе въ этомъ мірѣ, мы собственно живемъ не здѣсь, а дома. Было время, когда мы думали, что наше призваніе состояло между прочимъ и въ томъ, чтобъ свидѣтельствовать передъ Западомъ о возникающемъ русскомъ мірѣ. Это время прошло. Съ каждымъ годомъ, съ каждымъ событіемъ мы становимся дальше и дальше отъ среды, въ которой жить осуждены нашей дѣятельностью. Мы этого не скрываемъ. Мы остаемся внѣ Россіи только потому, что тамъ свободное слово невозможно, а мы вѣруемъ въ необходимость его высказывать. Заграничная жизнь для насъ вовсе не *partie de plaisir*, а *жертва*, огромная жертва, которую мы приносимъ нашему дѣлу.

Мы не чувствуемъ благодарности за то, что живемъ здѣсь, и не просимъ ни признанія, ни гостепріимства, ни участія,

мы беремъ по праву ту защиту закона, которую свободная страна, безвозмездно, даетъ всѣмъ преступникамъ; мы пользуемся той терпимостью, которую англійское уложение распространяетъ не только на выходцовъ другихъ странъ, но и на своихъ теоретическихъ измѣнниковъ, стремящихся испровергнуть вѣковыя, святыя учрежденія своего отечества—въ пользу Австріи и абсолютизма.

... И такъ vorwärts, господа! мы оставляемъ поле, мы дѣлаемъ вамъ теперь нашъ прощальный визитъ и поручаемъ себя вашимъ дружескимъ обвиненіямъ и братскимъ клеветамъ.

Твердые нашей чистотой,
Твердые святостью нашего дѣла,
Твердые вѣрой въ насъ русскихъ,
Позвольте намъ молча презирать васъ.

И—рѣ.

15 Мая, 1862.

ГОЛОСЪ ЗА НАРОДЪ

(Письма помѣщика)

ПИСЬМО ВТОРОЕ

(Окончаніе).

Жутко міру даже и на первый разъ не будетъ.

Мірѣ, чувствуя свою силу, знаетъ, что вѣтъ его помѣщику негдѣ взять рукъ; батраковъ нѣтъ, кругомъ хоть шаромъ покати не найдешь никого вѣтъ своего села, а если и найдешь по сосѣдству какъ-бы свободныя руки, то это руки тоже ассоціаніи, сидящей крѣпко на своей землѣ и для которой соглашаться на обидныя условія, нѣтъ ни расчёту, ни времени. Мірѣ преспокойно отступить, выжидая пока урезоненный помѣщикъ положитъ оружіе.

Уступка за уступкой, капиталъ все сильнѣе поднимается въ гору у крестьянъ, мірѣ и общинное землевладѣніе артелью крѣпнеть, сила солону ломить и прибыль на сторонѣ работниковъ восходитъ съ большей величиною, а доля помѣщика соответственно падая, доходитъ до minimum'a.... Дѣйствительно условія быта общиннаго землевладѣнія въ своихъ земляхъ съ артельнымъ трудомъ, и половничества на помѣщичьихъ (не забудьте нѣтъ ни конкуренціи ни колебаній цѣны на трудъ, ибо подеинаго труда нѣтъ)—таковы, что онѣ вполне выгораживаютъ крестьянское общество отъ притѣсненій и тяжелой медвежьей лапы крупнаго землевладѣльца. Всякая демонстрація крестьянъ, всякое неудовольствіе и требованіе на усиленіе прибытка будетъ идти удачно. Каждая попытка работника поднять производительность труда не кончится одной попыткой или ухудшеніемъ ихъ положенія, какъ это виднѣтъ въ Англіи. Въ Англіи и не могло быть иначе, тамъ другія условія заработной платы, нѣтъ міра, нѣтъ у работниковъ pied à terre, твердой почвы подъ ногами.

Посмотрите какое угодно движеніе съ этой пѣлюю у англійскихъ работниковъ чѣмъ оно копчалось и задайте вопросъ—отъ чего? Вы найдете его разрѣшеніе въ самомъ экономическомъ устройствѣ. Вотъ, хоть на примѣръ, движеніе сороковыхъ годовъ въ горныхъ округахъ Нортумбер-ланда и Дергама, когда 40,000 рудокоповъ, выведенныхъ изъ терпѣнія, прекратили (turn out) работы; и это тянулось 5, 7 мѣсяцевъ; фабрики стояли; работники, когда встали, весь запасный капиталъ общества "Union," буквально не имѣли что перекусить, многие умирали съ голоду; выгнанные

изъ коттеджей не имѣли покрывки, спали въ каналахъ, подъ мостами. и т. д.

Но все-таки стояли на своемъ, чувствуя правоту и силу.

Одно имъ измѣнило. Фабриканты начинали было сдаваться, да вспомнили что изъ Ирландіи можно вынудить работниковъ, и стали выписывать. Конкуренція подрѣзала англійскихъ работниковъ, имъ явились соперники. Дѣло ихъ пропало. Они попали въ ловушку, цѣна заработная еще болѣе понизилась. У насъ въ Россіи ничего подобнаго не можетъ быть, еслибъ рабочіе поднялись, крупный землевладѣлецъ не выдержалъ-бы. Пахарь гарантированъ вѣчнымъ кускомъ хлеба и пристанищемъ и отсутствіемъ конкуренціи, этими тремя вѣрными средствами, которыми не пользовался англійскій пролетарій.

Если почти только съ двадцатыхъ годовъ англійскіе работники, получившіе законное право составлять ассоціаніи, выросли въ такое короткое время такъ сильно, что много уже разъ показали свою мощь, и продолжая спланиваться все крѣпче и крѣпче, рядомъ тяжелыхъ попытокъ, приготовляются свернуть шею стоголовой гидрѣ—старымъ экономическимъ распорядкамъ, добиваясь голоса въ парламентъ и большаго вліянія на дѣла, составляя общества застрахованія, свои капиталы, то какъ же нашему пахарю при общинномъ землевладѣніи артелью, при половничествѣ, нашей ассоціаніи, сидящей у насъ въ крови, существующей въ корнѣ народной жизни, не развиться еще быстрѣе, живѣе, плодovitѣе, когда у нея нѣтъ и такихъ препятствій, какія существуютъ у англійской? При самомъ началѣ наша ассоціанія живетъ то, до чего еще тамъ не дошли. У нашей уже оружіе готово, тамъ еще куется.

..... Уступка за уступкой и прибыль крестьянъ все болѣе и болѣе будетъ сходиться къ болѣе величинѣ, а доля помѣщика уменьшаясь дойдетъ въ концѣ до minimum'a... Что этому поможетъ кромѣ желанія работниковъ увеличить свою заработную плату въ зернѣ?—во-первыхъ—поможетъ стремленіе крестьянъ по мѣрѣ возможности увеличивать общественныя земли покупкой у помѣщика, стремленіе мало по малу вводить свои орудія при обработкѣ помѣщичьихъ земель, даже еслибъ помѣщикъ и не желалъ, зная что доля его вслѣдствіе этого уменьшится. Чтѣ помѣщикъ сдѣлаетъ, когда вѣтъ съ трудомъ половники будутъ предлагать свои орудія и не захотятъ работать орудіями помѣщика? Мы уже разъ сказали, что сила на ихъ сторонѣ.

Онѣ должны будутъ или понизить проценты, которой они ему платили за капиталъ лежащій въ орудіяхъ производства, или принять ихъ сохи, бороны и т. д., или-же, уступая имъ за безплатно свои инструменты, спуститься все-таки къ меньшему паю. Вѣрнѣе будетъ послѣдній способъ—уступить орудія обществу. Какая ему выгода держать, поправлять, покупать инструменты, половники, имѣя свои, не будутъ падать помѣщичьихъ, а наконецъ найдя выгоду уничтожить—уничтожать; вѣдь этого способа не занимать-стать, это обыкновенный протестъ народный: ломать, жечь что принадлежитъ помѣщику, если послѣдній не потрафилъ; во-вторыхъ—поможетъ насильственность земель крупнаго собственника, который дальше и дальше разобьются на дробные участки, уменьшая тѣмъ силу помѣщика и вводя, какъ это всегда бываетъ при частной собственности, неудовольствіе между сонаслѣдниками и соперничество, которое поможетъ

крестьянскому обществу повысить свой *прибыток*, тѣмъ что предложение на ихъ работу не прекращаясь, а разбиваясь между сопаслѣдниками вводить конкуренцію, вслѣдствие которой сопаслѣдники, одинъ передъ другимъ, перетягивая работниковъ - общинниковъ каждый на свою сторону, *набьютъ* цѣнность на трудъ.

Еслибъ у насъ былъ въ обычаяхъ и привычкахъ *de-facto* майоратъ, то тогда другое дѣло, не такъ скоро можно-бы было сломать *помѣщичество*. Но у насъ его нѣтъ, онъ не удался введенный Петромъ великимъ, а былъ стертъ жизнью. Вспомните *однодворцевъ*, не суть-ли они результатъ наслѣдственного права? Мы и теперь встрѣчаемъ цѣлыя деревни этихъ потомковъ бывшихъ дворянъ-отчинниковъ, въ свое время очень богатыхъ.

Однодворцы развѣ не такіе-же крестьяне нѣбующіе хату, да клочекъ земли? Не выйдетъ-ли то-же самое со временемъ и съ наслѣдниками нынѣшнихъ крупныхъ землевладѣльцевъ? не сойдутъ-ли и они на однодворцевъ, съ тою только разницею, что въ старомъ крѣпостномъ правѣ—они, какі потомки свободныхъ изъ дворянъ, не могли слиться съ крестьянами-рабами; а при томъ порядкѣ и при полномъ на здравыхъ началахъ основанномъ освобожденіи—нѣтъ причинъ дѣламъ, внукамъ помѣщиковъ, мелкимъ собственникамъ, при отсутствіи заборовъ, при уравниніи гражданскихъ правъ—не сойти сначала въ товарищество, а потомъ, видя выгоду общиннаго землевладѣнія, уступить частную собственность въ общество своей деревни, дѣлаясь такимъ образомъ общинниками-собственниками, и обезпечивая дѣтямъ вѣрный кусокъ хлѣба?

..... Наконецъ не поможетъ-ли равно *этому*, еще сознаніе, что вся земля *народная*? Не слышимъ-ли мы это сознаніе въ отвѣтъ крестьянина на вопросъ—чья земля? *нашенская*, а мы *такаго-то*? Онъ твердо вѣруетъ, что она его, только онъ чей-то. 200 лѣтъ канувшихъ въ воду затерли въ немъ сознаніе, что онъ самъ себѣ принадлежитъ, а не затерли увѣренность что земля ему принадлежитъ. Вотъ те бабушка Юрьевъ-день—относилъ онъ къ себѣ, какъ къ лицу, но не къ землѣ.

За нее онъ страдалъ и выносилъ пытки, онъ съ землею сросся такъ, что *размежеванная* землю, мы не успѣемъ затупить въ немъ право на всю землю. Онъ теперь отдастъ, можетъ быть, скрѣпя сердце—помѣщику $\frac{1}{3}$ земли, лишь-бы съ него сняли богопротивную барщину; онъ пойдетъ на такую уступку, лишь поскорѣ развязаться съ плантаторомъ. Но поколѣніямъ, своимъ дѣтямъ передастъ онъ эту вѣру въ землю народную, и дѣти его, расправивши крылья, потребуютъ, чтобъ имъ возвратили когда-то отнятую часть. Можетъ быть я увлекаюсь..... но вѣдь вы не будете отрицать, что вся земля, всецѣло принадлежитъ народу и что онъ въ состояніи потребовать, когда увидитъ въ томъ пользу. Но потребуетъ-ли?... Потребуется, когда сознаетъ свою силу; а сила эта разовьется, когда мы удалимъ все *препятствіе къ развитію міра во всехъ его проявленіяхъ*.

..... Въ дополненіе ко всему—вообразите подъ рѣкой земледѣльческихъ ассоціацій, *ассоціаціи* фабричныхъ работниковъ и мастеровыхъ—и отрадное явленіе явится вамъ такъ ощутительно ясно; вспомните только, мимоходомъ, что говоритъ Дж. Ст. Милль (книга IV. глав. VII § 7)... “По мѣрѣ того какъ ассоціаціи будутъ распространяться—онѣ поглотятъ изъ класса работниковъ наиболѣе предприимчивыхъ, способныхъ; въ сто-

ронѣ останутся развѣ самые *лѣдяные*, плохіе. Когда произойдетъ подобная перемѣна, *капиталисты* найдутъ болѣе выгоднымъ предоставить свои капиталы товариществу работниковъ, чѣмъ дурными работниками вступать въ состязаніе, зная напередъ о невозможности выиграть поле битвы; лучше капиталъ отдать за меньшій процентъ, но вѣрный, чѣмъ совершенно разориться, потеря даромъ капиталъ на убыточное производство. Такъ или иначе подобное накопленіе капиталовъ честно и самопроизвольно перейдетъ въ концѣ къ тѣмъ, кто производитъ на самомъ дѣлѣ (работникамъ); подобное перемѣщеніе капиталовъ въ обществѣ..... было-бы комбинаціею, наиболѣе подходящею къ *правдѣ* общественной и наиболѣе способствующею промышленному развитію, въ интересахъ всѣхъ.”

.... Когда крупный землевладѣлецъ очутится между двумя огнями—общиннымъ землевладѣніемъ артелью и промышленнымъ товариществомъ, когда у него по мимо двухъ этихъ силъ, не будетъ выхода чтобъ пустить въ ростъ свой капиталъ, —что ему останется дѣлать? Если онъ употребилъ капиталъ на улучшеніе способовъ производства, или на орудія земледѣльческія, *то понизитъ* процентъ, т. е. откажется отъ львиной части или тѣмъ-другимъ способомъ *увеличитъ* *прибытокъ* крестьянскій; а если помѣщеніе капиталовъ въ промышленную ассоціацію будетъ выгодно, то, оставляя инициативу денежную для земли крестьянамъ—*направитъ туда* сбереженіе; а крестьянамъ это на руку — это если не первый, то второй шагъ выступить съ мірскимъ капиталомъ, и такимъ путемъ захватить болѣшій *прибытокъ*.

Спрашиваю я теперь : какъ по мимо *половинчества*, оставляя полѣнный трудъ, внося конкуренцію между самими крестьянами, надѣемся мы осуществитъ въ будущемъ *земледѣльческую артель*, поднять стоимость труда, вырастить силу, чтобъ при случаѣ задуть эгоистическое стремленіе помѣщика? Для этого недостаточно *ried à terre* въ общинной землѣ; если вы ставите общинника къ помѣщику въ отношеніе батрачное,—вы этимъ отнимаете у крестьянъ возможность прямо, независимо смотрѣть въ глаза крупному землевладѣльцу, давая послѣднему въ руки мѣрку, по которой онъ будетъ произвольно оцѣнивать работу бывшихъ крѣпостныхъ, особенно когда интересъ каждаго изъ нихъ будетъ погулять на счетъ товарища, иной разъ не пускать къ работѣ, чтобъ самому занять руки. А помѣщику въ мутной водѣ льготно и рыбку половить. На западѣ, кромѣ чего другаго—что помогло буржуазіи задавить рабочихъ, какъ не антагонизмъ интересовъ послѣднихъ между собою? Не произведемъ-ли мы тоже у себя, вводя тогчасъ-же при освобожденіи—поденный трудъ?

.... Такимъ образомъ, начиная съ общиннаго землевладѣнія (съ артельной работы) и *половинчества*, при благоприятныхъ обстоятельствахъ (стремленіе крестьянъ — *закупать* землю помѣщиками, *вводить* свои орудія производства; *наслѣдство* у крупныхъ землевладѣльцевъ, при отсутствіи того же у крестьянъ; *однодворчество*, *фабрики*, *ассоціаціи*)—мы дойдемъ до того, что, хотя не разомъ, не одновременно въ Великобританіи, большое количество земель будетъ обнято общиннымъ землевладѣніемъ, съ тѣмъ экономическимъ порядкомъ, который всего болѣе способствуетъ *развитію* міра собственника, капиталиста, *отсутствію* голутвы, *совершеннѣйшему* *распределенію* *прибытка*.

Нечего бояться чтобы половничество не привилось у насъ. Развѣ при старой крѣпости, когда барщина сводилась на оброкъ, *оброкъ* не былъ *половничествомъ*, хотя онъ и собирался поголовно? Крестьяне, какъ рабы, лишены были возможности договариваться съ помѣщикомъ, что онъ положилъ платить, то и платили, это такъ; но *они* свободно за то распоряжались обработкою земель; отбояриваясь подачкой плантатору, они жили внутри своей общины вольно, сохранивъ тотъ быть какой имъ наиболѣе пригоденъ. Не будетъ-ли *половничество*, при полномъ освобожденіи, играть такую-же роль, какую оброкъ имѣлъ при крѣпости, т. е. не послужить-ли *оно*, возмѣну выраженіе К. С. Аксакова, *стекляннымъ колакомъ*, подъ которымъ жизнь нашего народа въ своихъ самобытно-своеобразныхъ пачалахъ только и можетъ сохраниться? Половничество ставить крестьянъ въ такое отношеніе къ помѣщику, какое существуетъ теперь между арендаторомъ и хозяиномъ земли; разница будетъ только въ количествѣ. При арендѣ *одно* лицо договоръ держать съ *другимъ*, а при половничествѣ (будущей артели) цѣлое крестьянское общество съ однимъ.

Договоры могутъ быть разумѣется, заключены на какіе угодно сроки. Притомъ разстройству хозяйства и истощенію земли, какъ при арендаторствѣ, ничто не угрожаетъ. Попятно, арендатору, какъ постороннему человѣку что жалѣть землю, она не его; ему лишь-бы побольше выглянуть изъ нея, выжать всѣ соки. Когда-же крестьянское общество, въ формѣ половничества, явится съемщикомъ, то въ его интересѣ беречь землю хотя она по размежеванію и будетъ считаться за помѣщикомъ, общество не посторонній ей; она не его только кормить, но будетъ кормить и дѣтей и внуковъ, словомъ всѣхъ потомковъ теперешнихъ общинниковъ. Ихъ интересъ не истощать землю. Видимо что они не пойдутъ противъ своей пользы, потому нечего бояться помѣщику за разстройство хозяйства, а потому и за отдачу, на условіяхъ половничества, земли своей крестьянскому обществу.

.... Гдѣ-же, при такомъ порядкѣ, лежитъ возможность *барщины*? Здѣсь лицомъ къ лицу становятся свободные люди общинники-крестьяне и бывший помѣщикъ. Всякій *позывъ* его обратить крестьянъ въ *барщинныхъ*, и останется *позывомъ*, и будетъ подлежать приговору мірскаго суда, какъ попытка нарушить условія половничества. Равноправность поставитъ помѣщика на одну доску съ крестьяниномъ своей волости, села уже и потому, что онъ будетъ приписанъ къ нимъ.

Съ развитіемъ артельной общины, сила обстоятельствъ заставитъ помѣщика понять, что мы всѣ равно мірскіе люди...

ПРЕОБРАЖЕНСКІЙ БАРЯТИНСКІЙ

и

БРАТЯ ШУЛЬГИНЫ.

(Письмо къ издателю.)

М. Г.

Покорнѣйше просимъ васъ помѣстить въ вашемъ журналѣ слѣдующее происшествіе, случившееся съ двумя братьями Шульгиными въ Преображенскомъ полку:

Въ началѣ Сентября мѣсяца 1861 года, старшему брату Шульгину вздумалось устроить два спектакля въ пользу бѣдныхъ студентовъ с.-петербургскаго университета. Испросивъ на это позволеніе у полковаго командира князя Баря-

тинскаго, приступилъ онъ съ помощію другихъ соучастниковъ къ устройству благотворительнаго дѣла. По несчастію результатъ отъ этихъ двухъ спектаклей принесъ дефицитъ. Г. Шульгинъ рѣшился дать третій спектакль, сборъ отъ котораго могъ-бы покрыть дефицитъ и доставить бѣднымъ студентамъ вспомошествованіе. Только что сдѣланы были надлежащія приготовленія къ третьему спектаклю, какъ начались, выражаясь правительственнымъ языкомъ, безпорядки с.-петербургскаго университета. Понятно, что при такихъ обстоятельствахъ г. Шульгинъ не могъ продолжать своего намѣренія. Когда снова водворился миръ и спокойствіе въ С. Петербургѣ, г. Шульгинъ возобновилъ свое намѣреніе дать третій спектакль. Въ это время устроивался спектакль въ пользу общества нуждающихся литераторовъ и ученыхъ, участвовать въ которомъ были приглашены оба брата Шульгины. Афиши этого спектакля были съ *высочайшаго разрѣшенія* разосланы по городу. Князь Барятинскій, прочитавъ на афишѣ фамиліи своихъ подчиненныхъ, потребовалъ ихъ къ себѣ—для *объясненія по службѣ*.

Объясненіе по службѣ состояло въ томъ, что почему они не объявили ему, т. е. полковому командиру, что будутъ играть. На это замѣчаніе они конечно извинились, сказавъ, что до послѣдняго времени сами не знали будутъ-ли участвовать въ спектаклѣ; Барятинскій изъяснилъ имъ при этомъ свое глубокое сожалѣніе, сказавъ, что онъ отговорилъ-бы ихъ, потому что пося преображенскій мундиръ *неприлично играть публично въ присутствіи Бога знаетъ кою et au profit de cette sapaille !!!* .. прибавивъ, “что при настоящемъ невыгодномъ положеніи полка въ мнѣніи общества, вы подвергаетесь разнымъ со стороны публики непріятностямъ... Теперь уже дѣло кончено,” замѣтилъ князь, “но надѣюсь, что это будетъ въ послѣдній разъ и впередъ вы играть не будете.” Г. Шульгинъ тутъ-же сказалъ ему о своемъ намѣреніи дать еще спектакль въ пользу бѣдныхъ студентовъ, чтобы хоть по крайней мѣрѣ покрыть дефицитъ, вслѣдствіе чего онъ имѣлъ непріятности по поводу жалобъ изъ полковаго комитета, что было извѣстно и князю. Князь отвѣтилъ, что онъ дѣйствительно знаетъ о жалобахъ на г. Шульгина по поводу дефицита и прибавилъ, что пожалуй согласенъ на третій спектакль, по съ условіемъ, во-первыхъ, чтобы дефицитъ былъ бы покрытъ *непремѣнно*, и во-вторыхъ, чтобы этотъ спектакль былъ-бы послѣдній, прибавивъ однако, что не желалъ-бы видѣть ихъ фамиліи на афишѣ. Это были послѣднія слова князя. Вотъ начало дѣла. Теперь дальше: оба спектакля были даны; какъ въ первый, такъ и во второй братья Шульгины никакихъ непріятностей не имѣли. Дефицитъ былъ покрытъ, небольшая сумма въ пользу студентовъ была собрана, которую и препроводили къ князю Суворову, для выдачи по принадлежности.

Спустя три дня послѣ спектакля, князь Барятинскій, призвавъ, снова *по дѣламъ службы*, Шульгиныхъ, которымъ объявилъ, что они должны оставить полкъ въ тотъ-же часъ, въ ту-же минуту. “Какъ!” вскрикнулъ онъ при этомъ, “вы осмѣлились играть, когда я вамъ запретилъ, да еще подъ чужими именами?” На это одинъ изъ нихъ хотѣлъ возразить, но разсерженный князь не далъ выговорить слова. “Безъ разсужденій,” заключилъ онъ, “тутъ никакихъ отговорокъ быть не можетъ, извольте сейчасъ-же подавать въ отставку, въ противномъ случаѣ я допесу о васъ рапортомъ, что

исключаю васъ изъ полка, за ослушаніе начальства!" Тутъ онъ указалъ имъ на дверь. Который-то изъ братьевъ напомнилъ князю, что они въ этотъ-же день должны были идти въ караулъ. "Въ такомъ случаѣ завтра и это мой послѣдній срокъ," сказалъ князь, вторично указывая на дверь. Тотъ часъ-же было послано за ихъ ротнымъ командиромъ капитаномъ Сороко, которому князь объявилъ, что двое офицеровъ его роты должны оставить полкъ, за ослушаніе его приказаній. Во время этого свиданія князь объявилъ, что офицеровъ, не сдержавшихъ своего честнаго слова, онъ въ полку держать не можетъ и поднялъ такой крикъ и топотъ ногами, что капитанъ Сороко не могъ выговорить слова и, не узнавъ настоящаго дѣла, отправился на гауптвахту, гдѣ стоялъ въ караулѣ одинъ изъ братьевъ Шульгиныхъ. Отъ г. Шульгина онъ услышалъ о случившемся съ ними происшествіи. Князь назначилъ сходку офицеровъ полка, подъ предлогомъ выбора новаго квартирмейстера, но въ дѣйствительности для того, чтобы объявить имъ о своемъ намѣреніи на счетъ братьевъ Шульгиныхъ. Гг. Шульгины были этимъ довольны, надѣясь имѣть случай обнаружить передъ товарищами происшедшее педоумѣніе. Но не тутъ-то было. Въ назначенный день сходки они были наряжены для отвода роты въ церковь, что было сдѣлано съ намѣреніемъ, какъ это будетъ ясно изъ послѣдующаго хода дѣла.

На сходкѣ князь началъ съ того, что, подходя къ каждому офицеру по очередно, спрашивалъ: "У васъ одно слово или два?"* При этомъ г. Сороко сказалъ князю, что онъ, т. е. г. Сороко, узналъ отъ Шульгиныхъ всѣ подробности дѣла и что они никакого слова князю не давали. На это князь сказалъ, что онъ и не говорилъ, что гг. Шульгины давали именно слово, но во всякомъ случаѣ они обѣщали не играть, а это по его мнѣнію все равно. Нужно замѣтить, что изъ всего собраннаго общества офицеровъ за гг. Шульгиныхъ говорилъ только одинъ капитанъ Сороко, другіе же или хранили почтительное молчаніе, или держали сторону князя. Наконецъ г. Сороко замѣтилъ князю, что если его сіятельство находитъ гг. Шульгиныхъ виновными, то пусть отдастъ ихъ подъ судъ..... "Извольте, я отъ суда не прочь," отвѣтилъ князь, "но для нихъ-же хуже, по суду они будутъ солдатами."

Въ этотъ-же день собрались у Сороко нѣсколько офицеровъ, въ томъ числѣ и гг. Шульгины. Одинъ изъ братьевъ повторилъ въ подробности все происшествіе и весь разговоръ съ княземъ. Когда онъ кончилъ, то всѣ приступили къ нему съ вопросомъ: "Да развѣ вы не играли еще послѣ спектакля, давая вамъ въ пользу студентовъ?" и на отрицательный отвѣтъ появилось общее удивленіе; всѣ поняли изъ разговора на сходкѣ, что будто-бы гг. Шульгины играли еще разъ. На другой день братья Шульгины по собственному желанію имѣли свиданіе съ княземъ, на которомъ объявили, не полагаетъ-ли онъ, что они играли въ третій разъ, какъ поняли и ихъ товарищи. Но князь объявилъ имъ, что онъ именно втораго то спектакля и не разрѣшалъ. Одинъ изъ братьевъ повторилъ ему весь разговоръ, припомнивъ даже его собственныя слова, которыя мы привели выше. Князь утверждалъ, что онъ ничего подобнаго и не думалъ говорить. Тогда они объявили ему, что готовы идти подъ присягу. "Что мнѣ въ вашей присягѣ?"—былъ отвѣтъ князя. "Одно, что я могу вамъ посоветовать," продолжалъ князь, "это перейти на Кавказъ и я берусь за васъ ходатайствовать."

* Какъ это умно!

За тѣмъ г. Сороко собралъ сколько могъ товарищей, которыми объявилъ всю сущность дѣла. Но къ сожалѣнію, сторону ихъ приняли очень не многіе изъ ихъ товарищей, которые по предложенію г. Сороко должны были выбрать депутата для объясненія съ княземъ; выборъ ихъ палъ на самаго г. Сороко, который однакожъ уступилъ это штабсъ-капитану Дохтурову. Уступка эта была сдѣлана по той причинѣ, что г. Дохтуровъ, бывъ на дурномъ счету въ мнѣніи товарищей, г. Сороко думалъ, что г. Дохтуровъ своимъ депутатствомъ можетъ поправить себя въ ихъ мнѣніи. Офицеры, повторивъ нѣсколько разъ свое мнѣніе, что братья Шульгины не заслуживаютъ оставить полкъ, просили г. Дохтурова передать ихъ слова Бятыинскому. На другой день послѣ смотра дивизионнаго начальника была назначена вторая сходка, уже единственно по поводу этого дѣла. Передъ самымъ смотромъ въ манежѣ, полковникъ Гельфрейхъ, командиръ 2-го баталіона, подошелъ къ находящимся тутъ-же Шульгинымъ (такъ какъ они были еще на службѣ) и объявилъ отъ имени князя, что тотъ очень удивляется ихъ присутствію. Эта выходка со стороны Бятыинскаго была крайне пелѣна, потому что они находились въ манежѣ вовсе не по собственному желанію, а по приказу его сіятельства, такъ какъ приказъ по полку отдается полковымъ командиромъ. Г. Гельфрейхъ приказалъ гг. Шульгинымъ удалиться изъ манежа, что и было исполнено.

Послѣ смотра собрались офицеры. Князь объявилъ, что онъ узналъ отъ г. Дохтурова о желаніи нѣсколькихъ офицеровъ сдѣлать гг. Шульгинымъ *какое нибудь снисхожденіе*. "Я всегда готовъ уважить просьбу моихъ офицеровъ,..... Даю Шульгиновымъ 6-ти недѣльный отпускъ, въ продолженіи котораго они должны сами подать въ отставку." Г. Сороко объявилъ князю, что Дохтуровъ не такъ передалъ просьбу офицеровъ, которые, если угодно князю, могутъ подтвердить это. Князь обратился къ офицерамъ, державшимъ сторону гг. Шульгиныхъ, и когда увидѣлъ, что они дѣйствительно подтверждаютъ слова г. Сороко, то прехладнокровно объявилъ имъ, что онъ во всякомъ случаѣ ихъ *мнѣнія не спрашиваетъ*. Офицеры *смирно* это выслушали, не выразивъ ничѣмъ своего негодованія. Поручикъ Паниотинъ почтительно поблагодарилъ его сіятельство за снисхожденіе, которое они изволили оказать братьямъ Шульгинымъ. Легкая тѣнь негодованія пробѣжала между офицерами вслѣдствіе этой выходки, но только пробѣжала и скрылася.....

Спустя нѣсколько дней отецъ гг. Шульгиныхъ былъ у военнаго министра, который объявилъ ему, что государь знаетъ объ этой исторіи, какъ она ему передана—неизвѣстно; "во всякомъ случаѣ," говорилъ г. Милютинъ, "если вы не хотите, чтобы сыновья ваши продолжали службу, то пусть они сами подадутъ въ отставку и какъ можно скорѣе, въ противномъ случаѣ ихъ переведутъ въ армію, о чемъ уже приступили къ распоряженію." Въ-тотъ же день гг. Шульгины отправились въ полковую канцелярію подписать свои отставки. Но и здѣсь продолжались преслѣдованія Бятыинскаго. Полковой адъютантъ, штабсъ-капитанъ Свѣчинъ, объявилъ имъ, что они арестованы на 4 дня, за *напоминаніе рапортами князю, о согласіи судить ихъ*. Они сдѣлали это потому, что уже обращались съ подобнымъ-же *рапортомъ къ баталіонному командиру* Гельфрейху, но онъ былъ имъ возвращенъ съ собственноручною его подписью, что представилъ оный командиру полка онъ *не имѣетъ права*, а потому и пр. и пр.

Что-же имъ оставалось дѣлать, какъ не обратиться лично къ князю? Противузаконнаго-же въ этомъ поступкѣ ничего не было, ибо они даже не просили суда (что противузаконно), а только изъявили свою готовность на судъ, обѣщанный самимъ же княземъ.

Теперь мы скажемъ, какъ князь Барятинскій доложилъ государю объ этой исторіи. Въ-тотъ же день, когда гг. Шульгины были у Барятинскаго, послѣдній послѣ свиданія съ ними былъ у графа Баранова (начальникъ штаба) и какой разговоръ былъ между ними, покрыто мракомъ неизвѣстности—кромѣ послѣднихъ словъ, произнесенныхъ графомъ Барановымъ: “послѣ этого не держите ихъ и минуты въ полку.” Послѣ того Барятинскій видѣлся съ дивизионнымъ начальникомъ, генераломъ Гельденштубе, которому сообщилъ объ этой исторіи и о своемъ намѣреніи. Г. Гельденштубе призвалъ гг. Шульгиныхъ къ себѣ и узнавъ отъ нихъ подробно объ этомъ дѣлѣ, далъ имъ совѣтъ перейти самимъ въ армію. Черезъ нѣсколько времени генералъ Гельденштубе получилъ отъ князя Барятинскаго рапортъ о дѣлѣ гг. Шульгиныхъ для препровожденія оного къ корпусному командиру Плаутину, который, узнавъ заранѣе всѣ подробности дѣла гг. Шульгиныхъ, вернулъ рапортъ обратно. Барятинскій, надѣясь встрѣтить ту же неудачу у военного министра, обратился лично къ государю, и онъ представилъ ему Шульгиныхъ отъявленными пьяницами и негодяями, говоря, что подобныхъ офицеровъ онъ въ полку держать не можетъ. Государь велѣлъ выключить ихъ изъ полка и перевести въ армію тѣмъ же чиномъ. Но, *умиловленный добрымъ княземъ Барятинскимъ*, онъ согласился, перевести братьевъ Шульгиныхъ въ армію съ повышеніемъ чина. За достовѣрность разговора князя съ государемъ мы ручаться не можемъ, хотя сообщившіе его завѣряютъ насъ, что это справедливо.

Капитанъ Сороко былъ принужденъ послѣ этой исторіи *оставить полкъ и перейти въ армію.*

— Мы равно не дивимся ни поведенію Барятинскаго, ни слову *la saignée*, имъ употребленному и показывающему не только отсутствіе всякаго воспитанія, но всякаго такта. Никто никогда не выдавалъ Барятинскаго ни за умнаго, ни за образованнаго человѣка; не дивимся также и конfirmaціи государя. *Но товарищи-то каковы?...*

Дѣйствительно, капитанъ Сороко долженъ былъ оставить полкъ и перейти куда-нибудь.—Ред.

ВЪ ЗАЩИТУ Г. БАРАНЦОВА.

Мы получили по поводу помѣщенной въ №. 129 *Колокола* статьи: “Движеніе земнаго пара и канцелярское движеніе во 2 арт. дивизіи,” письмо, изъ котораго выписываемъ все идущее въ пользу г. Баранцова, оставляя рѣзкую характеристику Шейдемана и Мерхелевича:

“Въ статьѣ этой, на ряду съ Шейдеманомъ и Мерхелевичемъ, вставлено имя г. Баранцова. По всей вѣроятности, тутъ говорится о начальникѣ штаба генералъ-фельдцейхмейстера. Если это дѣйствительно такъ, то авторъ статьи, вамъ присланной, поступилъ не только несправедливо, но и опрометчиво; какъ-бы ни смотрѣлъ онъ на людей, какъ-бы ни оцѣнивалъ ихъ, но во всякомъ случаѣ онъ, изъ уваженія въ истинѣ и въ охраненіе *Колокола* отъ незаслуженныхъ нареканий, не долженъ-бы былъ смѣшивать или ставить на

одну и ту-же доску Баранцова съ Шейдеманомъ. Я не думаю впрочемъ доказывать, что Баранцовъ не имѣетъ недостатковъ—быть можетъ и очень большихъ и положительно вредныхъ для того мѣста, какое онъ занимаетъ; однако смѣю васъ увѣрить, что онъ далеко не заслуживаетъ такого позорнаго приговора, какой ему сдѣланъ поставленіемъ его на одну доску съ Шейдеманомъ. Для оцѣнки людей, въ особенности тѣхъ, которые призваны на высшія ступеньки нашей кривой, разшатавшейся лѣстницы, недостаточно еще сказать гуртомъ “дурные,” “хорошіе,” потому что очень часто и добрые люди дѣлаютъ зло, вовсе этого не сознавая; но необходимо стараться опредѣлить *свойства* человѣка, представивъ безпристрастно его характеристику, такъ, какъ натуралистъ опредѣляетъ ново-найденное животное, для включенія его въ систему естественной классификаціи. Если-бы русскіе друзья вашего знамени, имѣющіе въ Россіи возможность звать близко нашихъ высшихъ дѣятелей по разнымъ частямъ управленія и проч., сообщили вамъ подобную “естественную” ихъ оцѣнку, то такой адрессъ-календарь, безъ сомнѣнія былъ-бы очень полезенъ. Объяснимъ это вкратцѣ примѣромъ на трехъ лицахъ, названныхъ въ упомянутой статьѣ.

“Баранцовъ—человѣкъ умный, довольно образованный, честный, мягкій, деликатный (говорятъ очень пріятный въ обществѣ), съ искреннимъ желаніемъ пользы общественной, не педантъ, не деспотъ, не бюрократъ. Но, при этихъ достоинствахъ, онъ имѣетъ слѣдующіе важные недостатки: 1) *Слабый, слишкомъ податливый характеръ.* Онъ желалъ-бы угодить всѣмъ на свѣтѣ: друзьямъ—по добротѣ своего сердца, врагамъ—чтобы не имѣть хлопотъ и непріятностей съ ними. Этимъ свойствомъ онъ отличается по преимуществу; оттого у него и въ дѣлахъ часто выходитъ чепуха и вообще въ дѣятельности его нѣтъ никакой опредѣленной системы. Попавши кое-какъ, безъзначай, въ генералъ-адъютанты, г. Баранцовъ старается всѣми силами поддержать благосклонныя и приязненныя отношенія къ крупнымъ придворнымъ особамъ обоюдого пола; въ особенности-же дорожитъ расположеніемъ Елены Павловны и ея общества, гдѣ онъ бываетъ пріятель. Если г. Баранцовъ не въ силахъ отказать просьбѣ какой-либо придворной дамы съ вѣсомъ, то желаніе генералъ-фельдцейхмейстера для него уже вѣгда—законъ. Онъ никогда не рѣшается сказать прямо Михаилу Николаевичу противъ его мнѣнія, но всегда начинаетъ *смягчать* дѣло то шуточками, то подставою другихъ лицъ съ его-же (Баранцова) мнѣніями, то такъ, то сякъ, имѣя однакожъ всегда добрую цѣль. Конечно, малодушіе очень вредное. 2) *Слабость физическая, неспособность къ продолжительному внимательному труду.* Баранцовъ быстро предметъ схватываетъ и рѣшаетъ, но въ рѣшеніяхъ своихъ онъ не очень твердъ—именно потому, что не способенъ углубляться въ сущность дѣла, часто очень запутаннаго или скучнаго. У него умъ легкій, поверхностный, но скорый и веселый; ошибки у него бываютъ чаще всего отъ не полнаго вниманія къ дѣлу, отъ екорнаго утомленія головы, не привыкшей и отчисти не природѣ неспособной къ продолжительной серьезной работѣ. Въ два-три года, съ тѣхъ поръ какъ онъ вступилъ въ настоящую свою должность, онъ постарѣлъ какъ-бы на 20 лѣтъ; такъ онъ подавленъ былъ своими занятіями, хотя должно замѣтить, что $\frac{1}{2}$ всего труда въ штабѣ лежитъ на плечахъ его

дѣлапаго, отличнаго помощника, генералъ-маіора Якимаха. 3) *Неумѣнье выбирать людей дѣльных и способныхъ для службы, происходящее отчасти отъ шаткости и поверхности его взгляда на службу вообще. А главное—безконечная угодливость вел. князю, въ чемъ-бы то ни было, и отсутствіе самостоятельности.*”

СМѢСЬ.

— *Высочайшее освобожденіе отъ уплаты долговъ (способъ второй).**—Не очень давно жили въ Москвѣ и промотались князь Михайлъ Михайловичъ Долгоруковъ и жена его Віра Гавриловна Долгорукова, урожденная Вишневецкая.

Долговъ они не платили, а дѣлали ихъ много; наконецъ кредиторы не могли долѣе ждать и пользуясь правомъ взысканія, обезпеченнымъ закономъ, представили обязательства ихъ въ присутственныя мѣста; имѣніе было описано, должно было быть продано и кредиторы могли еще быть удовлетворены. Но на удовлетвореніе это они рассчитывали по закону, не допуская и въ мысли возможности произвола въ дѣлѣ, по гражданскому праву безспорномъ; Долгоруковы поѣхали въ Петербургъ, и тамъ, съ помощію извѣстныхъ людей, *которыхъ не хочу назвать*,† обдѣлали дѣло слѣдующимъ образомъ: Государю было представлено, что необычайныя несчастія постигли это семейство и выпросили повелѣніе учредить *негласное* попечительство по дѣламъ Долгоруковыхъ, увѣривъ государя, что этимъ не нарушится законъ, что попечительство скорѣе заплатитъ долги Долгоруковыхъ, что кредиторы нисколько не потерпятъ въ своихъ интересахъ, а имѣніе будетъ спасено для несчастныхъ дѣтей. Эта высочайшая воля исполнилась, попечительство учредилось, оно составилось сперва изъ 3хъ сильныхъ, всѣмъ извѣстныхъ лицъ, (*фамилы! фамилы!*) но за тѣмъ составъ сталъ измѣняться: тѣ попечители, которые принимали эту шутку за дѣло серьезное и намѣревались распорядиться съ имѣніемъ такъ, чтобы оно могло платить долги, устранялись разными вронсками, или уходили сами собою, появля дѣло; это случилось въ началѣ 1856 года.

Вскорѣ кредиторы узнали, что Долгоруковъ едва только дѣло о попечительствѣ пошло въ ходъ, поспѣшилъ изъ Петербурга въ имѣніе свое Тепловку въ Полтавской губерніи, продалъ впередъ за два или за три года весь хлѣбъ, скотъ и все что было можно продать, падалъ безденежныхъ заемныхъ писемъ, такъ что долгъ выросъ изъ 350,000 до 600,000 или что-то близкое къ этой цифрѣ. Поняли они тогда, что попечительство учредилось дѣйствительно только для того, чтобы доставить возможность не платить долговъ; скоро и самыя дѣйствія попечительства подтвердили эти опасенія, оно забрало къ себѣ всѣ документы кредиторовъ, ни съ однимъ изъ нихъ не вошло ни въ какія соглашенія, оставило Долгоруковыхъ на жительствѣ въ Тепловкѣ, дозволило имъ всѣмъ распоряжаться чрезъ тѣхъ управителей, которыхъ для виду туда назначило; всѣ знали, что всѣ доходы съ имѣнія (а они должны были не маловажны съ 12,000 десятипъ земли при 1,600 душахъ въ лучшемъ уѣздѣ Полтавской губерніи) поступаютъ къ Долгоруковымъ, которые платятъ за это упра-

* Первый способъ состоитъ въ причисленіи имѣнія къ заповѣднымъ. См. Кол. лис. 131.

† Мы отказываемся впередъ печатать статьи, въ которыхъ будутъ скрыты фамилии.—Ред.

вителямъ; выдача безденежныхъ заемныхъ писемъ и распродажа хлѣба тогда уже, когда учрежденіе попечительства сдѣлалось извѣстнымъ, остались въ совершенной безгласности, какъ и всѣ поступки Долгоруковыхъ съ крестьянами и дворовыми Тепловки. Люди страдали и не смѣли жаловаться, страдали не менѣе кредиторы, писали просьбы и ничего не получили. Явились жалобы.

Самое попечительство противно закону (1ое прим. къ 3811 ст. X т. Свода Законовъ гражданскихъ, изданія 1842 г.) “Съ 1830 по 1837 годъ съ высочайшаго разрѣшенія учреждались иногда по дѣламъ частныхъ лицъ дворянскаго состоянія попечительства и въ случаяхъ законами неопредѣленныхъ; въ 1837 году относительно таковыхъ попечительствъ постановлено: 1) оставя учрежденныя дотолѣ съ 1830 года попечительства сего рода въ ихъ дѣйствіи до окончанія дѣлъ, объявить комиссіи прошеній, министрамъ и главноуправляющимъ отдѣльными частями высочайшую его императорскаго величества волю, чтобы никакія просьбы объ установленіи попечительствъ, на какихъ бы они ни предполагались правахъ, принимаемы не были”. А по статьямъ 3084—3093 того же свода, хотя и дозволено губернскимъ правленіямъ учреждать посредническія комиссіи, для ускоренія способовъ къ взысканію долговъ, но не иначе какъ тогда, когда на учрежденіе это согласна по крайней мѣрѣ половина кредиторовъ не по числу лицъ, а по количеству суммы долга, и числа въ нихъ назначаются съ участіемъ кредиторовъ, а въ статьѣ 3094 изображено: “за симъ всѣ частныя исканія объ учрежденіи исключительныхъ комиссій пресѣкаются и просьбы о томъ нигдѣ ни пріемаются”.

Въ теченіи 6 лѣтъ, долги Долгоруковыхъ возросли до миліона; процентовъ за нѣсколько лѣтъ они не платили даже въ Опекунскій Совѣтъ и когда надо было заплатить, то выхлопотали высочайшее повелѣніе проценты причислить къ капиталу долга и не взыскивать, и это тогда, какъ всѣ газеты наполнены были объявленіями о продажѣ имѣній съ публичнаго торга за неуплату процентовъ Опекунскимъ Совѣтамъ; этою новою несправедливостію увеличилось еще количество долга Долгоруковыхъ на счетъ несчастныхъ кредиторовъ. Потомъ еще попечительство, опять таки безъ вѣдома кредиторовъ, заключило контрактъ на отдачу сахарнаго завода на аренду на 3 лѣтъ, чѣмъ опять увеличенъ долгъ Долгоруковыхъ на счетъ кредиторовъ; этимъ послѣднимъ дѣйствіемъ попечительство явно выразило мысль, что имѣніе Долгоруковыхъ *не можетъ быть продано* для уплаты долговъ, какъ дѣлается со всѣми другими имѣніями, что кредиторы должны молчать; и каково презрѣніе попечительства къ закону, такова его увѣренность въ безнаказанности своего произвола и невозможности подпасть контролю даже общественнаго мнѣнія, ибо газеты наши не смѣютъ ничего противу него напечатать. Попечительство не слушаетъ указовъ сената, а о просьбахъ кредиторовъ и говорить нечего.

— *Прокламація офицерамъ.* — Мы перепечатаемъ слѣдующую прокламацію, разосланную въ С.-Петербургъ; нѣсколько экземпляровъ ея были разбросаны въ пріемной залѣ зимнаго дворца, въ день пасхи.

Офицеры! Настало время каждому честному офицеру спросить у своей совѣсти, чего ему держаться въ виду совершающихся событій.

Жизнь Россіи невозможна безъ коренныхъ реформъ.

Правительство само это сознало; оно даже приступило к ним и—струсило. Эгоистическое, пелюбящее Россію, оно втягиваетъ государство съ пути реформъ въ путь революціонный. Оно само нарушаетъ мирный ходъ реформъ незаконными поступками, непрерывно являясь вооруженнымъ бунтовщикомъ противъ мирной Россіи: то стрѣляетъ безъ нужды по народу, то сбьетъ его и ссылаетъ въ каторгу, то наполняетъ казематы студентами, то хватаетъ мировыхъ посредниковъ. Реформа, сопровождающаяся заточеніями, ссылками, каторгой и обогрязанная кровью, есть уже настоящая революція. Правительство первое стало прибѣгать къ оружію, оно само начало революцію и разовьетъ ее дальнѣйшими своими дѣйствіями. Отечеству нашему предстоитъ пора великихъ бѣдствій. Столкновеніе между правительствомъ, упорствующимъ остановить жизнь Россіи, и силою этой жизни — неизбежно. Изъ какихъ элементовъ составятся противныя стороны? Положительно можно сказать, что партіи сложатся не по сословіямъ, а по убѣжденіямъ. Въ этомъ столкновеніи сословія перемѣшаются. И потому ваша задача — не искать, къ какому пристать сословію, а къ какимъ пристать убѣжденіямъ. И обдумать это, провѣрить свои и чужія убѣжденія надобно теперь-же. Въ минуту столкновенія разсуждать будетъ поздно — можно надѣяться горькихъ ошибокъ, въ которыхъ вѣчно придется раскаяваться.

На каждомъ человѣкѣ прежде всего лежитъ служба истинѣ и отечеству. Каждый русскій знаетъ, что для блага его родины необходимо: освободить крестьянъ съ землей, выдать помещикамъ вознагражденіе; освободить народъ отъ чиновниковъ, отъ плетей и розогъ; дать всѣмъ сословіямъ одинаковыя права на развитіе своего благосостоянія; дать обществу свободу самому распоряжаться своими дѣлами, устанавливать законы и налоги черезъ своихъ выборныхъ; не хватать никого безъ суда по разбойничьи, устроить судъ гласный, и дать каждому право свободно высказывать свои мысли. Само правительство не можетъ отвергнуть честности этихъ убѣжденій. А между тѣмъ оно поведетъ васъ противъ нихъ. Васъ русскихъ заставитъ убивать русскихъ, давить жизнь Россіи. Дастъ вамъ роль безчестную, для того только, чтобы безотчетно распоряжаться достоинствомъ Россіи, чтобы вашими штыками поддерживать насилие, произволъ и развратъ, для того наконецъ что-бы васъ же самихъ держать въ униженіи.

И чѣмъ отблагодарить оно васъ за позорную роль палачей? Новою благодарностью въ царскомъ завѣщаніи, подобно Незабвенному, который въ припадкѣ самодержавнаго безумія заклеилъ свои войска передъ лицомъ Россіи. Но кто-же изъ васъ не краснѣлъ отъ такой благодарности?

Офицеры, подумайте о времени, которое мы переживаемъ, подумайте о *блдномъ, унетенномъ народѣ*, о нашей жалкой родинѣ.

Мартъ, Село.

— **СМЕРТЬ ПІОТРОВСКАГО**, доносы Филарета, инквизиція на всѣхъ паразитъ. — У насъ не только розги и тѣлесныя наказанія находятъ защитниковъ, но что еще удивительнѣе, и защитники розогъ находятъ своихъ защитниковъ. Не такъ давно за Филарета вступился въ Парижѣ и кто-же?... Паки въ дѣятельность воздвигнувшійся С. П. Шевыревъ. Шевыревъ московскій, итальянскій, ярый боецъ славянофильства сороковыхъ годовъ, Шевыревъ, представлявшій женственно-мягкое, начало въ журнальномъ союзѣ съ циклонически-неогесаннымъ, обрывистымъ, ухабистымъ, крѣпкоустымъ Погодинымъ; тотъ самый Шевыревъ, о которомъ мы такъ почтительно молчали, — зацѣпилъ насъ своимъ дѣтскимъ сорганомъ

Видно, что тѣлесныя наказанія у насъ очень народны, не даромъ существуютъ пословицы въ родѣ — “за битаго двухъ небитыхъ даютъ.”

Но вотъ новый камень испытанія защитнику преосвященнѣйшаго. Будетъ ли Степанъ Петровичъ защищать Филаретовскіе доносы и его духовныя розги, которыми онъ засѣкаетъ до плотской смерти. Филаретъ, сдѣлавъ гигантскій шагъ къ III Отдѣленію, онъ не вынче-завтра дастъ постнаго киселя Долгорукому и будетъ митрополитомъ и шефомъ корпуса жандармовъ. Тимашевъ и Шуваловъ, иже за III Отдѣленіе пострадавшіе, вѣрно пойдутъ въ іеродіаконы. Одна надежда и есть на скудельность земнаго тѣла; зажился старче во временной гостинницѣ, пора и ко дворамъ беззаборнаго и превѣчнаго вселенія.

За тѣмъ просимъ вниманія къ слѣдующимъ страшнымъ фактамъ, повергающимъ дѣйствительно въ ужасъ и уныніе всякаго русскаго, особенно когда вспомнимъ наше безправіе, отсутствіе суда, вмѣшательство ханжей, частныхъ профессоровъ и экстраординарныхъ квартальныхъ московскаго университета и всѣхъ свѣтскихъ священно-монасей на половинѣ ея величества!

“Домашняя Бесѣда” 1862, въ 13 выпускѣ, Марта 31, напечатала слѣдующія канибальскія строки: “*Страшное извѣщеніе*. Богъ видитъ, что не съ злорадованіемъ, а съ желаніемъ внушить, кому слѣдуетъ, осторожность, сообщаемъ слѣдующее ужасающее извѣщеніе: читатели “Домашней Бесѣды” безъ сомнѣнія, были глубоко возмущены *сатанинскимъ* кощунствомъ нѣкоего Піотровскаго, который дерзнулъ подвергнуть критикѣ и кощунственному осмѣянію слова самаго Христа Спасителя (Дом. бесѣда 1861, вып. 49, стр. 974); объ этомъ ужасномъ кощунствѣ заявлено и въ письмѣ московскаго священнослужителя (Душепол. чтеніе 1862, кн. Январская). Что-же? Въ полицейскихъ вѣдомостяхъ мы читаемъ: 18 Марта, Василевской части, въ 6 часу по полудни, дворянинъ Игнатій Піотровскій, въ 21 году отъ роду, въ квартирѣ своей застрѣлился изъ револьвера. Ужасно! Но иначе и быть не могло. Богъ поругаемъ не бываетъ”.

Что за письмо? что за священнослужитель московскій?... Письмо, о которомъ упоминаетъ инквизиторскій журналъ, писано Филаретомъ московскимъ—государю. Оно напечатано въ “Душеполезномъ чтеніи” и особой брошюрой, но не вполне, подъ заглавіемъ “*Выписка изъ письма московскаго священнослужителя въ Петербургъ, Декабря 17 дня 1861*”. Брошюра у насъ передъ глазами: это дикой вопль изувѣрства, блѣднѣющаго передъ мыслью, передъ человѣческой волей, и вызывающаго къ гоненіямъ и казнямъ. Въ этомъ преступномъ и безумномъ писаніи—доносъ на литературу, на журналы, на общественное мнѣніе, и вслѣдъ за общимъ доносомъ, который можетъ иногда прикрываться, своей безличностью—*частные доносы* на статьи съ означеніемъ страницъ, съ выписками. Піотровскаго инквизиторъ указалъ какъ отступника отъ Христа, и уже свѣтская власть притянула его временными браздами и собиралась его сослать, когда несчастный молодой человѣкъ рѣшился ее предупредить—и застрѣлился.

И надъ этимъ трупомъ юноши прочелъ свои поминки Аскочинскій, Аскочинскій, который недавно съ братомъ разыгралъ библейскую исторію Каина и Авеля, въ которой и Абель Каинъ.

Въ слѣдующемъ листѣ мы перепечатаемъ страницу, изъ духовной барковщины Филарета.

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM,

КОЛОКОЛЪ

VIVOS VOCO!

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ.
Цѣна 6 пенсовъ. Получается въ Вольной
Русской Типографіи, 136 & 138 Caledonian
Road, N.

ЛИСТЪ 134.

22 Мая 1862.

(WITH SUPPLEMENT No. 15).

У Триювера & Со. въ книжной лавкѣ,
60, Paternoster Row, и у Tchorzewski,
1, Macclesfield Street, (Gerrard Street),
Soho, London. Price six-pence.

ОГЛАВЛЕНІЕ.—Куда и Откуда—Убийства крестьянъ въ Пермской губер.—Помѣщикъ Лятовъ и предводитель Хомутовъ. Смѣсь: Письмо г. Блюмшера—
Письмо къ Издателю—Студентъ Н. Кельсиевъ—Докторъ И. В. Енохинъ—Куда идутъ деньги русскаго народа—Въ контору Современника—Отъ Издателей.

КУДА И ОТКУДА.

Крестьянинъ хочетъ царя земскаго; помѣщикъ, переходящій въ крестьянство, хочетъ земледѣльческой артели. Соедините ихъ въ единый народъ, и вы увидите, что тутъ двѣ стороны одного и того-же общаго дѣла, то есть—народъ хочетъ перемѣны управленія и перемѣны права на земельную собственность; народъ хочетъ въ правительствѣ—царя, согласнаго съ волей земства, а въ жизни—каждому свою долю дохода съ земской земли.

Многіе изъ ученыхъ ставятъ врозь эти двѣ стороны общаго дѣла. Иные говорятъ, что все равно какъ бы доходы ни распредѣлялись по народу, лишь-бы было такое правительство, которое не притѣсняло-бы по своему произволу, не мѣшало-бы людямъ жить свободно и распоряжалось-бы согласно съ волей народной. Другіе говорятъ, что все равно какое-бы ни было првительство, лишь-бы доходы распредѣлялись по народу такъ, чтобъ каждый работающій человекъ съ семьей своею былъ сытъ и жилъ-бы въ довольствѣ. Только ставить врозь эти двѣ стороны общаго дѣла нельзя. Оставьте такое управленіе, какое у насъ теперь и вы никогда не дойдете не только до того, чтобъ каждый былъ сытъ и жилъ-бы въ довольствѣ, но не дойдете и до того, чтобъ было жить свободно и чтобъ правительство дѣйствовало согласно съ волей народной,—оно всегда будетъ мирволить немногимъ разбогатѣвшимъ на счетъ бѣдности, да своимъ чиновникамъ. Перемѣните это правительство на какое хотите, только, вмѣсто земской земли, раздайте ее каждому порознь, одному по больше, другому по меньше, или хотъ на первую пору всѣмъ поровну, да такъ, чтобъ одинъ у другаго могъ скупить его долю, и тотчасъ выйдетъ, что тѣ у кого земли больше, или тѣ, которые скупаютъ больше и разбогатѣютъ на счетъ другихъ, тѣ и учредятъ правительство, и это ихъ правительство будетъ, пожалуй—дворянское или чиновничье, или купеческое—только отнюдь не земское. А заведите землю земскую, то такого управленія, какое у насъ теперь и никакого инаго дворянскаго, чиновничьяго или купеческаго управленія быть не можетъ; его некому на ноги поставить. Отъ этого врозь вести двѣ стороны общаго дѣла—способъ управленія и способъ землевладѣнія—совершенно ошибочно. Измѣните одно и другое измѣнится, и насколько вы одно

измѣните на столько измѣнится и другое. Уничтожьте становыхъ, исправниковъ, окружныхъ, суды казенные, но оставте дворянству огромную долю земельной собственности, и у васъ заведется управленіе помѣщичье, суды помѣщичьи, царь помѣщичій, хотя-бы крестьянство и владѣло долей земли и было-бы освобождено отъ барщины. Дайте городскимъ купцамъ скупить помѣщичьи земли, и у васъ будетъ управленіе городское, правда городская, царь городской. Только земля земская и дасть управленіе земское, правду земскую, царя земскаго. Земля земская и правительство земское—одно нераздѣльное цѣлое.

Куда-же мѣтитъ крестьянинъ, когда хочетъ царя земскаго? Онъ мѣтитъ на землю земскую, безъ которой земскій царь, съ земскимъ управленіемъ и земскимъ судомъ, былъ бы невозможенъ.

Куда-же мѣтитъ помѣщикъ, переходящій въ крестьянство, когда хочетъ земледѣльческой артели? Онъ мѣтитъ на упрощеніе земской земли и слѣдственно мѣтитъ на возможность земскаго правительства.

Откуда взялась у крестьянина мысль о царѣ земскомъ?

Она издавна идетъ; она идетъ еще съ тѣхъ временъ, когда народъ призывалъ князей, отсылалъ князей, выбиралъ князей земствомъ, а землю считалъ своею; съ тѣхъ временъ, когда царя Михаила Федоровича выбрало земство, а землю считало своею. Съ тѣхъ поръ народъ и думаетъ, что въ царѣ земская правда. А между тѣмъ цари понадѣлали дворянъ и чиновниковъ и земли имъ пораздавали; сверхъ того, со временъ Петра перваго, дворянъ и чиновниковъ обрили и одѣли въ мундиры и велѣли имъ отъ крестьянства жить розно, такъ что дворяне и чиновники стали думать, что они царемъ, какъ бы богомъ, поставлены выше народа и могутъ народъ тѣснить какъ хотятъ; сами-же цари назывались не царями, а императорами, чтобы и имя носить такое, къ которому народъ не привыченъ, чтобы все было у нихъ отъ народа розно. Съ тѣхъ поръ цари уже не бывали земствомъ поставлены, а были сажаемы на престолъ дворянами-чиновниками. Такъ Екатерину I дворяне-чиновники на престолъ посадили; Анну Ивановну они-же изъ за моря выписали, и была при ней Россія въ управленіи у нѣмца-конюха—Бирона; Екатерину II тоже дворяне-чиновники на престолъ посадили,

убивъ ея мужа Петра Федоровича. Даже самая церковь, со временъ царя Алексѣя Михайловича, была поставлена отъ земскаго согласія особая, и съ Петра перваго управляется синодскими чиновниками. Такимъ образомъ цари наши вышли цари не земскіе а дворянскіе или чиновничьи, что все одно и то же, потому что дворянинъ—это чиновникъ, которому цари за службу дали людей въ крѣпость и землю въ собственность, а чиновникъ—это дворянинъ на царскомъ жалованьи, которому мало того, что помѣстье дано, а еще даются деньги, съ народа насильно собираемыя, да позволено кормиться всякою неправдой все-же на счетъ народа.

Что значитъ земскій царь? Тотъ царь, который для того народомъ и избранъ, чтобы исполнять что народу нужно. Стало земскій царь исполняетъ волю земства; что земство рѣшить, то царь и долженъ исполнить. Такъ что его можно-бы назвать и старшиною русскаго народа; но не въ словѣ дѣло, а въ дѣлѣ. На дѣлѣ народъ понимаетъ подъ словомъ : *царь*—главнаго старшину, который исполняетъ общій мірской, земской приговоръ.

Способны-ли наши цари стать такими, какими ихъ хочетъ народъ? Захотятъ-ли они быть царями земскими?

Крестьянинъ Мартыановъ, въ письмѣ къ государю, пишетъ что онъ, государь, порядка, т. е. безпорядка у насъ не создалъ, а его унаследовалъ. То-то не даромъ въ мірѣ такъ устроено, что дѣти похожи на отцовъ, и кромѣ наслѣдства по имуществу, переходить къ нимъ другое наслѣдство, наслѣдство смысла, наслѣдство привычки. Отцы были цари дворянскіе и чиновничьи, и у дѣтей остался складъ ума дворянско-чиновничій. Отцы обирали у народа людей и деньги, чтобы играть въ солдатики; дѣти видятъ, что у народа денегъ нѣтъ, людей набирать—вовсе народъ раззорить, такъ что уже нечего будетъ и обирать,—а все-же, по отцовски, играютъ себѣ въ солдатики, да шьютъ каждый день новые мундиры на земскія денежки.

Когда Александръ Николаевичъ унаследовалъ отъ отца Русь, раззоренную поборами и наборами, и увидалъ что нельзя не дать крестьянству льготы, къ кому онъ обратился за совѣтомъ? Къ земству что-ли? Земство сказало—бы ему—отдай народу отнятую въ казну да на чиновниковъ-дворянъ землю и отдай народу волю. Но онъ обратился не къ земству, а къ дворянамъ-чиновникамъ. Эти сказали—продай народу его землю, если можно по дорожке и то не всю, а частицу, и воли дай пемпожко, на столько, чтобы народъ все-же не смѣлъ управляться самъ собою, своими выборными, по своему, какъ по народному разуму справедливо; и, хотя-бы и имѣлъ выборныхъ, но чтобы эти выборные исполняли волю не мірскую, не земскую, а твою и твоихъ служилыхъ людей, дворянъ-чиновниковъ. И вышло то, что, по смелѣ помѣщика, чиновники сочинили положеніе о крестьянахъ, которое ни земли земской, ни воли настоящей народу не дало, а сдѣлало изъ народа междоумка—не то онъ вольный общинникъ въ земской землѣ, не то онъ холопъ безземельный.

Гдѣ-же тутъ земскій царь?

Письмо крестьянина Мартыанова къ государю страшно важно; это не просто письмо, это голосъ крестьянства, которое очнулось, голосъ искренній, изъ глубины скорбей вопиющій, жаждущій, и—если государь его понял—то онъ понял, что въ словѣ любви къ царю очнувагося крестьян-

ства—звучить не простая дѣтская любовь, а тоска по любви проходящей, жажда любви къ власти, которая признала-бы земство; звенить не дѣтская вѣра въ царя, а тоска по вѣрѣ остывающей, жажды вѣры во власть, которая признала-бы земство. Что-же выйдетъ, если эта власть не признаетъ земства?

Крестьянство увидало, что кучка дворянъ отказывается отъ дворянскихъ правъ и переходитъ въ народъ, въ крестьянство, въ земство, и говоритъ царю : “ Видишь—и дворянство идетъ въ земство, будь-же царемъ земскимъ, а не дворянскимъ, не чиновничьимъ.” Въ этихъ словахъ не въ самомъ-же дѣлѣ вѣра въ дворянство, какъ будто это дворянство уже и перешло въ земство; въ этихъ словахъ жажда вѣры въ отказъ дворянства отъ своихъ сословныхъ правъ, жажда мирнаго исхода земскаго дѣла и гнетучая тоска о своемъ затаенномъ сомнѣніи въ истинѣ собственныхъ словъ. Дворянство, которое отказывается отъ своихъ сословныхъ правъ,—не дворянство, а кучка людей искреннихъ, преданныхъ единой безсословной земской Руси. А остальное дворянство—ему еще не задано достаточно острастки, чтобы оно захотѣло перейти въ земство. Это еще впереди!

Что-же сдѣлалъ царь съ нѣсколькими изъ дворянъ, которые отказывались отъ сословныхъ правъ и заявили свою волю перейти въ земство? Онъ изъ нихъ тринадцать человекъ заточилъ въ Петропавловскую крѣпость, чтобы и прочіе не смѣли сближаться съ крестьянствомъ. Въ лицѣ ихъ онъ засадилъ въ тюрьму всю ту долю дворянства, которая хочетъ слиться съ народомъ. Царь боится земства.

А что было-бы съ самимъ Мартыановымъ, если-бы онъ письмо къ государю послалъ не изъ за границы, а живши въ Россіи? И его засадили-бы въ тюрьму. Царь боится земства.

Хорошо-ли сдѣлалъ Мартыановъ, что послалъ письмо къ государю, довелъ до него голосъ очнувагося крестьянства?

Да! хорошо. Спрось не бѣда, все пути ведутъ къ цѣли; ни единого пути упускать не слѣдуетъ. Пусть-же съ этихъ поръ, въ ушахъ царя, ежеминутно отзывается голосъ народа, требующій земскаго собора и царскаго признанія земской правды. Если царь не отвѣтитъ на голосъ народный, по крайней мѣрѣ народъ будетъ знать—что думать и что дѣлать.

Мы лично ничего не имѣемъ противъ Александра Николаевича; если онъ подчинится земскому собору, если онъ впрямь будетъ царемъ земскимъ,—мы первые пойдемъ съ нимъ, потому что тогда онъ пойдетъ съ нами.

А вѣдь, какъ мы сказали, требованіе земскаго собора и земскаго царя,—значитъ требованіе, чтобы земля была земская.

Вотъ мы и подошли къ письму помѣщика о необходимости земледѣльческой артели.

Странно шло у насъ крестьянское дѣло. Уже со сто лѣтъ будетъ, какъ между дворянами являлись люди, которые говорили о необходимости освободить крестьянство. Число ихъ росло, росло, такъ что наконецъ, ради освобождения крестьянства отъ помѣщиковъ и всей Руси отъ чиновничьяго самоуправства, дворяне вышли на площадь 14 Декабря 1825 года. Пятерыхъ императоръ Николай Павловичъ велѣлъ повѣсить, а остальныхъ разослать, кого на каторгу, кого на поселеніе. Послѣ этого прошло тридцать лѣтъ.

Нарождались и вырастали въ это время тѣ дворяне, которые теперь отказываются отъ своихъ дворянскихъ правъ и хотятъ перейти въ земство. Самъ царь увидѣлъ, что людей въ помѣщичей кабалѣ держать и грѣшно и невыгодно. А когда дошло дѣло до вопроса : какъ освободить крестьянъ,—никто не зналъ что дѣлать, ни у кого не было готовой, здоровой мысли, никто не понималъ что для земства нужно, ни самъ царь, ни люди изъ дворянъ, искренно преданные народу; а большинство дворянства такъ и отшарахнулось отъ мысли освободить крестьянъ, и возстало противъ царя—за чѣмъ онъ не дворянскій царь.

Крестьянство больше двухъ сотъ лѣтъ страдало въ кабалѣ и мало-ли сколько у него мучениковъ положили головы за волю земскую и землю земскую. Былъ и Степка Разинъ, былъ и Пугачевъ, котораго называли Петромъ третьимъ—для того чтобы сдѣлать изъ него царя земскаго. И всѣхъ ихъ переказали. А когда нынѣшній царь поднялъ дѣло о крестьянской свободѣ, само крестьянство не знало что сказать, да правда никто его ни о чемъ и не спрашивалъ. Крестьянство только и поняло, что та воля, которая ему теперь дана,—не настоящая, и въ недоумѣніи стало говорить, что земскій царь не могъ такъ нагло обмануть народъ. Это могъ сдѣлать развѣ царь дворянскій-чиновничій.

Въ томъ-то и дѣло, что онъ ни земскій, ни дворянскій, потому что онъ одинъ день земскій, а другой день дворянскій царь. Онъ самъ не знаетъ куда онъ идетъ.

Насъ всѣхъ общее дѣло застало въ распlohъ, бѣдныхъ пониманіемъ и духомъ не твердыхъ. Мы всѣ принялись за дѣло какъ учепики, а не какъ люди увѣренныя въ своей мысли, и принялись только съ тѣхъ поръ, какъ царь своротилъ немножко къ земству, съ тѣхъ поръ, какъ позволили говорить и печатать о крестьянскомъ дѣлѣ, то есть тому назадъ пять лѣтъ. Отъ этого въ пять лѣтъ взглядъ на дѣло шибко измѣнялся и пониманіе шибко росло.

Сперва думали, что крестьянъ просто освободить, хотя-бы и безъ земли; освободятся сами землю отберутъ. Потомъ стали думать о выкупѣ земель; потомъ выкупъ свели только на какое-нибудь вознагражденіе помѣщиковъ за потерю. Царь первый сталъ за то мнѣніе, что надо дать народу землю, но такъ какъ онъ полу-дворянскій царь, то онъ остановился на той мысли, чтобы дать народу немножко земли, да и за ту положить денежный выкупъ, а пока денежнаго выкупа не будетъ, то держать народъ на полу-баршинѣ, полу-оброкѣ, въ полу-волѣ, полу-рабствѣ, и выкупъ частицы земли дѣлать по немножку. И теперь не рѣдко слышишь, какъ царскіе служилые люди радуются, что вотъ со времени введенія “Положенія о крестьянахъ” выкуплено земель на одинъ миллионъ сто девятидесять тысячъ рублей. А прошло больше года—и они не замѣчаютъ, что по ихъ-же расчету всего земель выкупить придется больше чѣмъ на тысячу миллионъ, и что если они станутъ выкупать на одинъ миллионъ въ годъ, то они выкупятъ крестьянскія земли только въ тысячу лѣтъ, и что крестьянамъ придется жить въ полурабствѣ еще столько-же вѣковъ сколько теперь считаютъ отъ начала Руси. Да если-бы они и на десять миллионъ въ годъ выкупили земель, то во сто лѣтъ не кончили-бы. Этого никакой, самый смиреннѣйшій народъ не вытерпитъ.

На этомъ покаместъ дѣло и застряло, то есть народъ остается въ полу-рабствѣ, съ надеждой, что ему клочекъ

земли черезъ сотни лѣтъ выкупить въ его собственность, а остальная земля, сверхъ этого клочка, останется за помѣщиками, которые будутъ ее продавать купцамъ, или передавать своимъ наследникамъ, да за казною, то есть за царемъ, который будетъ ее раздавать даромъ своимъ генераламъ и чиновникамъ, а народу продавать за деньги.

Мы сами предлагали, чтобы на землѣ оставить подать для всѣхъ, съ десятины по ровну, будь эта земля крестьянская, или помѣщичья (которая сверхъ теперешняго крестьянскаго надѣла у помѣщиковъ останется) и изъ этой подати дать вознагражденіе помѣщикамъ, а за тѣмъ всякія барщины и оброки прекратить; съ казенныхъ-же крестьянъ чиновничье управленіе снять, чтобы они могли вмѣстѣ съ освобожденными отъ помѣщиковъ крестьянами, составить одно крестьянство, по своему усмотрѣнію собраться въ волости, безъ всякой черезполосицы между бывшими казенными и бывшими помѣщичьими, и управляться своими выборными по своему и черезъ своихъ выборныхъ платить подать въ казну на общія нужды. Земли-же незаселенныя считать не казенными и не продажными, а земскими, такъ чтобы всякая артель, которая по малоземелью захотѣла бы выселиться, получила бы незаселенную землю даромъ, принявъ на себя по расчету подать. А такъ какъ казнѣ нужно на общіе расходы извѣстное число рублей, то чтобы подать не прибавлялась бы отъ того, что новыя земли заселятся, а только, по разверсткѣ податнаго итога, съ десятины приходилось-бы платить меньше. Отъ этого и мы думали о необходимости земскаго собора, который-бы установилъ подать сколько еѣ нужно, а не столько, сколько чиновникамъ на народъ наложить вздумается, и чтобы царь, если онъ земскій царь, расходовъ положенныхъ земскимъ соборомъ уже и не превышалъ-бы. Еще мы думали : русское государство до того широко и велико, и столько въ немъ разнаго племени, что съ одного мѣста всѣхъ разныхъ нуждъ народныхъ и мѣстныхъ обстоятельствъ не обмотришь и податей порядкомъ не опредѣлишь; стало, надо чтобы волости, по своему согласію, собрались въ области, и управлялась каждая область своимъ выборнымъ областнымъ земскимъ соборомъ, и уже изъ областныхъ земскихъ соборовъ составилась-бы общій земскій соборъ, котораго приговоры царь и исполнялъ-бы.

Въ этомъ мы съ крестьяниномъ Мартыновымъ, съ голосомъ очнувагоса крестьянства, ни въ чемъ и не расходимся. Очнувшійся народъ пошелъ уже дальше, чѣмъ чего хочетъ правительство, то есть полу-земскій, полу-дворянскій царь. Правительство дѣло дѣлаетъ долго, слишкомъ много у него чиновниковъ, слишкомъ много они пишутъ и расписываютъ, не спрося у земства, такъ что ничего сразу постановить не могутъ, а все откладываютъ на годы и годы, чуть-ли не на вѣка вѣчные. Покаместъ они пишутъ, дума въ народѣ и растетъ и захватываетъ все дальше и дальше, такъ что чиновному люду за ней не поспѣтъ. Вотъ и прислалъ намъ помѣщикъ письмо, которое “назвалъ голосъ за народъ.” Сущность письма его въ томъ, что теперь сверхъ крестьянскихъ надѣловъ, по “Положенію о крестьянахъ” остаются за помѣщиками земли; и онъ видитъ въ этомъ бѣду страшную, потому что отъ этого земля выйдетъ не земская, а помѣщичья. Онъ думаетъ, что дворяне-помѣщики—если не продадутъ своихъ земель, а если продадутъ—то купцы-помѣщики, имѣя землю и деньги, прижмутъ народъ, прижмутъ его на всемъ, станутъ зара-

ботную плату платить, станут чуть крестьянин из нужды согласен на работу по низкой цѣнѣ, да ве въ силахъ ес вынудить, судомъ его добивать и въ раззоръ раззорить и, такъ какъ сила съ ихъ стороны, то и судъ съ ихъ стороны, и учредить они управленіе сословное, а не земское.

Нельзя не согласиться, слишкомъ очевидно правъ помѣщикъ, приславшій намъ "голосъ за народъ." Какъ скоро мы допустимъ частную поземельную собственность, она завоюетъ землю мірскую; богатые на міру примкнутъ къ помѣщикамъ, мірская земля пойдетъ въ раздѣлъ, богатые крестьяне и помѣщики купятъ ее на сколько денегъ хватитъ и большая доля крестьянства пойдетъ въ батрачество. Этого ли хочетъ народъ? Конечно—нѣтъ.

Хотя наши крестьяне и по "Положенію" остаются безземельны, и стало не вдругъ сойдутъ на низкую заработную плату; но все-же случайная нужда пошатнетъ ихъ, и пойдетъ заработная плата внизъ, по хозяйской, по помѣщичей, а не по рабочей цѣнѣ. Какъ-же помочь бѣдѣ? Помѣщикъ, въ своемъ "голосѣ за народъ," предлагаетъ надѣлы крестьянамъ отдать даромъ, и вводить въ помѣщичьихъ земляхъ, то есть, въ тѣхъ, которыя сверхъ надѣловъ за помѣщиками останутся, артельное половничество, чтобы помѣщики не отдѣльно работника нанималъ, а договаривался-бы съ міромъ, чтобы помѣщичья земля обрабатывалась міромъ, и потомъ-бы урожаи дѣлились міромъ, смотря по работѣ, или потягольно, сколько зерна на тягло придется. Сначала помѣщикъ, такъ какъ онъ потратилъ деньги на плуги и ебрую, на машины молотильныя и иныя, то онъ изъ урожая получаетъ бѣльшій пай; а потомъ когда крестьяне поперятся, да свои плуги и свои машины поставятъ, то ихъ работа все будетъ дороже и дороже, а помѣщичій пай все меньше и меньше, пока пай сравняются и помѣщикъ очутится такимъ-же пайщикомъ въ общей мірской землѣ, какъ и всякій другой крестьянинъ. А между тѣмъ—вмѣсто того, чтобы съ мірской земли и передѣловъ по тягламъ перейти къ дѣлежу земли особнякомъ, каждому тяглу въ собственность,—народъ перейдетъ на артельную обработку земли міромъ и дѣлежъ урожая сколько каждому изъ міра придется. Такимъ образомъ богатые у бѣдныхъ земли не скупятъ, батрачество не заведется, и земля останется не частная, помѣщичья—а народная, земская, стало и управленіе будетъ не иное какъ земское.

Попытка не пытка,—пускай этотъ помѣщикъ пробуетъ заводить артельное хозяйство, артельную пашню; пускай приглашаетъ тѣхъ изъ помѣщиковъ, которые люди народу искренно преданные, дѣлать тоже; пускай приглашаетъ самихъ крестьянъ свою мірскую землю обрабатывать міромъ, и дѣлить межъ собою не землю, а урожай съ земли. Пути единого упускать не слѣдуетъ. Если онъ и не успѣетъ въ своемъ намѣреніи, то уже и то хорошо будетъ, что пустить въ народъ мысль о необходимости работать міромъ, потому что оно въдесятеро выгоды и нѣтъ опасности, чтобы помѣщики и богачи завладѣли бѣльшимъ множествомъ народа и обатрачили его.

Но этотъ путь длиненъ и не вѣренъ. Соображая письмо Мартынова, голосъ очнувагося крестьянства, съ письмомъ помѣщика, народу преданнаго, съ его голосомъ за народъ, мы приходимъ вотъ къ какому выводу:

Если уже помѣщикамъ, изъ общей земской подати, назначается вознагражденіе за то, что земли отъ нихъ отходятъ къ

крестьянамъ; если въ оброчныхъ имѣніяхъ, гдѣ помѣщичей запашки и безъ того не было, вся земля отходить къ крестьянамъ; то не слѣдуетъ помѣщикамъ и въ барщинныхъ имѣніяхъ оставлять особую землю. Они получаютъ вознагражденіе—чего-же больше? Хотятъ пай въ мірской землѣ, по тягольному расчету, на равнѣ съ крестьянами, пускай остаются въ общинѣ такими-же крестьянами какъ и всѣ. Земля, чтобы вся осталась за міромъ и помѣщикъ такимъ-же мірскимъ пайщикомъ, какъ и другіе. Только тогда бывшіе помѣщичьи крестьяне сравняются землями съ бывшими казенными и будетъ единое земство и единая земская земля.

Когда у народа въ умѣ твердо сложится, что земля земская,—то выгода общаго труда сама заставитъ его перейти, съ передѣловъ по тягламъ, на мірскую пашню и дѣлежъ урожая по тягламъ, потому что всякая иная переменна разрушила-бы землю земскую, безъ которой у народа не будетъ земскаго управленія. Для людей, которые во всякомъ общинномъ устройствѣ, преднамѣренно хотятъ видѣть насилуваніе воли каждаго человѣка, мы прибавимъ, что ни земская земля, ни мірская пашня не мѣшаютъ каждому оставить свой земельный пай міру, временно или навсегда, то есть не нести мірской тяги и подати, и не получать ничего съ мірскаго урожая, а идти промыслять какъ знаетъ, не только въ города, но хоть за границу, и воротясь опять участвовать въ мірской работѣ и опять получать свой пай изъ урожая.

Пора остановиться на томъ, что помѣщики получая въ вознагражденіе изъ податей по столько-то на столько-то лѣтъ, должны всю землю отдать въ земство. Мы ни на волосъ не сомнѣваемся—изъ помѣщиковъ люди, искренно народу преданные, съ нами въ этотъ согласны; а остальные должны согласиться со страхомъ, потому что лучше покончить на томъ, чтобы остаться безъ земли, но съ вознагражденіемъ, чѣмъ остаться безъ земли, безъ вознагражденія и безъ головы. А ихъ упорство къ этому приведетъ неминуемо.

На вопросъ куда мы идемъ, мы скажемъ смѣло, не боясь чтобы у насъ вышло съ народомъ разногласіе, мы скажемъ, что идемъ къ тому, чтобы земля была земская и управленіе было отъ земства, и слѣдственно, чтобы царь былъ земскій, съ земствомъ согласный, или земствомъ избранный.

Откуда мы идемъ—мы идемъ отъ того положенія, гдѣ только доля дворянства отказывается отъ сословныхъ правъ и хочетъ перейти въ земство, а большая часть дворянства хочетъ остаться дворянствомъ съ особой землею; гдѣ царь только долю земли даетъ земству, а остальную паровикъ оставить за собою, за казною да за помѣщиками, и заправлять всѣ дѣла не земскимъ соборомъ, а своими чиновниками-грабителями.

Стало, что-же дѣлать?

Не только падо той доли дворянства, которая за одно съ народомъ, крѣпко соединиться между собою и съ крестьянствомъ, но падо и селамъ и волостямъ стовариваться между собою по всей землѣ русской: уставныхъ грамотъ не подписывать, на оброкъ не переходить, усадьбы и доли надѣловъ не выкупать, а стоять твердо между собою, чтобы вся земля была земская. А когда они между собою въ этомъ будутъ согласны, то слѣдуетъ послать—не какое-нибудь дворянское особое прошеніе къ царю объ уничтоженіи дворянскихъ сословныхъ правъ (какъ Тверскіе дворяне просили, за что и

въ тюрьму попали) а слѣдуетъ послать царю грамоту отъ всего земства и спросить:

Хочетъ-ли онъ признать земню земскую, созвать земскій соборъ, и быть царемъ земскимъ, а не дворянскимъ-чиновничьимъ? Чтобъ отвѣтилъ прямо, не шатаясь изъ стороны въ сторону.

Смотря по отвѣту пародъ и будетъ знать что дѣлать.

Если на завтра нельзя согласить земство на такую грамоту, то все-же къ 1869 году можно и должно.

Н. Огаревъ.

СЪЧЕНІЕ И УБИЙСТВА КРЕСТЬЯНЪ

въ пермской губерніи.

Въ селѣ Кудымкорѣ, графа Строгонова (пермской губерніи, соликамскаго уѣзда), объявленіе манифеста 19 Февраля сопровождалось довольно серьезными обстоятельствами, о которыхъ не было никакихъ печатныхъ извѣстій. Расскажемъ въ общихъ чертахъ какъ было дѣло.

Исправникъ Пейкеръ* прочиталъ манифестъ. Крестьяне не поняли его и просили растолковать. Пейкеръ, за такое тупоуміе, принялся ихъ съчь. Тѣ, молча, почесывались и крѣпились, наконецъ, видя, что съченію конца нѣтъ, связали казаковъ, исполнявшихъ волю пославшаго, и приглашали исправника продолжать: “ну, теперь, ваше благородіе, съки” говорили они ему. Его благородіе струхнулъ, вскочилъ въ кибитку и ударилъ въ Соликамскъ. Отсюда онъ послалъ къ губернатору Лашкареву† донесеніе, что дескать крестьяне графа Строгонова бунтуютъ, и просилъ выслать команду. Команду отпрѣвили;‡ Лашкаревъ, по обыкновенію своему, не могъ воздержаться отъ спича и напутствовалъ солдатъ такими словами: “Ребята! Помните, что солдату дается ружье за тѣмъ, чтобы изъ него стрѣлять. Если мужики будутъ шумѣть, ваяйте ихъ хорошенько, мерзавцевъ!” Выслушавъ такое наставленіе, солдаты отправились, предводительствуемые баталіоннымъ командиромъ Тальбергомъ. Прибывшая рота солдатъ застала въ Кудымкорѣ толпу челоѣкъ въ 500. Иностранцы-пермяки и русскіе толковали о свойствахъ прочитанной имъ исправникомъ “*гумаи*.” По ихъ мнѣнію, настоящий “*энифестъ*” отъ царя о волѣ, съ *золотою строчкой*§ исправникъ скрылъ, а за мѣсто ево прочиталъ имъ *графскую* гумагу, напечатанную въ Перми, за что взялъ съ графа деньги.” При первыхъ слухахъ о нашествіи команды, толпа возросла до 2,000 челоѣкъ, собравшихся изъ сосѣднихъ селеній. Тальбергъ велѣлъ мужикамъ разойтись. Его не послушали, говоря, что собрались толковать о дѣлѣ, рассказали Тальбергу какъ имъ прочитана была *подложная гумага*, какъ они спрашивали о ней исправника, какъ тотъ, вмѣсто объясненія, “учалъ ихъ

* Родственникъ губернатора Лашкарева.

† Александръ Григорьевичъ Лашкаревъ, тотъ самый, который отличился во время управленія своего лѣснымъ департаментомъ геніальною выдумкою: перечислять за дурную службу лѣсничихъ въ гражданскіе чины.—Кор.

‡ Въ этомъ замѣчаніи корреспондента мы прибавимъ, что этотъ Лашкаревъ ханжа извѣстный Колоколу, одинъ изъ самыхъ вреднѣйшихъ губернаторовъ, безумное самоуправство его переходитъ далеко общій губернаторскій уровень. Кое-что объ немъ мы сообщимъ въ слѣдующемъ листѣ. Все что онъ дѣлаетъ извѣстно, и онъ остается и вѣроятно останется, Валуевъ-ли будетъ министромъ, или другой кто-нибудь, имъ что за дѣло.—Ред.

§ Не смотря на просьбы повѣреннаго графа Строгонова, который увѣрялъ что съумѣетъ и безъ команды успокоить крестьянъ.

§ Между крестьянами пермской и оренбургской губерніи есть убѣжденіе, что царь пишетъ не иначе какъ золотыми чернилами.

драть”, винились, что “*пошалили*, связали казаковъ, дупившихъ ихъ ни за што, ни про што” и просили самого Тальберга растолковать имъ “што за гумага, которую имъ читалъ исправникъ, *пошто въ ей нѣтъ золотой строчки* и што то за воля, когда они остаются, по прежнему *подѣ графомъ*?” Тальбергъ великодушно предостерегъ ихъ, что посланъ не для того, чтобы съ ними толковать, а чтобы разогнать, приказалъ имъ снова разойтись, угрожая дурными послѣдствіями въ случаѣ неповиновенія, и называлъ ихъ бунтовщиками. “Ну, пошто ваше благородіе, бунтовщики? какіе мы бунтовщики? мы тебя ладомъ просимъ вразумить насъ, темныхъ людѣй, а ты говоришь мы бунтуемъ.” Тальбергъ тогда сказалъ имъ, что имѣетъ приказаніе стрѣлять, ежели они не разойдутся добровольно. “Ну что-же, ваше благородіе, ежели ты посланъ для озорства, такъ стрѣлай! А мы не пойдемъ куда ты не растолкуешь намъ што за гумагу читалъ исправникъ;” Тальбергъ скомандовалъ, раздался залпъ и нѣсколько челоѣкъ изъ толпы повалились. Мужики, не ожидавшіе исполненія дикой угрозы, смутились было, но передовые, скоро прійдя въ себя, направили дѣло. “Ребита, подбери ихъ, (т.е. повалившихъ), обратились они къ товарищамъ; ну, а ты, ваше благородіе, стрѣлай!” Такой неожиданный оборотъ поставилъ Тальберга въ тупикъ: онъ не зналъ что дѣлать. “Ну, чего же ты сталъ? продолжали мужики—стрѣлай! Ты вѣдь баешь, мы бунтовщики, такъ и стрѣлай! Ну, стрѣлай же!” Столбнякъ Тальберга продолжался. “Ну, вотъ видишь, ты самъ не знаешь чего доспѣлъ! (сдѣлалъ). Пошто ты съозорничалъ, убилъ мужиковъ-то? Чѣмъ такимъ они передъ твоимъ благородіемъ провинились? Ты баешь мы бунтовщики... Да ежели бы мы захотѣли бунтовать то, такъ тебя бы съ твоей г...ой командой, комыми снѣгу забросали. Ты развѣ не видишь сколько насъ? А мы и пальцемъ никого не трогуемъ... Стрѣлай-же, коли тебя царь за тѣмъ послалъ!.. Стрѣлай”!.. Тальбергъ послѣдовалъ примѣру исправника и ускакалъ въ Пермь, оставивъ команду на произволъ судьбы. Къ счастью мужики до конца выдержали себя, представивъ собою новый примѣръ того, на сколько они разумнѣе дикихъ правителей и вонителей своихъ.

Въ Перми заговорили о Кудымкорской исторіи, пророчили ссылку исправнику, увольненіе или, по крайней мѣрѣ, переводъ Лашкареву и чуть не петлю Тальбергу. (Явленіе совершенно противоположное имѣвшему мѣсто въ Казани послѣ Бездненской исторіи и легко объяснимое тѣмъ, что въ Перми нѣтъ помѣщиковъ). Но случилось не такъ: потолковали въ кружкахъ, погорячился втихомолку прокуроръ и тѣмъ дѣло кончилось. Въ газетахъ не было официальныхъ извѣстій о рассказанномъ происшествіи. Не мудрено, что тупоумный Лашкаревъ, которому растолковали значеніе его дѣятельности по отношенію къ этому случаю, напелъ возможность скрыть его.

Убитыхъ въ Кудымкорѣ оказалось 2 и 8 болѣе или менѣе тяжело раненыхъ, изъ которыхъ не знаю сколько осталось въ живыхъ.

ПОСЛѢДНІЕ АККОРДЫ ПОМѢЩИЧЬЕГО ЗЛОДѢЙСТВА,

ПЯТОВЪ и ХОМУТОВЪ.

Въ числѣ дворовыхъ Романо-борисоглѣбскаго помѣщика Ѳедора Ѳедоровича Пятова, была женщина Авдотья Ивановна Мазаева. Она была скотница, птичница, кухарка для

дворни и вмѣстѣ съ другими ходила на всѣ господскія работы. Она была честная и тихая женщина. При обязанностяхъ Авдотьи Ивановны, бывали у нея часто столкновенья съ ея бариномъ, человѣкомъ небогатымъ : всегда подозрѣнія въ утайкѣ молока, масла, въ дурномъ уходѣ за скотиной ; дѣло не обходилось безъ побоевъ ; однажды осенью, она просидѣла трое сутокъ запертая въ пустомъ, холодномъ сараѣ, одѣтая въ одинъ кафтанчикъ ; поѣсть подавали не много хлѣба. Въ Августѣ 1860 г. Пятовъ послалъ Авдотью Ивановну продать въ городѣ корову (городъ въ 5 верст. отъ Баскачева) и послѣднюю цѣну сказалъ 14 руб. сер. Авдотья Ивановна воротилась назадъ съ коровой и говорить, что больше 12 руб. не даютъ. Баринъ разсердился, разбранилъ ее и велѣлъ отдать за 12 руб. Авдотья снова идетъ съ коровой, за которую предлагаютъ теперь только 10 руб. Пятовъ прибилъ Авдотью, обвиняя ее въ томъ, что она съ умысломъ старается не продать, однако велѣлъ отдать и за 10 руб. Что-же? корову вовсе отказались купить. Помѣщикъ вторично сильно прибилъ скотницу, что было вечеромъ, а на утро мужу ея, Степану, какъ старостѣ, велѣлъ приготовить розги. Говорятъ, что корова въ самомъ дѣлѣ была плоха и вовсе не давала молока, а Пятовъ хотѣлъ продать ее за дойную, для чего, за нѣсколько времени до продажи, велѣлъ отдаивать.

Розги приготовили еще съ вечера. Но вечеромъ Авдотья куда-то скрылась. Она отсутствовала недѣлю.—Гдѣ была? спрашиваетъ баринъ.—“Богу молилась.”

Сначала онъ ее оставилъ въ покоѣ, но начинали доходить до него вѣсти, что Авдотья была у губернатора въ Ярославлѣ и все ему рассказала про барина ; что губернаторъ выслушалъ ее, потомъ велѣлъ идти къ помѣщику, дѣлать свое дѣло и сказалъ что “онъ все разберетъ.”

Къ этому прибавляли, что она говорила, будто губернаторъ сказалъ еще : если тебя баринъ пальцемъ тронетъ, приди ко мнѣ, и я дамъ тебѣ билетъ на всѣ четыре стороны. Между тѣмъ Романо-борисоглѣбскій предв. двор. Дмитрій Николаевичъ Хомутовъ требуетъ къ себѣ въ усадьбу Пятова и Авдотью Ивановну. Пятовъ поѣхалъ впередъ въ Пондилово (усадьба предводителя) и велѣлъ Степану привезти туда жену. Позвали обоихъ къ предводителю. Баринъ тутъ. Авдотья вошла и тотчасъ стала на колѣни передъ Хомутовымъ. — “Ты Авдотья Иванова?” — “я, ваше благородіе”, отвѣчала Авдотья, стоя на колѣнахъ. — “Врешь, мерзавка, я не благородіе, а высокоблагородіе”, сказалъ Хомутовъ. — “Виновата, ваше высокоблагородіе”, говорила Авдотья, кланяясь до земли. — “Какъ ты смѣла, жаловаться на помѣщика?” — “Обижаютъ, ваше высокоблагородіе : спрашиваютъ чего не слѣдуетъ, бьютъ ни за что.” — “Такъ вотъ какъ, вы не хотите отъ господской руки и побоевъ принять ; да куда еще полѣзла? къ губернатору! а какъ ты смѣла оболгать его, какъ ты смѣла сказать, что онъ дастъ тебѣ билетъ на всѣ четыре стороны?” — “Нѣтъ,” отвѣчала Авдотья, “я о билетѣ ничего не говорила : онъ приказалъ мнѣ идти къ помѣщику и повиноваться, и сказалъ : какъ будетъ очень худо мнѣ, придти опять къ нему.” — “Хорошо, голу-бушка, вотъ подожди, я самъ поѣду къ губернатору, все расскажу ему, и тебя такъ отдерутъ въ земск. судѣ, что долго не забудешь, “Ступайте вонъ.”

12 Сентября 1860 года, Авдотью снова требуетъ Хомутовъ, уже въ городѣ, въ земскій судъ, и вмѣстѣ съ ней четырехъ женщинъ, которыя слышали отъ нея рассказъ о ея похож-

деніяхъ. Позвали всѣхъ въ одну изъ комнатъ земскаго суда. Вышелъ предводитель и говорить исправнику : “пропишите-ка вотъ этой мерзавкѣ билетъ на всѣ четыре стороны, а вы, прибавилъ онъ, обращаясь къ четыремъ женщинамъ, смотрите, да казнитесь, каково жаловаться на барина,” — и ушелъ во дворянскую онеку. Исправникъ Дыбковскій приказалъ подать розги. Авдотья упала къ его ногамъ и просила пощадить ее, увѣряла, что ей, старухѣ, не вынести наказанія, (по справкѣ въ консисторіи ей было въ это время 57 лѣтъ). Дыбковскій, въ отвѣтъ на ея просьбы, ударилъ ее по щекѣ. Авдотью положили. Два солдата держали, два — сѣкли. Исправникъ приговаривалъ : “не жалуйся на помѣщика!” Все это происходило въ передней земскаго суда ; одна дверь отдѣляла лобное мѣсто отъ канцеляріи суда. Авдотья вышла послѣ наказанія, не сказала имъ ни слова и сѣла на ступеньку лѣстницы. Скоро вошелъ Пятовъ и велѣлъ имъ идти домой. Авдотья сказала, что она не можегъ идти и отправилась съ Татьяной къ кузницѣ, чтобы подождать, когда Ларіонъ кончитъ работу, и ѣхать съ нимъ. Имъ пришлось ждать часа два, Татьяна все время сидѣла у кузницы, а Авдотья куда-то отходила, не болѣе какъ на четверть часа. Наконецъ явился Ларіонъ и они поѣхали.

Между тѣмъ Хомутовъ, получивъ отъ губернатора предписаніе удостовѣриться лично въ справедливости жалобы Авдотьи Ивановны, отвѣчалъ, что Мазаева была всегда груба и дерзка съ помѣщикомъ, испортила у него корову и вообще умышленно дѣлаетъ ущербъ въ его хозяйствѣ, за что, прибавлялъ предводитель, онъ распорядился наказать ее розгами при земской полиціи. Эта бумага получена была губернаторомъ 13 или 14 Сентября 1860 года; 15 того-же Сентября князь Оболенскій получилъ нечаянно частнымъ путемъ извѣстіе, что Авдотья Ивановна 14 Сентября богу-душѣ отдала. Губернаторъ въ тотъ-же день поручилъ одному изъ своихъ чиновниковъ произвести слѣдствіе о смерти Авдотьи Ивановны. Слѣдователь пріѣхалъ въ деревню Баскачево 16 Сентября и нашелъ, что покойница, не смотря на признаки насильственной смерти, только что не похоронена и лежитъ въ гробу готовая къ погребенію. Ни исправнику, ни мѣстному становому приставу неизвѣстно было въ этотъ день о смерти Мазаевой. Впрочемъ слѣдователь 17 Сентября, когда извѣстно было, что чиновникъ губернаторскій пріѣхалъ производить слѣдствіе получилъ изъ Земскаго суда почти цѣлое дѣло : тутъ было объявленіе помѣщика Пятова о смерти дворовой его женщины, распоряженіе суда о составѣ временнаго отдѣленія для производства слѣдствія ; предложеніе исправника суду о томъ, что временнаго отдѣленія нѣтъ надобности составить, такъ какъ для слѣдствія прибылъ чиновникъ губернатора. Свѣденія, собранныя до вскрытія трупа, говорили что Авдотья Ивановна заболѣла въ тотъ-же день, когда была наказана, т. е. 12 Сентября, что съ ней были поносъ и рвоты. 17 Сентября осмотрѣли и вскрыли трупъ. На обѣихъ ягодицахъ, на ляшкахъ и частію въ паху мертвой были рубцы отъ розогъ, въ желудкѣ нашли ядовитыя вещества. Врачъ заключилъ, что смерть произошла отъ отравленія какимъ нибудь металлическимъ ядомъ.

Несчастная приняла яду послѣ наказанія, когда отлучалась отъ кузницы, ожидая подводчика.

Исправникъ Дыбковскій далъ свѣденіе слѣдователю, что онъ, наказывая Авдотью Ивановну, исполнялъ просьбу пред-

водителя дворянства и не находилъ нужнымъ удостовѣриться въ виновности наказываемой, что ей дано не болѣе 25 ударовъ, что она по видимому была здорова; о лѣтахъ ея онъ не справлялся. Изъ исполнителей наказанія оказался на лицо одинъ только сторожъ Романо-борисоглѣбскаго уѣзднаго суда, прочіе были безсрочно отпускиные солдаты, явившіеся въ этотъ день въ земскій судъ по своимъ дѣламъ, вовсе неизвѣстные Дыбковскому, которыхъ онъ попросилъ *помочь дѣлу*.

Питовъ показалъ, что онъ никого не просилъ наказывать Авдотью въ послѣдній разъ.

Всѣ эти свѣденія извлечены изъ слѣдствія о смерти Авдотьи Ивановны. Слѣдствіе въ Сентябрѣ мѣсяцѣ 1860 года представлено было губернатору и имъ въ томъ-же мѣсяцѣ передано въ ярославское губернское правленіе.

Въ Апрѣлѣ 1861 года губернское правленіе, рассмотрѣвъ дѣло, опредѣлило: Исправнику Дыбковскому сдѣлать выговоръ; дѣло передать въ романовскій уѣздный судъ, для обсужденія обстоятельствъ смерти Мазаевой.

Изъ показаній, сдѣланныхъ при слѣдствіи о смерти Авдотьи Ивановны Мазаевой, одно заслуживаетъ особеннаго вниманія: дворовая Питова — Марфа, на вопросъ—не судилась-ли ‘она?’ отвѣчала: подъ судомъ не была, а одинъ разъ предводитель Хомутовъ заporолъ до полусмерти. Помѣщикъ пожаловался Хомутову на Марфу изъ за какихъ то пустяковъ. Предводитель велѣлъ ввести ее въ сарай и взять розги. Четыре мужика исполняли его приказанія. Долго сѣкли Марфу; молебны ея о помилованіи не удостоивались ни малѣйшаго вниманія. Она наконецъ начала просить пить. Хомутовъ спросилъ: “чего она просить”? Удары остановились было и ему сказали, чего желаетъ Марфа. “Пить!” сказалъ Хомутовъ, “прибавьте-ка ей еще”. Во все время наказанія предводитель сидѣлъ въ своей коляскѣ, около сарая: онъ куда-то ѣхалъ. Марфа замолчала и совершенно успокоилась. На рогожкѣ отвесли ее въ избу. Марфа долго была больна послѣ этого.

С М Ъ С Ъ.

ПИСЬМО Г. БЛЮМЕРА.

М. Г.,

Позвольте мнѣ просить у васъ нѣсколько мѣста въ *Колоколѣ* для ниженаходящихся строкъ. Четвертый номеръ моего журнала выйдетъ только въ Іюнѣ; а извѣстіе, сообщаемое мною, важно для нѣкоторыхъ намъ одинаково дорогихъ лицъ.

Возвратившись вчера изъ Дрездена, я получилъ слѣдующее извѣстіе: Вечеромъ 13 Мая (день моего отъѣзда) вошли въ мою квартиру два человека, изъ которыхъ одинъ былъ въ формѣ прусскаго полицей-лейтенанта, и начали забрасывать моего хозяина вопросами въ родѣ слѣдующихъ: Куда я уѣхалъ? зачѣмъ? въ чемъ я одѣтъ? Кто у меня бываетъ? Отъ кого я получаю письма? откуда? Не бываютъ-ли у меня такіе-то и такіе господа? Гдѣ я храню письма? Кто у меня банкиромъ? когда я получаю деньги? и т. д. Вопросы, какъ вы можете видѣть, очень щекотливые. Почтенные посѣтели ушли, обѣщавшись побывать у меня еще разъ. Тотчасъ по пріѣздѣ я естественно отправился узнать объясненіе—въ полицейское бюро. Оказалось, что полицейскій лейтенантъ того округа, въ которомъ я живу, не подозреваетъ даже самую возможность подобныхъ посѣщеній. Сегодня же дѣло объясняется слѣдующимъ оригинальнымъ образомъ.

Одинъ изъ посѣтителей моихъ былъ дѣйствительно прусскій полицейскій офицеръ, но другой русскій полицейскій, нѣкто г. Колинъ, ищущій *будто-бы* какого-то г. Дарожинскаго, убѣждавшаго изъ Петербурга съ какою-то кассою. Что посѣтили они меня потому, что секретарь русскаго посольства въ Берлинѣ, г. Петерсонъ, указалъ на меня, какъ на лицо, у котораго бываютъ всѣ русскіе. Послѣднее обстоятельство подтвердилъ мнѣ и самъ г. Петерсонъ, отказываясь впрочемъ отъ всякаго участія и солидарности въ поискахъ г. Колинъ.

Положимъ, пусть г. Петерсонъ совершенно правъ; пусть его указанье имѣло только косвенное вліяніе на распросы въ моей квартирѣ. Но кому не покажется страннымъ и то только, что г. секретарь посольства *направляетъ* на меня вопросы какого-бы то ни было свойства? Моя редація не полицейское и не адресное бюро. Это извѣстно г. Петерсону. Бываютъ у меня русскіе—прелестно; но изъ этого никакъ не слѣдуетъ, что я долженъ-бы быть замѣшанъ во всякую исторію каждаго русскаго? Г. Петерсону вѣроятно извѣстно, что я частное лицо, а не представитель и не слуга русско-нѣмецкаго правосудія. Поиски тутъ тѣмъ болѣе странны, что вопросы предлагаются не о томъ—знаю-ли я г. Дарожинскаго,—а о другихъ, лично до меня относящихся обстоятельствахъ. Г. Петерсонъ можетъ отговариваться, что распросы эти лежатъ на отвѣтственности г. Колинъ. Но мнѣ кажется, что г. секретарь русскаго посольства въ Берлинѣ не имѣлъ права даже подавать поводовъ подобныхъ распросовъ, которые я рѣшительно могу принять за нѣчто другое.

Не знаю,—пріятно-ли покажется г. Петерсону, если я, благодаря ему, долженъ просить моихъ корреспондентовъ не только изъ Россіи, но и изъ за границы быть *какъ можно осторожнѣе*, и присылать мнѣ письма *исключительно* на имя издателя г. Шнейдера (Victoria Str. 11)? Пріятно-ли будетъ г. Петерсону если я, благодаря его *направленію*, буду осуждать чтенія “по Шпекину” даже въ Пруссіи?

Между прочимъ, какъ я знаю, г. Колинъ обѣщался по бывать и у васъ—разумѣется подъ благовиднымъ предлогомъ. Можно чего добраго ожидать, что г. Колинъ еще начнетъ доказывать, что вы — и есть-то г. Дарожинскій, и по этому требовать вашей выдачи. Одно безуміе отъ другаго—не далеко. Впрочемъ, вы вѣдь въ Англіи, а въ ней тѣхъ *семейныхъ* отношеній не существуетъ, ради которыхъ я нѣсколько неспокоенъ.*—Пріймите и пр.

Леон. Блюмеръ,

Редакторъ “Своднаго Слова”.

ПИСЬМО КЪ ИЗДАТЕЛЮ.

М. Г. Редакторъ “Правдиваго” помѣстилъ въ 3 Но. своего журнала нѣсколько строкъ объ издателѣ моихъ сочиненій, г. Основскомъ. Г. Основскій дѣйствительно не доплатилъ мнѣ двухъ тысячъ пяти сотъ рублей серебромъ—но это еще не значить, чтобъ онъ заслуживалъ жестокое названіе ему данное, и я не могу не сожалѣть о томъ, что почтенный редакторъ “Правдиваго” напелъ нужнымъ доводить до свѣденія публики частный фактъ, для нея неинтересный.—Примите и пр.

Ив. Тургеневъ.

Лондонъ 17 Мая 1862.

* Вотъ оно и не подобаетъ рекомендовать прусскую конституцію-то!—Ред.

— *Студентъ И. Кельсievъ и шайка разбойниковъ-бюрократовъ: (Изъ 3-го лис. Правдиваго.)*—“... Въ Мартѣ мѣсяцѣ, сосланъ былъ Иванъ Ивановичъ Кельсievъ. Онъ жилъ у одного изъ своихъ родственниковъ въ домѣ сухопутнаго госпиталя. Ихъ потребовали обоихъ въ контору правленія госпиталя, родственника пригласили пообжидать, а г. Кельсиева ввели во внутреннія комнаты. Родственникъ ждалъ около часа; наконецъ выходитъ какой-то чиновникъ, и объявляетъ, что онъ можетъ идти. ‘А Кельсievъ?’ спрашиваетъ родственникъ. ‘Онъ отправленъ въ Пермь.’—‘Какъ! въ Пермь?’—‘Да, въ Пермь, и его уже увезли полчаса тому назадъ.’—‘Да онъ не успѣлъ взять съ собою ни денегъ, ни вещей, никакого теплаго платья, ни даже бѣлья?’—‘А намъ до этого какое дѣло?’—‘Да, онъ въ легкомъ пальто, и въ легкихъ калошахъ?’—‘А намъ до этого какое дѣло!’

“Такимъ образомъ г. Кельсievъ, человекъ болѣзненнаго, въ легкомъ пальто и въ легкихъ калошахъ повезли, въ Мартѣ мѣсяцѣ, изъ Москвы въ Пермь! Ему не дали времени взять съ собою ни денегъ, ни платья, ни бѣлья!!! Во всю дорогу ему нельзя было переодѣться бѣлья! Когда его провозили черезъ Пижмъ, онъ просилъ жандармскаго полковника снабдить его теплою одеждою; полковникъ не только отказалъ, но еще въ порывѣ злѣрства, сталъ на него кричать и обѣщалъ жаловаться начальству! Въ Пижмѣ нашелся добрый человекъ, который далъ г. Кельсievу взаймы пять рублей, чтобы купить теплые валенки на сапоги! Когда привезли его въ Пермь, тамошній губернаторъ, желая показать свою власть надъ несчастнымъ изгнанникомъ, сослалъ его въ уѣздный городъ Верхотурье, находящійся въ 660 верстахъ отъ Перми, на хребтѣ уральскихъ горъ, въ климатѣ самомъ суровомъ! Имя этого мерзавца - губернатора—Александръ Григорьевъ, сынъ Лошкаревъ.”

— *Докторъ И. В. Енохинъ.* Мы получили за подписью “Русской врачъ” письмо, защищающее д-ра. Енохина отъ нападокъ на его характеръ и дѣятельность, сдѣланныхъ въ 2-мъ Но. “Правдиваго”. Передаемъ сущность письма нашимъ читателямъ.

Д-ръ. Енохинъ, говоритъ авторъ письма, былъ и есть честный человекъ; никто не упрекаетъ его въ своекорыстномъ употребленіи вліянія или въ пользованіи на счетъ казны. Енохинъ въ нѣмецкой сферѣ, въ которой находится, остался русскимъ. Преобладаніе нѣмецкаго элемента въ Россіи сильно отразилось и въ медицинскомъ мірѣ. Не посчастливилось на землѣ русской когда-то давно только Антону—Нѣмчину, да и тому не посчастливилось не отъ русскихъ, а отъ татаръ; а затѣмъ со временъ Бюментроста, не воспрепятствовавшаго умереть Петру I. и до Мандта, помогшаго умереть Николаю, и отъ Мандта до сихъ поръ врачи нѣмцы первенствуютъ въ Россіи и тѣснятъ русскихъ врачей. Можно даже сказать, что медицинская часть въ Россіи, подобно винному откупу, стала монополіею нѣмцевъ: всѣ придворные врачи (за исключеніемъ Енохина и завѣщающаго имъ царю д-ра. Шестова) нѣмцы; главные доктора гражданскихъ больницъ, главные администраторы по врачебной части—нѣмцы; аптекаря—нѣмцы; нѣмецъ въ Россіи нейдетъ только въ фельдшера, да въ страстующіе коновалы, потому что это—званія мало-прибыльныя. Противъ этого господства врачей—нѣмцевъ борется Енохинъ.

Енохинъ, благодаря легкости его сношеній съ царемъ, успѣлъ значительно улучшить бытъ военныхъ врачей, хлопотать о реформѣ военныхъ госпиталей; просить у царя за людей, которыхъ сдѣлали несчастными другіе; такъ напр. Енохину обязаны прощеніемъ разжалованные въ фельдшера студентъ С. Петербургской хирургической академіи, жаловавшіеся царю на дурное содержаніе въ академіи при Пезиканѣ. Енохинъ—добрый человекъ.

Енохинъ старается объ образованіи русскихъ военныхъ врачей, которые, благодаря ему, посылаются теперь для усовершенствованія за границу, съ клиники русскихъ университетовъ.

— *Куда идутъ деньги русскаго народа?*—Правда-ли, что министръ финансовъ согласился дать изъ казны на уплату долговъ князя Барятинскаго (командира 1. гв. Преображенскаго полка) 600,000 руб. сер. и на уплату еще долговъ какого-то лица 200,000. Правда-ли это?

— Въ 92-мъ Но. “Русскаго Инвалида” напечатано извлеченіе изъ отчета по министерству Удѣловъ за 1860; изъ этого извлеченія можно сдѣлать слѣдующія любопытныя извлеченія-же:

1) *Куплены на Набережной возлѣ Зимняго Дворца два дома за 663,762 рубля. Впредь до особаго назначенія въ нихъ остаются прежніе жильцы по старымъ контрактамъ.* Неужто мало у царской семьи домовъ? И слѣдуетъ-ли покупать ихъ въ запасъ, безъ особаго назначенія? Особенно, когда въ то же время выкупное учрежденіе затрудняется отнести на счетъ казны издержки о припечатаніи запрещенія на бывшія заложенные помѣщичьи земля и приказываетъ взыскивать за то по три рубля съ крестьянъ?

2) *На покупку Ливадіи затрачено 350,000, а не 300,000, какъ было въ Колоколѣ.*

3) *Куплено въ удѣлѣ нѣсколько имѣній съ людьми.* А законъ-же зачѣмъ запрещаетъ такіе покупки?

4) *Крестьяне Красносельскаго и Виттиловскаго приказовъ выкупили 203 десятины за 16,731 рублей, а Ропшинскаго и Дудерьевскаго 377 десятинъ за 25,015 рублей. Слѣдовательно по 67 и по 82 рубля за десятину.*

5) *На покупку домовъ и дворца позаймствовано 140,000 изъ пенсіоннаго капитала для отставныхъ нижнихъ чиновъ.* Съ процентами или даромъ? И знаютъ-ли отставные солдаты, что они до того богаты, что могутъ давать царю на прихоти? И коли одинъ изъ этихъ Ротшильдовъ, умирая съ голоду, попроситъ грошикъ—у бѣлаго царя, не откажутъ-ли ему, “за неимѣніемъ ассигнованныхъ на сей конецъ суммъ”?

Кстати, съ неописанной радостью прочли мы въ русскихъ газетахъ, что чиновникамъ III Отдѣленія, тайнымъ совѣтникамъ Гедерштрему и Попову пожаловано изъ государственнаго казначейства по 24,000 руб. а д. ст. сов. Грибовскому, Кранцу, Каменскому, и Вражскому, по табакеркѣ.

— *Въ Контору Современника.*—Подписчики въ Лондонѣ, начинаютъ подозрѣвать, что англійская цензура останавливаетъ *Современникъ*; не можетъ-ли Контора Совр. узнать, отчего 10/22 Мая, еще не получена *Мартовская книжка*, въ то время какъ всѣ остальные журналы давно получены?

ОТЪ ИЗДАТЕЛЕЙ.

Въ отвѣтъ на нѣсколько писемъ, полученныхъ изъ Россіи, мы считаемъ нашей обязанностью сказать, что мы готовы уредить при редакціи Колокола сборъ денегъ, предназначаемыхъ на общее наше русское дѣло; мы беремъ на себя не только обязанность храненія денегъ, но и тяжелую отвѣтственность употребленія ихъ. Что мы поступимъ съ полной чистотой и полнымъ вниманіемъ, въ этомъ, вѣроятно, предлагающіе прислать деньги не сомнѣваются. Само собою разумѣется, что мы будемъ вести строгую отчетность и отдадимъ гласный отчетъ тогда, когда онъ будетъ возможенъ.

Александръ Герценъ

Николай Огаревъ.

12 Мая 1862.

Orsett House, Westbourne Terrace.

— *ERRATUM.*—Въ прошлѣмъ листѣ Колокола, стр. 1102, напечатано: “Позвольте намъ молча презирать васъ”, надо читать “Мы молча будемъ васъ презирать”.

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи—136 & 138 Caledonian Road, London, N.

* “Просимъ прислать намъ, для напечатанія, пмѣ, отчество и фамилию этого изверга, жандармскаго полковника. —Ред. Правд.”

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM,

КОЛОКОЛЪ

VIVOS VOCO!

Выходитъ еженедѣльно въ Лондонѣ.
Цѣна 6 пайсовъ. Получается въ Вольной
Русской Типографіи, 136 & 138 Caledonian
Road, N.

ЛНСТЬ 135.

1 Іюня 1862.

У Трибнера & Со. въ книжной лавкѣ,
60, Paternoster Row, и у Tchorzewski,
1, Macclesfield Street, (Gerrard Street),
Soho, London. Price six-pence.

(WITH SUPPLEMENT NO. 16).

ОГЛАВЛЕНІЕ.—Письмо отъ офицеровъ—Москва намъ не сочувствуетъ—Руфинъ Нюстровскій—Филаретъ и розги—Капитанъ
Андреевъ и матросы—Еще Лашкаревъ пермскій. Смѣсь: Отрывокъ изъ письма Филарета къ государю—Немцовства синода
—Равенство передъ закономъ—Проектъ Зеленаго—Лопухинъ и 2,400 руб.—В. А. Поджіо—Личное объясненіе и пр.

ПИСЬМО ОТЪ ОФИЦЕРОВЪ.

Мы получили на дняхъ письмо изъ Польши отъ одного
русскаго офицера, писанное отъ имени нѣсколькихъ това-
рищей его. Много тяжелыхъ минутъ, много устали и горя
стираютъ такіа строки. Если больше будетъ такихъ офице-
ровъ, они легко очистятъ русское оружіе отъ ржавчины,
которой его покрывала занекшаяся на немъ польская и
крестьянская кровь...

Вотъ что онъ пишетъ между прочимъ: "Едва поляки
замѣтили наши слабыя усилія сблизиться съ нами и смыть
позорное пятно, лежащее на насъ, какъ братски подали намъ
руку; имъ обязаны мы тѣмъ, что получаемъ *Колоколъ*,
имъ, что можемъ переслать это письмо. Къ сожалѣнію они
имѣютъ много правъ недовѣрять намъ — потому что
офицеры часто принимаютъ на себя роль шпионовъ..."

(Слѣдуетъ небольшая перечень шпионствующихъ офице-
ровъ, состоящихъ при варшавскомъ ординарскѣмъ гаузѣ. Мы
просимъ корреспондента еще разъ проверить имена, и тогда
мы охотно ихъ напечатаетъ, въ поощреніе другимъ).

"...Мы думаемъ, что съ нашей стороны необходима
искупительная жертва, мы готовы на нее, и только ждемъ
случая принести ее съ возможно большей пользою...

"... Мы не на столько самолюбивы, чтобы не понимать, что
мы вовсе не хватаемъ звѣздъ съ неба; мы трудимся только
изъ за сознанія, что въ общемъ у насъ будетъ капля и нашего
мѣду."

Съ этимъ сознаніемъ прошлаго грѣха, съ этой готовностью
пасть жертвой искупленія, съ этимъ смиреніемъ можно на-
дѣлать чудеса.

Вашу руку будущіе герои, будущіе мученики, будущіе
воины русскаго земства!

П—ръ.

МОСКВА НАМЪ НЕ СОЧУВСТВУЕТЪ.

Еще р. р. с.

Прости Москва, пріютъ родимый!

Тройка.

Не можемъ удержаться, чтобы не выписать слѣдующихъ
строкъ изъ письма, полученнаго нами изъ Москвы и при-
томъ отъ истого москвича: "Москва рѣшительно не за васъ,

Годъ VI.

скорѣе Петербургъ, Тверь... Москва вамъ не сочувствуетъ,
напротивъ. Мы всѣ здѣсь, къ какой-бы партіи ни принад-
лежали, люди историческіе, и радикализма мы переварить
не можемъ. Не думайте, чтобы я говорилъ про одинокій ка-
кой-либо кружокъ. Нѣтъ; я говорю о всѣхъ, исключая, разу-
мѣется, небольшой части молодежи. У насъ уважаютъ
искренность вашихъ убѣжденій, пользу отъ большей части
сообщаемыхъ вами извѣстій, и объ васъ говорятъ не иначе
какъ съ любовью, но на этомъ и останавливается сочувствіе."

Мы догадывались и прежде, что историческое общество,
легко переваривающее соборные доносы университетскихъ
приставовъ науки, начальническія распеканія отцовъ доктри-
неровъ, шляхетную газетщину, которую ставятъ въ казну
по столько-то за аршинъ, о розгѣ архипастырское умиленіе
Филарета.... многого переваривать не можетъ и въ томъ
числѣ—насъ. Но дорого намъ было узнать изъ примаго,
дружескаго источника, что и мы бѣдные, въ нашей дѣлѣ,
не забыты, что и намъ отвели скромное мѣсто на листахъ
проскрипцій англійскаго клуба и византійскаго университета,
—вмѣстѣ съ преступнымъ Михайловымъ, съ злокачественнымъ
великоруссомъ, съ крамольными студентами, непоощажен-
ными—ни православнымъ Диемъ, ни бирюзовскимъ профес-
сорствомъ, ни даже самимъ полицмейстеромъ Свѣчинскимъ.

Прости Москва, пріютъ родимый!

.... Какъ-же она измѣнилась съ тридцатыхъ, сороковыхъ
годовъ... съ тѣхъ временъ когда Бѣлинскій начиналъ свое
литературное поприще, Грановскій открывалъ свой курсъ!
Что былъ тогда ея святой, ея непорочный университетъ,
который тревожилъ подозрительнаго и сумрачнаго тирана
въ Зимнемъ Дворцѣ? Что было тогда московское общество,
съ своими литературными кругами, философскими спорами,
съ своими "фрондѣрами," какъ ихъ называлъ Гакстгаузенъ?

Все, что впоследствии развилось и вышло наружу, все,
около чего теперь группируются мнѣнія и лица,—все зародилось въ эту темную, московскую ночь, за свѣчкой бѣднаго студента, за товарищеской бѣсѣдой на четвертомъ этажѣ, за дружескимъ споромъ юношей да отроковъ. Тамъ изъ неопредѣленной мглы стремленій, изъ горести и упованія отдѣлились мало по малу, какъ два волчьихъ глаза, двѣ свѣтловыя точки, два фонаря локомотива, растущія на всемъ лету, бросая длинные лучи свѣта—одинъ на пройденный путь, другой на путь

предстоящій. Въ Москвѣ была умственная инициатива того времени, въ ней подняты всѣ жизненные вопросы, и въ ней на разрѣшеніе ихъ тратилось сердце и умъ, весь досугъ, все существованіе. Въ Москвѣ развились Бѣлинскій и Хомяковъ. Въ Москвѣ кафедра Грановскаго выросла въ трибуну общественнаго протеста.

Москвѣ не доставало одного—простора, шири; накопившіяся мысли были по волѣ...

... Пришло время—нѣтъ ни Николая, ни Закревскаго; веревку, которой была связана мысль, отпустили на палецъ, и Москвѣ фрондеровъ, Москвѣ университета и Московскихъ вѣдомостей — *нечего сказать*. Москва обойдена Тверью и Харьковомъ, Владиміромъ, Петербургомъ и двадцатью другими. Государь трясеть за шиворотъ закоснѣлое дворянство, призываетъ его à la pudeur—оно ничего... и вмѣсто Бѣлинскаго—Павловъ, въ университетѣ проповѣдь рабскаго повиновенія, въ дворянскомъ собраніи—предложеніе Безобразова.

Трагическая судьба нашего первопрестольнаго города! Для пироккой, свѣтлой стороны жизни у Москвы нѣтъ органа, нѣтъ силы. Она идетъ впередъ, когда Россія идетъ назадъ, и пятится назадъ когда Россія идетъ впередъ. Она является въ исторіи на первомъ планѣ, когда бѣда грозитъ всему народу или уже разразилась; она является какъ врачъ, какъ духовникъ, какъ сестра милосердія, какъ вдова пекущаяся о сиротахъ... Прошла бѣда, и Москва спитъ.

Татары-ли одолѣютъ Русь—вечевую, удѣльную, народную, и всё склонится передъ ихъ *азиатской цивилизаціей*; въ ничтожной Москвѣ закипаетъ мысль освобожденія отъ варварскаго ига, и растетъ и растетъ — до Мамаева побоища, но на другой день послѣ побѣды надъ золотой ордой, Москва становится ордой бѣлокаменной и тѣснить свои русскіе улусы не хуже татаръ.

Польша-ли возьметъ верхъ—Москва опять становится городомъ народнымъ и кличетъ кличъ по всей Руси, и вся Русь всаегъ на ея выручку, льетъ свою лучшую кровь, тратитъ послѣдній алтынь. Но лишь только Русь оправляется, Москва куётъ ее въ цѣпи, куётъ и Украину добровольно отдавшуюся, куётъ до тѣхъ поръ, пока выкуётъ самую чудовищную машину рабства—Петра I.

Она было хотѣла отшарахнуться отъ его цивилизующаго застѣнка, но поздно—сзади стояли драбанты и сержанты, пришлось возвратиться къ до-татарской ничтожности и ждать новой напасти народной, чтобъ поднять голову. Ждала она цѣлый вѣкъ, наконецъ пришелъ Наполеонъ—и она подняла ее; передъ заревомъ Москвы “померкло солнце Аустерлица.”

Едва Москва обстроилась послѣ 1812 года, Россію постигло николаевское царствованіе.

Мертвящая сила царизма, схвативъ за горло молодую развивавшуюся жизнь, замерла въ тридцатилѣтней борьбѣ. Едва приходившая въ себя жизнь слабѣла, становилась блѣднѣе и блѣднѣе—потухала. Отчаяніе въ поэзіи, отчаяніе въ картинахъ, отчаяніе и пустота дома, въ гостинныхъ, Сибирь, Кавказъ, каторжная работа и опущенный шлагбаумъ на границѣ. Обезумѣвшій властелинъ скакалъ изъ угла въ уголъ имперіи, преслѣдуя—какъ квартальный или дядька—отросченныя бороды, растегнутые воротники, пиджакеты и тетрадки стиховъ; казалось онъ все утопталъ, какъ дворъ казармы. Только въ старомъ сердцѣ Москвы теплилась

надежда, теплилась вѣра, и въ аудиторіяхъ, въ частныхъ бесѣдахъ. она шептала молодежи “погодите не-много — онъ не одолѣетъ. опъ не задѣшитъ... вѣрьте и работайте”.

Николай чуетсямъ несправедливъ Москву и гналъ ея университетъ, которому онъ *теперь* такъ охотно далъ-бы андреевскія и георгиевскія ленты-съ баптами—на электрическія и пневматическія машины.

... *Теперь!* мало-ли что теперь!... Кто эти посторонніе, эти враги? Это наши *друзья!* Кто эти не сочувствующие, эти *историческіе* люди? Это наши хористы!

Пушкинъ отгадалъ только въ половику, сказавши: “*Въ Москвѣ не царь, въ ней нѣтъ и земскаго дѣла!*”

И—рѣ.

РУФИНЪ ПІОТРОВСКІЙ.

Въ трехъ послѣднихъ книжкахъ, “Revue des Deux mondes”, г. Клячко помѣстилъ извлеченія изъ записокъ Руфина Піотровскаго. Богатый мартирологъ польскій, приобрѣтъ еще одну превосходную страницу. Что за простота, что за искренность разсказа; нѣтъ ни озлобленія, ни черныхъ красокъ—и оттого-то и ценно картина такъ черна, и озлобленіе кипитъ само собою въ душѣ читателя. Слѣдя за Піотровскимъ, такъ и хочется склониться, непокрытой головой, передъ кроткимъ страдальцемъ.

Содержанія “записокъ”, мы не намѣрены разсказывать. Ихъ надобно цѣликомъ перевести на русскій языкъ; пусть наши дѣти и отроки, учатся—какъ люди жертвуютъ идеѣ, какъ выносятъ страшнѣйшія бѣдствія—и съ какой непреклонной твердостью, съ какимъ присутствіемъ духа, они умѣютъ освобождаться изъ остроговъ, изъ наковаленъ Сибири. Піотровскій съ тѣмъ святымъ, безразсуднымъ героизмомъ, съ которымъ вообще совершаются великіе подвиги, и который неоспоримо принадлежитъ польскому характеру, отправился, въ началѣ 1843 г., эмисаромъ изъ Парижа въ Каменецъ-Подольскій; правительство пало на его слѣды; его схватили 31 Декабря 1843 года и, кой-какъ произведи слѣдствіе, осудили на вѣчную каторжную работу и отправили скованнаго въ Сибирь. Онъ работалъ на екатерининскомъ заводѣ, въ обществѣ клейменыхъ и сѣченыхъ кнутомъ, обыкновенныхъ преступниковъ, бѣжалъ отсюда въ началѣ 1846 и пріѣхалъ 22 Сентября того-же года въ Парижъ, пробравшись *черезъ Архангельскъ и Ригу*.

Мы обращаемъ вниманіе нашихъ читателей на двѣ вещи: Во первыхъ до какой степени у насъ до сихъ поръ не знаютъ подробностей, закулисной исторіи николаевскаго царствованія. Пора выступить наружу всѣмъ рубцамъ этого кнута, этого холоднаго палача. Вотъ эпизодъ изъ Сибирской жизни, разсказанный Піотровскимъ.

Говоря объ опасностяхъ побѣга изъ рудниковъ и заводовъ, о страшныхъ наказаніяхъ, которымъ подвергаются въ этомъ случаѣ политическіе преступники наравнѣ съ обыкновенными, Піотровскій замѣчаетъ, что именно вслѣдствіе этого у поляковъ не разъ являлась мысль силою пробраться въ Персію, въ Китай, въ степи, поднять самихъ сибиряковъ: “Петръ Высоцкій, тотъ самый, который далъ сигналъ нашей революціи (1831) и впоследствии былъ взятъ русскими на полѣ сраженія и высланъ въ Перчинскъ, положилъ основу такому заговору, за что и былъ отправленъ въ Акатувскую крѣпость”.

“Въ томъ-же родѣ былъ заговоръ Сіероцинскаго. Я

приѣхалъ”, продолжаетъ Пютровскій, “въ Екатеринбургѣ заводъ нѣсколько лѣтъ послѣ этой кровавой трагедіи, и былъ вблизи Омска, гдѣ она случилась, я видѣлъ свидѣтелей, участниковъ, и отъ нихъ слышалъ слѣдующія подробности, за достовѣрность которыхъ я ручаюсь.

“До революціи, Сіероцинскій былъ настоятелемъ базилянскаго монастыря въ Овручѣ, въ Волынѣ, и завѣдывалъ школами. Онъ бралъ дѣятельное участіе въ нашемъ движеніи 1831 года и попался наконецъ въ руки русскихъ. Николай пославъ его рядовымъ въ казачій полкъ, стоящій въ Сибири. Въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ онъ преслѣдовалъ Киргизовъ въ степяхъ, вѣрхомъ въ казачьей одеждѣ, съ саблей и пикой. Занявшись какъ-то учитель въ военной школѣ въ Омскѣ; вспомнилъ о прежнемъ настоятелѣ монастыря, которая способности. И особенно знаніе французскаго и нѣмецкаго языка были извѣстны, и его возвращали изъ киргизскихъ степей. Эксъ-пугменъ и эксъ-казакъ сдѣлался профессоромъ при военной школѣ въ Омскѣ, оставаясь впрочемъ рядовымъ своего полка. На своемъ новомъ мѣстѣ, Сіероцинскій вскорѣ расположилъ всѣхъ къ себѣ и завелъ обширныя связи. Физически слабый и первный, но съ необыкновенно предприимчивымъ и смѣлымъ умомъ, онъ вздумалъ устроить по всей Сибири огромный заговоръ, въ который вступали ссыльные, гарнизонные солдаты, много офицеровъ, еще помѣнявшихъ Пестеля, и наконецъ разные туземцы, русскіе и даже татары. Каждый знающій Сибирь согласится, что въ ней собраны всѣ необходимыя начала революціи. Въ Сибири всѣ недовольны, въ разныхъ степеняхъ и отъ разныхъ причинъ, даже часто противоположныхъ; одни гарнизоны обхватываютъ эти обширныя страны своимъ желѣзнымъ кольцомъ. Сіероцинскій именно между гарнизонными солдатами и нашелъ наибольшее сообщниковъ; его планъ состоялъ въ томъ, чтобы завладѣть крѣпостями и главными мѣстами съ помощью согласныхъ съ нимъ военныхъ и освобожденныхъ ссыльных (большую часть изъ бывшихъ солдатъ) и ждать что-будетъ. Въ случаѣ неудачи они должны были отступить съ оружіемъ, въ киргизскія степи, въ таукевскій ханатъ, гдѣ много католиковъ, или въ Бухару, чтобы достигнуть оттуда англійскихъ владѣній въ восточной Индіи. Зерно заговора было въ Омскѣ, гдѣ заговорщики располагали артиллеріей, и уже были готовы для общаго возстанія; но наканунѣ назначеннаго дня, трое изъ заговорщиковъ довели обо всемъ полковнику Деграву. Сіероцинскаго и его товарищей схватили въ ту же ночь, за отсутствовавшими послали курьеровъ. Началось длинное слѣдствіе, двѣ коммиссіи, назначенныя одна послѣ другой, разошлись ничего не сдѣлавши, такъ дѣло было запутано и темно. Третья коммиссія, составленная изъ членовъ нарочно присланныхъ изъ Петербурга, окончила слѣдствіе. Высочайшій приказъ приговаривалъ Сіероцинскаго и пять главныхъ союзниковъ его, въ числѣ которыхъ былъ старикъ лѣтъ за 60, офицеръ Наполеона—Горскій, и русскій—Мелединъ, каждого къ семи тысячамъ ударовъ штицпугами. На приговорѣ было всѣми буквами написано: *“семь тысячъ ударовъ безъ пощады.”* Остальные въ числѣ тысячи, были приговорены къ 3,000, 2,000, 1,500 ударамъ, и къ вѣчной или временной каторжной работѣ, въ арестантскія роты, къ заключенію и т. д.

“Пришелъ день казни. Дѣло было въ 1837 въ Мартѣ, въ Омскѣ. Генералъ Голофѣевъ, извѣстный своею свирѣпостью,

и присланный вслѣдствіе этого изъ столицы, завѣдывалъ мрачной процессіей. Утромъ два баталіона стали на большой площади недалеко отъ города, одинъ для шести главныхъ виновниковъ, другой для остальныхъ, приговоренныхъ на меньшее число ударовъ. Сіероцинскаго и его пять товарищей привели на площадь, имъ прочли приговоръ и началось страшное наказаніе. Ни одинъ изъ нихъ не выдержалъ назначенное количество ударовъ; ихъ наказывали одного послѣ другого, и они всѣ падали, пройдя два или три раза сквозь строй, и умирали на снѣгу, обогрѣнномъ ихъ кровью. Сіероцинскаго нарочно казнили послѣдняго, чтобы онъ видѣлъ до конца казни своихъ друзей. Когда пришелъ его чередъ, когда ему раскрыли синю и привязали руки къ штыку, баталіонный докторъ предложилъ ему какъ и другимъ, стеклянку съ укрѣпляющими каплями; но онъ отказался и сказалъ: “Пейте мою кровь, я не хочу вашихъ капель!” Дали сигналъ, бывший настоятель запѣлъ громкимъ и яснымъ голосомъ: *Miserere mei, Deus, secundum magnam misericordiam tuam!* генералъ Голофѣевъ закричалъ солдатамъ *“покрѣпче, покрѣпче!”*... Въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ слышался голосъ базилянца, перебиваемый свистомъ розогъ, и крикомъ генерала *“покрѣпче”*... Сіероцинскій только разъ прошелъ сквозь строй, т. е. получилъ 1,000 ударовъ; онъ упалъ на снѣгъ безъ чувствъ и въ крови. Напрасно старались поставить его на ноги; тогда его привязали къ санямъ, приотвореннымъ заранее, такъ чтобы спина подставлялась подъ удары и такимъ образомъ повезли сквозь строй. Въ началѣ второй тысячи еще слышались его стоны, они слабѣли, но онъ умеръ только послѣ четвертой тысячи; остальные 3,000 пали на трупъ. Всѣхъ русскихъ и поляковъ, умершихъ на мѣстѣ и черезъ нѣсколько дней отъ послѣдствій наказанія, положили въ общую яму. Роднымъ и друзьямъ позволили поставить надъ этой страшной могилой крестъ, и еще въ 1846 году издали видѣлся черной крестъ, распростиранный руки свои надъ снѣжной поляной”.

Нѣтъ, дальше на этотъ разъ писать нельзя. Мы остановимся передъ этимъ крестомъ на снѣгу, передъ этимъ крестомъ на крови; мысль тускнѣетъ, голова кружится и горитъ. Пусть поляки оцѣнятъ не ту ненависть, которую *въ нихъ* возбуждаетъ рассказъ этихъ звѣриныхъ ужасовъ, но ту—смѣшанную съ позоромъ, стыдомъ и чувствомъ кроваваго родства, которую мы ощущаемъ. Пусть они поймутъ что значитъ, также невольнo и также безсильно стоять, не съ святымъ базилянцемъ подъ ударами цѣлаго баталіона палачей, а съ той стороны, на которой гнусный Голофѣевъ и его гнусный атаманъ..... Пусть они поймутъ, что какъ ни страшно видѣть родную мать, которую колотить, ни за что ни прочто, пьяный вотчимъ—все же это легче, чѣмъ ее видѣть въ забытыя разврата, униженную до злодѣйства, до циническаго безстыдства и чувствовать не только презрѣніе, не только кровную связь, не только жалость—но и то, что *она все не такъва*, что она еще опомнится, и не имѣть права сказать слово передъ вопіющимъ фактомъ.

Если поляки это поймутъ, тогда поймутъ они откуда столько горечи, ироніи, отрицанья въ нашей душѣ—и молча пожмутъ нашу руку!

И—ръ.

(Продолженіе въ слѣд. листѣ).

ФИЛАРЕТЪ И РОЗГЦ.

(письмо къ Иакобу).*

Помѣщенный въ послѣднемъ Но. Колокола (22 Апрѣля) разсужденія преосвященнаго митрополита Филарета о тѣлесныхъ наказаніяхъ, привели меня къ слѣдующимъ соображеніямъ.

Пр. митрополитъ начинаетъ поставленіемъ слѣдующей аксіомы:

“Христосъ Спаситель созидалъ церковь, а не государство. Въ слѣдствіе сего государство не всегда можетъ слѣдовать высокимъ правиламъ христіанства и имѣть свои правила, не становясь чрезъ то недостойнымъ христіанства.

“И такъ вопросъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ въ государствѣ стоитъ въ сторонѣ отъ христіанства. Если государство можетъ отказаться отъ сего рода наказаній, христіанство одобритъ его кротость. Въ противномъ случаѣ христіанство не осудитъ строгости тѣлесныхъ наказаній, только-бы наказаніе было справедливо и не чрезмѣрно.”

Признаюсь, такой взглядъ на христіанство кажется мнѣ не вполне правильнымъ. Ставить христіанство или церковь въ какое-то отдѣльное положеніе, въ положеніе какъ-бы нейтральное въ отношеніи къ государству, ни мало по моему мнѣнію, не соответствуетъ самой сущности христіанства. Самъ пр. иерархъ сказавъ, что Христосъ Спаситель созидалъ церковь, а не государство, прибавляетъ: “Силою внутренняго благодатнаго закона, онъ благоустроитъ внутреннюю и *внѣшнюю* жизнь человѣковъ.” По симъ словамъ каждый человѣкъ, будучи вмѣстѣ и членомъ церкви и членомъ государства, равно подлежитъ дѣйствию закона христіанскаго; вліяніе духа и ученія христіанскаго равно разпространяется на человѣка, какъ члена церкви и какъ члена государства, и слѣдовательно какъ на церковь такъ и на государство. Жизнь *внѣшняя* значитъ здѣсь не что иное какъ жизнь гражданская.

Мы признаемъ, что ученіе Христово обращалось и обращается къ людямъ вообще, ко всѣмъ людямъ, ко всему роду человѣческому. Оно призывало людей къ новой жизни, къ новому свѣту; оно улучшаетъ человѣка, совершенствуетъ и дѣлаетъ болѣе достойнымъ его предназначенія, соответствующаго безсмертной его душѣ. Всякое человѣческое общество, и государство и церковь, равно подвергаются его благотворному вліянію. Если совершенство христіанское, идеалъ христіанскій остается недостижимымъ для слабости человѣческой, то таковое безсиліе равно свойственно всѣмъ людямъ, всѣмъ человѣческимъ обществамъ, государству и церкви. Достоинство и святость христіанской жизни состоитъ и можетъ состоять только въ сердечномъ стремленіи приблизиться сколь возможно ближе къ идеалу сверхъ естественному и неподражаемому.

“Христосъ Спаситель созидалъ церковь!” Ограничивать такимъ созиданіемъ церкви явленіе Іисуса между людьми, кажется намъ какою-то особеннаго рода ересью; ересью, если не по буквѣ теологическихъ теорій, то по смыслу и духу христіанства. Христосъ поучалъ людей любить Бога и ближняго и добро творить ненавидящимъ насъ. Ученіе его возносилъ, такъ сказать, человѣка, отъ земли къ небу, сему настоящему отечеству для безсмертной души человѣческой, и если Христосъ созидалъ церковь, то это церковь небесную, “горній

Іерусалимъ.” Церкви образовывались сами собою въ слѣдствіе проповѣди ученія Христова въ различныхъ мѣстахъ Его апостолами. Самое слово “церковь” значитъ не что иное какъ сообщество вѣрующихъ во имя Христа; и такъ какъ “*въ дому Отца обители мнози суть,*” то устройство различныхъ христіанскихъ церквей развилось не одинаковымъ образомъ. По слабости человѣческой люди конечно иногда искажаютъ все что есть самаго священнаго въ мірѣ. Такимъ образомъ и изъ церкви люди стремились иногда, и къ сожалѣнію съ успѣхомъ, сдѣлать какую-то іерархію, отдѣльную отъ общества вѣрующихъ христіанъ, облекли первую какою-то сверхъ-естественною и вовсе не христіанскою властію надъ послѣдними, кои оставались просто стадомъ, пасомымъ непогрѣшимымъ пастыремъ во имя “*единого безгрішнаго.*” Но для православнаго митрополита путь къ такому понятію о церкви будетъ всегда и скользокъ и опасенъ.

Впрочемъ, предполагая даже, что церковь олицетворяется наипаче въ той духовной іерархіи, въ духовенствѣ, которое обыкновенно стоитъ во главѣ управленія церковію, мы и въ такомъ случаѣ не можемъ признать, чтобы церковь могла оставаться нейтральною, какъ бы равнодушною къ участи членовъ гражданского общества. Это было-бы совершенно не согласно съ евангельскимъ ученіемъ. “*Пастырь добрый душу свою полагаетъ за овцы.*” Это наставленіе Христа возлагаетъ на духовныхъ путеводителей людей нѣчто болѣе того хладнокровнаго одобренія или не одобренія, о которомъ говорить пр. Филаретъ. И ни какая слава не можетъ быть чинше и святѣе, какъ слава тѣхъ святителей, кои стяжали мученичeskій вѣнецъ, защищая отъ дикой свѣтской власти бѣдный, угнетаемый ею народъ. Они положили душу свою за овцы.

Указавъ на всемірность, на всеобъемлемость ученія Христова, мы никакъ не можемъ согласиться въ томъ, чтобы какое-либо человѣческое общество, государство, “не всегда могло слѣдовать высокимъ правиламъ христіанства.” Повторимъ, что никто изъ смертныхъ не можетъ исполнить достигнутаго идеала, Іисусомъ Христомъ осуществленнаго. Но и люди, и государства, и церкви равно должны по возможности, стремиться къ приближенію до сего идеала. И государство, и церковь состоятъ изъ людей, и заповѣданное Христомъ всѣмъ людямъ равно обязательно и для государствъ и для церквей. Снять съ государства какую-бы то ни было обязанность, лежащую на церкви или на вѣрующихъ, значило-бы лишить государство его духовнаго достоинства, его христіанскаго характера, что даже просто немыслимо, ибо государство состоитъ не изъ чего иного, какъ изъ соединенія людей.

Если подъ словомъ “государство” слѣдуетъ разумѣть “власть предержащая,” т. е. тѣ власти, коимъ общее тво гражданское поручаетъ общее управленіе; то въ такомъ случаѣ неправильность ограниченія или уменьшенія христіанскихъ обязанностей для лицъ предпоставленныхъ во главѣ народовъ для управленія ими, дѣлается еще чувствительнѣе; ибо подобная аксіома освобождаетъ ихъ именно отъ такихъ обязанностей христіанскихъ, въ коихъ “сильные міра сего” наиболѣе нуждаются: такъ какъ чѣмъ болѣе христіанскаго чувства въ вѣдущихъ, тѣмъ легче и лучше будетъ участь управляемыхъ.

Преосвященный Филаретъ не довольствуется, такъ сказать, “омыть руки” церкви отъ наказаній тѣлесныхъ. Онъ идетъ

* Мы получили это письмо отъ одного изъ почтеннѣйшихъ ветерановъ освобожденія крестьянъ.

даже, и если не прямо зашишааетъ, то извиняетъ сія постыдныя наказанія, и для сего ссылается на библейскіе тексты. Извѣстно до какой степени доходитъ употребленіе во зло библейскихъ текстовъ. Духовенство въ южныхъ штатахъ Америки неоднократно, въ синодальныхъ совѣщаніяхъ, рѣшало и постановляло, ссылаясь на библію, что рабство негровъ не только одобряется, но предписывается закономъ Божиимъ. Иные доходили даже до того, что провозглашали богопреступниками тѣхъ, кои осуждали рабство. Въ библіи встрѣчаются тексты, кои могутъ дать поводъ къ соблазну или къ недоумѣнію. Благочестивый читатель, изучая библію для назиданія, а не для критики, паходя такой текстъ, спокойно перевертываетъ страницу и идетъ далѣе, оставляя непонятное непонятнымъ и продолжая питать душу тѣми высокими поученіями, коими библія прелепнена. Къ таковымъ по крайпей мѣрѣ незначительнымъ текстамъ можно отпестъ и текстъ приводимый пр. митрополитомъ : *“четыредесятъ ранъ наложатъ ему,”* и сіе тѣмъ болѣе, что предъ симъ самъ преосвященный приводитъ слова Спасителя, коими Онъ отстраняетъ законъ вѣтнаго завѣта : *“око за око”* и *“зубъ за зубъ.”* *“Четыредесятъ ранъ”* конечно могутъ раздѣлить участь *“ока”* и *“зуба,”* т. е. быть отвергнуты въ силу ученія Христова. При сей послѣдней ссылкѣ, пр. Филаретъ замѣчаетъ : *“и вотъ опять правило, которому не можетъ слѣдовать законодательство государственное. Спаситель не кодексъ уголовный исправляетъ.”*

Но церковь, какая бы то ни была, развѣ она можетъ слѣдовать сему правилу? Развѣ она слѣдовало ему когда и гдѣ либо? Нѣтъ! Совершенство христіанское невозможно для людей, невозможно и для государства и для церкви. Долгъ христіанина, долгъ христіанскаго государства и церкви состоятъ въ стремленіи приблизиться къ сему идеалу, питать душу наитіемъ духа евангельскаго : живя, управляя, проповѣдуя, по возможности, сообразно ученію Христову, и частный человѣкъ, и гражданское правительство, и церковь останутся вѣрными призванію своему на семъ свѣтѣ и заслужатъ милость предъ праведнымъ и милосерднымъ судіею живыхъ и мертвыхъ. Чтожъ касается до словъ, что *“Спаситель не кодексъ уголовный исправляетъ;”* то эти слова конечно невѣрно выразили мысль пр. митрополита. Спаситель не только безпрестанно исправляетъ кодексы уголовные, но многое и весьма многое уже и исправилъ. Пусть сравнятъ законодательство народовъ христіанскихъ съ законодательствомъ иныхъ народовъ; и чѣмъ болѣе люди, т. е. государства и церкви будутъ проникнуты истиннымъ духомъ Христа, тѣмъ милосердѣе, безкровнѣе, совершеннѣе будутъ ихъ кодексы. Что, болѣе христіанства, способствовало къ улучшенію участи рода человѣческаго?

Входя въ подробности пр. митрополитъ болѣе и болѣе дѣлается просто защитникомъ тѣлесныхъ наказаній.

“Можно - ли признать, спрашиваетъ-онъ правильнымъ такое сужденіе, что виновный изъ подъ розогъ идетъ съ безчестіемъ, а изъ тюрьмы съ честію?”

Преосвященный конечно согласится, что изъ наказаній однѣ касаются человѣка наиболѣе нравственно, обращаются къ нему какъ къ существу разумному и состоятъ въ лишеніи свободы и т. п. Другія дѣйствуютъ физически, причиняя физическую боль. Изъ сихъ двухъ родовъ предпочитать вторыя наказанія, значитъ низводить человѣка на степень животныхъ. Здѣсь мы замѣтимъ, что по свидѣтельству опыта

даже и въ отношеніи къ животнымъ, люди благоразумные и терпѣливые часто болѣе успѣваютъ мѣрами кротости, нежели нанося животнымъ физическую боль; одно это обстоятельство, что тѣлесныя наказанія уподобляютъ человѣка безсловеснымъ животнымъ, достаточно знаменуетъ унижительный характеръ таковыхъ наказаній. Гражданскій законодатель, будучи въ необходимости изрѣкать наказанія, обизанъ, по долгу христіанства избирать такія наказанія, кои достаточны для возстановленія общественнаго порядка, преступленіемъ нарушеннаго. Если тюремное наказаніе отвѣчаетъ сей цѣли, то противно и здравому смыслу и закону христіанскому прибѣгать къ униженію человѣка нанесеніемъ ему физической боли посредствомъ наказаній тѣлесныхъ.

“Иногда, продолжаетъ пр. митрополитъ, преступники чувствуютъ внутреннее облегченіе, понеся унижительное наказаніе и симъ удовлетвореніемъ правосудію укрѣпляются въ надеждѣ небснаго прощенія. Прже, когда тѣлесныя наказанія были суровѣе, прѣзжающіе въ Сибирь, со страхомъ встрѣчались съ людьми имѣющими клеймо на лбу и немѣющими ноздрей; но тамошніе увѣряли, что это люди честные и достойные полного довѣрія. Видно тѣлесное наказаніе не препятствовало имъ изъ бездны преступленія возвыситься до совершенной честности. Неизвѣстно, такъ - ли теперь : можетъ быть не бывшіе подъ наказаніемъ, не такой, какъ прежде, примѣръ подають наказаннымъ.”

Здѣсь мы опять должны подозрѣвать, что или выраженіе измѣнило мысли архипастыря или въ текстѣ просто опечатка. Иначе позволительно было бы предполагать, что онъ признаетъ самыя варварскія наказанія наиболѣе успѣшнымъ средствомъ къ исправленію. Превращеніе замѣненныхъ преступниковъ въ людей честныхъ, совершенно независимо отъ употребленія безчеловѣчныхъ средствъ наказанія. Тоже что здѣсь сказано о ссыльныхъ въ Сибирь постоянно было замѣчаемо въ англійскихъ колоніяхъ, куда ссылались преступники безъ всякихъ тѣлесныхъ наказаній. Многіе изъ сихъ несчастныхъ совершенно перерождались въ печальной и горькой ссылкѣ. Самая строгая честность ихъ отличала и одинъ изъ губернаторовъ Вотапу Вау находя, что многіе ремесленники, торговцы, купцы и даже банкиры въ главномъ городѣ колоніи были ссыльные, пережившіе срокъ ссылки, и притомъ пользовались неукоризненною репутаціею, вздумалъ ввести ихъ въ обыкновенное общество и для сего началъ приглашать отличнѣйшихъ изъ нихъ на свои вечера вмѣстѣ съ прочими жителями колоніи.

(Окончаніе въ слѣдующемъ листѣ).

КАПИТАНЪ АНДРЕЕВЪ И МАТРОСЫ.

Мы получили письмо, свидѣтельствующее, что капитанъ Андреевъ не былъ виновенъ въ смерти двухъ матросовъ, упавшихъ, одинъ съ бранъ рей, а другой съ блока марскошота. (Колок. листъ 109). Быть можетъ это и такъ, и мы поздравляемъ г. Андреева съ тѣмъ, что двумя угрызеніями у него па совѣсти меньше.

Положимъ, что не самъ Андреевъ, а лейтенантъ Цовалишинъ (не раздѣляющій мнѣнія Константина Николаевича на счетъ тѣлесныхъ наказаній) былъ причиною смерти одного матроса*. Ну а кто велѣлъ вбить трехдюймовой

* Цовалишинъ приказалъ тянуть марса-шкотъ, не взирая на то, что на шкотѣ блокъ стоялъ матросъ. Марса-шкотъ лопнулъ и матросъ упалъ отъ сотрясенія блока.

въ ротъ марсоваго Жукова, за разговоръ на марсѣ—кляпъ, съ которымъ *онъ ходилъ два дня*, или кто ставилъ на *три дня и на три ночи* сигнальщика, за то что онъ не началъ бить зорю не слыхавъ команды?

Кстати въ прошломъ Ноябрь мы получили письмо, въ которомъ разсказывается очень милая исторія *навальнаго* ученя.

“Сегодняшнее число 31 Октября [12 Ноября] 1861, такъ замѣчательно, что его надо запомнить. Въ 9 часовъ началось ученье, продолжавшееся до полдня; промежутки между дѣйствіями были такъ малы, что команда утомилась страшно. Можно судить о степени усталости людей по слѣдующимъ образцамъ. Бѣдные, покрытые потомъ, съ посинѣвшими губами, они просили какъ величайшей милости позволенія остаться на марсѣ послѣ команды—“съ марсовъ долой”. Надо было потерять всякое чувство жалости, всякое чувство состраданія къ этимъ несчастнымъ, чтобы отвергнуть ихъ просьбу. Можно было надѣяться, что капитанъ вознаградитъ сколько-нибудь, эти ученья продолжительнымъ отдыхомъ и спускомъ на берегъ. Ни чуть не бывало. Послѣ обѣда въ 3 часа, новое парусное ученье, еще болѣе изнурительное, нежели утреннее. Не смотря на общее, всѣмъ извѣстное правило, которое строго соблюдается во всѣхъ флотахъ, прекращать работы къ спуску флага, капитанъ не прекращалъ ихъ; наконецъ въ половинѣ 6 общее ученье кончилось, но недовольный неудачною переменною гротъ-марсея и медленнымъ, по его мнѣнію, подниманіемъ марса-фаловъ, онъ приказалъ шкамачнымъ и гротъ-марсовымъ, во время ужина остальной команды, безостановочно поднимать и травить гротъ марса-фаль. Мнѣ кажется, что всякому будетъ понятно, что если фалы не поднимались бѣгомъ, то это произошло отъ современнаго изнуренія, оттого, что руки и ноги отказывались служить. Андреевъ одинъ не понялъ этого; увидя двухъ матросовъ, которые не поднимали изо всей силы (была ли она у нихъ въ это время—сомнительно) онъ приказалъ дать имъ по 100 ливковъ. Не довольствуясь этимъ и пользуясь темнотою, всталъ между работающими и замѣтя еще одного по его словамъ работающего худо, билъ его по щекамъ и закричалъ: “давайте ливковъ, боцмановъ сюда”, и бѣгая взадъ и впередъ по правому шкафуту, приказалъ наказывать. Ударовъ было дано болѣе ста. Въ исходѣ седьмаго часа, онъ приказалъ кончить ученье. Цельзя при этомъ не упомянуть съ искреннею благодарностью поступка гротъ-марсоваго начальника Рыкачева. Онъ по окончаніи работъ пошелъ къ нему и высказалъ, что считаетъ своею обязанностью довести до свѣденія капитана о страшномъ изнуреніи людей и не только о безполезности, но даже вредѣ подобныхъ учений, что слѣдствіемъ ихъ бываетъ только то, что команда устаетъ, ничего не приобретаая въ знаніи и ловкости. На это капитанъ отвѣчалъ, что это-то и есть цѣль его учений, чтобы довести людей до усталости. Рыкачевъ возразилъ, что не думаетъ чтобы капитанъ усталостью хотѣлъ довести до вреда здоровья команды. “Нѣтъ-съ, пменно я хочу, чтобы заболѣвала команда, тогда по крайней мѣрѣ увидятъ неспособность этой отвратительной команды и вернуть фрегатъ въ Россію.”

Чтоже остается дѣлать офицерамъ? Неужели только впутрепно возмущаться, мучиться, а наружно быть участниками такого безнравственнаго управленія. Что можетъ сдѣлать,

каждый отдѣльно, чтобы препятствовать этимъ поступкамъ? На дружный отпоръ всего общества офицеровъ, надѣяться нечего, онъ невозможенъ, онъ слишкомъ опасенъ для многихъ, чтобы быть возможнымъ. Доводить до свѣденія правительства, офицеры не имѣютъ права, да и бесполезно—имъ не повѣрять. Чтоже остается дѣлать тѣмъ, которымъ назначено какъ бы въ награду двухъ или трехъ годовое плаваніе съ командиромъ употребляющимъ свою власть для мученія своихъ подчиненныхъ, а свой умъ и знаніе для замаскированія своего поведенія предъ начальствомъ, которое ему вѣрить? По моему, самое благоразумное—не вступая въ безполезную борьбу проситься списаться и уѣхать въ Россію, освобождая себя отъ постоянного принужденія и невольнаго участія въ капитанскихъ притѣсненіяхъ.”

Пирей.

ЕЩЕ ЛАШКАРЕВЪ ПЕРМСКІЙ.

Давно шла переписка съ министромъ путей сообщенія о настоятельной необходимости исправленія пермской городской больницы, но какъ извѣстно, что эти вещи не скоро приходятъ къ вождѣльному концу, то дѣло и валялось въ Питерѣ. Мѣстное начальство стало однакоже побаиваться грозящей катастрофы и усилило свои “представленія” по этому случаю, а между тѣмъ губернаторъ Лашкаревъ пробовалъ убѣдить подрядчиковъ—сдѣлать необходимыя исправленія частнымъ образомъ до утвержденія смѣты; но такъ какъ онъ вышелъ вовсе изъ вѣры у подрядчиковъ, то никто и не изъявилъ желанія впутываться въ такое дѣло. Тогда онъ призвалъ непремѣннаго члена приказа Нелюбохтина и, наговоривши ему кучу любезностей, убѣдилъ завѣяться исправленіемъ больницы экономическимъ образомъ, *увѣривши, что смѣта будетъ скоро утверждена, и что до той поры онъ можетъ затратить изъятую сумму изъ капитала приказа* и давалъ ему копейно честное слово, что въ отвѣтъ его не введетъ. Нелюбохтинъ повѣрилъ на слово, и дѣйствительно, въ самое непродолжительное время поправки были произведены самымъ блистательнымъ образомъ. Нелюбохтинъ былъ доволенъ. Пропѣтъ былъ самимъ преосвященнымъ Неофитомъ торжественный съ водосвятіемъ молебенъ, губернаторъ сказалъ два спича, въ которыхъ усердіе Нелюбохтина превознесено до небесъ, съѣденъ на мѣстѣ приличный случаю завтракъ, вспырынутый шампанскимъ. Интересующихся дальнейшими подробностями торжества, совершившагося въ присутствіи начальства и “самыхъ благородныхъ особъ города”, мы отсылаемъ къ медоточивымъ пермскимъ вѣдомостямъ, въ которыхъ помѣщенъ былъ приличный случаю дифирамбъ редактора.

На другой день Нелюбохтинъ является къ начальнику. Лашкаревъ снова цалуетъ, обнимаетъ его и говоритъ ему любезности.

—“В. п-ство,” приступаетъ наконецъ ослѣпленный статскій совѣтникъ—“не благоугодно-ли будетъ взглянуть счетъ издержекъ?”

Его п-ство просматриваетъ счетъ на 1,800 р. и остается доволенъ такою умѣренною цифрою.

“Вы просто феноменъ, Александръ Васильевичъ, говоритъ онъ статскому совѣтнику, удивительно то, что въ такое короткое время и такъ отлично сдѣланы поправки, но еще непостижимѣе—гдѣ вы нашли для нихъ деньги”.

Статскаго совѣтника передернуло.—“В. п-ство, говоритъ

онъ взволнованнымъ голосомъ, вашему и-ству извѣстно откуда взяты деньги. По личному приказанію в. п-сѣва они затрачены не официальнымъ образомъ изъ суммъ приказа, в. п-ство”.

Тутъ картина измѣняется. Начальникъ вскакиваетъ съ мѣста.—‘Какъ — кричить онъ — изъ суммъ приказа? По какому праву? Когда я приказывалъ?’ и пошелъ и пошелъ.

Маленькій статскій совѣтникъ совсѣмъ растерялся — и безъ памяти ушелъ отъ начальника, который провожалъ его крикомъ: ‘чтобы завтра-же деньги были на лицо, я произведу ревизію и если не будетъ, то я тебя вора, мошенника, грабителя — упрячу туда куда Макаръ телѣтъ не гонялъ, ты у меня сгниешь въ тюрьмѣ’.

Нелюбохтинъ обѣгалъ весь городъ, искавши занять деньги, и не нашелъ. Страшная перспектива представилась бѣдняку: лишеніе чина, до котораго дослужился онъ столькими годами, и ссылка въ Сибирь. Пробовалъ онъ всѣми мѣрами умиловить Лашкарева, но безуспѣшно. Тогда видя безвыходность своего положенія, онъ рѣшился предупредить позоръ на старости лѣтъ. Жена его по утру отправилась на базаръ, а онъ въ это время принялъ мышьяку, пославши предварительно письмо къ архіерею Неофиту, въ которомъ объяснилъ подробно причины побудившія его къ самоубійству. Жена, возвратившись съ базара, нашла его уже мертвымъ.

При отпѣваніи его въ церкви александровской больницы, священникъ Іоаннъ Яковкинъ произнесъ надгробное слово. Приводимъ изъ него замѣчательное мѣсто: ‘Человѣкъ лежащій передъ нами, говорилъ Яковкинъ, въ простотѣ души положился на слово сильнаго, потрудился на пользу общую, исполнилъ добросовѣстно свое дѣло — и въ награду за это погибъ неповинно. Ужели погубившій его не содрогается при взглядѣ на этотъ трупъ и думаетъ избѣгнуть страшнаго мщенія справедливаго судьи, иже придетъ судить во словѣ живыхъ и мертвыхъ? Нѣтъ, онъ сотворитъ судъ праведный и рано или поздно не избѣжитъ убійца достойнаго возмездія’.

Лашкаревъ былъ въ церкви и при этихъ словахъ, говорятъ, поблѣднѣлъ какъ полотно.

Вскорѣ было засѣданіе пермскаго комитета, въ которомъ предсѣдателемъ Неофитъ; онъ привезъ письмо, полученное отъ Нелюбохтина и въ присутствіи всѣхъ паличныхъ членовъ, передалъ его Лашкареву, просилъ прочесть его вслухъ. Лашкаревъ началъ его читать, но дочитавшись до *неудобнаго* мѣста остановился, объяснилъ что далѣе идти уже вздоръ и положилъ письмо въ карманъ. Неофитъ настаивалъ, чтобы письмо было дочитано и внесено въ протоколъ, но Лашкаревъ воспротивился этому, не возвратилъ письма и никто изъ присутствующихъ не имѣлъ достаточной твердости противустоять Лашкареву.

Г. Вахуевъ, ей богу стыдно держать такихъ губернаторовъ! велите по крайней мѣрѣ письмо-то потребовать, не за одно же вы съ убійцей.

СМѢСЬ.

— *Отрывокъ изъ письма Филарета къ государю.* — (Смол. Кол. л. 133). ‘Въ ‘Свѣточѣ’ (1861, кн. IX), въ статьѣ подъ заглавіемъ ‘Петръ Великій, какъ Юмористъ,’ говорится о ‘всепьянствѣннѣйшемъ соборѣ,’ о ‘сумазброднѣйшемъ соборѣ.’ Бутурлинъ является ‘петербургскимъ владыкою,’ а Петръ Великій ‘протодіакономъ.’ Описывается избраніе и поставленіе князя папы, и кощунственно предаются осмѣянію и

поруганію не только избраніе и посвященіе папы, но такъ же и православныя церковныя дѣйствія, и избраніе и посвященіе православныхъ архіереевъ, какъ-то:

“Въ процессіи идутъ диаконы, попы, монахи, архимандриты, Бахусъ, несомый мошами великой обители, ковшъ, несомый отъ плѣшивыхъ.

“‘Что убо брате пришелъ есп, и чesого просиши отъ нашея немѣрности?

“‘Пьянство Бахусово да будетъ съ тобою.

“‘Како содержиши законъ Бахусовъ?

“‘Бахусовымъ (питіемъ) чрево свое, яко бочку наполняю. И тако всегда творю. И учити врученныя мнѣ общаюсь. Инако же мудрствующія отвергаю.

“Налагаютъ руки архиереи.

“Руюполагаю азъ пьяный сего неирезваю.

“Налагаютъ шапку съ возгласомъ: вѣнецъ иглы Бахусовой налагаю на главу твою.

“Послѣ сего поетъ: аксіось.

“Во всемъ этомъ явно пародируется чинъ православной архіерейской присяги и посвященія, и выраженія изъ него взяты и изуродованы.

“Такъ литература вдругъ оскорбляетъ и религію, и нравственность, и *царскій родъ*.

“То, что сіе основано на современныхъ письменныхъ документахъ, не служитъ къ оправданію. Нечистоты существуютъ: но ихъ выносить на улику и показывать народу можетъ рѣшиться только нездравомыслищій, или потерявшій чувство приличія.”

— *Неистовства Синода.* — ‘Памъ пишутъ изъ Казани, что въ слѣдствіе панихиды, отслуженной студентами Казанской Духовной Академіи по тѣмъ крестьянамъ, которые подлымъ образомъ подстрѣлены были въ селѣ Безднѣ, полученъ изъ синода слѣдующій, свирѣный указъ: Двухъ студентовъ уволить въ епархіальное вѣдомство; трехъ въ свѣтское званіе (эти пять несчастныхъ обречены на голодъ и нищету, потому что съ дурными аттестатами, которые имъ будутъ выданы, они не получаютъ никакого мѣста); прочихъ студентовъ не-удостоивать степени перваго разряда (это значить нанести имъ вредъ на всю ихъ жизнь); священника и іеродіакона, служившихъ панихиду, сослать — священника въ Соловецкій монастырь на покаяніе и подъ неисходный надзоръ; іеродіакона въ Преображенскій монастырь, въ Иркутской губерніи, за озеромъ Байкаломъ, также на покаяніе и подъ неисходный надзоръ!!!’

(Изъ Истиннаго.)

— *Равенство передъ закономъ.* — ‘Штабсъ-капитанъ гренадерскаго е. и. в. великаго князя Константина Николаевича полка, князь Тумановъ арестованъ на гауптвахтѣ на двѣ недѣли, безъ внесенія сего въ формулярный списокъ, за то что онъ наказалъ рядовыхъ: одного, по несправедливой жалобѣ настуха 400-ми, а другаго за драку съ солдатомъ въ нетрезвомъ состояніи 600-ми ударами розогъ, тогда какъ ротнымъ командирамъ предоставлена власть наказывать не-изъятыхъ отъ тѣлеснаго наказанія нижнихъ чиновъ не болѣе какъ 100 ударами розогъ.

— Кубанскаго казачьяго войска отставной есаулъ Боровикъ, оказавшійся по суду виновнымъ въ воровствѣ коровы, лишентъ всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ ему правъ и преимуществъ и ссылается на житье въ одну изъ отдаленныхъ губерній вромѣ сибирскихъ; по предмету же пріобрѣтенныхъ имъ неблаговиднымъ образомъ четырехъ лошадей оставленъ въ подозрѣніи.’ (Совр. Литоп.)

ПРОЕКТЪ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОГО ГРАБЕЖА И НАРОДОРАЗРУШЕНИЯ.

“Indépendance Belge”, (No. 146, Мая 26) сообщает— что въ Петербургѣ состоялся проектъ министра Зелепаго, внесенный въ комитетъ, подъ председательствомъ Константина Николаевича,—о повсемѣстной продажѣ государственнымъ крестьянамъ, ихъ мѣрской земли въ личную собственность, съ разложениемъ платежа на тридцать лѣтъ. Земля мѣрская, деньги за ея покупку пойдутъ въ царскую казну; общинное землевладѣніе будетъ насильственно разрушено, и сверхъ того у крестьянъ ограблено столько денегъ, сколько стоитъ ихъ земля. Если корреспондентъ “Indépendance” не повторяетъ пустой слухъ, то правительство въ самомъ дѣлѣ хочетъ совершить историческое преступленіе противъ русскаго народа, достойное позорной казни на площади.*

— *Лопухинъ и 2,400 р.* “Сѣверная Пчела” рассказываетъ слѣдующій замѣчательный фактъ хищныхъ наклонностей догорающаго помѣщичества и отеческой нѣжности ко всему неблагопріобрѣтенному псковскихъ властей.

“Недавно псковское губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе огласило въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ слѣдующее свое постановленіе:

“Временно-обязанные крестьяне имѣнія помѣщика Лопухина, Порховскаго уѣзда, д. Иосково, Левъ Петровъ, Исай Емельяновъ, Аванасій Демьянъ, и дер. Шиль, Федоръ Семеновъ, обратились къ начальнику губерніи съ просьбамъ, въ которыхъ объясняя, что, по заведенному прежде въ этомъ имѣніи порядку, для освобожденія многосемейныхъ домовъ отъ рекрутской повинности, определенъ былъ особый денежный вносъ, и они просители уплатили въ вотчинную контору за свои семейства: трое по 2,000 руб. асс., а четвертый Семеновъ 400 руб. сер.; вотчинная-же контора объявила имъ, что объ освобожденіи семействъ ихъ отъ рекрутской повинности распоряженія сдѣлать не можетъ, и внесенныя деньги возвращать не обязана, проситъ начальника губерніи объ истребованіи отъ вотчинной конторы или зачетныхъ для семействъ ихъ рекрутскихъ квитанцій или возврата внесенныхъ денегъ.

“Усматривая изъ прошеній помянутыхъ крестьянъ, что означенныя ими денежныя суммы, заимѣныя поставки съ ихъ семействъ рекрутовъ, внесены ими въ вотчинную контору въ прежнее, до обнародованія положеній 19-го Февраля 1861 года время, по заведенному въ томъ имѣніи порядку, въ силу существовавшаго крѣпостнаго права, губернское присутствіе постановило: просить посредника 2-го участка Порховскаго уѣзда, Володимира, объявить просителямъ, что изложенныя просьбы ихъ о возвратѣ внесенныхъ денегъ, за силою 2-го примѣч. къ 24 ст. общ. полож., удовлетворенію не подлежатъ. Что же касается зачета отпраздненныхъ ими этимъ порядкомъ рекрутскихъ послугъ, то рѣшеніе сего вопроса, на основаніи 198 и 7 п. 78 ст. того-же пол., предоставлено властнымъ сходамъ.”

— *А. В. Поджіо и его племянники.* Въ 103 л. “Колокола” было напечатано о томъ, что племянники А. В. Поджіо—*Александръ и Левъ Осиповичи* не отдали старцу, по возвращеніи его изъ Сибири, его имѣнья. Съ истиннымъ удовольствіемъ спѣшимъ увѣдомить нашихъ читателей, что *старшій* племянникъ Поджіо, *Александръ Осиповичъ*, чество и добросовѣстно рассчитался съ дядей.

ЛИЧНОЕ ОБЪЯСНЕНІЕ.

Двадцать пять лѣтъ тому назадъ 6 Декабря 1837, въ Вяткѣ, я произнесъ плохую рѣчь, исполненную уступокъ и очень душно сдѣлавъ.

Двадцать пять лѣтъ спустя первое слово мое, вышедшее изъ гроба, въ которомъ было скорено четырнадцать лѣтъ, все мною писанное, первая статья всплывшая гласно въ Россіи,—та самая *вятская рѣчь*.

Съ какой цѣлью “Сѣверная Пчела” (9/21 Мая 1862), напечатала ничтожную рѣчь 6 Декабря 1837?—Я не знаю,

* Мы имѣемъ въ слѣдующемъ листѣ “Колокола” особо поговорить объ этомъ.

могу догадываться, но не мнѣ судить объ этомъ. Она имѣла на это право и воспользовалась имъ.

Вотъ при какихъ обстоятельствахъ сказана была вятская рѣчь: на мѣстѣ губернатора Тюфяева былъ Корниловъ; объ немъ у меня осталось хорошее воспоминаніе, я полагаю, что онъ былъ благородный человѣкъ и очень не глупый, хотя большой педантъ въ мелочахъ. Онъ пристагъ ко мнѣ съ просьбой сказать рѣчь при открытіи библіотеки,—просьба губернатора для человѣка состоящаго подъ надзоромъ, всегда убѣдительна. — Сначала я отказывался, потомъ написалъ черновую. Корниловъ расхвалилъ ее, но тутъ-же *собственной рукой* вписалъ *два-три* выраженія, говоря, что этого требуетъ *haute convenance* и что это не больше имѣетъ смысла какъ слова “вашъ покорнѣйшій слуга” въ концѣ письма,—я спорилъ. Накопецъ мы раздѣлили грѣхъ пополамъ.

Рѣчь была сказана, при чемъ пермскій архіепископъ Нилъ—шеллигистъ и страшный гонитель раскольниковъ, (такъ какъ бывають у насъ страшные гонители раскольниковъ—и либералы) меня благословилъ. Казалось-бы тѣмъ и кончено. Но этой рѣчи было на роду написано имѣть странную судьбу. Когда ее въ корректурныхъ листахъ показали Корнилову, онъ переправилъ нѣсколько выраженій, потомъ опять переправилъ—у меня осталось въ памяти, что онъ вымаралъ нѣсколько словъ сказанныхъ въ похвалу Н. С. Мордвинову. Это было передъ самымъ моимъ отъѣздомъ въ Владиміръ, бумага о моемъ переводѣ была получена. Жуковский и Арсеньевъ писали, что они больше сдѣлать не могли, но обѣщались хлопотать впослѣдствіи. Я уже предчувствовалъ Москву и волю. А Корниловъ опять поправлялъ несчастную рѣчь. Она мнѣ опротивѣла, я махнулъ рукой, забылъ объ ней, и уѣхалъ.

Все вмѣстѣ было дурно.

И вотъ черезъ *двадцать пять лѣтъ* пожелтѣлые корректурные листы моей рѣчи поднимаются, какъ тѣнь Банбо, жужжатъ на пчелиныхъ крыльяхъ, цивически упрекають и зовутъ меня къ отвѣту.*

27 Мая 1862.

Искандеръ.

* Рѣчи этой у меня не было и я ее перечиталъ только теперь въ “Сѣверной Пчелѣ,” но объ ней я помнилъ, да и трудно было забыть—и по корректурамъ и по Нильскому благословенію. Но въ прошедшемъ году я получилъ мою статью изъ “Владимірскихъ Губернскихъ Вѣдомостей” (начала 1838 года) объ открытіи публичной библіотеки во Владимірѣ. Таже рѣчь, но перефразированная. Сколько я ни ломалъ себѣ голову, этой статьи совсѣмъ не помню. А знаю навѣрное, что при открытіи библіотеки во Владимірѣ я не былъ. Очень вѣроятно, что я подписалъ статью, писанную моимъ товарищемъ по редакціи—кандидатомъ Небабой (см. “Былое и Думы.”) Можетъ даже онъ составилъ ее по моей рѣчи.

поступили въ продажу:

ПОЛЯРНАЯ ЗВѢЗДА НА 1862.

Второй выпускъ: Отрывки изъ записокъ Н. А. и М. А. Бесгужевыхъ; Императоръ Александръ I и В. Н. Карзининъ, (Искандера); Выдержки изъ записокъ одного Недекабриста; Два процесса изъ послѣдней части *Былое и Думы* и пр.

БЫЛОЕ И ДУМЫ, ТОМЪ ТРЕТІЙ.

Между четвертой и пятой частью: Записки одного молодого человѣка; Лициній и Вилльямъ Пенъ; Капрвзы и Раздумье; Статьи полемическія; Станція Едрово; Нѣсколько замѣчаній объ историческомъ развитіи чести и пр.

— *Слѣдующій 136 листъ Колокола выйдетъ 15 Іюня.*

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи, 136 & 138 Caledonian Road, London N.

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM,

КОЛОКОЛЪ

VIVOS VOCO!

Выходитъ еженедѣльно въ Лондонѣ.
Цѣна 6 пенсовъ. Получается въ Вольной
Русской Типографіи, 136 & 138 Caledonian
Road, N.

ЛИСТЪ 136.

15 Іюня 1862.

У Трибнера & Со. въ книжной лавкѣ,
60, Paternoster Row, и у Tchorzewski,
1, Macclesfield Street, (Gerrard Street),
Soho, London. Price six-pence.

(WITH SUPPLEMENT No. 17).

О ГЛАВЛЕНІИ. — Разчистка нѣкоторыхъ вопросовъ — Записки Руфина Піотровскаго (Продолженіе) — Филаретъ и розги (Окончаніе) — Матеріалы
для гоненія студентовъ при Александрѣ II. Смѣсь: Новое злодѣйство стараго Панина — Панинъ и сившенье половъ — Крестьянское дѣло.

РАЗЧИСТКА НѢКОТОРЫХЪ ВОПРОСОВЪ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Старые порядки уходятъ; приходитъ новое время. Много молодыхъ, жаркихъ стремленій, много жажды усвоить себѣ новыя понятія, жажды ввести новые порядки, жажды новыхъ великихъ дѣлъ; но во всемъ этомъ много неопредѣленныхъ словъ, а слѣдственно и неопредѣленныхъ понятій, неясности въ новыхъ порядкахъ; часто волненію личностей придается значеніе общественной борьбы и словопрепія принимаются за дѣйствительное дѣло. Упорно отстаиваетъ себя и старый міръ, точно также вращаясь въ своихъ неопредѣленныхъ словахъ, а слѣдственно и въ *своихъ* неопредѣленныхъ понятіяхъ, ставя свои заученныя мнѣнія объ историческихъ событіяхъ на мѣсто исторической дѣйствительности, выдавая схоластику — за науку, и жажду удержать отживающій міръ, сохранить привычную ветошь — за подвигъ. Много корыстей разыгрывается, начиная отъ ужаса передъ необходимостью обойтись безъ крѣпостнаго кучера, отъ ужаса утратить клочекъ земли, до ужаса остаться безъ привычныхъ юридическихъ тумановъ и привычныхъ теорій, замѣнившихъ пониманіе, теорій, съ которыми такъ легко все разрѣшалось, и человекъ удовлетворялся названіями и зналъ, что “все идетъ къ лучшему въ наилучшемъ мірѣ.” Кромѣ раздражительныхъ литературныхъ самолюбіи въ Петербургѣ, раздражительной, ученой остановленности въ Москвѣ и раздражительныхъ корыстей промотавшагося барства въ губерніяхъ, — само правительство, пользуясь совершенною гласностью, выдаетъ свои неопредѣленные слова за понятія, и исполненіе этихъ словъ смлою военно-канцелярской власти — за дѣло. Глядя на пройденную дорогу и на дорогу впереди становится жутко, чувствуется что-то хаотическое, и возникаетъ neodолжимая потребность самому придти въ яспось, отбросить неопредѣленные слова и понятія, провѣрить факты и выводы, знать куда идешь и что надо дѣлать. Съ этой цѣлью я приступаю къ разчисткѣ вопросовъ, по мѣрѣ того какъ какой вопросъ попадется подъ руку, безъ особаго преднамѣреннаго оглавленія, которое возможно только тогда, когда весь матеріалъ собранъ, розыскъ оконченъ и остается узнанное расположить въ наиболѣе естественномъ порядкѣ. Эта разчистка вопросовъ — внутренняя необходимость для меня, но не для

одного меня. Всѣ, которые мучатся тѣми же стремленіями и сомнѣніями, нуждаются въ ней. Что я успѣю разъяснить для себя, то разъяснится и для нихъ. Разъясненіе покажетъ на сколько мы идемъ *вмѣстѣ*. А чувствовать себя *вмѣстѣ* — это сила.

Первый вопросъ, который мнѣ попадаетъ подъ руку — это вопросъ государственной собственности. Много данныхъ входитъ въ это вавилонское столпотвореніе — юридическое суевѣріе, точка зрѣнія русскаго правительства, точка зрѣнія европейской газетщины, положеніе русскаго народа и пр. и пр. И такъ начну съ государственной собственности.

(Продолженіе въ слѣдующемъ листѣ).

Н. Огаревъ.

ЗАПИСКИ РУФИНА ПІОТРОВСКАГО.

(Продолженіе).

II.

Второй предметъ, на который мы хотѣли обратить вниманіе нашихъ читателей въ запискахъ Р. Піотровскаго, это его отношенія во время ссылки, каторжной работы и длиннаго бѣгства изъ Сибири къ *черному* народу. То, что мы знали по собственному опыту и рассказамъ бывалыхъ людей, то что съ умиленіемъ прочли въ запискахъ князя Евгения Оболенскаго, — то подтверждаютъ вполнѣ записки Піотровскаго.

При всей грубости нравовъ, при тѣсныхъ понятіяхъ, суженныхъ голодомъ и рабствомъ, при суевѣріи и привязанности къ своимъ обычаямъ, русскій мужикъ, русскій простолюдинъ, въ своей убогой избѣ — и въ каторжной работѣ — человѣчественнѣе относится къ политическому сосланному, — безъ всякаго различія, русскій онъ, или полякъ — чѣмъ застрашенное и работѣнное чиновничество, чѣмъ *благородная* Русь. Свидѣтельство это сдѣланное полякомъ — очень важно. У многихъ до сихъ поръ остался предразсудокъ о какой-то племенной ненависти между поляками и русскими... не знаемъ что скажутъ украинцы, а что касается до Велико-Россіи, до Волги, Урала, всего Сѣверовостока, мы этого петербургскаго, *официальнаго* чувства тамъ не видимъ, и намъ сильно сдается, что оно *глубже* четырнадцатаго класса не опускается, да и тамъ по большей части основано не столько на ненависти, сколько на усердіи и служебной ревности.

Весьма вѣроятно, что первое время послѣ Самозванцевъ, народъ русскій помнилъ оскорбленіе своихъ святынь, своихъ обычаевъ; его ополченіе, его битвы были такъ недавно, сожженные села курились, крестьяне говорили между собой о томъ, что поляки хотѣли посадить на русскій престолъ царевича-католика... но память объ этомъ вѣки спустя была совершенно задвинута новыми бѣдствіями, рапы нанесенныя поляками закрылись подъ рубнами—московскаго и петербургскаго кнута; святыни и обычаи были еще больше поруганы, русская одежда, борода были объявлены преступленіемъ, позоромъ, и вмѣсто католическаго-королевича на престолѣ, сидѣли свѣже-православныя-протестантскія нѣмки. Въ нашихъ столкновеніяхъ, гдѣ, кромѣ Украйны, могла поддерживаться неприязнь со стороны русскихъ крестьянъ къ полякамъ? Въ какомъ случаѣ полякъ могъ обижать, оскорблять русскаго? Все тѣснѣе его, нѣло не изъ Варшавы, а изъ Петербурга, все ненавистное ему называлось не полякомъ, а *нѣмцемъ*, и было за частую *бритое русское*.

Помѣщичья власть и земская полиція отшибли у крестьянина память. Онъ былъ слишкомъ несчастенъ, чтобъ ненавидѣть; его голова была слишкомъ пригнута къ сохѣ и барщину, чтобъ имѣть досугъ на историческую вражду.

Со стороны русскаго крестьянина нѣтъ даже особеннаго достоинства, что онъ не имѣетъ неприязненнаго чувства къ врагу какихъ-то незапамятныхъ временъ. Съ нашей стороны было легко перестать враждовать, а со стороны поляка перестать ненавидѣть русскаго—подвигъ. Поляку не лѣтось для этого приходилось забыть, а вчерашній день, разюрепие семьи, ежедневную обиду. Вотъ почему мы и тропути всякой разъ, когда полякъ, какъ это сдѣлалъ Піотровскій, говорить безъ малѣйшаго оплобленія, даже съ теплымъ чувствомъ, о русскомъ народѣ.

И тутъ чрезвычайно замѣчательно—какъ при своемъ сочувствующемъ взглядѣ на крестьянъ—Піотровскій остается всесовершеннѣйшимъ полякомъ по духу, католикомъ до мистицизма, человѣкомъ старой цивилизаціи, сложившейся, оконченной; цивилизаціи—*аристократической*, даже въ *демократическомъ-революціонерѣ*. Слонть сличить рассказы Піотровскаго о его товарищахъ на работѣ—съ рассказами “русскаго ссыльно-каторжнаго” (Львова), чтобъ рельефно себѣ представить въ чемъ дѣло.

Піотровскому *стоитъ мною усилій* чтобъ побѣдить свое отвращеніе къ новымъ товарищамъ своимъ, такимъ-же осужденнымъ на каторгу, какъ онъ, по за *обыкновенныя преступленія*, для него русскій уголовный судъ стало быть *все-таки судъ*. Мы согласны, что по доброй волѣ выбрать себѣ товарищами, блейменыхъ и битыхъ кнутомъ, трудно. Но никакъ не можемъ понять, чѣмъ это невольное товарищество съ обличенными и наказанными злодѣями—противнѣе и униженнѣе того товарищества, въ которомъ мы всѣ находились, съ генералами въ родѣ Голофѣевъ, съ помѣщиками засѣкавшими крестьянъ и насилувавшими ихъ жепъ, съ вяточниками и казнокрадами, съ полу-шпіонами большаго свѣта, съ полу-лоретками гостинныхъ?... Мы этой нравственной гадливости не знаемъ; мы не уважаемъ приговоры произнесенныхъ царскими судьями, по царскимъ кодексамъ.

Отвращеніе отъ патентованнаго преступника идетъ рядомъ съ ужасомъ передъ патентованнымъ преступленіемъ. Намъ патенты равнодушны,—насъ не утѣшилъ названіемъ.

“Давно-ли ты на заводѣ?” спросилъ Піотровскій молодаго челоѣка съ беззаботнымъ видомъ, работавшаго возлѣ него на екатерининскомъ заводѣ.

— Да уже третій годъ.

— И насколько?

— На всю жизнь.

— Что-же ты сдѣлалъ?

— Барина своего убилъ.

“Я содрогнулся,” но продолжалъ: Какъ убилъ—преднамеренно?

— Нѣтъ, — такъ, безъ намѣренія; у меня видишь за поясомъ топоръ былъ *случайно*, я его схватилъ въ обѣ руки, да и разсѣкъ ему голову.

— За что-же ты убилъ его *съ такой свирѣпостью*?

— За что? Конечно не изъ удовольствія. Баринъ нашъ былъ страшный злодѣй, морилъ насъ на работѣ и засѣкалъ до смерти. Чтобъ освободить всю деревню отъ изверга, я взялъ дѣло на себя, и убилъ его. Богъ помиловалъ, подъ кнутомъ не умеръ, а здѣсь мнѣ жить не хуже прежняго. Жаль только бабу, ну да она красива и молода, найдетъ себѣ мужа.

— Да *неужели ты не раскаиваешься что убилъ этого челоѣка*?

— Какой онъ челоѣкъ—чертъ!

И Піотровскій не протянулъ руки геронческому крестьянину, не сказалъ ему ни одного слова въ утѣшеніе, а напротивъ попробовалъ смутить его совѣсть!

Отъ этого неумолимаго взгляда на *обыкновенныя* преступленія, Піотровскій естественно доходитъ до слѣдующаго замѣчанія:

“Каторжные товарищи мои,” говоритъ онъ, “обращались хорошо со мною; они никогда не издѣвались надо мной. не дѣлали грубыхъ шутокъ и звали меня съ самаго начала ‘господиномъ.’ Часто предлагали они мнѣ помочь въ слишкомъ тяжелой работѣ или просто брали ее на себя, давая мнѣ что-нибудь легкое. *Незаслуженное несчастіе* поселяло уваженіе въ этихъ людяхъ грубыхъ, даже дикихъ, но которые, не смотря на всю хвастливую загроубѣлость свою, имѣли сознаніе *что они преступники*.”

Послѣ этого не удивительно, что Піотровскій добавляетъ черезъ нѣсколько строкъ: “У меня не было ни *ложнаго стыда*, ни *неумѣстной гордости* въ ежедневныхъ сношеніяхъ съ ними, и часто я подолгу бесѣдовалъ съ моими товарищами, спрашивая ихъ, изучая нравы, характеры...”

Это не личное мнѣніе Піотровскаго. Онъ на практикѣ гораздо выше его, это видно въ томъ свѣтлѣ, добромъ взглядѣ, съ которымъ онъ рассказываетъ о разныхъ встрѣчахъ. Нѣтъ, это мнѣніе принадлежащее всему европейскому воззрѣнію. Гуманность западнаго челоѣка не идетъ дальше; онъ можетъ быть мягкой, свисходительной къ преступнику, онъ можетъ съ нимъ говорить “безъ ложнаго стыда и неумѣстной гордости,” но забыть, что патентованной преступникъ—преступникъ, онъ не можетъ. Вѣдь западный челоѣкъ *призналъ* существующій государственный порядокъ, съ его судомъ и осужденіемъ—онъ его *приговорилъ*, какъ всѣмъ бояре приговаривали то, что царъ указывалъ, и потому онъ своимъ отношеніемъ къ преступнику защищаетъ свое

миѣніе о правѣ. А намъ откуда взять эту круговую поруку со сводомъ, эту стыдливость и гордость, эту нравственную брюзгливость.... наша юридическая нравственность впереди, мы ничего не приговаривали. Тутъ тоже снѣжная поляна— во всѣ стороны—и вмѣсто черпаго креста петербургскій полосатый шлагбаумъ!

И—ръ.

ФИЛАРЕТЪ И РОЗГИ.

(Письмо къ Издателью).

(Окончаніе).

Это одна изъ тайнъ души человѣческой, что несчастія, бѣдствія, однимъ словомъ горе, отъ чего бы оно ни происходило: отъ приговоровъ судебныхъ, отъ злости людей, или отъ неисповѣдимыхъ судебъ роковыхъ, часто дѣйствуетъ самымъ благотворнымъ образомъ на человѣка, очищаетъ, совершенствуетъ его. Сія-то тайны, во глубинѣ души человѣческой сокровенныя, и рождаютъ въ человѣкѣ, даже безсознательно, упованіе на жизнь безсмертную. Печаль и горе какъ-то сродны человѣку, сродны гораздо болѣе нежели такъ называемое счастье, благополучіе земное. “Люди разныхъ странъ смѣются различнымъ образомъ, замѣтилъ одинъ французскій писатель; но всѣ плачутъ одинаково.” Въ сихъ-то тайнахъ натуры человѣческой слѣдуетъ искать изъясненія по чему преступники исправляются и перерождаются, а не въ уродливости безчеловѣчныхъ изъязвленій.

Этотъ § своихъ разсужденій, пр. митрополитъ заключаетъ текстомъ изъ апостола Павла. “Апостолъ Павелъ пишетъ къ коринѳянамъ: “*Трижды палцами бѣенъ былъ*”, не думая, что тѣмъ унижаетъ себя предъ ними. И такъ по христіанскому сужденію тѣлесное наказаніе само по себѣ не безчестно, а безчестно только преступленіе.”

Никто и никогда конечно не сомнѣвался въ томъ, что претерпѣвшія св. апостолы наказанія не могли его унижить. Онѣ только увеличили заслугу и святость его великихъ подвиговъ на разпространеніе истинъ евангельскихъ. Но если тѣлесное наказаніе не безчестило апостола, то не безчестило ли оно тѣхъ, кои на него сіе наказаніе налагали? Вопросъ въ семъ-то и заключается. Преступленіе—же конечно безчеститъ преступника. Но изъ сего не слѣдуетъ, что законодатель можетъ, не обезчестивъ самаго себя, къ безчестному преступленію прибавлять безчестное наказаніе, безчестное уже и потому что низводитъ, какъ мы замѣтили выше, человѣка на степень бессловеснаго животнаго.

Далѣе пр. митрополитъ говоритъ: “Нѣкоторые полагали бы совѣтъ уничтожить тѣлесное наказаніе и замѣнить его тюремнымъ заключеніемъ. Для сего потребовалось бы построить почти городъ тюремный. Отъ сего огромныя издержки. Для покрытія издержекъ, новые налоги. И такъ чтобы облегчить истинную или мнимую(!) тягость виновныхъ, надобно положить новую тягость на невинныхъ... хорошо миловать виновныхъ; но еще нужнѣе не отягощать невинныхъ.”

Здѣсь ускользаетъ отъ вниманія пр. Іерарха та солидарность, та круговая порука, которая необходимо связываетъ всякое человѣческое общество и безъ коей никакое общество немислимо. Разсуждая въ семъ направленіи можно дойти до заключенія, что учрежденіе больницъ и странно-пріимныхъ домовъ равно несправедливо, ибо здоровые не обязаны платить за больныхъ. Въ вопросахъ такой важности каковы

есть вопросъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ, надлежитъ ограничиваться изслѣдованіемъ самаго вопроса, не увлекаясь соображеніями весьма второстепенными. Гдѣ дѣло идетъ о благѣ людей, даже преступниковъ, гдѣ дѣло идетъ о чести цѣлаго народа и наконецъ гдѣ дѣло идетъ объ удовлетвореніи чело-вѣческаго и христіанскаго чувства людей, тамъ недостойно и неумѣстно толковать объ издержкахъ.

Въ концѣ разсужденій мы находимъ нѣкоторые намеки на другую записку касательно тѣлесныхъ наказаній, о коей мы упоминаемъ ниже. Пр. митрополитъ съ сожалѣніемъ замѣтивъ между прочимъ, что въ сей запискѣ не названы именно тѣ святители, кои защищали личность существа созданнаго по образу и подобию Божію, говоритъ: “Изъ того, что святители защищаютъ личность существа, созданнаго по образу и подобию Божію, нельзя вывести никакого заключенія противъ тѣлесныхъ наказаній. Защищать личность существа по образу Божію, не значитъ защищать личность преступника.”

На сіе мы замѣтимъ, что отсутствіе именъ святителей защищавшихъ личность человѣческую, не заслуживаетъ изъясняемаго Іерархомъ сожалѣнія; такъ какъ извѣстное правило, что “церковь гнушается кровію” исполнѣ въ семъ случаѣ оправдываетъ мысль автора записки. Одобреніе же тѣлесныхъ наказаній, особливо тяжкихъ, кои весьма часто причиняютъ смерть, составляетъ явное противурѣчіе сему праведному правилу церкви. Если церковь гнушается кровію проливаемою отсѣченіемъ головы, то она не можетъ не гнушаться и наказаніемъ кнутомъ, плетями, шпицрутенами, которые, подобно гильотинѣ, всегда проливаютъ кровь, и часто причиняютъ смерть. Послѣднихъ словъ сего § мы просто не повимаемъ: взятая въ прямомъ смыслѣ, онѣ отзываются нѣкоторою ересью; мы не понимаемъ какъ личность преступника перестаетъ быть образомъ и подобіемъ Божіимъ! церковь не лишаетъ молитвъ своихъ и самыхъ тяжкихъ преступниковъ; она молится за нихъ какъ за людей, падшихъ, но какъ за людей. Уваженіе личности человѣческой есть самый вѣрный признакъ достоинства народовъ христіанскихъ.

Далѣе пр. митрополитъ пишетъ: “Богородхновенные писатели защищаютъ личность созданную по образу Божію не отъ тѣлеснаго наказанія, а отъ порока и отъ его послѣдствій: “*Ты побѣдиши его жезломъ: душу же его избавиши отъ смерти.*” Сказавъ уже наше миѣніе выше о пріискиваніи и употребленіи во зло библейскихъ текстовъ, мы здѣсь не можемъ не замѣтить, что подобными текстами можно оправдывать и инквизицію, которая сожигала людей для спасенія ихъ души!

Послѣ сего преосвященный іерархъ доказываетъ, что “дабы поймать и задержать вора, разбойника, надобно употребить *насилство*, чтобы его схватить и сковать.” Этому никто не можетъ противурѣчить. Но справедливость требуетъ, чтобы насиліе оставалось въ самыхъ необходимыхъ предѣлахъ, чтобы человѣкъ, будучи схваченъ и посаженъ въ тюрьму, не былъ, безъ особенной нужды, отягчаемъ оковами и особенно, чтобы онъ не былъ подвергаемъ какого-бы рода ни было *изъязвленіямъ*.

Наконецъ въ разсужденіяхъ пр. митрополита мы находимъ слѣдующее замѣчаніе:

“Слышно, что недавно въ Англіи разсматриваемъ былъ аопросъ объ уничтоженіи тѣлесныхъ наказаній въ военномъ званіи и что тамошніе военачальники подали голосъ со-

хранить оное, не опасаясь разрушить въ войнахъ чувство чести, особенно для нихъ важное и даже признались ('), что безъ сего имъ трудно сохранить дисциплину въ нижнихъ воинскихъ чинахъ."

Такіе *слухи* могли-бы доходить ежегодно до пр. митрополита, такъ какъ съ давнихъ лѣтъ ежегодно въ англійскомъ парламентѣ повторяются предложенія о совершенномъ отстраненіи тѣлесныхъ наказаній въ арміи и по сію пору не исполнѣ успѣшно. Словами архипастыря мы замѣтимъ: "Есть мысли (мы здѣсь скажемъ: есть земли) блестящія нравственною красотою такъ, что въ нихъ какъ въ солнцѣ, не вдругъ можно усмотрѣть темное пятно, хотя оно и есть." Обративъ свой взоръ на Англію, пр. митрополитъ, посреди блеска политической, гражданской и нравственной красоты сей страны, открылъ именно то темное пятно, которое конечно не дѣлаетъ чести англійскому народу. Темное военачальники, упрямо отстаивающіе тѣлесныя наказанія въ арміи, не признались, а просто твердятъ, что плеть для англійскаго солдата необходима. Мнѣніе общее, ни мало съ ними несогласное, плохо и вяло противится симъ закостыленнымъ фрунтамъ, такъ какъ наказанія сіи въ англійской арміи чрезвычайно рѣдки и съ каждымъ годомъ становятся рѣже и рѣже. Впрочемъ, по изданному въ прошломъ году узаконенію, только солдаты извѣстнаго, такъ сказать штрафнаго разряда подлежатъ, въ англійской арміи, тѣлесному наказанію. Относительно-же сихъ защитниковъ тѣлесной дисциплины, мы приведемъ слова епископа орлеанскаго о рабствѣ, которыя мы встрѣчаемъ въ его посланіи въ епархіальному духовенству пригласающемъ сіе послѣднее молить бога о скорѣйшемъ уничтоженіи рабства негровъ въ южной Америкѣ:

"L'esclavage est si odieux, qu'on n'en comprend pas le commencement; et il est si commode, qu'on n'en comprend pas la fin."

Для этихъ защитниковъ тѣлесной дисциплины какъ-то вежливо, затруднительно, безпокойно отказаться отъ старыхъ привычекъ.

Въ противоположность сему англійскому пятну, мы скажемъ пр. митрополиту, что едва-ли въ какой нибудь другой арміи европейской существуютъ еще тѣлесныя наказанія и что недавно даже египетскій паша уничтожилъ ихъ въ своей арміи и флотѣ.

Отъ сихъ для насъ, по истинѣ, скорбныхъ и печальныхъ разсужденій митрополита нашей православной церкви, мы съ отрадою и утѣшеніемъ обращаемся къ разсужденіямъ мирянина, который, стяжавъ славу на полѣ битвы, совершаетъ нынѣ новый подвигъ для пользы и чести своей земли.

Записка кн. Орлова о тѣлесныхъ наказаніяхъ, исполненная, какъ сего и ожидать слѣдовало, чувствъ столь-же возвышенныхъ, какъ честныхъ, здравыхъ и справедливыхъ, пропитанная истиннымъ христіанскимъ духомъ, заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя соображенія особенно поучительныя:

"Для общества русскаго существованіе тѣлесныхъ наказаній есть не только зло, но и великая опасность.....мы не далеко отъ времени, когда наказанія тѣлесныя будутъ приводить къ открытому сопротивленію, или къ самоубійству. Это страшная, но неминуемая крайность."

Упомянувъ о томъ, что въ слѣдствіе "Новаго положенія о крестьянахъ" сіи послѣдніе подвергаются тѣлесному нака-

занію "по распоряженію правительственныхъ и общественныхъ властей," авторъ записки замѣчаетъ: "Это постановленіе *узаконяетъ* произволъ земской полиціи. Свобода и право собственности только тогда дѣйствительны, когда обладающій ими исполнѣ огражденъ въ своей чести и личномъ достоинствѣ."

И подлинно! Это пятно въ великомъ и святомъ дѣлѣ освобожденія крестьянъ, бросается въ глаза всякому здраво мыслящему человеку.

Отдавая съ сердечнымъ удовольствіемъ полную справедливость автору записки за его честное стремленіе къ уничтоженію тѣлесныхъ наказаній въ Россіи, мы не можемъ не изъявить нашего живѣйшаго участія въ томъ, что онъ упоминаетъ о Польшѣ.

Относительно заключенія записки, мы почитаемъ долгомъ сдѣлать слѣдующія замѣчанія:

"Защитники карательной системы говорятъ, что лучше подвергнуть преступника тѣлесному наказанію, нежели лишить его жизни. Они правы; но, кажется, въ Россіи можно обойтись и безъ плетей и безъ смертной казни. Уголовное наказаніе имѣетъ только двѣ цѣли:

- 1) "Поставить преступника въ невозможность совершать новыя преступленія и
- 2) "Страхомъ наказанія спасительно дѣйствовать на тѣхъ, которые были-бы склонны къ совершенію преступленія."

Въ примѣчаніи прибавлено:

"Нѣкоторые полагаютъ, что уголовное наказаніе должно быть мщеніемъ общества за вредъ наносимый членамъ его. Подобной мысли нельзя допустить въ христіанскомъ государствѣ."

Что въ Россіи, такъ какъ и вездѣ, можно обойтись безъ плетей и смертной казни, въ томъ, для мыслящаго человека, нѣтъ сомнѣній. Но что касается до тяжкихъ наказаній въ Россіи существующихъ, какъ то плетей и шпицрутенныхъ, то тутъ вопросъ представляется иначе. Извѣстно, что сотнями и тысячами считаемыя удары шпицрутенныхъ лишаютъ человека жизни. Извѣстно также, что люди умираютъ отъ плетей, какъ прежде они умирали отъ кнута. Если выборъ будетъ между такими наказаніями и гильотиною, то самое простое человеколюбіе должно предпочесть послѣднюю. Впрочемъ унижательный характеръ тѣлесныхъ наказаній вообще, не позволяетъ прибѣгать къ нимъ ни въ какихъ случаяхъ: разумное замѣчаніе автора, что сіи наказанія приведутъ наконецъ или къ сопротивленію или къ самоубійству, достаточно изясняетъ мысль нашу.

Чтожъ касается до означенныхъ цѣлей наказанія, то и долженъ представить на видъ, что опредѣленія цѣли наказаній вообще много занимало науку и криминалистовъ. Нѣсколько системъ было для сего составлено. По одной системѣ, наказаніе должно имѣть цѣлю предупреждать преступленіе и слѣдственно также и ставить ихъ въ невозможность повторять преступленіе. По другой системѣ наказаніе долженствовало, приѣмомъ казни, устрашать людей и удерживать отъ преступленій. По третьей наказаніе должно было исправлять преступника.

Всѣ сіи системы, въ новѣйшія времена, были признаны несостоятельными, недостаточными и особенно нелогическими.

Для предупрежденія преступленій нѣтъ никакихъ средствъ дѣйствительныхъ и надежныхъ. Здѣсь можно дѣйствовать только воспитаніемъ. Предупредить повтореніе преступленій также не легко; ибо человѣкъ и въ ссылкѣ и на каторгѣ можетъ совершать преступленія.

Устрашать примѣромъ также не вѣрно, не надежно и легко можетъ вести къ несправедливости. Иногда, вмѣсто страха, примѣръ наказанія порождаетъ въ зрителѣ мысль о преступленіи.

Исправленіе посредствомъ наказанія равно не вѣрно. Что ручается за настоящее исправленіе человѣка? Впрочемъ для исправленія существуютъ иныя средства; поученіе и пр.

Кромѣ всѣхъ сихъ недостатковъ, каждая изъ сихъ системъ имѣетъ еще и тогъ существенный недостатокъ, что ни по одной изъ нихъ нельзя основать никакой здоровой мѣры и постепенности наказаній.

Принятая нынѣ всѣми замѣчательнѣйшими криминалистами система изъясняетъ, что наказаніемъ долженъ быть возстановляемъ порядокъ общественный, преступленіемъ нарушенный. Достаточно отвѣчая всѣмъ здоровымъ понятіямъ о наказаніяхъ и о цѣли оныхъ, сія система особенно указываетъ на умѣренность въ наказаніяхъ. Сіе “возстановленіе порядка” конечно можетъ быть принимаемо, въ нѣкоторомъ смыслѣ, за “мщеніе” со стороны общества въ отношеніи къ преступнику. Таковое смѣшеніе понятій, можетъ быть неизбѣжно. Не менѣе того защищаемая нами система остается пока самою и даже единственною логическою.

Въ окончательныхъ выводахъ автора замѣтна нѣкоторая нерѣшительность.

“Конечно трудно, говоритъ авторъ, однимъ почеркомъ пера измѣнить всю исправительную систему.”

Опытъ доказываетъ противное. Во многихъ гоеударствахъ, однимъ почеркомъ пера, вдругъ были уничтожены тѣлесныя наказанія въ арміяхъ. Однимъ почеркомъ пера было уничтожено рабство, именно въ Пруссіи, въ бывшемъ герцогствѣ варшавскомъ, во французскихъ колоніяхъ. И у насъ въ Россіи, главное въ крестьянскомъ освобожденіи, т. е. освобожденіе отъ власти помѣщика, совершилось однимъ почеркомъ мудраго самодержавнаго пера. Именно сего-то освобожденія многие и опасались въ Россіи, и—опасались по пустому! Столь-же пустыми окажутся и нынѣшнія опасенія полнаго и немедленнаго уничтоженія всѣхъ тѣлесныхъ наказаній, когда тоже мудрое самодержавное перо на вѣки утвердитъ сіе уничтоженіе.

Чтожъ касается до “прейсь-куранта” проступковъ и преступленій, то мы замѣтимъ, что цѣны по сему прейсь-куранту, т. е. число ударовъ безчеловѣчно высоки. Непостижимо: какую необычайную силу и терпѣнія наши законодатели предполагали въ людяхъ, подвергаемыхъ такимъ истязаніямъ. За незначительную кражу они опредѣляютъ до 80 ударовъ съ ссылкой въ Сибирь даже женщинамъ! А число ударовъ шпицрутенами считается цѣлыми сотнями и тысячами!!!

‘Сердце содрагается при мысли, что по божьему закону, если преступникъ лишится силъ итти по фронту, то сію должно нести вдоль онаго и если онъ испустилъ духъ, то тѣло его должно еще получать опредѣленное приговоромъ число ударовъ. На дѣлѣ, кажется, этого не исполняютъ.”

Нѣтъ, не исполняютъ. Но какія-то филантропы придумали откладывать до времени наказанія, если страдалецъ отъ полученныхъ уже ударовъ найдетъ въ опасности смерти. Такою филантропіею можетъ похвастаться одна только Россія!

Великій Боже! И тѣлесныя наказанія находятъ еще защитниковъ—и сіи защитники ссылаются на тексты книгъ Твоего откровенія!

Выслушаемъ до конца благороднаго обличителя безчеловѣчности и поборника правды.

“Солдатамъ давно стала отвратительна роль палачей и при каждой экзекуціи начальство вынуждено повторять офицерамъ: *господа! смотрите, чтобы люди были крѣпче!*”

И все это въ Христіанскомъ воинствѣ!

Въ заключеніе моего длиннаго писанія, я не могу преить молчаніемъ письмо содержащееся въ томъ-же листѣ *Колокола*, и указывающее на какую-то диссертацию на нѣмецкомъ языкѣ въ защиту тѣлесныхъ наказаній.

Для русскихъ конечно было-бы довольно выгодно, еслибъ всѣ защитники тѣлесныхъ наказаній писали только по нѣмецки. Такимъ образомъ русскій языкъ не былъ-бы оскорбляемъ этою отвратительною болтовнею.

Но это могутъ сказать нѣмцы, для коихъ тѣлесныя наказанія неизвѣстны и потому не могутъ быть предметомъ никакихъ толкованій,—что они скажутъ вида ихъ языкъ, языкъ науки и поэзіи, языкъ Канта и Гердера, Шиллера и Гёте, употребляемый на защиту такихъ кровавыхъ и гнусныхъ нечеловѣчностей?

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ ГОНЕНІЯ СТУДЕНТОВЪ ПРИ

АЛЕКСАНДРЪ II.

XII.

Письмо московскаго генералъ-губернатора Тучкова къ графу Путятину.

Конфиденціально.

Милостивый государь

Графъ Ефимъ Васильевичъ!

Въ дополненіе къ отношенію моему отъ 10 сего Ноября, за No. 576, долгомъ считаю изложить вашему сія-тву съ полною откровенностію мой взглядъ на тѣ мѣры, которыя принимало университетское начальство для водворенія спокойствія въ московскомъ университетѣ. Прежде всего не лишнимъ считаю упомянуть, что во все продолженіе означенныхъ безпорядковъ, доколѣ они ограничивались лишь стѣнами университета, (т. е. до 12-го Сентября), я не имѣлъ ни надобности, ни основанія вмѣшиваться въ распоряженія университетскаго начальства, незаявившаго мнѣ официально о сихъ безпорядкахъ, какъ требовавшихъ участія полицейской власти. Если я выслушивалъ передаваемые мнѣ въ разное время словесныя извѣщенія о сказанныхъ безпорядкахъ г. Дашковымъ, инспекторомъ студентовъ и ректоромъ университета, то единственно потому, что в. с. угодно было телеграфическою депешою поручить г. Дашкову не прибѣгать къ закрытію университета безъ моего предварительнаго одобренія этой мѣры.

Изъ этого приказанія в. с., г. Дашкову я ясно видѣлъ, что в. с. вполне желаете предупредить эту крайнюю мѣру. Дѣйствительно, закрытіе московскаго университета, этого старѣйшаго разсадника отечественнаго просвѣщенія, поль-

зующагося заслуженнымъ довѣріемъ всей Россіи, не могло не произвести самаго безотраднѣшаго впечатлѣнія на общество, и только одна злонамѣренность или безпечная непредупредительность, или - же наконецъ безотчетный страхъ могли бы заставить прибѣгнуть къ столь опасному и гибельному средству, безъ достаточныхъ и ясныхъ къ тому поводовъ. При такомъ взглядѣ на дѣло и доколѣ безпорядки, дѣлаемые студентами, были такъ сказать домашніе и не проявлялись внѣ стѣнъ университета, мнѣ оставалось только ожидать, чтобы ближайшее университета начальство и вособенности гг. профессора съ достоинствомъ и твердостью сдерживали дальнѣйшее развитіе безпорядковъ своимъ нравственнымъ вліяніемъ на студентовъ и благоразумнымъ разъясненіемъ ихъ недоразумѣній. Мѣра-же была тѣмъ болѣе необходимою и справедливою, что изъ-всего числа студентовъ московскаго университета, которыхъ болѣе 2,000, въ безпорядкахъ участвовало не болѣе 400 человекъ. Я твердо убѣжденъ, что вмѣшательство полиціи, т. е. введеніе команды въ аудиторіи или въ ограду университета, лишь раздражило бы умы и остальной молодежи, и такимъ образомъ повело бы къ дальнѣйшимъ безпорядкамъ и наконецъ къ закрытію университета. Между тѣмъ университетское начальство находилось въ то время подъ вліяніемъ какого то паническаго страха и ограничивалось, какъ впоследствии оказалось однимъ лишь тѣмъ, что составляло протоколы о безпорядкахъ, ни разу не обратилось непосредственно къ студентамъ съ твердымъ приглашеніемъ ихъ къ порядку и къ выполненію своихъ обязанностей.

В. с. извѣстенъ, конечно, въ подробности изъ официальныхъ источниковъ весь ходъ университетскихъ безпорядковъ. Дѣло это, сколько мнѣ извѣстно по немногимъ отрывочнымъ и болѣею частью частнымъ свѣдѣніямъ, ограничивалось слѣдующими важнѣйшими происшествіями. Послѣ полученія въ Москвѣ извѣстія о закрытіи С.-Петербургскаго университета, на другой или на 3-й день гг. Дашковъ и инспекторъ студентовъ Шестаковъ, являсь ко мнѣ, объявили словесно, что въ аудиторіяхъ 1-го и 2-го курсовъ юридическихъ произошелъ безпорядокъ, состоявшій въ томъ, что студенты читали съ кафедры депешу и полученные нѣкоторыми изъ нихъ письма о закрытіи С.-Петербургскаго университета и громко осуждали такое распоряженіе; будучи-же приглашены инспекторомъ разойтись, не послушались, при чемъ даже нѣкоторые изъ студентовъ ошिकाки его. За тѣмъ инспекторъ доложилъ мнѣ, что правленіе университета распорядилось въ тотъ-же день, закрыть два означенные курса, но что между тѣмъ онъ, инспекторъ, предложилъ студентамъ неучаствовавшимъ въ безпорядкахъ или готовымъ извиниться передъ нимъ, записаться въ особый списокъ съ тѣмъ, что для подписавшихся опять могутъ быть открыты курсы.

Мѣра закрытія 2-хъ курсовъ юридическаго факультета, быть можетъ согласная съ университетскими постановленіями, но принятая поспѣшно, безъ испытанія надъ студентами мнѣ убѣжденія чрезъ университетское начальство и гг. профессоровъ, повела только къ новымъ безпорядкамъ. Студенты, которымъ воспрещенъ былъ входъ въ университетскую аудиторію начали собираться въ значительномъ числѣ (отъ 300 до 400) въ университетскомъ саду. Г. исправляющій должность попечителя и инспекторъ, докладывая мнѣ объ этихъ сборищахъ студентовъ, присовокупляли, что при этомъ происходятъ

у нихъ совѣщанія болѣе или менѣе безнорядочныя, что студенты, незаписавшіеся въ списокъ инспектора, требовали отъ него показать имъ этотъ списокъ, считая записывавшихся недостойными товарищами, что при этомъ они неоднократно оскорбляли помощниковъ инспектора явившихся въ ихъ средѣ для наблюденія за порядкомъ, что въ этихъ сборищахъ принимаютъ участіе по большей части студенты низшихъ курсовъ, но что напротивъ студенты высшихъ курсовъ прямо порицаютъ поступки своихъ товарищей и продолжаютъ посѣщать лекціи въ совершенномъ порядкѣ и проч.

Усматривая изъ этихъ словесныхъ докладовъ и изъ полученныхъ мною стороннихъ свѣдѣній, что только малая часть студентовъ и притомъ низшихъ курсовъ производятъ безпорядки и что большинство не только не хотѣло принять въ нихъ участія, но даже старалось уговорить и успокоить болѣе пылкихъ и увлекающихся товарищей, и съ тою цѣлью смѣшиваясь съ ними, увеличивали такимъ образомъ собою сходки въ саду; но что между тѣмъ ни члены правленія университета, ни п. профессора ни разу не обратились непосредственно къ студентамъ съ надлежащими увѣщаніями и приглашеніемъ къ порядку, я совѣтовалъ гг. инспектору и ректору дѣйствовать на студентовъ увѣщаніями и убѣжденіями до тѣхъ поръ, пока не обнаружится: кто именно между студентами волнуетъ и увлекаетъ другихъ и кого по сему слѣдуетъ подвергнуть отвѣтственности по университетскимъ правиламъ. Къ сожалѣнію сколько мнѣ извѣстно, совѣтъ этотъ въ то время не былъ исполненъ.

Между тѣмъ по частнымъ свѣдѣніямъ сдѣлалось мнѣ извѣстно, что сходки студентовъ имѣютъ единственною цѣлью составленіе прошенія объ отмѣнѣ нѣкоторыхъ изъ изданныхъ для нихъ правилъ (облегченіе во взносѣ обязательной платы за ученіе, дозволеніе слушать въ свободное время лекціи другихъ факультетовъ и курсовъ, дозволеніе входа въ университетъ безъ особыхъ билетовъ, дозволеніе заявлять начальству о своихъ нуждахъ и т. п.). Кромѣ того, студентъ Раевскій, лично мнѣ знакомый, приходилъ ко мнѣ совершенно частнымъ образомъ и объяснялъ, что студенты сочиняютъ прошеніе государю императору и что какъ скоро прошеніе это будетъ составлено, то безпорядки прекратятся. Я совѣтовалъ Раевскому писать прошеніе не на высочайшее имя, а по своему начальству, и притомъ просить лишь о томъ, что относится собственно до нуждъ студентовъ, а не до предполагаемаго ими благоустройства университета, которое вовсе до нихъ не относится. Тотъ-же совѣтъ поданъ былъ Раевскому и управляющимъ моею канцеляріею, къ которому онъ также обращался и тоже совершенно частнымъ образомъ.

По сему имѣя въ виду скорѣйшее успокоеніе студентовъ и водвореніе въ университетѣ должнаго порядка, я совѣтовалъ г. исправляющему должность попечителя приказать удостовѣриться ближайшимъ образомъ, въ чемъ именно студенты имѣютъ нужду, и если въ ихъ желаніяхъ окажется по мнѣнію университетскаго начальства что-либо заслуживающее уваженія, обѣщать представить о томъ, куда слѣдуетъ. Мѣра эта, безъ всякаго сомнѣнія, скорѣе всего успокоила-бы взволнованные умы молодежи; но этотъ мой совѣтъ, воплотивъ раздѣляемый и Дашковымъ, не былъ исполненъ университетскимъ начальствомъ. Напротивъ вслѣдъ за этимъ правленіе постановило не принимать отъ студентовъ никакого письменнаго заявленія.

Между тѣмъ студенты продолжали, хотя и въ меньшемъ количествѣ, собираться въ саду. Въ это время мнѣ было донесено, что студенты намѣрены отправиться въ день смерти бывшаго профессора Грановскаго на Пятницкое кладбище на его могилу для служенія панихиды. Опасаясь, чтобы при этомъ не произошло какихъ-либо безпорядковъ, я нарядилъ за заставу полицейскую команду и жандармовъ. Но это посѣщеніе могилы покойнаго профессора произошло, по донесенію полиціи, съ соблюденіемъ должнаго приличія. Студенты, собравшись съ различныхъ сторонъ Москвы къ отдаленной заставѣ, въ числѣ до 300 человекъ, отправились оттуда на кладбище, отслужили тамъ панихиду и произнесли надъ могилою двѣ или три рѣчи, которыхъ впрочемъ нельзя было разслушать, и за тѣмъ безъ шума разошлись по домамъ.

Послѣ этого никакихъ особенно важныхъ безпорядковъ въ университетѣ не было. Волненіе студентовъ видимо стало затихать и сборища студентовъ становились съ каждымъ разомъ малочисленнѣе. Но сдѣланное правленіемъ университета постановленіе не принимать отъ студентовъ прошеній, огласившись между ними, снова раздражило пылкую молодежь и вызвало новую съ ихъ стороны вспышку. Входя толпою въ университетъ, студенты сломали въ сѣняхъ рѣшетку и повредили два или три стула въ университет. аудиторіи, правленіе получивъ объ этомъ извѣщеніе, подъ вліяніемъ какого-то страха, немедленно обратилось къ исправляющему должность попечителя съ просьбою о приглашеніи мѣстной полиціи для огражденія университетскаго имуществъ и личности ихъ отъ студентовъ. Г. Дашковъ призналъ это столь грубо выраженное требованіе правленія университета неумѣстнымъ и предложилъ ему немедленно составить особую комиссію изъ гг. профессоровъ для производства о безпорядкахъ, произведенныхъ студентами, формальнаго слѣдствія; о чемъ въ разное время и доложилъ мнѣ лично. Нельзя не одобрить этого распоряженія исправляющему должность попечителя. Случай этотъ по своей маловажности никакъ не требовалъ употребленія столь чрезвычайной мѣры, къ которой просило прибѣгнуть правленіе; ибо, какъ объяснено выше, появленіе полиціи въ стѣнахъ университета безъ видимой нужды могло-бы только возбудить общее негодованіе, соединить большинство благоразумныхъ студентовъ съ меньшинствомъ безпокойныхъ и вызвать болѣе серьезные послѣдствія.

Мнѣ неизвѣстно: было ли произведено требуемое исполняющимъ должность попечителя слѣдствіе и что потомъ оказалось, но кажется правленіе ограничилось спросомъ однихъ сторожей, бывшихъ при сломаніи рѣшетки, изъ этого вывело заключеніе, что рѣшетка сломана съ умысломъ, но кѣмъ именно изъ студентовъ—неизвѣстно. Послѣ сего получивъ 5 или 6 Октября извѣщеніе совершенно-частное, что студенты окончатъ на другой день писаніе своей просьбы и слышавъ неоднократно отъ инспектора студентовъ, что онъ не рѣшается выходить къ нимъ въ садъ и убѣждать ихъ лично, потому что не желаетъ вызвать съ ихъ стороны какаго либо новаго для себя оскорбленія и чрезъ то подвергнуть виновныхъ болѣе строгой отвѣтственности, я совѣтовалъ инспектору чрезъ управляющаго моею канцеляріею не выходить въ университетскій садъ и въ тотъ день, въ который они положили окончить писаніе своего прошенія. Впрочемъ

этотъ совѣтъ не былъ исполненъ, ибо инспекторъ въ теченіи утра нѣсколько разъ являлся ко мнѣ и докладывалъ, что говорятъ и дѣлаютъ собравшіеся въ саду студенты, выражая притомъ свое удивленіе, что студенты на сей разъ вели себя скромно въ отношеніи къ нему и вовсе его не оскорбляли.

Таково было положеніе университета при возвращеніи изъ отпуска г. попечителя Исакова. Вступленіе его въ должность возбудило въ студентахъ мысль, что не смотря на постановленіе правленія, г. попечитель приметъ отъ нихъ прошеніе.

По сему 11 числа студенты первоначально черезъ своихъ депутатовъ, а потомъ цѣлою толпою вошли въ профессорскую комнату для предъявленія своей просьбы находившемуся тамъ попечителю. Рѣшительный отказъ г. попечителя выслушать студентовъ вызвалъ со стороны ихъ разныя неумѣстныя выраженія. Оскорбленный столь дерзкимъ поступкомъ студентовъ г. Исаковъ, прибывъ ко мнѣ въ тотъ-же день, просилъ меня словесно, а потомъ письменно сдѣлать распоряженіе объ арестованіи нѣкоторыхъ означенныхъ въ доставленномъ мнѣ спискѣ студентовъ, признаваемыхъ университетскимъ начальствомъ главными зачинщиками безпорядковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ отрядить на другой день къ университету полицейскую команду для употребленія въ случаѣ нужды въ самомъ университетѣ. Я не считалъ себя въ правѣ отказать г. попечителю въ этомъ требованіи, и въ ту же ночь оно было исполнено полиціею. Но произведенное по требованію г. Исакова арестованіе нѣсколькихъ студентовъ возбудило новое неудовольствіе между ихъ сотоварищами. Собравшись утромъ 12 числа на университетскомъ дворѣ и слыша другъ отъ друга рассказы, что на кануи многіе изъ ихъ товарищей арестованы, они приступили толпою къ попечителю, требуя объясненія причины арестованія и освобожденія арестованныхъ; не получивъ удовлетворенія, они отправились толпою на тверскую площадь для заявленія этого требованія мнѣ, но тогда-же были арестованы слѣдовавшею за ними отряженною къ университету полицейскою командою и потомъ преданы слѣдствію, какъ нарушители общественнаго благочинія.

Изъ всего вышеизложеннаго в. с. изволите усмотрѣть, что всѣ мои дѣйствія въ настоящемъ дѣлѣ клонились къ тому, чтобы предоставить университетскому начальству и профессорамъ прекратить безпорядки, происходившіе исключительно въ аудиторіяхъ и стѣнахъ университета, нравственнымъ вліяніемъ на студентовъ и примѣненіемъ къ виновнымъ опредѣленныхъ уставомъ университета взысканій.

Доколѣ безпорядки эти не были заявлены мнѣ официально и такимъ образомъ давали полный поводъ предполагать, что въ нихъ не было ничего требующаго судебнаго полицейскаго преслѣдованія со стороны гражданской власти, я не считалъ себя въ правѣ и не признавалъ удобнымъ разгонять силою студентовъ, скрывавшихся въ стѣнахъ университета и тѣмъ менѣе вводить команду въ университетскія аудиторіи; со стороны-же университетскаго начальства требованіе полицейской команды для употребленія въ самомъ университетѣ заявлено мнѣ было г. попечителемъ первый разъ и притомъ также словесно только 11 Октября.

Такимъ образомъ полицейское начальство могло слѣдить и слѣдило дѣйствительно за дѣйствіями студентовъ лишь внѣ

стѣнъ университета, по неимѣнію никакого основанія простираетъ свое вмѣшательство и въ самыя аудиторіи. Такое вмѣшательство могло-бы повлечь слишкомъ далеко и уничтожить въ студентахъ всякое довѣріе къ своему непосредственному начальству и *профессорамъ*.

По твердому моему убѣжденію, путемъ нравственнаго вліянія и благоразумныхъ предупрежденій скорѣе всего можно бы достигнуть водворенія въ университетѣ спокойствія, тѣмъ болѣе, что университетскіе безпорядки не заключали въ себѣ ничего особенно важнаго или опаснаго, происходили отъ молодости и незрѣлости участниковъ, которые даже сами себѣ не разъяснили хорошо—изъ чего они волнуются, и не только не были раздѣляемы, но даже положительно осуждались большинствомъ студентовъ. Между тѣмъ путемъ нравственнаго вліянія всего успѣшнѣе можно-бы было достигнуть успокоенія волнующихся и водворенія порядка въ университетѣ. Яснымъ доказательствомъ этому служить то, что на другой день послѣ событія 12 Октября, когда взволнованные этимъ происшествіемъ студенты собрались на университетскомъ дворѣ, университетское начальство, выйдя въ сопровожденіи профессоровъ къ студентамъ, въ первый разъ съ самаго начала безпорядковъ, нѣсколькими словами успѣло утишить это волненіе и заставить разойтись толпу, послѣ чего уже никакихъ сборищъ въ университетѣ не было. Къ сожалѣнію университетское начальство, не раздѣляя моего взгляда на это дѣло, ни разу не пробовало во время прибѣгнуть къ такимъ мѣрамъ и дѣйствовало наперекоръ моимъ предположеніямъ. *Нѣкоторые-же изъ и. профессоровъ* играли въ этомъ случаѣ совершенно *двусмысленную роль*. Съ одной стороны, какъ мнѣ это положительно извѣстно, они показывали студентамъ сочувствіе и въ разговорахъ съ ними раздѣляли ихъ убѣжденія, а съ другой старались ввести въ университетъ полицейскую команду безъ всякаго заявленія необходимости этой мѣры мѣстному начальству—для того только, чтобы поселить въ студентахъ убѣжденіе, что строгія мѣры истекаютъ не отъ нихъ, а отъ мѣстныхъ властей. Потому когда происшествія 12 Октября вынудили меня арестовать толпу студентовъ и произвести слѣдствіе, гг. профессеры ухватились, такъ сказать за этотъ предлогъ, чтобы ясенѣе выставить предъ студентами свое мнимое къ нимъ участіе. Осужденіе принятой мною мѣры, преувеличенные слухи объ униженныхъ будто-бы студентахъ, *неумѣстныя* (?) обвиненія полиціи произносятся ими публично.* Вообще я вынужденъ сказать, что все это время ни правленіе университета, ни *и. профессора* не приняли никакого прямаго участія въ успокоеніи студентовъ, но смотрѣли на безпорядки студентовъ, происходящіе не на улицѣ, но въ аудиторіяхъ и оградѣ университета, какъ на предметъ вовсе до нихъ неотносящійся, руководствуясь въ этомъ случаѣ совершенно неумѣстно тѣмъ правиломъ, что студенты суть такіе-же граждане, какъ и прочіе городскіе жители, и потому подлежатъ наблюденію исключительно одной полиціи. Только въ одномъ г. Дашковѣ встрѣтилъ я полную готовность къ выполнению моихъ совѣтовъ, хотя къ сожалѣнію онъ ничего не могъ сдѣлать, занимая только временно должность попечителя и будучи почти незнакомъ студентамъ.

* Какъ дошло до своихъ, сердце-то сказалося. Это высшій комизмъ, который впрочемъ тоже мало оправдываетъ профессоровъ, какъ и кварталныхъ.

Пользуюсь случаемъ, чтобы покорнѣйше просить ваше сіятельство принять увѣреніе въ отличномъ моемъ уваженіи и истинной преданности.

Павелъ Тучковъ.

№. 577, 10 Ноября, 1861 года.

С М Ъ С Ъ.

— *Новое злодѣйство, старая Панина.*— “Въ одномъ изъ предыдущихъ номеровъ “Колокола” (отъ 15 Апрѣля) было напечатано письмо чиновника особыхъ порученій министерства юстиціи, Берви, къ дворянскимъ собраніямъ, представленное имъ въ копіи и въ англійское посольство, для свѣденія Европы. Озлобленное правительство, желая оправдать себя въ глазахъ англичанъ, велѣло выдать автора письма за сумасшедшаго. Губернское правленіе, по формальному освидѣтельствованіи Берви, большинствомъ присутствующихъ признало его въ здравомъ умѣ (нашлось *усердное* меньшинство, признавшее его сумасшедшимъ): Берви требовалъ суда. Въ отвѣтъ на его законное требованіе, Викторъ Панинъ и III отдѣленіе приказали посадить Берви въ сумасшедшій домъ на испытаніе до 20 Іюня...”

— *Панинъ и смѣшеніе половъ.*— Викторъ Панинъ (эта длиннѣйшая мѣра нечѣстности царшей въ верхнемъ словѣ нашего правительства), пустился въ Ж. Санды и шутить объ *женской эманципаціи* и равноправности обоехъ половъ, разумѣется разсматривая ихъ съ ему свойственной стороны. Онъ горячо отстаиваетъ сѣченіе женщинъ, говоря что женскій полъ не можетъ служить причиною избавленія отъ тѣлесныхъ наказаній.

Нашъ Иванъ великій недогадался одного, ему-бы мущинъ принять за женщинъ, да и ихъ бы отнять отъ розги. Ну да слишкомъ многого гдѣ-же отъ него требовать, *вода* и та поднимается только до извѣстной высоты въ насосѣ. Мы наблюдали въ зоологическомъ саду жирафа, плохъ! онъ и одному царствованію не былъ бы годенъ на юстицію; впрочемъ онъ повыше. Истина прежде всего!

— *Крестьянское дѣло.*— Въ Кіевской губерніи въ концѣ Марта 20,000 крестьянъ отказались повиноваться графу Понятовскому и князю Лопухину. Посланы войска. Дальнѣйшихъ извѣстій нѣтъ: вѣроятно *усмиренье*.— Въ имѣніи князя было большое возстаніе еще въ 1855 году.

поступили въ продажу:

ПОЛЯРНАЯ ЗВѢЗДА НА 1862.

Выпускъ второй: Отрывки изъ записокъ Н. А. и М. А. Бестужевыхъ; Императоръ Александръ I и В. Н. Каразинъ (Искандера); Выдержки изъ записокъ одного Декабриста; Два процесса изъ послѣдней части *Былое* и *Думы* и пр.

БЫЛОЕ И ДУМЫ, ТОМЪ ТРЕТІЙ.

Между четвертой и пятой частью: Записки одного молодого челоуѣка; Лициній и Вилльямъ Пенъ; Капризы и Раздумье; Статьи полемическія; Станція Едрово; Нѣсколько замѣчаній объ историческомъ развитіи чести и пр.

— *Слѣд. листъ 137 Колокола выйдеть черезъ 8 дней.*

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM,

КОЛОКОЛЪ

VIVOS VOCO!

Выходить еженедѣльно въ Лондонѣ.
Цѣна 6 пенсовъ. Получается въ Вольной
Русской Типографіи, 136 & 138 Caledonian
Road, N.

ЛИСТЬ 137.

22 Іюня 1862.

У Трибнера & Со. въ книжной лавкѣ,
60, Paternoster Row, в у Tchorzewski,
1, Macclesfield Street, (Gerrard Street),
Soho, London. Price six-pence.

(WITH SUPPLEMENT NO. 18).

О ГЛАВЛЕНІИ. — Зарево — Разчистка нѣкоторыхъ вопросовъ (Продолженіе) — Матеріалы для исторіи гоненія студентовъ при Александрѣ II.
— Росписаніе доходовъ и расходовъ министерства удѣловъ. Смѣсь : Дурныя оружія — Новая тюрьма — Старая исторія — Что-то
сдѣлаетъ Константинъ Николаевичъ въ Польшѣ? — Злодѣйство вѣлевской помѣщицы Муромцевой — Отъ Редакціи.

Вѣсти изъ Петербурга исполняютъ душу какимъ-то ужасомъ ожиданія и боли; что это за огненная чаша страданій идетъ мимо насъ? Огонь-ли это безумнаго разрушенія, кара-ли очищающая пламенемъ?... Да развѣ не довольно было несчастій и каръ?... И что довело людей до этого средства—и кто эти люди? Какія тяжелыя минуты отсутствующему, когда обращаясь туда, гдѣ вся любовь его, все чѣмъ живетъ человѣкъ, онъ видитъ одно нѣмое зарево.

РАЗЧИСТКА НѢКОТОРЫХЪ ВОПРОСОВЪ.

(Продолженіе).

I.

Государственная Собственность.

Ужасъ невольно хватаетъ за душу, какъ только вспомнишь правительственный проектъ насильственной продажи государственнымъ крестьянамъ, въ личную собственность, за деньги, земель, которыми они владѣли общиною даромъ, и невольно спрашиваешь себя: какое-же право имѣетъ правительство продавать народу народную землю?

Что продажу эту предположено привести въ исполненіе насильственно, ясно изъ словъ иностранныхъ газетъ. Оно ясно изъ того, что уплата капитала за землю предполагается въ годы, на 30 лѣтъ. Еслибъ весь капиталъ требовался немедленно, то покупщики, т. е. государственные крестьяне, могли-бы отказаться отъ покупки за неимѣніемъ денегъ; но когда дѣло идетъ на уплату годовыми взносами, очевидно взносы будутъ взыматься какъ подать, и—чего добраго—послѣ тридцати лѣтъ, обратятся въ постоянную подать, такъ что поземельная подать съ государственныхъ крестьянъ будетъ равняться не какому нибудь проценту съ цѣнности ихъ земель, а всей суммѣ, что ихъ земли стоятъ; каждая тридцать лѣтъ, Россія станетъ покупать себя у правительства, станетъ платить правительству весь свой поземельный капиталъ съ процентами, или, одну тридцатую долю своего поземельнаго капитала съ процентами ежегодно, такъ что въ 60 лѣтъ люди русскіе отдадутъ правительству вдвое противъ того, что стоитъ русская земля, въ 120 лѣтъ вчетверо и т. д., не считая процентовъ. Если мы прослѣдимъ исторію русскаго правительства съ Петра перваго, мы увидимъ, что это

уродство не невозможно. Отъ нужды въ деньгахъ и въ войскѣ, Петръ приходитъ къ ревизіи, и къ установленію подушныхъ, къ прикрѣпленію крестьянъ къ государевымъ имуществамъ, къ раздачѣ ихъ помѣщикамъ, съ которыхъ подать берется службою, а если не годны на службу, то изъ отданныхъ имъ крестьянъ берутся рекруты; крестьянинъ становится правительственной собственностью и земля становится правительственной собственностью. Екатерина раздѣляетъ подать на подушную личную и подушную поземельную и увеличиваетъ подушную поземельную подъ названіемъ оброчной, на томъ основаніи, что земли стали дороже. За то она выгораживаетъ совершенно служилыхъ людей отъ всякой подати, денежной и натуральной, и изъ частнаго помѣстнаго права вырастаетъ дворянское неподатное сословіе. Подушная подать и натуральная повинность вся падаетъ на крестьянъ. Но основная точка зрѣнія Петра I сохранена: государево помѣстное право раздѣлилось на государевы помѣстья, уступленные дворянству, и на оставшіяся за государемъ. Николай окончательно узакониваетъ сословіе крестьянъ, прикрѣпленныхъ къ государственнымъ землямъ, считая и землю и людей государственной собственностью; подъ этимъ неопредѣленнымъ названіемъ безошибочно можно дощупаться до основной точки зрѣнія, т. е. до того, что подъ нимъ правительство разумѣетъ государево помѣстное право. Съ этой точки зрѣнія правительство, дошедши до мысли объ освобожденіи крестьянъ съ землею изъ подъ частнаго крѣпостнаго права, — т. е. изъ подъ государева помѣстнаго права уступленнаго служилымъ людямъ,—доходитъ до заключенія, что освободить крестьянъ съ землею изъ подъ прямаго государева помѣстнаго права, также можно только посредствомъ выкупа. Но тутъ встрѣтилось затрудненіе: помѣщики имѣли право продавать заселенныя земли особо отъ крестьянъ, и крестьянъ особо отъ земли; тутъ выкупъ, если и не составляетъ человѣческой справедливости, то можетъ имѣть мѣсто ради крестьянской нужды отвязаться отъ помѣщика, спастись отъ продажи человѣка на равнѣ съ вещью, спасти свою землю отъ права, которое дано было помѣщику продать или отнять ее; тутъ выкупъ составляетъ горькую нужду равно для цѣлаго села, какъ и для cadaго крѣпостнаго человѣка; стало, можно выкупить себя и свою землю цѣлымъ

село, и выкупъ значитъ освобожденіе села отъ помѣщичей собственности; послѣ выкупа положеніе *мѣняется*. Но какъ приступить къ освобожденію государственныхъ крестьянъ за выкупъ цѣлымъ селомъ? Тутъ нѣтъ никакого резона ни продать, ни купить, потому что по совершеніи купли положеніе *не мѣняется*, все остается по прежнему, такъ что купля со стороны крестьянъ была-бы безсмысленной тратой денегъ, а продажа со стороны правительства чистымъ грабежемъ—въ родѣ того, какъ еслибъ разбойникъ остановилъ прохожаго на улицѣ и сказалъ-бы ему: “заплати мнѣ деньгами, что стоятъ твои часы, которыя у тебя въ карманѣ, и ступай себѣ съ богомъ и съ часами,” да еще вдобавокъ зналъ бы, что прохожій на столько силенъ, что не дай онъ денегъ—то все же у него часовъ не отнимешь, такъ что отдача денегъ со стороны прохожаго была-бы совершенной ненужностью. Безсмыслица подобнаго положенія стала въ противурѣчіе съ основной мыслью правительства, что освободиться изъ подъ государева помѣстнаго права можно только посредствомъ выкупа. Гдѣ-же выходъ? Одинъ только выходъ и есть—продать мірскую землю въ личную собственность; тутъ и государево помѣстное право сохранено, и приданъ видъ резона ради чего продать и ради чего купить.

А какъ-же въ Малороссіи, гдѣ нѣтъ мірской земли?.. Ну, тамъ просто заплати за твои часы, которые у тебя въ карманѣ!.. Благо правительство придумало резонъ для Великороссіи, то что-же останавливаться изъ за частныхъ?..*

Но въ концѣ концовъ выйдетъ то, что помѣщичьи крестьяне выкупятъ надѣлы и независимость отъ помѣщиковъ лѣтъ черезъ тридцать, и казенные крестьяне выкупятъ свои земли лѣтъ черезъ тридцать; годовые взносы, въ теченіи тридцати лѣтъ, будутъ почти одинаковы, можно ихъ и сравнять,—люди попривыкнутъ въ тридцать лѣтъ къ размѣру годовыхъ взносовъ, стало : какъ подушные были переименованы въ оброкъ, такъ и годовые взносы можно переименовать въ государственный налогъ, и пошла вся Россія платить правительству ежегодно одну тридцатую долю своего поземельнаго капитала съ процентами, кромѣ натуральныхъ повинностей и личного подушнаго оклада, котораго тоже не съ чего уничтожать.†

Въ тоже время, какъ всѣ крестьяне сольются такимъ образомъ въ одно крестьянское сословіе, проживающее на податъ—не только проценты съ своего капитала, но и самый капиталъ, въ тоже время останется неоспоримое государево помѣстное право на незаселенныя земли, и останется новое дворянское, землевладѣльческое помѣстное право, новое землевладѣльческое сословіе (землевладѣльческая буржуазія). Государево помѣстное право сохранить весь складъ, изъ него истекающій, отъ него неотрѣшимый, т. е. управленіе чиновничье, которое враждебно взглянетъ на сельскія выборныя учрежденія и

* Иностранная газета говоритъ, что Муравьевъ былъ удаленъ изъ министерства за упорное несогласіе на освобожденіе государственныхъ крестьянъ, и не замѣчаетъ, что проектъ министра Зеленаго, которому онъ радуется, какъ введенію истинно европейской цивилизаціи въ Россію, тѣже муравьевскія правила 1860 года, которыя не принялись въ восточной Россіи, потому что выкупъ предлагался еще не насильственно, и о которыхъ мы уже говорили въ то время (За пять лѣтъ, т. II, стр. 203).

† Въ настоящее время выкупъ, если оцѣнить по 40 руб. десятину, равнялся бы годовому взносу (5% и 1½% погашенія) по 2 руб. 60 коп. съ десятины. Если положить среднимъ числомъ по 6 десятинъ на душу, то налогу съ души придется 15 руб. 60 коп., а со всего количества (109, 619, 772 десятинъ) земли государственныхъ крестьянъ 285,011,407 рублей серебромъ.

устремится разрушать ихъ, при всякомъ посполновеніи селъ на выселки. Новое землевладѣльческое, купеческое поземельное сословіе устремится на скупку раздѣленной поземельной собственности у крестьянъ, разоряемыхъ податью,—и русской народъ, вмѣсто развитія земства, земскаго владѣнія и самоуправления, очутится въ рукахъ видоизмѣненнаго государева помѣстнаго права и въ рукахъ купеческо-чиновничьяго управленія, которое отъ дворянско-чиновничьяго будетъ разниться на столько, на сколько жажда стяжанія ради безрасчетнаго мотовства разнится отъ жажды стяжанія ради безграничной наживы. Выростетъ богатство русской имперіи и выростетъ нищета русскаго народа, и мы окончательно войдемъ во всю ширь европейской цивилизаціи, переложеной на купечко-чиновничьи нравы. Усладительно!

Но если газеты сообщаютъ только пустой слухъ?... Мудрено! что нибудь подобное да бродитъ-же въ намѣреніяхъ правительства; такъ сбрызгу этого не выдумашь.

Но можетъ быть проектъ не пройдетъ, не будетъ утвержденъ?.. Можетъ быть!.. А можетъ быть и будетъ?.. Во всякомъ случаѣ нельзя не посмотрѣть по ближе : что такое государственная собственность?

Куда ни загляни въ прошедшее, хотя-бы въ самую глубокую древность, вездѣ найдешь, что ячейка, изъ которой развивались государства,—это заселеніе известной земли какимъ-нибудь племенемъ; племя считало эту землю своею собственностью. Далѣе, оно сшивалось съ другими племенами—или на основаніи союза (федерации), или потому что покорялось другому, завоевательному племени. Племенное заселеніе естественно тянуло къ поземельной собственности общинной, потому что все дѣло дѣлалось вмѣстѣ, заселеніе происходило совокупно. Отъ этого мы встрѣчаемъ и въ европейскихъ государствахъ—до завоеваній—сельскую землевладѣльческую общину. Завоеваніе вноситъ иной взглядъ на поземельную собственность; земля становится добычею побѣдителей. Владѣть обще съ побѣжденными совершенная невозможность; побѣдителямъ приходится подѣлить добычу между собою. Дѣлежъ добычи не можетъ быть равенъ; болѣе сильный пойдетъ на захватъ, заявить больше корысти и отстоять её. Главный вождь возьметъ больше и, отъ него до послѣдняго воина, пай въ добычѣ пойдетъ уменьшаясь; но все-же дѣлежъ произойдетъ на одномъ основаніи : завоеванная земля и побѣжденные люди сдѣлаются частной собственностью побѣдителей. На этомъ основаніи возникла въ Европѣ феодальная поземельная собственность. Завоевателямъ не нужно было самимъ пахать; они брали съ людей работою, деньгами или произведеніями. Ихъ воля, стало—кто больше имъ посулитъ работы, денегъ или произведеній, тому они отдадутъ больше земли во владѣніе. На этомъ основаніи рушилась въ Европѣ сельская община. Пока побѣжденные считались рабами, крѣпостными,—побѣдители принуждали ихъ къ работѣ, или обирали произведенія и деньги. Но мало по малу завязывались между побѣдителями и побѣжденными условія и, когда рабство и поборы перестали имѣть въ глазахъ побѣдителей больше выгоды, чѣмъ условленные платы и работы,—побѣжденныхъ лично освободили отъ рабства, и феодальная поземельная собственность стала отдаваться простолюдинамъ въ наѣмъ, или переходить въ ихъ руки по праву купли. Главные вожди—короли, имѣли поземельную собственность, также какъ и подчиненные имъ

феодалы, свою личную, принадлежащую имъ не по королевскому чину, а по праву родовому, наследственному отъ прадеда-завоевателя. Когда королевская власть усилилась, короли стали брать себѣ выморочныя феодальныя помѣстья, или отбирать по суду, въ силу наказанія. Такимъ образомъ королевская поземельная собственность расширялась, но никогда не достигла до совершеннаго уничтоженія права—сперва частной феодальной собственности, а потомъ, когда феодальныя помѣстья поразпродались, то вообще частной поземельной собственности.

Въ Англіи феодальная собственность и не распродавалась, а сохранилась въ родѣ, по исключительному праву старшаго сына на поземельное наследство; но продажа феодальныхъ земель замѣнилась отдачею въ долгосрочныя паймы. На европѣйскомъ материкѣ феодальная поземельная собственность, дробимая по наследству, только случайно долею осталась въ родѣ, большею частию перешла въ руки богатыхъ простолюдиновъ, или размельчалась на совершенно дробныя лоскуты личной крестьянской собственности, и все же сложилась въ частную поземельную собственность, а не въ государственную. Государственной поземельной собственностью остались только исключительныя земли, предназначенныя для особыхъ общественныхъ нуждъ, какъ-то—для ссылки преступниковъ, для общественныхъ и военныхъ зданій и заведеній и т. д. И то еще понятіе, что это собственность государственная, общественная, а не королевская—возникло съ упадкомъ самодержавной королевской власти, послѣ революцій, съ преобладаніемъ представительныхъ законодательныхъ собраній. Чѣмъ сильнѣе и прочнѣе устанавливались представительныя правленія, тѣмъ яснѣе разграничивалась родовая, частная собственность королей отъ государственной собственности, такъ что, на примѣръ, въ Англіи смѣшеніе этихъ двухъ вещей уже совершенно невозможно, невозможно даже въ современной Франціи, а въ Германіи еще возможно.

Во все продолженіе многовѣковаго развитія общественной жизни изъ двухъ составныхъ племенъ—завоеваннаго и завоевавшаго, кромѣ опредѣленія частной поземельной собственности, развивались и учрежденія по всѣмъ другимъ общественнымъ потребностямъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ составное племя рѣзко разграничивалось отъ другихъ составныхъ племенъ, долею чуждыхъ ему по происхожденію, а потому чуждыхъ и по языку, чуждыхъ по обычаю и большей частью не только чуждыхъ, но и враждебныхъ, такъ что кромѣ внутренней особенности склада, каждое составное племя обозначилось вѣнскими поземельными границами. Войны измѣняли границы; завоеванное примыкало къ завоевавшему составному племени и входило въ его границу. Изъ этого составилось понятіе *національности*, которое обозначало единство кореннаго составнаго племени, и понятіе *государства*, которое обозначало единство всего находящагося въ границахъ, отдѣляющихъ владѣнія этой націи отъ владѣній другихъ націй. Чѣмъ больше вновь присовокупленные (присоединившіяся или завоеванныя) націи или провинціи поглощались коренной націей, сливались съ нею въ обычаихъ, подчинялись однимъ законамъ и одному правительству, тѣмъ больше и понятіи государства выражался весь внутренній складъ общественной національной жизни, заключенной въ извѣстныхъ географическихъ предѣлахъ. Племенное и обла-

стное (провинціальное) различіе уступало мѣсто понятію государства и государственнаго единства. А все же изъ этого не выработалось понятіе государственной поземельной собственности; земля принадлежала такому-то государству, только въ противоположность другому, чуждому государству, а внутри—поземельная собственность оставалась частною, равно для коренной націи и для вновь присоединенныхъ областей, кромѣ земель предназначенныхъ для исключительныхъ общественныхъ цѣлей. Государство имѣло право не на собственность, а на налогъ, который изъ простой дани, платимой побѣжденными побѣдителю, пока племенное различіе было еще рѣзко, пришелъ—когда племенное различіе потонуло въ единствѣ національности—къ своему естественному значенію, къ значенію отдачи доли частнаго дохода на общественныя нужды.

Очевидно, государство—отвлеченное историко-географическое понятіе, котораго живая дѣйствительность, живое тѣло—это нація, ея внутренній складъ и ея поземельныя владѣнія до границы. Какъ отвлеченное понятіе, оно могло приспособливаться ко всякимъ обстоятельствамъ и ко всякому взгляду на вещи. Отвлеченное понятіе всегда представляетъ человѣку страшное удобство нечаянно или намѣренно лгать противъ дѣйствительности и правды. Отвлеченное понятіе можно потянуть въ ту или въ другую сторону, куда угодно и оно тотчасъ приладится, свиду будто и складно; кажется—вотъ человѣкъ дошелъ до пониманія чего-то живаго, въ самомъ дѣлѣ сущаго, а выходитъ что онъ дошелъ только до отвлеченнаго понятія, помялъ его какъ резиновую игрушку и вышла такая или иная фигура, смотря по его желанію, а живое дѣло и живая правда остались въ сторонѣ. На отвлеченномъ понятіи государства выѣзжали всѣ правительства, всѣ схоласты, всѣ доктрины.

Людвигъ XIV приравнялъ государство королю. Это было покрайней мѣрѣ очень осязательно: король былъ такъ властенъ, что свою личную потребность, личное мнѣніе, личный капризъ считалъ потребностью, мнѣніемъ, капризомъ всѣхъ, всей націи; онъ былъ такъ властенъ, что ему никто не возражалъ. Но что онъ не былъ правъ—это доказывало уже ему самому то, что его личныя фантазіи разбивались о существенныя невозможности и нехотѣнія націи выполнить ихъ и дѣйствительность показывала, что государство и король не одно и тоже.

Французская революція, пожертвовавъ областями государственному единству, силилась примирить права человѣка съ подчиненіемъ ихъ государству. Такъ какъ и государство и права человѣка представляли только отвлеченныя, и потому неопредѣленныя, или лучше неопредѣлившіяся понятія, то ихъ надо было опредѣлить. Въ чемъ-же опредѣлить государство, гдѣ найти ему выраженіе въ дѣйствительности? Спрашивать у націи было некогда, да и пошла-бы разногласица. Всего легче было найти выраженіе государства въ комитетѣ общественнаго спасенія, который былъ обязанъ насильно заставить человѣка имѣть права человѣка. На этомъ мнимомъ примиреніи отвлеченныхъ понятій, Франція въ дѣйствительности переходила отъ одного деспотизма къ другому, сильно разрабатывая отвлеченныя понятія въ разговорѣ и литературѣ, и не выходя на дѣлѣ ни на шагъ изъ уравненія государства съ правительствомъ, безсознательно оставаясь на точкѣ зрѣнія Людвига XIV. Даже Бабёвъ и послѣдующіе

французскіе социалисты—отвлеченное понятіе государства осознательно, представляли себѣ только въ формѣ правительства и подчиняли социальную республику правительственной централизациі. Изъ этой постановки, въ отвлеченномъ понятіи—государства, а въ дѣйствительности—самодержавнаго правительства, Франція постоянно натыкалась на невозможность примирить отвлеченное понятіе правъ человека съ сосредоточеннымъ государствомъ и, вынужденная постоянно искать разрѣшенія этой задачи, она мѣняла правительства, всякое новое правительство облекала въ мантию государства, видѣла, что и оно не соотвѣтствуетъ отвлеченному понятію правъ человека, что и съ нимъ тоже жутко, и потому приходила только къ судорожнымъ переѣмамъ правительствъ, другъ другу подобныхъ, а задачи не разрѣшала.

Прусская философія, возвысивъ отвлеченное понятіе въ степень идеи, сдѣлала изъ идеи государства научный догматъ, нѣчто въ родѣ религіи, приписавъ идеѣ государства выраженіе человѣческаго, непогрѣшительнаго, все равно что божественнаго, разума. Но когда невольно почувствовалось, что это отвлеченное понятіе, эта идея, сама по себѣ отдѣльно нигдѣ не существуетъ, и слѣдственно потребовалось найти этой идеѣ соотвѣтственное выраженіе въ дѣйствительности, то оказалось, что идея государства—это прусское правительство.

Англія мало заботилась о постановкѣ отвлеченнаго понятія государства; не искала соотвѣтственнаго ему выраженія въ правительствѣ, добивалась положительныхъ сословныхъ правъ, основанныхъ на частной собственности, и поставила во главу управленія собственниковъ, или представителей частной собственности, поземельной и движимой. Этотъ складъ слишкомъ ярко указываетъ, что всякая мысль государевой или государственной собственности для Англіи враждебна.

Но не только практическая Англія, но и французская революція, и даже французскій социализмъ (дошедшій въ теоріи до собственности общей или общинной, товарищеской) и даже прусская философія — не дошли до понятія государственной собственности. Они придали отвлеченному понятію государства всякія отвлеченныя свойства, или силы; государство могло быть высшимъ разумомъ, высшимъ правосудіемъ, высшей идеей, которой каждый былъ обязанъ жертвовать жизнью, но какъ скоро дѣло касалось до вещей осязательныхъ, — то государства-собственника они не выдумали; отвлеченное понятіе, владѣющее поземельной собственностью на правахъ частнаго человека, осталось для нихъ немислимо.

Въ сущности, въ дѣйствительности, помимо теорій и доктринъ, сдѣлавшихъ изъ отвлеченнаго понятія государства научно религіозный, политическій догматъ, Европа остановилась на частной поземельной собственности, предоставляя государству, націи или націямъ сплоченнымъ въ одно государство, право поземельнаго налога въ пользу общественныхъ нуждъ, налога взимаемаго съ частной собственности посредствомъ правительства. Выйти изъ этого отношенія въ какую нибудь иную осязательную собственность, только двѣ дороги — или признать поземельную собственность государевой, или признать ее собственностью общественной, народною. Только два живыя, дѣйствительныя существа, а не отвлеченныя понятія, и встрѣчаются: государь или правительство, и общество, народъ, земство. Кому нибудь изъ нихъ и должна принадлежать, такъ называемая, государственная собствен-

ность. Если прилагать къ русской почвѣ прусскую философію, по которой сколько ни раздѣлай въ мысли государство отъ государя, на дѣлѣ все же окажется, что государство это государя, то мы невольно придемъ къ заключенію, что поземельная собственность—государева. Если же прилагать къ вопросу русской народной мысли, который вѣка говорилъ и барины и царю: “мы ваши, а земля наша”, то дойдешь до обратнаго заключенія, что поземельная собственность — собственность общественная, мірская, земская. Если прилагать къ вопросу просто здравый смыслъ, то нельзя не согласиться съ народнымъ понятіемъ о поземельной собственности; можно только не найти достаточно разумной причины, чтобъ и люди были барскіе или государевы. Впрочемъ отъ понятія принадлежности человека барину народъ легко отказался; остается только дойти до понятія непринадлежности человека государю.

Но развитіе понятій поземельной собственности въ Россіи требуетъ особаго разбора.

(продолженіе впереди).

Н. Огаревъ. *

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ ГОНЕНІЯ СТУДЕНТОВЪ ПРИ

АЛЕКСАНДРЪ II.

XIII.

Высочайшее повелѣніе, послѣдовавшее въ совѣтъ министровъ, по дѣлу московскихъ студентовъ.

[На подлинномъ собственною его имп. велич. рукою написано: “Исполнить.” — С.-Петербургъ, 6 Февраля 1862 года.]

Государь императоръ, по выслушанію въ совѣтѣ министровъ всеподданнѣйшаго доклада министра юстиціи, разсма- тривавшаго произведенное особо назначенною комиссіею¹ слѣдственное дѣло о безпорядкахъ, происходившихъ между студентами московскаго университета и другими лицами, — высочайше повелѣть соизволилъ:

1) Участвовавшихъ въ безпорядкахъ между студентами московскаго университета: бывшаго учителя уѣзднаго училища въ г. Данковѣ, пріѣхавшаго въ Москву для продолженія слушанія лекцій, Василя *Праотцева*, чиновника московскаго приказа общественного призрѣнія, Ивана *Кельсиева* и вольно-слушателя Сергѣя *Борисова*, выслать перваго въ Олонецкую, втораго въ Пермскую и третьяго въ Вятскую губерніи подъ строгій надзоръ городничихъ тѣхъ уѣздныхъ городовъ, которые, по ближайшему усмотрѣнію начальниковъ губерній, будутъ избраны для ихъ жительства, не воспрещая имъ поступленія на службу въ присутственныя мѣста тѣхъ городовъ, но огнюдь не виѣ оныхъ. Праотцева-же ни въ какомъ случаѣ не опредѣлять на службу при какомъ-либо учебномъ заведеніи.

2) Изобличенныхъ обстоятельствами слѣдственнаго дѣла и сознавшихъ въ дѣйствительномъ участіи въ безпорядкахъ, происходившихъ въ московскомъ университетѣ, студентовъ Евгенія *Гужицкаго* и Порфирія *Войнаральскаго*, исключивъ изъ университета, выслать въ уѣздные города отдаленныхъ губерній, по соглашенію министра внутреннихъ дѣлъ съ шефомъ жандармовъ, подъ строгій надзоръ мѣстныхъ городничихъ, съ допущеніемъ ихъ на службу въ уѣздныхъ и городскихъ присутственныхъ мѣстахъ тѣхъ городовъ, гдѣ имъ опредѣлено будетъ житье, но не виѣ оныхъ.

3) Изобличенныхъ собственнымъ сознаніемъ въ бытности 11 Октября 1861, въ профессорской комнатѣ, въ которую ворвались толпою и оказали явное неуваженіе начальству. Студен-

товъ и вольнослушателей : Николая *Александрова*, *Бернарда Грегоровича*, *Максима Зашибалова*, *Павла Короблина*, *Освальда Лихтенштадта*, *Карла Линдемана*, *Александра Любимова*, *Владимира Лицкаго*, *Александра Матвѣева*, *Никандра Сорокина*, *Николая Тростянскаго*, *Генриха Фризе*, *Александра Федотова*, *Владимира Шилла* и *Сергѣя Ярцева*, исключить изъ московскаго университета, не дозволяя имъ въ продолженіи двухъ лѣтъ вступать въ другіе университеты. Тѣхъ изъ нихъ, которые имѣютъ родителей или родственниковъ, отдать родителямъ или родственникамъ на поруки въ ихъ добропорядочномъ поведеніи, тѣхъ-же, кои не имѣютъ ни родителей, ни родственниковъ, принимающихъ на себя поручительство въ ихъ благонадежности, выслать, по соглашенію министра внутреннихъ дѣлъ съ шефомъ жандармовъ, въ разные уѣздные города губерній : Вятской, Вологодской и Олонецкой на два года. На представленія порукъ назначить срокъ по ближайшему усмотрѣнію московскаго военнаго генералъ-губернатора, до истеченія коего имѣть за ними строгій полицейскій надзоръ, объявивъ имъ, что какъ въ сіе время, такъ и въ послѣдствіи за малѣйшее нарушеніе полицейскихъ правилъ тѣ, кои остаются въ столицѣ, будутъ высланы изъ оной въ отдаленные города.

4) Захваченныхъ въ противозаконномъ сборищѣ передъ домомъ военнаго генералъ-губернатора, студентовъ и вольнослушателей : Николая *Фонъ-Боля*, *Павла Иванова*, *Юсифа Левенсона*, *Василія Ойевова*, *Николая Освальда*, *Георгія Свищова*, *Михаила Соболева*, *Анатолия Томашевскаго*, *Сергѣя Тумакова* и *Николая Чещина* обязать подписками, что они подчинятся всѣмъ правиламъ, установленнымъ для внутренняго порядка въ университетѣ и въ такомъ случаѣ допустить ихъ къ слушанію лекцій, а въ противномъ случаѣ выслать на родину, буде не имѣютъ въ Москвѣ родителей или родственниковъ, принимающихъ на себя поручительство въ добропорядочномъ поведеніи, объявивъ всѣмъ имъ, что за малѣйшее нарушеніе полицейскихъ правилъ, они будутъ высланы въ отдаленные города.

5) Учителя перваго кадетскаго корпуса *Эрнеста Ватсона*, который былъ на сходѣ въ университетѣ, подписать подписку подъ адресъ и узнавъ о произведенныхъ арестахъ, приходилъ въ университетъ, гдѣ позволилъ себѣ неумѣстныя объясненія съ попечителемъ московскаго учебнаго округа, уволить отъ настоящей должности, съ тѣмъ, чтобы его къ подобнымъ должностямъ ни по какому вѣдомству не опредѣлять, не воспрещая прохожденія службы въ другихъ должностяхъ внѣ обѣихъ столицъ подъ наблюденіемъ начальства.

6) Принимавшихъ дѣйтельное участіе въ противозаконныхъ сборищахъ московскихъ студентовъ : кандидата с.-петербургскаго университета *Алексѣя Зарина* и чиновника московской гражданской палаты *Виктора Мурзалимова*,—перваго выслать изъ Москвы въ губернскій городъ, по назначенію министра внутреннихъ дѣлъ, не воспрещая ему тамъ поступленія на службу подъ наблюденіемъ начальства, а Мурзалимова уволить отъ настоящей должности съ дозволеніемъ ему вступить въ другую внѣ столицъ, также подъ наблюденіемъ начальства. Остальныхъ за тѣмъ постороннихъ лицъ : студента медикохирургической академіи *Вячеслава Будзіяникъ - Виницкаго*, князя *Александра Крапоткина* и дворянина *Николая Корovina* выслать на родину подъ надзоръ полиціи въ продолженіи одного года, буде у перваго

нѣтъ въ С.-Петербургѣ, а у втораго и третьяго въ Москвѣ, родителей или родственниковъ, которые-бы приняли ихъ подъ свое поручительство, не воспрещая имъ поступленія на службу въ уѣздныхъ или городскихъ присутственныхъ мѣстахъ.

7) Студентамъ, участвовавшимъ въ нѣкоторыхъ безпорядкахъ, но не изблеченнымъ въ особенныхъ противозаконныхъ дѣйствіяхъ или незахваченнымъ на площади, сдѣлать строгое внушеніе и дозволить слушать лекціи, съ предвареніемъ, что они исключатся изъ университета, если не будутъ въ точности соблюдать правила, установленныя для внутренняго порядка въ университетѣ.

8) Прикосновенному къ дѣлу с.-петербургскихъ студентовъ московскому студенту *Эдуарду Гватцъ*, не изблеченному въ дѣйствіяхъ, обнаруживающихъ намѣреніе не исполнять предписаній начальства, о коемъ въ настоящемъ дѣлѣ никакихъ свѣдѣній нѣтъ, позволить продолжать курсъ въ московскомъ университетѣ, подъ особымъ наблюденіемъ университетскаго начальства и секретнымъ надзоромъ полиціи.

9) Что касается вольнослушателя *Павла Федосѣева* и студента *Александра Крыжова*, которые кромѣ участія въ безпорядкахъ, бывшихъ въ московскомъ университетѣ, обвиняются еще—первый въ храненіи, а второй въ приобрѣтеніи запрещенныхъ сочиненій, то мѣру ответственности ихъ опредѣлить при разсмотрѣніи дѣла о распространеніи и изданіи злоумышленныхъ сочиненій.

10) За симъ распоряженія университетскаго начальства въ отношеніи прикосновенныхъ къ настоящему дѣлу лицъ, изложенныя въ постановленіяхъ правленія университета 9 и 23 Октября 1861 года, считать недействительными.

СПИСОКЪ

студентовъ и вольнослушателей московскаго университета, участвовавшихъ вообще въ безпорядкахъ, слѣдующій къ 7му пункту высочайшаго повелѣнія, 6 Февраля 1862 г. :

СТУДЕНТЫ.

1. Эрастъ Ежовъ,	8. Графъ Евгений Салиасъ-Турнемиръ.
2. Осипъ Когопъ,	9. Юліанъ Сутовичъ,
3. Федоръ Кобяковъ,	10. Николай Хлѣбниковъ,
4. Борисъ Ландо,	11. Михаилъ Черниковъ,
5. Аршакъ Мянсаровъ,	12. Вячеславъ Шараповъ,
6. Константинъ Парчевскій,	13. Александръ Зельверовичъ.
7. Николай Славутинскій.	

ВОЛЬНОСЛУШАТЕЛИ.

14. Василій Васильевъ,	15. Исаакъ Гуровичъ.

РОСПИСАНІЕ ДОХОДОВЪ И РАСХОДОВЪ

МИНИСТЕРСТВА УДѢЛОВЪ
въ 1859 году.*

ДОХОДЫ.

1.—УДѢЛЬНЫЙ ОБОРОКЪ.

	По общему удѣлу.	По удѣлу покойной королевы Виртембергской.
По поземельному сбору	2,190,236 83	201,576 25
По подушнымъ окладамъ	347,585 85	50,646 85
Съ оброчныхъ статей	368,647 2	25,299 69
Итого	2,906,469 70	277,522 79
		3,183,792 49

2.—СЪ ОСОБЫХЪ ИМѢНІЙ.

Ревельскаго	254 12½	
Выборгскаго	415 12	
		669 24½

* Мы не могли воздержаться, чтобы не переиздать цѣлкомъ этого замѣчательнаго оффиціальнаго произведенія.

3.—ПРОЦЕНТОВЪ НА ССУДЫ ИЗЪ УДѢЛЬНАГО КАПИТАЛА.

Изъ кабинета его величества . . .	87,194	64	(1)
Изъ комиссій погашенія долговъ . . .	59,469	20	(2)
Изъ главнаго казначейства . . .	268,255	14½	(3)
Отъ гвардіи полковника Никитина . . .	441	51	(4)
		415,360	49½(5)
Всего . . .		3,599,822	23

РАСХОДЫ.

1.—НА СОДЕРЖАНІЕ ИМПЕРАТОРСКОЙ ФАМИЛИИ.

НХЪ ИМПЕРАТОРСКИМЪ ВЫСОЧЕСТВАМЪ :

Великому князю Константину Николаевичу	200,000	14
Супругѣ его, вел. княг. Александрѣ Юсифовнѣ	43,000	0
Велик. кн. Николаю Константиновичу	14,285	71
Великой княж. Ольгѣ Константиновнѣ	14,285	71
Великой княж. Вѣрѣ Константиновнѣ	14,285	71
Великому кн. Николаю Николаевичу старшему	200,000	14
Супругѣ его, велик. княг. Александрѣ Петровнѣ	43,000	0
Великому кн. Николаю Николаевичу младшему	14,285	71
Великому кн. Михаилу Николаевичу	200,000	14
Супругѣ его, великой княгинѣ Ольгѣ Феодоровнѣ	43,000	0
Великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ	285,715	0
Великой княгинѣ Маріи Николаевнѣ	185,714	28½
Велик. княг. Екатерины Михайловнѣ (43 т. р.) и супругу ея (28,660 р.)	71,600	0
Великой княгинѣ Маріи Павловнѣ	32,857	14½
Великой княгинѣ Аннѣ Феодоровнѣ	52,142	85½
Принцу Петру Голштейну - Ольденбургскому, изъ доходовъ съ удѣла ея величества покойной королевы Виртембергской	161,952	53½
На платежъ добавочныхъ процентовъ на принадлежащія членамъ императорской фамилии капиталы по брачнымъ договорамъ	15,228	37
Всего	1,605,639	16 (6)

2.—НА СОДЕРЖАНІЕ ДВОРЦОВЪ.

а) несостоящихъ въ управленіи департамента удѣловъ.

Собственнаго его императорскаго величества Николаевскаго Дворца и упраздненной конюшенной части сего дворца	37,684	98(7)
Собственной его императорскаго величества дачи	4,000	0
Константиновскаго Дворца	25,000	0
Знаменскаго дворца его императорскаго высочества великаго князя Николая Николаевича старшаго	19,079	29
Царскосельской его высочества дачи	4,344	72
Дворца его императорскаго высочества въ боѣ почивающаго великаго князя Михаила Павловича	17,142	85½
Каменноостровскаго дворца	28,571	42½

(1) Государь беретъ у себя въ займы.

(2) Государь даетъ въ займы государству, которое его предшественники и онъ самъ вовлекли въ долги.

(3) Государь даетъ въ займы государству на расходы.

(4) Это уже совершенно частное дѣло; вѣроятно государь ссужаетъ полковника по дружбѣ, а не изъ разсчета.

(5) Капитализируя изъ 5% оказывается у царской фамилии капитала, розданаго въ займы 8,307,200 рублей серебромъ.

(6) Это вѣроятно столовые и карманные деньги, потому что квартирныя всѣ особо.

(7) Какимъ это упраздненная конюшенная часть дворца, и какъ можно содержать упраздненную часть?

Маринскаго дворца и дачи сергіевки	35,000	0
Стрѣльнинскаго дворца	33,369	43
Оріандскаго дворца, въ Таврической губерніи	6,852	16
На содержаніе Михайловской дачи	4,000	0
На ремонтъ строеній Михайловской дачи	2,661	0
На ремонтъ конюшенныхъ зданій на Знаменской дачѣ	7,438	25
На содержаніе строительной конторы министерства императорскаго двора	9,239	0
На содержаніе придворной охоты, въ добавокъ къ ассигнованнымъ по штату Егермейстерскаго вѣденія	30,712	18(8)
	265,095	28½

в) состоящихъ въ управленіи департамента удѣловъ.

Тверскаго	2,861	52
Ревельскаго	4,635	25
Красносельскихъ съ принадлежностями	20,252	97
	27,749	74
	292,845	2½

3.—ПО ДЕПАРТАМЕНТУ УДѢЛОВЪ.

Его сіятельству, господину министру императорскаго двора, графу Владимиру Феодоровичу Адлербергу, столовыхъ	3,428	58
Господину предсѣдателю департамента, генералъ отъ инфантеріи Михаилу Николаевичу Муравьеву, содержанія	8,000	0
Господину помощнику предсѣдателя департамента, дѣйствительному статскому совѣтнику графу Юлію Ивасовичу Стенбоку, содержанія	3,850	0
Состоящему при господинѣ министрѣ императорскаго двора, дѣйствительному статскому совѣтнику Арапетову	3,000	0(9)
На содержаніе канцеляріи предсѣдателя департамента	1,871	45
Членамъ общаго присутствія, начальникамъ отдѣленій и прочимъ чиновникамъ жалованья и столовыхъ, а также на канцелярскіе и прочіе расходы	121,968	55
На выдачу награжденія отличившимся чиновникамъ и служителямъ	4,285	72
На составленіе пенсіоннаго капитала для чиновниковъ департамента, состоящихъ на службѣ	2,857	16
На прогоны для чиновниковъ, командированныхъ изъ департамента въ удѣльныя мѣстности	2,857	16
На содержаніе священнослужителей и другіе расходы для церкви департамента	2,114	30(10)
На содержаніе инвалидной No. 1-й полуроты	6,062	18
На ремонтъ, отопленіе и освѣщеніе домовъ департамента удѣловъ	14,047	44
	174,342	52

(8) Мы большіе охотники до заглавій и потому съ удовольствіемъ видимъ, что строительная комиссія и придворная охота составляютъ дворцы и потому вошли въ отдѣлъ содержанія дворцовъ. Впрочемъ изъ удѣловъ на придворную охоту отпускаются только добавочныя, а главная сумма идетъ изъ государственныхъ доходовъ. Оно и не мудрено : въ сущности провести черту между удѣлами и государственными имуществами невозможно, или все удѣльное или все государственное.

(9) !...

(10) Церковь департамента ! — и это не дурно.

4.—НА СОДЕРЖАНІЕ ОСОБЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

Землемѣрнаго училища	7,128	6
Петергофской Гранитной фабрики	33,225	0
	40,353	6

5.—ПО УДѢЛЬНЫМЪ КОНТОРАМЪ.

На жалованье и прочее содержаніе служащимъ въ конторахъ, а также на канцелярскіе и другіе расходы	288,200	59
На ремонтъ зданій и мостовъ, состоящихъ въ вѣденіи Красносельской конторы	1,761	90
На содержаніе Красносельскаго удѣльнаго госпиталя	3,538	88
На прогоны и порціоны чиновникамъ, командируемымъ въ имѣнія по дѣламъ службы	21,392	86
На уплату Московской дворцовой конторы, взаимнаго дохода съ озера при селѣ Тайнинскомъ и за землю внутри удѣльной дачи села Люберицъ и деревни Панковъ	137	14½
На ремонтъ оброчныхъ статей	1,428	58
На уплату страховыхъ за пересылку въ департаментъ удѣльныхъ доходовъ	10,000	0
	326,459	95½(11)

6.—НА РАЗНЫЕ РАСХОДЫ.

На производство разнымъ лицамъ пенсій и другихъ выдачъ	46,746	91½
На воспитаніе пансионеровъ и пансионеровъ удѣльнаго вѣдомства	20,000	0
На содержаніе крестьянъ Карамышева и Карсѣева, помѣщенныхъ въ императорскую академію художествъ, для усовершенствованія въ живописи	600	0
	67,346	91½

7.—НА СОДЕРЖАНІЕ Л. ГВ. СТРѢЛКОВАГО БАТАЛІОНА ИМПЕРАТОРСКОЙ ФАМИЛІИ, А ИМЕННО :

На жалованье шефу баталіона	1,116	30
На жалованье, обмундировку и прочее содержаніе чинамъ баталіона	49,942	1½
На негласныя пособія недостаточнымъ офицерамъ	6,000	0
На добавочное содержаніе медикамъ : Сидорову 476 20 Соколову 172 10	648	30
На содержаніе хора музыкантовъ	385	50
На содержаніе 12-ти музыкантскихъ учениковъ	330	84
	58,422	95½(12)
Всѣхъ расходовъ въ 1859 году положено	2,565,409	59½
За тѣмъ отъ доходовъ этого года должно быть остатка	1,034,412	63½(13)
Балансъ	3,599,822	23

(11) На жалованье конторамъ и департаменту 500,801 р. Крестьяне платятъ слишкомъ по 50 коп. съ души на чиновниковъ, то есть для того, чтобы быть ограбленными.

(12) Почему стрѣлковый баталіонъ содержится на счетъ императорской фамилии, а не на счетъ государства? Стало, предполагается, что это нѣчто личное, гвардія въ гвардіи для личной безопасности, лично императорской фамилией нанимаемая, нѣчто въ родѣ напсннхъ швейцаровъ. Мы не знаемъ на сколько также положеніе пріятно стрѣлковому баталіону.

(13) Вѣроятно этотъ остатокъ причислится къ капиталу императорской фамилии. Надо беречь копѣйку на черный день; жаль только, что эта копѣйка чужая, трудовая, мужицкая. За чѣмъ же баринъ беретъ съ мужика лишнее, если ему оброка дѣвать не куда? Это не хорошо. Корысть не хороша и въ частныхъ людяхъ, жить захватомъ не годится, и копѣй не трудовая, а захваченная у бѣдныхъ деньги и того хуже. А для царей собирать деньги съ народа для того, чтобы копѣй свой личный капиталъ—это ужъ вовсе непостижимо.

С М Ъ С Ъ.

ДУРНЫЯ ОРУЖІЯ.

HAMLET	One!
LAERTES	No!
HAMLET	Judgement.

Вотъ какія времена пришли, нашъ *монологъ* становится мало по малу *диалогомъ*, продолжая говорить и говорить безъ отвѣта, мы договорились такъ до того, что начальство разрѣшило насъ упоминать, намъ отвѣчать, насъ бранить. Спасибо и на томъ.

“Современная Лѣтопись” (№. 20), ударила насъ своей учительской линейкой, но сторяча, чуть-ли не повредила себѣ больше чѣмъ намъ. Говорятъ, что если хочешь узнать характеръ знакомаго, то надобно посмотреть на него, когда онъ проигрываетъ въ карты. Не всѣ игроки, да еще поди жди проигрыша; а сердятся всѣ—стоитъ посмотрѣть на человѣка, какъ онъ сердится, какъ онъ даетъ отвѣстку, какими оружіями нападаетъ, мститъ и сей часъ узнаешь—левъ-ли это заносищій лапу и готовый разорвать, оселъ-ли, отвѣчающій копытомъ, да и то повернувшись задомъ, или звѣрь, который обороняется воюю. Примѣръ животныхъ впрочемъ не идетъ, средства ихъ очень ограничены, судьба ихъ лишила мощныхъ человѣческихъ орудій—доноса и клеветы. Животное царство, не имѣетъ третьяго отдѣленія скотнаго двора.

Статья наша “сенаторамъ и тайнымъ совѣтникамъ журнализма” попала въ цѣль. Сенаторы разсердились, и разсердились какъ слѣдуетъ сенаторамъ, не римскимъ, а московскихъ департаментовъ, т. е. до потери сознанія о *добрѣ и злѣ* средствъ, ими употребляемыхъ. Что избалованные люди, привыкшіе себя считать неприкосновенными—статсдамами общественнаго мнѣнія разсердились за нашъ совѣтъ заниматься *матаматикой* и не тормозить, мертвящей схоластикой, юные порывы просыпающейся страны—это понятно; что ученый гнѣвъ ихъ разразился тяжело и тупо—и это въ порядкѣ вещей. Но что насъ удивило—это отсутствіе того такта, того декорума, того нравственнаго чутія, по которому человѣкъ никогда не беретъ за нѣкоторыя оружія. Какъ могли они подъ вліяніемъ раздраженнаго самолюбія наклониться до полицейской лужи и съ ея дна брать камни для своего праща, какъ будто они не знаютъ, что оттуда ни куда не добросишь, а камень падаетъ назадъ? какъ могли они подогрѣть обвиненія Елагина и повторить остроумныя замѣчанія Ш отдѣленія?

Насъ этимъ они не оскорбили, но пусть посмотрятъ на свои руки—чисты-ли онѣ.

“Неужели суждено (говоритъ лѣтописецъ) еще продлиться этому анархическому состоянію общественнаго мнѣнія, этому положенію вещей, въ которомъ раздраженные и разлаженные общественныя силы сталкиваются между собою, парализируя себя взаимно и предоставляя агитировать кому вздумается, какому-нибудь *свободному артисту*,* который уже серьезно воображаетъ себя представителемъ русскаго народа, рѣшителемъ его судебъ, распорядителемъ его владѣній, и дѣйствительно вербуетъ себѣ приверженцевъ во всѣхъ углахъ Русскаго царства, и самъ сидя въ безопасности, за спиною Лондонскаго полицмена, для своего развлеченія высылаетъ ихъ на разные подвиги, которые кончаются казематами или Сибирью, да еще не велитъ “сбивать ихъ столку” и “не говоритъ ему подъ руку?” Кто этому остро слову “*выболтавшемуся вою*” (*sit venia verbo*) изъ всякаго смысла, кто даетъ ему эту силу и этотъ призракъ власти? Не даромъ-же воображаетъ онъ себя Цезаремъ, презрительно ожидающимъ своихъ Брутовъ и Кассіевъ, и наконецъ “мессіей въ ясляхъ”. Легко смѣяться надъ безобразіемъ и безуміемъ; но явленіе, котораго мы коснулись, не смѣшно, а прискорбно. Въ этомъ цезарѣ и въ этомъ мессіи читаемъ мы ясно свое собственное безобразіе.

* Должно быть это какое нибудь новое ругательное слово, можетъ это значить воръ, доктринеръ или шулеръ? Ей богу, не знаемъ.

Можетъ-быть намъ удастся поговорить иѣсколько подро-нѣе объ этомъ; но мы не можемъ не замѣтить, что должно-же быть въ настоящемъ порядкѣ вещей что-нибудь радикально неправильное, если оно дѣлаетъ возможными подобныя явленія...

Мы обращаемся прямо къ совѣсти издателей "Современной Лѣтописи" и спрашиваемъ ихъ. *Кого-же это, когда, при какомъ случаѣ погубилъ нашъ совѣтъ, кого свелъ въ казематы и Сибирь? Намъ достаточно одного имени. Если издатели не могутъ назвать его, (по обстоятельствамъ отъ редакціи не зависящимъ) пусть назовутъ его самимъ себѣ... для насъ и этого довольно. Если рѣчь идетъ о Михайловѣ, то неужели вы, публицисты, журналисты, остались при первыхъ выдумкахъ, при голубыхъ уткахъ и московскихъ сплетняхъ? Его исторія теперь извѣстна, она не тайна съ тѣхъ поръ, какъ несчастный Михайловъ на каторгѣ... Да можетъ вы такъ сказали для тѣни, а жандармы-то въ III отдѣленіи радуются и ликуютъ, ударяя въ шпоры сладкогласныя!*

Далѣе, чему вы обрадовались чужой острогѣ, что я считаю себя Цезаремъ? Какъ же вы то сами, Цицероны, не поняли всю нелѣпость этой уловки, надъ которой въ первый разъ можно было улыбнуться, а во второй нельзя даже зѣвнуть. Нѣтъ, господа, вы дурно сердитесь... И мы вамъ совѣтуемъ всего прежде успокоится, даъ улежаться дурнымъ сокамъ поднимающимся съ кровью въ вашу голову и потомъ отвѣчать. А то посмотрите, вы въ азартѣ не понимаете простаго смысла фразъ; скажите на милость, можно-ли человѣку, *сохранившему* здравый смыслъ, прибавить къ чужому Цезарю свою чужь объ ясляхъ.* Нѣтъ господа, вы не умно сердитесь!

По словамъ вашего предшественника Елагина, вы толкуете съ упрекомъ о томъ, что мы сидимъ *безопасно въ Лондонѣ за спиною полисмена*. Почему-же полисмена, ученики Елагина, но и ученики Гнейста? Почему-же не за спиной свободной англійской конституціи? отчего это когда вы писали вашу статью васъ всё беспокоили полицейскіе образы и тѣни?

И такъ, вы подцензурные литераторы, журналисты въ колодахъ, вы вздыхающіе о свободѣ книгопечатанія, вы представляете актомъ самосохраненія нашу дѣятельность въ Лондонѣ, вы представляете трусостью, что русское свободное слово раздалось впервые разъ, когда вы всё повѣсили носъ и притихли какъ пойманные школьники въ худшее время николаевского террора... И что за наивное непониманіе, что свободное слово только и могло раздаться тамъ, гдѣ (употребляя ваше выраженіе) спина полицейскаго ограждаетъ человѣка отъ дикой власти, а не тамъ гдѣ спина профессоровъ гнется передъ полицейскимъ начальствомъ—прося его о присылкѣ дикой власти въ университетъ.

Вамъ не нравится то что мы печатаемъ за границей,—отчего-же вы сами не печатаете? если мы ошибались,—отчего вы не возражали намъ? если мы сбивались съ пути,—отчего вы намъ не указывали его?... Намъ кажется, что свободная рѣчь, какъ чистый воздухъ чахоточному, слишкомъ рѣзка для васъ. То-ли дѣло съ сурдинкой, съ *важнымъ* невысказываемымъ, съ намекомъ на какую-то глубь премудрости... "Отвѣрите мнѣ темницу, отнимите мнѣ цензуру и посмотрите что за гималайская маина словъ посыплется на васъ..." Ну какъ вы въ самомъ дѣлѣ, господа, накличете свободу книгопечатанія... вѣдь бѣда!

На первый случай довольно, впрочемъ еще одно слово. и я не буду больше отнимать ваше драгоценное, для *математики*, время. Вы кажется полагаете, что я изъ фанфаронства выдумалъ, или изъ безумнаго самолюбія повѣрилъ

* Дѣйствительно, намъ приходится сомнѣваться въ добросовѣстности или въ здравомъ смыслѣ ученыхъ редакторовъ "Лѣтописи", въ заключеніи моей статьи, сказано: "Вы еще ждете Мессію по писаніямъ, въ церковномъ облаченіи, въ сіяніи и торжествѣ, въ сопровожденіи самаго Молнарна... а онъ родился опять въ овчарнѣ. Мы согласны съ вами, что за мѣсто для потомка царя Давида—въ ясляхъ?"

И это будто она приняла за то, что я говорю о себѣ!

шуткѣ и въ силу того передалъ общественному позору угрозы полицейскихъ Брутовъ и Кассіевъ, если вы *думаете такъ* (знать навѣрное вамъ нельзя, потому что для этого надобно имѣть знакомство съ III Отдѣленіемъ вообще и съ Шува-ловымъ въ особенности, чего боже сохрани), то не хотите-ли убѣдиться въ противномъ? *Именно теперь*, я могу указать вамъ *одинъ изъ путей*, по которому я получилъ извѣщеніе, и лицо, *въ высокомъ нравственномъ достоинствѣ котораго вы не сомнѣваетесь*, можетъ вамъ сказать—была-ли это шутка или нѣтъ.

Хотите?

И—рѣ.

20 іюня 1862.

— *Новая тюрьма.*—Сердобольное русское правительство (Долгорукій, Панинъ и Ко.), въ отеческомъ попеченіи своемъ о благѣ народа, озабочено теперь устройствомъ тюрьмы для политическихъ преступниковъ, такъ какъ число ихъ увеличивается и *въ будущемъ предвидится ихъ еще больше (!)* Въ началѣ Мая схвачены, артиллерійскій офицеръ Аверкіевъ, учитель гимназіи Дозе, бывшіе студенты Еврейнновъ и Яковлевъ и одинъ ученикъ академіи художествъ; было еще нѣсколько арестовъ и обысковъ, между прочимъ не пощажены и прекрасный полъ (обыски были у Гжѣ Александровской и Блюмеръ). Число лицъ, состоящихъ подъ надзоромъ полиціи возрастаетъ

— *Старая исторія.*—Мы получили подробное описаніе гадкой исторіи Сабурово-Адлербергской, напечатанной уже въ "Правдивомъ" 12 Мая; тутъ всё есть и несчастная жертва административнаго разврата, (*ученица* театральнаго училища), и суммы внесенныя Адлербергу и безсиліе государыни,* и безнаказанность Сабурова; какъ не гадко Александру Николаевичу въ этомъ обществѣ? Вотъ что значить плохое воспитаніе и дурныя привычки, конечно и Христосъ былъ распятъ между Паткулями и Адлербергами, но вѣдь онъ былъ распятъ, а кутить съ ними, съ шапкой Мономаха на бекрень—не хорошо. Мы это говоримъ со скорбью, съ истинной скорбью!

— Что-то сдѣлаетъ Константинъ Николаевичъ въ Польшѣ? Офиція-та флотская чай какъ радуется, опять линьки, кулаки, швабра, въ гробъ заколачивать матросовъ. Да и вообще чай на вершинахъ Петрограда веселье. Варшава далеко, дѣлай себѣ какъ знаешь, намъ то-бы перевести духъ, тѣлесныя-то отстоять, землицей-то поприжать. Ну тамбуръ-мажоръ юстиціи—веселый маршъ и по три Буткова на право—жай!

— *Злодѣйство бѣлевской помѣщицы Муромцевой.*—"Тульской губерніи, Бѣлевскаго уѣзда, въ с-цѣ Савинковѣ, временно-обязанная дворовая женщина Наталя Дементьева, 23 лѣтъ, скоростижно умерла отъ побоевъ, причиненныхъ ей помѣщицею Муромцевою. О семъ производится слѣдствіе." (Тул. Губ. Вѣд.).

И послѣ этого есть люди, которые дивятся, что крестьяне не вѣрятъ своему освобожденію? Когда-же въ самомъ дѣлѣ правительство на столько оѣразумится, чтобы принять какія нибудь мѣры, прогнѣвъ шляхетнаго канібальства?

— *Отъ редакціи.*—Мы получили на дняхъ 764 фр. назначенныя нуждающимся студентамъ, въ Петербургѣ и Москвѣ. Деньги эти будутъ доставлены. Сверхъ того получены нами 1,000 фр. съ особымъ назначеніемъ.

* По несчастію она только сильна, когда дѣлаетъ не вѣдая что творить, волю всякихъ Леонтьевыхъ, Валетовыхъ, подковырнувшихъ въ Смоленскъ монастырь Ушинскаго.

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи, 136 & 138 Caledonian Road, London N.

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM,

КОЛОКОЛЪ

VIVOS VOCO!

Выходитъ еженедѣльно въ Лондонѣ.
Цѣна 6 пенсовъ. Получается въ Волъной
Русской Типографіи, 136 & 138 Caledonian
Road, N.

ЛИСТЪ 138.

1 Іюля 1862.

(WITH SUPPLEMENT NO. 19).

У Трубнера & Со. въ книжной лавкѣ,
60, Paternoster Row, и у Tchorzewski,
1, Macclesfield Street, (Gerrard Street),
Soho, London. Price six-pence.

О ГЛАВЛЕНІИ.—Концы и Начала (Письмо первое).—Различіе Нѣкоторыхъ Вопросовъ, Государственная Свѣдѣнность (Продолженіе).

Смѣсь: Москва въ Польшѣ—Отъ князя П. В. Долгорукова—Отъ редакціи.

КОНЦЫ И НАЧАЛА.

(Письмо первое).

И такъ, любезный другъ, ты рѣшительно дальше не ѣдешь, тебѣ хочется отдохнуть въ тучной осенней жатвѣ, въ тѣнистыхъ паркахъ, лѣниво колеблющихся свои листья, послѣ долгаго знойнаго лѣта. Тебя не страшитъ, что дни уменьшаются, вершины горъ бѣлѣютъ и дуетъ иногда струя воздуха зловѣщая и холодная—ты больше боишься нашей весенней распутицы, грязи по колѣно, дикаго разлива рѣкъ, голой земли, выступающей изъ-подъ снѣга—да и вообще нашего упованія на будущій урожай, отъ котораго мы отдѣлены бурями и градомъ, ливнями, засухами и всѣмъ тяжелымъ трудомъ, котораго еще мы не сдѣлали..... Что-же, съ богомъ, разстанемся, какъ добрые попутчики, въ любви и совѣтѣ.

..... Тебѣ остается не большая упряжка, ты пріѣхалъ—вотъ свѣтлый домъ, свѣтлая рѣка, и садъ, и досугъ, и книги въ руки. А я, какъ старая почтовая кляча, затянущаяся въ гоньбѣ, изъ хомута въ хомутъ, пока грохнусь гдѣ-нибудь между двумя станціями.

Будь увѣренъ, что я вполне понимаю и твой страхъ, смѣшанный съ отвращеніемъ, передъ неустройствомъ ненаѣзженной жизни, и твою привязанность къ выработавшимся формамъ гражданственности и притомъ къ такимъ, которыя *могутъ быть лучше*—но которыхъ *нѣтъ лучше*.

Мы вообще, люди европейской, городской цивилизаціи, можемъ жить только по готовому. Городская жизнь насъ приучаетъ съ малолѣтства къ скрытому, закулискому замкнутію и уравновѣшенію нестройныхъ силъ; сбиваясь случайно съ рельсовъ, на которые она насъ вводитъ съ дня рожденія и осторожно двигаетъ, мы теряемся, такъ какъ кабинетный ученый, привыкнущій къ музеямъ и гербаріямъ, къ звѣрямъ въ шкапу, теряется поставленный лицомъ къ лицу со слѣдами геологическаго переворота или съ густымъ населеніемъ средиземной волны.

Мнѣ случилось видѣть двухъ, трехъ отчаянныхъ ненавистниковъ Европы, возвращавшихся изъ-за океана. Они поѣхали туда, до того оскорбленные реакціей послѣ 1848, до того озлобленные противъ всего европейскаго, что едва останавливались въ Нью-Йоркѣ, торопясь въ Канзасъ, въ Калифорнію. Года черезъ три, четыре они снова явились въ

родныя кафе и пивныя лавочки старой Европы, готовые на всѣ уступки—лишь-бы не видать дѣвственныхъ лѣсовъ Америки, ея непочатой почвы, лишь-бы не быть tête à tête съ природой, не встрѣчать ни дикихъ звѣрей, ни змѣй съ гремушками, ни людей съ револьверами. Не надобно думать впрочемъ, что ихъ просто испугала опасность, матеріальная нужда, необходимость работы—и здѣсь мрутъ съ голода не работая, и здѣсь работаютъ по 16 часовъ въ сутки; а опасность полиціи и шпионства на старомъ континентѣ превышаетъ опасность звѣрей и револьверовъ. Ихъ испугала, утомила пуще всего нечеловѣческая природа, отсутствіе того благоустроеннаго порядка, того, администраціей обеспеченнаго, покоя, того художественнаго и эцикуррейскаго комфорта, которые обуславливаются долгой жизнію на одномъ мѣстѣ, берегутся сильными полицейскими плотинами, покоятся на невѣжествѣ массъ и защищаются перковью, судомъ и казармами. За эту чечевичную похлебку, *хорошо сервированную*, мы уступаемъ долю челоуѣческаго достоинства, долю состраданія къ ближнему, и *отрицательно* поддерживаемъ порядокъ, въ сущности намъ противный.

Во Франціи мы видѣли другой примѣръ: беллетристы, жившіе въ риторикѣ, художники, жившіе въ искусствѣ для искусства и для денегъ, были внѣ себя отъ безпокойства, причиненнаго февральской революціей. У насъ есть знакомый учитель пѣнья, который отъ 1848 года переселился изъ Парижа въ Лондонъ, въ отечество горловыхъ болѣзней, бронхитовъ, астмовъ и разговора сквозъ зубы,—только чтобъ не слышать набата и дѣйствительнаго хора массъ.

Въ теперешней Россіи соединены обѣ причины, заставлявшія людей бѣжать изъ Парижа и изъ Арканзаса. Въ Америкѣ пугала пуще всего *голая* природа, дикая природа, у которой сотвореніе міра на листахъ не обсохло, и которую мы такъ горячо любимъ въ картинахъ и поэмахъ (человѣкъ съ револьверомъ, наивно убивающій ближняго, относится также къ пампамъ, какъ и наивный тигръ съ своими зубами въ вершокъ величины). Во Франціи, природа ничего, прибрана и выметена, тигры не ходятъ, а виноградъ растетъ; но за то въ 1848 тамъ снова разнуздались страсти и снова покачнулись основы благочинія. У насъ, при непочатой природѣ, люди и учрежденія, образованіе и варварство, прошедшее,

умершее вѣка тому назадъ, и будущее, которое черезъ вѣка народится—все въ броженіи и разложеніи, валится и строится, вездѣ пыль столбомъ, стропилы и вѣхи. Дѣйствительно, если къ нашимъ дѣвственнымъ путямъ сообщенія прибавить мужественныя путя наживы чиновниковъ, къ нашей глинистой грязи грязь помѣщичьей жизни, къ нашимъ зимнимъ выюгамъ зимній дворецъ; а тутъ генералитетъ, кабинетъ, буфетъ, филаретъ, жандармскій авангардъ цивилизаціи изъ нѣмцевъ—и арьергардъ съ топорами за кушакомъ, съ стихійной мощью, и стихійной неразвитостію—то, сказать откровенно, надобно имѣть сильную *зязнюбу или сильное помѣшательство*, чтобъ по доброй волѣ ринуться въ этотъ водоворотъ, искупающій все неустройство свое пророческими радугами и великими образами, постоянно стремящимися вырѣзаться изъ-за тумана, который постоянно не могутъ побѣдить.

Зязнюба и помѣшательство своего рода таланты, и по волѣ не приходятъ. Одного тянетъ непреодолимо въ водоворотъ, другаго онъ отталкиваетъ брызгами и шумомъ. Штука собственно въ томъ, что иному сонъ милѣе отца и матери, а другому сновидѣніе. Что лучше? Я не знаю; въ сущности и то и другое пожалуй сведется на *одну бредъ*.

Но въ эти философскія общія разсужденія мы съ тобой не пустимся; они-же обыкновенно, тѣмъ или другимъ путемъ, приводятъ къ непріятному заключенію, что валяйся себѣ на перинѣ или безпокойся въ бѣличьемъ колесѣ, полезный результатъ этого будетъ одинъ и тотъ-же, чисто агрономическій: всякая жизнь, какъ поетъ студентская пѣсня, начинается съ *Juvenes dum sumus*, и оканчивается: *Nos habebit humus!* Останавливаться на этихъ печальныхъ приведеніяхъ всего на свѣтѣ *къ нулю* не слѣдуетъ: ты же назовешь эдакъ *нигилистомъ*, а нынче это крѣпкое слово, замѣнившее гегелистовъ, байронистовъ и пр.

Живой о живомъ и думаетъ. Вопросъ между нами даже не въ томъ, имѣетъ-ли право человѣкъ удалиться въ спокойную среду, отойти въ сторону, какъ древній философъ передъ безуміемъ назарейскимъ, передъ наплывомъ варваровъ. Объ этомъ не можетъ быть спору. Мнѣ хочется только уяснить себѣ, въ самомъ-ли дѣлѣ вѣковыя обители, упроченныя и обросшія западнымъ мохомъ, такъ покойны и удобны, а главное такъ прочны, какъ были, и съ другой стороны нѣтъ-ли въ самомъ дѣлѣ какихъ нибудь чаръ въ нашихъ сповидѣніяхъ подъ снѣжную выюгу, подъ трюичные бубенчики, и нѣтъ-ли основанія этимъ чарамъ?

Было время, ты защищалъ *идеи* западнаго міра, и дѣлалъ хорошо; жаль только, что это было совершенно не нужно. Идеи Запада, т. е. наука, составляла давнымъ давно всѣми признанный маіоратъ человѣчества; ее гораздо прежде, чѣмъ нѣмѣе князи Меншикова алмскаго, нельзя было ни продать, ни заложить. Наука совершенно свободна отъ меридіана, отъ экватора, она какъ гетевскій Диванъ—западно-восточная.

Теперь ты хочешь права маіората перенести и на самыя формы западной жизни, и находишь, что исторически выработанный бытъ европейскихъ бель-этажей одинъ соответствуетъ эстетическимъ потребностямъ развитія человѣка, что онъ только и даетъ необходимыя условія умственной и художественной жизни, что искусство на Западѣ родилось, выросло, ему принадлежитъ, и что наконецъ другаго искусства нѣтъ совсѣмъ. Остановимся на этомъ сначала.

Пожалуйста не подумай, что съ точки зрѣнія суроваго цивизма и аскетической демагогіи, я стану возражать на то мѣсто, которое ты даешь искусству въ жизни. Я съ тобой согласенъ въ этомъ. Искусство—*c'est autant de pris*; оно, вмѣстѣ съ зарницами личнаго счастья, единственное, несомнѣнное благо наше; во всемъ остальномъ мы работаемъ или толчемъ воду—для человѣчества, для родины, для извѣстности, для дѣтей, для денегъ, и притомъ разрѣшаемъ безконечную задачу;—въ искусствѣ мы наслаждаемся, въ немъ цѣль достигнута, это тоже концы.

И такъ, отдавъ Діанѣ эфесской, что Діанѣ принадлежитъ, я тебя спрошу, о чемъ ты собственно говоришь, о настоящемъ или прошедшемъ? О томъ-ли, что искусство развилось на Западѣ, что Дантъ и Бонаротти, Шекспиръ и Рембрандтъ, Моцартъ и Гёте, были по мѣсту рожденія и по мнѣніямъ *западниками*? Но объ этомъ никто не споритъ. Или ты хочешь сказать о томъ, что долгая историческая жизнь приготовила и лучшую арену для искусства, и красивѣйшую раму для него, что хранилищныя въ Европѣ пышнѣе, чѣмъ гдѣ нибудь, галереи и школы богаче, учениковъ больше, учителя даровитѣе, театры лучше обставлены и пр., и это такъ (или почти такъ, потому что съ тѣхъ поръ какъ большая опера возвратилась къ первобытному состоянію бродячихъ изъ города въ городъ комедіантовъ, одна великая опера и есть *überall und nirgends*). Вся Америка не имѣетъ такого Campo Santo какъ Пиза, по все-же Campo Santo кладбище; къ тому-же довольно естественно, что тамъ, гдѣ было больше коралловъ, тамъ и коралловыхъ рифовъ больше... Но гдѣ же во всемъ этомъ искусство творческое, живое, гдѣ художественный элементъ въ самой жизни? Вызывать постоянно усопшихъ, повторять Бетховена, играть Федру и Аталію очень хорошо, но ничего не говоритъ въ пользу творчества. Въ скучнѣйшія времена Византии, на литературныхъ вечерахъ читали Гомера, декламировали Софокла; въ Римѣ берегли статуи Фидіаса и собирали лучшія изваянія наканунѣ Генсериховъ и Алариховъ. Гдѣ-же новое искусство, гдѣ художественная инициатива? Развѣ въ *будущей* музыкѣ Вагнера?

Искусство не брезгливо, оно всё можетъ изобразить, ставя на всемъ неизгладимую печать дара духа изящнаго и безкорыстно поднимая всякую случайность бытія, всякой звукъ и всякую форму, сонную лужу подъ деревомъ, вспорхнувшую птицу, лошадь на водопоѣ, нищаго мальчика, обожженного солнцемъ, въ уровень Мадонъ и полу-боговъ. Отъ дикой, грозной фантазіи ада и страшнаго суда, до фламанской таверны съ своимъ отвернувшимся мужикомъ, отъ Фауста до Фобласа, отъ Requiem'a до Камаринской, всё подлежитъ искусству... Но и искусство имѣетъ свои предѣлы. Есть камень преткновенія, который рѣшительно не беретъ ни смычокъ, ни кисть, ни рѣзецъ; искусство, чтобъ скрыть свою немоготу, издѣвается надъ нимъ, дѣлаетъ каррикатуры. Этотъ камень преткновенія—*мъщанство*... Художникъ, который превосходно набрасываетъ человѣка совершенно голаго, покрытаго лохмотьями, или до того совершенно одѣтаго, что ничего не видать кромѣ желѣза или монашеской рясы, останавливается съ отчаяніемъ передъ *мъщаниномъ во фракѣ*. Отсюда посягательство Роберту Пилю набросить римскую тогу, съ какого нибудь банкира сплѣсть сертукъ, галстукъ и отогнуть ему рубашку, такъ что еслибъ онъ послѣ смерти самъ увидѣлъ свой бюстъ, то передъ своей женой покраснѣлъ-бы

до ушей... Роберт Макеръ, Приюдомъ—великія каррикатуры, иногда геніально вѣрныя, вѣрныя до трагическаго у Диккинса, но каррикатуры; далѣе Гогарта этого родъ идти не можетъ. Ванъ-Дикъ и Рембрандтъ мѣщанства—Пуши и Шаривари, это его портретная галерея и лобное мѣсто. Это фампльныя *фасты* и пилори.

Дѣло въ томъ, что весь характеръ мѣщанства, съ своимъ добромъ и зломъ, противенъ, тѣсепъ для искусства; искусство въ немъ вянетъ какъ зеленый листъ въ хлорѣ, и только всему человѣческому присущія страсти могутъ, изрѣдка врываясь въ мѣщанскую жизнь или, лучше вырываясь изъ нея чуждой среды, поднять ее до художественнаго значенія.

Чинный,—это настоящее слово. У мѣщанства, какъ у Молчалина, два таланта и тѣ-же самые “умѣренность и аккуратность”. Жизнь средняго состоянія полна мелкихъ недостатковъ и мелкихъ достоинствъ, она воздержна, часто скупа, бѣжитъ крайности, излишняго. Садъ превращается въ огородъ, крытая соломой изба въ небольшой уѣздный домикъ съ разрисованными щитами на ставняхъ, но въ которомъ всякій день пьютъ чай и всякій день ѣдятъ мясо. *Это огромный шагъ впередъ*, но вовсе не артистическій. Искусство легче сживается съ нищетою и роскошью, чѣмъ съ довольствомъ, въ которомъ видны бѣлыя плитки, чѣмъ съ удобствомъ, составляющимъ цѣль; если на то пошло, оно ближе съ куртизаной, продающей себя, чѣмъ съ нравственной женщиной, продающей втридорога чужой трудъ, вырванный у голода. Искусству не по себѣ въ чопорномъ, слишкомъ прибраномъ, расчетливомъ домѣ мѣщанина, а домъ мѣщанина *долженъ быть* таковъ; искусство чувствуетъ, что въ этой жизни оно сведено на роль внѣшняго украшенія, обоевъ, мебели, на роль шарманки, мѣшающей—проговяты, захотятъ послушать—дадутъ грошъ, и квити... Искусство, которое по преимуществу изящная соразмѣрность, не можетъ выносить аршина, этой самодовольной въ своей ограниченной посредственности жизни, запятнанной въ его глазахъ самымъ страшнымъ пятномъ въ мірѣ—*вульгарностью*.

Но это нисколько не мѣшаетъ всему *образованному* міру идти въ мѣщанство, и авангардъ его уже пришелъ. Мѣщанство—идеалъ, къ которому стремится, подымается Европа со всѣхъ точекъ дна. Это та “курица во шахъ”, о которой мечталъ Генрихъ IV. Маленькой домъ съ небольшими окнами на улицу, школа для сына, платье для дочери, работникъ для тяжелой работы, да это въ самомъ дѣлѣ гавань спасенія—*Navre de Grâce!*

Прогнанный съ земли, которую обрабатывалъ вѣка для барина, потомокъ разбитаго въ бою селянина, осужденный на вѣчную каторгу, голодъ—бездомный поденщикъ, батракъ родящійся нищимъ и нищимъ умирающій только дѣлаясь собственникомъ, хозяиномъ, буржуа, отираетъ потъ и безъ ужаса смотритъ на дѣтей; его сынъ не будетъ отданъ въ пожизненную кабалу изъ за хлѣба, его дочь не обрѣчена ни чабрикѣ, ни публичному дому. Какъ-же ему не рваться въ мѣщане?—Идеалъ *хозяина*, лавочника, этихъ рыцарей, этихъ поповъ средняго состоянія, носится свѣтлымъ образомъ передъ глазами поденщика до тѣхъ поръ, пока его заскоружилъ усталыя руки не опустятся на надломленную грудь, и онъ не взглянетъ на жизнь съ тѣмъ ирландскимъ покоемъ отчаянія, которое исключаетъ всякую мечту, всякое ожиданіе, кромѣ мечты о цѣломъ полштофѣ виски въ слѣдующее воскресенье.

Мѣщанство, послѣднее слово цивилизаціи, основанной на безусловномъ самодержавіи собственности, — демократизація аристократіи, — аристократизація демократіи; въ этой средѣ Алмавива равенъ Фигаро,—снизу все тянется въ мѣщанство, сверху все само падаетъ въ него по невозможности удержаться. Американскіе Штаты представляютъ одно среднее состояніе, у котораго нѣтъ ничего внизу и нѣтъ ничего вверху, а мѣщанскіе нравы остались. Нѣмецкій крестьянинъ — *мѣщанинъ* хлѣбопашества, работникъ всѣхъ

странъ—*будущій* мѣщанинъ. Италія, самая поэтическая страна въ Европѣ, не могла удержаться, и тотчасъ покинула своего фаватическаго любовника Мацини, измѣнила своему мужу-геркулесу — Гарибальди, лишь только геніальный мѣщанинъ Кавуръ, толстенькой, въ очкахъ, предложилъ ей взять ее на содержаніе.

Съ мѣщанствомъ стираются личности, но стерты люди сытѣе; платья дюжинныя, незаказныя, не по таліи, но число носящихъ ихъ больше. Съ мѣщанствомъ стирается красота породы, но растетъ ея благосостояніе. Античный бѣднякъ изъ Трапестере употребляется на черную работу гулявымъ лавочникомъ *Via del Corso*. Толпа гуляющихъ въ праздничной день въ Елисейскихъ Поляхъ, Кенсингтонъ-Гарденъ, собирающихся въ церквяхъ, въ театрахъ наводитъ уныніе пошлыми лицами, тупыми выраженіями, но для гуляющихъ въ Елисейскихъ Поляхъ, и для слушающихъ проповѣди Лакордера и пѣсни Левассора, до этого дѣла дѣтъ; они даже этого не замѣчаютъ. Но что для нихъ очень важно и замѣтно, это то, что отцы и старшіе братья ихъ не въ состояніи были идти ни на гулянье, ни въ театръ, а они могутъ; что тѣ иногда ѣздили на козлахъ каретъ, а они сами ѣздить и очень часто въ фіакрахъ.

Во имя *этого* мѣщанство побѣдитъ, и должно побѣдить. Нельзя сказать голодному—тебѣ больше къ липу голодъ, не ищи пищи. Господство мѣщанства, отвѣтъ на *освобожденіе безъ земли*, на открѣненіе людей и прикрѣпленіе почвы малому числу избранныхъ. Въ сильно обозначенныхъ личностяхъ, въ оригинальныхъ умахъ, нѣтъ никакой необходимости. Наука—не можетъ не натолкнуться на ближайшія открытія, фотографія, эти органы живописи, — замѣняетъ артиста; хорошо если явится художникъ съ творчествомъ, но вопіющей нужды въ немъ нѣтъ. Красота, талантъ,—вовсе ненормальны. Это исключеніе, роскошь природы, высшій предѣлъ, или результатъ большихъ усилій, цѣлыхъ поколѣній. Стать лошадей Дерби, голосъ Маріо,—это рѣдкости. По хорошая квартира и обѣдъ необходимость. Въ самой природѣ можно сказать бездна мѣщанскаго; она очень часто останавливается на середкѣ на половинѣ—видно далѣе идти духу не хватаетъ. Кто тебѣ сказалъ, что у Европы хватить?

Европа провела дурные четверть часа—мѣщанство чуть не лишилось плодовъ долгой жизни, долгихъ усилій, труда... внутри человѣческой совѣсти поднялся какой-то неопредѣленный, но страшный протестъ. Мѣщане вспомнили войны свои за права, войны съ крестьянами, вспомнили героическія времена и библейскія преданія. Ома Мюнстеръ, Ремъ, Авель были еще разъ усмирены, и на ихъ могилахъ еще долго будетъ расти трава, въ предупрежденіе того, какъ караетъ самодержавное мѣщанство. Все съ тѣхъ поръ пришло въ свой порядокъ; онъ проченъ, онъ рационаленъ изъ своихъ началъ, онъ силенъ ростомъ, но артистическаго смысла, но художественной струны въ немъ не пришло—онъ ихъ и не ищетъ; онъ слишкомъ практиченъ; онъ согласенъ съ Екатериной II, что серьезному человѣку не идетъ хорошо играть на фортепьянахъ, императрица тоже смотрѣла на мушкетъ съ *практической* точки зрѣнія. Для пѣтловъ его гряды слишкомъ уважены; для его грядъ цвѣты слишкомъ бесполезны; если онъ иногда раститъ ихъ, то это на продажу.

Весной 1850 года, я искалъ въ Парижѣ квартиру, тогда я уже на столько обжился въ Европѣ, что мнѣ опротивила тѣснота и давка цивилизаціи, которая сначала очень нравилась намъ русскимъ; я съ ужасомъ смѣшаннымъ съ отвращеніемъ смотрѣлъ на безпрестанно двигающуюся, кишашую толпу, предчувствуя какъ она у меня отниметъ полмѣста въ театрѣ, въ дилижансѣ, какъ она бросится звѣремъ въ вагоны, какъ нагрѣетъ и насытитъ собою воздухъ—а по этому я и квартиру искалъ не на юру, и сколько-нибудь не похожую,

ва уютно-пошлые и убийственно-однообразныя квартиры — въ три спальни, à trois chambres à coucher de maître.

Мнѣ кто-то указалъ флигель большаго, стараго дома по ту сторону Сены, въ самомъ С.-Жерменскомъ предмѣстьи или около. Я пошелъ туда. Старуха жена дворника взяла ключи и повела меня *дворомъ*. Домъ и флигель стояли за оградой; внутри двора, за домомъ, чахло зеленѣли какія-то деревья. Флигель былъ неубранъ, запущенъ, вѣроятно въ немъ много лѣтъ никто не жилъ. Полустаринная мебель, времени первой имперіи, съ римской прямолинейностью и почерпелой позолотой. Флигель этотъ былъ не великъ, не богатъ, но расположеніе комнатъ, мебель, все указывало на *иное* понятие объ удобствахъ жизни. Возлѣ небольшой гостинной была еще крошечная, совершенно въ сторонѣ, близъ спальни, кабинетъ съ шкапами для книгъ и большимъ письменнымъ столомъ. Я походилъ по комнатамъ, и мнѣ показалось, что я послѣ долгаго скитанья, снова встрѣтилъ человѣческое жилье, *un chez soi, а не нумеръ*, не людское стойло.

Это замѣчаніе можно распространить на все, на театры, на гулянья, на трактиры, на книги, на картины, на платье, все степенью понизилось и страшно возрасло числомъ. Толпа, о которой я говорилъ, лучшее доказательство успѣха, силы, роста, она прорываетъ все плотины, наполняетъ все и льется черезъ край. Она всемъ довольствуется, и всего ей мало, Лондонъ тѣсенъ, Парижъ узокъ. Сто прицѣпленныхъ вагоновъ недостаточны, сорокъ театровъ—мѣста нѣтъ; для того чтобы лондонская публика могла видѣть *пьесу*, надобно ее давать къ ряду три мѣсяца.

— Отчего у васъ такъ плохи сигары? спросилъ я одного лондонскаго торговца.

— Трудно доставать, да и хлопотать не стоитъ, знатоковъ мало, а богатыхъ знатоковъ еще меньше.

— Какъ не стоитъ? вы берете 8 пенсовъ за сигару.

— Это у насъ почти никакого расчета не дѣлаетъ. Ну вы и еще десять человѣкъ будутъ покупать у меня, много-ли барыша? Я въ день, сигаръ по 2 и по 3 пенса, больше продамъ чѣмъ тѣхъ въ годъ. Я ихъ совсѣмъ не буду выписывать.

Вотъ человѣкъ, постигнувшій духъ современности. Вся торговля, особенно англійская, основана теперь на количествѣ и дешевизнѣ, а вовсе не на качествѣ, какъ думаютъ старожилы, покупавшіе съ уваженіемъ тульскіе перочинные ножки, на которыхъ была англійская фирма. Все получаетъ значеніе гуртовое, оптовое, рядское, почти всемъ доступное, но недопускающее ни эстетической отдышки, ни личнаго вкуса. Возлѣ, за угломъ, вездѣ дожидается стотысячиголовая гидра, готовая безъ разбора все слушать, все смотрѣть, всячески одѣться, всемъ набѣться — это та самодержавная толпа, сплоченной посредственности (*conglomerated mediocrity*) Ст. Миля, которая все покупаетъ и потому всемъ владѣетъ; толпа безъ невѣжества, но и безъ образованія, для нее искусство кричить, машетъ руками, лжетъ, экзальтируетъ, или съ отчаянья отварачивается отъ людей и рисуетъ звѣринныя драмы и портреты скота, какъ Лансиръ и Роза Бонёръ.

Видѣлъ-ли ты въ Европѣ актера, одного актера, который бы не былъ гаеръ, паяцъ сентиментальности или паяцъ шаржи? Назови его!

Эпохѣ, которой послѣднее выраженіе въ звукахъ Верди, на роду могло быть написано много хорошаго, но навѣрное не художественное призваніе. Ей совершенно по плечу ея созданье—*saïfés chantants*, амфибія между полпивной и бульварнымъ театромъ. Я ничего не имѣю противъ *saïfés chantants*, но не могу-же я имъ дать серьезное артистическое значеніе, они удовлетворяютъ общему “костюмеру”, какъ говорятъ англичане, общему потребителю, давальцу, стоглавой гидрѣ мѣщанства, чего-же больше?

Выходъ изъ этого положенія далекъ. За большинствомъ

теперь господствующимъ, стоитъ еще большее большинство кандидатовъ на него, для которыхъ нравы, понятія, образъ жизни мѣщанства, единственная цѣль стремленій, ихъ хватить на десять перемѣнъ. Міръ безземельный, міръ городского преобладанія, до крайности доведеннаго права поземельной собственности, не имѣетъ другаго пути спасенія и весь пройдетъ мѣщанствомъ, которое въ нашихъ глазахъ, страшно отстало, а въ глазахъ полевого населенія и пролетаріевъ, представляетъ образованность и развитіе. Забѣжавшіе впередъ, живутъ въ крошечныхъ кругахъ, въ родѣ свѣтскихъ монастырей, не занимаясь тѣмъ что дѣлаютъ міряне за стѣной.

Было это и прежде, но и размѣры и сознаніе было меньше, къ тому-же прежде были идеалы, вѣрованія, слова отъ которыхъ билось и простое сердце бѣднаго гражданина, и надмѣннаго рыцаря, и богатаго купца; у нихъ были общія святыни, передъ которыми какъ передъ дарами, склонялись все. Гдѣ тотъ псалмъ, который могутъ въ наше время съ вѣрой и увлеченіемъ пѣть, во всехъ этажахъ дома отъ подвала до мансарды, гдѣ наша *Gottes feste Burg* или Марсельеза?

Когда Ивановъ былъ въ Лондонѣ, онъ съ отчаяніемъ говорилъ о томъ, что ищетъ новый, религіозный типъ и нигдѣ не находитъ его въ окружающемъ мірѣ. Чистый артистъ, боявшійся какъ клятвопреступленія солгать кистью, прозрѣвавшій больше фантазіей чѣмъ анализомъ, онъ требовалъ, чтобы мы ему указали, гдѣ тѣ живописныя черты, въ которыхъ просвѣчивается новое искупленіе. Мы ему ихъ не указали. “Можетъ укажетъ Маццини,” думалъ онъ.

Маццини ему указалъ бы на “единство Италіи” тогда, можетъ на Гарибальди въ 1861 году, какъ на *предтечу*, — на этого великаго послѣдняго.

Ивановъ умеръ стучась—такъ дверь и не отверзлась ему.

И—рѣ.

Isle of Wight, 10 Іюня 1862.

РАЗЧИСТКА НѣКОТОРЫХЪ ВОПРОСОВЪ.

Государственная Собственность.

(Продолженіе).

Русское племя (не станемъ пересчитывать дробныхъ именъ отдѣльныхъ народцевъ: собирательное имя удобно, понятно и, слѣдственно, для нашей цѣли достаточно) русское племя засѣляло землю къ востоку отъ Европы, съ краю и прочь отъ нея. Въ пору народныхъ переселеній, Европѣ дѣла не было до Руси; европейское завоевательное движеніе шло къ западу. На Руси завоеванія племени племенемъ и составнаго племени изъ завоевавшихъ и завоеванныхъ не было. Финскія племена, которыя смѣшивались съ Русью, не составляли народа покореннаго, такъ чтобы Финны и финскія земли были подѣлены между русскими завоевателями. Они просто присоединялись, какъ были, и перемѣшались равноправно. Даже впослѣдствіи татары, сдѣлавшись изъ побѣдителей побѣжденными, остались, относительно русскихъ, равноправными поселенцами. Явленіе такого равноправнаго смѣшенія племенъ въ собирательное племя могло произойти только по безграничности пространства къ востоку, куда племена подвигались. Или побѣжденные бѣжали заселять новыя пустопорожнія земли, или побѣдители удовлетворялись побѣдой и возвращались домой, гдѣ у нихъ земли было вдоволь, оставляя побѣжденных съ ихъ землею по прежнему, но *въ союзъ* съ побѣдителями. Очевидно, передвиженіе племенъ по необозримому пространству, то лѣсному, то степному, могло составить разныя союзы и союзы, но не государственное единство; а поземельная собственность, никому не воспрещенная, становилась, смотря по способу заселенія, общинной, если люди селились артелью,—частной, если люди селились въ одиночку. Государственная поземельная собственность была меньше возможна, чѣмъ когда нибудь. Различіе общинно-нераздѣльной и общинно-раздѣльной поземельной собственности имѣло,

съ вѣроятностью подходящей къ достоверности, свои мѣстные условия : тамъ, гдѣ для разчищенія посѣла и пашни требовался артельный трудъ, трудъ общими силами, тамъ образовалась собственность мирская, передѣльная—смотря по числовому колебанію народонаселенія; тамъ, гдѣ для посѣлки не требовалось общаго труда, каждый изъ громады селился самъ по себѣ на сколько силъ хватить, такъ что поземельная собственность громады составлялась изъ суммы раздѣльныхъ засѣлковъ.* Такимъ образомъ лѣсная Русь, которой надо было разчищать посѣла (почипки) общинт трудомъ, шла къ мирскому передѣльному землевладѣнію и, разпростираясь въ восточныя степи, приносила съ собою *обычай* передѣла; между тѣмъ южная Русь, заселяя прямо степь, для разработки которой предварительнаго общаго труда не требовалось, селилась въ раздѣль, сохраняя только общую межу, какъ границу поземельной собственности громады, т. е. поселившейся на извѣстномъ пространствѣ артели, дружины, толпы, словомъ извѣстнаго числа семей, вмѣстѣ пришедшихъ. Степная Русь, переселяясь къ лѣсному сѣверу, сохраняла *обычай* мирской земли раздѣльной, а не передѣльной.

Князья въ домосковское время представляютъ больше влстителей или управителей края, чѣмъ поземельныхъ собственниковъ; въ наслѣдство княжескихъ родовъ переходить *управленіе* и право на налогъ, а не поземельная собственность, которая остается общинно-нераздѣльной, или общинно-раздѣльной, смотря по мѣстности. Возлѣ возникаетъ монастырская поземельная собственность, и частная поземельная собственность посѣлковъ въ одиночку. Но бродячесть населенія по пространству безпрестанно мѣняетъ мѣста посѣлковъ, и едва-ли не одна только монастырская поземельная собственность представляетъ нѣчто недвижимое. За то населеніе, привыкшее къ мирской передѣльной собственности (которая и сама по себѣ для отдѣльныхъ лицъ сводится на право владѣнія), равно селилось на монастырскихъ и иныхъ земляхъ, равнодушное къ тому, гдѣ именно оно захватываетъ право владѣнія. Съ московскимъ царствомъ и остановкой земледѣльческаго населенія на мѣстахъ, *миръ*—въ правѣ владѣнія каждого паемъ изъ общей межи окончательно видитъ мирскую поземельную собственность; монастырскіе крестьяне, помѣщичьи крестьяне, вольные крестьяне, остановленные безпереходно на мѣстѣ, въ своемъ правѣ владѣнія землею видятъ мирскую поземельную собственность. Этотъ выводъ изъ положенія дѣлъ до такой степени естествененъ, что онъ дѣйствительно логиченъ, совершенно справедливъ, и искоренить его изъ народнаго смысла невозможно.

Между тѣмъ какъ на польско-литовскомъ западѣ, дружинное начало выросло въ панство и рушило неприкосновенность мирскаго поземельнаго владѣнія захватомъ мирскихъ земель въ частную панскую собственность,—южная степная Русь (Малороссія) оставалась въ своихъ общинно-раздѣльныхъ межахъ и въ этомъ видѣ присоединилась къ московскому царству.

Московское царство возникло съ стремленіемъ освободиться отъ татаръ. Необходимость *огражденія* всѣхъ родоначальныхъ племенъ, то союзныхъ, то враждовавшихъ, отъ общаго, всѣмъ чуждаго врага, привела къ чувству государственнаго единства. Государственное единство, въ ту пору, имѣетъ смыслъ чисто географическаго единства, единства или неприкосновенности общей, окружной межи, съ совершеннымъ равнодушіемъ къ племенному различію. Замѣчательно, что слово *государство*, *государственный*—только позднѣйшій, литературный переводъ римскаго Status, а въ народномъ понятіи существовало одно слово—*земство*. Земство ложится въ основаніе стремленія къ незыблемому союзу, къ земскому единству, противопоставленному чужеродному и чужаждному врагу. Земство—географическое имя народовъ, живущихъ

въ общей межѣ—съ запада отъ границъ Литвы и съ юга отъ Украины—къ востоку безъ конца. Слово *національность* не вошло въ русскій языкъ, слово *народность*—позднѣйшее литературное изобрѣтеніе, принятое императоромъ Николаемъ, не заботившемся о томъ, что для народа, по сущей дѣйствительности, это только туманно-отвлеченное выраженіе неопредѣленной мысли. Настоящее собирательное имя, означающее географическій союзъ всѣхъ разнородныхъ племенъ русской земли въ одно цѣлое—это *земство*; съ освобожденіемъ отъ татаръ начинается *земское единство*, вырастающее на понятіи *земской земли*. Понятія народные, понятія массы—имѣютъ свой складъ; они существуютъ какъ *обычай*. Народу въ голову не приходитъ выразить *обычай* какимъ нибудь книжнымъ опредѣленіемъ; для него понятіе вытекающее изъ *обычая*, слишкомъ естественно, чтобы говорить, упоминать объ немъ; отъ этого народныя понятія переходятъ въ букву закона очень поздно, или вовсе не переходятъ. Обычай селиться, при обязательномъ налогѣ въ пользу цѣлаго, но не по найму и не по куплѣ, а *даровымъ* засѣломъ, оставлять его и идти на другой засѣлъ, невольно приводилъ къ понятію общей земской земли, съ правомъ cadaго на пусто-порожнее мѣсто. Принадлежность земли земству легла въ основаніе всего народнаго склада—естественнымъ, невысказаннымъ сознаніемъ; но отъ того, что понятіе земской земли не нуждалось въ буквѣ закона и не было записано, отъ того такъ легко было, при благоприятныхъ обстоятельствахъ, выворотить его наизнанку и смотрѣть на земское достояніе какъ на достояніе *государство*.

Освобожденіе отъ татаръ требовало военнаго центра. Московское царство, сдѣлавшись военнымъ центромъ, вооруженной властью надъ земствомъ, постепенно росло къ совпаденію права *управленія* съ правомъ *владѣнія*. Сосредоточенная военная власть царя не могла ужиться съ земской властью вѣча, или мѣстныхъ вѣчъ, и, такъ какъ сила была со стороны военной царской власти, то она нечувствительно перешла во власть гражданскую или военно-гражданскую. Московскій уставъ вводился въ области царскими военными чиновниками. Извѣстно, не безъ боя уступали области свою самостоятельность; но народъ, видѣвшій въ московскомъ царѣ спасителя отъ гнѣта иноплеменнаго, мало по малу привыкалъ видѣть въ немъ спасителя отъ самихъ царскихъ чиновниковъ. Когда воеводы съ чиновниками занеистовствовали, царь, котораго цѣль была не неистовство, а единодержавіе, становился въ безвыходное противурѣчіе—посылать въ области чиновниковъ полномочныхъ и наказывать ихъ за послѣдствія ихъ полномочія. Въ этомъ наказаніи земство видѣло судъ и правду цареву, и постепенно создавало себѣ понятіе о земскомъ царѣ, творящемъ судъ и правду на все протяженіе нераздѣльнаго земства. Судъ и управленіе сосредоточились въ царѣ и разтянулись надъ земствомъ черезъ посредство чиновничества, черезъ посредство царскихъ служилыхъ людей, облеченныхъ военно-гражданскою властью.

Необходимость ихъ вознагражденія и содержанія привела къ раздачѣ имъ земель,—первый вещественный захватъ надъ земствомъ. Земская земля, понятая какъ царская собственность, переходила въ частное владѣніе. Необходимость порядка въ управленіи людьми привела къ прикрѣпленію людей къ мѣсту. Отсюда тройное послѣдствіе: народъ продолжалъ обычное понятіе земской земли, считая землю мирскою для cadaго посѣла, прикрѣпленнаго къ мѣсту; служилые люди стали жалованныя земли, со всѣмъ ихъ прикрѣпленнымъ населеніемъ, передавать въ роды по праву наслѣдства; царь ясно увидалъ возможность и, слѣдственно, право раздавать чиновникамъ незаселенныя земли, что легло въ основаніе дальнѣйшаго права раздачи и самыхъ заселенныхъ земель, къ которымъ населеніе было прикрѣплено и жило на нихъ просто само по себѣ.

* Мы употребляемъ названія изъ послѣдующихъ временъ только потому, что они яснѣе обозначаютъ самое дѣло.

Дошедши до раздачи земель и прикрѣпленія населенія къ мѣстамъ, московское царство чуть не рухнулось, и, не будь польскаго нашествія, неизвѣстно въ какой складъ оно разшатыалось бы. Высшая точка силы, до которой доросло первое московское царство, это время Іоанна Грознаго. Вслѣдъ за Грознымъ шло паденіе московскаго царства. Уже онъ самъ, не смотря на окончательное военное преобладаніе надъ областями, не смотря на лютость своего права и свои неистовства по городу Москвѣ, чувствовалъ неспособность управленія посредствомъ служилыхъ людей, ненавидѣлъ ихъ и клонился къ введенію земскихъ учреждений, что въ сущности значило, что достигнувъ военнаго преобладанія, московское царство не знало куда дальше идти и стало бы разшатываться. Династическаго интереса не было; по крайней мѣрѣ онъ былъ очень не твердъ, что доказываетъ легкость, съ какою былъ избранъ Годуновъ, не только не рюриковой, но и не русской крови. Если бы московское единодержавіе было прочно, польское вторженіе съ самозванцами не имѣло бы такого успѣха; оно нагрянуло именно во время шаткости, и смыкалось съ непрочными областными движеніями. Но сами области испугались иноплеменнаго вторженія и снова понадобился военный центръ для земства, и московское царство сложилось вторично.

Новый царь былъ выбранъ земствомъ, но ему въ наслѣдство досталось преданіе, сложившееся при первомъ московскомъ царствѣ: замѣна вѣчеваго строя управленіемъ служилыхъ людей, ихъ помѣстное право наслѣдства, и сверхъ того, при избраніи—хотя глухо и почти случайно,—былъ возобновленъ династическій интересъ рюрикова дома. Все это вошло въ основу длиннаго времени отъ втораго московскаго царства до сего дня. Управление черезъ служилыхъ людей слагалось въ военно-канцелярское правительство, династическій интересъ выросталъ въ смѣшеніе понятія управленія и властвованія—съ понятіемъ государства какъ собственности государевой, и примыкалъ къ произвольной раздачѣ частнымъ лицамъ, служилымъ людямъ земскихъ земель, какъ государевой собственности. Право родового наслѣдства розданныхъ земель служилымъ людямъ выростало въ “Уложеніе” и перешло въ николаевской “сводъ законовъ,” усложненное всѣми указами императорства. Народъ остался въ сторонѣ, при своемъ понятіи мірской, земской земли, при своемъ гражданскомъ правѣ *по обычаю*, не вмешавшемъ въ законъ, и при своемъ идеалѣ земскаго царя, при понятіи земскаго царя—каковъ онъ долженъ быть, какимъ народъ его желаетъ, царя, ограждающаго цѣлость земства отъ вѣншихъ враговъ и карающаго служилыхъ людей за нарушеніе земскихъ правъ. Это понятіе о земскомъ царѣ, каковъ онъ долженъ быть, создано и росло у народа въ противоположность правительству, слагавшемуся въ дѣйствительности, и—вслѣдствіе страшной непослѣдовательности человѣческаго ума и страшной послѣдовательности обстоятельствъ—чѣмъ сильнѣе становился гнѣтъ дѣйствительнаго правительства, тѣмъ сильнѣе являлась потребность приближенія къ царю земскому, царю воображаемому, царю каковъ онъ долженъ быть. На томъ же основаніи, чѣмъ горьче участь человѣка, тѣмъ онъ усерднѣе молится.

Въ дѣйствительности правительство слагалось въ цѣлую сѣть чиновничества, накинутую на земство. Императорство окончательно разрушило мостъ, соединявшій чиновничество съ народомъ; чиновничество отдѣлилось отъ земства одеждой, нѣмъ образомъ жизни, и всего болѣе—потребностью, безъ которой оно не имѣло-бы причины существовать, потребностью управлять. Земля и люди—государева собственность; она управляется или прямо государевыми чиновниками на жалованьи, или уступлена государемъ во владѣніе чиновникамъ, которые называются дворянами и помѣщиками. Царство, слово производное отъ слова—царь, государство,

отъ слова—государь; собственно римское понятіе—status, утратило свое значеніе въ русскомъ переводѣ. Отвлеченное понятіе государственной собственности, во все время втораго московскаго царства и петербургскаго императорства, существовало, въ дѣйствительности, какъ государева собственность. Въ дѣйствительности, отвлеченнаго понятія нельзя было постановить иначе, какъ въ живомъ одинокомъ образѣ государя, изъ котораго исходитъ чиновничье правительство, или живомъ собирательномъ образѣ земства, изъ котораго исходитъ выборное самоуправленіе. Такъ какъ выборнаго самоуправления не было—оно заглохло съ вѣчевыми колоколами,—то собственность и оставалась за петербургскимъ императорствомъ. Различіе личнаго государева имущества отъ казеннаго, не смотря на изобрѣтеніе удѣльныхъ помѣстій, сводилось на игру словъ; въ сущности и казенное, и удѣльное равно было государево. Частная поземельная собственность, совершенно противоположная европейскому складу, не была собственностью самостоятельной, а уступленнымъ владѣніемъ изъ государевой собственности, собственностью жалованной. Государева поземельная собственность охватывала все.

Въ концѣ прошлаго столѣтія, когда Имперія сложилась, присоединивъ окончательно Украйну и западныя губерніи, окончательно учредилась и государева поземельная собственность; доля Великороссіи была пожалована, доля осталась прямо за государемъ; доля Украйны была пожалована, доля осталась за государемъ; доля западныхъ губерній была—или признана за панствомъ, или пожалована новымъ панамъ, или осталась прямо за государемъ для раздачи въ аренду (въ наймы), или просто въ управленіе чиновникамъ. Далѣе раздавались незаселенныя государевы земли. Чѣмъ тяжелѣе устанавливался этотъ складъ правительства, тѣмъ сосредоточеннѣе и сильнѣе жило въ отдѣленномъ, управляемомъ народѣ пристрастіе къ мірской поземельной собственности, передѣльной въ Великороссіи, раздѣльной въ Украйнѣ и западныхъ губерніяхъ, тѣмъ несокрушимѣе жило въ немъ чувство, что сумма мірской поземельной собственности—собственность земская, покаместъ нарушенная правительствомъ-чиновничествомъ, въ образѣ чиновничества-дворянства и собственно чиновничества. Настоятельнѣе росла и потребность въ заступничествѣ земскаго царя, который самъ, по какой-то необходимости, еще терпитъ дворянство и чиновничество, но который, по своему высшему правосудію, скоро отдастъ земству земскую собственность и свободу управляться самому собою. Въ эту противурѣчащую потребность заступничества земскаго царя противъ его-же правительства—вошли не только восточная Русь, но и Украйна, по и самый народъ западныхъ губерній, изъ которыхъ ни Украйна, ни западныя губерніи не имѣли, по преданіямъ, никакого стремленія къ земскому царю, но возымѣли его по ненависти къ своему гнетущему панству и правительственному чиновничеству.

Что-же, вслѣдствіе всего этого, значило въ глазахъ народа начатое Александромъ II освобожденіе крѣпостныхъ крестьянъ?

Поворотъ къ земству, отдача земству земской поземельной собственности, нарушенной помѣщичествомъ и чиновничествомъ. Настоящій земскій царь возвращаетъ земству его достоинство.

Въ сущности это значить, что отвлеченное понятіе государственной поземельной собственности, отъ московскаго царства и до сего времени жившее въ образѣ собственности государевой и разросшееся въ такое уродливое правительство и управленіе, что дальше не въ состояніи держаться,—теперь поворачиваетъ къ понятію поземельной собственности земской, потому что самостоятельная частная поземельная собственность не имѣетъ корня, а поземельная собственность государева оказывается дѣломъ несбыточнымъ; далѣе понятіе

поземельной собственности земской пойдет къ своимъ естественнымъ послѣдствіямъ и сложится въ ему свойственный складъ.

Все, что наблюденіе показываетъ намъ съ достовѣрностью, это несуществованіе поземельной собственности, принадлежащей отвлеченному понятію государства, какъ его поставила нѣмецкая философія и французская революція, но существованіе, на дѣлѣ, поземельной собственности въ трехъ видахъ: 1) частной—вслѣдствіе завоеванія и дѣлежа земли между завоевателями, и долею вслѣдствіе одиночнаго засѣла (видъ, который выработался въ соединенныхъ штатахъ сѣверной Америки, а у насъ потонулъ въ другомъ видѣ); 2) государственной—вслѣдствіе централизаціи, при отсутствіи самостоятельной, частной поземельной собственности—и 3) общественной или земской—до централизаціи, при отсутствіи частной поземельной собственности, видъ, который не можетъ не возвратиться съ децентрализаціей, при тѣхъ-же условіяхъ. Другого выхода нѣтъ—при отсутствіи самостоятельной частной собственности поземельной—поземельная собственность или сосредоточенная государева, или собиравательная земская. Въ Россіи начался поворотъ отъ централизаціи къ децентрализаціи, отъ управленія чиновническаго къ управленію выборному, и слѣдственно она будетъ тянуть къ осуществленію, развитію, приложенію къ дѣйствительности понятія земской поземельной собственности. Безъ сомнѣнія сложныя общественныя данныя станутъ видоизмѣнять приложеніе простаго хода мысли; не говоря о сословныхъ и правительственныхъ силахъ, вносящихъ въ развитіе простаго начала враждебныя ему колебанія и уклоненія,—уже одно различіе областного обычая—мірской поземельной собственности передѣльной и мірской поземельной собственности раздѣльной—внесетъ свои различія въ жизни.* Мы не можемъ опредѣлять будущаго, но мы можемъ указать на вѣхи, которыя, какъ прямой выводъ изъ основнаго понятія, видѣются по дальней, неизвѣстной дорогѣ.

Выводъ ясенъ: земская поземельная собственность можетъ признать только даровое заселеніе нынѣ существующихъ и впредь заселяемыхъ мірскихъ земель, гдѣ отдѣльныя лица несутъ мірскую тягу на общественныя мірскія нужды, а цѣлыя отдѣльныя міры или общества несутъ тягу на совокупныя общественныя нужды. Далѣе—понятіе земской земли не можетъ предположить никакихъ выкуповъ и никакого государева права на выкупъ крестьянствомъ земель, прямо-ли приписанныхъ себѣ государемъ, или пожалованныхъ имъ служилымъ людямъ. Понятіе земской земли ведетъ къ праву каждаго міра, когда у него земли по числу душъ недостаточно,—на даровое, необходимое количество пустопорожней земли для выселковъ, къ чему обычай раздѣльнаго и передѣльнаго мірскаго владѣнія относится равнодушно. Частная поземельная собственность не можетъ имѣть мѣста; при понятіи земской земли, можетъ существовать только частный срочный наемъ у земства, незаселенныхъ земель, для разработки, пока онѣ для выселковъ не требуются. Понятіе земской земли не можетъ не стремиться къ географич-

* «Сѣверная Пчела» требуетъ отъ «Дня» отвѣта на вопросъ: почему много крестьянъ желаютъ перейти съ мірской собственности передѣльной къ раздѣлу на частную собственность? Едва-ли «день» или кто другой способенъ а priori отвѣтить за народъ, прежде чѣмъ народъ заявитъ свою мысль на общемъ сходѣ. Но очень вѣроятно, что богатые, изъ крестьянъ, такъ называемые кулаки, желаютъ чисто частной собственности; очень вѣроятно, что въ губерніяхъ, прилежащихъ къ Украйнѣ, обычай клонитъ къ мірской собственности раздѣльной, ясно различной отъ частной собственности тѣмъ, что раздѣльный участокъ не отходитъ изъ громады въ постороннюю отдѣльную собственность ни черезъ какую продажу. Но что скажетъ на сходѣ народъ, который знаетъ, что сыновья получаютъ поземельные пай, какъ скоро женятся, между тѣмъ, какъ тягло или дворъ оставшись при своемъ вѣчно отдѣльномъ участкѣ, можетъ его только раздѣлить на мелочь между сыновьями,—дайте-же узлать это изъ народнаго рѣшенія, а не изъ личнаго предположенія, которое точно также ничего не докажетъ, какъ ничего не доказываютъ слухи о томъ, чего народъ хочетъ и чего нѣтъ. Личныя предположенія и слухи равно лишены знанія числовыхъ данныхъ, хотящихъ того или другаго. Вѣроятно жизнь оправдаетъ то предположеніе, которое наиболѣе совпадаетъ съ общимъ складомъ народнаго смысла.

ческому равновѣсію народонаселенія, къ уравниванію населенія по пространству; отсюда право мірскаго выселка на даровое безсрочное занятіе пустопорожней земли вытекаетъ естественно; а право скупчества земли въ частныя руки становится невозможнымъ и сводится на срочный наемъ, который, пополняя и замѣняя мірской сборъ на общественныя нужды, заставляетъ участвовать на общую земскую пользу и самыя частныя капиталы землепайщиковъ.

Земская земля ставитъ кореннымъ условіемъ общественной жизни—бвзсословность. Сословности тутъ не на что опереться. Движимая собственность кладетъ различіе только личное между, человекомъ, который сумѣлъ приобрести и человекомъ, который не сумѣлъ приобрести, но коренное дѣленіе людей на сословія, при существованіи земской поземельной собственности, стирается невозможностью отдѣльнымъ лицамъ скупить землю, и отнять у небогатаго ту почву, на которой онъ ставитъ свой домъ и свою усадьбу, и то поле, съ котораго онъ снимаетъ жатву для своего прокормленія. Дворянству, въ томъ положеніи, въ какомъ оно теперь находится, гораздо выгоднѣе помириться съ народомъ на денежномъ вознагражденіи, правильно выплачиваемомъ изъ общихъ податей, съ уступкой въ земство всѣхъ такъ называемыхъ помѣщичьихъ земель, сохраняя только право на тягловую или подворный поземельный пай въ мірскомъ владѣніи, гораздо выгоднѣе, чѣмъ сохранить за собой земли сверхъ надѣловъ по «Положенію». Оно выгоднѣе по многимъ причинамъ. Во-первыхъ—общее согласіе на такое примиреніе, при неповышеніи податей выше размѣра платимыхъ государственнымъ крестьянами, такъ легко, что можетъ осуществиться почти безспорно. Во-вторыхъ—удержавъ за собой земли, въ частную собственность, помѣщики никогда не поставятъ себя съ народомъ въ такое мирное отношеніе, чтобы считать свою жизнь въ безопасности; къ такому мирному отношенію съ народомъ, къ желаемому и часто высказываемому *сближенію*, дворянство можетъ придти не иначе, какъ отрѣченіемъ отъ своихъ сословныхъ льготъ или правъ, а отрѣчься отъ сословныхъ правъ невозможно, не отдавъ частной поземельной собственности въ земство, потому что всякая частная поземельная собственность, образуя вѣчно-отдѣльные отъ земства интересы, образуетъ и отдѣльное сословіе. Въ-третьихъ—сохранивъ частную поземельную собственность,—дворянство сохранитъ ее только по имени на одинъ день; безъ денегъ и безъ работниковъ, оно будетъ вынуждено продать еѣ купцамъ или скупщикамъ и, растративъ сразу полученные капиталы, очутится въ безвыходнѣйшемъ положеніи бездомничества и пролетаріата, между тѣмъ какъ возлѣ него вырастетъ вседавшее, грубо-буржуазное сословіе землесобственниковъ-капиталистовъ. Въ-четвертыхъ—примиреніе на вознагражденіи, постоянно и правильно выплачиваемомъ, извѣстное число лѣтъ, изъ общихъ податей, увлекая бывшее дворянство на наемъ незаселенной земской земли,—разомъ послужитъ на примѣненіе подати къ разработкѣ непочатыхъ мѣстныхъ производительныхъ силъ и, долею, возвратитъ подать въ общее достояніе посредствомъ паежной платы—такъ что бывшее дворянство будетъ само участвовать въ своемъ вознагражденіи, постоянно богатѣя и обогащая страну.

Съ понятіемъ земской земли, предположенная правительствомъ продажа мірской земли, (владѣмой міромъ даромъ), людямъ, составляющимъ міръ, каждому отдѣльно за деньги—становится немыслима и невозможна. Исходъ счастливый—потому что иначе, если продажа предпринимается не обязательно, то она не осуществится также, какъ не осуществляются уставныя грамоты, или еще меньше; если-же она предпринимается насильственно, то она приведетъ къ бунту государственныхъ крестьянъ и къ избіенію чиновниковъ—гораздо быстрѣе, чѣмъ продолженіе переходнаго положенія приведетъ къ избіенію помѣщиковъ.

Наконецъ прямой поворотъ къ понятію земской земли, осуществляя для народа понятіе о земскомъ царѣ, каковъ онъ долженъ быть, сохранивъ династическую безопасность дома Романовыхъ.... Но—общественная жизнь идетъ своими путями и, ксожалѣнію, можетъ быть также мудро вычеркнута изъ дѣйствительности развитіе упорства династическихъ и сословныхъ интересовъ, какъ невозможно вычеркнуть изъ нея развитіе народнаго понятія земской земли.

Понятіе земской земли идетъ къ тому, чтобы сдѣлаться религіознымъ догматомъ, фанатическимъ вѣрованіемъ русскаго народа...

Передъ нимъ заглохнетъ ложно поставленная формула доктринаризма, приравнивающаго общественныя данныя къ нулю мыслю, что всѣ реформы должны развиваться правительственно *сами собою*, и незамѣчающаго, что всѣ противурѣчашія остальныя данныя также придутъ сами собою, если только принять за общее теоретическое положеніе, что жизнь развивается сама собою. Къ фанатическому вѣрованію въ понятіе земской земли пристанетъ и самый скептицизмъ, нынѣ называемый нигилизмомъ, потому что онъ готовится себѣ выходъ въ это вѣрованіе. Собирая всѣ данныя положительныя и отрицательныя въ одну сторону, скептицизмъ также ставитъ формулу, равную нулю, но оченьѣрно поставленную; только она—неразрѣшенное уравненіе. Требуется вывести относительную величину искомаго.

Это искомое, это разрѣшеніе въ понятіе земской земли, разъ опредѣлившись—охватить умы фанатическимъ вѣрованіемъ. Къ этому влечетъ всё...

Но вопросъ доктринаризма и нигилизма мы оставимъ до другого раза.

Н. Огаревъ.

С М Ъ С Ь.

— *Москали въ Польшу.* — “Demokrata Polski” отъ 14 Іюня помѣстилъ съ 16 Мая слѣдующія корреспонденціи изъ Варшавы. 7-го Мая арестованы были въ Варшавѣ четыре русскіе офицера, изъ которыхъ трое: Непенинъ, Плешковъ и Сливницкій русскаго происхожденія, а четвертый Аригольдъ—финляндецъ. Взятъ ихъ подъ стражу по подозрѣнію, что они распространяютъ революціонныя брошюры въ войскахъ и сами читаютъ “Колоколъ”. Арестовано тоже нѣсколько поляковъ и даже полекъ за пѣніе гимновъ въ костелахъ; отъ 3-го Мая ужъ было замѣтно усиленіе карауловъ и патрулей на улицахъ, а съ 8-го Мая, вслѣдствіе какихъ-то ложныхъ страховъ, войско стояло подъ ружьемъ и съ пушками на главныхъ плацахъ. 3-го Мая кромѣ мущинъ, схвачено и осуждено на заключеніе много женщинъ разныхъ сословій и лѣтъ: Іоанна Повацкая, 28 лѣтъ, Елена Гагевская, 16 лѣтъ, Марія Менжылская, 19 лѣтъ, а также госпожи Язвинская, Козловская, Столярская и Пухальская. 11-го Мая были арестованы въ костелѣ Капуциновъ, въ самое время богослуженія. Вооруженные полицейскіе ворвались въ костелъ и хватали кого попало. 15-го Мая арестованы были, также во время богослуженія, въ костелѣ Кармелитовъ на Лешнѣ, Аниа Чижевичъ, 15 лѣтъ, Софія Рутковская, 16 лѣтъ, Матильда Рутковская, 17 лѣтъ, Маріанна Рушинская, 20 лѣтъ, Іоанна Шаварская, Емилія Ганке 16 лѣтъ, Александра Малобедская 17 лѣтъ, Марія Бучайская 16 лѣтъ, Франциска Држевецкая 18 лѣтъ, Леонадія Петровичъ 18 лѣтъ, Бронислава Компіани 18 лѣтъ и нѣсколько другихъ, которыхъ имена еще неизвѣстны. Кромѣ того въ послѣдніе дни высылапы изъ Варшавы въ Россію—литографъ Флещкъ въ Сибирь, Аполонъ Коженевскій съ женой въ Уфу, почтовый чиновникъ Томасъ Винницкій въ Тамбовъ,

и Иванъ Верницкій въ Ярославль. Въ провинціяхъ такія же преслѣдованія, въ Пѣтерковѣ много женщинъ находятся подъ арестомъ за пѣніе гимновъ. Между ними госпожи Пражмовская, Добецкая, Миккульская и Врублевская. Тамъ-же 9-го Мая, офицеръ русскаго войска Волертъ, арестованный по приказанію полковника Мартынова, убилъ себя, выскочивъ изъ окна изъ третьяго этажа, закричавъ передъ тѣмъ собравшейся толпѣ, что онъ предпочитаетъ смерть на мостовой польской—службѣ такому гнусному правительству. Множество народа изъ города и изъ сосѣднихъ деревень, въ числѣ болѣе 6,000, слѣдовало за погребеніемъ его, вслѣдствіе чего взбѣшенный Мартыновъ еще бѣшенѣе сталъ преслѣдовать бѣдныхъ жителей. Пишутъ намъ также изъ Плоцка, что войтъ гминный (общинный старшина) села Закршево въ праймскомъ повѣтѣ, нѣкто Бабскій, ненавидимый всѣми за шпіонство и за преданность москалямъ, ложась спать въ своей спальнѣ, былъ застрѣленъ въ открытое окно, и до сихъ поръ исполнитель этой заслуженной казни еще не найденъ.

— *Отъ князя П. В. Доморукоса.* — Мѣсяцъ тому назадъ, книгопродавецъ г. Гергардъ писалъ мнѣ, что ему сдѣлалъ визитъ русскій генеральный консулъ въ Лейпцигѣ, г. Томгаве, и объяснялъ, что петербургское правительство крайне недовольно журналомъ “Правдивый”. Я отвѣчалъ г. Гергарду, что у меня и въ мысли не было издавать журналъ, *пріятный* петербургскому правительству! Г. Гергардъ писалъ мнѣ, что онъ впредь будетъ просматривать напередъ статьи, назначенныя для “Правдиваго” и что не слѣдуетъ нападать ни на придеорныхъ, ни на лицъ *высшаго круга*, а нападать можно только на людей незначительныхъ. Я отвѣчалъ этому новому цензору, что во-первыхъ, по моимъ понятіямъ нападать можно только на сильныхъ, а нападать на беззащитныхъ неблагородно, а во вторыхъ, что я выселился изъ моего отечества нарочно для того, чтобы писать свободно, никакого надъ собою ценсорства не допущу и прерываю съ г. Гергардомъ всякія сношенія, объявляя ему, чтобы онъ 5-го Но. “Правдиваго” не издавалъ, потому что по заключенному между нами условію, онъ безъ моего согласія издать ни одного Но. не можетъ. Но г. Гергардъ *вопреки подписанному имъ условію*, желая угодить князю Горчакову, начало биографіи коего было набрано къ печати, поспѣшилъ издать 5-й Но. самовольно выпустивъ, въ письмѣ изъ Петербурга, мѣста, въ которыхъ говорилось о тупоуміи князя Василія Долгорукова и объ образѣ жизни Буткова. Всякій, читающій въ 5-мъ Но. статью о князѣ Горчаковѣ и письмо изъ Воронежа догадается, что я имъ и корректуры не держалъ, столь онъ наполненъ самыми грубыми типографскими ошибками, до искаженія смысла. Можетъ быть, корректуру держалъ г. Томгаве, который, въ качествѣ русскаго генеральнаго консула, вѣроятно плохо знаетъ по-русски. Такъ какъ “Правдивый” принадлежитъ не г. Гергарду, а мнѣ, то я буду издавать его черезъ другаго книгопродавца, о чемъ въ свое время и будетъ объявлено. Пока прошу моихъ корреспондентовъ адресовать мнѣ письма à Bruxelles en Belgique, rue du Commerce, 30.—Повторяю петербургскому правительству, что оно *меня никакимъ образомъ молчать не заставитъ*.

Князь Петръ Долгоруковъ.

Спа, 22 Іюня 1862 года.

— *Отъ редакціи.* Мы получили 27 Іюня, 2,500 фр., съ особымъ назначеніемъ, которое и исполнено.

— *Слѣдующій листъ Колокола выйдетъ 15 Іюля.*

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи, 136 & 138 Caledonian Road, London N.

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM,

КОЛОКОЛЪ

VIVOS VOCO!

Выходитъ еженедѣльно въ Лондонѣ.
Цѣна 6 пенсовъ. Получается въ Вольной
Русской Типографіи, 136 & 138 Caledonian
Road, N.

ЛИСТЬ 139.

15 Іюля 1862.

У Трибнера & Со. въ книжной лавкѣ,
60, Paternoster Row, и у Tchorzewski,
1, Macclenfield Street, (Gerrard Street),
Soho, London. Price six-pence.

(WITH SUPPLEMENT No. 20).

ОГЛАВЛЕНІЕ.—Молодая и старая Россія—Константинъ Николаевичъ, Ландерсъ, Арнольдъ и пр.—Адлербергъ 1. Смѣсь: Земская Дума—
Примиряющее правительство—Подрачки русскаго посольства въ Лондонѣ—Государь какъ просвѣтитель—Князь Безревернникъ—Полушувки
съ короткими рукавами—Павелъ Гагаринъ—Келлеръ—Письмо къ Каткову и Леонтьеву—Общее Вѣчи—Отъ Надателей и проч.

МОЛОДАЯ И СТАРАЯ РОССІЯ.

Въ Петербургѣ терроръ, самый опасный и безсмысленный изъ всѣхъ, терроръ оторопѣлой трусости, терроръ не львиный, а телячій—терроръ, въ которомъ угорѣлому правительству, незнающему откуда опасность, незнающему ни своей силы, ни своей слабости и потому готовому драться зря,—помогаетъ общество литература, народъ, прогрессъ и регрессъ....

“День” запрещенъ, “Современникъ” и “Русское Слово” запрещены, воскресныя школы заперты, шахматный клубъ запертъ, читальныя залы заперты, деньги назначенныя для бѣдныхъ студентовъ отобраны, типографіи отданы подъ двойной надзоръ, два министра и третье отдѣленіе должны разрѣшать чтеніе публичныхъ лекцій; безпрестанные аресты, офицеры, флигель-адъютанты въ казематахъ, инквизиторъ Галицынъ (jun. прежнихъ временъ) призванъ на совѣтъ въ зимній дворецъ съ Липранди... котораго съ омерзѣніемъ оттолкнулъ года три тому назадъ тотъ-же Александръ II.

Гдѣ свободныя учрежденія сверху внизъ, гдѣ революція къ верху ногами, гдѣ демагоги-абсолютисты министерства? Видно не удивимъ мы Европу въ тысячелѣтіе, видно Николаевщина была схоронена заживо и теперь встаетъ изъ подъ сырой земли, въ форменномъ саванѣ застегнутомъ на всѣ пуговицы—и государственный совѣтъ, и протоіаковъ Панинъ, и Аненковъ-Тверской, и Павелъ Гагаринъ и Филаретъ съ розгой спѣваются за угломъ чтобъ грянуть *Николай воскрес!*

Воистину воскрес! скажемъ и мы этимъ не умершимъ мертвымъ; праздникъ на вашей улицѣ, только улица ваша идетъ не изъ гроба—а въ гробъ.

— Позвольте, позвольте, кто-же виноватъ въ этомъ? Съ одной стороны горитъ Щукинъ дворъ, съ другой *Молодая Россія*...

— Да когда-же въ Россіи что нибудь не горѣло? Изъ этого петербургскаго удивленія передъ пожарами и поджогами только видно, что Петербургъ въ самомъ дѣлѣ иностранный городъ. Развѣ въ 1834 году не горѣло Лефортово, Рогожская, Якиманская часть? развѣ прежде и послѣ не выгорали губерніскіе и уѣздные города, села и деревни? Поджоги у васъ заразительны какъ чума, и совершенно національное выраженіе *пустить красную пѣтуха*—чисто народное, крестьянское.

— Очень хорошо, мы знаемъ, что поджигательства были всегда, но “Молодая Россія”?

— Да что это за “Молодая Россія”? спрашивали мы съ безпокойством*.

— О это ужасная Россія! знаете, отрицаніе всего, — ничего святаго, такъ-таки ничего, ни власти, ни собственности, ни семьи, никакого авторитета; для нея “Великоруссъ” не далеко ушелъ отъ “Сѣверной Пчелы” и вы отсталой публицистъ.

Наконецъ-то этотъ листъ, ужаснувшій правительство и литературу, прогрессистовъ и реактовъ, цивилизованныхъ парламентаристовъ и цивилизующихъ бюрократовъ, дошелъ и до насъ.

Мы прочли его, разъ, два, три раза... со многимъ очень не согласны (и въ другой статьѣ поговоримъ объ этомъ), но по совѣсти признаемъ, не понимаемъ ни бѣлую горячку правительства, ни хныканье добросовѣстныхъ журналовъ, ни душесмятенія платоническихъ любовниковъ прогресса..... Маловѣрные, слабые люди! какъ мало надобно вашимъ женскимъ нервамъ, чтобъ испугаться, бѣжать назадъ, схватиться за фалду кварталнаго; какъ мало надобно, чтобъ ваши парныя чувства простыли и свернулись; какъ мало—чтобъ и вы туда-же пустили свой камень въ преслѣдуемыхъ. И никому изъ васъ не пришло въ голову того, что сказали и Daily News и Star—неурядица въ Россіи и лихорадочное волненіе идетъ отъ того, что правительство хватается за все и ничего не выполняетъ, что оно дразнитъ всѣ святыя стремленія челоѣка и не удовлетворяетъ ни одному, что оно будить—и бьетъ по головѣ проснувшихся. Нуъ, господа, не попадете вы ни въ адъ, ни въ рай, Харонъ васъ отгонитъ весломъ на прѣсной берегъ.

Дѣло другое—открытое, энергическое положеніе, оно понятно. Для насъ во всей этой оргіи страха совершенно ясно и рельефно, ясно какъ на блюдечкѣ, положеніе Липранди, и литературныхъ товарищей его въ Москвѣ. Липранди какъ-то нашелъ средство, въ самыхъ доносахъ, перейти Рубиконъ и свернулся; Николай не во время умеръ, Липранди поторопился съ своей академіей шпионства, какъ-бы предупреждая по ясновидѣнію семейную переписку москоро-

* къ сожалѣнію мы получили ее не прежде 1-го іюля.

скаго академическаго сената съ флотскимъ начальникомъ своимъ, словомъ Липранди попалъ не въ тонъ и, какъ тараканъ упавшій на спину, долго не могъ справиться и само собою разумѣется, съ восторгомъ ухватился за “Молодую Россію”, чтобъ стать опять на свои шесть ногъ. Для него “Молодая Россія” точка опоры — и онъ поплелся устроить свою карьеру, да поправлять свои дѣла. Карьеру онъ составитъ, дѣла поправить, Филаретъ дастъ ему неба, которое нужно для души, государь дастъ ему земли, которая нужна для крестьянъ, всё это понятно, тутъ есть логика. Литераторы, идущіе на пристяжкѣ III Отдѣленія, тоже понятны; они имѣютъ очень реальные виды, они пишутъ изъ денегъ, изъ мести, изъ зависти, изъ самохраненія и пр., они готовы своей доктринерской риторикой натягивать *круговую поруку* (знаменитое *complicité morale*!) между неосторожными словами юноши и зажженнымъ углемъ, подброшеннымъ въ сарай, между заревомъ революціонныхъ идей и заревомъ Щукина двора; изъ за этого можетъ кого-нибудь и повѣсить, но гражданская доблесть выше всего! Столько же понятна и *третья* категорія, разрабатывающая пожары въ свою пользу категорія мошенниковъ и воровъ, которые пользуясь передрагой и общей бѣдой, обкрадывали погорѣлыхъ. Эта отрасль практическихъ эксплуататоровъ имѣетъ впрочемъ передъ своими товарищами, одну огромную нравственную выгоду, и неменьше огромную практическую невыгоду, въ рискѣ и опасности сопровождающимъ воровство и нисколько не угрожающимъ доносамъ и намекамъ.

Оставляя въ сторону *смирительную* литературу и будущихъ жильцовъ смирительнаго дома, мы обращаемся къ дѣйствительно честнымъ, но слабымъ людямъ и спрашиваемъ ихъ: они то чего испугались “Молодой Россіи”? Добро бы они вѣрили, что русскій народъ такъ и схватится за топоръ, по первому крику: “да здравствуетъ социальная и демократическая республика Русская!” Нѣтъ, они всё хоромъ говорятъ, что это невозможно, что народъ этихъ словъ не понимаетъ, и напротивъ, озлобленный за пожары, готовъ растерзать тѣхъ, которые ихъ произносятъ. И всё-таки каждый *честный* человѣкъ считаетъ себя обязаннымъ ругнуть молодыхъ людей, осыпать упреками и проклятіями — считаетъ себя обязаннымъ ужасаться, возводить глаза горь.

Разберите-ка, господа, построже ваше чувство, и вы со стыдомъ увидите, что васъ поразила не опасность, не ложь, не вредъ, а *продерзность* вольнаго слова; чувство *іерархической дисциплины* обижено, не по лѣтамъ и не по чину говорятъ...

Если молодые люди (а для насъ не подлежитъ сомнѣнію, что летучій листъ этотъ писанъ очень молодыми людьми), въ своей заносчивости наговорили пустяковъ — остановите ихъ, вступите съ ними въ споръ, отвѣчайте имъ, но не кричите о помощи, не подталкивайте ихъ въ казематы, III отдѣленіе *faga da se*; а шпионовъ не хватить — у него есть вспомогательная литература, которая только, ждетъ конца русскаго, секретнаго, застѣночнаго слѣдствія, чтобъ обвинить ихъ въ *зажигательствѣ*.

И такъ всё это страшное дѣло, поставившее Россійскую Имперію и Невскій проспектъ на край социальнаго катаклизма, разорвавшее послѣднюю связь между хроническимъ и острымъ прогрессомъ, сводится на юношескій порывъ, неосторожный, несдержанный, но который не сдѣлалъ никакого вреда и не могъ сдѣлать. Жаль, что молодые люди выдали

эту прокламацію, но винить ихъ мы не станемъ. Ну что упрекать молодости ея молодость, сама пройдетъ какъ пожить..... Горячая кровь, *il troppo juvenil' bollore*, тоска ожиданія, растущая не по днямъ а по часамъ, съ приближеніемъ чего-то великаго, чѣмъ воздухъ полонъ, чѣмъ земля колеблется, и чего еще нѣтъ, а тутъ святое нетерпѣніе, двѣ, три неудачи — и страшныя слова крови, и страшныя угрозы срываются съ языка. Крови отъ нихъ ни капли не пролилось, а если прольется, то это будетъ ихъ кровь — юношей фанатиковъ.

Въ чемъ-же уголовщина?

Еслибъ правительство умѣло понимать, и не хранило-бы важную серьезность швейцара съ булавой, какъ-бы оно громко расхохоталось теперь, глядя на испугъ мужественныхъ либераловъ, граничныхъ прогресистовъ, отважныхъ защитниковъ правъ и свободы книгопечатанія, неустрашимыхъ обличителей станovýchъ приставовъ и квартальныхъ надзирателей, глядя какъ они, голубчики, побѣжали подъ крылышки той-же полиціи, того-же правительства, требуя, даже мощнымъ органомъ *рижской* газеты примѣрнаго наказанія. А вы знаете, что такое примѣрное наказаніе по образцовому своду нашему? Посмотрите-ка на уголовные законы, съ особенной любовью отработанные кроткимъ и добрымъ царемъ Николаемъ, съ еще болѣе добрымъ и кроткимъ рабомъ его и легистомъ Губе.... Стыдно вамъ! Вы всю жизнь молчали отъ страха передъ дикой властью, помолчите-же сколько нибудь отъ страха будущихъ угрызений совѣсти.

“Молодая Россія” намъ кажется двойной ошибкой. Во первыхъ, *она вовсе не русская*; это одна изъ вариаций на тему западнаго социализма, метафизика французской революціи, политическо-соціальныя *desiderata*, которымъ придана форма вызова къ оружію. Вторая ошибка ея неумѣстность — случайность совпаденія съ пожарами усугубила ее.

Ясно, что молодые люди, писавшіе ее, больше жили въ мірѣ товарищей и книгъ, чѣмъ въ мірѣ фактовъ; больше въ алгебрѣ идей съ ея легкими и всеобщими формулами и выводами, чѣмъ въ мастерской, гдѣ треніе и температура, дурной закалъ и раковина, мѣняютъ простоту механическаго закона и тормозятъ его быстрый ходъ. Рѣчь ихъ такую и вышла, въ ней нѣтъ той внутренней сдержанности, которую даетъ или свой опытъ, или *строй организованной партіи*.

Но сказавъ это, мы прибавимъ, что неустрашимая послѣдовательность ихъ, одна изъ самыхъ характеристическихъ чертъ русскаго генія, *отрѣшеннаго отъ народа*. Исторія намъ ничего не оставила завѣтнаго, у насъ нѣтъ тѣхъ *уважаемыхъ почтенностей*, которыя мѣшаютъ западному челоуку, но которыя ему дороги. За рабство, въ которомъ мы жили, за чуждость съ своими, за разрывъ съ народомъ, за безсиліе дѣйствовать, намъ оставалось печальное утѣшеніе, но утѣшеніе — въ наготѣ отрицанія, въ логической безпощадности и мы съ какой-то радостью произносили тѣ послѣднія, *крайнія* слова, которыя губы нашихъ учителей едва шептали, блѣднѣя и осматриваясь. Да, мы произносили ихъ громко, и будто становилось легче — въ ожиданіи бури, которую вызовутъ они. Намъ нечего было терять.

Обстоятельства перемѣнились. Русское земское дѣло началось. Каждое дѣло идетъ не по законамъ отвлеченной логики, а сложнымъ процессомъ эмбриогеніи. Въ помощь нашему дѣлу, нужна мысль запада и нуженъ его опытъ. Но намъ

столько-же не нужна его революціонная декламація, какъ французамъ была не нужна римско-спартанская риторика, которой они говорили въ концѣ прошлаго вѣка. Говорить чужими образами, звать чужимъ кличемъ—это не пониманіе ни дѣла, ни народа, это неуваженіе ни къ нему, ни къ народу. Ну есть-ли тѣмъ вѣроятію, чтобъ народъ русскій возсталъ во имя социализма Бланки, оглашая воздухъ кликомъ изъ четырехъ словъ, въ числѣ которыхъ три длинныхъ для него непонятны?

Вы насъ считаете отсталыми, мы не сердимся за это, и если отстали отъ васъ въ мнѣніяхъ, то не отстали сердцемъ—а сердце даетъ тактъ. Не сердитесь-же и вы, когда мы дружески оборотимъ ваше замѣчаніе и скажемъ, что вашъ костюмъ Карла Мора* и Гракха Бабефа на русской площади, не только старъ, но сбивается на маскарадное платье. Франгузы народъ смѣшливый, но почтительный; ихъ можно было озадачить Римской латиклавой и языкомъ Сенекиныхъ героевъ; у насъ.... народъ требовалъ головы несчастнаго Орбучева.

... И вотъ опять слышится хоръ—не подземный, а бельэтажный хоръ трусовъ, разслабленныхъ, чающихъ легкаго движенія прогресса.

— Да, да, кричатъ они, посмотрите что дѣлаетъ хваленый народъ, это динь звѣрь, вотъ что насъ ждетъ. Подите объясните имъ, что мы теперь не помѣщики, а землевладѣльцы, что мы хотимъ не барщину—а думу, не оброка—а правъ гражданина.

Тугонекъ народъ на пониманье и не можетъ такъ быстро сообразить, что вѣковой, кровный врагъ его, который его грабилъ, позорилъ его семью, морилъ его съ голоду, унижалъ, вдругъ впалъ въ такое раскаяніе—“братъ, говорить, родной!” да и только...

Бываютъ страшныя историческія несчастія, черныя плоды черныхъ дѣлъ; передъ ними, какъ передъ грозой, смолкаетъ человѣческая мудрость и покрываетъ своими руками свои глаза, полные горькихъ слезъ.

Наши жертвы искупленія, какъ Михайловъ, какъ Обручевъ, должны вынести двойное мученичество; они не станутъ народной легендой, какъ братья Бандеры и Пизакане, народъ ихъ не знаетъ, нѣтъ—хуже, онъ знаетъ ихъ за дворянъ, за враговъ. Онъ не жалѣетъ ихъ, онъ не хочетъ ихъ жертвы.

Вотъ куда привелъ разрывъ. Народъ намъ не вѣритъ и готовъ побить камнями тѣхъ, которые за него отдають жизнь. Темной ночью, въ которой его воспитали, онъ готовъ какъ великанъ въ сказкѣ, перебить своихъ дѣтей, потому что на нихъ чужое платье.

Не за себя несутъ наши мученики тяжкую кару народной ненависти, а за другихъ. Эти *другіе* слишкомъ торопятся получить амнистію; съ своей стороны они, кажется, не были такъ великодушны, и что-же они сдѣлали такого—потерявши устрицу рѣшаются бросить раковину! Развѣ шляхетная Магдалина своимъ собственнымъ сердцемъ дошла до раскаянія? развѣ слово *освобожденія* было сказано ею, развѣ она

* Дѣйствительно, въ “Молодой Россіи” столько-же Шиллера сколько Бабефа. Благородные и нѣсколько восторженные и метафизическіе норымы Шиллера, облакались очень часто въ кровавыя сентенціи Мора, Поэмы, Фердинанда, за которыми была его любящее, вѣчно юное сердце. За одинъ аинграфъ его въ Разбойникахъ, московскіе сенаторы подвели-бы его подъ первые два пункта, какъ уличенаго зажигателя. “Quæ medicamentæ non sanant, ferrum sanat, quæ ferrum non sanat, ignis sanat.”

не упиралась, пока думала, что можно упираться? Такъ легко и съ такой недовольной миной не дѣлаются искупленія и не прощаются вѣковые рубцы.

Очень печально, безгранично печально явленіе на петербургской площади, но вы бѣдные страдалцы, не предавайтесь отчаянію. Довершите вашъ подвигъ преданности, исполните великую жертву любви и, съ высоты вашей Голгофы, и изъ подземелій вашихъ рудниковъ, отпустите народу невольную обиду его, и скажите *тѣмъ* строгимъ—то, что онъ имѣетъ право на это заблужденіе, что вы благословляете его!

Искандеръ.

ВЫСТРѢЛЫ, РАНЫ И УБІЙСТВА.

(Константинъ Николаевичъ, Лидерсъ, Аригольдтъ и пр.).

Съ внутреннимъ ужасомъ и негодованіемъ прочли мы о томъ, что какой-то фанатикъ (говорить ультра-католикъ) выстрѣлилъ въ Константина Николаевича, и слегка ранилъ его. До какой нелѣпости, до какого безумія доводитъ людей безсмысленныя правительства, уступающія съ воздержаніемъ, воздерживающіяся съ уступками дающія оставая что нибудь въ рукѣ, прощающія вполонину, мягкія снаружи, пустыя внутри. Это мерцаніе добра и зла, непослѣдовательность, непрочность гибельно дѣйствуетъ на нервы: страсти возбуждены, удовлетворенія нѣтъ, фантазія мутится, и человѣкъ въ припадкѣ бѣшенства берется за пистолетъ.

Мы ненавидимъ всякаго рода кровавыя расправы, и не смотря на наше полное равнодушіе къ тому, что Лидерсъ живъ или нѣтъ, досадно, что его подняли до выстрѣла и реабилитировали до раны.

На убійство надобно привилегію, съ привилегіей убійство дѣлается безопасно, и на вѣрникъ. Вотъ посмотрите какъ нашъ фрейшицъ Лидерсъ, стрѣляетъ высочайше закодowanными пулями. Выписываемъ изъ “Русскаго Инвалида”:

“4-го стрѣльцоваго баталліона: поручикъ Иванъ Аригольдтъ, подпоручикъ Петръ Сливницкій 2-й и унтер-офицеръ Францъ Ростковскій, переведенный, 8-го мая сего года, изъ этого баталліона во владимірскій пѣхотный генерала-отъ-инфантеріи князя Горчакова полкъ поручикъ Василій Каплинскій, переведенный, 27-го апрѣля сего года, изъ штаба начальника артиллеріи 1-й арміи въ 7-ю артиллерійскую бригаду, поручикъ Станиславъ Абрамовичъ въ 4-го же стрѣльцоваго баталліона рядовой Левъ Щуръ, по произведенному надъ ними, на основаніи полевыхъ военныхъ законовъ, военному суду, оказались виновными:

“1. Поручикъ Аригольдтъ и подпоручикъ Сливницкій 2-й: а) въ оскорбленіи священной особы его им. вел. распространіемъ между нижними чинами состоявшей въ завѣдываніи подсудимаго Сливницкаго 2-го фехтовальной команды ложныхъ и дерзкихъ разсказовъ объ особѣ его вел. и царствующемъ домѣ, взятыхъ изъ враждебныхъ Россіи сочиненій; б) въ порочаніи и превратномъ истолкованіи правительственныхъ реформъ по крестьянскому дѣлу и въ Царствѣ Польскомъ; в) въ возбужденіи нижнихъ чиновъ къ явному неповиновенію начальству и даже бунту; г) въ томъ, что имѣли у себя возмутительнаго содержанія сочиненія и распространяли ихъ между нижними чинами, и д) вообще въ распространеніи между нижними чинами крайне-зловредныхъ идей, имѣвшихъ цѣлью поколебать въ нихъ духъ вѣрности и повиновенія законнымъ властямъ.

“2. Унтер-офицеръ Ростковскій: а) въ храненіи и распространеніи между нижними чинами брошюръ возмутительнаго содержанія; б) въ чтеніи и передачѣ, для того же, рядовому Щуру полученныхъ имъ отъ поручика Аригольдта и подпоручика Сливницкаго 2-го сочиненій крайне-возмутительнаго содержанія; в) въ участіи въ преступленіяхъ поручика Аригольдта и подпоручика Сливницкаго 2-го, тѣмъ, что, зная о неблагонамѣренныхъ ихъ дѣйствіяхъ, не довелъ объ этомъ начальству и, кромѣ-того, взялся исполнить порученіе подпоручика Сливницкаго 2-го подговорить нижнихъ чиновъ шлессбургскаго и оловяцкаго пѣхотныхъ полковъ не отвѣчать, во-время смотра,

на привѣтствіе начальника, чего не исполнилъ только потому, что означенные полки уже были выведены на смотръ; г) въ храненіи у себя и непредставленіи начальству двухъ запрещенныхъ писемъ и д) въ самовольныхъ отлучкахъ изъ команды, въ парткулярномъ платьѣ, въ заѣздные и развратные дома.

“3. Поручикъ Каплинскій: а) въ храненіи у себя и распространеніи, очевидно, съ преступною цѣлю, между другими, крайне-возмутительнаго содержанія сочиненій, подъ заглавіемъ: “Великорусъ” и “Историческій Сборникъ,” чтеніе которыхъ, по собственному сознанию одного изъ подсудимыхъ, подпоручика Сливцова 2-го, имѣло особенно губительное вліяніе на умъ его, и преимущественно побудило его на преступленіе, и б) въ упорномъ ванирательствѣ, на первоначальныхъ допросахъ, о томъ, что не передавалъ другимъ этихъ сочиненій, и что послѣдняго изъ нихъ вовсе не имѣлъ у себя.

“4. Поручикъ Абрамовичъ въ томъ, что, взявъ у поручика Каплинскаго вышеописанное сочиненіе “Великорусъ,” не только не представилъ этого сочиненія начальству, но давалъ, хотя и безъ особой влонамѣренной цѣли, читать его сослуживцамъ своимъ—и

“5. Рядовой Щуръ: а) въ участіи въ преступныхъ вымыслахъ поручика Аригольда и подпоручика Сливцова 2-го, тѣмъ, что не донесъ о дѣйствіяхъ ихъ начальству и изался, вмѣстѣ съ унтер-офицеромъ Ростковскимъ, исполнить порученіе подпоручика Сливцова 2-го, подговорить нижнихъ чиновъ шпильсбургскаго и олонекскаго пѣхотныхъ полковъ не отвѣчать, во-время смотра, на привѣтствіе начальника, чего не исполнилъ только потому, что означенные полки уже были выведены на смотръ; и б) въ томъ, что, внявъ о преступныхъ дѣйствіяхъ унтер-офицера Ростковскаго и о томъ, что онъ читалъ запрещенныя книги, не только не донесъ о семъ, но и самъ бралъ эти сочиненія, для чтенія.

“За вышеописанные преступленія, временно-главнокомандующій арміею, конфирмаціею своею 14-го сего іюня, опредѣлилъ:

“1. Поручика Аригольда, подпоручика Сливцова 2-го и унтер-офицера Ростковскаго, на основаніи 15, 168, 171, 172, 173, 174, 175, 606, и 614 статей 1-й книги военно-уголовнаго устава (изданія 1859 года) и 275, 276, 283, 287 и 288 статей 1-й книги XV тома свода законовъ (изданія 1857 года)—по лишеніи, первыхъ двухъ, чиновъ, дворянскаго достоинства и всѣхъ правъ состоянія, а послѣдняго бронзовой медали въ память минувшей войны и воинскаго званія, а также и всѣхъ правъ состоянія, казнить смертію разстрѣляніемъ, съ тѣмъ, чтобы смертная казнь надъ этими преступниками была исполнена, по мѣсту содержанія ихъ подъ арестомъ, въ Новогеоргіевской Крѣпости.

“2. Поручика Каплинскаго, на основаніи 286 ст. 1-й книги XV тома свода законовъ (изданія 1857 года), по лишеніи чиновъ, дворянскаго достоинства и всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу на заводахъ, на шесть лѣтъ.

“3. Поручика Абрамовича, примѣняясь къ вышеприведенной 286 ст. и по смыслу 409 ст. 2-й книги военно-уголовнаго устава (изданія 1859 года), по отставленіи отъ службы, выдержать въ казематѣ Новогеоргіевской Крѣпости подъ арестомъ, три мѣсяца, и затѣмъ отдать подъ надзоръ полиціи на три года.

“4. Рядового Щура, во вниманіе къ тому, что онъ вовлеченъ въ преступленіе вліяніемъ, какое имѣли на него Сливцкій, Аригольдъ и въ-особенности Ростковскій, вмѣсто смертной казни, лишивъ медали въ память минувшей войны, воинскаго званія и всѣхъ правъ состоянія, наказывать штипрутеніемъ, чрезъ сто человѣкъ несть разъ, и сослать въ каторжную работу въ рудникахъ, на двѣнадцать лѣтъ.

“Конфирмація эта 16-го числа сего іюня приведена въ исполненіе”

Что прибавить къ этому канибальству? Замѣтимъ мимоходомъ двѣ вѣщи—новую методу убійствъ при нынѣшнемъ государѣ, онъ въ сторонѣ, онъ скорбитъ душею и плачетъ..... это всё другіе, какой-нибудь Апраксинъ, какой-нибудь Лидерсъ убиваетъ... кабы отъ него зависѣло, онъ простилъ-бы.

Р. S. Когда мѣсяца полтора тому назадъ въ иностранныхъ газетахъ писали объ открытіи заговора, между русскими офицерами въ Варшавѣ, казенная русская и подкупная иностранная журналистика отвѣчали, что этого никогда не было, и что всё это взято изъ того, что какіе-то пьяные офицеры побуянили и попали за то на гауптвахту. Милые лгунишки, на колѣни и на горохъ васъ..... а мы будемъ знать, что значитъ démenti вашего правительства!

АДЛЕРБЕРГЪ I

какъ хозяинъ, судья и золотопромышленникъ.

Съ Февраля мѣсяца 1857 и чуть-ли не до сихъ поръ ходитъ по разнымъ инстанціямъ тяжба агронома, гановерскаго подданнаго, Заннеса съ Адлербергомъ I. Началась она вслѣдствіе какихъ-то каверзъ управляющихъ имѣніями Адлерберга д. с. с. Новицкаго, штабсъ-капитана Анджейковича, мѣщанина Живописцева и др., которымъ, какъ видно изъ дѣла, нужно было сбыть съ рукъ Заннеса и извалить на него кой какіе расходы по управленію. Подробности дѣла не оригинальны,—онѣ состоятъ изъ тѣхъ мерзостей, которыя ежедневно совершаются у насъ повсюду, но интересно выписать изъ печатной сенатской записки кое-какія мѣста о власти и вліяніи на дѣла этого любимаго Александра Николаевича.

Дѣло начинается по письму Адлерберга къ начальнику костромской губерніи: “Начальникъ костромской губерніи генералъ-маіоръ Войцехъ, препровождающій предписаніе гр. Адлерберга и другія бумаги, поручилъ произвести формальное изслѣдованіе”.*

Эти слова и эта подстрочная замѣтка выписаны нами изъ сенатской записки. Вслѣдствіи, когда благодаря заступничеству буйскаго уѣзднаго стражача, за Заннеса костромская уголовная палата, найдя дѣло неполнымъ, воротила его въ буйскій уѣздный судъ для дополненія, то уѣздный судъ вмѣсто перваго своего рѣшенія: “лишить Заннеса всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, лично и по прежнему его состоянію въ Россіи ему присвоенныхъ, вмѣсто ссылки на житіе въ отдаленныя, кромѣ сибирскихъ, губерніи, выслать за границу и воспретить возвращаться въ предѣлы Россіи”, постановилъ—“не стѣсняясь прежнимъ мнѣніемъ”—“содержащагося въ буйскомъ тюремномъ замкѣ арестанта агронома Заннеса, освободя изъ тюрьмы, отдать подъ полицейскій надзоръ впредь до рѣшенія дѣла о содержаніи его подъ надзоромъ съ препровожденіемъ агронома Заннеса, сообщить въ буйское городническое правленіе.” Начальникъ костромской губерніи обидѣлся этимъ и далъ уѣздному суду такое предложеніе:

Изъ рапорта буйскаго городничаго, отъ 26 Апрѣля 1858, за No. 706 усмотрѣлъ онъ, что гановерскій подданный Заннесъ находится на свободѣ по опредѣленію уѣзднаго суда, между тѣмъ какъ Заннесъ обвиняется въ составленіи фальшиваго документа, заключеннаго будто-бы съ ген. ад. Адлербергомъ и его сѣятельство въ фальшивости того документа удостовѣрился лично, о чемъ онъ, начальникъ губерніи, и имѣлъ честь получить письмо отъ ген.-ад.-гр. Адлерберга. Вслѣдствіе сего, онъ, начальникъ губерніи предписалъ уѣздному суду, на основаніи означеннаго неподверженнаго сомнѣнію удостовѣренія ген.-адю. графа Адлерберга, не-бывшаго вѣроятно до сихъ поръ въ виду уѣзднаго суда, сдѣлать въ отношеніи личности Заннеса новое опредѣленіе, “не стѣсняясь прежнимъ” (стра. 27)—Уѣздный судъ такъ и положилъ—не стѣсняясь своимъ прежнимъ постановленіемъ, онъ преспокойно посадилъ опять Заннеса въ острогъ, но просилъ начальника губерніи дать ему знать по какому поводу дано было предписаніе бывшаго начальника губерніи (Войцеха)

* Такъ названо начальникомъ губерніи письмо къ нему графа Адлерберга.

на имя буйскаго исправника о началѣ дѣла? Романусъ, костромской гражданскій губернаторъ, отвѣтилъ, что въ этомъ *“не предстоитъ Уъздному Суду никакой рѣшительно надобности”*!! Между тѣмъ Заннесъ былъ арестованъ въ Февралѣ 1857, а теперь былъ уже Май 1858.

Арестованъ былъ Заннесъ просто на основаніи письма Адлерберга къ Войцеху, что Адлербергъ подозрѣваетъ Заннеса въ злоупотребленіяхъ по имѣнію. Войцехъ распорядился, полиція опечатала бумаги Заннеса; изъ нихъ служившія къ его оправданію какъ-то пропали, а нашелся составленный имъ проектъ контракта съ Адлербергомъ о назначеніи управляющимъ всѣхъ его имѣній въ костромской губерніи. Контрактъ этотъ не былъ заключенъ, но Заннесъ имѣлъ слабость для успокоенія своей жены (котора умерла, когда онъ былъ подѣ судомъ), подписать его подѣ руку Адлерберга и увѣрить ее, что будущность ея и ея дѣтей навсегда устроена. Управляющіе имѣніями Адлерберга воспользовались этою бумагой, и Заннесъ *пять лѣтъ* просидѣлъ въ острогѣ. Они увѣрили будто онъ распоряжался на основаніи этого, нигдѣ не засвидѣтельствовавшаго, заключеннаго видѣ всякихъ законныхъ формъ контракта. Дѣло дошло до сената. Сенатъ приговорилъ заключить Заннеса въ тюрьму *на три мѣсяца*, и затѣмъ освободить отъ отвѣтственности. Заннесъ подалъ прошеніе на высочайшее имя черезъ комиссію прошеній, въ которомъ протестуетъ противъ рѣшенія сената и требуетъ вознагражденія съ Адлерберга за потери, понесенныя имъ его преслѣдованіемъ. Разумѣется онъ ничего не получитъ,—у Адлерберговъ есть, какъ у всякой аристократической фамиліи, свои семейныя преданія—они денегъ не платятъ, но любопытно что Адлербергъ I, въ письмѣ къ А. О. Голвицыну (стр. 45) не отвергаетъ, что онъ имѣетъ *вліяніе* на ходъ разнаго рода дѣлъ.

Въ дѣлѣ есть еще одинъ весьма любопытный документъ, письмо Адлерберга къ с.-петербургскому мѣщанину Винокурову, (стр. 34). Этотъ Винокуровъ управлялъ винокурнями графини Марьи Васильевны Адлербергъ, и, по преклонности лѣтъ, хотѣлъ оставить это занятіе. “Супругъ ея снѣтства, “говорится въ сенатской запискѣ”, *увольнилъ* его, *соизволивъ предписать* ему передать имѣніе Заннесу”. Въ этомъ *соизволеніи* говорится Винокурову:

“Четыре года тому назадъ, какъ графиня Марья Васильевна была въ Каблуковѣ, ты и словесно и письменно изъявлялъ желаніе къ увольненію тебя, по преклонности лѣтъ твоихъ отъ занимаемой должности, и мы *не могли* тогда удовлетворить твоему желанію, какъ потому, *что не имѣли* никого который бы могъ замѣнить тебя, такъ и потому, *что считали* еще *лѣта твои не столь престарѣлыя*, въ которыхъ-бы *нельзя было заниматься дѣлательно и съ пользою для насъ*”. Эта снѣтельная наивность заключается слѣдующею любезностью: “я *предоставляю* тебѣ жить въ какомъ-либо городѣ, или какъ тебѣ заблагоразсудится, *но не отнимаю отъ тебя права* обращаться всегда ко мнѣ съ просьбами, если въ нихъ встрѣтится какая-либо надобность!”

Кстати объ Адлербергахъ. Какимъ чудомъ попалъ казенный пріискъ Ключевскій и пятьдесятъ лучшихъ Гороблагодатскихъ пріисковъ—компаніи Ушакова и Адлерберга? Для всѣхъ золотопромышленниковъ казенные пріиски растагиваются на *пять* верстъ въ длину и въ ширину, или только

для компаній Ушакова и Адлерберга, Огарева и Адлерберга, и такъ дальше, въ которыхъ участвуютъ Адлерберги? И справедливы-ли слухи, что Брискорнъ и Адлербергъ уже захватили пятьдесятъ казенныхъ пріисковъ въ Алтайскомъ горномъ округѣ? Какъ это дѣлается, что адлерберговскія компаніи узнаютъ, что пріиски будутъ отдаваться и захватываютъ ихъ, когда никто изъ другихъ золотопромышленниковъ не извѣщенъ объ отдачѣ ихъ въ частныя руки?

— Кстати къ Адлербергу I, мы имѣли на дняхъ пріятное извѣстіе о прибытіи въ Висбаденъ *Графини* Миры Ивановны, гдѣ она и проигрываетъ большія деньги и плотигъ золотомъ *русскаго чека*. Откуда у нея такая куча русскаго золота? На паспортъ теперь не выдаютъ даже 60 имперіаловъ? Какъ вы думаете господа откуда?

С М Б С Б.

ЗЕМСКАЯ ДУМА

Подъ этимъ заглавіемъ былъ распространенъ въ Петербургѣ слѣдующій печатный листокъ.

“Чтобы измѣнить существующій порядокъ управленія, основанный на насиліи, беззаконіи и произволѣ, разоряющій Россію, развращающій народъ, образовалась партія—*земская дума*. Цѣль ея:

“Полное освобожденіе крестьянъ со всею владѣемою ими землею и

“Созваніе земской думы изъ выборныхъ отъ всѣхъ сословій, для составленія новаго “Уложенія” и опредѣленія размѣровъ и способовъ вознагражденія помѣщиковъ средствами всего государства.

“На дняхъ бывшее Общее Собраніе Думы изъ Депутатовъ отъ всѣхъ областныхъ *кружковъ*, дало намъ возможность счесть свои силы, опредѣлить программу дѣйствій и выступить какъ организованная партія.

“Крайнимъ срокомъ мирной агитаціи для распространенія своихъ убѣжденій мы назначаемъ день “Тысячелѣтія” Россіи. Къ этому сроку мы надѣемся предъявить правительству—въ совершенной неспособности котораго мы глубоко убѣждены—свои требованія въ такой формѣ, передъ которой оно должно будетъ уступить.

“Чѣмъ меньше разумныхъ силъ останется къ этому времени на сторонѣ правительства, тѣмъ меньше будетъ оно въ состояніи противиться законнымъ требованіямъ народа, тѣмъ меньшихъ жертвъ будетъ стоить переходъ къ новому порядку. Поэтому, рѣшивъ во что бы ни стало достигнуть предположенной цѣли, мы обращаемся ко всѣмъ честнымъ и благомыслящимъ людямъ съ прозьбою и совѣтомъ идти за одно съ нами и не поддерживать существующаго порядка. Присоединяться къ намъ мы просимъ организованные кружки и лицъ полагающихся на свои силы.”

Типографія Земской Думы, Апрѣля 1862 года.

ПРИМИРЯЮЩЕЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО.

Указъ изъ Виленскаго Губернскаго Правленія.

Слушали : предложеніе г. управляющаго губерніею по особому о земскихъ повинностяхъ присутствію, отъ 28 Февраля, за №. 538, о томъ, что г. виленскій военный губернаторъ принявъ во вниманіе, что увеличеніе въ г. Вильнѣ войскъ, противъ нормальнаго числа, воспослѣдовало по причинѣ безпорядковъ политическаго свойства, возбужденныхъ единственно римско-католическимъ населеніемъ, безъ участія другихъ жителей, признавъ справедливымъ мѣру усиленія квартирнаго сбора въ г. Вильнѣ до полутора процента съ рубля распространить только на домовладѣльцевъ римско-католическаго населенія, а прочихъ обывателей другихъ христіанскихъ исповѣданій, а также магометанъ и евреевъ отъ сего сбора освободить, оставивъ ихъ при прежнемъ уменьшенномъ квартирномъ окладѣ. О такомъ поясненіи г. генералъ-губернатора, изложенномъ въ предложеніи отъ 14 Февраля, за №. 121, г. управляющій губерніею увѣдомляя губернское правленіе въ дополненіе къ предложенію г. начальника губернии отъ 25 Января, за №. 189, для сдѣланія надлежащаго распоряженія о опубликованіи оного по г. Вильно и о немедленномъ взносѣ ими сего добавочнаго процентнаго сбора, предлагаетъ о послѣдующемъ по сему предмету увѣдомить особое о земскихъ повинностяхъ присутствіе. И по учиненной справкѣ—*приказали* : О настоящемъ предложеніи давъ знать виленской городской полиціи въ продолженіе указа правленія отъ 10 Февраля, предписать объявивъ оное по г. Вильно, имѣть настояніе надъ домовладѣльцами римско-католическаго населенія за немедленнымъ и непремѣннымъ взносомъ ими означеннаго добавочнаго на постоянную повинность сбора съ ихъ имуществъ опредѣленнаго, считая таковой съ 1 Октября 1861 года. О чемъ дать знать виленскимъ дворянской опека и сиротскому суду, равно сообщить г. попечителю виленскаго учебнаго округа, въ палату государственныхъ имуществъ, въ приказъ общественнаго призрѣнія и въ римско-католическую духовную консисторію. О каковомъ распоряженіи дать знать виленской квартирной комиссіи и увѣдомить особое о земскихъ повинностяхъ присутствіе.

Ассесоръ Черноцкій.

Марта дня 1862 года.

— *Подрядчики русскаго посольства въ Лондонѣ.*—Мы искренно совѣтуемъ русскому посольству быть очень осторожнымъ въ своихъ сношеніяхъ съ вольнопрактикующими шпионами и доносчиками, предлагающими свои услуги изъ любви къ русскому правительству, но и не изъ ненависти къ русскимъ ассигнаціямъ. Во время оно Хребтовичъ сѣздался на одномъ кандидатѣ въ корреспонденты III отдѣленія. Полгода тому назадъ, сильно хлопотали о томъ—какъ, черезъ

кого, куда посланы отдѣльно напечатанные экземпляры “Что нужно народу?” хлопотали въ Лондонѣ, хлопотали въ Германіи, всегда готовой на дружеское шпионство для сродняковъ и ничего не узнали. Экземпляры проѣхали всѣ. Но опыты ихъ не учить, деньги казенныя... “а можетъ что-нибудь и узнается.”

Мѣсяцъ тому назадъ получили мы письмо отъ одного милаго незнакомца, который извѣщалъ насъ, что онъ *подрядился* русскому посольству поставлять имена нашихъ корреспондентовъ... и предлагалъ *намъ свои услуги*—обманывать (небезвозмездно) русское правительство. Такъ какъ мы вообще съ посторонними не шутимъ и русское посольство знаемъ только по слухамъ, мы не отвѣчали ничего. Подрядчикъ посольства, не ограничиваясь однимъ письмомъ, написалъ другое, написалъ третье и замолкъ.* Мы начинали думать, что всё это невинная уловка, чтобъ сорвать съ насъ нѣсколько фунтовъ.

Но двѣй семь тому назадъ, мы получили письмо изъ Петербурга, въ которомъ *знакомый почеркъ* извѣщаетъ насъ, что русское посольство въ Лондонѣ сообщило въ министерство предложеніе нѣкоего подрядчика доставлять ему доносцы. Что Горчаковъ отвѣчалъ—мы не знаемъ, можетъ la Russie se recueille et n'écoute pas aux portes. Во всякомъ случаѣ странное совпаденіе между письмами и вѣстью изъ Петербурга, заставляетъ насъ дать этому гласность.

Если надобно непремѣнно шпионовъ, то совѣтуемъ посольству быть осмотнительнѣе. Нельзя-же всякому мошеннику протягивать руку только потому, что онъ выдаетъ себя за шпиона.*

— *Государь какъ просвѣтителъ.*—Спѣшу сообщить вамъ, пишетъ намъ одинъ корреспондентъ, копію съ офиціальнаго документа, полученнаго мною на дняхъ изъ Россіи :

Конфиденціально.

“Г. военный министръ увѣдомилъ, что государь императоръ, по всеподданѣйшему докладу о бывшемъ въ г. Калугѣ литературномъ вечерѣ, данномъ нижними чинами тамошняго батальона внутренней стражи, высочайше повелѣтъ соизволилъ : не дозволить на будущее время нижнимъ чинамъ давать публичные литературные вечера, или участвовать въ оныхъ. О такомъ высочайшемъ повелѣніи, штабъ имѣетъ честь увѣдомить ваше превосходительство, для исполненія.”

Такія отношенія штаба были *секретно* разосланы ко всѣмъ отдѣльнымъ начальникамъ.

— *Князь безсребреники.*—Александра Федоровна, въ духовномъ завѣщаніи своемъ, забыла упомянуть объ Александрійскомъ дворцѣ, въ Москвѣ. Министръ двора писалъ къ министру финансовъ объ этомъ и просилъ его сдѣлать оцѣнку дворца и имущества, въ немъ находящагося. Дворецъ оцѣнили въ 40,000, а имущество въ 30,000. Все это слѣ-

* Письма хранятся у насъ.

довало раздѣлить между четырьмя братьями : Александромъ, Константиномъ, Николаемъ и Михаиломъ, но три послѣдніе брата отказались въ пользу Александра Николаевича. Этотъ послѣдній благодарилъ ихъ за вниманіе къ нему и приказалъ выдать изъ суммъ *государственнаго казначейства* каждому по 110,000, что они и получили. Министръ финансовъ спрашивалъ у нихъ—желаютъ-ли они получить золотомъ? Они, по расположенію и состраданію своему къ русскимъ, рѣшились взять 5% билетами, которые стоятъ довольно низко.

— *Полушубки съ короткими рукавами.* — Гродненскій губернаторъ Дренякинъ отвесилъ къ варшавскому военному генералъ-губернатору, генералъ-лейтенанту Крижановскому, съ слѣдующей просьбой :

“ М. Г. Николай Андреевичъ, по возможности осматривая прибывающихъ въ г. Гродно рекрутъ, по политическимъ событіямъ въ Царствѣ Польскомъ, пересылаемыхъ въ Оренбургъ, я удостовѣрился, что большая часть изъ нихъ, не имѣющихъ состоянія сдѣлать себѣ собственную обувь и одежду, приличную для дальняго похода, въ самое суровое время года, страдаетъ отъ холода и стужи, вслѣдствіе снабженія ихъ съ мѣстъ отправленія отъ казны дурною и тѣсною обувью и частію узкими полушубками, между которыми встрѣчаются съ непозволительно *короткими рукавами*, кромѣ чего, сказанные рекруты не снабжены большими наушниками; и такимъ образомъ молодые люди при жалкихъ ночлегахъ, многіе изъ нихъ слабаго здоровья, должны будутъ, если не погибнуть, то неминуемо наполнять собою незавидныя попутныя тюремныя больницы.

Въ видахъ предотвращенія такого бѣдственнаго положенія поименованныхъ рекрутъ, безспорно виноватыхъ, но уже повесившихъ заслуженное наказаніе, съ смиреніемъ оное переносящихъ, считаю долгомъ довести о томъ до свѣденія вашего превосходительства, будучи убѣжденъ, что затѣмъ положеніе пересылаемыхъ изъ Варшавы въ суровой климатъ рекрутъ, будетъ видимо улучшено и во имя человечества, мое о нихъ заявленіе вы изволите благодушно принять.”

Гродно, 29, Января 1862 года.

— *Павелъ Гагаринъ.* — Врагъ освобожденія съ землею, инквизиторъ въ дѣлѣ Петрашевскаго, желчевой реакціонеръ пережившій николаевскія времена, *Павелъ Гагаринъ* назначенъ предсѣдателемъ въ государственномъ совѣтѣ и въ комитетъ объ устройствѣ сельскаго состоянія (во время болѣзни Блудова, который, какъ извѣстно, неизлечимо боленъ). Передъ такими ошибками, въ которыхъ презрѣніе къ народу, едва смягчается колоссальностью тупости — падаютъ руки.

Ну, Гагаринъ, покажите-ка народу русскому, какъ онъ ошибается въ своемъ земскомъ царѣ. Царь Павла Гагарина, царь Виктора Панина. не можетъ быть царемъ народной фантазіи.

Гагаринъ этотъ во время процесса Петрашевскаго хотѣлъ погубить Александра Николаевича. Носились слухи, что тогдашній послѣдникъ, предостерегъ Монбелли и Львова. Это дошло до свѣденія Гагарина. Процессъ дѣлался въ пушую эпоху бѣшенства Николая, и мысль погубить сына, подслужившись отцу доносомъ на него, исполнила благороднымъ рвеніемъ нашего князь Павла. Рядомъ прозрачныхъ намековъ, обѣщаній, уловокъ, онъ хотѣлъ вывѣдать отъ Львова, какъ было дѣло. Онъ обѣщалъ ему прощеніе, карьеру—не знаю что; Львовъ разумѣется, съ презрѣніемъ отказался и князь Павелъ съѣлъ грибъ. Въ нашихъ бумагахъ есть *подробное изложеніе* этихъ драматическихъ сценъ между княземъ сыщикомъ и благороднымъ арестантомъ. Мы не печатали ихъ, полагая, что послѣ наглой оппозиціи въ дѣлѣ освобожденія, этотъ вредный чиновникъ будетъ отброшенъ, какъ Муравьевъ-вѣшателъ и др. Но теперь, когда въ угарѣ и чаду отъ пожара, снова выходятъ на горизонтъ патибулярныя фигуры Гагарина и Липранди, мы готовы сдѣлать все отъ насъ зависящее, для прославленія ихъ дѣяній.

— *Келлеръ!* Что это за Келлеръ, идущій теперь впередъ въ Польшѣ?... Келлеръ — Келлеръ?... одинъ Келлеръ былъ женатъ на родственницѣ *бывшаго* поляка Ржевускаго, одинъ Келлеръ бывший надзирателемъ въ Кіевѣ, чуть не попалъ подъ судъ будучи губернаторомъ въ Минскѣ, но жена его, попала во время въ Ниццу, тогда “незабвенная” была еще жива, и пр.

Да, это тотъ самый Келлеръ.

— *Письмо Г. Каткову и Леонтьеву.*

• Милостивые государи и ученые редакторы!

Еслибъ вы, въ вашей полемикѣ противъ насъ, держались въ общихъ сферахъ, и въ общихъ грубостяхъ, я не позволилъ бы себѣ утруждать васъ письмомъ—съ одной стороны очень уважая многосложность вашихъ занятій, а съ другой вовсе не уважая ни васъ, ни вашихъ мнѣній.

Но вы позволили себѣ публично сдѣлать намекъ чрезвычайно неопредѣленный, но явно относящійся къ частной жизни нашей, и тѣмъ дали намъ и въ особенности мнѣ, какъ несчастному виновнику статьи раздражившей васъ—право требовать отъ васъ поясненія. Публичные намеки и клеветы имѣютъ большое неудобство передъ келейнымъ злословіемъ и служебными доносами, до поры до времени покрываемыми канцелярской тайной.

Вотъ ваши слова “наши заграничные *refugiés* (мы *хорошо* знаемъ что это за люди...” *Сов. Лѣт*).

Вѣроятно вы не станете отрѣкаться, что подъ словомъ *заграничные* *refugiés* (и при этомъ я долженъ признаться, что я до сихъ поръ думалъ, что всѣ *refugiés* и эмигранты болѣе или менѣе заграничны)—вы разумѣли насъ *издателей Колокола* и потому позвольте васъ спросить.

Какіе-же мы люди, г. Катковъ?

Какіе-же мы люди, г. Леонтьевъ?

Вы вѣдь хорошо знаете какіе мы люди,—ну какіе-же?

Если въ васъ обоихъ есть одна малѣйшая вскра чести, вы не можете не отвѣчать; не отвѣчая, вы меня приведете въ горестное положеніе сказать, что вы сдѣлали *подлый намекъ*, имѣя ввиду очернить насъ въ глазахъ вашей публики.

Говорите всё... въ нашей жизни, какъ въ жизни каждаго человѣка, жившаго не только въ латвискомъ синтаксисѣ и нѣмецкомъ учебникѣ, но въ толокѣ дѣйствительной жизни, есть ошибки, промахи, увлеченія, *но нѣтъ поступка*, который бы заставилъ насъ покраснѣть передъ кѣмъ-бы то ни было, который мы бы хотѣли скрыть отъ кого-бы то ни было.

Если вы тоже можете сказать, поздравляю васъ г. Катковъ, поздравляю васъ г. Леонтьевъ... Хотя я и не сомнѣваюсь, что вы можете.

Да гг. ученые редакторы, мы поднявши голову, смотримъ въ ваши ученые глаза... кто кого пересмотритъ?

Можетъ вы слыхали, какъ въ 1849 году, въ народномъ собраніи въ Парижѣ Прудонъ, задѣтый такимъ-же образомъ, Тьеромъ, сказалъ ему спокойно, стоя на трибунѣ, превратившейся на ту минуту въ страшный судъ: “говорите о финансахъ, но не говорите о нравственности, я могу это принять за личность и тогда я не картель вамъ пошлю, а предложу вамъ другой бой, здѣсь, съ этой трибуны, я расскажу всю мою жизнь, фактъ за фактомъ, каждый можетъ мнѣ напомнить, если я что-нибудь пропущу или забуду. *И потомъ пусть расскажетъ мой противникъ свою жизнь.*”

За тѣмъ позвольте надѣяться, что вы, милостивые государи, испросите у вашего начальства разрѣшеніе напечатать это письмо въ многоуважаемой Лѣтописи вашей. Вы слишкомъ любите гласность и англійскую ширь оправданія, чтобъ намъ можно было сомнѣваться въ этомъ.

Желаю въ заключеніе, чтобъ письмо это застало васъ въ добромъ здоровьи.

А. Герценъ.

Лондонъ, 10 Іюня 1862.
Orsett House, Westbourne Terrace.

— При Колоколѣ будетъ выходить въ неопредѣленные сроки, особый листъ, подъ заглавіемъ:

ОБЩЕЕ ВѢЩЕ.

Цѣль *Общаго Вѣща* уяснять общее земское дѣло и служить выраженіемъ мнѣній, жалобъ и общественныхъ потребностей —людей всѣхъ религіозныхъ толковъ и согласій, и всѣхъ сословій, крестьянъ и разночинцевъ.

Содержаніе перваго прилагаемаго листа слѣдующее: *Отъ издателей; Письмо къ вѣрующимъ всѣхъ старообрядческихъ и иныхъ согласій и сынамъ господствующей церкви;*

Ограбленіе церкви и людей; Храмцовскіе крестьяне; Купцы серіевскаго посада; Доносъ купца Сопелкина; Дѣло Сурнина; Чиновничья власть; Отъ издателей и проч. Цѣна за одинъ листъ 6 пенсовъ.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЕЙ.

Мы предлагаемъ издателямъ *Дня*, *Современника*, *Русскаго Слова* и издателямъ журналовъ, которые будутъ запрещены вслѣдствіе политическаго террора въ Россіи, продолжать ихъ изданія въ Лондонѣ. На первый случай мы готовы печатать, если это будетъ нужно, на свой собственный счетъ, безъ всякаго вознагражденія.

продаются:

ПОЛЯРНАЯ ЗВѢЗДА НА 1862.

Выпускъ первый: Изъ записокъ И. Д. Якушкина; Отрывокъ изъ мнѣнія дѣйствительнаго статскаго совѣтника Липранди; Къ предъидущей статьѣ: Примѣчанія, Приложенія, Выписки; Разказы о временахъ Николая: Колѣсниковъ и его товарищи въ Оренбургѣ, братья Крицкіе и ихъ товарищи въ Москвѣ, Братья Раевскіе; “Былое и Думы” Искандера (изъ 30-хъ годовъ).

Выпускъ второй: Отрывки изъ записокъ Н. А. и М. А. Бестужевыхъ; Императоръ Александръ I и В. Н. Каразинъ (Искандера); Выдержки изъ записокъ одного Декабриста; Два процесса изъ послѣдней части *Былое и Думы* и пр.

БЫЛОЕ И ДУМЫ, ТОМЪ ТРЕТІЙ.

Между четвертой и пятой частью: Записки одного молодаго челоѣка; Лициній и Вильямъ Пенъ; Капризы и Раздумье; Статьи полемическія; Станція Едрово; Нѣсколько замѣчаній объ историческомъ развитіи чести и пр.

— Г. О. Липке издалъ (40 King William Street, London Bridge), *Русскій Путеводитель въ Лондонъ*, съ планомъ Лондона и Каталогомъ русскихъ издѣлій на Всемирной Выставкѣ. Рекомендуемъ “Путеводителя” русскимъ путешественникамъ.

печатается (въ Берлинѣ):

ОБЩЕПОЯТНОЕ ИЗЛОЖЕНІЕ СРАВНИТЕЛЬНОЙ

АНАТОМІИ И ЗООЛОГІИ.

А. А. ГЕРЦЕНА.

Первый Выпускъ. Вся книга будетъ состоять изъ четырехъ выпусковъ; каждый выпускъ содержитъ около 5-ти печат. листовъ и 50-ти рисунковъ. Цѣна 1 руб. сер. (3 шиллинга).

печатается (въ Лондонѣ):

РАСКОЛЬНИКИ, Томъ IV.

— *Слѣдующій листъ 140 Колокола, выйдетъ 1 Августа.*

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи, 136 & 138 Caledonian Road, London N.

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM,

КОЛОКОЛЪ

VIVOS VOCO!

Выходить еженедѣльно въ Лондонѣ.
Цѣна 6 пенсовъ. Получается въ Вольной
Русской Типографіи, 136 & 138 Caledonian
Road, N.

ЛИСТЪ 140.

1 АВГУСТА 1862.

У Труберна & Co. въ книжной лавкѣ,
60, Paternoster Row, и у Tchorzewski,
1, Macclesfield Street, (Gerrard Street),
Soho, London. Price six-pence.

(WITH SUPPLEMENT NO. 21).

О Г Л А В Л Е Н І Е. — Новые мученики — Концы и Начала (Письмо второе) — Тверское дѣло — П. П. Гагаринъ — Шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ —
Головинская цензура. Смысь : Министерская поправка — Подпоручикъ Григорьевъ — С. — Петербургскія Вѣдомости — Объявленіе — Новые переводы — Извѣщеніе.

АРНГОЛЬДТЪ, СЛИВИЦКІЙ И РОСТКОВСКІЙ.

Какъ незамѣтно пролилась кровь трехъ русскихъ мучениковъ въ Польшѣ... “Инвалидъ” помѣстилъ канibalскій приговоръ, ипостранные журналы пролепетали; не безъ ошибокъ, ихъ имена — и все прошло! Неужели такъ легко скатывается съ императорской мантии и крестьянская и офицерская кровь? Николаю — тридцать лѣтъ не могли простить пять висѣлицъ... а вѣдь имъ предшествовалъ громадный заговоръ, возмущеніе на площади, подняе оружія... а здѣсь — гдѣ необходимость пролитой крови, гдѣ извиненіе убійства?... Пельзя-же ссылаться въ самомъ дѣлѣ то на барской задоръ Апраксина, то на военное звѣрство Лидерса?

Убить трехъ человекъ за то, что они читали “Великорусса” и “Историческій Сборникъ” и *что-то* говорили о священной особѣ государя! Это напоминаетъ гнуснѣйшія времена религиозныхъ и политическихъ гоненій. А *его* еще называютъ добродушнымъ, мягкосердымъ!

Или трехъ несчастныхъ въ самомъ дѣлѣ пожертвовали Хрулеву? П Хрулевъ это допустилъ — и государь допустилъ? Мы даже не повѣрили-бы этому, если-бы не было официальныхъ опроверженій.

Можетъ что-нибудь скрыто подъ фразой, “возбуждать къ позстанію?” Развѣ правительство думаетъ, что для публики *пріятнѣе* знать, что оно купается въ крови безъ достаточной причины?

А само не можетъ въ себя придти отъ “Молодой Россіи” и, растрѣливая съ какой-то наглостью и свирѣпостью, не можетъ надивиться, что подстрѣлили Лидерса, подписавшаго приговоръ!

Какъ Константинъ Николаевичъ не предупредилъ казни? Своя кровь скользка!

16 Іюля 1862 совершилось великое преступленіе... Черный день этотъ будетъ памятенъ и вамъ, поляки, за которыхъ умерли три русскихъ мученика, и ихъ товарищамъ, которымъ они завѣщали великой примѣръ, и намъ всѣмъ, которымъ они указали — не только какъ это правительство, набѣленное прогрессомъ, легко убиваетъ — но какъ проснувшіеся къ сознанію офицеры паши геройски умираютъ!

И — рѣ.

КОНЦЫ И НАЧАЛА.

(Письмо второе).

Кстати къ Маццини.* Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ появился первый томъ полного собранія его сочиненій. Въ вѣсто предисловія или своихъ записокъ, Маццини связалъ статьи, писанныя въ разныя времена, рядомъ пополненій; въ этихъ пояснительныхъ страницахъ бездна самаго живаго интереса. Поэма его монашескаго житія, посвященнаго *одному* богу и *одному* служенію, раскрывается сама собою въ разбросанныхъ отмѣткахъ — безъ намѣренія, можетъ больше, чѣмъ онъ хотѣлъ.

Энтузіастъ, фанатикъ, съ кровью лигура въ жилахъ, Маццини отрокомъ безвозвратно отдается великому дѣлу освобожденія Італіи — и этому дѣлу остается вѣренъ и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ, *ora e sempre*, какъ говорить его девизъ: тутъ его юность, любовь, семья, вѣра, долгъ. Мужъ единой жены, онъ ей не измѣнилъ, и сѣдой, исхудалый, большой, онъ удерживаетъ смерть, онъ не хочетъ умереть прежде, чѣмъ Римъ не будетъ столицей единой Італіи, и левъ С. Марко не разорветъ на лоскутки развѣвающуюся надъ нимъ черно-желтую тряпку.

Свидѣтельство такого человека, и притомъ гонителя скептицизма, социализма, матеріализма, человека жившаго всѣми сердцебіеніями европейской жизни въ продолженіи сорока лѣтъ, чрезвычайно важно.

Послѣ первыхъ *пансионскихъ* увлеченій всякой революціонной карьеры, послѣ поэзии заговоровъ, таинственныхъ формулъ, свиданій ночью, клятвъ на необагранныхъ кинжалахъ, молодого человека беретъ раздумье.

Какъ ни увлекаетъ южную, романскую душу обстановка и ритуаль, серьезный и аскетическій Маццини скоро разглядываетъ, что въ карбонаризмѣ гораздо больше *пріемовъ*, обрядовъ, чѣмъ дѣла, больше сборовъ и приготовленій, чѣмъ пути. Давно догадались и мы, что политическая литургія священнослужителей конспирацій, какъ и церковная литургія, — одно драматическое представленіе: сколько чувствъ и искренности ни вносятъ священники иногда въ *службу*, все же агнецъ закалается въ хлѣбѣ и истекаетъ виномъ. Но Маццини это замѣтилъ тридцать пять лѣтъ тому назадъ.

* См. первое письмо, Колоколъ, листъ 138.

Дойдя до этого, молодому карбонару было трудно остановиться. Вглядываясь въ недавнія событія рухнувшей имперіи, свидѣтель монархическихъ реставрацій и реставрацій революціи, конституціонныхъ попытокъ и республиканскихъ неудачъ, Маццини пришелъ къ заключенію, что у современной европейской жизни нѣтъ, какъ онъ выразился, “никакой инициативы”, что консерваторская идея и идея революціонная имѣютъ только отрицательное значеніе: одна ломаетъ—не зная для чего, другая хранитъ—не зная для чего; что во всемъ, что дѣлается (а дѣлалась тогда революція тридцатаго года), нѣтъ ничего чинополагающаго новый порядокъ дѣлъ. Въ этихъ словахъ будущаго соперника папы есть звуки погребальнаго колокола, въ который ударялъ Местръ, другъ папы.

Пустота, которую ощущалъ Маццини—понятна.

Приливъ революціоннаго моря поднимался торжественно въ 1789 и, не мучимый никакими сомнѣніями, затоплялъ старую весъ; но когда всё было покрыто его волнами, и на минуту всплывши головы безъ туловища, (и въ томъ числѣ одна въ коронѣ), митры безъ головы и шляпы съ плюмажемъ—пошли на дно, тогда впервые почувствовался какой-то страшный *просторъ отсутствія*. Освобожденные силы разбѣжали другъ друга, потомъ устали и остановились—имъ нечего было дѣлать, онѣ ждали событія дня, какъ поденщики ждутъ работы. Постоянныя войска эти во время мира кипѣли боевой энергіей, но не было боя, а главное—не было ясной цѣли. А если цѣли нѣтъ, всё можетъ быть цѣлью: Наполеонъ ихъ увѣрилъ что *онъ* цѣль, что война цѣль, и отлилъ больше человеческой кровью, чѣмъ напоръ волнъ революціонныхъ прилилъ идеями.

Маццини повялъ это, и прежде, чѣмъ произнести окончательный приговоръ, онъ посмотрѣлъ за политическія стѣны; тамъ ему встрѣтился колоссальный эгоизмъ Гёте, его покойное безучастіе, его любознательность естествоиспытателя въ дѣлахъ человеческихъ. Тамъ ему встрѣтился гложущій себя колоссальный эгоизмъ Байрона.

Поэзія презрѣнія возлѣ поэзіи созерцанія; плачь, смѣхъ, гордое бѣгство и отвращеніе отъ современнаго міра—возлѣ гордаго довольства въ немъ. Герои Байрона поражаютъ Маццини; онъ ищетъ, откуда ведутъ свое начало эти странные отшельники, безъ религіи и монастыря, сосредоточенные на себѣ, ненужные, несчастные, безъ дѣла, безъ родины, безъ интересовъ, эгоисты и аскеты, готовые на жертвы, которыхъ не умѣютъ принести, готовые презирать себя въ качествѣ людей. И снова Маццини наталкивается на ту же причину. Въ байроновскихъ герояхъ не достаетъ объективнаго идеала, вѣры; мечта поэта, отвернувшись отъ безплодной, оттаивающей среды, была сведена на лиризмъ психическихъ явленій, на *внутрь вошедшіе* порывы дѣятельности, на болѣзные нервы, на тѣ духовныя пропасти, гдѣ сумасшествіе и умъ, порокъ и добродѣтель теряютъ свои предѣлы и становятся привидѣніями, угрызеніями совѣсти и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣзненнымъ упоеніемъ.

Успокоиться на этомъ *свидѣтельствѣ болѣзни* дѣятельный духъ Маццини не могъ. Ему во чтобы ни стало хотѣлось сыскать слово новой вѣры, инициативу,—онъ и сыскалъ ихъ.

Тенерь рычагъ въ его рукахъ. Онъ повернетъ міръ, онъ пересоздастъ Европу, замѣнитъ гробъ колыбелью, разрушителей сдѣлаетъ зодчими, разрѣшитъ противурѣчіе обще

ства и лица, свободы и авторитета, дастъ сердцу вѣру, не отнимая у разума—разумъ.... Что-же, ты думаешь, это *magnum ignotum*?—*Единство и освобожденіе Италіи съ древнимъ Римомъ въ центрѣ*.

Тутъ, само собою разумѣется, нѣтъ мѣста ни разбору, ни критикѣ. Не оттого-ли, что Маццини предвидѣлъ новое откровеніе, новое искупленіе міра въ итальянскомъ *risorgimento*, онъ не предвидѣлъ одного—именно Кавура? Кавура онъ долженъ былъ ненавидѣть больше, чѣмъ Автонеелли. Кавуръ былъ прозаическимъ переводомъ его поэмы, онъ выполнилъ одну будничную часть мацциниевской программы, за Римомъ и Венеціей *à la longue* дѣло не станетъ. Кавуръ—это итальянская Марса, мѣшающая хозяйственными дрызгами единой мечтѣ итальянской Маріи. П въ то время, когда Марія съ умиленіемъ видѣла искупленіе міра въ освобождающейся Италіи, Марса кроила для Италіи бельгійской костюмъ, и страна, довольная, что конституція не жметъ ее, пошла себѣ по торной, западной колѣѣ, по болыпому торговому тракту, а по немъ не дойдешь ни до какого пересоздапія міра, *не пустившись въ опасный бродъ*.

Фанатикъ Маццини ошибался; колоссальность его ошибки сдѣлала возможнымъ соизмѣримаго Кавура и единую Италію. Для насъ впрочемъ вовсе не важно, какъ онъ разрѣшилъ вопросъ; для насъ важно то, что западный человекъ, какъ только становится на свои ноги и освобождается отъ готовыхъ формулъ, какъ только начинаетъ вглядываться въ современное состояніе Европы—чувствуетъ неловкость, чувствуетъ, что что-то *не туда идетъ*, что развитіе *дало въ сторону*. Обмануть это чувство замѣною не остающаго начала началомъ національности—легко могутъ революціонеры и консерваторы, особенно если по счастью ихъ родина будетъ покорена. Но что-же дальше? Что дѣлать, возстановивши независимость своего народа? Или что дѣлать, когда она и безъ того независима?

Маццини, сознавая какую-то *пустоту* демократической мысли, указываетъ на освобожденіе Италіи отъ “тедесковъ.” Ст. Миль видитъ, что все около него пошлѣетъ, мельчаетъ, съ отчаяніемъ смотритъ на подавляющія массы какой-то паюсной икры, сжатой изъ мириадъ мѣщанской мелкоты, безъ инициативы, безъ пониманья, но и безъ австрійскаго ига, безъ папы и неаполитанскаго Бурбона. Тутъ что дѣлать?

.... Я предчувствую гнѣвъ нашихъ крѣпостныхъ людей, приписанныхъ къ научнымъ фабрикамъ и схоластическимъ заводамъ; я вижу, какъ они бѣлымъ днемъ яростно смотрятъ на меня своими почными глазами филина и говорятъ: “что онъ за вздоръ несетъ! какъ будто исторія можетъ дать въ сторону, какъ будто она не движется по своимъ законамъ, какъ планеты, которыя никогда не даютъ въ сторону и не срываются съ орбиты.”

На послѣднее можно сказать, что всякое бываетъ, и нѣтъ причины, чтобъ иной разъ планета и не сорвалась. У Сатурна кольцо уцѣлѣло и вертится съ нимъ; у Юпитера оно лопнуло, и изъ него сдѣлались бусы мѣсяцовъ. Но вмѣсто обсерваторіи стоитъ заглянуть въ любую больницу, чтобъ видѣть, какъ живые организмы *даютъ въ сторону*, развиваются въ своемъ склоненіи и доводятъ его до относительнаго совершенства, искажая, а иногда и убивая весь организмъ. Шагкое равновѣсіе всего живаго колеблется и до нѣкоторой

степени уступаетъ уклопеніямъ; но еще шагъ въ ту-же сторону,—и худо стянутый узелъ, связующій ихъ, развязанъ, и освобожденные элементы идутъ въ другія сочетанія...

Разумѣется, что общіе законы остаются тѣже, но въ частныхъ приложеніяхъ они могутъ разниться до совершенно противоположныхъ явленій. Повинуясь одному и тому-же закону, пухъ летаетъ, а свинецъ падаетъ.

При отсутствіи плана и срока, аршина и часовъ—развитіе въ природѣ, въ исторіи не то что *не можетъ* отклониться, но *должно* безпрестанно отклоняться, слѣдуя всякому вліянію и въ силу своей безпечной страдательности, происходящей отъ отсутствія опредѣленныхъ цѣлей. Въ отдѣльномъ организмѣ иногда отклоненіе даетъ себя знать болью; и тутъ часто боль является слишкомъ позднимъ предостереженіемъ. Сложные, сводные организмы сбиваются съ своихъ діагоналей и уносятся по скатамъ, вовсе не замѣчая ни дороги, ни опасности, рѣдко имѣя возможность остановить отклонившееся, удержать забѣжавшее или нагнать его, да рѣдко имѣя и желаніе на то: желаніе предполагало-бы всякій разъ сознаніе и цѣль.

Сознаніе съ своей стороны очень далеко отъ практическаго приложенія. Боль не лѣчитъ, а вызываетъ лѣченье. Патологія можетъ быть хороша, а терапія скверная; можно вовсе не знать медицины и ясно видѣть болѣзнь. Требованіе лекарства отъ человѣка, указывающаго на какое-нибудь зло, чрезвычайно опрометчиво. Христіане плакавшіе о грѣхахъ міра сего, соціалисты раскрывшіе раны быта общественнаго, и мы, *недовольные, неблагодарные* дѣти цивилизаціи, мы вовсе не врачи—*мы боль*; что выйдетъ изъ нашего кряхтѣнія и стога, мы не знаемъ,—но *боль заявлена*.

Передъ нами цивилизація, послѣдовательно развившаяся на безземельномъ пролетаріатѣ, на безусловномъ правѣ собственника надъ собственностію. То, что ей пророчилъ Сіэсъ, то и случилось: среднее состояніе сдѣлалось *всѣмъ*—на условіи владѣть *чѣмъ нибудь*. Знаемъ-ли мы, какъ выйти изъ мѣщанскаго государства въ государство народное, или нѣтъ—все же мы имѣемъ право считать мѣщанское государство одностороннимъ развитіемъ, уродствомъ.

Подъ словомъ уродства, болѣзни, мы разумѣемъ что-то не естественное, противузаконное, не отдавая себѣ отчета, что уродство и болѣзнь *естественныя*—нормальнаго состоянія, представляющаго алгебраическую формулу организма, отвлеченіе, обобщеніе, идеаль, собранный изъ разныхъ частныхъ—исключеніемъ случайностей. Отклоненіе и уродство *подзаконны* тому-же закону, какъ и организмы; въ ту минуту, когда бы они освободились отъ него, организмъ бы умеръ. Но сверхъ общей подзаконности, они еще состоятъ на особыхъ правахъ, имѣютъ свои частные законы, послѣдствія которыхъ оиѣтъ-таки мы имѣемъ право выводить, безъ всякихъ ортопедическихъ возможностей поправлять. Видя, что у жирафа передняя часть развита *односторонно*, мы могли догадаться, что это развитіе сдѣлано на счетъ задней части, и что въ силу этого въ его организмѣ непремѣнно будетъ рядъ недостатковъ, соотвѣствующихъ его одностороннему развитію, но которые для него естественны и относительно нормальны.

Переднюю часть европейскаго камелеопардала составляетъ мѣщанство—объ этомъ можно-бы было спорить, еслибъ дѣло не было такъ очевидно; но однажды согласившись въ этомъ, нельзя не видать всѣхъ послѣдствій такого господства лавки и промышленности. Ясно, что кормчій этого міра будетъ

купецъ, и что онъ поставитъ на всѣхъ его проявленіяхъ свою торговую марку. Противъ него равно будетъ несостоятельна нелѣпость родовой аристократіи и несчастье родоваго пролетаріата. Правительство должно умереть съ голоду или сдѣлаться его прикащикомъ; у него на пристяжкѣ пойдутъ его товарищи по непроизводительности, опекуны несовершеннолѣтняго рода человѣческаго: адвокаты, судьи, нотаріусы и пр. Вмѣстѣ съ его господствомъ разовьется пониженіе всего нравственнаго быта, и Ст. Миль на пр. вовсе не преувеличивалъ говоря о сѣуживаніи ума, энергіи, о стертости личностей, о постоянномъ мельчаніи жизни, о постоянномъ исключеніи изъ нея общечеловѣческихъ интересовъ, о сведеніи ея на интересы торговой конторы и мѣщанскаго благосостоянія. Миль прямо говоритъ, что по этому пути Англія сдѣлается *Китаемъ*—мы только къ этому прибавимъ: и не одна Англія.

Можетъ какой нибудь кризисъ и спасетъ отъ китайскаго маразма. Но откуда онъ придетъ, какъ, и вынесетъ-ли его старое тѣло или нѣтъ? Этого я не знаю, да и Ст. Миль не знаетъ. Опытъ насъ проучилъ; осторожнѣе Маццини, мы смиренно держимся точки зрѣнія *прозектора*. Лекарствъ не знаемъ, да и въ хирургию мало вѣримъ.

Мнѣ-же особенно посчастливилось: мѣсто въ анатомическомъ театрѣ досталось славное и возлѣ самой клиники; не стоило смотрѣть въ атласъ, ни ходить на лекціи парламентской терапіи и метафизической патологіи; болѣзнь, смерть и разложеніе совершались передъ глазами.

Агонія іюльской монархіи, тифъ папства, преждевременное рожденіе республики и ея смерть, за февральскими *сумерками* іюньскіе дни, вся Европа въ припадкѣ лунатизма, сорвавшаяся съ крыши пантеона въ полицейскую лужу! Десять лѣтъ въ обширнѣйшемъ музеѣ патологической анатоміи—на Лондонской всемірной выставкѣ образцовъ всѣхъ прогрессивныхъ партій въ Европѣ, рядомъ съ туземными образцами всѣхъ консерватизмовъ со времени Іудейскихъ первосвященниковъ до Шотландскихъ пуританъ.

Десять лѣтъ!

Былъ досугъ всмотрѣться въ эту жизнь, въ то, что дѣлалось вокругъ; но мое мнѣніе не измѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ въ сорокъ восьмомъ году я осмѣлился, еще съ нѣкоторымъ ужасомъ, разобрать на лбу этихъ людей цинцеровское *vixerunt*!

Съ каждымъ годомъ я бьюсь болѣе и болѣе объ непониманіе здѣшнихъ людей, объ ихъ равнодушіе ко всѣмъ интересамъ, ко всѣмъ истинамъ, объ легкомысленную вѣтренность ихъ стараго ума, объ невозможность растолковать имъ, что рутина не есть безаппелляціонный критеріумъ, и привычка—не доказательство. Иногда я пріостанавливаюсь, мнѣ кажется что худшее время прошло, я стараюсь быть непослѣдовательнымъ: мнѣ кажется напимѣръ—будто сгнетейное слово во Франціи вырастаетъ въ мысль, я жду, надѣюсь.... бываетъ же иногда и исключеніе.... будто что-то брезжить... нѣтъ, пичего!

И этого никто не чувствуетъ.... на тебя смотреть съ какой-то жалостью, какъ на поврежденнаго.... мнѣ только случилось встрѣчать старыхъ стариковъ—какъ-то очень грустно качавшихъ сѣдой головой.

Этимъ старикамъ было видимо неловко съ своими *чужими*, съ сыновьями и внучатами....

.... Да, саго тіо, есть еще въ здѣшней жизни великій гипъ для поэта, тинъ вовсе непочатой... Тотъ художникъ,

который здѣсь всмотрится въ *Дѣдовъ и Внучатъ, въ Отцовъ и Дѣтей* и безбоязненно, безпощадно воплотить ихъ въ черную, страшную поэму—тотъ будетъ надгробный лауреатъ этого міра.

Типъ этотъ—типъ Донъ Кихота революціи, старика 89 года, доживающаго свой вѣкъ на хлѣбахъ своихъ внучатъ, разбогатѣвшихъ французскихъ мѣщанъ—онъ не разъ навоевалъ на меня ужасъ и тоску.

Ты подумай объ немъ, и у тебя волосъ станетъ дыбомъ.

И—рѣ.

Isle of Wight, Cowes. 20 Іюля 1862.

Тверское Дѣло.

(Письмо къ издателямъ).

Какъ бывшій свидѣтель послѣднихъ тверскихъ событій, я желалъ-бы выставить ихъ въ настоящемъ свѣтѣ. Еще въ 1858 году въ тверскомъ комитетѣ подъ предсѣдательствомъ Унковскаго боролись двѣ мысли: одна свѣтлая, обширно-либеральная не допускала возможность постепенности, другая желала сохранить отчасти крѣпостное право, требовала полумѣръ и не понимала вовсе народныхъ потребностей. Слѣдуетъ однако оговорить, что вторая мысль, при единомыслии большинства, составляла меньшинство, разбитое на два лагеря, изъ коихъ одинъ требовалъ безусловной регламентированной барщины, другой не признавалъ только законности обязательнаго выкупа, считая его нарушеніемъ святаго права собственности.

Подъ такимъ вліяніемъ воспитывалось въ продолженіи 3хъ лѣтъ, тверское дворянство, когда 19 Февраля 1861 года показало, что въ Россіи, и въ Петербургѣ въ особенности, перевѣсъ остался за крѣпостниками. Выкупъ вошелъ въ положеніе, окруженное формальностями и затрудненіями. Составившіе положеніе дали ему мѣсто, какъ-бы стыдясь отбросить живую мысль.

При обнародованіи манифеста, приверженцы комитетскаго большинства въ Твери остались недовольными. Одни выразили свое неудовольствіе отказомъ отъ дѣятельности, другіе, болѣе хладнокровные, взяли смѣло за дѣло, сообразивъ что обязательныя отношенія, противныя дѣлу реформы, не удержатся; а между тѣмъ новыя учрежденія, по своей самостоятельности, могутъ развить начало истинной свободы.

Вмѣшательство такихъ людей должно было скоро вразумить помѣщиковъ и крестьянъ въ невозможности обязательныхъ отношеній, привести ко всеобщему выкупу и тѣмъ мирно развязать вопросъ.

Въ этомъ духѣ мировыя учрежденія дѣйствовали повсемѣстно. До назначенія посредниковъ, нѣкоторые предводители дворянства показали достаточный примѣръ гражданской доблести; особенно замѣчательнъ Бакуинъ, онъ не жалѣя себя, 2 мѣсяца одинъ успокоивалъ крестьянъ, непонимавшихъ въ чемъ дѣло, удержалъ порядокъ, не потребовавъ ни одной строгой мѣры, за то имя его произносится всѣми съ глубокимъ уваженіемъ.

Мировые посредники наконецъ назначены—подымаются бури неудовольствій, немѣшающія однако имъ идти твердо своею дорогою; они убѣждаютъ, просятъ, доказывая несостоятельность барщины и только, истощивъ всѣ нравственныя средства, перестаютъ ее поддерживать и тѣмъ уничтожаютъ. Слѣдствія выходятъ великолѣпныя: нѣтъ грамотъ въ губерніи

на барщину, выкупныя договоры и заявленія подаются непрерывно; останавливаютъ ихъ—разсѣсшійся слухъ о намѣреніи правительства гарантировать полный рубль, и дѣйствія главнаго выкупнаго учрежденія, которое утвердивъ нѣсколько сдѣлокъ, не высылаетъ по нимъ денегъ.

Въ виду причинъ мѣшающихъ выкупу, либеральные члены мировыхъ учреждений, видѣвшіе въ выкупѣ единственное разумное средство примиренія съ народомъ, присоединяютъ къ себѣ либеральную часть дворянства и общими силами заявляютъ правительству о необходимости скорого и обязательнаго выкупа, могущаго спасти страну отъ бѣдствій, такое заявленіе было сдѣлано лицами мирового учрежденія 12, 13 и 14 Декабря 1861 года, дворянствомъ 1, 2 и 3 Февраля 1862 года.

И такъ вопросъ ясно поставленъ: Мировые посредники заявляютъ, что кромѣ выкупа нѣтъ спасенія, дворянство не считаетъ обязательный выкупъ нарушеніемъ своихъ правъ и проситъ распространить эту мѣру на всѣхъ.

Лица мировыхъ учреждений, присутствующие на сѣздѣ дворянъ и перазѣхавшіе еще во своей, собравшись 5 Февраля, разсуждали о томъ какос имъ теперь слѣдуетъ принять положеніе. Заявивъ разъ о необходимости выкупа и въ числѣ прочихъ дворянъ постановивъ его обязательность для губерніи, они логическимъ путемъ пришли къ заключенію, что отпывъ слѣдуетъ всячески склонять помѣщиковъ не подавать уже грамотъ, выражающихъ обязанности сродныя съ крѣпостнымъ правомъ, а выкупныя договоры или объявленія.

Вотъ въ чемъ состоитъ сущность заявленія, подписаннаго 13 лицами и подѣлавшаго столько шуму.

Въ самомъ дѣлѣ возможно-ли допустить, чтобы люди мыслящіе могли объявить губернскому присутствію “что намѣрены руководствоваться воззрѣніями и убѣжденіями, не согласными съ положеніемъ 19 Февраля. считая другой образъ дѣйствій враждебнымъ обществу”. (Телегр. въ №. 40 Моск. Вѣдом.).

Здѣсь только и правда, что въ подражаніи звуковъ. Если-бы опубликовано было заявленіе въ настоящемъ видѣ, то общество могло-бы заключить, что это заявленіе направлено не противъ законовъ, но касалось единственно тѣхъ дворянъ, которые считая постановленія собранія не обязательными, не согласились-бы представить своего имѣнія на выкупъ. Также телеграмма искажаетъ дѣйствіе губернскаго присутствія, которое представивъ заявленіе министру, послало ему копію съ своего отвѣта. Оно ничего не присовокупляло.

Понять не трудно какое мрачное впечатленіе эти публикаціи произвели на народъ; онъ думаетъ что дворянство вооружается противъ царя, за его къ нему великую милость, полагаетъ что дѣло идетъ о возстановленіи рабства. Многіе поражаются такому безнравственному результату. Спросимъ теперь: за чѣмъ весь этотъ шумъ, за чѣмъ грозная сила поражаетъ людей благонамѣренныхъ, виновныхъ только въ гласномъ и откровенномъ изъясненіи своихъ мыслей и стремленій, за чѣмъ внезапныя похищенія и обыски, ничего конечно неоткрывавшіе, потому что у этихъ людей ничего тайнаго не было?

Отвѣтъ простой: Петербургъ окруженный своими фишскими болотами, разобщенъ сердцемъ отъ Россіи; онъ не знаетъ какъ тамъ въ настоящемъ отечествѣ льется въ жилахъ кровь, онъ привыкъ къ тайнымъ кознямъ, онъ не знаетъ что настало

время говорить правду и голосъ истины онъ принимаетъ за мятежный кличъ, онъ не можетъ понять, что люди, выражающіе свои кровныя убѣжденія рѣзко и безъ робости, могутъ не имѣть силы, но готовы ихъ поддержать.

Цѣль этихъ возмутительныхъ административныхъ насилій была отыскать нить мнимаго заговора, напугавшаго людей родныхъ.

Львовъ и Гагаринъ.

(Отрывокъ изъ записки о дѣлѣ Петрашевскаго).

Разъ Львовъ потребованъ былъ въ комиссію; въ комнатѣ былъ одинъ П. П. Гагаринъ (нынѣшній предсѣдатель совѣта). Онъ началъ спрашивать Львова съ участіемъ о его лѣтахъ, о семействѣ и т. п. и потомъ сказалъ “вы штабъ-офицеръ, и въ такихъ молодыхъ лѣтахъ (ему было 25 лѣтъ) потерять все — это ужасно”. Я совершенно вѣрю въ милосердіе государя и въ вашу справедливость, отвѣчалъ Львовъ. “Да милость государя надобно чѣмъ нибудь заслужить”, тутъ доблестный князь указалъ на статью законовъ, которая доносчику даетъ эту милость. Львовъ былъ очень удивленъ этимъ оборотомъ, потому что его спрашивали почти послѣднимъ, и все было уже открыто до его показаній; ему непонятно было, какъ онъ можетъ быть доносчикомъ.

“Слушайте внимательно и не перебивайте меня, но старайтесь хорошенько понять: Все, что вы до сихъ поръ показывали — пустяки; но это дѣло государственное, тутъ никого пенужно щадить. Вы человѣкъ умный, вы не могли надѣяться на вашихъ товарищей; вы должны были искать опоры для себя по-силнѣе для осуществленія вашихъ идей. Скажите-же, па кого вы надѣлись? Не бойтесь, это вамъ будетъ очень полезно: какъ бы ни было высоко поставлено это лицо, — я конечно не могу его назвать по имени — но вы назовите, повторяю, какъ бы высоко, выше всѣхъ насъ, исключительно ни было поставлено это лицо, назовите его! Конечно, оно съ вами можетъ быть и не имѣло непосредственныхъ сношеній, но тутъ все важно: улыбка, одобреніе, слово, полуслово, предупрежденіе, все важно! Вотъ вамъ бумага, подумайте и напишите въ вашемъ казематѣ”.

Грустный пришелъ Львовъ въ казематы, онъ былъ глубоко оскорбленъ, что его могли считать за доносчика. Но что такое отъ него требовали? Долго онъ думалъ, вдругъ стало ему все понятно: года за два предъ этимъ, у Монбелли были литературные вечера, въ которыхъ онъ участвовалъ. Изъ арестованныхъ ихъ только было двое, Монбелли и онъ, которые о нихъ знали. Вечера эти прекратились потому, что послѣднимъ, нынѣшній императоръ, бывший тогда дивизионнымъ начальникомъ, просилъ ихъ прекратить на томъ основаніи, что въ городѣ носились слухи о ихъ чрезвычайномъ либерализмѣ, и, хотя онъ этому не вѣритъ, но ему будетъ непріятно если до государя дойдутъ эти ложные слухи. Вотъ чего хотѣлось Гагарину. Чтò бы послѣдовало за этимъ открытіемъ? Повторилось-ли бы дѣло царевича Алексѣя, или просто это было лакейское желаніе поссорить отца съ сыномъ? Можетъ быть олигархическая партія дѣйствительно уже предвидѣла, что сынъ отниметъ у нея рабовъ и хотѣла воспользоваться удобнымъ случаемъ для того, чтобы заставить его отказаться отъ престола.

Львовъ сейчасъ сѣлъ и написалъ:

“Все что до сихъ поръ мною было показано, сдѣлано было для скорѣйшаго разясненія дѣла и для того, чтобы были

скорѣе освобождены совершенно невиновные, томимые подобно мнѣ въ тяжкомъ крѣпостномъ заключеніи. И если комиссія изъ моихъ показаній открывала что-нибудь новое, то я покорнѣйше прошу не прилагать ко мнѣ статьи свод. зак., показанныя кн. Гагаринымъ, потому что, на этомъ основаніи, я милости государя императора не желаю и не заслуживаю и къ прежнимъ показаніямъ ничего прибавить не могу”.

— “Что вы тутъ написали? Я васъ не о томъ спрашивалъ, вы меня не поняли — не хотѣли понять! И къ чему это немѣстное самолюбие: милость государя всегда прекрасна. Послѣднее выраженіе вамъ много повредитъ” — прибавилъ Гагаринъ. Потомъ онъ какъ будто расчувствовался, хотѣлъ дать переписать эту бумагу, въ которой можно было бы исключить послѣднія слова, но вдругъ былъ остановленъ какимъ-то вошедшимъ чиновникомъ въ мундирѣ военнаго министерства, который занималъ иногда мѣсто сенографа при допросахъ; онъ посоветовалъ это сдѣлать въ другой разъ; — тѣмъ дѣло и кончилось.

Шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ.

Пашъ Веверлеи не будетъ до такой степени романтиченъ, какъ вальтерскотовской. Въ нашихъ романахъ, совершавшихся въ атмосферѣ зимняго дворца, иной колоритъ. Мы перепечатываемъ слово въ слово замѣчательное объявленіе Петербургской полиціи, обнародованное 30 Марта 1802. Считаемо необходимымъ прибавить, что петербургскіе старожилы рассказывали дѣло такъ, — что цесаревичъ Константинъ, раздраженный упорствомъ несчастной жертвы — *отдалъ ее на изнасилованіе*, какимъ-то злодѣямъ, товарищамъ этого милаго Донъ Жуана императорской семьи.

“До свѣденія государя императора дошли разнообразныя слухи, разнесшіеся здѣсь по городу по случаю скоростижной смерти жены купца Араужо, причиненной яко-бы насильственными, неистовыми, наглыми и непозволительными поступками генералъ-лейтенанта Баура съ нѣсколькими сообщниками изъ офицеровъ. Его императорское величество, желая обнаружить истину, открыть преступленіе и въ защиту челоуѣчества предать виновныхъ безъ всякаго лицепріятія суду по законамъ, высочайше повелѣтъ соизволилъ полиціи произвестъ строжайшее о томъ изслѣдованіе. Во исполненіе чего учинены были обстоятельныя допросы всѣмъ причастнымъ и могущимъ имѣть какое-либо о семъ приключеніи свѣденіе, по коимъ открылось слѣдующее: жена бывшаго акушера, вдова баронесса Моренгеймъ показала, что госпожа Араужо 10го Марта по полудни въ 6-мъ часу пріѣхала къ ней, въ то самое время, когда находился у нея коллежскій совѣтникъ Торси, и пробывъ съ четверть часа, сказала, что имѣетъ исполнить еще какую-то комиссію и возвратится по позже къ чаю; и такъ уѣхала. Около осьми часовъ вечера, когда госпожа Моренгеймъ съ собравшимися къ ней гостями пила чай, вызвана она была дѣвкой своею въ другую комнату, гдѣ нашла госпожу Араужо лежащую въ обморокѣ; употребивъ различные способы, достигли наконецъ до того, что возвратили ей полное чувство; но говорить могла она токмо съ превеликимъ трудомъ и отрывистыми словами, требуя, чтобы ее раздѣли, чтобы дали чистое бѣлье, чтобы послали за докторомъ Бутацомъ, за ея каретою и дѣвкой; все сіе было исполнено, и потомъ по требованію доктора повезла она домой, куда онъ ее самъ проводилъ. Между тѣмъ

узнала госпожа Моренгеймъ отъ людей своихъ, что когда госпожа Араужо послѣ обѣда къ ней пріѣхала, то тотчасъ отпустила свою и уѣхала паки въ незнакомой каретѣ; наконецъ неизвѣстнымъ человѣкомъ принесена въ домъ чрезъ кухню въ дѣвичью комнату. Дворовые люди баронессы Моренгеймъ, дѣвка Матвѣева и слуга Матвѣевъ утвердили во всемъ сіе показаніе, прибавя токмо, что чрезъ короткое время послѣ пріѣзда госпожи Араужо къ баронессѣ, пріѣхалъ неизвѣстный лакей съ четверомѣстною въ четыре лошади каретою, и вызвавъ Араужо, подалъ ей записку не запечатанную, по прочтеніи коей она велѣла своей каретѣ ѣхать домой, сказавъ, что пріѣдетъ къ Моренгеймовой, и въ слѣдъ за тѣмъ поѣхала въ той четверомѣстной; въ исходѣ же осьмага часа, когда неизвѣстный лакей внеся ее въ кухню и положила больную, весьма скоро ушелъ, то ее рвало и на платьѣ были знаки прежней рвоты. По сему показанію отысканы были извозчики, крестьяне Алексѣевъ и Григорьевъ, которые объявили, что 10го Марта послѣ полудни часу въ 3-мъ пришелъ къ нимъ на волынской дворъ человѣкъ и подрядилъ четверомѣстную карету съ четырьмя лошадьми на остальное время дня; сѣвши въ карету, тотъ лакей велѣлъ ѣхать ко дворцу на маленькой дворикъ къ подъѣзду его высочества, государя цесаревича и великаго князя Константина Павловича, куда онъ и побѣжалъ, а часа чрезъ полтора вышедъ и ставъ позади кареты, велѣлъ ѣхать на Невскую перспективу въ нѣмецкую церковь къ госпожѣ Моренгеймовой; не долго побывъ вышелъ съ какою то госпожею, посадивъ ее въ карету и опять велѣлъ ѣхать во дворецъ, къ тому же подъѣзду, у котораго они ожидали около трехъ часовъ; потомъ та же самая госпожа вышла изъ дворца, будучи провожаема двумя лакеями и господиномъ со звѣздою, сѣла въ карету, а оба лакея стали за оною и велѣли ѣхать опять на кирошной дворъ къ Моренгеймовой, гдѣ высадивъ ее изъ кареты, повели въ покои, но одинъ лакей отставши на лѣстницѣ, ушелъ со двора пѣшкомъ, а другой очень скоро возвратясь, велѣлъ опять ѣхать во дворецъ, откуда вынеся достальныя деньги, отпустилъ ихъ домой. Сіе показаніе въ разсужденіи пріѣзда ихъ ко дворцу и отъѣзда отъ туда утвердилъ крестьянинъ Алексѣй, ѣздившій извозчикомъ у адъютанта генераль-лейтенанта Баура Шперберга. Камердинеръ государя великаго князя Константина Павловича Рудковскій сказалъ, что того же 10го Марта вечеромъ живущій у него вольный лакей Новицкій объявлялъ ему, что онъ видѣлъ, какую-то больную женщину вели два лакея отъ господина Баура въ карету и онъ самъ ее провожалъ; на другой же день на спросъ о томъ Рудковскаго, Бауръ отвѣтствовалъ, что ему рекомендовали француженку, которой по пріѣздѣ къ нему сдѣлался обморокъ, вѣроятно не желая обнаружить фамиліи Араужо, какъ давней его знакомой. Новицкій въ точныхъ словахъ подтвердилъ сказанное Рудковскимъ. Придворный лакей Богдановъ и источникъ Хмельницкій, бывшіе при комнатахъ Баура, объявили, что дѣйствительно у господина Баура того 11го Марта была женщина, которую они считали за просительницу, и что тогда у Баура никого не было кромѣ адъютанта его Шперберга; спустя же нѣсколько часовъ, не слыхавъ ни какаго спорнаго или громкаго разговора, какъ вдругъ узнали, что сей женщиной сдѣлалось тошно и рвало ее, послѣ чего проводили ее въ карету. Доктора Бутацъ, де Гро, Вейкартъ и штабъ-лекаръ Книперъ, пользовавшіе больную письменно утвердили, что она была въ совершенномъ параличѣ, и что ни малѣйшихъ даже знаковъ

насильства ей яко бы учиненнаго примѣтить не могли. Жена стекольнаго фабриканта вдова Шенфельдерева, обмывавшая тѣло умершей, показала, что на ономъ не только знаковь къ заключенію о насильственной смерти, ниже малѣйшаго пятна не было. Отецъ и сестра умершей на двукратное спрашиваніе объявили, что въ причинѣ къ насильственной ея смерти ни малѣйшимъ и сомнѣніемъ себя не безнокоятъ, и поводу къ такому заключенію не имѣли.

“ Не довольствуясь симъ, его императорскому величеству благоугодно было для точнѣйшаго открытія истины и узнанія источника и причины разнесшихся слуховъ, повелѣть генераль-прокурору вновь переслѣдовать все дѣло и въ тоже время возвратиться сюда генераль-лейтенанту Бауру, отправившемуся къ должности. Подробное изслѣдованіе генераль-прокуроромъ учиненное, повторенныя допросы и побочныя развѣдыванія, подтвердили во всѣхъ частяхъ вышепрописанныя показанія; а генераль-лейтенантъ Бауръ по пріѣздѣ сюда, генераль-прокурору учинилъ слѣдующее показаніе: Будучи съ давнихъ лѣтъ знакомъ какъ съ Г-жею Араужо, такъ и со всѣмъ домомъ отца ея, видѣлъ ее 8-го Марта въ обществѣ, гдѣ она просила его дозволенія пріѣхать къ нему, дабы попросить и посовѣтываться съ нимъ о устроеніи на будущее время жребія дѣтей ея; хотя-же онъ предлагалъ ей тотчасъ вступить о томъ въ разговоръ, но она отозвалась за множествомъ людей ихъ окружающихъ, дабы не навлечь на себя каковое-либо подозрѣніе, и назначивъ пріѣхать въ понедѣльникъ, т. е. 10-го Марта, просила прислать за нею карету къ баронессѣ Моренгеймовой. Онъ обѣдавъ тотъ день у себя въ комнатѣ съ секретаремъ Зингеромъ и инспекторскимъ своимъ адъютантомъ Шпербергомъ, при нихъ во время стола приказалъ своему камердинеру Бухальскому нанять карету въ четыре лошади; послѣ-же часу въ шестомъ послалъ его-же за Г-жею Араужо къ баронессѣ Моренгеймъ; она по пріѣздѣ тотчасъ жаловалась, что правою стороною неудобно владѣть и что ей тошно, послѣ чего стало ее рвать; онъ въ крайнемъ смущеніи употребивъ всѣ возможные ему способы оправить нѣсколько ея состояніе, и успѣвъ въ томъ, проводя ее самъ до кареты отправилъ съ помянутымъ камердинеромъ и лакеемъ по собственному ея требованію обратно къ Г-жѣ Моренгеймъ; по возвращеніи-же камердинера узналъ отъ него, что при самомъ пріѣздѣ ея на четвертой ступенѣ крыльца, стала она жаловаться о дурпотѣ, и что правою ногою не можетъ твердо ступить; по чему требовала ее проводить за руку, что имъ и исполнено.— Секретарь Зингеръ, адъютантъ Шпербергъ, камердинеръ Бухальскій и лакей Гейнрихъ, будучи въ учиненныхъ на нихъ ссылахъ и показаніяхъ допрашиваемы, объявили во всемъ съ вышепрописаннымъ согласно; первый сказалъ даже, что по возвращеніи его въ восемь часовъ къ генераль-лейтенанту Бауру, видѣлъ онъ еще слѣды рвоты.

“ Но какъ всѣ сіи обстоятельства не открываютъ ни малѣйшаго слѣда къ оправданію вышепомянутыхъ слуховъ, то его императорское величество желая обнаружить истину, и подать симъ способъ невиннымъ оправдаться, высочайше повелѣлъ соизволилъ для третичнаго еще подробнѣйшаго, точнѣйшаго и строжайшаго изслѣдованія всего дѣла, составить особую комиссію изъ гг. генерала отъ инфантеріи графа Татищева, генераль-лейтенантовъ графа Авраксина и князя Волконскаго, и генераль-маіоровъ Вердеревскаго и Ушакова.

“А дабы истощить всѣ возможные способы къ достиженію преднамѣреваемой цѣли, то чрезъ сіе отъ лица монарха и имеемъ святой правды воззываются всякій другъ невинности и добродѣтели, всякій отецъ, мужъ и вообще всякій благомыслящій гражданинъ, имѣющій какія-либо основательныя свѣденія, или-же доказательства къ обнаруженію преступленія, или къ открытію источника или причины основательности или неосновательности часто упоминаемыхъ слуховъ, да явится въ реченную комиссію, или кому-либо изъ членовъ оной съ довѣренностію внушаемою ему безпредѣльнымъ милосердіемъ государя и любовію его къ истинѣ и да объявитъ безъ страха или какого опасенія по сущей совѣсти настоящую правду, вмѣняя себѣ въ награду спасеніе многихъ отъ позорѣнія и исполненіе долга честнаго человѣка и гражданина.”

Въ С.-Петербургѣ, 30 Марта 1862.

Временно-обязанная Головинну Литература.

М. П. П.

Особенная
канцелярія министра.

17 Мая 1862 г.

№ 7

Г. П. Цензурнаго Комитета,

Г. И. по всеподданнѣйшему докладу моему въ совѣтъ министровъ о замѣчаемыхъ мин.

В. Д. упущеніяхъ цензоровъ, одобрявъ предположенныя мною мѣры, повелѣтъ соизвоилъ: не ожидая окончанія работъ комиссіи по дѣламъ книгопечатанія, предписать, *на время, до приведенія къ окончанію трудовъ комиссіи, слѣдующее*:

I. Во всѣхъ вообще произведеніяхъ печати не допускать нарушенія должнаго уваженія къ ученію и *обрядамъ* христіанскихъ исповѣданій, охранять неприкосновенность верховной власти и *ея атрибутовъ*, уваженіе къ особамъ царствующаго дома, непоколебимость основныхъ законовъ, народную нравственность, честь и домашнюю жизнь каждаго.

II. Не допускать къ печати сочиненій и статей, *излагающихъ вредныя ученія социализма и коммунизма*, клонящихся къ потрясенію или ниспроверженію существующаго порядка и къ водворенію анархіи.

III. При разсмотрѣніи сочиненій и статей о несовершенствѣ существующихъ у насъ постановленій, позволять къ печати только спеціальныя ученныя разсужденія, написанныя тономъ *приличнымъ предмету* и притомъ касающіяся такихъ постановленій, недостатки которыхъ обнаружались уже на опытѣ.

IV. Въ разсужденіяхъ о недостаткахъ и злоупотребленіяхъ администраціи не допускать печатанія *именъ лицъ и собственнаго названія мѣстъ и учреждений*.

V. Разсужденія, указанныя въ предъидущихъ двухъ пунктахъ, позволять только въ книгахъ, заключающихъ не менѣе десяти печатныхъ листовъ, и въ тѣхъ періодическихъ изданіяхъ, на которыя подписная цѣна съ пересылкою не менѣе *семи рублей* въ годъ.

VI. Министрамъ В. Д. и Н. П. предоставляется по взаимному ихъ соглашенію, въ случаѣ вреднаго направленія какого-либо періодическаго изданія, причислить оное къ разряду тѣхъ, коимъ не дозволяется печатать разсужденія, показанныя въ пункт. III и IV, и прекращать каждое періодическое изданіе на срокъ не долѣе восьми мѣсяцевъ.

VII. Не допускать къ печати статьи: а) въ которыхъ возбуждается неприязнь и ненависть одного сословія къ другому,

и б) въ которыхъ заключаются оскорбительныя пасмѣшки надъ цѣлыми *сословіями или должностями государственной и общественной службы*.

VIII. Не позволять распубликованія по однимъ слухамъ предполагаемыхъ будто-бы правительствомъ мѣръ, пока онѣ не объявлены законнымъ образомъ.

IX. Статьи за подписью правительственныхъ лицъ позволять къ печатанію не иначе, какъ по положительномъ удостовѣреніи въ дѣйствительной присылкѣ ихъ отъ этихъ лицъ.

X. Въ отношеніи къ статьямъ и извѣстіямъ политическимъ, наблюдать общее правило объ охраненіи чести и домашней жизни царствующихъ иностранныхъ государей и членовъ ихъ семействъ отъ оскорбленій печатнымъ словомъ, и о соблюденіи приличія при изложеніи дѣйствій иностранныхъ правительствъ.

XI. Редакція каждаго періодическаго изданія, представляя въ цензуру какую-либо статью, *обязана знать кто именно авторъ оной*, для сообщенія по востребованію судебныхъ мѣстъ и министерствъ внутреннихъ дѣлъ и пароднаго просвѣщенія.

XII. Независимо изложенныхъ здѣсь правилъ, цензора обязаны руководствоваться нижеслѣдующими особыми наставленіями при цензурованіи статей, касающихся военной части, судебной, финансовой и предметомъ вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ (Прилож. I.)

XIII. За симъ считать отмѣненными состоявшіяся съ 1828 по 1 Января 1862 года постановленія и распоряженія по цензурѣ, исключая поименованныхъ въ прилагаемомъ при семъ спискѣ (Прилож. II).

(Подписалъ:) Управл. Министер.. Ст.-Секр.,—Головинъ

(Вѣрно:) За Прав. особен. канцел.,—М. фонъ Бракке.

— Кстати къ Галиціи и Познани, эту заботливость, чтобъ какъ нибудь поляки не подумали, что русское правительство хочетъ имъ добра—Николай Павловичъ, распространилъ на весь славянскій міръ.—Вотъ и его циркуляръ.

1.

М. В. Д.

(циркулярно.)

Департаментъ полиціи
исполнительной.

господину начальнику губерніи.

Отдѣленіе I.

Столъ I.

23 Марта 1864.

№ 49.

Въ журналѣ “Современникъ”, за текущій

Мартъ мѣсяцъ, напечатаны стихотворенія

Ө. Тютчева, въ числѣ коихъ помѣщены

слѣдующіе стихи на стр. 57 (стихотвореніе XCI):

“И своды древнія Софін
Въ возобновленной Византіи
Вновь осыпаетъ Христовъ алтарь.
Пади предъ нимъ, о царь Россіи,
И встань, какъ всеславянскій царь!”

Государь императоръ, прочитавъ это стихотвореніе, изволилъ послѣдніе два стиха собственноручно зачеркнуть и написать: *подобныя фразы не допускать*.

О такомъ высочайшемъ повелѣніи, сообщенномъ мнѣ тайнымъ совѣтникомъ Поровымъ, считаю долгомъ увѣдомить гг. начальниковъ губерній.

(Подписалъ:) М. В. Д. генералъ-адъютантъ—Бибиковъ,

(Скрѣпилъ:) директоръ

Оржевскій.

— Выбѣсть съ этимъ историческимъ памятникомъ, получили мы слѣдующій, относящійся къ тому-же времени.

2.

М. В. Д.
Департаментъ полиціи
исполнительной,

(Конфиденціально циркулярно.)

господину начальнику губерніи.

Отдѣленіе I.
Столъ I.
12 Іюня 1854.

No. 97.

*По высочайшему
повелѣнію о недо-
пущеніи въ печать
нѣкоторыхъ рус-
скихъ пословицъ.*

Въ нынѣшнемъ году вышла въ Москвѣ книга : “Русскія пословицы и поговорки, собранныя и объясненныя О. Буслаевымъ”. Въ этомъ, впрочемъ во всѣхъ отношеніяхъ любопытномъ и достойномъ уваженія трудѣ найдены однакоже совершенно неумѣстными въ печать слѣдующія пословицы : “дѣти отца буютъ—въ запасъ пасутъ” (стр. 96); “мила жена какъ къ вѣнцу ведутъ, да какъ вонъ несутъ” (стр. 112); “слава богу! батюшку съ матушкой схоронилъ, какъ съ поля убралъ” (стр. 139).

Во исполненіе состоявшагося по этому случаю высочайшаго повелѣнія, считаю долгомъ увѣдомить гг. начальниковъ губерніи, что впредь не должны быть допускаемы въ печать подобныя поговорки, которыя едва-ли имѣя какое-нибудь общее въ народѣ распространеніе, столь противны общему патріархальному чувству нашего народа и которыя, если онѣ и существуютъ дѣйствительно въ какой-нибудь отдѣльной мѣстности, не можетъ конечно быть пользы оглашать и вводить чрезъ печать какъ-бы въ общее употребленіе.

(Подписалъ :) М. В. Д. генералъ-адъютантъ—Бибиковъ,
(Скрѣпилъ :) директоръ Оржевскій.

СМѢСЬ.

Министерская Поправка. “Поправка помѣщенная въ неофициальномъ отдѣлѣ, въ No. 138 “Сѣверной Почты” (стр. 551 столб. 4) относительно журналовъ : *Современникъ* и *Русское Слово*, и газеты *День*, оказалась неточною : два первые журнала не запрещены, а временно пріостановлены, и притомъ не по высочайшему повелѣнію, а по взаимному соглашенію министра внутреннихъ дѣлъ и управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія; газета *День* не подверглась запрещенію, а только бывший ея издатель, надворный совѣтникъ Аксаковъ, лишенъ права на изданіе газетъ. Объ этой неточности, въ упомянутой поправкѣ сообщается здѣсь по приказанію г. министра внутреннихъ дѣлъ.”—(Сѣв. Пчела).

Такъ что если *День* хочетъ, то онъ можетъ выходить безъ редактора, или министръ ему дастъ своего Павлоса. Валувъ рѣшительно филологъ и пуристъ; еслибъ у насъ, вмѣсто расстрѣливанія употреблялась гильотина, онъ угѣшалъ бы родныхъ казненнаго, говоря—что такому-то не отрубили голову, а по соглашенію съ управляющимъ министерствомъ просвѣщенія, только отрубили туловище отъ головы.

— *Измайловскаго полка подпоручикъ Григорьевъ* отданъ подъ судъ за намѣреніе распространить между нижними чинами возмутительныя идеи противъ правительства и верховной власти (различіе правительства и верховной власти не понято).

(Приказъ по гвардейскому корпусу No. 109, 22 Іюня 1862).

— Въ “С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ”—отъ 22 Іюня разсказанъ снова отвратительный примѣръ самоуправства на улицѣ какого-то буяна бившаго извозчика. Гг. Θεодосьевъ и Θεодотовъ пригласили яраго бойца въ контору надзирателя (кто этотъ надзиратель? какъ эта слѣпо-нѣмая гласность противна). Надзиратель отказался отъ того, чтобъ спросить имя буяна. Аневковъ! полноте писать нелѣпыя циркуляры о сигарахъ, сыщите-ка эту полицейскую дрянъ, осмѣлившуюся поступить такъ гнусно.

— *Объявленіе.*—Съ конца Августа мѣсяца я буду издавать “*Правдивый*” на французскомъ языкѣ, въ Брюсселѣ, книжками отъ 120 до 150 страницъ въ 18 долю листа. Le Véridique, revue russe, будетъ выходить въ неопредѣленные сроки, нѣсколько разъ въ годъ и каждая книжка будетъ продаваться отдѣльно по два франка.

Адресъ мой : à Bruxelles, rue du Commerce, 30.

Князь Петръ Долгоруковъ.

— *Новые переводы.*—Намъ пишутъ, что въ скоромъ времени выйдутъ въ свѣтъ : “Избранныя сочиненія Гейне” переводъ Майкова, “О представительномъ Правленіи” Сг. Милля и “Сущность Религии” Л. Фейербаха.

— Редакція *Колокола* была-бы очень благодарна, еслибъ кто-нибудь былъ такъ добръ и прислалъ тѣ NN. “Нашего Времени,” въ которыхъ Н. Ф. Павловъ громилъ “Молодую Россію” и насъ русскихъ стариковъ; не подписываться-же намъ на такой журналъ!

Вообще журналы, спущенные на насъ распоряженіями высшаго начальства, насъ очень одолжили-бы присылая свои статьи.

Какія мѣры въ Лондонѣ ни берутъ, всѣ журналы (кромя С.-П. Вѣдомостей, Сѣверной Пчелы и Московскихъ Вѣдомостей) опаздываютъ мѣсяцами, въ томъ числѣ Искра и Современная Лѣтопись.

— Редакція извѣщаетъ о полученіи векселя въ 25 фунт., съ особымъ назначеніемъ.

продолются :

ПОЛЯРНАЯ ЗВѢЗДА НА 1862.

Выпускъ первый : Изъ записокъ Н. Д. Якушкина; Отрывокъ изъ мнѣнія дѣйствительнаго статскаго совѣтника Липранди; Къ предъидущей статьѣ : Примѣчанія, Приложенія, Выписки; Разказы о временахъ Николая : Колѣсниковы и его товарищи въ Оренбургѣ, братья Крицкіе и ихъ товарищи въ Москвѣ, Братья Раевскіе; “Былое и Думы” Искандера (изъ 30-хъ годовъ).

Выпускъ второй : Отрывки изъ записокъ П. А. и М. А. Бестужевыхъ; Императоръ Александръ I и В. Н. Каразинъ (Искандера); Выдержки изъ записокъ одного Декабриста; Два процесса изъ послѣдней части *Былое* и *Думы* и пр.

БЫЛОЕ И ДУМЫ, ТОМЪ ТРЕТІЙ.

Между четвертой и пятой частью : Записки одного молодого человѣка; Лидинъ и Вилльямъ Пенъ; Капризы и Раздумье; Статьи полемическія; Станція Едрово; Нѣсколько замѣчаній объ историческомъ развитіи чести и пр.

не печатается :

РАСКОЛЬНИКИ, Томъ IV.

— *Слѣдующій листъ 141 выйдетъ 15 Августа.*

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи, 136 & 138 Caledonian Road, London N.

КОЛОКОЛЪ

VIVOS VOCO!

Выходить еженедельно въ Лондонѣ.
Цѣна 6 пенсовъ. Получается въ Вольной
Русской Типографіи, 136 & 138 Caledonian
Road, N.

ЛИСТЪ 141.

15 АВГУСТА 1862.

У Трибуера & Со. въ книжной лавкѣ,
60, Paternoster Row, и у Tchorzewski,
1, Macclesfield Street, (Gerrard Street),
Soho, London. Price six-pence.

(WITH SUPPLEMENT No. 22).

О Г Л А В Л Е Н І Е.—Отъ Издателей—Журналисты и террористы—Къ Братьямъ Славянамъ—Угрожающаго террора—Временно Обязанная
Литература. Слѣдь : Правдивый, правдолюбивый и В. Гергардъ—Списокъ лицъ, которыхъ правительство велѣло арестовать по
возвращеніи изъ за границы—Осада Нижняго—Генералъ-губернаторъ Кухелевъ-Минскій—Филипповичъ и Позень.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЕЙ.

Помѣщая въ нынѣшнемъ листѣ *Колокола*, приглашеніе г. Блюммера, которое поддерживаемъ всѣми силами, мы скажемъ нѣсколько словъ о нашемъ сборѣ денегъ на общее дѣло. Мая 15 въ 133 листѣ, мы объявляли : что въ отвѣтъ на нѣсколько писемъ, полученныхъ изъ Россіи, мы готовы учредить при редакціи *Колокола* сборъ денегъ. До 15 Августа нами получено около *тысячи франковъ*.*

Сумма эта до такой степени мала, что ее даже недостаточно для пособія русскимъ эмигрантамъ, число которыхъ возрастаетъ благодаря безумному террору, царящему въ Петербургѣ.

Существованіе заграничной кассы для общаго дѣла необходимо, мы молчали объ ней до вызова и дѣлали что могли на свои средства. Просьба повторяемая съ разныхъ сторонъ, заставила насъ заявить нашу готовность. Къ чему-же это привело? Мы просимъ нашихъ друзей въ Россіи, серьезно подумать объ этомъ.

И—ръ.

Отчего правительство притаилось съ слѣдствіемъ о заживотельствѣ. Отчего оно не объявляетъ имена тѣхъ политическихъ фанатиковъ, социалистовъ, коммунистовъ, которые жгли С.-Петербургъ?

Не была-ли это такая-же гнусная продѣлка, какъ натравливаніе обманутаго народа на студентовъ?

ЖУРНАЛИСТЫ И ТЕРРОРИСТЫ.

Еще и еще камень—ну этотъ мимо, и вотъ еще... это не камень, что-то рыхлое, ледящееся, это изъ за Черной Грязи.

Почти всѣ владѣющіе прашею въ русской журналистикѣ, явились одинъ за другимъ на высочайше разрѣшенный *тиръ* и побиваютъ насъ..... По счастью у иныхъ рука невѣрна, словно дрожитъ отъ волненія, отъ угрызенія совѣсти, отъ воспоминаній; другіе нарочно пускаютъ мимо, а третьи бросаются грязью, это очень гадко, но не больно.

* Въ то же время мы получили съ особымъ назначеніемъ для студентовъ и пр. до 6,000 франковъ.

Годъ VI.

Потѣшайтесь, господа, мы только того и хотѣли, чтобъ какъ-нибудь возвратиться къ вамъ, мы возвращаемся мишенью, и такъ à vos pièces canonniers!

Ну ужъ этотъ проклятый 94 годъ!—“Почему—скажутъ намъ наши противники—почему вы вспомнили именно 8 Термидоръ и команду якобинскаго генерала Ганріо?”

Одна изъ самыхъ странныхъ странностей войны противъ насъ, состоитъ въ томъ, что “Пожилая Россія” обвиняетъ насъ въ жадѣ взрывовъ, насильственныхъ переворотовъ, въ террористическихъ поплзновеніяхъ, чуть не въ поджигательствѣ, и въ то же время “Молодая Россія” упрекаетъ насъ за то, что мы утратили революціонный задоръ и потеряли “всякую вѣру въ насильственные перевороты.”

“Пожилой Россіи”, впредь до непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, мы отвѣчать не будемъ. Чѣмъ-же убѣдишь людей, которые намъ толкуютъ о *chaîr à canon* послѣ “мяса освобожденія?” Что сказать людямъ наивно признающимся, что еслибъ мы *тѣхъ то* побранили, а *этихъ* полюбили, то все было бы ладно? Что-же дѣлать, что намъ дерзкій шалунъ, бросающій камень въ фонарь, не такъ отвратителенъ какъ какой-нибудь самодовольный лимфатическій клопъ, читающій ему *нотацію*.

А потому мы и обращаемся къ “Молодой Россіи”. Она думаетъ, что “мы потеряли всякую вѣру въ насильственные перевороты.”

Не вѣру въ нихъ мы потеряли, а *любовь къ нимъ*. Насильственные перевороты бываютъ неизбежны; можетъ будутъ у насъ, это отчаянное средство, *ultima ratio* народовъ, какъ и царей, на нихъ надобно быть готовымъ; но выкликать ихъ въ началѣ рабочаго дня, не сдѣлавъ ни одного усилія, не истощивъ никакихъ средствъ, останавливаться на нихъ съ предпочтеніемъ, намъ кажется также молодо и незрѣло какъ *нерасчетливо и вредно* пугать ими.

Кто знакомъ съ возрастомъ мыслей и выраженій, тотъ въ кровавыхъ словахъ “Юной Россіи” узнаетъ лѣта произносящихъ ихъ. Терроръ революцій съ своей грозной обстановкой и эшафотами нравится юношамъ, такъ какъ терроръ сказокъ съ своими чародѣями и чудовищами нравится дѣтямъ.

Терроръ легокъ и быстръ, гораздо легче труда, “гнетъ не паритъ, сломитъ не тужитъ,” освобождаетъ деспотизмомъ,

убѣждаетъ гильотиной. Терроръ даетъ волю страстямъ, очищая ихъ общей пользою и отсутствіемъ личныхъ видовъ. Оттого-то онъ и нравится гораздо больше, чѣмъ *самоуби- зданіе въ пользу дѣла*.

Было время, громовые раскаты девяностыхъ годовъ, захватывали и нашу душу; человѣкъ легко увлекается кровью, даже дикія пѣсни военного каннибальства, называемыя патриотическими гимнами — пѣяны и увлекаютъ своимъ грубымъ алканіемъ крови, своимъ ликованіемъ на гудахъ незнакомыхъ труповъ людей, не сдѣлавшихъ убійцамъ никакого вреда. И это до того истинно, что тѣ-же самые мирные граждане, которые дошли до несказаннаго ужаса и риторическихъ проповѣдей при чтеніи “Молодой Россіи,” готовы со слезами подтягивать какой-нибудь героической кантатѣ—объ избіеніи турокъ или нѣмцевъ. Турки, нѣмцы, пушки, Севастополь, все это далеко, и всю эту отвагу и славу мы узнаемъ изъ газетъ, а “Молодая Россія” ближе, возлѣ. Къ тому-же старый монополъ всему “шпоры носящему”—на убійство.

Мы давно разлюбили обѣ чаши полныя крови, штатскую и военную и равно не хотимъ ни пить изъ черепа нашихъ боевыхъ враговъ, ни видѣть голову герцогини Ламбаль на пикѣ... Какая-бы кровь ни текла, гдѣнибудь текутъ слезы и если иногда слѣдуетъ перешагнуть ихъ, то безъ кроваваго глумленія, а съ печальнымъ трепетнымъ чувствомъ страшнаго долга и трагической необходимости...

Къ тому-же и Май смерти какъ Май жизни цвѣтетъ только одинъ разъ *und nicht wieder*. Терроръ девяностыхъ годовъ повториться не можетъ, онъ имѣлъ въ себѣ наивную чистоту невѣденія, безусловную вѣру въ правоту и успѣхъ, которыхъ послѣдующіе терроры не могутъ имѣть. Онъ развивался какъ тучи развиваются и разразился, когда былъ слишкомъ переполненъ электричествомъ; оттого-то, въ его мрачномъ характерѣ есть какая-то дѣйственная непорочность, въ его безпощадности дѣтское добродушіе. И при всемъ этомъ терроръ нанесъ революціи страшнѣйшій ударъ.

Французскій терроръ всего менѣе возможенъ у насъ. Революціонные элементы во Франціи стекались изъ городовъ въ Парижъ, тамъ тропились въ клубахъ и конвентѣ и шли съ мечемъ и топоромъ въ рукѣ проповѣдывать филантропическіе идеалы и философскіе истины до послѣдняго городского вала, до послѣдняго *горожанина*, рѣдко далѣе. Крупницы падали и мужикамъ, но случайно. Революція какъ стремительный потокъ захватывала берега полей, подмывала ихъ, но не теряла своего главнаго, муниципальнаго русла.

Децентрализація, первое условіе нашего переворота, идущаго отъ нивы, отъ поля, отъ деревни и вовсе не въ Петербургъ—откуда народъ, до 19 Февраля 1861 года, ничего не получалъ кромѣ бѣдствій и униженій. И не въ Москву, гдѣ рядомъ съ мощами почивають и живые, довольные какъ Симеонъ богопріимецъ тѣмъ, что увидѣли нарождающуюся Русь.

Да и обстоятельства совершенно иные.

Франція революціонная хотѣла отрѣшиться отъ традиціоннаго быта, вѣками окрѣпнувшаго, благословеннаго мощной церковью и зарубленнаго мечемъ побѣдителя на землѣ и на сердцахъ побѣжденнаго. Революція возвѣщала новое, небывалое право, право человѣка, и на немъ стремилась установить

разумный союзъ общественный; разрываясь съ прошедшимъ, котораго представители были очень сильны, она, по колѣна въ крови, торопилась возвѣщать міру новость земнаго равенства и братства. Ей надобна была республика собранная въ одинъ узелъ, *une et indivisible*, ей надобенъ былъ комитетъ общественнаго спасенія, соединявшій въ одну волю всѣ лучи революціи и ковавшій изъ нихъ молніи. Молніи эти дѣйствительно разгромили монархическую Францію, но республики не создали. На тронъ облитой кровью, сѣла централизованная полиція. Революціонная идея была не по плечу народу.

У насъ нѣтъ ни новыхъ догматовъ, ни новыхъ катихизовъ для оглашенія. Нашъ переворотъ долженъ начаться съ сознательнаго возвращенія къ народному быту, къ началамъ признаннымъ народнымъ смысломъ и вѣковымъ обычаемъ. Закрѣпляя право каждого на землю т. е. объявляя землю тѣмъ, чѣмъ она есть—*неотъемлемой стихіей*, мы только подтверждаемъ и обобщаемъ народное понятіе объ отношеніи человѣка къ землѣ. Отрѣкаясь отъ формъ чуждыхъ народу, втѣсненныхъ ему полтора вѣка тому назадъ, мы продолжаемъ прерванное и отклоненное развитіе, вводя въ него новую силу мысли и науки.

Инстинктивное чувство, которое навело правительство на мысль объ освобожденіи, смутно бродитъ въ немъ; но закоснѣлое въ рутинѣ и предрасудкахъ, оно не можетъ рѣшиться идти одной дорогой, а качается какъ маятникъ, касаясь то одной стороны, то другой. Въ этомъ колебаніи долгое время оставаться нельзя, не сидѣть-же въ самомъ дѣлѣ народу цѣлый вѣкъ сложа руки, при томъ возбужденіи вопросовъ, которое есть, ожидая пока свои петербургскаго правительства, подгнивающие снизу и вывѣтривающіеся сверху, сами рухнутъ. Гнилые лѣса стоятъ долго и большей частью стоятъ до бури. Но прежде всякой бури пробовали кто нибудь сильной рукой или сильнымъ голосомъ указать путь.

Императорская власть у насъ *только власть*, то есть сила, устройство, *обзаведеніе*, содержанія въ ней нѣтъ, обязанностей на ней не лежитъ, она можетъ сдѣлаться татарскимъ ханатомъ и французскимъ комитетомъ общественнаго спасенія,—развѣ Пугачевъ не былъ императоромъ Петромъ III? Что общаго между Алексѣемъ Михайловичемъ и Петромъ, одна неограниченная власть, пытки и казни? Николай подъ самодержавіемъ разумѣлъ сочетаніе власти азіатскаго шаха и прускаго вахмистра. Народъ подъ *земскимъ* царемъ представляетъ себѣ какую-то социальную республику, накрытую мономановой шалкой.

Середь неопредѣленности и неурядицы настоящаго, когда никто не сказалъ своего послѣдняго слова, когда все бродитъ, все ждетъ—одни думу, другіе землю; когда народъ, что ни объявляя самъ государь, какъ ни ораторствуя губернаторы, по русски и по малороссійски, упорно вѣрить въ *другую* волю—вы его зовете противъ царя и дворянства, то есть противъ ненавистной ему касты, *къ которой онъ причисляетъ васъ* и противъ власти, въ которой онъ видитъ своего защитника. Ошибается онъ или нѣтъ—все равно. Онъ увѣренъ, что онъ не ошибается и по этому онъ съ вами не пойдетъ, и вы погибнете. Никакое меньшинство изъ образованныхъ, не можетъ сдѣлать у насъ неодолимаго переворота безъ власти или безъ народа—такъ стали вопросы; пока деревня, село, степь,

Волга, Уралъ покойны, возможны одни олигархическіе и гвардейскіе перевороты, лейбъ-преображенская передержка лицъ, Анна Леопольдовна, нѣтъ—Елизавета Петровна.

До сихъ поръ народъ былъ глухъ и нѣмъ ко всѣмъ революціоннымъ стремленіямъ, потому что онъ непонималъ чего не достаетъ господамъ. Но въ настоящей борьбѣ народъ замѣшавъ живой силой; вопросъ объ освобожденіи сталъ чрезполоснымъ вопросомъ общихъ Россій—вершинной и полевой; народъ и дворянство его такъ и поняли. Столкновение неминуемо. До сихъ поръ не видно, чтобъ народъ готовъ былъ уступить землю или дворянство дешево отдать ее. Оба обращаются къ общему посреднику—къ правительству. Чтожъ оно сдѣлало? Дало землю? Нѣтъ. Отняло? Нѣтъ. Есть поползновеніе сдѣлать то и другое. Пусть оно попробуетъ вырвать у крестьянъ землю изъ подъ ногъ, то есть сдѣлать то, чего не могли ни Петръ I, ни крѣпостное право. Народъ уже заявилъ свое страдательное Veto. Не даромъ не подписываетъ онъ ни уставныхъ грамотъ, ни переходитъ съ барщины на оброкъ; онъ ждетъ земли.

Но пока земля *фактически* за нимъ, народъ не подымется. Для народа подняться трудно, это не рискъ своимъ лицомъ, не каторга, не палачи, а полное раззореніе семьи, невспаханное поле, голодные дѣти, саранча постоя. Вотъ отчего крестьянинъ терпитъ, ужасно долго терпитъ и только изрѣдка, когда уже мѣра переполнена, онъ является въ какомъ то мрачномъ отчаяніи и убиваетъ гуртомъ не только враговъ, но и своихъ собственныхъ дѣтей, чтобъ они не сдѣлались военными поселенцами.

Звать къ оружію можно только на канунъ битвы. Всякій преждевременный призывъ—намекъ, вѣсть данная врагу и обличеніе передъ нимъ своей слабости.

А потому оставьте революціонную риторику и займитесь дѣломъ. Соединяйтесь плотнѣе между собой, чтобъ вы были сила, чтобъ вы имѣли единство и организацію, соединяйтесь съ народомъ, чтобъ онъ забылъ вашъ отколъ; проповѣдуйте ему не Фейербаха, не Бабефа, а понятную для него *религію земли*... и будьте готовы. Придетъ роковой день, станьте трудью, лягте костью, но не зовите его какъ *желанный день*. Если солнце взойдетъ безъ кровавыхъ тучъ, тѣмъ лучше, а будетъ-ли оно въ мономаховой шапкѣ или въ фригійской—все равно. Развѣ французы мало доказали вамъ, что за переводъ съ феодально-монархическаго языка мѣстъ и чиновъ на римско-республиканской—не стоитъ проливать не только крови но и чернилъ.

Стань царская власть въ главу народнаго дѣла, гдѣ найдется достаточная сила, могущая бороться съ ней и ей противудѣйствовать во имя своекорыстныхъ интересовъ касты, сословія?

Всѣ недовольное, шумящее теперь у насъ отъ *vieux boyards moscovites*—до русскихъ нѣмцовъ, отъ николаевскихъ генераловъ—до мелкопомѣстныхъ плантаторовъ, исчезнетъ, согретая. Какъ? Куда? А куда исчезаютъ мыши и крысы при первыхъ лучахъ свѣта, куда пропадаютъ днемъ сверчки? Шной мышенокъ и попадетъ въ мышеловку, инаго сверчки и опшарятъ горячей водой, но тутъ не дойдетъ ни до какаго библейскаго избіенія по домамъ и стогнамъ, ни до мясничества Петра I, ни до прогуливающейся гильотины со своими букетами нойадъ и митриадъ.

Но для того, чтобъ власть царская стала властью народной, ей надобно понять что волна, которая ее подмываетъ и хочетъ поднять, въ самомъ дѣлѣ волна морская, что ее нельзя ни остановить, ни сослать въ Сибирь, что приливъ начался и что нѣсколько раньше, нѣсколько позже, а ей придется сдѣлать выборъ между кормиломъ народной державы и плотомъ морскаго дна.

Свидѣтельствуйте объ этомъ всѣми свидѣтельствами, кричите ей объ этомъ денно и нощно, она крѣпка на ухо и на умъ! Пусть она выскажется—и только послѣ ея отвѣта вы узнаете, что говорить народу, и къ чему его звать.

И—рѣ.

КЪ БРАТЬЯМЪ СЛАВЯНАМЪ.

отъ

всеславяпскаго общества.*

Древнія международныя недоразумѣнія, терзавшія наши племена въ продолженіи цѣлыхъ столѣтій, были для всѣхъ насъ источникомъ величайшихъ несчастій. Однихъ изъ насъ они стерли съ лица земли, другихъ предали они иноплеменному владычеству, всѣхъ безъ исключенія удерживали въ гражданской и политической слабости. Они привели насъ наконецъ къ мысли о славянской федераціи. Только федерація можетъ окончательно разрѣшить тѣ печальные вопросы, которые иначе, безпрестанно усложняясь, будутъ становиться болѣе и болѣе неразрѣшимыми. Теперь эта мысль стала общезвѣстною на столько, чтобы высказать ее гласно ко всѣмъ намъ разомъ.

Намъ слѣдуетъ образовать одинъ великій союзъ, въ который-бы вошли всѣ наши народности съ равными правами самобытности и независимости. Этотъ союзъ долженъ состоять изъ областей, образованныхъ на основахъ какъ народныхъ особенностей, такъ и географическихъ и жизненныхъ потребностей, допуская на будущее время тѣ измѣненія, какія будутъ вызваны новыми условіями жизни. При большей ясности идеи соединенія, опредѣлятся сами собою взаимныя границы этихъ областей и рѣшится вопросъ—какія стихіи политической и гражданской жизни и до какой степени должны быть общими для всего славянскаго союза, и какія должны будутъ составлять особенности тѣхъ или другихъ областей. Въ настоящее время можно указать, что общими для всѣхъ будетъ: равноправное представительство областей въ общемъ собраніи союза; одинакая свобода и равенство передъ закономъ всѣхъ членовъ союза въ каждой области его безъ различія вѣры, происхожденія и языка; отсутствіе официально-господствующаго исповѣданія; повсюдное уничтоженіе сословныхъ различій; полная свобода мысли и слова; единство началъ при разнообразіи формъ въ народномъ управленіи и законодательствѣ; одинакіе монета, вѣсъ, мѣра, свобода торговли и сношеній; единство военныхъ силъ и связующей власти, которая, могла-бы охранить цѣлость добровольнаго союза противъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ.

Для достиженія этой великой цѣли, намъ нужно считать оконченными всѣ наши прежнія международныя недоразумѣнія и предразсудки. Каждый изъ нашихъ народностей не только не должна стремиться къ господству надъ другой, какъ скоро та ищетъ саморазвитія, но должна уважать послѣднюю и съ

* Мы получили это воззваніе съ просьбой напечатать его.—Ред.

любовію способствовать всякимъ ея стремленіямъ къ самостоятельной жизни. Всѣ мы знаемъ, что прежде нежели осуществится идея славянскаго союза необходимы будутъ тяжелыя жертвы для освобожденія нашихъ братій отъ матеріальнаго и нравственнаго ига. Мы должны быть готовы на эти жертвы.

Обращаемся ко всѣмъ тѣмъ, кому дорога свобода родной страны и счастье его соплеменниковъ : содѣйствуйте, братья, распространенію и уясненію этой великой идеи, которая одна можетъ быть залогомъ будущаго нашего благосостоянія, самостоятельнаго развитія нашей племенной силы и общей нашей свободы. Слова наши мы обращаемъ не только къ народамъ славянскаго племени, но и къ тѣмъ иноплеменникамъ, которыхъ судьба связана съ ними : къ Литовцамъ, Румынамъ, Венграмъ, къ народамъ Тюркскаго и Финскаго племени. Пусть они знаютъ общее наше стремленіе, и заранѣе уяснятъ для себя то положеніе, въ которомъ быть они пожелаютъ. Мы не допускаемъ надъ ними ни малѣйшаго насилія; но если они захотятъ войти въ нашъ союзъ, то могутъ быть увѣрены, что право на саморазвитіе ихъ народностей будетъ уважаемо нами также точно, какъ и наше собственное.

И къ вамъ обращаемся мы, народы иныхъ племенъ и другихъ историческихъ судебъ! Опередивъ славянъ на пути гражданской свободы и историческаго развитія, примите ихъ теперь въ свою великую семью, и протяните руку помощи тѣмъ, которые будутъ нуждаться въ ней.

ХРОНИКА ТЕРРОРА.

Мы получили длинное письмо изъ Петербурга. Терроръ не унимается; непрерывные аресты, преміи доносчикамъ, благодарность потапствующимъ литераторамъ, подкупы солдатъ.... всѣ безобразія страха нестѣсняемаго ничѣмъ, страха какого-то недоросля и Нерона вмѣстѣ.

Вотъ отрывки изъ письма :

“Ревность въ отыскиваніи *поджигателей* не ослабѣваетъ и въ послѣднее время III Отдѣленіемъ пущенъ слухъ, что въ рукахъ правительства находятся собственноручныя прокламаціи *заграничныхъ русскихъ издателей о поджогахъ*.*

“Всякій день слышатъ о новыхъ схваченныхъ. На границѣ обыскиваютъ каждого возвращающагося, спимаютъ сапоги, чулки.... Въ Субботу 7/19 Іюля арестовали Чернышевскаго и Серно-Соловьевича. Дѣйствуютъ теперь въ Петербургѣ *два* коммисіи; одна—о поджогахъ, составъ ея извѣстенъ давно. Другая—о распространеніи прокламацій, подъ предсѣдательствомъ кн. *Голицына*. Тутъ членами обер-прокуроръ *Гедда*, флигель-адъютантъ *Слѣпцовъ*, и бывшій пермскій губернаторъ *Огаревъ*—вредный и пустой человѣкъ.

“Въ первыхъ числахъ Іюля (между 1 и 8 числомъ) рѣшено въ сенатѣ дѣло о *тверскихъ мировыхъ посредникахъ*. Приговоръ имъ уже объявленъ и составленъ такъ нелѣпо, такъ отвратительно бессмысленно, что давно уже не запомнятъ ничего даже издали приближающагося къ этой дурости. Гг. сенаторы оперлись ни къ селу, ни къ городу, криво и косо, какъ только умѣли, на статью 319 ‘Улож. о Наказ.’ Тверскіе посредники обвинены въ томъ, что *распространяли сочиненія имѣющія цѣлью недозволенные сужденія о правительствѣ*, присудили ихъ къ 2½ годамъ содержанія въ

* Нужно-ли говорить, что это подлая клевета, гнусная ложь?

смирительномъ домѣ, съ лишеніемъ нѣкоторыхъ правъ состоянія. Суворовъ былъ пораженъ нелѣпостью сенатскихъ доводовъ, и говорятъ, уже просилъ государя чтобы не приводить этого приговора въ исполненіе.

“Говорятъ, что сенаторы были, въ началѣ дѣла, похожи хоть на что-нибудь; но пожары поворотили какимъ-то необычайнымъ манеромъ ихъ голову. Они вдругъ стали съ тѣхъ поръ на дыбы, и пошли и пошли! Читавшіе приговоръ говорятъ, что еслибъ эти сенаторы могли знать, что ихъ приговоръ *навѣрное* будетъ напечатанъ, они собственноручно казнили-бы его не отходя отъ зеркала.

“Въ бытность свою въ Петергофѣ государь соблаговолилъ спросить списокъ жителей Петергофа, найдя тамъ двухъ студентовъ, онъ велѣлъ обязать ихъ родителей подписками удалить студентовъ изъ Петергофа. ‘Это пущь,’ скажетъ какой-нибудь *паталенникъ*, ‘можетъ-ли это быть?’—Позвольте-же вамъ сообщить фамиліи студентовъ : *Мещерскій* и *Набоковъ*.”

—Пріятно послѣ этого перечня безумныхъ и гадкихъ дѣйствій видѣть, что гдѣ гнѣвъ, тамъ и милость.

Катковъ получилъ благодарность отъ высшаго начальства за 23 Но. *Современной Литотисы*. Николай Филипповичъ Павловъ ждетъ двѣ, а Павелъ Филипповичъ Минихъ, фельдфебель 3ой Саперной роты произведенъ въ чиновники 12го класса и утвержденъ потомственнымъ дворяниномъ.

Шуваловъ окончившій курсъ полицейскаго образованія въ Парижѣ, возвращается для занятія мѣста *министра полиціи*... Совѣтуемъ Головинну быть осторожниѣе на словахъ въ комитетѣ министровъ : при министрѣ Шуваловѣ—тамъ будетъ шпіонъ.

Въ *Indépendance Belge* говорится о какихъ-то *несчастныхъ офицерахъ гвардейскаго сапернаго баталіона*, попавшихся подъ слѣдствіе за политическое дѣло. Вѣроятно Павелъ Филипповичъ Минихъ не въ ихъ числѣ!

—“Послѣдовала высочайшая конфирмація по военно судному дѣлу, производимому надъ уволеннымъ отъ службы изъ ольвиопольскаго уланскаго полка поручикомъ *Яковскимъ*, который оказался виновнымъ въ составленіи и злоумышленномъ распространеніи возмутительнаго содержанія сочиненій и въ сношеніяхъ, съ преступною цѣлью, съ молодыми людьми въ Краковѣ, образовавшими въ средѣ своей тайное политическое общество. За означенныя преступленія высочайше повелѣно : подсудимаго *Яковскаго*, на основаніи 286 ст. Улож. о наказ, угол. и исправ., лишивъ всѣхъ правъ состоянія и медали за усмиреніе Венгріи и Трансильваніи, *сослать въ каторжную работу на заводахъ, на четыре года*.”

(Соврем. Слово.)

ВРЕМЕННО ОБЯЗАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Errata. Въ прошломъ листѣ *Колокола* вкралась важная ошибка. При составленіи страницъ былъ выпущенъ пояснительный циркуляръ Головинна, такимъ образомъ во второмъ столбцѣ на стр. 1163, слова “Кстати къ Галиціи и Познани” и пр. не имѣютъ никакого смысла. Вотъ пропущенный циркуляръ:

Особое наставленіе при цензурованіи статей касающихся :

1. Военно-сухопутной части.

Не должны быть допускаемы :

- 1) Статьи, оскорбительныя для чести русскаго войска.
- 2) Статьи, могущія поколебать *понятіе(?)* о дисциплинѣ

и уваженіе къ ней; мнѣнія, подрывающія уваженіе подчиненныхъ къ лицамъ начальствующимъ и ослабляющія довѣріе къ правительству.

3) Въ статьяхъ, относящихся до арміи и военной администраціи, вообще не допускать ничего противнаго тому значенію, которое наша армія имѣетъ по законамъ въ государствѣ; ничего, могущаго ослабить уваженіе публики къ нашему военному сословію, и никакихъ *предосудительныхъ* сравненій съ иностранными порядками, несогласными съ установленною формою нашего правленія.

II. По судебной части.

1) Не допускать печатанія порицаній рѣшеній правительствующаго Сената и другихъ высшихъ правительственныхъ учреждений, но допускать печатный разборъ такихъ рѣшеній судебныхъ мѣстъ 1-й и 2-й степени суда, которыя, по силѣ существующаго нынѣ законодательства, могли-бы быть перевершены или измѣнены судомъ высшей степени.

III. По финансовой части.

Не слѣдуетъ допускать къ печати :

1) Статей, въ коихъ *заподозрѣвается* истина фактовъ, объявляемыхъ въ государственныхъ *финансовыхъ* актахъ.

2) Статей, имѣющихъ цѣлю повредить государственному кредиту и произвести колебаніе курсовъ, если притомъ можно предположить, что это дѣлается въ видахъ спекуляціи.

IV. По предметамъ вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ.

1) *По статьямъ и сочиненіямъ, относящимся къ сословнымъ учрежденіямъ.* Для предупрежденія неточнаго или *преждевременнаго* сообщенія въ періодическихъ изданіяхъ извѣстій о постановленіяхъ и совѣщаніяхъ дворянскихъ и городскихъ собраній, доставляемыхъ частными лицами, не допускать такихъ извѣстій къ печати въ С.-Петербургѣ, безъ разрѣшенія министерства внутреннихъ дѣлъ, а въ Москвѣ и въ губернскихъ и другихъ городахъ, безъ согласія главныхъ или мѣстныхъ губернскихъ начальствъ, которыя обязаны удостовѣриться, что сообщаемыя извѣстія согласны съ истиною, что передаваемыя во всеобщее свѣдѣніе постановленія получили законное утвержденіе и что распубликованіе ихъ не противно видамъ правительства. Не допускать вовсе къ печати въ повременныхъ изданіяхъ статей, касающихся будто бы правъ дворянства на обсужденіе въ дворянскихъ собраніяхъ *общихъ государственныхъ дѣлъ* и вопросовъ. Равнымъ образомъ не разрѣшать къ печатанію статей оскорбительныхъ для дворянскаго сословія, или высказывающихъ положительныя мнѣнія о необходимости уничтоженія дворянства, какъ государственнаго учрежденія.

2) *По крестьянскому дѣлу.* Не допускать никакого порицанія, въ общемъ видѣ, высочайше утвержденныхъ положеній 19-го Февраля, 1861 года и вообще ничего противнаго основнымъ началамъ этихъ положеній. Не допускать къ печатанію статей, которыхъ содержаніе, перенося разрѣшеніе крестьянскаго вопроса съ сельскохозяйственной на политическую арену, могло бы возбуждать неосновательныя и неумѣстныя толкованія по этому вопросу. Въ періодическихъ изданіяхъ, а равно въ отдѣльныхъ книжкахъ и брошюрахъ, предназначенныхъ для народнаго чтенія, не допускать ни подъ какимъ видомъ статей, въ которыхъ излагаются мнѣнія о

принадлежащемъ будто-бы крестьянамъ правъ собственности на землю, предоставленную имъ только въ пользованіе, на установленныхъ въ законѣ условіяхъ. При сообщеніи въ газетахъ постановленій мѣстныхъ губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій, не допускать осужденія этихъ постановленій или доказательства несправедливости или неумѣстности ихъ на дѣлѣ, такъ какъ эти постановленія, со времени утвержденія ихъ въ законномъ порядкѣ, имѣютъ законную обязательную силу для той мѣстности, до которой они относятся. Не допускать никакихъ *рѣзкихъ и язвительныхъ* отзывовъ о настоящихъ отношеніяхъ между помѣщиками и ихъ служителями, или бывшими крестьянами, и вообще не разрѣшать къ печати никакихъ статей и разсужденій, которыя могли бы возбуждать неудовольствіе и раздраженіе одного сословія противъ другого.

3) *По предметамъ иновѣрческихъ христіанскихъ исповѣданій.* Духовныя сочиненія Римско-католическія и лютеранскія допускать къ печати не иначе, какъ съ разрѣшенія духовныхъ консисторій тѣхъ исповѣданій, а въ случаяхъ, возбуждающихъ сомнѣніе представлять на усмотрѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ, по департаменту духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій; окружныя и другія посланія иновѣрческаго духовенства, печатать не иначе, какъ съ разрѣшенія означеннаго департамента.

4) *По дѣламъ о евреяхъ.* Статьи, въ которыхъ *положительно* высказываются требованія о разширеніи гражданскихъ правъ живущихъ въ Россіи евреевъ, представлять на усмотрѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ.

5) *По статьямъ и сочиненіямъ относительно западныхъ губерній.* Въ виду нынѣшнихъ усилій польской пропаганды къ распространенію польско-національнаго вліянія на менѣе образованные классы населенія западнаго края имперіи и къ возбужденію въ нихъ вражды противъ правительства, цензура должна съ особеннымъ вниманіемъ разсматривать сочиненія и статьи, въ которыхъ развиваютъ такое вліяніе, и вникать какъ въ сущность ихъ, такъ и въ наружную форму. Вслѣдствіе того, она обязывается : не допускать къ печатанію статей, въ которыхъ доказывается необходимость возстановленія независимости и самобытности Польши, хотя бы эти статьи относились не непосредственно къ Царству Польскому, или бывшей Литвѣ и областямъ, временно бывшимъ подъ польскимъ владычествомъ въ предѣлахъ имперіи, но и *Галиціи и великому княжеству Познанскому*, и не допускать примѣненія польскаго алфавита къ русскому языку, или печатать русскія или малороссійскія статьи и сочиненія латинско-польскими буквами, тѣмъ болѣе, что и ввозъ изъ-за границы сочиненій на малороссійскомъ нарѣчій, напечатанныхъ польскими буквами положительно запрещенъ.

6) *По нѣкоторымъ особымъ предметамъ.* Наблюдать за тѣмъ, чтобы во всѣхъ статьяхъ по предметамъ земскихъ повинностей, особенно съ точки зрѣнія сословной, арестантскихъ дѣлъ, тюремъ, полицій, не была постоянно проводима мысль объ *осужденіи, охужденіи и испроверженіи* всего, что нынѣ по этимъ частямъ существуетъ. Указаніе недостатковъ, конечно полезно; въ подкрѣпленіе указаній могутъ быть приводимы примѣры; но въ самой формѣ изложенія этихъ указаній и ссылокъ на примѣры, не должно быть терпимо нынѣшняго односторонняго и постояннаго стремленія изыскивать только все дурное, на немъ останавливаться и умалчивать

о всемъ улучшающемся и о всемъ хорошемъ. Наблюдать чтобы издаваемые въ губерніяхъ памятные книжки содержали въ себѣ только то, что указано въ программѣ, для каждой изъ нихъ утверждаемой, по соглашенію министерствъ внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Газетныя статьи о празднествахъ и обѣдахъ, устраиваемыхъ въ честь губернскихъ сановниковъ, особенно при ихъ увольненіи отъ должностей, не дозволить къ печатанію безъ предварительнаго разсмотрѣнія министерства внутреннихъ дѣлъ или главныхъ мѣстныхъ губернскихъ начальствъ.

Постановленія и распоряженія по цензурѣ, не отмѣняемыя временною инструкціею цензурнымъ комитетамъ и отдѣльнымъ цензорамъ.

1. *Отъ 17 Декабря 1828 года.* Правила, предписанныя по министерству внутреннихъ дѣлъ относительно цензурированія афишъ и мелкихъ объявленій :

1) Разрѣшеніе печатанія или литографированія и изданія въ свѣтъ всякой афиши и мелкаго объявленія зависитъ отъ того же полицейскаго начальства, которому и разсмотрѣніе онаго принадлежитъ.

2) Никакое частное объявленіе о дозволенныхъ уже лотереяхъ, продажахъ, покупкахъ, наймахъ, пропжахъ, контрактахъ, собраніяхъ, представленіяхъ, зрѣлищахъ и т. п. помѣщаемое въ с.-петербургскихъ, московскихъ и другихъ какого бы то ни было рода вѣдомостяхъ, газетахъ и срочныхъ изданіяхъ, не можетъ быть печатаемо безъ дозволенія мѣстнаго полицейскаго начальства.

3) Сему же правилу подлежитъ изданіе всѣхъ отдѣльныхъ сего рода объявленій, на особыхъ листкахъ печатаемыхъ, или литографируемыхъ.

4) Разсмотрѣніе и разрѣшеніе печатанія означенныхъ объявленій и афишъ зависитъ : въ столицахъ отъ оберъ-полицеймейстеровъ, а въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ отъ полиціймейстеровъ и городничихъ.

5) Въ разсмотрѣніи объявленій и афишъ, лица, до коихъ сіе относится, руководствуются общими правилами о цензурѣ, согласно § 24 устава, и разрѣшенія свои изъясняютъ подписаніемъ имени и приложеніемъ казенной печати.

6) Разрѣшеніе дается немедленно по одному предъявленію объявленія или афиши, безъ всякихъ письменныхъ о томъ просьбъ. Въ случаѣ какого либо препятствія въ дозволеніи афиши или объявленія, по силѣ правилъ устава о цензурѣ, предъявляющимъ оныя отказывается въ дозволеніи также безъ малѣйшаго промедленія.

и 7) Лицо, получившее отказъ, можетъ, если признаетъ себя въ правѣ, принести на то по начальству жалобу. Жалобы сего рода, восходя установленнымъ порядкомъ до министерства внутреннихъ дѣлъ, поступаютъ въ департаментъ полиціи исполнительный.

2. *Отъ 22 Ноября 1837 года.* Издатели, не желающіе продолжать журналъ или газету, на которые получили позволеніе, должны объявить, что прекращаютъ свое временное сочиненіе, послѣ чего тѣ, которые пожелаютъ возобновить прекращающееся изданіе, могутъ входить о томъ съ прошеніемъ по установленному порядку, какъ о журналѣ, вновь предпринимаемомъ.

3. *Отъ 14 Декабря 1837 года.* При дозволеніи печатанія въ западныхъ и остзейскихъ губерніяхъ славянскихъ и

русскихъ букварей и другихъ книгъ, въ коихъ находятся, на славянскомъ или русскомъ языкѣ, символъ вѣры, употребляемый церковью молитвы и вообще мѣста чисто духовнаго содержанія, цензурныя учрежденія, на разсмотрѣніи которыхъ подобныя книги находятся, должны препровождать оныя каждый разъ на предварительное разсмотрѣніе въ духовную цензуру; а за отдаленностью духовныхъ цензурныхъ комитетовъ отъ сихъ свѣтскихъ цензурныхъ учреждений, сіи послѣдніе могутъ обращаться къ духовному начальству, которое для того будетъ отъ главнаго духовнаго управленія снабжено соотвѣстственными предписаніями.

4. *Отъ 30 Іюля 1839. года.* Въ избѣжаніе неудобствъ, какия происходили отъ разрѣшенія лютеравскими консисторіями печатанія книгъ, назначаемыхъ для другихъ консисторіальныхъ округовъ, предписано, чтобы духовныя сочиненія для одного только какого либо округа предназначенныя или для части онаго, выходили не иначе, какъ исключительно съ одобренія мѣстной сего округа консисторіи.

5. *Отъ 15 Мая 1840 года.* Отпую не должны быть допускаемы къ печатанію объявленія или афиши съ изображеніемъ спасителя или другихъ священныхъ лицъ и предметовъ.

6) *Отъ 29 Января 1842 года.* Относительно существовавшихъ въ Финляндіи постановленій о разсматриваніи русскою цензурою новыхъ русскихъ сочиненій, печатаемыхъ въ великомъ княжествѣ Финляндскомъ.

1) Русскимъ авторамъ, живущимъ въ Финляндіи, дозволяется представлять предложенныя къ напечатанію сочиненія свои въ тамошній цензурный комитетъ, которому безъ замедленія препровождать ихъ при отношеніи въ с.-петербургскій цензурный комитетъ. Сему же послѣднему комитету, по надлежащемъ пересмотрѣ рукописи въ опредѣленный срокъ, возвратить ее немедленно тѣмъ же порядкомъ въ цензурный комитетъ въ г. Гельсингфорсѣ.

2) По напечатаніи сочиненія въ Финляндіи, представлять оное вновь, вмѣстѣ съ рукописью, въ гельсингфорскій цензурный комитетъ, которому безъ замедленія препровождать напечатанное сочиненіе и рукопись въ с.-петербургскій цензурный комитетъ, для повѣрки, и, по возвращеніи оныхъ изъ сего комитета въ гельсингфорскій, выдавать ихъ автору.

7. *Отъ 19 Апрѣля 1848 года.* Всѣ выходящія съ разрѣшенія Комитета повременныя изданія, каждый день по выходѣ ихъ въ свѣтъ, должны быть доставляемы въ канцелярію министра народнаго просвѣщенія, и для большаго удобства прямо изъ типографій.

8. *Отъ 29 Іюня 1848, года.* 1) Назначаемыя для руководства студентовъ и воспитанниковъ учебныя записки должны быть литографируемы не иначе, какъ съ означеніемъ на выходящихъ листахъ имени профессора или преподавателя, дозволившаго литографировать свои лекціи, съ тѣмъ, чтобы на немъ лежала полная отвѣтственность за содержаніе такихъ записокъ.

2) Означенныя литографируемыя лекціи должны, по мѣрѣ ихъ изданія, быть доставляемы въ императорскую публичную бібліотеку, наравнѣ со всѣми печатаемыми произведеніями, разпространивъ оба сіи правила на всѣ вообще учебныя заведенія, въ какомъ бы вѣдомствѣ оныя ни состояли.

9. *Отъ 7 Февраля 1851 года.* Объявленія о предстоя-

щихъ представленийъ на театрахъ какихъ бы то ни было новыхъ пьесъ, должны быть допускаемы къ печатанію въ газетахъ не иначе, какъ по одобреніи сихъ пьесъ Ш отдѣленіемъ собственной его императорскаго величества канцеляріи.

10. *Отъ 31 Мая 1851 года.* Всѣ посланія иновѣрческому духовенству и вообще сочиненія этого рода, касающіяся иновѣрцевъ, должны быть препровождаемы предварительно на заключеніе въ департаментъ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій министерства внутреннихъ дѣлъ.

11. *Отъ 13 Іюля 1852 года.* Не должно быть разрѣшаемо отпечатываніе корректурныхъ оттисковъ картъ, плановъ и т. п., для представленія въ цензуру; карты и т. п. должны быть принимаемы для разсматриванія въ цензурныя учрежденія не иначе, какъ въ рукописи, если идетъ дѣло о первомъ изданіи.

12. *Отъ 17 Октября 1852 года.* Проповѣди, слова и рѣчи, сочиненныя духовными лицами, не должны быть печатаемы въ губернскихъ вѣдомостяхъ безъ особыхъ на то разрѣшеній духовныхъ цензурныхъ комитетовъ.

13. *Отъ 7 Апрѣля 1853 года.* Не должно быть дозволяемо печатаніе русскихъ статей латинско-польскими буквами.

14. *Отъ 31 Марта 1854 года.* Свѣтская цензура должна входить въ сношеніе съ цензурою духовною всякій разъ, когда можетъ возникнуть сомнѣніе, не подлежитъ ли книга, въ цѣлости или отчасти, разсмотрѣнію той цензуры, хотя-бы по прямому закону она и должна была поступить на разсмотрѣніе одной свѣтской цензуры.

15. *Отъ 11 Ноября 1854 года.* Всякое перепечатаніе, или отдѣльное отпечатаніе какой-бы то ни было статьи, изъ одного или нѣсколькихъ нумеровъ періодическаго изданія, когда бы оно ни производилось, можетъ быть сдѣлано не иначе, какъ по полученіи на то цензорскаго одобренія, и выпускъ въ свѣтъ изъ типографіи какого бы то ни было рода перепечатокъ или отдѣльных оттисковъ можетъ быть только сдѣланъ по полученіи на то особаго дозвоительнаго билета; причемъ должно быть взято узаконенное число экземпляровъ для отсылки въ надлежащія мѣста, и наблюденно, чтобы непремѣнно на перепечаткѣ или отдѣльномъ оттискѣ было обозначено все требуемое цензурнымъ уставомъ, т. е. годъ, городъ, въ коемъ сочиненіе напечатано, наименованіе типографіи и цензорское одобреніе.

16. *Отъ 12 Іюня 1857 года.* Въ сочиненіяхъ и періодическихъ изданіяхъ, выходящихъ съ разрѣшенія цензуры, не должны быть перепечатываемы никакія статьи правительственнаго указателя журнала министерства внутреннихъ дѣлъ.

(Окончаніе въ слѣдующемъ листѣ).

С М Ъ С Ъ.

П Р А В Д И В Ы Й, П Р А В Д О Л Ю Б И В Ы Й И В. Г Е Р Г А Р Д Ъ.

Милостивый государь,

Мнѣ только-что сообщили №. 138 *Колокола*, въ которомъ князь Долгоруковъ объясняетъ причины, по которымъ онъ болѣе не доставляетъ статьи, назначенныя для русскаго журнала, мною издаваемаго доселѣ подъ названіемъ *Правдивый*, и который я буду продолжать подъ названіемъ *Правдолюбивый*. Ваше безпристрастіе позволяетъ мнѣ надѣяться, что вы помѣстите въ *Колоколъ* слѣдующія возраженія на объясненія князя.

Я заключилъ съ княземъ П. В. Долгоруковымъ договоръ, по которому я обязался издавать *Правдивый* на свой счетъ, и быть, *передъ закономъ*, его редакторомъ; онъ же за значительную плату, обязался быть его *дѣйствительнымъ* редакторомъ. Этимъ онъ принималъ на себя и обязанность наблюдать за тѣмъ, чтобы не было помѣшаемо ничему, что-бы могло вмѣняться въ преступленіе. Но уже 1 №. *Правдиваго*, конфискованный по приказанію судебныхъ властей, по случаю статьи объ Александрѣ II (Письмо изъ Петербурга), писанное рукою кн. Долгорукова, вовлекъ меня въ тяжбу; правда - то, что г. Томъ Гавъ сообщилъ мнѣ, что русское правительство было весьма сердито на эту статью. Не обращая вниманія на дѣлаемые мною замѣчанія, кн. Долгоруковъ отвѣчалъ мнѣ письмомъ отъ минувшаго 14го Іюня, слѣдующими словами, отрицая самымъ наивнымъ образомъ законы книгопечатанія: "*Я намѣреваюсь писать все, что мнѣ вздумается, и не хочу ничего слышать ни о ценсурѣ, ни о расходахъ, ни о пени.*" Въ самое то время онъ послалъ, обойдя меня, въ типографію двѣ статьи писанныя его рукою и содержащія самыя грубыя нападки на императора Александра II, секретаря посольства Т., князя и княгиню В., на правительство и судебное сословіе Франціи. Я рѣшительно отказался печатать эти статьи, такъ какъ никакой договоръ не могъ обязывать меня печатать, вмѣсто статей согласныхъ съ программой журнала, личныя обиды вмѣняемыя закономъ въ преступленіе. Кн. Долгоруковъ отвѣчалъ на мой отказъ ихъ печатать, самыми грубыми выраженіями. Остается мнѣ только объявить:

1) Что кн. Долгоруковъ не имѣетъ никакого права на мой журналъ. Я только обязался переимѣнить названіе, если онъ болѣе не будетъ его редакторомъ.

2) Что я ему не писалъ, что онъ можетъ нападать на людей незначительныхъ и что онъ мнѣ не отвѣчалъ что не благородно нападать на безсильныхъ. Я ему только писалъ почти слѣдующее: "*Личныя обиды всегда подлежатъ наказанію, но оное еще увеличивается, если обиды обращаются на царствующихъ лицъ или высшихъ сановниковъ. Каждый сановникъ можетъ сказать почему.*"

3) Что несправедливо, что и продолженіе "*Письма изъ Петербурга*," писанное рукою самаго кн. Долгорукова, было напечатано мною въ 5мъ №. *Правдиваго*, изъ желанія угодить кн. Горчакову. Этимъ кн. Долгоруковъ бросаетъ подозрѣніе на собственную свою рукопись, въ которой я только вычеркнулъ личныя обиды и бранныя слова. Впрочемъ одно обстоятельство, что такая статья, въ которой вычеркнуты нами только обидныя мѣста и слова, могла появиться, уже доказываетъ сколь велика свобода книгопечатанія, которой мы пользуемся въ Саксоніи. Главная причина, побудившая меня помѣстить въ №. 5мъ, а не позже, это "*Продолженіе*," была, чтобы судья, которому поручено слѣдствіе въ моей тяжбѣ, могъ судить объ обвиняемой статьѣ въ ея цѣлости;

4) Что *несправедливо и нелпо* то, что русское правительство, вмѣшиваясь въ корректуру моего журнала.

Примите, милостивый государь, увѣреніе въ моемъ глубокимъ уваженіи,

Вольфгангъ Гергардъ.

Лейпцигъ, 19 Іюня 1862.

— Мы получили отъ польскаго корреспондента, котораго искрепѣйшимъ образомъ благодаримъ—имена лицъ, которые пахотятся теперь за границей, и которыхъ прогрессивное правительство петербургское велѣло задержать на первой польской станціи желѣзной дороги. Вотъ этотъ списокъ.

Стасовъ, Владиміръ.
Калиновскій, Балтазаръ.
Альбертини, Николай.
Ковалевскій, Петръ.
Ковалевскій, Юльянъ.
Ковалевскій, Оскаръ.
Суздальцевъ, Владиміръ.
Плаутинъ, Ѳеодоръ.
Плаутинъ, Сергій.
Боткинъ, Сергій.
Коршъ, Валентинъ.
Писемскій, Александръ.
Бетгеръ, Александръ.
Загоскинъ, Павелъ.
Совѣтовъ, Александръ.
Жемчужниковъ, Николай.
Гамалей, Александръ.
Рубинштейнъ, Николай.
Давыдовъ, Павелъ.
Давыдовъ, Деписъ.
Достоевскій, Ѳеодоръ.

... *Какая смѣсь одеждъ и лицъ, племенъ, нарѣчій, состояній?* — и какая исполинская, колоссальная глупость нашего правительства. Не поумнѣетъ-ли оно когда *Шувалова* сдѣлаютъ *Балашевымъ*?

— *Осада Нижняго. Войско противъ памфлетовъ.*—*Le Nord* (6 Авгус.) извѣщаетъ насъ о новомъ доказательствѣ безконечной трусости петербургскаго правительства. Предполагая, что возмутителя общественнаго порядка воспользуются стеченіемъ народа на Нижегородской ярмаркѣ для *распространенія подметныхъ и запрещенныхъ сочиненій*, оно велѣло окружить Нижній войскомъ и ешелонировать ихъ по берегу Волги, подъ начальствомъ Лауница. Самъ *Nord* не вытерпѣлъ—и удивился.

— *Генералъ-губернаторъ Кушелевъ-Минскій и побѣды его.*

Намъ пишутъ о рядѣ неистовыхъ дѣйствій храбраго Кушелева въ Минской губерніи. Вотъ отрывки изъ письма. “Въ прошлой осени минскіе жители встрѣчали съ сочувствіемъ несчастныхъ ссыльныхъ, высылаемыхъ всё чаще и чаще изъ Варшавы и другихъ польскихъ городовъ. Жители при ихъ переходѣ черезъ Минскъ давали имъ милостыню, платье, съѣстные припасы. Это разгнѣвало Кушелева. Онъ приказалъ, по собственному усмотрѣнію, арестантовъ станцій за пять до города сажать въ телѣги и быстро провозить по городу, дѣлая четыре станціи по выѣздѣ изъ него. Жители выходили по дорогѣ верстахъ въ двухъ встрѣтить осужденныхъ, снимали шляпы и фуражки и кричали имъ “До свиданія, прощайте!” Такаго преступленія Кушелевъ вынести не могъ.

Юня 2-го двѣ почтовые тройки подъ прикрытіемъ нѣсколькихъ десятковъ казаковъ промчались по Минску, перемѣнивъ лошадей, они поскакали далѣе по дорогѣ идущей въ Борисовъ. Приѣхавъ на предмѣстье Комаровка, казаки были задержаны десятниками, возвѣстившими что за заставой собрался тоже

народъ. Начальникъ отряда послалъ сдѣлать двѣ рекогносцировки, послѣ чего побѣдъ тронулся шагомъ. Народъ привѣтствовалъ узниковъ обычнымъ крикомъ и телѣги поѣхали быстрѣе. Отѣхавъ версты три, часть казаковъ возвратилась маршъ-маршомъ и бросились на народъ, возвращавшійся въ городъ въ то время, какъ другая сотня казаковъ и баталіонъ Калужскаго пѣхотнаго полка шли на встрѣчу народу, подстрѣкаемые полковникомъ *Дубашинскимъ*, ротными командирами *Лабанцовымъ* и *Шеметиллою*. Тѣснимые казаками и встрѣченными солдатами, бросившимися на безоружный народъ, на женщинъ и дѣтей съ прикладами, пѣдшіе бросились въ лѣсъ и въ дома предмѣстья. Солдаты кого могли хватали, вязали и отправляли въ домъ окруженный караулами. Аdjutantъ Кушелева *Гартманъ* велѣлъ окружить лѣсъ и дѣлать обыски по домамъ, солдаты бросились ломать двери, и бить прикладами кого попало; гнусное побоище это продолжалось до двухъ часовъ ночи. Женщинъ таскали за косу, мужчинъ заставляли идти прикладами... Въ два ровно ударили отбой, но травля не могла кончиться, солдаты разсыпались въ лѣсу и трубачъ два раза трубилъ сборъ; “сраженіе кончилось, побѣда на сторонѣ русскаго воинства,” говоритъ корреспондентъ.

Храброй генералъ Кушелевъ приказалъ отличившихся солдатъ ему лично представить, благодарилъ ихъ, далъ имъ денежное награжденіе, прибавивъ для вѣщаго поощренія: “Служите съ той-же вѣрностью и мужествомъ, тогда можно будетъ представить и къ крестіку.”

— *Филипповичъ и Позенъ.*— Мы получили письмо имѣющее цѣлью исправить одно обстоятельство не вѣрно изложенное нашимъ корреспондентомъ. Спѣшимъ передать его нашимъ читателямъ:

“На дняхъ прочелъ я въ *Колоколъ* за 1861 г., на страницѣ 783, статью *Вѣрные исполнители высочайшей воли*, въ которой между прочимъ сказано: ‘Начальникъ Повгородской губерніи Филипповичъ, представилъ въ члены отъ правительства д. с. с. Позена, бывшаго членомъ экспертомъ въ редакціон. ком. и со стыдомъ уволеннаго изъ оной за защиту крѣпостнаго права.’”

“Долгомъ считаю замѣтить, что эта фамилья принадлежитъ двумъ братьямъ, старшій изъ нихъ т. с. Миханлъ Павловичъ, помѣщикъ Полтавской губерніи, дѣйствительно находился въ ред. ком. членомъ экспертомъ и по какому-то случаю вскорѣ былъ уволенъ отъ должности. Меньшой братъ д. с. с. Иванъ Павловичъ, помѣщикъ Устюжскаго уѣзда, Повгородской губерніи, около 1½ года присутствовавшій въ Повгородскомъ губернскомъ комитетѣ, по *выбору дворянства*, въ 1861 году былъ избранъ членомъ губернскаго присутствія отъ дворянства-же.

“Не лишнимъ считаю указать вамъ другую погрѣшность *Колокола* касательно Новгородской-же губерніи, а именно: не помню на какой страницѣ этого письма (тоже 1861 года) сказано, что дворяне собравшіеся въ Новгородѣ для выборовъ, узнавъ что циркуляромъ м. в. д. запрещалось разсуждать о крестьянскомъ дѣлѣ, разѣхались не приступая къ выборамъ;’ извѣстіе это совершенно ложно, дворяне были очень недовольны распоряженіемъ министра, потолковали, пошумѣли въ своихъ квартирахъ, но выборы состоялись однакоже какъ въ обыкновенное время, безъ всякаго вмѣшательства со стороны начальника губерніи.”

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM,

КОЛОКОЛЪ

VIVOS VOCO!

Выходитъ еженедѣльно въ Лондонѣ.
Получается въ Вольной Русской Типо-
графіи, — 136 & 138, Caledonian Road, N.
Цена 1 шил., съ вторымъ листомъ—
ОБЩЕЕ БѢЧЕ.

ЛИСТЪ 142.

22 Августа 1862.

(WITH SUPPLEMENT NO. 22).

У Грюбнера & Со. въ книжной лавкѣ,
60, Paternoster Row, и у Tchorzowski,
1, Macclesfield Street, (Gerrard Street),
Soho, London. Price One shilling, with
Supplement: VET CHÉ No. 2.

ОГЛАВЛЕНІЕ.—КОНЦЫ И НАЧАЛА (Письмо третье)—КАДЕТСКИЕ КОРПУСА—ГОЛОВНИИ И ЦЕНСУРА (Окончаніе). Слѣзъ:

ОТСТАВКА СВ. МИТРОФАНА—ПЕРВЫЙ И ПОСЛѢДНІЙ ДВОРЯНИНЪ—БАЛАШЕВЪ—ШУВАЛОВЪ—КАТКОВЪ И НР.

КОНЦЫ И НАЧАЛА.

(Письмо Третье).

...Фу какое отвратительное дѣло, холодъ, темнота, слякоть, постоянные вѣтры, нервы раздражены, носовая перепонка тоже и всё это продолжается три мѣсяца, а предъ ними были семь предшественниковъ ихъ, по ту сторону вступленія въ знакъ овна!

Наконецъ-то солнце явилось на безоблачномъ небѣ. Море разгладилось и блеститъ, я сижу у своего окна, въ крошечной фермѣ и не могу наглядѣться, такъ давно я не видѣлъ солнца и дали. Сегодня даже тепло. Я просто обрадовался, увидя что природа еще цѣла; за то пиръ-горой: шмели, пчелы, птицы летаютъ, жужжать, поютъ, шумятъ, на дворикѣ фермы кричить во все горло просохнувшій пѣтухъ, и старая собака, забывъ дѣла и общественное положеніе, лежитъ на спинѣ какъ щенокъ, задравши ноги вверхъ и покачивается изъ стороны въ сторону, съ невольнымъ эпикурейскимъ ворчаньемъ. Людей не видать изъ моего окна, по полей, но деревьевъ, но садовъ безъ конца; не смотря на море въ сторонѣ, видъ этотъ очень напоминаетъ наши великорусскіе виды, къ тому-же пахнетъ травой и деревьями.

Пора была погодѣ исправиться, а то я начиналъ опасаться ужъ не социальнаго переворота, а геологическаго; я такъ и ждалъ что вслѣдъ за десятилѣтней дурной погодой Европа дастъ трещину и вулканической мѣрой разрубитъ гордіевъ узелъ современныхъ вопросовъ и импрасс'овъ, приглашая желающихъ пачать, не то что съ азбуки, а съ Адама II.

Ты въ качествѣ поэта и идеалиста должно быть не вѣришь такой чепухѣ, а Ламе, въ качествѣ одного изъ величайшихъ математиковъ нашего времени, о которомъ благосклонно и одобрительно отзывался самъ "Вѣстникъ" и самъ Брашманъ, не того мнѣнія. Ему кажется что равновѣсіе скучившихся материковъ очень не прочно и что взявъ къ тому-же въ расчетъ быстрое движеніе въ одну сторону и кой-какіе факты передвиженія массъ въ Исландіи, того и смотри что шаръ земной дастъ трещину въ Европѣ. Онъ даже составилъ рядъ формулъ, сдѣлавъ рядъ вычисленій... Ну да что тебя пугать, до орловской губерніи трещина не дойдетъ.

Годъ VI.

Лучше, пользуясь казусно хорошей погодой, потолкуемъ опять объ нашихъ "Концахъ и Началахъ" а придетъ трещина, она сама распорядится.

Донъ Кихотъ революціи не идетъ у меня изъ головы. Суровый, трагическій типъ этотъ исчезаетъ—исчезаетъ какъ бѣловежской зубрь, какъ краснокожіе Индѣйцы, и нѣтъ художника, который-бы помѣтилъ его черты старыя, рѣзкія, носяція на себѣ слѣды всѣхъ скорбей, всѣхъ печалей идущихъ изъ общаго началъ и изъ вѣры въ человѣчество и разумъ. Скоро черты эти замрутъ псдавшись, съ выраженіемъ гордаго и укоряющаго презрѣнія, потомъ сотрутся и человѣческая память утратитъ одинъ изъ высшихъ, крайнихъ, предѣльныхъ типовъ своихъ.

Это вершины горъ, которыми заключается хребетъ XVIII столѣтія, ими онъ достигаетъ своего предѣла и замыкается, ими обрывается рядъ усилій подняться. Дальше этимъ вулканическимъ напоромъ идти нельзя.

Титаны остающіеся послѣ борьбы, послѣ пораженія, при всѣхъ своихъ титаническихъ стремленіяхъ, представителями неудовлетворенныхъ притязаній, дѣлаются изъ великихъ людей печальными Донъ Кихотами. Исторія подымается и опускается между пророками и рыцарями печальнаго образа. Римскіе патриціи, республиканцы, стоики первыхъ вѣковъ, отшельники бѣжавшіе въ степи отъ христіанства, ополченнаго въ официальную религію, пуритане—наполнившіе цѣлое столѣтіе скрежетомъ зубовъ за недостиженіе своего скучнаго идеала,— всё это оставленное отливомъ, упорно рвущееся впередъ и вязнущее въ тинѣ, не поддержанное волною, всё это Донъ Кихоты, но Донъ Кихоты нашедшіе своихъ Сервантесовъ. Для сподвижниковъ начальной церкви есть томы легендъ, есть иконопись и живопись, есть ихъ благословляющія изва- ня. Типъ пуританизма закрѣпленъ въ англійской литера- турѣ, въ голандской живописи; а типъ Донъ Кихота революціи вывѣтривается на нашихъ глазахъ, становится рѣже и рѣже и никто не думаетъ о томъ, чтобъ по крайней мѣрѣ спятъ фотографію.

Фанатики земной религіи, фантасты не царства божія, а царства человѣческаго, они остаются послѣдними часовыми идеала, давно покинутого войскомъ, они мрачно и одиноко стоятъ полстолѣтія, безсильные *измѣнить*, и всё ожидающіе

пришествія республики на землѣ; грунтъ возлѣ понижается, понижается—они этого не хотятъ видѣть. Я еше засталъ нѣсколько изъ этихъ апостоловъ девяностыхъ годовъ; рѣзкія, печальныя, крупныя фигуры ихъ, переросшія два поколѣнія, казались мнѣ какими-то угрюмыми и неподвижно разрушающимися по камешку Мемнонами въ египетскихъ степяхъ... и у ихъ ногъ копошились, хлопотали, таскали товары крошечные люди и маленькіе верблюды, едва видные изъ за урагана пыли.

Смерть давала все больше и больше знать о своемъ приближеніи; старый пожелтѣлый взглядъ становился суровѣе, уставалъ отъ напряженія высматривая смѣху, отыскивая кому сдать честь и мѣсто—Сыну? старикъ хмурится—Внуку? Онъ махнулъ рукой. Бѣдный король Лиръ въ демократіи, куда ни обращаетъ онъ угасающій взглядъ свой къ своимъ, къ приснымъ, вездѣ его встрѣчаетъ непониманье, безучастье, осужденіе, полускрытый упрекъ, мелкіе счеты и мелкіе интересы. Его якобинскихъ словъ боятся при постороннихъ, ему просятъ прощеніе указывая на изрѣдѣвшія сѣдины. Его невѣстка мучитъ его примиреніемъ съ церковью, и іезуитскій аббатъ шныряетъ по временамъ, какъ мимолетный воронъ посмотрѣть сколько еще силъ и сознанія, чтобъ поймать его богу въ предъсмертномъ бредѣ.

Еще хорошо если гдѣ нибудь въ околѣдѣхъ гражданинъ Лира есть гражданинъ Кентъ, который находитъ “что въ его лицѣ есть что-то, напоминающее 94 годъ” какою нибудь темный сподвижникъ Сантера, солдатъ арміи Марсо и Гоша, гражданинъ Спартакюсъ-Брютюсъ-Жюніоръ, дѣтски вѣрный своему преданью и гордо держащій лавочку рукой, которой держалъ пику съ фригійской шапкой. Лиръ зайдетъ къ нему иной разъ отвести душу, покачать головой и вспомнить старину съ ея огромными надеждами, съ ея великими событіями, побранить Таллена и Барраса, реставрацію съ своими *saffards*, короля-лавочника *et ce traître de Lamar-tine*. Оба знаютъ что часъ революціи пробѣдетъ, что народъ проснется какъ левъ и снова подниметъ фригійскую шапку и въ этомъ унованіи одинъ изъ нихъ засыпаетъ.

Насупивъ брови идетъ Лиръ за гробомъ Спартакюсъ-Брютюсъ-Жюніора, или Спартакюсъ-Брютюсъ-Жюніоръ, не скрывая глубокаго отвращенія ко всему родству покойнаго, идетъ за гробомъ Лира—и изъ двухъ величавыхъ фигуръ остается одна, и та совершенно лишняя.

“И его цѣтъ, и онъ недождался”—думаетъ оставшійся старикъ, возвращаясь съ похоронъ; “неужели въ самомъ дѣлѣ изувѣрство и монархизмъ, сторона Питта и Кобурга, окончательно взяли верхъ, неужели вся долгая жизнь, усилія, жертвы.... нѣтъ, не можетъ быть, истина съ нашей стороны и побѣда будетъ съ нашей... Разумъ и справедливость восторжествуютъ, разумѣется сперва во Франціи, потомъ во всемъ родѣ человѣческомъ и *Vive la République, une et indivisible!*” Молился старецъ восьмидесяти-лѣтними губами, такъ какъ другой старецъ отдавая съ миромъ духъ свой господу шепчетъ ему: “да прійдетъ царствіе твое” и оба спокойно закрываютъ глаза и не видятъ что ни царство небесное на землѣ, ни единая и нераздѣльная республика во Франціи, вовсе неводворяются, и не видятъ потому что духъ ихъ принялъ съ миромъ не господъ, а разлагающееся тѣло.

Святые Донъ Кихоты, вамъ легка будетъ земля!

Эти фанатическія вѣрованія въ осуществимость гармоническаго порядка, общаго блаженства, въ осуществимость

истины, потому что она истина, это отрѣшеніе отъ всего частнаго, личнаго; эта преданность, переживающая всѣ испытанія, всѣ удары,—это то и есть *вершина*.... Гора окончена, выше, дальше холодный воздухъ, мила, ничего. Опять спускаться! Отчего нельзя продолжать? Отчего Монъ-Бланъ не стоитъ на Шимборазо и Гималаи не продолжаетъ ихъ—какова-бы была гора?

Такъ нѣтъ; у каждого геологическаго катаклизма свой романъ, своя поэма горъ, свой хребетъ, свои гранитныя базальтовыя личности, подавляющія своимъ величіемъ низменные бассейны. Памятники планетныхъ революцій, они давно обросли лѣсами и мохомъ въ свидѣтельство тысячелѣтняго застоя потомъ. И наши забѣжавшіе пионеры революціи оставили въ исторіи свои Альпы; слѣды ихъ титаническихъ усилій—не прошли и долго не пройдутъ. Чего-же больше?

Да, для исторіи. Тамъ своя гуртовая, безпощадная оцѣнка; тамъ, какъ въ описаніи сраженій,—движеніе корпусовъ, дѣйствіе артиллеріи, напоръ лѣваго фланга, отступленіе праваго; тамъ свои личности “30^я егерской, а послѣ 45^я.” Далѣе бюллетень не идетъ, онъ довольствуется потомъ итогомъ трудовъ, а “пятое дѣйствіе” каждаго солдата идетъ далѣе и оно имѣетъ свой совершенно *статскій* интересъ.

Что вынесли эти люди *последнюю* прилива, оставленные отливомъ въ тинѣ и слякоти! Что выстрадали эти *отцы* съ своими *дѣтьми*, одинокіе въ своихъ семьяхъ, больше чѣмъ монахи въ своихъ цѣляхъ! Какія страшныя столкновенія всякаго часа, всякаго дня!..... Какія минуты устали и отчаянія!

Не странное ли дѣло, что въ длинномъ ряду “несчастныхъ” вызванныхъ В. Гюго, являются и старики.... а *несчастный старикъ* по преимуществу отодвинутъ на задній планъ, пропущенъ? Гюго едва замѣтилъ, что возлѣ мучительнаго сознанія виновности, есть другая пытка—мучительное *сознаніе ненужной правоты своей*, сознаніе своего безплоднаго превосходства надъ слабостью всего близкаго, молодого, переживающаго.... Великій риторъ и поэтъ, между скорбными существованіями французской жизни, чуть коснулся величайшей скорби въ мірѣ—старца юнаго душою, окруженнаго больше и больше мельчающимъ поколѣніемъ.

Ну что передъ нами и мучительныя, но ненужныя и чисто субъективныя страданія Жанъ-Валжанъ, такъ утомительно подробно рассказанныя въ романѣ-омнибусѣ Гюго? Конечно сострадать можно всякому несчастію—но не всякому глубоко сочувствовать. Боль отъ перелома ноги и боль отъ перелома жизни, вызываютъ рѣзкое участіе.

Мы слишкомъ мало французы, чтобъ понимать такіе идеалы каторжниковъ какъ Жанъ-Валжанъ, и сочувствовать такимъ героямъ полиціи какъ Жаверъ. Жаверъ для насъ просто отвратителенъ. Вѣроятно Гюго не думалъ, чертя эту совершенно національную фигуру шакала порядка, какое клеймо онъ выжегъ на плечѣ своей “прекрасной Франціи.” Въ Жанъ-Валжанъ намъ только понятна его виѣшняя борьба добраго, несчастнаго звѣря, травимаго цѣлымъ гопчимъ обществомъ. Внутренняя борьба его для насъ остается посторонней; этотъ сильный человѣкъ—мышцами и волей, въ сущности чрезвычайно слабый человѣкъ. Святый каторжникъ, Илья Муромецъ изъ тулонскихъ галеръ, акробатъ въ пятьдесятъ лѣтъ, и влюбленный мальчикъ чуть не въ шесть-

десять, онъ исполнень суетвѣрья. Онъ вѣруеть въ клеймо на плечѣ; онъ вѣруеть въ приговоръ; онъ вѣруеть что онъ отверженный человѣкъ, оттого что тридцать лѣтъ тому назадъ укралъ хлѣбъ, да и то не для себя. Его добродѣтель—богѣзнейное раскаяніе; его любовь—старческая ревность. Натянутое существованіе его поднимается до истинно трагическаго значенія только въ концѣ книги, отъ бездушной ограниченности Козетина мужа, и безграничной неблагодарности ея самой.

И тутъ Жанъ Валжанъ дѣйствительно граничитъ съ нашими стариками—раскаяніе одного и правота другихъ смѣшивается въ жгучемъ страданіи. Ртуть термометра замерзшая въ пулю обжигаетъ, какъ раскаленная пуля изъ свинца. Сознаніе правоты, отхватывающее полсердца, полсуществованія, стоитъ угрызенія совѣсти и еще хуже—тутъ есть искупленіе исповѣди, вознагражденіе, тамъ ничего. Между старикомъ девяностыхъ годовъ, фанатикомъ, фантастомъ, идеалистомъ и сыномъ, который *старше* его осторожностью, благоразуміемъ, разочарованіемъ, сыномъ черезъ край удовлетвореннымъ “меньшой линіей”, и внукомъ, который, щеголя въ мундирѣ императорскаго гйда, мечтаетъ о томъ какъ-бы лунуть въ су-префекты, *pour exploiter sa position*, нарушено естественное отношеніе, нарушено равновѣсіе, искажена органическая преемственность поколѣній.

Жанъ Валжанъ, въ своей старческой дѣвственности, въ своей лирической, личной сосредоточенности, самъ не зналъ чего требовалъ отъ молодой жизни. Чего хотѣлъ онъ въ самомъ дѣлѣ отъ Козеты? Развѣ она могла быть его подругой? Онъ въ неопытной неопытности своего сердца перешагнулъ любовь отца..... Онъ исключительно *для себя* хотѣлъ любить ее, а такъ отецъ не любитъ. Сверхъ того онъ, всю жизнь внутренно драпировавъ въ куртку каторжнаго, сломился подъ бременемъ отвращенія, которое ему показалъ ограниченнѣйшій молодой человѣкъ—типическій представитель пошлаго поколѣнія.

Я не знаю, что Гюго хотѣлъ сдѣлать съ Маріусомъ, мнѣ кажется, что онъ вообще “шелъ въ комнату попалъ въ другую” и можетъ потому то многое имѣть такую *portée*. Для меня онъ въ своемъ поколѣніи такой же типъ, какъ Жаверъ въ своемъ. Въ инстинктахъ этого молодаго человѣка мерцаютъ какимъ-то отблескомъ другаго дѣла—благородные и горячіе порывы, безъ разсужденія, безъ корня, почти безъ смысла—по преданію, по примѣру. Въ немъ и закваски XVIII вѣка больше чѣмъ—этой неутомимой потребности анализа, критики, этого грознаго вызова всего на свѣтъ на провѣръ ума; у него и ума нѣтъ, но онъ еще добрый товарищъ, пойдетъ на барикаду, не зная что потомъ; онъ живетъ по готовому, и зная à code ouvert *что добро и что зло*, также мало беспокоится объ этомъ, какъ человѣкъ, знающій достоинство что скоромное ѣсть грѣшно въ постѣ. На этомъ поколѣніи останавливается и начинается свое отступленіе революціонная эпоха; еще поколѣніе, и нѣтъ больше порывовъ, все принимаетъ обычный порядокъ, личность стирается, смѣна экземпляровъ едва замѣтна въ продолжающемся жизненномъ обиходѣ.

Я воображаю, что нѣчто подобное было въ развитіи животныхъ; складывавшіяся видъ, порываясь выше силъ, отставая ниже возможностей, мало-по-малу уравнивались, умѣрялись, теряли анатомическія эксцентричности и физиологическія необузданности, пріобрѣтая за то плодovitость и начная

изъ рода въ родъ, изъ вѣка въ вѣкъ повторять по образу и подобию перваго оспеннивагося праотца, свой рѣзко обозначенный видъ и свою стертую индивидуальность.

Тамъ, гдѣ видъ сложился, исторія почти прекращается, по крайней мѣрѣ становится с.ромнѣе, развивается исподволь... въ томъ родѣ какъ и планета наша. Дозрѣвши до извѣстнаго періода охлажденія, она мѣняетъ свою кору по немногу; есть наводненія, нѣтъ всемірныхъ потоповъ; есть землетрясенія тамъ-сямъ, нѣтъ общаго переворота... Виды останавливаются, консолидируются на разныхъ возможностяхъ, больше или меньше, въ ту или другую сторону одностороннихъ; они ихъ удовлетворяютъ, перешагнуть ихъ они почти не могутъ, а еслибъ и перешагнули, то въ смыслѣ той же односторонности. Моллюскъ не домогается сдѣлаться ракомъ, ракъ—форелью, Голландія—Швеціей... еслибъ можно было предположить животныя идеалы, то идеалъ рака былъ бы тоже ракъ, но съ болѣе совершеннымъ организмомъ. Чѣмъ ближе страна къ своему окончательному состоянію, тѣмъ больше она считаетъ себя средоточіемъ просвѣщенія и всѣхъ совершенствъ, какъ Китай, стоящій безъ соперниковъ, такъ Англія и Франція, несомнѣвающіяся въ своемъ антагонизмѣ, въ своемъ соревнованіи, въ своей взаимной ненависти—что они передовыя страны міра. Пока одни успокоиваются на достигнутомъ, развитіе продолжается въ несложившихся видахъ возлѣ, около *готового*, совершившаго свой циклъ вида.

Вездѣ, гдѣ людскіе муравейники и ульи достигали относительнаго удовлетворенія и уравнивленія, движеніе впередъ дѣлалось тише и тише, фантазии, идеалы потухали. Довольство богатыхъ и сильныхъ подавляло стремленіе бѣдныхъ и слабыхъ. Религія являлась всѣхскорбящей утѣшительницей. Все что сосало душу, по чемъ страдалъ человѣкъ, все что беспокоило и оставалось неудовлетвореннымъ на землѣ, все разрѣшалось, удовлетворялось въ вѣчномъ царствѣ Ормузда, превыше Гималаевъ, у подножія престола Іеговы. И чѣмъ безропотнѣе выносили люди временныя несчастія земной жизни, гѣмъ полнѣе было небесное примиреніе и притомъ не на короткий срокъ а во вѣки вѣковъ.

Жаль что мы мало знаемъ внутреннюю повѣсть азіатскихъ народовъ, вышедшихъ изъ исторіи, мало знаемъ тѣ періоды безъ событій, которые предшествовали у нихъ—насиленному вторженію дикихъ племенъ, все избивавшихъ или хищной цивилизации, все искорежавшей и перестраивавшей. Она намъ показала-бы въ элементарныхъ и простыхъ формахъ, въ тѣхъ пластическихъ, библейскихъ образахъ, которые создаетъ одинъ востокъ; выходъ народа изъ историческаго тревоженія въ покойное *statu quo* жизни, продолжающейся въ безспорной смѣнѣ поколѣній—зимы весны, весны лѣта...

Тихимъ, невозмущаемымъ шагомъ идетъ Англія къ этому покою, къ неизбѣжности формъ, понятій, вѣрованій. На дняхъ “Теймсъ” поздравлялъ ее съ отсутствіемъ интереса въ парламентскихъ преніяхъ, съ безропотностью, съ которой работники умираютъ съ голоду “въ то время какъ еще такъ недавно ихъ отцы современники О’Коннора” потрясали страну своимъ грознымъ ропотомъ. Прочно какъ вѣковый дубъ, стоитъ глубоко пустивши корни англиканская церковь, милосердо допуская всѣ расколы и утѣшая что всѣ они далеко не уйдутъ. Упираясь по старой памяти и кобенись, низвергается Франція задомъ напередъ, чтобы придать себѣ видъ прогресса. За этими колоссами пойдутъ и остальные двумя колоннами,

иногда пророчески соединенными подъ однимъ скипетромъ... съ одной стороны худой, суровый, постылый типъ испанца, задумчиваго безъ мысли, энтузіаста безъ цѣли, озабоченнаго безъ причины, припицающаго всякое дѣло къ сердцу и не умѣющаго ничему помочь, словомъ типъ настоящаго Донъ Кихота Ламанческаго. Съ другой—дорожный типъ голландца, довольнаго когда онъ сытъ, напоминающій Саичо Паису.

Не оттого ли здѣсь дѣти *старше* своихъ отцевъ, старше своихъ дѣдовъ и могутъ ихъ называть à la Dumas jun. “блудными отцами,” что старость-то и есть главная характеристика теперь живущаго поколѣнія? По крайней мѣрѣ куда я ни смотрю, я вездѣ вижу сѣдые волосы, морщины, сгорбившія спины, завѣщанія, итоги, выносы, *концы* и все ишу, ишу *началъ*—они только въ теоріи и отвлеченіяхъ.

И—рѣ.

10 Августа 1862 г.

КАДЕТСКІЕ КОРПУСА.

Реформа наконецъ коснулась и этихъ заведеній, но какъ коснулась?...

Великій князь Михаилъ составилъ, подъ своимъ предсѣдательствомъ, комиссію изъ людей почти все отсталыхъ или не понимающихъ дѣла и открылъ ея засѣданія объявленіемъ, что ни у него, ни у государя нѣтъ никакихъ опредѣленныхъ идей о преобразованіи корпусовъ. У членовъ комиссіи ихъ тоже не оказалось и потому, послѣ многихъ засѣданій и даже дебатовъ, опредѣлено: “*сократить программы преподаванія.*”

А между тѣмъ ларчикъ открывается очень просто: необходимо, и въ самомъ скоромъ времени, превратить корпуса въ спеціальную военную школу, куда желающіе поступаютъ по окончаніи гимназическаго курса. Комиссія возражаетъ на это, что школа будетъ пуста и арміи останется безъ образованныхъ офицеровъ, но это возраженіе очень слабо: пусть дадутъ родителямъ деньги на воспитаніе дѣтей въ гимназіи и сдѣлаютъ *обязательнымъ* для такихъ воспитанниковъ поступленіе въ военную школу и извѣстное число лѣтъ службы въ войскахъ. Продолжить существованіе корпусовъ не только бесполезно, но и невозможно по ихъ страшной дороговизнѣ: сосчитано, что воспитаніе кадета до выпуска въ офицеры стоитъ на каждаго девять тысячъ рублей. Чудовищная сумма! Жить безъ войска нельзя, но нельзя и отдавать солдата на жертву лютomu бурбону, и пора позаботиться о томъ, чтобы большинство офицеровъ въ войскѣ было образовано и походило на людей. Почти положительно извѣстно, что и при настоящемъ нехлѣпомъ устройствѣ корпусовъ, безъ корпусныхъ офицеровъ не возможно было бы истребить казнокрадство полковыхъ командировъ, чего въ нѣкоторыхъ полкахъ уже почти и достигли.

О томъ, что происходитъ въ корпусахъ нынѣ, говоритъ слѣдующая записка одного корпуснаго офицера:

Въ настоящее время, и полагаю, перестало быть загадкой, *что такое кадетскіе корпуса.* Вѣроятно, каждый изъ образованнаго кружка моихъ соотечественниковъ согласится со мною *что кадетскіе корпуса ничто иное, какъ систематическое уничтоженіе всякой человѣческой мысли и чувства въ пользу самодержавной власти.* Извѣстно, что кадетскіе корпуса находятся подъ особеннымъ покровомъ царствующей фамиліи, и слѣдовательно, воспитанники этихъ “всемиловѣйшихъ учреждений” имѣютъ счастье пользоваться назидательными

поученіями и примѣрами царственныхъ особъ. Представляю образчики такихъ поученій и примѣровъ. На одномъ высочайшемъ смотрѣ Александръ Николаевичъ выразилъ какой-то владѣтельной и вѣдѣлкой особѣ, присутствовавшей на смотрѣ, свое самодержавное удовольствіе: “*смотришь какъ эти поросята полощатся въ канавѣ.*” Данъ былъ немедленно сигналъ и “поросята” пошли исполнить волю своего монарха: младшія роты 1-го кадетскаго корпуса, стояшія ближе къ канавѣ перешли ее, но старшая рота подошла къ грязной переправѣ, какъ будто раздумывала: “авось, минетъ ее чаша сія.” Этого было довольно, чтобы вывести всероссійскаго императора изъ всѣхъ границъ приличія; онъ разразился площадною брашью, въ которой не уступилъ своему предшественнику, даже превзошелъ его, потому что Николай I-й на смотрахъ кадетскихъ корпусовъ былъ все таки разборчивѣе въ выборѣ ругательствъ. За упомянутымъ поученіемъ, какъ водится, послѣдовало наказаніе: генералъ Желтухинъ взялъ на себя “*проманежитъ* первый кадетскій корпусъ и выбить изъ него духъ непокорства и своеволія.” Въ тотъ же день (22 Іюля 1860 г.) было назначено баталіонное ученіе: “образованный” генералъ, нарочито послалъ своего адъютанта выбрать канаву поглубже, да погрозитъ и три раза выкупалъ старшую роту по самое горло.

Великій князь Михаилъ Николаевичъ ознаменовалъ свое вступленіе въ должность главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній чувствительнымъ приказомъ, въ которомъ онъ объясняя дорогія утраты, понесенныя кадетскими корпусами съ 1849 года, выражаетъ свою волю ревностно *продолжать начатое* его предшественниками. Скверно стало на душѣ послѣ такихъ общацій, но по пословицѣ: “утопающій хватается за соломенку” нѣкоторые утѣшали себя мыслию: “что на этотъ приказъ слѣдуетъ смотрѣть не иначе, какъ на одну формальность. Прошло два года послѣ смерти Ростовцева и просвѣщенная дѣятельность нашего новаго начальника вышла на божій свѣтъ.”

Подобно своему дядѣ, онъ охотится по улицамъ Петербурга на офицеровъ и кадетъ; кого встрѣтитъ не по формѣ одѣтымъ (напримѣръ въ морозъ градусовъ 30^{ти} офицера налѣвшаго кашне) Михаилъ Николаевичъ скорчитъ грозную физиономію и отрывисто произнесетъ: на гаубвахту!...”

По понедѣльникамъ прѣзжаетъ иногда въ комитетъ директоровъ, гдѣ онъ высказываетъ свои ученые наблюденія: напримѣръ “Я замѣтилъ, что дисциплина упала въ кадетскихъ корпусахъ!... Это я приписываю тому, что Іаковъ Ивановичъ долгое время былъ занятъ важнымъ государственнымъ вопросомъ и ему нѣкогда было слѣдить за воспитаніемъ въ военно-учебныхъ заведеніяхъ. Па дняхъ я былъ въ одномъ корпусѣ и замѣтилъ въ старшей ротѣ, что дежурный офицеръ сидѣлъ вмѣстѣ съ воспитанниками и разсуждалъ о чемъ-то. Кажется, офицеръ велъ разговоръ дѣльный, но онъ отнюдь не долженъ былъ позволять воспитанникамъ сидѣть въ присутствіи его.”

Другой разъ, главный начальникъ дѣлаетъ неожиданные наѣзды на свои “гуманныя и прогрессивныя” заведенія; но корпусное начальство одарено на этотъ счетъ удивительнымъ чутьемъ. Вел. князь еще въ швейцарской, а ротные командиры уже въ ротахъ отдають слѣдующій приказъ:— “Господа, слышите! Въ одну минуту надѣть новыя куртки, причесать волосы и стать по кроватямъ;” а солдаты уже

знаютъ свое дѣло : застилаютъ кровати новыми одѣялами, подметають комнату и проч. Все приведено въ должный порядокъ. Оглегло на душѣ ротнаго командира! Онъ вытянулся въ струнку и съ замирающимъ сердца выжидаетъ у входа появленія своего главнаго начальника. Съ самовольной улыбкой проходить по ротамъ вел. князь, да какъ и не быть ему довольнымъ!... Всюду чистота и порядокъ; кадеты, вслѣдствіе приказанія начальства, смотрятъ весело, а на лицахъ офицеровъ выражается вѣриподданная преданность; каждый такъ и хочетъ сказать : *я червь передъ тобой!* У Малиновскаго, отъ умиленія, даже показались на глазахъ какая-то влага; Савельевъ первый поклонился чуть не до земли.... Хотя кому вскружать голову такіе “вещественные” знаки невещественныхъ отношеній! и разумѣется пашъ русскій князь просто *enchanté* отъ такого приѣма!... Онъ заговариваетъ то съ однимъ, то съ другимъ воспитанникомъ. Мнѣ удалось слышать такіе высочайшіе разговоры моего главнаго начальника. Передаю ихъ въ видѣ назиданія :— “Ну что ты обѣдалъ?”—“Обѣдалъ, ваше императорское величество.” (Ротный командиръ изъ за спины вел. князя ободрительно киваетъ головой.)—“А грешивку ѣлъ?”—“Ѣлъ, ваше императ. высоч.”—“Хорошо пообѣдалъ?...”—“Хорошо, ваше импер. высоч.”—“Ну дай-ка я посмотрю!” (тыкаетъ пальцемъ въ животъ воспитанника и смѣется отъ удовольствія*). Въ рѣдкихъ случаяхъ разговоръ принимаетъ политическій оттѣнокъ; напримѣръ Михаилъ Николаевичъ увидѣвъ въ рукахъ воспитанника кадетскаго корпуса “Жизнь Гарибальди.”—“Что ты читаешь?.....” *жизнь этого сорванца!... охота тебѣ читать всякую дрань!... я бы его давно повѣсилъ!.....* Нечего и говорить, что книга была немедленно конфискована заботливымъ начальствомъ. Мнѣ кажется, что въ приведенныхъ мною фактахъ вполне выяснились тѣ разумныя начала, на которыхъ основана дѣятельность новаго начальника военно-учебныхъ заведеній, а потому я на время оставляю его въ сторонѣ и представляю краткій очеркъ лицъ, героев слѣдствениаго дѣла, произведеннаго, по приказанію великаго князя въ 1^{мъ} кадетскомъ корпусѣ.

Замѣчено, что тѣ столичные полки и кадетскіе корпуса, на которые обращено особенное вниманіе царствующаго дома, въ человѣческомъ смыслѣ занимаютъ чуть-ли не послѣднюю ступень, по крайней мѣрѣ въ лицѣ своего непосредственнаго начальства. Напримѣръ преображенскій, конногвардейскій, кавалергардскій, и проч. полки, пажескій его велич. корпусъ, *1-ый кадетскій корпусъ.*

1-ый кадетскій корпусъ—мѣсто фронтнаго воспитанія нынѣшняго императора и большей части его ближайшихъ родственниковъ, къ несчастію, пользуется высочайшими ласками, а потому взгляните какіе воспитатели наполняютъ это учебное заведеніе.

14 лѣтъ 1-ой кадетскій корпусъ былъ въ крѣпостной зависимости отъ Ореста Семеновича Лихонина. Лихонинъ, человѣкъ съ большимъ *хозяйственнымъ* тактомъ, немедленно

* Этотъ разговоръ мною не выдуманъ, но записанъ слово въ слово. Напрасно будутъ полагать нѣкоторые, что вел. князь обратился съ такою любезностію къ какому-нибудь малюткѣ... Нѣтъ! Это обычное обращеніе нашихъ высочайшихъ лицъ къ воспитанникамъ учебныхъ заведеній. Только съ воспитанниками выпускныхъ классовъ они ведутъ разговоръ по другой формулѣ : “Какая твоя фамилія? Въ какомъ ты классѣ? Сколько тебѣ отъ роду лѣтъ? Въ какой полкъ ты желаешь вѣйти?” и проч. въ этомъ родѣ.

смекнулъ, что кадетскій корпусъ въ сущности его имѣніе. Придя разъ къ такому убѣжденію, онъ выбралъ себѣ по душѣ помощниковъ и занялся своимъ дѣломъ : приращенія и накопленія. Одинъ, а иногда и два раза, въ недѣлю онъ появлялся на свою “офицерскую фабрику;” поднимавъ по обыкновенію генеральскую голову кверху и вперивъ глаза въ одну точку, идетъ нашъ Лихонинъ по ротамъ или классамъ : со всѣхъ сторонъ отвѣщаются низкіе поклоны, на которые онъ не отвѣчаетъ. Придетъ бывало Орестъ Семеновичъ въ классъ, посмотрѣть списокъ : “Шевичъ! ты сегодня “О” получилъ!... я тебя, батюшко мой, выдеру... Константинъ Александровичъ! (инспекторъ классовъ) распорядитесь!” Константинъ Александровичъ пріятно улыбнется своему помощнику по части сѣкуціи, 3^{хъ} саженному шведу Ивашкевичу, а тотъ вѣптитъ розогъ 70.

Орестъ Семеновичъ былъ большой почитатель розогъ и надо полагать, что когда до его превосходительнаго слуха дошла вѣсть, что появилась въ печати статья Пирогова, въ которой отвергаются розги, онъ былъ въ большой претензіи на автора, “а еще человѣкъ опытный!” твердилъ онъ, “вѣдь все это идиллія”!... Генералъ Лихонинъ былъ человѣкъ съ большими претензіями на справедливаго начальника, а потому онъ дралъ всѣхъ безъ разбора, кто только попадется подъ руку : Разъ онъ, въ своемъ присутствіи, высѣкъ воспитанника Плеца, которому оставалось 2 или 3 мѣсяца до выпуска въ офицеры, и въ силу данной ему власти спроводилъ бѣднаго юношу на Кавказъ въ юнкера. Проступокъ воспитанника состоялъ въ нарушеніи военной дисциплины.* Надобно замѣтить, что Орестъ Семеновичъ напрягалъ всѣ свои генеральскія способности, чтобы уничтожить “загрубѣлость нравовъ” въ вѣренномъ ему заведеніи и дѣйствовалъ “согласно присягѣ и совѣсти” т. е. поролъ, исключалъ изъ заведенія, переводилъ въ юнкера, или за молодостью лѣтъ отдавалъ въ Баталіонъ военныхъ кантонистовъ. Какъ истый генералъ, онъ во всемъ старался подражать своему высочайшему начальству, а потому слышны и рядомъ изъ его превосходительнаго рта слышны были неприличныя слова. Вѣроятно брань по мнѣнію генерала была въ числѣ дѣйствительныхъ средствъ противъ загрубѣлости нравовъ?... Въ своемъ обращеніи съ преподавателями корпуса Лихонинъ нѣсколько стѣснялся : “чортъ съ ними, еще пожалуй, какую-нибудь статью тиснуть”!... думалъ онъ; но за то въ своихъ служебныхъ отношеніяхъ къ дежурнымъ офицерамъ онъ давалъ ширь и просторъ своей генеральской натурѣ; покровительственныя слова : любезный, милый, были его любимыми словами, безцеремонность его обращенія дошла до того, что онъ въ 10-мъ часу утра принималъ иногда дежурныхъ офицеровъ въ своей спальнѣ, которая носила на себѣ всѣ слѣды недавно проведенной ночи ихъ превосходительствомъ. Мы упомянули, что Орестъ Семеновичъ большой руки *хозяинъ*. И такъ этотъ “хозяинъ” въ силу своихъ экономическихъ соображеній предпочелъ отапливать зданіе корпуса въ зимніе морозы не каждый день, а такъ денька чрезъ 2 или 3, *ихъ тамъ 600 человѣкъ нагрѣютъ и безъ дровъ!* но къ чести г. Лихонина надобно сказать, что онъ за то и не стѣснялъ преподавателей и офицеровъ надѣвать шубы.

* Разставилъ ноги во фронтѣ и не исполнилъ приказаніе ротнаго командира : “Плець! каблуки въ стѣтъ”, которое было отдано самымъ грубымъ тономъ.

А кадеты?... Кадеты жались другъ къ другу, да посылали своего корыстолюбиваго начальника ко всевозможнымъ свѣтлымъ. Лихонину и горя мало: онъ сидѣлъ въ своемъ тепломъ кабинетѣ, да подумывалъ: “Вѣдь! крѣпостное право уничтожено! а за мужиковъ государство мнѣ ни копѣйки не заплатитъ!... такъ дай-же я приналягу на мою офицерскую фабрику!” Дежурные офицеры постоянно шушукали: у кого плита въ квартирѣ треснула, у другаго печи отъ вѣтхости не грѣютъ. Только и слышишь: что одинъ благодаря этому — 200 р. сер. убилъ своихъ денегъ, другой 80, 3-й 150 р. Иногда раздается какой-нибудь гласъ вопиющаго въ пустыи: куда ремонтныя деньги дѣваются?

Всю провизію въ корпусъ Лихонинъ поставлялъ изъ своей деревни, *онля* мужиковъ съ подводами.

(Окончаніе въ слѣдующемъ листѣ).

ВРЕМЕННО ОБЯЗАТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

(Окончаніе).

17. *Отъ 6 Іюня 1858 года.* Какъ цѣлыя статьи, такъ и заключающіяся въ статьяхъ мѣста о нашей церкви, о состояніи православія на востокѣ и о греческомъ духовенствѣ, не должны быть разрѣшаемы къ печатанію безъ предварительнаго разсмотрѣнія духовною цензурою.

18. *Отъ 3 Апрѣля 1859 года.* Въ исполненіе высочайшаго повелѣнія циркулярнымъ предложеніемъ отъ 25 Января минувшаго года, предписано, между прочимъ, по цензурному вѣдомству, чтобы правила для руководства цензуры при разсмотрѣніи и одобреніи къ печатанію статей, касающихся крѣпостныхъ людей и отношеній ихъ къ помѣщикамъ, объявленные 16 Января того же года, распространить и на прочіе предметы современныхъ государственныхъ вопросовъ и правительственныхъ распоряженій.

Сынѣ, при сужденіи въ совѣтѣ министровъ о гласности въ печати сочиненій и журналовъ вообще, и о статьяхъ, касающихся гласности судопроизводства въ особенности, найдено, что оглашеніе въ печатныхъ сочиненіяхъ и журнальныхъ статьяхъ о существующихъ безпорядкахъ и злоупотребленіяхъ можетъ быть полезнымъ въ томъ отношеніи, что этимъ способомъ предоставляется правительству возможность получать свѣденія независимо отъ официальныхъ источниковъ, и нѣкоторые изъ этихъ свѣденій могутъ служить поводомъ къ новѣлкѣ свѣденій официальныхъ и къ принятію надлежащихъ по усмотрѣнію мѣръ. Но гласность можетъ быть и вредною, когда она касается важныхъ предметовъ управления, правительствомъ окончательно не обсужденныхъ или непризнанныхъ имъ заслуживающими вниманія, и когда напечатанные сужденія о такихъ предметахъ, не вполне доступныхъ, по неполнотѣ свѣденій, читающей публикѣ, могутъ быть принимаемы въ видѣ истинъ, подлежащихъ сомнѣнію, а не въ видѣ вопросовъ, подлежащихъ еще обсужденію и допускающихъ возможность опроверженія. Когда предметомъ подобныхъ сужденій дѣлаются вопросы, касающіеся основныхъ государственныхъ постановленій, тогда гласность становится опасною и въ такомъ случаѣ необходимо предупредить послѣдствія вредныхъ заблужденій.

Въ этомъ убѣжденіи полагалось возможнымъ допускать оглашеніе въ печатныхъ сочиненіяхъ и журнальныхъ статьяхъ о предметахъ правительственныхъ, въ такомъ случаѣ, когда изложеніе подобныхъ статей будетъ заключаться въ

предѣлахъ, согласныхъ съ постановленіями, охраняющими неприкосновенность самодержавнаго правленія и государственныхъ учреждений. Такимъ образомъ все, непротивное основнымъ началамъ нашихъ государственныхъ учреждений, представляемое въ видѣ разсужденій, или предположеній, допускающихъ разсмотрѣніе и, слѣдовательно, опроверженіе, можетъ быть допущено къ обнародованію, тогда какъ, напротивъ того, безусловное утвержденіе преимущества порядка государственнаго устройства, несогласнаго въ основаніяхъ съ существующимъ въ нашемъ отечествѣ, или изложеніе рѣшительныхъ заключеній о вопросахъ государственнаго устройства, непризнанныхъ еще правительствомъ подлежащими его обсужденію, или по коимъ не послѣдовало распоряженій, обнаруживающихъ намѣреніе верховной власти подвергнуть пересмотру какую либо часть нашего законодательства, къ печатанію допускаемо быть не можетъ.

Руководствуясь сими указаніями, благонамѣренныя писатели будутъ имѣть возможность обнаруживать всякаго рода злоупотребленія, не допуская личностей, какъ это предписано высочайшими повелѣніями, и содѣйствовать правительству развитіемъ мыслей, полезныхъ относительно предположеній, коими достигнуты быть могутъ улучшенія въ ходѣ управленія, но вмѣстѣ съ тѣмъ отпята будетъ возможность увлекать общественное мнѣніе въ заблужденія относительно истинной цѣли и видовъ правительства.

Государь императоръ соображенія сіи, въ 26 день минувшаго Марта высочайше утвердить соизволилъ, съ тѣмъ, чтобы всѣ прочія правила о цензурѣ оставались въ своей силѣ.

19. *Отъ 30 Мая 1859 года.* Главное управленіе цензуры 25-го Апрѣля сего года опредѣлило: воспретить печатаніе азбукъ, содержащихъ въ себѣ примѣненіе польскаго алфавита къ русскому языку, а также постановить правиломъ, чтобы сочиненія на малороссійскомъ нарѣчій, писанныя собственно для распространенія ихъ между простымъ народомъ, печатались не иначе, какъ русскими буквами, и чтобы подобныя народныя книги, напечатанныя за границею польскимъ шрифтомъ, не были допускаемы къ ввозу въ Россію.

20. *Отъ 10 Іюля 1859 года.* Г. министръ народнаго просвѣщенія, 6 Іюня минувшаго года, предложилъ г. почетелю с.-петербургскаго учебнаго округа сдѣлать распоряженіе по цензурѣ с.-петербургскаго учебнаго округа, чтобы какъ цѣлыя статьи, такъ и заключающіяся въ статьяхъ мѣста о нашей церкви, состояніи православія на востокѣ и о греческомъ духовенствѣ не были разрѣшаемы къ печатанію безъ предварительнаго разсмотрѣнія духовною цензурою.

Между тѣмъ, не смотря на распоряженіе сіе, основанное на высочайшей волѣ, цензурными комитетами, по увѣдомленію г. исправляющаго должность оберъ-прокурора святѣйшаго синода, допускаются и нынѣ къ печатанію, безъ сношенія съ духовною цензурою, вопреки 199 ст. цензурн. уст., изд. 1857 г., статьи о нашей церкви, вѣроятно по одному убѣжденію, что означенное высочайшее повелѣніе касается, будто бы, только статей о православной церкви на востокѣ.

Дѣйствительный статскій совѣтникъ князь Урусовъ, принимая во вниманіе, что высочайшее повелѣніе сіе относится не къ однимъ статьямъ о состояніи православія на востокѣ, но и къ статьямъ о православной церкви въ имперіи, и что на основаніи упомянутой 199-й статьи цензурнаго устава

подобныя статьи не иначе могут быть разрѣшаемы къ печатанію, какъ по одобреніи ихъ духовною цензурою, просить, чтобы всѣ таковыя статьи, равно какъ и заключающіяся въ статьяхъ мѣста по предметамъ, касающимся нашей церкви, не были на будущее время пропускаемы къ печатанію безъ сношенія съ духовною цензурою.

Вслѣдствіе сего подтверждено къ строгому и неукоснительному исполненію, чтобы какъ цѣлыя статьи, такъ и заключающіяся въ статьяхъ мѣста о православной церкви въ имперіи, о состояніи православія на востокѣ и о греческомъ духовествѣ, всѣ, безъ исключенія, не были допускаемы къ печати, безъ сношенія съ духовною цензурою.

21. *Отъ 8 Марта 1860 года.* Государь императоръ, по выслушаніи въ совѣтѣ министровъ соображеній о развитіи законовъ, ограждающихъ честь частныхъ и должностныхъ лицъ противъ оскорбленій посредствомъ печати, между прочимъ, высочайше повелѣть соизволилъ: строго подтвердить по цензурному вѣдомству, чтобы не были допускаемы въ печать сочиненія и журнальныя статьи, а равно изображенія и карикатуры: а) въ которыхъ возбуждается неприязнь и неаимчивость одного сословія въ государствѣ къ другому; б) въ которыхъ заключаются оскорбительныя насмѣшки надъ цѣлыми сословіями и должностями гражданской и военной службы, надъ военнымъ мундиромъ и занятіями по фронтовой части въ мирное время и т. п.; в) въ которыхъ, вопреки § 3-го (пунктъ 4) уст. ценз., хотя не прямо съ названіемъ фамилии, а большею частію подъ такимъ прозрачнымъ замаскированіемъ, что легко узнать можно о комъ и о чемъ идетъ дѣло, оглашаются обстоятельства, относящіеся до правдивости и частной жизни разнаго званія лица, до преступленія ихъ родителей, до происхожденія или дурнаго поведенія членовъ семействъ и т. д.—А какъ въ цензурномъ уставѣ вѣтъ особенной статьи, которая бы положительно воспрещала распространеніе извѣстій неосновательныхъ и по существу своему неприличныхъ къ разглашенію о жизни и правительственныхъ дѣйствіяхъ августѣйшихъ особъ царствующаго дома, уже скончавшихся и принадлежащихъ исторіи, то съ одной стороны, чтобы подобныя извѣстія не могли приносить вреда, а съ другой, дабы не стѣснить отечественную исторію въ ея развитіи,—періодомъ, до котораго не должны доходить подобныя извѣстія, принять конецъ царствованія Петра великаго. Послѣ сего времени воспрещать оглашеніе свѣденій, могущихъ быть поводомъ къ распространенію неблагопріятныхъ мнѣній о скончавшихся августѣйшихъ лицахъ царствующаго дома, какъ въ журнальныхъ статьяхъ, такъ въ отдѣльныхъ мемуарахъ и книгахъ.

22. *Отъ 17 Марта 1860 года.* На основаніи св. зак. (изд. 1857 г.) т. XIV, уст. ценз. статьи 61-й, имена сочинителей могутъ быть не печатаемы подъ статьями журналовъ и газетъ, если они сего желаютъ, но съ тѣмъ, чтобы имя автора было извѣстно редакторамъ, и непременно цензурѣ, и чтобы редакторъ, по первому требованію правительства, объявлялъ имя и мѣсто жительства автора, подъ опасеніемъ, за неисполненіе сего, наказанія по статьѣ 310 уложенія о наказаніяхъ.

Главное управленіе цензуры, замѣтивъ, что вышеозначенное постановленіе не всегда исполняется, подтверждаетъ редакціямъ повременныхъ изданій о строгомъ соблюденіи статьи 61 цензурнаго устава.

С М Ъ С Ъ.

— *Перечисленіе св. Митрофанія воронежскаго съ товарищи въ лица менѣе замѣчательныя.*—Мы съ удовольствіемъ прочли въ “С-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ” что мысль изданная “Колоколомъ” о подвижныхъ и лицеперемѣнныхъ медальонахъ на памятникѣ тысячелѣтія, правительствомъ принята и первая смѣна людей “менѣе замѣчательныхъ—болѣе замѣчательными” сдѣлана. Въ числѣ отставленныхъ отъ памятника находятся сверхъ св. Митрофанія (чѣмъ угодишь согрѣшил—не понимаемъ) Дмитревскій и Шевченко, (одинъ актеръ—въ самомъ дѣлѣ какъ-то неприлично, другой кобзарь изъ крѣпостныхъ, это ужъ совсѣмъ не годно) на ихъ мѣсто поступають Николай и Державинъ. Мы согласны, что лицедѣй Дмитревскій и чуть-ли не единственный народный поэтъ Шевченко не идутъ вмѣстѣ съ Николаемъ; но если Николай попалъ въ барельефъ замѣняя двоихъ, то зачѣмъ-же вѣтъ Аракчеева! Мы рѣшительно требуемъ Аракчеева.

— *Первый и послѣдній русский дворянинъ.*—Первый дворянинъ русскій покончилъ благородное сословіе свое, назначивъ фельдфебеля Миниха послѣднимъ дворяниномъ. Давать дворянство за доносъ—якобинская уловка, которой мы отъ души сочувствуемъ. Неужели между первымъ и послѣднимъ дворяниномъ не найдется ни одного средняго дворянина, который-бы отказался отъ касты, обновляемой лазутчиками, доносчиками и шпионами?

Писаря, капитаны, каптенармусы, фельдфебеля только мечтають о томъ чтобы выслужиться доносомъ, оно легко, безопасно и прибыльно. Царская фамилія поощряетъ деньгами, льготами, наградами доносчиковъ, явшахся съ ними, царь *облагороживаетъ* ихъ въ родъ и родъ.

Въ лейбъ-уланскомъ полку унтеръ-офицеръ изъ вольноопредѣляющихся Николаевъ просится въ Петербургъ на три дня. Три дня проходятъ—Николаева нѣтъ, вмѣсто его приѣзжаетъ Николай Николаевичъ на смотръ и говорить полковнику, “Ты отпустилъ Николаева на три дня, онъ не явился на срокъ, онъ остался съ моего разрѣшенія по *государственному дѣлу*”. Преданный унтеръ донесъ великому князю что онъ знаетъ общество зажитателей, напуталъ всякій вздоръ, и знатокъ птичьяго сердца и куриного полета не догадался прогнать доносчика, а повѣрилъ ему. Говорятъ, что при возведеніи его въ потомственное дворянство, онъ получилъ фамилію *Дѣйствительно-Николаевъ*.

— *Министръ Полиціи будущаго тысячелѣтія Россіи.*—Говорятъ, что въ ознаменованіе безпорочнаго тысячелѣтняго существованія Россіи, государь пожалуетъ III отдѣленіе въ министерство—и это очень хорошо; но мы не можемъ понять почему на это возвышенное мѣсто назначаютъ Шувалова. Потаповъ показалъ такую проищательную способность въ составленіи таможенныхъ листовъ, людямъ невообразимымъ безпощадно изъ за границы, что кажется его-бы и графомъ вмѣсто Тимашева и Балашевымъ вмѣсто Шувалова.

Кстати Шуваловъ на дняхъ посѣтилъ здѣшнюю столицу для осмотра всемірной выставки и устройства *слухового аппарата* въ Лондонѣ; работы идутъ усильно.

Надѣмся, что друзья наши не преминутъ извѣстить насъ о новыхъ лондонскихъ товарищахъ и сподвижникахъ министра.

ПО ПОВОДУ КРѢПКИХЪ СЛОВЪ Г. КАТКОВА И СЛАБОСТЕЙ ГЕНЕРАЛА

ПОТАПОВА.*

Вашъ дядюшка дуракъ!

Бетрищивъ.

Дуракъ, ваше превосходительство.

Читиковъ.

Между вами есть подлецъ!

Александръ П. Лейбъ Гв. Измайл. офицерамъ.

Есть, ваше императорское величество.

Лейбъ Гв. Измайл. офицеры Александру П.

Русскій человѣкъ ругаться любитъ, особенно когда высшее и высочайшее начальство примѣръ подаетъ, мирволить и не стѣсняясь ругаетъ даже дѣтей въ кадетскомъ корпусѣ по *извоищью*. Впрочемъ у насъ всего больше и гуще ругаются вовсе не извоишники, а блюстители порядка и благочинія, полицейскіе во всѣхъ родахъ различныхъ.

Покойникъ М. Н. Загоскинъ, одинъ изъ величайшихъ знатоковъ русскаго ругательства, рассказывалъ мнѣ съ какимъ-то умилениемъ о томъ, что приговаривалъ полицейскій уи-теръ-офицеръ выгоняя какого-то мужика, зашедшаго на гулянья въ *благородныя дорожки*. Чего тутъ не было помянуто отъ родительницы мужика и какого-то теленка, до солдатскаго аппетита, и пропажи безъ вѣсти...

* Цинизмъ потопляющихъ журналовъ далеко оставилъ за собой Булгарина и литераторовъ, которымъ "среди грозныхъ бѣдъ" николаевскаго царствования, самъ Дуббельтъ "гипнотизмъ внушалъ". "Отечественныя Записки" доходятъ до бѣшенства китайскихъ палачей и "С.-Петербургскія Вѣдомости" становятся какими-то *Père Duchêne* оныхъ реакціи. Мы радуемся за почтеннаго А. А. Краевскаго, что "Сиб. Вѣдомости" переходятъ съ будущаго года въ другія руки; онъ на половину нѣмше будетъ нѣтъ несчастныхъ необходимостей комѣцать статьи несогласныя съ его чувствительнымъ сердцемъ и образованнымъ умомъ. Краевскій сдѣлавшій всю карьеру свою, давая пріютъ и трибуну гуманному направленію, вынужденъ (вѣроятно бѣдностью, не по доброй-же волѣ онъ это дѣлаетъ) на старости лѣтъ отдать свой пріютъ подъ бойню, въ которую прасолы III отдѣленія гонятъ подъ предлогомъ важгигателей все молодое, энергическое, и его подмастерья ихъ пластаютъ, четвертуютъ и пр. Позавидуетъ теперь Андрей Александровичъ не разъ "Современнику". *Du civisme cito uen* закройте-ка отечественную бойню и передайте поскорѣе потопляющія вѣдомости. Вотъ какъ выражается Мара-Эвальдъ "Отечест. Зан."

"Всѣ ждуть, что полиція разищетъ этихъ канибаловъ! всѣ хотятъ, всѣ требуютъ, чтобъ имена ихъ были оглашены, для того, чтобы знать кого нужно бояться. Всѣ хотятъ, всѣ требуютъ наказанія; народъ даже присуждаетъ этимъ злодѣямъ такую казнь, которой нѣтъ и въ законѣ. Разстрѣлианіе и повѣшеніе, но его нѣтъ слишкомъ легка, слишкомъ благородна казнь для такихъ варваровъ. Еслибъ они попались въ руки народу, онъ бы рвалъ ихъ на куски руками; онъ бы жегъ ихъ на кострахъ, онъ бы живыхъ ихъ вакапывалъ въ землю и замуравливалъ въ тѣ самыя стѣны, которыя стоятъ теперь какъ могильныя памятники человѣческаго безумія и злобы.

"Во всякомъ случаѣ, народъ ждетъ висѣльницъ, ждетъ ружейныхъ залповъ. Онъ долженъ быть отищенъ, потому что онъ слишкомъ много страдаетъ теперь отъ этихъ тайныхъ враговъ своихъ." (стр. 196.)

Но возмѣ растроенаго воображенія этой Салтычихи журнализма, пріятно видѣть плачъ Иліи Арсеньева о свирѣной, безчеловѣчной казни Аригольда, Сивницкаго и Ростовскаго, объ этой ненужной казни, которой кровь никогда не смоетъ нынѣшнее царствованіе:

"Неужели это преступленіе—вызываетъ и восклицаетъ шаллерствующій Иліи Арсеньевъ—не будетъ преступленіемъ послѣднимъ? Неужели найдется въ Варшавѣ еще нѣсколько капель той ядовитой крови, которая, попавъ въ жилы человѣка, превращаетъ его въ свирѣное, бѣшеное животное, бросающееся на всѣхъ, кто попадется ему на встрѣчу?

"При полученіи извѣстій о подобныхъ событіяхъ, всякій здравый анализъ, всякое логическое обсужденіе совершившагося факта, дѣлаются рѣшительно невозможными..... Тяжкое, отвратительное чувство, чувство омерзѣнія овладѣваетъ вами, и вы въ первую минуту готовы гнущаться общимъ иненемъ чело-вѣка, составляющимъ все-таки нѣкоторую связь между вами и тѣмъ, который, во имя великаго всемірнаго Учителя, нѣсколько минутъ назадъ, плѣлъ еще полное право назвать васъ братомъ."

... Нѣтъ, господа, успокойтесь, этотъ крикъ негодованія, состраданія раздался не послѣ залпа, отъ котораго пали три невинныя жертвы, объ нихъ никто не помянулъ,

Боясь зимы и продолжительной и холодной!

Все это хорошо; но я не могу привыкнуть къ совершенному отсутствію единства во всемъ что дѣлается у насъ въ правительственныхъ кругахъ. Въ то время какъ всѣ усилія Суворова и Анеикова обращены на то, чтобъ *явнобрачные* блюстители порядка становились все учтивѣе и учтивѣе, чтобъ они не иначе ставили фонарь какъ извиняясь, и прибавляя, что это имъ чрезвычайно непріятно, что одинъ священный долгъ можетъ превозмочь ихъ отвращеніе,—что впрочемъ они приложатъ всѣ старанія, чтобъ поставить самый крошечный фонарикъ, что это будетъ почти пріятно, и во всякомъ случаѣ красиво..... въ то самое время *тайнобрачные* будочники и городовые начинаютъ все хуже и хуже ругаться—а Потопову ничего, будто не его дѣло. Это, говоритъ онъ, всѣ громко ругаются, а я подслушиваю что говорятъ шопотомъ.

Позвольте, генералъ, позвольте! всѣмъ извѣстно, что теперь по вашей ботаникѣ тайнобрачные раздѣляются на два семейства: на семейство *подслушивающихъ* и на семейство *убѣждающихъ*, на семейство *Дипрандовидныхъ* и на семейство *Павловоустыхъ*.

Почему-же на нихъ, на послѣднихъ-то не распространяется приказаніе фонари ставить съ учтивостью; отчего отъ офиціозныхъ литераторовъ не требуется благовоспитанности будочника, мягкости выраженій городского и изящныхъ маннеръ уи-тера. Примѣръ начальства увлекаетъ; когда явно полицейскіе дрались на улицахъ—тогда всѣ прочіе записанные въ бархатную книгу, или въ какую-нибудь службу, тоже дрались. Теперь разрѣшили *убѣдителямъ* III Отдѣленія ругать "нарушителей общественнаго порядка." Ну вотъ они и довели Каткова до статьи, въ которую онъ упалъ какъ въ помойную яму.* Какъ-бы онъ не захлебнулся въ ней по примѣру генералъ-адъютанта и бывшаго С.-П. оберъ-полицеймейстера Какошкина.

— *Духовная и свѣтская нелѣпость*.—Образцовыя парадныя бронзовыя двери въ храмъ Спасителя стоятъ 120,000 р. с., рама бронзовая на окно—13,000 р. с., толстыя зеркальныя стекла на одно окно—двѣ тысячи съ чѣмъ-то. (*Свѣ. Пчела*)

— Въ Ярославлѣ запрещено ходить по *тротуарамъ*... въ предупрежденіе пожаровъ. Еще радикальнѣе не строить вовсе домовъ, или совсѣмъ не разводить огня.

— *Три талера изъ Вильно*.—Мы получили небольшую статью, совершенно частнаго содержанія и не имѣющаго особеннаго интереса для читателей, при ней были приложены *три талера* прусскими ассигнаціями. Статьи мы не помѣщаемъ, а три талера за неимѣніемъ адреса отослать не можемъ. Мы ихъ отдадимъ бѣднымъ изъ русскихъ, но желали-бы чтобъ намъ или не присылали денегъ, или говорили-бы о ихъ назначеніи.

— Сей часъ мы получили еще дополненіе къ списку лицъ, которыхъ велѣно остановить на границѣ. Вотъ ихъ имена:

Перетцъ, Григорій,

Сытинъ,

Нефталъ,

Витбергъ,

Голынский,†

Касаткинъ.

* Статьи Каткова мы не читали еще. "Русск. Вѣст." нѣтъ (22 Августа), но намъ довольно образчиковъ.—Ред.

† Неужели это А. Голынский, оставившій Россію въ 1846 г. и не думающій возвращаться?

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи, 136 & 138 Caledonian Road, London, N.

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM,

КОЛОКОЛЪ

VIVOS VOCO!

Выходить еженедѣльно въ Лондонѣ.
Получается въ Вольной Русской Типо-
графіи, — 136 & 138, Caledonian Road, N.
Цена 1 шил., съ третьимъ листомъ—
ОБЩЕЕ ВЪЧЕ.

ЛИСТЪ 143.

1 СЕНТЯБРЯ 1862.

(WITH SUPPLEMENT NO. 24).

У Гробиера & Co. въ нижней лавкѣ,
60, Paternoster Row, и у Tchorzowski,
1, Macclesfield Street, (Gerrard Street),
Soho, London. Price One shilling, with
Supplement: VETCHÉ No. 3.

ОГЛАВЛЕНІЕ.—Записки Декабристовъ—Исѣдникъ Рамловъ—Висѣлица въ Варшавѣ—Мученики и мучители въ Польшѣ—Терроръ—Единица
по вѣзанику—Кадетскіе корпуса (Продолженіе)—Цензура. Смѣсь: Г-жи Чертова и Сухотина—Стрѣлки III Отдѣленія—LES MISERABLES!

ЗАПИСКИ ДЕКАБРИСТОВЪ.

Первая присылка записокъ получена нами. Мы не имѣемъ словъ, чтобъ выразить всю нашу благодарность за нее. Наконецъ-то выйдутъ изъ могилъ великія тѣни первыхъ сподвижниковъ русскаго освобожденія, и большинство знавшее ихъ по Бюдову и по Корфу—узнаетъ ихъ изъ ихъ собственныхъ словъ.

Мы съ благочестіемъ средневѣковыхъ переписчиковъ апостольскихъ дѣяній и житія святыхъ, принимаемся за печатаніе "Записокъ Декабристовъ;" мы чувствуемъ себя гордыми, что на долю нашего станка досталась честь обнародованія ихъ.

Всѣ вырученныя деньги, за расходами на печать и бумагу мы раздѣлимъ по поламъ. Одну половику перешлемъ для вспомошествованія лицамъ сосланнымъ въ Сибирь, вслѣдствіе политическихъ гоненій, другую—оставимъ въ Лондонѣ для вспомошествованія русскимъ, которые вынуждены будутъ покинуть отечество, по причинѣ тѣхъ же гоненій. Если же эмигрантовъ будетъ не много, то по прошествіи года мы и эти деньги присоединимъ въ Сибирскій фондъ.

Мы предполагаемъ издавать Записки отдѣльными выпусками и начать съ записокъ "И. Д. Якушкина" и князя "Трубецкаго". За тѣмъ послѣдуютъ записки князя "Оболенскаго, Басаргина, Штейнеля, Люблинскаго, Н. Бестужева", далѣе о 14 Декабрѣ "Пушкина", "Бѣлая церковь", "Воспоминанія князя Оболенскаго о Рылеву и Якушкинѣ", "Былое изъ разсказовъ Декабристовъ", "Списокъ слѣдственной коммисіи", статья "Лунина" и разныя письма.

О подробностяхъ изданія извѣстимъ въ послѣдствіи.

1 Сентября 1862 г.

И—ръ.

Письмо изъ Константинополя.

Милостивый Государь!

Студентъ и полякъ, я былъ арестованъ по политическимъ причинамъ и приговоренъ къ отдачѣ въ солдаты въ линейныя полки, стоящія въ Сибири.

Мнѣ удалось бѣжать съ Сибирской границы и я добрался безъ большихъ препятствій до Константинополя.

Годъ VI.

Въ моемъ побѣгѣ помогали мнѣ самымъ дѣятельнымъ образомъ многіе изъ вашихъ соотечественниковъ, я свято обѣщалъ—извѣстить ихъ о моей судьбѣ.

Находясь теперь на свободѣ, я не имѣю другаго средства исполнить мое обѣщаніе, какъ обращаясь къ вашему журналу. Передайте имъ мою глубокую признательность за благородное сочувствіе, которое они оказали не только несчастному, но поляку, пострадавшему за святое дѣло своей родины.

Желалъ бы я очень лично разсказать вамъ исторію моего путешествія по Россіи, продолжавшагося нѣсколько мѣсяцевъ, но обстоятельства не позволяютъ мнѣ исполнить это въ скоромъ времени и пр.

Преданный вамъ

Константинополь,
12 Августа, 1862 года.

Исѣдникъ Рамловъ.

ВИСѢЛИЦА ВЪ ВАРШАВѢ.

И такъ вмѣсто александровской конституціи, Константинъ Николаевичъ привезъ въ Варшаву николаевскую висѣлицу.

Ярошинскій былъ повѣшенъ 21 Августа. 26 Августа, были повѣшены: Рыль и Ржонца.

Въ нашихъ глазахъ висѣлица осязательна со временъ Пестеля и его друзей, крестъ былъ тоже висѣлицей. Вообще мы о родахъ убійствъ и о тонкостяхъ палачества спорить не будемъ, но въ глазахъ *вѣшателей* это не такъ, они считаютъ смерть на висѣлицѣ *позорной*... Сколько надобно имѣть монгольской злобы и какое отсутствіе такта, чтобъ казнить съ поруганіемъ изъ *личной мести*.

РУССКІЕ МУЧЕНИКИ И МУЧИТЕЛИ ВЪ ПОЛЬШѢ.

Выписываемъ изъ чрезвычайно замѣчательнаго письма, полученнаго нами изъ Польши слѣдующія строки: "До васъ вѣроятно дошло извѣстіе о первыхъ жертвахъ со стороны русскаго войска, объ *Аригольдтѣ, Сливицкомъ и Ростковскомъ*. Передъ арестомъ человекъ шестьдесятъ солдатъ съ оружіемъ готово было защищать ихъ и только приказаніе Сливицкаго удержало ихъ. Всѣ держали себя, особенно Аригольдтъ, передъ судомъ съ геройской твердостью. Они съ первыхъ словъ объявили, что говорили съ солдатами и распространяли между

ними либеральныя идеи по убѣжденію, и не откажутся отъ своихъ убѣжденій, хотя и знали очень хорошо, что противъ нихъ нѣтъ никакихъ юридическихъ доказательствъ; арестованы они были по рапорту Т. К. *Тамландера и Кроха* (Финны). Ни одинъ солдатъ, не смотря на всѣ мордобитія и розги полковника *Мяковского* (нѣмца съ польской фамиліей, родомъ изъ Кіева!), командира Ладожскаго пѣхотнаго полка, слѣдователя по этому дѣлу, не сдѣлалъ ни одного показанія во вредъ Арнольдту и Сливичному; отъ унтеръ-офицеровъ Ростковскаго и Щура, арестованныхъ вмѣстѣ съ ними, не могли добиться ни слова, за что первый разстрѣлянъ, второй сосланъ въ каторгу. Главнымъ обвиненіемъ противу Арнольда было анонимное письмо его къ Лидерсу; Мяковский показалъ это письмо передъ судной комиссіей Арнольдту, и спросилъ не онъ-ли писалъ его? Арнольдтъ отвѣчалъ, что писалъ онъ, но еще не окончилъ, — взялъ перо и подписалъ подъ письмомъ свою фамилію. Такая твердость больше всего разъярила правительство. Было еще нѣсколько арестовъ и начальство не знаетъ куда дѣться съ ними: всѣ русскіе и всѣхъ перестрѣлять неловко. Приговора надъ Арнольдтомъ, Сливичнымъ и Ростковскимъ долго не рѣшались исполнить въ Варшавѣ; наконецъ исполнили въ *Модлинѣ* 20/16 Іюля, на другой день послѣ выстрѣла по Лидерсу; въ Варшавѣ не рѣшались исполнить его, потому что боялись встрѣтить въ войскахъ открытое сопротивленіе. Экзекуція была выполнена скромно однимъ батальономъ солдатъ, *выбранныхъ изъ Эстляндскаго полка*. Батальономъ командовалъ дежурный генералъ 1-й Арміи *Ганцъ*; по свидѣтельству очевидцевъ у солдатъ, стрѣлявшихъ, ходили руки. *Сливичкій послѣ двѣнадцати обычныхъ выстрѣловъ былъ живъ и фельдфебель выстрѣломъ изъ пистолета въ ухо добилъ его*. Мы жалѣемъ ихъ какъ мучениковъ за святое дѣло, но эта жертва была необходима; она произвела наилучшее впечатленіе на поляковъ и войско. Офицеры отправили по разстрѣляннымъ торжественную папихиду въ Цовоцковскомъ Лагерѣ; начальство было предупреждено объ этой демонстраціи, но ни одинъ изъ генераловъ не появился въ Лагерь, и только потомъ арестовали офицера, собиравшаго деньги для попа; отъ офицеровъ потребовали подписки *что не будутъ имѣть портретовъ разстрѣленныхъ*.

... “Я упомянулъ о выстрѣлѣ по Лидерсу; этотъ выстрѣлъ былъ сдѣланъ въ Саксонскомъ саду въ 7½ часовъ утра, въ десяти шагахъ, посредъ гуляющей публики, военной и гражданской; стрѣлявшій хладнокровно продулъ пистолетъ положилъ его въ карманъ, и вышелъ чрезъ кондитерскую изъ сада; гулянье продолжалось, никто изъ публики не тронулся остановить его. Полиція и общее мнѣніе приписываютъ выстрѣлъ русскому, движимому чувствомъ мести за утвержденіе приговора о разстрѣліи и потому правительство, чтобы не показать что труситъ, хоторопилось разстрѣлять приговоренныхъ”.

Хроника Террора и Прогресса

(изъ писемъ и газетъ).

Іюля 1/12 въ казанскомъ и исакиевскомъ соборахъ, въ знаменской и андреевской церкви, служили папихиды за упокой души рабовъ божіихъ Петра, Іоанна и Федора, трехъ убитыхъ по приказанію правительства въ Модлинѣ, по Лидерсовой конфирмаціи.

Въ Москвѣ сдѣлано нѣсколько арестацій.

Въ Кіевѣ, говорятъ, вышла прокламація къ солдатамъ, въ которой говорится, что грѣшио стрѣлять по параду—даже если царь прикажетъ, потому что онъ какъ человекъ противъ божескаго закона идти не можетъ; а если идетъ, то слушать его нельзя. Въ примѣръ приводится Тродъ, приказавшій своимъ парскимъ, по незаконнымъ приказомъ, истребить *всѣхъ* младенцовъ. Еслибъ войско послушалось—Христосъ былъ-бы убитъ, и пр. Говорятъ, что по этому дѣлу полковникъ *Красовскій* привезенъ въ III Отдѣленіе.

— На фрегатахъ “Олего” и “Громобой,” возвратившихся изъ заграничнаго плаванія былъ произведенъ полицейскій обыскъ, жертвою котораго сдѣлался юнкеръ *Трувелеръ*; у него нашли запрещенныя книги и журналы. Говорятъ, на него доносъ сдѣланъ *священникомъ*.*

— Шесть тысячъ Славянъ, (говорятъ *Слб. Вѣдомости*) изъ числа переселившихся изъ Турціи въ Крымъ, снова ушли назадъ, находя, что подъ скипетромъ правовѣрнаго султана все-же лучше, чѣмъ подъ державой православнаго царя.

— Преданы военному суду въ Ковенской губер. студентъ московскаго университета *Карзонъ* и *Овсяный*. У перваго была пайдепа статья объ уничтоженіи крѣпостнаго состоянія съ критическимъ замѣчаніемъ на счетъ Николая и Александра II и письмо объ устройствѣ политическаго общества, писанное къ другимъ студентамъ. У Овсянаго паша 400 экзempl. польскаго гимна.

И за это военный судъ!

— А вотъ и еще юридическое убійство.—“Въ четвергъ, 26 Іюля (ст. с.) въ 8 час. утра, на Скаковомъ полѣ, въ Одессѣ, должно было происходить исполненіе приговора надъ однимъ изъ главныхъ поджигателей, присужденныхъ комиссіею къ смертной казни разстрѣліемъ.—(*Одес. Вѣстн.*)

— Съ Нижегородской ярмарки, 19 Іюля. — Сообщаемъ распоряженія начальства нижегородской ярмарки:

“Г. министръ внутреннихъ дѣлъ предписаніемъ отъ 10-го числа Іюля, за № 1,697, сообщилъ мнѣ, что по выс. г. и. повелѣнію, командиръ отдѣльнаго корпуса внутренней стражи, генералъ отъ кавалеріи фон-деръ Лауницъ, командированъ въ Нижегородскую и другія приволжскія губерніи, для исполненія особо-возложеннаго на него порученія, съ предоставленіемъ ему права объявлять, именемъ е. и. в. высоч. повелѣнія. При семъ е. в. благоугодно, чтобы гг. начальники губерній оказывали генералу отъ кавалеріи Лауницу полное и безотлагательное содѣйствіе, во всѣхъ случаяхъ, когда отъ его требовать будетъ, и чтобы всѣ чины земскихъ и городскихъ полицій исполняли его, требованія, которыя въ случаяхъ спѣшныхъ могутъ быть передаваемы имъ земскимъ и городскимъ полиціямъ непосредственно, а въ другихъ, черезъ гг. начальниковъ губерній.

“Главнымъ мѣстопробываніемъ генерала Лауница, на время нижегородской ярмарки въ особености, назначенъ Нижній-Новгородъ; по прибытіи туда, онъ долженъ вступить въ права, соотвѣтствующія правамъ генерала губернатора, и пользуется ими только:

1) “Для устройства, по его указаніямъ, ближайшаго полицейскаго и предохранительнаго надзора во время ярмарки.

* О дѣлѣ Трувелера мы надѣемся передать больше нашимъ читателямъ.

2) “Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ, въ виду какихъ-либо чрезвычайныхъ происшествій или потребностей, онъ признаетъ нужнымъ сдѣлать прямо отъ себя какія-либо распоряженія.

“Въ текущія дѣла губернскаго управленія, а равно въ дѣла, относящіеся собственно до устройства торговой части на ярмаркѣ, генералъ Лауницъ не входитъ.

“Для усиленія полицейскихъ способовъ надзора и предосторожности, въ распоряженіе генерала Лауница представляются всѣ мѣстные средства. Къ нимъ могутъ быть присоединяемы, по его требованію, команды изъ расположеннаго въ сосѣдствѣ войска.

“О таковой высочайшей волѣ объявляю для надеждающаго, въ чемъ слѣдовать будетъ, исполненія.”

Военный губер. ген.-майоръ—Одинцевъ.

Вслѣдъ за тѣмъ, Лауницъ издалъ рядъ цѣлѣныхъ правилъ “въ видахъ предупрежденія несчастныхъ случаевъ отъ огня,” между прочими бравый генералъ нашелъ необходимымъ :

3) “Для болѣе успѣшнаго исполненія мѣръ предосторожности противъ пожаровъ, предложить городской думѣ и биржевому комитету : избрать изъ среды обывателей и торговцевъ, по каждому кварталу отдѣльно, *доверенныя* лица для *наблюденія за домами и лавками*, въ ихъ кварталѣ находящимися, предоставивъ имъ : а) Наблюдать за *чистотою и опрятностію внутреннихъ ихъ надзоровъ зданій*. б) По собственному своему усмотрѣнію и сообразно съ условіями мѣстности опредѣлить :—Какіе именно изъ *пожарныхъ инструментовъ*, заведеніе которыхъ не потребуетъ большихъ расходовъ (какъ-то : *топоры съ длинными ручками*, крюки, рычаги), долженъ имѣть у себя каждый изъ владѣльцевъ домовъ и разныхъ заведеній, и, по соглашенію съ ними, сдѣлать распоряженіе о заведеніи этихъ инструментовъ...

“По опредѣленію общаго собранія ярмарочнаго купечества, и съ утвержденія начальства, на ярмаркѣ соблюдаются нижеслѣдующія правила : 1) Въ лавкахъ гостиннаго двора огонь полагается только до пребитія зари (11 час. вечера). Исключеніе допускается только въ случаѣ тяжелой болѣзни торговца, или же его служащаго, подъ слѣдующими условіями : а) огонь долженъ быть въ лампадкѣ, и б) окна въ помѣщеніи не должны *плотно запыливатся или закрываться, въ нихъ должны быть устроены прорѣзы*, дабы освѣщеніе могло быть видимо *снаружи*, для того, чтобъ мѣстное начальство, въ случаѣ сомнѣнія, могло во всякое время удостовѣриться въ осторожномъ обращеніи съ огнемъ.4) Въ огневыхъ помѣщеніяхъ наблюдаются слѣдующія правила : а) въ аптекахъ огонь дозволяется во всякое время, но лабораторіи устраиваются въ *наименьшихъ размѣрахъ*; б) въ пекарняхъ и баняхъ огонь дозволяется такъ-же и ночью, но съ соблюденіемъ крайней осторожности; в) въ цирюльняхъ щипцы нагрѣвать, и какъ въ нихъ, такъ и въ дагеротипныхъ балаганахъ, разводить огонь *на спирту*, освѣщеніе же продолжать не далѣе 11 часовъ пополудни.... Для освѣщенія, кромѣ лампъ и лампадъ, употреблять свѣчи—только *восковыя и стеариновыя* въ подсвѣчникахъ, съ широкими поддонками. Освѣщеніе салными свѣчами на ярмаркѣ рѣшительно воспрещено.

“Вслѣдствіе распоряженія его высокопревосход. генерала отъ кавалеріи фонъ-деръ Лауница, объявляю во всеобщее свѣдѣніе :

“Всѣ лица *привилегированныхъ* сословій, которыя окажутся виновными въ буйственныхъ поступкахъ и въ нарушеніи общественнаго благочинія, порядка и спокойствія, будутъ заключаемы подъ арестъ и подвергаться высшей мѣрѣ этого взысканія.”

Военный губер. ген.-майоръ—Одинцевъ.

Эти документы не должны утратиться въ памяти людской. По нимъ можно ясно судить каково было правительство во время *тысячелѣтія*.

ПО ЭКЗАМЕНУ “ЕДИНИЦА.”

(По поводу вопроса о публичныхъ испытаніяхъ).

— Неужели вы моему брату поставили единицу?

— *Единицу*, ваше....ство.

— Представьте, господа, можно-ли было думать..... вся семья считала брата чуть не за генія. Какія нынче строгости !

Дѣйствительно, большая разница удивлять свою семью, свою дворню, подчиненныхъ папеньки и брата, домашнихъ учителей—и выдержать порядкомъ публичный экзаменъ. Публичныя испытанія—я всегда былъ того мнѣнія—должны дѣлаться приватно, тайно, а то вотъ видите что случилось съ *братомъ* Россіи; вѣдь публичный - то экзаменъ идетъ плохо. Большая разница между большимъ кораблемъ въ морѣ и большимъ городомъ въ Польшѣ. На кораблѣ все свои, кругомъ вода и въ ней цѣлое населеніе, нѣмое какъ *рыбы*; Варшава, (куда ее петербургская географія ни причисляй) въ Европѣ, все что тамъ дѣлается—извѣстно.....

— А что извѣстно? позвольте спросить.

— Вѣдь то-то и бѣда, что ничего, за это и *единица*. Ъхалъ генералъ Сухозанетъ—никто ничего не ожидалъ; Ъхалъ генералъ Ламбертъ—никто ничего не ожидалъ, даже смерти Герштенцвейга; Ъхалъ генералъ Лидерсъ—никто ничего не ожидалъ; выстрѣлить надобно было въ него, чтобъ его замѣтили.

Но назначеніе Константина Николаевича разбудило всю Европу; въ Америкѣ говорили-бы объ этомъ, если-бы Американцы не были заняты теперь дорѣзываніемъ другъ друга..... “Que diantre!” говорили Французы; “That is capital!” думали сказать Англичане. И мы приостановились..... ъдетъ наконецъ царскій братъ... слава богу... наконецъ-то отдохнетъ страдальца между народами (больше *отдыха* для нея мы не ждали); ея несчастія въ быломъ—найдутъ благочестивое уваженіе; ея справедливыя требованія будутъ признаны, взвѣшены..... Не взялъ-же бы на себя великой князь—глава прогресса въ петербургскомъ правительствѣ, самолюбивый и самонадѣянный, молодой, исполненный силъ и силы при дворѣ,—не взялъ-же бы онъ мѣсто какого-нибудь Паскевича, который не только жилъ, но и умеръ *ракомъ*.

А между тѣмъ

День Троицынъ проходитъ,

А лучше—нѣтъ какъ нѣтъ !

Хорошо, что Польша не снимала трауръ и не надѣвала “одежду алу.”

Въ самомъ дѣлѣ можно-ли было сыграть больше ничтожную роль какъ это сдѣлалъ великій князь? Великая княгиня, женщина, и та съ своей стороны больше сдѣлала—она по крайней мѣрѣ дала жизнь маленькому Вацлаву.

Знаете-ли что изъ этого выходитъ?... Что Александръ, посылая брата, Константина, отправляясь по его приказанію

въ Варшаву, вовсе не имѣли никакой опредѣленной мысли, цѣли, плана—одинъ не зналъ зачѣмъ именно онъ носылаеть, другой не зналъ зачѣмъ ѣдетъ.... Что нибудь да будетъ моль!

За *незнаніе*-то и ставятъ *единицу*.

Пока есть время и экзамены не кончились, берите-ка другой билетъ. Если только возможно, экзаменаторъ сдѣлаетъ изъ *единицы*—два.

КАДЕТСКІЕ КОРПУСА.

(Продолженіе).

Изъ персонажа 1-го корпуса замѣчательнѣе всѣхъ — офицеръ Малиновскій - существо топорной работы, немного ниже средняго роста, коренастое, съ грудью выдавшеюся впередъ, узенькими, сверкающими глазами, которые смотрятъ въ противоположныя другъ другу стороны и по волѣ ихъ обладателя принимаютъ, смотря по обстоятельствамъ, то иѣжное, душеспасительное, то грубо страстное, то грозно, невѣжественное выраженіе; черные, усы туго нафробранные, жесткіе какъ щетина, широкія щеки и выдавшіяся скулы заросли густымъ чернымъ волосомъ, круглый подбородокъ также покрытъ волосами и только на самой срединѣ его пробить небольшой кружокъ величиною въ монету 30 коп. Съ перваго взгляда его, обросшее шерстью, лице немного напоминаетъ покойнику Юлію Пастраиу. Малиновскій принадлежитъ къ числу тѣхъ типовъ, подмѣченныхъ Гоголемъ, надъ которыми природа немного трудилась, не употребляла въ дѣло никакихъ мелкихъ инструментовъ, а выдѣлавъ коѣ какъ лице, похожее на человѣческое, съ словомъ : *живетъ* пустила на свѣтъ Божій. Вся фигура Малиновскаго носитъ на себѣ отпечатокъ фронтоваго образованія. Большой палецъ его правой руки, изъ подражанія покойному благодѣтелю военно учебныхъ заведеній, Михайлу Павловичу, постоянно заложенъ за вторую пуговицу, и когда Карлъ Николаевичъ задаетъ распекацію какому нибудь воспитаннику, то все его туловище трясется отъ злости, а остальные 4 пальца съ силой болтаются по воздуху; рука его такъ и рвется *заушить* подвластнаго ему мальчика. Малиновскій незадумался бы, непременно удовлетворилъ бы своему аппетиту : “давать пощечины” да вотъ бѣда! “какъ это Орестъ Семеновичъ приметъ!?... пожалуй, чего добраго, разсердится, и тогда за всякую сволочь, *дрень*,* еще придется отвѣчать!”... Послѣ такого разсужденія онъ схватить, и безъ того раздраженнаго, мальчика за шиворотъ и поставить носомъ въ уголъ. Воспитанникъ не вслахъ болѣе владѣть собою : онъ, заливаясь слезами протестуетъ противъ такого оскорбительнаго обращенія съ нимъ. Но Малиновскому только того и нужно было : “А! ты еще, мальчишка, осмѣливаешься разсуждать!..... Пойдемъ къ батальонному командиру. Г. Элліотъ, выслушавъ обильныя обвиненія, читаетъ воспитаннику отеческія внушенія, какъ на пр : “Вы огорчаете своихъ родителей!... какъ вамъ не стыдно, что вы за всѣ многотрудныя объ васъ заботы вашихъ воспитателей платите такую черною неблагодарностію! вѣдь вы не нагробите своимъ родителямъ!?... а воспитатели ваши заступаютъ вамъ здѣсь мѣсто родителей!.... Помните только то, что вы не въ какой нибудь гимназій, куда принимаютъ всякой сбродъ, а въ кадетскомъ корпусѣ, въ кругу дѣтей благородныхъ родителей !.... Въ особенности въ нашемъ

корпусѣ воспитываются преимущественно полковническіе и генеральскіе дѣти... (иѣжно) наконецъ ихъ величество и ихъ высочества оказываютъ такое лестное вниманіе нашему корпусу!... вспомните, (съ умиленіемъ) что Августѣйшія дѣти ихъ Величества стоятъ у насъ во фронтѣ!.....”*

Воспитанникъ не понимаетъ въ чемъ дѣло, къ чему клонится рѣчь его старика-начальника... онъ сознаетъ только то, что Малиновскій выдумалъ на него цѣлую исторію : онъ хочетъ передать истину; но съ одной стороны Малиновскій, звѣрски посматривая на него, присоединяетъ новыя и новыя обвиненія, а съ другой, Элліотъ, замѣчая, что рѣчь его не произвела должнаго вліянія на мальчика, кричитъ : “молчать! я вамъ говорю, милостивый государь, извольте молчать. Какъ вы смѣете разсуждать въ присутствіи старшихъ!... (обращаясь къ Малиновскому) да онъ въ самомъ дѣлѣ дерзкій мальчикъ!... я доложу объ немъ ихъ превосходительству Оресту Семеновичу, г. директуру корпуса.” Развязка обыкновенная : воспитанника, во имя военной дисциплины, высѣкутъ, а Малиновскій виѣ себя отъ восторга, закручивая свои щетинистые усы, горделивой поступью расхаживаетъ по ротѣ и съ высоты своего капитанскаго достоинства презрительно сморгить на все окружающее... По вотъ вамъ Малиновскій при другой обстановкѣ : Предъ нимъ стоитъ начальникъ. Позднѣе въ одно мгновеніе превратился въ немъ въ Павла Ивановича Чичикова. Даже большой палецъ его правой руки измѣняетъ своей привычкѣ, неторчитъ за пуговицей, а почтительно спустился и лежитъ вдоль канта панталонъ. Все лице его принимаетъ вѣрнопопданный, внушающій состраданіе видъ, оно такъ и хочетъ сказать : *Боже мой!... какъ я люблю этихъ мальчиковъ!... Сколько силъ, здоровья, цвѣтущей молодости я принесъ въ жертву своей 20-ти лѣтней службѣ, на пользу такого святого дѣла, каково воспитаніе юношества!.....*

Фонъ-деръ-Вейде (командиръ иераижированной роты) человѣкъ съ приличными маперами и притомъ слезливый, благодаря своему иностранному происхожденію, попалъ въ большія милости начальства. Каждое лѣто его командируютъ, въ качествѣ главнаго начальника, съ больными воспитанниками отъ всѣхъ военно учебныхъ заведеній на дачу въ Парголово, гдѣ онъ поправляетъ ихъ здоровье тухлой говядиной, прокислымъ молокомъ, занесневѣлымъ хлѣбомъ и проч. Вслѣдствіе экономической діэты больные кадеты прошедшимъ лѣтомъ† тратили свои послѣдніе гроши, другіе бѣгали по окрестнымъ дачамъ и выпрашивали себѣ что нибудь поѣсть. Всевозможные протесты постоянно раздавались въ столовой залѣ; но командиръ, погруженный въ свои пріятныя думы, съ стоическимъ равнодушіемъ смотрѣлъ на ожесточеніе проголодавшихся юношей. Докторъ Салашенко только пыхтѣлъ, да поплеывая на свою карманную щеточку, молча причесывалъ усы;... Наконецъ прошли для фонъ-деръ-Вейде и его пріятеля Салашенко скучные мѣсяцы испытанія и наступилъ праздникъ жатвы : въ 1-хъ числахъ Сентября воспитанники возвратились въ Петербургъ. “Какъ быть!... нѣкоторымъ наиболѣе *непокорнымъ* воспитанникамъ надобно задать страху за ихъ дерзкія продѣлки въ Парголовѣ, а не то они, пожалуй, выведутъ все на чистую воду!” Такъ разсуждалъ Вейде, по пріѣздѣ на свою Петербургскую квартиру. Г. Вейде

* Это правоученіе полковника Элліота передано мною слово въ слово.

† Писано въ 60, или 61 году.—Ред.

* Слово “дрень” Малиновскій выговариваетъ : “дрень”

искусно воспользовался своими родственными отношеніями къ командовавшему въ то время баталіономъ Савельеву 1-му и съ помощію сего “индивидуума” превратилъ свою иватуру въ 3-е отдѣленіе. Два одинадцати-лѣтніе мальчика подѣлкой солдатскихъ ударовъ показали : что ихъ подбучали кричать “*воръ*”—воспитанники старшихъ ротъ Радижевскій, Добричъ и другіе.

Основываясь на вымученномъ показаніи упомянутыхъ мальчиковъ, корпусное начальство назначило Радижевскаго къ исключенію въ юнкера. Это вывело изъ терпѣнія одного изъ прикомандированныхъ къ корпусу офицеровъ поручика Хамеца, который былъ очевидцемъ продѣлокъ г. Фонъ-деръ-Вейде въ Парголовѣ. Г. Хамецъ написалъ къ придворному *chevalier*, генералъ адъютанту Путятѣ письмо, въ которомъ онъ подробно изложилъ всѣ приведенныя мерзости въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ; но Путята по чувству своей пріязни къ г. Лихонину положилъ письмо Хамеца подѣ сукно, а между тѣмъ шепнулъ на ухо своему пріятелю : “что дескать у тебя открылся беспокойный офицеръ. Проходитъ мѣсяць”, и Хамецъ, провѣдавъ въ чемъ дѣло, отправился къ главному начальнику, военно-учебныхъ заведеній. Эвергическое слово Хамеца пробудило искру человѣческаго чувства въ великокняжеской особѣ. Такова завязка слѣдственнаго дѣла въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ. Михаилъ Николаевичъ, оставшись на свободѣ въ своемъ кабинетѣ, дошелъ “собственными своимъ умомъ” до слѣдующихъ умозаключеній, которыя обнаружились въ данной имъ инструкціи назначенному слѣдователемъ по этому дѣлу генералу Желтухину :

“Если допустить къ свидѣтельству постороннихъ лицъ корпусу, (на пр. родителей воспитанниковъ и вообще людей знающихъ продѣлки Малиновскаго, Фонъ-деръ-Вейде и другихъ), то это будетъ *деморализировать* (!?) корпусъ, а потому предписываю, кромѣ служащихъ лицъ при корпусѣ никого не призывать къ дѣлу.” Между тѣмъ Лихонинъ и клеветы его не дремали, чѣмъ лучше всего видно изъ слѣдующаго письма поручика Харзеева къ капитану пажекаго корпуса Гринкевичу (отъ 20-го Декабря 1861 года).

Милостивый Государь!

Антонъ Аполлоновичъ!

“Мнѣ кажется, что мое арестованіе имѣетъ большую связь съ тѣмъ дѣломъ, въ изслѣдованіи котораго вы принимали участіе; а потому я обращаюсь къ вамъ, какъ къ человѣку, для котораго идея правды не есть пустое отвлеченіе, а напротивъ составляетъ весь смыслъ его жизни!... Я прошу васъ, Антонъ Аполлоновичъ, объясните генералу Желтухину о содержаніи моего письма къ вамъ, и я надѣюсь, что онъ съ воей стороны не откажетъ мнѣ, по крайней мѣрѣ, въ добромъ совѣтѣ.

2-й мѣсяць, какъ я арестованъ директоромъ корпуса домашнимъ арестомъ, и не знаю основательно причины моего заключенія на такой продолжительный срокъ. Мнѣ извѣстно только то, что меня арестовали чрезъ нѣсколько недѣль послѣ того, какъ я высказалъ баталіонному командиру что “*капитанъ Малиновскій дѣйствуетъ подло въ отношеніи воспитанниковъ*”, и именно, въ тотъ день, когда я былъ призванъ къ допросу въ качествѣ свидѣтеля по извѣстному вамъ дѣлу. Я не спорю, что Директоръ корпуса имѣлъ свое, хотя и весьма слабое, основаніе на мой арестъ; но сомнѣваюсь въ томъ, чтобы онъ съ достаточною справедливостію оцѣнилъ

степень моихъ ошибокъ по исполненію служебныхъ обязанностей. По моему убѣжденію, генералъ Лихонинъ основалъ свое мнѣніе о моемъ “*уклоненіи отъ службы*” единственно на словахъ капитана Малиновскаго. Я не войду въ разборъ на сколько г. директоръ могъ довѣрять словамъ этого человѣка, но изложу вамъ подробно всѣ обстоятельства дѣла, которыя и безъ моихъ коментарій громко говорятъ сами за себя :

Въ Сентябрѣ мѣсяцѣ донесеніе поручика Хамеца о злоупотребленіяхъ въ корпусѣ начальнику штаба генералъ-адъютанту Путятѣ сдѣлалось гласнымъ. Капитанъ Малиновскій, какъ обвиняемый, разумѣется зналъ объ этомъ лучше всѣхъ. Въ половинѣ Октября мнѣ представился случай высказать канитану Малиновскому, что онъ далъ фельдфебелю и унтеръ-офицерамъ право наказывать кадетъ, между тѣмъ какъ педагогическій комитетъ уничтожилъ это право. Проходитъ недѣля и канитанъ Малиновскій летитъ на меня съ жалобой къ полковнику Эллиоту; обвиненіе состояло въ томъ что *я отзываюсь съ неуваженіемъ о фронтѣ, что я сливаю команду на-пра-во* и проч. въ этомъ родѣ. До такихъ умозаключеній канитанъ Малиновскій вѣроятно дошелъ собственнымъ своимъ умомъ, ибо поводомъ къ жалобѣ капитана было слѣдующее : въ частномъ разговорѣ я выказалъ ему : что наказанія безъ 2-хъ блюдъ, или выставка воспитанника къ столбу — наказанія не соразмѣрныя съ проступкомъ : “*шевеленіе во фронтѣ*”.

—“Кто-же, употребляетъ такіа наказанія!”

—“Да вы-же, Карлъ Николаевичъ!”

Тѣмъ и кончился нашъ разговоръ.

Только 15-го Ноября, я былъ приглашенъ форменной запиской явиться къ директору корпуса. Первые слова генерала были слѣдующія : “*Какъ вы могли сказать о своемъ ротномъ командирѣ, что онъ дѣйствуетъ подло, не имѣя на то никакихъ фактическихъ доказательствъ!*”... Я далъ прочесть директору мои письменные отвѣты на предложенные мнѣ допросные пункты, тогда генералъ замѣтилъ : “почему я не донесъ ему объ этомъ.” Баталіонный командиръ съ своей стороны присоединилъ обвиненіе, “что я три года тому назадъ, бывши еще прикомандированнымъ къ корпусу, плюнулъ во фронтъ”. Вотъ все, что я знаю о тѣхъ разумныхъ вачалахъ, на которыхъ было основано мое арестованіе. 22-го Ноября я былъ опять приглашенъ къ Директору корпуса и долженъ былъ выслушать новыя на меня обвиненія, которыя на этотъ разъ были уже политическаго содержанія и носили на себѣ печать творческой фантазіи, вѣроятно, кого нибудь изъ приближенныхъ генералъ-лейтенанта, Лихонина, или его низкопоклонниковъ. Обвиненія были слѣдующія : “*что будто бы я подговаривалъ кадетъ не отвѣчать великому князю “здравія желаю”, а только поклониться, что я участвовалъ во всѣхъ сходкахъ студентовъ и проч.*” Я просилъ директора повѣрить мнѣ тѣ источники, изъ которыхъ онъ почерпнулъ такіа важныя открытія, но онъ рѣшительно отказался посвятить меня въ эти таинства...

Примите увѣреніе и проч.....

Допросные пункты, предложенные г. Харзееву, состояли въ слѣдующемъ :

копія.

Поручнику 1-го кадетскаго корпуса Харзееву

Требуется объясненій по пунктамъ, по поводу показаній поручика Хамеца, въ которыхъ значится :

1) Что вы можете свидетельствовать, что капитанъ Малиновскій въ присутствіи вашемъ и всей роты дозволилъ себѣ громко ругать музыканта по матерно.

Капитанъ Малиновскій весьма часто ругаетъ солдатъ въ присутствіи воспитанниковъ по матерно, при чемъ приставляетъ кулаки къ лицу солдата. Кромѣ того, капитанъ Малиновскій ругаетъ кадетъ слѣдующими выраженіями: “сволочь”, “мерзавецъ”, какъ на пр. онъ обругалъ Ефр. Вознесенскаго въ присутствіи всѣхъ его товарищей. Я былъ также два раза очевидцемъ слѣдующей сцены: капитанъ Малиновскій кричалъ на всю роту, “Дежурный лакей дай веревку!” и онъ привязывалъ воспитанника къ дивану, несмотря на то, что мальчикъ плакалъ на взрыдъ. Сколько я помню вся вина воспитанника состояла въ томъ, что онъ ушелъ безъ спроса въ лазаретъ.

2) Что капитанъ Малиновскій, взявъ у воспитанника Гаюса серебряную печать для опечатыванія книгъ, присвоилъ ее себѣ, за что воспитанники роты: его величества и 4 й кричали ему: “воръ”.

Капитанъ Малиновскій, взявъ у воспитанника Гаюса печатку въ серебряной оправѣ, не возвращалъ ее три года, несмотря на то, что Гаюсъ по переходѣ въ другую роту нѣсколько разъ просилъ капитана Малиновскаго вернуть ему печатку. Гаюсъ, вѣроятно, объявилъ объ этомъ кадетамъ старшихъ ротъ, потому что когда капитанъ Малиновскій проходилъ по корридору, то кадеты 4-й роты и роты его величества кричали ему вслѣдъ: “воръ Малиновскій! отдай печатку Гаюса!” Только на дняхъ капитанъ Малиновскій (когда началось слѣдственное дѣло) отдалъ означенную печатку воспитаннику Гаюсу.

3) Что вы можете свидетельствовать объ общемъ голосѣ, какъ воспитанниковъ такъ и офицеровъ, что капитанъ Малиновскій причастенъ къ мужеложству. (См. прим. 2 е).

4-й годъ я служу въ корпусѣ и въ продолженіе всего этого времени не прекращался общій говоръ, какъ воспитанниковъ такъ и офицеровъ, что капитанъ Малиновскій развращаетъ нѣкоторыхъ кадетъ. Невозможно представить положительныхъ данныхъ, по которымъ бы можно было явно уличить капитана Малиновскаго въ означенномъ преступленіи; на пр. поручикъ Браккеръ (офицеръ роты капитана Малиновскаго) 7½ лѣтъ развращалъ воспитанниковъ и только на 8-й годъ его службы при корпусѣ случай открылъ его преступленіе. Впрочемъ, есть нѣкоторыя обстоятельства, которыя подтверждаютъ общее мнѣніе, что капитанъ Малиновскій, причастенъ къ мужеложству: 1) рядовой Михельсонъ, который два слишкомъ года (съ 1855 по 1857 годъ) находился вмѣсто денщика въ услуженіи у капитана Малиновскаго, рассказывалъ “что стлались двѣ постели въ одной комнатѣ: одна постель для капитана Малиновскаго, а другая для воспитанника, П....., послѣ чего капитанъ малиновскій заперся съ П..... въ комнатѣ, а Михельсона отправлялъ на его квартиру. Считаю не лишнимъ упомянуть, что Михельсонъ извѣстенъ своею честностію въ корпусѣ и вѣроятно, при допросѣ, онъ не скроетъ ничего, что можетъ служить къ открытію истины. 2.) Одинъ разъ я велъ съ П..... разговоръ объ одномъ литературномъ сочиненіи въ присутствіи капитана Малиновскаго. Капитанъ Малиновскій высказалъ какое то свое мнѣніе, какъ мнѣ кажется, довольно странное; П..... въ досадѣ ему отвѣчалъ: “Да что вы вмѣшиваетесь Карлъ Николаевичъ,

когда вы объ этомъ понятіи не имѣете!” Меня поразило, что капитанъ Малиновскій послѣ такого отвѣта сказалъ только: “ну ужъ вы и разсердились!” между тѣмъ, какъ капитанъ Малиновскій отличается своимъ раздражительнымъ характеромъ и мелочнымъ самолюбіемъ.

Словомъ отношенія капитана Малиновскаго къ г. П..... были, по общему мнѣнію, весьма подозрительны и рѣзко отличались отъ его отношеній къ другимъ воспитанникамъ. Первое время моей службы при корпусѣ я старался объяснить эту загадку симпатіею капитана Малиновскаго въ воспитаннику П....., но чѣмъ больше я знакомился съ характеромъ капитана Малиновскаго, тѣмъ болѣе такое объясненіе оказывалось несостоятельнымъ, и я невольно перешелъ на сторону общаго голоса.

Дополнительный пунктъ. Назвать фамиліи воспитанниковъ, которыхъ капитанъ Малиновскій привязывалъ веревкой къ дивану, и солдата, подававшего веревку. (См. прим. 3-е).

Одинъ изъ воспитанниковъ, которыхъ капитанъ Малиновскій привязывалъ веревкой къ дивану былъ Бѣлановскій; но кто именно изъ солдатъ былъ въ то время дежурнымъ и подавалъ веревку капитану Малиновскому, я не обратилъ вниманія. Кажется этотъ солдатъ былъ рядовой Мухинъ; но, впрочемъ, положительно утверждать не могу. Кромѣ того капитанъ Малиновскій прибѣгалъ къ слѣдующей педагогической мѣрѣ: онъ надѣвалъ веревку воспитаннику на горло и велъ его впереди всей роты, какъ это случилось съ воспитанникомъ Фокомъ. Въ чемъ состоялъ проступокъ означенныхъ воспитанниковъ я хорошо не помню, но знаю только то, что эти проступки не выходили изъ разряда обыкновенныхъ дѣтскихъ шалостей. Подобнаго рода наказанія капитанъ Малиновскій употреблялъ сплошь и рядомъ, а потому трудно упомянуть до малѣйшей подробности всѣ такіе случаи.

Наконецъ я ссылаюсь на свидетельство поручика Гржимайло (прикомандированнаго къ Николаевской академіи генеральнаго штаба), который въ продолженіи своей службы при 1-мъ кадетскомъ корпусѣ и состоя въ другой ротѣ, видѣлъ въ ротѣ капитана Малиновскаго воспитанниковъ, которые во время стола, и слѣдовательно въ присутствіи воспитанниковъ всего корпуса, стояли у столба и были опутаны веревкой.

Члену совѣта военно-учебныхъ заведеній, господину генералъ-лейтенанту и кавалеру Желтухину

1-го Кадетскаго корпуса,

Поручика Харзеева

Репортъ.

Въ доказательство справедливости моего показанія, что капитанъ Малиновскій привязывалъ веревкой воспитанниковъ, я ссылаюсь на свидетельство поручика 5-го стрѣлковаго баталіона Борейша (прикомандированнаго къ Л. Гв. Финляндскому полку). Поручикъ Борейша при допросѣ, и увѣренъ, укажетъ и другихъ лицъ, бывшихъ свидѣтелями упомянутой мѣры наказанія, которую капитанъ Малиновскій употреблялъ сплошь и рядомъ. Въ дополненіе къ моимъ показаніямъ относительно предложеннаго мнѣ допроснаго пункта: “что я могу свидетельствовать объ общемъ голосѣ, какъ воспитанниковъ, такъ офицеровъ, что капитанъ Малиновскій причастенъ къ мужеложству” я имѣю честь донести вашему превосходительству: 1) что на столовыхъ ложкахъ было нацарапано: “П..... П..... б... Малиновскаго” и 2) когда

означенные воспитанники проходили по корридору мимо 4-й роты, то воспитанники постоянно кричали имъ вслѣдъ тоже самое, о чемъ можетъ свидѣтельствовать штабсъ-капитанъ 1-го кадетскаго корпуса Усовскій. Донося о семъ вашему превосходительству, я имѣю честь покорнѣйше просить снять показаніе съ означенныхъ офицеровъ.

Поручикъ Харзеевъ.

(Окончаніе въ слѣдующемъ листѣ).

ЕЩЕ ВРЕМЕННО ОБЯЗАТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

М. Н. П.
ОСОБЕННАЯ КАНЦЕЛЯРІЯ
МИНИСТЕРСТВА.

(Циркулярно).

19 Апрѣля 1862.
No. 2.

ГОСПОДИНУ ПРЕДСѢДАТЕЛЮ МОСКОВСКАГО
ЦЕНЗУРНАГО КОМИТЕТА.

*Изъ непремьному
руководству сооб-
щить всѣмъ ценсо-
рамъ.*

По случаю извѣстной вашему пре-
восходительству отмѣны въ Марѣ сего
года, пѣкоторыхъ специальныхъ цен-
зуръ, считаю нужнымъ сообщить вамъ
для руководства нижеслѣдующее извле-
ченіе изъ предписанія, дапнаго г. воен-
нымъ министромъ, 7-го текущаго Апрѣля, главному редактору
“Военнаго Сборника” генералъ-маіору Линькову.

“На основаніи высочайше утвержденного преобразованія
цензурнаго управленія, назначенныя отъ разныхъ вѣдомствъ
довѣренныя лица для пересмотра статей помѣщаемыхъ въ
журналахъ, книгахъ и во всѣхъ вообще сочиненіяхъ, касаю-
щихся этихъ вѣдомствъ, отмѣнены.

“Съ упраздненіемъ специальной цензуры, всѣ военныя
изданія правительственныхъ учрежденій должны, на будущее
время, лежать на отвѣтственности военнаго министерства.

“На основаніи сего, веденіе редактируемаго вами журнала
“Военный Сборникъ”, я возлагаю на личную отвѣтствен-
ность вашего превосходительства передъ военнымъ министр-
ствомъ, какъ въ отношеніи выбора статей, согласно высочайше
утвержденной для журнала программы, такъ направленія и
духа оного”.

До заявленія общихъ цензурныхъ постановленій, для
составленія которыхъ, по высочайшей волѣ, образована
особая коммиссія при министерствѣ народнаго просвѣщенія,
я не нахожу возможнымъ дать вамъ точныхъ и опредѣли-
тельныхъ правилъ, на основаніи которыхъ долженъ быть
веденъ редактируемый вами журналъ, и ограничусь въ насто-
ящее время указаніями лишь на главнѣйшія изъ оныхъ :

Въ редактируемомъ вами журналѣ не должны быть допус-
каемы :

1. Статьи оскорбительныя для чести рускаго войска.
2. Статьи, могущія поколебать понятіе и уваженіе къ дисциплинѣ, мнѣнію, подрывающія уваженіе подчиненныхъ къ лицамъ начальствующимъ, ослабляющія довѣріе къ правительству.
3. Въ статьяхъ, относящихся до арміи и военной администраціи, вообще не допускать ничего противнаго тому значенію, которое наша армія имѣетъ по законамъ въ государствѣ; ничего, могущаго ослабить уваженіе публики къ нашему военному сословію, и никакихъ предосудительныхъ сравненій съ иностранными народами, не согласными съ установленною формою нашего правленія.

Статьи обсуждающія правительственныя учрежденія или предположенія, могутъ быть допускаемы на страницахъ “Военнаго Сборника” только такія, которыя будучи проникнуты истиннымъ званіемъ дѣла, съ должною умѣренностію и приличіемъ указывая на недостатки учрежденія, были-бы изъяты отъ всякихъ указаній на личности, и вмѣстѣ съ тѣмъ предлагали-бы разумныя мѣры къ устраненію существующаго зла.

4. Въ статьяхъ полемическихъ избѣгать всякаго рода неприличныхъ преній, отклоняющихся отъ цѣли и предмета, избраннаго для обсужденій.

5. “Военный Сборникъ”, какъ журналъ, издаваемый по волѣ правительства, долженъ неуклонно слѣдовать высочайше утвержденной для журналовъ программѣ.

6. Въ сомнительныхъ случаяхъ и затрудненіяхъ къ напечатанію замѣчательныхъ въ какомъ-либо отношеніи статей специальныхъ и неспециальныхъ, ваше превосходительство должны испрашивать всякій разъ моего особаго разрѣшенія.

Управ. министер. Статсъ-Секретарь С. Головинъ.

Правитель особой канцеляріи Предсѣдатель Янкевичъ.

— Извлеченіе изъ отношенія гг. министровъ къ управляющему министерствомъ народнаго просвѣщенія по поводу цензурныхъ упущеній, замѣченныхъ ими въ періодическихъ изданіяхъ.

1. Выписка изъ отношенія г. министра внутреннихъ дѣлъ отъ 13 Марта 1862 г. за No. 1717. Въ No. 51 “С.-Петербургскихъ Вѣдомостей” напечатана статья мирового посредника Одесскаго уѣзда, г. Альбрандъ “образчикъ рѣшенія одноа изъ вопросовъ по крестьянскому дѣлу”. Статья эта заключаетъ въ себѣ порицаніе постановленій губернскаго по крестьянскому дѣлу присутствія, относительно требованія повинностей въ пользу помѣщиковъ съ временно-обязанныхъ крестьянъ, надѣленныхъ одною только усадьбою землею.

Находя это неудобнымъ, министръ проситъ сдѣлать распоряженіе о недопущеніи такихъ статей.

2. Выписка изъ отношенія г. военнаго министра отъ 9-го Апрѣля 1862 г. за No. 365. Въ 35-мъ No. газеты “Сѣверная Пчела”, 29 Марта напечатанъ протестъ редактору “Военнаго Сборника” отъ 106 офицеровъ.

Того-же числа напечатана въ 69-мъ No. “С.-Петербургскихъ Вѣдомостей” корреспонденція изъ Варшавы, въ которой нѣкто Алексѣй Телятниковъ, отъ имени всего общества офицеровъ тамошняго инженернаго округа, проситъ редакторовъ газетъ стать посредниками между ними и студентами и увѣдомить къ кому можно будетъ выслать депѣги, собранныя офицерами по подпискѣ, для вспомошествованія бѣднымъ студентамъ.

Не изволите-ли признать возможнымъ, чтобы редакторы газетъ и журналовъ не помѣшали въ нихъ подобныхъ протестовъ и писемъ.

3. Выписка изъ отношенія г. министра внутреннихъ дѣлъ отъ 7 Апрѣля 1862 г. за No. 30. Въ газетѣ “Сѣверная Пчела” отъ 1 Апрѣля за No. 88, въ статьѣ подъ заглавіемъ *Убѣдныя сберегательныя кассы*, при указаніи на затруднительныя вообще для нашего народа формальности при сношеніи съ правительственными учрежденіями, значится слѣдующее: “Услужливое посредничество является въ видѣ, страшнаго для мужика, чиновника. Извѣстно, что памъ легче получить

письма съ мыса Доброй Надежды, чѣмъ крестьянину въ деревнѣ получить вѣсть изъ ближняго города. Потомъ онъ (крестьянинъ) принужденъ отъ придирокъ чиновника откупаться.”

Мин. Внут. Дѣлъ, находитъ въ этой статьѣ обвиненіе цѣлаго сословія, возбужденіе ненависти къ нему и неуваженіе къ пароду.

4. Выписка изъ отношенія г. министра внутреннихъ дѣлъ отъ 11 Апрѣля 1862 г. за №. 218. Въ 94-мъ №. газеты “Сѣверная Пчела” (7 Апрѣля 1862 г.) перепечатана изъ газеты “Промышленность” статья: “О выкупномъ положеніи. Записка, читанная въ С.-Петербургскомъ чрезвычайномъ собраніи, въ Январѣ 1862 г. М. Павловымъ.”

Эта статья заключаетъ самыя рѣзкіе отзывы о высочайше утвержденномъ положеніи 19 Февраля 1861 г. Въ ней говорится, что положеніемъ *разъединены* права собственности, что неопредѣлительность правилъ и сохраненіе обязательнаго отношенія крестьянъ къ владѣльцамъ должны будутъ естественно повести къ *недоброжелательствамъ* и *разъединенію* сословій, и что необходимо положить конецъ *неопредѣлительности имущественныхъ правъ*, что выкупъ *неосуществится*, что выкупное положеніе *несправедливо* и т. п.

По смыслу высочайшаго повелѣнія 8 Марта §VI. всякія статьи, направленныя противъ сущности и дѣйствій закона, должны-бы быть подводимы цензурою подъ разрядъ сомнительныхъ, о которыхъ слѣдуетъ спрашивать мнѣнія подлежащихъ вѣдомствъ. Означенныя-же статьи не только сомнительны, но и прямо подлежали-бы запрещенію на основаніи высочайшаго повелѣнія (*сборникъ распоряженій по цензурѣ съ 1828 по 1862 г. стр. 53*), когда порицаніе въ самое критическое время и т. д.

5. Выписка изъ отношенія министра внутреннихъ дѣлъ отъ 13 Апрѣля 1862 г. за №. 323. Въ №. 96-мъ “Сѣверной Пчелы” 11 Апрѣля сего года помѣщенъ въ передовой статьѣ разборъ отчета министерства юстиціи за 1860 годъ, въ которой авторъ безъ доказательствъ, и притомъ въ самыхъ неприличныхъ и желчныхъ выраженіяхъ, обвиняетъ нашу юстицію въ крайнихъ злоупотребленіяхъ, а критика его внушаетъ неуваженіе къ судебнымъ мѣстамъ. Предпосылая общее сужденіе, что юстиція, допускающая незаконные поборы, не стоитъ ни гроша, только развращаетъ народонаселеніе, авторъ *очевидно* метилъ на нашу юстицію и признаетъ нашу систему правосудія никуда не годною.

Иходя *неумѣстнымъ* допущеніе въ печати и въ особенности въ весьма распространенныхъ газетахъ, статьи наполненныя бранью и клеветою на наши судебныя учрежденія, имѣю честь сообщить вашему высокопревосходительству къ усмотрѣнію.

С М Ъ С Ъ.

— *Барыня Чертова и госпожа Сухтина.* — Мы получили изъ Москвы письмо (очень опоздавшее), въ которомъ описываютъ порядки, введенные въ московскихъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ нѣкоей *Сухтиной*. Сухтина эта нѣчто въ родѣ Аракчеева при Чертовой; она ее назначила начальницей Петровскаго пансіона. Сухтина ввела рядъ мелкихъ стѣсненій и прекрасный обычай доносовъ и наушничества, умныя мѣры ее увѣнчались слѣдующимъ событіемъ: “Восьмилѣтняя дѣвочка Федорова, воспитанница перваго класса,

утащила у своей старшей сестры флаконъ съ духами. Оказалось, что духи эти были чужіе, старшая сестра разсердилась на нее за это и сказала класной дамѣ, а та передала начальницѣ. Сухтина *выскла* за эту шалость ничего не понимающую дѣвочку и приказала ей на колѣняхъ просить прощенія у сестры и у той воспитанницы, чьи были духи. Это страшно подѣйствовало на дѣвочку! Вся въ слезахъ, она убѣжала изъ комнаты, а ночью, когда уже всѣ улеглись, она повѣсилась въ дортуарѣ на вѣшалкѣ. Къ счастью вѣшалка не выдержала, обломилась и она упала. На стукъ сбѣжались воспитанницы: Федорова начала уже приходить въ себя, но храпѣла еще и лицо было страшно сине. Явилась Сухтина и, увидавъ какой оборотъ приняло дѣло, струхнула, увела Федорову въ свою комнату и просила ее старшую сестру не писать къ отцу объ этой “*глупости*” (собственное выраженіе Сухтиной). Съ той-же самой просьбой она обратилась и къ *прочимъ* воспитанницамъ, а, чтобы окончательно застраховать себя, велѣла приносить къ себѣ всѣ письма, которыя будутъ приходить въ заведеніе или посылаться изъ него. Чертова, которой передали все это, не подумала обратить никакого вниманія и не сказала ни одного слова Сухтиной.

— *Ей богу надоѣло.* — Полицейскіе царства животнаго бѣсятся въ самые каникулы, горячія головы III отдѣленія немного позже.

Прошлой осенью, пажы Шувалова ругались письменно и общались извести насъ. Нынѣшній годъ, только что Августъ началъ проходить, опять явились безыменныя письма съ ругательствами и угрозами. Въ послѣднемъ письмѣ (брошенномъ на почтѣ въ Лондонѣ), свирѣпый безымянникъ общается “*пустить мнѣ пулю въ лобъ*”.

Это изъ рукъ вонъ скучно, выдумайте что нибудь умнѣе, новое, другое и если въ самомъ дѣлѣ непременно нужно “*пустить мнѣ пулю въ лобъ*”, пускайте ее безъ письма. Тутъ есть шансъ что вы промахнетесь, а письмо всякой разъ достигаетъ цѣли. Поучитесь какъ порядочные люди стрѣляютъ. Русскій, хотѣвшій отомстить своихъ товарищей, пустилъ пулю Лидерсу въ челюсть, безъ всякихъ писемъ и ругательствъ.

Потаповъ—en bonne guerre—если это отъ васъ зависитъ, уймите вашихъ палачей. Это не достойно вашего прекраснаго заведенія; они меня подвергаютъ этимъ вовсе не пулямъ, а Шедо-Фероттамъ и Катковымъ*. И такое-ли теперь время, чтобъ шутить! вы всѣ слишкомъ въ крови, около васъ слишкомъ много слезъ.—II—P1.

— Ah les misérables! (*Гюго и Бекль*). — Представьте себѣ, что наши мизерабли запретили Романъ Гюго! Что-же дѣлалъ при этомъ нашъ Роландъ, нашъ министръ прогресса? О Головинъ, Головинъ!.. И онъ какъ Дѣва орлеанская скоро заплачетъ, что промѣнялъ “мирныя нивы и поля” на министерскій станъ, что изъ Менторовъ—одного Телемака, сдѣлался Менторомъ всей Итаки. Имъ вѣрно не понравилось описаніе парижскихъ клоакъ, они это приняли за личность.

Но это не все, “Исторія цивилизаціи Бѣкля”, эта спокойная, благородная книга—и она запрещена.—Какое жалкое и гадкое варварство.

* Статью Каткова въ “Рус. Вѣст.” мы прочли. Отвѣчать на нее мы не станемъ. Кто изъ насъ правъ—пусть рѣшитъ общественное мнѣніе.

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи, 136 & 138 Caledonian Road, London, N.

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM,

КОЛОКОЛЪ

VIVOS VOCO!

Выходятъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ.
Цѣна 6 пенсовъ. Получается въ Вольной
Русской Типографіи, 136 & 138 Caledonian
Road, N.

ЛИСТЪ 144.

8 СЕНТЯБРЯ 1862.

У Трюбнера & Co. въ книжной лавкѣ,
60, Paternoster Row, и у Tchorzewski,
1, Macclesfield Street, (Gerrard Street),
Soho, London. Price six-pence.

(WITH SUPPLEMENT NO. 25).

О Г Л А В Л Е Н І Е.—Концы и Начала (Письмо четвертое)—Кадетскіе корпуса (Окончаніе)—Къ исторіи министерства государственныхъ имуществъ—Съ Юга.
Смѣсь: Отвѣтъ "г. Поляку"—Валуевъ и Головинъ—Кляквта—Правда-ли?—Письмо Н. Жуковского—Поощреніе невинности въ Литвѣ—300 р. с. въ фондъ.

КОНЦЫ И НАЧАЛА.

(Письмо четвертое).

Прошлымъ лѣтомъ пріѣзжаетъ ко мнѣ въ Девонширъ одинъ пріятель, саратовскій помѣщикъ и большой фурьеристъ.

— Сдѣлай одолженіе не сердись на меня, т. е. это не помѣщикъ мнѣ сказалъ, а я тебѣ говорю за то, что я беспре-
стапно сворачиваю съ дороги. Вводныя мѣста мое счастье и несчастье. Одинъ французъ, литераторъ временъ реставраціи, классикъ и пуристъ, не разъ говаривалъ мнѣ, продолжительно и академически нюхая табакъ (такъ, какъ скоро перестанутъ нюхать): *notre ami abuse de la paranthèse avec intempérance!* Я за отступленія и за скобки всего больше люблю форму писемъ—и именно писемъ къ друзьямъ—можно не стѣсняясь писать что въ голову придетъ.

— Ну вотъ мой саратовскій фурьеристъ въ Девонширѣ и говоритъ мнѣ: "Знаете-ли какая странность? Я теперь былъ первый разъ въ Парижѣ, ну—конечно... что и говорить, а если разобрать по глубже, въ Парижѣ скучно..... право скучно!"

— Что вы? говорю я ему.

— Ей богу.

— Впрочемъ отчего-же вы думали что тамъ весело?

— Помилуйте, послѣ саратовскихъ степей.

— Можетъ именно по этому. А Впрочемъ, не оттого-ли вамъ было въ Парижѣ скучно, что тамъ черезъ чуръ весело?

— Ха! ха! ха!... Вы по прежнему дурачитесь.

— Совсѣмъ нѣтъ. Лондонъ, смотрящій Сентябремъ, намъ больше по душѣ; Впрочемъ и здѣсь скука страшная.

— Гдѣ-же лучше? Видно по старой поговоркѣ: *идеъ насъ нѣтъ!*

— Не знаю; а думать надобно, что и тамъ не очень хорошо.

..... Разговоръ этотъ—кажется не то чтобъ длинный, или особенно важный, расшевелилъ во мнѣ рядъ старыхъ мыслей о томъ, что въ мозгу современнаго человѣка, не достаетъ какого-то рыбьяго клея; оттого онъ не отстаивается и мутенъ—гущи—новыя теоріи, старыя практики, новыя практики, старыя теоріи.

Годъ VI.

И что за логика?—я говорю, что въ Парижѣ и Лондонѣ скучно, а онъ мнѣ отвѣчаетъ: "Гдѣ-же лучше?" не замѣчая вовсе, что эту діалектику употребляли у насъ дворовые люди прежняго покроя; они обыкновенно на замѣчаніе: "Да ты, братецъ, кажется пьянъ?" отвѣчали: "А развѣ вы подносили?"

На чемъ основана мысль, что людямъ гдѣ-нибудь хорошо? можетъ, должно быть хорошо? и какимъ людямъ? и чѣмъ хорошо? Положимъ, что людямъ въ одномъ мѣстѣ лучше жить чѣмъ въ другомъ. Почему-же Парижъ и Лондонъ предѣлы этого лучше?

Развѣ по гиду Рейхардта?

Парижъ и Лондонъ замыкаютъ томъ всемірной исторіи—томъ, у котораго едва остаются нѣсколько неразрѣзанныхъ листовъ. Люди, старающіеся изъ всѣхъ силъ скорѣе перевернуть ихъ, дивятся, что—по мѣрѣ приближенія къ концу—въ прошедшемъ больше чѣмъ въ настоящемъ и досадуютъ, что два полнѣйшіе представителя *западнаго міра*—*садятся съ нимъ вмѣстѣ.*

Въ общихъ разговорахъ, носящихся какъ нѣкогда духъ божій надъ водами—удаль и отвага страшныя; а какъ дойдетъ, не только до дѣла, а до критической оцѣнки событій—все забыто, и старыя вѣсы и старыя аршины вытаскиваются изъ бабушкиной кладовой.

— "Обвѣтшавшія формы только и могутъ спастись—совершеннымъ перерожденіемъ—западъ долженъ возродиться какъ фениксъ въ огненномъ крещеніи."

— Ну такъ съ богомъ въ полымя его.

— А какъ онъ не возродится... а опалить свои красивыя перья, или пожалуй—сгорить?

— Въ такомъ случаѣ продолжайте его крестить *водой*, и не скучайте въ Парижѣ. Вотъ мой отецъ на примѣръ: онъ жилъ лѣтъ восемь въ Парижѣ и никогда не скучалъ; онъ черезъ тридцать лѣтъ любилъ рассказывать о праздникахъ, которые давали маршалы и самъ Наполеонъ, объ ужинахъ въ Palais Royal, на которыхъ являлись актрисы и оперныя танцовщицы, украшенныя брильянтами, наворованными изъ побѣжденныхъ коронъ, объ Юсуповыхъ, Тюфякиныхъ и другихъ *princes russes*, положившихъ тамъ больше крестьянскихъ душъ, чѣмъ ихъ легло подъ Бородинымъ. Съ разными

перемѣнами и un peu plus canaille, тоже существуетъ и теперь. Маршалы биржи даютъ праздники не хуже боевыхъ маршаловъ, ужины съ улицы St.-Honoré переѣхали на Елисейскія Поля, въ Булонскій лѣсъ... Но вы человѣкъ серьезный—больше любите смотрѣть за кулисы всемірной исторіи, чѣмъ оперы... вотъ вамъ парламентъ и два, вотъ либеральный консерваторъ Палмерстонъ и набожный министръ финансовъ Гладстонъ,—чего-же вамъ больше?... Съ какой завистью и болью слушалъ я бывало людей, пріѣзжавшихъ изъ Европы въ тридцатыхъ годахъ, точно будто у меня отняли все то, что они видѣли... а я не видалъ. Они тоже не скучали, а много надѣялись—кто на Одильонъ Баро, кто на Кобдена. Умѣйте-же и вы не скучать... и во всякомъ случаѣ, будьте сколько-нибудь послѣдовательны; и, если вамъ все таки скучно, ищите причину. Можетъ найдете, что вы требуете пустяковъ, тогда лечитесь; это скука праздности, пустоты, неумѣнья найти. А можетъ-вы найдете другое—что вамъ оттого скучно, что на стремленія больше и больше растущія въ сердцѣ и мозгу современнаго человѣка, Парижъ и Лондонъ не имѣютъ отвѣта—что́ вовсе не мѣшаетъ имъ представлять высшее развитіе и блестящій результатъ былого, богатые концы богатаго періода.

Я это говорилъ десять разъ. Но безъ повтореній обойтись невозможно. Люди привычные знаютъ это. Я какъ-то сказалъ Прудону (въ тѣ времена, когда онъ еще сидѣлъ въ St.-Pélagie, издавалъ *La Voix du Peuple*, былъ въ открытой войнѣ съ государственной несправедливостью—и не писалъ ни de la justice, ни de la guerre) о томъ, что въ его журналѣ часто помѣщаются почти одинакія статьи, съ небольшими варіаціями.

—А вы воображаете, отвѣчалъ мнѣ Прудонъ, что разъ сказали такъ и довольно—что новая мысль такъ вотъ и приметъ съ разу. Вы ошибаетесь: долбить надобно, повторять надобно, непрерывно повторять—чтобъ мысль не только не удивляла больше, не только была-бы понята, а усвоилась-бы, получила-бы дѣйствительныя права гражданства въ мозгу.

Прудонъ былъ совершенно правъ. Есть двѣ, три мысли, особенно дорогія для меня, и очень извѣстныя теперь—я ихъ повторяю около пятнадцати лѣтъ; фактъ за фактомъ подтверждаетъ ихъ съ ненужной роскошью. Часъ ожидаемаго совершился; другая совершается передъ нашими глазами. А онѣ также дикі, не употребительны, какъ были.

И что всего обиднѣе, люди будто понимаютъ васъ—соглашаются, но мысли ваши остаются въ ихъ головѣ чужими, не идущими къ дѣлу, не становятся той непосредственностью сознанія и нравственнаго быта, которая вообще лежитъ въ безспорной основѣ нашихъ мнѣній и поступковъ.

Отъ этого двойства люди по видимому очень развитые беспрестанно поражены неожиданнымъ, взяты върасплохъ, возмущаются противъ неминуемаго, борются съ неотразимымъ идутъ мимо нарождающагося и лечатъ всѣми аллопатіями и гомеопатіями—дышащихъ на ладонь. Они знаютъ, что ихъ часы были хорошо поставлены, но какъ “неоплаканный” Клейнмихель, не могутъ понять, что меридіанъ не тотъ.

Отвлеченная доктрина, схоластика, мѣшаютъ пониманью простому, живому пониманью, больше чѣмъ изувѣрство и невѣжество. Тутъ остались инстинкты, мало сознанья, но вѣрные; сверхъ того, невѣжество не исключаетъ страстнаго увлеченія, изувѣрство—непослѣдовательности.

Во время итальянской войны, одинъ добрый, почтенный профессоръ изъ нѣмцевъ, читалъ своимъ студентамъ о великихъ успѣхахъ международнаго права; о томъ какъ нѣкогда крупно наброшенные основанія Гуго Гроція, развиваясь, влились въ народное и правительственное сознаніе; о томъ какъ вопросы, которые прежде разрѣшались рѣками крови, несчастіями цѣлыхъ провинцій, цѣлыхъ поколѣній—разрѣшаются теперь, какъ гражданскіе вопросы между частными людьми, на началахъ международной совѣсти.

Кто-же, кромѣ какихъ-нибудь старыхъ кондотьеровъ по ремеслу, не будетъ согласенъ съ доцентомъ, что это одна изъ величайшихъ побѣдъ гуманности и образованія надъ дикой силой. Бѣда не въ томъ, что сужденіе доцента несправедливо, а въ томъ что человѣчество этой побѣды вовсе не одерживало.

Когда профессоръ краснорѣчивой рѣчью увлекалъ юношей въ эти созерцанія мира, на поляхъ Маженты и Сольферино дѣлались другіе комментаріи на международное право. Итальянская война тѣмъ меньше могла быть устранена какими-нибудь амфиціонными судами, что на нее никакой международной причины не было, такъ какъ не было спорнаго предмета. Войну эту Наполеонъ велъ съ медицинской точки зрѣнія, чтобъ утомить французовъ гимнастикой освобожденія и потрясеніями побѣдъ. Какой-же Гроціи и Вателю могли-бы разрѣшить такую задачу? Какъ-же было возможно отстранить войну, которая была необходима для внутреннихъ интересовъ? Не австрійцевъ, такъ кого-нибудь другаго падобно было бить французамъ; остается радоваться что именно австрійцы подвернулись.

Далѣе—Индія, Пекинъ, война демократовъ за рабство черныхъ, война республиканцевъ за рабство государственной нераздѣльности. А профессоръ продолжаетъ свое, слушатели тронуты, имъ кажется что слышанъ послѣдній скрипъ церковныхъ воротъ въ Янусовомъ соборѣ, что войны сложили оружія, надѣли миртовые вѣнки и взяли прялки въ руки, что арміи распушены и воздѣлываютъ поля... И все это въ то самое время, когда Англія покрывалась волонтерами, что ни шагъ—мундиръ, что ни лавочникъ—ружье, французское и австрійское войско стояло съ зажженными фитилями и самъ принцъ, кажется Гессенъ Кассельскій, поставилъ на военную ногу и вооружилъ револьверами двухъ гусаръ, мирно и безоружно ѣздившихъ за его каретой со времени вѣнскаго конгресса.

Вспыхни война, а это зависло отъ тысячи случайностей, отъ одного выстрѣла кстаи—въ Римѣ, на границѣ Ломбардіи, она разлилась бы кровавымъ моремъ отъ Варшавы до Лондона. Профессоръ удивился-бы, профессоръ огорчился-бы. А “кажись не подобаетъ” ни удивляться, ни огорчаться—исторія дѣлается не за угломъ! Бѣда доктринеровъ въ томъ, что они какъ нашъ Дидро, споря, закрываютъ глаза чтобъ не видать когда противникъ хочетъ возражать; а противникъ-то иной разъ сама природа, сама исторія.

Въ дополненіе конфузій не слѣдуетъ терять изъ виду что *отвлеченно-логически*—профессоръ правъ и что еслибъ не сто человѣкъ, а сто милліоновъ человѣкъ понимали Гроція и Вателя, такъ они и не стали-бы рѣзать другъ друга, ни для моціона, ни изъ клочка земли. Да несчастье-то въ томъ, что при нынѣшнемъ государственномъ устройствѣ, могутъ понимать Гроція и Вателя сто человѣкъ, а не сто милліоновъ. Оттого-то ни лекціи, ни проповѣди не дѣйствуютъ, оттого-то

ни отцы-доктринеры, ни духовные отцы не могут принести намъ облегченіе; монахи науки, такъ-же какъ и монахи невѣжества, не знаютъ ничего внѣ стѣнъ своихъ монастырей, не повѣряютъ своей теоріи, своихъ выводовъ по событіямъ и, тогда какъ люди гибнутъ отъ изверженія волкана — они съ наслажденіемъ бьютъ тактъ, слушая музыку небесныхъ сферъ и дивясь ее гармоніи.

Баконъ Веруламскій давнымъ давно уже раздѣлилъ ученыхъ на *пауковъ* и *пчелъ*. Есть несчастныя эпохи, въ которыхъ пауки рѣшительно берутъ верхъ и тогда развивается бездна паутины — но мало собирается меду. Есть условія жизни, особенно способствующія паукамъ. Для меда надобны липовыя рощи, цвѣтистыя поля, и пуще всего крылья и общежительный образъ мыслей. Для паутины достаточенъ тихій уголъ, невозмущаемый досугъ, много пыли и безучастіе ко всему, внѣ внутренняго процесса.

Въ обыкновенное время по пыльной гладкой дорогѣ, еще можно плестись дремля и не обрывая паутины, но чуть пошло черезъ кочки да цѣликомъ — бѣда.

Была истинно добрая, покойная полоса Европейской исторіи, начавшаяся съ Ватерлоо и продолжавшаяся до 1848 г. Войны тогда не было, а международного права и постоянного войска — очень много. Правительства поощряли явно “истинное просвѣщеніе” и давили въ тиши — *ложное*, не было большой свободы, но не было и большого рабства, даже деспоты всѣ были добродушные, въ родѣ патріархальнаго Франца II, піэтиста Фридриха Вильгельма, и аракчеевскаго Александра; собственно неаполитанскій король и Николай, были исключенными. Промышленность процвѣтала, торговля процвѣтала еше больше, фабрики работали, книгъ писалась бездна, это былъ золотой вѣкъ для всѣхъ паутинокъ — въ академическихъ аулахъ и въ кабинетахъ ученыхъ сплелись ткани безконечныя!...

Исторія, уголовное и гражданское право, право международное и сама религія, всё было возведено въ область чистаго знанія и падало оттуда самыми кружевными бахрамами паутины. Пауки качались привольно на своихъ ниточкахъ, никогда не касаясь земли. Чтò, впрочемъ, было очень хорошо, потому что по землѣ ползали другія насѣкомыя, представлявшія великую идею государства въ моментъ *самозащиты* и сажавшія слишкомъ смѣлыхъ пауковъ, въ Шпандау и другія крѣпости. Доктринеры всё понимали какъ нельзя лучше à vol d'araignée. Прогрессъ человѣчества тогда былъ извѣстенъ какъ высочайшій маршрутъ инкогнито — этапъ въ этапъ, на станціяхъ готовили лошадей. А тутъ

24 Февраля, 24, 25, 26 Июня, 2 Декабря!

Эти мухи были не по паутинокъ.

Сравнительно слабый толчекъ іюльской революціи и тотъ — убилъ наповалъ такихъ гигантовъ какъ Нибуръ и Гегель. А еще торжество-то было въ пользу доктринаризма — журналистика, Collège de France, политическая экономія сажались на первыя ступени трона вмѣстѣ съ орлеанской династіей. Оставшіеся въ живыхъ оправдись и кой какъ сладили съ 1830 г., они сладили-бы вѣроятно и съ республикой трубадура Ламартина.

Но какъ совладать съ іюльскими днями?

Какъ со вторымъ Декабремъ?

Конечно Гервинусъ поучаетъ, что за демократическимъ переворотомъ *слѣдуетъ* эпоха централизаціи и деспотизма, но всё что-то было не ладно. Одни начали ноговаривать не

воротиться-ли въ средніе вѣка, другіе — просто на просто въ католицизмъ; столпники революціи казываютъ, неподвижной рукой, по всей желѣзной дорогѣ вѣка — на 93 годъ, іудей доктринаризма продолжали, вопреки фактамъ, свои лекціи, ожидая что человѣчество побалуеетъ, да и воротится къ Соломонову храму доктринерской премудрости.

Прошло десять лѣтъ.

Ничего не удалось. Англія не сдѣлалась католической, какъ хотѣлъ Донозо Кортесъ, XIX вѣкъ не сдѣлался XIII-тымъ по желанію нѣкоторыхъ нѣмцевъ, народы рѣшительно не хотятъ ни французскаго братства (или смерти), ни международного права по реассе Society, ни почетнаго убожества по Прудону, ни киргизской діэты — меда и млека...

А католики несутъ свое...

Средне вѣковыи — свое...

Столпники 93 г. — свое...

И всѣ доктринеры — свое...

Куда-же человѣчество идетъ, если оно пренебрегаетъ такими авторитетами?

— Можетъ оно само не знаетъ.

— Да мы за него должны знать.

— Видно не туда куда мы думали. Оно и въ самомъ дѣлѣ трудно знать куда попадешь, ѣхавши на шарѣ, который нѣсколько мѣсяцовъ тому назадъ чуть не угодилъ подъ комету. А не нынче завтра, дастъ трещину — какъ я тебѣ сообщалъ въ прошедшемъ письмѣ.

И — рѣ.

1 Сентября.

КАДЕТСКІЕ КОРПУСА.

(Окончаніе).

Примѣчаніе 1-е. Насилу гг. Хаменцу и Харзееву удалось убѣдить, чтобы допустили къ свидѣтельству хотя нѣкоторыхъ изъ бывшихъ воспитанниковъ 1-го кадетскаго корпуса.

Штабъ капитанъ Усовской и поручикъ Борейша при допросѣ подтвердили все означенное въ рапортѣ г. Харзеева. Кромѣ того поручикъ Борейша показалъ: что капитанъ Малиновскій, желая проучить одного воспитанника, который по ночамъ, вслѣдствіе разслабленія нервовъ, невольно портилъ казенныя вещи: тюфякъ и простыню, завертывалъ воспитанника въ простыню, снятую съ его кровати и выставлялъ въ такомъ нарядѣ несчастнаго мальчика въ столовомъ залѣ на поруганіе всего корпуса.

Чтобы показать какое вредное вліяніе на правильный ходъ слѣдственнаго дѣла имѣло арестованіе поручика Харзеева, я привожу слѣдующее разсужденіе многихъ офицеровъ 1-го кадетскаго корпуса: “Харзеевъ арестованъ, а капитанъ Малиновскій по прежнему въ силѣ!..... Если мы будемъ говорить правду и поддерживать перваго, то врядъ-ли мы ему поможемъ, потому что противъ него Директоръ корпуса и начальники штаба генералъ адъютантъ Путята, а между тѣмъ навлечемъ на себя нерасположеніе начальства, которое отличается своимъ мстительнымъ характеромъ. И такъ, остается держаться разумной середины, т. е. “ни шатко, ни валко, ни на сторону”.

Такое практическое разсужденіе было вскорѣ съ успѣхомъ примѣнено къ дѣлу нѣкимъ г. Блиновымъ.

Въ письмѣ своемъ отъ 25 го Ноября 1861 года къ генералу Желтухину поручикъ Харзеевъ, между прочимъ, говоритъ слѣдующее: за нѣсколько дней до начала этого дѣла,

когда я сказалъ г. баталіонному командиру полковнику Эллиоту: “капитанъ Малиновскій дѣйствуетъ подло въ отношеніи воспитанниковъ” поручикъ Блиновъ самъ предложилъ мнѣ, чтобы я выставилъ его, какъ свидѣтеля, въ томъ что капитанъ Малиновскій ругаетъ солдатъ въ присутствіи воспитанниковъ по матерно (свидѣтелемъ тому поручики Чишиничъ и Геммеръ). Меня арестовали и что-же! Поручикъ Блиновъ прибѣгнулъ къ слѣдующей уловкѣ: На предложенный ему допросный пунктъ—правда-ли, что капитанъ Малиновскій ругалъ по матерно въ присутствіи васъ и воспитанниковъ барабанщика? онъ отвѣчаетъ: нѣтъ! не упоминая при томъ, что онъ былъ свидѣтелемъ другихъ случаевъ, когда капитанъ Малиновскій ругалъ солдатъ въ присутствіи воспитанниковъ по матерно”. По этому поводу была произведена гг. Блинову и Харзееву очная ставка, на которой Блиновъ утверждалъ слѣдующее “Мало-ли, что я вамъ сказалъ!!! (обращаясь къ Желтухину) дѣйствительно, я видѣлъ, что капитанъ Малиновскій распекалъ какого-то солдата; но какими словами онъ ругалъ его, я ваше превосходительство, не знаю”. Послѣ этихъ словъ генералъ Желтухинъ прекратилъ очную ставку.

Примѣчаніе 2-е. Впрочемъ всѣ показанія гг. Хамеца и Харзеева были подтверждены большинствомъ призванныхъ свидѣтелей, а 3-й пунктъ (общій голосъ воспитанниковъ и офицеровъ, что капитанъ Малиновскій причастенъ къ мужеложству) подтвержденъ 10 офицерами. Ни одинъ, даже изъ товарищей Малиновскаго, не сказалъ что нибудь въ его пользу.

Примѣчаніе 3-е. Произведена г. Малиновскому и поручикамъ: Гржимайло и Харзееву очная ставка, на которой послѣдніе уличали г. Малиновскаго, что онъ употреблялъ въ дѣло воспитанія веревку. Малиновскій обращаясь къ генералу Желтухину велъ такую жалобную рѣчь: “ваше превосходительство! повѣрьте!..... я за мою ревностную 20-ти лѣтнюю службу нажилъ себѣ враговъ!..... клянусь вамъ честью, совѣстью (указывая на образъ) всѣми святыми, что мнѣ никогда въ голову не приходило привязывать воспитанниковъ веревкой!”.... Гг. Гржимайло и Харзеевъ подтвердили свое прежнее показаніе и рассказали до малѣйшей подробности нѣкоторые случаи, когда капитанъ Малиновскій привязывалъ веревкой воспитанниковъ, послѣ чего даже генералъ Желтухинъ попалъ въ чѣмъ дѣло:

— “Капитанъ! мнѣ правду нужно! правду!..... нечего дѣлать!..... я призову къ допросу воспитанниковъ; тогда вѣдь хуже будетъ, если они васъ уличатъ!”

— “Ваше превосходительство! я право! ей Богу!..... не помню!..... можетъ быть такъ когда нибудь только пострадалъ!..... ваше превосходительство позвольте мнѣ день обдумать!..... и тогда я со всею искренностію, если только вспомню, покаюсь вамъ, ваше превосходительство!.....”

Но Желтухинъ, кажется, убѣдясь въ справедливости показаній гг. Гржимайло и Харзеева, прекратилъ очную ставку.

Примѣчаніе 4-е. Показанія г. Хамеца относительно капитана Фонъ-деръ-Вейде подтверждены свидѣтельствомъ 2-хъ офицеровъ (2-го и павловскаго кадетскаго корпуса) и командой солдатъ, которые находились лѣтомъ въ Парголово. Самъ г. Вейде, при допросѣ, показалъ слѣдующее: “Дѣйствительно, ваше превосходительство, какъ-то разъ было подано

къ столу прокислое молоко, но это, и по замѣчанію доктора Салашенко, произошло отъ внезапной грозы, а хлѣбъ испортился отъ тряски, при перевозкѣ его изъ Петербурга”.

Заключение. Михаилъ Николаевичъ въ своемъ “высочайшемъ” опасеніи не уронить воинскую дисциплину въ подвѣдомственныхъ ему учрежденіяхъ и имѣя въ виду разсѣять городскіе толки заключилъ такъ: “Приписать все это юношескому увлеченію гг. Хамеца и Харзеева и передать дѣло волѣ божіей. Хамеца согласно его рапорту, откомандировать отъ корпуса, а Харзеева перевести въ армейскій полкъ соотвѣствующимъ чиномъ”.

Малиновскій нашелъ себѣ покровителя въ какомъ-то вліятельномъ генералѣ, при особѣ Михаила Николаевича—въ Корфѣ. Оказалось: что отецъ Малиновскаго выручилъ изъ какой-то бѣды отца Корфа, вслѣдствіе чего отецъ-Корфъ при смерти завѣщалъ своему сыну Корфу творить добро фамилии Малиновскихъ.* Исполняя волю своего покойнаго родителя генералъ не пожалѣлъ 600 человѣкъ юношей!.....

Фонъ-деръ-Вейде по ходатайству придворнаго “chevalier” Путаты тоже оставленъ въ своей должности, по въ Парголово, говорить, его командировать не будутъ. Лихонинъ, вслѣдствіе какой-то интриги, уволенъ въ отставку и получилъ на 12 лѣтъ аренднаго содержанія по 2,000 рублей серебромъ въ годъ.

Клевреты Лихонина, подъ предводительствомъ инспектора классовъ Линдена, желая почтить память своего патрона, распространяли подписку на обѣдъ; но подписчиковъ, къ ихъ великому огорченію оказалось только 28 человѣкъ.

Съ воспитанниковъ 3-го спеціальнаго класса собрано по три рубля серебромъ съ человѣка и на эти деньги былъ снятъ фотографическій портретъ въ 20 экземплярахъ: портретъ изображаетъ группу, въ которой сіяютъ торжествующія личности Лихонина, Линдена, Эллиота, а вокругъ нихъ штукъ 18 воспитанниковъ, которые хотѣли искупить этою жертвою будущій мундиръ съ золотымъ шитьемъ; г. Черухинъ простеръ усердіе къ своему патрону до слѣдующаго краснорѣчія:

Черухинъ. Подпишитесь на обѣдъ въ честь Ореста Семеновича.

Н.— Я его весьма мало знаю.

Черухинъ. Подпишитесь, такъ, для шутки!..... за вами и другой подпишется.

Н.— Полноте, г. Черухинъ!..... ваши хитрости весьма понятны!.....

Черухинъ. Если вы не подпишитесь сами, такъ все равно принудятъ!!!.....

Старецъ Плаксинъ также принималъ дѣятельное участіе въ упомянутой подпискѣ, онъ все внушалъ: “Мы даемъ обѣдъ не восходящему солнцу, а заходящему; слѣдовательно тутъ нѣтъ лицепріятія!.....”

къ исторіи министерства государственныхъ имуществъ.

М. Г. П.

Лѣсной департаментъ На основаніи 868 ст. Св. Зак., Т. VIII, Отдѣленіе IV. уст. лѣсн. изданія 1842 г., (по изданію Столъ I. 1857 г. ст. 832), палаты государственныхъ 27 октября 1860. имуществъ обязаны стараться о выдѣлѣ No. 13425. сельскимъ обществамъ въ ихъ завѣдываніе и управленіе податныхъ лѣсныхъ участковъ

* Это уже изъ Романа Гюго!

по особому о томъ наставленію министерства
Съ представле- государственныхъ имуществъ. По этому
ніемъ проекта о бывшій министръ государств. имущ. графъ
передачу подат- Киселевъ приказалъ составить правила объ
ныхъ лѣсныхъ отдахъ выдѣленныхъ государственнымъ кре-
участковъ въ вѣ- стьяпамъ лѣсовъ въ сохраненіе самимъ
дене обществъ. обществамъ и дѣло это внести потомъ въ
 совѣтъ министра.

Вслѣдствіе этого въ 1849 г., лѣснымъ
 департаментомъ составлены были правила о порядкѣ упра-
 вленія податными лѣсными участками; правила эти препро-
 вождены были на заключеніе перваго и втораго департамен-
 товъ государ. имущ. и, въ 1851 г., по приказанію бывшаго
 товарища министра государств. имущ. тайнаго совѣтника
 Гамалѣя, переданы на разсмотрѣніе спеціальнаго по лѣсной
 части комитета, гдѣ они были, по нѣкоторымъ статьямъ измѣ-
 нены и дополнены, въ 1853 г. внесены на разсмотрѣніе
 совѣта министра государств. имущ. и, согласно постановленію
 совѣта, препровождались на заключеніе нѣкоторыхъ гг. упра-
 вляющихъ палатами, а по полученіи отъ нихъ отзывовъ,
 правила вмѣстѣ съ сдѣланными по нимъ замѣчаніями вновь
 разсмотрѣны въ спеціальномъ по лѣсной части комитетѣ,
 которымъ и составленъ былъ новый проектъ правилъ о по-
 рядкѣ надзора за податными лѣсными участками, отведен-
 ными государственнымъ крестьянамъ. Проектъ этотъ, при
 журналѣ комитета, отъ 2 Мая 1859 г., за №. 27, предста-
 вленъ былъ на благоусмотрѣніе г. товарища министра и
 согласно послѣдовавшему приказанію эти правила были
 напечатаны и, при циркулярномъ предписаніи лѣснаго
 департамента, отъ 2 Іюля 1859 г. за №. 19072 разосланы
 на заключеніе палатъ государ. имущ. съ тѣмъ, чтобы, по
 разсмотрѣніи и соображеніи ихъ съ мѣстными обстоятель-
 ствами, палаты представили-бы, съ заключеніемъ начальниковъ
 губерній, отзывъ о возможности и пользѣ надзора за кре-
 стьянскими лѣсами на основаніи этихъ правилъ, и находятъ-ли
 они своевременнымъ передать крестьянскія дачи въ непо-
 средственное завѣдываніе обществъ и можно ли надѣяться,
 что крестьяне дѣйствительно будутъ сберегать отведенные
 имъ участки.

Въ настоящее время получены отзывы отъ 42 палатъ, отъ
 4хъ же палатъ (Астраханской, Казанской, Московской и
 Пензенской) донесеній не получено, но дабы не замедлить
 скорѣйшее рѣшеніе этого важнаго вопроса*, лѣсной депар-
 тamentъ призналъ возможнымъ вновь *обсудить* составленный
 проектъ правилъ о порядкѣ надзора за податными лѣсными
 участками на основаніи полученныхъ уже отъ большей части
 палатъ государственныхъ имуществъ замѣчаній, не ожидая
 отзывовъ остальныхъ 4хъ палат†. Вслѣдствіе сего по разсмо-
 трѣніи и сообщеніи доставленныхъ палатами отзывовъ, лѣсной
 департаментъ составилъ подробную записку, въ которой,
 противу каждаго отдѣльнаго параграфа печатнаго проекта
 правилъ, изложены замѣчанія палатъ и начальниковъ губерній
 и соображенія лѣснаго департамента по этимъ замѣчаніямъ.

Съ мнѣніемъ палатъ вполнѣ согласны 27 начальниковъ
 губерній, начальники 3хъ губерній (Харьковской, Курской,
 Новгородской) не сошлись съ мнѣніемъ палатъ и сверхъ того
 представили собственныя свои соображенія.

* Поднятаго въ 1838 г., ровно 24 года тому назадъ.

† Которые вѣроятно и не получатся.

Изъ этой записки видно, что по 19 губерніямъ, (Пермской,
 Вятской, Вологодской, Олонецкой, Костромской, Новгородской,
 С.-Петербургской, Тверской, Орловской, Тульской, Курской,
 Саратовской, Самарской, Оренбургской, Тамбовской, Смолен-
 ской, Владимирской, Ярославской и Черниговской), пачаль-
 ники губерній и палаты государств. имуществъ, признаютъ
 предполагаемую передачу податныхъ участковъ въ управленіе
 сельскихъ обществъ примѣнимою, полезною, своевременною
 и нѣкоторые даже—необходимою.

Одинадцать палатъ (Архангельская, Рязанская, Полтавская,
 Кіевская, Подольская, Виленская, Херсонская, Волынская,
 Гродненская, Прибалтійская и Бессарабская) и бывшее
 Эстляндское окружное управленіе не представили никакого
 мнѣнія, потому собственно, что въ тѣхъ губерніяхъ подат-
 ныхъ лѣсныхъ участковъ вовсе нѣтъ.

Одинадцать палатъ признаютъ приведеніе въ исполненіе
 предполагаемой передачи податныхъ участковъ въ завѣды-
 ваніе обществъ не удобною и не своевременною, а именно:
 палаты Витебская, Минская, Ковенская и Могилевская—
 потому, что на основаніи циркулярнаго предписанія лѣснаго
 департамента, отъ 14 Мая 1859 г., за №. 15858, дающій
 падѣль крестьянъ податными участками въ тѣхъ губерніяхъ
 приостановленъ и отведенные уже участки будутъ обращены
 опять въ составъ казенныхъ дачъ. Палаты-же, Екатерино-
 славская, Таврическая, Воронежская, Харьковская, Псковская,
 Калужская и Нижегородская, по той причинѣ, что крестьяне
 этихъ губерній, по мнѣнію палатъ *недостаточно еще развиты*
 для собственнаго управленія лѣсами.

Мнѣнія этихъ палатъ опровергаются или по крайнѣй мѣрѣ
 ослабляются мнѣніемъ начальника Харьковской губерніи и
 мнѣніями палатъ и начальниковъ другихъ 19 губерній,
 которые признаютъ передачу участковъ въ вѣденіе обществъ
 полезною, и въ нравственномъ состояніи и развитіи госу-
 дарственныхъ крестьянъ не видятъ препятствія къ исполненію
 этой передачи. Но такъ какъ отзыва мѣстнаго управленія
 въ этомъ дѣлѣ все таки нельзя не придать значенія, то лѣсной
 департаментъ, для предосторожности признаетъ необходи-
 мымъ приостановиться *пока*, по этимъ губерніямъ, передачею
 податныхъ лѣсныхъ участковъ въ управленіе крестьянскихъ
 обществъ, полагая предосторожность эту распространить и
 на лѣсистыя мѣстности остальныхъ губерній, подразумѣвая
 подъ этимъ такіе цѣлыя уѣзды или части оныхъ, гдѣ крестьяне
 исключительно занимаются лѣсною промышленностью и гдѣ,
 слѣдовательно надзоръ за лѣсами, отведенными въ ихъ поль-
 зованіе долженъ еще быть на прежнемъ основаніи.

Мнѣніе 19 палатъ государ. имуществъ и начальниковъ
 губерній, которые признаютъ предполагаемую передачу отве-
 денныхъ государственнымъ крестьянамъ податныхъ лѣсныхъ
 участковъ въ управленіе сельскихъ обществъ примѣнимою,
 полезною, своевременною и нѣкоторые даже необходимою
 по слѣдующимъ причинамъ: а) передача эта убѣдитъ кре-
 стьянъ, что податные лѣсные участки отведены имъ не въ
 временное только владѣніе, а въ постоянную собственность
 и это убѣжденіе побудитъ ихъ строго охранять эти участки
 и даже заботиться о лѣсоразведеніи въ нихъ; б) съ освобож-
 деніемъ мѣстныхъ лѣсничихъ отъ завѣдыванія и управленія
 податными крестьянскими участками, они будутъ имѣть
 возможность обратить свою дѣятельность на управленіе
 собственно казенныхъ лѣсовъ къ несомнѣнной пользѣ по-

слѣднихъ, сверхъ того въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, гдѣ цѣлыя лѣсничества состоятъ почти исключительно изъ крестьянскихъ дачъ, съ передачею податныхъ участковъ въ управленіе сельскихъ обществъ, можетъ быть уменьшено число лѣсничихъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ послѣдуетъ и сбереженіе расходовъ казны, на ихъ содержаніе; в) судебныя мѣста будутъ освобождены отъ значительной переписки, по дѣламъ о маловажныхъ порубкахъ въ податныхъ крестьянскихъ участкахъ и заказникахъ, такъ какъ дѣла эти будутъ подлежать рѣшенію сельскихъ и волостныхъ расправъ.

Мнѣнія палаты :

Псковская.—Признаетъ передачу податныхъ участковъ въ управленіе сельскихъ обществъ неудобноисполнимою по слѣдующимъ двумъ причинамъ: 1) съ предстоящимъ въ 1860 г. уни тоженіемъ въ Псковской губерніи сельскихъ управленій и обществъ, исчезнетъ возможность наблюденія за лѣсами со стороны сельскихъ старшинъ, волостнымъ-же начальникамъ въ вѣденіи которыхъ будетъ состоятъ казенныхъ крестьянъ отъ 5,000 до 6,000 душъ, по сложности возложенныхъ на нихъ обязанностей, не будетъ времени и возможности обзрѣвать всѣ крестьянскіе лѣса и 2) по не развитости понятій крестьянскихъ обществъ Псковской губерніи о самоуправленіи, вслѣдствіе чего надо опасаться, что приложеніе правилъ о предполагаемой передачѣ лѣсовъ въ управленіе обществъ на первое время выразится въ безотчетномъ истребленіи лѣсовъ.

Таврическая.—Большая часть крестьянъ имѣютъ еще слишкомъ превратное понятіе объ отношеніяхъ своихъ къ общественнымъ лѣсамъ и о необходимости оберегать ихъ. Головы и старшины едва управляютъ съ теперешними ихъ обязанностями и, съ увеличеніемъ круга ихъ служебной дѣятельности чрезъ возложеніе на нихъ управленія податными участками, польза надзора съ ихъ стороны за лѣсами болѣе чѣмъ сомнительна, поэтому палата полагаетъ полезнымъ, проектированную передачу участковъ въ вѣдѣніе сельскихъ обществъ производить постепенно.

Воронежская.—При наклонности крестьянъ къ самовольнымъ порубкамъ, передача податныхъ участковъ въ вѣденіе сельскихъ обществъ, дастъ крестьянамъ возможность еще болѣе усилить лѣсоистребленіе. Поэтому палата признаетъ передачу опасною и даже невозможною.

Екатеринославская.—Если передать податные участки въ управленіе сельскихъ обществъ, то всѣ лѣса будутъ истреблены, потому что государственные крестьяне Екатеринославской губерніи, съ небольшими только исключеніями, вовсе не склонны къ порядку, безпечны, нерадивы для общественныхъ польвъ, не разсудительны, упорны, хитры и не уважаютъ правъ личности и собственности, сельскія-же начальства не пользуются довѣріемъ и уваженіемъ и за ними нуженъ постоянный и бдительный надзоръ.

Харьковская.—Передача въ настоящее время отведенныхъ государственнымъ крестьянамъ податныхъ участковъ въ непосредственное завѣдываніе обществъ, послужитъ къ одному лишь истребленію этихъ лѣсовъ не принеся никакой пользы и самимъ крестьянамъ, которые весьма часто производятъ самовольныя порубки, не потому, что они дѣйствительно имѣютъ надобность въ лѣсѣ, но съ единственною цѣлю продать кому-либо самовольно вырубленный лѣсъ, хотя по самой дешевой цѣнѣ. Но это мнѣніе палаты не раздѣляетъ

начальникъ Харьковской губерніи; онъ напротивъ, полагаетъ, что самовольныя порубки лѣсовъ, производятся именно потому, что крестьяне, считая пахотыя въ казенномъ распоряженіи лѣса, отводимые имъ для пользованія совершенно чужими и имъ не принадлежащими, крадутъ ихъ единственно въ томъ убѣжденіи, но когда эти-же самые лѣса будутъ находиться въ ихъ полномъ распоряженіи, то они станутъ смотрѣть какъ на собственность, и несомнѣнно будутъ оберегать ихъ отъ самовольныхъ порубокъ. Поэтому генерал-лейтенантъ Лужинъ находитъ не только возможнымъ, но даже полезнымъ допустить предположенную передачу податныхъ участковъ въ непосредственное завѣдываніе обществъ.

Калужская.—Нравственное и хозяйственное неразвитіе крестьянъ, при неодолимой склонности ихъ къ самовольнымъ порубкамъ, обратившимся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, почти въ обычай, заставляетъ, по мнѣнію палаты, передачу податныхъ участковъ въ вѣденіе обществъ производить не вдругъ, но постепенно, не иначе въ первый разъ какъ въ видѣ опыта въ тѣхъ только мѣстахъ, гдѣ крестьяне не такъ склонны къ порубкамъ.

Нижегородская.—Предположеніе о томъ, что съ передачею податныхъ участковъ въ вѣденіе сельскихъ обществъ крестьяне станутъ строго оберегать эти участки, по мнѣнію палаты, можетъ тогда только оправдаться, если за вымежеваніемъ крестьянамъ возможной пропорціи лѣсовъ, они закономъ будутъ устроены отъ всякаго рода притязаній на надѣлы ихъ казенныхъ дачъ, хотя-бы въ ихъ податныхъ участкахъ и заказныхъ рощахъ не осталось, какъ говорится, ни прута, съ предоставленіемъ ихъ собственному попеченію озаботиться лѣсовозобновленіемъ, или разведеніемъ вновь лѣсовъ на ихъ земляхъ. Въ противномъ случаѣ, если министерство дастъ крестьянамъ, хотя малѣйшую надежду на полученіе лѣсныхъ участковъ и лѣса изъ дачъ казенныхъ, то можно полагать навѣрное, что заказные и податные участки немедленно будутъ опустошены.

По соображенію вышеизложенныхъ мнѣній палаты, лѣсной департаментъ между прочимъ нашелъ, что мнѣнія палаты Псковской, Екатеринославской, Воронежской и Харьковской о неудобноисполнимости и даже вредѣ примѣненія этихъ правилъ, по причинамъ неразвитости, худой нравственности крестьянъ и склонности ихъ къ самовольнымъ порубкамъ, хотя и опровергаются, или по крайней мѣрѣ ослабляются мнѣніемъ начальника Харьковской губерніи (признающимъ правила эти полезными) и отзывами палаты и начальниковъ сосѣдственныхъ съ этими тремя губерніями, ибо нельзя допустить, чтобы нравственное состояніе и характеръ государственныхъ крестьянъ губерній Псковской, Екатеринославской, Воронежской и Харьковской такъ рѣзко отличались отъ нравственнаго состоянія и характера крестьянъ окрестныхъ и смежныхъ губерній, которыхъ передача податныхъ участковъ въ управленіе обществъ признается палатами государственныхъ имуществъ, и начальниками губерній мѣрою полезною. Но такъ какъ отзывамъ мѣстнаго управленія все таки нельзя не придать въ этомъ дѣлѣ значенія, то лѣсной департаментъ, для предосторожности признаетъ необходимымъ приостановиться, пока по этимъ губерніямъ передачею податныхъ лѣсныхъ участковъ въ управленіе крестьянскихъ обществъ и б) заключенія, сдѣланныя палатами: Калужскою, Нижегородскою и Таврическою надобно признать основательными.

Окончательное рѣшеніе дѣла еще неизвѣстно. Но никто изъ рѣшителей не потрудился и вѣроятно не потрудится задать себѣ очень простой вопросъ : кому изъ двухъ сторонъ выгоднѣй красть и кому выгоднѣй сберегать лѣсъ—крестьянамъ или чиновникамъ?

— *Съ Юга.* — Въ Мартѣ мѣсяцѣ 1862 года Виддинскіе Болгары, зимовавшіе въ русскихъ и нѣмецкихъ колоніяхъ Таврической губерніи, прислали въ Одессу депутатовъ, которые объявили, что Болгары желаютъ возвратиться на родину. Такъ какъ никакія увѣщанія не могли поколебать ихъ рѣшенія оставить Россію, то депутатамъ были выданы открытые листы на полученіе подводъ, и за тѣмъ началось обратное движеніе Болгаръ. Партіи переселенцевъ были направлены на Феодосію и Евпаторію. Изъ Феодосійскаго порта было, впрочемъ, перевезено не болѣе 900 человекъ, главная масса сѣлась на корабли въ Евпаторію.

Корабли были наняты турецкимъ правительствомъ. Доставку въ порты и заготовленіе провизіи на время перехода русское правительство взяло на себя. Движеніе партій въ оба порта началось въ концѣ Апрѣля и продолжалось весь Май, слѣдовательно оно происходило въ самое горячее рабочее время. Мѣстность, по которой шли партіи, очень мало населена. Приходилось сгонять подводъ за 70 и болѣе верстъ. Ропотъ былъ всеобщій. Татары, живущіе въ окрестностяхъ Феодосіи, объявили, что если ихъ будутъ заставлять возить Болгаръ, то они тоже оставятъ Россію. Партіи, которыя шли на Феодосію, терпѣли недостатокъ въ прѣсной водѣ, потому что имъ пришлось идти по Арбатской стрѣлкѣ, гдѣ дурную прѣсную воду можно найти только близъ первой станціи. Длина стрѣлки болѣе ста верстъ. Передъ уходомъ Болгары объявили, что они оставляютъ Россію по слѣдующимъ причинамъ : 1) на родинѣ у насъ были лѣса, рѣки, горы, фруктовые сады, виноградники, табачныя плантаціи. Намъ обѣщали тоже самое въ Россіи. Депутатовъ къ осмотру земель не допустили, мы пошли на вѣру, и нашли голыя стены, гдѣ даже не было колодезь. 2) Зимой мы провели въ нѣмецкихъ колоніяхъ. Жили въ землянкахъ (отъ 50 до 75 душъ). Осенью часто въ эти землянки стекала дождевая вода. Отъ этого развились болѣзни, и смертность была такъ велика, что мы не думали дожить до весны. (Дѣйствительно, при возвращеніи Болгаръ—дѣтей до 10 ти лѣтняго возраста почти не было. Можно смѣло считать на 10,000 душъ пришедшихъ Болгаръ болѣе $\frac{1}{3}$ умершихъ). 3) До Февраля мѣсяца 1862 г. священникамъ нашимъ запрещено было отпращивать требы. Отъ нихъ требовали документовъ и экзамена. Турки-мусульмане, а отъ насъ этого не требовали. Наши-же единовѣрцы намъ не довѣряли. (Это было распоряженіе сѣнода и оно было поддержано Алексіемъ, Таврическимъ архіереемъ. 4) Кормили насъ въ колоніяхъ ржанымъ хлѣбомъ съ пескомъ и тухлой солониной. Мы жаловались на это колоніальнымъ чиновникамъ Андре и Терновцеву, которые выгоняли насъ съ бранью, били и называли дармоедами.

Мы думаемъ, что они это дѣлали потому, что они тоже нѣмцы, которые только потому христіане, что ѣдятъ *свинину*. 5) Тулупы, данныя намъ, были совершенно гнилые. Сапоги сшиты изъ кусочковъ съ бараньей подошвой. Волы не куда не годились. Все это (съ испугами) стоило такъ дорого, что на постройку хатъ приходилось получать нѣсколько

рублей. 6) Мы мало занимаемся земледѣліемъ. Главное у насъ — виноградъ, табакъ, фрукты и деревянные издѣлія. Слѣдовательно въ русскихъ степяхъ намъ дѣлать нечего. 7) Лучше намъ умереть на родинѣ, хоть отъ турецкаго ножа, чѣмъ здѣсь отъ голоду, болѣзней и русскихъ *нѣмецкихъ* чиновниковъ.

Нѣмецкіе чиновники, видя что дѣло плохо, старались передъ правительствомъ представить Болгаръ, какъ народъ дикій, буйный и т. п. Оказалось, что Болгары очень кроткій народъ. Дѣйствуя терпѣливо, кротко и ласково съ ними можно дѣлать что угодно. Въ обращеніи они разумѣется очень просты. Въ вашемъ присутствіи онъ преспокойно сядетъ, будетъ курить, если вами доволенъ то потреплетъ по плечу, и пожметъ руку. Понятно, что это страшно оскорбляло Андре и Терновцева. Болгары очень честны. Въ теченіи 5-ти мѣсячнаго пребыванія ихъ въ колоніяхъ, не было ни одной жалобы. При раздачѣ суточныхъ денегъ (при ихъ отправленіи) случалось, что они получали нѣсколько больше, потому что при смертности составъ партій измѣнялся чуть не ежедневно. Болгары всегда возвращали эти лишніе деньги. Болгары жаловались Жуковскому и Строгонову. Ни тотъ, ни другой не потрудились съѣздить лично въ колоніи. Великіе моголы Мин. Гос. Имуществъ ограничились осмотромъ колоній, не выходя изъ коляски.

Архіерей Алексій, требовавшій экзамена отъ болгарскихъ священниковъ, хотѣлъ недавно отклонить отъ своего назначенія 20,000 руб. на постройку монастыря. Эти деньги были пожертвованы однимъ купцомъ на открытіе въ Симферополѣ женской гимназіи. Говорятъ, что Алексію удалось отклонить половину.

Въ скоромъ времени сообщено будетъ о поступкахъ нѣкоторыхъ крымскихъ помѣщиковъ съ переселенцами чехами.

СМѢСЬ.

отвѣтъ “г. поляку” на статью и письмо.

Милостивый государь,

Вашъ отвѣтъ Бакунину и “вмѣстѣ съ тѣмъ отвѣтъ всѣмъ русскимъ публицистамъ пишущимъ о Польшѣ,” мы получили мѣсяцъ тому назадъ и думали, что наше молчаніе будетъ достаточнымъ заявленіемъ нашего нежеланія служить органомъ мнѣнія, съ которымъ мы согласиться не можемъ.

Но второе письмо ваше отъ 28 Августа не позволяетъ намъ молчать. Вы полагаете, что мы не помѣстили *Отвѣтъ Бакунину*, потому что вы не подписали вашего имени. Вы ошибаетесь..... Что-же намъ въ вашемъ имени? Мы не помѣстили вашего отвѣта потому, что считаемъ его *вреднымъ*.

Все наше стараніе, всѣ наши усилія идутъ къ тому, чтобъ *независимость* польскаго народа и *свободу* народа русскаго основать на совокупномъ, братскомъ дѣйствіи противъ петербургскаго деспотизма. Первое что для этого надобно—это тѣсный союзъ, это взаимное довѣріе и уваженіе между людьми движенія—обѣихъ странъ. Такова, повторяемъ мы, наша основная мысль. Во имя ея мы помѣщали статьи въ родѣ : “Vivat Polonia!” и “Mater Dolorosa”; во имя ея заклинали русскихъ воиновъ скорѣе лечь костью на землѣ польской, чѣмъ стрѣлять въ поляковъ..... Вы вѣроятно полагаете, что мы ошибаемся,—пишите противъ насъ, продолжайте худосдержаннымъ озлобленіемъ и неловко пря-

крытой ироніей, раздувать чувства племенной ненависти и родственной вражды (горькій плодъ которыхъ—современное состояніе Польши), по не обращайтесь къ посредству “Колокола.” Мы представляемъ *очень рѣзко, очень пристрастно, очень односторонно наше мнѣніе*, и вовсе не общались помѣщать статьи несогласныя съ нимъ.

Теперь русскихъ, заграничныхъ органовъ нѣсколько, не говоря уже о польскихъ—вѣроятно партія, къ которой вы принадлежите, имѣетъ свой.

Мы не скроемъ отъ Васъ, что тонъ вашего втораго письма удивилъ насъ. Вы пишете о грубомъ выраженіи въ журналѣ кн. Долгорукова противъ одного изъ вашихъ соотечественниковъ, и на насъ вымѣщаете его. Чѣмъ могли мы это вызвать, чѣмъ дали вамъ это право? Князь Долгорукій и теперь издаетъ журналъ; онъ не состоитъ подъ нашей опекой. Видѣли вы въ “Колоколѣ” бранныя слова?

Это ужъ въ родѣ южныхъ американскихъ генераловъ, которые, въ отмѣтку жестокостей федеральныхъ начальствъ, вѣшаютъ плѣнныхъ, не имѣющихъ ни малѣйшаго понятія о нихъ. Можетъ это въ междоусобьи и идти,—да дѣло-то все въ томъ, что мы исѣми силами стараемся съ корнемъ выкоротъ всякое чувство ненависти между поляками и русскими.

Въ заключеніе, позвольте намъ пожалѣть, что до Васъ статья Бакунина дошла не въ оригиналѣ, а въ какомъ-то неизвѣстномъ намъ переводѣ на французскій языкъ. Переводъ, изъ котораго вы дѣлаете выписки не вѣренъ; въ немъ есть цѣлыя фразы, которыхъ нѣтъ въ текстѣ, напримѣръ—неужели вы вѣрите, что Бакунинъ могъ написать такую нечепуху: “La question du Christ, c'est-à-dire la question panslaviste.”* Вѣдь это совершенное безуміе, а нашъ другъ Бакунинъ, слава богу, здоровъ.

Позвольте, милостивый государь, надѣяться что наша переписка этимъ окончится.

Издатели Колокола.

— *Валуевъ и Головинъ.*—Намъ пишутъ изъ Петербурга, что юные вожди реакціи *Валуевъ и Головинъ*, за поясъ заткнули ограниченнѣйшаго *Долгорукова* и безграничнѣйшаго *Панина*..... Мудрено-ли, что съ этими четырьмя бопытами Александръ-то нашъ Николаевичъ спотыкается?

— *Клевета.*—Въ Петербургѣ официальные лжецы распространили слухъ, что какой-то господинъ былъ схваченъ на границѣ съ пачкой *Манифестовъ къ тысячелѣтію*, печатанныхъ въ Лондонѣ. Мы увѣряемъ нашимъ честнымъ словомъ, что никогда не было не только въ исполненіи, но и въ намѣреніи печатать какой бы то ни было манифестъ.

Дѣло нашихъ читателей разобрать—кому они должны вѣрить—намъ, или шпионамъ III отдѣленія.

— ; Правда-ли, что Обручева везли въ Сибирь, не только скованнаго—но прикованнаго къ повозкѣ?

* Думаетъ что рѣчь идетъ вотъ о какомъ мѣстѣ: “и такъ, весь вопросъ о границахъ возвращается къ тому же: что прежде осуществлялся: Хлопская Польша, или Крестьянская Россія? Дай богъ чтобы онъ осуществился вмѣстѣ, и чтобы между нами было не Апеллесово и не Павлово, а Христово, т. е. Обще-Славянское Дѣло.

къ издателямъ “Колокола”.

Милостивые государи,

Преслѣдуемый правительствомъ по дѣлу одной изъ петербургскихъ типографій, я бѣжалъ за границу.

Собратья наши—поляки избавили меня въ Польшѣ отъ непріятностей и помогли перебраться за границу.

Не имѣя возможности писать прямо къ нимъ, я прибѣгаю къ посредству *Колокола*. Прошу Васъ извѣстить моихъ друзей о томъ, что я въ Лондонѣ и передать имъ мою искреннюю признательность за сочувствіе и помощь.

Подробности моего бѣгства сообщу въ другое время, когда можно будетъ говорить о людяхъ, не подводя ихъ подъ *крѣпость* или *каторгу*, которыми доживающее свой вѣкъ императорство хочетъ натѣшиться вволю.—Преданный Вамъ.

8 Сентября 1862.

Николай Жуковский.

— *Русское поощреніе невѣжества съ Литвы.*—Князь Ширинскій-Шихматовъ, попечитель Виленскаго учебнаго округа, циркуляромъ увѣдомилъ приходскихъ учителей Ковенской губерніи, что до его свѣденія дошло, что нѣкоторые приходскіе учителя преподаютъ во вѣреннѣхъ имъ училищахъ польскій языкъ. Вслѣдствіе чего, для предупрежденія столь противозаконныхъ поступковъ, строго запрещено преподавать ученикамъ польскій языкъ, и объявлено, что виновные учителя будутъ удалены отъ занимаемыхъ ими нынѣ должностей. Въ заключеніи циркуляра слѣдуетъ толкованіе, въ которомъ объяснено, что хотя всемилостивѣйше и дозволено преподавать польскій языкъ, но единственно въ *учебныхъ* заведеніяхъ, а отнюдь не въ *приходскихъ училищахъ*! Любопытно знать—по мнѣнію кн. Ширинскаго Шихматова къ какому роду заведеній принадлежатъ приходскія училища?

При объѣздѣ округа въ Іюнѣ мѣсяцѣ, тотъ-же попечитель въ г. Шавляхъ имѣлъ слѣдующій разговоръ съ тамошнимъ директоромъ гимназіи: “Сколько у васъ учениковъ?” — “Слишкомъ шестьсотъ.” — “Это вамъ нисколько чести не дѣлаетъ; если-бы вы мнѣ сказали двѣсти, я бы васъ поблагодарилъ. Я надѣюсь, что впередъ этаго не будетъ.”

Двѣсти учениковъ (самыхъ бѣдныхъ разумѣется) уже вычеркнуты изъ списковъ.

— *Редакція* извѣщаетъ о полученіи 300 руб. сер., въ общій фондъ.

ПРОДАЕТСЯ У ТРЮБНЕРА И ТХОРЖЕВСКАГО:

НАРОДНОЕ ДѢЛО

РОМАНОВЪ, ПУГАЧЕВЪ ИЛИ ПЕСТЕЛЬ?

М. А. БАКУНИНА.

(Цѣна 6 пенсовъ).

ОБЩЕПОНЯТНОЕ ИЗЛОЖЕНІЕ СРАВНИТЕЛЬНОЙ АНАТОМІИ И ЗООЛОГІИ.

А. А. ГЕРЦЕНА.

Первый Выпускъ. Вся книга будетъ состоять изъ четырехъ выпусковъ; каждый выпускъ содержитъ около 5-ти печат. листовъ и 5-ти рисунковъ. Цѣна 1 руб. сер. (3 шиллинга).

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи, 136 & 138 Caledonian Road, London, N.

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM,

КОЛОКОЛЪ

VIVOS VOCO!

Выходить еженедѣльно въ Лондонѣ.
Цѣна 6 пенсовъ. Получается въ Вольной
Русской Типографіи, 136 & 138 Caledonian
Road, N.

ЛИСТЪ 145.

15 СЕНТЯБРЯ 1862.

(WITH SUPPLEMENT No. 26).

У Трюбнера & Co. въ книжной лавкѣ,
60, Paternoster Row, в у Tchorzewski,
1, Macclesfield Street, (Gerrard Street),
Soho, London. Price six-pence.

О ГЛАВЛЕНІИ.—Концы!... Концы!... (Постскриптумъ къ четвертому письму)—Умирать умѣютъ—С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПЕСКОМНОСТЬ—ИЗЪ ГРУЗИИ—

ПОСТАВКА ХЛѢБА НА КАВКАЗСКУЮ АРМІЮ. Смѣсь: НАСЛѢДСТВЕННЫЯ ВОЛѢЗНИ—ОБЩІЙ ФОНДЪ—ПОДЖОГИ ВЪ КАМЕНЦѢ—НОВАЯ ПОБѢДА ШУТЯТИНА—

STERN ZEITUNG и KLADDERADATCH—ВЫСОКОМЪРІЕ ПОБѢДИТЕЛЕЙ НАДЪ ПОБѢЖДЕННЫМИ—СТИХОТВОРЕНІЯ МЯХАЙЛОВА.

КОНЦЫ!... КОНЦЫ!...

(Постскриптумъ къ четвертому письму).

...la foresta dorme; il leone è
ferito!...

Il Diritto, 8 Settembre 1862.

... Да, любезный другъ, трудно знать куда попадешь
ѣхавши на земномъ шарѣ, не только потому, что комета за
спиной, а подъ ногами возможная трещина,—а потому
что мы несемся въ одномъ поѣздѣ съ странными товарищами
и не можемъ ни выйти на полдорогѣ, ни остановиться, ни
направить путь.... захватило и несетъ.

Ты вѣрно помнишь ту итальянскую оперу, въ которой
представляется внутренній дворъ сумасшедшаго дома, кругомъ
запертыя двери съ окошечками, никого пѣть и все тихо—но
при появленіи героя оперы, при звукахъ его пѣсни, во всѣхъ
окошечкахъ являются обезображенные больные, и поютъ
свой дикой хохотъ. На этотъ разъ все знакомыя лица въ
окошечкахъ: Кошутъ, Клапка, молодые итальянскіе генералы,
самъ король *честной-человѣкъ*!

Концы!... концы!...

И *вѣчный городъ* опять выдвигается, болѣе черной массой,
изъ своего мрака. Къ этому обвалившемуся столбу по-
крытому плесенью и мохомъ двухъ міровъ, все еще при-
вязаны судьбы Запада, и не могутъ оторваться никакой,
средобѣжной силой. Битый всѣми бурями, полуразрушенный,
отслуживъ свою службу Юпитеру и Христу, онъ пережилъ
ихъ. Идутъ вѣка, никто о немъ не думаетъ, но доходитъ
вопросъ до наслѣдства, до *начала*, и вдругъ тянетъ съ того
конца и люди невольна вспоминаютъ, что старикъ на Тибрѣ
еще живъ и духовную не отдавалъ; такъ и хочется его
спросить какъ Францъ Моръ спрашивалъ своего отца,
“что онъ не въ самомъ-ли дѣлѣ вѣчно хочетъ жить?”
—Умѣлъ-же онъ разъ, одряхлѣвши отъ побѣдъ, сбросить съ
себя и лавровый вѣнокъ и цезарскую мантию для того, чтобъ
постричься въ монахи и начать новую жизнь? Умѣлъ-же онъ
отказаться отъ всѣхъ благъ земныхъ для удержанія власти?...
умѣлъ-же разъ связать *концы съ началами*?...

..... На дняхъ* я простился съ Мацини. Тяжело было это
прощанье. Въ успѣхъ его дѣла я не вѣрилъ, да и онъ самъ

* 25 или 26 Августа.

Годъ VI.

ве исполнѣ вѣрилъ..... идти назадъ, остановиться *имъ обоимъ*
было поздно. Чередъ былъ за ними; два послѣднихъ, поэти-
ческихъ образа, двѣ величавыя тѣпи высшей *вершины* рево-
люціоннаго хребта, должны были исчезнуть въ радующемъ
блескѣ горнаго заката. Два послѣднихъ Донъ Кихота*
революціи—они безумно бросили перчатку цѣлой части
свѣта, съ вѣрой въ правое дѣло. Съ кучкой друзей, они пошли
на бой противъ военныхъ поселеній, называемыхъ Франціей,
противъ арміи, называемой Австріей, противъ французскаго
департаментъ, называемаго Италіей—безумно протестуя,
во имя *родины и человѣческаго достоинства*, противъ шты-
ковъ и военной дисциплины.

Сѣдой, блѣдный, худой до прозрачности, сидѣлъ передо мной
Мацини (мѣсяца два тому назадъ онъ былъ при смерти
болѣнь); лице его выражало скорбь и заботу, и только глаза
старого орла свѣтились прежней, несокрушимой энергіей.
Я смотрѣлъ на него съ безконечной грустью и мнѣ пришло
въ голову обратное привѣтствіе гладіаторовъ “*идуцимъ на
гибель—остающіеся въ живыхъ кланяются!*” Догадываясь
что происходило во мнѣ, онъ отвѣчалъ мнѣ на мое молчаніе:

— Да, можетъ мы и погибнемъ! Но Италія не вынесетъ
нашей гибели!

А мнѣ казалось *вынесетъ*; только я ему не сказалъ этого.

Черезъ четыре дня *все было кончено*.

На этотъ разъ нельзя жаловаться чтобъ мы долго ждали
развязки.

И словно, что то оторвалось въ сердцѣ.

Прощайте великіе безумцы,—прощайте святые Донъ
Кихоты!... Много мечтаній дорогихъ человѣку, въ которыя
онъ вѣрилъ, вопреки уму, садятся съ вами за небосклонъ, вы
много унесете съ собой; бѣднѣе будетъ жизнь безъ васъ...
пошла... пока прозябнутъ новые идеалы, новой весны....
Васъ помянутъ тогда; будущій Дантъ стихомъ, будущій
Бонароти рѣзцомъ изваяютъ раненаго льва подъ деревомъ, на-
роднаго вождя, пораженнаго единоплеменной пулей въ горахъ
дикой Калабріи и худаго старика, изгнанника, сходящаго
съ Альпъ въ обѣтованную родину, не зная что все кончено.

* Просимъ вспомнить значеніе, которое мы дали этому слову въ III письмѣ.
Донъ Кихотъ, одинъ изъ самыхъ трагическихъ типовъ—людей переживающихъ
свой идеалъ.

Задумается какой побудь сѣверный Фортинбрасъ надъ этой группой, надъ этой повѣстью Гораціо и съ раздумьемъ вздохнувши, пойдетъ въ дубравную родину свою — на Волгу, къ *своему* земскому дѣлу.

Но при жизни побѣжденнымъ вождямъ нечего ждать, да имъ нечего больше и жить. Они знаютъ *цѣль* *взяла*; они знаютъ своихъ побѣдителей; тутъ не можетъ быть подозрѣнія въ шири пониманья—они вездѣ встрѣтятъ ликующую улыбку полицейскихъ патріотовъ, подло - разумные разсужденія мѣщанъ (которые теперь ужъ могутъ вкусить въ *Теймсъ*) и строгій приговоръ управы благочинія — надъ *всемирной исторіей*; поверженныхъ львовъ не только лягнетъ всякое копыто, мхъ будетъ жалить всякая пчела—которая въ своемъ ульѣ будетъ перепечатывать трутнямъ, “что *законъ* ко всему глухъ, что для него *такіе* люди ни болѣе, ни менѣе какъ бунтовщики.”* И такъ умрите, господа!

А жалъ, жалъ ихъ—этихъ благородныхъ прошедшихъ!

...Человѣкъ ужасно непослѣдователенъ—сидитъ у изголовья умирающаго, видитъ какъ его силы падаютъ, какъ дыханья не достаетъ, какъ онъ весь слабѣетъ—а все таки рыдаетъ у его гроба—какъ будто онъ не ждалъ его смерти.

И будемъ непослѣдовательны...

И—рѣ

7 Сентября 1862.

УМИРАТЬ УМѢЮТЪ.

Русскія газеты *со словъ нѣмецкихъ* газетъ, (всѣ важныя политическія новости касающіяся до Россіи берутся русскими газетами изъ Journal de St.-Petersbourg или изъ нѣмецкихъ газетъ!) такъ рассказываютъ о смерти Ивана Ржоньца. Онъ былъ казненъ 26 Августа вмѣстѣ съ Рылемъ на гласисѣ цитадели.

“Нѣсколько ранѣ 9-ти часовъ выѣхали изъ цитадели оба преступника, въ сопровожденіи монаха капуцинскаго ордена. По прочтеніи приговора, первая очередь пала на Рыля. Его пришлось снимать съ повозки, потому что онъ казался такимъ больнымъ и изнеможеннымъ, что едва обнаруживалъ слабые признаки жизни. Пока палачи исполняли дѣло надъ полумертвымъ Рылемъ, Иванъ Ржоньца стоялъ, погруженный въ мрачное созерцаніе конца своего товарища по казни. Потомъ Ржоньца спокойно далъ связать себѣ руки назадъ, взошелъ твердою поступью на эшафотъ, и когда палачъ накинулъ ему на шею пеглю—*самъ оттолкнулъ ногою скамейку* и повисъ въ воздухѣ”.

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ НЕСКРОМНОСТЬ.

Въ “С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ”, отъ 24го Августа, перепечатана изъ официальной Газеты Царства Польскаго *программа и форма тайной организаціи*, подписанная будто-бы центральнымъ комитетомъ города Варшавы и будто-бы найденная при одномъ изъ замѣчательныхъ лицъ. Мы прочли этотъ драгоценный актъ съ величайшимъ интересомъ и удовольствіемъ, благодаримъ русское правительство за необычайную и столь полезную откровенность, и просимъ нашихъ друзей въ Россіи прочесть эту программу со вниманіемъ. Наше правительство право, мы многому можемъ въ ней научиться, и съ надлежащими измѣненіями, многое примѣнить съ пользою у себя. Отдадимъ честь полякамъ,

* Какая тупая бестія долженъ быть этотъ законъ!

нашимъ сосѣдямъ, и скоро надѣюсь нашимъ союзникамъ и братьямъ. Они дѣйствительно молодцы: умѣютъ начать дѣло серьезно, умѣютъ организоваться и жертвуютъ собой до конца. Съ такими качествами, при несомнѣнной правотѣ дѣла, въ успѣхѣ ихъ сомнѣваться нельзя. Жаль только, что они держатъ у себя такъ много бумагъ; бумаги надо безжалостно жечь а необходимыя прятать такъ, чтобы не могла отыскать никакая полиція. Надѣмся однако, что арестованіе нѣсколькихъ лицъ, какъ-бы они важны ни были, не въ состояніи будетъ парализовать дѣятельность польскаго революціонернаго общества. Залогомъ этого служить намъ во-первыхъ, умная и дѣльная организація его, а во-вторыхъ, все общественное настроеніе и то отчаянное негодованіе, которыя такъ искусно, и должно быть умышленно, поддерживаются и разжигаются всѣми дѣйствіями нашего умнаго правительства въ Польскомъ краѣ.

“С.-Петербургскія Вѣдомости”, прибавляютъ къ программѣ слѣдующее замѣчаніе: “сочиненіе это показываетъ ясно, что общество усиливается бросить Варшаву и страну, съ пути реформъ и общественныхъ улучшеній, въ пропасть безпорядковъ; оно носитъ на себѣ *признаки* пронсковъ и заговоровъ (это они называютъ только признакомъ, каковъ языкъ и какова мысль?) партіи безначалія, открытые и прекращенные въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ на западѣ, съ тою, къ несчастью, разницею, что у насъ убійства принадлежатъ къ ежедневнымъ средствамъ дѣйствій этой партіи, которая у насъ тѣмъ болѣе оказываетъ энергіи (по крайней мѣрѣ отдаютъ врагамъ справедливость), чѣмъ болѣе администрація страны, въ новомъ ея составѣ, производитъ *реформы и благотворительныхъ улучшеній*, и тѣмъ отнимаетъ у нея всякое основаніе, (кто у кого?) и вызываетъ негодованіе всѣхъ благомыслящихъ людей въ народѣ на ея происки”.

Мы не обратили-бы вниманія на такой вздоръ, еслибы русской публикѣ было также хорошо извѣстно что пронсходитъ теперь въ Польшѣ, какъ-то что дѣлается въ Россіи. Пожалуй иной въ Россіи подумаетъ что съ пріѣздомъ Константина Николаевича въ Варшаву осуществилось тамъ наконецъ, подѣ сѣнью благотворительнаго правительства, то царство небесное, которое мы бѣдные русскіе изъ всей мочи зовемъ, но которое къ намъ такъ туго приходитъ. Кому-жъ могло прійти въ голову что братъ царскій, пресловутый умомъ и либерализмомъ, поѣдетъ въ Польшу для того только чтобы продолжать тамъ *старый порядокъ*, что онъ согласится даромъ сломать себѣ голову и на вѣкъ погубить репутацію.

Чему не вѣрилъ ни кто, то однако случилось. Великій князь Константинъ явился въ Варшаву какъ живой комментарий царскаго слова: *Pas de rêveries!* Онъ ничего не принесъ полякамъ, измученнымъ, но не побѣжденнымъ вѣковымъ петербургскимъ звѣрствомъ; ни дальней надежды въ будущемъ, ни даже тѣни облегченія въ настоящемъ: все то же осадное положеніе, все таже тягость тупаго, звѣрскаго полицейскаго управления. Чюжъ онъ принесъ? *Себя*—и таково ослѣпленіе царскихъ дѣтей вообще, что онъ пресерьезно думалъ, что въ самомъ дѣлѣ онъ принесъ очень много. Какимъ надо быть геніемъ чтобы родясь великимъ княземъ, пройдя чрезъ растляющую, лѣнивую школу придворнаго воспитанія, сохранить хоть каплю здраваго смысла! Вотъ почему цари—выскочки, “бурбопы” между царями, умѣе во сто разъ царей порфиророжденныхъ... они воспитались не лѣпиво, а борьбою съ

дѣйствительнымъ міромъ, и становясь царями, они не перестаютъ быть людьми, положимъ часто и злыми, но за то всегда умными.

И каково-же было удивленіе в. к. Копстапина! Поляки для встрѣчи его не сняли даже траура, они ждали того что онъ съ собой привезетъ, а онъ привезъ только себя самого, и хотѣлъ чтобъ они радовались. Но имъ до него какое дѣло? Не въ томъ-ли заслуга его, что онъ сынъ Николая Павловича? И думалъ-ли онъ, что великій народъ-мученикъ до того влюбится въ его улыбку, что позабудетъ вѣковыя глубокія раны, вѣковыя оскорбленія, и свое великое право? Для него откажется отъ своей будущности?

А между тѣмъ всѣ ужасы осаднаго положенія и полицейскаго произвола царствуютъ въ цѣлой Польшѣ. Ни одно семейство не спокойно, не увѣрено въ завтрашнемъ днѣ. Въ продолженіи четырехъ мѣсяцовъ, въ Варшавской пятадели перебивало около 14 тысячъ человѣкъ, тысячами ссылаются люди, лучшіе польскіе люди, въ Сибирь и въ арестантскія роты, ссылаются часто по недоразумѣнію, по начальственному произволу, или за самыя невинныя, невольныя проступки противъ нестерпимаго и невозможнаго полицейскаго порядка.

Изъ Варшавы никто выѣхать не можетъ безъ трехъ разрѣшеній. Вы сидите съ пріятелями дома, къ вамъ безперемонно приходитъ полицейскій и безнаказанно грубитъ каждому. Вы идете съ женою или сестрою по улицѣ, васъ останавливаютъ, растегиваютъ вамъ сертукъ, осматриваютъ ваши карманы — да и съ сестрой и съ женой дѣлаютъ то же самое...

Мѣсяць тому назадъ полицейскіе схватили въ костелѣ нѣсколько молодыхъ дѣвушекъ пѣвшихъ гимны, привели ихъ въ домъ полицейскій, и тамъ приказали доктору ихъ освидѣтельствовать, при чемъ одна дочь почтеннаго ветерана 1830 года, боровшаяся изъ всѣхъ силъ противъ гнусныхъ мучителей, была ранена....

Мы долго не хотѣли вѣрить этому гнусному, вопіющему злодѣйству... Намъ хотѣлось не вѣрить, но мы должны были поверить...

И послѣ этого вы смѣете удивляться что поляки доведенные такимъ звѣрствомъ до безумнаго отчаянія, прибѣгаютъ къ послѣднему средству отчаянныхъ : къ убійству!

Мы не вѣримъ въ это средство освобожденія, но передъ совершившимися попытками молчимъ, у насъ нѣтъ духа поднять голоса противъ трехъ несчастныхъ погибшихъ, потому что мы знаемъ, что наши дѣлаютъ въ Польшѣ. Они любили отечество горячо и по своему лучшему разумѣнію они за него погибли.

Насъ утѣшаетъ одна мысль, русская армія квартирующая въ Польшѣ очистилась отъ гнуснаго соучастія въ правительственномъ звѣрствѣ, очистилась тремя святыми жертвами, мученической смертью Сливцкаго, Аригольда и Ростковскаго, казненныхъ за то что въ нихъ первыхъ заговорило человѣческое благородное состраданіе къ несчастнымъ полякамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ проснулось уваженіе и симпатія къ ихъ высокому патріотизму и къ ихъ несомнѣнному праву, за то—что они первые поняли, что Александръ Николаевичъ угнетая поляковъ, огню не служитъ Россіи.

М. Бакунинъ.

ИЗЪ ГРУЗИИ.*

Лѣтъ 60 передъ симъ Грузія съ Пмеретією, тѣснимая со всѣхъ сторонъ персіянами и турками, раздираемая внутри междоусобіями и безпрестанными бунтами горскихъ племенъ, обратилась къ единовѣрцамъ своимъ русскимъ съ просьбою принять ихъ подъ свое покровительство. Симпатію къ русскимъ Грузія обнаруживала съ давнихъ временъ, и это разумѣется не по причинѣ только исповѣданія одной вѣры, но главное потому, что будучи прикрыта совершенно Турцією отъ Европы, она не имѣла другаго исхода и другой надежды къ скорому спасенію, какъ просить помощи у Русскихъ. Могущественная Россія скоро избавила Грузію отъ всѣхъ внѣшнихъ ея враговъ, но въ вознагражденіе себя, вѣроятно, за такую великую услугу,—и видя безсиліе Грузіи и прочихъ закавказскихъ владѣній и трудность самостоятельнаго въ то время ихъ существованія,—она присоединила этотъ край къ своимъ провинціямъ. Справедливо-ли сдѣлала Россія захвативъ Закавказье, куда она была призвана на помощь,—это въ нѣкоторомъ отношеніи такой-же еще вопросъ для Грузіи, какъ для Савойцевъ присоединеніе ихъ къ Франціи.

Завладѣвъ закавказскимъ краемъ, Россія помышлявшая всегда о распространеніи своихъ владѣній на Востокъ, была очень обрадована, видя что съ Кавказа уже открытъ ей путь къ Индіи. Но не принявъ своевременно подлежащихъ мѣръ для исполненія этихъ намѣреній, она, послѣ послѣдней войны съ Европою, нашла въ необходимости обратить свои орлиныя взоры во внутрь своей имперіи,—и тогда она открыла у себя бездну такихъ злоупотребленій, которыя уже отняли у нея охоту къ дальнѣйшему увеличенію своихъ владѣній, по крайней мѣрѣ со стороны Кавказа. Ей стали уже видимы признаки начинающейся въ ней государственной чахотки, требующей для прекращенія болѣзни совершенно новыхъ условій управленія. Народы составляющіе ея имперію заявили также о своихъ страданіяхъ,—и Польша почти уже услышана...(?), а закавказскій край, обязанный многимъ Россіи, еще не рѣшается, въ такомъ трудномъ ея положеніи, беспокоить ее своими жалобами; ибо грузины знаютъ, что Россія всегда съ избыткомъ удѣляла ей свой кусокъ хлѣба, и что если этотъ хлѣбъ подѣлится и горекъ для грузинъ, то онъ горекъ также и для Русскихъ;—или иначе, что если Грузія управляется дурно, то Россія терпитъ управленіе еще худшее, и наконецъ,—что всякое улучшеніе въ управленіи Россією коснется и Грузіи. А потому они ограничиваются изъясненіемъ только между собою своего неудовольствія на русское управленіе, на взяточничество, несправедливости, создавая при томъ, что имъ, при настоящихъ ихъ льготахъ,† нечего было-бы желать самостоятельнаго управленія, и они счастливы были-бы нахожденіемъ своимъ въ составѣ Россіи, если-бы геній этой имперіи, крѣпко держащій обѣими руками мечъ,—что не удобно даже въ сраженіяхъ—захватилъ-бы въ одну изъ пихъ вѣсы правосудія. Но истымъ русскимъ патріотамъ, желающимъ чтобы Россія пріостановилась до времени дальнѣйшимъ распространеніемъ своихъ границъ, никогда, разумѣется, не приходило въ голову добровольно отказываться отъ закавказскихъ провинцій, которыя сами еще ничего не заявляли объ этомъ.

* Редакція Колокола, благодаритъ отъ всей души корреспондента приславшаго эту прекрасную статью.

† Въ закавказскомъ краѣ еще не было рекрутскаго набора, и жители помнятъ, что они на всегда свободны отъ этой повинности.

Междутѣмъ, вотъ что пишутъ 2 корреспонденту изъ Тифлиса: “Съ нѣкотораго времени въ высшихъ, т. е. въ чиновничьихъ кружкахъ Тифлиса, послѣ обнародованія бюджета Княжевича, серьезно разсуждаютъ о финансовомъ состояніи Россіи, и приходятъ всѣ къ тому заключенію, что Россія прекрасно-бы сдѣлала, еслибы отказалась отъ владѣнія Кавказомъ. Кавказъ, они говорятъ, неблагодарнѣйшая страна въ мірѣ. Россія истратила на нее сотни милліоновъ и до сихъ поръ продолжаетъ содержать тамъ огромную армію, а между тѣмъ, туземные жители остаются недовольными и ропшутъ на наше управленіе. Бросить-бы эту страну не умѣющую насъ цѣнить, а огромную кавказскую армію или упразднить и тѣмъ сдѣлать ежегодно экономію на полсотню милліоновъ, или-же употребить эту армію для поддержанія нашей славы въ Европѣ. Вотъ какое имѣютъ мнѣніе о величіи русской имперіи эти государственные обскуранты, сподвижники намѣстника кавказскаго. Прибывъ голышами на Кавказъ съ цѣлью составить себѣ карьеру, и залѣпя воть уже столько лѣтъ глаза намѣстникамъ и главноуправляющимъ Кавказомъ, множествомъ проэктовъ объ устройствѣ тамъ лучшаго управленія, и все это единственно съ своекорыстною цѣлью, они обогатившись всевозможными поборами и взятками, и сдѣлавшись звѣздоносцами - аристократами, видя наконецъ восходящую зарю общественнаго мнѣнія, они изъ эгоизма, чтобы прикрыть полную свою неспособность къ управленію и свои длути, прикидываются теперь русскими патріотами, говорятъ о благѣ Россіи, какъ о предметѣ близкомъ ихъ сердцу, пускаются на всякую клевету на ропшущаго на ихъ управленіе народа, и при каждомъ случаѣ возглашаютъ, что Грузины неблагодарны. Дѣйствительно нѣтъ въ настоящее время на Кавказѣ порядочнаго человѣка, имѣвшаго дѣло съ полиціею или гражданскимъ начальствомъ, который не поносилъ-бы это начальство и вообще духъ гражданского, русскаго управленія. Эти жалобы вовсе не касаются до благодарній, оказанныхъ Россіею Кавказу, въ отношеніи военномъ. Но каждый задаетъ себѣ вопросъ, что неужели Россія для того только и пролила столько крови своихъ сыновъ на Кавказѣ, чтобы передать за тѣмъ эту страну хищничеству своихъ чиновниковъ. Никогда на Кавказѣ не было такого ихъ множества, и никогда не видали тамъ управленія худшаго, чѣмъ въ настоящее время. Отъ продолжающихся уже столько лѣтъ несправедливостей, въ народѣ уже распространяются нравственные правила, которыя христіанская вѣра, воть уже въ продолженіи болѣе 1,000 лѣтъ едва успѣла искорепить; а именно, теперь отцы открыто уже внушаютъ своимъ дѣтямъ: старайтесь забирать чужое добро, главное казенное; воть вамъ примѣръ генераль-лейтенантъ князь Иванъ Мухранскій, который составилъ себѣ милліонное состояніе и пользуется теперь всеобщимъ почетомъ.* Берите побольше взятокъ и удѣляйте часть изъ опыхъ своимъ начальникамъ, и тогда навѣрное послѣдуете высокія въ іерархіи, возжеленныя мѣста; льстите сильнымъ и вліятельнымъ лицамъ, старайтесь способствовать всѣмъ мѣрами ихъ порокамъ, если вы желаете сдѣлаться порядочными людьми; подобными мѣрами попали въ губернаторы Орловскій, Тархановъ, и проч., командующій войсками Евдокимовъ, а пожалуй и

* Въ одномъ изъ N. журнала “Заря,” издаваемого въ Тифлисѣ, какой-то князь Орбелани восхваляя дѣятельность означеннаго Мухранскаго, выставляетъ его въ примѣръ другимъ грузинамъ именно въ томъ смыслѣ, что онъ занимая важныя должности нажилъ изъ того огромное состояніе.

экзархъ Евсевій. Не тревожьтесь никогда тѣмъ, что въ появляющихся по временамъ сочиненіяхъ въ стихахъ и прозѣ, предають проклятію такихъ людей и выставляютъ ихъ поступки, ибо подобныя нападенія приписываются обыкновенно личности и тайной враждѣ людей недовольныхъ и не получившихъ мѣсто, и притомъ безыменные пасквили безсильны передъ закономъ. Вотъ гибельная мораль распространяющаяся теперь со всеокрущающею силою на Кавказѣ.”

Въ другомъ письмѣ, служащемъ фактическимъ дополненіемъ перваго, означенный мой знакомый пишетъ между прочимъ слѣдующее: “Въ Горійскомъ уѣздномъ собраніи дворянства, какой-то князь Эристовъ читалъ записку объ испрошеніи у государя особаго денежнаго вознагражденія за освобожденныхъ крестьянъ, во уваженіе того, что всѣ почти дворянскія имѣнія Грузіи заложены въ приказѣ. Ему возразили на это нѣкоторые, что на подобную просьбу имъ могутъ сдѣлать довольно обидное замѣчаніе въ родѣ того, чтобы жили поэкопомнѣе и не задалживались. Но Эристовъ доказалъ имъ при всеобщемъ одобреніи собранія, что само русское правительство, которое ввело у нихъ такъ несвоевременно свое судопроизводство, о которомъ сами чиновники не имѣютъ яснаго понятія, и при томъ на русскомъ неизвѣстномъ имъ языкѣ, сдѣлалось главною причиною ихъ обѣдненія; ибо кромѣ удовлетворенія лѣхонства должностныхъ лицъ, затѣвавшихъ у нихъ тяжбы, они должны были платить огромныя деньги за каждое написаніе бумагъ, за каждое свѣденіе о формахъ судопроизводства, и даже за каждый знакъ препинанія особо-грамотнымъ въ этомъ отношеніи лицамъ. Нельзя не согласиться съ этимъ доводомъ кн. Эристова припавъ во вниманіе, что многія дѣла въ Грузіи длятся 30 лѣтъ и долѣе. Но само собою разумѣтся, что подобныя публичные протесты, не наводятъ даже краски на лицахъ чиновниковъ, которыхъ ухо давно уже привыкло къ подобнымъ укорамъ,—и невозмутимые сіи пастыри продолжаютъ стричь овецъ по прежнему.

“Въ тифлисской духовной семинаріи, въ которой воспитываются дѣти изъ духовнаго званія предназначаемые въ священники для грузинскаго народа, еще со временъ намѣстничества Воронцова, русскимъ духовнымъ начальствомъ иоспрещено преподаваніе грузинскаго языка. Подобный фактъ показываетъ вопреки всеобщему мнѣнію неспособность нашего правительства *обрусить* покоренныя національности и внушить имъ симпатію къ русской націи. И что это за такая политика, которая открывая во всѣхъ почти русскихъ университетахъ факультетъ для восточныхъ языковъ, а также и для грузинскаго, въ то-же время воспрещаетъ преподаваніе сего послѣдняго въ заведеніи, имѣющемъ главною цѣлю приготовленіе священниковъ для духовнаго пазидація грузинскаго народа.

“Въ настоящее время въ Россіи вѣдь создано, что хозяйственное содержаніе казною станцій, заводовъ и пр. чрезвычайно невыгодно, въ слѣдствіе непадежности чиновниковъ, и что поэтому найдено за лучшее, тѣмъ предпріятія въ которыхъ не предвидится возможности правильнаго контроля отдавать съ торговъ частнымъ лицамъ. Но состоящій при намѣстникѣ кавказскомъ генераль Кохаповъ убѣдилъ намѣстника, что эта система не вѣрна и что онъ беретъ на тѣ же самыя деньги, которыя отпускаются земствомъ содержателямъ почтъ по военно-грузинской дорогѣ, устроить станціи по этой дорогѣ, на совершенно другихъ основаніяхъ, такъ чтобы

никогда никому не было задержки, и притомъ завести на станціяхъ дилижансы и разныя другіе экипажи, построить дворцы для проѣзжающихъ и пр. и пр.; а для всего этого онъ находилъ нужнымъ одно, чтобы казна выдала почтовому вѣдомству заимообразно, что то въ родѣ одного милліона, который Кохановъ считалъ возможнымъ пополнить въ нѣсколько лѣтъ, изъ экономіи по содержанію означенныхъ станцій. А на счетъ слѣдующихъ за тѣмъ годовъ, онъ раскрылъ предъ умственными очами намѣстника такую перспективу оромныхъ сбереженій для земства, и наконецъ живописную вереницу отсюда ѣдущихъ путешественниковъ для наслажденія видами Кавказа и удобствами его дорогъ, что тотъ немедленно-же поручилъ ему, Коханову, приведеніе въ исполненіе этого проекта, и назначилъ его вмѣстѣ съ тѣмъ управляющимъ почтовымъ округомъ на Кавказѣ. Но нужно замѣтить при этомъ, что до того ни одинъ проѣзжающій по военно-грузинской дорогѣ не жаловался на недостатокъ помѣщенія въ станціонныхъ домахъ, въ которыхъ имѣлось нѣсколько хорошихъ комнатъ и гдѣ можно было находить все необходимое, но жаловались обыкновенно на недостатокъ лошадей, на безпорядокъ и задержки. Первымъ-же дѣломъ Коханова по своей новой обязанности было заключить подрядъ съ какимъ то Персіяниномъ, *tête à tête* безъ всякихъ публичныхъ торговъ, болѣе чѣмъ на $\frac{1}{2}$ милліона рублей серебромъ, о постройкѣ новыхъ обширныхъ станціонныхъ домовъ на чрезвычайно выгодныхъ для Персіянина условіяхъ, съ выдачею денегъ впередъ и прочее. Были капиталисты на Кавказѣ, готовые было состязаться на торгахъ по этому дѣлу, но Кохановъ нашелъ возможность устранить всякую въ семъ дѣлѣ публичность, объяснилъ князю Барятинскому разумѣется съ подобающимъ благоговѣніемъ, что его сіятельство имѣетъ право, не соображаясь ни съ какими законами, дѣлать все какъ ему заблагоразсудится. Тщеславный намѣстникъ, желая выказать дѣйствительно такую огромную свою власть, утвердилъ безъ всякихъ дальнѣйшихъ соображеній всѣ распоряженія по этому дѣлу Коханова. Кончивъ такимъ образомъ съ станціонными домами, Кохановъ принялся за устройство, собственно говоря, порядка на станціяхъ, уменьшилъ число почтовыхъ лошадей, коихъ на станціяхъ продолжали показывать номинально въ прежнемъ количествѣ, и издавалъ смотря по надобности, такія правила, что скоро одни только важные чины, и то съ записочкою отъ Коханова, рѣшались ѣхать на почтовыхъ, а все купечество, и даже многіе чиновники съ подорожными по казенной надобности, для избѣжанія недѣльныхъ задержекъ, предпочитали ѣхать на вольныхъ съ платежемъ огромныхъ прогоновъ. Вскорѣ было объявлено и о привозѣ изъ Варшавы почтовыхъ каретъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ оказалось, какъ многіе уже предвидѣли, что въ слѣдствіе дурнаго состоянія дорогъ, и по многимъ другимъ причинамъ не возможно открыть до времени, дилижансное сообщеніе; а на счетъ самихъ каретъ пропеслись уже слухи, что ихъ, за ненадобностію, скоро продадутъ съ аукціона. Наконецъ найдено нужнымъ увеличить, почти въ двое, прогоны взимаемые съ проѣзжающихъ, и не смотря на все это не усматривается еще, ни съ какой стороны, предвиденной Кохановымъ экономіи; а между тѣмъ имъ забрано было, столько денегъ отъ всѣхъ вѣдомствъ, заимообразно для устройства означенныхъ станцій, что при послѣднемъ пріѣздѣ государя на Кавказъ, по пенмѣнію у кавказской

казны въ наличности денегъ, вынуждены были занять около 30 тысячъ изъ тифлискаго тюремнаго комитета, для устройства праздника его величеству. Улучшенія на станціяхъ также никакого не видно, ибо всѣ проѣзжающіе по военно-грузинскому тракту жалуются на задержки и разныя другія встрѣчаемыя ими непріятности, о которыхъ и доносить никому не могутъ, такъ какъ Кохановъ, завѣдующій станціями вмѣстѣ съ тѣмъ управляющій почтовымъ округомъ на Кавказѣ. Въ послѣднемъ обыкновенномъ собраніи грузинскаго дворянства въ Тифлисѣ, выше упомянутый-же князь Эристовъ предложилъ собранію подумать объ огромныхъ долгахъ дѣлаемыхъ на счетъ будущихъ доходовъ земства, въ слѣдствіе устройства означенныхъ станцій и прочихъ распоряженій намѣстника; но губернский предводитель Орбелиани возразилъ ему, что такъ какъ ни кто не спрашиваетъ у нихъ совѣтовъ о производимыхъ расходахъ, то само собою разумѣется, что имъ нечего даже и думать о пріискиваніи мѣръ къ ихъ пополненію. Этотъ отвѣтъ хотя и не логичный, былъ пріятенъ всѣмъ съ одобреніемъ, такъ какъ каждому, подъ влияніемъ вѣроятпо личныхъ пользы, казалось щекотливымъ разсуждать публично по этому предмету.

“Не отрицая въ князѣ Барятинскомъ нѣкоторыхъ личныхъ хорошихъ качествъ и многихъ прекрасныхъ намѣреній, нельзя при этомъ не замѣтить вообще, что онъ весьма несчастливъ въ выборѣ людей на важныя должности. Но онъ не хочетъ видѣть этого, и все продолжаетъ дѣлать на счастье, а не на основаніи глубокихъ, человѣческихъ размышленій. Такая довѣренность къ судьбѣ соединенная съ тщеславіемъ, сознаніемъ своего могущества и природною лѣнію, дѣлаютъ Барятинскаго какимъ то китайскимъ кумиромъ, именемъ котораго служители его, видящіе суевѣріе народа, дѣлаютъ все что имъ угодно. Доказательствомъ-же фатальной увѣренности Барятинскаго, въ участіи въ его дѣйствіяхъ какого то сверхъестественнаго разума, можетъ служить слѣдующее: По случаю открытія, въ прошломъ году (послѣ Колубакина вакансіи ериванскаго губернатора, князь Барятинскій спросилъ случившихся у него тогда своихъ приближенныхъ, знаютъ-ли они кого онъ назначить на открывшуюся вакансію? но получивъ отрицательный отвѣтъ, онъ взялъ очепъ серьезно лежащій у него на столѣ списокъ генераловъ кавказской арміи, закрылъ глаза и повелъ рукой по списку, остановился случайно на имени какого то казакаго генерала, фамилію котораго я забылъ, и объявилъ тутъ же, что его онъ назначаетъ ериванскимъ губернаторомъ. Всѣ разумѣется, нашли такой выборъ чрезвычайно удачнымъ, но тотъ до кого это относилось, получивъ объ этомъ увѣдомленіе, отказался, къ удивленію всѣхъ, отъ такого назначенія, подъ предлогомъ старости и непривычьи къ подобнаго рода службѣ. По вѣроятпо причинно отказа было и то обстоятельство, что онъ находилъ мало чести въ такомъ назначеніи своемъ во время ясновидѣнія князя Барятинскаго.”

ПОСТАВКА ХЛѢБА НА КАВКАЗСКУЮ АРМІЮ.

Дѣйствія генераль-интенданта Кавказской арміи, генераль-майора Ивана Григорьевича Колосовскаго, (поступившаго на эту должность, въ началѣ 1855 года) по предмету обезпеченія продовольствіемъ войскъ Кавказской арміи, расположенныхъ въ Кубанской и Терской областяхъ, очень интересны.

Самымъ выгоднымъ и основательнымъ устройствомъ подряда для казны, на поставку продовольственныхъ припасовъ въ войска, Колосовскій считаетъ отдачу подряда въ одни руки и въ кондиціи включается статья, что если въ послѣдствіи, по обстоятельствамъ и усмотрѣнію провіантскаго начальства, окажется нужнымъ въ какомъ либо пунктѣ, назначенную пропорцію поставки прибавить или убавить, то подрядчикъ претензіи на это имѣть не долженъ.

Для оправданія такой системы подрядовъ въ глазахъ начальства, которое конечно знаетъ, что всякая монополія въ комерціи есть капитальное зло, Колосовскій всегда предлагаетъ къ торгамъ, для поставки изъ мѣстнаго Кавказскаго или такъ называемаго линейнаго урожая, количество припасовъ немѣрно большее того, какое дѣйствительно можно купить собственно на Кавказѣ, а также назначаетъ излишнюю пропорцію хлѣба, для поставки въ самые неудобные магазины, то есть такіе, которые устроены на передовыхъ линіяхъ, вдали отъ пунктовъ заготовленія при дурныхъ и опасныхъ пунктахъ сообщенія.

Въ слѣдствіе подобнаго распоряженія, подрядчики на торгахъ выпрашиваютъ въ неудобные магазины весьма высокія цѣны или не берутъ ихъ вовсе, а иногда и прочіе магазины по огромности назначенныхъ въ нихъ пропорцій разбираются не всѣ. Подрядчикъ-же предварительно сошедшійся съ Колосовскимъ, смѣло беретъ приложенную къ торгамъ пропорцію, всю полноту.

За тѣмъ, когда начинается выполненіе подряда, то большая часть хлѣба, предназначавшаяся къ поставкѣ въ неудобные магазины, оказывалась будто-бы по обстоятельствамъ тамъ ненужною, перечисляется Колосовскимъ въ пункты болѣе удобные, на основаніи вышеозначенной статьи кондицій; а если кромѣ того подрядчикъ и въ прочіе магазины все принятое количество къ окончанію срока подряда выставить не успѣетъ, то вмѣсто того чтобы согласно съ закономъ и контрактомъ купить эту пропорцію на счетъ его залоговъ по какимъ-бы то ни было цѣнамъ, она или исключается и предлагается къ новымъ торгамъ или-же подъ разными предлогами дозволяется подрядчику продолжать поставку и по прошествіи срока, то есть смотря потому какъ онъ найдетъ для себя выгоду. Въ обоихъ случаяхъ, объясненныя списхожденія подрядчику Колосовскимъ даромъ не оказываются.

Несвоевременное продолженіе порядка, отнесеніе невыставленнаго количества припасовъ къ новымъ торгамъ и перечисленіе поставки изъ трудныхъ магазиновъ въ наиболѣе удобные, можно встрѣтить буквально во всякомъ подрядѣ, за время управленія Колосовскаго. Примѣромъ можетъ послужить недавній случай особенно замѣчательный.

При принятіи подрядчикомъ армяниномъ Зубатовымъ поставки 122,000 четвертей муки съ пропорціею крупъ, на періодъ 1860/1861 года въ магазины Кубанской области было назначено изъ этого количества къ поставкѣ въ провіантскіе магазины—крымскій 15,000 и великолагерной 20,000 четвертей муки съ пропорціею крупъ. Подвозъ хлѣба въ эти магазины и особенно въ крымскій чрезвычайно труденъ; но такъ какъ подрядчикъ Зубатовъ пользовался особымъ расположеніемъ Колосовскаго, причины котораго будутъ изложены ниже, то вся пропорція хлѣба назначенная въ крымскій и великолагерной магазины, при выполненіи Зубатовымъ подряда,

перечислена въ магазины болѣе удобные, а хлѣбъ потребной для названныхъ магазиновъ, доставленъ туда уже перевозкою изъ другихъ пунктовъ на подводахъ подрядчиковъ, купцовъ Лебедева и Анафузова, за особую изъ казны плату.

При введеніи Колосовскимъ объясненной системы торговъ, то есть съ самаго начала управленія его интендантствомъ кавказской арміи, кавказскіе незначительные капиталисты, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, когда при Ставропольскомъ провіантскомъ комиссіонерствѣ, бывало одновременно до 15 человекъ подрядчиковъ, что конечно значительно одешевляло подрядныя цѣны, стали и при Колосовскомъ являться на торги, происходившіе всегда въ Ставропольской казенной палатѣ; но Колосовскій находя это несогласнымъ съ своими пользами, очень скоро отучилъ ихъ отъ желанія вмѣшиваться въ подрядныя дѣла. Торги производившіеся въ палатѣ, доходя до интендантства, подъ разными предлогами тамъ уничтожались, а вмѣсто ихъ назначались новые торги въ совѣтъ намѣстника кавказскаго, куда являлся уже тифлисскій подрядчикъ предварительно поладившій съ Колосовскимъ, и не смотря на меньшія цѣны объявляемыя подрядчиками кавказскими, результаты торговъ всегда оказывались не въ ихъ пользу, подряды стали отдаваться въ одни руки и непремѣнно въ руки тифлискихъ капиталистовъ, между которыми Колосовскій устраивалъ компанію, а между тѣмъ до объявленія результата торговъ, залоговъ торговавшихся лицъ хранились въ присутственномъ мѣстѣ, гдѣ торги происходили и на нихъ надобно было платить проценты, какъ оказывалось, всегда напрасные. Проученные такимъ образомъ, непрощенные подрядчики, скоро поняли въ чемъ дѣло и перестали являться на торги вовсе, а подрядныя дѣла кавказскаго края окончательно захвачены тифлискими капиталистами и находясь подъ непосредственнымъ вліяніемъ Колосовскаго, всегда устраивались въ пользу лица, заранѣе имъ избраннаго, то есть въ пользу того, кто больше далъ.

Что-же касается до цѣнъ на заподажржаемый хлѣбъ, то при отдачѣ подряда въ однѣ руки, онѣ всегда бывали выше тѣхъ, по которымъ дѣйствительно обходилось заготовленіе поставляемыхъ припасовъ. Подрядчику-капиталисту изъ умѣренныхъ выгодъ хлопотать не стоитъ, да кромѣ значительныхъ барышей онъ беретъ въ расчетъ и неизбежные по операціи расходы, то есть проценты на залоговѣ обезпечивающіе подрядъ, издержки при заключеніи контракта, значительное жалованье на большое число служащихъ по операціи и львиную долю Колосовскаго.

Результатомъ такого устройства подрядовъ оказалось не помѣрное возвышеніе цѣнъ на поставляемые припасы, такъ что за время Колосовскаго, четверть муки въ подрядѣ дошла отъ *четырехъ рублей до семи рублей тридцати пяти копѣекъ*, а крупа отъ *шести рублей до четырнадцати рублей тридцати пяти копѣекъ серебромъ*, и съ тѣмъ вмѣстѣ явилась въ цѣломъ край дороговизна на всѣ тѣ предметы жизненнаго довольствія, стоимость которыхъ зависитъ непосредственно отъ цѣны на хлѣбъ существующей.

Личная-же выгода Колосовскаго при этомъ заключалась въ томъ, что онъ велъ дѣло только съ однимъ подрядчикомъ, предварительно съ нимъ сошедшимся, и чѣмъ болѣе четвертей хлѣба тотъ принималъ въ подрядъ, тѣмъ болѣе становилась доля Колосовскаго, которому барыши по числу заподажржа-

ныхъ четвертей всегда отсчитывался впередъ, при выдачѣ задаточныхъ денегъ, отпускавшихся прямо изъ интендантства тотъ часъ по утвержденіи подряда.

Напротивъ, при отдачѣ подряда въ разныя руки, хотя подрядныя цѣны на припасы и были-бы гораздо дешевле, но за то сильно страдали-бы личныя выгоды Колосовскаго. При уменьшеніи цѣнъ, не только доля его выходила меньше, да нѣкоторые подрядчики могли и вовсе не догадаться предложить ея, такъ какъ при предмѣстникѣ Колосовскаго, генералъ-маіорѣ Калустовѣ, извѣстномъ своимъ безкорыстіемъ, подобное взяточничество совершенно не существовало и задаточныя деньги, выдавались не изъ интендантства, а изъ Ставропольскаго комиссіонерства.

(Продолженіе въпредѣ).

СМѢСЬ.

НАСЛѢДСТВЕННЫЯ БОЛѢЗНИ ОТЪ ДѢДУШКИ ПАВЛА.

Официальная газета Царства Польскаго объявляетъ, что всѣ гражданскіе чины получили отъ своего начальства увѣдомленіе, чтобы, для выдѣленія себя отъ партіи безпорядковъ, которая въ послѣднее время запретила мужчинамъ употребленіе вездѣ въ Европѣ принятыхъ *круглыхъ шляпъ*, носить публично эти шляпы, потому что всякая другая шляпа будетъ означать участіе въ тѣхъ манифестаціяхъ, которыя хочетъ навязать Варшавѣ шайка злодѣевъ. (*Свѣ. Почта*).

Для сравненія передаемъ три чрезвычайно любопытныхъ предписанія, почти мекленбургскаго содержанія.

26 Апрѣля 1799 года, No. 2,639.

С.-Петербургскаго военнаго генералъ-губернатора графа Фонъ-деръ-Палена С.-Петербургскому оберъ-полицеймейстеру Лисановичу.

Примѣчено здѣсь въ городѣ, что не наблюдается между обитающими дозвѣмая благопристойность даже до того, что повстрѣчаясь младшій со старшимъ не снимаетъ шляпы. И для того ваше превосходительство извольте въ городѣ находящимся съ подписками объявить, дабы всѣ безъ изъятія младшій передъ старшимъ повстрѣчаясь гдѣ-бы то ни было снималъ шляпу, подтверждая строго сіе наблюдать полицейскимъ чинамъ и въ противномъ тому случаѣ не соблюдающій таковой благопристойности, чему примѣръ сегодня оказалъ коллежскій ассессоръ Шишкинъ, братъ подъ караулъ и о всякомъ тогда же мнѣ доносить для поступленія какъ съ неисполняющими повелѣній. Ваше же превосходительство и съ своей стороны неупустительно за тѣмъ извольте имѣть надзоръ.

Мая 6-го дня 1799 года, No. 2,828.

Усмотрѣно здѣсь въ городѣ, что многія дамы носятъ черезъ плечо разноцвѣтныя ленты на подобіе кавалерскихъ; а какъ сіе ни мало имъ несвойственно, то ваше превосходительство прикажите обвѣстить съ подписками, что таковое пошеніе лентъ воспрещается, и имѣя за тѣмъ наблюденіе, если окажется кто ослушникомъ о таковыхъ немедленно доносить мнѣ.

Ноября 22 дня 1799 года, No. 8,002

Вашему превосходительству подтверждаю прежнія предписанія о строжайшемъ наблюденіи въ разсужденіи ношенія

здѣсь въ городѣ платья, сверхъ того во исполненіе высочайшей государя императора воли, предлагаю строго наблюдать и затѣмъ дабы отнюдь носимы не были сипіе женскіе сертуки и военные воротнички съ бѣлой юпкой, но если кто за симъ то дѣлать отважится, доносить тогда же мнѣ.

— *Почитай чины, и не молись о покойникахъ.* Только что мы отослали *наслѣдственную болѣзнь*, а ужъ русскія газеты сообщаютъ намъ два приказа двухъ принцевъ еще болѣе навловскихъ.

Принцъ Георгъ мекленбургскій, какъ настоящій нѣмецъ, педантъ и фрунтовикъ, поучаетъ *философіи* мекленбургскаго чиновочитанія. Вотъ вкратцѣ галиматья, по языку и мысли, отданная 2 Августа, 1862, за No. 6, по стрѣлковымъ баталіонамъ.

“Поддержаніе строгой законности въ отношеніяхъ начальствующихъ къ подчиненнымъ и сихъ послѣднихъ къ ихъ начальникамъ было предметомъ постоянной моей заботливости, со времени вступленія моего въ управленіе стрѣлковыми баталіонами. Не могу не отдать справедливости большинству офицеровъ помянутыхъ баталіоновъ за ихъ неуклонное стремленіе къ выполненію моихъ указаній. Тѣмъ не менѣе, въ виду *совершающихся событій, обнаружившихъ* между нѣкоторыми изъ молодыхъ офицеровъ сбивчивость понятій о ихъ обязанностяхъ и отношеніяхъ, въ послѣднее время, къ сожалѣнію, распространилось ложное убѣжденіе, будто-бы въ стрѣлахъ *должны быть забываемы* всѣ отношенія подчиненности и старшинства. Такое убѣжденіе противно всякому понятію о дисциплинѣ. Главнѣйшимъ источникомъ развитія понятій между нижними чинами служить, безъ сомнѣнія, дѣйствія ихъ начальниковъ; посему никакая непочтительность въ обращеніи младшаго со старшимъ и несоблюденіе виѣшнихъ законовъ уваженія, хотя бы и виѣ служебныхъ отношеній, не можетъ быть допущена въ военной службѣ, безъ ущерба истинной дисциплинѣ; *фамиллярность* же обращенія младшихъ со старшими, ничѣмъ неоправдываемая, подрывая понятіе о существованіи дѣйствительнаго уваженія и подчиненности начальнику устраняетъ всякое значеніе виѣшнихъ формъ чиновочитанія, указанныхъ для соблюденія при служебныхъ отношеніяхъ; кромѣ того, укореняя въ молодыхъ офицерахъ ложныя понятія о ихъ отношеніяхъ, увлекаетъ ихъ иногда, въ слѣдствіе ихъ неопытности, до поступковъ, не могущихъ уже быть терпимыми и влекущихъ за собою тяжкую отвѣтственность, сообразно со всею строгостію существующихъ на сей предметъ законовъ.”

Короче и энергичнѣе выражается *принцъ Константинъ* петербургскій. Вотъ безобразный приказъ отданный имъ 14 Іюля въ Варшавѣ (No. 7)—*по войскамъ, въ Царствѣ Польскомъ расположеннымъ*. “Поручики: стрѣлковыхъ баталіоновъ 5-го — *Даниловичъ*, 6-го — *Огородниковъ* и олопецкаго пѣхотнаго полка — *Зейнъ*, оказавшіеся по слѣдственному дѣлу виновными въ томъ, что были главными распорядителями заказанной, 24-го минувшаго Іюня, очевидно съ цѣлью политической демонстраціи, въ походной церкви въ лагерь, панихиды по государственнымъ преступникамъ, по волѣ Константина Николаевича, предаются полемому военному суду арестованными, съ тѣмъ, чтобы судъ сдѣлалъ заключеніе и о степени виновности прикосновенныхъ къ дѣлу офицеровъ и священника.”

ОБЩИЙ ФОНДЪ.

Въ прошломъ листѣ мы упомянули о присылкѣ *трехъ сотъ рублей серебромъ* въ собираемый нами фондъ. Благодаря неизвѣстную особу, доставившую намъ эту сумму, мы еще разъ должны сказать веѣмъ русскимъ сочувствующимъ намъ, что денежныя присылки доставляемыя намъ до того ничтожны, что онѣ даже не покрываютъ самыхъ необходимыхъ тратъ, для перваго вспомошествованія русскимъ, вынужденнымъ оставить Россію, на время правительственнаго безумія.

Мы полагаемъ, что всего лучше было бы, принять опредѣленную норму пожертвованій; пусть на примѣръ всѣ желающіе облагаютъ себя извѣстной income tax, податью съ доходовъ. Человѣкъ одинокій имѣющій не меньше 2,000 руб. серебромъ можетъ легко дать 5% въ годъ, люди имѣющіе больше, могутъ прислать 10%; семейные люди могли-бы давать вполвину.

Кстати къ фонду въ послѣднюю недѣлю, мы получили черезъ г. Тхоржевскаго отъ разныхъ лицъ: 2 ф., 2 ф. 7 ш. и 1 ф., всего 5 фунт. 7 ш.

Благодаря гг. приславшихъ деньги, мы доводимъ до свѣденія нашихъ соотечественниковъ, что г. Тхоржевскій уполномоченъ нами принимать деньги въ общій фондъ, его адресъ на *каждомъ* "Колоколѣ".

— *Поджоги въ Каменцѣ.*—Пожары у насъ не прекращаются при самой усиленной бдительности и распорядительности начальства, домовладѣльцевъ и всѣхъ вообще жителей. Не смотря на *огромный военный караулъ* (такъ, что *въ каждомъ домѣ* отъ 3-хъ до 6-ти и болѣе *человѣкъ вооруженныхъ солдатъ*), учрежденіе квартальныхъ комитетовъ, ночныхъ обходовъ изъ домовладѣльцевъ съ ихъ жильцами и военнымъ патрулемъ; не смотря на то, что *арестовываютъ всѣхъ, сколько нибудь подозрительныхъ* людей, проходящихъ, *послѣ зори*, по улицамъ безъ видимой надобности, поджоги повторяются ежедневно, въ разныхъ мѣстахъ города, по три, четыре, и иногда болѣе разъ, въ день. Замѣчательно, что почти всѣ пожары эти происходятъ не ночью, а днемъ.* По этому поводу рассказываютъ, что злоумышленники, въ одномъ изъ своихъ подметныхъ писемъ выразились будтобы: они производятъ пожары днемъ для того, что не желаютъ ни чьей гибели, а стремятся только къ уничтоженію имущества. 26-го Іюля, въ полдень, въ городѣ вновь было два пожара, счастливо потушенные и въ то же время возникъ пожаръ въ подгородномъ (расположенномъ на другой только сторонѣ рѣки Смотрича) мѣстечкѣ Зиньковцахъ. Тамъ сгорѣло 20 домовъ. (Кіевскій Тел.).

— *Новая побѣда Путьянина.* Графъ отъ корабля и адмиралъ отъ провѣщенія, Путьянинъ, обезсмертившій себя матрикулами и прикладами прибылъ, для морскихъ наблюденій въ Гейдельбергъ. Молодые люди русскіе, польскіе и даже нѣмцы дали ему *кошачій концертъ*. Храбрая гейдельбергская полиція бросилась на молодыхъ людей съ голыми саблями и начала ихъ рубить, храброй полиціи помогали храбрые *гаускнехты*. Какой-то русскій послѣ удара саблей плашмя, полученнаго отъ офицера, сорвалъ съ него эполеты, и побилъ его. Милые, добрые нѣмцы, какіе они въ самомъ дѣлѣ *нѣмцы*!

А вотъ концертъ, который давали пивовары Берклея и Перкинса Гейнау былъ успѣшнѣе — можетъ инструменты лучше — англійской работы.

* Зачѣмъ арестуютъ ночью?

STERN ZEITUNG и KLADDERADATSH.

С.-Петербургскія Вѣдомости, Пчела и пр. были встревожены шуткой Stern Zeitung, на счетъ новыхъ мѣръ уничтоженія маркиза Велепольскаго и перепечатали слѣдующее:

"На жизнь маркиза Велепольскаго сдѣлано было новое покушеніе, 23 го (12-го) числа, посредствомъ *пропитаннаго ядовитымъ веществомъ* анонимнаго письма. Письмо было написано мелкимъ шрифтомъ, такъ, что маркизь (который близорукъ) долженъ былъ держать его близко подъ глазами и, такимъ-образомъ, сильно вдыхать въ себя ядовитое испареніе. Вскорѣ обнаружилась дурнота и рвота, и когда еще у нѣкоторыхъ лицъ, разсматривавшихъ письмо, показались тѣ же симптомы, то открыта была причина этихъ, внушавшихъ опасеніе явленій".

Въ то самое время маркизь дѣйствительно подвергся страшной опасности, вотъ какъ объ ней говоритъ 41 No. Кладдерадатча.

"Едва маркграфъ Велепольской выздоровѣлъ отъ отравленнаго письма, какъ новое покушеніе на его жизнь, приводитъ насъ въ ужасъ. Вчерашній день, во время прогулки, на маркграфа какой-то неизвѣстный человѣкъ взглянулъ такъ *ядовито*, что онъ тотчасъ упалъ въ обморокъ и жизнь его въ величайшей опасности.—Убійцѣ удалось скрыться".

Спѣшимъ увѣдомить Кладдерадатчъ что императорская полиція взяла надлежащія мѣры для предупрежденія подобныхъ аттентатовъ—она разрѣшаетъ однимъ особамъ имѣющимъ кроткій взглядъ, ходить по улицамъ безъ очковъ.

Н.В. Печатные сертификаты кроткихъ взглядовъ и презервативные очки продаются у всѣхъ полицейскихъ офицеровъ — по самой умѣренной цѣнѣ.

— *Высокомѣріе побѣдителей надъ побѣжденными.* Корчевской житель К. С. сообщилъ *Сѣверной Пчелѣ*: "что въ одномъ изъ уѣздныхъ трактирныхъ заведеній произошла ссора между посѣтителями. Городничій замѣтивъ, что въ числѣ посѣтителей трактира было пять *человѣкъ крестьянъ*, предположилъ содержателя заведенія подвергнуть штрафу за допущеніе ихъ въ трактиръ, по три рубля серебромъ съ *человѣка*. Защитники демократа-трактирщика говорили въ его пользу, что по закону не допускаются люди въ ливреяхъ, *сѣрыхъ армякахъ, наюльных тулупахъ и вообще въ неприличномъ одѣяннѣ*, а выше упомянутые крестьяне были одѣты въ синихъ кафтаняхъ."

Мало тебѣ сѣрый армякъ-тяжкій трудъ, мало тебѣ грабежъ помѣщиковъ, воровство полиціи — твое рубище бѣдности поругано земскими ярыгами, твоего земскаго царя!

— Мы извѣщали въ *Колоколъ* о предполагаемомъ изданіи стихотвореній *Михайлова* въ Германіи. Обращаемъ на это изданіе еще разъ вниманіе людей, сочувствующихъ нашему страдальцу — мы достоверно знаемъ что всѣ вырученныя деньги пойдутъ въ пользу Михайлова.

ПРОДАЕТСЯ У ТРЮБНЕРА И ТХОРЖЕВСКАГО:

НАРОДНОЕ ДѢЛО—РОМАНОВЪ, ПУГАЧЕВЪ ИЛИ ПЕСТЕЛЬ?
М. А. БАКУНИНА. (Цѣна 6 пенсовъ.)

ПЕЧАТАЕТСЯ:

РАСКОЛЬНИКИ, Томъ IV.

Слѣдующій листъ 146 выйдетъ 1 Октября.

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи, 136 & 138 Caledonian Road, London, N.

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM,

КОЛОКОЛЪ

VIVOS VOCO!

Выходитъ еженедѣльно въ Лондонѣ.
Цѣна 6 пенсовъ. Получается въ Вольной
Русской Типографіи, 136 & 138 Caledonian
Road, N.

ЛИСТЪ 146.

1 ОКТЯБРЯ 1862.

У Трибнера & Со. въ книжной лавкѣ,
60, Paternoster Row, и у Tchorzewski,
1, Macclesfield Street, (Gerrard Street),
Soho, London. Price six-pence.

(WITH SUPPLEMENT NO. 27).

О ГЛАВЛЕНІЕ.—Изъ Варшавы—Злодѣйства Какошневыхъ (Отца и Сына)—Поставка хлѣба на Кавказскую Армію (окончаніе).

Свѣдѣнія о пивейныхъ сборахъ въ Россіи. Смѣсь: ііі—Тысячелѣтіе и Шестидесятилѣтіе—Умѣренный—Прѣдцы не были—La Cloche и пр.

ОТЪ ЦЕНТРАЛЬНАГО, НАРОДНАГО, ПОЛЬСКАГО КОМИТЕТА ВЪ ВАРШАВѢ

ГГ. ИЗДАТЕЛЯМЪ "КОЛОКОЛА".

Милостивые Государи,

Характеръ настоящаго польскаго движенія не всѣми Русскими понимается въ настоящемъ видѣ. Всѣ свѣдѣнія о немъ получаютъ въ Россіи изъ официальныхъ объявленій, изъ нѣмецкихъ газетъ, часто подкупныхъ, почти всегда враждебныхъ, и изъ нѣкоторыхъ журналовъ французскихъ, мало знакомыхъ съ нашими дѣлами. Въ силу этого, многіе изъ Русскихъ остаются при старыхъ понятіяхъ возстанія шляхетской Польши, стремящейся одной силою возстановить свои историческія границы.

Все это не такъ.

Союзъ Поляковъ съ Русскими, на дѣло общаго освобожденія, представляетъ такую очевидную пользу для обѣихъ сторонъ, что мы рѣшаемся черезъ Васъ объяснить вашимъ друзьямъ основы новаго польскаго движенія.

Основная мысль, съ которой Польша возстаетъ теперь, совершенно признаетъ *право крестьянъ на землю обрабатываемую ими, и полную самоправность всякаго народа располагать своей судьбою.*

Цѣль этого письма дать Вамъ возможность утвердительно сказать, что Вамъ извѣстны наши понятія объ этихъ краеугольных вопросахъ народнаго дѣла нашего.

Крестьянскій вопросъ у насъ рѣшенъ уже всею Польшей, безъ различія политическихъ партій; всѣ согласны, что крестьянамъ слѣдуетъ отдать ихъ поземельный надѣлъ, на основаніи выкупа. Общее согласіе на этотъ счетъ дало намъ, стоящимъ во главѣ движенія, возможность выразить въ нашей

годъ VI.

политической программѣ, что народная организація въ первую минуту возстанія падѣлитъ сельскихъ обывателей земель, нынѣ ими обрабатываемой, а Народное Правительство возметъ на себя вознагражденіе помѣщиковъ изъ общихъ государственныхъ суммъ. Далѣе сказано въ программѣ, что народная организація стремится уничтожить всякаго рода сословныя права и доставить обиженнымъ доселѣ классамъ польскаго общества возможность стать на одинъ политическій уровень съ доселѣ привилегированными сословіями, дабы въ новомъ польскомъ обществѣ былъ *одинъ народъ* изъ вольныхъ и равныхъ гражданъ.

Вы видите, что основныя идеи польскаго движенія—чисто народныя, что въ нихъ нѣтъ ни тѣни шляхетскаго консерватизма, что онѣ стремятся къ уничтоженію сословныхъ различій и къ обеспеченію крестьянъ землею.

Разница, существующая относительно крестьянскаго дѣла между нами и вами, происходитъ отъ различія общественныхъ началъ и обстоятельствъ, въ которыхъ мы находимся. Русское движеніе *земское*; наше *національное*. Въ Россіи социальное движеніе разовьетъ политическую свободу; у насъ реорганизація общества можетъ быть только послѣдствіемъ освобожденія и возстановленія нашего края.

Вотъ основанія, на которыхъ мы надѣемся, что ваши друзья пойдутъ съ нами рука объ руку—пойдутъ такъ, какъ шли тѣ русскіе воины, которые запечатѣли мученической кровью своей правоту нашего дѣла и осыпали ее союзъ нашъ съ ними, во имя нашего освобожденія и русскаго земскаго дѣла.

Переходимъ ко второму вопросу. Вы и въ немъ увидите, что нѣтъ предполагаемой разницы въ воззрѣніи на право свободныхъ народовъ располагать своей судьбой.

Мы были лишены политическаго существованія насильственно. Мы этого насилія никогда не признавали, не могли и не можемъ признавать. По этому мы не признаемъ ни новыхъ границъ, ни *правительствъ* основанныхъ на развалинахъ нашей свободы. Для насъ нѣтъ Польши *раздѣленной*, для насъ Польша единая, та которая состоитъ въ соединеніи *Польши, Литвы и Русиновъ*, безъ всякой гегемоніи котораго-нибудь изъ трехъ народовъ.

Выходя изъ этой точки зрѣнія, мы стремимся къ восстановленію Польши въ прежнихъ ея границахъ, *оставляя народамъ въ нихъ обитающимъ, т. е. Литвинамъ и Русинамъ, полную свободу остаться въ союзъ съ Польшею, или распорядиться собою согласно ихъ собственной воли*. Въ настоящихъ-же нашихъ приуготовительныхъ дѣйствіяхъ, мы считаемъ нашею святѣйшею обязанностью употребить всѣ усилія для того, чтобы Литва и Украйна шли параллельно съ Польшею и чтобы народное возстаніе одновременно охватило всѣ части угнетенной родины нашей.

Высказавъ нашъ образъ мыслей въ нашей программѣ, мы высказываемъ его и теперь откровенно, искренно, безъ всякой задней мысли, и повторяемъ, что мы даемъ полное удостовѣреніе въ нашемъ уваженіи къ полноправности народовъ соединенныхъ съ Польшею и страдавшихъ вмѣстѣ съ нею. Требовать отъ насъ, чтобы мы, находясь подъ гнетомъ нашихъ враговъ, не имѣя свободы и возможности распоряжаться собою, отреклись отъ союза, который существуетъ и въ настоящее время не смотря на раздѣлы; требовать отъ насъ, чтобы мы, на основаніи правъ, которыя мы признаемъ у другихъ народовъ, не стремились къ восстановленію Польши въ прежнихъ границахъ—значить требовать отъ насъ признанія раздѣловъ и отреченія отъ силы, которую придаетъ дѣлу нашей свободы союзъ трехъ, въ одно цѣлое соединенныхъ, народовъ.

Изложивъ вамъ, какъ представителямъ свободной русской мысли, начала, на которыхъ мы призываемъ нашу родину къ великой борьбѣ, мы увѣрены, что братскій союзъ между Русскими и Поляками, на нашей польской землѣ, дастъ равно новую силу обоимъ на исполненіе тѣхъ судебъ, къ которымъ стремятся освобождающіеся народы.

Примите, Милостивые Государи, увѣреніе въ нашемъ глубокомъ уваженіи къ трудамъ вашимъ и истинномъ сочувствіи къ усиліямъ вашимъ.

ВАРШАВА, 20 [8] Сентября 1862 года.

Съ чувствомъ глубокаго сознанія нашего братства, торопимся мы передать нашимъ соотечественникамъ, этотъ документъ (достоверность котораго несомнѣнна), только что полученный нами изъ Варшавы. Въ слѣдующемъ листѣ мы будемъ говорить объ немъ. Теперь скажемъ только отъ всей полноты сердца: тотъ Русскій, который и на этихъ основаніяхъ, не подастъ руки дружбы Полякамъ, тотъ не любитъ свободы!

копія съ прошенія

КАКОШКИНСКИХЪ КРЕСТЬЯНЪ,

несогласныхъ жить въ болотѣ.*

Ваше императорское величество, и пр.

Помѣщикъ села Анненскаго въ Шлисельбургскомъ уѣздѣ, генералъ-адъютантъ Сергѣй Александровичъ Какошкинъ, задумалъ воспользоваться нашею усадебною осѣдлостію, хорошо нами обработанными полями и огородами. Для этой цѣли, въ началѣ Мая 1860 года, безъ предварительнаго насъ увѣдомленія о своемъ желаніи, прислалъ къ намъ изъ Петербурга рабочихъ людей для сломки нашихъ домовъ. И во время нашего отсутствія по промысламъ на судахъ, дома были разломаны, пожитки разхищены. Такимъ образомъ село Анненское, существовавшее болѣе 70 лѣтъ, по слову помѣщика превратилось въ развалины; осталась только приходская церковь, какъ общая принадлежность прихожанъ, крестьянъ казенныхъ и другихъ помѣщичьихъ имѣній.

Увѣдомленные о нашемъ раззореніи, по прибытіи въ село мы узнали, что помѣщикъ переводить насъ на новое мѣсто жительства, разстояніемъ на 6 верстъ отъ сего селенія, мѣсто весьма худое, болотистое до того, что по колѣно вязнетъ прохожій; гдѣ нѣтъ ни воды годной къ употребленію, ни проѣзжей дороги удобной для крестьянской осѣдлой жизни; объ устройствѣ же огородовъ и хлѣбопашества нельзя и думать.

Управляющій этимъ имѣніемъ, с.-петербургскій мѣщанинъ Ефимъ Михайловъ Герасимовъ, дѣйствующій по приказанію помѣщика, велѣлъ намъ въ праздничный день собраться всѣмъ въ церковь. По окончаніи обѣдни Герасимовъ пригласилъ насъ на барскій дворъ, гдѣ объявилъ, что помѣщикъ день этотъ задумалъ отпраздновать и велѣлъ для этого приготовить нѣсколько сотъ калачей и водки, и чтобы мы, вмѣстѣ съ священникомъ, отправились на новое пепелище служить благодарственный молебенъ, потомъ выпить—за здоровье Сергѣя Александровича и закусить калачикомъ. Никогда не бывши угощаемы прежде, насъ удивилъ этотъ поступокъ, послѣ сдѣланнаго намъ раззорѣнія, и мы единогласно отказались отъ этой чести помѣщика. Тогда управляющій сталъ насъ уговаривать, чтобы мы дали ему подписку о добровольномъ желаніи на переселеніе насъ, будто бы на старое пепелище нашихъ предковъ, гдѣ, на самомъ дѣлѣ, никогда они не жили. Не имѣвши помысленія о своей гибели, мы отказались отъ выдачи подобной росписки, и, не произведя никакого шума, смиренно разошлись. Помѣщикъ съ управляющимъ, недовольные нашимъ отказомъ, пожаловались земскому исправнику г. Неѣлову, который, явись въ наше раззоренное село выговорилъ намъ, за чѣмъ не исполнили воли помѣщика, отказавшись отъ его угощенія. За это лучшихъ домохозяевъ нашихъ: Ефима Пикандрога, Федора Павюва, Бориса Яковлева и Михаила Гаврилова, извѣстныхъ своею честностію, хорошимъ поведеніемъ и славящихся перыми жителями по околodку—приказалъ сѣчь. Трое легли безъ слова, потому были наказаны розгамъ безъ милосердія; по четвертый, безрукій крестьянинъ—Михаилъ Гавриловъ, сказалъ исправнику, что не ляжетъ пока не объявятъ ему причины сѣченія. Вопросъ этотъ исправникъ счелъ за

* Прошеніе это, крестьяне подали лично императору; онъ по обыкновенію, не читая его, приказалъ этимъ-же крестьянамъ отнести его къ флигель-адъютанту.

ослушаніе и Гаврилова, какъ не повинующагося, отправилъ на мѣсяцъ въ исправительное заведеніе; а управляющему и старостѣ Евдокиму Тихонову далъ совѣтъ не шадить нашего имѣнія, доламывать и перевозить все къ новымъ строеніямъ, куда на нашихъ-же лошадяхъ и доставляли все.

Приближалась зима 1860 года. Наши семейства, жены съ грудными младенцами и взрослыми дѣтьми, словомъ всѣ безъ исключенія, съ остатками пожитковъ своихъ, уцѣлевшихъ еще отъ разхищенія, продолжали день и ночь скитаться подъ открытымъ небомъ у развалинъ прежнихъ домовъ. Во время этого скитанія, 70-лѣтняя женщина Афімья Александрова, плакавшая долгое время о своемъ домѣ, умерла съ горя. Помѣщикъ Какошкинъ, поставивши наши дома на новомъ мѣстѣ, безъ всякаго хозяйственнаго устройства, сталъ требовать нашего туда переселенія. Для этого опять пригласилъ г. исправника Неѣлова, который, пріѣзжавши, не разпросилъ и не принялъ отъ насъ никакихъ просьбъ къ челолюбивой защитѣ, какъ невинно угнетѣнныхъ помѣщичьимъ произволомъ; напротивъ требовалъ настоятельно, чтобы немедленно перебирались мы во вновь построенные дома: за неисполненіе воли помѣщика страдалъ жестокимъ наказаніемъ. Надѣясь на справедливость у большихъ начальниковъ, мы не могли повѣрить, чтобы г. исправникъ рѣшился на подобную мѣру, защищая только нечелолюбивыя дѣйствія помѣщика, посягнувшаго на право нашей собственности. Мы обманулись въ этомъ. Исправникъ, получивъ отъ насъ рѣшительный отвѣтъ о несогласіи на переселеніе, тотчасъ донесъ г. с.-петербургскому гражданскому губернатору Смирнову, который, вслѣдствіе этого доноса, и по просьбѣ самаго помѣщика, для ихъ содѣйствія, откомандировалъ служащаго при немъ чиновника особыхъ порученій г. Нѣмчинова. Пріѣхавши въ село Анненское г. Нѣмчиновъ не сталъ разбирать, кто правъ или виноватъ, а приказалъ всѣхъ домохозяевъ нашихъ, въ числѣ 14 челолюбыхъ, арестовать и отправить въ шлиссельбургской острогъ. Мы не сопротивились. Пробывши тамъ трое сутокъ, насъ обратно потребовалъ въ село полковникъ Квитницкій, вновь командированный для разобранія дѣла, с.-петербургскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ Игнатьевымъ. Изъ острога привели насъ въ кандалахъ по этапу, какъ преступниковъ, подъ конвоемъ гарнизонныхъ восемнадцати солдатъ. Исправникъ Неѣловъ, чиновникъ Нѣмчиновъ и полковникъ Квитницкій, заготовивши предварительно розги, и вызвавши изъ разныхъ селеній до 50 челолюбыхъ понятыхъ, отъ насъ закованныхъ, окруженныхъ этапными солдатами и въѣмъ этимъ многочисленнымъ, требовали выдачи подписки о добровольномъ желаніи перейти на жительство помѣнутаго нами болота.

Мы отвѣтили единогласно: что въ новые для насъ пагубные дома жить не перейдемъ. Послѣ этого отвѣта, полковникъ Квитницкій приказалъ гарнизоннымъ солдатамъ сѣчь насъ розгами. Когда приступили къ сѣченію перваго, то жена того крестьянина упала безъ чувствъ на землю, съ бывшимъ у нея на рукахъ груднымъ младенцемъ. Присутствовавшій тутъ докторъ Криницкій, заблаговременно приглашенный для медицинской помощи высѣченнымъ, приказалъ тереть ее снѣгомъ. Отъ этого случая, со стороны плачущихъ женъ, сестеръ и матерей нашихъ, произошелъ сильный ропотъ на начальниковъ, особливо на исправника. Полковникъ Квит-

ницкій, видя это, счелъ ихъ бунтующими, и, по просьбѣ исправника Неѣлова, потребовалъ изъ ближайшаго села Пеллы отрядъ казаковъ съ боевыми патронами, для усмиренія конечно женщинъ, а не насъ закованныхъ мужчинъ. Отрядъ казаковъ прибылъ въ числѣ 25 челолюбыхъ подъ начальствомъ Есаула Дюкаева, который оказался весьма челолюбивымъ распорядителемъ; ибо, явившись къ намъ, не употребилъ въ дѣло пагакъ, а спросилъ кротко въ чемъ дѣло. И какъ 50 челолюбыхъ понятыхъ доказывали справедливость нашихъ требованій, желая даже правоту нашего дѣла подтвердить присягою, то Есаулъ Дюкаевъ, не причинивши намъ ни малѣйшаго истязанія, оставилъ для наблюденія 10 челолюбыхъ казаковъ, и то пѣшихъ, съ остальными отправился обратно къ своему посту. Полковникъ Квитницкій, вѣроятно недовольный этимъ распоряженіемъ, рѣшился опять приняться за экзекуцію. Насъ, крестьянъ, поставили въ рядъ, съ тѣмъ, чтобы сѣчь по-очередно. Перваго начали Ѳедора Кондратьева, парня 32 лѣтъ. Драли его съ отдыхомъ два раза безъ милосердія, выпрашивая желанія на помѣнутый переходъ. Кондратьевъ, мученически перенося наказаніе, молчалъ подъ розгами, и, во все время сѣченія, не испустилъ ни стога, ни вопля. И мы, слушая угрозы г. Квитницкаго, что съ нами за несогласіе послѣдуетъ тоже, стояли молча. Полковникъ Квитницкій, должно быть, желая сильнѣе на насъ подѣйствовать, послѣ наказаннаго Кондратьева, приказалъ высѣчь беременную женщину Анисью Петрову, 33 лѣтъ. Вслѣдствіе конечно этого наказанія, Петрова родила потомъ урода, имѣющаго на обѣихъ ногахъ по два пальца сросшихся вмѣстѣ, а на животѣ, вмѣсто пуповины, наростъ въ два кулака! Полковникъ Квитницкій, не успѣвши этими мѣрами склонить насъ на переселеніе, наконецъ предложилъ намъ, чтобы не скитаться по чужимъ селеніямъ, переѣхать туда на одну только зиму, обѣщая весною сдѣлать изслѣдованіе предлагаемой намъ мѣстности, и если окажется она неудобною перевести насъ обратно на старое мѣсто, даже на казенный счетъ. На это мы согласились. Передъ праздникомъ Рождества Христова г. Какошкинъ, не объявляя никакой вины, но должно быть для острастки, приказалъ троихъ крестьянъ: Ѳедора Павлова, Ефима Никандрова и Дмитрія Филатова отправить въ исправительное заведеніе.

Когда наступила весна, г. мировой посредникъ Безакъ при нашей бытности и съ собранными понятыми изъ сосѣднихъ селеній, осмотрѣвши мѣстность, дѣйствительно нашелъ ее не годною къ крестьянской осѣдой жизни, и дозволилъ намъ переселиться опять на старое мѣсто въ бани, сарай и риги, что и сдѣлали мы. При этихъ стѣсненіяхъ поля наши на 1861 годъ остались не засѣянными, потому что лошади наши были загнаны отъ правительственныхъ членовъ и разныхъ распорядителей помѣщика, которыхъ непрерывно мы развозили; съ тѣмъ вмѣстѣ г. Какошкинъ, нисколько не сострадая къ нашему бѣдствію, переносимому черезъ него раззоренію, заставлялъ таки по прежнему нести тяжкій трудъ барщинной работы, который, при всемъ томъ, до сего времени исполняли безпрекословно, тогда какъ даже нѣтъ средствъ къ пропитанію, особливо въ зимнее время. На половину жителей, разпродавъ послѣднія пожитки на хлѣбъ, дошли до того, что женщины съ ребятишками, чтобы не умереть съ голода, ходятъ съ котомками по окрестнымъ селеніямъ, собирая именемъ Христовымъ крохи хлѣба.

Со смертію генералъ-адъютанта Какошкина положеніе наше не улучшилось, а чуть-ли не сдѣлалось хуже, потому что сынъ покойнаго, Сергѣй Сергѣевичъ Какошкинъ, поддерживаетъ дѣйствія своего родителя. Онъ въ Ноябрь мѣсяцѣ 1861 года потребовалъ отъ насъ, чтобы каждое тягло нарубило ему въ продолженіи зимы по 15 сажень дровъ, считая сажень отъ 15 четвертей, и которыя изъ лѣсу вывести на рѣку, потомъ сплавить и выгрузить весною на берегъ. Въ прежніе годы, будучи въ хорошемъ состояніи, подобной работы тягло отбывало только по 10 сажень производя перевозку на собственныхъ своихъ лошадяхъ. Нынѣ, не имѣя не только лошади, даже и курицы, должны за двухверстную перевозку или платить по 3 рубля серебромъ за каждую сажень, или, когда есть возможность, возить на себѣ. На этотъ чрезмѣрно изнурительный трудъ, вповѣ пожаловались мы въ Декабрѣ 1861 г., уѣздному предводителю дворянства г. Чоголову и г. с.-петербургскому гражданскому губернатору графу Бобринскому; но облегченія пока не послѣдовало. Помѣщикъ Какошкинъ, не довольствуясь тяжкимъ трудомъ, безпрекословно исполняемымъ свыше силъ нашихъ, сталъ въ настоящее время нѣкоторыхъ крестьянъ даже выгонять изъ послѣдняго уѣзжика. По его настоянію опять явился г. исправникъ Пельовъ и требуетъ, чтобы нѣсколько семей удалились на житье въ другія сосѣднія селенія, не принимая въ уваженіе, что за жительство въ чужихъ домахъ платить нечѣмъ и на барщину ходить въ свое время за нѣсколько верстъ не удобно.

Переносъ скорбно около двухъ лѣтъ отъ помѣщика Какошкина незаслуженное нами раззорительное гоненіе, мы сдѣлались изъ достаточныхъ жителей нищими, живемъ на подобіе четвероногихъ, въ дымныхъ баняхъ, шалашахъ и землянкахъ, лишены уже всякой возможности къ дальнѣйшему существованію человѣческимъ образомъ. Не смотря на это ни въ комъ не нашли себѣ отграднаго покровительства; былъ впрочемъ одинъ мировой посредникъ г. Безакъ, но видимому сострадающій къ намъ, и тотъ отозвался, что улучшеніе торькой участи нашей зависитъ не отъ него. Послѣ этого ничего болѣе не осталось, какъ, описавши подробно наши бѣдствія, всеподаннѣйше просить защиты вашего величества.

Прикажи государь: 1) не стѣснять при нашемъ положеніи тяжкими работами; 2) не выгонять насъ изъ лачужекъ, какъ единственнаго уѣзжика, въ другія деревни, или дома построенныя г. Какошкинымъ на болотѣ, въ которыхъ невозможно жить людямъ; потому 3) перенести ихъ на прежнее мѣсто, гдѣ и оставить насъ на жительство.

Вѣрно-поданные, временно-обязанные крестьяне г. Какошкина, за себя и по личной просьбѣ за неграмотныхъ: Федора Павлова, Ефима Пикандрова, Семена Кондратьева, Платона Васильева Федора Григорьева и Михаила Гаврилова, руку приложили Алексѣй Антоновъ, Дмитрій Филатовъ.

Января 28 дня, 1862 года.

ПОСТАВКА ХЛѢБА НА КАВКАЗСКУЮ АРМІЮ.

(Окончаніе).

При Колосовскомъ случались иногда очень оригинальныя отпуски задаточныхъ денегъ. Такъ осенью 1859 г. выданы изъ интендантства задаточныя деньги компаніи подрядчиковъ Шмидта и Пятосева, подъ залогъ хлѣба, который у нихъ

хранился на Серебряковской пристани. При этомъ не принято во вниманіе, что хлѣбъ этотъ по выдачѣ денегъ не запрещенъ, слѣдовательно могъ быть свободно владѣльцами проданъ или растраченъ и кромѣ того какъ не застрахованный и вовсе могъ уничтожиться, по причинамъ отъ нихъ не зависящимъ.

Для соблюденія формальности, передъ торгами открывались согласно закону, черезъ комиссіонеровъ Ставропольскаго провіантскаго комиссіонерства, цѣны, по которымъ можно заготовить или перевезть, предложенную къ торгамъ пропорцію припасовъ. Цѣны комиссіонерскія, какъ на поставку, такъ и на перевозку припасовъ, бывали иногда на весьма значительную сумму, примѣрно тысячь до пятидесяти и болѣе, ниже тѣхъ которыя запрашиваютъ подрядчики, но это ни къ чему не вело и операціи все таки оставались за подрядчиками. Для оправданія такого рода дѣйствій, Колосовскій не разъ высказывалъ оффиціально, что гораздо лучше поручить операцію подрядчику по высшимъ цѣнамъ, потому что подрядчикъ благонадежнѣе комиссіонера. Въ чемъ заключается эта благонадежность Колосовскій не объявилъ, да оно и не пужно потому что и безъ того ясно. Съ комиссіонера взять нечего: онъ не могъ дѣлаться барышами съ Колосовскимъ, потому что открывъ истинныя цѣны и самъ барышей имѣлъ не много.

Для войскъ Кубанской и Терской областей, предлагалось, къ подряду за время Колосовскаго, провіанта изъ мѣстнаго линейнаго урожая ежегодно болѣе 300,000 четвертей, да выписывалось изъ Россіи черезъ внутреннее провіантское вѣдомство болѣе 200,000 четвертей, на пристани Подпольную на Дону и Серебряковскую на Каспійскомъ морѣ. Заподряжаемый хлѣбъ всегда обходился дороже выписываемаго, отъ одного до двухъ рублей серебромъ на четверть.

Между тѣмъ собственно въ Кавказскомъ краѣ, ежегодно можно купить хлѣба не болѣе какъ отъ 50 до 60,000 четверт., поэтому бывшій наместникъ кавказскій князь Воронцовъ строго воспрещалъ предлагать къ торгамъ, въ поставку изъ мѣстнаго урожая, болѣе того количества, какое дѣйствительно можно заготовить, на линію. При Колосовскомъ-же подрядчики, взявши поставку хлѣба изъ мѣстнаго урожая до 300,000 четвертей, обыкновенно искупали на мѣстѣ, то что было возможно, то есть отъ 50 до 60,000 четвертей а остальные 250,000 четвертей выписывали изъ Россіи, въ теченіи тѣхъ-же навигацій, когда прибывалъ хлѣбъ, доставляемый для войскъ внутреннимъ провіантскимъ вѣдомствомъ и на тѣхъ самыя пристани Подпольную и Серебряковскую, а только сдавали въ Магазины уже подъ фирмою *хлѣба мѣстнаго линейнаго урожая*, такимъ образомъ за одно это названіе, казна благодаря Колосовскому, переплачивала ежегодно за заподряженный на Кавказѣ, по вывезенный изъ Россіи хлѣбъ, нѣсколько сотъ тысячъ рублей серебромъ болѣе, нежели-бы обошлась доставка того-же самаго хлѣба черезъ внутреннее провіантское вѣдомство.

Еслибъ Колосовскій предлагалъ къ торгамъ только то количество, какое дѣйствительно можно купить собственно на Кавказѣ, выписывая остальное потребное количество изъ Россіи черезъ внутреннее провіантское вѣдомство, то разумѣется не имѣлъ-бы тѣхъ громадныхъ барышей, которыми постоянно пользуется съ самаго вступленія въ управленіе интендантствомъ кавказской арміи; за то казна, при каждомъ заподрядѣ хлѣба на Кавказѣ, не переплачивала-бы напрасно,

до полумилліона рублей серебромъ, да и въ самомъ краѣ не было-бы такой непомерной дороговизны на всѣ предметы сельскаго хозяйства, потому что урожай хлѣба каждаго года, не забираясь-бы весь до основанія подрядчиками по весьма высокой цѣнѣ.

Хлѣбъ, доставляемый отъ внутренняго провіантскаго вѣдомства, на пристани Подпольную и Серебряковскую, развозится уже оттуда мѣстными кавказскими подрядчиками. При подрядахъ на эти перевозки, Колосовскій строго держался той-же фальшивой системы, какъ и при подрядахъ на поставку провіанта, отдавая постоянно перевозки въ одни руки, за условленную заранѣе плату, съ каждой четверти, въ свою пользу. Если перевозка къ сроку не оканчивалась то согласно желанію подрядчика, по новой съ нимъ сдѣлкѣ, не вывезенная пропорція исключалась и предлагалась къ новымъ торгамъ, или-же дозволялось окончаніе перевозки и за теченіемъ срока. Количество-же назначенное къ перевозкѣ въ трудные магазины обыкновенно въ послѣдствіи перечислялось въ болѣе удобные, на основаніи вышеобъясненнаго пункта кондичій, равно примѣняемаго къ подрядамъ, какъ на поставку такъ и на перевозку хлѣба. По этому въ началѣ осени нынѣшняго года, примѣрно, до 5,000 четвертей муки съ пропорціею крупъ, принятая подрядчикомъ купцомъ Яковомъ Улухановымъ, къ перевозкѣ изъ Николаевского магазина въ передовое укрѣпленіе Евдокимовское, перечислена въ Шатоевскій магазинъ, куда перевозка ближе и далеко удобнѣе.

Отъ времени до времени, Колосовскій изобрѣтаетъ, для усиленія доходовъ своихъ, такія перевозки, которыя и вовсе не нужны. Такъ въ 1860 году отдана съ торговъ тому-же подрядчику, Якову Улуханову, перевозка припасовъ изъ Николаевскаго въ Веденскій магазинъ 30,000 четвертей муки съ пропорціею крупъ, по 3 рубля 90 коп. сер. отъ четверти указнаго 7 пудовъ 10 фунтовъ вѣса; Улухановъ-же платилъ за перевозку этого хлѣба 2 руб. отъ четверти 9 пудовъ вѣса, и такимъ образомъ перевезъ до 5,000 четвертей.

Между тѣмъ начальникъ края, генералъ-адъютантъ графъ Евдокимовъ, обративъ вниманіе на столь явное расхищеніе казны, распорядился прекратить эту перевозку, доказавъ Колосовскому фактически въ официальномъ отзывѣ, что она вовсе не нужна. Мнѣніе графа въ послѣдствіи совершенно оправдалось, потому что за отмѣною названной перевозки Веденскій магазинъ, до новаго запорядка въ 1861 году, не встрѣтилъ никакого недостатка въ провіантѣ.

Вмѣстительство графа Евдокимова, спасая на этотъ разъ казну отъ капризной издержки болѣе 50,000 руб. серебромъ и лишая значительной выгоды подрядчика Улуханова, нисколько впрочемъ не повредило Колосовскому, который по принятому обыкновенію, успѣлъ уже взять свою долю впередъ и разумѣется назадъ не возвратилъ, но какъ послѣ сдѣлалось извѣстно, при личномъ свиданіи съ Улухановымъ, обѣщалъ вознаградить его за эту потерю, въ будущихъ операціяхъ.

Наконецъ, не довольствуясь выгодами ежегодно получаемыми отъ подрядовъ, Колосовскій призналъ за лучшее самъ разыграть роль подрядчика и подъ предлогомъ безусиѣнности торговъ, чему причиною были собственные разныя его происки, самъ взялъ, 28 Октября 1860 года, поставку въ магазины Кубанской области 129,000 четвертей муки и 12,657 четвертей крупъ изъ мѣстнаго линейнаго урожая, по

цѣнамъ имъ самимъ составленнымъ изъ имѣвшихся, будто-бы, у него разныхъ свѣденій, и такимъ высокимъ, какихъ никогда и ни одинъ подрядчикъ не получалъ, а именно за четверть муки 7 р. 35 к., а за четверть крупъ 14 р. 25 к. серебромъ. При этомъ не принято во вниманіе, что при открытіи цѣнъ на означенный подрядъ, Ставропольское провіантское коммиссіонерство находило возможнымъ выполнить его, черезъ коммиссіонеровъ своихъ, по цѣнамъ за четверть муки 5 р. 99 к., а за четверть крупъ 7 р. 14 к. серебромъ.

Между тѣмъ, самому близорукому правительственному лицу было ясно, что не ловко выйдетъ, когда Колосовскій примется выполнять подрядъ по цѣнамъ не дѣйствительно существующимъ а произвольно имъ изобрѣтеннымъ и самъ-же по званію генералъ интенданта, обязанъ будетъ смотрѣть за правильнымъ ходомъ этого подряда и его контролировать.

Для избѣжанія такой палящести, Колосовскій взятый имъ подрядъ, передалъ по контракту агенту своему Тифлисскому армянину Зубалову и командировалъ въ его распоряженіе нѣсколько человѣкъ коммиссіонеровъ ставропольскаго провіантскаго коммиссіонерства, которыхъ Зубаловъ и послалъ въ качествѣ своихъ прикащиковъ въ Россію, заготовлять хлѣбъ *кавказскаго линейнаго урожая*.

Привезенный этими безалапыми прикащиками хлѣбъ, сдавался въ магазины Кубанской области подъ фирмою хлѣба линейнаго урожая и не рѣдко оказывался самаго сквернаго качества, хотя и принимался смотрителями магазиновъ безропотно, иначе тотъ, который осмѣлился-бы намекнуть о браковкѣ хлѣба поставки самаго генералъ-интенданта, не только тотъ часъ удаленъ былъ-бы отъ магазина по неблагонадежности, но для пользы службы и вовсе отъ нея уволенъ.

Колосовскій, передавая Зубалову подрядъ, разумѣется не передалъ ему большихъ выгодъ, оставивъ ихъ въ свою пользу, за то значительно облегчилъ восполненіе подряда, перечисливъ какъ выше объяснено 35,000 четвертей муки съ пропорціею крупъ, предназначенные къ поставкѣ въ магазины Крымскій и Великотагерный, въ пункты несравненно удобнѣйшіе.

Потомъ въ началѣ 1861 года, когда Колосовскій уѣзжалъ изъ Тифлиса, по дѣламъ службы въ Петербургъ куда кстаті отвезъ, для лучшаго сбереженія, значительныя суммы денегъ, тогда управляющій Ставропольскимъ провіантскимъ коммиссіонерствомъ, подполковникъ Григорій Макаровичъ Краснотченко, взошелъ съ представленіемъ по начальству, что по сдѣланному имъ разчисленію, къ пропорціи провіанта, заготовляемаго Зубаловымъ, не достаетъ еще 60,000 четвертей муки съ пропорціею крупъ, а потому слѣдуетъ предложить Зубалову заготовленіе и этого количества. Ставропольскій-же купецъ Иванъ Арафузовъ, узнавъ объ этомъ, представилъ начальнику главнаго штаба кавказской арміи, генералъ-лейтенанту Филиппону, вызовъ, которымъ просилъ поручить ему къ заготовленію недостающее количество провіанта на періодъ 1860-1861 года, по цѣнѣ за четверть муки 6 р. 29 к., а за четверть крупъ 11 р. 44 к. серебромъ.

Генералъ - лейтенантъ Филипсонъ *зналъ* подполковника Краснюченко съ давняго времени, занялся ближайшимъ разсмотрѣніемъ сдѣланнаго имъ предположенія и оказалось, что никакого заготовленія провіанта не нужно. Позвавъ къ себѣ Краснюченко, находившагося въ то время въ Тифлисъ, генералъ Филипсонъ лично высказалъ ему все то, что онъ Краснюченко вполне заслуживалъ, за обнаруженные имъ нахально-корыстные на казну виды.

Такой урокъ нисколько не подѣйствовалъ на Краснюченко.

Колосовскій, возвратясь весною изъ Петербурга и воспользовавшись тѣмъ, что генералъ Филипсонъ уже оставилъ должность начальника штаба кавказской арміи, вновь поднялъ вопросъ о необходимости добавочнаго подряда, но только въ количествѣ не шестидесяти а тридцати тысячъ четвертей муки съ пропорціею крупъ, и какъ на этотъ разъ ему никто не помѣшалъ, то онъ въ скорости и поручилъ Зубалову заготовить означенныя 30,000 муки съ причитающимся количествомъ крупъ, по утвержденнымъ за нимъ подряднымъ цѣнамъ, то есть 7 р. 35 к. за четверть муки и 14 р. 25 к. за четверть крупъ. Вызовъ-же подрядчика Алафузова, понижавшій эти цѣны до 50,000 рублей серебромъ, положенъ подъ сукно.

Зубаловъ, для пріобрѣтенія большихъ барышей, не спѣшилъ покупкою хлѣба и отъ того запоздалъ выполненіемъ подряда, но не смотря на это и теперь продолжаетъ оканчивать поставку по тѣмъ-же цѣнамъ, хотъ уже на періодъ 1861/1862 года, состоялись 19 Сентября торги, по цѣнамъ за четверть муки 5 рублей 35 копѣекъ, а за четверть крупъ 7 рублей серебромъ.

Соображая цѣны, утвержденныя Колосовскому для заготовленія припасовъ на періодъ 1860/1861 года, съ тѣми цѣнами по которымъ, какъ извѣстно, означенное заготовленіе обошлось дѣйствительно, выходитъ по самому меньшему расчету, что Колосовскій выигралъ отъ этой операціи до трехъ сотъ тысячъ рублей серебромъ.

Послѣдній подрядъ для магазиновъ кубанской области на періодъ 1861/1862 года 90,000 четвертей муки съ пропорціею крупъ, Колосовскій отдалъ компаніи Тифлисскихъ подрядчиковъ Термикелова и Оникова по цѣнамъ, какъ выше сказано за четверть муки 5 рублей тридцать пять копѣекъ, а за четверть крупъ семь рублей, не смотря на то, что цѣны объявленныя на торгахъ отъ компаніи Ставропольскихъ купцовъ Алафузова и Стасенкова выходили ниже на 23,480 рублей серебромъ. Такое предпочтеніе компаніи Термикелова и Оникова Колосовскій оказалъ не даромъ, а взялъ съ нихъ сверхъ обыкновенной своей доли и тѣ 23,480 рублей, которымъ слѣдовало оставаться въ казѣ, еслибы дѣло это было ведено справедливо.

Предлогомъ къ отказу выгоднѣйшихъ для казны цѣнъ послужило то, что представленное Алафузовымъ въ залогъ свидѣтельство въ 22,000 рублей серебромъ, на домъ купца Нестерова, довѣрено было ему женою Нестерова, безъ

приложенія подлинной довѣренности, данной Нестеровой мужемъ ей, на право залога этого дома. Разумѣется названную довѣренность, еслибы она точно была нужна можно было доставить весьма скоро и безъ всякаго затрудненія. Стасенкову же отказано потому, что представленныя имъ въ залогъ свидѣтельства въ 30,000 рублей серебромъ на два дома полковника Сердаковского и жены его, онъ Стасенковъ имѣлъ право употреблять только до 20 числа Сентября 1862 года, а какъ подрядъ оканчивается перваго числа Октября того-же года, слѣдовательно залогъ имѣетъ срока на десять дней менѣе нежели подрядъ имъ обеспечиваемый. При этомъ не принято во вниманіе что подрядъ раздѣленъ на два срока, изъ которыхъ первый оканчивается перваго числа Іюня, а послѣдній, какъ сказано, перваго Октября 1862 года. По этому свидѣтельства на домъ Сердаковскихъ, можно было принять безъ всякаго затрудненія, обезпеченіемъ первой половины подряда. Для второй-же половины не могли служить только тогда, когда бы она не выполнялась вовсе, и черезъ это, за десять дней до срока окончанія подряда, нисколько другихъ залоговъ не освободилось. Разумѣется, что ничего подобнаго никогда случиться не могло и такіе извороты представляютъ только одно крючкотворство.

Всѣ описанныя операціи и безъ сомнѣнія подобныхъ-же въ Закавказскомъ краѣ, гдѣ поставка и перевозка хлѣба ежегодно простиралась до 400.000 четвертей, составили несмѣтное богатство Колосовскаго, которое считается въ нѣсколько милліоновъ рублей серебромъ и вельможнороскошная жизнь, какую Колосовскій ведетъ, не стѣснясь тѣмъ, что всѣмъ извѣстно его прежнее убогое состояніе, какъ въ разглашеніи дѣйствій Колосовскаго подозрѣвались и можетъ быть не напрасно тѣ провіантскіе комиссіонеры, которые черезъ долговременную службу научились хорошо понимать провіантское дѣло, то Колосовскій началъ искать случая избавиться отъ такихъ опасныхъ свидѣтелей. Въ этихъ видахъ, зная что для провіантскаго управленія при Кавказской арміи имѣютъ быть утверждены въ настоящемъ 1861 году новыя штаты, Колосовскій позаботился, какъ въ прошломъ 1860, такъ и въ нынѣшнемъ году, пригласилъ на службу въ провіантское вѣдомство, сколь возможно болѣе комиссіонеровъ, а какъ черезъ это при введеніи новыхъ штатовъ перваго Октября сего года, оказалось много чиновниковъ излишними, то Колосовскій разомъ избавился отъ всѣхъ тѣхъ комиссіонеровъ, которыхъ почему либо не желалъ имѣть, оставивъ ихъ за штатомъ и замѣстивъ всѣ вакансіи преимущественно военными офицерами съ сохраненіемъ содержанія, которое они получали во фронтѣ, и хотя это содержаніе обойдется для казны гораздо дороже, нежели комиссіонеровъ изъ гражданскихъ чиновниковъ, но за то военные комиссіонеры всякое распоряженіе Колосовскаго будутъ считать беззукоризненнымъ, да еслибы и захотѣли его обсуждать, то основательно сдѣлать этого не могутъ, потому что ни одинъ изъ нихъ по недавнему поступленію не понимаетъ ясно провіантскаго дѣла.

СВѢДЕНІЯ О ПИТЕЙНЫХЪ СБОРАХЪ ВЪ РОССІИ,

3 ЧАСТИ, С.-ПЕТЕРБУРГЪ 1860 ГОДА.

(Составлены въ государственной канцеляріи по отдѣленію государственной экономіи).

Введение (3-ей части)

По окончаніи торговъ на питейные съ 1859 по 1863 г. откуна, въ министерствѣ финансовъ, по высочайшему его императорскаго величества повелѣнію, былъ составленъ въ Августѣ 1858 года особый комитетъ для обсужденія вопроса: на какихъ началахъ долженъ быть установленъ питейный сборъ по прошествіи 4-хъ лѣтъ, и для начертанія основаній той системы сего сбора, которая окажется удобопримѣнимою къ государству.

30 Декабря 1859 года министръ финансовъ внесъ предположенія означеннаго комитета и свои соображенія въ государственный совѣтъ для разсмотрѣнія оныхъ, согласно высочайшему повелѣнію, въ департаментѣ государственной экономіи и потомъ въ общемъ собраніи государственнаго совѣта.

Предварительно доклада сего важнаго и сложнаго дѣла государственному совѣту, признано необходимымъ собрать по возможности полныя свѣдѣнія о всѣхъ примѣненіяхъ, происходившихъ въ порядкѣ взиманія питейныхъ сборовъ въ разныхъ частяхъ имперіи, о предположеніяхъ по сему предмету правительства и частныхъ лицъ, а также статистическія свѣдѣнія о сей отрасли государственныхъ доходовъ, о внутреннемъ устройствѣ откупной операціи и о способахъ взиманія питейныхъ сборовъ въ Царствѣ Польскомъ, Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ и въ иностранныхъ государствахъ.

Собранныя на семъ основаніи государственною канцеляріею по отдѣленію государственной экономіи свѣдѣнія изложены въ 3-хъ частяхъ:

Въ 1-ой части заключаются свѣдѣнія о питейныхъ сборахъ въ губерніяхъ Великороссійскихъ и Сибирскихъ, а также во внѣшнихъ округахъ Киргизской степи, въ мѣстахъ за линіею Ставропольской губерніи, въ земляхъ войскъ Черноморскаго и Донскаго, и въ Закавказскомъ краѣ.

Во 2-ой части изложены свѣдѣнія о питейныхъ сборахъ въ привилегированныхъ губерніяхъ и въ Остзейскомъ краѣ.

Въ 3-ей части помѣщены статистическія свѣдѣнія о питейныхъ сборахъ вообще, о внутреннемъ устройствѣ откуповъ, о предположеніяхъ частныхъ лицъ къ устройству питейныхъ сборовъ на будущее время, о способахъ взиманія дохода съ спиртныхъ напитковъ въ Царствѣ Польскомъ, Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ и въ иностранныхъ государствахъ.

Источниками для сего труда служили: Акты археографической экспедиціи, полное собраніе законовъ, подлинныя дѣла государственнаго совѣта, комитета министровъ, кавказскаго комитета, департамента разныхъ податей и сборовъ, канце-

лярій министра финансовъ, и доставленныя разными лицами знакомыми съ откупнымъ дѣломъ, частныя свѣдѣнія (о внутреннемъ устройствѣ откупной операціи) и т. п.

ОТНОШЕНІЕ ПИТЕЙНЫХЪ СБОРОВЪ КЪ ОБЫКНОВЕННЫМЪ ГОСУДАРСТВЕННЫМЪ ДОХОДАМЪ ВЪ РОССІИ. (ч. III стр. 27).

	Сумма обыкновенныхъ государ. доходовъ.*	Въ томъ числѣ питейн. сборовъ.	На 100 р. обыкн. доход. приходится питейн. сборовъ.
Къ 1819	138,194,839	22,307,492	16
1823	132,407,367	23,916,455	18
1826	113,218,083	23,504,195	21
1830	114,260,414	23,903,839	23
1834	132,878,126	28,016,678	21
1838	155,189,905	36,317,370	23
1842	172,012,184	41,817,825	24
1846	191,642,468	53,589,283	28
1850	201,341,864	52,433,337	26
1854	240,472,436	68,980,637	29
1858	247,443,388	82,193,358	33
1859	280,736,835	106,101,131	38

Число откупщиковъ (ч. III стр. 61—66).

Лицъ участвующихъ въ питейныхъ откупахъ на 4-хъ лѣтіе съ 1859 по 1863 г. числятся:

- 1) По Великорос. губ. съ обязатель. платежомъ 147, въ 91,686,264 р. 32 к.
- 2) По Привилегер. (откупщиковъ акцизныхъ) 29, 21,243,839
(чарочныхъ) 37, 7,579,635
- 3) По Сибири съ обязательнымъ платежомъ 3, 7,259,750

Всего 216, 127,769,488 р. 32 к.

Изъ нихъ Бенардаки платятъ ежегодно	19,015,422 руб.
Утинъ	6,839,497
Рюминъ	5,581,908
Базилевскій	5,329,122
Гвиндбургъ	3,777,440
Кокоревъ	3,756,685
Мамонтовъ Иванъ } поч. гражд.	3,504,357
„ Николай }	2,767,669
Фитингофъ баронъ	2,872,289
Якуничевъ	2,059,413
Шиповъ Дмитрій (полковникъ)	2,010,337
Кавшинъ (коллежскій регистраторъ)	1,811,537
Коссовъ	1,799,276
Пѣговъ	1,782,073
Корень (баронъ)	1,740,469
Протасовъ (отставной поручикъ)	1,720,322
Мясниковъ (поручикъ)	1,585,231
Ванштейнъ	1,517,470
Морозъ (надворн. совѣтн.)	1,421,053
Кондрашевъ (коллеж. ассесоръ)	1,395,738
Шиповъ Николай (стат. совѣтн.)	1,375,672
Труновъ	1,353,378
Первушинъ Иванъ	1,311,322
Вайсбергъ	1,243,774
Дашкевичъ	1,126,926
Кувнецовъ Дмитрій	1,077,422
Абаза (штасб.-ротмистръ)	1,030,300
Вернга (коллежск. регистраторъ)	1,012,100
Брадскій	964,318

* Съ 1819 по 1857 г. показаны обыкновенные государственные доходы въ действительному ихъ поступленію, а за 1859 г. по смѣтному назначенію.

СМѢСЬ.

Третій разъ спрашиваемъ мы, отчего-же правительство молчитъ о послѣдствіяхъ открытыхъ по дѣлу зажигательствъ въ Петербургѣ, что-же оно не обнаружитъ адскіе ковы сатаническихъ участниковъ?

— *Праздникъ тысячелѣтія.*—Нелѣпность праздника въ Новѣгородѣ превзошла всѣ ожиданія самыхъ свирѣпыхъ поклонниковъ земскаго царя. Какая пошлость и пустота, какая унорность и формализмъ, какая неловкость и неспособность во всемъ, отъ объявленія рекрутскаго несчастія, именпо въ тотъ день, когда ждали добрыхъ вѣстей, до загвоздки новгородскимъ крестьянамъ, чтобы и впродолженіе не надѣялись на дѣйствительное освобожденіе!... Цѣтъ, господа зимняго дворца, на васъ нѣтъ современнаго помазанія, вы ничего не умѣете въ какой-бы формѣ вы ни являлись, Собакевичей или Маниловыхъ—ни даже устроить праздника; проза, жалкая проза петровскаго времени, въ которой остался тяжелый нѣмецкій слогъ, а мысль отцѣпана! Авось либо одураченная Русь, пойметъ этотъ урокъ и спасибо Валюеву, онъ одинъ поднялъ голосъ, чтобы въ свою очередь одурачить глупое тысячелѣтіе, онъ разослалъ по журналамъ слѣдующую злую насмѣшку:

“Шестидесятилѣтіе министерства внутреннихъ дѣлъ. Въ день открытія памятника тысячелѣтію Россіи, 8-го Сентября, исполнилось шестидесятилѣтіе министерства внутреннихъ дѣлъ”.— (С. П. 10 Сентября).

Такъ какъ мы не беремся выдумать ничего глупѣе и смѣшнѣе, то на этомъ и остановимся.

— *Утверждена конфирмація* Е. и. в. Памятника въ Царствѣ Польскомъ надъ исключеннымъ изъ службы, изъ 4-й артиллерійской бригады, поручикъ Хмѣленскомъ 1-мъ, который, за побѣгъ за границу, объявляется измѣнникомъ, лишеннымъ чиновъ, дворянства, медали въ память войны 1853—1856 годовъ и всѣхъ правъ состоянія и присуждается, въ случаѣ возвращенія изъ-за границы, къ ссылкѣ въ каторжную работу, въ одну изъ сибирскихъ крѣпостей, на десять лѣтъ.

(Рус. Инв.)

— *Нѣмцы не были.*—Намъ пишутъ изъ Гейдельберга, что въ Путятинскій день, въ концертѣ (Кол. 145) не участвовалъ ни одинъ нѣмецъ... то-то намъ казалось что-то мудрено... Katzenmusik einem tapfren Generalen, einem Feteranen der im Japan gewesen zu bringen, ihn zu kujoniren—wäre doch etwas zu Schubiak!

— Мы просили нашихъ знакомыхъ прислать намъ тѣ NN. “Нашего Времени”, въ которыхъ была статья объ издателѣ Колокола. Никто не исполнилъ нашей просьбы, а между тѣмъ миллионноски поучительная статья Сѣв. Пч., отъ 28 Августа, еще больше возбудила интересъ. Намъ остается послѣднее средство (неужели и оно обманетъ какъ четвертая карта?): Мы просимъ Николая Филиповича намъ прислать эти NN. и общаемъ ему выслать стоимость ихъ деньгами, Колоколами или картами (географическими).

— *Общій фондъ.*—Получено послѣ 15-го Сентября 11 фунтовъ 5 шил., 5 франц. полуим., 1 фр. 5 шил.

LA CLOCHE

Вышелъ первый листъ Колокола на французскомъ языкѣ. Изданіе это совершенно независимое отъ русскаго, дѣлается въ Брюсселѣ. Желаемъ отъ всей души успѣха этому предпріятію. На Западѣ Россію не знаютъ, не смотря на то, что послѣ Крымской войны было довольно писано. Новый органъ, состоящій изъ переводныхъ статей съ русскаго, и притомъ изъ статей не прошедшихъ либеральной цензуры Головнина, безъ сомнѣнія будетъ полезенъ.

*La Cloche** будетъ выходить въ мѣсяцъ разъ. Сначала издатели намѣрены въ видѣ введенія, помѣстить нѣсколько статей разныхъ годовъ, потомъ переводить наиболѣе замѣчательныя статьи, изъ послѣднихъ листовъ.

* въ Бельгіи у главныхъ книгопродавцевъ. Въ Парижѣ у Amyot, Dentu, Librairie Maisonneuve, Ragnerre, Въ Берлинѣ у F. Schneider, Лейпцигѣ у L. Kittler.

ПРОДАЕТСЯ У ТРЮБНЕРА И ТХОРЖЕВСКАГО:

НАРОДНОЕ ДѢЛО

РОМАНОВЪ, ПУГАЧЕВЪ ИЛИ ПЕСТЕЛЬ?

М. А. БАКУНИНА.

(Цѣна 6 пенсовъ).

ПОЛЯРНАЯ ЗВѢЗДА НА 1862.

Выпускъ первый: Изъ записокъ М. Д. Якушкина; Отрывокъ изъ мнѣнія дѣйствительнаго статскаго совѣтника Липранди; Бъ предъидущей статьѣ: Примѣчанія, Приложенія, Выписки; Разказы о временахъ Николая: Колѣсниковъ и его товарищи въ Оренбургѣ, братья Крицкіе и ихъ товарищи въ Москвѣ, Братья Раевскіе; “Былое и Думы” Искандера (изъ 30-хъ годовъ).

Выпускъ второй: Отрывки изъ записокъ Н. А. и М. А. Бестужевыхъ; Императоръ Александръ I и В. Н. Каразинъ (Искандера); Выдержки изъ записокъ одного Декабриста; Два процесса изъ послѣдней части *Былое и Думы* и пр.

БЫЛОЕ И ДУМЫ, ТОМЪ ТРЕТІЙ.

Между четвертой и пятой частью: Записки одного молодого человѣка; Лициній и Вильямъ Пенъ; Капризы и Раздумье; Статьи полемическія; Станція Едрово; Нѣсколько замѣчаній объ историческомъ развитіи чести и пр.

ОБЩЕПОЯТНОЕ ИЗЛОЖЕНІЕ СРАВНИТЕЛЬНОЙ АНАТОМІИ И ЗООЛОГІИ.

А. А. ГЕРЦЕНА.

Первый Выпускъ. Вся книга будетъ состоять изъ четырехъ выпусковъ; каждый выпускъ содержать около 5-ти печат. листовъ и 5-ти рисунковъ. Цѣна 1 руб. сер. (3 шиллинга).

ПЕЧАТАЕТСЯ:

РАСКОЛЬНИКИ, Томъ IV.

Слѣдующій листъ 147 выйдетъ 15 Октября.

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи, 136 & 138 Caledonian Road, London, N.

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM,

КОЛОКОЛЪ

VIVOS VOCO!

Выходитъ еженедѣльно въ Лондонѣ.
Получается въ Вольной Русской типо-
графіи, — 136 & 138, Caledonian Road, N.
Цѣна 1 шил., съ четвертымъ листомъ
— ОБЩЕЕ ВЪЧЕ.

ЛИСТЪ 147.

15 Октября 1862.

(WITH SUPPLEMENT NO. 28).

У Трюбнера & Со. въ книжной лавкѣ,
60, Paternoster Row, и у Tchorzewski,
1, Macclesfield Street, (Gerrard Street),
Soho, London. Price One shilling, with
Supplement: VET CHÉ No. 4.

О Г Л А В Л Е Н І Е.—Центральному польскому комитету въ Варшавѣ—Русскимъ офицерамъ въ Польшѣ—Панихида въ Москвѣ—Н. Р. Цебриковъ—Изъ Москвы—
Отвѣтъ на статью о Грузіи. Смѣсь: Философское управление Олонекской губерніи—Обращеніе церквей въ сѣвѣжніе дворы—Константины Николаевичъ противъ
бессмертія души—Нордъ и Самаринъ—О нижнихъ чинахъ—Пожалованіе земель—Тайныя типографіи—Боятся офицеровъ—Всего боятся—Гутцету и проч

ЦЕНТРАЛЬНОМУ ПОЛЬСКОМУ КОМИТЕТУ ВЪ ВАРШАВѢ.

Милостивые Государы,

Письмо Ваше къ намъ, помѣщенное въ прошломъ листѣ *Колокола*, отмѣчаетъ новую эпоху въ великой эпопее польской борьбы за независимость. Начала, на которыхъ Вы призываете народъ польскій въ возстанію, такъ широки и современны, такъ ясно высказаны Вами, что мы не сомнѣваемся въ глубокомъ, дѣятельномъ сочувствіи, которое возбуждаютъ ваши слова во всѣхъ Русскихъ, желающихъ свергнуть съ себя устарѣлое и оскорбительное иго правительственной опеки.

Что касается до насъ, намъ легко съ Вами идти; Вы идете отъ признанія правъ крестьянъ на землю, обрабатываемую ими; Вы признаете право всякаго народа располагать своей судьбою.

Это наши основы, это наши догматы, наши знамена.

Съ радостью передали мы ваши слова нашимъ соотечественникамъ и благодаря Васъ отъ всего сердца за то, что Вы избрали насъ посредниками вашего сближенія съ Русскими, мы не можемъ ничѣмъ достойнѣе отвѣчать Вамъ, какъ печатая прилагаемое письмо къ русскимъ офицерамъ стоящимъ въ Польшѣ. Письмо это отвѣтъ; мы медлили дѣлы мѣсяцы, и очень ради что медлили—Вы дали намъ “возможность утвердительно сказать, что намъ извѣстны ваши понятія о краеугольных началахъ народнаго дѣла нашего.”

Во имя ихъ да воздвигнется Польша, независимая, искупленная въ несчастіяхъ, окрѣпнувшая въ боѣ—да воздвигнется она безсловная, отбросивъ средневѣковые доспѣхи, безъ кольчугъ и аристократическаго щита, пусть она явится славянскимъ поюпѣвшимъ атлетомъ, подающимъ одну руку—бѣдному хлопъ, а другую—равноправному сосѣду.

Во имя ихъ примите и нашу дружескую руку, слабую силами, но неизмѣнную въ убѣжденіяхъ; мы ее подаемъ Вамъ какъ Русскіе, мы любимъ народъ нашъ, мы вѣруемъ въ него и его будущность, и именно потому подаемъ Вамъ ее на дѣло справедливости и свободы!

Издатели *Колокола*.

10 Октября 1862.

Годъ VI.

РУССКИМЪ ОФИЦЕРАМЪ ВЪ ПОЛЬШѢ.

Друзья и Братья!

Долго не отвѣчали мы вамъ на два письма ваши. Труденъ былъ вашъ вопросъ, многое оставалось намъ отвѣтъ, но время шло, обстоятельства росли, гроза становилась ближе, и медлить нельзя было больше. Удаленные отъ мѣста дѣйствій, недѣлящие вашей опасности, мы долго отказывались отъ печальной роли заграничныхъ совѣтниковъ. Но всѣ личные неудобства должны замолкнуть передъ общимъ дѣломъ, передъ опасностью ошибки съ вашей стороны. Не высказать нашего мнѣнія при теперичнихъ обстоятельствахъ, было бы слабостью, почти предательствомъ. Наша любовь къ родинѣ, наша религіозная преданность ея благу, наша искренность въ томъ что мы говоримъ—заслужили намъ вашъ повторенный вопросъ; мы благодаримъ васъ, и были готовы отвѣчать съ чистой совѣстью, со страхомъ истины и съ благочестіемъ къ судьбѣ нашей, на вашъ вопросъ—*что должно дѣлать русскимъ офицерамъ находящимся въ Польшѣ въ случаѣ польскаго возстанія?*

Общій отвѣтъ простъ—идти подъ судъ, въ арестантскія роты, быть разстрѣленнымъ какъ Сливикій, Арнольдъ и Ростковскій, быть поднятымъ на штыки, какъ вамъ грозилъ вашъ дикій кондотьеръ Хрулевъ, *но не подымать оружія противъ Поляковъ*, противъ людей отыскивающихъ совершенно справедливо свою независимость.

Поддерживать силою оружія правительство, составляющее польское и наше несчастіе, вамъ невозможно, не совершивъ сознательно преступленія или не унижившись до степени безсознательныхъ палачей. Время слѣпаго повиновенія миновало. Дисциплина не обязательна тамъ, гдѣ она зоветъ на злодѣйство,—не вѣрьте этой религіи рабства, на ней основаны величайшія бѣдствія народовъ. Не подымать оружія противъ Поляковъ, заставляетъ васъ совѣсть, уваженіе къ правамъ ихъ дѣла, къ достоинству человѣка и наконецъ уваженіе къ нашему русскому земскому дѣлу.

Нельзя начинать эру свободы въ своей родинѣ, затягивая веревку на шею сосѣда; нельзя себѣ требовать правъ и тѣснить во имя матеріальной силы и политическихъ фантазій другой народъ. На этихъ властолюбивыхъ притязаніяхъ, на развитіи грубыхъ страстей стяжанія и захватыванія, держались и

держатся уродства военных монархій, заслоняющихъ мнимымъ величіемъ и побѣдоносными знаменами внутреннее неустройство и безвыходное рабство подданныхъ.

Клянитесь, хотѣли мы вамъ сказать, не подымать оружія противъ Поляковъ—и чувствовали, что отвѣтъ нашъ *не полонъ*, чувствовали, что это отвѣтъ *отрицательный*, что онъ только говоритъ чего вамъ не дѣлать, а надобно подумать о томъ *что дѣлать*, даже для того чтобы вы не были въ необходимости погибнуть жертвами искупленія. Мученичество свято и прекрасно, когда оно необходимо. Каждая капля крови вашей дорога русскому народу; передъ нимъ вы будете отвѣчать не только за себя, но за каждого солдата, т. е. за каждого вооруженнаго крестьянина, насильственно оторваннаго правительствомъ отъ своей земли. Историческіе грѣхи искупаются легко и безъ крови, однимъ отрицаніемъ отъ нихъ.

Дѣятельный союзъ вашъ съ Поляками не можетъ ограничиться однимъ отторженіемъ Польши отъ Россіи, онъ долженъ стремиться къ тому, чтобы это отторжение помогло въ свою очередь нашему земскому переустройству, и поэтому степень вашего дѣятельнаго участія зависитъ отъ того какой характеръ, относительно главнаго земскаго вопроса и относительно провинцій, будетъ преобладать въ польскомъ возстаніи.

Тяготившее насъ сомнѣніе разрѣшено. Мужественный, открытый языкъ *Варшавскаго Комитета*, снялъ камень съ нашей груди, онъ намъ указалъ на основную мысль союза Поляковъ съ Русскими. Отвергая всякій характеръ *сословно-шляхетскій*, завоевательный, Комитетъ прямо указалъ на *поземельное право* крестьянъ и на *самоправность* областей устроиться по ихъ желанію, какъ на основныя начала современнаго движенія.

Земля крестьянамъ, самобытность областямъ—на этомъ основаніи, и *только на немъ*, можетъ утвердиться дѣятельный союзъ вашъ съ польскими братьями. Опираясь на него вамъ легко обратиться къ народу русскому, къ русскимъ войскамъ, передъ которыми вы обязаны отчетомъ за себя и за солдатъ и объяснить имъ по чему вы идете съ вольными людьми за волю. Вы имъ скажете, что народъ польскій не врагъ Россіи, а врагъ императорскаго деспотизма, что онъ хочетъ своей независимости и признаетъ независимость другихъ народностей, соединенныхъ прежде съ Польшей.

Что Польша желаетъ остаться въ федеральномъ союзѣ со всѣми народами входившими въ цѣлость Рѣчи Посполитой, это совершенно естественно и что она не можетъ признать насильственнаго раздѣленія, не отрѣкаясь отъ самобытности своей, тоже ясно. Еслибъ это было иначе, то Варшава, какъ Петербургъ, признала-бы Галицію—Австріей, Познань—Пруссіей.

Съ своей стороны Поляки должны понять, что сохранить тотъ-же федеральный союзъ, будетъ стремленіемъ не только правительства русскаго, но и всего русскаго народа. И это фактъ, который не слѣдуетъ упускать изъ вида. Какой-же русскій не считаетъ и притомъ совершенно справедливо—*Кіевъ* такимъ-же русскимъ городомъ какъ *Москву*?

Что касается до нашего мнѣнія, мы равно не приписываемъ ни *матеріальную силу за право*, ни *историческое право за силу*. Мы признаемъ не только за каждой народностью, выдѣлившись отъ другихъ и имѣющей естественныя границы, право на самобытность, но за каждымъ географическимъ положеніемъ.

Еслибъ Сибирь завтра отдѣлилась отъ Россіи, мы первые привѣтствовали-бы ея новую жизнь. Государственная цѣлость вовсе не совпадаетъ съ народнымъ благосостояніемъ.

Въ силу этого намъ было-бы очень жаль, еслибъ Малороссія на пр., призванная свободно выразить свою мысль, не умѣла бы остаться при полной независимости. Память того что она выстрадала послѣ Богдана Хмѣльницкаго чрезъ присоединеніе къ Москвѣ, и память того что заставило Хмѣльницкаго падти въ царскую кабалу, могли-бы послужить ей великимъ урокомъ.

При теперешнемъ положеніи знать чего желаетъ Литва, Бѣлороссія, Малороссія очень трудно; гнѣтъ русскаго правительства не даетъ ни малѣйшей возможности высказаться и тотъ-же гнѣтъ заставляетъ ихъ смѣшивать все русское съ правительственнымъ.* Изъ этого ясно, что и самый вопросъ надобно оставить не предрѣшая его безъ тѣхъ, кто единственно имѣетъ право его рѣшить... Скажемъ вмѣстѣ съ Поляками, *быть Литвѣ, Бѣлороссіи и Украинѣ съ кѣмъ онѣ быть хотятъ, или ни съ кѣмъ, лишь-бы волю ихъ узнать не поддѣльную, а дѣйствительную*.

Обращаемся теперь къ вашему внутреннему устройству, къ пути, который намъ кажется, вамъ слѣдуетъ держать.

Вступая какъ Русскіе въ союзъ съ Поляками, вы должны вступить въ него какъ *самобытная организація* и потому требовать участія и голоса въ совѣщаніяхъ. Не распуснитесь въ польскомъ дѣлѣ должны вы, а сохранить себя въ немъ для русскаго дѣла; польское возстаніе для васъ случайность, вы ее не вызывали, вамъ нельзя ее отклонить; врядъ можно-ли уклониться отъ участія, въ этомъ все трагическое вашего положенія, но участвуя въ немъ, по роковой необходимости, вы должны стремиться къ тому, чтобы вашъ союзъ съ Польшей двинулъ-бы наше земское дѣло. Вы частный случай его. Вы одинъ кругъ цѣлой системы круговъ, которыхъ средоточіе сложится. Помните это и старайтесь соединить общимъ планомъ польское движеніе съ движеніемъ русскимъ. Только отъ этой солидарности и можно ждать дѣйствительнаго успѣха, только тогда вы можете требовать, чтобы Поляки приостановились въ своемъ движеніи. А это *одна изъ первыхъ* необходимостей—*преждевременный взрывъ въ Польшѣ ее не освободитъ, васъ погубитъ и непременно остановитъ наше русское дѣло*.

Причинъ на это много, мы укажемъ двѣ главныхъ.

У насъ ничего не готово. Крѣпко устроенный кругъ офицерскій, существуетъ, сколько намъ извѣстно, только у васъ, успѣхъ вашъ правда колоссаленъ. Въ нѣсколько мѣсяцовъ вы бросили мостъ черезъ пропасть, отдѣляющую дворянина въ эполетахъ отъ крестьянина съ ружьемъ въ рукѣ, вселили братское довѣріе въ Поляковъ и четырьмя мучениками показали міру непреодолимую мощь вашихъ убѣжденій. Казнь товарищей вашихъ въ Модлинѣ имѣетъ безмѣрное значеніе для Россіи: по одному и *тому-же дѣлу*, по которому разстрѣляны два офицера, палъ унтеръ-офицеръ отъ тѣхъ-же палаческихъ

* Сколько намъ извѣстно: господскіе дома, города, капиталы, образованіе, сила умственного и промышленнаго развитія со стороны Польши; народъ, селы, массы, если не противъ Польши, то вѣроятно и не ва нее. Тутъ мѣсто широкому, законному вліянію польской цивилизаціи. Пропаганду вообще мудрено остановить полицейскими мѣрами, но пропаганду искупленія, отрѣченія отъ старыхъ злоупотребленій, отъ своихъ правъ на поземельную собственность, невозможно остановить никакому правительству въ мірѣ. Это путь къ завоеванію массъ, противъ котораго мы не скажемъ ни слова.

пуль и умерь засѣченный солдатъ. Солдатъ и унтеръ-офицеръ погибли за то, что не выдали офицеровъ. Благословенна могила ихъ, могила двойнаго примиренія—Русскаго война съ Полякомъ, русскаго офицера—съ солдатомъ!

Но не увлекайтесь, это только начало; офицерскіе круги должны учредиться вездѣ внутри Россіи, во всѣхъ арміяхъ, во всѣхъ краяхъ, вездѣ должны они сблизиться не только съ солдатомъ (это первая обязанность, безъ которой всякая пронаганда вздоръ), но съ народомъ. Полно ему смотрѣть на русскаго офицера какъ на враждебнаго опричника, полно самому офицеру смотрѣть на себя какъ на царскаго слугу, употребляемаго въ мирное время, на то, чтобы быть падачемъ.

По это еще не сдѣлано; предварительный трудъ, обширный, неутомимый лежитъ на васъ и на друзьяхъ вашихъ. Соединяйтесь въ круги, дѣлайте пронаганду и прислушивайтесь что дѣлается на великой Руси, какой гулъ тамъ идетъ, чтобы она васъ не застала въ расплахъ.

На Руси, въ сію минуку, врядъ можетъ-ли быть возстаніе.

Помните, что мы русскіе, по превосходству народъ сельской и что надѣлъ земель—основной догматъ нашего земскаго дѣла.

Русскій народъ не возстанетъ ни за какіе фантастическіе идеалы, онъ не пойдетъ ни въ какой крестовый походъ изъ за гроба, намъ нужно не фантастическое царство, а царство *земное*, т. е. мы хотимъ собственную нашу землю, чужой намъ не надобно.

Народъ русскій, мрачно молчавшій столѣтія въ своей невзгодѣ, два раза въ нашъ вѣкъ поднималъ голову. Въ 1812 году испугавшись за дѣлостъ *земли русской*, онъ превратился въ ополченіе; теперь онъ боится не за землю русскую, а за свою пахатную, луговую землю; освобожденный въ половину, онъ сторожить ее. Оторопѣлое правительство не сумѣетъ ему отдать честно и прямо землю. Вилать послѣ окончанія переходнаго состоянія, т. е. весною будущаго года, нельзя больше. Крестьянинъ землею не поступится, онъ навѣрное упрется; возстанъ тогда Польша, бросьтесь вы, съ вашими и съ ихъ солдатами въ Литву, въ Малороссію, во имя крестьянскаго права на землю и гдѣ найдется сила противудѣйствовать? Волга и Днѣпръ откликнутся вамъ, Донъ и Уралъ!

Вы знаете, что земля, т. е. *право на нее* земледѣльцевъ—составляетъ ту прочную и самобытную основу, на которой зиждутся всѣ наши надежды на будущность Россіи. Русскимъ отношеніемъ крестьянина къ землѣ, возведеннымъ и обобщеннымъ въ законъ, можетъ только искупиться передъ русскимъ народомъ—монгольско-московское и петербургонѣмецкое плѣненіе. Намъ многіе говорили, что мы поземельному вопросу даемъ перевѣсъ. Дѣйствительно, въ русскомъ развитіи онъ перевѣшиваетъ, но это сдѣлали не мы. Этотъ перевѣсъ ему данъ духомъ, геніемъ русскаго народа изнутри, и несостоятельностью всѣхъ политическихъ революцій—извиѣ. Наше переустройство является по преимуществу съ характеромъ сельскимъ, общиннымъ, земскимъ... Вызванное сверху, оно поднимается отъ нивы, полей и дубравъ; оно идетъ отъ плуга, отъ надѣла земель, и безъ земли ни на шагъ. Оно стремится къ сочетанію, на существующихъ народныхъ обычаяхъ, *общиннаго самоуправленія*—съ полнымъ владѣніемъ землей. Ходъ этотъ удивляетъ, конфузятъ, онъ необыченъ, въ немъ не соблюдена западная форма, революціонная рутина, къ которой люди переворотовъ привыкли. Что-же

дѣлать! Можетъ этотъ путь труднѣе и тише, но за то имъ не дойдешь до вопроса: “Хлѣба или свинца?” ни до отвѣта: “У кого есть свинецъ, у того есть хлѣбъ!” Хлѣбъ у насъ будетъ, потому что надѣлъ землею *долженъ быть*.

Не принимайте хлѣба насущнаго легко, не вѣрьте празднымъ риторамъ и пустымъ идеалистамъ.

Бѣдствія Европы, много выстрадавшей въ своихъ исполпскихъ борьбахъ, оправдываютъ вполне народъ русскій.

Нѣтъ освобожденія безъ земли!

Нѣтъ свободы—безъ куска хлѣба!

На знамени Таборитовъ, была *чаша съ кровью искупленія душъ*, на нашемъ будетъ дискосъ съ хлѣбомъ полей крестьянскихъ, *съ хлѣбомъ искупленія тѣлъ*.

Не краснѣйте славянской простоты этихъ символовъ, они полнѣе человѣческимъ смысломъ всѣхъ хищныхъ звѣрей, двуглавыхъ птицъ съ когтями, нелѣпыхъ драконовъ, окровавленныхъ мечей и дымящихся пушекъ, служащихъ эмблемами дикой силы и кровожаднаго стяжанія народовъ, которыхъ неразвитая и испорченная фантазія ихъ избрала.

Съ новой хоругвью, пойдѣмъ мы на исполненіе новыхъ судебъ нашихъ. Двери прошедшаго захлопнуло само правительство пошлымъ праздникомъ тысячелѣтія, и не хотя припалось, что для Россіи настаетъ нное время, но оно нами должно водвориться; теперь не явится больше Петръ, просвѣтитель съ кнутомъ, это вы знаете.

Вотъ все, что мы хотѣли вамъ сказать на первый разъ, въ отвѣтъ на ваши письма. Вы, друзья, не скажете, что мы не имѣли права вамъ совѣтовать—вы вызвали нашъ отвѣтъ, и Поляки этого не скажутъ—они насъ избрали своими посредниками, и совѣсть наша этого не говоритъ.

Скажутъ это—люди, которыхъ духъ сломился отъ рабства, которые привыкнувъ съ дѣтства къ молчанію передней и фронта, все еще думаютъ, что право говорить объ общемъ дѣлѣ, принадлежитъ присутственному мѣсту и кваргальному надзирателю. Пожалѣемъ объ нихъ, и будемъ съ вѣрой продолжать наше дѣло.

Издатели *Колокола*.

10 Октября 1862 г.

ПАНИХИДА ВЪ МОСКВѢ.

“Въ Іюлѣ мѣсяцѣ, въ день памяти нашихъ пяти мучениковъ, въ одной московской церквѣ была отслужена по нихъ панихида, за которой было сорокъ человѣкъ, въ числѣ ихъ было семь дамъ въ траурѣ. Чтобы сдѣлать панихиду негласной, служилъ одинъ священникъ безъ дьякона и причета, еѣ пѣли сами присутствующіе. По окончаніи священникъ сказалъ нѣсколько словъ о ихъ подвигахъ. Участвовавшіе покорно просятъ васъ М. Г. почтить память мучениковъ напечатаніемъ объ этой панихидѣ на столбцахъ вашего журнала; ни Филаретъ, ни жандармы никогда не узнаютъ ни священника, ни участвовавшихъ.”

Н. Р. ЦЕБРИКОВЪ.

Мы недавно узнали о кончинѣ Николая Романовича Цебрикова, скончавшагося ныйѣшней весною близъ Житомира. Цебриковъ не принадлежалъ къ главнымъ дѣтелямъ между Декабристами, но и въ немъ, какъ въ нихъ во

всѣхъ, какая - то античная простота преданности была главнымъ характеромъ. Еще ребенкомъ Цебриковъ бѣжалъ изъ горнаго корпуса, въ 1812 году, съ нѣсколькими товарищами чтобъ записаться въ волонтеры; мальчиковъ воротили и *наказали* за порывъ патриотизма. 14 Декабря, онъ припалъ съ ротой на площадь и былъ арестованъ съ многими товарищами Финляндскаго полка, въ которомъ служилъ. Николай, знавшій Цебрикова лично, перевелъ его въ *высшую категорію* виновности изъ низшей. Цебриковъ четырнадцать лѣтъ прослужилъ солдатомъ на Кавказѣ, дѣлалъ персидскую кампанію и наконецъ произведенный въ офицеры, вышелъ въ отставку. Онъ только при Александрѣ II получилъ право пріѣхать въ Петербургъ; знакомые Цебрикова говорятъ, что онъ сохранилъ — и это черта общая Декабристамъ — необыкновенную молодость и свѣжесть убѣждений. “Не смотря на свои сѣдые волосы, пишутъ намъ, онъ остался юношей между благородной молодежью, которая не хочетъ *гибнуть даромъ*”. На просьбу родственниковъ, чтобъ онъ остерегался шпионовъ, Цебриковъ отвѣчалъ всегда, что смѣшно въ шестьдесятъ лѣтъ щадить остатокъ жизни, когда онъ не щадилъ ее въ двадцать пять.

ИЗЪ МОСКВЫ.

Выписываемъ изъ нѣсколькихъ писемъ полученныхъ нами, слѣдующіе отрывки:

Государь въ Москву. — Московскій генераль-губернаторъ получилъ съ 15/27 на 16/28 Августа депешу отъ В. Долгорукова, чтобы *приготовить самый радушный приемъ* отъ жителей. Тучковъ тотчасъ отправилъ изъ петровскаго парка въ Москву своего правителя дѣлъ Родзевича, чтобъ онъ уговорилъ купечество дать праздникъ солдатамъ на Ходынкѣ. Родзевичъ послалъ за градскимъ головой Королевымъ, который до того испугался, что пріѣхалъ въ мундиръ безъ галстука. Ему было велѣно составить списокъ богатыхъ купцовъ и уговорить ихъ на пожертвованіе. Между тѣмъ генераль-губернаторъ приготовилъ въ паркѣ капканъ съ чаемъ, куда и были приглашены на другое утро купцы подозрѣваемые въ излишнихъ деньгахъ и въ недостаткѣ храбрости. Тамъ имъ дали чаю, и подинску. Многие было и туда и сюда.... подписки въ самомъ дѣлѣ имъ солоно пришлось въ послѣднее время... только что кончили подписки на петербургскихъ погорѣлыхъ, на храмъ въ Севастополѣ, на храмъ князя Владиміра въ Кіевѣ, на вспоможеніе церквей въ западныхъ губерніяхъ, да всего и не перечтешь. Они къ тому-же вспомнили и то угощеніе, которое они сдѣлали государю во время коронаціи, которое имъ стоило 12,000 рублей и съ котораго ихъ прогналъ Закревскій, и ту высочайшую гонку, которую имъ задалъ государь за Кяхту, въ которой, безъ всякой вины, назвалъ ихъ торгашами, обманщиками, и пр.

Но Тучковъ и Родзевичъ были такъ краснорѣчивы, что купцы рѣшились угостить 12,000 солдатъ обѣдомъ и государя фейерверкомъ. Угощеніе стоило 37,000 серебромъ, фейерверкъ 6,000. Но подпискѣ не доставало 28,000 р., эту сумму присудили (кто?) взять съ купцовъ раскольниковъ; благо они не такъ крестятся.

На фейерверкъ купцы получили только 300 билетовъ, а 900 были розданы генераль-губернаторомъ и оберъ-полицмейстеромъ.*

Государь ѣхалъ со станціи желѣзной дороги съ *конвоемъ* — (какое трогательное довѣріе!); во дворцѣ былъ двойной караулъ!

Злодѣйства съ дѣтьми. Московское военное училище помѣщается зимой въ Красныхъ казармахъ, а на лѣто выводится въ лагерь на Сокольницкое поле. Воспитанники изъ бѣдныхъ дворянъ и разночипцевъ. Нынѣшнимъ лѣтомъ распоряженіе уборкой лагеря поручено было поручику А. Осипову и при немъ былъ назначенъ унтеръ-офицеръ Михайловъ. Осиповъ, опоздавъ на работу — 18 Мая, началъ ругать воспитанниковъ, что они не работаютъ и на возраженіе одного изъ нихъ “что они не знаютъ что имъ дѣлать, потому что унтеръ-офицера нѣтъ”. *Осиповъ и? или по щекамъ* ученика публично, въ виду проходящихъ. Уборка продолжалась до Іюня. Осиповъ являлся съ палкой, Михайловъ ругалъ самыми отвратительными словами воспитанниковъ.... и все сошло съ рукъ.

Полиція грабитъ. Торгующій въ хлѣбной лавкѣ, Сущевской части 1-го квартала, Михайло Андроновъ, сталъ замѣчать, что у него пропадаютъ деньги, которые остаются на ночь въ лавкѣ; чтобы поймать вора онъ оставилъ своего работника ночевать въ лавкѣ, а самъ караулилъ напротивъ въ харчевнѣ и 4 Августа былъ пойманъ, ночевавшимъ въ лавкѣ работникомъ, воръ, который оказался унтеръ-офицеръ этой части и квартала, Фроль Куликовъ, и былъ схваченъ при постороннихъ свидѣтеляхъ, которые приѣжали на крикъ работника; при немъ найдены отпирка для замковъ и связка разныхъ ключей. На допросѣ Куликовъ самъ сознался въ кражѣ. Оберъ-полицмейстеръ велѣлъ это дѣло, такъ компрометирующее полицію, скрыть; унтера уволить изъ полиціи безъ наказанія, а хозяину Андронову сдѣлать выговоръ чрезъ частнаго прислава, за то, что онъ не предупредилъ полицію, что онъ будетъ ловить вора.

Аресты. Въ Москвѣ съ Іюня мѣсяца безпрестанные обыски и аресты. Въ числѣ арестованныхъ Иванъ Ивановъ *Шибачевъ*, старообрядецъ; его отравили въ Петербургъ въ Петропавловскую и о немъ нѣтъ и слуху. *Сеичинскій*, который его арестовалъ, сказалъ его матери 70-лѣтней старухѣ, чтобы она просталась съ своимъ сыномъ на долго, потому что она его едва-ли увидитъ опять. Арестованъ Николай Федоричъ *Петровский* и увезенъ изъ Москвы. Арестованъ и отправленъ въ Петропавловскую учитель кадетскаго корпуса Александръ Александровичъ *Котляровский*; жене его не позволили проститься съ нимъ. Арестованъ и увезенъ купеческій сынъ *Владиміровъ*, за то что онъ бывши полгода за границей привезъ съ собою какія то книги и журналы. У извѣстнаго московскаго библіографа старообрядца Тихона Федорича *Большакова* былъ обыскъ, при которомъ взяты древнія рукописи, стоящія ему дорого, а навѣрное онъ ихъ не получитъ обратно, самъ-же онъ отданъ подъ присмотръ полиціи.

На раскольниковъ опять стали страшныя гоненія. Деревня Гуслицы, въ 40 верстахъ отъ Москвы, гдѣ живутъ раскольники, наполнена полиціей и шпионами и дѣлаются безпрестанные обыски.

* Въ Новѣгородѣ государь давалъ обѣдъ купцамъ, на которомъ самъ не былъ, а только позволялъ войти для того, чтобъ выпить за свое собственное здоровье... Сколько такта, приличія, а главное презрѣнія къ гостямъ! — Ркд.

ОТВѢТЪ НА СТАТЬЮ О ГРУЗИИ.

Въ 145 №. *Колокола* была напечатана статья—“Изъ Грузіи,” въ которой говорилось : “лѣтъ 60 предъ симъ, Грузія и Имеретія тѣснимыя со всѣхъ сторонъ персіанами и турками, раздираемыя внутри междоусобицами и безпрестанными бунтами горскихъ племенъ, обратились къ единовѣрцамъ своимъ русскимъ съ просьбою, принять ихъ подъ свое покровительство. Симпатію къ русскимъ Грузія обнаруживала съ давнихъ временъ”, и проч. и проч., и подъ конецъ, “что Закавказскія провинціи сами еще не заявляли о своей самостоятельности.”

Насильственное присоединеніе Грузіи Россіею было-бы еще сносно въ глазахъ цѣлаго міра, когда-бы въ самомъ дѣлѣ Грузія,* сознавая свое безсиліе, просила покровительства Россіи, о которомъ говорится выше.

Съ тѣхъ временъ, какъ вѣра Магомета породила въ право-вѣрныхъ кровавую вражду къ Грузіи, до украденія ея Россіею, прошло много вѣковъ. Во все это время Грузія правда страдала, но никогда не искала чужой помощи, и ни разу не пошатнулась ни въ вѣрѣ своей, ни въ основаніяхъ своихъ гражданскихъ.

Правители ея, почитаемые народомъ первыми гражданами націи, слитые съ нимъ одними цѣлями, одними страданіями, одною любовію къ отечеству, дѣйствовали всегда согласно съ народомъ, не укрывая отъ него ничего. Народъ все зналъ, обсуживалъ громко поступки царскіе, былъ свободенъ, рыцарски храбръ и нигдѣ не видно, чтобы искалъ другаго правительства.

О безопасности-же своего политическаго существованія народъ Грузинскій зналъ лучше чѣмъ мы думаемъ. Составляя отдѣльное царство между Турціею и Персіею, Грузія была всегда ими обѣими поддерживаема, для обоюдной безопасности ихъ границъ, хотя часто ими-же и разоряема.

Такое царство не легко могло пасть отъ притѣсненія враговъ, оно доказало это двѣнадцатью вѣками своей исторической жизни ! Привыкнувъ издавна проливать кровь свою отъ Римлянъ, Персовъ, Тамерлана и Турокъ, оно плавало въ ней, но не потонуло. Непокоебимое передъ врагами, пало оно передъ друзьями своими.

Естественно-ли, чтобы Грузія искала покровительства Россіи, въ такое время, когда звѣрство магометанъ стало видимо слабнѣть? Когда большая часть народовъ горскихъ терня одинаковую съ Грузіею участь, была въ тѣснѣйшей съ нею дружбѣ?

Не Грузія искала въ Россіи скорого спасенія “имѣя къ ней симпатію съ давнихъ временъ,” какъ говоритъ статья 145 №. *Колокола*, а Россія втянула ее въ себя, какъ боа втягиваетъ въ пасть свою оторонѣвшаго кролика. Если покровительство Россіи и было въ самомъ дѣлѣ когда либо въ Грузіи, то было совершенно насильственное.

Грузинскій царь Георгій, старшій сынъ царя Ираклія, передъ смертію просилъ единовѣрческую Россію, вліяніемъ ея охранить престолъ его попавшійся отъ семейныхъ раздоровъ.†

Правительство русское обѣщало защиту свою, въ продолженіи полугода поддерживало на престолѣ старшаго сына умершаго царя, Царевича Давида,‡ и въ тоже время поощряя

* Подъ словомъ Грузія я вообще подразумѣваю все Закавказье съ Арменіею.

† Какъ показало время потомъ, раздоры эти были сдѣланы политикой русской.

‡ Въ Грузіи престолъ былъ наследственный старшему въ родѣ.

другихъ паревичей въ ихъ междоусобицѣ, судило тотъ-же престолъ каждому изъ нихъ!* Когда-же довело безурядицу въ краѣ до злодѣяній, объявило оный чрезъ главнокомандующаго войсками на Кавказѣ генерала Кноринга, присоединеннымъ къ Россіи, съ переименованіемъ въ губернію.†

А чтобы разъединить народъ грузинскій отъ царскаго дома его, если не на вѣки, то по крайней мѣрѣ на долго, выразило въ манифестѣ, что присоединеніе это сдѣлано по волѣ умершаго грузинскаго царя и народа.

Присоединеніе царства совершилось такъ неожиданно, такъ быстро, что современники и по нынѣ еще не приложатъ ума какъ все это случилось.

Такъ кончилось царство иѣкогда знаменитой Колхиды, въ нѣдра которой петербургскіе Язны зарываютъ ежегодно до 40 милліон. серебра, вѣроятно въ противность древнему, добывавшему изъ нея золото.

До похода Петра Великаго въ Персію, Грузія имѣла весьма слабое понятіе о Россіи.‡ Помощь оказанная Петру въ этомъ походѣ грузинскимъ царемъ Вахтангомъ, гостепріимство сдѣланное Петромъ царю Вахтангу бѣжавшему изъ Грузіи вскорѣ послѣ похода, въ первый познакомили Россію съ Закавказьемъ.

Но Грузія на первыхъ-же порахъ раскусила честь русскаго правительства, всегда избѣгала его, и во времена болѣе для себя тягостныя съ нимъ не сближалась. Начало-же этой счастливой симпатіи, о которой говоритъ авторъ статьи “изъ Грузіи” идетъ только со временъ князя Потемкина Таврическаго.

Этотъ во Христѣ почившій воинъ, первый почувалъ, что за кавказскими горами есть страдальческая Грузія. Разузнавъ о ней подробно и убѣдился, что Грузія кусокъ лакомый, что какъ ни бѣдны каменья короны ея, могутъ однако украситъ корону Екатерины. Задумано—сдѣлано ! Доктора своего изъ евреевъ, Рейнекса, Потемкинъ отправилъ тайно въ Тифлисъ, поручилъ ему всякими происками пробраться во дворецъ царя Ираклія, тогда уже весьма преклонныхъ лѣтъ, пообѣщать ему имѣнемъ его золотыя горы и склонить старца къ сближенію съ Екатериной.

Еврей вполнѣ достигъ цѣли посланія. Плодомъ желаемого сближенія была посылка Екатериною въ Грузію 10,000 корпуса Тотлебена на помощь ей противъ Ага-Мехмедъ-Хана. Царь Ираклій со своей стороны обязывался помогать Россіи въ войнахъ ея съ Персіею. Слѣдовательно, лана, запущенная Потемкинымъ въ Грузію, имѣла тогда приличный видъ союза. Но прежде чѣмъ Тотлебенъ двинулся съ мѣста, по распоряженіямъ нарочно сдѣланнымъ, Ханъ озлобленный на Грузію за союзъ ея съ русскими, разграбилъ до тла ее, сжегъ Тифлисъ и увлекъ до 17,000 жителей въ плѣнъ.

Послѣдствія горько убѣдили злополучную Грузію, что русскіе¶ были посланы вовсе не на помощь ей, а для посяганія на землѣ ея междоусобій и основанія нынѣшней 360,000 кавказской арміи !

* Для чего спрашивается правительство поддерживало 6 мѣсяцевъ на престолѣ Царевича Давида ?

† Царевичей и вдовствующую царицу съ малыми дѣтьми схватили въ ту-же ночь и вывезли въ телегахъ за конвоемъ, поступая съ ними въ дорогѣ какъ съ преступниками.

‡ Какой-то бѣглый русскій князь въ древности былъ женатъ на грузинской царицѣ.

¶ На которыхъ рассчитывала Грузія и слабо приготовилась къ оборонѣ, что было уже первымъ знакомъ ея паденія.

Императоръ Павелъ рыцарь въ дѣлахъ Запада, рыцарски отерочилъ въ умѣ своемъ замыслы Екатерины....* Честь доблестнаго исполненія ихъ выпала на долю благословеннаго Александра, который распорядился такъ ловко Грузіею, что Европа имѣя глаза свои обращенными въ то время на французскаго Цезаря, и не замѣтила какъ хвостъ Россіи на Югѣ перебросился за кавказскія горы.

Иравительство русское захвативъ Грузію не имѣло цѣли проложить ею путь себѣ въ Индію. Захватило-же оно ее, какъ нынѣ завладѣло-бы Римомъ или Исландіею!

Все равно, лишь-бы только захватить что-нибудь, хотя-бы и во вредъ Россіи. Этотъ чингизхановскій принципъ въ настоящее время вполне доказываетъ сколько упрочилъ онъ за Россіею ея непужпыя завоеванія.

Пѣтъ сомнѣнія, что Грузія со временемъ отпадетъ отъ Россіи, но отпаденіе это можетъ послѣдовать только исторически, т. е. при распаденіи Имперіи на отдѣльные самостоятельныя государства, быть можетъ и федеративныя, при чемъ благо Грузіи было-бы несомнѣнно, какъ и та польза, которую могла бы принести она Россіи въ сношеніяхъ ея съ Востокомъ.

О желаніи-же самостоятельности своей закавказскія провинціи давно заявили Россіи, разновременными тремя возмущеніями въ Кахетіи, Имеретіи и Тифлисѣ.

Возмущенія эти не стали общими и не имѣли успѣха отъ того, что не было человека водящего ими, къ которому-бы было нужно довѣріе, и отъ разъединенія Грузинъ съ Армянами, этихъ братьевъ одной колыбели, такъ сильно поддерживаемаго Русскими, составляющаго совершенное несчастье всего Закавказья.

(Продолженіе общаго).

С М Ъ С Ъ .

— *Философское управленіе Олонецкою и Курскою губерніями.*—Мы получили письмо изъ Петербурга, въ которомъ разсказываютъ какъ губернаторъ Философовъ, черезъ теперь отрѣшеннаго чиновника Кушелевскаго и другихъ клеветовъ, *улучшаетъ* свое состояніе, подучаетъ крестьянъ дѣлать *неверныя* показанія, распоряжается по судебнымъ дѣламъ, дѣла откупщиковъ считаетъ своими и пр.

Что-жѣ во всемъ этомъ удивило корресподента нашего? Пусть онъ прочитаетъ о какомъ-нибудь пермскомъ губернаторѣ Лашкаревѣ и прибавитъ, что *земскій* царь имъ доволенъ, —тогда онъ примирится съ философіей г. Философова.

Мы все ждемъ когда мы получимъ письмо, въ которомъ скажутъ о какомъ-нибудь губернаторѣ, который не дѣлаетъ всѣхъ этихъ продѣлокъ; это будетъ гораздо оригинальнѣе.

А пока дождемся — вотъ съ противоположной стороны Россіи:

Въ Маѣ мѣсяцѣ текущаго года въ Курскѣ былъ пожаръ. Плохая городская пожарная команда опоздала; прежде ея явился почетный гражданинъ Ив. Ив. Гостевъ съ своей трубой и своими людьми, и способствовалъ къ потушенію пожара; на этотъ пожаръ пріѣхалъ Курскій губернаторъ Денъ. Ему очень не понравилось, что обывательская труба лучше казенной, онъ сейчасъ потребовалъ трубу отъ Гостева въ распо-

* Въ одно время когда императоръ Павелъ вачертывалъ порядокъ при-военія Грузіи, снаряжался отрядъ на Дону подъ началомъ Атамана Орлова, для похода въ Индію на Хиву, по указанію Наполеона.

раженіе пожарной команды; Гостевъ отказался, отиѣчая очень вѣжливо, что его люди не хуже пожарныхъ солдатъ успѣли уменьшигъ силу пожара до прибытія пожарной команды, а пожарнымъ солдатамъ я трубу не довѣрю.—Кто ты такой? закричалъ на него Денъ—Здѣшній житель, почетный гражданинъ Гостевъ.—“Что ты хочешь удивить или испугать меня своимъ званіемъ? Я тебѣ сейчасъ покажу что такое почетный гражданинъ”... и осыпавъ его площадною бранью, онъ прибавилъ: “ты думалъ что я тебя буду благодарить, что ты пріѣхалъ тушить? Я тебя отдамъ подъ уголовный судъ—какъ *ты смѣлъ тушить безъ дозволенія начальства*. Возьмите его въ сибирку!”—Гостева взяли и посадили въ сибирку, продержали трое сутокъ; въ продолженіе этого времени не давали ничего кромѣ хлѣба и квасу, и не допускали къ нему никого, даже родныхъ, и отпустили его по усиленной просьбѣ отца, который на колѣняхъ упросилъ губернатора простить его. Денъ настраивалъ отца, что сынъ его бунтовщикъ, ослушникъ власти и что онъ его вышлетъ изъ города. За смѣлъ послѣдовать приказъ отъ Дена, чтобы никто изъ обывателей *на пожарѣ съ трубой являться* не смѣлъ до приказанія полиціи. Городской голова и цѣлое общество купцовъ, къ которымъ обращался отецъ, *не осмѣлились заступиться!*

— *Обращеніе Петербургскихъ и Московскихъ церквей въ святыя дворы по распоряженію Синода.*—Послѣ преданія смерти трехъ жертвъ въ Варшавѣ, многія лица въ Петербургѣ и Москвѣ служили за нихъ панихиды и подавали за общедней поминовенье, синодъ сдѣлалъ секретное предписаніе о запрещеніи служить панихиды объ нихъ и ихъ поминать, а о лицахъ, которыя пожелаютъ служить панихиды или будутъ подавать поминанья, приказалъ священникамъ доносить благочиннымъ. Московскій Филаретъ еще лучше распорядился. Въ Іюнѣ мѣсяцѣ призвалъ къ себѣ всѣхъ благочинныхъ и передавъ имъ словесно распоряженіе синода для большаго сохраненія секрета, приказалъ имъ самимъ объѣхать священниковъ своего благочинія и передать имъ, что если кто будетъ просить ихъ отслужить панихиду о новопреставленныхъ *Петрѣ, Іоаннѣ и Θεодорѣ (Францѣ)*, то они не смѣли-бы служить и поминать, а о лицахъ давали-бы знать благочинному—имя, фамилію и мѣстожителство. Если даже *одно* изъ этихъ именъ священникъ встрѣтитъ въ поминаніи новопреставленнымъ, то пропускалъ-бы и читалъ только тогда, когда ему извѣстенъ новопреставленный.

— *Константинъ Николаевичъ противъ безсмертія души и молитвъ объ усопшихъ.*—Утверждена конфирмація намѣстника въ Царствѣ Польскомъ надъ поручиками: стрѣлковыхъ баталіоновъ: 5-го—*Готскомъ-Даниловичъ*, 6-го—*Огородниковъ* и олонепкаго пѣхотнаго его королевскаго высочества принца Карла Баварскаго полка *Зейнъ*, которые за то, что были главными распорядителями отправленіи съ цѣлію политической демонстраціи панихиды по казненнымъ государственнымъ преступникамъ, а *Огородниковъ*, сверхъ того, за передачу священнику, служившему панихиду, ложныхъ и вредныхъ слуховъ о нынѣшнихъ событіяхъ въ Россіи и Царствѣ Польскомъ; *Зейнъ* же за нарушеніе должнаго уваженія къ своему полковому командиру,—отстаиваются отъ службы, съ выдержаніемъ подъ арестомъ въ повогеоргіевской крѣпости въ казематѣ: *Огородниковъ* и *Зейнъ* въ теченіе года, а *Даниловичъ* въ продолженіе девяти мѣсяцевъ.

— *Нордъ и Самаринъ.*—Въ богородскомъ уѣздѣ, московской губерніи есть имѣніе помѣщика Норда, унаслѣдованное имъ отъ Жеребцовой, деревня *Слободищи*; въ этомъ имѣніи былъ особый сборъ съ души по 15 копѣекъ на содержаніе конторы, и прочіе расходы. Крестьяне по повому Положенію отъ этихъ сборовъ освобождены, но они все-таки безпрекословно платили и только по распоряженію мирового посредника Самарина въ Іюнь мѣсяцъ отказались. Съ нихъ стали требовать деньги, призвали исправника, они отвѣтили исправнику, что дѣлаютъ это съ разрѣшенія посредника. Исправникъ, получавшій изъ конторы часть этого сбора, посоветовалъ дать знать въ Москву губернатору, что крестьяне неповинутся помѣщику, да и притомъ у нихъ, какъ у раскольниковъ, замѣтенъ духъ неповиновенія, священника у нихъ нѣтъ и убѣдить ихъ некому. Потребовали экзекуцію, немедленно пришли 500 человекъ. Крестьяне выбрали отъ себя троихъ для объясненія, которые опять объявили, что отказываются по распоряженію посредника. Самаринъ узнавъ, что прислана экзекуція и дѣлу приданъ видъ бунта, отказался отъ своихъ словъ. За симъ, какъ и слѣдовало ожидать, собрали крестьянъ на сходку, и трехъ выбранныхъ, какъ подстрекателей къ неповиновенію—наказали.

— *О нижнихъ чинахъ, замѣченныхъ въ воровство и мошенничество.*—Въ Нижегородскихъ Губ. Вѣд. напечатано: “Генералъ отъ кавалеріи фонъ-деръ-Лауницъ 1 й, убѣдившись, что весьма многіе случаи воровства и мошенничества, какъ на ярмаркѣ, такъ и въ городѣ, совершаются съ участіемъ или прикосновенностію отпусковыхъ или отставныхъ нижнихъ чиновъ, предложилъ объявить во всенародное извѣстіе, что изъ отпусковыхъ и отставныхъ нижнихъ чиновъ, не только изобличенные, но и замѣченные въ дурныхъ и вредныхъ поступкахъ, будутъ обращены безъ дальнѣйшаго судопроизводства—первые на дѣйствительную службу, съ лишеніемъ навсегда права на отставку, а послѣдніе будутъ высланы въ дальніе уѣзды сѣверныхъ губерній, съ назначеніемъ на казенное содержаніе, какъ штрафованные.”

Слышали-ли вы что-нибудь рѣвнующееся самоволью, дерзости, цинизму нашего прогрессивнаго правительства. Ну не въ Европѣ, въ Японіи, въ Китаѣ было-ли что подобнаго лауницкому безумію?... а ему еще земской-то царь землицы отвелъ!

— *Пожалованіе землею.*—Генералу отъ кавалеріи Ключевелю пожаловано въ вѣчное и потомственное владѣніе, Самарской губерніи, Николаевского уѣзда, изъ казенныхъ участковъ пять тысячъ семь сотъ шесть десятинъ сто пятьдесятъ сажень удобной и неудобной земли.—(Спб. Вѣд.)

Чего жалѣть земли—казенная!

— *Тайныя типографіи.*—Въ Петербургѣ, въ началѣ Сентября, снова былъ разосланъ летучій листъ, напечатанный въ тайной типографіи, подъ заглавіемъ: “Къ образованнымъ классамъ.” Въ слѣдующемъ листѣ *Колокола* мы перепечатаемъ его. Не смотря на мощную поддержку г. Скорятина, правительство петербургское рѣшительно падаетъ въ глазахъ всего мыслящаго въ Россіи.

— Рукопись подъ заглавіемъ: “*Православная Русь*”—получена.

— *БОЯТСЯ ОФИЦЕРОВЪ.*—Государь утвердилъ представленный, в. к. главнымъ начальникомъ военно-учебныхъ заведеній проектъ объ уменьшеніи числа офицеровъ, назначаемыхъ въ репетиторы и другія должности по учебной части въ военно-учебныхъ заведеніяхъ.—(Спб. Вѣд.)

— *ВСЕГО БОЯТСЯ.*—Высочайше утверждено учрежденіе штатныхъ должностей коменданта главной квартиры его и. в. намѣстника въ Царствѣ Польскомъ, и помощника коменданта, на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) Коменданту главной квартиры подчиняются сотни собственнаго его выс. конвоя, не въ хозяйственномъ и строевомъ отношеніяхъ, а въ смыслѣ употребленія казаковъ на службу, т. е. парадъ ихъ въ должности, въ конвоѣ и т. п. Кромѣ коменданта квартиры и его помощника, никто не въ правѣ отдать конвойнымъ казакамъ приказанія по употребленію ихъ на службу. 2) Ему подчиняется также особая команда изъ 25 человекъ полиціантовъ, при одномъ офицерѣ или чиповникѣ. Люди, къ той командѣ причисленные, должны быть въ такихъ-же отношеніяхъ къ коменданту главной квартиры и къ оберъ-полицеймейстеру, въ какомъ, по предъидущему пункту, будутъ состоять конвойные казаки къ тому-же коменданту квартиры и къ походному атаману и пр.

— *Предостереженіе Гутцейту и ему подобнымъ помѣщикамъ.*—Кажется какая связь между орловскимъ помѣщикомъ Гутцейтомъ и другими помѣщиками насильно любящими рабынь своихъ съ Кавказомъ—а есть. Черкесы просили королеву Викторію заступиться за нихъ, и высказали рядъ всякаго рода гнусностей коротко знакомаго намъ петербургскаго правительства. Между прочимъ они въ запискѣ своей говорятъ о крейсированіи русскихъ кораблей, мѣшающихъ имъ всякія торговыя сношенія съ Турціей. И дойди эта записка до Норда—и Нордъ крупнымъ шрифтомъ напечаталъ отвѣтъ, да такой отвѣтъ, что зачесется въ головѣ у разныхъ Гутцейтовъ.—“Видите, всё это дѣлается изъ цѣлоумдрія. Зимній дворецъ хочетъ турку отучить отъ многоженства; онъ всё можетъ вынести,—статскую юстицію Панина и военную юстицію Лауница, но черкешенокъ отдавать на развратъ, этого Зимній дворецъ вынести не можетъ. Еще въ 1774 году, 10 Іюня, Екатерина II, 23 артикуломъ Кучукъ-Кайнарджскаго мира, запретила туркамъ доставать дѣвочекъ и мальчиковъ изъ Грузіи и Мингрелій,” (ужъ конечно компетентіѣ судьи по такимъ дѣламъ не было). Не надобно имъ серали, да еще мало дѣвочекъ, покупаютъ мальчиковъ—мальчиковъ самимъ нужно.

Турки и не подозрѣвали, что это была мономанія, что во всей Россіи были открыты безпрепятственно рынки, не только всякаго сорта и возраста крѣпостныхъ дѣвочекъ и мальчиковъ, а старичковъ и старушекъ, и вмѣсто того, чтобъ покупать себѣ въ Чухломѣ или Корчевѣ русскихъ,—всѣ за черкешенками. А русскій флотъ на что въ Черномъ морѣ—конечно его и нѣтъ почти совсѣмъ—но для защиты прекраснаго пола, Зимній дворецъ даетъ послѣднюю плюбку... Байардъ!

Дѣйствительно, митрополитъ Филаретъ правъ въ составленныхъ имъ молитвенныхъ возгласахъ, вознесенныхъ въ памятословіе 8-го Сентября въ Новгородѣ. “Преемственнѣ въ счетъ вѣковъ, созидавшимъ, укрѣплявшимъ, новосозидавшимъ (это *Петръ I*), расширявшимъ (эту ужъ *Екатерина II*), прославившимъ—во благозаконіе и благоустроеніе Имперію Всероссійскую.”

— *Милость офицерамъ по поводу тысячелѣтїя.* — Существоющими правилами положительно опредѣлено, какія именно формы одежды должны соблюдать гг. офицеры, не только при исполненіи служебныхъ обязанностей, но и въ частномъ быту. Правила эти были подтверждаемы неоднократно къ руководству по военному вѣдомству. Не смотря на то, замѣчено въ послѣднее время, что нѣкоторые лица военного вѣдомства не только допускаютъ отступленія отъ установленныхъ формъ, но въ иныхъ случаяхъ, какъ на примѣръ, при проѣздахъ по желѣзнымъ дорогамъ, на пароходахъ и т. п., дозволяютъ себѣ даже замѣнять военную форму партикулярными и разными національными костюмами. Подобныя отступленія отъ форменной одежды, доведенной нынѣ до крайней степени простоты и удобства, могутъ позволять себѣ только тѣ офицеры, которые не дорожатъ своимъ мундиромъ и не понимаютъ требованій военной службы. Поэтому предложено (*къмъ?*) гг. начальникамъ обратить вниманіе на этотъ предметъ и не допускать, чтобы офицеры пренебрегали установленными формами одежды. (10-го сентября 1862 г., No. 247.) (Съв. Поч.)

— *Конституція, Самодержавіе и Земская Дума.* Подъ этимъ заглавіемъ вышла въ Берлинѣ брошюра, А. Кошелева. Она была-бы полезна для петербургскихъ главъ правительства, если-бъ онѣ могли что-нибудь понимать.

— Въ *Общій фондъ* получено послѣ 1-го Октября черезъ г. Тхоржевскаго два голланд. червонца и прислано 1,000 фр.

ЗАПИСКИ ДЕКАБРИСТОВЪ.

Первая присылка записокъ получена нами. Мы не имѣемъ словъ, чтобы выразить всю нашу благодарность за нее. Наконецъ-то выйдутъ изъ могилъ великія тѣни первыхъ сподвижниковъ русскаго освобожденія, и большинство знавшее ихъ по Блудову и по Корфу—узнаетъ ихъ изъ ихъ собственныхъ словъ.

Мы съ благочестіемъ средневѣковыхъ переписчиковъ апостольскихъ дѣяній и житія святыхъ, принимаемся за печатаніе “Записокъ Декабристовъ;” мы чувствуемъ себя гордыми, что на долю нашего станка досталась честь обнародованія ихъ.

Всѣ вырученныя деньги, за расходами на печать и бумагу мы раздѣлимъ по поламъ. Одну половину переплѣмъ для вспомошествованія лицамъ сосланнымъ въ Сибирь, вслѣдствіе политическихъ гоненій, *другую*—оставимъ въ Лондонѣ для вспомошествованія русскимъ, которые вынуждены будутъ покинуть отечество, по причинѣ тѣхъ же гоненій. Если же эмигрантовъ будетъ не много, то по прошествіи года мы и эти деньги присоединимъ въ Сибирскій фондъ.

Мы предполагаемъ издавать Записки отдѣльными выпусками и начать съ записокъ “И. Д. Якушкина” и князя “Трубецкаго.” За тѣмъ послѣдуютъ записки князя “Оболенскаго, Басаргина, Штенгеля, Люблинскаго, Н. Бестужева,” далѣе о 14 Декабрѣ “Пушина,” “Бѣлая церковь,” “Воспоминанія князя Оболенскаго о Рызевѣ и Якушкинѣ,” “Былое изъ разсказовъ Декабристовъ,” “Списокъ слѣдственной комиссіи,” статья “Лунина” и разные письма.

LA CLOCHE

Первый листъ *Колокола* вышелъ на французскомъ языкѣ. Изданіе это совершенно независимое отъ русскаго, дѣлается въ Брюсселѣ. Желаемъ отъ всей души успѣха этому предпріятію. На Западѣ Россію не знаютъ, не смотря на то, что послѣ Крымской войны было довольно писано. Новый органъ, состоящій изъ переводныхъ статей съ русскаго, и притомъ изъ статей не прошедшихъ *либеральной* цензуры Головинна, безъ сомнѣнія будетъ полезенъ.

*La Cloche** будетъ выходить два раза въ мѣсяцъ. Сначала издатели намѣрены въ видѣ введенія, помѣстить нѣсколько статей разныхъ годовъ, потомъ переводить наиболѣе замѣчательныя статьи, изъ послѣднихъ листовъ.

ПРОДАЕТСЯ У ТРЮБНЕРА И ТХОРЖЕВСКАГО:

НАРОДНОЕ ДѢЛО

· РОМАНОВЪ, ПУГАЧЕВЪ ИЛИ ПЕСТЕЛЬ?

М. А. БАКУНИНА.

(Цѣна 6 пенсовъ).

ПОЛЯРНАЯ ЗВѢЗДА НА 1862.

Выпускъ первый : Изъ записокъ И. Д. Якушкина; Отрывокъ изъ мнѣнія дѣйствительнаго статскаго совѣтника Липранди; Къ предыдущей статьѣ: Примѣчанія, Прпложенія, Выписки; Разказы о временахъ Николая: Колѣспиковъ и его товарищи въ Оренбургѣ, братья Кривые и ихъ товарищи въ Москвѣ, Братья Раевскіе; “Былое и Думы” Искандера (изъ 30хъ годовъ).

Выпускъ второй : Отрывки изъ записокъ Н. А. и М. А. Бестужевыхъ; Императоръ Александръ I и В. Н. Карзинъ (Искандера); Выдержки изъ записокъ одного Недекабриста; Два процесса изъ послѣдней части *Былое и Думы* и пр.

БЫЛОЕ И ДУМЫ, ТОМЪ ТРЕТІЙ.

Между четвертой и пятой частью : Записки одного молодого человѣка; Лициній и Вильямъ Пенъ; Капризы и Раздумье; Статьи полемическія; Станція Едрово; Нѣсколько замѣчаній объ историческомъ развитіи чести и пр.

ОБЩЕПОЯТНОЕ ИЗЛОЖЕНІЕ СРАВНИТЕЛЬНОЙ АНАТОМІИ И ЗООЛОГІИ.

А. А. ГЕРЦЕНА.

Первый Выпускъ. Вся книга будетъ состоять изъ четырехъ выпусковъ; каждый выпускъ содержитъ около 5-ти печат. листовъ и 5-ти рисунковъ. Цѣна 1 руб. сер. (3 шиллинга).

ПЕЧАТАЕТСЯ:

РАСКОЛЬНИКИ, Томъ IV.

— *Слѣдующій листъ 148 выйдетъ 22 Октября.*

* Въ Бельгїи у главныхъ книгопродавцевъ. Въ Парижѣ у Amyot, Dentu, Librairie Maisonneuve, Pagnerre. Въ Берлинѣ у F. Schneider, Лейпцигъ у L. Kittler.

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи, 136 & 138 Caledonian Road, London, N.

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM,

КОЛОКОЛЪ

VIVOS VOCO!

Выходитъ еженедѣльно въ Лондонѣ.
Получается въ Вольной Русской Типо-
графіи — 136 & 138, Caledonian Road, N.
Цѣна 9 пенсовъ, съ пятымъ номеромъ
— ОБЩЕЕ ВЪЧЕ.

ЛИСТЪ 148.

22 Октября 1862.

(WITH SUPPLEMENT VETCHÉ No. 5).

У Трюбнера & Со. въ книжной лавкѣ,
60, Paternoster Row, и у Tchorzowski,
1, Macclesfield Street, (Gerrard Street),
Soho, London. Price Nine pence, with
Supplement : VETCHÉ No. 5.

ОГЛАВЛЕНІЕ.—В. К. Константину Николаевичу отъ русскихъ офицеровъ стоящихъ въ Польшѣ—Концы и Начала (Письмо Пятое)—

Правительственные проекты—Тайныя Типографіи въ Петербургѣ—Изъ “Свобод. Слова” и проч.

КГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ

ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ КОНСТАНТИНУ НИКОЛАЕВИЧУ

отъ русскихъ офицеровъ, стоящихъ въ Польшѣ.*

Ваше Высочество,

Русское войско въ Польшѣ поставлено въ странное, невыносимое положеніе. Ему приходится быть палачемъ польскаго народа, или отказаться отъ повиновенія начальству.

Солдаты и офицеры устали быть палачами. Эта должность сдѣлалась для войска ненавистною. Бить безоружныхъ, преслѣдовать молящихся по церквамъ, хватать прохожихъ на улицахъ, держать въ осадномъ положеніи Поляковъ за то, что любятъ Польшу,—съ каждымъ днемъ больше и больше становится въ глазахъ войска дѣломъ безчеловѣчнымъ и потому преступнымъ.

Проникнутое недовѣріемъ къ начальству и отвращеніемъ отъ своей безчеловѣчной службы, войско спрашиваетъ себя: Ради чего оно будетъ палачемъ польскаго народа и какая въ томъ польза для народа русскаго?

Вѣсти изъ Россіи говорятъ, что и тамъ войску приказываютъ быть палачемъ—не польскаго—а русскаго народа. Войска, стоящія въ Польшѣ, знаютъ о разстрѣливаньяхъ крестьянъ за то, что они не поняли “Положеній,” нисколько народа не удовлетворяющихъ. Войска въ Польшѣ на эти разстрѣливанья смотрятъ съ омерзеніемъ.

Недавнее разстрѣливанье въ Польшѣ русскихъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, любимыхъ и уважаемыхъ товарищами, исполнило войско трудно укротимымъ негодованіемъ. Еще шагъ въ подобныхъ дѣйствіяхъ правительства — и мы не отвѣчаемъ за спокойствіе въ войскахъ.

Въ тоже самое время постоянное дразненіе Поляковъ полицейскимъ гнетомъ, равно пахальнымъ, жестокимъ и смѣшнымъ, постоянное оскорбленіе ихъ во всемъ, что для нихъ

* За достовѣрность этого адреса, присланнаго въ Колоколъ русскими офицерами, редакція ручается.

Годъ VII.

свято и дорого, оскорбленіе, которое заставило бы ихъ оттолкнуть всякія реформы, предпринятія русскимъ правительствомъ, даже еслибы онѣ были рациональны, а тѣмъ больше реформы никого не удовлетворяющія,—дразненіе, оскорбленія и гнѣтъ, принятые правительствомъ за основаніе всѣхъ его дѣйствій, додразнить Поляковъ до возстанія.

Что станетъ тогда дѣлать войско въ настоящемъ его настроеніи? Оно не только не остановитъ Поляковъ, но пристанетъ къ нимъ и можетъ быть никакая сила не удержитъ его. Офицеры удержатъ его не въ силахъ и не залотятъ.

Войско не хочетъ быть измѣнникомъ русскому народу, но прежде всего войско не хочетъ быть палачемъ, потому что это безчестно и позоритъ имя русское.

Ваше Высочество, ваша прямая обязанность спасти войско; а для этого только одно средство—перестать дразнить и угнетать Поляковъ, не доводить ихъ до взрыва, снять позорное осажденное положеніе и дать Польшѣ свободно учредиться по понятіямъ и желаніямъ польскаго народа. Вы должны исходатайствовать это у Государя, иначе грозитъ бѣда неминуемая.

Мы обратились къ Вамъ чрезъ посредство печати и гласности, а не по начальству; начальство никогда не передало бы Вамъ нашего голоса—голоса правды.

Мы скрыли наши имена; искреннее слово честнаго чловека начальствомъ считается за бунтъ и назвавшись мы только подверглись бы незаслуженной карѣ.

Мы скрыли наши имена не изъ трусости. Мы не боимся ни наказанія, ни казни. Но мы не хотимъ подвергнуться ей безплодно, какъ недавно подверглись наши честные товарищи. Мы назовемся добровольно тогда, когда убѣдимся, что на нашемъ мученичествѣ созиждется воля и достоинство русскаго народа, нашего народа, который мы любимъ, а выѣстъ съ тѣмъ предоставится и свобода польскому народу, котораго терзать мы не хотимъ.

Ваше Высочество — примите увѣреніе въ нашей искренности.

КОНЦЫ И НАЧАЛА.

(Письмо Пятое).

...“Въ первыя времена моей юности, меня поразили одинъ французскій романъ “Arminius”, котораго я впоследствии не встрѣчалъ; можетъ онъ и не имѣть большихъ достоинствъ, но тогда онъ на меня сильно подѣйствовалъ, и я помню главныя черты его до сихъ поръ.

“Всѣ мы, больше или меньше знаемъ встрѣчу и столкновение двухъ историческихъ міровъ въ первые вѣка: одного классическаго, образованнаго, но растлѣннаго и отжившаго, другаго почти дикаго, какъ зѣбра лѣсной, но полная непотачныхъ силъ и хаотическихъ стремлений—только знаемъ мы по большей части одну официальную, газетную сторону ихъ столкновения, а не ту, которая совершалась по мелочи, въ тиши домашней жизни. Мы знаемъ курьезныя событія, а не частныя судьбы; не драмы, въ которыхъ безъ шума ломались жизни и гибли въ личныхъ столкновенияхъ, кровь замѣнялась горькими слезами, опустошенные города разрушенными семьями и забытыми могилами.

“Авторъ “Arminius’a,” попытался произвести эту встрѣчу двухъ міровъ у семейнаго очага: одного идущаго изъ лѣса въ исторію, другаго изъ исторіи въ гробъ. Всемирная исторія тутъ граничитъ со сплетнями и потому становится ближе къ намъ, доступнѣе, соизмѣримѣе.*

“Не приходило мнѣ тогда въ мысль, что я самъ попаду въ такое-же столкновение, что и въ моей жизни развернется, со всей губящей силой своей, подобное столкновение, что и мой очагъ опустѣетъ, раздавленный при встрѣчѣ двухъ міровыхъ колесъ исторіи....

“Въ нашемъ отношеніи къ Европейцамъ при всемъ несходствѣ, которое я очень хорошо знаю, дѣйствительно есть сходныя черты съ отношеніемъ Германцевъ къ Римлянамъ. Не смотря на нашу наружность, мы всё-же варвары. Наша цивилизация наковня, развратъ грубъ. у насъ изъ подъ пудры колетъ иной разъ щетина, изъ подъ бѣлизны пробивается загаръ. У насъ бездна лукавства дикихъ и уклончивости рабовъ; у насъ все разрывается кулакомъ или деньгами. Мы готовы дать плюху безъ разбора и повалиться въ ноги безъ вины—но—но я упорно повторяю, мы далеко отстали въ развѣдающей, наслѣдственно зараженной тонкости западнаго растлѣнія.

“У насъ умственное развитіе служить (по крайней мѣрѣ) служило до сихъ поръ) чистилищемъ и порукой. Исключенія чрезвычайно рѣдки. Образование у насъ владѣетъ предѣломъ, за который много гнуснаго не ходитъ, на этомъ основаніи во все николаевское время, правительство не могло составить ни тайной полиціи, ни полицейской литературы въ родѣ французскихъ.

“На Западѣ это не такъ. И вотъ почему русскіе мечтатели, вырвавшись на волю, отдавались, отдаются, въ руки всякому человѣку касающемуся съ сочувствіемъ святынь ихъ, понимающему ихъ заповѣдныя мысли, забывая что для него, эти святыни давно перешли въ обычную фразу, въ форму, въ родѣ учтивости, что большей частью онъ ихъ повторяетъ, пожалуй и добросовѣстно, но въ томъ родѣ, въ которомъ понъ, думая вовсе о другомъ, благословляетъ встрѣчнаго; забывая

* Я былъ до того увлеченъ Арминіемъ, что написалъ рядъ подобныхъ сценъ и ихъ критически разбиралъ при мнѣ въ слѣдственной комиссіи (въ 1834 г.), оберъ-полицейстеръ Цинскій.

сколько другихъ стихій напутано въ сложной, усталой, болѣзненно пробившейся и страстно себялюбивой душѣ западнаго челоѣка; сколько онъ уже истощенъ, изношенъ завистью, нуждой, гнѣславіемъ, самолюбіемъ и въ какой страшный эппикурензмъ высшаго, болѣзненно-нервнаго порядка перегнулись перенесенныя имъ униженіе, нищета и горячешный бой соревнованія.

“Мы все это узнаемъ, когда ударъ нанесенъ; насъ это ошеломляетъ. Мы чувствуемъ себя одураченными и хотимъ ошомелить. Глядя на это, иногда мнѣ кажется, что много прольется крови, изъ за столкновения этихъ двухъ разныхъ развитій...”

Строки эти были писаны нѣсколько лѣтъ тому назадъ.*

Я и теперь того-же мнѣнія, не смотря на то, что Русскіе пользуются въ Европѣ репутаціей самыхъ развратныхъ людей. Это происходитъ отъ безцеремонности нашего поведения и отъ помѣщичьихъ ухватокъ. Мы увѣрили весь свѣтъ въ нашей порочности, такъ какъ Англичане его увѣрили въ своихъ семейныхъ добродѣтеляхъ. На самомъ дѣлѣ, ни то ни другое—не глубоко. Русскіе за границей не только беспорядочно живутъ, но хвастаются своими дикими и распущенными привычками. По несчастью встрѣчаясь, при самомъ переѣздѣ границы, съ пеловкой и подобострастной родиной кетнеровъ и гофратовъ, Русскіе, какъ вообще недовоспитанные люди, перестаютъ стѣсняться, распускаются еще больше, и въ этомъ задорномъ состояніи приѣзжаютъ въ Парижъ и Лондонъ. Мнѣ случалось много разъ замѣчать, какъ Русскіе бросаются въ глаза совершенными мелочами, а потомъ поддерживаютъ первое впечатлѣніе какой-то вызывающей *parade*, съ которой они (великіе мастера покорности и вытяжки дома!) не хотятъ покориться принятымъ обычаямъ. Русскіе узнаютъ въ большихъ отеляхъ, потому что онъ кричитъ въ общей залѣ, хохочетъ во все горло, ѣстъ съ ножа, и непременно протестуетъ, что нельзя курить въ столовой. Вся эта заносчивость официанта, вышедшаго за ворота господскаго дома, показываетъ гораздо больше недозрѣлости, непривычки къ волѣ, чѣмъ глубокой испорченности; съ этой нравственной “сыростью” неразрывно хвастовство. Намъ хочется какъ 14-лѣтнимъ мальчикамъ не только напиться, но и показать всему свѣту “вотъ молъ, какъ я налился”. А весь свѣтъ разсуждаетъ иначе—онъ глядя на то, что русскіе обнажаютъ, думаетъ качая головой, что же послѣ этого скрыто то у нихъ?—а тамъ ничего, какъ въ раннѣ солдатскомъ на парадѣ, только видъ что туго набито.

Долгая цивилизація, перешедшая поколѣнія и поколѣнія получаетъ особый букетъ, который *разомъ* не возмемъ, въ этомъ судьба людей очень схожа съ судьбою рейнвейна; эстетически выработанной пристойностью особенно увлекаться нечего, хотя ходить по ней, какъ по выметенном дорожкѣ гораздо пріятнѣе. Мы, нельзя не признаться, дурно выметены, и грязи много и жесткихъ камней довольно.

Дресура наша въ образованіе свѣжа въ памяти: она дѣлалась черезъ пень колоду и совершенно въ томъ родѣ, какъ крестьянина, взятаго во дворъ, стригутъ въ пѣмца и заставляютъ *служить*. Отрѣкаясь по высочайшему повелѣнію отъ всего склада жизни народной, дворянство упорно сохранило всѣ дурныя ея стороны; бросая за бортъ вмѣстѣ съ предразсудками строгій чинъ и строй народнаго быта, оно

* Изъ ненапечатанной части: “Былаго и Душ”.

осталось при всѣхъ грубо-барскихъ привычкахъ и при всемъ татарскомъ неуваженіи къ себѣ и къ другимъ. Тѣсная, обычная нравственность прежняго времени, не замѣнилась ни аристократическимъ понятіемъ чести, ни гражданскимъ понятіемъ доблести, самобитности — оно замѣнилось гораздо проще, нѣмецкой казарменной дисциплиной *во фронтъ*, подлымъ уничиженіемъ, подобострастнымъ кнѣпизмомъ въ *канцеляріи* и ничѣмъ *внѣ службы*.

Внѣ службы дворянинъ превращается изъ битаго дельщика въ быющаго Петра I; въ деревнѣ ему было полное раздолье, тутъ самъ онъ становился капрадомъ, императоромъ, вельможей и отцомъ вотчины. Изъ этой жизни волка и просвѣтителя вмѣстѣ, вышли всѣ колоссальныя уродства — отъ Бирюковъ, и Потемкиныхъ большаго размѣра, до Бирюковъ и Потемкиныхъ въ микрометрическомъ сокращеніи; отъ Измайлова съкупащаго исправниковъ, до Поздрева съ оборванной бакенбардой; отъ Аракчеева вся Россія, до баталіонныхъ и ротныхъ Аракчеевыхъ *заколачивающихъ* въ гробъ солдата; отъ взяточниковъ первыхъ трехъ классовъ, до голодной стаи пернатыхъ *записывающихъ* бѣднѣхъ мужиковъ въ могилу, со всѣми неистощимыми варіаціями лѣсныхъ офицеровъ, забіякъ, картежныхъ игроковъ, героевъ ярмарокъ, псарей, драчуновъ, сѣкуновъ, ссраल्पниковъ. Въ нихъ числѣ тамъ-сямъ изрѣдка попадался помѣщикъ, сдѣлавшійся иностранцемъ для того чтобъ остаться человекомъ, или "прекрасная душа" Маниловъ, горлица дворянства, воркующій въ господскомъ домѣ близъ исправительной конюшни.

Казалось-бы, что могло зародиться, вырасти, окрѣпнуть путнаго на этихъ грядкахъ между Аракчеевыми и Маниловыми? Что воспитаться этими матерями брившими лбы, рѣзавшими косы, колотившими прислугу, этими отцами подобострастными и передъ всѣми вышними, дикими тиранами со всѣмъ пизшимъ? А имепно между ними развились люди 14 Декабря, фалапа героевъ, вскормленная какъ Ромуль и Ремъ молокомъ дикаго звѣря... Оно имъ пошло впрокъ! Это какіе-то богатыри, кованные изъ чистой стали съ головы до ногъ, воины-пророки, вышедшіе сознательно на явную гибель, чтобъ разбудить къ новой жизни — молодое поколѣніе, и очиснить дѣтей рожденных въ средѣ палачества и раболѣпія. Но кто-же ихъ-то душу выжечь огнемъ очищенія, что за *непочатая сила* отрѣклась въ нихъ то самичъ отъ *своей* грязи, отъ напосаго гуноя и сдѣлала ихъ мучениками будущаго?..

Она была — для меня этого довольно теперь, я помѣчаю это и возвращаюсь къ тому что сказать — кабацкая оргія нашего разврата имѣетъ характеръ какого-то неустоявшагося, неуравновѣсившагося броженія; это горячка опьяненія захватившая цѣлое сословіе, сорвавшееся съ пути, безъ серьезнаго плана и цѣли — она не имѣетъ той въ глубь уходящей, той изъ глубины подымающейся, тонкой, вервной, *умной*, роковой безнравственности, которыми разлагаются, страдают, умираютъ образованные слои западной жизни.

По какъ-же это случилось? Что за нравственный самумъ подулъ на сформированный міръ?... Всѣ прогрессы, да прогрессы, свободныя учрежденія, желѣзныя дороги, реформы, телеграфы?...

Много хорошаго дѣлается, много хорошаго накапливается; а самумъ-то дуетъ себѣ да дуетъ, какими-то *memento mori*, постоянно усиливаясь и смегая передъ собой все что на пути. Сердиться за это также нечего, какъ сердиться на бѣлокъ

за то что онѣ линяютъ, на море за то, что послѣ прилива (и какъ на смѣхъ въ самую лучшую минуту его) начинается отливъ. Къ этому колебанью, къ этому ритму всего сущаго, къ этой смѣнѣ дня ночью, пора привыкнуть.

Эпоха *линянья*, въ которой мы застали западный міръ, самая трудная, новая инкура едва показывается, а старая окостенѣла какъ у носорога — тамъ трещина, тутъ трещина, но *en gros* она держится крѣпко и приросла глубоко. Это положение между двухъ шкуръ необычайно тяжело. Все сильное страдаетъ, все слабое выбивавшееся на поверхность портится; процессъ обновленія неразрывно идетъ съ процессомъ гніенія и который возметъ верхъ — неизвѣстно.

Дай мнѣ объяснить мою мысль въ слѣдующемъ письмѣ. Можетъ я и успѣю тебѣ доказать, что это не *manière de dire*, не субъективное недоумованіе (грудно въ самомъ дѣлѣ имѣть личность съ всемірной исторіей), а нѣсколько чертъ подмѣченныхъ глазами свободными отъ куриной слѣпоты школьнаго доктринаризма и отъ темной воды мистицизма.

П—ръ.

15 Октября 1862.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ ПРОЕКТЫ.

*Выписка изъ всеподданнѣйшаго доклада государю императору г. предсѣдательствующаго въ государственномъ совѣтѣ, при коемъ представленъ его величеству журналъ соединенныхъ департаментовъ законовъ и гражданскихъ дѣлъ государственнаго совѣта о преобразованіи судебной части.**

Повергая всю вообще работу соединенныхъ департаментовъ на благоусмотрѣніе вашего императорскаго величества, я считаю долгомъ изложить здѣсь въ краткихъ и общихъ чертахъ существо всѣхъ предположеній департаментовъ о преобразованіи судебной части.

По судоустройству и судопроизводству вообще.

1) Судебную власть департаменты предложили совершенно отдѣлить отъ властей: *исполнительной, административной и законодательной*. На семъ основаніи административныя начальства не будутъ принимать участія въ наравленіи и рѣшеніи судебныхъ, гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ, а судебныя мѣста будутъ устранены отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла административныя; законодательные вопросы, возникающіе изъ общаго теченія судебныхъ дѣлъ, должны будутъ восходить чрезъ министерство юстиціи на разсмотрѣніе государственнаго совѣта, независимо отъ рѣшенія сихъ дѣлъ (1).

2) Разборъ маюважныхъ дѣлъ, какъ гражданскихъ такъ и уголовныхъ, отдѣлить отъ вѣдомства судебныхъ мѣстъ или полиціи, учредивъ для сихъ дѣлъ особыхъ *мировыхъ судей*, избираемыхъ изъ землевладѣльцевъ, всѣми сословіями уѣзда.

* Выписка эта сообщается господамъ членамъ государственнаго совѣта для ихъ свѣдѣнія. (Примѣч. въ текстѣ)

(1) Признавая въ теоріи раздѣленіе властей, на практикѣ проектъ дѣлаетъ невозможнымъ отдѣленіе судебной власти отъ административной и исполнительной. На практикѣ губернаторъ назначаетъ судебныхъ слѣдъ вагелен и слѣдственно неминуемо вмѣшивается въ наравленіе судебныхъ дѣлъ; первое вмѣшательство власти исполнительной, а правительствомъ, т. е. администрація петербургская вмѣшивается во все, какъ увидимъ дальше.

3) Мировые судьи будутъ и *участковые* и *почетные*. Последние не будутъ получать содержанія, но будутъ пользоваться правами и исполнять обязанности, вообще званію мировыхъ судей присвоенныя(2).

4) Менѣ важныя дѣла будутъ рѣшаемы мировыми судьями окончательно; по дѣламъ же большей важности допускаются на нихъ апелліаціи или жалобы. Большинство членовъ департаментовъ считаетъ полезнымъ, дабы жалобы на рѣшенія мировыхъ судей приносились *общимъ судебнымъ мѣстамъ*; но меньшинство, въ томъ числѣ министръ юстиціи и я, полагаемъ необходимымъ дѣла, предоставляемыя мировому разбору, по особому ихъ свойству, вовсе не подчинять судебнымъ мѣстамъ, а потому и апелліацію на рѣшенія мировыхъ судей допустить въ *мировые сѣзды*(3).

5) Какъ за такимъ устройствомъ судебныя мѣста будутъ облегчены въ своихъ занятіяхъ, то нѣсколько уѣздныхъ судовъ и магистратовъ, по удобности, соединить вмѣстѣ въ одинъ судъ, который и будетъ называться *судомъ окружнымъ*.

6) На томъ же основаніи нѣсколько судебныхъ палатъ, по возможности, соединить вмѣстѣ въ одинъ составъ, образовавъ такимъ образомъ для двухъ, трехъ и даже болѣе губерній, *одну судебную палату*, раздѣливъ ее на два департамента: уголовный и гражданскій(4).

7) При назначеніи по выборамъ всѣхъ мѣстныхъ или мировыхъ судей, которые будутъ составлять самый многочисленный разрядъ судебныхъ должностей, *предсѣдателей и членовъ какъ въ окружныхъ судахъ, такъ и въ палатахъ имѣть впредь уже не по выборамъ, но отъ правительства*(5).

(2) Что-же такое почетные мировые судьи? Власть почетнаго судьи дозволяетъ-ли обходить судъ участковаго судьи, или она замѣняетъ только третейскій судъ? Въ первомъ случаѣ, она подрываетъ установленнаго суда; во второмъ случаѣ, она нарушеніе свободнаго выбора третейскихъ судей по личному довѣрію спорящихъ сторонъ.

(3) Стало, мировые сѣзды составятъ какую-то боковую инстанцію, на рѣшеніе которой можно жаловаться окружному суду? Или мировой судъ и мировой сѣздъ представляютъ двѣ инстанціи полицейскаго суда (police correctionnelle) и мировой сѣздъ окончательно рѣшаетъ дѣла этого порядка, ни въ одной странѣ въ мірѣ не требующихъ двухъ инстанцій? И сколько-же будетъ мировыхъ сѣздовъ въ уѣздахъ—одинъ или нѣсколько? Есть-ли это передѣлка земскаго суда, или мировой сѣздъ невольно представитъ бышшій уѣздный судъ?... Дѣло темное; не знаю знаютъ-ли что-нибудь объ этомъ сами составители проекта.

(4) Соединеніе уѣздныхъ судовъ въ окружные суды и губернскихъ судебныхъ палатъ въ одну или три губернскія—представитъ централизацию судовъ, неизбѣжно на какомъ основаніи совершаемую. Кто опредѣлитъ какіе именно суды соединить въ одинъ судъ и какія палаты въ одну палату? Государственный совѣтъ, министръ юстиціи, или совѣтъ министровъ по соглашенію съ начальникомъ III Отдѣленія? Если государственный совѣтъ, то судебныя инстанціи будутъ зависеть отъ власти законодательной. Если министръ юстиціи (который отнюдь не судебная, а административная власть), или совѣтъ министровъ—то суды будутъ зависеть отъ власти административной, и предположенное теоретическое раздѣленіе на практикѣ совершенно терлется.

(5) Тѣмъ болѣе теорія не выходитъ изъ практикѣ, что предсѣдатели и члены судовъ назначаются не по выбору, а отъ правительства. Что такое правительство? Тотъ-же вопросъ—власть законодательная или власть административная? Во всякомъ случаѣ судебная власть становится не независимой. Тутъ, при составленіи проекта, опять мерещились теоретическія понятія, взятые изъ иностранныхъ постановленій. Составители проекта слышали о мнѣніи разныхъ ученыхъ о вредѣ выборныхъ судей (мнѣніе, въ которомъ однако не все ученые согласны) и о томъ, что въ Англіи судьи назначаются королевой и даже пожизненно. Не входя въ разборъ того, составляетъ-ли достоинство англійскихъ судовъ невыборность судей или ихъ достоинство основано на другихъ болѣе реальныхъ причинахъ (какъ то учрежденіе очередныхъ присяжныхъ), мы замѣтимъ, что въ Англіи судьи назначаются правительствомъ ответственными передъ парламентомъ, и назначаются изъ людей именитыхъ по судебной части и принадлежащихъ къ цѣху законниковъ. Согласны мы или нѣтъ съ выгодами существованія этого цѣха, мы все-же не

8) Оставить правительствующій сенатъ, какъ высшее судилище въ имперіи, образовавъ въ составъ его *кассационный судъ*. Не составляя судебной инстанціи и не разсматривая судебныхъ дѣлъ по существу, кассационный судъ (кассационные департаменты правительствующаго сената) долженъ сосредоточивать въ себѣ надзоръ за порядкомъ судопроизводства и за правильнымъ и единообразнымъ толкованіемъ законовъ. Въ сихъ видахъ кассационный судъ долженъ принимать въ особомъ порядкѣ кассационныя жалобы и протесты на окончательныя судебныя рѣшенія, отменять тѣ изъ нихъ, въ коихъ окажется явное нарушеніе закона, и обращать дѣла къ пересмогру, съ наложеніемъ взысканія на нарушителей закона и съ изясненіемъ точнаго его разума. Меньшинство членовъ соединенныхъ департаментовъ (въ томъ числѣ и министръ юстиціи) считаетъ необходимымъ, *сверхъ кассационныхъ департаментовъ*, оставить въ сенатѣ и всѣ теперешніе *судебные департаменты сената*(6), большинство же членовъ полагаетъ судебныя департаменты сената замѣнить *департаментами кассационными*, сохранивъ такимъ образомъ сенату значеніе верховнаго судилища и оставивъ въ его составѣ департаменты: первый, межевой и герольдіи.

9) При всѣхъ судебныхъ мѣстахъ имѣть особые *прокуроры*, а при департаментахъ правительствующаго сената *оберъ-прокуроры*, подъ вѣдѣніемъ министра юстиціи.

10) Для ходатайства по гражданскимъ дѣламъ и для защиты подсудимыхъ по уголовнымъ дѣламъ учредить, при судебныхъ мѣстахъ и подъ ихъ особымъ наблюденіемъ, *присяжныхъ повѣренныхъ*(7).

11) Судопроизводство имѣть впредь *гласное*. Министръ юстиціи полагаетъ возможнымъ гласное судопроизводство. Можемъ отрицать, что тутъ есть послѣдовательность принятыхъ основаній судопроизводства, и назначеніе судей правительствомъ раннѣе выборности судей экспертами: правительство назначаетъ человека, занимающаго по цѣху первое мѣсто. Но у насъ кто и изъ кого будетъ назначать? Правительство представляетъ грубый произволъ, а назначаемые лица—искатели мѣстъ. Въ этомъ положеніи, очевидно, только одинъ безсословный выборъ и можетъ дать суду независимость, ибо у насъ нѣтъ опасности изъ зависимости суда отъ избирателей, особенно если выборъ сдѣланъ всѣми въ округѣ; но за то огромная опасность изъ зависимости суда отъ правительства, т. е. отъ административной власти, дѣйствующей безответственно, произвольно, корыстно и безсмысленно. До сихъ поръ у насъ была нечестность судей выбранныхъ сословіемъ и зависимость отъ правительства, т. е. отъ административной и исполнительной власти. Вмѣсто того, чтобы поворотить въ безсословно-выборному суду, правительство уничтожаетъ выборность и оставляетъ полную зависимость суда отъ правительства.

(6) Этого уже не могъ-бы постигнуть и умъ высокій, который можетъ высчитать пески и лучи планетъ, но не мѣру министра юстиціи!.. По положимъ, что мнѣніе большинства превозможетъ и Сенатъ останется кассационнымъ судомъ, т. е. судомъ отвергающимъ рѣшеніе предшествующихъ инстанцій. Да за чѣмъ-же изъ него дѣлать дядьку предшествующихъ инстанцій? За чѣмъ изъ него дѣлать администрацію порядка судопроизводства и толкованія законовъ? Будетъ и того, что онъ кассируетъ (отвергаетъ) рѣшеніе, которое найдетъ неправильнымъ. Если-бы кассационный судъ открылъ изъ рѣшенія преднамѣренный подлогъ, то рѣшившій судья можетъ подвергаться иски или обжалованію уголовнымъ порядкомъ со стороны обиженнаго; но какимъ образомъ кассационный судъ, кромѣ отрицанія предыдущаго рѣшенія, самъ опредѣлитъ взысканіе съ суда—этого никакой юридическій смыслъ принять не можетъ; это ставитъ членовъ суда предшествующихъ инстанцій изъ зависимости отъ особой судебной администраціи, и доказываетъ только, что судъ, произвольно назначаемый правительствомъ, до такой степени несостоятеленъ, что требуетъ за своими дѣйствіями полицейскаго надзора, положеннаго на кассационный судъ!

(7) Мы уже имѣли случай говорить о присяжныхъ повѣренныхъ (см. "За пять лѣтъ," т. II). Мы и теперь не можемъ переимѣнить нашего мнѣнія и думаемъ, что у насъ, и при этомъ новомъ судопроизводствѣ, учрежденіе присяжныхъ повѣренныхъ составитъ монополию продажныхъ повѣренныхъ.

ввести только въ окружныхъ судахъ и палатахъ, не допуская его въ сенатъ, но всѣ прочіе члены соединенныхъ департаментовъ считаютъ необходимымъ гласное судопроизводство ввести повсюду, въ томъ числѣ и въ сенатъ(8).

12) Взамѣнъ множества существующихъ нынѣ судебныхъ инстанцій и многочисленнаго перехода дѣлъ по разнымъ степенямъ,—всѣ дѣла какъ уголовныя, такъ и гражданскія впредь разсматривать только въ двухъ инстанціяхъ. Большинство членовъ соединенныхъ департаментовъ, въ томъ числѣ и министръ юстиціи, считаетъ необходимымъ дѣла меньшей важности начинать въ окружномъ судѣ и оканчивать въ палатѣ, а дѣла большей важности начинать въ палатѣ и оканчивать въ судебныхъ департаментахъ сената, допуская жалобы на судебные департаменты сената департаментамъ кассационнымъ того же сената. Большинство же членовъ полагаетъ, не раздѣляя дѣлъ по степени ихъ важности, разсматривать въ первой степени въ окружномъ судѣ, а во второй и окончательной въ палатѣ, допуская жалобы на палату, въ извѣстныхъ случаяхъ, кассационнымъ департаментамъ сената(9).

13) Приготовленіе дѣлъ къ докладу возложить не на канцелярію, а на членовъ суда(10).

По судопроизводству гражданскому.

14) Вмѣсто существующаго нынѣ слѣдствіеяго процесса, по коему судъ, получивъ просьбу тяжущагося, обязанъ самъ приводить въ ясность всѣ обстоятельства дѣла, вводится процессъ *состязательный*, при коемъ приведеніе въ ясность всѣхъ обстоятельствъ дѣла зависитъ не отъ суда, а отъ самихъ тяжущихся; судъ же постановляетъ рѣшеніе только по тѣмъ документамъ, кои будутъ представлены самими тяжущимися.

15) Допускается словесное состязаніе сторонъ въ присутствіи судей и вводится, *сверхъ порядка обыкновеннаго*, еще порядокъ судопроизводства *сокращенный*, какъ по дѣламъ менѣе важнымъ, такъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда тяжущіеся согласятся разобратся именно сокращеннымъ порядкомъ. При сокращенномъ порядкѣ словесное состязаніе сторонъ въ присутствіи судей обязательно(11).

(8) Жаль, что не видать на какихъ основаніяхъ министръ юстиціи не допускаетъ гласности въ Сенатѣ; они должны быть курьезны и мы были-бы очень благодарны, еслибы Топильскій намъ сообщилъ ихъ; онъ вѣроятно сохранилъ ихъ въ памяти и сердцѣ.

(9) Сграбное понятіе имѣютъ люди о замѣнѣ множества судебныхъ инстанцій двумя. Какъ будто географическая централизація уѣздныхъ судовъ и гражданскихъ и уголовныхъ палатъ—составляетъ уменьшеніе инстанцій. Ихъ теперь только двѣ инстанціи: уѣздный судъ и губернская палата. Если первая инстанція, вмѣсто пространства одного уѣзда, будетъ разпространена на два уѣзда, все же она первая инстанція для населенія обоихъ уѣздовъ, и палата на двѣ губерніи вмѣсто одной, все же будетъ вторая инстанція для населенія обоихъ губерній. Далѣе: дѣло, начатое у мирового судьи, можетъ быть разсматриваемо, одною изъ тяжущихся сторонъ, какъ дѣло превышающее власть мирового судьи и превышающее власть мирового съѣзда, и поступитъ оттуда въ окружной судъ и дойдетъ до кассационнаго суда Сената. Тоже можетъ случиться и съ уголовнымъ дѣломъ, неправильно направленнымъ судебнымъ слѣдователемъ, который креатура губернатора и подчиненный стряпчяго прообразованнаго въ прокурора-истца. Какимъ-же образомъ, учреждая шесть инстанцій (мировой судъ, мировой съѣздъ, окружной судъ, судебную палату, судебные департаменты сената, и кассационный судъ) вмѣсто трехъ (уѣзднаго суда, палаты и сената), составители проекта думаютъ, что они сократили число инстанцій? Они сократили число присутствій, т. е. людей въ дальнемъ ѣздѣ въ судъ—и только. Да еще надо замѣтить, что и государственныи советъ (§28) сохраняетъ характеръ верховной судебной власти.

(10) Этими канцеляріи не уничтожаются.

(11) Мы не понимаемъ съ какой цѣлью оставляется прежній порядокъ письменный—и какъ поступать, если одна изъ тяжущихся сторонъ захочетъ

16) Изъятія изъ общаго порядка судопроизводства допускаются только въ весьма не многихъ случаяхъ, за исключеніемъ коихъ всѣ роды судопроизводства подчиняются общему порядку и общимъ правиламъ(12).

17) Исполненіе судебныхъ опредѣленій поручается не полиціи какъ это существуетъ доселѣ, но особымъ *судебнымъ приставамъ*, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ самихъ судебныхъ учреждений(13).

По судопроизводству уголовному.

18) Власть *обвинительная*, т. е. обнаруженіе преступленій и преслѣдованіе виновныхъ отдѣляется совершенно отъ власти судебной и ввѣрится прокурорамъ, коимъ поручается надзоръ за производствомъ слѣдствій судебными слѣдователями.

19) Если прокуроръ найдетъ, что обвиняемый долженъ быть подвергнутъ суду, то составляетъ *актъ обвиненія*(14).

20) Въ судѣ производится *повѣрка слѣдствій*: а) разсмотрѣніемъ подлинныхъ протоколовъ объ осмотрахъ, выемкахъ, обыскахъ и другихъ письменныхъ и вещественныхъ доказательствахъ; б) отобраніемъ показаній отъ подсудимаго, свидѣющихъ людей, свидѣтелей и участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, и в) допущеніемъ судебныхъ преній какъ въ обвиненіе, такъ и въ защиту подсудимаго.

21) По каждому уголовному дѣлу сначала рѣшается вопросъ: *виновенъ* или *невинновенъ* подсудимый, а потомъ уже опредѣляется ему наказаніе(15).

22) Вопросъ о винѣ или невинности подсудимыхъ разрѣшается по *внутреннему убѣжденію судей*, основанному на совокупности обстоятельствъ, обнаруженныхъ при производствѣ слѣдствій и суда. Теорія доказательствъ, основанная единственно на формальности ихъ, отмѣняется(16).

23) Приговоръ можетъ быть или *осуждающій* или *оправдывающій* подсудимаго. Оставленіе въ подозрѣніи не допускается(17).

24) Опредѣленіе вины или невинности подсудимаго зависитъ, по дѣламъ важнѣйшимъ отъ *присяжныхъ заседателей* вести словесно и сокращенно, а другая письменно и пространно? Равно уже одной позволить говорить, но не писать, а другой писать, но не говорить?

(12) Любопытно знать какіе случаи не подлежатъ общему порядку и какой для нихъ особый порядокъ?

(13) Ужъ не въ этомъ-ли составители полагаютъ независимость суда, что на приѣздъ взысканіе по вѣстному письму будетъ поручено не частному приставу, а особому судебному приставу? Къ независимости суда это нововведеніе ничего не прибавляетъ, а создаетъ новую полицію.

(14) Прокуроръ (*procureur du roi*), который все-же не можетъ быть ничѣмъ инымъ какъ адвокатомъ со стороны правительства противъ обвиняемаго,—играетъ роль "большаго жюри" (т. е. присяжныхъ, рѣшающихъ слѣдуетъ или не слѣдуетъ отдать подъ судъ). Такимъ образомъ прокуроръ становится обвинителемъ и судьей; а судебный слѣдователь, вависимый отъ губернатора по назначенію къ мѣсту, зависитъ отъ обвинителя во время производства слѣдствія. Обвинитель (истецъ) является слѣдователемъ и судьей... Искусно!

(15) Наказанія до суда даже и по слову законовъ не полагалось. Вѣроятно "Искра" воспользуется этимъ параграфомъ для парѣчей Кузьмы Пруткова. Но хорошо изложеніе, изъ котораго не видать, чтобы въ случаѣ невинности подсудимаго не слѣдовало наказанія. Это напоминаетъ Вислицу Егоровну въ капиталской дочкѣ: "Иванъ Игнатьичъ! Разбери Прохорова съ Устинойей, кто правъ, кто виноватъ. Да обоихъ и накажи!"

(16) Широко поле для произвола—судьямъ, безконтрольно назначившаго административной властью.

(17) Оставленіе въ подозрѣніи—нелѣпость, которая при иномъ судоустройствѣ бывала и спасительною для невиннаго. Мы полагаемъ-бы, что эту нелѣпость можно вычеркнуть изъ закона только то дѣло, когда судъ будетъ дѣйствительно независимъ отъ правительства.

телей; по дѣламъ же менѣе важнымъ, отъ обыкновенныхъ судей, безъ участія присяжныхъ засѣдателей.

25) Присяжные засѣдатели избираются (18) изъ 3-хъ списковъ, изъ коихъ въ первый вписаны дворяне, во второй горожане, а въ третій крестьяне, занимающіе или занимавшіе должности по волостному и сельскому управленіямъ. Списки сии представляются на разсмотрѣніе губернатора. По мнѣнію министра юстиціи губернаторъ долженъ самъ избрать и назначить нужное для каждаго засѣданія число присяжныхъ изъ этого списка; всѣ же прочіе члены соединенныхъ департаментовъ признаютъ необходимымъ, чтобы губернаторъ только повѣрялъ правильно-ли составлены эти списки и чтобы присяжные избирались по симъ спискамъ на каждое засѣданіе не губернаторомъ, а особымъ присутствіемъ, составленнымъ изъ уѣзднаго предводителя дворянства, изъ мировыхъ судей и изъ городского головы (19). Присяжные рѣшаютъ предложенные имъ вопросы по большинству голосовъ.

26) По дѣламъ о государственныхъ преступленияхъ, присяжные засѣдатели не участвуютъ вовсе; дѣла сии всегда начинаются въ судебной палатѣ, гдѣ при обсужденіи ихъ присутствуютъ съ правомъ голоса: губернский и уѣздный предводители дворянства, городской голова и одинъ изъ волостныхъ старшинъ (20).

27) Судъ опредѣляетъ наказаніе на точномъ основаніи законовъ; по ему предоставляется право по обстоятельствамъ, уменьшающимъ вину подсудимаго, смягчить наказаніе одною или двумя степенями и даже ходатайствовать о помилованіи.

28) Измѣняется порядокъ утвержденія уголовныхъ приговоровъ о лишеніи правъ состоянія подсудимыхъ изъ дворянъ и другихъ привилегированныхъ сословій. Всѣ такіе приговоры, нынѣ, по разсмотрѣніи ихъ въ сенатѣ и государственнымъ совѣтѣ, представляются на собственноручное высочайшее утвержденіе вашего императорскаго величества. Министръ юстиціи полагаетъ сохранить этотъ порядокъ и на будущее время; по всѣ прочіе члены соединенныхъ департаментовъ, принявъ во вниманіе, что такой порядокъ не согласенъ съ новою системою судопроизводства, при коей вопросъ о винѣ рѣшается по убѣжденію присяжныхъ, и что потому представленіе подобныхъ приговоровъ на утвержденіе вашего величества будетъ одною формальностію, считаютъ удобнѣйшимъ порядокъ сей отмѣнить, представляя на высочайшее разрѣшеніе только дѣла о помилованіи, такъ какъ отъ высочайшей власти должны исходить однѣ милости, карать-же и наказывать долженъ законъ и судъ.

и 29) Исполненіе судебныхъ рѣшеній по уголовнымъ дѣламъ производится полиціею, на существующемъ нынѣ основаніи

(18) Кѣмъ избираются?

(19) Если губернаторъ назначаетъ изъ списковъ, то все равно—онъ и избираетъ присяжныхъ; если уѣздный предводитель съ мировыми судьями и градскимъ головою—то они и избираютъ. Этимъ вопросъ кто избираетъ присяжныхъ больше затемненъ чѣмъ выясненъ, а между тѣмъ судъ присяжныхъ въ полной зависимости или отъ правительственной власти, или отъ выборной, сословной, судебно-исполнительной власти. Во всякомъ случаѣ присяжные назначаются по подбору. Хороша независимость суда, и хорошо отдѣленіе судебной власти отъ прочихъ властей!

(20) Это ужъ изъ рукъ вопъ! Тамъ, гдѣ всего больше правды ради, требуется независимость суда отъ правительства, тамъ отнимается у него даже и то щедрое учрежденіе присяжныхъ, которое могло-бы дать, хотя тѣмъ надежды на независимость суда. Эта статья проекта очевидно изобрѣтена трусостью и наглостью императорской власти.

Въ этомъ состоитъ сущность главнѣйшихъ преобразованій судебной части, предложенныхъ соединенными департаментами. Независимо отъ сего департаменты должны были коснуться и многихъ подробностей, касающихся этого дѣла. Постановивъ такимъ образомъ главныя начала судопроизводства и судоустройства, соединенные департаменты поручаютъ государственной канцеляріи развить сии начала въ видѣ особыхъ проектовъ уставовъ и положеній, съ тѣмъ, чтобы для этой важной и обширной работы была образована при канцеляріи, подъ ближайшимъ вѣдѣніемъ и начальствомъ государственнаго секретаря, особая коммиссія, составленная изъ чиновниковъ канцеляріи, изъ нѣкоторыхъ опытныхъ юристовъ и изъ чиновъ втораго отдѣленія собственной вашего императорскаго величества канцеляріи и министерства юстиціи.

И такъ вотъ то знаменитое преобразование судопроизводства, которымъ правительство было такъ долго и тяжело чревато, что не могло разродиться къ тысячелѣтію!

Теперь у насъ будетъ существовать: волостные суды, мировые суды, мировые-сѣздовые суды, окружные суды, судебныя палаты, коммерческіе суды, судебныя департаменты сената, кассационный судъ и военные суды.

Сохраненная возможность отдать всякаго подъ военно-уголовный судъ, сохраняетъ правительству полный произволъ надъ вымышленными политическими преступниками, въ случаѣ нужды надъ раскольниками, вообще надъ всѣми “пришедшими отыскивать свободы.”

Правительству, изъ существующихъ данныхъ, предстояло развить волостные и городскіе суды въ первую инстанцію. Они указывали на необходимость и возможность независимыхъ присяжныхъ. Въмѣсто этого правительство выбираетъ мировые суды, (изъ подражанія названію *juges de paix*) ограничивая и уродуя ихъ *сословностію* избираемыхъ.

Ставя первой статьею теорію отдѣльности судебной власти, оно на дѣлѣ подчиняетъ ее всему административному и ставитъ въ постоянную зависимость. Даже слѣдствіе, производимое лицомъ пазначаемымъ губернаторомъ (исполнительной властью) поручено надзору прокурора, истца поставленнаго административной властью.

Предположивъ уменьшеніе числа инстанцій, правительство приходитъ къ противуположному результату: оно умножаетъ число инстанцій, но производитъ географическую централизацию судовъ, которая равно повредитъ и независимости суда и общественнымъ потребностямъ.

Предположивъ создать новое судоустройство и судопроизводство, правительство сохраняетъ коллегіально-канцелярскій порядокъ суда, пристегивая къ нему, въ дѣлахъ гражданскихъ, словесное судопроизводство—по желанію тяжущихся, а не то, чтобы оно составляло существенную форму судопроизводства. Въ уголовныхъ дѣлахъ, ограниченность выбора присяжныхъ засѣдателей и ихъ провѣрка губернаторомъ, походя на подборъ, запутываетъ настоящее значеніе суда присяжныхъ. Накопецъ—какъ относится гласность къ цензурѣ—этого нигдѣ не опредѣлено.

Выводъ очевиденъ: правительство представляетъ высшее выраженіе *недобросовѣстной неспособности*, для которой недоступно какое-бы ни было преобразование, основанное на гражданской свободѣ и здоровомъ смыслѣ, а хочется хвастнуть передъ Европой и поддержать пробивающуюся внутреннюю общественную жизнь, закидывая еѣ недокопченными реформами.*

* Сей часъ получили газеты съ пространнымъ проектомъ судебной реформы. Она имѣетъ не ту важность, которая кажется “Сѣверной Пчелѣ”, но гораздо большую, чѣмъ предполагаетъ само правительство. Мы посвятимъ ей особую статью въ одномъ изъ слѣдующихъ номеровъ Колокола.

ТАЙНЫЯ ТИПОГРАФІИ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

КЪ ОБРАЗОВАНЫМЪ КЛАССАМЪ.

(Перепечатано съ Спб. изданія).

Семь лѣтъ прошло съ того времени, когда Россія привѣтствовала новаго правителя съ радостными надеждами. Въ то время многіе готовы были забыть о кровавыхъ ранахъ—слѣдахъ николаевскихъ оковъ. Тернистый рядъ реакціонныхъ мѣръ, въ послѣднее время, слишкомъ горько свидѣтельствуешь о томъ, какъ оскорбительно наругалось надъ всѣми законными требованіями и надеждами вынѣшенное правительство. вмѣстѣ съ тѣмъ, эта бѣшеная реакція правительства, быстро подвинула его на пути своего паденія: исторія положительно доказываетъ, что дряхлѣющія правительства всегда стараются поддержать свое существованіе однимъ тюненіемъ всего честнаго, обманами, подкупами, но тѣмъ самымъ только ускоряютъ свою гибель. Теперь, значить главный вопросъ для всѣхъ классовъ состоитъ въ томъ,—сколько невинныхъ жертвъ поглотитъ еще это правительство, обезумѣвшее отъ предчувствія своего паденія.

Желаніе напомнить образованнымъ классамъ, что пока еще отъ нихъ зависитъ способствовать болѣе или менѣе лучшему исходу этого вопроса, и заставляетъ насъ снова взяться за станокъ. И на такое напоминаніе мы имѣемъ полное право, его дало намъ изумительное, ничѣмъ неоправдываемое легкомысліе ваше, гг. образованные классы. Мы достаточно долго молчали для того, чтобы насъ не смѣли заподозрить въ желаніи насильно навязывать свои воззрѣнія; теперь очередь за нами.

Появленіе “Молодой Россіи,” случайно столкнувшееся съ появленіемъ пожаровъ, — вызвали всеобщее смятеніе, при которомъ правительство нашло возможность воспользоваться вашимъ пагубнымъ легковѣріемъ. Подкупные литературные органы правительства успѣли обвинить въ гнусныхъ поджигательствахъ образованную молодежь для того, чтобы вызвать противъ нея ненависть во всѣхъ сословіяхъ. И вы способны были похѣрить безобразной клеветѣ, вы готовы были даже просить защиты у петербургскаго правительства отъ призраковъ созданныхъ воображеніемъ? И правительство успѣло высказать свое отеческое попеченіе о русскихъ гражданахъ, объявленіемъ военнаго суда, разстрѣливанія, вѣшанія... даже за одно подозрѣніе. Такое безотрадное положеніе вызываетъ одинъ изъ двухъ вопросовъ образованнымъ классамъ: или вы безчувственны къ интересамъ своей родины, къ своей собственной безопасности? Или вы забыли, что такое петербургское правительство? Вся Россія объявлена на военномъ положеніи. Для правительственныхъ реакціонныхъ мѣръ воскресаютъ злодѣи, подобные Лауницю, кровожадная патура котораго поражала даже Николая, и получаютъ право вѣшать и разстрѣливать... ваши отцы, сыновья, братья томлясь въ казематахъ, ни одинъ честный человѣкъ не можетъ быть увѣренъ, что его не схватятъ и не загубятъ въ каторгѣ... разстрѣливаніе въ Варшавѣ офицеровъ и солдатъ (за Но. “Великорусса,” которому сочувствовала вся Россія) служить по видимому, только предлогомъ къ кровавой драмѣ, которую намѣрено разыграть петербургское правительство.... возможность народнаго образованія уничтожена закрытіемъ всѣхъ школъ, вслѣдствіе самими-же правительствомъ изобрѣтенной клеветы; лучшіе органы общественнаго

мибія запрещены, а по новымъ варварскимъ правиламъ о печати, въ литературѣ могутъ свободно царить только презрѣнные подкупные спекуляторы (Краевскій, Н. Павловъ, Усовъ, Н. Мельниковъ, Кушнеровъ(?)).

Въ недавнемъ прошедшемъ тотъ-же гнетущій произволъ, обманъ всѣхъ сословій со стороны правительства мнимымъ разрѣшеніемъ крестьянскаго вопроса, пролитіе невинной крови крестьянъ, побіеніе прикладами и штыками вашихъ братьевъ, сыновей-студентовъ, заключеніе ихъ въ казематы, тюненіе просвѣщенія. Въ близкомъ будущемъ тотъ-же губительный мракъ — обманъ, подкупъ, преслѣдованіе всего честнаго.... Честные люди не должны и не могутъ оставаться равнодушными зрителями такого неестественнаго положенія! —Опомнитесь! Поймите, что правительство дѣйствующее такимъ образомъ, само ведетъ себя къ безднѣ паденія; но пусть-же гибнетъ оно одно, не увлекая за собой всѣ образованные классы. Мы, наши братья, не можемъ быть противъ васъ, но если вы будете на сторонѣ правительства, то народъ, грозное возстаніе котораго близится, будетъ противъ васъ и насъ — не имѣющихъ права и ни малѣйшаго желанія отстать отъ народа въ минуту роковой борьбы. Правительство губитъ сотни людей въ казематахъ, а нашъ станокъ стоитъ безвредно и будетъ стоять. Правительству пора было-бы понять, что никакія угрозы не могутъ заставить людей отказаться отъ того, что составляетъ вопросъ ихъ жизни, и что каждое преступное дѣйствіе его, только усилитъ энергію людей, посвятившихъ жизнь свою великому дѣлу освобожденія. Чѣмъ-же искупитъ правительство гибель невинныхъ жертвъ? Чѣмъ-же искупите вы, своимъ потворствомъ допускающіе правительство къ злодѣйствамъ и преступленіямъ?...

30-го Августа, 1862.

— **КЪ ОФИЦЕРАМЪ.**—Въ Петербургѣ сверхъ того было разослано въ большомъ количествѣ ко всѣмъ военнымъ, новое печатное воззваніе *къ офицерамъ* съ эпиграфомъ: “не герновой вѣнецъ, а вѣрный успѣхъ ждетъ васъ!”

“Кому будетъ принадлежать честь, спрашиваетъ воззваніе, честь освобожденія отечества отъ заразы, отъ смерти?” — и отвѣчаетъ: “современное состояніе Россіи бросаетъ этотъ завидный жребій на войско, ему должна принадлежать честь поднятія знамени Свободы!”

Пусть-же оно подымаетъ его. За героями Севастополя, за героями Кавказа, идти легко, идти почетно...

Въ главѣ движенія русскаго, становятся офицеры, опираются къ дѣятельности, имъ стала невыносима польская кровь на ихъ мундирахъ; кровь русскаго крестьянина ихъ жжетъ. Они хотятъ стерѣть *гражданскія* побѣды, домашнія побѣды своихъ предшественниковъ и представляютъ готовую организованную силу, въ то время, какъ разсыпчатое, *статское* резонерство препинается въ спорахъ и полправляетъ слогъ.*

* Въ этомъ воззваніи между прочимъ говорится о какой-то картинкѣ “насаждающей издателя Колокола”, изданной издѣвлетіемъ правительства, неужели ликте не будетъ такъ добръ, чтобы прислать намъ экземпляръ? черомъ, такъ кистью, маю современной лѣтвицею, еще живописью!

— Въ послѣднемъ выпускѣ *Свободнаго Слова*, напечатано:

“Интересно бы знать—справедливъ-ли слухъ, что правительство слушаетъ доносы пьющаго и поджигающаго учителя Викторова? Интересно бы знать: гдѣ служатъ и чѣмъ занимаются гг. Назаревскій, Новицкій, Агафоновъ (гвар. оф.), Костомаровъ, Кюлевейнъ, Зотовъ (ст.), Петровъ (ст.), Должиковъ (ст.), Забравскій, Эверманъ, Волокитинъ, Вальденбергъ (куп.), Брауманъ (куп.)? Про господина Давида Вальденберга мы знаемъ, что онъ служить въ 3^{мъ} отдѣленіи шпіономъ, за что между прочимъ оттерпѣлъ разныя невзгоды въ Кіевѣ,—но о другихъ интересно бы получить какія нибудь свѣденія.

“Интересно бы знать—правда-ли, что лицъ, имена которыхъ были напечатаны въ *Колоколъ* и *Вѣсти*, не арестовываютъ, а только осматриваютъ до .. до ... и пр.”

На послѣдній вопросъ, мы можемъ отвѣчать, что нѣсколько человѣкъ поименованныхъ въ списокъ, были на границѣ обысканы не только до рубашки—но подъ рубашкой.

— Въ *Общій фондъ* съ 15-го Октября, получено 2 ф. 10 ш.

ЗАПИСКИ ДЕКАБРИСТОВЪ.

Первая присылка записокъ получена нами. Мы не имѣемъ словъ, чтобъ выразить всю нашу благодарность за нее. Наконецъ-то выйдутъ изъ могилъ великія тѣни первыхъ сподвижниковъ русскаго освобожденія, и большинство знавшее ихъ по Блудову и по Корфу—узнаетъ ихъ изъ ихъ собственныхъ словъ.

Мы съ благочестіемъ средневѣковыхъ переписчиковъ апостольскихъ дѣяній и житія святыхъ, принимаемся за печатаніе “Записокъ Декабристовъ;” мы чувствуемъ себя гордыми, что на долю нашего станка досталась честь обнародованія ихъ.

Вся вырученныя деньги, за расходами на печать и бумагу мы раздѣлимъ по поламъ. Одну половину перепремъ для вспомошествованія лицамъ сосланнымъ въ Сибирь, вслѣдствіе политическихъ гоненій, *другую*—оставимъ въ Лондонѣ для вспомошествованія русскимъ, которые вынуждены будутъ покинуть отечество, по причинѣ тѣхъ же гоненій. Если же эмигрантовъ будетъ не много, то по прошествіи года мы и эти деньги присоединимъ въ Сибирскій фондъ.

Мы предполагаемъ издавать Записки отдѣльными выпусками и начать съ записокъ “И. Д. Якушкина” и князя “Трубецкаго.” За тѣмъ послѣдуютъ записки князя “Оболенскаго, Басаргина, Штенгеля, Люблинскаго, Н. Бестужева,” далѣе о 14 Декабрѣ “Пушина,” “Бѣлая церковь,” “Воспоминанія князя Оболенскаго о Рыльцевѣ и Якушкинѣ,” “Былое изъ разсказовъ Декабристовъ,” “Списокъ слѣдственной комиссіи,” статья “Лунина” и разныя письма.

ПРОДАЮТСЯ У ТРЮБНЕРА И ТХОРЖЕВСКАГО:

LA CLOCHE

Первый листъ *Колокола* вышелъ на французскомъ языкѣ. Изданіе это совершенно независимое отъ русскаго, дѣлается въ Брюсселѣ. Желаемъ отъ всей души успѣха этому предпріятію. На Западѣ Россію не знаютъ, не смотря на то, что послѣ Крымской войны было довольно писано. Новый органъ, состоящій изъ переводныхъ статей съ русскаго, и притомъ изъ статей не прошедшихъ *либеральной* цензуры Головинна, безъ сомнѣнія будетъ полезенъ.

*La Cloche** будетъ выходить два раза въ мѣсяцъ. Сначала издатели намѣрены въ видѣ введенія, помѣстить нѣсколько статей разныхъ годовъ, потомъ переводить наиболѣе замѣчательныя статьи, изъ послѣднихъ листовъ.

НАРОДНОЕ ДѢЛО

РОМАНОВЪ, ПУГАЧЕВЪ ИЛИ ПЕСТЕЛЬ?

М. А. БАКУНИНА.

(Цѣна 6 пенсовъ).

ПОЛЯРНАЯ ЗВѢЗДА НА 1862.

Выпускъ первый: Изъ записокъ Н. Д. Якушкина; Отрывокъ изъ мнѣнія дѣйствительнаго статскаго совѣтника Липранди; Къ предъидущей статьѣ: Примѣчанія, Приложенія, Выписки; Разказы о временахъ Николая: Колѣсниковъ и его товарищи въ Оренбургѣ, братья Крицкіе и ихъ товарищи въ Москвѣ, Братья Раевскіе; “Былое и Думы” Искандера (изъ 30^{хъ} годовъ).

Выпускъ второй: Отрывки изъ записокъ Н. А. и М. А. Бестужевыхъ; Императоръ Александръ I и В. Н. Каразинъ (Искандера); Выдержка изъ записокъ одного Недекабриста; Два процесса изъ послѣдней части *Былое и Думы* и пр.

БЫЛОЕ И ДУМЫ, ТОМЪ ТРЕТІЙ.

Между четвертой и пятой частью: Записки одного молодого челоѣка; Лициній и Вильямъ Пень; Капризы и Раздумье; Статьи полемическія; Станція Едрово; Нѣсколько замѣчаній объ историческомъ развитіи чести и пр.

ОБЩЕПОЯТНОЕ ИЗЛОЖЕНІЕ СРАВНИТЕЛЬНОЙ АНАТОМІИ И ЗООЛОГІИ.

А. А. ГЕРЦЕНА.

Первый Выпускъ. Вся книга будетъ состоять изъ четырехъ выпусковъ; каждый выпускъ содержитъ около 5-ти печат. листовъ и 50-ти рисунковъ. Цѣна 1 руб. сер. (3 шиллинга).

ПЕЧАТАЕТСЯ:

РАСКОЛЬНИКИ, Томъ IV.

* Въ Бельгіи у главныхъ книгопродавцевъ. Въ Парижѣ у Amyot, Dentu, Librairie Maisonneuve, Ragnerre. Въ Берлинѣ у F. Schneider, Лейпцигъ у L. Kittler.

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи, 136 & 138 Caledonian Road, London, N.

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM,

КОЛОКОЛЪ

VIVOS VOCO!

Выходить еженедѣльно въ Лондонѣ.
Цѣна 6 пенсовъ. Получается въ Вольной
Русской Типографіи, 136 & 138 Caledonian
Road, N.

ЛИСТЪ 149.

1 НОЯБРЯ 1862.

У Трюбнера & Co. въ книжной лавкѣ,
60, Paternoster Row, и у Tchorzewski,
1, Macclesfield Street, (Gerrard Street),
Soho, London. Price six-pence.

О Г Л А В Л Е Н І Е.—Четвертый вопросъ отъ Издателей "Колокола"—Концы и Начала (Письмо шестое)—Правительственные проекты—Образецъ
бюрократическаго пустословія. СМѢСЬ: СМЕРТНЫЙ ПРИГОВОРЪ—Отмена телѣсныхъ наказаній—Головинская цензура—"Очерки"—"День"—Изъ русскихъ газетъ.

Три раза спрашивали мы чѣмъ кончилось знаменитое
слѣдствіе о зажигательствахъ, по которому сидѣли сотни че-
ловѣкъ въ крѣпости и въ частныхъ домахъ. Отвѣта не было,
а потому мы сами теперь отвѣчаемъ: Все это былъ полицей-
скій обманъ, который долженъ былъ испугать императора
сверху и слабыхъ внизу. Зажигателей внѣ полиціи не пена-
шля—а въ полиціи *не искали...* Не попробовать-ли??

КОНЦЫ И НАЧАЛА.

(Письмо шестое).

Мы остановились на томъ, что не надобно сердиться на
бѣлокъ за то, что онѣ линяютъ и за то что всякій годъ зима
слѣдуетъ за лѣтомъ. Признаніе неотвратимаго—сила. Только
зная морскіе токи и постоянно смѣняющіеся экваторіальныя
вѣтры и можно плавать по океану.

Вглядись какъ вообще дѣла дѣлаются въ природѣ. Въ
каждой формациі, въ образованіи каждаго вида, развитіе
идетъ на тѣхъ началахъ, съ которыми опредѣлилось зачатіе.
Оно укрѣпляется, обособляется, получаетъ больше или
меньше безвозвратный характеръ, отъ взаимнаго дѣйствія
развивающихся началъ и среды. Новые элементы—
могутъ привзойти, новыя условія могутъ измѣнить направ-
леніе, могутъ остановить пачатое и замѣнить его совсѣмъ
инымъ; но опредѣлившееся развитіе, если оно не утратитъ
своей индивидуальности, если оно продолжится, пойдетъ
дальше непремѣнно съ своей *особенностью*, развивая свою
односторонность и односторонность своей среды, т. е. свой
частный случай. Это нисколько не мѣшаетъ сосѣдямъ, по
пространству или по времени, развивать всевозможныя
варіаціи на ту-же тему, съ разными восполненіями и недо-
статками, съ своими односторонностями сообразными другимъ
условіямъ и другой средѣ. Только при началѣ образованія
видовъ есть неопредѣленная и безхарактерная эпоха, эпоха
такъ сказать дозоологическаго состоянія въ яйцѣ и зародышѣ.

О перерожденіи животныхъ видовъ, мы очень мало знаемъ.
Вся исторія ихъ вообще совершилась за спиной человѣка и
въ огромные періоды лѣтъ, въ которыхъ не было *свидѣтелъ*.
Передъ нами стоятъ теперь оконченныя, осѣдлые типы, до
годъ VII.

того далекіе другъ отъ друга, что всякій переходъ между ними
невозможенъ. За каждымъ животнымъ прослѣживается длин-
ная исторія—стремленій, прогресса, avortement и уравни-
ванія, въ которомъ формы его успокоились наконецъ, не
выполнивъ смутнаго идеала своего, по оставившись на
возможномъ, на русскомъ "живетъ и такъ."

Само собою разумѣется, что естественныя явленія не
имѣютъ ни въ чемъ ни рѣзкихъ границъ, ни безвозвратныхъ
приговоровъ. Приостановившееся творчество, сведенное на
одно повтореніе, можетъ всегда быть разбужено; оно въ
нѣкоторыхъ случаяхъ перешло изъ подъ вліяній телури-
ческихъ подъ вліяніе человѣка, и онъ своей культурой развилъ
растительныя и животныя виды, которые сами собою не
развились-бы.

Все это бросаетъ огромный свѣтъ на вопросы насъ зани-
мающіе.

Исторія представляетъ намъ *на самомъ дѣлѣ* схваченную,
неосѣвшую, осѣдающую формацию, и притомъ хранящую въ
памяти главныя фазы своего развитія и ихъ переливы. Одни
части рода человѣческаго достигли соответствующей формы
и побѣдили исторію; другіе въ разгарѣ дѣятельности и борьбы
творять ее; третьи, какъ недавно обсохнувшее дно моря,
готовы для всякихъ смѣнянъ, для всякихъ посѣвовъ и всѣмъ
даютъ неистощенную тучную почву.

Такъ какъ нельзя сказать глядя на тихое море, что оно
черезъ часъ не будетъ вовлечено въ бурю—такъ нельзя
положительно утверждать, что Китай напимѣръ или Японія
будутъ продолжать вѣка и вѣка свою отчужденную, зам-
кнутую, остановившуюся форму бытія. Почему знать,
что какое-нибудь слово, не падетъ каплей дрожей въ эти
сонныя милліоны и не подниметъ ихъ къ новой жизни? Но
если мы не имѣемъ права безусловнаго, непреложнаго
заключенія, то изъ этого никакъ не слѣдуетъ, чтобъ всматри-
ваясь и наблюдая, мы не имѣли права дѣлать никакихъ
заключеній. Рыбакъ, глядящій на безооблачное небо, во
время безвѣтрія, почти навѣрное будетъ правъ предполагая,
что *черезъ часъ* не будетъ бури.

Я только этого права и добиваюсь въ разсматриваніи со-
временной исторіи. Для меня очевидно, что западный міръ
доразвился до своихъ границъ... и въ послѣдній часъ у него

не достасть духу ни перейти ихъ, ни довольствоваться приобрѣтенымъ. Тягость современнаго состоянія основана на томъ, что на сію минуту, дѣятельное меньшинство не чувствуетъ себя въ силахъ ни создать формы быта соотвѣтствующаго новой мысли, ни отказаться отъ старыхъ идеаловъ, ни откровенно принять—выработавшееся по дорогѣ *мѣщанское государство* — за такую соотвѣтствующую форму жизни гермапороманскихъ родовъ какъ соотвѣтственна китайская форма—Китаю.

Мучительное состояніе, колебанье и перѣпительность, дѣлаютъ жизнь Европы—невыносимой. Успокоится-ли она, отбрасывая предразсудки прошлаго и упованья на будущее или безпокойный духъ западныхъ *вершинъ и низовъ* смоетъ новыя плотины, я не знаю—но во всякомъ случаѣ считаю современное состояніе какимъ-то временемъ истомы и агоніи. Нельзя жить между двумя идеалами.

Одипъ примѣръ, со всѣми подробностями, даетъ намъ исторію.

Длиный процессъ окончанія древняго міра и водворенія міра христіанскаго представляютъ намъ всѣ формы исторической смерти, переселенія души и рожденія. Цѣлые государства остановились, вышли изъ движенія, не вошли въ христіанскую формацию, одряхлѣли и разрушились; дикія племена, едва собранныя въ правильныя стада, сложились рядомъ съ ними въ новыя, сильныя государственныя организмы..... а Римъ, древній городъ по превосходству, переродился въ городъ по превосходству католическій.

Тѣ, которые отрицаютъ внутреннюю необходимость смерти древняго Рима и находятъ, что онъ убитъ насильственно, забываютъ одно, что всякая смерть насильственна. Смерть вовсе не лежитъ въ попятіи живаго организма—она вѣкъ его, за его предѣломъ. Старчество и болѣзнь протестуютъ своими страданіями противъ смерти, а не зовутъ ее, найди они *въ себѣ силы* или *въ себѣ средства*, они побѣдили-бы смерть.

Варвары—варварами, но не надобно думать, что вся болѣзнь античнаго міра, была отъ побоевъ. Мысль его, съ титовскихъ временъ, явнымъ образомъ становилась мрачной, усталой. Тягость, тоска, доходили до самоубійства, до того, что весь міръ чуть не сошелъ съ ума, и дѣйствительно повредился, повѣривъ самой несбыточной теодицеѣ и самому неестественному спасенію—принявъ отчаяніе за утѣшеніе и религію смерти, за навую жизнь. Люди, которые не могли сойти съ ума, удалялись съ общей сатурналии похоронъ,—похоронъ въ розовыхъ вѣнкахъ за амфорами винъ, похоронъ въ вѣнкахъ терновыхъ, съ плачемъ о грѣхахъ міра сего—удалились двумя небольшими дверями, стоицизма и скептицизма.

Возлѣ людей, презиравшихъ смерть, возлѣ людей не вѣрившихъ жизни, возлѣ фанатиковъ шедшихъ на разрушеніе древней вѣси до послѣдняго камня, и фанатиковъ ожидавшихъ, что древняя вѣсь возникнетъ съ допуническими добродѣтелями—была *толпаковая* посредственность, толпа не слѣпыхъ и не зрячихъ, толпа мюндовъ, которые за недосугомъ ежедневныхъ заботъ, за военными новостями, за сенатскими дѣлами, придворными сплетнями, схоластической меледой и безпопечной задачей домашняго хозяйства—ничего не видали, ни Катилину ни смерти, пожимали плечами слушая бредъ христіанскихъ якобинцевъ, презирали варваровъ и смѣялись надъ ихъ неотесанностью, не догадываясь, что эти

лѣсные готентоты, бѣлобрысыя и длинноволосые, идутъ на историческую смѣну.

Отслужили и варвары свою службу, отстояли свои часы—страшно богатая и широкая эпоха развилась ими, но и они дошли до предѣловъ *своего* образованія — имъ приходится отрѣчься отъ основныхъ началъ своихъ, или въ нихъ успокоиться.

Міру современной цивилизаціи очень трудно сладить съ новыми началами мучающими его. Что можно было поправить — поправлено, что перевернуть — перевернуто; далѣе приходится, хранить приобрѣтенное или выйти изъ той *односторонности*, изъ того *частнаго случая*, который составляетъ его личность. Послѣднее слово католицизма сказано реформацией и революціей; опѣ обнаружили его тайну; мистическое *искупленіе* — разрѣшено политическимъ *освобожденіемъ*. Символъ вѣры никейскаго собора, основанный на отпущеніи грѣховъ, выразился признаніемъ правъ бождаго чловѣка — въ символѣ послѣдняго вселеннаго собора, т. е. конвента 1792 года. Нравственность іудейскаго пролетарія и евангелиста Матеѣя, таже самая которую проповѣдуетъ женеваскій пролетарій и деистъ Ж. Ж.-Руссо. *Вѣра, любовь и надежда* при входѣ, *свобода, братство и равенство* при выходѣ.

Въ громахъ и ураганахъ слѣдовавшихъ за торжественнымъ 1789 годомъ, завершился германо-романскій міръ. Землетрясеніе французской революціи шло вершинами и пропастями, великимъ и страшнымъ, побѣдами и терроромъ, частными обрывами и потрясеніями—до 1848 года—тутъ *аминь*, нес plus ultra. Катаклизмъ подпавшійся со временъ возрожденія и реформы—окончился.

Внутри идетъ работа—ночная работа, микроскопическое тканье, вывѣтриваніе и наносы, “мышья бѣготня” исторіи, вулканическая работа подъ землей, просасываніе волосяными сосудами прошлой осени въ будущую весну. Вверху страшныя сновидѣнія, мертвецы въ старыхъ доспѣхахъ и старыхъ тіарахъ и фантастическіе, несбыточно свѣтлые образы, мучительныя страданія, безумныя надежды, горькое сознаніе своей слабости и безсилія разума. Внизу бездонная пронасть стихійныхъ страстей, доисторическаго сна, дѣтскихъ грѣзъ, циклопической, кротовой работы; на это дно—и голосъ чловѣческой не доходитъ, какъ вѣтеръ не доходитъ до глубины морской; иной разъ только слышится тамъ военная труба и барабанъ, зовущіе на кровь, обѣщающіе убійства и дающіе раззореніе.

Между фантастами на верху и дикими внизу колышется *среднее состояніе*, не имѣя ни силы гордо сказать свое *Я царь!* ни самоотверженія падти въ іезуиты, или въ социалисты.

Этотъ слой колеблющійся *между двумя нравственностями* и представляетъ, именно своимъ колебаніемъ, ту среду порчи, о которой идетъ рѣчь.

— Да какъ это между двумя нравственностями? Что такое между двумя нравственностями? И развѣ есть двѣ нравственности, развѣ не одна вѣчная, безусловная нравственность, *une et indivisible*?

— Можетъ ты и не спросишь меня этого; да я ужъ очень настрадался вашими “веймарскими гепіями” съ Неглинной; ихъ строго ученое непониманье, ихъ педантская тугость и сенаторская важность дворедкихъ науки, ихъ языкъ—не то чтобъ гуманный, а все таки напоминающій “людскую”,

наконецъ... да ужъ лучше я отвѣчу тебѣ, хотя и придется опять зады протверживать.

Что дѣлать съ тѣмъ, что абсолютная нравственность дѣлать судьбу всего абсолютнаго, т. е. что она внѣ теоретической мысли, внѣ отвлеченій вовсе не существуетъ. Нравственностей *нѣсколько*, и всѣ онѣ очень относительныя, т. е. историческія.

Первые христіане высказали это очень прямо, очень смѣло, безъ обиняковъ, и объявивши что новый Адамъ принесъ новую нравственность, что языческія добродѣтели для христіанина—блестящіе пороки, что мудрость однихъ—безуміе другихъ, закрыли Платона, закрыли Цицерона, и пошли тащить съ пьедесталей златовласыхъ Афродитъ, волоокіихъ Геръ и другія *грѣшныя святыни* старой нравственности.

Плиніи смотрѣлъ на нихъ какъ на дураковъ, Траянъ презиралъ ихъ, Лукьянъ хохоталъ надъ ними, а они начали новый міръ и новую нравственность. Ихъ новая нравственность въ свою очередь сдѣлалась старой. Объ этомъ у насъ только и идетъ рѣчь.

Революція, что могла, *секуляризовала* изъ катехизиса, но революція также какъ реформація стояли на церковномъ погостѣ; у Эгмонта и Альбы, у Кальвина и Гиза, у Людвига XVI и Робеспьера были общія вѣрованія; они отличались, какъ раскольники—отгѣнками. Вольтеръ, пріѣхавшій закутавшись въ шубу, въ каретѣ, смотрѣлъ восхожденіе солнца и ставшій на дрожащія колѣна съ молитвой на устахъ, Вольтеръ благословившій Франклинова внука “во имя бога и свободы”, такой-же богословъ, какъ Василій Великій и Григорій Назіанзинъ, только разныхъ толковъ. Луиный, холодный отсвѣтъ католицизма—прошелъ всѣми судьбами революцій и, въ двѣнадцатый часъ ея, еще развернулъ хоругвь съ надписью *Dio e Popolo!*

Кое-гдѣ на вершинахъ пачинается заря новаго дня и борется съ мѣсячнымъ свѣтомъ, обличая вопиющее противурѣчіе вѣры и сознанія, церкви и науки, закона и совѣсти, но объ этомъ на долинахъ не знаютъ. Это для малаго числа избранныхъ.

Честный союзъ науки съ религіей невозможенъ, а союзъ *есть*; отсюда и дѣлай заключеніе о нравственности, которая основана на такомъ союзѣ. Дѣло въ томъ, что разумъ боится скандала скрываетъ свою истину, наука скрываетъ свою бременность новымъ искупителемъ—не отъ Иеговы, а отъ Пана и объ отмалчиваются, шепчутся, говорятъ шифрами, или просто лгутъ, оставляя людей въ совершенномъ хаосѣ сбивчивыхъ понятій, въ которыхъ молитвы о дождѣ смѣшаны съ барометрами, химія съ чудесами, телеграфы съ четками.

И это все какъ-то рутинно, по привычкѣ, вѣрь не вѣрь, только исполняй извѣстныя приличія. Кто обманутый? Для чего все это? Одно обязательное правило и осталось сильнымъ и общепринятымъ: *думай какъ знаешь—но мы* какъ другіе.

Съ вѣрой можно было ждать вѣка Мессію и торжество Израили; пророки могутъ вести народы видѣньями и страстными словами, но не могутъ вести скрывая даръ пророчества, или поклоняясь Ваалу.

Чему-же дивиться, что пустота жизни растетъ съ страшной быстротой, наталкивая людей неяснымъ пониманьемъ, мертвящей скукой, на всякаго рода безумья—отъ игры на биржѣ, до игры въ вертящіеся столы?

По видимому все идетъ въ порядкѣ: солидные люди заняты ежедневными заботами, своими дѣлами, возможными дѣлами, они ненавидятъ всякія утопіи и всѣ перехватывающіе идеалы—а въ сущности это не такъ, и сами солидные люди съ своими праотцами, все что ни выработали хорошаго, выработали постоянно идучи за радугой и осуществляя невозможности въ родѣ католицизма, реформаціи, революціи. Этихъ-то радугъ больше и нѣтъ, по крайней мѣрѣ оптический обманъ не обманываетъ больше.

Всѣ прежніе идеалы потухли, *всѣ до единого* отъ распатія до фригійской шапки.

... Помнишь-ли ты ту страшную картину въ рядѣ геніальной галиматіи Ж. П. Рихтера, въ которой онъ представляетъ, не помню à propos чего, какъ всѣ кающіеся народы бѣгутъ, въ день страшнаго суда, испуганные къ кресту, молясь о спасеніи, о ходатайствѣ сына божія; Христосъ отвѣчаетъ коротко: “у меня нѣтъ отца!”

Такой отвѣтъ раздается теперь со всѣхъ крестовъ, къ которымъ подходятъ уповающіе народы, измученные борьбой, измученные путемъ. Съ каждой Голгофы громче и громче раздается “У меня нѣтъ свободы!”—“У меня нѣтъ равенства!”—“У меня нѣтъ братства!” И обманутая надежда тухнетъ одна за другой, бросая догорающія лучи на печальные образы Донъ-Кихотовъ, упорно не хотящихъ слышать голоса съ Голгофы... Они машутъ людямъ, чтобы тѣ шли скорѣе за ними и одинъ за другимъ исчезаютъ въ мглѣ зимнихъ сумерекъ.

И это не все, люди съ двойнымъ ужасомъ стали разглядывать, что у революціи—не только нѣтъ *отца*, но нѣтъ и *сына*.

Страшные, безплодные Іюньскіе дни 1848, были протестомъ отчаянія; они не создавали, они разрушали—но разрушаемое оказалось крѣпче. Съ взятіемъ послѣдней барикады, съ отправкой послѣдней депортаціи безъ суда, встаетъ эра новаго *порядка*.—Утопія демократической республики улетучилась такъ-же, какъ утопія царства небеснаго на землѣ. *Освобожденіе* оказалось окончательнымъ такъ-же не состоятельнымъ какъ *искупленіе*.

Но общественное броженіе не на столько успокоилось, чтобы люди занялись тихо своимъ дѣломъ; надобно было *занять умы*, а безъ утопій, безъ эпидемическихъ увлеченій идеалами плохо. Хорошо еще, еслибъ безъ нихъ, обманутыя въ ожиданіи народныхъ массы—только бы плѣснили и загнивали на ирландскій манеръ какъ стоячая вода; а то пожалуй она поднимется оличалые и попробуютъ своими самсоновскими мышцами—крѣпки-ли столбы общественной храмины, къ которымъ опѣ прикованы!

Гдѣ-же взять безопасные идеалы?

Загрудинаться печего—въ душѣ человѣческой обитателей много. Сортировка людей по народностямъ стаповилась больше и больше бѣднымъ идеаломъ въ этомъ мірѣ схоронившимъ революцію.

Политическія партіи распустились въ *національныя*—это не только шагъ за революцію, но шагъ за христіанство. Обще-человѣческія стремленія католицизма и революцій уступили мѣсто языческому патриотизму, и честь знамени осталась единственной, неприкосновенной честью народовъ. И еслибъ Южная Америка не дралась съ геройствомъ за *рабство*, можно было бы думать, что міръ только и дерется изъ за зоологическаго распорядка по видамъ.

Когда мнѣ приходитъ въ голову, что двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, въ парижскихъ салонахъ, гуляка и шутъ Ромѣй—проповѣдывалъ во всеуслышаніе, что возбужденныя революціонныя силы надобно своротить съ ихъ страшной дороги и направить на вопросы національныя, пожалуй династическія—я невольно, по старой памяти, краснѣю отъ стыда.

Воевать за то, чтобъ то въ было надобно, иначе въ этомъ застоѣ нападетъ китайскій сонъ—ну а его долго не разбудишь. Да нужно-ли будить?—Въ этомъ-то я вопросъ.

Послѣднимъ Могикавамъ XVIII столѣтія, Донъ-Кихотамъ революціи, социалистамъ, и долею литераторамъ, поэтамъ и вообще всякимъ эксцентричностямъ спать не хочется и они, на сколько могутъ, мѣшаютъ массамъ—заснуть голландскимъ сномъ. Нерѣдкое мѣшанство, боясь книжнаго языка, совѣстится признаться, что ему спать хочется и туда-же бормочетъ въ полу-снѣ неясныя слова о прогрессѣ, свободѣ...

Будить надобно войной. А есть-ли во всей оружейной палатѣ прошлаго—знамя, хоругвь, слово, идея, изъ которыхъ-бы люди пошли драться, которыхъ-бы они не видали—опозоренными и въ грязи... *suffrage universel* можетъ быть?...

Нѣтъ, не пойдетъ человѣкъ нашего времени ни за одинъ развѣщанный идолъ, съ тѣмъ свѣтлымъ самоотверженіемъ, съ которымъ шелъ его предокъ на костеръ за право пѣть псалмы, съ той гордой самоувѣренностью, съ которой шелъ его отецъ на гильотину—за единую и нераздѣльную республику. Вѣдь онъ знаетъ, что ни псалмы, пѣтые по-нѣмецки, ни освобожденіе народовъ по-французски, ни къ чему не ведутъ.

А за *незнакомаго бога* тайкомъ идущаго, за стѣнкой—умирать нѣльзя. Пусть онъ прежде скажетъ кто онъ такой. Пусть признаетъ себя за бога и съ дерзостью св. Августина скажетъ въ глаза старому міру, что его «добродѣтели—пороки, что его истины—нелѣпость и ложь.»

Ну—это будетъ не сегодня и не завтра.

Благоразумный человѣкъ нашего вѣка, какъ Фридрихъ II—*esprit fort* въ своей комнатѣ и *esprit accomodant* на площади. Входя въ свой кабинетъ, изъ котораго высылались лакеи, король дѣлался философомъ; но выходя изъ него, философъ дѣлался королемъ.

... Вотъ тутъ-то «быки и стоятъ передъ горой!»

А впрочемъ, вѣдь отрицать, что свѣтъ разума все больше и больше разсѣваетъ тьму предрасудковъ... всего досаднѣе, что людямъ недосугъ и рано умираютъ—только начнетъ въ умъ входить человѣкъ, глядишь, а уже и песутъ на кладбище. Невольно вспомнишь извѣстную лошадь, которую пасторъ совсѣмъ было отъучилъ отъ ѣды, да смерть помѣшала.

... Въ альпійскихъ ледникахъ всякое лѣто оттаиваетъ кора льда, но масса его такъ толста, что осень всякой разъ захватываетъ на подорогѣ дѣло лучей солнечныхъ и кора опять начинаетъ замерзать,—иногда впрочемъ не достигая прежней толщины. Метеорологи рассчитывали много разъ сколько вѣковъ и вѣковъ необходимо лѣту работать надъ зимой, чтобъ распустить весь ледъ. Многіе сомнѣваются, чтобъ вообще солнце само по себѣ дошло до этого,—развѣ вулканическій взрывъ поможетъ.

Въ исторіи этотъ счетъ еще не дѣланъ.

Ц—ръ.

20 октября, 1862.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ ПРОЕКТЫ.

Проектъ правилъ о наймѣ сельскихъ рабочихъ и служителей, исправленный государственною канцелярією, по замѣчаніямъ п. членовъ главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія(1).

1) Для отправленія сельскихъ работъ и разныхъ должностей по хозяйству, люди всѣхъ сословій нанимаются по добровольнымъ условіямъ, заключаемымъ на общихъ основаніяхъ, постановленныхъ въ законахъ о личномъ наймѣ и договорахъ, съ тѣми дополненіями, кои излагаются въ нижеслѣдующихъ статьяхъ.

2) Рабочіе могутъ наниматься въ сельскія работы по однопочкѣ, артелями или товариществами; могутъ также принимать на себя работы и подрядомъ(2).

3) Рабочіе и служители могутъ наниматься или на опредѣленный срокъ—на пр. на годъ, на лѣто, по денно(3)—или же безъ опредѣленія срока, для исполненія какой либо домашней или хозяйственной должности, или всѣхъ вообще работъ по хозяйству, или же для исполненія какой-либо опредѣленной работы (задѣльно) на пр. для сѣнокоса, для жатвы, для молотбы и т. п.(4).

4) Договоръ о наймѣ въ сельскія работы или въ услуженіе можетъ быть совершаемъ или словесно или письменно, по желанію договаривающихся.

5) Заключеніе словесныхъ договоровъ не подлежитъ никакимъ формальностямъ; но споры по такимъ словеснымъ договорамъ тогда только привимаются къ разбирательству, когда заключены при свидѣтеляхъ или же записаны въ книги волостнаго правленія.

6) Письменные договоры пишутся на простой бумагѣ и могутъ быть являемы для засвидѣтельствованія, по желанію сторонъ, въ волостныхъ правленіяхъ, у мировыхъ посредниковъ, нотаріусовъ, въ думахъ и ратушахъ.

Примѣчаніе. Волостныя правленія за засвидѣтельствованіе договоровъ о наймѣ могутъ взимать съ нанимателя, за каждаго нанятаго работника, опредѣленную плату не свыше 10 к.

7) Артели сельскихъ рабочихъ или сами соглашаются съ нанимателями и заключаютъ съ ними условія, или довѣряютъ сіе своимъ выборнымъ. Но въ послѣднемъ случаѣ, по прибытіи артели на мѣсто работы, наниматель объявляетъ рабочимъ условія найма или прочитываетъ договоръ, если такой состоялся(5).

(1) Печатаемъ этотъ проектъ, какъ примѣръ замѣчательнаго пустословія канцелярской страсти распорядиться всюду, даже тамъ гдѣ дѣло пойдетъ безъ всякихъ особыхъ распоряженій. Неужели каждый шагъ человѣка долженъ быть записанъ въ законъ? Прочитавши этотъ проектъ, невольно приходитъ въ голову, что со временемъ государственная канцелярія надастъ законъ, что крестьяне должны носить лѣвую рукавицу на лѣвой рукѣ, а правую на правой.

(2) Такъ какъ законы о личномъ наймѣ (Т. X., раздѣлъ IV), дозволяютъ какому совершеннолѣтнему наниматься для отправленія всякаго рода работъ и должностей, невоспрещенныхъ законами, и такъ какъ въ Россіи (да и въ цѣломъ свѣтѣ) есть обычай наниматься артелями, товариществами и нѣ одиночку, и брать подряды, такъ какъ это составляетъ естественныя условія человеческой жизни въ обществѣ,—то что-же прибавляетъ это положеніе къ естественному ходу вещей? Нужно-ли записывать въ законъ то, что безъ всякой записи само собой не можетъ не дѣлаться?

(3) А можетъ быть помѣсячно или по недѣлѣ?

(4) Ужъ если такъ языки и перья расходились—падо-бы все высчитать... А если всѣхъ работъ не перечтешь, то что-же прибавлять къ праву каждаго наниматься въ работы, не воспрещенныя закономъ, т. е. что-же прибавлять къ ст. 2201, Т. X, Свод. Зак. изд. 1857 г.?

(5) Что за празднословіе!

8) Для облегченія нанимателей въ приисканіи исправныхъ работниковъ, а сихъ послѣднихъ въ приисканіи работы, а также для удобства расчетовъ между рабочимъ и нанимателемъ, учреждаются особыя рабочія книжки(6).

9) Рабочія книжки получаютъ сельскими работниками и служителями изъ волостныхъ правленій, думъ и ратушъ, съ платою за каждую по 5 коп.

Примѣчаніе. Рабочія книжки печатаются, по прилагаемой формѣ по распоряженію губернскихъ правленій, и высылаются ими въ волостныя правленія, думы и ратуши(7).

10) Въ рабочую книжку, при выдачѣ оной, вписывается: имя, прозваніе и званіе работника, лѣта его, мѣсто гдѣ рабочий имѣетъ постоянное водвореніе, или гдѣ значится записаннымъ по ревизіи.

11) При наймѣ работника или служителя, имѣющаго рабочую книжку, вписывается въ оную нанимателемъ или, по просьбѣ его, постороннимъ лицомъ: для какой работы нанятъ рабочий или служитель, и на какихъ условіяхъ; условія сіи подписываются обѣими договаривающимися сторонами. Кромѣ того отмѣчается время поступленія рабочаго или служителя, а по окончаніи расчета—время увольненія.

12) Отъ усмотрѣнія нанимателей зависитъ требовать отъ нанимаемыхъ ими работниковъ и служителей представленія рабочихъ книжекъ или не требовать оныхъ; но если наниматель потребовалъ рабочую книжку, то обязанъ выдать рабочему или служителю расчетный листъ, въ который вносятся условія найма, записанныя въ рабочей книжкѣ и за тѣмъ отмѣчаются выдачи наемной платы или жалованья и т. п. Въ случаѣ спора рабочая книжка и расчетный листъ замѣняютъ собою письменный договоръ(8).

13) Если рабочіе и служители, поступившіе въ наемъ по условіямъ, записаннымъ въ рабочія книжки, пожелаютъ остаться у нанимателя долѣе срока выданнаго имъ увольнительнаго вида или паспорта и если притомъ имѣютъ право на полученіе оныхъ на будущее время, то нанимателю предоставляется самому относиться въ подлежащее мѣсто для истребованія симъ рабочимъ и служителямъ новыхъ видовъ(9).

14) Нанявшійся и наниматель взаимно обязаны исполнять заключенный ими договоръ во всей силѣ(10).

15) За самовольную отлучку отъ работъ, за лѣность, пьянство и за перадрѣіе, виновные рабочіе и служители подвергаются денежному взысканію въ пользу хозяина, въ размѣрахъ въ договорѣ опредѣленныхъ. Если же въ договорѣ по сему предмету особыхъ условій не постановлено, то за каждый прогульный, по вышеозначеннымъ причинамъ, день взыскивается съ виновнаго работника штрафъ, равняющійся двойной поденной платѣ, существовавшей въ томъ или ближайшемъ мѣстѣ во время прогула(11).

(6) Желали-бы мы знать какимъ образомъ рабочія книжки помогутъ въ приисканіи работниковъ?

(7) А если у хозяина и артели, или у хозяина и работника заведены рабочія книжки простыя, не купленные въ волостномъ правленіи,—могутъ-ли онѣ служить документомъ въ случаѣ спора и тяжбы? Если могутъ, то кто-же станетъ платить даромъ 5 копѣекъ? Если не могутъ—то за что-же такая несправедливость къ письменнымъ доказательствамъ, равняющаяся вымогательству?

(8) Это заставляетъ подозревать, что другіе письменные документы—не будутъ приняты въ расчетъ передъ судомъ, и 5 копѣекъ за книжку сдѣлается дѣйствительнымъ вымогательствомъ.

(9) Что это облегченіе, или затрудненіе, или ровню ничего?

(10) Это уже по своду относится къ всякаго рода условіямъ вообще.

(11) Я нанялъ прикащика; онъ загулялъ; въ договорѣ о штрафѣ ничего

16) Наемный рабочий или служитель, небреженіемъ своимъ причинившій вредъ или ущербъ ввѣренному ему имуществу, подвергается за то взысканію по опредѣленію мирового посредника или судебного мѣста (ст. 28).

17) Если наниматель, находящихся у него рабочихъ или служителей не будетъ удовлетворять, въ условенный срокъ, слѣдующею имъ, въ теченіи производства работъ платою, то мировой посредникъ, а гдѣ его нѣтъ—мѣстное полицейское начальство, по жалобѣ рабочихъ или служителей и удостовѣреніи въ справедливости оной, назначаетъ нанимателю, для полного удовлетворенія рабочихъ, срокъ, по взаимному соглашенію нанимателя съ рабочимъ, если же соглашенія не послѣдуетъ, то не далѣе трехъ дней.

18) Если за тѣмъ въ теченіи назначеннаго срока наниматель не удовлетворитъ рабочихъ или служителей, то немедленно подвергается описи и публичной продажѣ движимое имущество нанимателя на удовлетвореніе рабочихъ слѣдующими заработанными деньгами, съ присоединеніемъ къ нимъ пени по копѣйкѣ съ рубля въ сутки со дня минованія договореннаго при наймѣ для платежа срока, если въ договорѣ не постановлено особаго по сему предмету условія.

19) Если наниматель, по окончаніи работъ или по истеченіи условеннаго срока найма не удовлетворитъ рабочихъ или служителей заработанными или заслуженными деньгами, то по жалобѣ ихъ мировому посреднику, а гдѣ его нѣтъ—мѣстному полицейскому начальству, сверхъ пени, назначенной предшешей статью, взыскивается съ нанимателя, въ случаѣ признанія его виновнымъ, въ пользу рабочихъ или служителей, двойная поденная плата за все время до окончательнаго съ ними расчета. При работѣ огульной, или урочной, поденная плата рассчитывается по существующимъ мѣстнымъ цѣнамъ на поденную работу.

20) Сельскіе рабочіе могутъ приносить словесныя или письменныя жалобы во всякое время, но ни подъ какимъ предлогомъ не должны уклоняться отъ работъ до разрѣшенія жалобы.

Примѣчаніе. Артель приносить жалобу чрезъ своего выборнаго.

21) Въ основаніе окончательнаго расчета съ рабочими и служителями принимаются рабочія книжки и расчетные листы, въ тѣхъ случаяхъ когда они были выданы. Въ окончательномъ удовлетвореніи рабочий или служитель росписывается въ расчетномъ листѣ и возвращаетъ оный хозяину. Хозяинъ же возвращаетъ работнику или служителю рабочую его книжку съ означеніемъ въ ней, что наемъ работника и расчетъ съ нимъ окончены. Если же рабочей книжки и расчетныхъ листовъ не было и соглашенія въ расчетѣ не послѣдовало, то расчетъ дѣлается на основаніи словесныхъ показаній сторонъ или другихъ доказательствъ(12).

22) Въ случаѣ найма рабочихъ артелями или посредствомъ рядчиковъ, всѣ расчеты по договору производятся при участіи выборныхъ отъ рабочихъ(13).

не было упомянуто: на какомъ основаніи опредѣлится двойная поденная плата? Не лучше-ли вмѣсто этихъ подробныхъ регламентацій—предоставить людямъ искать за понесенные убытки обычнымъ путемъ, или мириться какъ знаютъ?

(12) Это опять указываетъ на то, что и простыя книжки, не пятикопѣечныя будутъ принимаемы за доказательство; слѣдственно пятикопѣечныя не нужны.

(13) Если рабочіе вѣрятъ рядчику, они не пошлютъ особыхъ выборныхъ для расчета; если не вѣрятъ, то пошлютъ—даже еслибъ этого закона и не было.

23) Договоръ найма въ сельскія работы или въ услуженіе прекращается или истеченіемъ условленнаго срока, или исполненіемъ условленной работы(14).

24) Договоры, заключенные на неопредѣленный срокъ, могутъ быть прекращаемы по желанію одной изъ договорившихся сторонъ не иначе, какъ съ предвареніемъ о томъ другой договорившейся стороны за двѣ недѣли впередъ. Если же наниматель хочетъ удалить рабочаго или служителя, не предупредивъ его о томъ, то въ такомъ случаѣ обязанъ выдать ему жалованье за двѣ недѣли впередъ сверхъ заработанной имъ платы. Кромѣ того, договоры, заключенные на неопредѣленный срокъ, могутъ быть прекращаемы и безъ соблюденія вышеозначенныхъ правилъ, по тѣмъ причинамъ, какія указаны ниже въ ст. 25 и 26 относительно прекращенія договоровъ, заключенныхъ на срокъ опредѣленный.

25) Договоры, заключенные на опредѣленный срокъ или для исполненія извѣстныхъ работъ, прекращаются до истечения срока или до исполненія условленной работы :

а) по добровольному соглашенію нанимателя съ рабочими или служителями ;

б) за смертію работника или отдачею его въ рекруты, или же за совершеніемъ работникомъ преступленія или проступка, влекущаго за собою преданіе его уголовному суду.

26) Кромѣ сего признаются законными основаніями къ прекращенію договора по приговору мирового посредника :

1) *По жалобѣ нанимателя* : а) постоянное перадрѣніе въ исполненіи рабочимъ или служителемъ ихъ обязанностей, б) отказъ въ исполненіи условленныхъ по найму работъ или законныхъ требованій нанимателя или его повѣреннаго, в) грубость и дерзкіе поступки въ отношеніи къ нанимателю, его семейству, его управляющему, прикащику и вообще лицу, коему довѣренъ нанимателемъ надзоръ за рабочими и служителями. 2) *По жалобѣ рабочаго или служителя* : а) побои, тяжкія оскорбленія и вообще дурное обращеніе со стороны нанимателя, его семейства или лицъ, коимъ онъ довѣрилъ надзоръ за рабочими и служителями ; б) нарушеніе условій договора по выдачѣ платы и снабженія рабочихъ и служителей достаточною и здоровою пищею.

Примѣчаніе. Прекращеніе договора по случаю невыдачи въ срокъ условленной платы, не лишаетъ рабочаго права на полученіе опредѣленнаго (ст. 19) вознагражденія.

27) Законными основаніями къ прекращенію договоровъ, по рѣшенію мирового посредника, ранѣе срока, по съ предвареніемъ другой стороны за двѣ недѣли, согласно ст. 24-й признаются слѣдующіе случаи : а) когда работнику, вслѣдствіе смерті или сдачи въ рекруты одного изъ членовъ семейства, необходимо будетъ возвратиться домой ; б) когда работника выведетъ за мужъ.

28) Дѣла по спорамъ между нанимателями и сельскими рабочими и служителями разбираются мировыми посредниками, или общими судебными мѣстами на основаніи ниже слѣдующихъ статей.

Примѣчаніе. Дѣла сіи разбираются волостнымъ судомъ, если обѣ стороны принадлежатъ къ крестьянскому сословію или если сего пожелаютъ спорящіе, принадлежащіе къ другому сословію.

(14) Одна изъ вѣчныхъ истинъ, которую не трудно отыскать въ "Сводѣ Законовъ," и которая не нуждается въ записи, чтобъ существовать на практикѣ.

29) Мировой посредникъ въ разборѣ дѣлъ сего рода дѣйствуетъ по общимъ правиламъ мирового разбирательства дѣлъ спорныхъ (ст. 31—72 пол. о губ. и уѣзд. по крестьян. дѣл. учрежд.).

30) Рѣшенія мирового посредника по спорнымъ дѣламъ нанимателей съ рабочими, если цѣна иска не превышаетъ тридцати рублей на каждого рабочаго, считаются окончательными (полож. о губ. и уѣзд. по крестьян. дѣламъ учрежд. ст. 32). Постановленія же посредниковъ о понужденіи хозяевъ къ раслатѣ съ рабочими и къ снабженію ихъ надлежащимъ довольствіемъ, о понужденіи рабочихъ къ исполненію договорной работы, а равно о взысканіи установленныхъ штрафовъ и пеней, на основаніи статей 15, 17, 18 и 19 сихъ правилъ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ спора о взаимныхъ правахъ нанимателя и нанявшихся или о силѣ заключенныхъ ими условій, считаются окончательными, какова бы не была сумма подлежащая взысканію.

31) Спорныя дѣла, не подлежащія по цѣнѣ иска окончательному рѣшенію мирового посредника, могутъ быть переносимы, въ двухъ-недѣльный срокъ, по жалобамъ спорящихъ, въ общія судебныя мѣста.

32) Общія судебныя мѣста обязаны рѣшать дѣла подобнаго рода немедленно и безъ очереди, руководствуясь, въ порядкѣ производства сихъ дѣлъ, высочайше утвержденными 30 Іюня 1858 г. и 23 Августа 1860 г. положеніями о комиссіяхъ, учрежденныхъ для разбора дѣлъ между рядчиками и рабочими въ С.-Петербургѣ и Москвѣ.

33) Если сторона, обвиненная по окончательному рѣшенію мирового посредника или судебного мѣста, не исполнитъ сего рѣшенія немедленно по объявленіи, то рѣшеніе отсылается для исполненія въ полицію, которая подѣ личною отвѣтственностію, обязана привести оное въ дѣйствительное исполненіе въ семидневный срокъ.

34) Во всѣхъ случаяхъ разбирательства споровъ хозяевъ съ рабочими и служителями наблюдается, чтобы при этомъ по возможности устранена была потеря рабочаго времени(15).

Во всемъ этомъ проэкѣ важно только : право жалобы рабочихъ и опредѣленіе куда приносить жалобу ; слѣдственно къ дѣлу идутъ статьи 26, 27, 28, 30, 31, 32 и 33. Остальныя статьи составляютъ слишкомъ очевидное канцелярское празднословіе, и потому на практикѣ гораздо больше запутають дѣло, чѣмъ помогутъ ему. Канцелярская важность, съ которой составляются законы, предполагаетъ публику, для которой законы пишутся, до нельзя глупою, и не замѣчаетъ, что въ этихъ законахъ правительство только записываетъ простой обычай ; а обычай только тогда долженъ быть записанъ въ законъ, когда онъ или рѣшаетъ спорныя отношенія, или заявляетъ дѣйствительныя права людей на что-либо. Записывать же въ законъ походя совершающіяся вещи такое-же пустословіе, какъ писать дневникъ, помѣчая въ немъ : проснулся, умылся, одѣлся, завтракалъ, обѣдалъ, уживалъ, спать легъ и т. п. А между тѣмъ изъ этого пустословія въ законодательствѣ сколько на практикѣ возникнетъ недоразумѣній, смуть, судебного и административнаго пустословія и пустописанія !

(15) Какъ-же это исполнить ?

ОБРАЗЕЦЪ БЮРОКРАТИЧЕСКАГО ПУСТОСЛОВІЯ.

(Изъ записки министра внутреннихъ дѣлъ отъ 8-го, Августа 1857 года, поданной комитету министровъ и изъ журналовъ послѣдняго отъ 13 Августа и 17-го Сентября того-же года).

Третье отдѣленіе государственной канцеляріи, специально назначенное представлять собою всевидящее царское око, все-слышающее царское ухо, а главное—всѣхъ сѣкущую царскую руку, есть, такъ сказать, живой органъ внутренней политики петербургскаго самодержца. Но посреди многочисленныхъ политико-жандармскихъ занятій, это *полезное* учрежденіе поднимаетъ иногда и вопросы экономическіе.

Главноуправляющій падъ этимъ третьимъ отдѣленіемъ потребовалъ отъ с.-петербургскаго гражданскаго губернатора свѣденіе “о причинахъ постояннаго возвышенія цѣнъ на сапожный товаръ и свѣчи, а равно и на прочіе предметы первой потребности.” Гражданскій губернаторъ Смирновъ, “ислѣдовавъ” дѣло, сообщилъ третьему отдѣленію, что возвышеніе цѣнъ въ нынѣшнемъ (1857) году на стеариновые свѣчи и на кожаные издѣлія произошло отъ большаго требованія за границу сала и сырыхъ кожъ, отъ чего цѣна ихъ столь значительно поднялась внутри Россіи, что сало куплено было по 1 руб. сер. за пудъ дороже обыкновенной цѣны, а кожи, которыя продавались отъ 6 до 8 руб. сер. за пудъ, поднялись въ цѣнѣ до 11 и 12 рублей серебромъ; телячьихъ же кожъ, изъ которыхъ выдѣлываютъ опойковые сапоги, вздорожали съ 1850 года отъ 2 руб. 50 коп. до 3 руб. и 3. руб. 50. коп.”

При этомъ Смирновъ изясняетъ, “что онъ старался разъяснить разговорами съ главными оптовыми торговцами и фабрикантами причины *постояннаго и всеобщаго возвышенія цѣнъ* и на прочіе предметы потребленія, составляющіе первую потребность жизни. Дѣйствительно весьма замѣчательно, что, въ теченіи послѣднихъ 20-ти лѣтъ, дороговизна постепенно увеличивалась. Такимъ образомъ квартиры поднялись въ цѣнѣ по крайней мѣрѣ на 50%, дрова, стоявшія лѣтъ за 20 до настоящаго времени 2 руб. за сажень, продавались въ прошедшемъ году отъ 3 руб. до 3 руб. 50 коп., а въ нынѣшнюю зиму по 5 рублей; лучшая говядина стояла прежде 7 коп., а нынѣ 10 и 11 коп.; *четверка лошадей въ карету** стояла прежде отъ 250 до 300 рублей ассигнаціями въ мѣсяцъ, а нынѣ платится таже цѣна за пару лошадей; мужская одежда возвысилась въ цѣнѣ, хотя тонкія сукна стали дешевле, а дамскіе уборы† дошли до такихъ цѣнъ, которыя за 20 лѣтъ казались бы невозможными. Однимъ словомъ все поднялось въ цѣнѣ, даже леченіе, воспитаніе дѣтей и *прислуга*. Прежде визитъ врача стоилъ отъ 5 до 10 руб. асс., а консультанту платили не болѣе 15 руб. асс., нынѣ обыкновенно визитъ врача стоитъ отъ 3 до 5 руб. сер., а консультація отъ 10 до 15 руб. сер.; лучшіе учителя довольствовались прежде 10. руб. асс. за урокъ, нынѣ они не удовлетворяются и 5 руб. сер.; жепская прислуга охотно нанималась за 7. руб. асс. въ мѣсяцъ, лакей за 25 руб. асс., а нынѣ женской прислугѣ платится отъ 5 до 15 руб. сер., а лакею отъ 15 до 20. руб. сер.”‡

* Такъ и это одинъ изъ предметовъ первой потребности жизни?

† Это должно быть относится уже къ предметамъ первѣйшей потребности?

‡ А крѣпостныхъ то отняли! Многимъ и въ этихъ предметахъ первой потребности придется отказать себя.

Далѣе Смирновъ замѣчаетъ, что дознаніе настоящихъ причинъ возвышенія цѣнъ “было бы весьма полезно, потому что начинается уже ропотъ и опасенія тѣхъ лицъ, коихъ доходы не увеличиваются на равнѣ съ всеобщей дороговизною, а губернское начальство не можетъ имѣть никакого вліянія на удержаніе цѣнъ въ благоразумныхъ предѣлахъ. Устраненіе даже тѣхъ обстоятельствъ, которыя затрудняютъ торговлю(?), не имѣло бы большаго вліянія на пониженіе цѣнъ, ибо мы часто видимъ, что возвышеніе какой-нибудь цѣны, происшедшее отъ неблагопріятнаго обстоятельства, остается не измѣнимымъ, при перемѣнѣ обстоятельствъ.”

“По симъ соображеніямъ, кажется, что настоящія причины ежегодно возрастающей дороговизны искагъ должно не въ *мѣстныхъ*, но въ *государственныхъ условіяхъ нашего времени*, тѣмъ болѣе, что на нее жалуются не въ одной Россіи, но равноиѣрно во всѣхъ государствахъ.”

За тѣмъ губернаторъ приводитъ мнѣнія экономистовъ, и говоритъ, что причины возвышенія цѣнъ “заключаются въ упадкѣ денежной представительности и въ огромномъ развитіи торговли и движенія народа по желѣзнымъ дорогамъ”.

Далѣе указываетъ онъ на колоссальность разиѣровъ, которые приняла промышленность во всѣхъ государствахъ и пр. “Правительство не имѣетъ никакихъ средствъ въ своей власти(?)..... цѣны возвышаются и это по мнѣнію многихъ доказываетъ даже усиленіе народнаго богатства” (этого у насъ не замѣтно).

Второю причиною дороговизны губернаторъ считаетъ увеличеніе денежной единицы въ три съ половиною раза; товары возвысились въ цѣнѣ тоже въ этой пропорціи, но не всѣ; сырыя произведенія поднялись далеко не соразмѣрно съ возвышеніемъ цѣнъ на другіе товары. Крестьянинъ пострадалъ; этимъ обстоятельствомъ Смирновъ объясняетъ и тотъ фактъ, “что народъ и нынѣ упорно отвергаетъ серебряный рубль, продолжая, внутри имперіи, считать на ассигнаціи,” а потому возвращеніе прежней ассигнаціонной системы обращеніемъ четвертака въ рубль, Смирновъ полагаетъ (и справедливо) важнѣйшимъ средствомъ къ ослабленію дальнѣйшаго возвышенія цѣнъ.

Главноуправляющій третьимъ отдѣленіемъ представилъ этотъ отзывъ губернатора государю, который положилъ слѣдующую резолюцію: “Дѣло это считаю весьма важнымъ и желаю, чтобы министръ внутреннихъ дѣлъ внесъ оное съ своимъ заключеніемъ на обсужденіе комитета министровъ.” Министръ Ланской, разбирая общія причины возвышенія цѣнъ, говоритъ, что онѣ возвышаются всюду “вслѣдствіе возрастанія нуждъ народовъ соотвѣтственно съ ихъ развитіемъ,” что “возвышеніемъ цѣнъ сопровождаются вообще успѣхи гражданственности” и т. п. “Явленіе это имѣетъ причины чисто экономическаго свойства.” Потомъ пападаетъ онъ на кредитные билеты, которые вредны особенно у насъ, потому что имѣютъ значеніе только внутри государства. Обвиняетъ Ланской и Калифорнію и Австралію за множество привезеннаго изъ нихъ въ Европу золота и за тѣмъ обращается къ причинамъ мѣстнымъ.

“Но сверхъ этихъ общихъ всей почти Европѣ причинъ разительнаго въ послѣдніе годы возвышенія цѣнъ на товары, есть еще особенная причина, усилившая дороговизну собственно въ Россіи,—это *возвышеніе заработной платы*, частію вслѣдствіе дороговизны предметовъ продовольствія отъ

неурожаевъ, но еще болѣе вслѣдствіе значительной убыли въ числѣ рабочаго населенія, произшедшей сколько отъ бывшихъ въ послѣдніе годы холеры и тифа (поражавшихъ преимущественно рабочее взрослое населеніе), столько и отъ усиленную (въ 1853, 1854 и 1855 г.) набора рекрутъ и ратниковъ, уменьшившаго число работниковъ на 14%*.

“Что касается возвышенія цѣнъ вслѣдствіе стачекъ со стороны торговцевъ”—то министръ возможности ихъ не допускаетъ по “чрезвычайному множеству соперниковъ, особенно между продавцами кожевеннаго товара, которыхъ въ одномъ Петербургѣ 827 ч.” А еслибы стачка и была, такъ “весьма трудно обнаружить и почти невозможно доказать формальнымъ порядкомъ, всякія-же излишнія вмѣшательства въ торговлю дѣла приведутъ скорѣе къ противоположнымъ результатамъ.” Диссертацию эту Ланской оканчиваетъ, какъ и всѣ почти бумаги оканчиваются русскими чиновниками, т. е. передачей дѣла еще на чье-нибудь разсмотрѣніе..... “передать настоящее дѣло на ближайшее разсмотрѣніе министра финансовъ.”

Комитетъ министровъ при разсмотрѣніи дѣла, прежде всего ухватился за послѣднюю мысль Ланскаго; но Брокъ “лично въ присутствіи комитета, отозвался, что онъ, выполнѣ раздѣляя мнѣніе д. т. с. Ланскаго относительно причинъ общаго возвышенія цѣнъ на предметы потребленія, не находитъ необходимости подвергать нынѣ дѣло сіе разсмотрѣнію въ финансовомъ отношеніи, тѣмъ болѣе, что предположеніе о новомъ измѣненіи у насъ денежной единицы по теперешнимъ обстоятельствамъ, было-бы не только неудобно, но даже и совершенно невозможно въ исполненіи”.

За симъ комитетъ нашелъ, что представленіе министерства внутреннихъ дѣлъ, “какъ не требующее по существу своему никакого разрѣшенія, надлежитъ принять къ свѣденію”.

Встрѣтивъ такой рѣшительный отпоръ со стороны Брока, комитетъ рѣшился уже самъ отыскать причины дороговизны и придумалъ, что она происходитъ вслѣдствіе упадка кредита, “что по причинѣ недостатковъ нашего законодательства, въ отношеніи личной отвѣтственности должниковъ, права кредиторовъ мало гарантированы.” (Да какія-же это права гарантируются русскимъ закономъ?)

“По симъ причинамъ комитетъ полагалъ поручить министру юстиціи приступить къ подробному и самому тщательному пересмотру существующихъ у насъ постановленій относительно порядка взысканія по долговымъ актамъ и обязательствамъ между частными лицами, и по взаимному соглашенію съ м. в. д. и главноуправляющимъ II отдѣленіемъ собственной е. и. в. канцеляріи, войти, по установленному порядку, съ представленіемъ въ государственный совѣтъ”.

“Государь императоръ положеніе комитета высочайше утвердить соизволилъ”.

Нашлись! Ловко спустили дѣло; за это, впрочемъ, вѣдь и жалованье получаютъ. А Панинъ не Брокъ, онъ все понесетъ на себѣ, этакіе-ли вопросы онъ разрѣшаетъ, и только “въ 14 дней”...

Жаль, что неизвѣстны послѣдствія этого примѣрнаго пустословія. Быть можетъ нашли потопъ, что вопросъ о дороговизнѣ не мѣшаетъ передать на разсмотрѣніе министра военнаго, а можетъ и министра двора, который болѣе всѣхъ знакомъ съ этимъ предметомъ. Если-же дѣло осталось у Панина, такъ оно въ вѣрныхъ рукахъ—скоро не вывернется.

* Рекрутъ и ратниковъ поступило съ 1000 ревиз. душъ 65 человекъ, изъ подлинныхъ-же ревизскихъ сказокъ видно, что въ 1000 ревиз. душахъ считается работниковъ (отъ 18 до 50 лѣтъ) всего 475 человекъ.

Секретничая въ своихъ застѣнкахъ они однако довольно откровенны.—Ред.

С М Ъ С Ъ.

— СМЕРТНЫЙ ПРИГОВОРЪ. — *Independence* говорить, что студентъ *Яковлевъ*, приговоренъ быть разстрѣленнымъ, капитанъ *Этель* и еще два офицера къ ссылкѣ въ Сибирь, съ лишеніемъ правъ состоянія.

Читатели наши помнятъ, что потому-же дѣлу фельдфебель *Минихъ*, приговоренъ къ потомственному дворянству.

— *Nord* отъ 26 Октября, извѣщаетъ, что 7/19 Октября государь подписалъ указъ объ отмѣненіи тѣлесныхъ наказаній, не смотря на оппозицію Панина.

— Къ характеристикѣ головнинской свободы книгопечатанія и безцензурнаго печатанія книгъ научнаго содержанія, не мѣшаетъ замѣтить, что первый выпускъ *Сравнительной Анатоміи*, изданный сыномъ издателя *Колокола* запрещенъ въ Россіи... Что у Путятина были японскія замашки не удивительно, но либеральный Головинъ, откуда взялъ библейскія понятія гоненій до седьмаго козѣна. Какіе мелкіе, ничтожные люди—всѣ эти злые карлики и злые великаны, которые пасутъ Россію.

— *Новая газета*.—А. Очкинъ будетъ издавать съ будущаго года ежедневную газету *Очерки* въ двухъ изданіяхъ, утреннемъ и вечернемъ. “Цѣль наша, говоритъ программа, содѣйствовать скорѣйшему общественному прогрессу во всѣхъ отрасляхъ общественнаго развитія. Всѣ усилія современнаго прогресса направлены на то, чтобы правильнымъ устройствомъ общества и общественныхъ отношеній между людьми высвободить человѣческую личность, на всѣхъ степеняхъ ея общественнаго положенія, отъ того тяжелаго гнѣта, въ которомъ она находилась въ теченіи тысячелѣтій, отъ нестройства быта экономическаго, отъ деспотизма семейнаго, отъ неудобствъ общественныхъ учрежденій, отъ притязаній грубаго произвола и педѣжества и т. п. Преслѣдуя постоянно эту великую цѣль въ развитіи общихъ идей и началъ въ нашихъ руководящихъ и другихъ статьяхъ, мы, кромѣ того, не оставимъ безъ особеннаго нашего вниманія ни одного частнаго случая, какъ-бы онъ мелоченъ съ перваго взгляда ни казался, гдѣ человѣческая личность будетъ подвергаться оскорбленію своихъ чело-вѣческихъ правъ”.

— И. Аксакову снова разрѣшено быть издателемъ *Дня*.

— *Изъ Русскихъ Газетъ*. — Самарская комиссія для обсужденія городского устройства высказалась въ пользу допущенія раскольниковъ и малаканъ къ общественной службѣ, за исключеніемъ должностей: городского головы, старшинъ и бургомистровъ. (*Бир. Вѣд.*).

— *Крестьяне* Тростяницкой волости, Ахтырскаго уѣзда Харьковской губерніи, составили приговоръ о взаимномъ застрахованіи своихъ построекъ отъ пожаровъ и другой-объ учрежденіи сельскаго заемнаго банка, опредѣля для основанія онаго мірскаго капитала въ сто три рубля и увеличивъ его взносомъ частныхъ до пяти сотъ рублей.

— Изъ нѣкоторыхъ мѣстъ Южной Россіи пишутъ, что въ рабочую пору работники брали въ день отъ 1½ до 2 рублей.

— Комиссія для составленія проэктъовъ о преобразованіи судебной части, вызываетъ черезъ газеты, всѣхъ юристовъ и занимающихся судебными вопросами посылать ей замѣчанія, предположенія, и пр. Мы первые воспользуемся приглашеніемъ.

— Въ общій фондъ получено черезъ С. Тхоржевскаго—3 фунта и 2 фунта съ особымъ назначеніемъ.

— *Слѣдующій листъ 150 выйдетъ 15 Ноября*.

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи, 136 & 138 Caledonian Road, London, N.

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM,

КОЛОКОЛЪ

VIVOS VOCO!

Выходитъ еженедѣльно въ Лондонѣ.
Цѣна 6 пенсовъ. Получается въ Вольной
Русской Типографіи, 136 & 138 Caledonian
Road, N.

ЛПСТЬ 150.

15 ПОЯБРЯ 1862.

У Трюбнера & Со. въ книжной лавкѣ,
60, Paternoster Row, и у Tchorzewski,
1, Macclesfield Street, (Gerrard Street),
Soho, London. Price six-pence.

О Г Л А В Л Е Н І Е.—Разборъ основныхъ положеній преобразованія судебной части въ Россіи—Объ опредѣленіи въ учебныя войска сыновей оберъ-офицеровъ
и чиновниковъ—Общій фондъ—Барварскіе приговоры—Изъ Варшавы—“Не мое дѣло”—Съ кѣмъ война?—Новый способъ лечить отъ чахотки.

РАЗБОРЪ ОСНОВНЫХЪ ПОЛОЖЕНІЙ ПРЕОБРАЗОВАНІЯ СУДЕБНОЙ ЧАСТИ ВЪ РОССІИ.

I.

“Что-же перемѣнилось въ Россіи?...
Многое”.

Мы можемъ видѣть въ “Положеніяхъ о крестьянахъ” запутанный канцелярскій распорядокъ, не исправляющій, а искажающій народный обычай именно тамъ, гдѣ этотъ обычай имѣетъ живыя данныя для развитія. Но мы не можемъ не видать, что какимъ-бы образомъ ни было введено освобожденіе крестьянъ,—оно все-же провело между ветхой и обновленной Россіей ту “недоступную черту”, за которую возвратиться вспять невозможно; ту черту, которая называется *переворотомъ*, отъ которой начинается толчекъ къ совершенному преобразованію государственно - народной жизни.

Мы можемъ не соглашаться съ нѣкоторыми основаніями и съ нѣкоторыми частностями въ положеніяхъ новаго судостроительства въ Россіи, но мы не можемъ не видать, что оно составитъ *такой-же коренной переворотъ*, такое-же начало преобразованія внутренней жизни государства, какъ и освобожденіе крестьянъ, потому что какое-бы ни было преобразование суда, назадъ къ управительственному безсудію возвратиться будетъ нельзя. Уничтоженіе крѣпостнаго права и новый судъ дополняютъ другъ друга и, совокупно взятыя, составляютъ одинъ переворотъ, одно начатіе преобразованія общественной жизни, которая отнынѣ уже собственнымъ движеніемъ сброситъ съ себя все, что въ обоихъ “Положеніяхъ” для нея чуждо и устремится къ самопересозданію въ болѣе широкихъ размѣрахъ и на болѣе свободныхъ основаніяхъ.

Спокойно и съ полнымъ уваженіемъ къ дѣлу приступаемъ мы къ разбору новаго суда, безпристрастно взвѣсивъ все “за и противъ” и приходя къ общему выводу...

Одно изъ отличительныхъ свойствъ всѣхъ правительственныхъ проектовъ и положеній, это ихъ подражаніе иностраннымъ учрежденіямъ. Списывая французскія учрежденія и примѣшивая, уже не такъ охотно, кое что изъ англійскихъ, наши коммиссіи какъ будто жадѣютъ, что, сталкиваясь съ

русской дѣйствительностью, они бываютъ вынуждены не совѣсть цѣликомъ переписывать иностранныя постановленія, которыя, въ свою очередь долею вытекли изъ своихъ народныхъ обычаевъ, а долею перенесены изъ римскаго законодательства; отъ этого пропускаются безъ вниманія тѣ начала, которыя живутъ въ русскомъ народномъ обычаѣ и которыхъ развитіе могло-бы идти естественнѣй и успѣшнѣе.

Другое свойство правительственныхъ проектовъ, это очевидность, что въ “коммиссіяхъ” были хорошіе и даровитые люди, которымъ надо было съ страшными усиліями и съ отчаянными уступками проводить свои намѣренія, искажая ихъ въ борьбѣ съ людьми, упирающимися противъ всего новаго, противъ всего мѣшающаго произволу личныхъ корыстей, и съ людьми или непонимающими или равнодушными, которымъ спокойнѣе если-бы все оставалось по старому. Отъ этого уступки хорошихъ людей людямъ упорно-равнодушнымъ къ преобразованію — вносятъ въ законодательство положительный вредъ. Могли-ли или нѣтъ хорошіе люди, пройти безъ уступокъ—это вопросъ, который остается на ихъ совѣсти.

Третье свойство правительственныхъ проектовъ, это постоянная постановка неразрѣшимыхъ задачъ, т. е. приведеніе всѣхъ вопросовъ въ слѣдующій видъ: “хочу все измѣнить по новому, но чтобы власть императорская оставалась по старому”. Эта задача невозможна. Отъ этого въ законодательство входитъ неоткровенность направленія, неоткровенность преобразования, которая связываетъ по рукамъ и ногамъ хорошихъ людей въ коммиссіяхъ и всему дѣлу придаетъ цвѣтъ недобросовѣстности въ желаніи преобразованія и шаткости въ самихъ положеніяхъ. Отъ этого всѣ преобразования болѣе возбуждаютъ запросъ и волнуютъ общественное мнѣніе, чѣмъ удовлетворяютъ его. Свою постановку задачи въ видѣ неразрѣшимаго противурѣчія, правительство окрестило именемъ *постепенности*, которая такимъ образомъ выражаетъ не смыслъ развитія общественныхъ элементовъ въ болѣе и болѣе ясныя формы, а просто представляетъ правительственную скупость на уступки общественнымъ потребностямъ, подобно тому скрягѣ, который знаетъ, что долженъ отдать всю сумму, но ему пріятнѣе платить по грошику и онъ увѣряетъ получающаго уплату, что для него выгоднѣе

получать по грошину, потому что онъ со всей суммой пожалуй и не сладить, употребить ее во зло, что онъ не доросъ умомъ до такого богатства сразу, и т. д. и т. д. старая присказка всѣхъ падающихъ правительствъ и всѣхъ одряхлѣвшихъ скупцовъ.*

Неспособность отдѣлаться отъ петербургско-чужеземнаго направленія, въ которомъ все хорошее русское презираемо, а все хорошее иностранное искажено, и эта мнимая постепенность—приводить именно къ тому, чего правительство хочетъ избѣгнуть—къ волненію общественнаго мнѣнія, отъ недоконченности реформъ съ одной стороны, и съ другой стороны отъ полицейско-военныхъ насилій, явно противурѣчащихъ всякой реформѣ. Отъ этого роль Александра II—ставить запросъ, не разрѣшая его во всю полноту постановки, и отъ этого реформа сверху—или доволнуеть до реформы снизу, или должна уступить мѣсто законодательному собранію, выбранному отъ всего края.

Но къ этому заключенію мы еще вернемся....

Теперь начнемъ съ перваго пункта: “Власть судебная отдѣляется отъ исполнительной, административной и законодательной”.†

Это истина, которой несомнѣнность признана вѣками и не подлежитъ спору, потому что ни одно благоустроенное общество не можетъ существовать, не принявъ ее за основаніе. Проведено-ли это основаніе въ положеніяхъ новаго судоустройства—это другой вопросъ. Во всякомъ случаѣ поставить его въ главѣ всѣхъ положеній—было дѣломъ чрезвычайно важнымъ. Во-первыхъ оно сразу указываетъ на то, что должно быть, на то, что разумно; и во-вторыхъ, даетъ мѣрило для всѣхъ уклоповъ “Положеній” отъ собственной теоріи. Правительство, нехотя, вслѣдствіе невозможности противурѣчить основному догмату юридической науки, поставило идеаломъ государственнаго устройства независимость суда отъ управленія, отъ администраціи, отъ правительства. Отнынѣ общественное мнѣніе не успокоится до тѣхъ поръ, пока новое судоустройство на самомъ дѣлѣ не совпадетъ съ этимъ идеаломъ, пока правительство не подчинится имъ самимъ признанному идеалу.

“2. Судебная власть принадлежитъ: мировымъ судамъ и ихъ сѣздамъ, судамъ окружнымъ, судебнымъ палатамъ и правительствующему сенату (въ качествѣ верховнаго кассационнаго суда)”.

* Намъ скажутъ, что у насъ напротивъ того общественное мнѣніе ничего не требуетъ, что правительство всѣ преобразования начинаетъ само; по крайней мѣрѣ это мнѣніе было высказано и доктринаризмомъ централизаціи и его противниками. А на дѣлѣ оно совсѣмъ не такъ. Первую потребность реформы заявило вслухъ 14 Декабря. Вторично вслухъ ее сказалъ Александръ II. Но это заявленіе необходимости реформы, безъ которой государство утонетъ въ собственномъ болотѣ, не значитъ нисколько, что реформа должна проводиться исключительно административно, безъ участія общественной мысли. Какъ скоро Александръ II заявилъ, что и онъ согласенъ на необходимость реформы, общественное мнѣніе заговорило; но правительство заставляетъ его молчать. Доказательствомъ служитъ дѣло тверскихъ мировыхъ посредниковъ, головнинскій ценсурный уставъ и загражденіе всѣхъ журналовъ, кромѣ тѣхъ, которые не представляютъ, хотя-бы и съ разными отгѣнками, одинъ и тотъ-же доктринаризмъ централизаціи. Какъ-же звать чего требуетъ и что требуетъ общественное мнѣніе, когда оно не имѣетъ права высказаться свободно въ печати, а каждое его слово, какъ скоро оно становится официальнымъ поступкомъ, считается за бунтъ и наказывается какъ преступленіе?

† Основныя положенія преобразованія судебной части въ Россіи. Часть первая, ст. 1.

“3. Вѣдомство мирового судьи, сѣздовъ мировыхъ судей, окружнаго суда и судебной палаты опредѣляется особыми округами, при назначеніи конхъ принимается въ соображеніе пространство мѣстностей, количество народонаселенія, число мѣстныхъ судебныхъ дѣлъ и удобствъ путей сообщенія”.

“4. Правительствующій сенатъ, завѣдывающій судебною частію, въ качествѣ верховнаго кассационнаго суда, находится въ Санктпетербургѣ. Вѣдомство его распространяется на всю имперію”.

Мы выписали эти три пункта, потому что они прямо даютъ очеркъ инстанцій и географическаго распредѣленія суда. Тутъ мы не можемъ не пріостановиться и не сдѣлать правительству нѣсколько неизбежныхъ вопросовъ.

1) Кто будетъ распредѣлять округи? Неужели особая коммиссія въ Петербургѣ? По она въ пять лѣтъ не кончитъ дѣла и она не можетъ его хорошо кончить. Она будетъ руководствоваться формальными свѣдѣніями и распредѣлитъ округи произвольно. Нельзя правильно рѣшить вопроса о раздѣленіи мировыхъ участковъ, не спросивъ у волостныхъ и городскихъ сходовъ, безъ различія сословій: оставить-ли участки такъ какъ они образовались изъ мировыхъ посредничествъ по крестьянскому дѣлу, или удобнѣе—такъ какъ уже теперь въ этомъ участвуютъ и государственные крестьяне—соединить совсѣмъ нныя волости въ одинъ участокъ и городъ пріурочить къ одному мировому сѣзду, не смотря на то совпадаетъ-ли округъ сѣзда съ границами уѣзда или пѣтъ? Нельзя правильно означить округъ окружнаго суда и судебной палаты, если не дозволить выборнымъ отъ волостей и городовъ сѣзжаться, хотя-бы въ губернской городъ, для совѣщаній, и вступить въ переговоры съ такими-же сѣздами пограничныхъ губерній, чтобы изъ этихъ совѣщаній выяснились дѣйствительные, народонаселеніямъ потребные судебные центры. Результаты такихъ сходовъ и совѣщаній, представленные на утвержденіе правительства, были-бы прочнѣе и окончились-бы въ одинъ годъ вмѣсто неизвѣстнаго числа лѣтъ, которые коммиссія протрудится, и протрудится неудовлетворительно.

2) На какихъ основаніяхъ коммиссія ставеть распредѣлять округи? Бѣльшее количество народонаселенія на меньшемъ пространствѣ удовлетворится однимъ центромъ, между тѣмъ какъ огромное пространство, съ малымъ населеніемъ, представитъ, при недостаткѣ путей сообщенія, большую неловкость ѣздить съ окраинъ въ центральный судъ на далекое разстояніе. Стало число судебныхъ центровъ будетъ въ обратномъ отношеніи къ народонаселенію? Если руководствоваться однимъ числомъ судебныхъ дѣлъ, то, конечно, ихъ больше тамъ, гдѣ населеніе гуще; но отъ этого лишнихъ судебныхъ центровъ не потребуется. Какже выпутаться изъ этихъ противурѣчій, не спросивъ народонаселеній, которые знаютъ свои потребности? Коммиссія никогда не выпутается иначе, какъ рѣшая произвольно и слѣдственно, на большую половину случаевъ, для населеній неудобно. Потребность мѣстныхъ судовъ, хотя-бы и составленныхъ по заданной программѣ, могутъ рѣшить только мѣстные люди.

3) Почему центральный кассационный судъ—забудемъ на минуту что его зовутъ “Сенатомъ, да еще правительствующимъ,” прилагательное давно утратившее всякій смыслъ—почему центральный кассационный судъ поставленъ въ Петербургѣ, съ крайняго края государства? Не естественнѣе

и ему находиться въ центрѣ Россіи, а не у Финскаго залива? Для судебнаго центра портовой городъ не есть существенная необходимость.

Мы потому такъ долго остановились на географическомъ вопросѣ, что онъ гораздо важнѣе чѣмъ можетъ показаться съ перваго взгляда, и правительство, изъ чувства самохраненія, должно сосредоточить на немъ свое вниманіе. Ксожалѣнію, у людей судится составляетъ насущную потребность и ничто такъ не дразнитъ, какъ мысль, что вотъ устроенъ и хорошій судъ, но до него добратся нельзя или неловко. Комиссія этого вопроса удовлетворительно не разрѣшила.

Теперь перейдемъ къ учрежденію мировыхъ судовъ.

Правительство имѣло передъ собою двѣ дороги, два учрежденія судовъ; надо было рѣшиться на развитіе одного изъ нихъ. Это были мировые посредники и волостные суды. Правительство рѣшилось на первое. Мировые сѣзды оно называетъ учрежденіемъ *коллеціальнымъ*. Почему эта потребность суда коллегіальнаго? Какая мысль проглядываетъ изъ за этого слова? Очевидно—необходимость *суда нѣсколькихъ*, недостаточность суда одиночнаго. Самодержавнымъ правительствомъ, которымъ правосудіе—въ дѣлахъ частнаго спора и личнаго не политическаго проступка и преступленія—придаетъ видъ мудрыхъ правительствъ, обычно искали учреждения *суда нѣсколькихъ* въ коллегіальномъ началѣ; народы, болѣе свободно развивавшіеся, искали его въ *судѣ присяжныхъ*. Въ основаніи обоихъ учрежденій лежитъ одна и таже мысль *суда нѣсколькихъ*. Превосходство присяжныхъ состоитъ, конечно, не въ присягѣ; едва-ли, съ тѣхъ поръ какъ одинъ извѣстный чиповникъ присягалъ на службу, держа правую руку вверхъ съ триперстнымъ знаменіемъ, а лѣвую руку внизъ на отгелъ, чтобы представлять изъ себя проводникъ присяжнаго электричества въ общій резервуаръ чернозема,—едва-ли съ тѣхъ поръ найдется много людей, которые побоятся клятвopреступленія. Превосходство присяжныхъ не въ присягѣ, а въ довѣріи выборнаго начала долею къ лицамъ и долею къ ихъ случайному и потому велицеприятному, безпристрастному отношенію къ подсудному дѣлу; сверхъ того превосходство присяжныхъ въ ихъ собственномъ сознаніи, что они не судятъ по цѣху, а простые граждане, призванные рѣшить дѣло по совѣсти и отвѣчаютъ за свое рѣшеніе не передъ начальствомъ, а передъ общественнымъ судомъ, которому они подлежатъ несравненно больше, чѣмъ судья навсегда или на долго опредѣляемый въ должность; разъ сказавши въ данномъ случаѣ свое судейское рѣшеніе, присяжный возвращается домой простымъ гражданиномъ, котораго—если онъ рѣшилъ облыжно—всякій сосѣдъ укорить, засмѣять, занозорить. Въ присяжномъ соединены условія никогда неумолкаемаго, естественнаго голоса совѣсти—съ дѣйствительнымъ страхомъ передъ общественнымъ мнѣніемъ, и требуется огромный нравственный упадокъ общества, чтобы эти два условія также уходили въ черноземъ какъ и присяга.

Учрежденіе волостныхъ судовъ представляетъ гораздо больше приближенія къ суду присяжныхъ, чѣмъ учрежденіе мировыхъ судовъ. Это опять судъ простыхъ гражданъ, выбранныхъ обществомъ на короткій срокъ и собирающихся поочередно, въ числѣ не менѣе трехъ. Тутъ первоначально устанавливается *судъ нѣсколькихъ*, судъ гласный и страшно отвѣтственный передъ общественнымъ мнѣніемъ своей во-

лости. Развить это учрежденіе не трудно. Стоитъ только судебный округъ установить въ границахъ волостнаго округа, дозволить частнымъ землевладѣльцамъ и земленаемщикамъ участвовать въ выборѣ волостныхъ судей, съ тѣмъ, чтобы треть судей была выбираема всюю волостью изъ частныхъ землевладѣльцевъ и земленаемщиковъ. Городскіе суды учредились-бы на подобныхъ же основаніяхъ, по одному или по нѣсколькимъ судамъ, смотря по величинѣ города. Такимъ образомъ учредился-бы сначала всесловный, а впоследствии безсловный, выборный, волостной и городской судъ для дѣлъ меньшей важности, судъ наиболѣе приближающійся къ суду присяжныхъ, къ суду нѣсколькихъ довѣренныхъ отъ общества и передъ обществомъ невольпо отвѣтственныхъ; а надо замѣтить, что если англійскіе *justices of the peace* въ чемъ хромаютъ, то это въ отсутствіи присяжныхъ и въ защитѣ сословныхъ, а не общихъ интересовъ.

Едва-ли нужно доказывать, что учрежденіе и развитіе волостныхъ судовъ болѣе вытекаетъ изъ элементовъ русской народной жизни, чѣмъ учрежденіе мировыхъ судовъ. Сверхъ того, превосходство волостныхъ судовъ уже заключалось-бы въ томъ, что они были-бы *дѣйствительно* независимы отъ административной и исполнительной власти и не нуждались-бы ни въ утвержденіи первымъ департаментомъ правительствующаго сената, ни въ губернаторской повѣркѣ,* а только въ общественной повѣркѣ и общественномъ выборѣ. Но требуется доказать замѣняютъ-ли предполагаемые нами волостные суды качества мировыхъ судей, которые—и выбираются “всеми сословіями совокупно,” и выбираются изъ людей “имѣющихъ недвижимую собственность, приносящую извѣстный годовой доходъ, и получившихъ образованіе въ высшихъ или среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, или прослужившихъ, преимущественно по судебной части не менѣе трехъ лѣтъ.”†

Кругъ дѣйствій даже теперешнихъ волостныхъ судовъ приблизительно совпадаетъ съ кругомъ дѣйствій мировыхъ судей. Мировой судья, по проступкамъ, приговариваетъ окончательно къ заключенію въ рабочемъ домѣ (на сколько дней не сказано), къ взысканію не свыше 15 рублей и къ аресту до трехъ дней;‡ волостные суды приговариваютъ къ шестидневной общественной работѣ, къ денежному взысканію до трехъ рублей, но къ аресту до семи дней.¶ Мировой судья окончательно рѣшаетъ дѣло по искамъ не свыше 30 рублей;§ волостные суды по искамъ не свыше 100 рублей.|| Тутъ есть колебанія, гдѣ иной разъ власть волостнаго суда шире власти мирового судьи. А между тѣмъ дѣла, касающіяся крестьянъ, которыя поступаютъ къ мировому судѣ, по существу своему будутъ все тѣже, которые поступаютъ въ волостные суды. Разширивъ волостные суды участіемъ въ нихъ землевладѣльцевъ и земленаемщиковъ, объемъ ихъ стапвится совершенно одинаковъ. Разница въ томъ, что въ волостномъ всесловномъ судѣ были-бы представлены равно интересы села или громады и интересы частныхъ землевладѣльцевъ и земленаемщиковъ, между тѣмъ какъ мировой судья, по ценсу недвижимой собственности, представляетъ интересъ только частныхъ землевладѣльцевъ, по не селъ и не землепаемщиковъ (хотя доходъ послѣднихъ можетъ и превышать ценсъ потребный для назначенія мирового судьи).

* Осн. Пол. ст. 13 и 15.

† Осн. Пол. часть I, ст. 13 и 14.

‡ Осн. Пол. часть II, ст. 29 и 30.

¶ Обще Полож. о крестьянахъ, вышед. изъ крѣпостн. завѣс., ст. 102.

§ Осн. Пол. часть III, ст. 3.

|| Обще пол. о крест. ст. 96.

Мы оставляемъ совершенно въ сторонѣ качество “трехлѣтней службы, преимущественно по судебной части.” Гляди прямо на настоящій порядокъ веней—это *преимущественно* плохая рекомендація въ судьи. Владѣтель маленькой недвижимой собственности, прослужившій три года по судебной части, изъ десяти въ девяти случаяхъ, сдѣлался на столько чиновникомъ, что къ добросовѣстному суду не способенъ. Слѣдственно въ расчетъ можетъ входить только образование въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Дѣла, подлежащія мировому разбирательству, требуютъ гораздо больше здравого смысла, чѣмъ учено-юридической казуистики. Слѣдственно, при расширеніи волостныхъ судовъ, выборы судей пали-бы равно на *самыхъ способныхъ* изъ крестьянъ и на *самыхъ способныхъ* изъ землевладѣльцевъ и землепашцевъ.* Въ большей части случаевъ выбранные землевладѣльцы были-бы люди получившіе образование въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Образование, полученное въ учебныхъ заведеніяхъ (о которомъ намъ впоследствии придется говорить больше) вошло-бы въ составъ и волостныхъ судовъ, да еще при чрезвычайно выгодныхъ условіяхъ: оно тутъ имѣло-бы непосредственное, дѣйствительное, громадное вліяніе на распространеніе образованія въ крестьянствѣ; потребность уравниванія сословій посредствомъ общаго всѣмъ образованія—разрослась-бы повсемѣстно отъ вліянія кружка людей, собирающихся на судъ. Крестьянство поднялось-бы въ собственныхъ глазахъ; а это чувство, въ отношеніи къ жаждѣ образованія, играетъ огромную роль.

Наконецъ общее засѣданіе всѣхъ очередныхъ двѣнадцати выборныхъ волостныхъ судей, рѣшающихъ единогласно, изъ которыхъ восемь изъ крестьянъ, и четверо изъ землевладѣльцевъ и землепашцевъ—естественно замѣнили-бы мировой съѣздъ.

Но правительство избрало развитіе мирового посредничества въ мировые суды. Едва-ли это разумно. Сколько-бы мировые суды ни стояли выше у правительственнаго суда исправниковъ, становыхъ и управъ благочинія, но все-же они суды розни сословной, которая не можетъ продержаться, которая, пошатнувшись съ освобожденіемъ крестьянъ отъ помѣщиковъ, станетъ уничтожаться по мѣрѣ освобожденія и тѣхъ и другихъ отъ правительства. Дворянству нельзя быть свободными людьми, пока оно дворянство, пока оно чиновничество, пока оно особо отъ народа; народу нельзя быть свободнымъ пока дворянство представляетъ правительственныхъ чиновниковъ. Общая свобода русскихъ людей въ безсословности. Это все сильнѣе и сильнѣе чувствуется, и—даже помимо залутанности, которую произведетъ приблизительно одинаковый кругъ дѣйствій волостныхъ судовъ и мировыхъ судей—общественное сознаніе будетъ постоянно тянуть къ слитію обоихъ учреждений.

Тѣмъ не меньше мировые суды, такъ какъ они предположены теперь, ставятъ коренной переворотъ въ общественной жизни, хотя еще и не выходятъ изъ формы суда сословнаго. Для *черни* есть свои волостные суды. Мировые суды—суды *дворянскіе* надъ дѣлами гражданскими и уголовными меньшей важности въ извѣстныхъ участкахъ уѣзда.... “Различіе *подсудности* по сословіямъ отмѣняется” (Осн. Пол. часть 11,

* При теперешнемъ положеніи дѣлъ, вѣроятно, много земель будутъ отдаваемы въ наѣмъ, и землепашцы пострадаютъ въ своихъ интересахъ, если судъ будетъ состоять изъ представителей только землевладѣльцевъ.

ст. 17)—но различіе *судоустройства* по сословіямъ остается. “Мировые суды избираются всѣми сословіями въ совокупности, на три года, по особому порядку....” Этотъ порядокъ еще не указанъ. Вѣроятно (кажется это принимается правительствомъ за правило) изъ крестьянъ, въ выборахъ мировыхъ судей, будутъ участвовать только волостные и сельскіе старшины, т. е. лица, на которыхъ правительство смотритъ уже какъ на чиновниковъ. Нельзя не замѣтить, что крестьянство, выбирая себѣ старшинъ для хозяйственно-полицейскихъ распоряженій, еще отнюдь не сказало, что именно имъ-же довѣряетъ судъ, или выборъ своихъ судей; напротивъ того, изъ постановленій волостныхъ судовъ, оно знаетъ, что старшина изъять отъ права участвовать въ судѣ (общ. пол. о крестьян. ст. 104); крестьянство, въ ограниченности выборовъ судей и присяжныхъ, увидитъ противурѣчіе въ правительственномъ законодательствѣ и нарушение теоріи отдѣленія судебной отъ исполнительной части.

Утвержденіе мировыхъ судей первымъ департаментомъ сената (Осн. пол. ст. 13) довольно равнодушно для сената, потому что въ 99 случаяхъ изъ ста онъ будетъ утверждать людей, о которыхъ никогда не слыхивалъ. Но нельзя не обратить особаго вниманія Комиссіи на неясность ст. 15, которая говоритъ, что “Списокъ всѣхъ вообще лицъ, имѣющихъ законныя качества, которыми опредѣляется способность быть мировымъ судьей, *составляется* по каждому судебному округу *отдѣльно* и *повѣряется* губернаторомъ.” Кѣмъ составляется? губернаторомъ-же или кѣмъ другимъ? Изъ выраженія *повѣряется* губернаторомъ логически можно заключить, что составляется не имъ; въ такомъ случаѣ кѣмъ-же? Это для основныхъ положеній судоустройства чрезвычайно важно. Далѣе, можетъ-ли губернаторъ, при повѣркѣ, исключить имена изъ списка, не давая въ томъ отчета избирателямъ? Если можетъ, то онъ исключитъ людей, которые всего больше пользуются общественнымъ довѣріемъ, исключить ихъ изъ за личностей, или по *неблагонадежности*, т. е. какъ людей имѣющихъ вольный образъ мыслей. Общество будетъ вынуждено избирать изъ остальныхъ, чтобъ какъ нибудь да покончить выборъ (*comme un pis aller*). Гдѣ-же тутъ независимость судебной части отъ административной, когда у самаго корня судебного выбора вмѣшивается губернская административная власть? Еслибы этотъ порядокъ и встрѣчался въ какой-нибудь странѣ Европы, то намъ не надо забывать, что изъ Бутурлиныхъ и Лашкаревыхъ и т. п. нельзя создавать себѣ идеальныхъ губернаторовъ; мы очень хорошо знаемъ, что у насъ губернаторы (за однимъ или двумя исключениями) не пользуются никакимъ нравственнымъ довѣріемъ ни отъ правительства, ни отъ общества. А провѣрять списки будутъ *они*, а не идеальные губернаторы. За чѣмъ-же, становясь *выше европейскіхъ учреждений* допущеніемъ мирового суда на выборномъ началѣ, а не по прямому назначенію отъ правительства, за чѣмъ портить это учрежденіе вмѣшательствомъ власти, въ нравственное значеніе которой никто не вѣритъ? У насъ любятъ комиссіи и комитеты: списки могъ-бы провѣрять особый комитетъ выбранный изъ людей составляющихъ списки; тутъ провѣрка имѣетъ мѣсто только относительно ценса, что едва-ли подвержено ошибкѣ. Наконецъ списки могъ-бы никто не провѣрять, потому что сенатъ, куда должны быть отосланы отчеты о людяхъ подъ судомъ и

въ подозрѣніи состоящихъ и изъ службы выключенныхъ,—такого человѣка не утвердить; а это единственная, дѣйствительная причина къ исключенію изъ списковъ.

Что касается до *почетныхъ* мировыхъ судей, мы вовсе не понимаемъ ихъ значенія. Если они будутъ избираемы тамъ, гдѣ число *участковыхъ* мировыхъ судей покажется обществу недостаточнымъ,—это только докажетъ, что правительство назначило недостаточное число мировыхъ участковъ. Но такъ какъ они, *кажется*, будутъ избираемы всюду, то ихъ роль становится еще непонятнѣе. Иногда они являются въ видѣ *кандидатовъ* участковыхъ мировыхъ судей, для замѣны ихъ на время отсутствія и болѣзни (ст. 29); иногда они являются *конкурентами* участковыхъ мировыхъ судей; тяжущіеся или обвиненные въ маловажномъ преступленіи могутъ идти на судъ къ почетному, вмѣсто участковаго судьи, если обѣ стороны на то согласны. Это подрывъ уваженія къ участковому судѣ, или конкуренція суда (ст. 16). Почетные судьи предполагаются изъ очень богатыхъ дворянъ или землевладѣльцевъ; это видно изъ того, что имъ не дается ни жалованья, ни прогоновъ. Изобрѣтены-ли они въ угоду боярству? Или для того чтобъ увеличить число лицъ міроваго сѣзда?*

Какая мысль лежитъ въ созданіи міроваго сѣзда въ качествѣ 2-й инстанціи міроваго суда? Почему дѣло не прямо поступаетъ по аппелляціи отъ міроваго судьи въ окружной судъ? Мы совсѣмъ не враждебно задаемъ этотъ вопросъ; намъ хочется уяснить самимъ себѣ, что руководило комиссію въ учрежденіи этой инстанціи? Власть ея огромна. Міровой сѣздъ по уголовнымъ дѣламъ приговариваетъ окончательно къ денежному взысканію въ 300 рублей и къ трехмѣсячному аресту. Это хотя-бы любой первой окружной инстанціи въ пору; а между тѣмъ міровой сѣздъ вершитъ дѣло безъ присяжныхъ засѣдателей. Если взять въ расчетъ, что въ уѣздѣ будетъ до десяти мировыхъ судей, изъ которыхъ каждый окончательно приговариваетъ къ взысканію до 15 рублей и къ аресту до трехъ дней, то все-же коллегіальная власть міроваго сѣзда не должна бы превышать 150 рублей взысканія и 30 дней ареста. И это уже огромно по преступленіямъ меньшей важности. По англійскому закону міровой судья приговариваетъ только къ 5 фунт. стерлинговъ (около 35 руб.) взысканія и къ одномѣсячному заключенію въ тюрьмѣ; а по французскому кодексу только къ 15 франкамъ и къ пяти-дневному аресту (Code d'instr. crim. Liv. 11, s. 157), и то дается право аппелляціи, если есть арестъ и если сумма взысканія превышаетъ 5 франковъ (Idem. s. 172). А 2ая мировой инстанціи ни тутъ, ни тамъ нѣтъ.

Въ гражданскихъ дѣлахъ міровой сѣздъ вершитъ окончательно дѣла въ 500 рублей.

Очевидно міровой сѣздъ, который комиссія взяла изъ сѣзда мировыхъ посредниковъ, служить какимъ-то звеномъ между мировымъ судьей и первой инстанціей. Учрежденіе единоличныхъ мировыхъ судей порядкомъ списано съ французскаго кодекса. Въ гражданскомъ искѣ оно бросается въ глаза. Міровой судья окончательно судитъ до 30 рублей; juge de paix до 100 франковъ. Съ аппелляціей juge de paix судитъ до суммы, присуждаемой въ первой

* Ст. 21. "Мировые судьи каждаго міроваго округа, какъ участковые, такъ и почетные, собираются въ назначенные сроки, въ сѣздъ мировыхъ судей, для окончательнаго рѣшенія дѣлъ, подлежащихъ мировому разбирательству."

инстанціи; міровой судья до суммы, присуждаемой мировымъ сѣздомъ. Сумма, присуждаемая судомъ первой инстанціи — 1,500 франковъ, сумма присуждаемая мировымъ сѣздомъ — 500 руб. сер. Міровой сѣздъ захватываетъ, сравнительно съ французскимъ кодексомъ, дѣла суда первой инстанціи (окружнаго суда); но французскій кодексъ понялъ глубже значеніе единоличнаго міроваго судьи: онъ предоставляетъ ему, сверхъ того, судить, съ правомъ аппелляціи, дѣло безъ ограниченія цѣнности (Loi sur les justices de paix 25 Mai 1858, s. 3), такимъ образомъ давая тяжущимся возможность удовлетвориться мировымъ судомъ, если они дальше тягаться не находятъ разсчета. Между тѣмъ міровой сѣздъ не есть аппелляціонный судъ, который одна сторона проводить по желанію,—а судъ обязательный, безъ желанія тяжущихся, и до 500 рублей (какъ явствуетъ изъ Осн. пол. част. III, ст. I) *окончательный*. Едва-ли тяжущіеся не напали-бы больше справедливости въ судъ единоличнаго міроваго судьи съ правомъ аппелляціи въ послѣдующія инстанціи.

Въ уголовныхъ дѣлахъ міровой сѣздъ, судя по цѣнности взысканія и продолжительности ареста, какъ будто долженъ замѣнить коллегіальной формой суда нѣсколькихъ — судъ съ присяжными засѣдателями въ преступленіяхъ уже не совсѣмъ маловажныхъ. Но замѣняетъ-ли по своему значенію? Это вопросъ, весьма сомнительный. Во-первыхъ онъ все-же судъ землевладѣльцевъ; во-вторыхъ онъ судъ судей выбранныхъ на продолжительный срокъ, а не простой судъ гражданъ, довѣренныхъ отъ общества сказать свое рѣшеніе въ одномъ данномъ случаѣ. А между тѣмъ кругъ дѣйствій міроваго сѣзда даетъ средство судить, *безъ присяжныхъ засѣдателей*, дѣла, которые по существу своему *не должны обойтись безъ нихъ*.

Какъ-бы то ни было судебная реформа ставитъ на ноги безконечное число другихъ вопросовъ, какъ то: Можно-ли оставить назначеніе сенаторовъ изъ всѣхъ сослѣдствъ штатскихъ и военныхъ неспособностей, по прежнему? Можно-ли обойтись безъ уничтоженія чиновъ? — Можно-ли сохранить головинской цензурный уставъ? — Можно-ли.... да можно-ли наконецъ обойтись безъ законодательнаго собранія, безъ Земскаго Собора?

Но мы еще къ этимъ вопросамъ придемъ въ послѣдствіи.

II. Огаревъ

(Продолженіе вѣдь).

ОБЪ ОПРЕДѢЛЕНІИ ВЪ УЧЕБНЫЯ ВОЙСКА

СЫНОВЕЙ ОБЕГЪ-ОФИЦЕРОВЪ И ЧИНОВНИКОВЪ,

НЕВЫСЛУЖИВШИХЪ ПРАВЪ ПОТОМСТВЕННАГО ДВОРЯНСТВА.

Февраля 26го 1853, императору Николаю было нечего дѣлать, онъ взялъ листъ почтовой бумаги и написалъ собственноручно карандашомъ, слѣдующую безсмыслицу:

указъ севату.

Признавая праздность началомъ всѣхъ пороковъ и дурныхъ побужденій, обратили мы особое вниманіе на положеніе дѣтей чиновниковъ, недослужившихся до правъ дворянства. Число ихъ, безпрестанно увеличиваясь, образуетъ разрядъ среди другихъ сословій, неимѣющихъ ни обязанностей, ни опредѣленной цѣли въ общественномъ быту. За малымъ

исключеніемъ тѣхъ, которые находятъ возможность поступить на свободныя мѣста по присутственнымъ мѣстамъ, прочіе остаются праздными, не неся постоянныхъ обязанностей, не имѣя никакихъ законныхъ способовъ къ существованію и тѣмъ обременяя свои семейства.

Потому повелѣваемъ :

1. Всѣхъ дѣтей чиновниковъ не изъ дворянъ, достигающихъ 16-ти лѣтній возрастъ, обращать на службу въ учеб. карабинер. полки, учеб. кавал. эскадронъ, учеб. артил. бригаду, учеб. сапер. бат. и учеб. морской экипажъ, по распоряженію инспектор. департ.

2. Поступивъ въ сіи учрежденія, дѣти сіи сохраняютъ личныя права, по своему происхожденію, до поступленія на дѣйствительную службу въ армию и во флотъ.

3. Поступивъ же въ армию или во флотъ унтеръ-офицерами, по правиламъ учебныхъ учреждений, въ коихъ состояли, съ той поры подвергаются они службѣ на общемъ основаніи и прослужа 12 лѣтъ унтеръ-офицерами, могутъ по экзамену быть производимы въ офицеры, или ежели его не выдержать, по произволу продолжать службу, или быть увольняемы отъ оной, съ чиномъ 14 класса.

Правит. сенатъ, по сношеніи съ военнымъ министерствомъ, приведетъ мѣру сию въ немедленное исполненіе.

— На эту тему 2-го Апрѣля 1853 г., явилась слѣдующая варіація :

указъ правительствующему сенату.

Признавая праздность началомъ всѣхъ пороковъ и дурныхъ побужденій, мы обратили особое наше вниманіе на дѣтей тѣхъ чиновниковъ, которые недослужили до правъ потомственного дворянства. Число ихъ безпрестанно увеличиваясь, образуетъ разрядъ, среди другихъ сословій, неимѣющій ни обязанностей, ни определенной цѣли въ общественномъ бытѣ. За малымъ исключеніемъ тѣхъ, которые или добровольно опредѣляются въ военную службу, или находятъ возможность поступить на службу въ гражданскіе присутственныя мѣста, прочіе остаются праздными, не неся постоянныхъ обязанностей, не имѣя болѣею частию законныхъ способовъ къ существованію и обременяя собою свои семейства.

Поэтому повелѣваемъ :

1. Сыновей военныхъ оберъ-офицеровъ и вообще чиновниковъ, получившихъ на службѣ личное дворянство и личное по чинамъ почетное гражданство, но не дослужившихъ до правъ потомственного дворянства, если до 18-ти лѣтняго возраста не поступятъ въ тѣ учебныя заведенія, въ которыя по существующимъ правиламъ они принимаются, или не поступятъ добровольно въ службу на основаніи правъ, ихъ происхожденію предоставленныхъ, — опредѣлять по достиженіи 18 лѣтъ въ учебныя войска, съ изытіемъ тѣхъ изъ нихъ, которые одержимы болѣзнями и тѣлесными недостатками, препятствующими строевой службѣ.

2. Правило это распространить и на тѣхъ сыновей означенныхъ оберъ-офицеровъ и чиновниковъ, которые при выпускѣ изъ казенныхъ учебныхъ заведеній не приобрѣтутъ правъ, предоставленныхъ обучающимся въ сихъ заведеніяхъ, для поступленія въ службу гражданскую и другихъ вѣдомствъ, или хотя и приобрѣтутъ эти права, но не поступятъ на службу въ теченіи одного года со дня выпуска. Первыхъ опредѣлять

въ учебныя войска неотлагательно по выпускѣ изъ заведеній, а послѣднихъ по прошествіи одного года со дня выпуска, если при томъ они достигли 18-ти лѣтняго возраста; и

3. Порядокъ опредѣленія сыновей оберъ-офицеровъ и чиновниковъ въ учебныя войска, распределенія ихъ по симъ войскамъ, выпускъ изъ оныхъ на дѣйствительную службу въ армию и во флотъ, а также сохраненія на дѣйствительной службѣ правъ, по происхожденію имъ законами присвоенныхъ, установить на основаніи правилъ особаго положенія, по нашимъ указаніямъ составленнаго.

Препровождая при семъ это положеніе правительствующему сенату, повелѣваемъ привести оное въ исполненіе.

На подлинномъ собственною е. и. в. рукою написано :

Николай.

Въ С.-Петербургѣ, 2-го Апрѣля, 1853 года.

1) Проектъ первоначальнаго указа былъ исправленъ два раза собственноручно государемъ, и комитетомъ министровъ (7-го Апрѣля 1853 г., №. 512).

2) Высочайше утвержденное 2-го Апрѣля, 1853 г. Положеніе объ опредѣленіи въ учебныя войска сыновей военныхъ оберъ-офицеровъ и вообще чиновниковъ, недослужившихъ до правъ потомственного дворянства опубликовано въ "Сенатскихъ вѣдомостяхъ," 14-го Апрѣля, 1853 г., №. 30, (Сенатскій указъ объявленъ 10-го Апрѣля, 1853 г.) и въ приказѣ по военному вѣдомству 16-го Апрѣля, 1853 г., №. 26.

За тѣмъ Остзейскій военный генералъ-губернаторъ въ рапортѣ отъ 30 Декабря 1855 года, за №. 4901, о состояніи вѣрннаго ему края, написалъ слѣдующее :

"Въ Прибалтійскомъ краѣ пагубное стѣсненіе заключается въ послѣдствіяхъ исполненія даднаго правительствующему сенату, 2 Апрѣля 1853 года именнаго указа, объ опредѣленіи въ учебныя войска достигшихъ 18-лѣтняго возраста сыновей не выслужившихъ правъ потомственного дворянства оберъ-офицеровъ и чиновниковъ.

"Усмотрѣвъ изъ возникшихъ при исполненіи приведеннаго узаконенія сомнѣній, что въ случаѣ принатія его въ буквальный смыслъ, со временемъ можетъ оказаться недостатокъ въ адвокатахъ, частныхъ учителяхъ, аптекаряхъ, врачахъ и даже проповѣдникахъ, я счелъ нужнымъ передать этотъ вопросъ министру в. д., который сообщилъ мнѣ основанный на предварительномъ сношеніи съ военнымъ министромъ отзывъ, приводящій къ нужному заключенію, что сыновья невыслужившихъ правъ потомственного дворянства оберъ-офицеровъ и чиновниковъ, не имѣя права избирать ни земледѣльческое, ни ремесленное, ни купеческое, ни художническое, ни ученое знаніе, безусловно должны поступать въ гражданскую или военную службу, и что за тѣмъ, изъ числа сыновей вышеозначенныхъ лицъ, слѣдуетъ отдавать въ учебныя войска всѣхъ, достигшихъ 18 лѣтняго возраста и не имѣющихъ еще 25 лѣтъ отъ роду адвокатовъ, частныхъ учителей, частныхъ аптекарей и ихъ учениковъ, медиковъ и кандидатовъ богословія".

— Далѣе Суворовъ приводитъ подлинникомъ, торжественное начало николаевского указа :

"Признавая праздность началомъ всѣхъ пороковъ и дурныхъ побужденій, мы обратили особенное наше вниманіе на дѣтей тѣхъ чиновниковъ, которые не дослужили до правъ потомственного дворянства. Число ихъ безпрестанно увеличиваясь, образуетъ среди другихъ сословій разрядъ, неимѣющій ни обязанностей, ни определенной въ общественномъ быту цѣли. За малымъ исключеніемъ тѣхъ, которые или добровольно опредѣляются въ военную службу, или находятъ возможность поступить на службу къ гражданскимъ присутственнымъ мѣстамъ, прочіе остаются праздными, не неся постоянныхъ обязанностей, не имѣя болѣею частию законныхъ способовъ къ существованію и обременяя собою свои семейства."

[Въ подлинномъ рапортѣ, на этомъ мѣстѣ написано собственноручная его императорскаго величества резолюція: "На чемъ основано подобное странное толкованіе?"]

"Очевидная, благодѣтельная цѣль этого узаконенія (продолжаетъ Суворовъ) заключающа въ доставленіи молодымъ людямъ честныхъ и полезныхъ занятій и въ освобожденіи общества отъ праздныхъ и порочныхъ, легко можетъ быть достигнута обязаніемъ къ государственной службѣ или опредѣленіемъ, въ противномъ случаѣ, въ учебныя войска тѣхъ изъ сыновей личныхъ дворянъ, которые, не окончивъ курса наукъ въ учебныя заведенія, или не получивъ другимъ способомъ земледѣльческаго, ремесленного, торговаго, художническаго или ученаго образования, не изберутъ до истеченія года послѣ оставленія ими заведенія или лица, въ которомъ или у котораго обучились, опредѣленнаго рода жизни и занятія, или не поступятъ въ государственную службу до достиженія 18 лѣтняго возраста, и дѣйствительно сдѣлаются чрезъ это вредными для общества и обременительными для своихъ семействъ."

"Между тѣмъ министры в. и в. д., обусловивъ вышеизложеннымъ образомъ отдачу въ учебныя войска молодыхъ людей, заставляютъ предполагать невозможное со стороны правительства намѣреніе лишать государство, въ лицѣ земледѣльцевъ, ремесленниковъ, ученыхъ и самыхъ проповѣдниковъ, необходимѣйшихъ и полезнѣйшихъ членовъ образованнаго общества, и отнять у дѣтей, получившихъ личное дворянство, какъ награду за службу царю и отечеству, оберъ-офицеровъ и чиновниковъ, право произвольнаго избранія рода жизни и занятій, *то есть преимущество, предоставленное послѣднему изъ подданныхъ вашего императорскаго величества.*"

"Недопуская сомнѣнія въ совершенной неправильности толкованія министерствами именнаго указа, не смѣю допустить мысли, чтобы оно было согласно съ предначертаніями незабвеннаго государя и съ высоч. волею вашего императорскаго величества".

[На подлинномъ рапортѣ начертана собственноручная е. и. в. резолюція: "Министръ в. д. представить мнѣ по этому объясненіе."]

М. В. Д.
Департаментъ общихъ дѣлъ. Отдѣленіе I е.
Столъ II-й.
5 Апрѣля 1856 г.
№ 955.
Относительно опредѣленія въ учебныя войска сыновей оберъ-офицеровъ и чиновниковъ, не выслужившихъ правъ потомственнаго дворянства.
Изложеніе дѣла. Выпискою изъ журнала Комитета гг. министровъ 24го минувшаго Января, объявлено мнѣ, что по всеподданнѣйшему рапорту Рижскаго военнаго, Лифляндскаго, Эстляндскаго и Курляндскаго генераль-губернатора, заключающему въ себѣ краткій обзоръ состоянія Прибалтійскаго Края и дѣйствій въ ономъ различныхъ управленій, послѣдовали высочайшія его императорскаго величества резолюціи, въ томъ числѣ по статьѣ: "О послѣдствіяхъ исполненія высочайшаго указа на счетъ опредѣленія въ учебныя войска достигшихъ 18^{ти} лѣтняго возраста сыновей, не выслужившихъ правъ потомственнаго дворянства, оберъ-офицеровъ и чиновниковъ, а также не имѣющихъ 25 лѣтъ отъ роду адвокатовъ, частныхъ учителей, частныхъ аптекарей и ихъ учениковъ, медиковъ и кандидатовъ богословія, послѣдовала высочайшая резолюція: "на чемъ основано подобное странное толкованіе?"

Изъ дѣлъ ввѣреннаго мнѣ министерства оказывается: "именнымъ его имп. велич. указомъ, даннымъ правительствующему сенату въ 2ой день Апрѣля 1853 года, между прочимъ повелѣно: "сыновей военныхъ оберъ-офицеровъ и вообще чиновниковъ, не дослужившихъ до правъ потомственнаго дворянства, опредѣлять по достиженію 18-лѣтняго возраста въ учебныя войска."

Генераль-губернаторъ Остзейскихъ губерній отъ 4 Августа 1853 года, за №. 3,343, представлялъ, что при исполненіи

означеннаго выс. повелѣнія возникъ слѣдующій вопросъ: подлежатъ-ли дѣйствию означеннаго выс. повелѣнія тѣ изъ сыновей не дослужившихъ до правъ потомственнаго дворянства оберъ-офицеровъ и чиновниковъ, которые, кончивъ курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ по факультетамъ: юридическому, медицинскому, богословскому и филологическому, занимаются вольною практикою по своей части, не поступая на службу? Къ сему генераль-адъютантъ князь Суворовъ тогда-же присовокупилъ, что такъ какъ изъясненное выс. повелѣніе, относится собственно до тѣхъ молодыхъ людей, которые остаются праздными, а всѣ выше поименованныя лица имѣютъ опредѣленные занятія, то онъ съ своей стороны полагалъ-бы, что эти молодые люди должны быть изъяты отъ назначенія въ учебныя войска, тѣмъ болѣе, что въ противномъ случаѣ можетъ оказаться недостатокъ въ адвокатахъ, аптекаряхъ, учителяхъ и т. п.

Бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ, принимая во вниманіе, что соображенія и обстоятельства, подавшія поводъ къ изданію выс. указа 2го Апрѣля 1853 года, не были въ виду сего министерства и что исполненіе заключающагося въ немъ повелѣнія о молодыхъ людяхъ, поступающихъ въ учебныя войска, относится непосредственно къ предметамъ военнаго министерства, считая себя не въ правѣ входить въ разбирательство и истолкованіе возбужденнаго генераль-губернаторомъ княземъ Суворовымъ вопроса и потому сообщилъ оный на усмотрѣніе военнаго министра.

Генераль-адъютантъ князь Долгоруковъ съ своей стороны отозвался, что по точному смыслу выс. утвержденія, во 2 день Апрѣля 1853 года, изданнаго при вышеозначенномъ указѣ положенія, отъ поступленія въ учебныя войска изъяты только молодые люди, одержимые болѣзнями или тѣлесными недостатками, препятствующими строевой службѣ, и что за тѣмъ, прочіе сыновья оберъ-офицеровъ и помянутыхъ чиновниковъ, никакъ не могутъ подлежать этому изыятію и не имѣютъ права избирать себѣ другаго званія, кромѣ указаннаго означеннымъ закономъ.

О такомъ отзывѣ г. военнаго министра, бывшій министръ в. д. тогда-же сообщилъ генераль-адъютанту князю Суворову.

Заключеніе министра внутреннихъ дѣлъ. — Доводя о такомъ положеніи и ходѣ дѣла, до свѣденія комитета гг. министровъ, имѣю честь съ своей стороны изъяснить, что вникая ближайшимъ образомъ въ обстоятельства, побудившія къ изданію выс. указа, 2 Апрѣля 1853 года и убѣждаясь, что правительство имѣло при этомъ единственною цѣлю отстранить молодыхъ людей отъ вредной праздности и привлечь ихъ къ полезному для общества труду, я нахожу, что сохраняя правило объ опредѣленіи въ военную службу достигшихъ 18-лѣтняго возраста сыновей офицеровъ и чиновниковъ, не имѣющихъ правъ потомственнаго дворянства, отнюдь не слѣдуетъ однакоже *останавливать ихъ отъ избранія другихъ званій, съ которыми сопряжены полезныя въ гражданскомъ быту занятія и должности.* Согласно съ симъ, я полагалъ-бы тѣхъ изъ сыновей означенныхъ выше лицъ, которые, окончивъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, курсы наукъ по одному изъ факультетовъ, занимаются полезнымъ, хотя и неофициальнымъ трудомъ, отправляя обязанности адвокатовъ, частныхъ учителей, частныхъ аптекарей и ихъ учениковъ, медиковъ и кандидатовъ богословія, освобождать отъ обязанности поступать въ военную службу и не считать ихъ подлежащими дѣйствию выше приведеннаго указа, съ тѣмъ однакоже, чтобы они по окончаніи своего образованія и по дѣйствительномъ вступленіи въ отправленіи вышеизложенныхъ частныхъ обязанностей, представляли надлежащее о томъ удостовѣреніе высшему мѣстному начальству.

Подписалъ: министръ в. д. С. Ланской,

Скрѣпилъ директоръ Гвоздевъ.

(продолженіе впродъ.)

ОБЩІЙ ФОНДЪ

Съ 1 Ноября въ общій фондъ получено изъ Италіи 8 фунтовъ и 100 франковъ. Сверхъ того съ особымъ назначеніемъ изъ Германіи 131 фран. по векселю и 20 франковъ. При этомъ не мѣшаетъ сказать нѣсколько словъ. Первая присылка денегъ началась съ половины Мая, до половины Ноября, мы получили въ общій фондъ 163 фунта 1 шиллинга, изъ нихъ изстратили 90 фунтовъ, (30 въ томъ числѣ даны займообразно) и такъ у насъ остается 73 фун. 1 шиллинга.

Теперь мы спрашиваемъ друзей нашихъ, преимущественно тѣхъ, которые просили насъ объ учрежденіи общаго фонда, назначаемого для русской пропаганды и для вспомошествованія русскимъ пострадавшимъ отъ политическихъ гоненій: можемъ-ли мы что-нибудь дѣлать съ такими скромными средствами?

— *Варшавскіе приговоры.*—*Высочайшая конфирмація по военно-судному дѣлу.* Проживавшіе въ городѣ Житомирѣ дворяне: волынской губерніи—Мартынъ-Феодоръ Павловъ Еловицкій, Каменецъ-Подольской губерніи—Витольдъ и Адамъ Вильгельмовы Славосшевскіе и Лука Брунонъ Ивановъ Галайковскій, и Царства Польскаго—Эдуардъ Ивановъ-Северинъ Жулинскій, по произведенному надъ ними военному суду по полемому уголовному уложенію, оказались виновными:

Мартынъ Еловицкій—въ личномъ приготовленіи и поставленіи въ Житомирѣ, ночью 20-го сентября 1861 года, креста съ возмутительною надписью, въ участіи въ демонстраціи 21-го сентября и подстрекательствѣ женщинъ къ требованію выдачи изъ полиціи креста; въ неоднократномъ пѣніи въ костелахъ противоправительственныхъ гимновъ и въ оскорбленіи бранью караульнаго офицера.

Витольдъ и Адамъ Славосшевскіе въ участіи въ поставленіи въ Житомирѣ, ночью 20-го сентября, креста съ возмутительною цѣнкою, въ пѣніи въ костелахъ противоправительственныхъ гимновъ, въ участіи съ другими преступниками, въ февралѣ и мартѣ 1862 года, во время содержанія подъ арестомъ, въ разныхъ своевольныхъ и буйственныхъ поступкахъ, сопряженныхъ съ открытымъ неповиновеніемъ противъ начальства, сопротивленіемъ караулу и нанесеніемъ побоевъ караульнымъ нижнимъ чинамъ; сверхъ того, Витольдъ Славосшевскій—въ участіи въ демонстраціи, происходившей въ Житомирѣ, 21-го сентября 1861 года и подстрекательствѣ женщинъ къ требованію выдачи креста; въ подговорѣ другихъ лицъ къ пѣнію противоправительственныхъ гимновъ и въ передачѣ двухъ гимновъ одному мѣщанину.

Лука Брунонъ Галайковскій и Эдуардъ Жулинскій—въ участіи съ подсудимыми Славосшевскими и другими арестантами въ буйствѣ во время содержанія подъ арестомъ; въ побѣгѣ 27-го іюня сего года изъ-подъ ареста, а Жулинскій, сверхъ того, въ участіи въ демонстраціи, происходившей въ Житомирѣ 21-го сентября и въ пѣніи въ костелахъ воспрещенныхъ гимновъ.

Высочайшею его императорскаго величества конфирмаціею, послѣдовавшею 6-го сентября сего года на всеподаннейшемъ докладѣ генералъ-аудиторіата, повелѣно: изъ означенныхъ подсудимыхъ, Мартына Еловицкаго, по лишеніи дворянскаго достоинства и всѣхъ правъ состоянія, сослать въ Сибирь на поселеніе, Витольда и Адама Славосшевскихъ

лишить обоихъ дворянскаго достоинства и опредѣлить въ военную службу рядовыми; Эдуарда же Жулинскаго и Луку Брунона Галайковскаго, падающихся въ побѣгѣ, лишить обоихъ дворянскаго достоинства и всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжную работу въ рудникахъ на двѣнадцать лѣтъ, каковой приговоръ исполнить надъ ними по поимкѣ, или по явкѣ ихъ изъ побѣга.

— *Изъ Варшавы.* “Гвардіи оказываютъ страшное предпочтеніе, о ней заботятся какъ богъ знаетъ о чемъ; офицеръ въ гвардіи, который не имѣетъ казенной квартиры получаетъ квартирныхъ денегъ 30 р. с. въ мѣсяцъ, а армейской около 6 р. Въ Варшавѣ, кромѣ гвардіи, есть по одному баталіону отъ каждаго армейскаго полка. Рамзай говорилъ имъ слѣдующую рѣчь: “Я исходатайствовалъ у великаго князя то, что вы будете нести службу наравнѣ съ гвардіей и надѣюсь, что вы будете исполнять ее такъ какъ и гвардія”. Константинъ Николаевичъ ѣздилъ встрѣчать на станцію желѣзной дороги гвардію, съ Велопольскимъ и разными сановниками. В. К. встрѣтилъ офицеровъ привѣтствіемъ, въ которомъ изъявилъ свою надежду, что “гвардейскіе офицеры—не то что армейскіе—останутся чистыми отъ вліянія политической заразы свирѣпствующей въ Польшѣ.”

— Кстати правда-ли, что Константинъ Николаевичъ положилъ резолюцію на просьбу майора Миклашевскаго, разбитаго параличемъ, объ опредѣленіи дѣтей въ казенное заведеніе—“Не мое дѣло”?

— *СЪ КѢМЪ ВОЙНА?* Чувствительный корреспондентъ *Русскаго Инвалида*, рассказывая о своихъ *сенсаціяхъ* при отпавкѣ гвардейскаго полка въ Варшаву, заключаетъ Салваторъ-Розовскую картину слѣдующими словами:

“Свистокъ—и поѣздъ, напутствуемый благословеніями, тихо тронулся. Прошло нѣсколько секундъ, но мы всѣ, какъ-бы подъ вліяніемъ какого-то магическаго впечатлѣнія, стояли молча и неподвижно. Благослови васъ Богъ, товарищи и братья! Укрѣпи ваше мужество и стойкость! произнесли мы грустно, взглянувъ въ туманную даль, скрывающую отъ насъ этихъ молодцовъ, съ такой изумительною твердостью и готовностію, оставившихъ, быть можетъ, навсегда, все родное и близкое сердцу, по одному призыву своего государя.”

— *Терроръ по губерніямъ и новый способъ лечитъ отъ чахотки.*—Мѣсяца два тому назадъ отставной подпоручикъ Щелканъ, безъ всякаго слѣдствія и суда, сосланъ на жительство изъ Полтавы въ Астрахань. При этомъ очень замѣчательно то, что та-же врачебная управа, которая два мѣсяца назадъ свидѣтельствуя его для отставки, нашла у него чахотку въ полномъ развитіи, теперь, свидѣтельствуя его по поводу отъѣзда его, что онъ до Астрахани живой не доѣдетъ, нашла, что чахотка къ счастью миновала и обратилась въ простой кашель. Свидѣтельствовали доктора: Калиновскій и Величко. Инспекторъ управы, бывшій въ отлучкѣ пришелъ въ удивленіе отъ быстрого излеченія болѣзни. Щелканъ взялъ свидѣтельство отъ пяти докторовъ, послѣдовательно лѣчившихъ его: Бобровскаго, Бородена, Цитовича, Клередера и Зеленскаго, и препроводилъ его къ министру внутреннихъ дѣлъ. По вѣроятію консультаціи Валуева, его все-таки повезли въ Астрахань.

— Печатаются: *ЗАПИСКИ ДЕКАБРИСТОВЪ.*

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи, 136 & 138 Caledonian Road, London, N.

КОЛОКОЛЪ

VIVOS VOCO!

Выходить еженедѣльно въ Лондонѣ.
Получается въ Вольной Русской Типо-
графіи—136 & 138, Caledonian Road, N.
Цѣна 1 шил., съ шестымъ номеромъ
—ОБЩЕЕ БѢЧЕ.

ЛИСТЪ 151.

1 ДЕКАБРЯ 1862.

(WITH SUPPLEMENT VETCHÉ No. 6).

У Трибнера & Со. въ книжной лавкѣ,
60, Paternoster Row, и у Tchorzewski,
1, Macclesfield Street, (Gerrard Street),
Soho, London. Price One shilling, with
Supplement: VETCHÉ No. 6.

ОГЛАВЛЕНІЕ.—Офицерамъ русскихъ войскъ отъ комитета русскихъ офицеровъ въ Польшѣ—Подтасованный наворотъ—Разборъ основныхъ
положеній преобразования судебной части въ Россіи—Объ сыновьяхъ обиръ-офицеровъ и чиновниковъ (Окончаніе)—Раненыя офицеры.
Смѣсь: Письмо г. Н. Новицкаго—Потиря сотрудника—Изъ Москвы—Приказы—Взысканіе—Сентенція—Макухинъ.

ОФИЦЕРАМЪ РУССКИХЪ ВОЙСКЪ ОТЪ КОМИТЕТА РУССКИХЪ ОФИЦЕРОВЪ ВЪ ПОЛЬШѢ.*

Товарищи—по всемъ корпусамъ, полкамъ и баттареймъ,
арміи и гвардіи, внутренней стражѣ и казачеству,
академіи и штабу!

Наше положеніе исключительно. Правительство распоря-
жается въ польскихъ городахъ такъ, что народъ долженъ
потерять всякое терпѣніе и возстать, даже не рассчитывая—
будетъ удача или нѣтъ. Обстоятельства все ближе и ближе
подводятъ къ минутѣ, когда намъ придется быть палачами
Польши, или пристать къ ея возстанію.

Мы не хотимъ быть палачами.

Еслибъ мы были одни, мы бы сложили оружіе и удалились.
Но за нами солдаты. И они не хотятъ быть палачами.
Заставить цѣлые полки сложить оружіе, не приставая ни къ
той ни къ другой сторонѣ, нѣтъ человѣческой возможности.
Вы видите, что для насъ выбора нѣтъ: мы примкнемъ къ
дѣлу свободы. Мы заявимъ, что русскій народъ воздвигаетъ
знамя освобожденія, а не порабожденія славянскихъ племенъ.
Мы не опозоримъ русскаго имени продолженіемъ грѣховъ
петербургскаго императорства; лучше надемъ жертвою очи-
щенія, жертвою искупленія.

Центральный Варшавскій Комитетъ, стоящій нынѣ во главѣ
польскаго движенія, заявилъ намъ, что его цѣль—надѣленіе
всѣхъ польскихъ крестьянъ землею, уравниеніе всѣхъ правъ и
уничтоженіе сословной розни; независимость Польши отъ
петербургскаго и другихъ нѣмецкихъ правительствъ, и при-
знаніе за всѣми областями, соединенными съ Польшей воспо-
минаніями прошедшаго, права располагать собою—помимо
всѣхъ государственныхъ какъ польскихъ, такъ и русскихъ
соображеній. Только на этихъ основаніяхъ, мы и наши
солдаты готовы примкнуть къ польскому возстанію, потому
что тѣже основанія и нашей русской свободы...

* Мы получили этотъ адресъ при слѣдующемъ письмѣ: "М. Г.—Вы
напечатали нашъ адресъ Константину Николаевичу; благодаримъ Васъ. Мы
не ждали никакихъ результатовъ отъ этого адреса, мы его писали для очистки
совѣсти. Результатовъ никакихъ и не было. Правительство въ Польшѣ посту-
паетъ сегодня такъ какъ и вчера. Теперь мы просимъ Васъ помѣстить въ
“Колоколъ” нашъ адресъ русскимъ офицерамъ; мы хотимъ, чтобъ войска
знали наше положеніе и наши убѣжденія. Этотъ адресъ мы писали уже не
для очистки совѣсти, а потому что въ успѣхъ его мы имѣемъ вѣру несокруши-
мую.—6 Ноября 1862 года. Варшава.”—Письмо это подписано.—Ред.

Годъ VII.

Въ виду грозы, мы рѣшились собраться въ комитетъ, чтобы
единодушно взѣсить всѣ обстоятельства и уяснить свой путь.
Мы употребимъ всѣ усилія, чтобъ устранить ненужныя
бѣдствія. Но время дорого.

Правительство дѣйствуетъ въ Россіи не лучше чѣмъ въ
Польшѣ. Послѣ крымской войны, побитое, оно увидѣло,
что дольше нельзя держаться на гнилыхъ сваяхъ петербург-
скаго канцелярства и тайной полиціи. Оно начало преобра-
зовывать—съ ложнымъ видомъ искренности, но съ дѣйстви-
тельнымъ желаніемъ не дѣлать никакихъ уступокъ.

Отсюда вышли:

Освобожденіе крестьянъ съ урѣзкой у нихъ земель, съ
насиловственными уставными грамотами, съ невозможнымъ
выкупомъ, съ стрѣльбой по народу, и наконецъ съ обща-
ніемъ императора, что онъ народу другой, настоящей воли
никогда не дастъ;

Преобразование системы финансовъ—и рядомъ увеличеніе
налоговъ, займовъ и раззоренія;

Общаніе преобразования судебной части, и рядомъ напол-
неніе казематовъ людьми, которыхъ преступленіе—преданность
настоящей народной волѣ; а у насъ казни офицеровъ и
солдатъ за то, что смѣли говорить объ этой волѣ;

Общаніе губернскихъ думъ для завыдыванія хозяйственной
частью губерній, и рядомъ постепенное введеніе въ Россіи
военно-осаднаго положенія—отъ западныхъ губерній до
нижегородской ярмарки.

Вы видите, что петербургское императорство и не искренно
и не способно.

Русскій народъ, по настоящей волѣ, то есть безсословно,
на народной землѣ, съ самостоятельностью областей и ихъ
общемъ союзомъ,—можетъ учредиться только посредствомъ
Земскаго Собора, посредствомъ отовсюду безсословно всѣми
выбранныхъ, довѣренныхъ людей.

Созвать Земскій соборъ правительство никогда не захочетъ.

Огромная пространствомъ и менѣе сосредоточенная чѣмъ
Польша,—Россія, можетъ днемъ позже, но скоро придетъ въ
подобное-же волненіе. Неурядица грозитъ дикой рѣзней и
страшнымъ кровопролитіемъ.

Кто-же спасетъ Россію?

Войско!

Войско должно отказаться держать Россію въ осадномъ положеніи и быть палачемъ русскаго народа, такъ какъ мы —случаемъ поставленные въ Польшѣ—отказываемся быть палачами польскаго народа.

Но одного отказа мало. Чтобъ спасти Россію, войско должно быть другомъ народа и слугою его свободы.

Товарищи! Гдѣ-бы ни застигъ васъ голосъ нашъ, примите его къ сердцу.

Составьте комитеты подобныя нашему. Говорите солдатамъ, что ихъ дѣло не палачество, а спасеніе настоящей народной воли. Только свободный русскій народъ можетъ сдѣлать изъ солдатъ — не овричниковъ императорства—а вольныхъ, землевладѣющихъ людей, защитниковъ свободнаго отечества. Скажите имъ, что воля русская требуетъ новой присяги и святой преданности.

Когда вы составите крѣпкіе кружки или комитеты, единодушно съ солдатами, войдемте въ сношеніе и сомкнемтесь духомъ и дѣломъ во едино.

Отъ Петербурга и Бессарабіи, отъ Урала и Дона, отъ Черноморья и Кавказа — войдемте спокойнымъ строемъ черезъ всю землю русскую, не допуская ненужнаго кровопролитія, давая народу свободно учреждаться въ волости и области, и клича кличъ на Земскій Соборъ людей выбранныхъ ото всей земли русской для общаго союза и разумнаго устройства.

Мы не самолюбивы. Мы не ставимъ себя центральнымъ комитетомъ. Пусть нами и вами руководятъ самые способные. Назовите ихъ и мы пойдемъ за ними.

Но торопитесь, время дорого.

Если-же судьба рѣшитъ, что мы прежде васъ должны будемъ отказаться отъ палачества и примкнуть къ дѣлу свободы, то завѣтъ настоящей воли народной, принятый нами отъ Пестелей и Рыбѣвыхъ, мы передаемъ вамъ.

Товарищи! Мы, на смерть идущіе, вамъ кланяемся.

Отъ васъ зависитъ, чтобъ это была не смерть, а жизнь новая!

1862 года, 5 Ноября.

ПОДТАСОВАННЫЙ НАБОРЪ.

“Трудную задачу, задало себѣ русское правительство—оно хочетъ соединить начала англо-саксонскаго гражданскаго строя, съ монгольскимъ управленіемъ,” сказалъ какъ-то одинъ корреспондентъ *Теймса* въ статьѣ “О Польшѣ.”*

Дѣйствительно задача трудная!

Можно-ли что-нибудь выдумать безобразнѣе подтасованнаго рекрутскаго набора въ Польшѣ? Какое оправданіе имѣетъ невская орда, устраивая эту систематическую, рассчитанную за угломъ кражу людей—изъ мести, изъ трусости?

Такъ вотъ она великая миссія примиренія, на которую поѣхалъ нашъ сухопутный адмиралъ, государевъ братъ, состоящій въ должпости Батыя въ Польшѣ—да и не Батыя—Батый былъ полководецъ, побѣдитель, а Константинъ Николаевичъ еще ничего не покорилъ—кромѣ сердца Головинина.

Какъ-же онъ, прогрессистъ императорскаго дома, не бросился самъ въ Петербургъ, не растолкалъ пѣмецкую татарву и не объяснилъ своему брату, что братъ по выбору администратіи людей въ рекруты чудовищно, безобразно?

* 13 Ноября 1862 г.

что Поляки не могутъ этого вывести—что изъ за этого набора польется кровь?

Или они того и хотятъ?

Полноте, господа Зимній Дворецъ, дурачить свѣтъ! Нельзя въ самомъ дѣлѣ соединить habeas corpus, въ дурномъ переводѣ, съ усовершенствованными монгольскими кандалами.

Въ то время какъ мы, завѣдомые анархисты—умоляли Поляковъ выждать, не торопиться съ возстаніемъ, умоляли русскихъ офицеровъ употреблять всѣ усилія, чтобы устранить, отдалить преждевременное возстаніе—въ то самое время *отцы и дяди* отечества, консерваторы по положенію, устраиваютъ воровской наборъ въ Польшѣ, какъ будто для того чтобъ вызвать *возстаніе отчаянія*.

Видно и въ этомъ пожарѣ, зажигателями будутъ они сами. Да падутъ-же на ихъ голову—рушащіяся своды и перегорѣлыя балки.

А мы все терпимъ. Долго-ли же мы будемъ молча смотрѣть на этихъ поврежденныхъ, слѣпыхъ, глухихъ ямщиковъ, которые насъ непремѣнно опрокинутъ въ страшную трясину несчастій и позора, и у которыхъ отчета нельзя спросить по малоумью и калечеству? Чего мы ждемъ?—Пока сзовутъ Думу? Да ее никогда не сзовутъ—надобно чтобъ она собралась. Мининъ не ждалъ царскаго указа, чтобъ начать свою агитацію для спасенія Руси. Дума, Соборъ—нужны не Зимнему Дворцу а народу русскому; ее надобно *имѣ* втѣснить—и, если мы хотимъ, мы можемъ это.

Недовольно имъ войны на Кавказѣ—войны, которая продолжается *послѣ* баятинскаго покоренія, еще польскую войну имъ надобно. Да что-же въ самомъ дѣлѣ за палачи—русскіе солдаты и офицеры?

Поляки весьма вѣроятно не вынесутъ такой наглой произволь, такую грубую несправедливость, такое удесатереніе тягости—самой тяжелой повинности. Съ жребіемъ человекъ можетъ еще мириться, съ назначеніемъ полицейскихъ лазутчиковъ никогда. Передъ такой обидой нечего рассчитывать силъ. Да и вообще возстанія начинаются не большинствами, а энергическимъ меньшинствомъ. Еслибъ мысль возстанія имѣла за себя силу съ самаго начала, тогда возстаніе было-бы не нужно. Такой примѣръ дала на дняхъ Греція. Она, соединивши всѣ воли въ одну ногу, преспокойно вытолкнула за дверь баварца, съ меньшими хлопотами чѣмъ въ Англіи отставляютъ отъ мѣста швейцара.

И такъ Варшавѣ—еще разъ придется поднять свою покрытую рубнами и закованную руку, на защиту дѣтей своихъ отъ людокрадовъ. Наши офицеры, наши солдаты долею станутъ съ ними, потому что противъ нихъ идти позорно и русская кровь польется съ обѣихъ сторонъ, и все это изъ за чего?—Изъ за капризной мести трусливаго правительства, которое не давая никому отчета, слѣдуетъ поэтическимъ внушеніямъ своего разстроеннаго воображенія.

Подъ опеку Думы его! подъ опеку Собора Земскаго!... или мы дойдемъ до страшныхъ бѣдствій.

И—рѣ.

РАЗБОРЪ ОСНОВНЫХЪ ПОЛОЖЕНІЙ ПРЕОБРАЗОВАНІЯ СУДЕБНОЙ ЧАСТИ ВЪ РОССИИ.

II.

Положимъ, что мировой судъ введенъ по программѣ “основныхъ положеній”.* Спрашивается: какое-же должно быть основное различіе между рѣшеніемъ дѣлъ въ судѣ мирового съѣзда и рѣшеніемъ дѣлъ въ окружномъ судѣ, (судѣ первой инстанціи) по уголовному процессу? Мировой съѣздъ рѣшаетъ дѣла меньшей важности, (хотя мы уже и говорили, что трехмѣсячная тюрьма и 300 руб. сер., взысканіе выше силъ маловажнаго преступленія). Стало, окружной судъ рѣшаетъ преступленія бѣльшей важности. Очевидно, что изъ этого вытекаетъ существенное различіе: маловажныя преступленія рѣшаются безъ присяжныхъ, преступленія бѣльшей важности рѣшаются по приговору присяжныхъ. Между тѣмъ предположенъ цѣлый отдѣлъ преступленій, которыя окружной судъ рѣшаетъ безъ присяжныхъ. Какія-же это преступленія? Тѣ, которыя “влекутъ за собой заключеніе въ крѣпости или смиренительномъ домѣ, безъ ограниченія правъ и преимуществъ; заключеніе въ тюрьмѣ и другія менѣе-тяжкія наказанія”.† Но, кромѣ заключенія въ крѣпости, такія-же дѣла вершатся и мировымъ съѣздомъ. Стало различіе будетъ состоять въ томъ, что въ окружные суды будутъ поступать дѣла о преступленіяхъ влекущихъ за собою по крайней мѣрѣ тюрьму долѣе трехъ мѣсяцевъ; это меньшій срокъ, а большій срокъ въ основныхъ положеніяхъ не показанъ. Стало, окружной судъ можетъ безъ присяжныхъ, приговорить къ заключенію въ крѣпости на нѣсколько лѣтъ, или на неопредѣленное время, безъ лишенія правъ и преимуществъ по состоянію. Почему-же это относится къ менѣе важнымъ наказаніямъ? Да на примѣръ, хотябы ст. 207 Т. XV, присуждающая, за *распространеніе* раскольническихъ проповѣдей и сочиненій, къ заключенію въ смиренительномъ домѣ отъ шести мѣсяцевъ до одного года—развѣ это одно изъ менѣе важныхъ наказаній? Въ это время можетъ вся семья заключеннаго пойти по міру. А если преступленіе не достаточно ясно—почему-же окружной судъ будетъ имѣть право рѣшать его безъ участія присяжныхъ? Намъ кажется, что если “Основные Положенія”, опредѣленіемъ власти наказанія, расширили кругъ дѣйствій суда мирового съѣзда до значенія суда первой инстанціи; то они въ то-же время и унизили значеніе окружнаго суда до суда мирового или полицейскаго, давъ ему право, въ извѣстномъ отдѣлѣ преступленій, рѣшать безъ присяжныхъ. Краеугольное различіе первой инстанціи уголовного суда отъ низшихъ судовъ именно и должно состоять въ томъ, что *уголовный судъ безъ присяжныхъ не судитъ*. Лучше-же допустить судъ съ присяжными при не очень важномъ преступленіи, чѣмъ отнять его у преступленій, влекущихъ за собой продолжительный арестъ и даже заключеніе въ крѣпости! Лучше поставить рѣзкую черту: судъ низшій безъ присяжныхъ, судъ первой инстанціи съ присяжными—чѣмъ вводитъ *переходную форму* суда, сильно влекущую къ неправоудію.

* Вѣроятно оно такъ и будетъ; не смотря на приглашеніе постороннихъ лицъ обсуждать и возражать,—за ио подательная коммиссія едва-ли что измѣнитъ въ своихъ положеніяхъ, а государственному совѣту только останется согласиться, если онъ не захочетъ взять на себя трудъ передумывать и передѣлывать—дѣло скучное въ старческомъ возрастѣ.

† Осн. Пол. Часть II, ст. 64.

Откуда взята эта переходная форма уголовного суда, мы не знаемъ. У народовъ, наиболѣе юридически развитыхъ, т. е. у Французовъ и Англичанъ ея нѣтъ. По французскому уложенію судебный совѣтъ (*chambre du conseil*) рѣшаетъ отослать-ли подсудимаго къ полицейскому суду, или передать дѣло прокурору королевской палаты (*cour royale*), для передачи обвиненія въ судъ первой инстанціи, разумѣя подъ этимъ уголовный судъ съ присяжными. (*Code d'instr. crim. Livre I, chap. IX и Livre II, s. 291*). Въ Англіи преступникъ можетъ быть арестованъ по приказанію мирового суда и судимъ мировымъ судомъ, но отданъ подъ уголовный судъ только по приговору большаго присяжнаго сбора (*grand jury*, не менѣе 12 и не болѣе 23 присяжныхъ), разумѣя подъ (уголовнымъ) судомъ, куда дѣло поступитъ, опять судъ съ присяжными. Безъ большаго жюри, съ королевскимъ разрѣшеніемъ, по требованію главнаго атторнея (*general attorney*), отдается человѣкъ подъ судъ только въ нѣкоторыхъ случаяхъ государственной опасности, и то все-же подъ судъ съ присяжными. Откуда коммиссія взяла, между мировымъ и окружнымъ судомъ съ присяжными, переходную форму окружнаго суда безъ присяжныхъ, мы не знаемъ. По этому мы задумались и стали отыскивать какую-нибудь побудительную причину въ условіяхъ русской жизни—и то-же не находимъ. Эта переходная форма суда изобрѣтеніе ни на чемъ не основанное и положительно вредное.

Самое учрежденіе присяжныхъ, по “основнымъ положеніямъ”, прежде всего поражаетъ насъ названіемъ: присяжныхъ *засѣдателей*. Конечно, не въ названіи дѣло; однако и названіе имѣетъ свое значеніе. Въ учрежденіи, касающемся цѣлаго народа, не худо, чтобъ названіе было всему народу понятно и пріятно. Присяжные *понятые*, выражали-бы для народа понятіе о людяхъ избранныхъ изъ обывателей для подачи голоса на судѣ; народъ могъ-бы полюбить это названіе. Но названіе *засѣдателя* напоминаетъ ему прежде всего засѣдателей земскаго суда, которые или наѣжали съ временнымъ отдѣленіемъ опустошать крестьянскій кошель, или сидѣли въ разныхъ судахъ для того, чтобъ ничего не значить. Названіе засѣдателей для народа или смѣшно, или ненавистно.

Забавное раздѣленіе условій, “которыя должны соединять въ себѣ лица, подлежащія внесенію въ списки присяжныхъ, или качества, опредѣляющія способность ихъ быть присяжными”,—на *внѣшнія* и *внутреннія*, изъ которыхъ внѣшнія—лѣта человѣка, а внутреннія—степень его развитія и добрая нравственность, (Осн. Пол. Часть I, ст. 29)—почерпнуто, кажется, изъ французскаго кодекса, (конституціонныхъ временъ) гдѣ роспись присяжныхъ также раздѣлена на два отдѣла. Но французскій кодексъ не придаетъ своему раздѣленію ненужныхъ прилагательныхъ, а самое раздѣленіе имѣетъ свое существенное значеніе; между тѣмъ какъ въ “основныхъ положеніяхъ”, раздѣленіе сдѣлано по двумъ прилагательнымъ, по прилагательное *внутреннихъ условій*—не играетъ никакой роли въ составленіи списковъ присяжныхъ по ст. 34; а изъ *внѣшнихъ условій*, тѣ, которыя относятся къ движимому и недвижимому имуществу,—по условіямъ русской жизни не могутъ играть роли. По французскому учрежденію присяжныхъ первый отдѣлъ относится къ лицамъ, имѣющимъ качества, нужные чтобъ быть внесенными въ списокъ избирателей (члена въ палату депутатовъ) въ округѣ

департамента (college électoral, законъ 20 Іюня 1820, § 3) и тутъ главную роль играетъ ценсъ. За тѣмъ второй отдѣлъ относится къ лицамъ, для которыхъ не требуется быть внесенными въ списокъ избирателей по департаменту и тутъ ценсъ играетъ ничтожную роль. Сюда относятся чиновники (fonctionnaires publics), назначаемые королемъ, но не получающіе жалованья, отставные офицеры (но съ нѣкоторымъ ценсомъ—1,200 франковъ пенсіи), доктора всѣхъ факультетовъ, члены академій и избиратели, живущіе въ департаментѣ, но привисанные къ другому округу избирательства. Въ Англіи все основано на ценсѣ, котораго низшіе предѣлы, 10 фунт. чистаго дохода съ разнаго рода поземельнаго владѣнія, 20 фунт. съ поземельнаго владѣнія на 21 годъ, и еще паемъ дома съ 15^ю окнами, (въ Валлисѣ ценсъ сравнительно въ 3/5 противъ остальнаго королевства); но двухъ отдѣловъ вовсе не существуетъ. Существуютъ только исключенія лицъ, которыя не могутъ быть присяжными. Сюда относятся: веры, судьи, духовныя лица, атторнеи, слѣдственные пристава, тюремщики, доктора медицины и аптекари, лица служащіе въ полиціи, офицеры состоящіе на службѣ, служители королевскаго дома, служащіе при таможахъ, почтѣ, при судебныхъ учрежденіяхъ, при шерифахъ, главные констабли (high constables), клерки прихода и пр. —и мировые судьи въ своемъ округѣ (стало, почти всѣ состоящіе въ должности по министерству внутреннихъ дѣлъ и по судамъ). Замѣчательно что и французское и англійское законодательство, имѣя въ виду *независимость суда присяжныхъ отъ администраціи*, исключаютъ, изъ числа присяжныхъ, лица состоящіе на службѣ,—т. е. чиновничество; французское—чиновниковъ, получающихъ жалованье отъ правительства; англійское—лица, состоящіе въ должностяхъ, заставляющихъ человека быть болѣе или менѣе пристрастнымъ въ своемъ сужденіи о дѣлѣ.

Въ “основныхъ положеніяхъ”, ст. 34—входятъ всѣ, кромѣ крестьянъ, “не бывшихъ старшинами и церковными старостами и не избранными въ очередные судьи волостныхъ судовъ и въ добросовѣстные волостныхъ и равныхъ съ ними сельскихъ расправъ”. То есть исключается изъ возможности быть присяжными вся масса крестьянскаго населенія, почти весь народъ, и изъ него вносятся въ списокъ присяжныхъ именно только тѣ лица, которыя — по здравому смыслу, имѣющему цѣлью независимость суда—должны-бы были изъ него исключены. Но не смотря на то и тутъ, для крестьянъ, бывавшихъ въ должностяхъ, ценсъ уже не можетъ имѣть мѣста.—Лица, состоящіе на службѣ, не могли быть исключены, потому что надо было-бы исключить почти все дворянство, но и тутъ ценсъ не возможенъ, или оборвется на вздорѣ. Примѣчаніе къ лицамъ состоящимъ на службѣ—“если только занимаемая ими должности не лишаютъ ихъ возможности на отлучки, хотя - бы и кратковременныя”, только доказываетъ невозможность соединить условія, требуемые для присяжнаго съ государственной или общественной службой, не говоря уже о независимости суда. Въ подражаніе англійскому исключены участковые мировые судьи, но почетные, (не получающіе жалованья) могутъ быть присяжными, вѣроятно въ подражаніе французскимъ чиновникамъ не получающимъ жалованья. Оно-бы и хорошо если-бы чиновники, получающіе жалованье, были исключены; но вѣдь они не исключены.

Во всемъ этомъ списокѣ обывателей по ст. 34. о внутреннихъ качествахъ и помину нѣтъ. Да ихъ невозможно и опредѣлять. Если степень развитія опредѣлить ученой степенью, то оно у насъ становится лишнимъ, потому что ученая степень у насъ сливается съ государственной службой или съ дворянствомъ; а въ ст. 34 именно не упомянуты, какъ не требующіе ценса, лица, происходящіе изъ податнаго и духовнаго сословій, окончившіе курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, но не состоящіе на службѣ. Стало, какъ-же опредѣлять степень развитія и къ чему, когда по ст. 34 ее не требуется? Что-же касается до *доброй нравственности*, то кромѣ исключенія опороченныхъ по суду, нельзя принять для этого никакого мѣрила. Если разсматривать это требованіе съ точки зрѣнія христіанской добродѣтели, или гражданской честности, то большую часть изъ состоящихъ на государственной службѣ придется исключить. Что-же касается до людей, которые “*признаны незаслуживающими общаго довѣрія*” (ст. 31), то тутъ рождается вопросъ: кѣмъ признаны? Общесіевомъ? какъ оно дало объ этомъ знать? Дѣло опять сводится на опороченіе по суду, ибо судебное учрежденіе, которое можетъ *безъ суда* признать человека незаслуживающимъ общаго довѣрія, само не заслуживаетъ этого общаго довѣрія.

Развѣ что это признаніе составляетъ право *губернаторское*, т. е. административное, правительственное?... Конечно тогда независимость суда становится призракомъ; но въ “основныхъ положеніяхъ,” кажется, таится именно мысль губернаторскаго признанія человека незаслуживающимъ общаго довѣрія. По крайней мѣрѣ это заключеніе невольно выводится изъ способа составленія списковъ, принимаемаго “основными положеніями”.—“Списки лицъ, изъ коихъ избираются присяжные на каждый періодъ засѣданій, должны быть *общіе и очередные*” (ст. 32). Общіе списки *составляются* отдѣльно по каждому округу и представляются губернатору (ст. 33). Кѣмъ составляются? Странно, что такое важное обстоятельство не вошло въ основныя положенія. *Губернаторъ повѣряетъ* списки (соблюдены-ли въ нихъ законныя условія) и *исключаетъ лица, неправильно внесенныя*, и препровождаетъ списки, для опубликованія ихъ въ общее свѣденіе, въ особыя мѣстныя комиссіи (ст. 35). Стало, губернаторъ *безконтрольно* исключаетъ лица, внесенныя въ общіе списки, руководствуясь въ этомъ случаѣ неопредѣленными внутренними качествами степени развитія и доброй нравственности, и своимъ губернаторскимъ признаніемъ человека незаслуживающимъ общаго довѣрія. Гдѣ-же тутъ отдѣленіе судебной части отъ административной? Гдѣ независимость суда да еще суда присяжныхъ? Законъ исключаетъ всю массу народа изъ списковъ присяжныхъ, а губернаторъ исключитъ лучшихъ людей... Одна надежда на то, что настоящее возбужденное состояніе Россіи обезсилитъ административный *подборъ* присяжныхъ и что напряженность общественнаго мнѣнія заставитъ даже людей съ посредственными внутренними качествами, скорѣе выслуживаться передъ обществомъ чѣмъ передъ правительственной администраціей. За тѣмъ изъ общихъ списковъ, прочищенныхъ губернаторомъ, особая мѣстная комиссія, которой составъ долженъ быть опредѣленъ закономъ, составляетъ очередные списки (ст. 36): Странно, что этотъ составъ комиссіи не вошелъ въ основныя положенія; если такое важное дѣло, какъ выборъ и очередованіе присяжныхъ,

поручено особой комиссiей, то составъ ея долженъ-бы входить въ основное основанiе основныхъ положенiй, а не быть предоставленъ послѣдующей разработкѣ въ числѣ другихъ подробностей.

Этотъ способъ составленiя списковъ присяжныхъ, комиссiя приняла совершенно оригинально, *genuine*, и совершенно противоположно и французскому и англiйскому законодательству.

По французскому кодексу, префектъ не провѣряетъ съ правомъ исключенiя, а составляетъ списокъ всѣмъ лицамъ въ департаментѣ, годнымъ чтобъ быть присяжными, соединяющимъ условiя, требуемыя ст. 382 *Code d'instruction criminelle*. За тѣмъ этотъ списокъ выставляется публично и слѣдственно провѣряется всѣми (ст. 384); неправильно не вошедшiй въ списокъ можетъ требовать своего внесенiя, а исключенъ изъ списковъ человекъ можетъ быть только по достаточной причинѣ — *décision motivée* (смерть, потеря состоянiя лишаящая условiй ценса, отъѣздъ, преступленiе по которому идетъ слѣдствiе и т. п.) и *по суду*, и такъ какъ каждый имѣетъ право апелляцiи, то и тутъ, въ случаѣ оправданiя, исключенiе равняется временному устраненiю (*contre lesquels le recours ou l'appel auront un effet suspensif*, ст. 385). За тѣмъ, по истеченiи законнаго срока, префектъ изъ всего числа списка, (содержащаго не менѣе 800 человекъ) отмѣчаетъ четвертую долю для засѣданiй наступающаго года. Административная власть — не можетъ произвольно никого исключить и выбирать четвертую долю всего числа людей, знаетъ, что черезъ годъ выберетъ другую четверть и что произволъ сводится только на назначенiе гуловой очереди. Не гочувствуя и этому вмѣшательству административной власти, мы не можемъ однако не замѣтить огромной разницы между нею и властью губернаторскою, которая молча вычеркиваетъ изъ общихъ списковъ (еще неизвѣстно кѣмъ составляемыхъ) того, кого хочетъ. Тамъ еще независимость суда возможна; здѣсь, гдѣ *особой комиссiей* предоставляется назначать людей изъ невычеркнутыхъ губернаторомъ (опять *comme un pris alleg*) независимости суда нѣтъ, и если она явится на дѣлѣ, то совершенно вопреки смыслу и направленiю “основныхъ положенiй”, въ силу общественной возбужденности.

Въ Англiи списокъ присяжныхъ изготавляется къ 1-му Сентября церковнымъ причетникомъ (*churchwarden*) и приходскими смотрителями за бѣдными, при содѣйствiи сборщиковъ подаенъ и выставляется на три недѣли на церковныхъ дверяхъ для провѣрки всѣми. Передъ судебными засѣданiями судьи требуютъ, чтобъ шерифъ назначилъ изъ списка для округа, (по уголовнымъ и гражданскимъ дѣламъ безразлично) не болѣе 144 человекъ, изъ ко орыхъ половина участвуетъ въ началѣ судебной поры, а другая въ концѣ. Этотъ способъ уже ближе къ независимости суда, чѣмъ французскiй, и безконечно ближе чѣмъ способъ, принятой “основными положенiями”.

Теперь остается вопросъ: по мимо искаженныхъ копiй съ иностранныхъ узаконенiй, чего требуютъ для учрежденiя суда присяжныхъ самыя условiя русской жизни?

У насъ нѣтъ округовъ избирателей депутатовъ въ законодательное собранiе; опредѣлить ценсъ для присяжныхъ равный ценсу избирателей, на прежнiй французскiй манеръ, у насъ нельзя. Опредѣлить ценсъ недвижимаго или движимаго имущества — но мы тогда должны исключить даже бывшихъ

сельскихъ старшинъ и судей, потому что при мірекомъ владѣнiи землею этотъ ценсъ неопредѣлимъ. Если ценса для присяжныхъ изъ крестьянъ вовсе не назначать, а только для купцовъ и дворянъ, это значитъ признать небогатыхъ купцовъ и небогатыхъ дворянъ недостойными общаго довѣрiя, и обидѣтъ съ одной стороны дворянство и городское сословіе, а съ другой стороны обидѣтъ и все крестьянство, признавая здравый смыслъ и честную совѣсть только за тѣми немногими изъ крестьянъ, которые были старшинами или выбраны въ судьи. Съ такимъ благосклоннымъ взглядомъ на бывшихъ старшинъ едва-ли само крестьянство согласится, потому что большая часть изъ должностныхъ лицъ выбываетъ именно по недостатку къ нимъ общаго довѣрiя. Число уголовныхъ дѣлъ, вслѣдствiе громадности крестьянскаго населенiя сравнительно съ числомъ людей другихъ сословiй — больше всего произойдетъ между крестьянами; а между тѣмъ, въ средѣ присяжныхъ, крестьянъ почти не будетъ, и тѣ нѣсколько, которые войдутъ въ списокъ, будутъ большею частiю изъ людей, лишившихся мірскаго довѣрiя. Какую-же вѣру въ судъ присяжныхъ засѣдателей будетъ имѣть крестьянство, составляющее больше чѣмъ три четверти всего народонаселенiя въ государствѣ? Очевидно народъ нельзя исключить изъ числа способныхъ быть присяжными; это будетъ одна изъ недостойныхъ обидъ, которую правительство нанесетъ народу.

Прибавьте къ этому, что большее число присяжныхъ будетъ назначено изъ правительственныхъ чиновниковъ, уже давно потерявшихъ общее довѣрiе.

Какой-же ценсъ можетъ быть для людей, принадлежащихъ міру, или громадѣ? Естественнo въ списокъ народныхъ присяжныхъ должны-бы войти всѣ домохозяева, съ исключенiемъ тѣхъ, которыхъ міръ или громада отвергнетъ на сходѣ — за слабостью, болѣзнію, неспособностью и недостаткомъ общественнаго довѣрiя, которое тутъ имѣетъ средство высказаться, — съ тѣмъ однако, чтобы исключенный имѣлъ право оправдаться по суду и, въ случаѣ оправданiя, міръ былъ-бы обязанъ признать его достойнымъ на внесенiе въ списокъ. Такихъ апелляцiй вышло-бы очень немного. Не желая нисколько представить здѣсь программы для учрежденiя безсословныхъ и безчиновныхъ присяжныхъ, мы только указываемъ, что для такого учрежденiя у насъ не можетъ быть иного правила, какъ отрицательный общественный выборъ, т. е. исключенiе лицъ, гласно признаваемыхъ обществомъ неспособными къ внесенiю въ списокъ присяжныхъ. За тѣмъ неисключенные всѣ остаются въ спискѣ и дѣло мѣстной комиссiи кѣмъ-бы она ни была назначена, было-бы только внесенiе въ очередные списки жеръбевыхъ людей разныхъ мѣстностей. Только въ такомъ учрежденiи народъ узналъ-бы *своихъ присяжныхъ понятыхъ* и имѣлъ-бы къ суду ихъ довѣрiе.

Но правительство не признаетъ за необразованнымъ крестьянствомъ способности быть присяжнымъ судьей и, разобравъ дѣло по совѣсти, рѣшить — виноватъ подсудимый или нѣтъ; кажется, сельскiе выборы могли доказать способность крестьянства. Но правительство боится дать народу участие и готовъ въ судѣ — а! въ такомъ случаѣ оно не должно удивляться, что *это* учрежденiе присяжныхъ засѣдателей никогда не сдѣлается популярнымъ и всегда будетъ казаться народу присяжнымъ чиновничествомъ, дѣломъ сословнымъ. Что народъ схватится крѣпко за то маленькое участiе въ судѣ, за ту узенькую тропинку, которую ему невольно

прокладываютъ “основныя положенія,” въ этомъ мы не сомнѣваемся; но что онъ за нее схватится инстинктивно только для того, чтобъ выйти на широкій путь—въ этомъ мы также не сомнѣваемся. Все настоящее поведеніе крестьянъ, относительно помѣщиковъ, доказываетъ ихъ способность схватывать дѣло съ умѣніемъ легиста, чтобы не дать ни шагу назадъ. На сколько въ этомъ лежитъ залогъ способности идти впередъ—это скажетъ время, скажетъ исторія. Народъ будетъ съ строгимъ любопытствомъ наблюдать за назначеніемъ и дѣйствіями *присяжныхъ засѣдателей*, но онъ не удовлетворится пока они не превратятся въ *присяжныхъ понятыхъ*.

Самый порядокъ судопроизводства съ присяжными засѣдателями, “основныя положенія” буквально перевели изъ французскаго кодекса. Присяжные засѣдатели созываются четыре раза въ годъ, а если нужно, то и чаще* (Осн. пол. часть II, ст. 79; Code d'instr. crimin. Livre II, titre II, chap. II, s. 259). Число присяжныхъ 30 (тамъ-же ст. 80; idem section II, s. 393). Списки засѣдателей, передъ разсмотрѣніемъ cadaго дѣла, предъявляются подсудимому и и прокурору (тамъ-же ст. 81; idem 395, только французскій кодексъ не упоминаетъ о предъявленіи прокурору, потому что прокуроръ и безъ того знаетъ). Объ отводѣ засѣдателей прокуроромъ и подсудимымъ (тамъ-же ст. 82; idem 339). Но тутъ “основныя положенія” несомнѣнно *улучшили* французское узаконеніе; въ немъ прокуроръ и подсудимый имѣютъ право отвести равное число присяжныхъ пока останется только 12 (idem 400); въ “основныхъ положеніяхъ,” прокуроръ имѣетъ право отвести не болѣе шести человѣкъ (ст. 83), а подсудимый 12 (ст. 84) и уже изъ остальныхъ 18 по жеребью назначаются 12. Честъ тому или тѣмъ изъ членовъ комиссіи, которые успѣли провести хотя это положеніе противъ усиленной власти, данной прокурору. Рѣчь предсѣдателя къ присяжнымъ (ст. 87, code 336); его вопросы (ст. 88, code 337, только по основнымъ положеніямъ вопросы письменные)—все согласно съ французскимъ кодексомъ и увы! согласны и ст. 89 положеній съ 347 статей кодекса, т. е. присяжные рѣшаютъ по *большинству голосовъ*, а не *единогласно*, какъ въ Англіи; даже не двумя третями голосовъ, какъ въ Шотландіи. Кто только вдумается въ легкость съ какою можно закабалить невиннаго на каторгу большинствомъ голосовъ, тотъ конечно пойметъ все превосходство англійскаго учрежденія и не пойметъ почему “основныя положенія” приняли французскій законъ. Мы находимъ, что это преступленіе! Хорошо еще что не сказано, что присяжные подають голоса закрытой баллотировкой, какъ во французскомъ законѣ.

Но кто поручится, что передъ засѣданіемъ губернаторъ не призоветъ присяжныхъ и не скажетъ имъ, что зашлетъ ихъ куда воронъ костей не заноситъ, если они не приговорятъ такъ, какъ онъ хочетъ—и большинство, испуганное, рѣшитъ по губернаторскому.

Чтобъ заключить еще одною разницей “основныхъ положеній” и французскаго кодекса, которая относится не къ чести “основныхъ положеній”, замѣтимъ, что по ст. 348 кодекса рѣшеніе присяжныхъ провозглашаетъ старшій присяжный отъ ихъ имени (конечно съ французской театральностью *положа руку на сердце*—la main placée sur son cœur, что для русскаго человѣка равнодушно); а по ст. 92 “основныхъ

положеній”: “Рѣшеніе присяжныхъ *произносится* *имъ и провозглашается* предсѣдателемъ (суда).” Признаемся, мы даже хорошенько не понимаемъ смысла этого что-то таящаго положенія: рѣшеніе *произносится*—едва-ли можно это слово понять иначе какъ рѣшеніе *полагается* (произносить, полагать рѣшеніе, décider, statuer), это не значитъ произносится публично и слѣдственно—вслухъ передъ публикой произносить, провозглашаетъ не старшій присяжный, а предсѣдатель суда. За что такая обида бѣднымъ присяжнымъ?

Подстрочный переводъ съ французскаго можно бы еще допустить, когда французское узаконеніе согласно съ разумомъ и не противурѣчитъ условіямъ русской народной жизни; введеніе срочныхъ засѣданій суда даже составляетъ огромное улучшеніе въ судопроизводствѣ; безъ этого, каждое уголовное дѣло тянулось-бы безъ конца, какъ теперь. Но взять съ французскаго рѣшеніе присяжныхъ по большинству голосовъ и прибавить къ этому совершенно петербургскую главу: “объ изыятіяхъ изъ общаго порядка уголовного судопроизводства....” въ пользу правительства, въ пользу верховной, церковной и начальническихъ властей—это даетъ такой перевѣсъ зависимости суда отъ правительства надъ судомъ присяжныхъ, что недостаточность судебного преобразования становится вопіющей.

“Главныя (стало, со временемъ найдутся и еще другія) изыятія изъ общаго порядка судопроизводства устанавливаются для слѣдующихъ дѣлъ:

- 1) По преступленіямъ противъ вѣры;
- 2) По преступленіямъ государственнымъ;
- 3) По преступленіямъ и проступкамъ по службѣ;
- 4) По преступленіямъ смѣшанной подсудности гражданской и военной (сухопутной и морской);
- 5) По преступленіямъ смѣшанной подсудности гражданской и духовной.*

Первое изыятіе направлено противъ раскольниковъ. Дѣла по преступленіямъ противъ вѣры “производятся общимъ порядкомъ судопроизводства” (ст. 119), тогда, почему-же это называется *изыятіемъ* изъ общаго порядка? Совращеніе изъ православія въ другія исповѣданія и расколъ признается преступленіемъ и войдетъ въ наказъ судебнымъ мѣстамъ, по свѣденіямъ и соображеніямъ, коими руководствовались доселѣ министерства внутреннихъ дѣлъ и юстиціи. Изъ этого можно заключить, что новое судебное устройство не только не доросло до вѣротерпимости, но примется за созданіе новаго свода гоненій за вѣру. Бойтся петербургское самодержавіе, что—не будь оно искусственно поддержано господствующей церковью—его существованіе становится невозможнымъ!

“По дѣламъ о преступленіяхъ и проступкахъ противъ православной вѣры, рѣшаемымъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, сіи послѣдніе должны быть назначаемы изъ лицъ православнаго вѣроисповѣданія.”—(Ст. 120).

Если правительство думаетъ, что присяжные изъ православныхъ пристрастны, *не равнодушны* въ дѣлахъ вѣры; то оно отдаетъ подсудимаго изъ другаго религіознаго толка *на судъ враговъ*, и въ такомъ случаѣ этотъ законъ есть преступленіе противъ юридическаго смысла и человѣческой совѣстности. Или правительство считаетъ присяжныхъ изъ православныхъ безпристрастными, *равнодушными* въ дѣлахъ вѣры, тогда нельзя признать и виновности, потому что въ

* Очевидно, соображаясь съ 4-хъ годовыми (или чаще) засѣданіями уголовного суда.

* Осн. Пол., часть II, ст. 113.

глазах присяжных *это* преступление не есть преступление и всякая уголовная подсудность падает сама собою. Если присяжные из православных будут судить раскол безпристрастно, не как враги, то они поставлены правительством въ необходимость клятвоступления и поступка противъ совѣсти: по совѣсти, на примѣръ, они признаютъ, что такой-то такого-то дѣйствительно убѣдилъ перейти изъ господствующей церкви въ другое согласіе, и по совѣсти-же они не считаютъ этого событія за преступленіе, а законъ на-кажетъ это событіе ссылкой въ Сибирь или отдачей въ арестантскія роты (т. XV, кн. I, ст. 205). Какже поступитъ присяжный? Или солжетъ, что событія не было и спасетъ человека, или признаетъ событіе и съ отвращеніемъ увидитъ, что изъ судьи сдѣлался налечемъ.

Судопроизводство по государственнымъ преступленіямъ представляетъ какое-то чувство собственной слабости и жажды неправосудія со стороны правительства. Оно *не въ силахъ* сказать, что преслѣдуетъ и ссылаетъ безъ суда—и на этотъ общественный смыслъ долженъ поймать его,—а между тѣмъ оно хочетъ непременно осудить и подлаживаетъ возможные къ тому способы.

“Обвинительный актъ составляется прокуроромъ судебной палаты и вносится на разсмотрѣніе гражданского ея департамента” (ст. 122). Почему гражданского? Кого это спасаетъ? Гражданскій департаментъ, если признаетъ что дѣло подлежитъ прекращенію, представляетъ его на усмотрѣніе кассационнаго департамента сената, который постановляетъ окончательное заключеніе, съ участіемъ министра внутреннихъ дѣлъ (ст. 123). Палата тутъ играетъ роль *Cour Royale* французскаго кодекса, а кассационный департаментъ сената кассируетъ не судебное рѣшеніе, а судебное предположеніе въ пользу обвиняемаго и представляетъ какую-то вторую инстанцію не суда, а отдачи подъ судъ, да еще съ участіемъ министра внутреннихъ дѣлъ; почему сюда вмѣшался министръ внутреннихъ дѣлъ и куда дѣвалась теорія отдѣленія судебной власти отъ власти административной?—Слѣдствіе и судъ производить судебная палата. Присяжные въ обоихъ случаяхъ устранены (ст. 125 и 130). Вмѣсто присяжныхъ принимаютъ участіе губернской предводитель, уѣздный предводитель, градской голова и волостной старшина (ст. 126). Эти члены будутъ назначаемы еще неизвѣстно кѣмъ; подсудимый можетъ отводить по причинамъ *въ законъ опредѣленнымъ**. Члены ставятъ приговоръ по большинству голосовъ. Спрашивается: имѣетъ правительство право или власть застрашивать или подкупать наградами членовъ суда? Безъ сомнѣнія имѣетъ!—Приговоры могутъ быть отвергаемы кассационными департаментами сената по просьбѣ подсудимыхъ и *протестамъ прокурора*, (т. е. и въ случаѣ оправданія по суду, сенатъ можетъ кассировать приговоръ). Замѣчательно, что тутъ легко встрѣтится слѣдующій случай, противный всякому юридическому смыслу: Судебная палата нашла, что дѣло подлежитъ прекращенію и представила въ кассационный департаментъ сената; сенатъ нашелъ, что дѣло подлежитъ суду и потомъ *онъ-же*, по протесту прокурора, можетъ кассировать рѣшеніе суда, оправдавшее подсудимаго! По преступленіямъ по службѣ сказано по крайней мѣрѣ что

дѣла идутъ на разсмотрѣніе другого кассационнаго департамента сената, не того, который отдалъ подъ судъ (ст. 139); а тутъ и этого не сказано.

Судопроизводство по преступленіямъ и проступкамъ по службѣ собственно относится къ случаямъ, гдѣ въ Англіи судъ совершился бы съ участіемъ особыхъ присяжныхъ, *special jury* (тутъ въ расчетъ принимается приблизительно опредѣленная степень развитія присяжныхъ). Изъ основныхъ положеній даже нельзя заключить производится судъ по этому разряду дѣлъ когда-нибудь съ участіемъ присяжныхъ или они во всякомъ случаѣ устранены. Изъ ст. 145 можно заключить *да*; изъ остальныхъ *нѣтъ*. Замѣчательно, что прокуроры отдаются подъ судъ *только по предложенію министра юстиціи*.

Положенія о смѣшанныхъ подсудностяхъ вытекаютъ, конечно, изъ несчастнаго положенія общественнаго устройства, но едва ли по здравому смыслу можно признать что солдатъ, укравшій, подлежитъ иному наказанію чѣмъ дѣйствительный статскій совѣтникъ укравшій. Духовнымъ лицамъ *при слѣдствіи* позволено имѣть своихъ депутатовъ (ст. 152) чего другія сословія *лишены* (почему—неизвѣстно); судъ совершается съ участіемъ присяжныхъ, но требуется мнѣніе епархіальнаго начальства, которому мнѣнію не видать, чтобъ судъ былъ обязанъ давать какой-нибудь ходъ; только честь приложена.

Главная статья основныхъ положеній по дѣламъ изъятымъ изъ общаго судопроизводства,—это статья, опровергающая всѣ преобразованія судебной части, это ст. 116.

“Въ тѣхъ губерніяхъ и областяхъ, въ которыхъ будетъ введенъ въ дѣйствіе новый уставъ, *лица гражданскаго вѣдомства предаются военному суду только въ мѣстностяхъ, объявленныхъ на военномъ положеніи*”.

А кто-же мѣшаетъ всякую мѣстность, не исключая нижегородской ярмарки, объявить на военномъ положеніи? И тогда что-же значить вся эта реформа, и всѣ введенія присяжныхъ, которыхъ всегда можно устранить военнымъ положеніемъ?*

Но, какъ бы то ни было, судъ присяжныхъ провозглашенъ, и не смотря на вмѣшательство военнаго положенія, правительство отнынѣ на столько *обязалось* передъ Россіей, что назадъ вернуться нельзя, да и Россія не допустить.

Можетъ-ли, при этомъ *переворотѣ*, сохраниться Губбениколаевское уложеніе о наказаніяхъ?—Безъ сомнѣнія: *нѣтъ*.

Можетъ-ли пересмотръ свода и дѣйствительное преобразование суда имѣть мѣсто безъ представительнаго, законодательнаго собранія, безъ Земскаго Собора?—Безъ сомнѣнія: *нѣтъ*.

* Говоря о присяжныхъ, мы не можемъ не замѣтить, что коммиссія, кажется, совершенно упустила изъ виду возможность или необходимость суда присяжныхъ въ большей половинѣ случаевъ гражданскаго процесса. Конечно, многосложныя, казуистическія дѣла по дворянскимъ послѣдствамъ, ускользаютъ отъ пониманія людей, не приготовленныхъ къ знанію всѣхъ закоулковъ гражданскаго уложенія, и требуютъ или суда юристовъ или суда особыхъ присяжныхъ (*special jury*). Но большая часть дѣлъ по завладѣнію, по захвату, по спорнымъ долгамъ, по неисполненнымъ условіямъ, по причиненнымъ убыткамъ, вообще по всѣмъ дѣламъ, гдѣ главное не разборъ запутаннаго права на владѣніе, а констатация факта, признаніе что такое то дѣло было или не было, все это гораздо лучше разберется простыми присяжными, чѣмъ юристами, у которыхъ всѣ умственные способности, по привычкѣ, *направлены къ исканію и подыскиванію въ многосложностяхъ частнаго права, а не къ подтвержденію или отрицанію простаго факта*.

* Государственное преступленіе именно тотъ случай, который въ англійскомъ законѣ соответствуетъ измѣнѣ (*treason*) и гдѣ подсудимому дозволяется отводить всѣхъ 35 присяжныхъ, стоящихъ на очереди, не объясняя причины отвода.

Можно - ли оградиться от угрожающаго повсемѣстнаго военнаго положенія безъ Земскаго Собора?—Безъ сомнѣнїя : *нѣтъ*. Самое войско, которому военно-осадное положеніе Россіи можетъ показаться только отвратительнымъ, не можетъ не желать Земскаго Собора.

Судебная реформа больше чѣмъ что-нибудь указываетъ на его необходимость и *неотвратимость*.

Н. Огаревъ.

(Окончаніе впрѣдъ).

ОБЪ ОПРЕДѢЛЕНІИ ВЪ УЧЕБНЫЯ ВОЙСКА

СЫНОВЕЙ ОБЕРЪ-ОФИЦЕРОВЪ И ЧИНОВНИКОВЪ,

НЕВЫСЛУЖИВШИХЪ ПРАВЪ ПОТОМСТВЕННАГО ДВОРЯНСТВА.

(Окончаніе).

Комитетъ министровъ,
Мая 23 дня 1856 г.
№ 566.

Выписки изъ журналовъ
Комитета министровъ,
1 и 22 Мая 1856 г.

Слушаныя записки : Министра в. д., отъ 5 Апрѣля за № 955 (по Деп. Общ. Дѣлъ) и управляющаго военнымъ министерствомъ, отъ 22 того - же мѣсяца за № 208 (по канцел. минист.) съ изъясненіемъ заключенія по вопросамъ, возбужденнымъ рижскимъ военнымъ, ливонскимъ, эстляндскимъ и курляндскимъ генералъ-губернаторомъ, относительно опредѣленія въ учебныя войска сыновей оберъ-офицеровъ и чиновниковъ, невыслужившихъ правъ потомственнаго дворянства.

Вполнѣ раздѣляя соображенія министра в. д. и управляющаго военнымъ министерствомъ, какъ относительно существенной цѣли, предназначенной въ законѣ отъ 2 Апрѣля 1853 года мѣры, такъ и о необходимости для многочисленнаго класса молодыхъ сыновей офицеровъ и чиновниковъ, неимѣющихъ правъ потомственнаго дворянства, кромѣ служебной дѣятельности, открыть и въ гражданскомъ быту, поприще для полезныхъ занятій, могущихъ доставлять имъ вообще законные способы къ существованію, комитетъ не могъ однако не обратить вниманія, что предполагаемое д. т. с. Ланскимъ и генералъ-адъютантомъ княземъ Долгорукимъ изъятіе изъ упомянутаго закона, справедливо и полезно было бы распространить не только на сыновей означенныхъ выше лицъ, которые окончатъ курсъ наукъ по одному изъ факультетовъ высшихъ учебныхъ заведеній, но вообще на всѣхъ молодыхъ людей, подчиненныхъ дѣйствию того закона.

Вслѣдствіе сего комитетъ полагалъ : въ дополненіе къ выс. утв. во 2 день Апрѣля 1853 года положенію о сыновьяхъ военныхъ оберъ-офицеровъ и вообще чиновниковъ, получившихъ на службѣ личное дворянство, но не дослужившихся до правъ потомственнаго дворянства (5 примѣч. къ ст. 184 Св. Зак. о Сост., т. IX по XVII прод.), постановить слѣдующее :

1) Тѣхъ изъ сыновей сихъ лицъ, кои окончивъ курсъ въ учебныхъ заведеніяхъ, или получившихъ домашнее образованіе, по достиженіи 18-лѣтняго возраста, вмѣсто добровольнаго поступленія на службу на основаніи правъ, ихъ происхожденію предоставленныхъ, изберутъ какое-либо полезное, закономъ дозволенное занятіе въ частномъ гражданскомъ быту, —освободить отъ обязанностей поступать въ военную службу и не считать ихъ подлежащими дѣйствию вышеприведеннаго закона, но съ тѣмъ однако, чтобы о дѣйствительномъ вступленіи въ отправленіе таковыхъ частныхъ обязанностей предоставляемы были каждымъ изъ поименованныхъ лицъ надлежащія удостовѣренія высшему мѣстному начальству.

2) Если кто-либо изъ сихъ молодыхъ людей въ теченіе одного года не изберетъ никакого изъ подобныхъ частныхъ занятій, или подъ предлогомъ оныхъ будетъ оставаться въ праздности, —то всѣхъ таковыхъ лицъ немедленно обращать на службу на точномъ основаніи закона 2 Апрѣля 1853 г., и

3) Наблюденіе за неуклоненіемъ сихъ лицъ отъ службы и вообще за образомъ ихъ жизни и поведеніемъ возложить на обязанность и отвѣтственность ближайшаго мѣстнаго начальства, подъ строгимъ надзоромъ начальниковъ губерній или генералъ-губернаторовъ.

Государь императоръ положеніе комитета высочайше утвердить соизволилъ; при чемъ послѣдовала собственноручная его вел. резолюція : “*Совершенно дѣльно.*”

Противъ отчеркнутыхъ его вел. въ изложеніи сего дѣла строкъ—о томъ, что бывшіе министры внут. дѣлъ и военный сообщили князю Суворову, что на точномъ основаніи поста новленій, означенныхъ лицъ слѣдуетъ обращать въ учебныя войска, ибо отъ поступленія въ сіи войска изъяты только одержимые болѣзнями или тѣлесными недостатками, препятствующими строевой службѣ,—его величество изволилъ начертать : “*По моему совершенно ложное толкованіе!*” а противъ подчеркнутыхъ его вел. словъ заключенія министра в. д. о томъ, что отнюдь не слѣдуетъ однако останавливать ихъ и отъ избранія другихъ званій, съ которыми сопряжены полезныя въ гражданскомъ быту занятія и должности,—его величество собственноручно изволилъ начертать : “*Совершенно справедливо и согласно съ волею покойнаго родителя моего.*”

Комитетъ въ засѣданіи 22 Мая опредѣлилъ : сообщить о томъ министрамъ военному и внутреннихъ дѣлъ къ исполненію выписками изъ журнала.

Управляющій дѣлами Комитета,

Статсъ-секретарь : Суковкинъ.

(Юня 7.) О сыновьяхъ оберъ-офицеровъ и вообще чиновниковъ, недослужившихся до правъ потомственнаго дворянства.

По указу его императорскаго величества, правительствующій сенатъ слушалъ рапортъ г. министра внутреннихъ дѣлъ, отъ 27 Мая 1856 г. за №. 1592, слѣдующаго содержания : Государь императоръ, по положенію комитета гг. министровъ, высочайше повелѣтъ соизволилъ, въ дополненіе къ высочайше утвержденному во 2-й день Апрѣля 1853 года положенію о сыновьяхъ военныхъ оберъ-офицеровъ и вообще чиновниковъ, получившихъ на службѣ личное дворянство, но недослужившихся до правъ потомственнаго дворянства (5 примѣч. къ ст. 184 св. зак. о сост. т. IX, по XVII продолж.), постановить слѣдующее : 1) Тѣхъ изъ сыновей сихъ лицъ, кои окончивъ курсъ въ учебныхъ заведеніяхъ, или получивъ домашнее образованіе, по достиженіи восемнадцатилѣтняго возраста, вмѣсто добровольнаго поступленія на службу, на основаніи правъ, ихъ происхожденію предоставленныхъ, изберутъ какое-либо полезное, закономъ дозволенное занятіе въ частномъ гражданскомъ быту, —освободить отъ обязанности поступать въ военную службу и не считать ихъ подлежащими дѣйствию вышеприведеннаго закона, но съ тѣмъ однако, чтобы о дѣйствительномъ вступленіи въ отправленіе таковыхъ частныхъ обязанностей, представляемы были каждымъ изъ поименованныхъ лицъ надлежащія удостовѣренія мѣстному начальству. 2) Если кто-либо изъ сихъ молодыхъ

людей въ теченіе одного года не избересть никакого изъ подобныхъ частныхъ занятій, или подъ предлогомъ оныхъ будетъ оставаться въ праздности,—то всѣхъ таковыхъ лицъ немедленно обращать на службу на точномъ основаніи закона 2-го Апрѣля 1853 года, и 3) Наблюденіе за неуклоненіемъ сихъ лицъ отъ службы и вообще за образомъ ихъ жизни и поведеніемъ возложить на обязанность и отвѣтственность ближайшаго мѣстнаго начальства, подъ строгимъ надзоромъ начальниковъ губерній или генералъ-губернаторовъ. О такомъ высочайшемъ повелѣніи, объявленномъ ему выпискою изъ журналовъ комитета гг. министровъ 1-го и 22-го минувшаго Мая, онъ, г. министръ внутреннихъ дѣлъ, доноситъ правительствующему сенату, для зависящаго со стороны онаго распоряженія. Приказали : объ означенномъ его императорскаго величества повелѣніи, для приведенія во всеобщую извѣстность и должнаго, въ чемъ до кого касаться можетъ, исполненія, послать указы во всѣ губернскія, войсковыя и областныя правленія, гражданскимъ губернаторомъ, главнымъ начальникамъ губерній и гг. министрамъ; въ свѣтѣйшій правительствующій синодъ, во всѣ департаменты правительствующаго сената и въ общія оныхъ собранія сообщить вѣдѣнія; для вѣдомленія же инспекторскій департаментъ гражданского вѣдомства, въ департаментъ министерства юстиціи передать копію съ опредѣленія, и припечатать въ сенатскихъ вѣдомствахъ. (По 1-му департаменту).

Подписалъ : *Оберъ-секретарь* Вакаръ.

МИНИСТЕРСТВО ВОЕННОЕ.

КАНЦЕЛЯРІЯ МИНИСТЕРСТВА.

Отдѣленіе

Свода Военныхъ Постановленій.

С.-Петербургъ, Марта 1857 г.

О прекращеніи дѣйствія Положенія 2 Апрѣля 1853 года, объ опредѣленіи въ учебныя войска сыновей военныхъ оберъ-офицеровъ и чиновниковъ, недослужившихся до правъ потомственнаго дворянства.

Положеніемъ 2 Апрѣля 1853 года опредѣлено сыновей оберъ-офицеровъ и вообще чиновниковъ, не дослужившихся до права потомственнаго дворянства, если они до 18-лѣтняго возраста не поступятъ въ тѣ учебныя заведенія, въ которыя по существующимъ правиламъ они принимаются, или не поступятъ добровольно на службу, на основаніи правъ ихъ происхожденію предоставленныхъ, зачислять для предупрежденія вредныхъ послѣдствій трудности на службу въ учебныя войска.

Означенное положеніе, какъ изъ допесеній нѣкоторыхъ губернскихъ начальствъ видно, застигло дѣтей оберъ-офицеровъ и чиновниковъ въ разныхъ положеніяхъ. Одни изъ нихъ издавна занимались торговою промышленностію, платили установленныя гильдейскія повинности, и содержали въ городахъ довольно обширныя магазины, которые съ привлеченіемъ хозяевъ въ военную службу должны были закрыться; другіе также издавна занимались различными ремеслами и, причислившись для этого къ цехамъ, трудами своими содержали себя съ многочисленными семействами; наконецъ третьи находились при выгодныхъ частныхъ должностяхъ, заслуживъ своими полезными услугами расположеніе своихъ хозяевъ и довѣрителей.

Въ Маѣ минувшаго года вслѣдствіе поступившаго отъ Рижскаго военнаго, Лифляндскаго, Эстляндскаго и Курляндскаго генералъ-губернатора представленія, постановлено положеніемъ комитета министровъ, удостоеннаго высочайшаго в. н. в. утвержденія, освобождать отъ обязанности поступать въ военную службу и не считать подлежащими дѣйствію Положенія 2 Апрѣля 1853 года тѣхъ изъ сыновей вышеупомянутыхъ лицъ, кои окончивъ курсъ въ учебныхъ заведеніяхъ, или получивъ домашнее образованіе, по достиженіи 18-лѣтняго возраста, вмѣсто добровольнаго поступленія на службу, выберутъ какое-либо полезное, закономъ дозволенное занятіе, въ частномъ гражданскомъ быту.

Между тѣмъ, по исполненію означеннаго Положенія 2 Апрѣля 1853 года, возникли различные вопросы, изъ коихъ главнѣйшіе суть :

1) Распространяется-ли сіе Положеніе : а) на обремененныхъ семействами или вступившихъ въ браки; б) на тѣхъ, которые были на службѣ, но оставили оную по различнымъ случаямъ, безъ полученія класснаго чина; в) на тѣхъ, которые не воспользовались правами поступить въ гражданскую службу по обстоятельствамъ отъ нихъ независящимъ или по болѣзни.

2) Можно-ли возвращать хотя одного сына родителямъ по просьбахъ ихъ, когда всѣ дѣти окажутся годными къ военной службѣ?

3) Чѣмъ должно руководствоваться медицинское начальство, при постановленіи заключенія о способности и негодности оберъ-офицерскихъ дѣтей къ военной службѣ: правилами ли рекрутства или другими узаконеніями и гдѣ и подъ чьимъ надзоромъ слѣдуетъ производить испытаніе надъ тѣми, которые оказались, что одержимы болѣзнями, проходящими съ теченіемъ времени.

4) Какими средствами обучать въ учебныхъ войскахъ наукамъ означенныхъ молодыхъ людей, дабы они согласно существующимъ для производства въ офицеры правиламъ, могли выдержать испытаніе по программѣ 6 Мая 1844 года. Для этого испытанія необходимы познанія въ русской грамматикѣ, въ нѣмецкомъ или французскомъ языкѣ, ариметикѣ, всеобщей и россійской исторіи и географіи. Дабы обучать сихъ молодыхъ людей наукамъ, необходимы въ учебныхъ войскахъ учителя, на содержаніе которыхъ потребуются немаловажныя издержки.

О прекращеніи дѣйствія Положенія 2 Апрѣля 1853 года ко дню священнаго коронованія вашего императорскаго величества я имѣлъ счастье повергать на благоусмотрѣніе вашего величества, объяснивъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ, что со времени изданія того Положенія въ 1856 годѣ, обращено въ военную службу дѣтей оберъ-офицеровъ и чиновниковъ 172 человека, и что какое число таковыхъ молодыхъ людей состоитъ нынѣ въ имперіи неизвѣстно, но что число это должно быть весьма значительно, судя потому, что со времени изданія высочайшаго манифеста 11 Іюня 1845 г., по которому потомственное дворянство приобрѣталось полученіемъ въ военной службѣ штабъ-офицерскаго чина, а въ гражданской—чина 5-го класса, весьма много изъ служащихъ лицъ и въ особенности въ минувшее военное время приобрѣли офицерскіе чины, но еще не дослужили до чиновъ, потомственное дворянство предоставляющихъ.

Ваше императорское величество, принявъ на видъ объясненіе мое, что число оберъ-офицерскихъ и чиновничьихъ дѣтей должно быть значительно, извоили признать необходимымъ не отмѣнять дѣйствія положенія 2-го Апрѣля 1853 г., *ибо изъ сихъ дѣтей составилось-бы самое вредное сословіе пролетаріевъ.*

Осмѣливаюсь всеподданнѣйше доложить, что означенное объясненіе мое повергнуто было усмотрѣнію вашего императорскаго величества въ томъ соображеніи, что число обращенныхъ въ военную службу оберъ-офицерскихъ дѣтей, на правилахъ положенія 1853 г., ничтожно въ сравненіи съ общимъ числомъ таковыхъ дѣтей въ имперіи. Подтвержденіемъ сему можетъ служить и высочайше одобренное въ концѣ минувшаго года распределеніе поступившихъ въ томъ году на службу означенныхъ дѣтей,—число ихъ простирается только до 30 человекъ.

Сія послѣдняя цифра, при всемилостивѣйшемъ разрѣшеніи вашего величества, въ Маѣ 1856 года, оберъ-офицерскимъ дѣтямъ избирать для ихъ существованія всякое полезное, закономъ дозволенное занятіе въ частномъ гражданскомъ быту, едва-ли и въ будущемъ времени можетъ увеличиться.

Имѣя сверхъ того въ виду :

1) Что по милосердію вашего императорскаго величества отмѣнено было указомъ 26-го Августа минувшаго года правительствующему сенату даннымъ, дѣйствіе совершенно однороднаго съ положеніемъ 2 Апрѣля 1853 года, положеніи 21 Апрѣля 1852 года объ обращеніи въ военную службу *дворянъ Западныхъ губерній*, достигшихъ 18-лѣтняго возраста.

[Собственною е. и. в. рукою написанно карандашемъ : “это совѣтъ другое”].

2) Что съ изданіемъ высочайше утвержденныхъ вашимъ величествомъ въ 25 день Декабря 1856 года правилъ объ исключеніи изъ военно-сухопутнаго и морскаго вѣдомства всѣхъ солдатскихъ и матросскихъ сыновей и кантонистовъ, приступлено уже къ соображеніямъ о преобразованіи заведеній военныхъ кантонистовъ въ военныя школы, для приготовленія людей въ разныя нестроевыя должности. Для исполненія этой обширной работы учрежденъ мною особый комитетъ, который будетъ имѣть въ виду допустить поступленіе въ сіи школы оберъ-офицерскихъ и чиновничьихъ дѣтей, и

3) Что за высочайшимъ утвержденіемъ предположеній главнаго начальства военно-учебныхъ заведеній относительно допущенія въ спеціальныя классы кадетскихъ корпусовъ для изученія военныхъ наукъ, лицъ различныхъ сословій государства, откроется новая возможность для оберъ-офицерскихъ и чиновничьихъ дѣтей, окончившихъ образованіе въ университетахъ, быть полезными службѣ вашего величества.

Я считаю долгомъ повергнуть всѣ вышеизложенныя обстоятельства на всемилостивѣйшее благоусмотрѣніе в. и. в. и всеподданнѣйше ходатайствовать о прекращеніи дѣйствія положенія 2 Апрѣля 1853 г. объ опредѣленіи въ учебныя войска сыновей военныхъ оберъ-офицеровъ и чиновниковъ, недослужившихся до правъ потомственнаго дворянства.

19 Марта 1857 г.

Генералъ-адъютантъ Сухозанетъ.

Собственною его величества рукою написанно карандашемъ :

“Не вижу никакой уважительной причины къ отмѣнѣ постановленія 1853 года.”

РАНЕНЫЕ ОФИЦЕРЫ.

Нужно ли обозначить цифромъ огромное количество тяжело раненыхъ и увѣченныхъ офицеровъ оставшихся отъ Крымской войны? Кому неизвѣстно, что усовершенствованіе въ то время огнестрѣльныхъ орудій имѣло послѣдствіемъ неслыханную массу убитыхъ, а еще болѣе тяжело раненыхъ и увѣченныхъ, изъ коихъ большинство давно уже умерло, оставшіеся-же въ живыхъ офицеры страдаютъ отъ послѣдствій ранъ, а еще болѣе—голодомъ.

Докажемъ, что это заключеніе не преувеличено. Включеніемъ именъ уволенныхъ за ранами офицеровъ въ инвалидный списокъ, приобрѣтено ими офицерами *право на получение инвалидной пенсіи, но по сіе время многимъ изъ нихъ пенсія сія не производится по неимѣнію достаточныхъ средствъ въ распоряженіи Комитета о Раненыхъ.*

За тѣмъ приобрѣтенное инвалидами право есть не-что иное какъ мертвая буква. Посмотримъ по ближе на дѣло, о которомъ нельзя сомнѣваться, что оно удостоивается полнаго вниманія каждаго благомыслящаго сына отечества.

Комитетъ о Раненыхъ имѣетъ въ распоряженіи своемъ до 150,000 рублей въ годъ для раздачи раненымъ на службѣ состоящимъ, а около 160,000 въ годъ для раздачи уволеннымъ отъ службы за ранами и увѣчьями, которыя по предоставленнымъ свидѣльствамъ не позволяютъ раненымъ продолжать какой-либо службы. Для того, чтобы удовлетворить на законномъ основаніи раненыхъ и увѣченныхъ отъ службы уволенныхъ, надобно по примѣрному расчету къ 160,000 прибавить еще до 90,000.

Говорятъ (?), что въ Комитетѣ о Раненыхъ строго соблюдается очередь, т. е. раненые удовлетворяются инвалидною пенсіею по порядку внесенія ихъ именъ и фамиліи въ кандидатскій списокъ. Это было-бы совершенно справедливо, но весьма несправедливо то, что въ предшествовашихъ годахъ Комитетъ о Раненыхъ не пользовался предоставленнымъ ему правомъ войти съ предоставленіемъ на высочайшее имя черезъ военнаго министра о назначеніи въ распоряженіе Комитета добавочныхъ по мѣрѣ дѣйствительной нужды для удовлетворенія на законномъ основаніи всѣхъ уволенныхъ за ранами и увѣчьями генераловъ и офицеровъ слѣдуемою имъ инвалидною пенсіею.

Наконецъ, въ 1862 году посятся слухи будто-бы Комитетъ о Раненыхъ осмѣливался беспокоить военнаго министра представленіемъ по этому дѣлу для доклада о томъ императору; неизвѣстно однакожъ : угодно - ли будетъ военному министру дать этому представленію законное движеніе, т. е. довести до свѣденія государя объ обиженныхъ правахъ значительнаго числа страдающихъ отъ ранъ бѣдняковъ.

По сіе время уволенные отъ службы за ранами военные чины не были удостоены ни малѣйшаго попеченія со стороны военнаго министра. Между тѣмъ нельзя отрицать, что онъ обязанъ наблюдать : чтобы военныя чины, какъ на службѣ состоящіе, такъ и инвалиды получали вполнѣ *первыя* слѣдуемые имъ оклады, а *вторые* слѣдуемыя имъ по закону инвалидныя пенсіи.

Военному министру не можетъ быть неизвѣстно, что уволенному за ранами офицеру производится инвалидная пенсія въ такомъ только случаѣ, если онъ владѣетъ капиталомъ ниже 14,000 рублей, а генералу ниже 28,000 рублей, *слѣдовательно ось рѣшительно генералы и офицеры, поступившіе*

от инвалидный списокъ, не имѣютъ нужныхъ средствъ для безбѣднаго своего пропитанія, а слѣдующей имъ инвалидной пенсїи лишаются непростительною безпечною и безчеловѣческимъ равнодушіемъ Комитета о Раненыхъ, особливо же военнаго министра.

Что скажутъ о таковой несправедливости по объявленіи о томъ въ газетахъ французскихъ и англійскихъ? Въ Англіи и Франціи инвалиды во всякое время удовлетворялись вполнѣ на точномъ основаніи предоставленныхъ имъ законами правъ и преимуществъ!...

Мы раненые и увѣченные, число коихъ ежедневно уменьшается смертію нашихъ сострадаельцевъ, крѣпко надѣемся, что если о положеніи нашемъ доведено будетъ до свѣденія государя, то не можетъ быть препятствія къ безотлагательному удовлетворенію нашихъ законныхъ правъ! Надѣемся, что ассигнованы будутъ недостающіе 90,000 руб. для полнаго удовлетворенія уволенныхъ за ранами военныхъ чиновъ, которые по сіе время всѣ находятся въ крайне стѣсненномъ положеніи.

С М Ъ С Ъ.

письмо г. п. новицкаго.*

М. Г.

Вы много разъ говорили въ своемъ журналѣ, что не берете на себя ответственности за сообщаемые Вамъ слухи, сплетни, ругательства и безсовѣстные обвиненія.

Съ другой стороны, мы очень хорошо убѣдились, что Вы съ полною свободою поступаете относительно многихъ другихъ, сообщаемыхъ Вамъ фактовъ, т. е. или вовсе не сообщаете ихъ, или передаете ихъ въ исковерканномъ видѣ.

Какъ-бы ни была велика смѣлость, которую Вы берете на себя иногда, Вы, изъ того что будетъ слѣдовать въ моемъ письмѣ, убѣдитесь въ моемъ правѣ требовать отъ Васъ отчета въ вашихъ поступкахъ.

Потрудитесь отвѣтить мнѣ: На основаніи какихъ достовѣрныхъ свѣденій Вы рѣшились перепечатать изъ *Свободнаго Слова* имена лицъ, дѣятельность которыхъ такъ интересуется г. Бюммера?

Я считаю себя компетентнымъ требовать отъ Васъ этого отчета по слѣдующему, можетъ быть и нестранному соопаченію обстоятельствъ: живетъ въ Петербургѣ одинъ злобный человѣкъ, по прозванію Михайло Ивановичъ *Семевскій*, онъ-же и литераторъ; имѣетъ онъ противъ меня, что называется, “зубъ.” А ужъ если у Михайла Ивановича есть такой душевной человѣкъ, то онъ его никогда не забудетъ и найдетъ всегда случай излить на него свою злобу. Этотъ самый *Семевскій*, прощаясь съ однимъ своимъ знакомымъ (профессоромъ В...) и показывая ему, между прочимъ, мою рукопись: “Мазасъ—Воспомяніе о Парижѣ”, предупредилъ его, что за границей встрѣчается много всякихъ темныхъ людей и что вотъ, такъ сказать, этотъ самый Новицкій (Петръ Васильевичъ, полтавской губерніи, ромейскаго уѣзда), когда то section VI, No. 4, inculpé de colportage et distribution d'imprimés de fausse autorisation, —находится въ настоящее время въ Берлинѣ въ качествѣ

* Письмо это печатаемъ мы по повторенному требованію г. П. Новицкаго, приваваго на себя наекъ сдѣланный въ “Свободномъ Словѣ” о какомъ-то Новицкомъ. Права требовать отчета почему мы перепечатываемъ статьи, мы рѣшительно ни за кѣмъ не признаемъ.—Ред.

согладата за русскими и въ этомъ достоинствѣ получаетъ отъ русскаго правительства 800 руб. сер.

Когда знакомый *Семевскому* профессоръ прїѣхалъ въ Берлинъ, то ему попался послѣдній номеръ (7 и 8) *Свободнаго Слова*, гдѣ г. Бюммеръ спрашиваетъ: Что подѣлываютъ и гдѣ служатъ малые люди, въ родѣ, ни для кого болѣе недвусмысленныхъ гг. Килевейна и Назаревскаго; тутъ-же красуется и фамилія Новицкаго, которою прозываюсь и я. Разумѣется, что г. профессору не много оставалось сомнѣній относительно того самаго Новицкаго, отъ котораго остерегалъ его почтеннѣйшій Михайло Ивановичъ *Семевскій*, а говорилъ-то Михайло Ивановичъ не о какомъ другомъ Новицкомъ, какъ о мнѣ, пишушемъ это письмо. У. М. И. *Семевскаго* нѣтъ другаго знакомаго Новицкаго, сидѣвшаго въ парижской тюрьмѣ *Мазасъ*.

Значитъ г. *Семевскій* имѣетъ на этотъ разъ весьма мало шансовъ отговорится,—на случай-бы онъ это и вздумалъ по своей увертливости,—что онъ говорилъ не обо мнѣ. И такъ всякому теперь понятно, что *Семевскому* представителемъ фамиліи Новицкаго служилъ никто другой какъ я.

Понятно также всякому, что положеніе мое было-бы очень блестящее при слѣдующей обстановкѣ: извѣстный литераторъ и путешественникъ по Россіи, М. И. *Семевскій*, этотъ обворожительный для провинціальныхъ людей человѣкъ, сказалъ одному почтенному профессору, что такой-то Новицкій, котораго онъ увидитъ за границей, извѣстный шпіонъ, душегубецъ, висѣльникъ. И въ подтвержденіе всего этого г. профессоръ имѣетъ еще печатное свѣденіе въ журналѣ, одно заглавіе котораго зажимаетъ ротъ всякому скептику о какомъ-то сомнительномъ Новицкомъ. Такимъ образомъ репутація моя была брошена aux quatre vents: *Семевскій* ѣздитъ теперь по Россіи и, какъ водится, не забудетъ обо мнѣ; г. профессоръ имѣлъ бы также полное право говорить обо мнѣ за границей, что я шпіонъ.

Ксчастью г. профессоръ попалъ въ Гейдельбергъ и имѣлъ торжественный случай разочароваться и во мнѣ и въ г. *Семевскомъ*: смѣхъ, которымъ былъ встрѣченъ его разсказъ обо мнѣ былъ для него понятнѣе всякихъ присягательствъ: Изъ 60 русскихъ, живущихъ здѣсь, нѣтъ почти ни одного, къ великому моему сожалѣнію, который-бы не зналъ моей фамиліи, потому что я сидѣлъ (говорю вамъ безъ гордости) 10 дней въ здѣшней тюрьмѣ за извѣстную вамъ кошачью музыку. Кромѣ того, я очень близко знакомъ со многими изъ русскихъ; нѣкоторые же изъ нихъ знаютъ всю мою подноготную и могутъ всѣмъ разсказать, что я дѣлалъ мѣсяць въ Берлинѣ, какъ я жилъ въ Боннѣ и какъ я живу здѣсь. Подумайте сами теперь: статочное-ли дѣло, чтобы при такой въ нѣкоторомъ родѣ популярности, могъ-бы я, если-бы я въ самомъ дѣлѣ былъ аускультаторомъ 3-го отдѣленія, ходить среди русскихъ и поляковъ на цѣлыхъ ногахъ и съ цѣлой головой.

Третьяго дня мои Гейдельбергскіе знакомые написали письмо г. Леониду фонъ Бюммеру и просили его объяснить: кого онъ именно разумѣетъ подѣ фамиліей Новицкаго шпіономъ и какія онъ имѣетъ на то доказательства.

Сегодня я прочиталъ перепечатанное вами извѣстіе изъ *Свободнаго Слова* о людяхъ заподозрѣнныхъ въ шпіонствѣ, и хотя-бы мнѣ слѣдовало подождать отвѣта г. Бюммера, но время такъ дорого, что я теперь-же пишу вамъ это письмо и

спрашиваю васъ : на основаніи какихъ фактовъ вы рѣшили перепечатать оскорбительное для меня обвиненіе.

Я, почтеннѣйшій Александръ Ивановичъ, удержу свое сердце ; мое прежнее уваженіе къ вамъ и знаніе нѣкоторыхъ приличій не позволятъ мнѣ сказать вамъ ничего оскорбительнаго, но вотъ вамъ мое слово ; я его скажу смѣло, а вы поймете-ли его?

Я воспитался въ ненависти къ насилию и произволу, который меня преслѣдовалъ съ пелѣнокъ. Я ненавижу теперешнее русское правительство всею ненавистью челоѣка, испытавшаго деспотизмъ и русскаго правительства, и французскаго и нѣмецкаго. Я наконецъ, ненавижу всякій деспотизмъ, даже и тотъ, который прикрывается народолюбовствомъ и демократической обстановкой. Я ненавижу *снлаго челоѣка*, но я также не люблю и *краснаго челоѣка* и смѣюсь надъ нимъ, тѣмъ паче когда онъ закалываетъ свой галстухъ тоноромъ. Я ненавижу цензуры, но въ тоже время готовъ во все горло хохотать надъ людьми, которые думаютъ осчастливить народъ посредствомъ прокламацій, посредствомъ печатной разрывной бумаги. Я никогда не рѣшался смотрѣть на то чудовище, которое съ трехъ-конечнымъ кнутомъ пляшетъ у позорнаго столба, но вмѣстѣ съ тѣмъ я никогда серьезно не жалѣлъ о тѣхъ бѣдныхъ людяхъ, которые рѣжутъ на бумагѣ царей и помѣщиковъ, губятъ черезъ это дѣйствительно либеральныхъ людей и нотомъ идутъ въ Сибирь научиться истинно любить народъ и понимать, что клиномъ клина не вышибешь. Я готовъ смѣло протестовать противъ насилий правительства, но и не задумываюсь зажать ротъ тому забавнику, который осмѣлится сказать, что Россія обязана какому нибудь дѣйствительному шагу къ прогрессу всѣмъ негѣпостямъ тайнаго общаго дѣла, которымъ такъ хвалятся всѣ эти трутни, кастраты, мышинные жеребчики либерализма. Я не боюсь ужасовъ, которые напускаетъ на насъ правительство, но въ тоже время, я недостаточно трусливъ, чтобы стѣсняться какими-нибудь, можетъ быть для другихъ и опасными признаніями, чтобы разрушить клевету.

Я много бѣдствовалъ и голодалъ, я много видѣлъ всякихъ соблазновъ и всякихъ мерзавцевъ, но не только не сдѣлался шпиономъ, а даже не могъ болѣе мѣсяца оставаться чиновникомъ, о чемъ можете справиться у челоѣка довольно извѣстнаго, у самаго графа Николая Николаевича Муравьева-Амурскаго.

Письмо это прочитано мною моимъ Гейдельбергскимъ знакомымъ ; Вы-же потрудитесь его напечатать въ ближайшемъ номерѣ *Колокола*, чтобы его могли прочитать и другіе мои знакомые, какъ заграничные, такъ и живущіе въ Россіи, а также и за тѣмъ, чтобы князь Василій Андрѣевичъ не возымѣлъ обо мнѣ хорошаго мнѣнія и не принялъ-бы клевету на меня за своего рода vox populi, и чтобы главному инквизитору Липранди не приходилось краснѣть за то, что людей непризнающихъ святости деспотизма заподозрѣваютъ въ прикосновенности къ таинствамъ аускультации.

П. Новицкій.

Гейдельбергъ, 1862 г. 27 Октября.

— *Потеря сотрудника.* — Читатели вѣроятно примутъ участіе въ потерѣ одного изъ самыхъ неутомимыхъ сотрудниковъ нашихъ, — графъ Викторъ Никитичъ Панинъ, доставлявшій намъ столько матеріаловъ, наконецъ палъ, мужественно защищая плечи и розги !

— *Изъ Москвы.* — У насъ уныніе и могильная тишина. Аресты продолжаются. Проектъ судопроизводства въ будущемъ служить декорацией, на которой представлена Оемида со всѣми атрибутами, за посуломъ терроръ и николаевскія гоненія. Валугевъ отправился въ Москву выполоть послѣдніе плевелы. Онъ просилъ у царя дать ему волю (революціонеръ этотъ Де-Валугевъ какъ его называетъ Нордъ!) арестовывать, ссылатъ и пр. Одна утѣшительная вещь и есть, что въ одномъ уѣздѣ (не помню въ какомъ), мировой съѣздъ отказался отъ права наказывать крестьянъ. Дай то богъ, чтобы этотъ благородный примѣръ нашелъ послѣдователей.*

— *Приказъ по отдѣльному гвардейскому корпусу.* — (С.-Петербургъ, 19-го Октября 1862 г., No. 181-й.) Высочайшею конфирмаціею, послѣдовавшею 11-го сего Октября, на всеподданнѣйшемъ докладѣ генераль-аудиторіата по военному дѣлу о подпоручикѣ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка *Николай Григорьевъ*, опредѣлено : подсудимаго *Григорьева*, за распространеніе между нижними чинами, посредствомъ разговоровъ и сообщенія ложныхъ слуховъ, превратныхъ понятій о ихъ обязанностяхъ относительно начальства и правительства, и покушеніе поселить между ними чувство неудовольствія къ существующему порядку, но лишеніи чиновъ, дворянскаго достоинства, бронзовой медали въ память войны 1853—1856 годовъ и всѣхъ правъ состоянія, сослать на поселеніе, въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири. (*Рус. Ин.*)

— *Приказъ главнаго командира Кройштадтскаго порта*, No. 430, 13-го Октября 1862 г. списанный съ фрегата “Дмитрій-Донской” гардемаринъ 10-го флотскаго экипажа *Саблинъ*, за дозволеніе себѣ, во время кампаніи на фрегатѣ, *курить табакъ* въ каютѣ, вопреки троекратному словесному и письменному запрещенію командира, и за сдѣланный имъ на замѣчаніе командира отвѣтъ, что хочетъ списаться съ фрегата, предается военному суду.

— *Взысканіе.* — Состоявшій подъ судомъ коллежскій секретарь *Добровольскій*, за *плѣніе патріотическаго гимна*, послѣ объявленія города Житомира на военномъ положеніи, и явное неповиновеніе и *буйство противъ воинской власти*, во время содержанія его подъ стражею, по конфирмаціи, генераль-лейтенанта Гессе, послѣдовавшей 26-го Іюня сего года, лишенъ чиновъ и дворянскаго достоинства и опредѣленъ на службу рядовымъ безъ выслуги. (*С. В.*)

— *Сентенція военнаго суда.* — Резервнаго дивизіона Александрійскаго гусарскаго великаго князя Николая Николаевича старшаго полка подполковнику *Красовскому*, присужденному генераль-аудиторіатомъ, на основаніи полевыхъ уголовныхъ законовъ, къ лишенію чиновъ и всѣхъ правъ состоянія и къ смертной казни разстрѣляніемъ, за покушеніе возбудить нижнихъ чиновъ къ неповиновенію, чрезъ подбрасываніе къ нимъ возмутительнаго воззванія и другія преступныя дѣйствія, по *осемилостивѣйшему* государя императора повелѣнію смертная казнь замѣняется политическою смертію, съ исполненіемъ надъ нимъ обряда, въ семъ случаѣ въ законахъ установленнаго, и ссылкой затѣмъ въ каторжную работу въ рудникахъ, на двѣнадцать лѣтъ.

; Правда-ли что капитанъ 2-го ранга *Макухинъ*, командиръ 2-го своднаго экипажа въ Севастополѣ, посылаетъ матросовъ своего экипажа на свой хуторъ, гдѣ ими отправляются всѣ земляныя работы ?

* Этотъ превосходный поступокъ мы прочли въ “Спб. Вѣдомостяхъ” и по несчастію утратили No., а потому и не можемъ достойно назвать уѣзда.

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи, 136 & 138 Caledonian Road, London, N.

ОФИЦЕРАМЪ РУССКИХЪ ВОЙСКЪ ОТЪ КОМИТЕТА РУССКИХЪ ОФИЦЕРОВЪ ВЪ ПОЛЬШѢ.

Товарищи—по всѣмъ корпусамъ, полкамъ и баттареймъ, арміи и гвардіи,
внутренней стражѣ и казачеству, академіи и штабу!

Наше положеніе исключительно. Правительство распоряжается въ польскихъ городахъ такъ, что народъ долженъ потерпѣть всякое терпѣніе и возстать, даже не рассчитывая—будетъ удача или нѣтъ. Обстоятельства все ближе и ближе подводятъ къ минутѣ, когда намъ придется быть палачами Польши, или пристать къ ея возстанію.

Мы не хотимъ быть палачами

Еслибъ мы были одни, мы бы сложили оружіе и удалились. Но за нами солдаты. И они не хотятъ быть палачами. Заставить цѣлые полки сложить оружіе, не приставляя ни къ той ни къ другой сторонѣ, нѣтъ человѣческой возможности. Вы видите, что для насъ выбора нѣтъ. мы прижмемъ къ дѣлу свободы. Мы заявимъ, что русскій народъ воздвигаетъ знамя освобожденія, а не порабощенія славянскихъ племенъ. Мы не опозоримъ русскаго имени продолженіемъ грѣховъ петербургскаго императорства; лучше надемъ жертвою очищенія, жертвою искупленія.

Центральный Варшавскій Комитетъ, стоящій нынѣ во главѣ польскаго движенія, заявилъ намъ, что его цѣль — надѣленіе всѣхъ польскихъ крестьянъ землею, уравненіе всѣхъ правъ и уничтоженіе сословной розни; независимость Польши отъ петербургскаго и другихъ нѣмецкихъ правительствъ, и признаніе за всѣми областями, соединенными съ Польшей воспоминаніями прошедшаго, права располагать собою—помимо всѣхъ государственныхъ какъ польскихъ, такъ и русскихъ соображеній. Только на этихъ основаніяхъ, мы и наши солдаты готовы прилкнуть къ польскому возстанію, потому что тѣже основанія и нашей русской свободы...

Въ виду грозы, мы рѣшились обратиться въ комитетъ, чтобы единодушно взвѣсить всѣ обстоятельства и уяснить свой путь. Мы употребимъ всѣ усилія, чтобы устранить ненужныя бѣдствія. Но время дорого.

Прасительство дѣйствуетъ въ Россіи не лучше чѣмъ въ Польшѣ. Послѣ крымской войны, побитое, оно увидѣло, что дальше нельзя держаться на гнилыхъ сваяхъ петербургскаго канцелярства и тайной полиціи. Оно начало преобразовывать—съ ложнымъ видомъ искренности, но съ дѣйствительнымъ желаніемъ не дѣлать никакихъ уступокъ.

Отсюда вышли:

Освобожденіе крестьянъ съ урѣзкой у нихъ земель, съ насильственными уставными грамотами, съ невозможнымъ выкупомъ, съ стрѣльбой по народу, и наконецъ съ обѣщаніемъ императора, что онъ народу другой, настоящей воли никогда не дастъ;

Преобразованіе системы финансовъ—и рядомъ увеличеніе налоговъ, займовъ и раззоренія;

Обѣщаніе преобразованія судебной части, и рядомъ наполненіе казематовъ людьми, которыхъ преступленіе — предпосылка настоящей народной воли; а у насъ казни офицеровъ и солдатъ за то, что смѣли говорить объ этой воли;

Обѣщаніе губернскихъ думъ для заведыванія хозяйственной частью губерній, и рядомъ постепенное введеніе въ Россію военно-осаднаго положенія—отъ западныхъ губерній до нижегородской ярмарки.

Вы видите, что петербургское императорство и не искренно и не способно.

Русскій народъ, по настоящей воли, то есть безсословно, на народной землѣ, съ самостоятельностью областей и ихъ общимъ союзомъ,—можетъ учредиться только посредствомъ Земскаго Собора, посредствомъ отовсюду безсословно всѣми выбранныхъ, доверенныхъ людей.

Созвать Земскій соборъ правительство никогда не захочетъ.

Огромная пространствомъ и менѣе сосредоточенная чѣмъ Польша,—Россія, можетъ днемъ позже, но скоро придетъ въ подобное-же волненіе. Неурядица грозитъ дикой рѣзнѣй и страшнымъ кровопролитіемъ.

Кто-же спасетъ Россію?

Войско!

Войско должно отказаться держать Россію въ осадномъ положеніи и быть палачемъ русскаго народа, такъ какъ мы—случаемъ поставленные въ Польшу—отказываемся быть палачами польскаго народа.

Но одного отказа мало. Чтобы спасти Россію, войско должно быть другомъ народа и слугой его свободы.

Товарищи! Гдѣ-бы ни застигъ васъ голосъ нашъ, примите его къ сердцу.

Составьте комитеты подобные нашему. Говорите солдатамъ, что ихъ дѣло не палачество, а спасеніе настоящей народной воли. Только свободный русскій народъ можетъ сдѣлать изъ солдатъ—не oprичниковъ императорства—а волеиныхъ, землевладѣющихъ людей, защитниковъ свободнаго отечества. Скажите имъ, что воля русская требуетъ новой присяги и святой преданности.

Когда вы составите крѣпкіе кружки или комитеты, единодушно съ солдатами, войдемте въ сношеніе и сомкнемтесь духомъ и дѣломъ во едино.

Отъ Петербурга и Бессарабіи, отъ Урала и Дона, отъ Черноморья и Кавказа — пойдемте спокойнымъ строемъ черезъ всю землю русскую, не допуская ненужнаго кровопролитія, давая народу свободно учреждаться въ волости и области, и клича кличъ на Земскій Соборъ людей выбранныхъ отъ всей земли русской для общаго союза и разумнаго устройства.

Мы не самолюбивы. Мы не ставимъ себя центральнымъ комитетомъ. Пусть нами и вами руководятъ самые способные. Назовите ихъ и мы пойдемъ за ними.

Но торопитесь, время дорого.

Если-же судьба рѣшитъ, что мы прежде васъ должны будемъ отказаться отъ палачества и прилкнуть къ дѣлу свободы, то завѣтъ настоящей воли народной, принятый нами отъ Пестелей и Рыльцевыхъ, мы передаемъ вамъ.

Товарищи! Мы, на смерть идущіе, вамъ кланяемся.

Отъ васъ зависитъ, чтобы это была не смерть, а жизнь новая!

1862 года, 5 Ноября.

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM,

КОЛОКОЛЪ

VIVOS VOCO!

ЛИСТЬ 152.

15 ДЕКАБРЯ 1862.

(WITH SUPPLEMENT VETCHÉ No. 7).

Выходить еженедѣльно въ Лондонѣ.
Получается въ Вольной Русской Типо-
графіи—136 & 138, Caledonian Road, N.
Цѣна 1 шил., съ седьмымъ номеромъ
—ОБЩЕЕ ВЪЧЕ.

У Трубнера & Co. въ книжной лавкѣ,
60, Paternoster Row, и у Tchorzewski,
1, Macclesfield Street, (Gerrard Street),
Soho, London. Price One shilling, with
Supplement: VETCHÉ No. 7.

ОГЛАВЛЕНІЕ.—Пути! пути!—Разборъ основныхъ положеній преобразования судебной части въ Россіи—Военный министръ Милютинъ, какъ министръ
просвѣщенія—Изъ Петербурга—Защитники—Замѣчанія на замѣтку о судебномъ приговорѣ—Дѣло Дьяконова, Трувеллера и проч. Смѣсь: Генералъ-
Губернаторъ Коцебу—Тупое злодѣйство—Канцлеръ павлетистъ—"Daily Telegraph"—"Свѣтлая Пчела"—"Листокъ"—Общій фондъ и проч.

ПУТИ! ПУТИ!

Намъ становится неловко молчать, на постоянно повторяе-
мое обвиненіе въ дороговизнѣ русскихъ книгъ, печатаемыхъ
въ Лондонѣ. Разъ навсегда, мы объяснимъ нашимъ чита-
телямъ, что цѣна русскихъ книгъ зависитъ не отъ насъ,
а отъ нихъ.

При заведеніи русской Типографіи въ Лондонѣ, не было
ввиду *торговаго оборота*. Все дѣлалось и дѣлается един-
ственно съ цѣлью пропаганды.

До 1857 года, не только печать, но и бумага не окупалась.
Съ тѣхъ поръ всѣ издержки покрываются продажей, далѣе
наши финансовыя желанія не идутъ.

Что касается собственно до *избытка* отъ продажи, то его
только что достаётъ на покрытіе ущерба—отъ *перехваты-
ваемыхъ* тремя полиціями экземпляровъ; отъ экземпляровъ,
которые мы считаемъ необходимымъ посылать бездепешно
и на нашъ собственный счетъ; отъ экземпляровъ, за которые
не платятъ, но которые мы посылаемъ, потому что они
доходятъ въ Россію.

Печать въ Лондонѣ очень дорога, это не новость. Лон-
донскія цѣны на печать и бумагу извѣстны.* За чѣмъ мы
печатаемъ въ Лондонѣ? За тѣмъ, что въ Европѣ нѣтъ
вѣрнаго угла, въ которомъ-бы можно было печатать. Мы и
живемъ въ Лондонѣ вовсе не по пристрастію къ его нравамъ,
дороговизнѣ и туманамъ.

Тѣмъ не менѣе и лондонскія изданія, можно было - бы
свести на половинную цѣну. Кто-же виноватъ въ томъ, что
они продаются такъ дорого?

Вы, а не мы.

Открыть новые пути сообщенія, мы не можемъ, это ваше
дѣло; этого требуетъ справедливость, нельзя-же чтобъ мы все
дѣлали, а вы дарили-бы намъ одну благосклонность читателя.
Всѣ русскіе, съ которыми намъ случалось говорить, увѣряли
насъ, что пути провоза книгъ черезъ русскую границу,
устроить *очень легко*—тѣмъ лучше—мы вовсе не хотимъ васъ
обременять тяжкимъ трудомъ, сдѣлайте легкое, но *сдѣлайте
въ самомъ дѣлѣ*. Когда вы устроите постоянные и *прямые*
пути, тогда мы будемъ печатать вмѣсто каждой тысячи—

* Печатный листъ большаго формата тысяча экземпляровъ, на русскомъ
языкѣ, стоитъ больше 150 фр. въ Лондонѣ, и около 75 фр. на Континентѣ.

Годъ VII.

десять тысячъ, и съ каждой тысячею, цѣна будетъ больше и
больше падать на цѣну бумаги. Тогда русская типографія,
станетъ независимо отъ трехъ книгопродавческихъ этаповъ.
Тогда мы не будемъ въ необходимости набавлять *пятьдесятъ*
процентовъ. Тогда и цѣна въ Россіи не будетъ возвышена
срывщиками, надъ которыми мы контроля имѣть не можемъ.

Безъ вѣрныхъ, правильно устроенныхъ путей, не будетъ
дешевыхъ книгъ.

Не умѣете, не хотите, скучаете искать вѣрныхъ путей,
(не смотря на то, что это очень легко), оставайтесь подъ
монополію предприимчивыхъ книгопродавцевъ и платите
имъ втри-дорога.

Наконецъ, если это для васъ легче, перепечатайте внутри
Россіи всѣ наши изданія, Россія велика, какъ не спрятать
въ ней типографскаго ящика, когда въ Варшавѣ выходитъ
Рухъ, Стражница и пр. подъ носомъ Виленпольскаго,
и всѣхъ шпионовъ, которымъ еще не обрѣзали уши какъ
Фелькнеру.

Впередъ позвольте намъ на это не возвращаться.

Издатели "Колокола."

РАЗБОРЪ ОСНОВНЫХЪ ПОЛОЖЕНІЙ
ПРЕОБРАЗОВАНІЯ СУДЕБНОЙ ЧАСТИ ВЪ РОССІИ.

III.

Запутанность понятій о пезависимости суда отъ админи-
страціи перешла въ "Основные Положенія" изъ французскаго
кодекса. Казуистика, т. е. способность отвлеченнаго сложна-
тонкаго вывода, имѣть весь внѣшній оттѣнокъ математи-
ческой формулы, кромѣ истины. Алгебра беретъ отвлеченныя
величины и ставя ихъ, по ихъ соотношеніямъ, въ уравненіе,
въ формулу—непогрѣшительно истина; за то когда алгебра
изъ совершенно абстрактной сферы, переходитъ къ прило-
женіямъ, она тотчасъ принимаетъ въ расчетъ уклоненія,
встрѣчающіяся въ дѣйствительности, всѣ вводныя функціи и
не успокоивается до тѣхъ поръ, пока ея общая формула не
вычислила, не включила въ себя всѣ частные случаи съ ихъ
измѣненіями, не успокоивается пока формула не соотвѣт-
ствуетъ дѣйствительности. Но судебная казуистика беретъ
въ основаніе не абстрактную величину, а абстрактное понятіе

и, вовсе не рассчитывая уклонений, явно выдающихся въ дѣйствительной жизни, примѣняетъ къ ней свои отвлеченные выводы насильственно, посредствомъ правительственной власти, нисколько не заботясь о томъ, что въ приложеніи приходитъ къ совершенному противурѣчію сама съ собою. Отъ этого развитіе судебной казуистики всего рѣзче является у народовъ, которые подчинились правительственной централизациі — вслѣдствіе усталости отъ долговременной исторической жизни, или вслѣдствіе фізіологическаго склада породы. Высшее развитіе судебной казуистики мы находимъ въ имперскомъ Римѣ и Византіи, а изъ новаго міра во Франціи. Въ случаѣ, который мы теперь разсматриваемъ, французская казуистика, взявъ въ помощь казуистику имперскаго Рима, ставитъ абстрактное понятіе: “Судъ долженъ быть независимъ отъ власти административной”, и потомъ разсуждаетъ: “если надъ судомъ учредить особую судебную администрацію, эта судебная администрація будетъ независима отъ той администраціи (исполнительной и распорядительной). А если эта особая судебная администрація независима отъ распорядительной администраціи, то и самый судъ независимъ.” Въ примѣненіи оказывается не совсѣмъ такъ. Администрація распорядительная и администрація судебная назначаются одной и той-же центральной властью и составляютъ двѣ зависимыя силы, которыя легко направить въ одну и ту же сторону; а если къ этому прибавить, что и законодательная власть зависитъ отъ центральной власти, то мы получимъ не независимость суда, а государственное управленіе въ образѣ тройки, гдѣ центральная власть ямщикъ, законодательство въ корню, распорядительная и судебная администраціи на пристяжкахъ, и всѣ они связаны упряжью, зависятъ отъ ямщика и другъ отъ друга и скачутъ неразрывно, мало заботясь о томъ — сколько нивъ потопчутъ и сколько людскихъ головъ поломаютъ.

Изъ абстрактнаго положенія о независимости суда и софистическаго вывода объ особой судебной администраціи — создалось все построеніе прокурорства, учредились генераль-прокуроры, зависящіе отъ нихъ прокуроры при судебныхъ инстанціяхъ и зависящіе отъ этихъ прокуроровъ судебные слѣдователи; такимъ образомъ судъ, свиду оставаясь независимымъ отъ распорядительной власти, сталъ въ зависимость отъ министерства юстиціи, а уголовное судопроизводство искажилось въ самомъ корнѣ — въ судебномъ слѣдствіи. Казуистика пропустила безъ вниманія только одно обстоятельство, что особая судебная администрація, зависящая отъ центральной власти, необходимо становится такою-же распорядительной администраціей, какъ и всякая другая; что центральная правительственная власть — отдастъ ли она одному человѣку въ распоряженіе полицію и судъ, или назначитъ двоихъ, тѣмъ не менѣе полицейская администрація и судебная администрація представляютъ только два отдѣла одной и той-же распорядительной власти. Факты доказываютъ, что французское прокурорство составляетъ именно ту судебную администрацію, которая лишаетъ французскій судъ независимости и дѣлаетъ его рабомъ центральной власти. Развѣтвляясь, судебная казуистика перепутываетъ всѣ понятія; такимъ образомъ, принявъ за основаніе необходимость судебной администраціи, она подчиняетъ судебного слѣдователя прокурору; прокурорство переходитъ въ защиту всякаго казеннаго слѣдствія, каково-бы оно ни было, а судебный

слѣдователь (juge d'instruction) смѣшиваетъ свою роль съ должностію простаго полицейскаго сыщика.

Въ “Основныхъ Положеніяхъ” — учрежденіе прокурорства переведено изъ французскаго кодекса. Прокуроръ при окружномъ судѣ (procureur de l'empereur), прокуроръ при судебной палатѣ (procureur-général près de la Cour Impériale), ихъ *товарищи* (substitués) — все списано съ французскаго, и только обычная нѣмецкая номенклатура вставила въ кассационныя департаменты сената названіе *оберъ-прокурора*.* Но что гораздо важнѣе номенклатуры, вся французская система управленія судомъ посредствомъ прокуроровъ не только осталась, но власть ихъ еще увеличена и получила пегербургскій отбѣнокъ. Прокурорство, въ новомъ судопроизводствѣ, захватить въ свои руки всю судебную власть, и установить полную зависимость суда отъ министра юстиціи, который, “какъ *генераль-прокуроръ*,” надзираетъ надъ всѣми унтеръ и оберъ-прокурорами (ст. 50). Прокуроры-же надзираютъ другъ за другомъ по іерархической лѣстницѣ нисходящей (ст. 50), и назначаются сверху внизъ по той-же лѣстницѣ: прокуроры окружныхъ судовъ назначаются министромъ юстиціи (генераль-прокуроромъ), по представленію прокуроровъ судебныхъ палатъ, а прокуроры судебныхъ палатъ и оберъ-прокуроры назначаются высочайшей властью по представленію министра юстиціи (генераль-прокурора) ст. 48 и 49).†

Первая прокурорская обязанность заключается “въ наблюденіи за единообразнымъ и точнымъ примѣненіемъ закона” (ст. 51). Замѣчательно, что прокурорство такимъ образомъ свановится равносильно сенату, который — по ст. 60 — “въ качествѣ кассационнаго суда, не рѣшая дѣлъ по существу, наблюдаетъ за охраненіемъ точной силы закона и за единообразнымъ его исполненіемъ всѣми судебными мѣстами имперіи”. Разницы въ смыслѣ обоихъ опредѣленій нѣтъ и генераль-прокуроръ, т. е. министерство юстиціи, посредствомъ всѣхъ прокуроровъ, наблюдаетъ за исполненіемъ закона во всѣхъ судебныхъ мѣстахъ имперіи не меньше чѣмъ сенатъ, а гораздо больше, потому что имѣетъ возможность дѣятельнаго вмѣшательства въ судебныя дѣла, между тѣмъ какъ сенатъ имѣетъ только одно средство кассациі судебныхъ приговоровъ и рѣшеній. Весьма легко можетъ случиться, что прокуроръ, наблюдая за исполненіемъ закона *по своему* и пользуясь властью своего защитника генераль-прокурора, дастъ дѣлу такое направленіе, что сенатъ, руководствуясь наблюденіемъ за исполненіемъ закона *по своему*, кассируетъ рѣшеніе обоихъ инстанцій, по дѣлу, ложно направленному вліяніемъ прокурорства. Кажется, что оно и хорошо-бы, и что слѣдственно судебная власть сената выше судебной распорядительной власти министерства юстиціи; но вѣдь этимъ дѣло не кончится: послѣ кассациі оно пойдетъ опять въ палату, гдѣ приметъ опять направленіе данное судебной администраціей министерства юстиціи, тѣмъ больше, что и самые судьи назначаются высочайшей властью, по представленію министра юстиціи и слѣдственно невольно зависятъ отъ министерства и прокурора, какъ представителя министерства при судѣ. Еслибъ “Основныя Положенія” воздержались отъ

* “Основныя Положенія,” часть I, отдѣлъ VП, “О Прокурорахъ,” стр. 47—52.

† Разница между назначеніемъ палатскихъ прокуроровъ и сенатскихъ оберъ-прокуроровъ та, что палатскіе прокуроры назначаются высочайшей властью, а оберъ-прокуроры именными высочайшими указами !!! (ст. 48 и 49).

величаваго опредѣленія обязанности прокуроровъ по 1^{му} пункту ст. 51 и начали-бы по скромнѣе съ 2го пункта, который ставить въ обязанность прокурору “обнаруженіе и преслѣдованіе передъ судомъ всякаго нарушеннаго законнаго порядка, въ требованіи распоряженій къ его возстаповленію;” то роль прокурора свелась-бы на болѣе правильное значеніе — адвоката отъ имени истца — правительства передъ судомъ независимымъ, и не было-бы повода къ понятію о прокурорѣ, какъ о какомъ-то надсмотрщикѣ за дѣйствіями суда. Мы даже не можемъ себѣ представить — какъ въ послѣдствіи коммиссія разовьетъ этотъ 1ой пунктъ ст. 51 объ обязанности прокуроровъ; но имѣемъ основаніе думать, что “Основныя Положенія” именно на то и мѣтятъ, чтобъ изъ учрежденія прокуроровъ создать цѣлую сѣть правительственнаго фискальства надъ судомъ. Фискальство было когда-то принято за подмогу правосудію, когда судъ не имѣлъ гласности и провѣрка его дѣйствій могла быть отдана подъ надзоръ особаго доблестнаго шпіонства; такъ думали Петръ І^{ый} и Николай Павловичъ, но практика показала, что эта мысль — несбыточная мечта, и что цѣлое учрежденіе доблестнаго шпіонства всегда приходитъ къ тому, что шпіонство остается, а доблесть исчезаетъ. Когда-же судъ становится гласнымъ и провѣрка его дѣйствій принадлежитъ общественному мнѣнію, фискальство очевидно сходитъ съ своихъ доблестныхъ подмостковъ; его провѣрка судебныхъ дѣйствій въ пользу правосудія, — сводится на провѣрку или простое направленіе ихъ въ пользу правительственныхъ цѣлей — полицейскаго владствования и династическаго самохраненія.

“Основныя положенія” сами даютъ достаточныя доказательства, что ихъ внутренняя мысль изъ учрежденія прокурорства сдѣлать учрежденіе фискальства; по этому то они и начинаютъ съ опредѣленія круга дѣйствій прокуроровъ равносильно съ Сенатомъ. Такъ 3^е отдѣленіе имѣетъ кругъ дѣйствій, равносильный министерствамъ внутреннихъ дѣлъ и юстиціи вмѣстѣ; а съ учрежденіемъ прокурорства и прибавленіемъ департамента секретныхъ дѣлъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, 3^е отдѣленіе можетъ быть упразднено безъ малѣйшей перемѣны правительственныхъ дѣйствій на практикѣ, и сверхъ того это упраздненіе подкупить въ пользу правительства огромное число близорукихъ.

Третья обязанность прокуроровъ, по ст. 51, состоитъ “въ предложеніи суду предварительныхъ заключеній въ случаяхъ, означенныхъ въ уставахъ гражданскаго и уголовнаго судопроизводства”. Если подъ этимъ темнымъ языкомъ разумѣется, что прокуроръ, какъ повѣренный отъ истца — правительства, составляетъ обвинительный актъ на подсудимаго, или защиту и требованіе по какому нибудь вещному праву казны, — то это было бы понятно; но *предложеніе суду предварительныхъ заключеній*, по туманности выраженія, даетъ дѣлу другое значеніе, значеніе *навязыванія* суду мнѣнія судебной администраціи, мнѣнія прокурора, поддерживаемаго черезъ посредство палатскихъ и сенатскихъ прокуроровъ самимъ генераль-прокуроромъ.

Ст. 52 даетъ право прокурору окружнаго суда, если онъ, усмотрѣвъ при рѣшеніи дѣла неполноту закона, признаетъ необходимымъ возбудить законодательный вопросъ, — донести о томъ палатскому прокурору, а палатскій прокуроръ министру юстиціи. Такого права, не слѣдовало бы отнимать ни у кого изъ *обывателей*; почему-же только прокуроръ имѣетъ

право на доступъ къ законодательной власти? Это вопросъ интересующій всѣхъ, а не одного министра юстиціи. Но что-же сдѣлаетъ съ этимъ вопросомъ министр? Назначить комиссію? сочинить новый законъ? Какъ ясно выходитъ изъ этой статьи, что безъ земскаго собора, безъ представительной независимой законодательной власти обойтись невозможно.

Но прослѣдимъ прокурорство по другимъ отдѣламъ “основныхъ положеній”, чтобы выказать всю необузданную ширь данной ему власти и значеніе правительственнаго фискальства.

Секретари и помощники секретарей сѣздовъ мировыхъ судей, окружнаго суда и судебной палаты избираются и утверждаются предсѣдателями сихъ мѣстъ (ст. 54). Это естественно и значитъ, что судебное мѣсто само устраиваетъ свою канцелярію. Но вотъ приходится ст. 55:

“Канцелярія кассационныхъ департаментовъ сената состоятъ изъ обер-секретарей и помощниковъ обер-секретарей; первые утверждаются министромъ юстиціи, а послѣдніе обер-прокурорами по принадлежности”.

Тутъ уже канцелярія кассационнаго суда устраивается не имъ самимъ, а посторонней ему судебной администраціей. Слѣдственно вся подготовка дѣла зависитъ отъ прокурорства — и кассационный судъ состоитъ подъ вліяніемъ своей канцеляріи, которая руководствуется вліяніемъ министерства юстиціи. Этотъ подкопъ подъ независимость кассационнаго суда не взять ни изъ какого иностраннаго кодекса, и составляетъ оттѣнокъ чисто петербургскій, петербургское изобрѣтеніе новаго вида фискальства посредствомъ канцелярій.

По ст. 62 на прокуроровъ судебныхъ мѣстъ возлагается *обязанность* преслѣдованія за нарушенія правилъ о напечатаніи публичныхъ судебныхъ рѣшеній и ихъ осужденія въ *юридическихъ журналахъ**, отъ которыхъ въ этомъ случаѣ требуется сохраненія должнаго уваженія къ суду и его членамъ. Очевидно, прокуроры становятся агентами правительственной цензуры и, по весьма эластичной и неопредѣленной разницѣ въ журнальной критикѣ съ *должнымъ уваженіемъ* или безъ *должнаго уваженія*, могутъ начинать преслѣдованія, которыхъ рѣшеніе въ пользу правительства имѣетъ за себя много вѣроятностей, какъ вслѣдствіе пазначенія самихъ судей правительствомъ, такъ и вслѣдствіе подбора сенатскихъ секретарей министерствомъ юстиціи. Статья взята изъ французскаго кодекса†, но петербургскій оттѣнокъ сильно увеличить въ этомъ случаѣ власть прокурорства, даже сравнительно съ французскимъ закономъ (разумѣется прежнимъ).

По ст. 65, отчеты о движеніи дѣлъ въ судебныхъ мѣстахъ составляются: предсѣдателемъ окружнаго суда съ окружнымъ прокуроромъ; предсѣдателемъ судебной палаты съ палатскимъ прокуроромъ; первоприсутствующимъ общаго собранія кассационныхъ департаментовъ сената по *соглашенію* съ обер-прокуроромъ. Очевидно прокурорство не есть только адвокатура отъ имени правительства, а играетъ роль надсмотрщика за судами, роль судебного фискальства.

Уже изъ этихъ статей можно усмотрѣть, что отдѣленіе власти *обвинительной* отъ власти *судебной* (Основн. пол., часть II, отд. I. ст. 3, 4 и 5.) будетъ существовать только формально, въ буквѣ закона; на практикѣ же обвинительная

* Замѣчательно, что говорить о судебныхъ рѣшеніяхъ дозволяется только въ *юридическихъ журналахъ*, а не сказано — причисляются обычные политическія газеты къ юридическимъ журналамъ, или нѣтъ.

† *Loix de la Presse*, 61.

власть прокуроровъ, поддерживаемая министерствомъ юстиціи, правительственнымъ назначеніемъ судей и губернаторскимъ подборомъ присяжныхъ засѣдателей, будетъ имѣть силу постоянного вмѣшательства въ судъ, и направленіе его не въ пользу правосудія, а въ пользу достиженія правительственныхъ, династическихъ и административныхъ цѣлей. Но подчиненіе прокурорамъ судебныхъ слѣдователей, взятое тоже съ французскаго, ставить спервоначала судебную администрацію руководителемъ суда. Слѣдователь представляетъ слѣдствіе прокурору окружнаго суда (ст. 53); стало — слѣдователь представляетъ суду свое слѣдствіе черезъ посредство прокурора и подъ его покровительствомъ. Прямая отвѣтственность слѣдователя за свои дѣйствія спимается, тѣмъ болѣе, что “постоянный *надзоръ* за производствомъ слѣдствій принадлежитъ *исключительно* прокурору” (ст. 47).—“Прокуроръ имѣетъ право присутствовать, по своему усмотрѣнію, при слѣдственныхъ дѣйствіяхъ и разсматривать подлинное слѣдствіе, не останавливая однако теченія его” (ст. 49). Теченія этого ему и не нужно останавливать, какъ скоро слѣдствіе дѣлается подъ его *исключительнымъ надзоромъ*; но что же сказать о такомъ хитросплетеніи, что въ то время когда прокурору, т. е. *власти обвинительной* (ст. 4) дозволено присутствовать при слѣдствіи и даже вмѣшиваться въ него и заявлять свои требованія, которыя слѣдователь *обязанъ исполнять*, съ отмѣткою въ протоколахъ, какія именно мѣры приняты по требованію прокурора (ст. 50); въ то же самое время “слѣдствіе производится безъ депутатовъ отъ сословій и вѣдомствъ (ст. 42), т. е. безъ присутствія лицъ, интересованныхъ въ оправданіи подсудимаго. Елибѣ сословія и вѣдомства не существовали въ Россіи, или елибѣ реформы нынѣшняго царствованія дошли до признанія безсословной равноправности,—то и тогда депутатъ отъ волости, депутатъ отъ города, былъ бы не лишній свидѣтель при слѣдствіи и могъ бы передъ судомъ заявить ложный поступокъ слѣдователя; но сословія и вѣдомства до такой степени существуютъ, что “основныя положенія” сочли же нужнымъ дозволить присутствовать, при слѣдствіи по преступленіямъ духовныхъ лицъ, депутату отъ духовенства; почему-же мѣщанство или крестьянство лишено преимущества послать на слѣдствіе, производимое надъ мѣщаниномъ или крестьяниномъ, своего депутата, своего свидѣтеля дѣйствій обвинительной власти? Мы не ошибаемся, причисляя и слѣдователя къ обвинительной власти; такимъ онъ является въ “основныхъ положеніяхъ”. Это не безпристрастный наблюдатель происшествія, не просто собиратель свѣденій и доказательствъ о совершеніи или несовершеніи преступленія; это сыщикъ, начинающій слѣдствіе *по собственному усмотрѣнію* (ст. 37), слѣдственно даже безъ всякаго увѣдомленія отъ кого бы то ни было; сыщикъ, производящій слѣдствіе подъ надзоромъ прокурора; подчиняющійся его требованіямъ, зависящимъ отъ него.

“Прокуроръ можетъ требовать, чтобы слѣдователь ограничился мѣрою менѣе строгою, если обвиняемый не навлекаетъ на себя достаточнаго подозрѣнія въ такомъ преступленіи, которое влечетъ за собою лишеніе всѣхъ правъ состоянія, или потору всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ” (ст. 51).

“Прокуроръ имѣетъ право предложить слѣдователю о задержаніи обвиняемаго, оставленнаго слѣдователемъ на свободѣ, или освобожденнаго изъ подъ стражи” (ст. 52).

Конечно, въ послѣднемъ случаѣ, если слѣдователь не согласенъ съ предложеніемъ прокурора, обязанъ представить о томъ суду; но — бѣдный слѣдователь — если онъ

не герой, онъ приметъ предложеніе прокурора за приказаніе. Онъ совершенно подчиненъ ему и является не самобытнымъ слѣдователемъ, а агентомъ обвинительной власти.

Да кто-же назначаетъ слѣдователей? “Основныя положенія” объ этомъ умалчиваютъ. Неужли по прежнему—губернаторъ? Тогда слѣдователь есть разомъ орудіе распорядительной и обвинительной власти, звено ихъ связующее. Какая - же независимость суда устоитъ противъ такого союза?

Но намъ скажутъ, что это все такъ во французскомъ кодексѣ. Можетъ быть! Мы вѣримъ, что все это такъ во французскомъ кодексѣ, тѣмъ болѣе, что недавнее происшествіе доказываетъ намъ наглядно, куда заходитъ судебная администрація, подчиняющая себѣ слѣдствіе и учрежденная въ духѣ фискальства.

Вотъ это происшествіе, описанное 21 Ноября 1862 года, корреспондентомъ “Теймса”

Два года тому назадъ, молодая женщина, фламандка, Розалія Доазъ была приговорена уголовнымъ судомъ (Cour d'assises) департамента Соммы къ каторгѣ (вмѣсто гильотины, вслѣдствіе облегчающихъ обстоятельствъ), за отцеубійство, въ которомъ подозрѣвалась по ссорѣ съ отцомъ и въ которомъ сама созпалась (что и составило облегчающее обстоятельство). Черезъ годъ послѣ этого, бельгіецъ Фангальвинъ, приговоренный къ смерти за убійство фермера Вервиля, и его сообщникъ Вероммъ—сознались, что и отца Розалін Доазъ убили они-же. Кассационный судъ кассировалъ оба приговора *потому что они за одно и тоже дѣло приговаривали подсудимыхъ къ различному наказанію* и отослали оба дѣла къ повому судопроизводству. Оказывается, что Розалія Доазъ созпалась, потому что была подвержена пыткамъ. Иначе мы не можемъ назвать обращеніе съ нею. Она была беременна; ее заперли въ тюрьму въ 3½ аршина длины, не много меньше 3½ аршинны и 3½ аршинъ вышины, съ однимъ отверстіемъ величиною въ кирпичъ и толстыми, для звука не пропицаемыми дверями, и постоянно ей говорили, что ее выпустятъ изъ этой кануры, когда она сознается въ убійствѣ отца и покражѣ его часовъ: ей скоро приходилось родить — она созпалась. Изъ этой кануры ее не выпускали 6 мѣсяцевъ. На нее надѣвали горячешную рубашку (camisole de force) не смотря на ее беременность, изъ за *выдуманнаго* подозрѣнія въ покушеніи на самоубійство. Требованіе признанія повторялъ ей писмоводитель (greffier) судебного слѣдователя (juge d'instruction). Очевидно, что слѣдствіе, подъ прикрытіемъ прокурорства, вынудило признаніе этой пыткой; теперь оказывается, что она не только не виновна въ отцеубійствѣ, но никогда не знала и не видала настоящихъ убійцъ ея отца.

Это уродливое происшествіе, императорскій прокуроръ защитилъ мнѣніемъ, что онъ все-же не считаетъ Розалію Доазъ невинною, потому что она, хотя и не убила отца, но тѣмъ не меньше (вслѣдствіе ссоры съ отцомъ, вѣроятно) “*въ своей мысли выжижала преступленіе, — elle a eu la gestation du crime dans sa pensée*”.

Одинъ французъ вступился за честь націи и написалъ въ “Теймсѣ” письмо, въ которомъ признаетъ, что если Розалія Доазъ и была подвергнута тяжкому заключенію и вымогательству признанія, это было только по чрезмѣрному *усердію* (excess de zèle) судебно-тюремныхъ чиновниковъ и изъ чувства челоуѣколюбія, потому что въ то время всѣ были увѣрены въ ея преступленіи и *принуждая* ее сознаться, вводили въ рѣшеніе суда *облегчающее обстоятельство собствен-*

наго сознанія и такимъ образомъ спасали подсудимую отъ смертной казни.*

Разительный примѣръ до какого упадка нравственного чувства и до какого разврата ума можетъ довести учреждение особой судебной администраціи съ ея прокурорами, поддерживающими слѣдователей, какъ своихъ подчиненныхъ, учрежденіе особой судебной администраціи въ духѣ фискальства съ свойственной ей особой казуистикой. Неужели наши законодатели не задумаются передъ введеніемъ того же учрежденія въ Россіи, въ то время какъ никто ихъ не принуждаетъ вводить именно это учрежденіе? Или они считаютъ за ересь всякое сомнѣніе въ непогрѣшительности французскаго кодекса? Плохо—если законодательный соборъ избранниковъ народа не вылечитъ Россію отъ этой французской болѣзни.

Наполеонъ велѣлъ отдать подъ судъ слѣдователя и тюремщика, не смотря на то, что прокуроръ (котораго вѣтъ достаточной причины отдать подъ судъ) призналъ *“высисъживаніе мысли отцеубійства”*. Это дѣлаетъ больше чести Наполеону, чѣмъ французскому судоустройству. Но вѣдь и у насъ Николай Павловичъ отдавалъ подъ судъ за взятки... Отъ чего-же взяточничество не измѣнялось? Оттого, что гарантъ аль-рашидствомъ нельзя измѣнить цѣлой системы судоустройства.

Ужъ если перенимать—почему-же было не перепять кое что изъ англійскаго судебного законодательства? Оно не такъ казуистично, но все-же судъ по независимѣй и исключаетъ возможность и подобныхъ происшествій и такихъ отвратительныхъ разсужденій.

Англійское уголовное судопроизводство, имѣя въ виду дѣйствительную независимость суда, никогда не могло создать ни министерства юстиціи, ни прокурорства, ни уголовного слѣдствія въ родѣ какого-то таинственнаго священнодѣйствія, или заговора противъ подсудимаго со стороны слѣдователя-чиновника. Судъ управляется самъ-собою переходомъ дѣлъ въ высшія судебныя инстанціи; королевскій адвокатъ (queen's attorney или queen's solicitor, или вообще queen's counsel) не болѣе какъ подтвердитель, заявитель обвинительнаго акта противъ подсудимаго; за тѣмъ дѣло предоставляется защитѣ повѣреннаго подсудимаго, гласному допросу свидѣтелей предсѣдателемъ суда и повѣреннымъ подсудимаго, гласному разясненію дѣла передъ судомъ и присяжными, рѣшенію присяжныхъ о виновности или невинности, и соотвѣстному приговору суда о наказаніи по закону, или объ освобожденіи подсудимаго. Таинственное священнодѣйствіе слѣдствія сводится на слѣдующее: обвиняемый приводится къ гласному допросу мирового судьи и если мировой судья пайдетъ, что обвиненіе не вовсе безосновательно, то препровождаетъ обвинительную запись къ большому сбору присяжныхъ (grand jury), которые рѣшаютъ отдачу или неотдачу подъ судъ. Обвинительная запись пишется однимъ изъ клерковъ суда,† За тѣмъ настоящее слѣдствіе, которое должно подтвердить или опровергнуть обвинительную запись, есть ничто иное

* Въ своемъ письмѣ въ “Теймсъ”, французъ—въ отиѣстку—напалъ на то, что въ Лондонѣ теперь разбойники гарротируютъ людей среди дня на улицахъ. Отиѣстка, напоминающая разговоръ двухъ деревенскихъ мальчишекъ: “У насъ сегодня сочни пекли, а у васъ не пекли”, —“А у насъ на крышу солнце свѣтитъ, а у васъ не свѣтитъ”. Но французъ, доказываетъ, что разбой въ Англіи произошелъ отъ того, что людей въ тюрьмахъ хорошо содержатъ.

† Clerk of the peace, an officer belonging to the quarter sessions, т. е. письмоводитель при четвертныхъ (четыре раза въ годъ) засѣданіяхъ суда.

какъ вышепомянутый, гласный допросъ въ засѣданіи суда, въ присутствіи присяжныхъ. Такимъ образомъ все ненужное, предварительное, инквизиторіальное слѣдствіе устраниено. Собственно слѣдствіе, прежде суда совершаемое, есть слѣдствіе о мертвомъ тѣлѣ, т. е. изслѣдованіе слѣдователемъ (coroner) отъ чего произошла смерть—по болѣзни или насильственно, отъ случая, убійства или самоубійства. И кто-же тутъ слѣдователь? Конечно не чиновникъ, назначенный губернаторомъ, а человекъ, избранный избирателями графства,* самъ отвѣчающій за свои дѣйствія, потому что, хотя и избирается пожизненно, но можетъ быть отрѣшенъ за неспособность, подкупъ, небрежность или недобросовѣстность. Коронеры въ каждомъ графствѣ избираются отъ 4-хъ до 6 и болѣе. Коронеръ производитъ свое изслѣдованіе при сборѣ присяжныхъ, сверхъ того можетъ приглашать къ присутствію при слѣдствіи кого считаетъ нужнымъ и недопускать людей, которыхъ считаетъ лишними, или помѣхой. За тѣмъ поимка убійцы, если онъ скрылся, принадлежитъ обычной полиціи, точно также какъ воровство, поджоги и пр. Розыскъ, лучше сыскъ и слѣдствіе не соединены въ одномъ лицѣ или судебного слѣдователя; ни коронеръ не обязанъ быть сыщикомъ, ни мировой судья, ни адвокатъ заявляющій обвиненіе отъ имени правительства, ни королевскій атторней (въ исключительныхъ случаяхъ измѣны, гдѣ подсудимый отдается не по обвинительной записи (indictment), а по потребованію (on information) королевскаго атторнея). Сыщикъ—полиція; слѣдствіе производится передъ судомъ, гласно, въ присутствіи присяжныхъ, и составляетъ такъ сказать первое дѣйствіе суда, за которымъ непосредственно идетъ второе дѣйствіе суда—рѣшеніе присяжныхъ и судейскій приговоръ.

Этого бѣлаго очерка англійскаго уголовного судопроизводства достаточно, чтобы понять, что juge d'instruction, судебный слѣдователь-сыщикъ, по здравому смыслу—никакъ не подходитъ подъ понятіе суда съ присяжными. Присяжные не могутъ сказать своего рѣшенія, если слѣдствіе (допросъ, повѣрья обвиненія) не совершается передъ ихъ глазами. Сыскъ, поимка, задержание преступника, или простое представленіе къ мировому судѣ—если преступникъ на лицо,—дѣло полицейскихъ агентовъ, предшествующее обвинительной записи. Къ чему-же предварительное слѣдствіе особаго судебного слѣдователя, когда все слѣдствіе должно опять повториться передъ присяжными въ засѣданіи суда, ибо иначе они не могли-бы рѣшить? На слово они вѣрятъ только изслѣдованію трупа коронеромъ, при первыхъ присяжныхъ; остальные обстоятельства дѣла должны разбираться передъ ними. Между тѣмъ предварительное слѣдствіе особымъ судебнымъ слѣдователемъ только отклоняетъ представленіе подсудимаго къ суду, и тутъ-то слѣдователь и имѣетъ поползновеніе на непремѣнное дознаніе, для котораго не худо употребить и пытку, какъ мы видѣли въ дѣлѣ Розаліи Доазъ. Тутъ является во всей очевидности ложь разсужденія о необходимости особой судебной администраціи для независимости суда. Судебный слѣдователь не есть агентъ, прикащикъ, опредѣленный судебнымъ мѣстомъ, а только агентъ особой судебной администраціи, которая черезъ посредство своего особаго слѣдователя, подъ наблюденіемъ своихъ прокуроровъ, подчиняетъ себя самому суду, и мы приходимъ къ зависимости суда

* Графство, область, провинція, губернія. Коронеры избираются свободно собственниками графства (freeholders), на правѣ избирателей. Ценсъ избирателя не меньше 10 фунтовъ дохода.

отъ правительства, къ ограниченію свободнаго рѣшенія присяжныхъ, къ искаженію дѣла черезъ введеніе заглазно составленнаго слѣдствія, на которомъ основана вся обвинительная рѣчь прокурора.

Странно! Коммиссія, составлявшая “основныя положенія,” не была обязана списывать французскій кодексъ. Если ей нужно было подражать какому-бы то ни было иностранному уголовному судопроизводству, отчего-же она не взялась за учрежденія наиболѣе охраняющія правосудіе и независимость суда отъ администраціи, (правило стоящее во главѣ “основныхъ положеній”? Причина очень проста: чиновничество никогда не можетъ отстать отъ правительственной централизаци, и коммиссія, составленная изъ чиновниковъ, взяла себѣ за идеалъ французскій кодексъ, казуистически разработанный, но сохраняющій всѣ преимущества центральной власти и слѣдственно зависимость суда отъ правительства. Это предпочтеніе французскаго судопроизводства чисто правительственно-чиновничье чувство; мы не видимъ чтобы потребность особой судебной администраціи, со всѣми ея послѣдствіями, вытекала изъ самихъ условій русской жизни. Если особая судебная администрація существовала, или существуетъ при нѣмецко-петербургскихъ судебныхъ учрежденіяхъ, то приступая къ преобразованію судебной части, гораздо больше причинъ просто устранить старое нѣмецкое зло, чѣмъ переводить его на французское зло.

По мимо англійскихъ узаконеній, еслибъ “основныя положенія” приняли за первоначальное учрежденіе не мировое посредничество, а волостные суды, то они естественно пришли-бы къ заключенію, что полное засѣданіе волостнаго суда рѣшало-бы отдачу подсудимаго подъ окружной судъ съ присяжными, куда-бы и препровождало обвинительную записку. Прокурорство свелось-бы на представленіе обвинительной записки суду, слѣдствіе шло-бы гласно, передъ глазами присяжныхъ и членовъ суда; особое предварительное слѣдствіе и судебный слѣдователь не имѣли-бы мѣста, кромѣ изслѣдованія причины смерти надъ мертвымъ тѣломъ. Сыскъ оставался-бы дѣломъ полицейскимъ и потому слѣдовало-бы подумать о преобразованіи полиціи. Случаи перерѣшенія дѣлъ и кассациіи опредѣлились-бы закономъ; особой судебной администраціи, министерства юстиціи и прокурорства вовсе не было-бы нужно. Министерство юстиціи и прокурорство могутъ составлять потребность правительственнаго своекорыстія и чиновничей привычки, но русская общественная жизнь въ нихъ вовсе не нуждается. Какъ-же можно было, въ задачу преобразованія судебной части, ввести условія правительственныхъ корыстей и интересовъ чиновничества? Если-бы “основныя положенія” устранили эти два условія, несовпадающія съ независимостью суда, они не остановились бы на ст. 45-ой: “Обвиняемый, подвергнутый задержанію, долженъ быть допрошенъ непремѣнно въ теченіи сутокъ”, не упоминая даже кѣмъ; они опредѣлили-бы, что непосредственно за тѣмъ, если преступленіе превышаетъ власть мирового суда, онъ долженъ быть отданъ подъ судъ окружнаго суда въ ближайшее засѣданіе. Отсутствіе этого опредѣленія даетъ предварительному слѣдствію власть безконечно держать обвиненнаго въ предварительномъ заключеніи (prison préventive), и приниматься за пытку, если дѣло трудно раскрывается. Почему-же и нѣтъ? ... губернаторъ защититъ, прокуроръ защититъ.

Приверженцы французской судебной администраціи или правительственной централизаци, скажутъ, что и въ англійскомъ уголовномъ судопроизводствѣ найдутся пятна. Можетъ быть. Мы и не рекомендуемъ только копію съ англійскихъ учреждений. Мы знаемъ, что въ англійскомъ судопроизводствѣ есть огромное зло, это то, что судъ сложился въ корпорацію, въ цѣхъ, и цѣхъ самовластный надъ общественной жизнью. По этому мы возражали на учрежденіе присяжныхъ повѣренныхъ, не находя никакой выгоды—вмѣсто суда, представителя суда общественнаго—вводить учрежденія, стремящіяся создать цѣхъ судебныхъ людей.*

Но, даже при введеніи особой судебной администраціи, которой зло найдетъ сильное сопротивленіе въ возбужденности общественнаго мнѣнія,—невольно приходитъ на умъ вопросъ: да можетъ-ли сохраниться полиція въ томъ видѣ какъ она теперь существуетъ? Безъ сомнѣнія нѣтъ. Можно-ли преобразовать полицію безъ земскаго собора? Безъ сомнѣнія нѣтъ.

Н. Огаревъ.

(Окончакіе впредь).

военный министръ милютинъ, какъ министръ просвѣщенія.

Циркуляръ розсланный полковымъ командирамъ.

М. Г.

[Весьма секретно.]

Содержаніе письма отъ 14 прошлаго Іюля, за №. 287, полученнаго г. командующимъ корпусомъ отъ г. военнаго министра. сообщаю вашему высокоблагородію:

Вашему превосходительству извѣстно, что въ нѣкоторыхъ частяхъ войскъ обнаружены преступныя покушенія молодыхъ офицеровъ къ сближенію съ нижними чинами, къ внушенію имъ противузаконныхъ и ложныхъ понятій, къ совращенію ихъ съ пути долга и вѣрности. Замѣчено также, что и люди посторонніе стараются привлечь ихъ къ себѣ, чтобы распространять между ними ложныя толкованія и подстрекать къ преступнымъ дѣйствіямъ. Тайная революціонная партія истощаетъ всѣ способы, чтобы распространить свою пагубную пропаганду во всѣхъ частяхъ Россіи, и нынѣ обратила особенно-напряженное вниманіе на военное сословіе. Между молодыми офицерами къ сожалѣнію нашлось уже довольно много легкомысленныхъ, поддавшихся коварнымъ внушеніямъ; между солдатами, слава Богу, еще мало замѣтно это опасное вліяніе.

Тѣмъ не менѣе я считаю долгомъ обратить особенное вниманіе вашего п-ства на опасныя начала революціонной пропаганды между нижними чинами. Закрытіе воскресныхъ школъ было первою мѣрою, принятою мною съ высочайшаго соизволенія для предохраненія войскъ отъ угрожающей опасности. Но за этою мѣрою необходимо должны слѣдовать многія другія, зависящія уже отъ ближайшихъ начальниковъ. Мѣры эти должны преимущественно клониться къ тому, чтобы:

1) Очистить войска отъ всѣхъ офицеровъ, юнкеровъ и вольно-опредѣляющихся, обнаружившихъ нравственную испорченность, имѣющихъ вредное вліяніе на товарищей и подчиненныхъ; такимъ слѣдуетъ предлагать оставить вовсе службу, а не переводить изъ одной части въ другую; о

* По поводу проекта положенія о присяжныхъ повѣренныхъ (“За пять лѣтъ”, часть II, стр. 233; “Колоколъ” листы 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99).

тѣхъ-же изъ нихъ, кои могутъ быть вредны и внѣ службы, сообщать мнѣ *конфиденціально*, дабы приняты были мѣры къ установленію полицейскаго за ними надзора.

2) Молодыхъ легкомысленныхъ офицеровъ, увлекаемыхъ только примѣрами и внушеніями другихъ, предохранить отъ вреднаго товарищества, сблизивъ ихъ болѣе съ старшими, надежными офицерами, и имѣть подъ ближайшимъ наблюдениемъ начальниковъ.

3) Всѣхъ вообще офицеровъ, юнкеровъ и вольноопредѣляющихся занимать сколь можно болѣе службою, чтобы не оставлять ихъ въ праздности; отвлекать ихъ отъ сообщества съ вредными слоями городского населенія, особенно-же тамъ, гдѣ есть студенты, куда сосланы на житье политическіе преступники или люди, уже признанные не благонадежными, также отъ польскихъ агитаторовъ въ западныхъ губерніяхъ.

4) Возстановить во всей силѣ надлежащую воинскую дисциплину—тамъ, гдѣ она въ послѣднее время была нѣсколько ослаблена; строго требовать отъ всѣхъ чиновъ какъ точнаго исполненія установленныхъ правилъ службы и обязанностей каждаго, такъ и внѣшняго чинопочитанія и приличія, отнюдь не допуская того ложнаго начала, которое въ послѣднее время появилось въ понятіяхъ молодежи, будто внѣ строя должны быть уже забываемы всѣ отношенія подчиненности и старшинства; опровергать эту ложную теорію и силою существующаго у насъ законодательства, и примѣромъ иностранныхъ армій, и непремѣнными условіями воинскаго быта; явнаго нарушенія даже внѣшняго чинопочитанія никогда не оставлять безъ взысканія.

5) Особенное вниманіе обратить на то, чтобы не допускать офицеровъ до фамиліарнаго сближенія съ солдатами; строго наблюдать, чтобы офицеры, юнкера и вольноопредѣляющіеся не толковали съ солдатами о томъ, чѣмъ вовсе не слѣдуетъ имъ заниматься.

6) Возстановить предписанный уставами строгій порядокъ внутренней службы и порядокъ въ казармахъ и вообще въ мѣстахъ расположенія войскъ; не допускать постороннихъ людей въ казармы; наблюдать, чтобы нижнихъ чиновъ не увлекали въ какія-нибудь сборища.

7) Сдѣлать строгій осмотръ библіотекъ какъ офицерскихъ, такъ и солдатскихъ—тамъ, гдѣ онѣ есть; преслѣдовать храненіе книгъ или рукописей недозволенныхъ и вредныхъ; не позволять даже держать, особенно въ солдатскихъ библіотекахъ, книгъ предосудительнаго содержанія. Наблюденіе за этимъ должно быть возложено преимущественно на отвѣтственность дивизіонныхъ начальниковъ штабовъ.

Исчисливъ всѣ тѣ предметы, на которые, кажется мнѣ, слѣдуетъ преимущественно обратить вниманіе каждому честному начальнику на всѣхъ ступеняхъ военной іерархіи, я считаю долгомъ присовокупить, что государь императоръ вполнѣ изволитъ надѣяться, что гг. высшіе начальники, видя всю важность настоящаго положенія вещей, приложатъ всѣ зависящія отъ нихъ старанія, чтобы внушить подчиненнымъ ихъ лежащія на нихъ обязанности, слѣдить за исполненіемъ оныхъ съ неослабною строгостію и энергіею и указать имъ всѣ тѣ средства, коими они должны, сверхъ объясненныхъ выше мѣръ, противодействовать преступнымъ покушеніямъ людей злонамѣренныхъ, дерзающихъ посягать на честь, достоинство и вѣрность славной арміи его императорскаго величества.

Сообщая это письмо вашему высокоблагородію для принятія съ вашей стороны нужныхъ мѣръ, я вмѣстѣ съ тѣмъ прошу о сообщеніи мнѣ вашихъ соображеній и указаній по предмету настоящаго письма.

1862 г.

изъ ПЕТЕРБУРГА.

I. Происшествіе въ Институтъ Путей Сообщенія.

Институтъ Путей Сообщенія, какъ извѣстно, послѣднее время находился въ *переходномъ* состояніи, долженствовавшемъ приготовить учителей, воспитанниковъ и публику къ преобразованію этого заведенія въ академію. По этому случаю воспитанникамъ старшихъ классовъ (а можетъ быть и одного старшаго) было разрѣшено жить на вольныхъ квартирахъ и посѣщать лекціи, какія имъ покажутся нужными. Когда институтъ распустили на лѣтнія ваканціи, то начало курса назначили кажется къ 7—10 Сентября. Конечно воспитанники старшихъ классовъ думали собираться какъ кому будетъ удобнѣе: кто къ сроку, кто нѣтъ. Начальство-же института совершенно не ожидало по неявкѣ къ сроку нѣкоторыхъ воспитанниковъ, назначило новый срокъ 15 Сентября, слѣдовательно прибавило недѣлю и объявило притомъ, что къ этому сроку обязаны явиться всѣ, не желающіе быть исключенными. (Эта мѣра должно быть была принята тоже для подготовленія къ открытію академіи!).

Конечно, послѣ подобной угрозы, какъ стѣснительно оно многимъ ни было, почти всѣ явились къ сроку или-же приводили письменно уважительныя причины, вслѣдствіе которыхъ не могли быть въ институтѣ къ 15-му Сентября. Единственный человѣкъ не явившійся и ничего о неявкѣ не сообщившій въ институтъ, былъ къ несчастію какой-то *полякъ*, (къ сожаленію не знаю его фамиліи). Отправившись на ваканцію въ Варшаву, онъ можетъ быть ничего и не узналъ о новомъ распоряженіи институтскаго начальства. Воспитанникъ этотъ между прочимъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ долженъ былъ кончить курсъ и притомъ былъ вторымъ по институту. Конечно, эти обстоятельства г. Соболевскій* (директоръ института) счелъ за весьма маловажныя, въ сравненіи съ проступкомъ не явиться въ назначенный день, и на этомъ основаніи объявилъ воспитанника исключеннымъ.

Когда товарищи несчастнаго узнали объ этомъ, то тотчасъ-же написали письмо директору, въ которомъ кромѣ этого дѣла, изложили всѣ неясныя для нихъ въ поведеніи Соболевскаго пункты и просили его объясниться съ ними. Подписались подъ этимъ письмомъ необыкновенно дружно, даже воспитанники среднихъ и нѣкоторые младшихъ классовъ, безъ малѣйшихъ принужденій со стороны старшихъ приняли участіе въ этомъ дѣлѣ. Собралось чуть-ли не 150 подписей. Соболевскій по полученіи письма понявъ вполнѣ какъ будетъ расчетливѣе всего повести дѣло, явился передъ воспитанниками. Собрался весь институтъ, Соболевскій началъ съ того, что поблагодарилъ за довѣріе и откровенность, на всѣ пункты отвѣтилъ очень удовлетворительно, на счетъ исключенія-же просрочившаго 15 Сентября, сказалъ даже что-то въ родѣ того, что нѣсколько поторопился и сожалѣетъ, что дѣло это непоправимо. Въ заключеніи рѣчи просилъ онъ воспитан-

* Соболевскій былъ сначала инспекторомъ института и считался весьма порядочнымъ человѣкомъ, вслѣдствіе чего жилъ съ воспитанниками въ большомъ ладу. Что изъ него сдѣлало директорство, показываетъ передаваемая здѣсь исторія.

никовъ считать дѣло поконченнымъ и успокоиться. Воспитанники на это согласились съ тѣмъ условіемъ, что и онъ *запомнилъ это дѣло*, будетъ смотрѣть на него, какъ на поконченное, а слѣдовательно возвратитъ имъ для уничтоженія ихъ письмо какъ болѣе не нужный документъ. Соболевскій однако письма имъ не отдалъ и вышелъ отъ нихъ какъ лучший ихъ другъ.

Пробравшись до своего кабинета, генералъ однако облекся въ парадный мундиръ и отправился къ Чевкину. Понявъ изъ описанія Соболевскаго всю опасность, въ которой находится Соболевскій, самъ Чевкинъ, государь, наконецъ Россіи, нашъ верблюдикъ по примѣру Соболевскаго натянулъ на изящное свое тѣло парадный мундиръ и поѣхалъ—къ государю. Последнему нельзя было не отдать справедливости Чевкину и Соболевскому и не признать этого дѣла весьма серьезнымъ, дѣйствительно очень опаснымъ какъ для Россіи вообще, такъ для царствующаго дома въ особенности. Слѣдствіемъ такого быстрого пониманія дѣла, основательнаго обсужденія всѣхъ обстоятельствъ его сопровождающихъ, было исключеніе еще 15 человѣкъ (конечно самыхъ страшныхъ и обращеніе института до окончательнаго преобразования его въ Академію, снова въ закрытое заведеніе. Другими словами всѣ жившіе до того дня на вольныхъ квартирахъ воспитанники, должны возвратиться на жительство въ институтъ, посѣщать *всѣ* лекціи (изъ которыхъ $\frac{1}{2}$ никуда не годится) и выходить изъ стѣнъ института, не иначе, какъ съ разрѣшенія начальства.

Главное-же послѣдствіе этой исторіи то, что она послужила къ перемѣнѣ системы правленія въ Россіи: убѣдились въ непрочности *постепенныхъ переходовъ*.

II. Гоненіе неприличныхъ картинъ.

Этою осенью въ академіи художествъ была выставлена картина, изображавшая мертвецки пьянаго попа, славящаго Христа въ деревнѣ.* Начальство академіи предвидѣло, что картину эту рано или поздно прикажутъ убрать. И такъ зная тонкость эстетическаго вкуса нашихъ блюстителей нравственности, начальство академіи весьма ловко распорядилось, переведя картину на "постовинную выставку" (мѣсто менѣ замѣтное для полиціи, менѣ посѣщаемое массой публики, такъ какъ тутъ за входъ платятъ всегда 15 коп., а въ академію по воскресеньямъ входъ бесплатный). Не смотря на это, все толковали, что картина простоятъ не долго, а почему—никто не зналъ.

Въ одно прекрасное утро собралось порядочно публики на постоянной выставкѣ и по обыкновенію передъ пономъ стояла самая крупная кучка. Вдругъ разпахнулась дверь, влетаетъ полковникъ въ полицейскомъ мундирѣ, сбрасываетъ очень

* Лицъ всего на картинѣ было около 20 и все цѣло: крестьяне съ хоругвями, баба съ образомъ въ верхъ ногами, другая баба окачивающая полуиертаго отъ сивухи мужика и пр. Верхъ совершенства-же "санъ попъ", сходящій съ крыльца набы и одной рукой придерживающійся за что попало, а другой держащій крестъ. Дьякъ-же, должно быть выронивъ изъ кармана ищю и наступивъ на него, растянулся въ ногахъ батюшки и рыломъ своимъ умоляетъ его помочь, руками-же старается поймать псалтырь (или какую библію книжку употребительную при такой церемоніи). Словами выраженія мордъ втихъ двухъ святыхъ мужей передать невозможно. Чтобъ понять его, нужно или видѣть самую картину, или отправиться въ любую деревню. На второмъ планѣ картины батюшкинъ батракъ укладываетъ въ тѣлегу поживу. Картина до мельчайшихъ подробностей выполнена превосходно и фотографическіе снимки съ нея расходятся съ немовѣрной быстротой. Фамилію автора а также фамилію купившаго эту картину, я къ сожалѣнію забылъ—она увезена въ Москву.

храбро шицель и приказываетъ сторожу вызвать дежурнаго художника. Дежурный художникъ являясь, полковникъ обращается къ нему съ вопросомъ, гдѣ стоитъ картина неприличнаго содержанія. Художникъ указываетъ на Венеру, но полковникъ объявляетъ ее приличною и рѣшается прибавить, что въ картинѣ изображена деревенская сцена. Художникъ указываетъ на *приличную* попу и полковникъ весьма доволенъ. Подойдя къ картинѣ, онъ нѣкоторое время стоитъ въ задумчивости и благородное лицо его выражаетъ не то удовольствіе, не то скорбь. Я уже подумалъ, что онъ явился только, чтобъ посмотрѣть на эту картину, какъ вдругъ, обратясь къ художнику, приставъ сказалъ, что вещь превосходная, но что содержаніе ея шокировало *какою-то полковника* и что этотъ полковникъ просилъ кн. Суворова обратить вниманіе на вредное вліяніе, которое могутъ имѣть подобныя картины, а слѣдовательно приказалъ-бы убрать ее. При семъ приставъ объявилъ, что онъ заѣдетъ, чтобъ посмотрѣть исполнили-ли приказаніе генералъ-губернатора. Художникъ отвѣтилъ ему, что къ вечеру приметъ картину, полковникъ-же приказалъ снять ее сейчасъ-же. Всѣ собрались передъ картиной, чтобъ проститься съ нею. Не успѣли мы простоять и 5 минутъ, какъ явился полицейскій уже не полковникъ, а поручикъ и собственноручно помогъ убрать картину, не упустивъ въ свою очередь случая сказать, что, еслибъ отъ него зависѣло, то онъ это превосходное произведеніе оставилъ-бы на своемъ мѣстѣ.

Изъ присутствовавшихъ многіе хотѣли отправиться къ Суворову, чтобы потребовать снятія картинъ, которыя ихъ скандализировали и по ихъ убѣжденію тоже должны были дѣйствовать пагубно на нравственность общества.

Ну что господа, были вы у Суворова, или это только на словахъ, да передъ полицейскимъ поручикомъ вы похорохорились, а дѣйствительно отправиться къ генералу, да еще къ свѣтлѣйшему, боитесь?

ЗАЩИТНИКИ.—Наша *обличительная* литература не смотря на венеціанскую маску свою, вызвала особый *жанръ* литературы оправдательной. Ничего не можетъ быть каррикатуриѣ чиновника, прибѣгающаго къ гласности, чиновника этой—воплощенной канцелярской тайны, шопота и молчанья Рыбѣ ловчѣе на сухомъ пескѣ, чѣмъ ему съ перомъ въ рукѣ, не передъ зеркаломъ, а передъ публикой—тамъ какую галиматью не пиши, лишь-бы она была написана тяжелымъ, канцелярскимъ языкомъ, все шито и крыто, а тутъ какой-нибудь "молокосось" грозитъ пальцемъ, и смѣется въ глаза.

Мы дадимъ нашимъ читателямъ одинъ примѣръ *in extenso* и два въ пріятной вытяжкѣ:

"Въ *Русскомъ Инвалидѣ*, No. 38, подъ заглавіемъ: 'Разныя Извѣстія,' перепечатана изъ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* замѣтка о судебномъ приговорѣ, слѣдующаго содержанія: 'Одинъ бѣдный однодворецъ завелъ дѣло съ сосѣднимъ помѣщикомъ о нанесенныхъ ему побояхъ, въ количествѣ двухъ сотъ розогъ. Помѣщикъ въ свое оправданіе сказалъ, что былъ обруганъ заочно однодворцемъ, и приказавъ привести его связаннымъ, наказалъ его розгами. Мѣстный уѣздный врачъ, освидѣтельствовавъ побои, нашелъ ихъ дѣйствительными. Судъ, въ которомъ производилось это дѣло, рѣшилъ слѣдующимъ образомъ: сообразивъ обстоятельства сего дѣла съ законами, судъ находитъ: по точному

смыслу, примѣчанія къ 2094 ст., книги I, т. XV Уложения о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ изданія 1857 г., кто за обиду ему нанесенную, нанесетъ оскорбившему его *такую-же или менѣе тяжкую*, тотъ лишается права приносить на него жалобу, слѣдовательно жалоба однодворца должна быть оставлена безъ послѣдствій (слово въ слово выписка изъ постановленія суда).

“Вопросъ: можетъ ли быть примѣненъ такой законъ къ изложенному выше дѣлу? Можно-ли рѣшать дѣло подобнымъ образомъ?”

“Когда замѣтка эта появилась, едва-ли не во всѣхъ русскихъ газетахъ, мы, увлекшись *особенною страстію любопытства*, поставили себѣ, такъ сказать, въ обязанность, во что бы то ни стало, прочесть собственными глазами такой необыкновенный приговоръ, это сверхъ естественное явленіе, не только въ настоящее, но и во всякое время; и мы, по милости самого автора, указавшаго подъ замѣткою и время, въ которое написана статья его, и мѣсто адресованія, успѣли наконецъ, хотя съ немалымъ трудомъ, добиться желаннаго. Мы познакомились съ однодворцемъ и обидѣвшимъ его помѣщикомъ, съ дѣломъ и самымъ рѣшеніемъ; по къ удивленію нашему. ни въ обстоятельствахъ дѣла, ни въ приговорѣ не оказалось той несомнѣнной вѣрности, на которую мы надѣялись, по увѣренію замѣтки. И такъ мы наказаны слишкомъ жестоко за наше легковѣріе: но зато твердо убѣдились, что любопытство не всегда годится.

“Начнемъ отъ обстоятельствъ дѣла. Одинъ однодворецъ дѣйствительно жаловался земской полиціи на помѣщика, за нанесеніе ему, будто-бы, сперва руками тяжкихъ побоевъ, а послѣ того наказаніе розгами, безъ означенія числа ударовъ, и, доказывая, что жизнь его была въ опасности, просилъ освидѣтельствовать состояніе здоровья, а о поступкахъ обидчика произвести изслѣдованіе. Врачъ, освидѣтельствовавъ однодворца, пашель два небольшія багровожелтоватыя пятна, которыя, при хорошемъ состояніи здоровья однодворца, *худыхъ послѣдствій на дальнѣйшую жизнь его вообще имѣть не могли*. Жена однодворца, въ поданной пачальнику губерніи просьбѣ, повторила жалобу мужа, объявивъ уже, что онъ наказанъ ста ударами розъ. По вопросу слѣдователя, помѣщикъ отвѣчалъ, что, по троекратнымъ требованіямъ его, однодворецъ съ дерзостію отказался отъ явки на мызу, для объясненій противъ поступившей на него словесной жалобы вдовы-еврейки, у которой обиженный по договору,—обработывалъ поля помѣщика, содержимыя тою еврейкою въ арендѣ. Это заставило послать за нимъ четырехъ человекъ, съ коими однодворецъ пришелъ уже добровольно; но, когда на вѣжливые вопросы сталъ грубить помѣщику, то и наказанъ имъ нѣсколькими ударами розогъ за оскорбительныя выраженія; и что тотъ-же однодворецъ, послѣ наказанія, на обратномъ пути домой, обидѣлъ взаимно помѣщика самыми дерзкими и поносительными словами. Это подтвердили на допросахъ четверо кресъянъ; самъ-же однодворецъ объявилъ, что онъ могъ говорить дерзости помѣщику, но въ чемъ заключались его выраженія, не упомянуть; что, для удобнѣйшаго доставленія къ помѣщику, его никто не вязалъ; что за ругательства, произнесенныя послѣ наказанія, онъ былъ задержанъ вновь, но покорился помѣщику, и имъ освобожденъ; на послѣдокъ, что его наказали, какъ полагаетъ, болѣе, чѣмъ пятидесятью ударами.

“Судебное мѣсто, сообразивъ обстоятельства дѣла съ законами, нашло: ‘По точному смыслу примѣчанія 2094, ст. книги I, т. XV Уложения о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ, изданія 1857 г., кто за обиду ему нанесенную, нанесетъ оскорбившему его такую-же или менѣе тяжкую обиду, тотъ теряетъ право приносить на него за сіе жалобу; слѣдовательно, жалоба однодворца, отзывавшагося къ помѣщику, прежде наказанія и послѣ того, поносительными выраженіями, за силою вышеприведеннаго закона, должна быть оставлена безъ послѣдствій.’

“Вотъ истинныя обстоятельства дѣла однодворца съ помѣщикомъ и содержаніе судебного рѣшенія.

“На сколько судъ оказалъ въ описанномъ дѣлѣ присгратіи или правосудія, мы разсуждать не беремся, предоставляя это спеціальнымъ юристамъ... Однако и намъ не запрещено замѣтить, что въ дѣлѣ не оказалось, ни двухъ согъ розогъ, ни того, чтобъ однодворецъ былъ доставляемъ къ помѣщику связаннымъ, а только видно, что въ напечатанной замѣткѣ, изъ рѣшенія, послѣ словъ: ‘слѣдовательно, жалоба однодворца,’ выброшены слова: ‘отзывавшагося къ помѣщику прежде наказанія и послѣ того, поносительными выраженіями.’”—(Свв. Пчела.)

— Вторая исторія состоитъ въ томъ, что Доминикъ Тарновскій управляющій домомъ князя Вяземскаго въ С.-Петербургѣ, жаловался публично въ газетахъ, что онъ былъ арестованъ, отосланъ въ часть, потомъ въ острогъ, за то что напомнилъ полицейскому, что дымъ имѣетъ обычай идти изъ трубъ вверхъ, а не внизъ. Вотъ фактъ. *Сверная Почта*—Мониторъ управы благочинія помѣстилъ длинную объяснительно-оправдательную промеморію, писанную со всѣми увертками полицейской развязности, начиная съ паспорта и оканчивая мятежнымъ духомъ петербургскаго народа. Вотъ какъ объясняется арестъ:

“2 Іюня сего года, полицмейстеръ I отдѣленія, вмѣстѣ съ главнымъ врачомъ полиціи и надзирателемъ 4 квартала 3-й части, осматривали въ домѣ князя Вяземскаго гусачныя заведенія, производящія нестерпимый запахъ и самыя вредныя испаренія. При осмотрѣ этомъ полицмейстеръ выразилъ свое мнѣніе, что при удушливомъ смрадѣ, происходящемъ отъ гусачныхъ заведеній, они положительно вредны въ домѣ князя Вяземскаго, способствуя болѣе еще зараженію воздуха. Въ это время мѣщанинъ Тарновскій, находившійся вблизи, перебилъ полицмейстера, и громкимъ, рѣзкимъ голосомъ, въ виду большаго стеченія народа и обычныхъ жильцовъ дома Вяземскаго сказалъ: ‘господинъ полковникъ, воздухъ идетъ не къ низу, а вверхъ.’ Полицейстеръ, не зная, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, предложилъ ему молчать, не вмѣшиваться въ объясненія свидѣтельствующихъ лицъ, и продолжалъ свой осмотръ; но Тарновскій снова подошелъ къ полицмейстеру и съ наглостію и раздраженіемъ повторилъ еще громче прежняго: ‘Полковникъ! слышите-ли, я вамъ говорю: воздухъ идетъ къ верху, а не къ низу.’ Если слова эти, сказанныя въ первый разъ, выражали, со стороны Тарновскаго, неуваженіе къ офицеру полиціи, то повторенныя въ томъ видѣ, какъ заявили ихъ всѣ очевидцы дѣла, становились дерзостію; и если принять въ соображеніе *нравственное настроеніе умовъ простаго класса народа*, въ виду котораго происходила эта сцена (это было нѣсколько дней спустя

послѣ пожаровъ, взволновавшихъ все населеніе города), то выходка Тарновскаго не можетъ назваться иначе, какъ преступленіемъ. Полицмейстеръ спросилъ его послѣ этого: “Кто вы такой?” Тарновскій подошелъ къ полицмейстеру такъ близко, что тотъ долженъ былъ отступить, и закричалъ: “Я—гражданинъ!” Подобная сцена не могла и не должна была продолжаться долѣе, и полицмейстеръ сдѣлалъ распоряженіе о зарестованіи Тарновскаго, о чемъ тутъ-же на мѣстѣ составленъ былъ актъ, представленный имъ въ тотъ-же день оберъ-полицмейстеру. Съ этой минуты вся отвѣтственность дальнѣйшаго хода этого дѣла отстраняется отъ полицмейстера.”

— Третье дѣло, помѣщенное рядомъ съ милымъ полицейскимъ, который за громкій голосъ арестуетъ и съ ясновельможнымъ паномъ, который за дерзость сбьетъ, а судъ ему потакаетъ, является смиренный еврей, бросившій свою жепу, явнымъ образомъ изъ видовъ принявшій христіанство, женившійся на другой женѣ, и объявившій, чтобы насолить своей первой женѣ — что онъ желаетъ окрестить ребенка прижитаго съ ней. Духовенно вѣдомство обращается къ полиціи, еврейку тащутъ въ городъ, она ребенка не даетъ; ее сажаютъ въ острогъ, и наконецъ полиція креститъ ребенка во имя Отца и Сына и Св. Духа... Это доходитъ до журналовъ, они печатаютъ; но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ городничій отвѣчаетъ, что эта вся исторія—вздоръ; что только правды и есть, что отецъ просилъ, что полиція по приказу епархіальнаго начальства крестила, и что мать сначала сидѣла въ части, потомъ въ острогѣ — но очень *удобно* (комфортъ русскихъ тюремъ извѣстенъ!).

ДѢЛО ДЯКОНОВА, ТРУВЕЛЛЕРА И ПРОЧ.

№. 470, 3 Ноября 1862 года. Морской генералъ-аудиторіатъ, разсмотрѣвъ военно-судное дѣло о гардемаринѣ 8-го флотскаго экипажа, Владимірѣ Дяконовѣ, преданномъ суду по обвиненію въ распространеніи возмутительныхъ сочиненій, нашелъ его виновнымъ въ томъ, что онъ имѣлъ у себя сочиненія русской печати въ Лондонѣ, враждебныя по цѣли ихъ, общественному порядку въ Россіи, и не представилъ ихъ начальству. За преступленіе это генералъ-аудиторіатъ, руководствуясь 299, 312 ст. II. кн., 78, 80 и 81 ст. I. кн. св. мор. угол. пост. и по силѣ 279, 285, 286 и 62 ст. I. кн., XV т. св. зак., полагалъ: гардемарина Дяконова выдержать подъ арестомъ въ крѣпости три мѣсяца; затѣмъ оставить подъ строгимъ надзоромъ ближайшаго начальства, и обойти одинъ разъ производствомъ въ офицеры. Изъ прикосновенныхъ къ дѣлу сему лицъ оказались виновными: 1) командиръ фрегата “Олегъ”, капитанъ 2 ранга Андреевъ 2 въ слабомъ исполненіи лежавшихъ на немъ обязанностей по надзору за гардемаринами; въ непринятіи всѣхъ соотвѣствующихъ мѣръ противу дѣйствій юнкера Трувеллера, послѣ изобличенія его въ раздачѣ нижнимъ чинамъ книжекъ возмутительнаго содержанія, такъ-какъ опъ, Трувеллеръ, хотя и былъ за это арестованъ, запрещеніемъ ему сѣзда съ фрегата, но оставался на немъ свободнымъ кромѣ-того, въ дозволеніи ему сѣзжать на берегъ, по прибытіи фрегата въ Кронштадтъ, и въ томъ, что не успѣвши немедленно донести начальству о преступленіи Трувеллера. 2) Старшій офицеръ фрегата “Олегъ”, лейтенантъ Ермолаевъ 1-й, въ недостаточномъ исполненіи обязанностей, по званію его,

относительно надзора за гардемаринами, что особенно лежало на немъ по силѣ 323 ст. мор. уст.; въ допущеніи, посему, безпорядковъ, чтенія запрещенныхъ сочиненій и неумѣстныхъ разсужденій по нимъ, которыя происходили между гардемаринами въ каюткомпаніи, чего не могло бы быть при болѣе-строгомъ пониманіи своихъ обязанностей со стороны лейтенанта Ермолаева 1, какъ опредѣлены онѣ въ морскомъ уставѣ. 3) Служившіе на фрегатѣ “Громобой”, лейтенантъ Яновъ, капитанъ корпуса штурмановъ Дьяконовъ, лекарь Георгіевскій и гардемаринны (нынѣ мичманы) Корня и Давыдовъ обвиняются въ томъ, что имѣли у себя недозволенные у насъ сочиненія, въ числѣ коихъ не было, впрочемъ возмутительныхъ воззваній. Генералъ-аудиторіатъ полагалъ: капитану 2 ранга Андрееву 2 сдѣлать строгій выговоръ, а лейтенанту Ермолаеву 1-му сдѣлать выговоръ и устранить его, на двѣ кампаніи, отъ должности старшаго офицера, со впесеніемъ обоимъ штрафовъ въ формулярные ихъ списки. Лицъ-же, поименованныхъ прикосновенными въ 3-мъ пунктѣ, на которыхъ, по дѣлу, не представляется никакихъ даныхъ къ подозрѣнію въ преступныхъ намѣреніяхъ, полагалъ, слѣдуя 1,371 ст. I кн., XV тома, предоставить начальству, за привозъ запрещенныхъ сочиненій, арестовать, въ административномъ порядкѣ, на одну недѣлю, съ содержаніемъ на гауптвахтѣ. Положеніе это, на основаніи 397-й ст., 2 кн. св. мор. угол. пост., я повергалъ на высочайшее благоусмотрѣніе государя императора, и на всеподданнѣйшемъ докладѣ послѣдовала, 22-го минувшаго Октября, собственноручная его императорскаго величества конфирмація. “Быть по сему”.

— Ну а что-же сдѣлали съ Трувеллеромъ? — Ред.

СМѢСЬ.

ГЕНЕРАЛЪ-ГУБЕРНАТОРЪ КОДЕБУ.*

Вѣроятно нашимъ читателямъ интересно будетъ знать о человѣкѣ, котораго государь назначаетъ на мѣсто Воронцова и Строгонова. Вотъ что напечатано было въ *Русскомъ Заграничномъ Сборникѣ* подъ заглавіемъ “Нѣмцы и Дунай”:

“Впереди всѣхъ заслугъ и достоинствъ этого человѣка стоитъ его нѣмецкое происхожденіе. Нѣмецъ тѣломъ; нѣмецъ душою, человѣкъ этотъ съ бездарностію и терпѣніемъ дошелъ до степени извѣстности.

“Ростомъ два аршина безъ вершка, чисто вымытая, выбритая, приглаженная мнѣиатурная фигура генерала Кодебу, съ безжизненными глазами, со всегдашнею, неизменною улыбкою есть первая ступень отъ командующаго войсками въ арміи.

“Зналъ я одного старика нѣмца, человѣка почтеннаго, который разсказывалъ мнѣ по секрету, что кромѣ десяти заповѣдей, данныхъ всему христіанскому міру, есть еще особая заповѣдь, написанная для нѣмецкаго поколѣнія живущаго на святой Руси. Главнѣйшія основанія этой заповѣди заключаются:

“Возлюби нѣмецъ-нѣмца, паче Бога твоего и отчизны твоей!..

“Береги нѣмецъ-нѣмца, покровительствуй собрату своему, поддержи его въ нуждѣ и напасти, и буде ты избрался высоко по лѣстницѣ міра сего, тащи за собою соплеменниковъ твоихъ, и со всею вѣжливостію и осторожностію толкай и дави

* “Nord” говоритъ, что назначеніе Кодебу измѣнено, и что онъ ѣдетъ на Кавказъ, начальникомъ штаба при Мих. Ник.

племя сильное, могучее, хозина на земли русской! Съ врагомъ могучимъ, дѣйствуй осторожно, въ борьбу открытую съ нимъ не вступиай, но дразни его постоянно. У сильнаго человѣка всегда недостатокъ въ терпѣніи—выйдетъ изъ себя потеряетъ голову, и тогда не зѣвай!....

“Чтобы взойти на степень высокую, терпи, трудись, исполняй волю и прихоти старшаго и одинаково смиряйся передъ умомъ и глупостію твоего начальника.

“Всякій нѣмецъ долженъ тщательно избѣгать отвѣтственности, стараясь свалить ее на опрометчивость русскаго старшаго или младшаго—все равно. Старшій приказалъ, младшій не разумѣлъ твоихъ приказаній! съ младшими будь вѣжливъ, человѣку рабочему улыбокъ не жалѣй, называй его почтеннѣйшій, любезнѣйшій.... но при всякой возможности гни его въ дугу, ломай—но улыбайся!...

“Если кто изъ собратій твоихъ попадется въ бѣду—отстаивай его осторожно—дай пройти неудачѣ собрата и снова тани его въ гору, приписавъ бѣду случайности.

“Длинна заповѣдь нѣмецкая, всего не припомнишь!

“Много есть нѣмцевъ на святой Руси, которые прожили и прослужили русскому царству, не слышавъ объ заповѣди этой, то славные нѣмцы, то нѣмцы русские, изъ которыхъ бываютъ и такіе, про которыхъ говорятъ: нѣмецъ какихъ русскихъ мало.

“Павелъ Евстафьевичъ Коцебу по прибытіи къ штабу войскъ сформированной арміи, при первомъ представленіи чиновъ штаба съ любезностію немного шекотливой для русскаго, обратился къ небольшому еще тогда числу наличныхъ нѣмцовъ и потомъ усердно и дѣятельно занялся формированіемъ своей колоніи, члены которой весьма скоро замѣстили должности адъютантовъ и ординарцевъ.

“Громадная репутація Павла Евстафьевича какъ генерала, составленная въ Варшавѣ и на Кавказѣ, можетъ заставить думать что человѣкъ говорящій противъ него, —противу общаго мнѣнія,—былъ руководимъ или какою-либо личностію, пристрастіемъ или предубѣжденіемъ. Напротивъ, личныя отношенія маленькаго по чину человѣка, говорящаго съ такою рѣзкостью о Коцебу, были съ нимъ самыя пріятныя и другихъ оскорбленій, кромѣ “почтеннѣйшій да любезнѣйшій” онъ не слыхивалъ.

“Павелъ Евстафьевичъ принадлежитъ къ числу тѣхъ бездарныхъ и улыбающихся нѣмецкихъ личностей, которыя весь вѣкъ служатъ и живутъ по разъ принятой системѣ; *терпѣніе и осторожность* — два рычага ихъ службы и жизни.

“Съ малаго чина точный исполнитель воли старшаго, всегда осторожный, всегда съ чужимъ и хорошо обдуманымъ мнѣніемъ, онъ съ улыбкою и увѣренностію человѣка необходимаго въ минуты трудныя являлся къ старшему, завлаживалъ его довѣріемъ и разъ утвердившись во мнѣніи старшаго — и общемъ — начиналъ составлять отдѣльную колонію мнѣній въ подрывъ своего старшаго и въ пользу свою. Въ колонію эту кромѣ нѣмцовъ вписывались прихвостники всѣхъ возможныхъ націй—большинство составляли—русскіе болтуны, любители крестовъ и наградъ.

“Главнокомандующій Кавказа едва отбожился отъ своего начальника штаба.

“Чтоже сдѣлалъ Павелъ Евстафьевичъ, что придумалъ, что создалъ?... онъ весьма искусно цѣлую жизнь свою ко всему

придуманному и созданному другими придавалъ любезную свою улыбку—присутствіе этой улыбки заставляло вездѣ и во всемъ видѣть Коцебу.*

“При нерѣшительномъ, но благородномъ и рыцарскомъ характерѣ князя Горчакова, ему нуженъ помощникъ—человѣкъ рѣшительный, прямой, смѣлый, предприимчивый и умный. Не “какъ прикажете и слушаюсь”! долженъ говорить пачальникъ штаба. Всякое дѣло онъ долженъ обсудить, обдумать и принести его уже разсмотрѣнное со всѣхъ сторонъ, отстоять справедливое и законное, не бояться сказать мнѣніе чужое, если оно хорошо—и не стараться окружить князя одною только личностію, а предоставить въ дѣлѣ общей пользы говорить и дѣйствовать тѣмъ изъ лицъ, которыя имѣя опытъ и значительныя части войскъ въ своемъ распоряженіи могутъ быть полезными вкладчиками въ общее дѣло.

“Иначе дѣйствуетъ генералъ Коцебу—онъ боится кого-либо допустить къ князю, караулить приходъ всякаго, кого подозрѣваетъ въ смыслѣ,—боится Липранди, боится Затлера, боится даже Бутурлина”.

— *Тупое Злодѣйство.* Въ г. Петропавловскѣ, тобольской губерніи, взятъ былъ безъ письменнаго вида одинъ татаринъ, Аймагометъ Айджарыковъ, слѣпой на оба глаза. При допросѣ онъ не могъ ничего сказать ни о мѣстѣ своего рожденія, ни о принадлежности къ какому-нибудь обществу, потому что будучи еще ребенкомъ (ослѣплъ-же онъ, какъ надо полагать, во время оспы, которой очень явственные слѣды остались на лицѣ), взятъ былъ кѣмъ-то изъ дому родителей и проживалъ съ нимъ въ разныхъ мѣстахъ, а наконецъ приведенъ имъ-же въ Петропавловскъ для сбора подаяній. Поэтому, какъ не открывшій своего происхожденія, рѣшеніемъ петропавловской полиціи, состоявшимся 2-го Апрѣля 1862 года, утвержденнымъ г. начальникомъ губерніи 15 Мая, заключено: *за бродяжество*, на основаніи 618—632 ст. устава о бѣглыхъ, 808 и 816 ст. XIV т. устава о ссыльныхъ, *наказать его плетью двадцатью ударами, и по наложеніи на правой рукѣ ниже локтя клейма Б., какъ неспособнаго по слѣпотѣ ни къ какимъ работамъ, сослать на поселеніе въ отдаленныя мѣста Восточной Сибири.* Рѣшеніе это въ присутствіи петропавловской градской полиціи 24 Мая Айджарыкову объявлено съ подпискою, изъ которой видно, что онъ остался имъ доволенъ. — Согласно этому рѣшенію Айджарыковъ 29 Мая наказанъ и заклеменъ. Въ статейномъ спискѣ, въ графѣ озаглавленной—какъ долженъ слѣдовать въ дорогѣ: *закованнымъ или подъ однимъ присмотромъ, отмѣчено — закованнымъ.* Такимъ образомъ слѣпца отдули, заклемили и прислали въ губернское правленіе для отсылки въ Восточную Сибирь. Буква закона соблюдена и совѣсть чиста. Губернское правленіе однакожъ рѣшилось приостановить исполненіе третьей части приговора и представило куда слѣдуетъ, что

* Одинъ очевидецъ разсказалъ мнѣ весьма замѣчательный разговоръ князя Долгорукова съ генераломъ Коцебу. При осадѣ Салты общія распоряженія осады возложены были на генерала Коцебу подъ его руководствомъ велись мины и подкопы. Послѣ одной рекогносцировки, колонны вѣдомыя на приступъ Долгорукинымъ -Аргутинскимъ были отбиты, Аргутинскій былъ раненъ и съ окровавленнымъ лицомъ встрѣтился съ Коцебу, который съ милою неизмѣнною улыбкою началъ говорить князю, что колонны не такъ были построены. “Нѣтъ, ваше превосходительство, не колонны, отвѣчалъ ему князь, а рекогносцировка виновата. Конечно, жизнь ваша дорога для отечества, еще болѣе для многочисленнаго семейства; но я полагаю, что когда дѣло идетъ объ участіи цѣлаго отряда, то можно-бы по меньше заботиться о своей собственной”!...

арестантъ Айджарыковъ по совершенной слѣпотѣ не можетъ безъ *посторонней помощи* идти далѣе въ Сибирь и требуетъ для себя особаго вожаго, а если даже и съ *проводникомъ* будетъ доставленъ въ Восточную Сибирь, то и тамъ, по совершенной слѣпотѣ, долженъ будетъ поступить для при-зрѣнія въ благотворительное заведеніе или снова отправиться нищенствовать съ проводникомъ и можетъ вторично судиться за бродяжество. Предписали врачебной управѣ освидѣтель-ствовать дѣйствительно-ли онъ слѣпецъ, и та нашла его такимъ-же какъ и губернское правленіе. И такъ несчастный избавился отъ путешествія въ Восточную Сибирь, потому только, что нашлись люди между бюрократами, которые рѣшились не придерживаться буквы закона. При этомъ естественно рождается вопросъ: слѣдуетъ-ли считать бро-дягой человека, который ослѣпъ въ малолѣтствѣ и съ того времени находился во власти другихъ, будучи совершенно лишенъ собственной воли? Въ законахъ нашихъ случай этотъ не предусмотрѣнъ.—(Сов. Лѣт.).

— *Канцлеръ Памфлетистъ*.—Благодаря *Правдолюбивому* мы узнали (10 No.) что и горчаковский Journal de St.-Petersbourg пустился по слѣдамъ Шедо-Фероти, Каткова и Елагина и обругалъ издателя *Колокола* на чопорныхъ листахъ своихъ. Куда-же пошли уроки Талейрана, который обучалъ Горчакова тайнѣ учтию и сообразно силѣ и слабости гостей предлагать говядину? гдѣ осторожность дипломата, умѣвшаго быть другомъ Декабристовъ и слугою Николая. Охота-же ему вѣтхому потами и протоколами вступать боксеромъ за министерство иностранныхъ дѣлъ, тамъ гдѣ *три отдѣленія* бойцевъ, не согласные между собой—какъ одинъ кулакъ защищаютъ тронъ. Партія *Русскаго Вѣстника*, партія *Нашего Времени* и партія *Прошлаго Времени* (т. е. прежнихъ друзей издателей *Колокола*), уговорившая, какъ намъ пишутъ, Солдатенкова перепечатать въ сборникъ статей г. Чичерина—его письмо къ издателю *Колокола*. Ну гдѣ-же вамъ князь на старости лѣтъ угонятся за сими ярыми бойцами? Переводныя ругательства вашего французскаго журнала не имѣютъ пикантнаго *savoir'a* и *haut-goût* измѣны и преда-тельства, вы ими не предаете позору всю вашу юность, всѣ благородныя воспоминанія вашей жизни.†

— *Daily Telegraph* отъ 19 Ноября сообщаетъ нѣкоторыя подробности о Фелькнерѣ, шпіонѣ убитомъ въ Варшавѣ. Сынъ нѣмецкаго купца, онъ дослужился до капитанскаго чина, былъ исключенъ изъ службы за воровство и опредѣленъ въ Варшаву *надзирателемъ* и учителемъ русскаго языка въ какой-то школѣ. Это было при Николаѣ. Такого человека не могъ не оцѣнить Вѣлепольскій: онъ его сдѣлалъ однимъ изъ главныхъ шпіоновъ. Поляки казнили своимъ судомъ эаго "scoundrel," какъ его называетъ *Daily Telegraph*. Между прочимъ ему отрѣзали уши: "Кого глазъ искушаетъ, тому лучше глазъ исторгнуть"; кто подслушиваетъ, явнымъ образомъ подвергается опасности уши. Урокъ данный правительственному мошеннику строгъ, но справедливъ.

* Independence.

† Мы благодаримъ неизвѣстному корреспонденту "Правдолюбиваго" за то, что вступился за насъ. Но признаемся, были-бы еще благодарны, еслибъ онъ не только вступался, но и читалъ бы что мы пишемъ. Гдѣ, въ какомъ сочиненіи, въ которомъ листъ "Колокола" "другъ правды" вычиталъ желаніе подчинить ма-ло-россо-въ и вообще кого бы то ни было Польшѣ? Помпуйте, давно-ли мы печатали, конечно десятый разъ, наше profession de foi "къ русскимъ офицерамъ." Хоть бы вы взглянули господу какъ насъ отблываетъ "Бачиость" за противоположное и тоже несправедливо.—Ред.

— Официальная часть газетъ, по новому распоряженію, подлежитъ ценсурѣ на равнѣ съ неофициальною; и такъ отнынѣ цензора будутъ подписывать одобрение къ печатанію высочайшихъ указовъ и правительственныхъ распоряженій!

— *Сѣверная Пчела* (въ 317 No.) перепечатала изъ *Сына Отечества*, взявшаго изъ *Independance*, перепечатавшей изъ *Constitutionel*'я (каковъ чистый родникъ новостей объ Россіи, для русскихъ журналовъ?) слѣдующую вѣсть изъ Варшавы: "Газета *Колоколъ*, издающаяся въ Лондонѣ, напечатала въ одномъ изъ своихъ послѣднихъ номеровъ письмо, написанное, будто-бы русскими офицерами къ в. к. Константину Николаевичу, съ цѣлью объявить ему, что если произойдетъ возстаніе въ Варшавѣ, или въ какой нибудь изъ польскихъ областей, то армія откажется прекратить его, или же рѣшится на это съ величайшимъ отвращеніемъ. Письмо это было *подложное*. Когда *Колоколъ* былъ полученъ въ Варшавѣ, то в. к. рѣшился на очень простую мѣру; онъ ограничился тѣмъ, что велѣлъ прочесть мнимое письмо передъ всѣми полками и во всѣхъ базармахъ. На другой день, 16-го (4-го) Ноября, офицеры просили у в. к. позво-ленія явиться къ нему, чтобъ *встѣмъ вмѣстѣ, безъ всякаго исключенія*, принести ему увѣреніе въ ихъ преданности, и протестовать, въ то же время, противъ злоупотребленія ихъ именами. В. к. немедленно ихъ принялъ; онъ сказалъ имъ, что хотѣлъ сообщить имъ напечатанное письмо, именно для того, чтобъ засвидѣтельствовать имъ свое довѣріе и доказать его полное убѣжденіе въ томъ, что при всякомъ случаѣ они останутся вѣрны законамъ военной чести".—(Сынъ Отеч.)

А вѣдь новость-то эта не смотря на авторитетъ *Constitutionel*'я и *Independance* оказывается чуть-ли не *подложнымъ* адресомъ, который у насъ есть съ подписями. Во всякомъ случаѣ комитетъ русскихъ офицеровъ въ Польшѣ, будетъ очень благодаренъ в. к. за распространеніе ихъ адреса по полкамъ и казармамъ. Нельзя-ли эту новую пропаганду рас-пространить на письмо комитета къ русскимъ офицерамъ—и вообще на *Колоколъ*?

— *Нашего полка прибыло*.—Въ концѣ Ноября вышелъ 1 No. русскаго журнала, издаваемого кн. П. Долгорукимъ въ Брюсселѣ, подъ заглавіемъ "*Листокъ*". "*Листокъ*" будетъ выходить два раза въ мѣсяцъ. Кн. Долгоруковъ сообщаетъ, что г. Блюммеръ будетъ продолжать свое "Свободное Слово" въ Брюсселѣ и печатать его въ новой русской типографіи, заведенной издателемъ "*Листка*".

Желаемъ искренно успѣха обоимъ органамъ и типографіи.

— Въ Лейпцигѣ у Брокгауза вышла вторая часть "Библіотеки Русскихъ Авторовъ," (первая часть заключила въ себѣ собраніе сочиненій К. О. Рылѣева. Во второй части собраны нѣсколько стихотвореній другихъ Декабристовъ: С. П. Муравьева-Апостола, кн. А. И. Одоевскаго, Г. С. Батенькова, В. К. Кюхельбекера, А. А. Вестужева, и Н. П. Лоррера.

— Изъ Германіи получены въ *Общій Фондъ*—12 фунт. 10 шил., 6 рублей, 6 фунт. 3 шил. и 105 фран. съ особымъ назначеніемъ, которые и переданы по принадлежности. Въ Лондонѣ получены 1 фунт. 10 шил.

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи, 136 & 138 Caledonian Road, London, N.

ОГЛАВЛЕНИЕ КОЛОКОЛА

ЗА

1862.

№. 118.—1 Января.

Mortuos Plango. Н. И. Пироговъ. Смѣсь : Гоненія евреевъ въ Литвѣ. Московскіе студенты. Иродъ Панинъ. Путьицъ какъ ораторъ. Академикъ Пшавловъ. Упорная болѣзнь. М. А. Бакунинъ въ Лондонѣ.

№. 119 & 120.—15 Января.

М. А. Бакунинъ. Головинъ министр просвѣщенія. Матеріалы для исторіи гоненія студентовъ при Александрѣ II. (VIII и IX). Защита московскихъ профессоровъ. Памяти Добролюбова (стихотвореніе). Еще о дремучемъ дѣлѣ (окончаніе). Смѣсь : Профессоръ Шаповъ. Литературный вечеръ. Похищеніе студента. Политическія гоненія. Процессъ кн. П. В. Долгорукова. Злодѣй капитанъ русскаго корабля. Извѣщеніе. Михайловъ и студентское дѣло (прибавленіе).

№. 121.—1 Февраля.

Мясо освобожденія. Юбилей. Матеріалы для исторіи гоненія студентовъ при Александрѣ II, (X и XI). Смоленское дворянство. Смѣсь : Антологія изъ русскихъ газетъ. Еще о "Генералъ-Адмиралѣ." Можно-ли съѣсть тѣхъ, кого нельзя съѣсть. Подчиненные давали обѣдъ. Второй разъ о злодѣй-капитанѣ. Объявленіе кн. П. Долгорукова. Обмѣнъ журнала.

№. 122 & 123.—15 Февраля.

Ходъ судебъ. Сказаніе о Бездвинскомъ побойщѣ. Смѣсь : Капитанъ-палачъ. Письмо Ф. И. Лебедева. Политическое преслѣдованіе въ Пруссіи. Дворянская Крамола. Придворныя извѣстія. Княжевичъ. Олигархъ Павловъ. Топъ русскихъ газетъ. О считаніи Н. П. Огарева вѣчнымъ изгнанникомъ. Не будь ни А. Пелесовъ ни Павловъ. Возобновленіе клейма. Полтавская битва за уставную грамоту. Помѣщикъ Реутъ. Статья М. А. Бакунина.

№. 124.—1 Марта.

Адрессъ петербургскаго дворянства. О Казакахъ Некрасовцахъ. Сказаніе о Бездвинскомъ побойщѣ въ казанской губерніи (продолженіе). Мировой посредникъ и немирные плантаторы. Русская заграничная литература.

№. 125.—15 Марта.

Императорская ложа и отпороженная рука солдата. Ученая Москва. Исторія въ Петербургской Духов. Академіи. Сказаніе о Бездвинскомъ побойщѣ (окончаніе). Смѣсь : Филаретъ, митрополитъ московскій. Ятаганъ убитый аукціономъ! Еще русскій журналъ. Безъ часокъ. Прогрессъ.

№. 126.—22 Марта.

Адрессъ тверскаго дворянства. Донесеніе московскихъ профессоровъ. Исторія въ Петербургской Духовной Академіи (окончаніе). Смѣсь : Циркуляры мн. в. д. Валуева. Мировые посредники тверской губерніи. Прогрессъ въ Россіи.

№. 127.—1 Апрѣля.

Изъ Смоленска. Тѣлесныя наказанія. Доносъ московскихъ профессоровъ (окончаніе). Еще о московскомъ университетѣ. Смѣсь : Взглядъ на дѣла Россіи. Письма, отвѣты и проч. Прогрессъ въ почтѣ. Александръ Замоискій.

№. 128.—8 Апрѣля.

Финансовая Реформа въ Россіи. Еще о Московскомъ Университетѣ (окончаніе). Изъ Витебска до Ковна. Смѣсь : Латышевъ. Нѣсколько словъ Южнымъ Славянамъ. Солидарность съ Нѣмцами. Мальчишки въ Твери. Брошюра Шедо-Феротти. Извѣщеніе.

№. 129.—15 Апрѣля.

Профессора Петербургскаго Университета и Павловъ. Протоколы Тверскаго Дворянства. Финансовая Реформа въ Россіи (окончаніе). Изъ Витебска до Ковна (продолженіе). Смѣсь : Земной Шаръ и Мерхелевичъ. Отъ Редакціи.

№. 130.—22 Апрѣля.

Сенаторамъ и Тайнымъ Совѣтникамъ Журнализма. Князь Орловъ и Филаретъ Митрополитъ. Изъ Витебска до Ковна (окончаніе). Смѣсь : Нѣмецкій Филаретъ и Русскіе Офицеры. Валуевъ и Проволка. Письмо г. Б... по дѣлу Мировыхъ Посредниковъ. Indépendance. Выборы Волынской Губерніи отложены. Интриги Дворян противъ кн. Суворова. Объявленія.

№. 131.—1 Мая.

Отвѣты М. М. Михайлова. Голосъ за Народъ (Письмо Помѣщика). Отъ Гражданскихъ Чиновниковъ. Изъ Сибири. Смѣсь : Загадки и Вопросы. Чудотворное дѣйствіе Императора. Similia Similibus.. Объясненіе.

№. 132.—8 Мая.

Письмо П. Мартынова. Голосъ за Народъ (Письмо Помѣщика). Суворовскіе Походы по грязямъ петербургскимъ.

№. 133.—15 Мая.

Отъ Издателей. Ultimatum. Голосъ за Народъ (окончаніе). Преображенскій Барятинскій и братья Шульгинъ. Въ защиту Баранцова. Смѣсь : Высочайшее освобожденіе отъ уплаты долговъ. Прокламація Офицерамъ. Смерть Пютровскаго.

№. 134.—22 Мая.

Куда и Откуда. Убіиства крестьянъ въ Пермской губерніи. Помѣщикъ Пятковъ и предводитель Хомутовъ. Смѣсь : Письмо г. Блюмера. Письмо къ Издателю. Студентъ И. Кельеиъ. Докторъ И. В. Енохинъ. Куда идутъ деньги Русскаго Народа. Въ контору Современника. Отъ Издателей.

№. 135.—1 Іюня.

Письмо отъ Офицеровъ. Москва намъ не сочувствуетъ. Руфинъ Пютровскій. Филаретъ и розги. Капитанъ Андреевъ и матросы. Еще Лашкаревъ Пермскій. Смѣсь : Отрывокъ изъ Письма Филарета къ Государю. Невостовства Синода. Равенство передъ Закономъ. Проектъ Зеленаго. Допухинъ и 2,400 рублей. В. А. Поджіо. Личное объясненіе, и пр.

№. 136.—15 Іюня.

Разчистка нѣкоторыхъ вопросовъ. Записки Руфина Пютровскаго (продолженіе). Филаретъ и розги (окончаніе). Матеріалы для гоненія студентовъ при Александрѣ II. Смѣсь : Новое злодѣйство стараго Панина. Панинъ и смѣшеніе половъ. Крестьянское дѣло.

№. 137.—22 Іюня.

Зарево. Разчистка нѣкоторыхъ вопросовъ (продолженіе). Матеріалы для исторіи гоненія студентовъ при Александрѣ II. Росписаніе доходовъ и расходовъ Министерства Удѣловъ. Смѣсь : Дурныя оружія. Новая тюрьма. Старая исторія. Что-то сдѣлаетъ Константинъ Николаевичъ въ Польшѣ? Злодѣйство Белевской помѣщицы Муромцевой. Отъ Редакціи.

№. 138.—1 Іюля.

Концы и Начала (Письмо первое). Разчистка нѣкоторыхъ вопросовъ, государственная собственность (продолженіе). Смѣсь : Москали въ Польшѣ. Отъ князя П. В. Долгорукова. Отъ Редакціи.

№ 139.—15 Июля.

Молодая и старая Россия. Константинъ Николаевичъ, Лидеръ, Аригольдтъ, и пр. Адлербергъ I. Смѣсь : Земская Дума. Примиряющее правительство. Подрачки Рускаго посольства въ Лондонѣ. Государь какъ Просвѣтитель. Князя безсребренникъ. Полушубки съ короткими рукавами. Павелъ Гагаринъ. Келлеръ. Письмо къ Каткову и Леоптьеву. Общее Вече. Отъ Издателей, и проч.

№ 140.—1 Августа.

Новые мученики. Концы и Начала (Письмо второе). Тверское дѣло. П. П. Гагаринъ. Шестидесять лѣтъ тому назадъ. Головинская цензура. Смѣсь : Министерская поправка. Подпоручикъ Григорьевъ. С.-Петербургскія Вѣдомости. Объявленіе. Новые переводы. Извѣщеніе.

№ 141.—15 Августа.

Отъ Издателей. Журналисты и террористы. Къ братьямъ Славянамъ. Хроника террора. Временно Обязанная Литература. Смѣсь : Правдивый, Правдолюбивый и В. Гергардъ. Списокъ лицъ, которыхъ правительство велѣло арестовать по возвращеніи изъ за границы. Осада Нижняго. Генералъ-губернаторъ Кушелевъ-Мявскій. Филипповичъ и Позень.

№ 142.—22 Августа.

Концы и Начала (Письмо третье). Кадетскіе корпуса. Головинъ и цензура (окончаніе). Смѣсь : Отставка св. Митрофанія. Первый и послѣдній дворянинъ. Балашевъ-Шуваловъ. Катковъ и пр.

№ 143.—1 Сентября.

Записки Декабристовъ. Исаидинъ Рамловъ. Висѣлица въ Варшавѣ. Мученики и мучители въ Польшѣ. Терроръ. Единица по экзамену. Кадетскіе корпуса (продолженіе). Цензура. Смѣсь : Г-жи Чертова и Сухтина. Стрѣлки III Отдѣленія. Les misérables I

№ 144.—8 Сентября.

Концы и Начала (Письмо четвертое). Кадетскіе корпуса (окончаніе). Къ исторіи министерства государственныхъ имуществъ. Съ Юга. Смѣсь : Отвѣтъ "г. Поляку". Валувъ и Головинъ. Клевета. Правда-ли? Письмо Н. Жуковского. Поощреніе невѣжества въ Литвѣ. 300 р. с. въ Фондъ.

№ 145.—15 Сентября.

Концы!.. Концы!.. (Постскриптумъ къ четвертому письму). Умирать умѣютъ. С.-Петербургская нескромность. Изъ Грузіи. Поставка хлѣба на Кавказскую армію. Смѣсь : Наслѣдственный болѣзнь. Общій фондъ. Поджогъ въ Каменцѣ. Новая побѣда Путятинна. Stern Zeitung и Kladderadatch. Высокомѣріе побѣдителей надъ побѣжденными. Стихотвореніе Михайлова.

№ 146.—1 Октября.

Изъ Варшавы. Злодѣйства Какошкннхъ (Отца и Сына) Поставка хлѣба на Кавказскую армію (окончаніе). Свѣденіе о питейныхъ сборахъ въ Россіи. Смѣсь : ; ; ; Тысячелѣтіе и Шестидесятилѣтіе. Хмѣленскій Нѣмцы не были. La Cloche и пр.

№ 147.—15 Октября.

Центральному польскому комитету въ Варшавѣ. Русскимъ офицерамъ въ Польшѣ. Панихида въ Москвѣ. Н. Р. Цебриковъ. Изъ Москвы. Отвѣтъ на статью о Грузіи. Смѣсь : Философское управленіе Олонецкою губерніей. Обращеніе церквей въ сѣзжіе дворы. Константинъ Николаевичъ противъ безсмертія души. Нордъ и Самаринъ. О нижнихъ чинахъ. Пожалованіе землей. Тайныя типографіи. Боятся офицеровъ. Всего боятся. Гутцейту и пр.

№ 148.—22 Октября.

В. К. Константину Николаевичу отъ русскихъ офицеровъ стоящихъ въ Польшѣ. Концы и Начала (Письмо пятое). Правительственные проекты. Тайныя типографіи въ Петербургѣ. Изъ "Свобод. Слова" и пр.

№ 149.—1 Ноября.

Четвертый запросъ отъ Издателей "Колокола". Концы и Начала (Письмо шестое). Правительственные проекты. Образецъ бюрократическаго пустословія. Смѣсь : Смертный приговоръ. Отмѣна тѣлесныхъ наказаній. Головинская цензура. "Очерки". "День". Изъ русскихъ газетъ.

№ 150.—15 Ноября.

Разборъ основныхъ положеній преобразованія судебной части въ Россіи. Объявленіи въ учебныя войска сыновей оберъ-офицеровъ и чиновниковъ. Общій фондъ. Варварскіе приговоры. Изъ Варшавы. "Не мое дѣло". Съ кѣмъ война? Новый способъ лечить отъ чахотки.

№ 151.—1 Декабря.

Офицерамъ русскихъ войскъ отъ комитета русскихъ офицеровъ въ Польшѣ. Подтасованный наборъ. Разборъ основныхъ положеній преобразованія судебной части въ Россіи. Объявленіи сыновьяхъ оберъ-офицеровъ и чиновниковъ (окончаніе.) Раненые офицеры. Смѣсь : Письмо г. П. Новицкаго. Потеря сотрудника. Изъ Москвы. Приказы. Взысканіе. Сентенція. Макушинъ.

№ 152.—15 Декабря.

Пути! пути! Разборъ основныхъ положеній преобразованія судебной части въ Россіи. Военный министръ Милютинъ, какъ министръ просвѣщенія. Изъ Петербурга. Защитники. Замѣчанія на замѣтку о судебномъ приговорѣ. Дѣло Дьяконова, Трувеллера и проч. Смѣсь : Генералъ-губернаторъ Коцебу. Тупое злодѣйство. Канцлеръ панфлетистъ. "Daily Telegraph". "Сѣверная пчела". "Листокъ". Общій фондъ и проч.

ПОДЪ СУДЪ.

№ 13.—22 Апрѣля.

Генералы Огаревы золотопромышленники и Приложенія. Аппаловское дѣло.

ОБЩЕЕ ВѢЧЕ.

№ 1.—15 Июля.

Отъ издателей. Письмо къ вѣрующимъ всѣхъ старообрядческихъ и иныхъ согласій и сынамъ господствующей церкви. Ограбленіе церкви и людей. Хромцы. Купцы Сергіевского посада. Дѣло Сурнина. Уральское дѣло. Юность купца Сопелкина. Еще отъ издателей.

№ 2.—22 Августа.

Что надо дѣлать народу. Отвѣтъ плочу. Надбавка на оброчную подать. Синодъ начинаетъ преслѣдовать единовѣрческую церковь. Гоненія за бороду. Раздача народной земли.

№ 3.—1 Сентября.

Гоненія за вѣру. Заговоръ людей власти имущихъ противъ Народа.

№ 4.—15 Октября.

Тысячелѣтіе Россіи. Вдовство Священниковъ. Постановленія о Расколѣ въ царствованіе Александра II. Преслѣдованія Раскола. Мученики за народъ. Пожалованіе землею и проч.

№ 5.—22 Октября.

Что надо дѣлать духовенству. Тѣлесныя наказанія замѣняются смертною казнью. Губернскія и уѣздныя Думы.

№ 6.—1 Декабря.

Гоненія за вѣру (Письмо второе).

№ 7.—15 Декабря.

Отъ Издателей. В. К. Константину Николаевичу отъ русскихъ офицеровъ въ Польшѣ. Офицерамъ русскихъ войскъ отъ комитета русскихъ офицеровъ въ Польшѣ. Выборы старообрядцевъ въ сельскія должности. Уставныя грамоты. Объявленія.